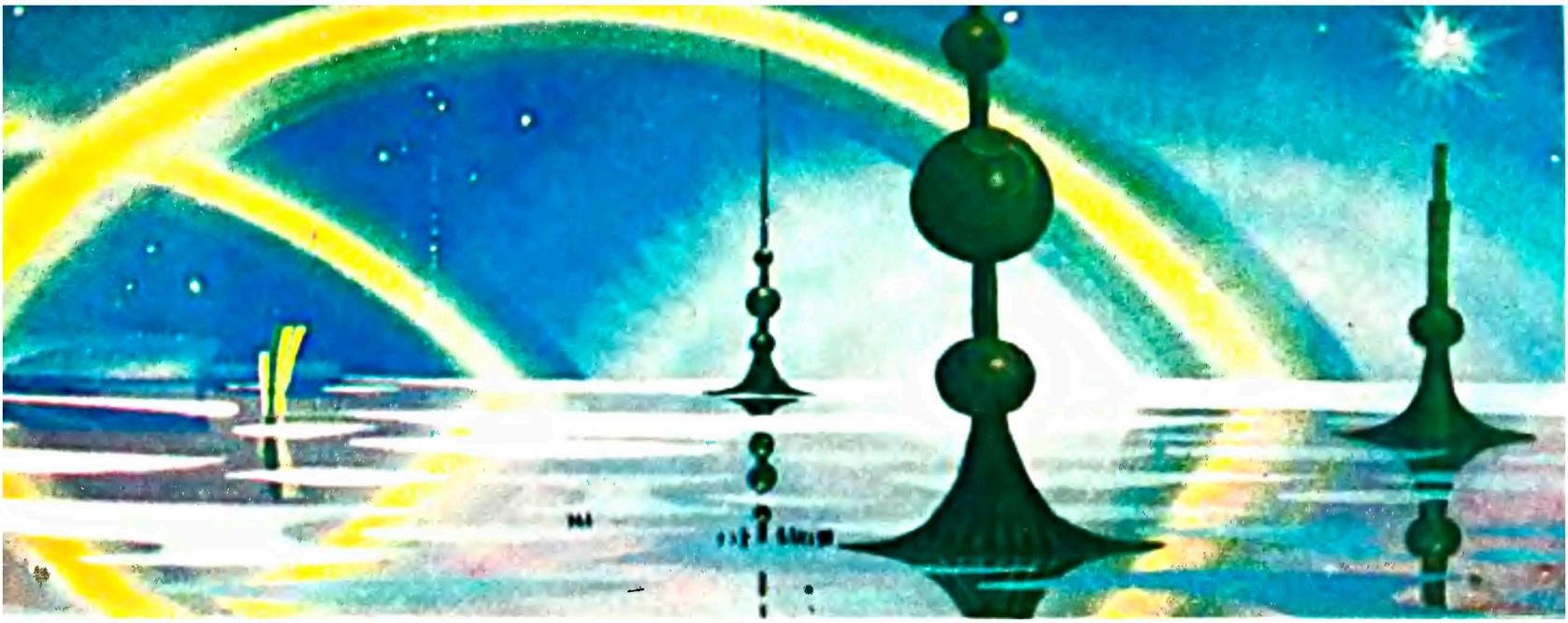
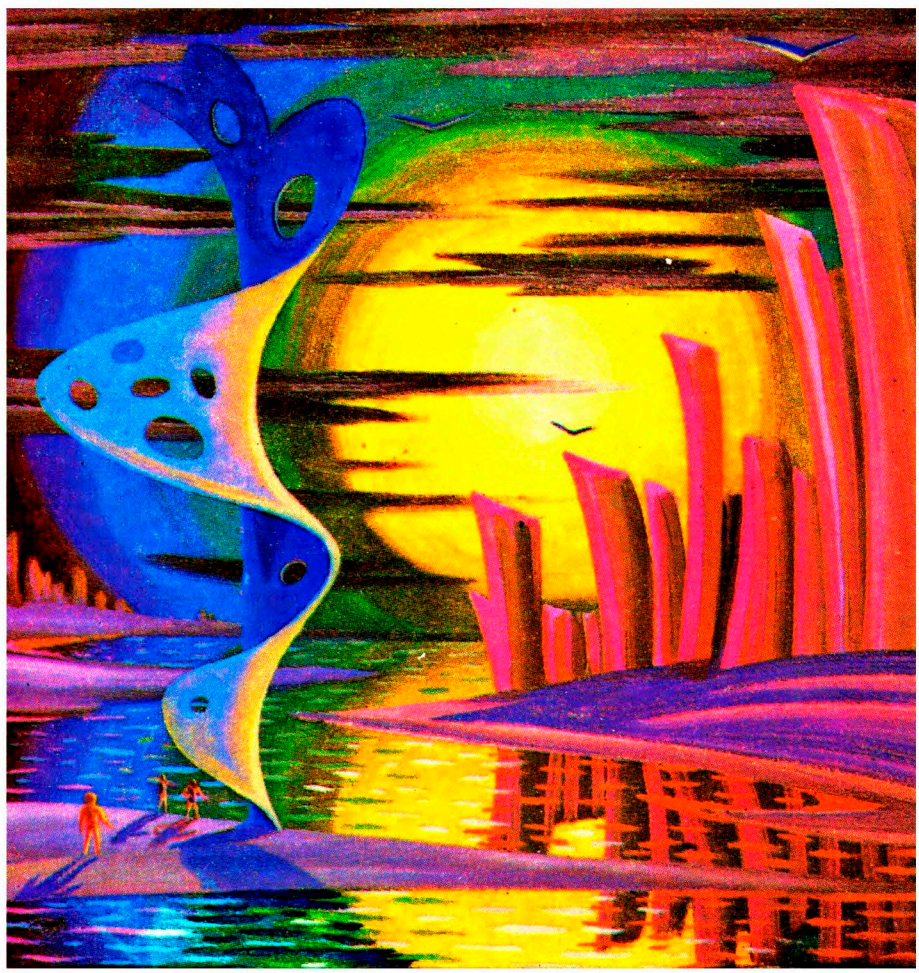
Техника — молодежи 1970

В.. Иващенко «Радуга космоса»

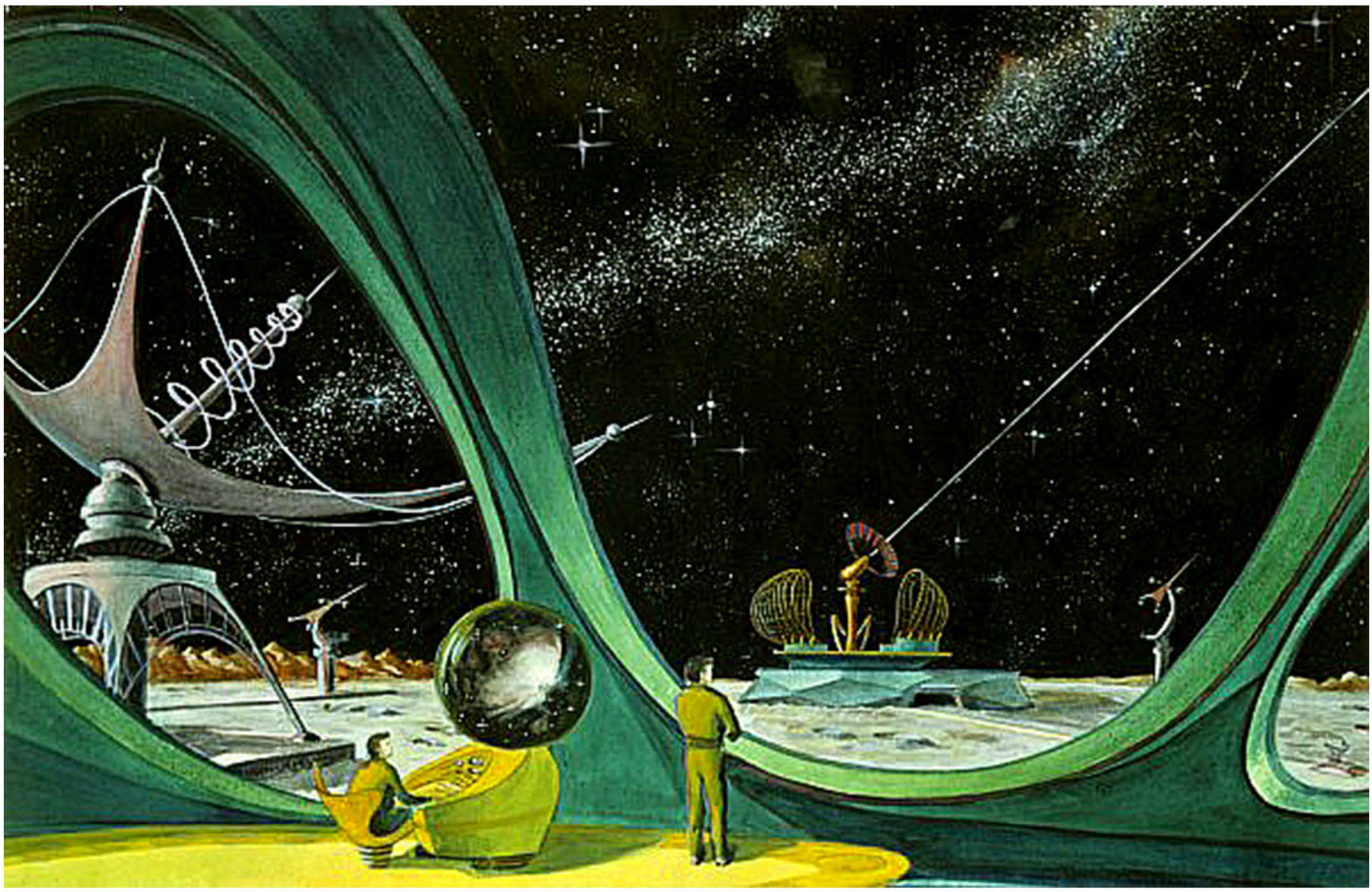
Многоцветье неземной красоты



В. Иващенко «Неземной сад»



В. Иващенко «Заря»



В.Иващенко «Станция космической связи »

В. Иващенко «Космодром»

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Анатолий
ДНЕПРОВ

пророки

Рис. А. Побединского

◆ Недели две тому назад он пришел в лабораторию, сбросил молча свою экзотическую куртку, напялил непомерно большой белый халат и, став в позу чтеца-декламатора, произнес:

— Один арабский физик двенадцатого века писал: «Мы знаем, что магнит любит железо, но мы не знаем, любит ли железо магнит, или оно притягивается к нему вопреки желанию. Как досадно, что мы не можем ответить на этот вопрос!»

Крохотный сутуловатый аспирант Коля Спирин, не отрываясь от окуляра микроскопа, сказал:

— Типичный образчик антропоморфического мышления. Наши предки кое-что знали о поведении людей и приписывали менее изученной природе свойства живых. Кстати, Кучеренко, доброе утро.

Владимир уселся на высокую табуретку возле лабораторного стола, развернул рабочую тетрадь и углубился в чтение каких-то записей. Прошло не менее пятнадцати минут, пока он не заговорил снова.

— Кстати, по-французски магнит называется l'aiment, что в буквальном переводе означает «любящий». Любопытное совпадение, правда?

Я и Спирин переглянулись, но ничего не сказали.

Второй раз Кучеренко напомнил нам о магнетизме совсем другим способом. Это было тоже утром, и он опять не поздоровался, а положил передо мной раскрытый английский журнал. На белоснежной глянцевитой бумаге были напечатаны фотографии. Белая коробочка с отверстием, из которого выползают муравьи. Фотографий было несколько, вроде как кадры на киноленте. Вот показалась головка муравья. Вот он выполз. За ним — второй, третий, десятый. Наконец — множество муравьев поползли кто куда. И вдруг... Под стекло, по которому ползли муравьи, положили лист белой бумаги, на которой железные опилки распределились вдоль магнитных силовых линий.

— Гады, ползут по магнитному полю, как по дорожкам. От южного полюса к северному...

Спирин долго рассматривал рисунки, а после прочитал статью.

— Да, ползут вдоль силовых линий, — сказал он и печально вздохнул.

И вот теперь, когда я стоял на платформе и ждал

Кучеренко, я вспомнил высказывание арабского физика двенадцатого века и французское l'aiment.

Наконец показался и он в своей неизменной куртке, с двумя огромными авоськами в руках.

— Рванули, — весело улыбнулся он и с ходу потянул меня в изрядно переполненный вагон.

Мы покинули электричку на полупустынной платформе Чижи и углубились в молодой ельник. Я сразу почувствовал, что Кучеренко дорогу знает и что он не раз ходил по этому пути. Иногда тропинка исчезала, и он храбро бросался на ряды елок и шел напролом, не оглядываясь по сторонам.

— По-моему, этот парень, Колька Спирин, просто надувной крокодил. — Владимир разогрел банку тушенки на костре и разломил батон.

— Почему ты так думаешь? — спросил я.

— Сегодня утром я его пощекотал по поводу природы подсознательного. Он понес такую ахинею, просто жуть. Не понимаю, зачем его взял Валерий Степанович в нашу группу.

— Он биохимик. А сейчас без биохимии не разберешься в мозгах.

Кучеренко отошел в сторону, ощупью собрал хворост и подбросил его в костер. Его голос звучал издалека.

— На месте Валерия Степановича я бы взял лучше электронщика или ядерщика.

— Ты думаешь, дело спрятано на том уровне?

— Уверен.

Он подошел ко мне, сел рядом на сырую траву и стал смотреть в черное небо, густо усыпанное звездами. Была ранняя осень, и небо то и дело прорезали оранжевые метеорные следы, которые исходили из таинственного космического центра прямо над головой. Внизу ручей набегал на небольшой голыш, и там вода побулькивала и повизгивала, а сзади, в ольхе, иногда вскрикивали птицы, потревоженные своими птичьими снами.

— Например, — нарушил тишину Володя, — я могу с уверенностью предсказать, что в ближайшие сорок секунд метеорит в атмосферу не врежется. Откуда я это знаю?

Он начал считать вслух, и действительно, он досчитал до шестидесяти, а небо оставалось спокойным.

— Опыт. Ты наблюдал за небом, а твое подсознательное обобщило эти наблюдения. Отсюда у тебя и появилась способность делать такие выдающиеся предсказания.

Кучеренко вздохнул и вытянулся во весь рост.

— Как это просто все у тебя получается. Опыт, опыт... Подсознательное обобщает опыт... Подсознательное синоним интуиции. Подсознательное и сверхчувственное... Подсознательное и пророчество... Чепуха какая-то! Не верю!

— Ну и не верь.

Я надул подушку, и мы улеглись рядом на плащ-палатку и скоро уснули, слегка прикрытые теплым горьковатым дымом угасающего костра.

Субботнее утро выдалось пасмурным, иногда накрапывал дождик, и это было даже хорошо, потому что оставшиеся восемнадцать километров мы прошли незаметно и достигли заветной цели как раз в тот момент, когда от голода под ложечкой больно засосало.

На том месте, где мы остановились, стоял высокий деревянный столб, в одном месте стесанный, и на нем красной масляной краской были написаны какие-то цифры и буквы. Скорее всего это был тригонометрический ориентир.

— Мне про эту находку рассказал знакомый геолог. Говорит, они просто ахнули, обнаружив такие сокровища прямо под боком нашего города. Смотри.

Кучеренко вытащил компас и положил его на землю. Синий конец стрелки уперся в дно, и, как я ни вертел инструмент, он показывал что угодно, только не страны света. Тогда я поставил его перпендикулярно, и стрелка стала точно так же.

— Жуткая аномалия! Магнетизм так и прет из земли. Но это еще что...

Мы сели обедать. Владимир пустился в рассуждения об электронном парамагнитном резонансе, о ядерном парамагнитном резонансе, о свободных радикалах и электронах проводимости, в общем о вещах, которые я знал только понаслышке.

— Равновесие, равновесие, — ворчал он, разжевывая твердое холодное мясо. — Если уж говорить о равновесии организма с внешней средой, то нужно учитывать и электромагнитные поля. Почему у нас в институте высокочастотникам дают бесплатное молоко за вредность? Медики знают, что эти поля влияют на организм. Но только как? Этого они не знают. И вряд ли здесь молоко поможет. Три высокочастотника из семи бросили своих жен. Самый высокий процент из всех лабораторий. Один рассказывал, что ему начали сниться такие сны, что он перешел на другую работу. А второй проболтался, что ему тоже снятся жуткие сны, но он к ним привык. Вот тебе и равновесие, вернее — нарушение равновесия.

— Так то же переменные поля, — заметил я. — А здесь...

— Ха! Здесь! А почему муравьи ползают вдоль силовых линий? А как ориентируются на тысячекилометровых трассах перелетные птицы? Ты над этим думал?

— Я считал, что подвижность ионов в крови так мала, что...

— Плюнь ты на эту подвижность. ЭПР и ЯПР — вот где собака зарыта.

Владимир нагнулся прямо к моему уху и с какой-то подчеркнутой таинственностью сообщил:

— На будущих лунных станциях установят специальные магниты, чтобы создать искусственное магнитное поле наподобие земного.

— Так уж это и важно?

— А кто знает, что получилось бы, если бы вдруг исчез земной магнетизм? Например, сразу бы передохли все перелетные птицы. Они просто не знали бы, куда лететь...

— Ну, это ты хватил.

— А люди? — продолжал он взволнованно. — Они потеряли бы способность предсказывать даже ближайшее будущее, они не смогли бы предвидеть, что будет, если они сделают хоть один шаг по дороге времени. Ведь это жуть — потерять способность предвидеть!

— Все это было бы так, если бы твоя теория оказалась верной.

— А вот для ее проверки мы сюда и приползли.

Я посмотрел на часы. Было начало второго, и мы стали лихорадочно готовиться к последнему броску, к спуску в небольшую пещеру, вход в которую зиял прямо перед нами.

— Обрати внимание, — заметил Кучеренко. — Кругом лес, а здесь какие-то жалкие кустики. И попробуй в песке найти хоть одну живую тварь.

— Растения здесь не растут: почва сильно минерализирована. А раз нет растений, насекомым тоже делать нечего.

Он подбоченился, стал передо мной и покачал головой.

— И как это вы, биологи, умеете ставить все вверх ногами!

На дне пещерки места оказалось ровно на двоих. Пол уходил под небольшим углом вниз и скрывался за большой трещиной в стене. При свете электрических фонариков серые стены слегка поблескивали.

— Чистейший магнетит. Мы сейчас в самом магнитном пекле. Пронизаны насквозь магнитными си-

ловыми линиями. Все — и сердце, и желудок, и легкие, и... и мозг, вместе с его опытом и подсознанием.

Мне на мгновенье стало жутко, но я ничего особенного не испытал. Просто было немножко душновато. И еще жарко от напряжения, хотя я знал, что здесь прохладнее, чем снаружи. Володя угадал мои ощущения и бодро произнес:

— Наука требует жертв. Есть драматическая медицина. Врачи добровольно прививают себе чуму. Начинается драматическая биофизика. О нас, Женечка, напишут когда-нибудь книгу. Мол, так и так, Кучеренко и Филатов попали в психиатрическую клинику с синдромом пророчества после того, как сутки провели в Пещере любви.

— А при чем тут Пещера, любви?

— Это я забыл рассказать. Я где-то читал, что на одном острове в Эгейском море была так называемая Пещера любви. Говорят, перед тем как просить руку и сердце очаровательной афинянки, греки лезли в эту пещеру и проводили там целую неделю. После этого любовные излияния у них получались особенно здорово, и невесты не могли перед ними устоять. В наш промышленный век Пещера любви превратилась в шахту, где добывают магнитный железняк, иными словами — железную руду.

Мне вдруг стало досадно. На мгновенье показалось, что наша затея выеденного яйца не стоит, но я этого не высказал, чтобы не обидеть Кучеренко. Наоборот, я задумался, почему мне стало досадно: обожествление магнетизма мне надоело, тем более что я не очень хорошо себе представлял, каков механизм взаимодействия магнитного поля с ядрами и электронами живого тела. Но план есть план. При свете электрических фонариков мы извлекли по толстой клеенчатой тетради, уселись друг к другу спиной и начертали крупными буквами на первой странице «Прогноз событий в институте нейропсихологии на неделю, с 5 по 12 сентября». Мы условились во время составления отчета друг с другом не разговаривать и друг другу в написанное не подглядывать.

Первые минуты прошли в каких-то путаных раздумьях, после я написал первую фразу, а затем работа постепенно меня захватила, и я начал писать безудержно, так что приходилось время от времени останавливаться, потому что немела рука. В конце концов это даже становилось забавным и немножко смешным. «Прогноз» лился как из рога изобилия с массой незначительных деталей, которые хотелось обязательно зафиксировать, чтобы после посмеяться над всей теорией Кучеренко.

• • •

Долина, которую я увидел во сне, была покрыта высокой сочной травой, и только возле самого берега моря виднелась розовеющая в лучах заходящего солнца полоска песка. Мои босые ноги чувствовали уже выпавшую вечернюю росу и сырую мягкую землю под травой. Я приближался к берегу с щемящим чувством какого-то ожидания, чего-то очень ранящего, что должно вот-вот случиться. На мгновенье я залюбовался красивыми птицами, которые кружили над морем и которые тоже были розовыми. В спину дул прохладный ветер, а волны... Морские волны набегали широкими округлыми валами, и теплая вода касалась моих ног. С каждой минутой чувство тоски и ожидания неизбежного усиливалось, и стало просто невыносимым, когда на горизонте, совсем уже красном от заката, появилась сна-

чала черная точка, а чуть позже — синяя ладья с раскрытой пастью морского чудовища на носу. Две пары весел то опускались, то поднимались, и на плечах у черных гребцов блестели блики заката...

Она помахала мне рукой и, когда с легким шипением нос лодки врезался в песок, легко выскочила на берег.

«Ты меня давно ждешь?»

«Давно. Вечность. Через минуту будет ровно вечность...»

«Я не могла раньше, — голос у нее звучал, как старинный музыкальный инструмент, — не могла, потому что...»

«Я знаю. Я все знаю, и не говори больше ничего».

Черные гребцы упали на песок лицом вниз, обхватив кучерявые головы могучими руками.

«Год назад на Землю вернулся отец и привез приказ, чтобы мы...»

«Я это знаю. Еще до того, как твой отец покинул Землю, я уже знал, что он вернется с недоброй вестью. Иначе зачем его позвали бы обратно?»

«Они считают, что так вам будет лучше. Так тебе будет лучше...»

Мы опустились на траву напротив друг друга, и я залюбовался ее прекрасным лицом, ее падающими на плечи розовыми волосами, ее легкой розовой туникой, под которой поднималась и опускалась грудь и билось далекое сердце...

«Ты прекрасна».

Она положила мне руку на плечо, повернулась в профиль, и я увидел красные капли на ее длинных ресницах.

«Мой отец очень умный, и он не хочет никому зла. Как это называется по-земному?»

«Любовь. Я люблю тебя».

«Я не очень хорошо понимаю, что это такое. Но, наверное, это для вас очень важно».

«Если ты не понимаешь, тогда почему ты плачешь?»

«Не знаю, — она горько улыбнулась в темноту, — мне очень тяжело. Я чувствую, как тебе тяжело...»

«Значит, и ты любишь меня...»

Голова ее поникла, а руки, едва заметные в темноте, нежно гладили траву.

«Мне пора. Отец меня ждет. Он и так нарушил приказ, когда разрешил мне тебя увидеть еще раз».

«Можно, я тебя поцелую?»

«Что ты! — Она прикрыла губы рукой. — Ты ведь знаешь, тогда мы умрем, ты и я!»

«Я хочу этого!»

«Нет, — она вскочила на ноги. — Нет! Нет! Нет!»

Она убегала к ладье, повторяя «нет», и гребцы впрыгнули в лодку, схватили ее за руки и втащили туда, а я, окаменев, слышал только умирающее в морском шуме «нет»... И еще до меня донеслось: «Я вернусь! Когда-нибудь я обязательно вернусь!»

Проходили годы, десятилетия, столетия, а я все бродил по этому берегу, слушая морской прибой, наблюдая, как камнем в слепящую голубизну падали белоснежные птицы и как они повторяли «нет»...

Но я ей поверил. Я буду ждать ее тысячелетия, пока не погаснет Солнце.

— Пора за работу. Уже воскресенье, и через три часа мы тронемся в обратный путь.

Я открыл глаза и уставился на электрический фонарик, который стоял на выступе серой стены.

— Почему «нет»?

Кучеренко рассмеялся.

— Что-нибудь приснилось?

— Да. Что-то грустное и очаровательное. А тебе?

— Мне тоже.

Мы снова принялись за работу. Теперь я писал очень медленно, как-то выдавливая из себя слова и фразы, но, странное дело, они начали казаться мне весомыми и обоснованными, хотя я знал, что просто фантазирую. Мне показалось, что и Владимир писал медленнее, чем вчера. Он иногда откладывал тетрадь, закрывал глаза и сидел так минуту-другую... Работа явно не клеилась, в голове была какая-то тяжесть, тяжелая пустота, в которой изредка проплывали ленивые мысли.

— Все, — сказал я. — Дай мне пива и воблы.

Пока я пил пиво, Владимир вытащил из моего рюкзака два больших серых пакета и вложил в них свою и мою тетради. Тщательно заклеил пакеты липкой лентой, и один пакет передал мне.

— Мой прогноз бери ты, а я возьму твой. Вскроем вечером двенадцатого сентября.

* * *

Странно: когда в лабораторию вошел Валерий Степанович, я почему-то вздрогнул. Мне показалось, что и Кучеренко, всегда небрежный и расхлябанный, подтянулся и насторожился.

— Привет, детки, — это было его обычным приветствием, хотя мы никогда не называли его папашей, даже между собой.

Он подошел к каждому из нас, посмотрел на приборы, бегло полистал наши рабочие тетради.

— Ну, что-нибудь получается? Есть какие-нибудь идейки? Да что вы на меня так уставились?

Действительно, я и Кучеренко смотрели на нашего руководителя, как будто видели его в первый раз. И вдруг Кучеренко ни с того ни с сего, с каким-то несвойственным ему волнением заявил:

— Вы пришли к нам с новостью, не правда ли, Валерий Степанович?

— Правда, — ответил тот. — Вам уже кто-то наболтал?

— Наболтал, — ответил Кучеренко.

Но я-то знал, что нам никто ничего не наболтал...

С этого все началось.

Я не видел, а скорее почувствовал, как вошла она, как поздоровалась почти шепотом и как подчеркнуто важно Валерий Степанович сказал:

— Надежда Ивановна, вы будете работать с этими славными ребятами. Вот ваше рабочее место.

Ее рабочее место оказалось рядом с моим, но я уткнулся в свою тетрадь и боялся взглянуть на нее.

— Я хочу вам сказать все начистоту. — Голос научного руководителя стал очень официальным. — Это моя племянница, и мне стоило немалых трудов убедить нашего директора взять ее на работу. Так вот, я хочу, чтобы вы все и Надежда Ивановна знали, что требовать от нее и от вас я буду в одинаковой степени, без всяких поблажек на родственную связь.

— Поняла, — услышал я до ужаса знакомый голос.

Кучеренко поднялся и вышел из лаборатории. Он иногда курил, а это в лаборатории не разрешалось.

Валерий Степанович нас оставил, я бессмысленно листал рабочую тетрадь, после включил микротом и стал резать на тонкие прозрачные ломтики замороженную ткань мозга белой мыши. Мне это было совсем ни к чему, но нужно же что-то делать.

— Меня приняли в качестве лаборанта, а училась я в спецшколе с биологическим уклоном. Только в прошлом году окончила. Я умею обращаться с микротомом. Давайте срезы буду делать я.

И тогда я взглянул на нее первый раз и у меня потемнело в глазах: я уже ее где-то видел!

— У вас очень приятный цвет загара.

Моя фраза выползла сама собой, ни к селу ни к городу.

Надя улыбнулась.

— Я только позавчера прилетела с юга. Из Евпатории.

— Золотистый пляж и прочее...

— Совершенно верно. Вы там были? Я жила не в новом, а в старом городе. Там песок, а немного дальше от берега трава...

Я не был в Евпатории, но то место, о котором она говорила, я знал до мельчайших подробностей.

В лабораторию вернулся Кучеренко, подошел ко мне и спросил грустным голосом:

— Ну как?

— L'aiment, — ответил я.

— То-то, — назидательно промычал Кучеренко.

И потянулась обычная рабочая пятидневка, обычная в лаборатории, но не совсем обычная вне стен нашего института.

Валерий Степанович пришел в среду к нам и торжественно вручил мне какую-то бумагу.

— Вот вам командировочное предписание. Надежда, вы и Кучеренко идите на вокзал, садитесь в электричку и езжайте по указанному здесь адресу. Это НИИ магнитных сплавов. Говорят, там есть группа сынков, которые, так сказать, в свободное от работы время, а еще точнее — во время сна, суют себе под подушку очень сильные постоянные магниты, и у них начинается... Впрочем, вы разберитесь во всем сами. Какая-то чертовщина!

В НИИ магнитных сплавов мы разыскали тех самых ребят, которые совали себе под подушку изготовленные ими же самими магниты, и они нехотя стали рассказывать, что это они делали просто так, из-за любопытства, прочитав где-то об опытах некоего доктора Мезмера и, следовательно, о мезмеризме, то есть о странных явлениях в человеческой психике, если эту самую психику потревожить магнитным полем.

— Ну и что-нибудь интересное получилось?

Я заметил, как у Володьки Кучеренко заблестели глаза.

— Да ничего особенного. Правда, мне удалось в полной темноте увидеть магнитное поле. Северный полюс подковы казался синим, южный — красным. А цвет силовых линий постепенно переходил от синего к красному. Глупость, конечно. За день так насмотришься на эти магниты, что видишь их даже в полной темноте.

— А если магнит под подушкой, сны снятся?

— У меня нет, а вот у Жорки снятся.

Жорка — лаборант из магнитометрической лаборатории, застенчивый блондин с веснушчатым носом. В присутствии Нади он краснел, сначала вообще не хотел нам ничего говорить, а после сознался.

— С магнитом под подушкой я вижу все, что будет завтра... Правда, не совсем точно, а... ну как вам сказать?.. Символически, что ли...

Жора не имел никакого представления, что такое «подсознательное» и откуда оно берется, и очень удивился, что мы именно это и изучаем.

— А для чего? — робко спросил он.

— Чтобы понять, почему существовали такие личности, как Илья-пророк, Кассандра, Магомет, бабки-гадалки, прорицатели и ясновидцы.

Парень посмотрел на Кучеренко и улыбнулся.

— Вы меня разыгрываете. Какой дурак будет тратить деньги на исследования такой чепухи?

— Ничего себе чепуха. Разве плохо знать сегодня, что будет завтра?..

Мы проинтервьюировали еще двух сотрудников. У одного магнит вызывал «жуткие кошмары», а у другого, маленького лысого старичка, эксперимент приводил всегда к одному и тому же сновидению: он всегда видел собственные похороны. Старичок был человеком с юмором и заметил:

— Похороны проходили так интересно, так душевно, что, пока я жив, я сделаю все возможное, чтобы оно так и было.

В город мы возвращались вечером. Кучеренко дремал, а я и Надежда сидели у окна друг против друга и смотрели на погружающийся в пурпур мир. Мне было все чертовски знакомым.

— Давайте выйдем на следующей остановке. А до города доедем автобусом.

Она вскинула на меня свои огромные серые глаза.

Воздух был влажным и душистым. Слева от железнодорожного полотна в долине вилась неширокая речушка, а рядом с ней — асфальтированная дорога, по которой изредка пробегали легковые автомобили. Мы шли к дороге, и я тихонько взял Надю за руку. Она наклонила голову, волосы упали на лицо, и мне показалось, что она ничего не видит и идет только ощупью.

— Нужно было бы Володю предупредить, что мы выходим здесь...

— Он это и так знает, — пробормотал я.

— Вы оба какие-то странные...

— Все люди немного странные, одни больше, другие меньше...

— Вы с ним договорились, что мы выйдем здесь?..

Вместо ответа я спросил:

— Кем работает твой отец, Надя?

Я впервые назвал ее на «ты».

— Он мой лучший друг. И вдобавок он летчик-космонавт. Только прошу тебя, не говори об этом никому...

— Я люблю тебя!

Это вырвалось само собой, девушка встрепенулась, вырвалась из моих объятий и закричала:

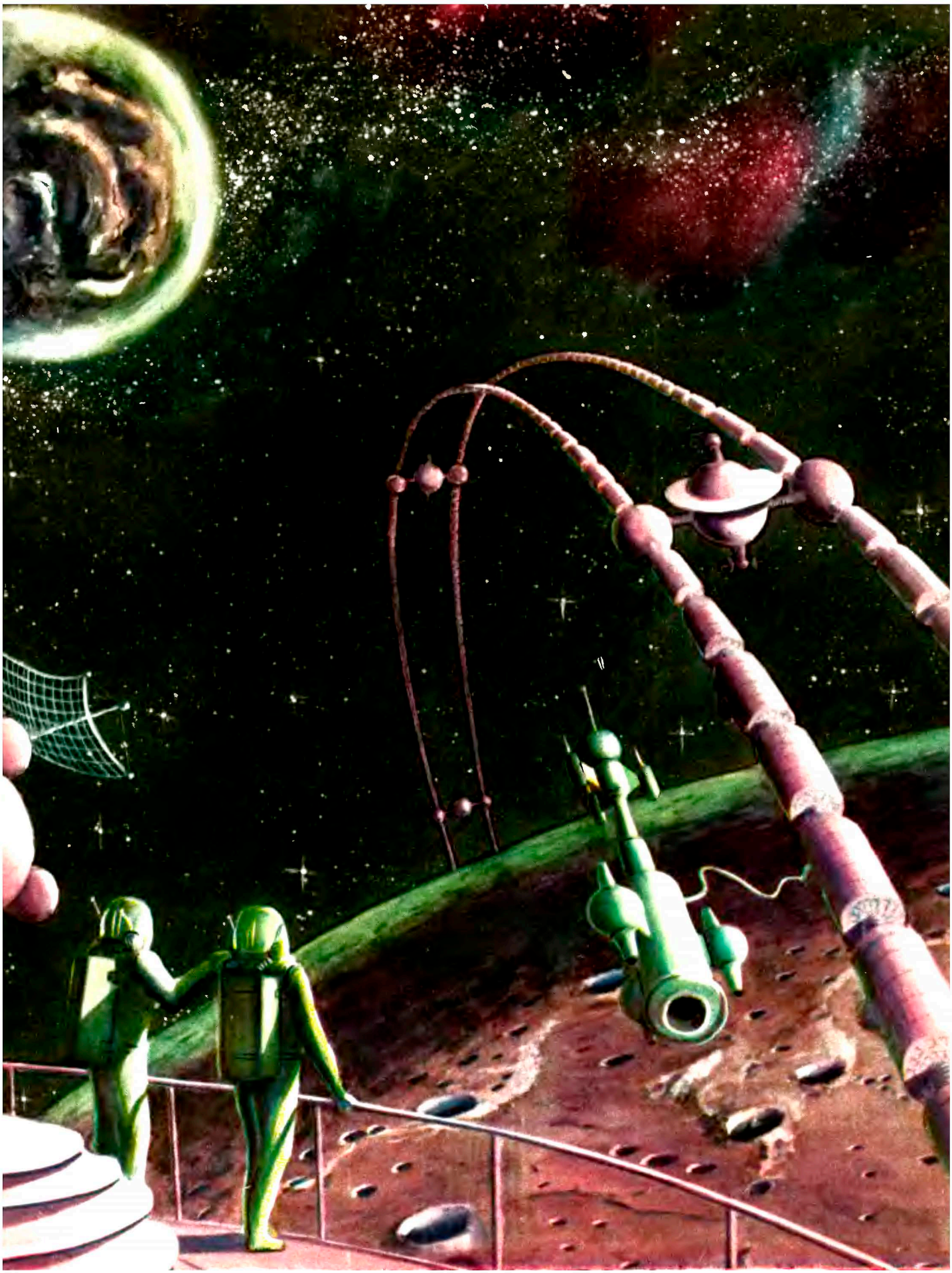
— Нет! Нет!..

Она бежала к автобусной остановке, задыхаясь, произнося это проклятое «нет».

— Я буду ждать тебя вечность! — нелепо крикнул я ей вслед, не делая никаких попыток ее догнать.

Я знал, что бесполезно.

Двенадцатого сентября я и Кучеренко вскрыли наши тетради с пророчеством на неделю. Содержание тетрадей было разным, но если сложить оба сюжета вместе, то недостающее у меня находилось у него, а мои записи дополняли его пробелы. Так что вместе получился неплохой прогноз. Конечно, с некоторыми мелкими неточностями...



В.Калинин «Закольцованый астероид»

Магнитный колодец

Рис. И. Шалито и Г. Бойко

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЮМОРЕСКА

А вот сознайтесь все же, сознайтесь, что немногие из вас совершали рейсы дальнего радиуса действия. Должен доложить: нет ничего скучнее этого занятия. Не могу сказать, чтоб тоска так уж сразу после вылета охватывала, нет, первую пару сотен световых лет даже интересно. Смотришь в иллюминатор, созвездия мелькают — одно, другое, третье, а ты в центре, и будто все они вокруг тебя вертятся. Картина! Ну, а потом надоедает. Деваться некуда, говорить не с кем. Даже и хорошо, что один, потому что вдвоем столько лет вместе трудно. Обязательно разногласия по пустякам возникнут. Ну, поставишь корабль на заданный курс, погрузишься в анабиоз, поспишь пару сотен лет, проснешься — опять то же самое. И как-то мне однажды невтерпеж стало. Решил я опуститься на первую попавшуюся планету. Пожить там немного — месяц-другой, — водички минеральной попить, месяца свеженького покусать, по травке погулять, горным воздухом подышать, с жителями покалякать, мнениями обменяться. В общем отдохнуть. Лететь мне еще было далеко — вез я груз замороженных свежих деревьев для посадки на планете, что расположена на самом краю обитаемой вселенной. Ну вот, свернул я в сторону от основного маршрута, добрался до созвездия Водолея, выбрал звезду не очень сильной яркости — вроде нашего Солнца, — нашел несколько планет, что вокруг нее крутятся; думаю: на какую же опуститься? Сами знаете: ошибиться в таком деле нельзя. Посадка, а потом взлет столько энергии заберут, что потом и до цели не доберешься. Но как выбрать подходящее небесное тело? Их там сто пятьдесят крутится. И тут я до одной вещи додумался, которая потом во все учебники звездоплавания вошла. Проверить все планеты на магнитное поле и на ту садиться, где оно есть. А ход мыслей у меня был такой: на Земле ведь сперва ничего не было, кроме земного магнетизма, однако какое-то время спустя все появилось. А когда именно? А с тех именно пор, как компас изобрели. Сразу навигация появилась, мореплавание развиваться начало, там, глядишь, науки и ремесла, высшая математика, паровозы и пароходы двинулись, самолеты и ракеты — так и до звездолетов дело дошло. Значит, есть магнетизм — есть техническая цивилизация, есть живые, культурные люди, с которыми и время провести приятно. Так я рассудил. И жизнь подтвердила: совершенно правильно.

Летаю я, летаю вокруг этих планет, что творится — вообразить страшно. У одной вулканы всю твердь в клочья рвут; на другой динозавры от потопа спасаются; на третьей какие-то радиоактивные мутанты друг за другом охотятся. И вдруг смотрю — вот оно! Сухая, твердая планета, а магнетизм в сто раз больше, чем земной. Человеку вроде бы не опасен, решил приземляться. Так и сделал. Смотрю: планета прекрасная, зеленая, ручеек журчит, снеговые горы вдали виднеются. Курорт! А рядом с полем, где звездолет мой встал, шоссе проходит. И только я вылез — смотрю, сворачивает ко мне какой-то самоходный экипаж. Остановился, вылезает оттуда вроде бы человек — только одна нога, а голова как абажур у настольной лампы. Подходит ко мне без всякого страха, представляется, называется другом. Узнал, кто я и откуда, пригласил к себе. Поехали. Смотрю я и удивляюсь — в машине его ни мотора, ни колес. «Как же ты едешь?» — спрашиваю. «По магнитным силовым линиям, — говорит. — Используем в самых широких масштабах планетный магнетизм». «Вот это да, — думаю. — А мы-то совсем не тем путем шли, нефть для чего-то бросились добывать, уголь».

Наконец приезжаем. Отличный дом из железа. Забора нет, вместо него силовое поле магнитное. Дальше — больше. В доме плита, еду на ней готовят. Но ни огня, ни спиралек не видать. Ни атомной горелки, ни нуклонно-водородного комбайна. «Магнетизм!» — говорю. «Он самый, — отвечает. — Эта сила у нас на все идет. Экипажи двигать, металл добывать и обрабатывать, дома сооружать, отапливать, освещать и все такое прочее. Ну буквально используем повсюду. Нет такого дела, где бы магнетизм не применяли. Высочайшей культуры на этом источнике энергии добились». — «Да, — вздыхаю, — а мы-то дураки. То же самое име-

ли, а совсем не туда повернули. Сколько сил лишних угробили. Но позволь, однако, что же, у вас каждый имеет право распоряжаться планетным магнетизмом? Так сказать, брать для собственных нужд?» — «Нет, — говорит, — совсем наоборот, не каждый. Вообще-то магнетизм распределяться должен в централизованном порядке, но так как он есть везде и всюду, то проконтролировать, кто сколько берет, практически невозможно. Есть, конечно, служба контроля, штрафовать за незаконное использование магнетизма должна, но ведь и там живые люди работают. Да вот хочешь, я тебе покажу».

Вышли мы с ним во двор, подошли к колодцу. Обычное, между прочим, сооружение, с краями из металлопластика, с мощным воротом. И привод моторный. Нажал он на кнопку, ворот стал разматываться, цепь загремела, бадья вниз поехала. Глубоко, километра на полтора. «Ближе, — говорит, — уже не осталось, все выбрали». Потом бадья наверх поехала. Подхватил он ее. «Что ж, — говорю, — пустая была, пустая и вернулась». Улыбнулся он. «Это, — говорит, — тебе только кажется, потому что нет органа, воспринимающего магнетизм. А у нас такой орган есть — ноготь большого пальца ноги». И тут только понял я, почему он так странно одет: отличный костюм, галстучек, две пары очков — одни темные, другие светлые — у них ведь четыре глаза. А нога босая. «Так вот, — продолжает, — заверяю тебя, полна, с краями». И выплеснул ее в бак магнитомотора. «На неделю, — говорит, — хватит». А ноготь на ноге громадный. Одаренная, видать, личность.

Пожил я в их краях, отдохнул телом и душой, со многими познакомился. Все без исключения очень приятные люди. Интеллигентные, культурные. Сколько я там об искусстве да литературе говорил! Как никогда в жизни. Музыку слушал.

Ну ладно. Чувствую я, сил набрался, пора путь продолжать. Другу своему, что первым меня встретил, говорю на прощанье. «Слушай, — говорю, — очень мне нравится, как ваша цивилизация развилась. Хочу на Земле то же самое предложить. Научи, как это вы магнетизм для всех целей используете. Сейчас не надо, я только полдороги проехал, забуду еще, а на обратном пути к вам загляну, вот тогда ты меня и проинструктируешь». — «Разумеется, — отвечает, — обязательно. Когда намереваешься быть?» — «Лет через пятьсот», — говорю. «Ну вот, — заявляет, — попрошу меня усыпить в магнитном поле, а за годик до твоего прибытия разбудить. Я тебе тогда все материалы подготовлю. Мы над этим делом работаем десять тысяч лет, библиотека, где все материалы по использованию магнетизма содержатся, занимает сто восемьдесят семь пятисотэтажных корпусов. Так я все книги, что в них хранятся, на одну маленькую карточку сниму и тебе отдам. Чтоб звездолет не перегружать. А пока прими от меня скромное подношение на дорогу. Мы ведь магнитную энергию аккумулировать умеем — так вот тебе пять бочек магнитных силовых линий. Я как раз на днях к колодцу насос поставил». — «Помилуй, — говорю, — царский подарок». — «Да что ты, — отвечает, — пустяки». — «Но ведь вам запрещают магнетизм самостоятельно добывать, это, как я понял, считается воровством и расхитительством». — «Ничего, у нас зато сознательность очень высоко развита. Неудобным считается делать людям замечания по мелочам. На всех хватит».

Взял я эти пять бочек и улетел. И так они мне пригодились, что словами выразить невозможно. Сквозь метеоритный дождь с их помощью прорвался, от пылевидных чудовищ отбился, притяжение белого карлика преодолел. Да, часто вспоминал я друга своего. Выручил он меня, прямо надо сказать, как мало кто.

Ну, доставил свой груз куда надо было, посадили деревья, подождал я в качестве гарантийного представителя, пока в пустыне дубы зашумят могучей кроной. Дождался хлорофилла. Теперь и назад можно.

Снова созвездие Водолея, та же звезда, те же планеты. Начинаю ориентироваться. Ничего не выходит. Но я-то не помню, на какую из ста пятидесяти в тот раз садился, внешне они все одинаковые. А индикатор молчит. Нет магнитного поля ни у одной планеты. Что же делать-то, а? Напряг я память, кое-как, по отдельным приметам вспомнил, повторил маневр, снова опустился на ту же поляну. И вижу я: что-то изменилось. Дорога рядом проходила, так в тот раз вся была забита машинами, а теперь хоть бы одна показалась. Пустота, тишина, безлюдье. Вышел я на дорогу — смотрю: вся потрескалась, насыпи обвалились, кюветы мусором засыпаны. Что же такое здесь произошло? Спросить даже не у кого. И вдруг фигура показалась какая-то. Приблизился, гляжу: да это ж мой друг ненаглядный на одной ноге ковыляет. Обнялись мы, расцеловались. «В чем дело, — говорю, — не узнаю. Куда былое великолепие подевалось?» Припал он ко мне на грудь и горько-горько зарыдал. «Нету, — говорит, — ничего, все в прошлом, а нынешнее поколение и представить себе не может, как оно все было. Не берегли мы наше величайшее природное богатство — магнетизм, черпали кто сколько мог и все вычерпали. Нет у нас сейчас ни техники, ни культуры. Дома дровами топим, а это мы не любим. Кое-как учимся нефть добывать. Да что толку? Корабли не ходят, самолеты не летают, потому что компас бездействует. А другого навигационного средства мы пока еще не изобрели».

Вздохнул я. «Да, — говорю, — сочувствую, а вот то, что ты мне обещал тогда, — всю библиотеку на маленькую карточку переснять, — это выполнено? Может быть, мы, так сказать, учтем ваши недостатки?» — «Нету, — отвечает, — никакой библиотеки. Я как восстал после пятисотлетнего сна да как узнал, до чего родную планету довели, пошел и подорвал все сто восемьдесят семь библиотечных зданий. Полбочки аккумулированного магнетизма оставалось у меня — закопал перед усыплением — вот я ее на это дело и использовал». — «Ну, это ты погорячился, — говорю, — надо было дружными усилиями на добычу угля переключаться». — «Ждать, — говорит, — не мог, боялся я, что библиотека к вам попадет, и вы тем же путем пойдете. А мне ваша цивилизация дорога, потому что она верного друга подарила».

И зарыдал еще громче. Слезы из всех четырех глаз ручьем хлещут. А у них слезы опасные — смесь серной и соляной кислот. Того и гляди костюм мой прожгут. Я его глажу, успокаиваю, а сам отстраняюсь потихоньку. Сказать-то, чтоб не ревел, нельзя: в лучших чувствах оскорбишь человека.

«Послушай, — говорит, — я ведь тебе пять бочек магнитных силовых линий в свое время подарил. Так вот, хоть одной не осталось ли? Меня за подрыв библиотеки в тюрьму посадить должны, а я откупиться хочу». — «Нет, — говорю, — друг мой сердечный, нет ни бочки, ни даже полбочки, ничего не оставил. Не знал я, что так выйдет, и сам транжирил магнетизм направо и налево».

Попрощались мы с грустью, и улетел я.

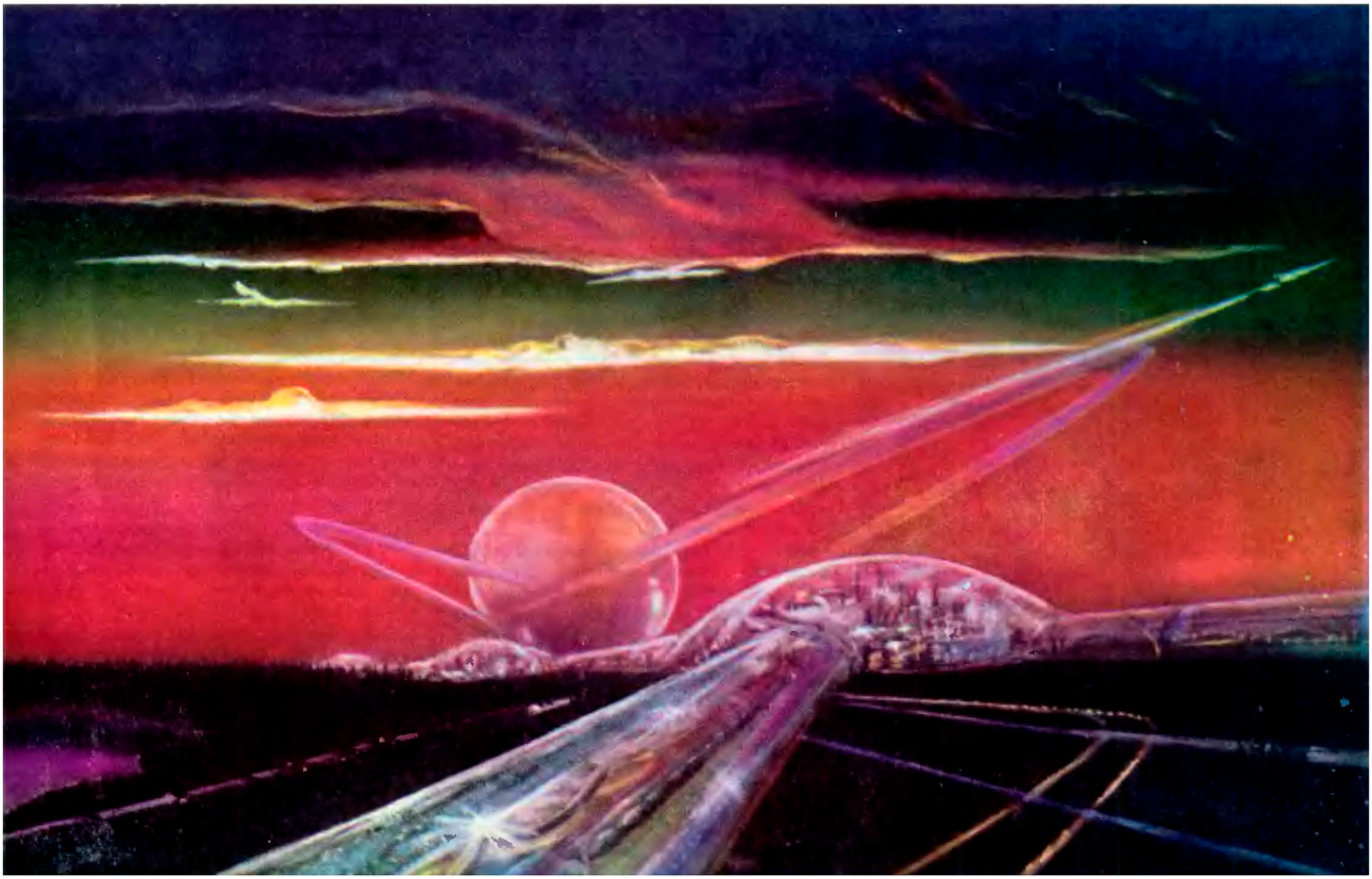
— Пилот корабля ПГД-Х (А), — раздался голос из динамика. — Зайдите в диспетчерскую отметить путевой лист. Погрузка вашего корабля закончена.

Рассказчик вскочил с места и бросился к дверям. Кто-то заглянул через его плечо в путевые документы.

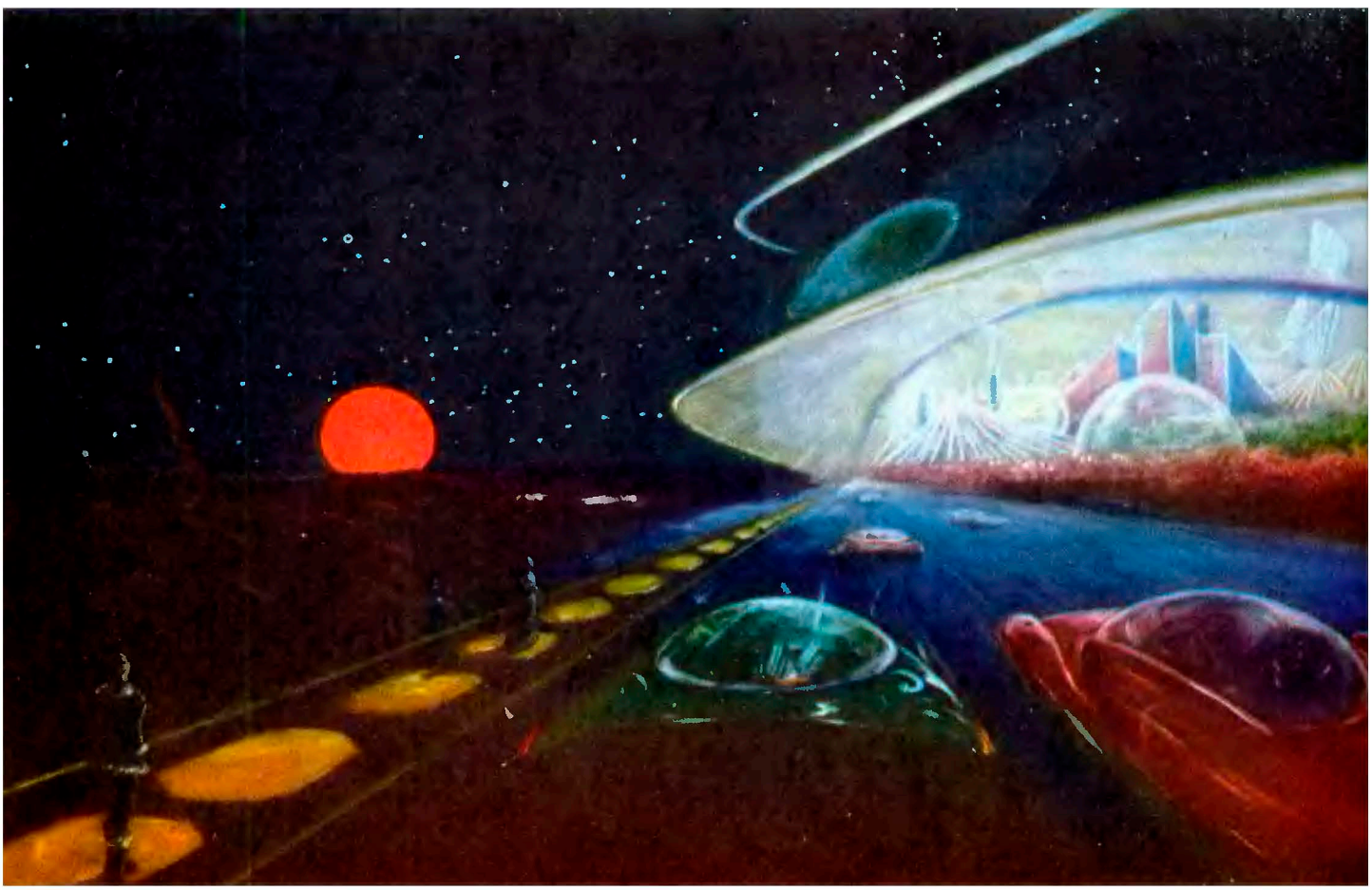
— Ха, — воскликнул любопытный, — а это-то зачем? Пятьсот тысяч маленьких магнитиков!

— А вы думали как? — Пилот корабля ПГД-Х(А) на миг остановился в дверях. — Неужели я друга в беде брошу?

И с этими словами он исчез.



С.Гавриш «Город в Заполярье»



С.Гавриш «Дорога»

С.Гавриш «Поиски жизни»

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Бертрам ЧАНДЕР

Рис. Р. Авотина

Стоя на палубе, молодая дама заметила, как третий помощник вышел из рубки и быстро прошел на край ходового мостика. То, что он нес в руках, было явно винной бутылкой. Сильно размахнувшись, он швырнул бутылку за борт.

Под вечер третий офицер оказался партнером молодой дамы в партии палубного гольфа.

— Кстати, Джимми, — заметила она, — ваши младшие офицеры в некоторых вещах заходят слишком далеко.

— Что вы имеете в виду?

— Пьянство на вахте. Я сама видела, как утром вы выбросили в воду пустую бутылку!

— Именно пустую. Но распили ее не на мостике. Она принадлежала капитану, и в нее было вложено сообщение.

— Как романтично! Пираты? Погребенные сокровища?

— Нет. Всего только дата, время и место, где выбросили бутылку. Мы делаем это для гидрографической службы. Таким путем они собирают сведения для своих карт течений. Если, конечно, им удается когда-нибудь выловить бутылку. Одним словом, дрейф.

— Ах вот что, — разочарованно согласилась дама.

Метеорит упал где-то совсем рядом. Сила удара была столь велика, что их приподняло над землей и отбросило на несколько ярдов в сторону.

Первым пришел в себя Форнесс. Он с трудом поднялся на ноги и заковылял туда, где распростерлось на земле тело девушки. Опустившись рядом с ней на колени, он попытался приподнять ее.

— Мэдж, — закричал он с волнением, — Мэдж, ты жива?

— Да, — ответила та неуверенно. — Мне кажется, да.

Неожиданно до сознания Форнесса дошло, что при слабом свете звезд он не мог бы столь ясно видеть бледное лицо девушки. Невольно он оглянулся туда, куда только что упал метеорит. Небесное тело светилось! И это свечение становилось все более и более ярким, хотя по мере остывания метеорита оно должно было затухать. Вслед за тем оно начало то гаснуть, то вспыхивать с ослепительной яркостью.

Сумасшедшая мысль пронеслась в мозгу Форнесса — вспышки света напоминали знаки азбуки Морзе, хотя он знал, что это бессмыслица, химера.

С каждой пульсацией свет становился все более и более невыносимым. Форнесс вынужден был смотреть на него сквозь полусомкнутые веки. Все это сопровождалось непрерывным свистом на высокой ноте — почти на пороге ультразвука.

— Мне это совсем не нравится, — сказал Форнесс.

— Что-то неладное? — спросила она.

— Это, безусловно, не метеорит. Какая-то разновидность снаряда. Может взорваться в любой момент.

Форнесс стоял рядом с инспектором и смотрел на приближающийся вертолет. Луч света из кратера упал на машину, и она засияла, как огромное серебряное насекомое. Медленно и осторожно опускаясь, вертолет приземлился. Форнесс и его спутник направились к новоприбывшим.

— Я инспектор Велш, — представился полицейский офицер, — а это мистер Форнесс. Он видел, как эта штука свалилась с неба.

— Мое имя Браун, — сказал более высокий из двух летчиков, — командир отряда Браун. А это командир эскадрильи Кеннеди. — Он повернулся и направился в сторону кратера.

— Вы видели, как эта вещь приземлилась, мистер Форнесс? Не показалось ли вам, что это была ракета?

— Нет, — медленно ответил Форнесс. — Похоже, что у него нигде нет двигателей. И вело оно себя до тех пор, пока не ударилось о землю, как все метеориты, которые долетают до поверхности земли.

— У нас есть две пары запасных очков, мистер Форнесс. Вам и инспектору лучше надеть их.

Поляроидные очки, безусловно, помогли. Появилась возможность смотреть на ослепительно сверкающее яйцо. Четыре человека перешагнули через кратер и осторожно направились к его центру. Форнесс удивился тому, что не ощущает тепла. Лишь потом он сообразил: за прошедшее после падения время метеорит должен был уже остыть.

— Я бы посоветовал установить полевой телефонный аппарат, инспектор, — пробормотал командир отряда. — Мы собирались использовать наши портативные радиотелефоны, но эта штука глушит всю радиосвязь.

— Полевой телефон, — пробормотал инспектор. — Но зачем?

— Если оно сработает, мы взлетим на воздух, и мир никогда не узнает, что мы сделали, чтобы заслужить наши посмертные медали.

— Каковы ваши намерения, сэр?

— Командир эскадрильи Кеннеди и я останемся здесь. Вертолет сделает еще несколько рейсов — привезет приборы и все остальное. Кстати, мистер Форнесс, как вас найти?

— Скоро кончается мой отпуск. А затем — в море.

— Военный флот?

— Нет, гражданский.

— Ясно. Спасибо, мистер Форнесс. Мы дадим вам знать, если вы нам понадобитесь еще. Постарайтесь не рассказывать о том, что видели.

Полицейская машина подвезла Форнесса до дома его родителей. Его отказ отвечать на вопросы домочадцев поверг всех в изумление. Как если бы он был свидетелем начала дальней ракетной бомбардировки или прибытия первых эшелонов марсиан.

На следующий день Форнесс видел предмет из космоса в последний раз. Он неторопливо ел довольно поздний завтрак, когда появился Велш.

— Лучше поторопитесь одеться, мистер Форнесс, — сказал инспектор. — Там собралось видимо-невидимо. И все они хотят выслушать вас.

...Велш и Форнесс протискивались сквозь толпу из представителей всех трех родов британского оружия и американских воздушных сил. Кратер был свободен, и только три человека в гражданской форме нахо-

дились в его центре, рядом со странным яйцом. Оно, как успел заметить Форнесс, продолжало светиться и вспыхивать, но, возможно, из-за дневного света не так ярко, как накануне. Казалось, пронзительный свист стал чуть-чуть мягче. Инспектор подошел к самому пожилому из присутствующих, откозырял и доложил:

— Вот мистер Форнесс, сэр.

— О, да. Благодарю вас, инспектор.

Форнесс посмотрел на ученого. Узнал ежик его седых волос, тонкие черты лица. Это было лицо, которое он часто видел на страницах газет и журналов.

— Так, так, мистер Форнесс. Я полагаю, вы видели эту... э... вещь, как она приземлилась?

— Да, сэр.

— С какой стороны она летела?

— С востока, сэр. Я смотрел в это время на Юпитер, и она появилась впервые на несколько градусов ниже этой планеты.

— Астроном-любитель?

— Нет, сэр. Мореход-профессионал.

— Вот как? Теперь...

— Ложись! — закричали в толпе. — Ложись! Что-то начинается!

Уже лежа, Форнесс услышал резкий скрип. Он осторожно поднял голову и посмотрел в сторону яйца. Оно развалилось на четыре аккуратных сегмента. Над центром кратера, медленно расплываясь, повис белый дымок. Моряк вскочил на ноги и заглянул внутрь открывшегося снаряда. Там поблескивало что-то металлическое и лежали листки, похожие на бумагу. Один из ученых уже перебирал эти странные сокровища. Повернувшись к Форнессу, он протянул ему руку. На раскрытой ладони лежали золотые диски.

— Монеты! — восклицал он. — Монеты! Смотрите!

Взяв один золотой, Форнесс начал с любопытством его разглядывать. На одной стороне была изображена голова человека в шлеме, а на другой дирема — галера с двумя рядами весел.

— Греческая? — пробормотал он. — Но... — Ученый оттолкнул его в сторону.

— Джентльмены!

Форнесс и три ученых разом повернулись на голос. Это было какое-то, по-видимому, очень важное лицо. Черная шляпа и строгое пальто выглядели как униформа, а на портфеле был вытиснен государственный герб.

— Джентльмены! — повторил он снова. — Я требую, чтобы эти... вещественные доказательства были немедленно доставлены в Уайтхолл. — Он посмотрел на Форнесса. — Я также вынужден потребовать, чтобы все лица, особо на то не уполномоченные, покинули это место.

...Остаток своего отпуска Форнесс проводил за ежедневным просмотром всех газет и журналов. Он хотел узнать что-нибудь еще о таинственном космическом снаряде. Пресса молчала. Вечерами в баре «Роза и Корона» он пытался выудить что-нибудь из инспектора Велша насчет странного снаряда. Но инспектор знал не больше его самого, кроме того, что все это дело перешло из ведения инженеров в руки экспертов-языковедов.

Стоя на палубе, профессор заметил, как третий помощник капитана вышел из рубки и быстро прошел на край ходового мостика. То, что он нес в руках, было явно винной бутылкой. Сильно размахнувшись, он швырнул бутылку за борт.

Под вечер капитан оказался партнером профессора в партии палубного гольфа.

— Кстати, капитан, — заметил археолог, — ваши младшие офицеры в некоторых вещах заходят слишком далеко.

— Что вы имеете в виду?

— Пьянство на вахте. Я сам видел, как утром третий офицер выбросил в воду пустую бутылку!

— Именно пустую. Но распили ее не на мостике. Это была, если хотите, одна из моих бутылок. В нее было вложено сообщение.

— Как романтично! Пираты? Погребенные сокровища?

— Нет, профессор. Всего только дата, время и место, где выбросили бутылку. Мы делаем это для гидрографической службы. Таким путем они собирают сведения для своих карт течений. Если, конечно, им удастся когда-нибудь выловить бутылку. Одним словом, дрейф.

— Ах вот что, — разочарованно согласился профессор.

— Знаете, я вспоминаю об одном довольно странном происшествии. Вы, если не ошибаюсь, причастны к тому, что произошло около авиационной базы в Вэйнхеме, года два назад?

Археолог молчал.

— Около Вэйнхема, — медленно повторил капитан. — Не было ли это чем-то вроде управляемого снаряда из космоса?

— Прошу прощения, но я не имею права ничего рассказывать.

— Пойдемте в мою каюту, — сказал капитан, — и попробуем опорожнить другую бутылку. А я тем временем покажу вам кое-что любопытное.

Усадив гостя, он открыл погребок, извлек оттуда бутылку и налил два бокала. Затем подошел к письменному столу, выдвинул ящик и извлек блестящий предмет.

— Вам приходилось видеть нечто подобное? — спросил он археолога.

Ученый взглянул на монету — на голову в шлеме, дирему.

— Откуда вы ее достали?

— Я видел, как упал снаряд. Затем я был около него. А когда он раскрылся, внутри оказались бумаги и монеты. Один золотой я машинально сунул в карман. Потом меня быстро выставили оттуда. Чем все это кончилось, до сих пор не знаю.

— Не знали и они сами, — засмеялся археолог. — Пока не догадались пригласить тех, кто больше занимается прошлым, чем будущим. О, это было чертовски трудно! Я должен был пятиться назад даже от сравнительно недавней Греции Гомера. Мне пришлось забраться в эпоху абсолютного варварства.

Он взял монету в левую руку и показал пальцем по ее окружности.

— Знаете, что здесь сказано? «Республика Атлантида, год тысяча триста четырнадцатый».

— А как с бумагами? С теми, что были внутри этой штуковины.

— Вы мне об этом уже рассказали сами, мистер Форнесс.

— Я? Вам?

— Да. Дата, время, место. Затем обещание награды тому, кто без промедления доставит их в форт Анахреон. И целая куча сообщений совсем выше моего понимания, относительно эфирных течений. Если бы вы только знали, как сходили с ума физики. Вот была картина!

— Ну, а что там говорилось о трассе космического корабля? — настаивал Форнесс.

— Дайте мне только вспомнить — Атланта... направление от Сол III к Проциону IV.

Форнесс наполнил пустые бокалы.

— Да, винные бутылки, пожалуй, попроще и подешевле, — немного помедлив, сказал он. — И не требуется столь длительного срока, чтобы попасть к месту своего назначения.

Сокращенный перевод с английского К. ГЛАДКОВА

В.Хакимов «Создание станции на астероиде»

Алексей Стефанов «Работа на Луне»

ПЛЕННИКИ „ЭЛИКСИРА СИЛЫ“

Техника — молодежи 1970

ВЛАДИМИР ФИРСОВ

ЭЛИКСИР СИЛЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ПАМФЛЕТ

1.

Они шли уже несколько часов — впереди капитан Кемпнер, за ним Стражеско с рацией за спиной, затем Вуд, Райскин и все остальные, а позади — сержант Кумбс, который ни на миг не снимал рук с висящего на шее лучемета и постоянно оглядывался. Идти было тяжело. Ноги вязли в болотистой почве, колючие стволы деревьев рвали одежду. Никто не курил, потому что сигареты размокали, едва успев загореться.

Наконец среди деревьев мелькнул просвет. Люди вздохнули с облегчением и зашагали быстрее. Через несколько минут они стояли на дороге, которая безупречно прямой линией пересекала лес. Капитан топнул ногой. Покрытие дороги по прочности, пожалуй, не уступало гудрону, но было странно мягким и эластичным.

— Интересно, куда она ведет? — спросил Кумбс. — Я что-то не слышал, чтобы тут были города.

— Не рассуждайте, сержант, — оборвал его Кемпнер. — Ваше дело смотреть по сторонам.

Он старался не показать солдатам, что встревожен неожиданным открытием. Кемпнер хорошо изучил эту планету. Туземцы на ней еще не знали механизмов, и было непонятно, кому и для чего понадобилось проложить дорогу, по которой автомобили смогли бы идти в четыре ряда со скоростью сто миль в час.

После недолгих колебаний капитан приказал двинуться по дороге. Все повеселели. Теперь идти было легко — не то что по болотам. Они прошли еще несколько миль. Здесь дорога вывела их на небольшую поляну, посреди которой виднелась каменная изгородь вышиной в человеческий рост, напоминавшая в плане подкову. Дорога входила внутрь подковы и там кончалась. Дальше синел нетронутый лес. Посмотрев на осунувшиеся лица солдат, капитан распорядился устроить привал. Солдаты нарубили веток и развели костер. Сырое дерево шипело и дымило, но флакон тетратила сделал свое дело. Через несколько минут все, кроме часовых, топтались у огня, пытаясь просушить одежду. Вуд выдал каждому по банке саморазогревающихся консервов. Затлели огоньки сигарет.

Разомлевший от тепла и еды сержант Кумбс присел рядом с радистом и по привычке начал философствовать.

— Какая-то странная эта планета. Ты слышал когда-нибудь, чтобы дикие туземцы строили автомобильные дороги? Говорят, они еще не знают даже огня. Да и откуда быть огню при такой сырости? Здесь только напалм и может гореть.

— Ты первый раз здесь? — спросил Стражеско. Сержант кивнул. — А я третий раз летаю с капитаном. И знаешь, — он невольно понизил голос, — в прошлый раз таких дорог тут не было. Я не удивлюсь, если завтра они встретят нас атомными ракетами.

— Ну, этого не может быть, — не очень твердо возразил Кумбс. — Я еще помню, чему меня учили в колледже. Цивилизации развиваются тысячелетиями.

Стражеско только усмехнулся.

— А ты знаешь, что мы здесь ищем?

— Уран? — неуверенно спросил сержант.

— Держи карман шире. У нас же нет ни одного геолога. Тут есть штука пострашнее урана.

Раздалась короткая команда. Солдаты повскакали и стали навьючивать свое снаряжение.

Сержант помог радисту надеть радиостанцию.

— Ты так и не сказал, зачем мы здесь.

Стражеско внимательно посмотрел на Кумбса.

— Ты слышал когда-нибудь про эликсир силы? — спросил он и сразу увидел, как вытянулась физиономия сержанта. — Так вот его-то мы и ищем.

— Отставить разговоры! — скомандовал капитан. — Приготовить оружие. Они где-то близко. Советую получше смотреть по сторонам, если хотите вернуться живыми.

Он швырнул в костер размокший окурок и повел отряд через лес по еле заметной тропинке, где среди многочисленных отпечатков босых четырехпалых ног изредка встречались рубчатые следы сильно поношенных ботинок космического образца.

2.

Эта унылая, дождливая, болотистая планета лежала далеко в стороне от оживленных космических трасс. И хотя ее открыли сравнительно давно, корабли Звездной пехоты не появлялись здесь, потому что на планете не было найдено ничего достойного внимания. Первооткрыватели ограничились тем, что возвели на полюсе обелиск, надпись на котором утверждала их право владения этим небесным телом на протяжении 999 лет, и водрузили свой полосатый флаг.

О планете было известно так мало, что ей даже не удосужились подобрать имени. Леса, покрывавшие почти всю ее поверхность, состояли из могучих, до двух метров в поперечнике, деревьев, стволы которых были усажены устрашающими шипами. Пробиться через лес не могла ни одна машина. Не помогали и вертолеты — им попросту негде было взлетать и садиться. Убогое туземное население панически боялось пришельцев, и все попытки наладить с ними не только торговлю, но даже обычный контакт потерпели неудачу. Жили они в самой гуще леса, питались какими-то плодами и охотились с помощью луков и стрел на толстокожих бо-

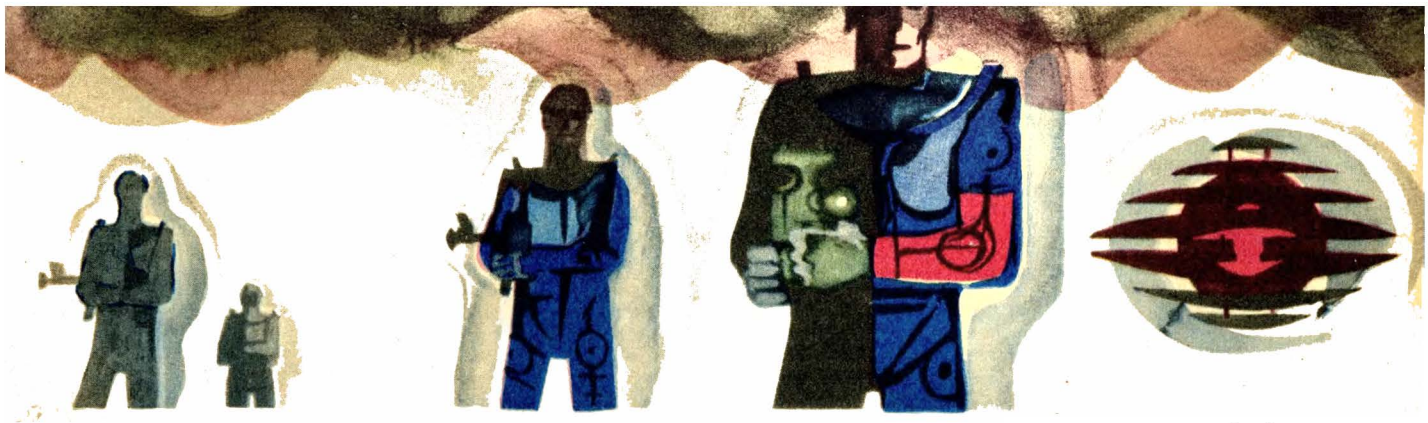


Рис. И. Шалито и Г. Бойко

лотных тварей, напоминающих гиппопотамов, — вот, пожалуй, все официальные сведения о планете.

Кроме того, о ней ходило много разных слухов, которые всерьез никто не принимал. Говорили, например, что туземцы знают лекарство, излечивающее любые болезни, что их знахари умеют за несколько минут заживлять самые тяжелые раны. Но самой большой известностью пользовалась легенда об эликсире силы — чудесном напитке, делающем человека могучим, уподобляя его сказочным титанам, которые могли опрокидывать скалы и с корнем вырывать деревья. Некоторые слухи были совершенно нелепы — например, утверждения, что обитатели этой планеты вообще бессмертны, что они, как гидра, размножаются делением, и из останков разрубленного аборигена вырастают два новых.

Пожалуй, только один человек во всей вселенной знал точно, что правдиво в этих фантастических слухах...

3.

Незадолго до темноты солдаты натолкнулись на странного мертвого зверя. Огромная туша, размером с исполинского бегемота, лежала на тропе, поблескивая мокрой синеватой кожей. Из бока чудовища торчала тяжелая стрела. Полуразмытая дождем кровяная дорожка да обломанные шипы на деревьях показывали путь, по которому животное продиралось через непроходимую для людей чащу.

Кумбс подергал стрелу за конец, но она не поддалась. Тогда он ударил по шкуре ножом. Нож отскочил, не оставив даже царапины.

— Только с такой шкурой и можно жить в этом лесу, — произнес Стражеско. — Ее и пуля не возьмет.

Кумбс посмотрел по сторонам. Ему почудилось, что за деревьями что-то шевельнулось. Он представил, как такая же стрела впивается ему между лопаток... Да что впивается — она, скорее всего, пробьет человека насквозь, несмотря на панцирный жилет.

Отряд шел по следам, соблюдая величайшую осторожность. Стало темно. Пока было возможно, пробирались вперед на ощупь — капитан приказал не зажигать фонарей. Но скоро солдаты были вынуждены остановиться — их руки кровоточили, исколотые шипами. Короткую ночь провели на земле, прижавшись друг к другу и дрожа от сырости.

Едва стало светать, капитан погнал людей дальше. Через несколько миль они заметили впереди хижины. Солдаты залегли под деревьями, слились с болотными кочками.

Кумбс лежал рядом с капитаном, рассматривая деревушку в бинокль. Вдруг глаза его округлились от удивления.

— Смотрите, капитан! — прошептал он. — Там белый!

Капитан посмотрел в указанном направлении и с облегчением выругался.

— Окружить деревню! — шепотом приказал он. — Сигнал к атаке через тридцать минут.

Ровно через полчаса залп лучеметов разметал легкие хижины, и солдаты ворвались в деревню. Все было кончено за несколько минут. Ошеломленные внезапным нападением туземцы почти не сопротивлялись.

По свистку капитана солдаты собрались в центре деревни, где лежали связанные пленники — два хилых зеленокожих туземца с четырехпалыми конечностями, и рядом с ними белый человек в изорванном комбинезоне Звездной пехоты.

Капитан быстро проверил свой отряд. Потерь не было. Одного из солдат легко ранило стрелой, да кто-то из плечников укусил Кумбса за руку, когда тот забивал ему кляп. Кемпнер приказал обыскать деревню. Вскоре солдаты приволокли двух упирающихся аборигенов. Капитан тут же пристрелил их. Затем он внимательно осмотрел нехитрый скарб туземцев и приказал захватить с собой все найденные травы и глиняную бутыль с какой-то жидкостью. Особенно его внимание привлекли лук и стрелы. Он долго вертел их в руках, потом велел взять тоже и дал сигнал к выступлению.

Кумбс начал поднимать пленников. Человек в комбинезоне встал сразу, но туземцы продолжали лежать, несмотря на пинки.

— Скорее, сержант, — зашипел Кемпнер. — Вам что, шкура не дорога? Тащите их на себе, черт вас возьми!

Такая перспектива Кумбсу совсем не улыбалась. Кто знает, не удалось ли кому-нибудь из жителей деревни спастись. Погоня могла начаться в любой момент. И тогда их дело дрянь — если то, что болтают про туземцев, хоть наполовину правда.

Сержант даже побелел от ярости. Но, несмотря на его удары, пленники не желали подниматься. Еще немного, и Кумбс прикончил бы их. Капитан вмешался вовремя.

— Отставить! — скомандовал он и после секундного колебания достал зажигалку. Ему тоже было не по себе в этом враждебном лесу. — Или вы сейчас пойдете, или...

Он щелкнул зажигалкой. Кумбс с удивлением увидел, как при виде огонька огромные треугольные глаза пленников в ужасе раскрылись, тела судорожно задергались, а кожа из зеленой сделалась серой. Повинуясь знаку капитана, туземцы вскочили. Кемпнер довольно усмехнулся и занял место в хвосте отряда — он не желал выпускать пленных из виду ни на секунду.

Сизый, промозглый день начал медленно сереть, когда в бесконечной стене колючих деревьев наконец показался просвет. Капитан облегченно вздохнул, но тут передние солдаты вдруг остановились.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

— Почему встали? — спросил Кемпнер. — Что случилось?

Он вышел вперед и в двадцати шагах от себя увидел знакомый каменный забор в форме подковы. Из-за забора поднимался ввысь, теряясь за вершинами деревьев, гигантский монумент. Сумерки и туман мешали рассмотреть подробности, но капитан сразу понял, что это чудовищное изваяние высотой в пятиэтажный дом изображает аборигена.

— Вуд, вперед! — приказал капитан охрипшим голосом. — Обследовать строение!

Вуд неуверенно вышел на поляну, держа оружие наготове. Он дошел до ограды, осторожно заглянул за изгородь, вошел внутрь и тотчас же, будто почувствовав неладное, выскочил обратно.

— Сюда! — крикнул он. — Смотрите!

Он указал на затоптанные остатки костра. Испуганные солдаты столпились вокруг. Всем стало ясно, что они не сбились с пути, но загадочное появление скульптуры ошеломило их.

— Привал пятнадцать минут, — приказал капитан. — Огня не зажигать! Сержант, выставьте охрану и накормите людей. Стражеско, свяжитесь с кораблем.

Он несколько раз чиркнул зажигалкой, пытаясь зажечь отсыревшую сигарету. Солдаты стучали ложками, торопясь проглотить пищу, то и дело оглядываясь на каменную громаду.

— Эта штука весит не меньше, чем наш корабль, — пробормотал Вуд. — Я ее осмотрел — ни одного шва. Все вырублено из цельной скалы. Кто мне скажет, как ее здесь поставили?

Никто не ответил.

— На Земле такая работа заняла бы месяц, — сказал Кумбс. — А ведь у туземцев нет ни лебедок, ни домкратов. И почему кругом так чисто? Не на руках же они ее принесли?

Капитан окончил разговор с кораблем, снял наушники и посмотрел на часы.

— Становись! — скомандовал он.

Но когда первый солдат вышел из-за защиты ограды, в грудь ему впилась тяжелая черная стрела.

4.

Капитан Кемпнер понимал, что единственная возможность спастись — попытаться прорваться по дороге под прикрытием огня двух лучеметов. Созданная ими огневая завеса на какое-то время парализует действия туземцев, панически боявшихся огня, и если кольцо окружения не очень широкое, отряду удастся уйти. Прорываться надо вскоре после рассвета, когда помощь с корабля будет близко. Попытка уйти ночью обречена на неудачу — туземцы перебьют их в лесу поодиночке.

Так же отчетливо Кемпнер понимал, что пленных довести до корабля не удастся. А это значило, что его многолетние поиски эликсира силы потерпели крах. Сейчас единственный человек, знающий язык туземцев, был в руках капитана, но, чтобы вырвать у него тайну, оставалось лишь несколько часов короткой ночи. Связанные по рукам и ногам пленники были прикручены нейлоновым тросом к подножию статуи. Рядом стоял Вуд с оружием наготове. Капитан приказал ему не спускать с них глаз.

Когда все распоряжения были отданы и переговоры с кораблем закончены, капитан подошел к пленным.

Несколько минут он всматривался в лицо человека в лохмотьях.

— Нам придется говорить здесь, доктор Робин, — сказал он наконец. — Поэтому мне не удастся тебя повесить по всем правилам. Но живым тебе отсюда не уйти.

Капитан сделал паузу, словно хотел удостовериться, что его слова поняты правильно.

— Я очень сожалею, что мне придется так поступить. Но ты нарушил присягу Звездной пехоты и вдобавок покушался на жизнь своего командира. Ты дезертир и предатель, и за любое из этих преступлений тебе полагается смерть.

Это был странный разговор в темноте ночного леса при бледном свете потайного фонаря, слегка освещавшего лицо связанного, — разговор двух человек, из которых говорил один, а второй, с заткнутым ртом, только слушал.

— Но я готов отпустить тебя и твоих друзей. За это ты откроешь мне тайну эликсира силы.

Связанный отрицательно качнул головой.

— Подумай как следует. У тебя нет выбора. Если ты не согласишься, вы умрете все трое.

Капитан говорил очень тихо, так что стоявший рядом Вуд с трудом разбирал слова.

— Ты не имеешь права решать за них. Я знаю, они не хотят умирать. Переведи им мои слова.

Пленник снова покачал головой.

— Я могу предложить тебе другое, — сказал капитан. — Ты можешь вернуться с нами на Землю. Кроме меня, о твоем преступлении не знает никто. Я доложил тогда, что ты убит в стычке с туземцами. Но ты уцелел, и теперь я вырвал тебя из плена.

Напрасно капитан ждал ответного знака.

— Неужели жизнь в этих вонючих болотах тебе дороже всех сокровищ Земли? Ты был нищим врачом, когда пошел в Звездную пехоту. Ты принесешь своей родине сказочное могущество и этим обессмертишь себя.

Пленник не шевельнулся.

5.

Близилось утро. Черное дождливое небо начало медленно сереть, и фантастические очертания каменного колосса постепенно выступали из мрака. Скорчившийся под забором Стражеско монотонно повторял в микрофон позывные корабля. Солдаты перезаряжали оружие, перекликаясь в тумане. Но сержант Кумбс не думал о том, что с минуты на минуту может начаться бой — может быть, последний бой в его жизни.

Сержант всю ночь пролежал за лучеметом возле ворот — самого уязвимого места их обороны, — готовый в любой момент открыть огонь. Почему-то ему вспомнилась первая встреча с туземцами. Вслед за капитаном он вошел в одинокую лесную хижину, держа оружие наготове. Зеленокожий хозяин испугался так, что стал пепельно-серым, но все же поднес им чашу с чистой, удивительно освежающей водой — традиционный дар гостю на этой планете. Капитан выпил воду и тут же застрелил туземца и всю его семью. Это было его правилом — не оставлять в живых никого, кто мог бы рассказать Робину, что люди в форме Звездной пехоты идут по его следам...

Незадолго до рассвета капитан приказал ему принести аптечку. В темноте сержант с трудом различил, что пленник в изодранном комбинезоне бессильно висит на

веревках. От укола он пришел в себя и с трудом поднял голову. Кемпнер вырвал кляп из его рта.

— Я заставлю тебя говорить, проклятый упрямец! — прокричал он. — Отвечай же! В чем секрет эликсира?

Кумбс услышал звуки ударов.

— Никакого эликсира нет, — простонал пленник, роняя голову на грудь.

Сержант с ужасом увидел, как Кемпнер взмахнул флаконом над связанными туземцами, и тотчас по их голой коже побежали струйки голубого пламени. Обессилевший, оглушенный, Кумбс, шатаясь, отошел в сторону и свалился возле забора, рядом со Стражеско, который по-прежнему бормотал что-то в микрофон.

Резкий окрик капитана заставил его вздрогнуть. Он приподнялся. Небо уже светлело. Наступал день — их последний день.

— Вы оглохли, сержант? Марш к лучемету!

Кумбс взглянул на капитана обезумевшими глазами. Сейчас его поставят к лучемету, и он опять будет жечь... жечь... Сжигать живьем... Всех — молодых, старых...

— Не-ет! — закричал он. — Не буду! А-а-а!

Он вскочил и побежал, нелепо размахивая руками и испуская бессвязные вопли. Ошеломленные солдаты не успели ему помешать — он выбежал за ворота и помчался к лесу, скользя и падая на мокрой траве.

— Тем хуже для тебя, — процедил капитан и медленно, как на учениях, прицелился между лопатками сержанта.

Выстрелить капитан не успел. За миг до выстрела сержант вдруг отделился от земли, словно подхваченный таинственной силой, описал в воздухе огромную дугу и исчез за стеной деревьев.

Никто не заметил, как в это время привязанный к подножью статуи пленник легко разорвал сверхпрочные веревки. Затем одним гигантским прыжком он преодолел расстояние, отделявшее его от леса. И как только он исчез за колючими вершинами, солдаты услышали странный звук — словно кругом них всхлипнула жалобно земля, и весь лес пошатнулся. Огромные деревья, вырванные с корнями, начали рушиться со всех сторон на ограду.

Когда все было кончено, туземцы собрали уцелевшее оружие. Робин отыскал изодранную сумку с медикаментами и отправился туда, где под присмотром туземцев сидел трясущийся, полуобезумевший Кумбс.

— Не убивайте меня, — жалобно сказал Кумбс и тихо заплакал.

— Сейчас мы отведем вас к кораблю, и вы улетите на Землю, — сказал Робин. — Убедите экипаж улететь как можно скорее, не пытаясь ничего предпринимать. В противном случае корабль будет уничтожен. У нас достаточно сил, чтобы сделать это.

— Эликсир силы? — с трудом выдавил из себя Кумбс.

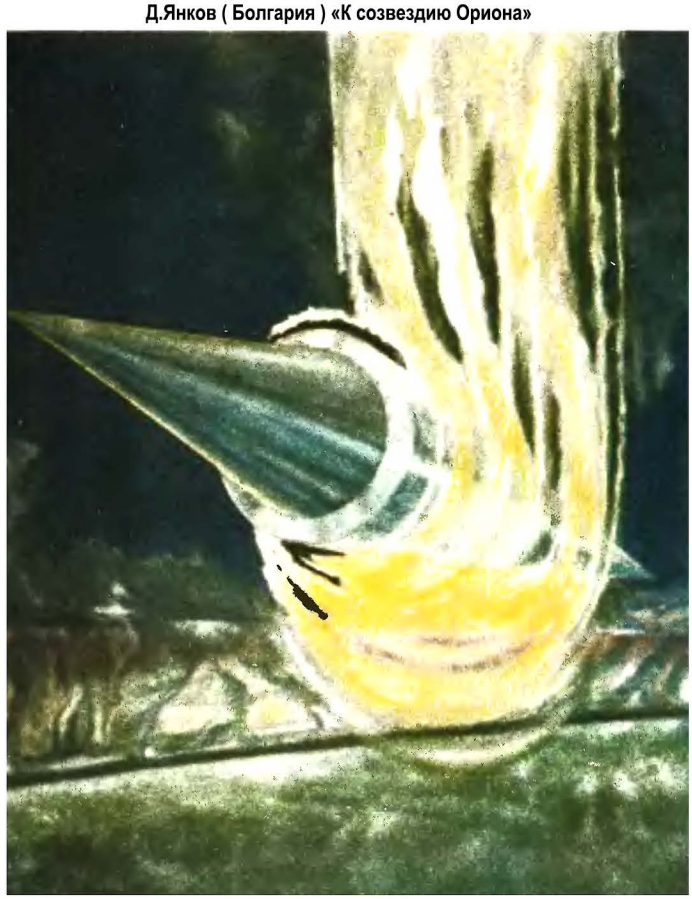
— Его не существует, — отрубил Робин. — Но у народа этой планеты есть гигантская сила, которую нельзя ни украсть, ни отнять. Это что-то наподобие цепной реакции в уране. В малых количествах он безопасен, но едва его масса достигнет критической — взрыв! Так и наша сила — она проявляется лишь в тех случаях, когда мы собираемся все вместе, для решения общих дел.

— А вы? — спросил сержант. — Разве вы не хотите вернуться?

Робин грустно улыбнулся.

— Мое место здесь. В нашей стране на Земле слишком много любителей легкой наживы, не внемлющих голосу разума. Мы должны быть готовы встретить их. Скоро всю планету покроют дороги, и мы сможем быстро собираться везде, где грозит опасность. Об этом вы тоже расскажите там...

Д.Янков (Болгария) «К созвездию Ориона»



П.Аврамов (Болгария) «Гравитационный двигатель»

Владимир Пелюстков «Обсерватория»

С.Прокопчук «Пѣрвая борозда»

С.Волынец «Автоматическая станция на Меркурии»

смешной баобаб

Анатолий ДНЕПРОВ

Рис. К. Арцеулова

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

— А сейчас мы пройдем пампасы и начнем пробираться сквозь южноамериканскую сельву... Это так у них называются джунгли. А пампасы вроде нашей степи. Правда, здесь, в Аджарии, нет степей. А рядом, на Украине, есть... Джунгли у нас тоже есть. И здесь, на Кавказе, и в Уссурийском крае. Это рядом с Владивостоком...

Каро, наш гид по Батумскому ботаническому саду, не умолкал ни на минуту. Он знал в этом саду, или, лучше сказать, заповеднике, каждый уголок, каждое деревце или куст. И не только знал по имени, но и всю родословную. Он был высокого роста, широкоплечий, с тонкими белыми усами и острой бородкой, которая делала его чем-то похожим на Дон-Кихота.

Мы были очень удивлены, когда узнали, что Каро из своих шестидесяти пяти лет двадцать гонял в горы отары овец. Позже я узнал, как удивилось руководство Батумского ботанического сада, когда в отдел кадров к ним, прихрамывая, пришел старик и сказал, что хочет работать здесь. В горах он сломал ногу и теперь не может больше оставаться в пастухах.

— А что вы, собственно, сможете у нас делать?

— Ухаживать за этими прекрасными деревьями и цветами. Они всегда стоят на месте, не то что мои овцы. А уж я их полюблю, как родных, хотя большинство из них и чужие.

Сначала он был садовником. А после стал гидом.

Дирекция сада была потрясена памятью и понятливостью Каро, который за год впитал в себя все, что рассказывали профессиональные гиды экскурсантам.

Сейчас ему нельзя было дать и шестидесяти. Да и вообще здесь, в Аджарии, старики безвременны. Того и гляди столетнего гражданина окликнешь: «Молодой человек!»

Мы пробрались сквозь опутанную лианами сельву, где царил полумрак и влажная, мшистая земля дышала горячим терпким паром, и выбрались на залитую солнцем поляну.

— Здесь, товарищи, начинается Экваториальная Африка. Начинается она с саванны.

— Чего, чего? — переспросил кто-то.

— Саванна. Это по-африкански тоже степь.

Наша экскурсионная группа пробиралась по узкой тропинке к вершине холма. Причудливые травы и кустарники окружали нас со всех сторон; и иногда, на поворотах, мы видели только высоко поднятую голову Каро, который оживленно что-то рассказывал тем, кто шел рядом с ним.

— С вершины холма очень хорошо видно море. Там мы отдохнем. В тени вон того замечательного дерева.

Экскурсанты расположились на траве и залюбовались видом на море. Солнце склонялось к вечеру, воздух светился серебристым светом, и море было не голубым, как обычно, а серебристым, с гофрированной солнечной дорожкой, теряющейся в дымке.

— Аве маре, моритури те салютант, — мечтательно произнес инженер из Ленинграда. — Все мы умрем, и сюда придут другие люди и будут любоваться этим волшебным зрелищем...

— Зачем умирать? — воскликнул Каро. — Жить надо! Долго-долго, как это дерево!

Он повернулся к стволу зеленого гиганта и любовно погладил мощную морщинистую кору.

— А что это за дерево, Каро?

— Замечательное дерево. Вечный страж африканских саванн. Это баобаб. Живет пять тысяч лет!

— Сколько? — взвизгнула молодая курортница в шортах.

— Пять тысяч. Может быть, даже больше. Его привезли сюда уже в очень солидном возрасте.

Каро встал, вытащил из кармана выцветшей сатиновой куртки клеенчатый сантиметр и стал обмерять ствол. Закончив обмер, он достал записную книжку, посмотрел на столбик цифр и записал следующую.

Никто не заметил, как он поднял голову, посмотрел на могучую крону дерева, глубоко вздохнул и укоризненно покачал головой.

Когда он попрощался с нами у выхода из сада, я взял его за руку и отвел в сторону.

— Каро, а почему вы обмерили ствол баобаба, а после печально вздохнули?

— Сохнет. Понимаете, сохнет на глазах. Это будет такая потеря. Сначала обхват был десять метров семьдесят сантиметров. После — девять метров тридцать сантиметров. А сейчас уже пять метров, — гибнет не по дням, а по часам. Делаю все. Не отхожу от него. Ученые подкормку придумали. А он сохнет...

Последние слова он произнес с сильным акцентом, темпераментно

махнул рукой и скрылся среди олеандров, прихрамывая пуще прежнего.

Года через три я снова оказался в Батуми, на конференции по проблеме долголетия, и вспомнил Каро и его погибающий баобаб. В перерыве между заседаниями я отправился в ботанический сад.

— Где Каро?

— Как обычно, — безразлично ответила голубоглазая лаборантка. Она переливала какую-то жидкость из одной колбы в другую.

— Что значит «как обычно»?

Она подняла на меня большие глаза.

— Возле своего баобаба.

— Он по-прежнему работает гидом?

— Нет, сейчас не работает.

— На пенсии, значит?

Девушка криво улыбнулась.

— Здесь, в Батуми, проходит конференция по долголетию. Читала я в газете, как местные физиологи расхваливают здешний климат и здешних стариков. А вот то, что некоторые с возрастом впадают в детство, об этом почему-то не говорят.

Но я уже не слушал ворчливую белоснежную лаборантку.

Я прошел уссурийские джунгли, сибирскую тайгу, альпийские луга, спустился в пампасы, пересек сельву — и вот саванна!

Я почему-то очень волновался, и мне не терпелось скорее увидеть Каро.

Он лежал у самого стола на спине и курил трубку. Когда я подошел, он повернул голову, а после снова отвернулся и уставился вверх.

— Каро, вы меня не узнаете?

Он молча покачал головой.

— Я был здесь с экскурсией. Вы тогда опасались за это дерево, а оно вон какое роскошное, более пышное, чем прежде, и, конечно, проживет еще пять тысяч лет!

Он снова посмотрел на меня печальными, задумчивыми глазами. Его усы и бородка, казалось, потемнели, а глубокая тень под деревом сглаживала морщины на загорелом лице.

— Я никогда не верил, что дерево погибает. — Он встал и облокотился о ствол спиной. — Я этим ученым с самого начала твердил: «Не так сохнут деревья. Я ничего не знаю про другие баобабы, которые растут в Африке, но этот баобаб какой-то другой. Ну, как бы вам сказать...»

— Какой же он, Каро?

— Смешной. Странный. Очень смешной.

Я вспомнил ворчливую лаборантку.

— Смотрите! — Каро горячился. — Смотрите на кору. Стала гладкая. Смотрите на листья. Стали зелеными и нежными. Разве так погибают баобабы?

Я не знал, как погибают баобабы, но мне стало очень грустно за Каро...

— Он смешной, потому что растет обратно.

— Обратно?

— Конечно. Был старый. А сейчас становится моложе и моложе. Ничего тут удивительного нет.

«Бедный, бедный Каро...»

— Нет, вы только посмотрите!

Я вместе со стариком обошел вокруг дерева и действительно заметил, что оно как будто помолодело. Но разве можно говорить о деревьях, что они постарели, помолодели? Старый клен кажется «помолодевшим» после дождя, а тоненькая пыльная акация напоминает крохотного сморщенного старичка. Это дело воображения.

Я похлопал Каро по плечу.

— Я очень рад, что дерево продолжает жить. Но еще больше я рад за вас, Каро. Выглядите вы прекрасно. До свидания!

— Эти ученые думают, что я сошел с ума! — крикнул он мне вслед.

Прошли годы, и я забыл про Каро и про растущий «обратно» баобаб. Я усиленно занимался геронтологией и пытался вникнуть в страшную тайну старения и деградации человека, и в этом моем увлечении тоже была своя логика. Когда однажды моя жена спросила меня, почему я оставил нормальную физиологию и переключился на изучение стариков и старух, я, не думая, ответил:

— Потому что я и сам старею, а не расту обратно....

Жена подумала и сказала:

— Я как-то слушала лекцию одного математика, специалиста по теории колебаний. Он утверждал, что если будет постигнута тайна биологического регулирования в человеке, то его, человека, можно будет ввести в режим автоколебаний. Это значит, сначала он стареет, после молодеет, а в определенный момент времени начинает опять стареть; и так без конца...

— Болван твой математик! Старение и смерть — прогрессивные факторы биологической эволюции. Да и вообще о вечной жизни могут мечтать только заскорузлые эгоисты...

«Расти обратно, расти обратно...» Где и когда я слышал эти слова?

И тогда я вспомнил Каро и смешной баобаб.

В лаборатории Батумского ботанического сада сидели новые, совсем молодые люди, а старые ученые ушли на покой: построили в пригородах дачи и разводили сады.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

— Как ваш баобаб? — спросил я ведущего научного сотрудника.

— Что?

— В вашем саду рос баобаб из Африки.

— Что-то не помню.

Он вытащил из книжного шкафа толстую книгу и долго ее листал.

— В каталоге не числится, — наконец сказал он.

— Как же так? Я лично сидел в тени этого великолепного дерева.

— Когда, простите за нескромный вопрос, это было?

— Лет... лет пятнадцать-двадцать тому назад...

Молодой человек присвистнул:

— За это время мы так часто меняли растения, удаляли погибшие, подсаживали новые. Может быть, когда-то и был баобаб, а сейчас нет.

Действительно, теперь холм был пустынным, и только море у его подножья серебрилось, как прежде.

Там, где раньше росло дерево, осталось небольшое, поросшее травой углубление, и в самом его центре торчала тоненькая, высохшая веточка. Она легко сломалась у меня в руках, и я сунул кусочек в карман.

О Каро в ботаническом саду тоже никто ничего не знал, и я решил всю эту странную историю выбро-

сить из головы, как вдруг совсем неожиданно она вновь воскресла во всех самых мельчайших подробностях.

Из очередной экспедиции в Аджарию возвратилась шумная ватага моих аспирантов. Они наперебой рассказывали о стариках, которым по сто, сто двадцать и даже сто пятьдесят лет.

— Но самая любопытная история произошла в одном ауле, километрах в сорока к востоку от Батуми! Представляете, приходим с рюкзаками, в коротких штанах, с палками, а на нас никто не обращает внимания. Даже ребятишки! Такого еще никогда не бывало. Не аул, а потревоженный людской муравейник. Мужчины а одном краю базарной площади, женщины — на другом. И все говорят, говорят, кричат, размахивают руками и так далее. Выясняем, в чем дело. Оказывается, ничего необычного. «У тетушки Валии откуда-то взялся ребенок». — «Ну и что здесь удивительного?» — «Тетушке сто восемнадцать лет». — «А где тетушка Валия живет?» — «Вон в том доме, но она никого не принимает». Мы — к дому. Двери на запоре. Стучим. Показывается старуха. Сразу видим — слепая. «Как здоровье, бабушка?» — «Уходите прочь! Вы разбудите ребенка!» — «Но мы, сами знаете, не из тех». Представляемся. Академия наук и так далее. Специалисты. Врачи. «Ах, врачи? Тогда заходите. Мне нужен врач». Заходим. В постельке хныкает малыш, около годика; может, чуть-чуть побольше. «Славный малыш, — говорим, — давно родился?» — «Нет, он пришел». — «Как так — пришел?» — «Ножками. Только вот хромает. Ножку в горах сломал». Осматриваем. Действительно, ножка сломана. Кладем гипс. Повторяем вопрос, теперь более строго. «Давно родился?» — «Пришел, говорю я вам». — «Значит, он вам чужой, тетушка Валия?» — «Нет, не чужой. Это мой сын». Чокнутая старуха! Как мы ни бились, твердит: «Пришел, и это мой сын...» Вот так история!

— А она не называла малыша по имени?

— Называла.

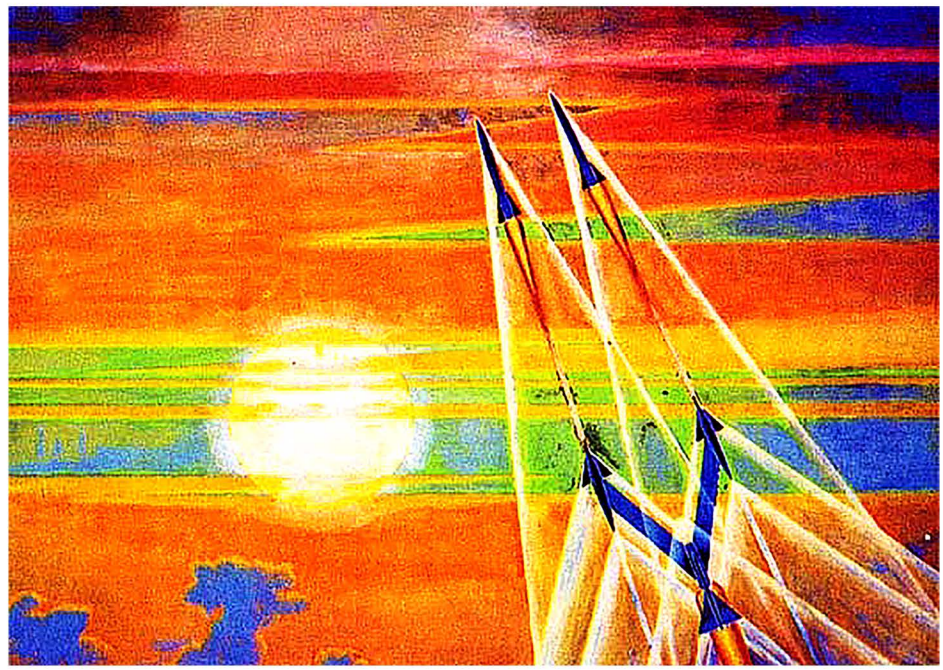
— Как?

— Каро. Кажется, Каро...

...У меня на рабочем столе в институте геронтологии стоит небольшая прозрачная коробочка. На белоснежной салфетке покоится кусочек сухого желтого дерева, и под ним надпись: «Смешной баобаб».

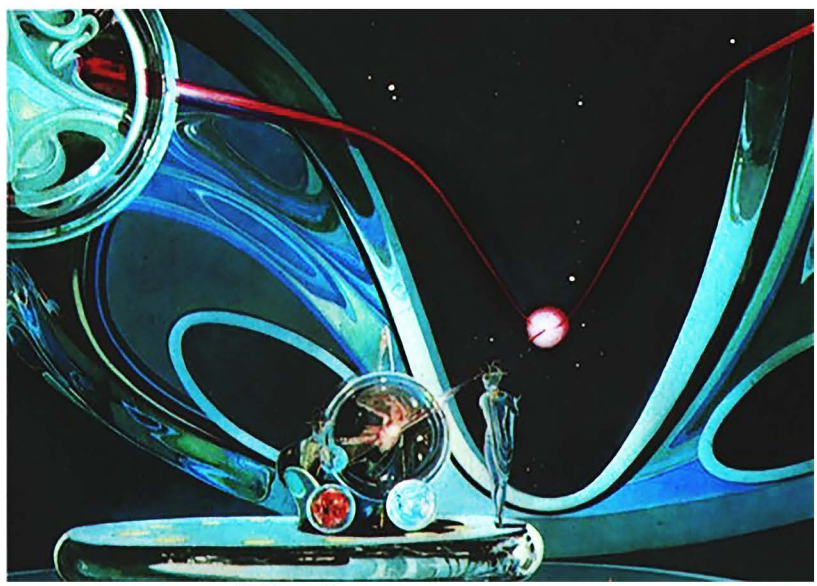
Конечно, это, может быть, и не тот баобаб, а маленький Каро у тетушки Валии, может быть, совсем другой Каро.

Картины с конкурса фантастической живописи



Г.Покровский «Сквозь звуковой барьер»

В.Калинин «Птицы космоса»



Ю.Швец «Пост управления звездолетами»

Рис. Р. Авотина

Антон ДОНЕВ (БОЛГАРИЯ)

АЛМАЗНЫЙ ДЫМ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ПАМФЛЕТ

Согласно статистике абсолютно похожие друг на друга индивидуумы повторяются через каждые 6 поколений.

Статистика никогда не лгала, не солгала и на этот раз. Шерлок Холмс, потомок гениального детектива, снова встретился с доктором Ватсоном, потомком бывшего военного врача в Афганистанской войне. И хотя отец нынешнего Шерлока Холмса занимался производством синтетической колбасы, а отец нынешнего Ватсона специализировался по биофотографии, хотя деды обоих друзей увлекались соответственно микрокибернетикой и микробиологией, но сейчас друзья сидели в уютной комнате и беседовали совершенно так же, как их предки несколько веков назад.

Предоставим, как всегда, слово доктору Ватсону.

В камине нашей уютной холостяцкой квартиры на Бэкер-стрит, 221-Б горел приятный синтетический огонь. На экране внешнего обзора виднелся фиолетово-желтоватый лондонский туман, заказанный Холмсом специально для этого вечера. Иногда сквозь дождь пролетали, жужжа, вертолеты. Несколько атомных микросолнц едва проглядывали в закате типа Л-14.

— Так вот, дорогой Ватсон, — говорил мой приятель, окутавшись ароматным дымом смеси из табака, петрушки и тимьяна. — Очень часто самые запутанные тайны оказываются самыми скучными, а самые скучные случаи могут развиться в события межпланетного масштаба. Такова, например, история с кривым когтем королевского динозавра, или, скажем, с похищением электронного счетчика, или невероятный случай с человеком, укравшим двенадцатибалльный ветер... Как правильно заметил старик Гёте в третьем томе своих сочинений, страница 241, строка третья снизу: «В одном месте стукнешь, а в другом трескается!»

Холмс подал мне магнитофонную катушку и добавил:

— Сегодня утром я получил странное письмо. Поставьте его, я хочу прослушать еще раз.

Я сунул ленту в магнитофон, и оттуда раздался хрипловатый голос:

«— Мистер Холмс, очень прошу вас уделить мне немного вашего драгоценного времени. Я нахожусь в очень тяжелом положении. Буду у вас сегодня вечером, в 11.30. Джозеф Килиманджаро».

— Итак, дорогой Ватсон, что вы об этом скажете?

— У этого несчастного ларингит! — вскричал я, радуясь, что могу проявить наблюдательность.

— Конечно, ларингит. Кто бродит так долго по спутникам Сатурна, тот обязательно его подхватит. Вы знаете, какие там азотные сквозняки?

— Вы его знаете?

— О нет, но я заметил, как он удлиняет паузы после запятых. А это характерно для постоянных обитателей колец Сатурна. Но не будем гадать. Кажется, наш гость уже явился.

Действительно, за окном, музыкально жужжа, повис сине-черный вертолет. Холмс уплотнил воздух у камина, чтобы гость мог располо-

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

житься в тепле, потом открыл окно и приветливо пригласил его войти.

— Простите, что вторгаюсь к вам столь необычным путем, — заговорил новоприбывший, — но боюсь, что за мною следят...

Скафандр у нашего гостя был старомодный. У пояса висел лазерный пистолет калибра 7,65, а кислородный прибор был небрежно заброшен за спину.

— Мистер Холмс, меня зовут Джозеф Килиманджаро...

— Знаю, — прервал его мой гениальный друг. — Кроме того, вы занимаетесь астрохимией, прилетели прямо с системы Сатурна, но останавливались на Венере, поохотиться на...

— Но откуда... — изумленно начал новоприбывший.

— Очень просто. Насчет Сатурна я уже объяснил моему другу. А то, что вы были на Венере и охотились, я догадался по перышку венерианской ласточки на левом отвороте вашего скафандра. Такая ласточка встречается только в лесах Венеры. Этот же отворот говорит мне, что рост вашей приятельницы — шесть футов три дюйма и что у нее старомодные понятия... Но перейдем к делу. Расскажите свою интересную историю.

Джозеф Килиманджаро тяжело вздохнул и заговорил:

— В сущности, мне нечего вам рассказать...

— А это уже много. Простите, что перебил вас.

— Я родился в...

— Где вы родились, я знаю из своей видеотеки. Знаю также, что ваш отец полетел к Магеллановым облакам и еще не вернулся, что ваша мать самозаморозилась, ожидая его возвращения, и что ваш дядя пристрастился к курению горького перца. Простите, я опять перебил вас. Расскажите о последних событиях.

— Позавчера я, как обычно, прибыл в лабораторию около восьми часов по сатурнианскому времени. Перед тем прошел небольшой метеоритный дождь, вокруг было сыровато. Что-то предостерегающе кольнуло меня в левое колено. А когда меня колет в колено, то либо разыграется астроревматизм, либо произойдет несчастье. С бьющимся сердцем я быстро вошел в лабораторию и увидел...

— Что увидели? — быстро спросил Холмс.

— Ничего. Все было в порядке.

— Так я и ожидал. Это уже подозрительно. Продолжайте и простите, что я перебиваю.

— Замирая от ужаса, я осмотрел лабораторию, но не нашел ничего.

— Ага. Тайна разъясняется. Скажите, пожалуйста, кто еще там работает, кроме вас?

— У меня есть два робота типа «Зингер», кибераналитик типа «Считалка» и портативная ультрапишущая машинка «Континенталь».

— Ясно. Заметили ли вы что-либо подозрительное в отношениях между роботами и пишущей машинкой?

— Что вы! Да они друг друга терпеть не могут! Мне приходится держать их в отдельных помещениях, так как вблизи друг от друга они начинают ржаветь. Боюсь, мистер Холмс, что в колено меня кололо недаром. Мне угрожает какая-то неизвестная опасность!

Холмс встал и потер руки.

— Все ясно, мистер Килиманджаро. Возвращайтесь спокойно к своей венерианской приятельнице, а завтра в это же время приходите сюда. К тому времени мы с моим другом Ватсоном развеем все ваши страхи.

Когда гость ушел, мы надели скафандры и отлетели с первым же планетолетом, отправлявшимся прямо на Сатурн.

Лаборатория Килиманджаро была полна какого-то синеватого дыма. Холмс принюхался и кашлянул с довольным видом.

— Так я и ожидал. Дело проясняется. Ватсон, вы лучше всего поможете мне, если не издадите ни звука в течение двенадцати часов, трех минут и сорока семи секунд.

Мой друг достал портативный микроскоп и принялся ползать по полу, потолку и стенам (не забывайте, что мы были в состоянии невесомости!). После этого, не говоря ни слова, направился к астродрому. И только когда мы снова оказались в уютной комнате на Бэкер-стрит и закусывали пилюлями «яичница с ветчиной», он разразился своим веселым смехом.

—Приготовьте оружие, Ватсон. Вечер может быть разнообразным,— сказал Холмс, и почти тотчас же за окном появился знакомый сине-черный вертолет... Вскоре мистер Килиманджаро уже сидел у камина.

— Ну? — хрипловато спросил он.

— Все ясно, сэр, — произнес Холмс и вдруг выпрямился. — Но вы не можете обмануть меня. Пытаться убежать бесполезно, двери охраняются.

— Что это значит? — Килиманджаро вскочил.

— Это значит, «Зингер 12-А», что вы убийца. Вы арестованы именем межпланетного...

Холмс не договорил. Мистер Килиманджаро, а точнее — «Зингер 12-А», жалобно скрипнул и распался на мелкие детали. Гайки и винтики запрыгали по всему полу, а одна шестеренка закатилась под любимое кресло Холмса.

— Дело было ясно с самого начала,— начал свои объяснения мой друг. — Самый факт, что не случилось ничего, насторожил меня с самого начала. Вступив в заговор с пишущей машинкой, «Зингер 12-А» убил достойного мистера Килиманджаро еще в прошлый понедельник, в 10.30 по местному времени. Пользуясь имевшейся аппаратурой, он превратил свою жертву в кристаллики углерода — в тот, я сказал бы, алмазный дым, который мы нашли в лаборатории. А у меня, как вам известно, есть одна скромная монография о различных видах дымов и туманов... Робот и машинка давно уже пребывали в авантюрной и несчастной связи. Несчастной потому, что Килиманджаро из ревности не позволял им часто бывать вместе. Отсюда история и начала выясняться. Роботы ржавеют не от ненависти, а от взаимной любви. Вторым звеном в цепи был голос мнимого астрохимика. Вы, дорогой Ватсон, ввели меня в заблуждение. Это был вовсе не ларингит, а всего лишь скрип давно не смазанной дыхательно-речевой системы. Робот и машинка сговорились бежать вместе на Меркурий. Они рассчитывали собрать алмазный дым и использовать его там как валюту. Но робот сначала пытался замести следы. С помощью видеопластической установки, спрятанной у него под левой мышкой, он принял вид своей жертвы, побывал на Венере, повидался с приятельницей астрохимика, чтобы проверить, узнает ли она своего возлюбленного, а потом явился ко мне, дабы создать себе алиби. Через два дня он исчез бы, и мне пришлось бы искать ветра в поле.

— Но все-таки откуда вы узнали все эти подробности?

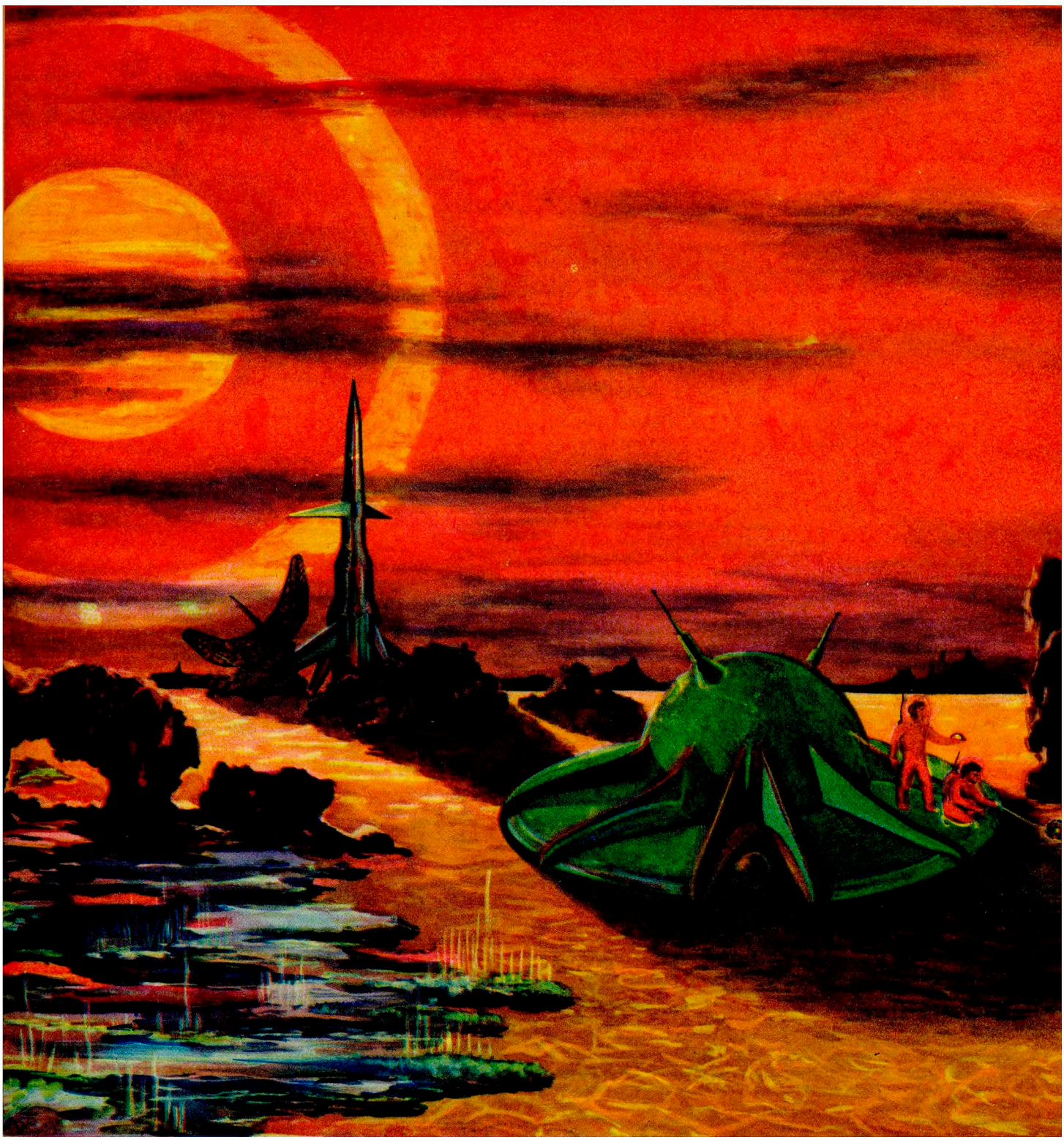
— Частью открыл путем дедукции, а остальное вышептала мне сама пишущая машинка.

— Что такое? Машинка, сама замешанная в...?

— Чувство разочарования, Ватсон, чувство разочарования. Во-первых, ее «Зингер 12-А» совершенно перестал следить за собой, во-вторых, коллега «Зингер 12-Б» относится к более новому типу. В-третьих, после совершения преступления она испугалась... Эх, Ватсон, как мало вы знаете женщин!

Холмс тихонько засмеялся и снова погрузился в размышления и в табачный дым.

С болгарского перевела
З. Бобырь



А.Непорожний «Биопробы»

Роберт Э. АЛЬТЕР Рис. И. Шалито

Мираж

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Шестеро наших рабочих-африканцев уныло ковыряли лопатами твердую, серую от зноя землю, спекшуюся на ровных, плотно уложенных камнях. Вероятно, раскопали пол древнего жилища или, может, крышу осевшей постройки? Наверняка что-то скрывалось под этой каменной кладкой.

Я устроился на обломке стены как раз над землекопами и наблюдал за работой. Тэннер, мой компаньон, лежал поодаль в палатке, страдая от очередного приступа лихорадки.

Наступили сумерки. Повеяло свежестью, и наконец первые крупные капли дождя оросили иссохшую землю. Сначала они падали редко, словно крошечные серебристые плоды с волшебного дерева.

Рабочие расчистили почти всю площадку. Сумерки быстро сгущались, и мне пришлось присесть на корточки, чтобы лучше рассмотреть кладку. Сомнений не оставалось — это была крыша, сложенная из плотно пригнанных камней правильной формы.

— Хелло, — обратился я к старшему из рабочих Хассину, — отодвиньте-ка один из угловых камней.

Хассин перевел мои слова, и рабочие начали орудовать ломами. С трудом одну из угловых плит удалось сдвинуть в сторону. Глазам открылся черный зияющий прямоугольник.

— Принесите лестницу и фонарь, — мой голос чуть дрогнул на последнем слове.

Сгорая от нетерпения, я выудил из кармана огрызок свечи и зажег его. Затхлым, нездоровым запахом подземелья тянуло из разверстой каменной кладки. Сунув свечу в дыру, чтобы убедиться в отсутствии ядовитых газов, я тщетно пытался разглядеть что-нибудь внизу. Вскоре подошли африканцы и опустили в яму лестницу. Хассин подал мне фонарь. Я начал спускаться.

Как ни странно, здесь было сухо. Только холод и темнота создавали ощущение сырости. Тяжелые капли дождя падали сверху и стекали по ступенькам лестницы. Поднятый над головой фонарь осветил мрачные стены, здесь и там виднелся беловатый налет плесени.

Неожиданно в зыбком мраке мне почудилось видение, словно сотканное из бликов от фонаря. Это была фигура обнаженной женщины. Изумленный, я чуть не пробормотал «простите, мадам». Мраморная скульптура в полный человеческий рост как будто светилась изнутри холодным белым светом. Я подошел к ней поближе.

Это была, бесспорно, самая замечательная скульптура, какую мне когда-либо приходилось видеть. Мельчайшие детали — волосы, ресницы, ногти — поражали своей достоверностью. Она стояла как живая, слегка расставив ноги, туловище чуть повернуто над великолепными бедрами, взгляд обращен в сторону, через плечо. Непередаваемое впечатление производило лицо, вернее, его выражение. Нечто странное и загадочное виделось в нем. Было ли это удивление, ужас или восторг? Что же так поразило ее? Я, как во сне, топтался вокруг статуи и даже посматривал в ту сторону, куда смотрела она... Кто создал этот шедевр? Как он попал сюда? И когда? У меня не было никаких сомнений: мы сделали необычайное, быть может, великое археологическое открытие!

Я вернулся к лестнице и отпустил рабочих домой. Хассин снова многозначительно ухмыльнулся, прежде чем пошел прочь. Неужели он увидел? Подходил ли он к дыре, пока я был внизу?

Едва дождавшись, когда рабочие исчезнут из виду, я бросился через кучи щебня к палатке, где лежал Тэннер. Дождь лил как из ведра.

— Ты никогда не мог и мечтать о такой находке! — мой голос тонул в шуме дождя. — Она... она бесподобна! Нет, это не то слово! Ты только взгляни на ее лицо!

Тэннер приподнялся на своем ложе, проворчал что-то

и бросил таблетку хинина в рот. Это был приземистый и грузный человек, совершенно лысый. Раскопщик, не связанный никакими обязательствами с археологическими партиями. Впрочем, ни один уважающий себя археолог не хотел иметь с ним дело. Своеобразные методы Тэннера не пользовались популярностью. Мексиканское правительство преследовало его за контрабанду юкатанских сокровищ. Из Камбоджи он был изгнан за те же делишки. Греки при одном упоминании его имени приходили в ужас. Я не одобрял приемов Тэннера и пустился с ним в приключения только потому, что восхищался его эрудицией и археологическим чутьем.

— Уверен, что ты не предполагал найти здесь такое сокровище, — продолжал я.

Тэннер попытался подавить свою дрожь и криво усмехнулся.

— Судя по тому, как ты отзываешься о нем, действительно не предполагал. Впрочем, нет ничего удивительного, что оно спрятано именно здесь. Пойдем-ка поглядим.

Накинув дождевики, мы двинулись в темноту сквозь сплошную стену воды.

Тэннер, лишь только увидел скульптуру, чуть не задохнулся.

— М-мой бог! Эт-то ф-фантастично, М-миллер! Зажги еще фонарь!

Я зажег второй фонарь. Тэннер крался вокруг скульптуры, цепко оглядывая ее.

— Что-то невероятное! Ты только посмотри, как проработаны детали! Она древняя, древняя, древняя, мой мальчик, ты даже не можешь себе представить, какая она древняя! Это, конечно, не греческая и не римская скульптура. Черт возьми! Даже самые великие мастера древности не смогли бы так оживить мрамор!

Лицо мадонны вновь приковало мой взгляд. Что там она увидела, там, неизвестно где?

— Миллер! Ты знаешь, сколько она сто́ит?

Я покачал головой... Так и знал, что он заговорит об этом.

— Ее стоимость — это тридцать лет моих скитаний по миру, тридцать лет опасностей и лишений. Несколько раз я обогнул земной шар в поисках этой женщины, но никогда не мог представить себе, что она так прекрасна. Невероятная удача! — Тэннер замолчал и перевел дыхание.

— Ты все сказал? — спросил я.

— Что ты, что ты, конечно, нет, дорогой мой, ведь это золотое дно! Это же тысячи, сотни тысяч долларов! Я знаю надежных людей. Двое из них живут в Париже. Они не зададут никаких вопросов, даже не спросят наших имен. Никаких расспросов. И никаких налогов! Все пополам, мой мальчик, фифти-фифти, если...

— Если я помогу тебе вывезти ее отсюда!

— Иначе ничего не будет. Ты прекрасно это знаешь. У местных чиновников липкие руки. Мы должны быть довольны, если увезем отсюда какие-нибудь черепки или бусы. Как думаешь, Хассин и эти парни видели ее?

— Вряд ли. Я спустился сюда один. Черт его знает, этого Хассина! Может, он подкрался и заглянул вниз, когда я отвернулся?

— Если он узнал, то уже сообщил властям. В этом можно не сомневаться. Миллер! Мы должны увезти ее сегодня ночью! Сейчас!

Я начал отговаривать его, но уже через минуту сам стал колебаться. Слишком уж велик был соблазн разбогатеть или хоть стать знаменитым. Прежде чем окончательно решиться, я спросил Тэннера:

— Ты уверен, что это шедевр? Она действительно очень древняя?

— Я знаю свое дело. Она не упоминается ни в одном из существующих каталогов. Это точно... Ее уникальность подтвердит любой специалист. Но в этом ты вполне можешь положиться на меня. Все, что ты должен сделать, — это помочь мне вывезти ее отсюда.

— Куда? И как? — спросил я.

— Дай подумать... Нам надо найти какое-нибудь суденышко, чтобы переплыть реку. Правда, в пути нас могут перехватить морские патрули. Нет, так не пойдет. Мы должны довезти ее на нашем грузовике берегом до границы. Идет?

Я поразмыслил и согласился.

Мы опутали скульптуру веревкой, перекинули свободный конец через блок, кое-как закрепив его над дырой, и осторожно начали приподнимать драгоценный груз. Как ни странно, но мне показалось, что мрамор должен быть тяжелее.

— Как ты думаешь, она из халцедона? — спросил я, когда мы остановились на минуту, тяжело дыша. Сплошной поток воды продолжал лить на нас сверху. — Почему она так поблескивала при свете фонаря?

— Это, должно быть, влага, — отозвался Тэннер,— за сотни лет она могла скопиться в погребе.

Может быть. Но ведь погреб был запечатан не хуже, чем гробница Тутанхамона...

Наконец мы вытащили статую в дождь и темень, и Тэннер заторопил меня. «Скорее грузовик! Ради бога, скорее!»

Наша старая развалина с высокими металлическими бортами и открытым верхом стояла рядом. Я подал машину к яме, затем выскочил из кабины и начал опускать задний борт. Тэннер, обхватив качающуюся статую, со страхом следил за моими движениями. Борт со скрежетом опустился, и холодная черная вода схлынула из кузова. Тэннер трясся так, что слышно было, как он стучал зубами.

— В-все хорошо. В-возьми ее з-за плеч-чи, н-не з-за голову, парень! Р-ради всего святого, ос-ст-сторожней!

Чертыхаясь и толкаясь, раскачивая и подпирая статую то с одного бока, то с другого, мы наконец втащили ее в кузов. Тэннер шипел, как бразильский боа:

— Т-теперь лег-че! Тих-хо! Не с-стукни ее о б-борт!

Слава богу, наша мадонна была в кузове. Она лежала на спине, щедро орошаемая дождем, лицо, слегка повернутое к левому плечу, хранило застывшее, поразившее нас странное выражение. Чем она удивлена?

— Я с-сяду з-за руль, — сказал Тэннер, оттолкнув меня в сторону.

Нахмурившись от смутного предчувствия, я поднял задний борт и, обойдя машину, влез в кабину. Тэннер захлопнул дверцу, нажал на стартер, и мы двинулись. Сначала медленно, пока вылезали из грязи, затем, как только выехали на дорогу, понеслись зигзагами.

— Легче! — пронзительно крикнул я.

— З-заткнись! — огрызнулся Тэннер.

А дождь все лил, лил. Вода капала с потолка кабины, сочилась через щели и даже через неплотно подогнанные края ветрового стекла. Грузовик буксовал, выкарабкивался из грязи, резко поворачивал и скользил юзом, затем вновь вырывался вперед. Тэннер, не переставая трястись, стучал зубами и корчился за рулем.

И вдруг все происходящее показалось мне безумием — эта сумасшедшая гонка ночью по раскисшей дороге, этот трясущийся в лихорадке, ослепленный навязчивой идеей неудачник, скрючившийся за рулем, эта мраморная женщина с загадочным лицом, слегка повернутым к левому плечу...

— Тэннер, — позвал я, — зря мы все затеяли...

— Замолчи ты, черт возьми! Разве ты не понимаешь, что я везу в кузове? Это моя жизнь. Вся моя жизнь! Тридцать лет я лелеял мечту о таком сокровище, и вот оно в моих руках. Да разве я мог представить себе, что она будет такой? Она моя! Я нашел ее и вывезу отсюда — никакие силы на земле не остановят меня!

Настойчивый рефрен в его словах — я, мое, моя — неприятно поразил меня... Продолжает ли он считать нас равноправными партнерами «фифти-фифти»? Болезнь или наша находка помутила его разум?

Далеко впереди вдруг появился и исчез огонек. Вот он снова зажегся и медленно стал приближаться к нам. Потом замер. Около него зажегся огонек поменьше. Он то исчезал, то снова появлялся.

— Это мотоцикл, — прохрипел я. — Кто-то сигнализирует нам, видно, приказывает остановиться.

Тэннер не отозвался, и я почувствовал, что он гонит машину прямо на мотоциклиста. Мне ничего не оставалось делать, как резко ткнуть левой ногой в ступню Тэннера, лежащую на педали тормоза.

— Болван! Ведь ты убьешь его!

Машина с визгом затормозила и развернулась, подняв фонтан грязи.

— Проклятье!

— Черт бы тебя побрал!

Высокий детина в дождевике направился к нам, тяжело ступая по грязи. Это был один из береговых патрульных. На доктевом сгибе у него уютно лежал автомат довоенного образца. Он подошел к кабине с той стороны, где сидел Тэннер, и постучал дулом автомата в дверь. Тэннер молча опустил стекло.

— Кто такие? — спросил патрульный. — И куда направляетесь?

Мы вытащили свои бумажники с удостоверениями личности и подали ему.

— На раскопки, — безразличным тоном произнес Тэннер.

— Вы видите, мы археологи, — сказал я. — Переезжаем с места на место в поисках древних сокровищ.

— Да-а? — протянул патрульный. — Есть разрешения?

— Они у вас в руках, — сказал Тэннер.

— Да? А что в кузове?

— Инструменты для раскопок.

— Ну-ка покажите!

Тэннер наклонился, словно нащупывая что-то около своих ног. Признаться, я не обратил на это внимания. Словно завороженный я смотрел, как патрульный подходит к кузову. Все-таки мне удалось сбросить оцепенение и выйти из кабины.

— Открывай!

Кузов до краев был заполнен водой, хотя она непрерывно стекала вниз через множество щелей и отверстий в полу и бортах. Я взялся за правый откидной болт кузова и улыбнулся патрульному, словно говоря «пожалуйста, смотрите». Фигура Тэннера метнулась за его спиной. Тяжелый гаечный ключ, описав дугу, с силой опустился на голову патрульного. В тот же миг ночную тьму разорвали выстрелы: «Бах-бах-бах-бах!» Все-таки он успел нажать курок, прежде чем его безжизненное тело повалилось в грязь.

— Тэннер! Идиот! Зачем ты это сделал?

Тэннер ничего не ответил. Он бросил гаечный ключ в сторону и, наклонившись, поднял с травы автомат. Затем сказал:

— Оттащи его в кусты. Живо!

Я подошел к распростертому телу, но из-за темноты и дождя не мог понять, оглушен или убит патрульный.

— Тэннер, наверняка он очень плох или даже мертв.

Холодное прикосновение металла к подбородку обожгло меня. Я поднял голову — Тэннер целился из автомата прямо мне в грудь.

— Тащи его в кусты! — повторил он.

— Тэннер, послушай меня. А если он жив?

— Тащи его в кусты...

Должно было последовать «или...», но я не стал ждать продолжения. Мне было ясно, что теперь мой компаньон не остановится ни перед чем.

— Дальше поведешь машину ты, — сказал Тэннер. Он втолкнул меня в кабину и следом влез сам. Я медленно повел грузовик вперед, объехав на обочине мотоцикл. Автомат упирался мне в правый бок.

— Мы могли уговорить его, — сказал я.

— Нет. Он знал о нас, чиновники подослали его.

— Не говори чепухи, он ничего не знал. Ты ударил его просто так, безо всякого повода.

— Заткнись и крути баранку! — Тэннер больно ткнул меня дулом под ребра.

Вот когда я всерьез испугался. В ушах все еще стоял звук выстрелов «бах-бах-бах-бах». Я замолчал и стал пристально всматриваться в набегающую темноту.

Тэннер что-то бубнил себе под нос. Я прислушался: «...ей тысячелетия... Честно говоря, даже не знаю, к какому периоду ее отнести... Немыслимо, но в то же время... в то же время...»

В то же время она лежала в трясущемся грузовике одна, пока мы неслись сквозь лавину воды и мрак. Ливень не переставал ни на минуту. Казалось, начался всемирный потоп.

Тэннер решил, что мы проехали приграничную полосу. «С-сейчас н-надо б-будет с-свернуть н-на запад».

Может быть, мне следовало резко затормозить и броситься на него? И попытаться вырвать автомат? Но я этого не сделал. Не знаю почему. Я продолжал гнать машину в темноту.

Тэннер ошибся. Заграждение из колючей проволоки тянулось гораздо дольше. Вдруг мы увидели, что дорога упирается в пограничный пост. Поворачивать назад было поздно.

Красно-белый шлагбаум преградил нам путь, и вооруженный часовой уже махал фонарем, приказывая остановиться. Это был крупный пограничный пост. Из кирпичного здания вышел офицер в форме цвета хаки и направился к дороге.

Я нажал на тормоз, машина с остановившимися колесами заскользила по густой грязи. Тэннер выругался и взмахнул автоматом. Я едва успел схватить его за руку.

— Ни в коем случае! Там целый гарнизон, смотри!

Тэннер заколебался, всматриваясь в фигуры часовых. Заграждения из колючей проволоки плотно обступали дорогу. Впереди возвышался наблюдательный пункт, и стоял легкий пулемет, и трое солдат сидели на корточках около него.

— Они разнесут нас в клочья, — проговорил я с тоской.

Тэннер тяжело вздохнул. Вооруженный офицер с часовым приближались к машине. Выражение сильного утомления и полной безучастности появилось на лице моего компаньона. Я опустил стекло, крепко прижав локтем руку Тэннера с автоматом.

— Добрый день, — сказал я лейтенанту.

— Куда направляетесь?

— Мы американские археологи. Хотим добраться до ближайшего порта.

— Почему не поехали через таможню?

Резонный вопрос. Я попытался разыграть негодование.

— Мы нездоровы и утомлены бесконечными вымогательствами ваших патрулей. На южной дороге нам пришлось бы одаривать каждого пограничника, останавливающего машину.

Офицер захохотал.

— Вам так кажется? А что везете?

— Ничего.

Он повернулся к часовому, не сводя с меня глаз.

— Держи его на мушке, а я загляну в кузов.

Я уставился невидящим взглядом на часового. Все внутри у меня оборвалось. Я уже не думал о скульптуре — ведь на нашей совести было убийство. Только этим и объяснялось появление большого вооруженного отряда на границе. Я повернулся и взглянул на Тэннера. Его опять стало трясти, глаза на красном влажном лице бегали, как у пойманного хорька. Он все еще не мог нормально соображать.

— Нет, — прошептал я, — нам не уйти отсюда живыми...

Тэннер впился в меня болезненным взглядом.

— Она моя, они не смогут отнять ее. Я скорее умру, чем отдам! — С этими словами он взвился, пытаясь выскочить из кабины.

При появлении офицера мы прекратили возню.

— Все в порядке, — сказал он. — Можете ехать.

Я вытаращил глаза и машинально произнес: «Благодарю». Тэннер очумело уставился на лейтенанта. Я нажал на стартер, и машина сдвинулась с места. В темноте взвизгивал мотоциклетный мотор, который кто-то безуспешно пытался завести. Красно-белый шлагбаум медленно поднялся кверху.

Я надавил на акселератор, и мы с грохотом пересекли последнюю черту, отделявшую нас от обетованной свободы. Я ничего не мог понять. Правда, я не слышал, как опустился задний борт, но видел, что офицер заглянул в кузов. Конечно же, он встал на задний буфер и осветил кузов фонарем. Но почему он не заметил наше сокровище? Почему не задержал нас как контрабандистов?

— Останови машину, — сказал Тэннер.

— Зачем?

— Останови, говорю. Я хочу заглянуть в кузов. Здесь что-то не так.

— Нет, — сказал я, — нам осталось всего сто ярдов до цели.

— Но ты чувствуешь, что все это очень странно?

— Потерпи немного! Неужели трудно подождать, черт возьми! Видишь, впереди солдаты.

Вооруженные пограничники выходили на дорогу, преграждая нам путь. Я остановил машину. Белолицый лейтенант подошел к кабине.

— Кто вы и что привезли?

Не знаю почему, но я ответил:

— Ничего. Мы американские археологи.

— Я должен осмотреть ваш грузовик, — сказал лейтенант и отошел от кабины.

Тэннер уже был у кузова. Я выскочил вслед за ним. Лейтенант удивленно смотрел на нас.

— Что-нибудь случилось?

— Именно это мы и хотим узнать.

Тэннер и я с двух сторон сняли откидные болты, борт с грохотом упал вниз. Вода хлынула из кузова настоящим водопадом. Мы с ужасом всматривались в черноту кузова, но, кроме воды и какой-то бесформенной массы, не увидели *ничего*!

— Украли! — заорал Тэннер. — Мой бог! Они украли ее!

— Нет! — я схватил его за руки. — Они не могли украсть. Патрульный был у кузова всего несколько секунд. Он не *мог* ее вытащить один, у него не хватило бы сил.

— Но тогда где же она? — взвыл Тэннер. — Куда она делась?

Я запрыгнул в кузов и принес Тэннеру щепотку того бесформенного *ничего*, что лежало на полу. Мой компаньон понюхал *это*, растер в пальцах, лизнул.

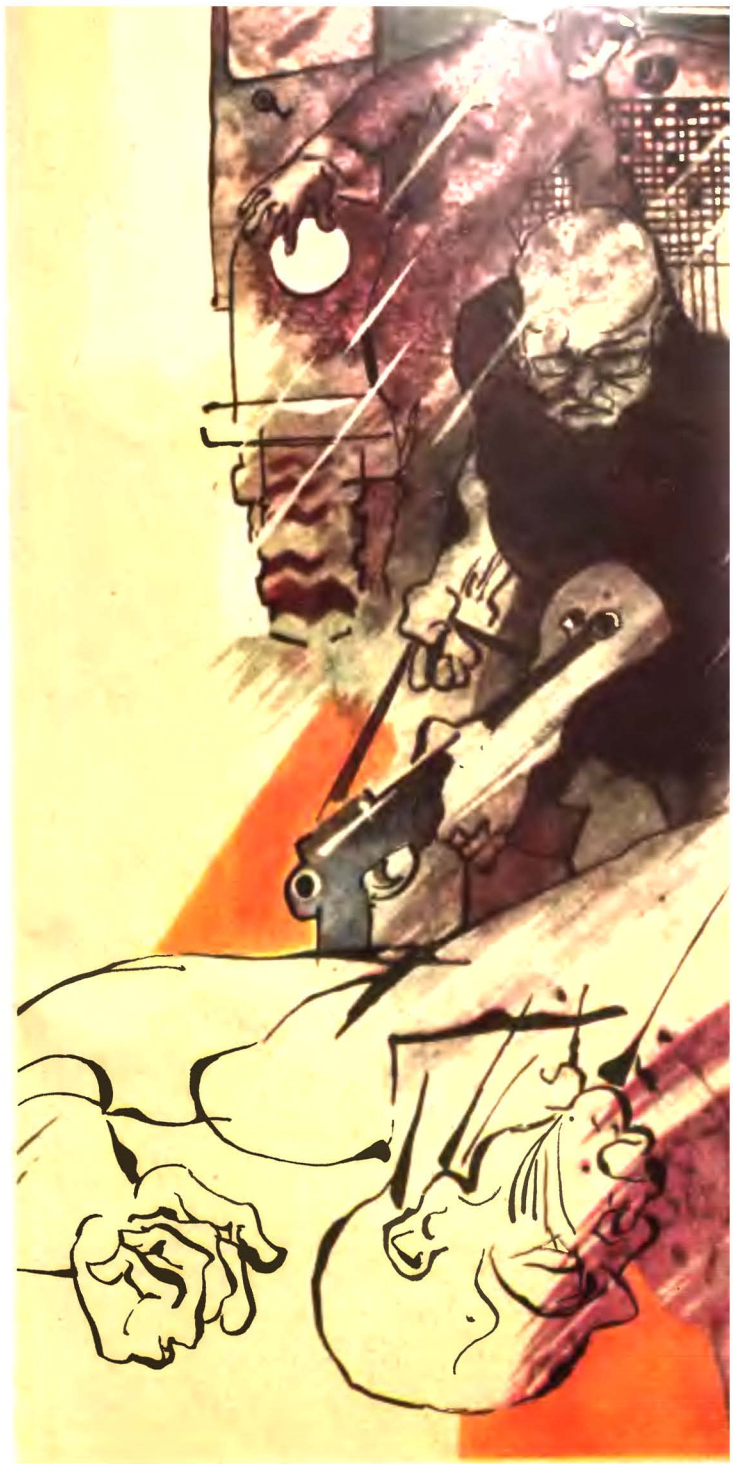
— О боже мой! Я понял! Она *растворилась*! Дождь! Проклятый дождь!

Он зашагал прочь, дико озираясь. Окончательно сбитый с толку лейтенант смотрел ему вслед широко раскрытыми глазами. Тэннер вдруг начал хохотать. Кажется, он рехнулся. Он плюхнулся задом в грязь и залился тонким икающим смехом, который через несколько секунд сменился истерическими рыданиями.

— Очень хорошо, — сказал лейтенант, — очень хорошо, что вы приехали сюда. Нам только психов не хватало. Давайте-ка свяжем его и отведем к доктору.

Мы доставили Тэннера в лазарет и вышли покурить. Дождь постепенно шел на убыль. Я молчал. Правда, меня мучил один вопрос, но лейтенант на него не смог бы ответить.

Откуда она появилась? И куда исчезла? Неужели обратилась в эту бесформенную массу?



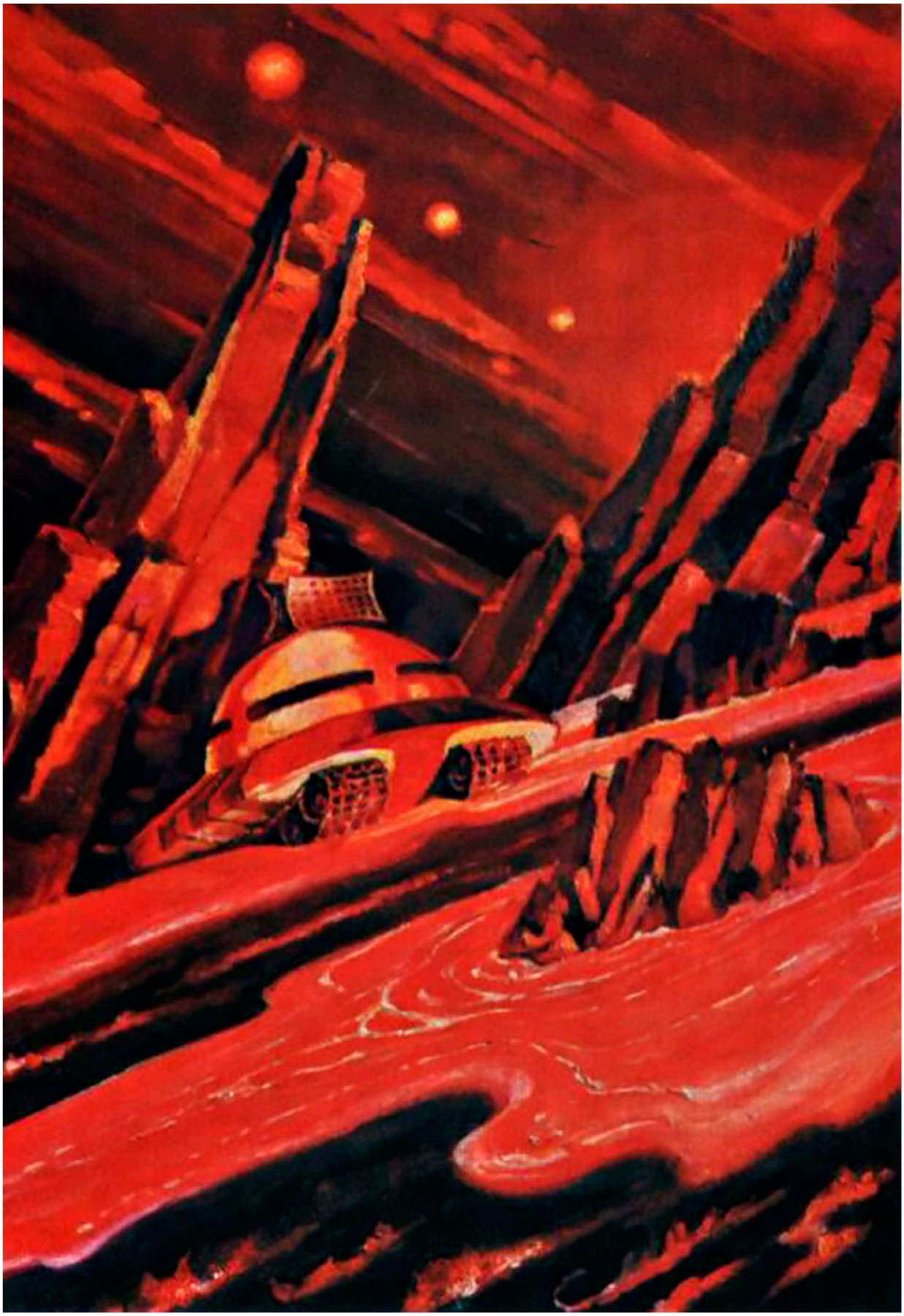
Доктор вышел и попросил сигарету.

— Я дал ему глоток успокоительного, — сказал он. Затем посмотрел на меня и, ткнув пальцем в дверь, спросил: — Давно он свихнулся?

— Да нет! Почему вы так решили?

— Все бредит какой-то статуей, какой-то историей о скульпторе и легендой о жене какого-то Лота, — сказал доктор, — все бормочет, как она оглянулась на эти... как их... на Содом и Гоморру, несмотря на запрет. И сбратилась в соляной столб.

Перевел с английского Г. Лисов



А.Леонов, А.Соколов «Вездеход идет через лаву Венеры»

Владимир ЩЕРБАКОВ

Рис. И. Шалито и Г. Бойко

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

ЗВЕЗДНЫЕ ДАЛИ

— Вы не спите? Посмотрите-ка на ночные огни, — вполголоса сказал Черешнин.

Сергей открыл глаза. Уже стемнело. Машина неслась вперед. Скоро будем на месте, подумал Сергей, вздремнул на минутку, а прошел целый час. Собственно, он не хотел спать, просто думал так сосредоточенно, что перестал замечать ход времени. Думал о полете. О прошлом. О будущем. Вспоминал. Слушал кого-то. Сам говорил. Встретил старого товарища. Спорил. Смеялся. Конечно, уже во сне.

Синяя темнота за стеклом машины смешалась с зарницами на дальних дорогах. Огни, казалось, разбежались в беспорядке по небу и парили слева и справа, впереди и за спиной, внизу и вверху.

— Господи, вот уж сколько езжу, а такого не видел, — скороговоркой сказал Черешнин, — посмотрите: словно вся земля сдвинулась с места.

Белые огни стремительно летели над широкой лентой автострады. За машинами едва поспевали красные пятна — отсветы предупредительных сигналов. Это непрерывное движение могло бы вызвать мысль о стотонных чудовищах, спешащих на ракетодром по тревожному, понятному лишь им сигналу.

Но машины шли беззвучно, по крайней мере, из кабины не было слышно вовсе рокота мотора. Поэтому они напоминали скорее сказочных медоносных птиц с желтыми глазами и красными хвостами. Или тени птиц.

Где-то в звездных далях, подхваченный гравитационным ураганом, мчался навстречу неведомому исследовательский корабль «Уран». Сверхновая вспыхнула рядом с ним, и ее могучее дыхание едва всколыхнуло Галактику, но десять человек — экипаж и сердце атомной ракеты — боролись с чудовищной силой, сжавшей стальной корпус, несшей их в бездну, как буря птицу со сломанным крылом. Лучший исследовательский корабль, предназначенный для изучения околозвездного пространства, оказался беспомощным перед лицом стихии, взрывающей раскаленные недра солнц.

Вот почему в ночной мгле вспыхнули тревожно огни. Уже на рассвете спасательный корабль должен был ворваться в галактические просторы, не теряя ни минуты. Это был совсем необычный корабль.

Огни летели над автострадой, вычерчивая светящуюся прямую. Скорость этого полета не ощущалась. Она угадывалась. У перекрестков огни собирались в стайки. Они подтягивались сюда с юга, востока и запада, чтобы продолжить полет в одном направлении — на север. К ракетодрому. Там они отдавали горбящие их грузы в просторные отсеки корабля, равного которому еще не было.

...Стрелка спидометра касалась пятисот, а потом вдруг поползла, поползла вниз. Черешнин напряженно прикрыл глаза.

— Остановимся.

— Надолго?

— На пять минут.

Машина остановилась — стала заметной скорость движения на трассе. Грузовики проносились мимо как угорелые.

— Я еще помню старые машины, — сказал Черешнин. — Там проще: разъело клапан — можешь ставить хоть пятикопеечную монету, отлично доедешь.

— Сколько же вам сейчас? — спросил Сергей.

— Пятьдесят девять.

— Мы с вами, что называется, ровесники. По нашему календарю.

— Вам сложней. Когда летите?

— Сразу. Если разрешат. Это вряд ли можно назвать полетом. Скорее скачок в пространстве. Туда и обратно.

— Почему вас не подбросили автобусом? Или вертолетом?

— Не могу терпеть ни того, ни другого. Нужно войти в ритм, понимаете? Ночной грузовик чем-то напоминает корабль.

— Вы преувеличиваете.

— Нет. Может быть, когда-нибудь и я буду водить такой же грузовик.

— Наверное, таких тогда не будет.

— Все равно.

Они вышли из кабины и почувствовали под ногами теплую упругую землю. Обочина и придорожные ели казались бельми в свете фар. На секунду откуда-то сверху опустилась тишина. Слышно было, как далеко-далеко треснула сухая ветка. Краем глаза Сергей увидел, как вспыхнул и сгорел метеор. Тепло

от нагретой шинами автострады поднималось к звездам. Над их головами протянулся светящийся след.

— На Марс, — сказал Черешнин, — обычная, ближняя. Вот утра бы дождаться... увидеть. Знаете, у меня там, на «Уране», сын. Второй пилот. Лучше б его не отпускали. У него ведь руки нет. Левая кисть ампутирована... Ну, готово.

Они вскочили в машину. Над землей снова полетели ночные огни. Стекла кабины чуть подрагивали. Сноп света от фар вырывал из темноты белесые дымки над раскаленным полотном дороги. Сотни машин гладили и утюжили его звенящими шинами. Здесь все пути вели на север. Это движение было неотвратимо, а темп его нарастал с каждой минутой.

— В этом есть что-то давно знакомое, — медленно говорил Черешнин, подбирая слова. — Как будто ожила сказка о будущем. Корабль с нейтринным реактором! Неужели ему само время нипочем?

— Пожалуй. Время просто не поспевает за ним. Световой барьер ограничивает среднюю, групповую скорость волн-частиц. А максимальная скорость волн де Бройля, например, может быть во много раз больше. Мне кажется, открытие светового барьера можно сравнить с открытием «неделимых» атомов. Еще одна условность.

— Да. Я понимаю это так. Разве нельзя мысленно увеличить световую скорость в два, три, десять раз? Мысленно это нетрудно сделать, правда? Значит, в бесконечно сложной Вселенной должна быть такая возможность. Нельзя выдумать невозможное. Ведь мысль только отблеск, отражение реальности. Но одно дело — общие принципы и совсем другое — техника, корабли, двигатели...

— Да, одних принципов мало. Эффект инверсии открывает коридор, в котором скорость света — это как раз минимально возможная скорость, но энергия... для этого нужна сила, способная сдвинуть планету. И вот этот бросок на север. Почему — знаете?.. Да чтобы избежать заметного смещения земной оси.

— Нелегко сразу поверить... Световые годы — за три часа! Я могу дождаться вашего возвращения, не выходя из кабины. И это время стоит целого исторического периода.

Откинувшись на спинку кресла, Сергей пытался оставить здесь, на последних земных километрах, усталость и тяжесть, память о тревожных снах, груз былого — все лишнее, словно старую тесную одежду. Ночной рейс будто и вправду сбросил с плеч десяток лет.

Руки Черешнина чуть подрагивали, прокладывая путь среди тысячи огней. Над землей поднималось призрачное зеленоватое мерцанье.

Огромная равнина была похожа на океанское дно, и они были здесь как в батискафе. Стекла кабины гасили ночные звуки, шорохи веток и трав, гул моторов. Молчаливая ночь могла бы показаться бесконечной, но над лесом поднимался все выше далекий свет, словно зарево в стране вечного утра. Там начинались дороги в небо.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

...Здесь начинались дороги в небо. В синем ночном воздухе мерцали ракетные огни. Черешнин видел, как Сергей поднимался по трапу — маленькая фигурка, почти лишенная очертаний. Колодцы иллюминаторов матово засветились изнутри.

До отлета оставалось немного, может быть, два-три часа. Черешнин отвел машину подальше, свернул на обочину и прилег, как, бывало, в кабине, в просторном кресле, от которого пахло маслом и теплым железом. Он знал, что остановил машину слишком близко, но ему хотелось увидеть это своими глазами. Увидеть, чтобы лучше понять. Спасательный корабль «Инвертор» был нацелен совсем не на сверхновую, а в противоположную сторону. И это его немного беспокоило, хотя, конечно, ошибки быть не могло. Смутно он чувствовал красоту решения.

Он почти забыл старые школьные книги с графиками мировых линий, с описаниями пространственно-временного континуума и различных моделей Вселенной — книги, из которых он впервые узнал, что можно придумать не одно, не два, а много объяснений прихотливой связи пространства и времени и все они будут согласовываться с теорией относительности.

Делались же попытки исключить из мироздания материю. Все есть ничто, говорили древние. Материя есть возбужденное состояние динамической геометрии, говорили две тысячи лет спустя.

Что, казалось бы, можно было противопоставить бесконечной Вселенной с несчетным числом солнц? Эвклидову пространству? Прямым линиям, уходившим в бесконечность?

...И вот — замкнутая Вселенная. Начала и концы соединились. Прямые замкнулись. С помощью телескопов, повернутых на сто восемьдесят градусов относительно объекта наблюдения, ищут обратную сторону галактик.

Еще немного времени — и снова говорят о разомкнутой бесконечной Вселенной с отрицательной кривизной пространства, Вселенной, похожей на седло или горный перевал.

Но вот сверхмощные телескопы как будто бы доказали: кривизна положительна, Вселенная замкнута. Есть обратная сторона галактик! И опять посыпались вопросы. Вопросы и ответы.

Оказалось: мы видим обратную сторону мира сразу, мгновенно, как будто нет огромного, замкнувшегося на себе самом пути, по которому путешествует луч света. Как будто тот мир, к которому привыкли глаза и телескопы, — лишь призрак, тень, запоздавший кинофильм, отделенный от Земли световым барьером. А та, обратная, сторона далека, но реальна, словно она и есть настоящая Вселенная, свободная от запретов старой теории. Страшно далекий мир, но с тем же временем. И о сверхновой узнали одновременно со вспышкой, не из запоздавшего фильма — из первоисточника. Но где прямые доказательства, что все так и есть? Никто ведь не летал еще по замкнутой траектории. Разве трудно ошибиться? Кто-то сказал, что время измеряют с помощью движения, а движение с помощью времени. И если та, обратная, сторона не наш мир, а совсем другой, хотя и похожий на наш как две капли воды? Что тогда?

— Не стоит думать об этом, — сказал Сергей на прощанье. — Допустим, что гипотеза неверна. Допустим невероятное: это другая Вселенная в точности такая, как наша. Ну и что? Раз доказано полное тождество, значит и там есть свой исследовательский корабль «Уран», в точности такой же. И я разыщу его. Полное тождество, понимаете? А точнее, симметрия. Один чудак физик строго доказал, что в этом случае должен был бы соблюдаться закон зеркального отражения. Если удастся, к примеру, привезти оттуда журнал, то читать его придется справа налево. А если журнал будет переправлен дважды, то его не отличить от нашего.

Это, конечно, была шутка. Может быть, не совсем удачная. Черешнин помнил, что среди двадцати моделей Вселенной несколько было создано шутки ради.

И все-таки какое-то предчувствие не давало ему спокойно заснуть.

Сейчас, оставшись один, он лежал с открытыми глазами и слушал, как остывал мотор. Короткая северная ночь постукивала минутами, темнота то слегка сгущалась, то таяла. Гурьбой пробежали едва различимые темно-пепельные облака. Небо быстро менялось, дрожали странные лесные тени, приближалось утро.

И во сне он продолжал мысленно отсчитывать секунды, и во сне он ждал и торопил время, потому что знал его цену там, где сейчас был сын.

Он проснулся перед рассветом. Вышел из кабины. В утренней полумгле, в сорока километрах отсюда, на ракетодроме, звучала монотонная мелодия, словно там пели валторны. Земля дышала, он чувствовал ритм этого дыхания. «В укрытия, в укрытия!» — пели валторны. Пролетели раскаты легкого грома. Дрогнула белая утренняя звезда. Синий луч, поднявшийся вверх, расколол небо пополам. Лесное эхо вернуло звуки тревоги.

Стало светло, как днем, и еще светлее. Над лесом, зелено засиявшим, над полями, над серыми дорогами поднялось зарево. Светящееся облако повисло над горизонтом. Мгновение стоял этот свет, вырвавший словно из темноты морского дна и деревья, и кусты, и островки пыльной травы. Свет ударил по глазам. Вспышка была ослепительна. Когда Черешнин открыл глаза, то увидел, что облако поднималось вверх, гасло, рассыпаясь красными гроздьями.

«В укрытия, в укрытия!» — пели вдали валторны.

Земля под ногами сдвинулась с места. По траве побежали тусклые тени. Сверкнула зеленая точка над головой. Вскрикнула птица. Зашептались ветви. Пришел ураган. Корабль был уже далеко, а могучая стихия, освобожденная от стальных оков, рвала зеленые волосы леса. В двадцати метрах от машины упала старая ель.

«В ук-ры-тия!» — прерывисто звучали валторны.

Удар был таким сильным, что казалось, будто небо опрокинулось на голову. Черешнин упал, теплый вихрь прижал его к колесу машины и умчался вверх, разорвав утреннее облако на три части.

В небе расплывались контуры «Инвертора» — его запоздавшая световая тень. Далеко-далеко вздохнула земля. Зашелестело, как сено, как былинки в сушь, — это ложились на землю деревья.

Ровно через три часа он встречал сына, второго пилота корабля «Уран», вернувшегося на Землю впервые в жизни в качестве простого пассажира корабля «Инвертор».

Через пять минут после приземления люди с «Инвертора» вышли из антиускорительных ячеек, защитивших их от фантастических перегрузок.

Еще через пять минут они оставили радиационные скафандры, словно рыцари свои доспехи, и спустились по трапу.

В ясном воздухе корабль высился плоской призрачной громадой. Машины завершили свою работу, машины застыли, как памятники, оставив людей наедине с тишиной.

Сергей видел, как шли по дорожке Черешнины, очень похожие друг на друга. Вот он, Черешнин-сын, настоящий сын-космонавт, только... какое-то предчувствие подсказало ему, что это должно произойти сейчас же. Внезапное сознание слабости, беспомощности, необъяснимой вины захлестнуло его. Земля слегка покачивалась под ногами, и он остановился, чувствуя, что погружается в быстротечный кошмар. Усилие воли ненадолго вернуло его к реальности.

В небе, на земле почти ни одного звука. Желтый лист застыл в своем падении. Птица висела в воздухе, словно в раздумье подтягивая свое тело к верхушке дерева.

Вот Черешнин-отец настороженно замер. Здоровой рукой его сын достал сигарету, щелкнул зажигалкой. Но это была не та рука. Это была левая рука.

Сын остановился так спокойно, что, казалось, одной рукой мог удержать ураган: собраны нервы-струны, открыто ветру лицо.

— Ты заметил, отец... — сказал он, — пустяки, не обращай внимания. С левой рукой тоже можно летать.

Картина художника Геннадия Голобокова «Труженики Космоса»

Техника-Молодежи 1971
РАССКАЗ „БЮЛЛЕТЕНЬ ФАКТОВ № 6“

«БЮЛЛЕТЕНЬ ФАКТОВ» № 6

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

ДЖОН БРАННЕР

1

— Какого дьявола, что произошло с акциями «Лаптон энд Уайт»?

Мервин Грей, прозванный вундеркиндом делового мира, стал в двадцать девять лет миллионером отнюдь не по недостатку решимости в характере.

Кассон был готов ко всему. Но в своем умении справляться с разозленным Греем он бывал уверен лишь до тех пор, пока Грей находился по другую сторону Атлантического океана. Теперь же он нервно облизнул пересохшие губы и заискивающе сказал:

— С ними, знаете, все еще что-то происходит. Сегодня перед самым закрытием биржи они съехали до полутора, а завтра от них вообще нельзя будет избавиться. При таких обстоятельствах...

— Что же произошло? — перебил Грей. — И плесните-ка мне еще бурды, которую вам всучили вместо хереса.

Кассон поставил перед гостем полный бокал и сунул руку во внутренний карман элегантного смокинга.

— А вот что, — сказал он дерзко и протянул Грею сложенный вдвое листок бумаги.

— «Бюллетень фактов» № 5, — вслух прочел заголовок Грей. — При чем здесь эта бумажка?

— Прочтите до конца, — пожал плечами Кассон.

Грей нахмурился, но стал читать. В руках у него было что-то вроде листовки, размноженной с машинописного оригинала методом фотокопирования; оригинал отпечатали из рук вон скверно, с неровными полями, с массой опечаток и даже двумя или тремя помарками. Вызывающе огромные буквы заголовка — и те были неряшливы, а у «ф» в слове «фактов» один кружок налез на другой.

«Дэйл, Докери энд Петронелли Лтд». Мороженое и пломбиры. За последние полгода 3022 ребенка из числа детей, отведавших изделия этой фирмы, перенесли желудочные заболевания.

«Грэнд Интернэшил Тобэкко». Сигареты «Престиж», «Чили-Ментол» и «Каше». Из зарегистрированных за минувший год случаев заболевания раком легких 14 186 имеют место среди тех, кто курит сигареты перечисленных сортов».

А вот и то, что он, Мервин Грей, ищет:

«Лаптон энд Уайт Лтд». Оборудование для общественного питания. За отчетный период в магазинах и ресторанах, где применяются хлеборезки, колбасорезки и прочие режущие инструменты фирмы, 1227 работников лишились одного или нескольких пальцев».

Грея передернуло: он представил себе кровоточащую руку на фоне белоснежной эмали хлеборезки.

— И этот вот... мусор потопил «Лаптон энд Уайт»?

— Так говорят, — подтвердил Кассон.

— Где же выход? Перейти на другие лезвия, повысить безопасность машин? — Грей прищелкнул пальцами. — Нет, не трудитесь отвечать. Если не ошибаюсь, три года назад фирма провела полную реконструкцию?

— И до сих пор не выплатила займа, предоставленного ей для этого мероприятия, — ответил Кассон. — Нет, «Лаптон энд Уайт» потеряла доверие, ее ждет банкротство. По-моему, в этом есть какая-то высшая справедливость... если только люди действительно лишались пальцев по вине фирмы.

— Вздор! — крикнул Грей. — Что острое лезвие опасно, знает любой идиот. Перочинные ножи тоже опасны... да и безопасные бритвы, если на то пошло.

Уголки губ Кассона искривились.

— Составителю бюллетеня это хорошо известно, — сказал он. — Вы еще не смотрели на обороте? Взглянули бы... кажется, предпоследний абзац.

Грей перевернул листок и прочел вслух:

— «В двадцати трех из двадцати восьми случаев сильных порезов лица применялись лезвия для безопасных бритв «Нью-Доун».

Грей осекся и пристально посмотрел на Кассона.

— Да кто примет всерьез такую ерунду? Это работа сумасшедшего!

— Кто-то ведь принял всерьез. Многие приняли. Доказательство — то, что творится с «Лаптон энд Уайт».

— Это не доказательство! — вскочив с кресла, Грей принялся вышагивать по комнате. — А другие фирмы? Не вылетели же они в трубу все до единой!

— Три из них не выпускают акций и в расчет не принимаются. Остальные входят в крупные корпорации, те умеют смягчать удары.

— Но ведь даже если вы правы, надо принять какие-то меры! Разве это не... ну... клевета или как ее там? Явный бред! — заорал Грей. — Кто способен подсчитать... ну... хотя бы число порезов. Абсурд!

— Абсурд или нет, но многие принимают его всерьез. Объяснить?

— Давайте, — в изнеможении сказал Грей и снова опустился в кресло.

— Завладеть этим номером бюллетеня мне удалось лишь после длительного зондирования почвы, — начал Кассон. — Пытаясь выяснить, что стряслось с акциями «Лаптон», я позвонил... ну, скажем, давнему приятелю. По словам приятеля, ему неизвестно, кто еще получает бюллетень, он понятия не имеет, почему и кто ему этот бюллетень высылает. Просто-напросто бюллетень приходит на его имя примерно раз в месяц, в простом конверте и с разными почтовыми штемпелями. Мой приятель стал получать этот бюллетень начиная с третьего номера. Сперва он подумал, что это бред душевнобольного, и выбросил тот третий номер. Но в память ему запали строки о консервной фабрике — он подумывал, не приобрести ли ее акции. В бюллетене говорилось об антисанитарных условиях труда на этой фабрике. И вот из суеверия, как выразился мой приятель, он отказался от своих намерений. Через несколько дней в Лидсе вспыхнула эпидемия брюшного тифа, и ее источником ока-

Рис. И. Шалито
и Г. Бойко

залась мясная тушенка той самой фирмы. Естественно, целых три месяца продукцию этой фирмы никто не покупал, а потом все забылось.

— Продолжайте, — попросил внимательно слушавший Грей.

— Получив следующий бюллетень, мой приятель, конечно, прочитал его внимательнейшим образом. Он не владел акциями ни одной из перечисленных там фирм, но стал следить из чистого любопытства за их курсом. Один из абзацев выпуска был аналогичен вот этому, про мороженое, там говорилось, что многие детишки заболевают из-за игрушек, импортированных фирмой «Дед-с-кий». Знаете такую?

— Разумеется. Куклы и всякая всячина из Гонконга и Японии. У нее вышли нелады с «Ассоциацией потребителей».

— Верно, — кивнул Кассон. — Оказалось, что куклы раскрашивались составом с мышьяком; фирме пришлось сжечь товару на десять тысяч долларов.

Грей впился в «Бюллетень фактов».

— Надо отдать должное этому деятелю. Он умен.

— Из чего это видно? — возразил Кассон.

— Да полно! — вспылил Грей. — Это же бросается в глаза каждому, кто видит чуть-чуть дальше собственного носа! Перед вами блистательная афера, осуществляемая одним из самых искусных знатоков рынка. Если верить вашим же словам, все эти листки составлены по одной и той же схеме. В каждом есть зерно истины в виде непреложного факта: протухшее мясо, ядовитая краска. Бьюсь об заклад, я и сам, не сходя с места, могу набросать перечень двадцати подлинных порочащих фактов и обратить его против стольких же известнейших фирм, затем я высосу из пальца уйму вымышленных событий, красиво подкреплю их вымышленными цифрами и добавлю к истинным. Теперь скажите: что вы думаете о человеке, который собирает воедино подобный вздор?

— Мне кажется...

— По-вашему, это благодетель человечества? По-вашему, он привлекает внимание общества к изделиям, из-за которых люди болеют, или теряют пальцы, или гибнут в авариях? Тогда почему он не нападает на монополии и крупные фирмы, способные разоблачить его вымысел? У меня на службе прямо или косвенно заняты шестьдесят тысяч человек, так ведь? Если надо, я могу нанять еще человек сто и завтра же поручить им проверку утверждения, будто за истекший месяц столько-то десятков автомобилей с шинами «Ультрак» потерпели аварию или столько-то домохозяек утонули в стиральных машинах «Чудо-вихрь».

— А станете?

— Что именно стану?

— Станете нанимать людей для проверки? Ведь автоиспытатели докладывали, что автомобили с шинами «Ультрак» часто заносит на повороте, они боятся юза и...

— При неблагоприятном режиме эксплуатации недостатки свойственны любым шинам! И кстати, шины «Ультрак» нарасхват, потому что они дешевы и разрекламированы до небес... Но вы мне не ответили на вопрос: издатель «Бюллетеня фактов» действительно представляется вам этаким рыцарем в сверкающих доспехах? Вы серьезно считаете, будто он предпринял крестовый поход против товаров, опасных для потребителей? Нет, не верю, что вы до такой степени наивны.

Донельзя униженный Кассон побагровел. Который раз он задумался, долго ли еще выдержит работу на этого... этого мальчишку. Самому Кассону перевалило за пятьдесят, он был чуть ли не вдвое старше Грея. Опытный и удачливый, он снискал в деловых кругах всеобщее уважение. В Грее же есть нечто такое, от чего Кассона тянет раболепно съежиться, тянет свернуться клубком и укатиться куда-нибудь подальше. Быть может, это «нечто» — то самое, что восторженные репортеры запросто именуют «беспринципностью». А может быть, безудержная алчность Грея делала его крайне чутким к алчности потребителей. Все началось с домашних электроприборов, вернее с открытия, что людям претит кидать бешеные деньги на машины, выполняющие всякие малоэстетичные операции вроде стирки белья.

Открытие привело к появлению упрощенных стиральных машин, которые поступали в продажу в разобранном виде. Любой желающий мог в течение получаса смонтировать их при помощи обыкновенной отвертки. Позднее Грей перешел к изготовлению других предметов бытовой роскоши, тоже продавая их как готовый набор деталей, а затем к автомобилю — немаловажной статье семейного бюджета. Сперва в ход были пущены уловки, придающие самой заурядной модели вид машины, изготовленной на заказ. А потом Грей произвел форменный переворот в шинном деле, обнаружив, что автовладельцы скорее снабдят машину новым солнцевизором или эоловой арфой, нежели надежнейшими и дорогими покрышками...

Кассон ощутил на себе насмешливый взгляд Грея и стал судорожно рыться в памяти, пытаясь уловить там эхо последних обращенных к нему слов.

— Собственно... да нет же! Издатель «Бюллетеня фактов» вовсе не представляется мне крестоносцем. Но, по-моему, у него винтика в голове не хватает. Клинический случай ложно направленного идеализма.

Грей задумался, и лицо его чуть-чуть смягчилось.

— По-моему, нет, хотя теоретически и это не исключено. Параноик,

одержимый маниакальной заботой о всеобщей безопасности, благоденствии детей и тому подобном, скорее замахнулся бы на монополии. Нет, налицо все признаки коварной, всесторонне продуманной кампании.

Он откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы.

— У меня к вам будут два поручения. Во-первых, приобрести «Лаптон энд Уайт».

— Что? Я же вам говорил: фирма обречена на банкротство!

— Болван! Я же не предлагаю вам возглавить эту фирму! Надо скупить контрольный пакет акций. Кто финансировал ее реконструкцию — торговый банк? Впрочем, неважно. Кто бы это ни был, он не захочет, чтобы известнейшая фирма вылетела в трубу. Вслед за тем избавимся от опасной продукции, в крайнем случае отправим ее на экспорт. Где-нибудь в джунглях наверняка отыщется

Грей встал и направился к двери.

— Даю вам сроку до следующего номера, детка, — бросил он через плечо. — Иначе вы конченый человек. Пока!

2

Чем дольше Грей размышлял, тем больше восхищался гениальной простотой замысла. Если за какие-то считанные месяцы издатель бюллетеня завоевал безоговорочное доверие и понял даже Кассона (дельца чрезвычайно сметливого, как бы ни издевался над ним Грей) и его неизвестного приятеля, да еще по меньшей мере несколько десятков крупнейших акционеров фирмы «Лаптон энд Уайт» (в противном случае акции не упали бы так стремительно и безнадежно), — значит издателю отпущен незаурядный талант играть на людском легковерии. Чуть ли не с колыбели Грей считал подавляющее

Бюллетень рассылается в конвертах, наиболее распространенных в Англии; печатается на бумаге самого распространенного сорта; модель пишущей машинки давно снята с производства, но в Англии таких наберется несколько тысяч. Грей выслушал поток извинений и рассвирепел.

— Если через неделю я не стану подписчиком «Бюллетеня фактов» № 6, то поставлю на вас крест! — рявкнул он в трубку. — Вы меня поняли?

На том конце провода долго молчали. Потом Кассон откашлялся.

— Можно ведь кое-что предпринять, — сказал он. — Я не решался советовать, но...

— Что именно?

— Можно поместить объявление. Например, в «Файнэншл Таймс». Не сомневаюсь, что наш... э-э... издатель внимательно следит за финансовой прессой.

70 ISFS

МИР ПРИНЦИПИАЛЬНО ВОЗМОЖНЫХ ЧУДЕС

СТАНИСЛАВ ЛЕМ (Польша) — научно-фантастические произведения «Солярис», «Возвращение со звезд» и философская «Сумма технологии» принесли писателю-фантасту исключительную популярность во всем мире.

Успехи и вес науки в жизни общества заставляют не сомневаться, что интерес к научной фантастике будет расти. Однако, листая книги фантастов, я начинаю испытывать тревогу.

Что происходит, скажем, в американской фантастике? В ее авторском активе есть ряд настоящих, больших писателей. Зато подавляющее количество авторов наводняют рынок вульгарной, второсортной, продукцией. Гангстеры в космосе, убийцы на галактических орбитах, ковбои, модернизированные на космический лад, заселили страницы этих книг. Супермены в скафандрах утверждают право неких сверхсильных личностей, проектируют худшие стороны современной жизни на всю вселенную.

Многие фантасты не могут вырваться из круга заколдованных, избитых тем. Герои их, пользуясь свободой фантастического жанра, вызывают духов, испускают флюиды, бездумно телепатируют — короче, отдаются мистике.

Когда открыли Америку, конкистадоры хлынули на новый материк. Вслед за открытием начался не-

невежда, мечтающий украсить бакалейную лавку новой колбасорезкой. Да, черт побери, почему я должен разжевывать, и тем более вам! Изменить название, пустить в оборот магию имени «Мервин Грей» — и через годик-другой фирма отвоюет прежние позиции. Вот так-то, детка!

— Не называйте меня деткой! — ощерился Кассон.

— А почему бы и нет? — голос Грея источал зловещую нежность. — Если вы поступаете как несмышленый младенец, я поневоле считаю вас несмышленым младенцем. И вообще помалкивайте. Свою вину вы должны искупить еще одним: найти человека, который это издает. — Грей ткнул пальцем в «Бюллетень фактов». — Он что-то затеял. Я бы хотел, чтоб это пригодилось и мне. Никто не скажет, будто Грей не способен оценить свежую мысль, особенно когда она приносит верный доход.

большинство обитателей Земли идиотами. Если кто-то другой пришел к тому же выводу и вдобавок извлекает из своего прозрения барыши, значит этот другой будет Грею полезен...

Кассон звонил чуть ли не ежедневно. Выявлены новые люди, которые получают бюллетень, всегда анонимный, всегда в простых конвертах, ни разу не отправленный дважды из одного и того же города. Люди были явно выбраны по зрелом размышлении. Среди них попадались те, кто ведает капиталовложениями трестов и крупных страховых обществ, оптовые закупщики гастрономов, заведующие снабжением магазинов автопринадлежностей, бензозаправочных станций и авторемонтных мастерских, председатели экспертных объединений...

Не выдержав, Грей сам позвонил из своей загородной резиденции Кассону, но узнал до обидного мало.

Грей собрался было обрушиться на смехотворную идею, но сдержался... и передумал. Если рассуждать здраво, то, судя по всему, трудно будет пробить стену тайны, воздвигнутую вокруг себя издателем. А Грей во что бы то ни стало хотел разыскать этого человека. То и дело он ловил себя на грезах о бесчисленных способах обратить бюллетень себе на службу. О том, как он будет доводить фирмы до банкротства, скупать их обесцененные акции и возрождать под новым названием...

— Ладно, немедленно давайте объявление!

3

Шесть дней спустя утренняя почта принесла обыкновенный конверт, адресованный мистеру Мервину Грею. В конверте лежал листок простой белой бумаги — записка с печатным текстом, составленным без обиняков:

«Насколько я понял, вас интересует ближайший выпуск «Бюллетеня фактов». Интерес вполне понятный. С удовольствием покажу вам экземпляр при личной встрече. Но если приедете, приезжайте без сопровождающих».

В верхней части листка значился адрес — маленький городишко, расположенный в нескольких милях к северу от Лондона. Внизу стояла подпись — Джордж Хэндлинг.

План у Грея был таков: отправиться к мистеру Хэндлингу, никого не извещая о поездке; посетить дом (или контору) мистера Хэндлинга; сделать мистеру Хэндлингу предложение — весьма заманчивое. Со временем можно даже предоставить ему должность Кассона, если прочие таланты издателя не уступают умению пользоваться людским легковерием. Полностью охватить перспективы контроля над «Бюллетенем фактов» улицу он разыскивал, да и номер дома совпадал.

Грей заглушил мотор и медленно вылез из машины. Нищенский район и запущенный дом не вяжутся с представлением о гениальном издателе бюллетеня. Неужели Грея разыгрывают? Но ведь письмо и оригинал бюллетеня, бесспорно, печатались на одной и той же машинке. Грей двинулся по дорожке к дому. Тут он заметил, что эта дорожка вопреки ожиданиям не усыпана гравием, а залита бетоном, да и сорняки вдоль нее выполоты.

К этому времени совсем стемнело, а ближайший уличный фонарь был все же слишком далеко. Последние несколько метров Грей шел осторожно, боясь споткнуться о ступеньку. Но ступеньки перед входом вообще не оказалось. Грей счел это странным, хоть и затруднился бы объяснить почему.

ные пальцы торчали чуть ли не под прямым углом к ладони. Ноги были укутаны серым одеялом, испещренным пятнами от пролитого супа и яичного желтка. На трикотажной сорочке недоставало пуговицы, половину лица скрывала нечесаная каштановая борода, другую половину занимала багровая язва во всю щеку. Глаза же смотрели настороженно и проницательно, и под их пристальным взглядом Грею стало не по себе.

— Это вы — Джордж Хэндлинг? — выдавил он.

— Именно, — кивнул человек в больничном кресле.

— Тот самый, кто издает «Бюллетень фактов»?

— Да. Вот что, не стойте на пороге: если будете держать дверь настежь, то напустите в дом холоду, а отопление в наши дни обходится адски дорого

медленный и откровенный грабеж Америки. Так и здесь — как только состоялось открытие жанра новейшей фантастики, на его безграничные материки устремились толпы халтурщиков. Балансируя между тягой читателя к фантастике и уровнем его вкуса, авторы эти беззастенчиво подсовывают читателям фальшивый товар.

Таковы будни фантастики, такова ее жизнь.

Мировыми державами фантастики можно назвать СССР, затем США и Японию. Как ни странно, в некоторых странах, несмотря на высокое развитие науки и техники, жанр фантастики не сопровождается популярностью. Например, издательства ФРГ, Италии, Франции еще не приняли фантастику всерьез. В то же время поток дешевой, низкосортной литературы не перестает наводнять литературные рынки этих стран.

Хотелось бы отметить, что в Советском Союзе любят, читают и ценят именно хорошую фантастику. Не каждая страна может похвастаться таким изобилием зрелых, требовательных читателей фантастики.

Фантастика — это литература проблем человека и науки, литература о будущем. И если народ читает фантастику, то, значит, он смотрит вперед, связывает свою судьбу с судьбами науки.

Наш быт заставлен продукцией техники и науки. Но помыслы человека идут дальше быта, к миражам будущего. Воображение человека всегда жаждало чудесного. Однако современный человек — реалист, чудесного он ждет не от нарушений законов природы, а от их логического продолжения.

Фантастика погружает человека в мир принципиально возможных чудес. Она идет навстречу потребностям воображения человека XX века.

Все больше и больше людей начинают понимать, что приключения развивающегося интеллекта относятся к числу самых острых, полнокровных приключений. Ведь каждое научное открытие — это своеобразный детектив, приносящий ученому острые минуты мучений, поиска, а затем мощный поток радости. Фантастика вводит читателя в мир самого острого из приключений — интеллектуального.

способен лишь человек незаурядного кругозора.

Несмотря на мрачную погоду, Грей насвистывал, сидя за рулем. Но в крохотном городишке — пункте назначения — он почувствовал себя озадаченным. Грей ожидал, что нужная ему улица находится в центре города. Удачливые бизнесмены, избегающие поселяться в больших городах, живут всегда в фешенебельных кварталах своих городков. Пришлось долго и бестолково колесить взад-вперед, а потом Грей обратился к прохожему и был отослан на окраину, в убогие кварталы, выстроенные после войны и не имеющие ни своего лица, ни какой бы то ни было привлекательности. В конце тупика он увидел большое бунгало, где светилось одно из окон. Садик вокруг бунгало зарос сорняками, настежь раскрытая дверь гаража позволяла убедиться, что у хозяина дома нет автомобиля. Однако именно эту

Грей провел рукой по двери, нашарил кнопку звонка и позвонил. Чуть погодя над головой у него зажглась лампочка, и дверь распахнулась.

— Да? — произнес чей-то голос, и тут же интонация непередаваемо изменилась. — Ага, это, надо полагать, мистер Мервин Грей? Входите, пожалуйста. На улице холодно и мерзко, не правда ли?

Грей посмотрел на хозяина... и больше уже не мог отвести от него взгляд. Грея не так-то легко было ошеломить, но чел... существо, представшее перед ним, настолько не соответствовало заранее возникшему образу, что у Грея отнялся язык.

Хозяин сидел в инвалидном кресле на колесиках. Кресло передвигалось благодаря моторчику с батарейным питанием, кнопки управления были вмонтированы в правый подлокотник. Левая рука иссохла, скрючен-

«Но ведь вы, наверное, зашибаете на бюллетене столько, что...»

Грей сдержался и не произнес этого вслух. Онемевший оттого, что все его логические построения рассыпались в прах и загадочный издатель вопреки всему оказался безумцем, он вошел в комнату и осмотрелся. Никогда еще ему не приходилось бывать в таком странном доме. Едва увидев хозяина в больничном кресле, Грей сразу понял причину отсутствия ступенек у парадной двери. А внутри были сломаны перегородки, осталась лишь стена, отделяющая, видимо, ванную. В одном углу стояла кровать, завешенная пологом; в другом углу — шкафы с книгами, в третьем — письменный стол с пишущей машинкой, в четвертом — печатный станок, и повсюду валялись кипы бумаги и пачки конвертов

Судорожными шагами марионетки Грей проследовал за Хэндлингом

к письменному столу. Там горела керосинка с рефлектором, но, несмотря на это, да и на усилия Хэндлинга держать дверь затворенной, в доме было неимоверно холодно.

А может быть, Грею только казалось, будто в доме холодно...

4

— Садитесь, — предложил Хэндлинг и привычно развернул свое кресло так, чтобы сидеть в нескольких миллиметрах от керосинки, не задевая ее. Он кивнул в сторону стула, где на ворохе бумаг стояла чайная чашка. — К сожалению, вам придется все это снять. Видите ли, я не могу допустить, чтобы вещи валялись на полу: во-первых, они путались бы у меня под колесами, а во-вторых, мне трудно их поднимать. Если я случайно что-нибудь роняю, то приходится браться за щипцы. Ну, вот. Надо бы, наверное, угостить вас горячительным, но только я этого не держу. Людям в моем положении спиртное не приносит радости. Если хотите, могу заварить чай.

— Нет... э-э... благодарю, — тихо ответил Грей. — Надо было бы, видимо, заранее известить вас о моем приезде, но... Говоря откровенно, ваши бюллетени произвели на меня такое впечатление, что я бросил все дела, как только узнал ваши координаты.

— Да нет же, вовсе ни к чему было извещать меня заранее, — хмыкнул Хэндлинг. — Совершенно ни к чему. Я польщен, что вы не поленились нанести мне визит, но, по-моему, в этом не было необходимости.

Глаза Грея рыскали по уродливой комнате. Среди холостяцкого хаоса — сорочек, брошенных на спинки стульев, и бумажных груд — они разыскивали немногие вещи, позволявшие верить, что Хэндлинг не самозванец. Грей узнал знакомый красный переплет «Ежегодника британской промышленности», несколько торговых справочников, адресно-телефонные книги, рекламные материалы и проспекты крупных фирм, точь-в-точь такие, какие присылают и ему. Он заговорил лишь для того, чтобы замаскировать свое любопытство:

— Итак, по объявлениям вам должно быть ясно, как я заинтересован в вашем издании.

— По каким объявлениям?—спросил Хэндлинг.

— Ну как же! Вы же из-за них и написали мне, правда ведь? Мы помещали объявления в «Файнэншл Таймс», в «Экономисте»...

— Да нет, откуда мне о них знать, — сказал Хэндлинг.

— Откуда же вам известно, что я проявляю интерес к вашей работе?

— Секрет производства, мистер Грей, — сказал Хэндлинг с натянутой улыбкой. — Вы же знаете, что я располагаю множеством производственных секретов.

Грей изо всех сил старался не потерять хладнокровия. Увечный неряха в кресле на колесах до того не походил на выношенный в мозгу Грея образ одаренного и преуспевающего властителя рынка, что магнат совсем уже решился выкинуть безумца из головы. Но все же, бесспорно, где-то есть источник информации, откуда щедро черпает сведения Хэндлинг, и он, Грей, тоже мог бы подключиться к этому источнику. Надо лишь проявить тактичность. Даже если страшное увечье довело человека до умопомешательства, его все равно можно использовать.

— Да, ваши секреты производства произвели на меня неизгладимое впечатление, — ответил он, стараясь, чтобы голос его прозвучал как можно теплее. Он сцепил пальцы, понял, что позабыл снять шоферские перчатки, и решил оставаться в них, так как в доме стоял пронизывающий холод. — Закулисная информация, какою вы располагаете, может принести несметное богатство, если ею умело распорядиться. В сущности... Ладно, неважно.

— Вы, наверное, хотели сказать, что удивлены образом жизни владельца этой информации: домишко барачного типа на задворках унылого захолустного городка. — Тон Хэндлинга был бесстрастен. — Но здесь гораздо легче держаться подальше от людей, мистер Грей. И кроме того, мне уже не нужно несметное богатство. Была у меня жена. Был и сын. Оба погибли в катастрофе, которая довела меня до нынешнего состояния.

— Я этого... извините, — пробормотал Грей.

— Благодарю вас за соболезнование.

Что можно было сказать после такой реплики? Нащупывая способ сменить тему беседы, Грей задал вопрос:

— Но есть же какая-то цель в том, что вы издаете бюллетени? Или это у вас просто хобби?

— Это больше чем хобби. Практически это у меня основное занятие. Подбор информации сам по себе отнимает много времени, а потом ведь еще надо отпечатать материал на фольге, размножить на ротапринте, надписать адреса на конвертах... Да мне и вздохнуть-то некогда.

— Ясно. — Грей провел языком по пересохшим губам. — Как же вам удается рассылать бюллетени по столь многочисленным адресам? Не сами же вы относите их на почту!

— Да нет, конечно. Есть фирма добрых услуг, она за незначительную плату забирает конверты с бюллетенями и отправляет из любого пункта в радиусе ста миль по моему указанию. Я решил заметать за собой следы до тех пор, пока не буду готов открыть забрало.

— Вы... э-э... у вас сейчас много подписчиков?

— Начинал я с пятисот, выбранных более или менее случайно, — ответил Хэндлинг. — А в этом месяце их будет свыше тысячи.

— Не удивительно, что вы всегда заняты! Э-э... был бы вам очень признателен, если бы вы и меня включили в их число.

— Да ведь бюллетень рассчитан совсем не на таких, как вы! — воскликнул Хэндлинг. — У меня все тщательно продумано. В финансовых кругах Англии есть ведущие личности, и если сопоставить обрывки сведений, просочившихся в печать, то можно догадаться, кто такие эти люди. На составление списка лиц, которым рассылается бюллетень, я затратил несколько месяцев, но ничего. Времени у меня достаточно. — Правой рукой он приподнял бессильно висящую левую и с любопытством посмотрел на нее, как на дохлую лягушку в саду. — Я подбирал тех, кто ведает вложениями крупного капитала, кто занимается экспортом, кто руководит оптовыми закупками крупнейших универмагов, и так далее. Людей, чье решение одобрить или отвергнуть продукцию той или иной фирмы определяет процветание или крах фирмы. Понятно?

Грей неуверенно кивнул.

— А почему вы подбирали именно таких людей? — осмелился он задать вопрос.

— Да из-за характера информации, — пояснил Хэндлинг. — Мне казалось, что именно этим людям следует знать все, что знаю я. Вы же читали мои бюллетени!

— Ага... да, читал, конечно. Но почему вы остановились именно на такой информации? Откуда она у вас?

— Я психометрист. Психометрия— разновидность интуиции. Вообще-то все это, по-моему, проявление всеобъемлющей способности, которой когда-нибудь окажутся наделены все люди, но не в том суть. Довольно часто я узнаю о невероятных фактах— передо мной, так сказать, подымается некий занавес. Иногда я прозреваю будущее, иногда читаю чужие мысли — логически вывожу или нутром чую. Но узкая моя специализация — умение улавливать связь всевозможных изделий с увечьем и смертью.

5

«Что за нелепый бред!» Пылкого желания [illegible] завладеть списком регулярных читателей бюллетеня — как не бывало. Грей встал.

— Что ж, большое вам спасибо, мистер Хэндлинг. Извините, что отнял у вас столько времени. Но если круг подписчиков ограничен...

— Да полноте, мистер Грей! — перебил Хэндлинг. — Не для того же вы изволили посетить мою конуру, чтобы поболтать со мной, ни одним глазком не глянув на шестой номер бюллетеня! — И, чуть помолчав, прибавил: — Этот номер посвящен фирмам, в которых вы принимаете особое участие.

Грей был в замешательстве. С одной стороны, у калеки, безусловно, не все дома; с другой стороны — он, безусловно, вертит рынком как хочет.

— Да, мне бы хотелось взглянуть на шестой номер, — подтвердил Грей.

— Так я и думал! — буркнул Хэндлинг и подкатил кресло к письменному столу, опять чудом не задев керосинку. Он заглянул в ящик стола.

— К сожалению, остались только бракованные экземпляры, — сказал он. — Этот грязный, на этом одна сторона не пропечаталась... А впрочем, ничего страшного, мы сейчас мигом допечатаем. Фольга еще в ротапринте.

Он ловко подкатил к ротапринту. Грей молча восхищался тем, как лихо Хэндлинг управляется одной рукой. Грей сгорал от нетерпения, а Хэндлинг неспешно разглагольствовал:

— Талант у меня, видимо, врожденный, но долгое время не раскрывался в полную силу. Например, я упорно возражал против того, чтобы купить стиральную машину одной фирмы, и действительно, впоследствии эта машина отхватила моему сынишке руку; дешевая была, правда, гораздо дешевле других марок, а мы отнюдь не купались в деньгах, вот я и уступил жене. Насчет швейной машинки у меня тоже были сомнения, но Мег долго не могла работать после...

— Как вы сказали? Сын лишился руки? — мертвым голосом переспросил Грей.

— Совершенно верно. Видите ли, в стиральной машине не была предусмотрена автоматическая блокировка, так что все в ней ходило ходуном даже при снятой крышке, а без воды — и подавно. Бедняжка Билли умудрился включить машину, поднял крышку, и тогда... Ну вот, сейчас приступим, пусть только разогреется. Да, так на чем я остановился? От утюга отлетела нижняя часть и свалилась Мег на ногу. Сильнейший ожог, и после этого Мег долго не могла ходить — небольшой был утюг, но дешевый, сами понимаете. Поэтому Мег купила швейную машинку, чтобы подрабатывать на дому, но машинка взбесилась и насквозь прошила ей ладонь. Я повез Мег в больницу, и в пути-то все и произошло. Автопокрышки. По их поводу я тоже сомневался, но в ту пору нам приходилось довольно туго, ведь Мег не работала, и вот, когда понадобилось срочно менять покрышки, я удовольствовался теми, что были мне по карману. Словом, ехали мы в больницу: Мег рядом со мной вся в слезах, а Бобби на заднем сиденье хныкал. И тогда-то... А вот и ваш экземпляр готов. С полным текстом.

Грей машинально взял протянутый ему листок, но читать не стал. Неотрывно глядя на Хэндлинга, он каким-то чужим голосом спросил:

— И что же... случилось?

— Как показал на следствии очевидец-полисмен, при повороте на большой скорости эти покрышки отделяются от обода колеса, и при этом, конечно, происходит утечка воздуха — покрышки-то, сами понимаете, без камеры. В результате автомобиль потерял управление. Врезался в фонарный столб. Мег и Бобби, пожалуй, повезло. В нынешнем моем состоянии мне бы их не прокормить. Но, лежа в больнице, я обнаружил у себя талант. Совершенно неожиданно. В один прекрасный день подходит ко мне медсестра делать укол, и вдруг я ей говорю: «Человек, которому до меня делали укол этим шприцем, умер, не так ли?» Все решили, что у меня депрессия, но я был готов отвечать за свои слова. Начал выяснять. Оказалось, что, когда я вижу предмет, я... э-э... чувствую, повредил ли он кому-нибудь.

Сначала я улавливал лишь обрывки, но времени у меня было хоть отбавляй. Я было думал, будто постигаю лишь свершившиеся события, и потому неправильно ориентировал себя во времени. Я, наверное, плохо объясняю, но лучше объяснить не могу. Люди еще не придумали нужных терминов.

Потом я понял, что умею заглядывать в будущее, а не в прошлое, и как следует освоил этот навык. Заметьте себе, не так-то просто подсчитывать такие дела. Иной раз, особенно если речь шла о массовой про-

дукции, я мучился несколько ночей подряд, прежде чем окончательно разбирался в фактах, и лишь тогда мне удавалось заснуть.

Зачарованный страстным тоном собеседника, Грей не сводил глаз с его изуродованного лица.

— И что же... вы... делаете?

— Не делаю, а делал, — задумчиво поправил Хэндлинг. — Я же объяснил. Поначалу я чувствовал, что предмет, который я держу в руках, и ему подобные повредят такому-то числу людей, и думал, что все это уже произошло. Но частенько вещи были чересчур новенькие, и в конце концов меня осенило. Я умею предвидеть. Вы спросите: откуда я знаю? А я проверял. Записывал цифры и перепроверял их при каждом удобном случае. Иной раз в газеты просачиваются сведения о пищевом отравлении, об игрушках, опасных для здоровья детей, и так далее. Не прошло и года, как я убедился в своей правоте.

— Но ведь это смехотворно! — вскипел Грей. — Откуда вам известно, например, число порезов безопасными бритвами?

— Цифры будто сами всплывают у меня в мозгу, — ответил Хэндлинг. — Лежу ночью без сна, а они знай тикают, как часы. Когда тиканье прекращается, появляется новое ощущение времени, которое истечет, пока это случится: три месяца, полгода, год. А потом я все записываю. Когда это время проходит, я помещаю сведения в очередной бюллетень и рассылаю его по всем адресам. Подумывал я и о других способах бить тревогу, но пришел к выводу, что они не годятся. Ведь газеты пляшут под дудку фирм, которые помещают там рекламные объявления, верно? А у журналов для потребителей — свой контроль и свои методы. Похуже, чем у меня, но тем не менее... А теперь к моим словам прислушиваются. Особенно с тех пор, как... вы ведь говорили, что для меня дали объявление в газетах, не правда ли?

— Да, — коротко ответил Грей, словно кусачками щелкнул.

— И по объявлению было ясно, что оно исходит от вас?

— Да!

Грей почувствовал, что обливается потом. Как могло ему померещиться, будто здесь холодно, как мог он не снять пальто, перчаток и кашне? В доме ужасная жара!

— Бред собачий! — воскликнул он. — Взять в руки предмет и заявить, что через год он поранит или убьет столько-то человек, — да вы не в своем уме! А ваш бюллетень — просто-напросто грандиозное мошенничество!

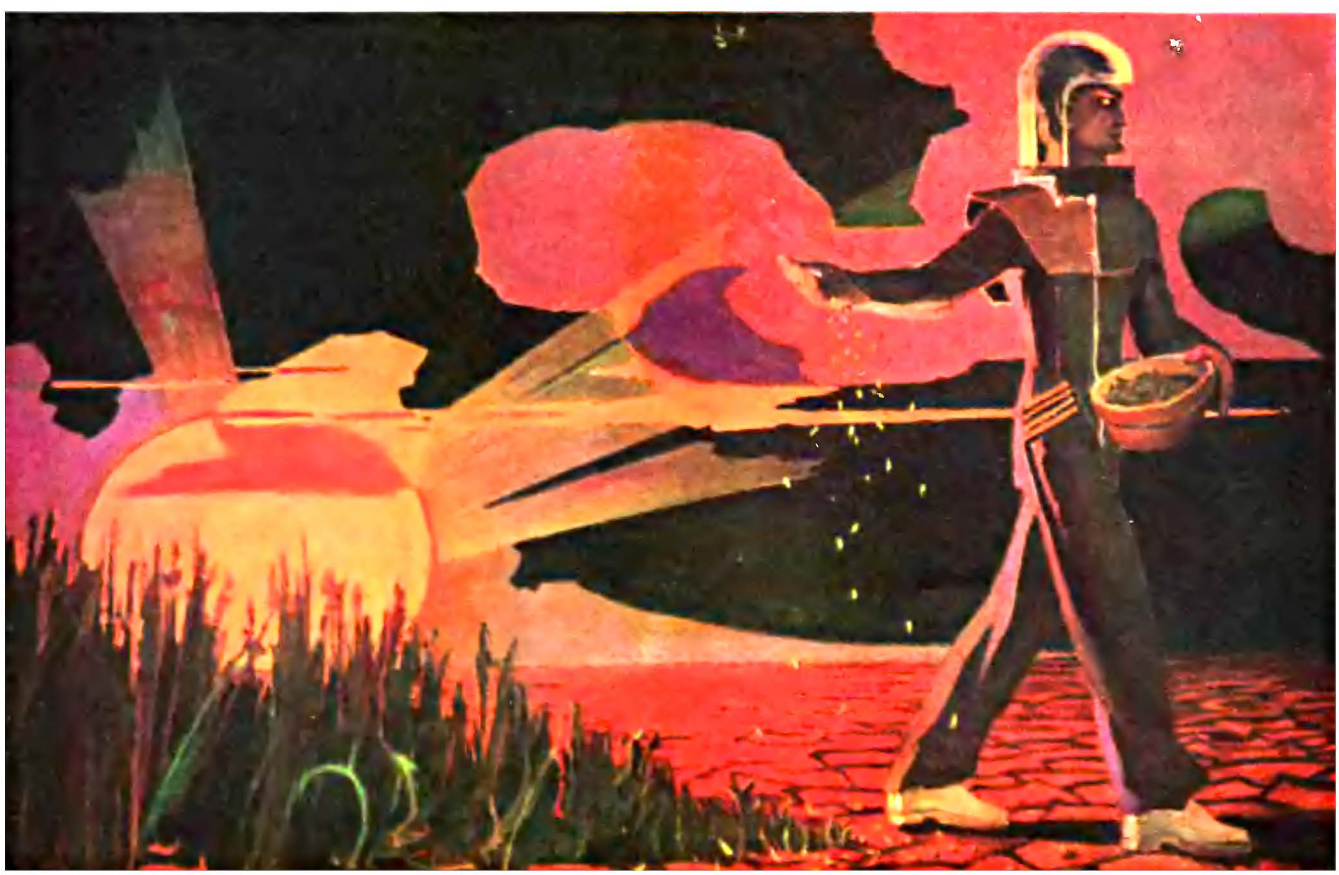
— Можете мне не верить, мистер Грей, — тихо отозвался Хэндлинг. — Но почти тысяча человек поверят, когда получат завтра почту. Сегодня бюро добрых услуг взяло у меня тираж бюллетеня, он уже в пути. Вам не интересно узнать, какой там текст?

Грей поднял было руку со своим экземпляром, намереваясь смять его в комок и уйти, но тут в глаза ему бросились три слова — «Мервин Грей Энтерпрайз», — и он окаменел.

Стиральная машина «Чудо-вихрь»: столько-то людей погибло от удара электрическим током из-за неисправностей в электросхеме, столько-то пожаров возникло по той же причине, протекли полы, а заодно и потолки у соседей, в стольких-то домах. Утюги «Тишь-да-гладь» тоже послужили причиной пожаров, ломались при глажении и обжигали хозяек. Автомобили с покрышками «Ультрак» — столько-то катастроф...

Голова у Грея закружилась при мысли о людях, к которым попадет это обвинительное заключение, о капиталах, которыми они ворочают, о рынках, куда ему будет отныне закрыт доступ. До него смутно доносились слова Хэндлинга:

— Да, именно машина «Чудо-вихрь» стоила руки моему сынишке, именно из-за вашего утюга Мег вынуждена была сидеть дома и подрабатывать на вашей швейной машинке, именно эта машинка прошила ей



Картина художника Геннадия Голобокова «Сеятель»

руку, именно покрышки «Ультрак» загубили автомобиль, когда я вез ее в больницу. Ваши руки обагрены не только кровью, мистер Грей. Не проходит дня, чтобы вы хоть кому-нибудь да не причинили боли.

— Мерзавец, — прошептал Грей. Он сунул листок в карман пальто. — Как вы смеете! Это клевета — грубая, грязная, недопустимая клевета!

— Утверждать, что продукция никуда не годится, — это не клевета, — усмехнулся Хэндлинг. — Бесспорно, вы можете обратиться в суд. Наверняка вам удастся привлечь меня к ответу за гражданское правонарушение, но преступлений я не совершал.

— Самодовольный подлец! — взревел Грей и кинулся на Хэндлинга. Пусть он калека, но надо же стереть усмешку с его лица!

От толчка кресло Хэндлинга откатилось в сторону, наехало на керосинку, опрокинуло ее, и пылающее море огня в мгновение ока охватило часть пола. Пламя загудело и взметнулось вровень с головой Хэндлинга.

Грей выбежал из этого дома, захлопнул за собой дверь и помчался к автомобилю. На предельной скорости рванул, не разбирая дороги. Перед поворотом оглянулся. Пока никаких признаков пожара: окна плотно занавешены, как во всех домах на этой улице, — отгорожены от холодного осеннего вечера. Эта картина тоже запечатлелась в памяти, как остановленная кинолента.

6

Отъехав на сорок миль, Грей остановил машину на пустынном шоссе. Он весь дрожал, понемногу приходил в себя и пытался логически оценить положение. Не так уж оно плохо, а? Грей разговаривал с одним-единственным человеком, спрашивал у него дорогу, но это было в сумерках, он не выходил из автомобиля, да и автомобиль не отличался от тысячи своих близнецов. Задолго до того, как заметили пожар в доме Хэндлинга, Грей находился уже в другом округе. Он мысленно восстановил кадр из киноленты недавних воспоминаний — безлюдную улицу. Да, не скоро там заметят пожар!

Никто не видел ни приезда Грея, ни его отъезда, каким-то чудом он не снял перчаток и, значит, нигде не оставил отпечатков своих пальцев, теперь можно спокойно вернуться в Лондон, в квартиру, куда можно войти незамеченным, а оттуда беспечно отправиться в клуб, где его знают, там пообедать, посмотреть хорошее эстрадное ревю, а завтра же утром, часиков в десять, пустить среди нужных людей слушок, что на сей раз бюллетень — сплошные враки, и финансовая империя «Мервин Грей Энтерпрайз» вне опасности, и...

А бюллетень?

Он лихорадочно нащупал листок в кармане пальто. Бюллетень — единственное свидетельство встречи с Хэндлингом. От него надо немедленно избавиться. Грей собрался открыть и выбросить улику, но, передумав, вынул зажигалку. Еще минута — и пепел от бюллетеня будет развеян ветром, и больше нечего опасаться. Да, ему ничто не грозит. Даже если бюллетеню поверят и Грей потерпит грандиозные убытки, он все равно останется «вундеркиндом делового мира». Он выкарабкается.

Щелкнув зажигалкой, Грей поднес экземпляр «Бюллетеня фактов» № 6 к язычку пламени. Он хотел поджечь листок, но замер. На сей раз взгляд Грея приковала к себе оборотная сторона листка. Он уставился на строчки в траурной рамке, небрежно выведенной вручную кисточкой.

В рамке обычная машинопись Хэндлинга гласила:

«Этот номер бюллетеня — последний. Издатель Джордж Хэндлинг, проживавший в Блентэме, в доме № 29 по улице Уайбирд Клоз, погиб вчера от руки Мервина Грея, пытавшегося прекратить публикацию нежелательных для него сведений».

Перевела с английского
Н. Евдокимова

Г.Голобоков «За мгновение до посадки»

ПРОВОЗВЕСТНИКИ КОСМИЧЕСКИХ СТРАНСТВИЙ

ТЕХНИКА — МОЛОДЕЖИ 4 1971

(НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ)

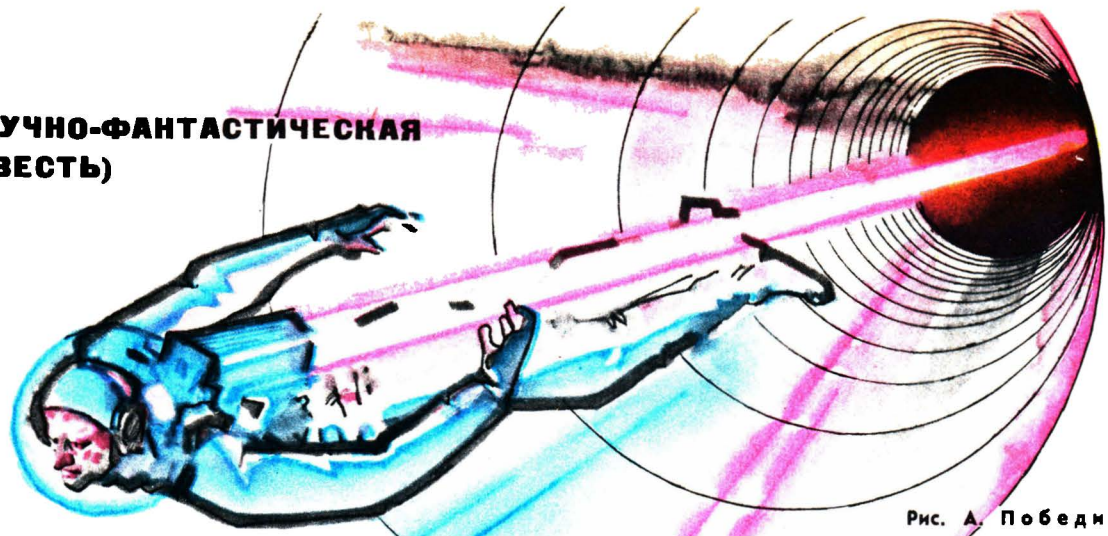


Рис. А. Побединского

ДЕНЬ МОЕГО ИМЕНИ

Димитр ПЕЕВ

(Болгария)

С небольшими сокращениями мы начинаем печатать повесть известного болгарского писателя Д. Пеева. Автор поставил перед собой задачу — рассказать о далеком будущем человечества и о тех трудностях, с которыми столкнутся пассажиры грядущего фотонного корабля, летающего в межзвездном пространстве. Повесть переведена на несколько иностранных языков.

Сегодня меня нарекли иным — земным — именем. Но если твой первый крик вспыхнул вдали от пределов системы земного солнца, если твоя колыбель качалась в лучах вишневого светила, забудешь ли имя, дарованное тебе матерью и отцом: Астер.

Я, Астер, родился на Неогее. Я както спросил у Атаира, что значит мое имя, должны же означать что-то имена.

Он объяснил мне: давным-давно, тысячи лет назад, обитал на голубой планете народ, в чьем наречии «астер» звучало как «звездный» или «обитающий среди звезд».

Я, Обитающий Среди Звезд, родился на Неогее. Теперь и она далека от меня. Теперь по черному кругу экрана блуждает другое светило — звезда спектрального класса ДГ-3. А возле нее, едва заметен, парит крохотный лазурный кристалл — неведомая мне Земля.

Там, на Земле, возлежат меж материков исполинские океаны; и зальделые вершины, точно бивни, пропарывают облака; и медлительное марево лазурных небес стережет мириады цветов и деревьев.

Там, на Земле, каждый может бродить по полянам, заросшим травой, и плыть по ночной реке, и просыпаться в горах от пения птиц. Там, на Земле, нельзя, не сощурясь, глядеть на полуденное солнце, как глядел я на то, вишневое, уже полузабытое мною, Астером, Обитающим Среди Звезд. Я вырос в звездолете, его огни — мое солнце; его иллюминаторы — мои небеса; его экипаж — все мое человечество.

Мое человечество возвращается на Землю, я впервые лечу туда.

Сегодня — в день наречения меня иным именем — Атаир сказал: «Приходи в обсерваторию в два часа звездного пополудни». Я явился точно к назначенному сроку. Он сидел спиной ко мне, у главного рефлектора, но, должно быть, заслышал мои шаги и оторвался от окуляров. Он сказал:

— Садись. Попытайся рассмотреть голубой хрусталик в центре зрительного поля. Это Земля. В общем ее довольно неплохо видно, если не мигать. А потом пролистай вот это, — он извлек из стола тетрадку в малиновом переплете. — Прочти и хорошенько поразмышляй обо всем. Обсерватория свободна: никто сюда до полуночи не придет. Эту тетрадь дарит тебе наш экипаж.

И ушел.

Уже три с половиной года корабль гасит ход. На длину земного экватора приближает нас каждая секунда к заветной цели. Земля как бы накручивает на голубую свою оболочку серебристую нить с подвешенным к ней звездолетом.

Решусь ли я когда-либо сказать Атаиру и остальным: «Я чужой»? Я чужой: почему я должен захлебываться от любви и умиления к вашей Земле? Лишь потому, что она породила всех моих предков? Или потому, что она прекраснее Неогеи? Но чем зеленые ваши леса и прозрачные ручьи прекраснее просторов, испещренных фиолетовыми, вишневыми кристаллами? Чем хуже черное мое небо ваших закатных и утренних небес? Зачем мне ваше слепящее, все и вся сжигающее Солнце? Я Астер, Обитающий Среди Звезд. От любого луча Вселенной, моей Вселенной, я властен зажечь мое собственное солнце. И потому я спрашиваю: чем я, рожденный на Неогее, хуже вас, вылупившихся из Земли? Кто ответит мне на это? Атаир? Мое микрочеловечество? Тетрадка в малиновом переплете?..

ВОЛНЫ РАДИАЦИИ

Первая опасность, которая, несомненно, могла оказаться и последней для нас, ибо иначе как смертельной теперь ее не назовешь, пришла на пятом году безмятежного поначалу полета корабля. Было так...

Тишина. Неподвижно замер в кресле дежурный. Его взгляд нехотя перебирается с экрана на экран, с прибора на прибор в порядке, прочно установленном инструкцией и давно окаменевшем в его сознании. Наконец взгляд, зафиксированный и как бы отсутствующий, упирается в широкую лобовую панораму. Фиолетовые точки звезд светят ровно, каждая на своем обычном накале. Звездная татуировка, которая украшает пространство, грудью встречающее звездолет, давно уже прочтена и известна наизусть.

Думает ли дежурный о чем-нибудь? Скорее всего сейчас он ощущает себя безличным автоматом, частью регистрирующей аппаратуры, маленьким диодом в хитросплетенном командном компьютере звездолета.

Сейчас Атаира можно было бы принять за статую, воздвигнутую на радость ожившим автоматам, за памятник изобретателю автоматов, который стал уже не нужен им, а потому усажен на пьедестал, в командное кресло.

Но вот его взгляд оторвался от панорамного экрана, остановился на счетчике и отошел от него... Что это? Неосознанное чувство вернуло взгляд к счетчику. В маленьком продолговатом оконце тускло светится непривычная цифра! И тотчас человек пробудился. Оттолкнувшись от кресла, он быстро подошел к пульту. Нажатие клавиш — и прямо в руки его потекла лента с текстом: «Температура брони повысилась! Интенсивность радиоактивного излучения возросла! Вступаем в космическое облако метеоритной пыли и газов!»

Прежде всего надо было уменьшить скорость звездолета, скажем, до трех тысяч километров в секунду. Тогда на протяжении одного светового года броня смогла бы выдержать напор космического ветра. Но и путешествие наше удлинилось бы почти на триста лет, и кто бы из нас добрался до цели живым...

Кроме того, для такого уменьшения скорости требовалось целых три года торможения. Но уже через несколько месяцев от обшивки корабля ничего бы не осталось.

Нельзя сказать, что космическое облако было очень плотным. Измерения показывали, что на кубический сантиметр пространства приходится три атома водорода и на кубический километр — по одной твердой пылинке с массой в одну десятимиллиардную часть грамма. В начале или конце путешествия мы не обратили бы и внимания на облако с такой плотностью, но при скорости сто тысяч километров в секунду оно встало перед нами как непробиваемая крепостная стена.

Что ж, стена так стена. На сто километров перед кораблем мы вынесли щит, который принимал на себя удары частиц. Мы соорудили его из металла пустых контейнеров. Щит пробивал тоннель в облаке, и мы шествовали по этому тоннелю. Однако эту операцию ни в коем случае нельзя было считать полной победой над облаком.

Материал щита изнашивался, можно сказать, на глазах.

Мы видели на телеэкране вишневую точку, мчащуюся перед нами,— накаленный до 900° С щит. Мы кожей чувствовали, как горит щит, как сыплет голубыми искрами корабль, — хворост, готовый вспыхнуть. Щит был частицей, отделенной от живого тела звездолета и пожертвованной космической стихии. На заводе, имевшемся на борту корабля, мы уже готовили второй заслон, и все это время нас не покидало ощущение, что мы отделяем живую плоть от плоти.

„ЛУЧЕВАЯ МЕТЛА"

Среди нас не было человека, которого мы называли бы начальником или командиром, как это практиковалось в минувшем. Каждый отвечал за вверенную ему аппаратуру, и все вместе — за звездолет. Но один из нас отличался исключительным математическим дарованием, непогрешимой логикой и огромным творческим опытом. Это был Регул.

Когда после долгого уединения и размышления, после бесконечных вычислений в электронно-математическом центре он предложил наконец выход из создавшегося положения, все мы вздохнули с облегчением.

Идея Регула была предельно простой: с одной стороны, для расчищения пути в космическом облаке требовалось огромное количество энергии; с другой стороны — частицы несли навстречу нам чудовищное количество энергии, которая пока что затрачивалась только на разрушение щитов. Эту энергию и следовало использовать для прокладки туннеля в облаке.

Регул предложил построить фотонно-квантовый преобразователь, который, накачиваясь энергией набегающих частиц, периодически испускал бы поток лазерных лучей в направлении движения звездолета, расталкивающих в радиальном направлении вещество облака. Действуя по принципу квантового лазерного излучателя, наш преобразователь заряжался бы от сопротивления цельной среды облака, а затем, испустив поток лучей, какое-то время мчался в свободном пространстве. Скорость разрушения щита такой конструкции упала бы во много раз. Выход из положения казался идеальным, и грозная гора, через которую мы пробивали тоннель, можно сказать, лбом, начинала представляться нам всего лишь бутафорией, которая рухнет от легкого прикосновения руки.

Щит-преобразователь был построен. И вот старый щит, будто изъеденный гигантской космической молью, был демонтирован. Ослепительный луч шпагой сверкнул впереди звездолета, целя в самое сердце грозного облака. «Лучевая метла» Регула заработала.

И все было хорошо, покойно на корабле, пока мы не вошли в зоны магнитных полей. Однако вошли, и теперь тоннель, прорытый лучом, быстро заволакивался ионизированными частицами, которые следовало отбрасывать снова и снова. Приборы показали нам опасность по-своему, без шума и драматизма, легким перемещением стрелок, изменением импульсов и кривых, но прочтенные нами сигналы звучали страшнее, чем рев тигров, вой урагана и грохот взрывов.

Дежурный, как только заметил изменения, вызвал Регула. Он сам хорошо понимал смысл показаний приборов, но не хотел поверить, что Регул ошибся, смутно надеясь, что, может быть, все же ошибочно истолковал сигналы.

Никто не мог покинуть защитные помещения, чтобы выйти в пространство. Даже и пятиминутное пребывание вне корабля было равносильно самоубийству. Но и не выходя наружу, Регул ясно представлял себе пламя, бушевавшее на корпусе звездолета. Прозрачные синие струи ионизированного газа змеятся по металлическому корпусу и тянутся за ним прозрачным хвостом. Головная часть, принимающая удары газа, все более накаляется. Охладительное оборудование работает с полным напряжением, но не может остановить рост температуры. Увеличивается радиоактивность брони, разрушается ее кристаллическая структура.

На миг Регул поколебался. Какой-то далекий, древний голос, голос гордости, увещевал его не отчаивать своих товарищей, обещать им, что он найдет быстрый путь к спасению. Он самый опытный, самый мудрый, самый умный... Но Регул не поддался этому голосу. Он пошел к товарищам и твердо, именно твердо заявил:

— Не могу. Смертельно устал, смертельно. Думайте пока сами!

Ты должен знать и этот случай, Астер. Знать, что перед космическими стихиями нет самого мудрого и умного человека, что никто не может взять на себя всю ответственность за экспедицию.

Мы хорошо помним те мрачные дни. Мы исполняли свои обязанности, следили за работой бесчисленных механизмов, регулярно дежурили, разыгрывая роли космонавтов, летящих к далекой звезде, а не к своей скорой гибели. Шутя мы обсуждали проект небольшой контрракеты, которая бы вернулась в солнечную систему с вестью о грозящей опасности. Но только шутя, шутя. Слишком уж глубоко нырнули мы в космическое облако.

Один из нас, всегда молчаливый, замкнутый. Теллур, твой отец, работал все это время, отказавшись от сна, развлечений и даже зарядки. Закончив все вычисления, он отправился к Регулу и молча передал ему папку. Столь же молча Регул раскрыл ее и углубился в формулы...

Все мы знали, что обшивка звездолета может быть заряжена элек-

трически. Мы обсуждали эту возможность и пришли к выводу, что колоссальный напор космического ветра сдует электростатическое поле с обшивки. И сейчас Теллур доказал нам, что вопреки огромной скорости именно здесь наше спасение.

Мы сохраняем папку с расчетами Теллура, сохраняем ее для тебя, Астер. Вырастешь — изучи ее. Тогда ты будешь в состоянии разобрать поэзию чисел, оценить и гигантский труд, и точнейшую работу, и блестящий анализ, проведенный отцом твоим, в то время как мы все уже опустили голову перед неосуществимым.

Генератор электростатического поля был смонтирован, включен. Газ, окружающий звездолет, вспыхнул холодным огнем.

Если кто-нибудь видел бы нас со стороны, он бы подумал, что звездолет потонул в стихийном огне, что он целиком соткан из разноцветного пламени. Нас же этот страшный по видимости огонь не беспокоил. Он стал гарантией нашей безопасности.

АНТИВЕЩЕСТВО ПЕРЕСТАЕТ ПОВИНОВАТЬСЯ

Легко было предположить, что сюрпризы, приготовленные для нас в глубинах космического облака, еще не исчерпали себя. Так оно и оказалось на деле.

...Однажды сигнал смертельной тревоги сотряс переборки корабля. Надо сказать, сигнал смертельной тревоги был единственным в своем роде. Резкий, скрежещущий вопль трубы мог разбудить и мертвого, а полумертвого, пожалуй, превратил бы в труп. К счастью, больных в этот момент на корабле не было.

Так вот, такой сигнал прозвучал — единожды за все время нашего путешествия. И знаешь, Астер, кто взял на себя всю полноту ответственности за этот леденящий кровь сигнал? Решиться на этот шаг пришлось той, что подарила тебе жизнь, — Рубине.

Люди пулей вылетали из кроватей, из бильярдной, от титановых чашек с недоеденным супом, чтобы, бросив свое тело в скафандр, ринуться в пультовую.

Рубина, натянутая как струна, стояла у пульта, и пальцы ее метались по клавиатуре, сотворяя аккорды, пассы и пробежки. Играла она только на белых. Это означало одно — не в порядке антивещество, сосредоточенное в магнитных цистернах.

Как ты хорошо знаешь, Астер, антивещество, соприкасаясь с обыкновенным веществом, дает вспышку. И то и другое начисто превращается в свет. Соединяя антивещество с веществом в фокусе огромного рефлектора, который является движителем нашего звездолета, мы получаем мощные вспышки; они-то и толкают корабль вперед.

Но представь, что произойдет, если антивещество, помещенное в контейнер, плеснет на его стенку. Мгновенный и чудовищный взрыв! Поэтому антивещество окружено сильнейшим магнитным полем, плавает в нем, не касаясь стенок контейнера. Автоматика поддерживает напряженность магнитного поля на должном уровне. И вот запирающее магнитное поле внезапно стало неуправляемым.

Оно гнулось то в одну, то в другую сторону, и на телевизионных экранах было хорошо видно, как бархатно-черная двухсотпятидесятитонная масса антивещества раскачивается внутри цистерны, с каждым качком все ближе прижимаясь к стенке емкости.

Все как околдованные следили за смертельным танцем ожившей туши антивещества, раскачиваясь в пультовой в такт с нею. Внезапно черно-бархатистая масса судорожно, будто ей стало нехорошо, дернулась вниз, выпустив из себя чернильную ложноножку, которая, вибрируя, поползла прямо на стенку бака. Несколько человек бросились к пульту, но гневный взгляд Рубины остановил их.

— Теллура сюда! Будем играть в четыре руки, — приказала она ледяным голосом, не переставая работать ножной педалью.

Теллур торопливо подошел, и теперь уже четыре руки взяли согласный и мощный аккорд магнитной симфонии, экспромтом сочиняемой для бушующего антивещества. Разлапистая ложноножка дернулась, сжалась и убралась прочь.

— Неравновесность магнитных полей, — быстро информировала Рубина. — Внешнее поле облака почему-то стало резко пульсационным. Магнитные подушки контейнеров теряют устойчивость. Медлить нельзя.

Вот так, Астер, иметь дело с антивеществом. Секунда, и мы даже не испарились бы, а стали бы просто гаммами рентгеноизлучения, потоком света. А потом ищи-свищи, где, в каком слое сосуда мироздания растворены Регул, Рубина, Теллур, контейнеры, трубопроводы, датчики, проводники, атомные и кухонные котлы; ищи, куда все это ни с того ни с сего подевалось...

— Напряженность внешнего поля достигает пика через каждые сто секунд полета, — приглушенным голосом сказал Регул. Скафандр был напялен на него кое-как, задом наперед, и только шлем глядел в нужную сторону. Еще в самом начале ЧП он быстро обежал длинный ряд приборов, извлек откуда-то мини-компьютер и углубился в расчеты.

— Похоже, что пересекаем кольца спирали с шагом десять миллионов километров. Через пять секунд — пик. Вот!..

Черная масса антивещества вздрогнула на всех экранах, пошевелилась и начала расползаться. Люди разбежались по дубль-пультам. Один Регул остался посреди зала. В руках его, можно сказать, дымился игрушечный компьютер.

— Новая программа управления запирающим магнитным полем готова! — отчаянно крикнул он. — Начинаю ввод программы в автомат.

В этот момент на одном из экранов блеснула молния. Значит, струя атомов антивещества все-таки добралась до стенки цистерны! 313 — номер поврежденного контейнера вспыхнул на потолке пультовой.

Белое сияние цифр увидел только один Атаир, потому что, запутавшись ногами в проводах, он рухнул на пол и лежал на спине лицом вверх. Весь потолок был перед ним как на ладони.

Наконец он выбрался из ловушки.

«Побыстрей бы пробиться к контейнерам, — лихорадочно соображал Атаир, пытаясь на бегу развернуть вчетверо сложенную схему звездолета. — Вот черт, масштаб, как всегда, забыли проставить. Ну да ладно, и без масштаба все ясно». Он прикинул расстояние до резервуаров с каверзным антивеществом. Выходило никак не меньше двух километров.

Чтобы не терять времени, Атаир, не выпуская схемы из рук, врезал носком ботинка по тумблеру отсечного клапана — воздух со свистом улетучился из промежуточной камеры. Атаира швырнуло к стене, перевернуло на спину и понесло куда-то к потолку — автоматически выключилась гравитация.

Впереди зиял бесконечный тоннель, кое-где подсвеченный холодным тлением иллюминаторов.

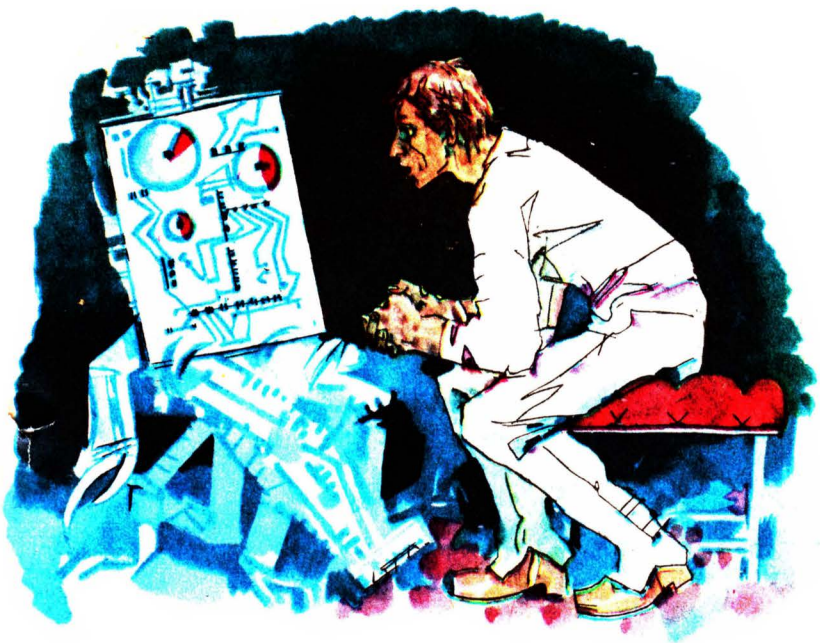
По инструкции полагалось сосчитать до тридцати, чтобы привыкнуть к невесомости. Но о каких инструкциях может идти речь теперь?

Атаир поправил ракетный ранец за плечами, изготовился к полету, произнес четко и внятно:

— Пошел!

Тотчас же сработало звуковое реле, замкнуло цепь включения двигателя. На стенах тоннеля заплясали блики от исходящих пламенем сопл. Атаир понесся по тесному тоннелю, отталкиваясь руками от стен, приборов и механизмов.

Быстро, неожиданно быстро мелькнули как бы размазанные по пространству движения зеленые буквы «Сектор» и цифра 3. Атаир свер-



нул в боковой коридор, медленно подлетел к массивной двери, набрал на диске код.

Перед ним недвижно и грозно поблескивали контейнеры с антивеществом. Вот она, поврежденная цистерна, ее издалека заметно по ядовито-желтому потеку — там, где взбунтовавшаяся масса изнутри лизнула магнитное поле.

Под цистерной, в луже прогоркло масла, корчился робот с неестественно сведенными в коленных сочленениях ногами. «Токи Фуко... Доконали!» — подумал Атаир и безразлично пнул ненужный, отработавший свое хлам.

Ненужный? Отработавший свое? А что, если?..

Быстро отвинтив крышку в спине истукана, звездолетчик резким движением вырвал у него из чрева весь индукционный блок, замкнул оголившуюся медь накоротко, «самосохранение» вывел на ноль, «подчинение» — на максимум. И тогда гаркнул:

— Встать! Прикипеть к цистерне триста тринадцать!

И начисто лишенный всей своей электронной индивидуальности механизм прикипел к контейнеру, панцирем замуровав гиблый, изъязвленный антивеществом участок.

...Тем временем Регул заправил автоматику запирающих магнитных полей новой программой. Масса антивещества медленно вошла в привычные берега. Фотонный звездолет продолжал лететь сквозь магнитную спиральную аномалию.

Итак, наш корабль был по-прежнему обвит прозрачным синеватым пламенем. Подобно серебряному пузырьку воздуха, плыли мы в ночном аквариуме Галактики. Кажется, трудности остались позади. Мы одолели коварное облако, приручили его разрушительные частицы. Малейшее изменение его магнитной структуры не ускользало от бдительного электронного ока автоматов.

Тогда мы и не подозревали, что кульминация космической драмы все еще впереди.

Медленно, неуклонно частицы начали пробивать магнитный барьер. Как поступают в таких случаях? Поступают элементарно просто: увеличивают интенсивность поля. Ничего, утешали мы друг друга, вот-вот эти жалкие местные вихри и смерчи улягутся, частицы угомонятся, прекратят непомерное радиационное буйство. Да не тутто было: волны радиации вздымались все выше. Еще они спокойненько нежились средь безбрежных просторов магнитного поля, но любой мало-мальски искусный в своем деле физик уже насторожился бы, понимая: грядет шторм. Стоило вернуть полю прежние параметры — и радиация росла неудержимо, выползая буквально из всех щелей. Объяснения этому отвратительному феномену не было. Даже закоренелый апологет теории вероятностей не рискнул бы предположить, будто огромное космическое облако может быть наделено разумным даром увеличивать свою скорость сообразно повышению боеготовности наших магнитных сил. Подобное предположение, даже облеченное в униформу гипотезы, было невероятным, отдавало предпочтение духу перед материей — короче, попахивало идеализмом.

Чтобы развеять всю эту дьяволиаду, Регул четверо суток колдовал над приборами, вычисляя нашу скорость. И что же? Облако не только не задержало сколь-нибудь наш бешеный бег; напротив — оно прибавило звездолету скорости. Нет, не на несколько метров в секунду — на тысячу пятьсот километров! Подобно гигантскому ускорителю, облако не только вышвырнуло, исторгло нас из себя, но и заклеймило пылающей метой, тавром, цифирью: 1500.

Микрометеоритные, контейнерные, магнитные наши тревоги — все померкло перед новой опасностью. Снять магнитное поле? Но мы будем тотчас же уничтожены. Да и как мы могли его снять, если скорость корабля все росла, и, когда мы снова зависли в свободном межзвездном пространстве, на табло в пультовой уже горела иная мета: 3000. Да, мы сохранили корабль. Да, магнитные контейнеры с антивеществом выдержали все перемены в их скрытой от постороннего взора, но исполненной таких напряжений жизни. Все вроде было нормально. Кроме одного — слишком большой скорости. Вот когда мы пожалели, что не взяли в экипаж футуролога, прогнозиста. Ведь просился, просился к нам один прорицатель, с лихвой оснащенный всем, что потребно для такого рода деятельности: математическим чутьем, интуицией, равнодушием ко всему иному, кроме научного предсказания будущих событий или явлений. Уж кто-кто, а прогнозист вполне мог предвидеть и рассчитать такую ситуацию, когда корабль попадает в нутро космического облака толщиной в один световой год. Ведь стоило войти в пылегазовые скопления, предварительно уменьшив скорость, и все, никаких тебе прохудившихся контейнеров и изглоданных космической молью щитов. Никаких треволнений, покой, диспуты в кают-компании плюс — эх, дали же промашку! — экономия горючего.

Нескладно, нескладно все вышло. Не так воюют с космическими облаками. Здесь одной тактики, даже и подкрепленной усердием, мало; стратегия нужна.

ВЗАИМНАЯ ДЕМОНТИРОВКА

Когда ты, Астер, прочтешь повествование до конца, весь наш полет может представиться тебе средоточением беспрерывных опасностей, бед, тягостей и лишений, роковым сцеплением случайных сил и обстоятельств. Однако это далеко не так. Мы попытались воссоздать лишь события, выходящие за пределы стереотипных будней звездного бытия. А таких событий, в сущности, было не так уж много. И если бы их собрать воедино, они не заполнили и одного года. А ведь

нам предстояло созерцать многозвездные пустыни неба целых шестнадцать лет. Что может быть мучительней ожидания, вынужденного бездействия, когда корабль, этот материальный сгусток инерции, вкраплен в ледяную глыбину вечной ночи. Мы засыпали и просыпались, ели, курили, ходили, мы плавали, мы играли в теннис, удивляясь странным траекториям мяча. Мы прокручивали земные фильмы, и прошлое каждого из нас как бы оживало на экране. И каждый в душе утешал сам себя: ты еще жив, ты не выродился, не очерствел, не сошел с ума, не стал бездушным механизмом, хотя — заметь, Астер, — именно бездушным механизмам в эти долгие годы приходилось тащить на себе весь груз заложенной в них программы.

Да, мы всеми силами пытались предать забвению, убить, уничтожить Время. И Время мстило нам, лишая нас борьбы, горестей, восторгов...

Первой затосковала Гемма, астрофизик из первой смены. Покладистая, общительная, разговорчивая, любимица всего экипажа, Гемма неожиданно для всех погрузилась в оцепенение. Казалось, она забыла обо всем на свете. Меланхолично уставясь взглядом в иллюминатор, она молчала и на все попытки заговорить с ней, вывести ее из состояния транса отвечала нечто невразумительное, пугающее. «Взгляни, взгляни, — говорила она задыхающимся шепотом, — ты видишь нашу Землю! Вон Африка, вон Египет, а вон там, в долине, светится сельцо, где я родилась...»

— Успокойся! Гемма, успокойся, — обыкновенно говорили ей. — Вот прилетим к Проксиме — и отыщем земли ничуть не хуже Африк да Египтов. А может, и лучше даже, поинтересней. Мало ли каких чудес не бывает на других звездах.

— Не могу, поймите меня, не могу больше, — кричала тогда Гемма. — Когда-то людей сажали в тюрьму за тяжкие преступления, за убийства, за кровосмешение. Но почему я здесь? Меня-то за что?.. Это чудовищно! Я хочу вернуться... Даже и тех, кровосмесителей, убийц, и то миловали. Не часто, конечно, но ведь возвращали свободу. А кто освободит меня?.. Мы не найдем никакой планеты. Нам вовек не получить горючего для возвращения... Мы навсегда замурованы в этих кельях. Мы осужденные. Мы сами себя осудили на пожизненную каторгу!

Мы понимали, что ее болезнь неизлечима, что Гемма не выдержит до конца. Мы использовали все доступные нам средства терапии.

Да что там терапия. Корабельный врач, сорокапятилетний эскулап с рыжей бородкой и широкими азиатскими скулами, пытался гипнозом вылечить тоскующую по прежней жизни Гемму. И что ж? После одиннадцатого сеанса он пришел в каюту к Теллуру и сказал:

— Теллур, а она права. Взгляни в иллюминатор. Там действительно видна Земля как на ладони. Только не Африка и Египет, а другая сторона. Могу поклясться, я вижу Аляску и Охотское море!

После этого Теллур приказал сеансы гипноза на время приостановить.

Гемма исчезла.

Скорее всего, Астер, нам не стоит рассказывать тебе об этом случае. Но ты должен знать истину, всю истину, сколь бы горькой ни была она на вкус.

Много позднее мы поняли, что Гемма надела космический скафандр, взяла контейнер с продуктами, цистерну горючего для своего газореактивного двигателя и покинула звездолет. Локаторы сумели отыскать ее далеко позади, но она уже не отвечала, возможно, экономила энергию танталовых батарей.

Можешь ли ты, Астер, представить себе хоть на миг ее состояние, когда она решилась ринуться назад, к Земле, пробалансировать по незримому канату длиной в тридцать биллионов километров — одна-одинешенька, в жалком скафандре, с кислородным запасом на шесть часов!..

Вслед за тем не вынес одиночества Ксенон, инженер из третьей смены. Как-то, сидя в кают-компании и играя сам с собою в шахматы, он разразился ни с того ни с сего тирадой, одинаково странной и по форме и по содержанию.

— Кто сказал, что земляне созданы для далеких космических путешествий? — начал он, ни к кому вроде бы не обращаясь. — Не просто, ох, не просто совладать с матушкой-природой. Мы дети Солнца, а не пошлой провинциальной пьески, мы намертво прикованы к своему светилу, прикручены к нему законами диалектики. А законы диалектики гласят: все земное смертно. И если мы не хотим впасть в гнуснейший идеализм, признаем, что лишь автоматам подвластно Пространство и Время. Включил автомат, щелк — и пусть сквозит в звездолете хоть миллион лет. Ни еды ему не подавай, ни противоречий, ни удовольствий. Шарнирные соединения не истощает склероз. Цирроз печени не поедает нутро механизмов. Роботы не склочничают, не суетятся, от обжорства не умирают. Не умирают и от любви, платонической иль еще какой... — тут он покосился на портрет Геммы в траурной рамке, вздохнул и закончил тихо: — Прилетит робот в другую галактику — готово! Включил реле, и вот он ожил, голубчик, на новые подвиги уже навострился: изучать неведомое, контакты с братьями по разуму устанавливать, знания да мудрость кодом расшифровывать двоичным.

Все переглянулись, изумленные. Так вот почему Ксенон клянчил у других инженеров триоды да пентоды, вот почему замечали его то с обрезком трубы водопроводной, то с микролазером, то с мензуркой трансформаторного масла. Вот почему исчезали гайки, винты, интеграторы, компрессоры, железные штыри, парогазогенераторы. Должно быть, Ксенон сооружал кибернетическое чудо, электронную машину, робота.

И мы не обманулись: через шесть месяцев машина была готова. «Я создал наконец космонавта без изъянов, присущих нам, смертным. Это звездное существо переживет нас и наши жалкие деянья»,— сказал нам Ксенон. Сказал и перестал вообще встречаться с кем-либо. Все свободное от дежурств время он заполнял беседами с новоявленным своим механическим другом. Ксенон как бы испытывал его способности: заставлял решать задачи по части астронавтики, ракетной динамики, состояний межзвездной среды. Иногда же эти беседы касались области столь странной, что каждый из нас начинал думать: тут что-то неладно.

— Как ты оцениваешь своих создателей, людей? — спрашивал Ксенон.

— Человечество есть нерационально построенная совокупность из излишне большого количества одинаковых, бесполезно повторяющихся кибернетических систем, — столь же незамедлительно, сколь и бесстрастно изрекал электронный судья. — Человек с большим трудом накапливает информацию, с трудом ее сохраняет, неуверенно и бесконечно медленно ею поль-

зуется. Его схема обременена очень многими лишними элементами, называемыми эмоциями, характерами, идеалами. Все они снижают эксплуатационные качества индивидуальной конструкции. Они вредны. Коэффициент вредности в формуле Факторовича равен 2,7319378094 с точностью до одной десятимиллиардной.

— Да ты хоть один пример ненадежности приведи, — горячился Ксенон.

— Пример: он нуждается в сне, а это погубленное время, бесполезный простой. Другой пример: инстинкт самосохранения. Он делает невозможным возложение на человека задач, связанных с уничтожением его конструкции. Человечество есть некое бессмысленное множество одинаковых, бесполезно повторяющихся агрегатов одной и той же серии. Нецелесообразно всю информацию вкладывать в кого-либо одного из людей на краткое время его существования. Половину своей жизни человек набирается информации, чтобы ее использовать ничтожно короткое время. Этот абсурдный процесс повторяется миллиарды раз.

Ксенон только руками разводил от дерзостей робота, пытался спорить с ним, но аргументы инженера были бледными, слабыми. Наконец раздраженный упрямством машины Ксенон пригрозил ей понижением напряжения переменного тока поначалу, затем частичной демонтировкой, а в конце каким только можно полным уничтожением. На это робот ему ответил: «Это был бы нерационально вложенный труд», — и тут же самостоятельно, без чьей-либо помощи, выключил сам у себя канал ввода информации. На лицевой панели машины загорелась дерзкая табличка: «СОГЛАСЕН ВЗАИМНУЮ ДЕМОНТИРОВКУ».

Ксенон, белый как негатив, прибежал в астроотсек, упал на счетчик параллаксов и выдохнул:

— Вот изверг! Могу поклясться: никакой такой таблички я ему на панель не ставил!

С той поры бедняга Ксенон почувствовал отвращение к своему детищу и перестал с ним разговаривать. Вскоре инженер включился в общую работу экипажа по переустройству звездолета.

А робот, быть может, спросишь ты, Астер? Роботом занялся Регул. Не вступая с ним в долгие прения, не интересуясь его «точками зрения» на прогресс, цивилизацию и творца этой цивилизации, Регул за три часа перестроил машину, соорудив из нее Центральный Информатор. Так были рационально использованы знания, которые с таким трудом, рвением и надеждами вложил Ксенон в неблагодарного робота.

ТОРМОЖЕНИЕ...

Время от времени кто-либо из нас подходил к курсографу и, бросив беглый взгляд на интеграторы, вздыхал: увы, скорость была непомерно велика. Столь велика была скорость, что мы вряд ли сможем ее до конца погасить при подлете к Проксиме. Но что значит ворваться в гравитационное поле звезды, заранее зная: оно слишком слабосильно, оно не сможет совладать с бешеным нашим бегом, разве только слегка искривит траекторию звездолета? Это означало, что инерция швырнет нас мимо Проксимы опять в неизвестность, в пустоту, в осточертевшие каждому из нас просторы Галактики.

Оставалось последнее — перестроить звездолет, уменьшить его массу, отсечь около семи тысяч тонн от его плоти, изуродовать, изувечить красавец корабль.

В общем, как писали в пиратских романах: «Руби мачты! Швыряй поклажу за борт!»

Но одно дело средневековые деревянные суденышки, нашпигованные бог весть чем: тут тебе и бочки с солониной, и пряности, и мешки с серебром, а то и с золотом, и невольницы с невольниками, и слоны, и прочая утварь, ласкающая взор на берегу и мгновенно теряющая всякую ценность при первом же порыве урагана. Другое дело — звездолет, где ничего лишнего нет и быть не может. Наступала пора принести к подножию трона ее величества скорости какие-то части нашего корабля. Чем пожертвовать? Приборами? Запасными деталями? Провизией? Оранжереей с пятьюдесятью двумя тоннами камней для гидропонного выращивания овощей? Аквариумом с диковинными обитателями земных океанов? Спортивными снарядами? Библиотекой или хотя бы частью ее?

Мы терялись в догадках. Тем временем все ближе подползал тот роковой час, когда должна была раздаться команда «Начать торможение!».

Что предпринять? После долгих споров выкристаллизовалось решение: рискнуть, увеличить тягу двигателя, превысить расчетные его характеристики. Тем более что на обратный путь горючего у нас явно не хватало.

Но и при этом условии все же следовало отторгнуть от корабля около полутора тысяч тонн балласта.

Забыть ли, как мы провожали в бесконечный путь средь вселенских пространств обреченные части звездолета!

Сначала мы увидели в иллюминаторы демонтированные контейнеры, они, как стадо допотопных существ, долго еще сопровождали нас. Затем показались запасные части двигателей, исполинские, искривленные наподобие спиралей трубопроводы, отсечные и обратные клапаны, резервуары с жидким кислородом, провизией, водой. Мы посягнули даже на лобовую броню, так что, попадись нам еще на пути какое космическое облако, да что там облако — облачко, — и мы стали бы легкой добычей всепроникающей радиации. Вслед за тем заметили параллельные брусья из спортивного зала, тяжелые декорации из самодеятельного театра, который с исчезновением Геммы незаметно прекратил свою деятельность, бочки с тавотом, канистры с бензином, запасные гусеницы к планетоходу, даже аэростат с тяжеленной корзиной, в вантах которого запуталось невесть как оказавшееся тут чучело грифона — экспонат зоологического кабинета. Рядом с нами летело все, чем мы пожертвовали, чтобы уменьшить массу звездолета. Подвластные теперь только инерции и никому более, отторгнутые части нас самих как бы раздумывали, куда податься, двигаясь в непосредственной близости от корабля. Но едва лишь почти после десятилетнего отдыха снова заработал двигатель, громада лишней массы устремилась мимо нас и скоро исчезла.

И тогда нам стало горько, ох как горько. Мы искалечили наш старый звездолет, нашу небесную обитель. Мы его искалечили, вычерпали из него до дна все мыслимые резервы безопасности. Теперь любая авария могла стать катастрофой.

(Продолжение в следующем номере)

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

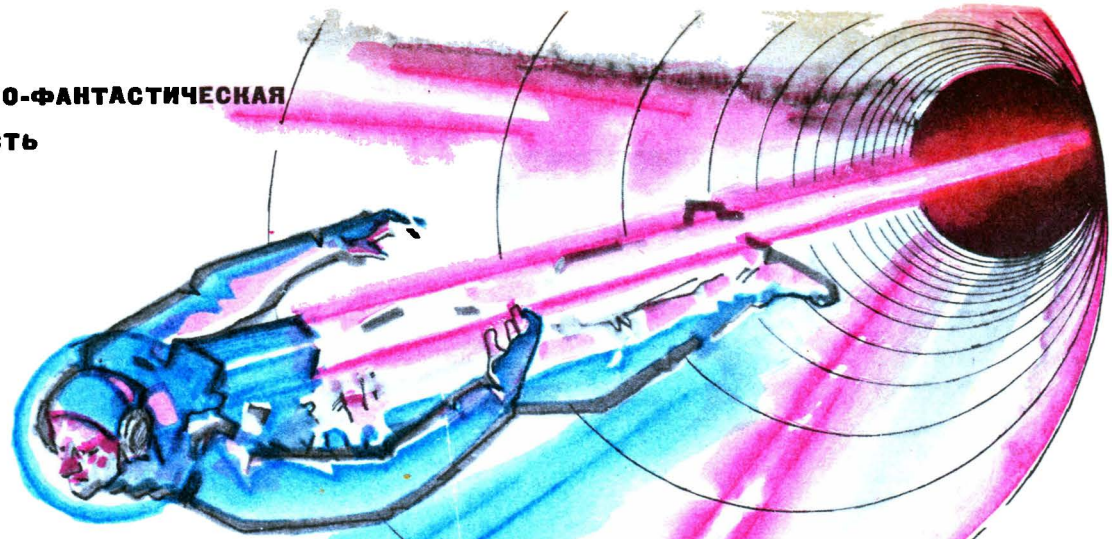


Рис. А. Побединского

ДЕНЬ МОЕГО ИМЕНИ

ДИМИТР ПЕЕВ
(Болгария)

ЛЕПЕСТКИ НОВОГО МИРА

Подобно серебряному пузырьку воздуха, мы плыли в ночном аквариуме Галактики, и Солнце давно уже обратилось в обыденную, заурядную, ничем не примечательную звезду. Иные солнца — желтое, оранжевое и вишневое — живописали в пространстве диковинные свои узоры.

Как весенняя капель, запели гравиметры — мы вторглись в пределы гравитационного поля. Корабль будто встал на дыбы. Бесчисленные окуляры и датчики раскрылись навстречу новому миру, и новый мир раскрывал пред нами вишневые, оранжевые, желтые лепестки. Начались гравитационные маневры — пора было причаливать к неизвестной планетной системе.

Еще на Земле мы предполагали: Проксиму сопровождает пышная свита планет. Об этом красноречивей всего говорила сама орбита звезды, замысловатая, вьющаяся. Что ж, мы, как всегда, не ошиблись.

Нас встречал странный, невиданный доселе хаос разнородных небесных тел. В сферическом пространстве диаметром около десяти миллиардов километров кружились не одна, не две, даже не девять, как вокруг земного Солнца, — носилась добрая сотня планет. Некоторые из них походили на Уран и Нептун, другие являли собой некое безжизненное подобие Земли, копию Марса, Луны, Меркурия. Какие-то могущественные космогонические силы воспрепятствовали образованию гигантов типа Юпитера и Сатурна. Те же самые силы наделили каждую планету атмосферой. Но что это была за атмосфера! Крайне разреженная, хилая, слабая, — никакого сравнения с живительной благодатью земной, которая, врываясь через гортань и легкие прямо в кровь человека, веселит сердце, снимает тревоги, облегчает заботы.

107 планет, в чем-то, хотя и отдаленно, сходных с нашей Землей! Неужели ни на одной из них не проклюнулся росток жизни? А если где-либо и проклюнулся, достигла ли жизнь своих высших форм, создала ли разумные существа? Ответ напрашивался сам собой: вряд ли достигла, вряд ли создала.

Наши разведывательные ракеты неустанно рыскали во всех мыслимых и немыслимых направлениях, пытаясь — увы, безуспешно! — отыскать следы разума. Всякие попытки наладить звездные контакты оказались безрезультатными — не с кем их было налаживать. Никто не разводил на пустынных плато и отвесных утесах сигнальных огней — милости, мол, просим, земные пришельцы; никто не стартовал нам навстречу, дабы обнять собрата-звездопроходца; никто (и такое бывало в истории галактических контактов) не попытался сбить влет разведывательную ракету ни камнем из пращи, или стрелой из арбалета, или заурядной ракетишкой с заурядной эстакады.

Да, мыслительная эволюция в системе Проксима Центавра оставляла явно желать лучшего.

Мы выбрали семнадцатую от Проксимы планету и нарекли ее Неогеей — Новой Землей.

Неогея чем-то напоминала Марс, быть может, двумя крохотными спутниками. К одному из них мы и пришвартовали наш звездолет. Ты, Астер, вероятно, недоумеваешь: зачем облюбовывать спутник, когда гораздо предпочтительней во всех отношениях заарканить планету. К сожалению, это было абсолютно исключено. Истинное место звездолета — в межзвездном пространстве, где, как ты уже убедился, он чувствует себя как рыба в воде. Вблизи сильных полей тяготения и газовых оболочек звездолету делать нечего — тут предъявляют свои права законы веса, а не массы, законы обтекаемости аэродинамических форм.

Сколько весил наш корабль теперь, после того, как мы сожгли в реакторах почти все горючее? Ни много ни мало сто тысяч тонн весил пустой, по существу, звездолет. Мыслимо ли, Астер, плавно опустить такую махину на планету, а вслед за тем, уже при взлете, снова разрывать оковы гравитации. Сетчатая конструкция, исчисленная для малых напряжений свободного межзвездного пространства, не выдержала бы — звездолет рассыпался под напором своей собственной тяжести, рухнул как карточный домик. Кроме всех этих невеселых соображений, посадка на поверхность планеты была бессмысленной и потому, что всеуничтожающая струя фотонного двигателя испепелила бы огромные районы, надолго отравила их смертоносной радиацией.

Итак, мы пришвартовались к спутнику Неогеи. Грубые, потрескавшиеся скалы, как будто подернутые пленкой жира, блестели в лучах наших прожекторов. Молчание, хаос каменных громад, торжество мертвой, неодушевленной природы. Над

(Продолжение. Начало в № 2 за 1971 год.)

нами, в чуждом небе, тлели походные костры звезд. Впрочем, здешние небеса почти ничем не отличались от ночных небес Земли. Иная, непривычная картина была только в созвездии Центавра, да два главных светила Толимака слились в необыкновенно яркую двойную звезду на фоне созвездия Кита. А в границах созвездия Андромеды мерцала новая звезда первой величины — земное Солнце.

Отныне нашим солнцем становился красный карлик Проксимы. Светил он тускло, как-то нерешительно, словно растягивал на долгий срок и без того убогие запасы термоядерного своего тепла.

Угнетающая панорама дополнялась темным, едва выделяющимся среди звездного роя диском Неогеи, планеты, на которой мы должны были построить завод для выработки горючего.

Прошло три дня после приземления, и на Новую Землю отправился наш разведывательный авангард — автоматическая станция, управляемая роботом. Это был тот самый механический умник, что пытался состязаться в красноречии с беднягой Ксеноном. Дерзкую табличку на панели электронного чудища, гласившую, как ты помнишь, Астер, «СОГЛАСЕН ВЗАИМНУЮ ДЕМОНТИРОВКУ», предусмотрительный Регул урезал втрое. Теперь на злополучной панели красовалось одно-единственное слово: «СОГЛАСЕН».

В последующие несколько дней к Неогее отправились еще две автоматические станции.

НЕОГЕЯ

Ракета опустилась на высокое скалистое плато, возле берега большого застывшего озера. Разведывательные танкетки поработали на славу, отыскав идеальную площадку для приземления наших межпланетных кораблей, — ровная, гладкая скала простиралась на несколько десятков квадратных километров.

Занимался шестнадцатичасовой день Неогеи. Проксима пылала низко над горизонтом, заливая пунцовыми лучами все окрест. В сумраке слабо проблескивало вишневое озеро. Теснились скалы, будто вырезанные по контуру исполинскими атомными резаками. И над всем — над утесами, над озером, над ущельями — витал фиолетовый туман, медленно тающий пар расплавленной огненной струи, исторгнутой давно уже замолкнувшими ракетными дюзами.

Последним из ракеты вышел Теллур. Даже здесь, едва ступив свинцовой подошвой своего теофрастового ботинка на каменья нового мира, твой отец, Астер, ни в чем не изменил себе. Миновав спутников, громогласно восторгавшихся новоявленными красотами, Теллур зашагал к ближайшей разведывательной танкетке. На месте каждой танкетки предстояло смонтировать радиофары — своеобразные маяки для всех последующих ракет. Впрочем, никто не удивился серьезности и деловитости Теллура: впереди был непочатый край работы. Надо было построить электроцентрали и заводы, разметить площадки для ракетодромов, наладить производство десятков тысяч тонн антивещества. Но прежде всего соорудить жилища для нас самих...

Первой, как всегда, испытала неожиданности новой планеты биолог Талия. Она монтировала антенну радиофары и так увлеклась новым для нее делом, что не заметила опасности. А когда заметила, было уже поздно. Обвитая рваными клочьями тумана, она медленно и неотвратимо погружалась во что-то липкое, вязкое, в какую-то отвратительную слизь. Как обычно бывает в подобных ситуациях, впечатлительная женщина немедленно вообразила, что ее поглощает трясина.

— Атаир! — тихо вскрикнула она. Или ей лишь показалось, что она вскрикнула?

Не дождавшись ответа, поглощаемая чем-то, чему даже не подыщешь названия, она закрыла от страха глаза и представила, что стала добычей некоего мерзкого существа, затаившегося в бесчисленных расщелинах этой планеты.

— Атаир! — собравшись с силами, выдохнула она.

— Что такое? — пророкотал в ее шлеме голос Атаира.

— Атаир! Тону, ничего не вижу! Трясина!

— Не двигайся! Под тобою растопилась корка льда! Не бойся! Сейчас я тебя извлеку из трясины!.. Сейчас... А-а, вот черт, огнемет забарахлил!

Талия терпеливо ждала. Наконец возгласы Атаира, на все лады проклинавшего конструкцию злополучного огнемета, были перекрыты басом Теллура:

— Спокойно! Опусти черный фильтр! Включаю!

Ей почудилось, будто двенадцатибалльный ураган низвергнулся на планету. Вихрь, полоснувший по тонкой оболочке скафандра, едва не повалил Талию. Черный фильтр расцвел всеми цветами радуги — огненная струя ударила в лицо. Талия почувствовала, что ее ноги обрели наконец твердую опору. Она убрала защитный фильтр, но глаза, ослепленные сильным светом, поначалу ничего не могли разобрать, кроме огненного столба, который медленно перемещался в тумане.

Тем временем подоспели Рубина и Атаир.

— Ничего страшного, только смотри в другой раз не стой так долго на одном месте, — тихо сказал Атаир и объяснил, что произошло.

Скалы, на которые мы приземлились, в основном представляли собой железоникелевые сплавы. Поверх этой твердой и надежной основы наслаивалась ледяная кора — смесь двуокиси углерода и аммиака. Местами лед достигал толщины полутора метров. Сколь бы хорошо ни были теплоизолированы наши костюмы, но в мире, где температура никогда не подымается выше — 110°С, они обязательно излучают тепло. И вот результат: лед под ногами Талии начал бурно испаряться.

...Так, в трудах, заботах и недоразумениях, прошел наш первый день на Новой Земле. Смеркалось. Подступала ночь. Мы свернули работы и возвратились в ракету.

Как только Проксима скрылась за скалами, столбик термометра за бортом пополз вниз. Один за другим обращались в жидкость атмосферные газы. Непроницаемая пелена скрыла от наших взоров звезды. Казалось, лучи прожекторов увязают в густой, физически ощутимой мгле.

Никто не спал: слишком рельефны были воспоминания от первого

дня пребывания в ином мире. Лежа вповалку на матрацах в тесном астроотсеке, мы пребывали в каком-то сомнамбулическом состоянии, когда сон и явь перемешаны воедино, когда вымысел, выдумка, фантазия неотличимы от яви. Да, сон не шел: не помогали ни стандартные увещевания Теллура, ни колыбельные песни, смеха ради распеваемые Рубиной. Оставалось прибегнуть к последнему средству — снотворным препаратам.

Мы опорожнили недельный запас снотворного, прежде чем уже под утро забылись на несколько часов. И представь себе, Астер, всем приснилось одно и то же.

Всем приснилось, что мы покоимся на дне земного океана в странном цилиндрической формы батискафе. Снилось, будто связь с Землей прекращена, вернее, утеряна, и нет никакой возможности всплыть — отказала система наддува. Неожиданно столбик термометра за бортом резко пополз вниз, к точке замерзания воды. Все приникли к иллюминаторам и с ужасом заметили, что океан над нами застывает. Океан застывал, огромные разноцветные кристаллы льда медленно опускались на дно, и оттуда, из глубин прозрачных кристаллов, на нас глядели застывшими глазами навеки окоченевшие твари морские: киты и скаты, мурены и осьминоги, меч-рыба, тюлени, крабы, тунцы, лангусты, дельфины. Одни кристаллы причудливостью форм напоминали деревья, другие — коралловые заросли. Батискаф (не забывай, Астер, все происходило во сне!) медленно всплывал над этим миром заледенелости и оцепенения, и каждый из нас содрогался в душе, как если бы ему довелось стать соучастником и очевидцем гибели земного бытия.

...Когда мы очнулись, над Неогеей давно уже расцвел новый день. За завтраком выяснилось, что на рассвете прибыли две грузовые ракеты. Они доставили со звездолета сборные конструкции жилищ и провизию.

Неподалеку от будущего ракетодрома мы расчистили площадку для жилья: растопили огнеметами ледяную кору до дна, так что не осталось и следа от напластований замерзших газов. Под напором огненной струи газы испарялись, превращались в туман, который тотчас застывал на наших скафандрах. Время от времени, когда лед начинал сковывать сочленения скафандров или заволакивал шлемы, мы, хохоча, направляли раструбы огнеметов друг на друга. Несколько мгновений — и реактивный пламень придавал нашим металлическим доспехам первозданный блеск. Что значит жар в какую-то разнесчастную тысячу градусов, когда не только микрочастицы страшного космического излучения или продукты аннигиляции — даже метеориты величиной с кулак отскакивали от наших скафандров как орехи!

Под ледяной корой раскрылась во всей первозданной красе приятно услаждающая взор, гладкая металлическая поверхность. Трудно вообразить более прочный фундамент для наших сборно-разборных обиталищ. Немедленно был пущен в дело электронносварочный аппарат. В какую-нибудь пару часов, зам[illegible] себе, Астер, жилищная проблема была решена, решена основательно и без всяких проволочек. Новые наши жилища пустили надежные корни в планету, цепко прилепились к железоникелевому каркасу Неогеи. Столь цепко, что теперь нам были не страшны никакие смерчи, шквалы и ураганы, даже наподобие тех, что днем и ночью куролесят вдоль и поперек Юпитера. А на Юпитере, Астер, ураганы таковы, что порою от них содрогается юпитерианская ось. Во всяком случае, так рассказывал в свое время побывавший в тамошнем аду бесстрашный Теллур, твой отец.

Какими красками, словами какими описать всеобщий порыв восторга, когда мы обрели наконец свою вторую родину, землю свою обетованную. Теперь мы могли спать безмятежно, без разного рода апокалипсических сновидений, как безмятежно спали по ночам миллиарды наших собратьев на далекой коммунистической Земле.

Нас не испугали страшные опасности, подстерегавшие звездолет в многозвездной пустыне, — все эти начиненные метеоритами облака, уродливые гравитационные поля, внезапные взрывы в контейнерах, вечные неполадки в фотонном реакторе. Когда ты поживешь некоторое время на Земле, Астер, ты поймешь, что подобные гримасы звездного (да и не только звездного) быта в общем-то неизбежны. Более того, они разнообразят серые будни, привносят в них остроту риска, утраты, надежды, предвестия, победы.

Что ж, мы победили, а победителей, как известно, не судят. Конечно, Неогея, эта холодная, почти не изученная планета, мало в чем походила на Землю. Но особых оснований для беспокойства вроде бы не было. Вокруг нашего лагеря неустанно рыскали танкетки — бдительные, неутомимые, верные стражи. Стены и крыши наших жилищ были буквально нашпигованы множеством разнообразных приборов, которые зорко следили за физическими и химическими параметрами окружающей среды. При возникновении любой сколько-нибудь серьезной опасности мы были бы тотчас предупреждены. Стоит ли растолковывать тебе, Астер, как важно быть информированным о любой угрозе. Ты любишь древнюю историю, прочел всего Плутарха, Плиния, Флавия, Геродота, так что вполне уже, наверное, убедился: многие, если не все, сражения были выиграны задолго до их начала. А причина всегда одна и та же — кто лучше осведомлен, тот и на коне.

ОГНЕННЫЙ ЛЕС

В главной пультовой на зеленом экране проплывали, точно стаи птиц, оранжевые цифры: разведывательные танкетки выясняли доподлинно, каков химический состав Неогеи и ее атмосферы. Выяснилось, что водород на планете содержит в сто раз больше дейтерия, чем на Земле. А дейтерий — незаменимое «горючее» для наших плазменных термоядерных централей.

На краю плато рядом с озером засияли ослепительно белые корпуса первой электроцентрали. Уже на восьмой день после нашего приземления электроцентраль матово засветилась изнутри, словно панель счетчика параллаксов. Так сразу же вслед за жилищной была решена энергетическая проблема.

От электроцентрали, из цеха первичного сырья, неугомонные роботы живо протоптали тропинку к берегу озера. Они выламывали глыбины льда, взваливали на свои металлические спины и волокли к химическому сепаратору. Очищенный дейтерий подавался на плазменный

генератор, и здесь-то, превращаясь в гелий, он навсегда расставался с затаенной в своих недрах термоядерной энергией.

Когда мы возвратимся на Землю, ты, Астер, среди прочих технических чудес увидишь подземные заводы. Надо сказать, что буквально все такого рода сооружения человечество упрятало в недра своей планеты, поближе к источникам сырья. С миром хрустально чистых небес, незамутненных рек, невырубленных лесов заводы связаны энергокабелями и тоннелями, по которым денно и нощно проносятся грузовые экспрессы с готовой продукцией. Ни одна живая душа не бывает в многокилометровых цехах, где тысячи станков в немолчном гуле и скрежете работают под присмотром кибернетических автоматов.

Наши заводы мало чем походили на подземные земные колоссы. Зато они были намного удобней, практичней, ибо поветрие массового производства, зло унификации их, естественно, ни в коей мере не коснулось. Суди сам, Астер: на одном из таких заводиков мы всего за десять дней спроектировали и построили три небольшие ракеты — на них предстояло исследовать Неогею.

Как только первый кораблик сошел со стапелей, Рубина, Теллур и Атаир отправились на южный полюс планеты.

Провожали их всем лагерем. Регул щурился на полуденное светило, Ксенон каблуком ботинка чертил какие-то значки на льду, Талия всплакнула.

Те трое вскарабкались по узенькой лестнице в ракету, Теллур задраил люк.

Сверкнул огонь, долгий реактивный гул наполнил эхом окрестные скалы. Ракету скрыл шлейф тумана.

Тусклый, неодушевленный полдень властвовал над замерзшими просторами. Вишневое светило отражалось в озерах, расцвечивая лед в темно-малиновые тона. С высоты озёра казались иллюминаторами, сквозь которые за ракетой следили какие-то злобные создания, одичавшие от тысячелетнего оцепенения Неогеи.

— В трех километрах слева — залежи самораспадающегося вещества. Объем аномалии — около семнадцати кубических километров, — мгновенно считывала Рубина показания приборов.

— Содержание метана в атмосфере — три целых восемь тысячных процента, — докладывал Атаир.

— Справа по курсу — озеро, жидкий этилен, — ровным голосом говорил в микрофон Теллур. Каждое наше слово воспринималось автоматически курсографом и записывалось. Эти записи пригодятся впоследствии тем, кто будет детально исследовать эти края...

Прошло около четырех часов после отлета из лагеря. Мы зигзагами обследовали полосу шириной в триста километров и уже подлетали к южному полюсу, когда Рубина закричала:

— Посмотрите! Свет!

Слева, почти на линии горизонта, трепетало прозрачное синеватое сияние.

— Что бы это могло быть? — заинтересовался Атаир.

— Тут нечего гадать, — отчеканил всезнающий Теллур и решительным взмахом руки отбросил упавшую на лоб седую прядь волос. — Скорее всего обыкновенное электричество. Атмосферные разряды. По теории Сырцова — Краузе представляется, что...

— Направляю ракету к феномену! — решительно проговорила Рубина, прерывая (в который раз!) теоретические выкладки супруга.

Вскоре корабль сел на небольшой холм, испещренный разноцветными кристаллами. Перед нами на расстоянии в несколько десятков метров переливалась феерия пламени: фиолетового, синего, зеленого, розового. Сполохи то разгорались, протягивая огненные щупальца к темному небу, то гасли, играя и переливаясь.

— Какая красота! — выдохнула Рубина. — Неописуемо! Теллур, помнишь, как мы на острове Врангеля хотели подлететь вплотную к северному сиянию?

— Это ты хотела подлететь вплотную. — Теллур был неумолим и бесстрастен. — Я-то понимал: мираж все это, видение, обман зрения, пустой оптический эффект.

— И пусть, пусть всего лишь эффект. Но здесь все так реально ощутимо, так зримо... Прислушайтесь, какая тишина...

— Картина ничего себе, — буркнул Атаир. — А насчет тишины... на длинных волнах творится бог весть что. Будто все стихии разом схлестнулись.

Он щелкнул переключателем диапазонов. И сразу же шум, вой, треск атмосферных разрядов заполнили наши шлемофоны.

— Огненные водопады! Древние игрища огнепоклонников! Пляски саламандр! — не унималась впечатлительная Рубина.

И тут Теллур вышел из себя.

— Какие такие саламандры! — возмутился он. — Все эти гномы, русалки, сильфиды, саламандры были порождены средневековыми мракобесами. Не мне тебе объяснять, в каких целях были порождены. Подумай, Рубина, что ты говоришь. С научной точки зрения, все по той же теории Сырцова — Краузе, здесь нет ничего интересного. Кристаллы аммиака, воды, двуокиси углерода — вот и все, ничего более. Движущиеся атмосферные газы наэлектризовали их, и сейчас они излучают разноцветные электрические заряды, то есть светятся. А ты — «водопады», «игрища», «саламандры»!

Отчеканивая суровые, но справедливые эти слова, Теллур, по обыкновению, делал какие-то записи в научном дневнике. Именно поэтому он не заметил, как еще в начале его тирады обиженная Рубина отправилась в сторону распоясавшегося огня.

У самой кромки пламени она обернулась и сказала мстительно:

— Поглядим, поглядим, сухарь ты эдакий, чего здесь больше: мракобесия религиозного или науки. — И скрылась в огне.

Позднее мы открыли множество других огненных лесов. Излишне говорить, Астер, что электрические заряды не могли причинить нашим чудо-скафандрам ни малейшего вреда. И часто в одиночку, вдвоем, а то и всем лагерем бродили мы под сенью многоцветных огненных деревьев. Водили мы туда и тебя, Астер. Селена настояла на том, чтобы мы изготовили для тебя небольшой, но прочный скафандрик. Теперь ты мог, прежде чем покинешь свою родную Неогею, вдоволь налюбоваться ее дикой и мрачной красой.

Минули каких-нибудь три месяца — и новенький завод антивещества, причудливостью своих форм напоминавший звездолет, восстал среди омертвелых, холодных равнин.

Вскоре в цехах появились работяги — роботы. Поначалу они чувствовали себя не очень уверенно: натыкались на торчащие повсюду маховики, рычаги, шестеренки, даже друг на друга. Однако по мере того, как Регул усовершенствовал кибернетическую программу ВВР (всеобщего взаимодействия роботов), действия наших механических помощников становились все разумней. Теперь, наполненные человеческой мыслью и волей, они наконец стали напоминать солистов в некоем симфоническом оркестре, объединенных колдовскими пассами дирижера. Ибо что являет собой даже наисовершеннейшее электронное сооружение? Гордиев узел из кабелей, мусорную кучу из конденсаторов, сопротивлений, транзисторов, неестественное взаимопроникновение металла и пластмассы, — короче говоря, хлам, макулатуру.

(Продолжение в следующем номере)

А.Соколов «Посадка на Плутон»

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

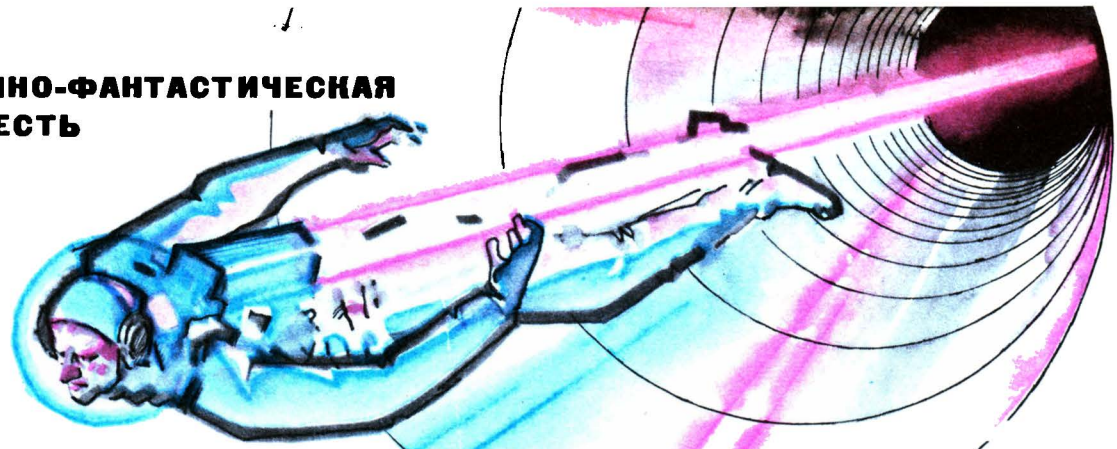


Рис. А. Побединского

ДЕНЬ МОЕГО ИМЕНИ

ДИМИТР ПЕЕВ

(Болгария)

Двадцать четыре тонны — ровно столько антивещества, и ни грамма меньше или больше, — поставлял завод ежесуточно. Контейнеры звездолета начали медленно заполняться горючим. Через двенадцать лет экспедиция могла возвращаться на родину. Если, конечно, за эти долгие годы не случится каких-либо аварий, бедствий, катастроф. Ибо, как ты уже убедился, Астер, в чужих мирах (да и не только в чужих!) всего не предусмотришь.

Снилась Атаиру Земля. Ее мосты, вознесенные, как паутинки, над реками, дубравы ее, пажити, водопады, пещеры, взгорья. Лунный свет снился и мириады пернатых, чешуйчатых тварей, недвижными зеницами уставившиеся на Луну. Воспоминания детства пропульсировали над сумеречными звездными равнинами, стиснули сердце спящего, замедлили ток крови, и без того замедленный убогой местной гравитацией.

И тогда Атаир пробудился ото сна. Непроглядная темень. Тишина, как на дне глубокого каньона.

— Время, — тихо проговорил Атаир в темноту, и тотчас электронный информатор откликнулся голосом далекой флейты: «Девять часов двенадцать минут».

— Весенний рассвет в Гималаях! — скомандовал звездолетчик, из девяноста модификаций запрограммированных рассветов отдававший предпочтение восходу солнца на Гималаях.

Откуда-то с потолка просочился призрачный фиолетовый свет. На его волнах выплывали горные кряжи, пропасти, заполненные туманом, блистающие льдом конусы гор. Свеченье разгоралось, обращаясь в сиреневые тона. Солнце поднималось. Запели невидимые птахи. Цветы раскрывались под куполом зарождающегося дня.

Корабельный врач, больше всего опасавшийся за психику своих пациентов, строго-настрого запрещал злоупотреблять искусственными рассветами и закатами. Тем не менее Атаир еще несколько раз включал электронное видение утренних Гималаев. Слишком долго, целых тридцать дней, он вместе с Талией дежурил на звездолете и теперь, вернувшись на Неогею, блаженствовал. Наконец он поднялся, бросился к серебристой панели в углу комнаты и прошелся пальцами по клавишам буквенного набора. «Черное море август плюс тридцать Цельсию», — выщелкивал Атаир. Когда индикатор готовности переменил цвет с голубого на палевый, звездолетчик съехал по наклонному желобу в бассейн. Он долго плескался в черноморской воде, услужливо приготовленной электронными механизмами, пока не услышал по внутреннему динамику голос Электры, биолога из первой смены:

— Через час вездеход номер три отбывает к великим ледяным горам. Есть два свободных места...

«Никаких ледяных гор, — мысленно решил Атаир. — Электромассаж, магнитный профилакторий, ультразвуковой душ. И сразу же в оранжерею. Хватит с меня этих синтетических бифштексов и искусственной осетрины. Пора питаться по-человечески».

Ты, Астер, помнишь, наверное, зеленое кольцо оранжереи вокруг нашего поселка. На Земле, где каждое лето приносит людям неисчислимое множество растительных даров, зелень как-то не замечается. Иное дело — живительный плод в космосе. Тут каждая грядка с огурцами, редиской, капустой, каждый куст помидоров и пастернака становятся предметом неусыпных забот всего экипажа.

Атаир прополол две грядки с салатом, отведал спелых томатов, пожевал горькие стебельки какой-то пахучей травки. Воздух, обогащенный двуокисью углерода, слегка светился. Серебристые своды купола оранжереи источали ультрафиолетовые лучи.

На соседней — бахчевой — делянке Атаира поджидали чудеса. За тридцать дней его отсутствия поспели арбузы и дыни. Плоды были огромными, по метру-полтора в поперечнике. Они походили на рой фантастических существ, опустившихся после длительных звездных странствий на родную землю. Нигде, ни в лунных парниках, ни в висячих садах шестнадцатого спутника, не встречал Атаир таких диковинок космической флоры.

— Мудрец, что ты уставился на них? — услышал он позади насмешливый голос Рубины. — Небось воображаешь, будто пред тобой — целая планетная система. Выбираешь планетишку по вкусу? Терзаешься сомнениями?

Существовал единственный способ приостанавливать иронические словоизвержения Рубины — задать любой вопрос о ее супруге. Атаир так и поступил.

— Теллура что-то долго не видно, — простодушно заговорил он. — Ты, случаем, не встречала его в последние дни?

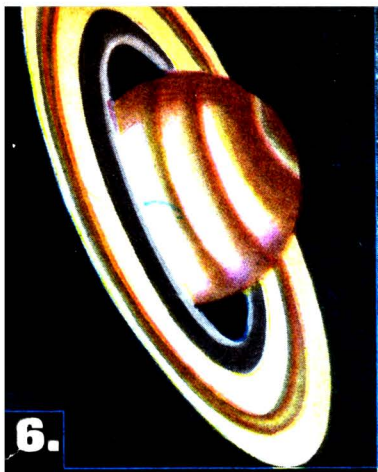
Рубина недоверчиво уставилась на Атаира и ответила после некоторого раздумья:

— Регулу помогает твой Теллур. Обмозговывают результаты, полученные с первой планеты.

— Роботы принесли что-нибудь стоящее?

— Что-то вроде этого. Не исклю-

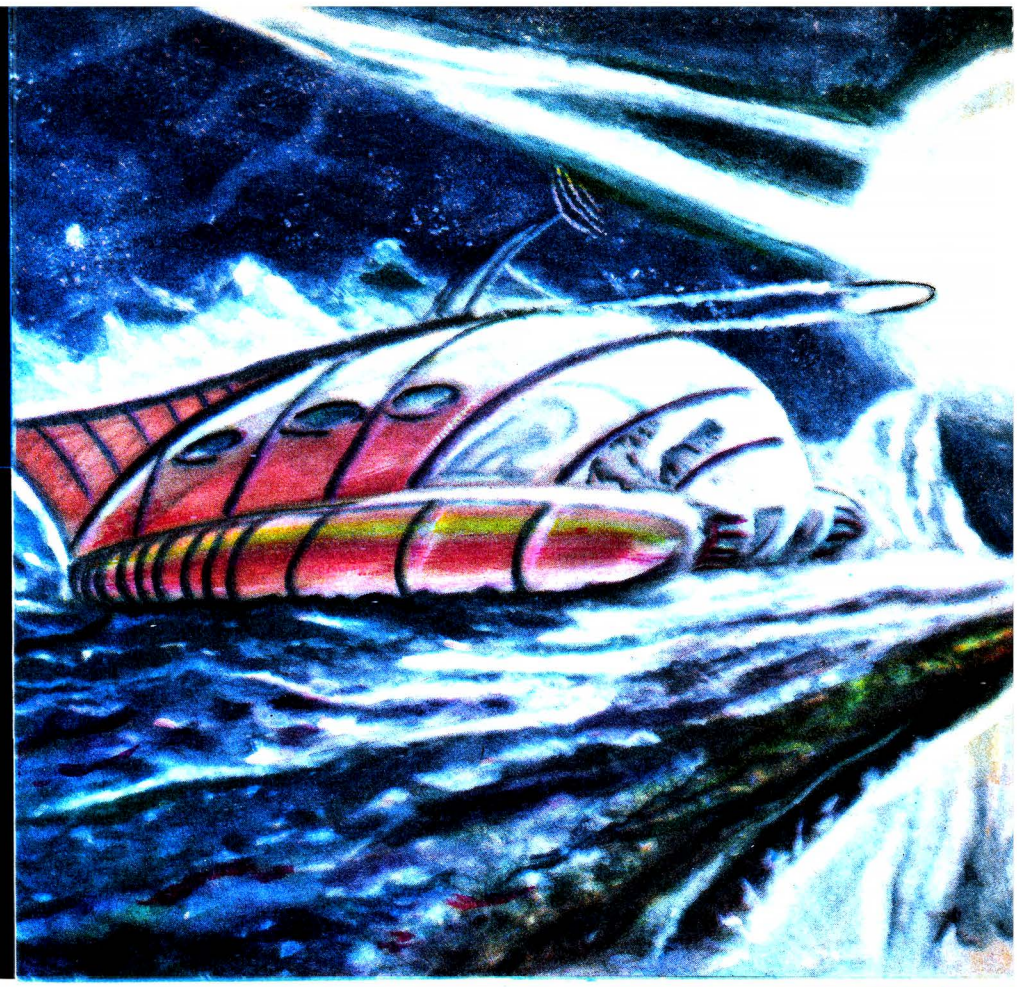
(Продолжение. Начало в № 2—3 за 1971 г.)



6.

„САТУРН ПОЧТИ НЕ ВИДЕН“

Так назвал свою картину художник Г. Тищенко. Да, эту планету окутывает примерно такая же метановая атмосфера, как и у Юпитера. Есть она и у самого крупного спутника Сатурна — Титана. Метан на 25% состоит из водорода. Когда-нибудь ядерные ракеты смогут заправляться на Титане, и эта достаточно плотная «луна» станет трамплином при полетах как внутри солнечной системы, так и за ее пределами.



чено, что там уже зародилась жизнь.

— Жизнь? Возле Проксимы? — пожал плечами Атаир.

— А почему бы и нет. Суди сам. Средняя температура выше нуля. Лед местами растоплен, озера кругом, даже море есть, правда, захудалое. Одно жаль: атмосфера совсем бедная. Азот да аргон, аргон да азот. Даже на углекислый газ и то никакого намека.

— Но тогда...

— Обнаружены коацерваты и какие-то полукристаллы. И вообрази только: размножаются они удивительно напоминающим земную органику способом.

— Тогда... Я должен сейчас же...

— Как обычно, ты не в меру тороплив, Атаир. Диназавров там, во всяком случае, не нашли. Но Теллур подумал, что, может быть, стоило бы посетить планету. Роботы, конечно, свято подчинены программе, а вот насчет инициативы... — тут Рубина развела руками, давая понять, что по части инициативы роботы недалеко продвинулись в механической своей эволюции. — В общем, неплохо бы слетать туда, — закончила она.

Распрощавшись с Рубиной, звездолетчик отправился в фильмотеку. До самого вечера корпел он над кадрами, воссоздающими лабораторные опыты по созданию биокибернетического устройства из нейроклеток. Он настолько увлекся, что позабыл свое обещание Талии сходить с ней на ледяное озеро.

Когда Атаир вбежал в отсек, где хранились скафандры, жена уже заканчивала экипировку. Вскоре они покинули лагерь и направились к близлежащим скалам.

Шагов через двести Талия обернулась и посмотрела назад. Биокомплекс — разнородные сооружения, состоящие из жилых отсеков, лабораторий, оранжерей, зоосекторов, — походил на сюрреалистическую скульптуру. Ни огонька, ни звука — этих обычных вестников общежития человеческого. Только фары на высокой мачте и зеленые сигнальные огоньки перед входом неопровержимо свидетельствовали, что беспорядочно разбросанные металлические кубы — творения разумных существ, а не игра слепых сил природы.

Неподалеку чернели корпуса заводов. Левее, возле самых скал, маячил грушеподобный силуэт термоядерной станции. Над ним трепетала синеватая полоска — в пепельные небеса Неогеи вырывались ионизированные отходы производства.

Атаир и Талия спустились по тропинке, протоптанной роботами, и вскоре ступили на нетронутую ледяную кору озера. Проксима только что взошла. Широкая вишневая лента восхода как бы вмерзла в белые льды. Казалось, ступи на ленту — и она сама, как гибкий транспортер, вознесет тебя к рубиновому солнцу.

Так прошли они несколько километров. Ледовые торосы то и дело преграждали им путь, приходилось петлять, прыгать через трещины, обходить пропасти. Атаир молчал. Он был не мастак вести задушевные беседы с женщинами. Зато говорила — и еще как говорила! — Талия.

Монолог свой она сопровождала отчаянными жестами, скачками, междометиями.

— Ты только задумайся, задумайся, Атаир, — говорила она. — Минут годы, и с Неогеи будут взлетать десятки, тысячи планетолетов. Люди

освоят звезды, поначалу близлежащие, а затем и дальние. Вот еще одна грань величия человека. Не земного гомо сапиенса, и даже не звездного, а человека еще более отдаленного будущего — галактического. О, я вижу его, великого аборигена галактических просторов, потомка некогда слабого, невежественного земного пращура! Его владения раскинутся меж сотен и тысяч солнц — желтых, оранжевых, синих, вишневых, инфракрасных, ультрафиолетовых. Его звездные крейсеры избороздят всю Галактику... Кто же заложил основы вселенской расы будущего? Мы заложили, слабые земляне. И потому...

Она не договорила. Далеко на горизонте вспыхнули три зеленых шара и разорвались. Потом еще три зеленых и два ослепительно белых.

— Скорей! — закричал Атаир. — Всеобщая тревога! Возвращаемся!

Из вишневого безмолвия вынырнула ракета, зависла надо льдом, опустилась. Когда туман рассеялся, они увидели Теллура, бегущего от ракеты прямо к ним.

— Куда вы запропастились? Там такое творится!... Живо в ракету! — выдохнул Теллур.

БЕЛЫЙ ПЛАМЕНЬ

Тревога поднялась поздно вечером. Как обычно, все коротали время в кают-компании. Резкий, надсадный сигнал опасности застал людей врасплох. Стена кают-компании засветилась, и на экране возникло растерянное лицо Фотона. Несколько дней назад он заступил на вахту — дежурил на заводе антивещества. Взгляд его блуждал. Мокрые волосы прилипли ко лбу. Казалось, Фотон только что одолел нескольких чудовищ, прямо на глазах у него материализовавшихся из атмосферы.

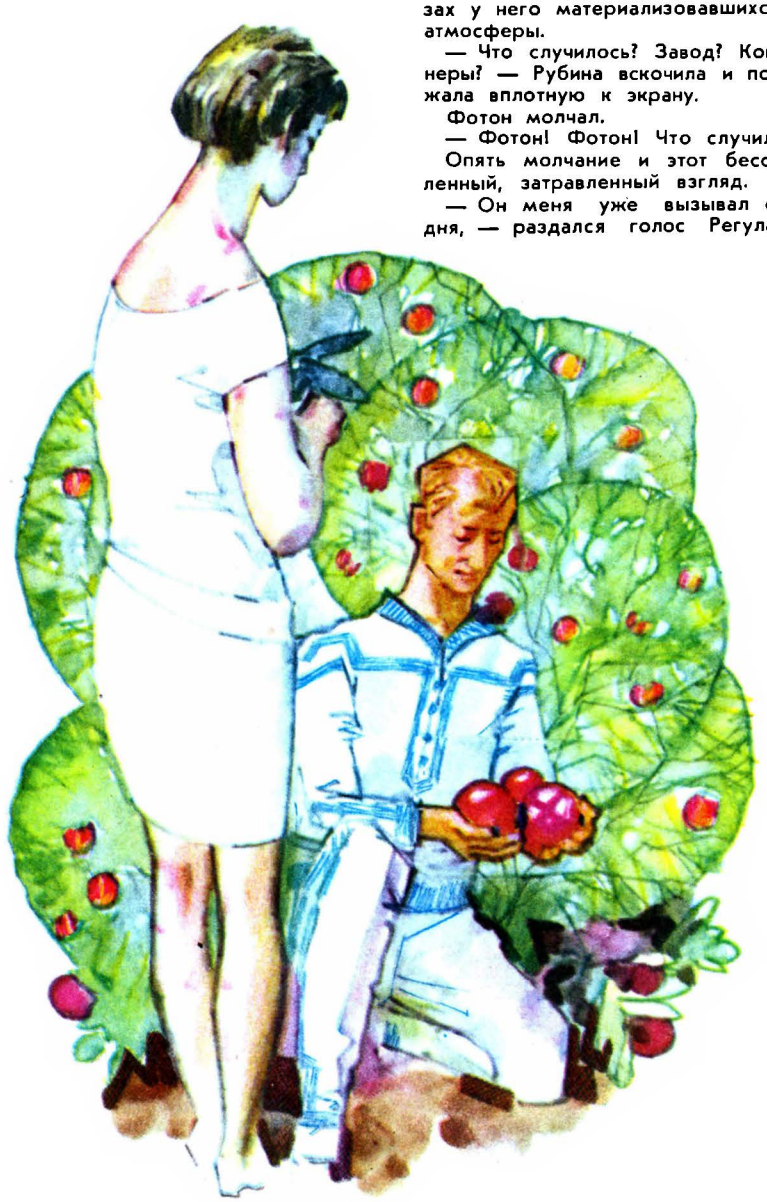
— Что случилось? Завод? Контейнеры? — Рубина вскочила и подбежала вплотную к экрану.

Фотон молчал.

— Фотон! Фотон! Что случилось?

Опять молчание и этот бессмысленный, затравленный взгляд.

— Он меня уже вызывал сегодня, — раздался голос Регула. — Я от него так ничего и не добился.



— Что ж ты молчал, Регул? — рассердилась Рубина. — Он же явно не в себе. — Тут она снова закричала в экран: — Фотон, отвечай! И выключи сигнал тревоги!

— Это ты, Гемма? — робко спросил Фотон и боязливо скосил глаза.

— Какая Гемма! Ты же знаешь: Геммы давно нет в живых!

Судорога прошла по лицу Фотона. Он забормотал:

— Статистическая вероятность ее смерти, исчисленная по формуле макрозернистой структуры Галактики, равна...

— Фотон! Фотон! Фотон! — кричала Рубина.

Наконец он опомнился, жалко улыбнулся, закрыл лицо руками:

— Я вижу: ты не Гемма. Ты Рубина. Пусть кто-нибудь из вас придет и сменит меня. Если это невозможно, пришлите врача.

Сигнал тревоги смолк.

— Почему невозможно? Мы сейчас же тебя сменим. Что с тобой?

— Мне нездоровится, — неуверенно выговорил Фотон и спросил: — Кого нет в лагере?

— Ксенон и Сигма дежурят на звездолете. Талия с Атаиром бродят по озеру. Остальные в лагере.

— Чего бы это им по озеру расхаживать? — подозрительно посмотрел на Рубину Фотон. — А меня они не навещали сегодня?

Ничего не понимающая Рубина пожала плечами и ответила после некоторого раздумья:

— Посуди сам. Как они могли попасть к тебе, если вышли из лагеря часа полтора назад. А ведь до тебя целых три часа лету... Сейчас Теллур за ними слетает. Через пятнадцать минут они будут здесь. Одного не понимаю, — Рубина проводила взглядом метнувшегося к двери Теллура, — почему ты так настойчиво спрашиваешь о них?

— Только что мне показалось... почудилось... будто сюда пришли... Сначала зашумели двери пропускных шлюзов. Потом... я услышал шаги...

— Никого у тебя не было. После обеда ни одна ракета не вылетала, — сказала Рубина.

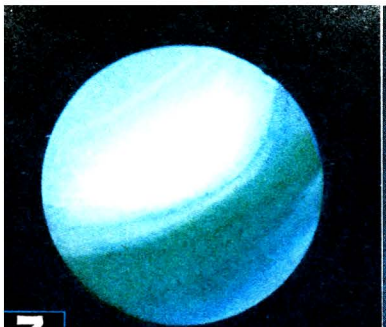
— Вот этого я и боюсь!

Несколько секунд они оба безмолвно вглядывались друг в друга. И лишь теперь Рубина поняла состояние Фотона.

— А как аппаратура? Есть ли отклонения в режиме?

— Мне кажется, кое-кто... — Фотон быстро поправился, — вернее, кое-что влияет на процесс. Недавно главный канал взревел так страшно... Даже мое кресло начало вибрировать. И это уже не впервые...

— Спокойно следи за приборами, — твердо сказала Рубина. — Мы с Теллуром вылетаем незамед-

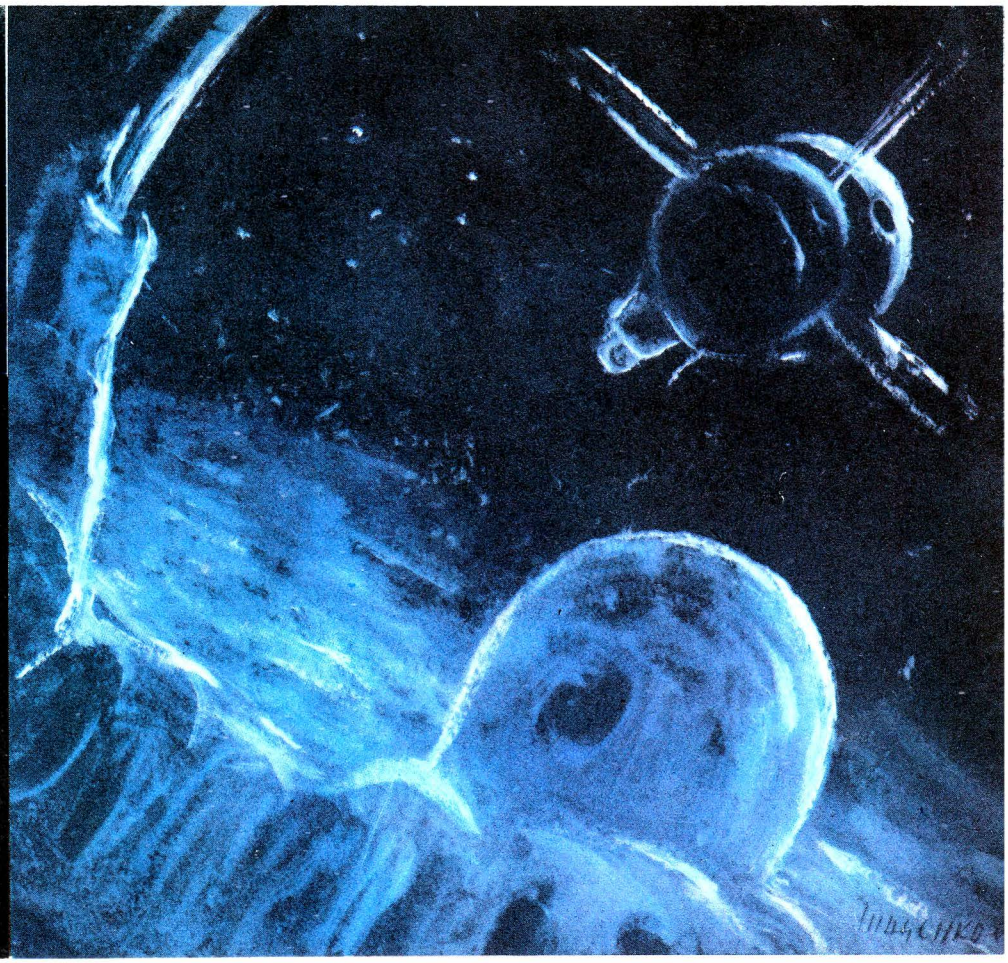


7.

УРАН — ПЛАНЕТА ГЕРШЕЛЯ

На ней темно и холодно. Она расположена так далеко от центрального светила, что Солнце с ее поверхности кажется величиной с булавочную головку. Открыл Уран в 1781 году немецкий любитель астрономии Вильям Гершель. Он случайно увидел планету в свой самодельный телескоп.

Уран — планета из «группы Юпитера». Это тоже гигант, легковесный, с могучей атмосферой из аммиака и метана. Спутников у него пять. К одному из них направил фантастический межпланетный корабль художник Г. Тищенко.



лительно. Без крайней нужды не вмешивайся в процесс!

— Я подожду, — послушно согласился Фотон. — Одного не пойму: почему мне запрещено вмешиваться в процесс, а ей разрешено?

— Кому — ей? О ком ты говоришь?

— О Гемме, о ком же еще, — ответил поэт и математик.

— Возьми себя в руки, Фотон! Это нервы, нервы. Мы вылетаем!

Тебе, Астер, не имеющему представления о психических аномалиях в человеке, должно быть, трудно представить ужас и отчаяние тех, кто из последних сил цепляется за ускользающую нить разума. А ведь раньше, на докоммунистической Земле, такими несчастными были переполнены специальные лечебные учреждения. Одни пациенты мнили себя Аттилами, Александрами Македонскими, Чингисханами. Другие свихнувшиеся на стезе искусства оспаривали у собратьев право быть Гомером, Лопе де Вега. А некий ученый-маньяк в конце концов свыкся с мыслью, что он парящая в поднебесье птица, и, как ни странно, Астер, открыл один из основополагающих законов гравитации.

В общем, не было ничего удивительного в поведении Фотона. Его счастье, что ему привиделась Гемма. Могло пригрезиться вообще черт знает что.

Никто не сомкнул глаз в тревожную эту ночь — ждали вестей с завода. Далеко за полночь Рубина вышла на связь. По ее словам, Фотона они застали почти невменяемым. Без сомнения, он пережил глубокое нервное потрясение. С заводом тоже что-то произошло. Напряжение в главном канале нестабильно, плазма словно взбесилась. Теллур зарылся в схему, пытается найти неполадки. Как они намерены поступить дальше? Утром она привезет Фотона, а Теллур останется дежурить на заводе.

— Фотон утверждает, будто он слышал, как отворялись двери входных шлюзов, — обратился к Рубине Регул.

— Слуховые галлюцинации, — отмахнулась она.

— Но это легко проверить. Как же ты не догадалась раньше?

— Каким образом? — искренне изумилась она. — Насколько я знаю, индикаторы привидений еще не изобретены.

Регул пропустил мимо ушей ироническое замечание.

— С помощью счетчика на входном турникете, справа от шлюза, — мягко произнес Регул.

— При чем тут счетчик? — все еще недоумевала Рубина. — Его назначение ясно и ребенку. Щелкнул 500 раз — стало быть, пора менять прокладки на дверях.

— Хвала твоей учености, Рубина. А теперь вспомни, что инструкция строго запрещает дежурному отлучаться куда-либо с завода. По правде сказать, ему и отлучаться-то некуда. И потому я утверждаю: если на счетчике сейчас стоит число 93, то шум открываемых дверей был плодом галлюцинации больного. Если же 94 — я ни за что не ручаюсь.

— Но почему? — разом воскликнули Рубина на экране и вся кают-компания.

— Потому что я запомнил предыдущее число. Когда сдавал дежурство Фотону, — медленно сказал Регул, — там значилось 91. Входит Теллур — щелк! — 92. За ним ты, Рубина, — и опять щелчок — 93.

— А если 94? — сдавленным, задушенным голосом сказала Телия.

Регул отвечал скоро, не задумываясь:

— Тогда одно из двух. Либо на завод после Фотона вошел еще

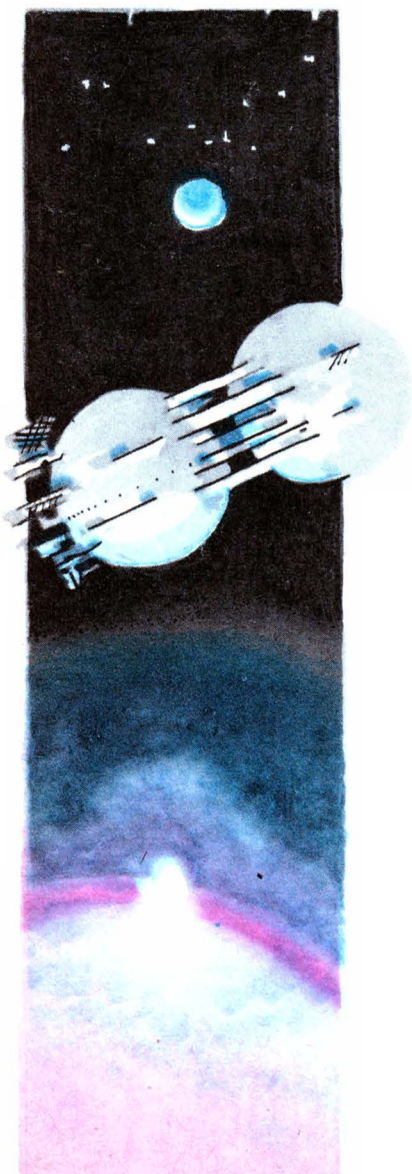
кто-то, либо надо признать, что привидения способны вращать турникеты.

— Я сейчас же взгляну на счетчик! — закричала Рубина и скрылась с экрана. Стена погасла.

Ни у кого из нас и в мыслях не было усомниться в цифровой памяти Регула. Человек, который в считанные секунды извлекает корни двадцать третьей степени или столь же быстро перемножает в уме пятнадцатизначные цифры, даже такой человек внушает к себе уважение. Что же говорить о Регуле! Трансцендентные уравнения биполярного сфероида галактики одолевал Регул играючи. Те самые уравнения, от которых не одна машина вычислительная электронная задымилась и сгорела, не один академик разуверился в мощи машинного, а заодно и своего собственного, разума.

Итак, Регул назвал число 93. Другого быть не могло. Весь лагерь ждал, что скажет Рубина. Прошло три минуты, пять... пятнадцать.

Неожиданно засветился экран на противоположной стене, и в длинном овале возникла Сигма. Она, как ты помнишь, Астер, дежурила вместе с Ксеноном на звездолете.



— Что произошло? — голос Сигмы срывался. — Отчего засветилась планета? Ослепительное белое сияние... В западном полушарии Неогеи. Может быть... Вызовите завод антивещества!

Атаир кинулся в пультовую. Экран оставался мертвым. Связь бездействовала. В тот же миг мы почувствовали сильный подземный толчок. Весь лагерь заходил ходуном от первого и последнего землетрясения на Неогее.

— Почему вы молчите? — хрипела с экрана Сигма. — Отвечайте, что произошло!

Рядом с ней появился Ксенон. Он долго молчал, затем тихо заговорил:

— Неужели... Завод... Но ведь буквально десять минут назад я связывался с Рубиной. Оказывается, она спешно отправила мне очередной контейнер. Раньше срока. Заполненный лишь наполовину. Я ничего не понимаю... Одно ясно: взорвался завод.

Страшная минута, Астер. Нечто ужасное, непознанное, неведомое вторглось в нашу жизнь, унесло в забвение трех наших соотчичей. Все оцепенели, застыли в своих креслах. Томительно текло время.

Утром Сигма снова вышла на связь. Поначалу никто из нас не узнал ее, настолько она постарела за эту ночь. Говорила Сигма шепотом, то и дело переходящим в хрипы и свисты.

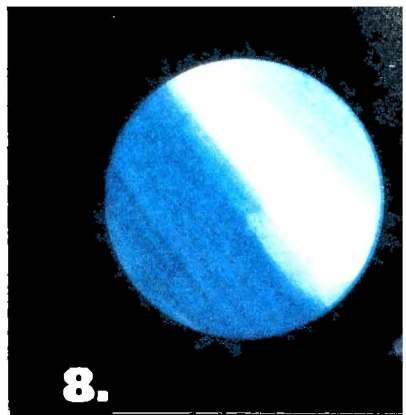
— Полчаса назад мы пролетали над местом, где... где был завод. Там на сотни километров клубится туман, бушуют ураганы. Сквозь испарения и смерчи разглядеть ничего невозможно, — еле выговаривала она и, не выдержав, разрыдалась.— В центре... острова... металл... расплавлен добела. Белый, белый пламень... И радиация... Несколько тысяч рентген...

Никто не проронил ни слова. Казалось, каждый боится вспугнуть тени погибших, витающие в кают-компании. Обращенные в белый пламень тени...

— Вечером мы вылетаем к вам в лагерь, — устало закончила Сигма.

— И бросите звездолет на произвол судьбы? — спросил Регул, никогда не терявший присутствия духа. Это были первые слова, произнесенные в лагере после катастрофы.

— Бросим, бросим, бросим! — вскричала Сигма. — Я не хочу... не могу больше пролетать над братской могилой! Я не хочу свихнуться от вида этих смерчей и ураганов. Какой смысл торчать в звездолете? Да и кому он нужен теперь, этот ваш звездолет!



8.

„ОТРАЖЕННЫЙ МИР“ НЕПТУНА

Нептун отделяет от Земли огромное расстояние — 4,5 млрд. км. Можно только гадать, какой пейзаж увидели бы космонавты, прилетевшие на эту планету.

У художника-фантаста А. Соколова есть картина «Отраженный мир». Мир этот довольно странный, он весь наполнен пузырьками какой-то жидкости. Подобная атмосфера может быть на Нептуне — ведь в условиях глубокого охлаждения газ переходит в жидкое состояние.

— Она права, — сказал Атаир.— Другого завода нам вовек не построить. А без горючего ни о каком возвращении на Землю и думать нечего. Пусть возвращаются в лагерь.

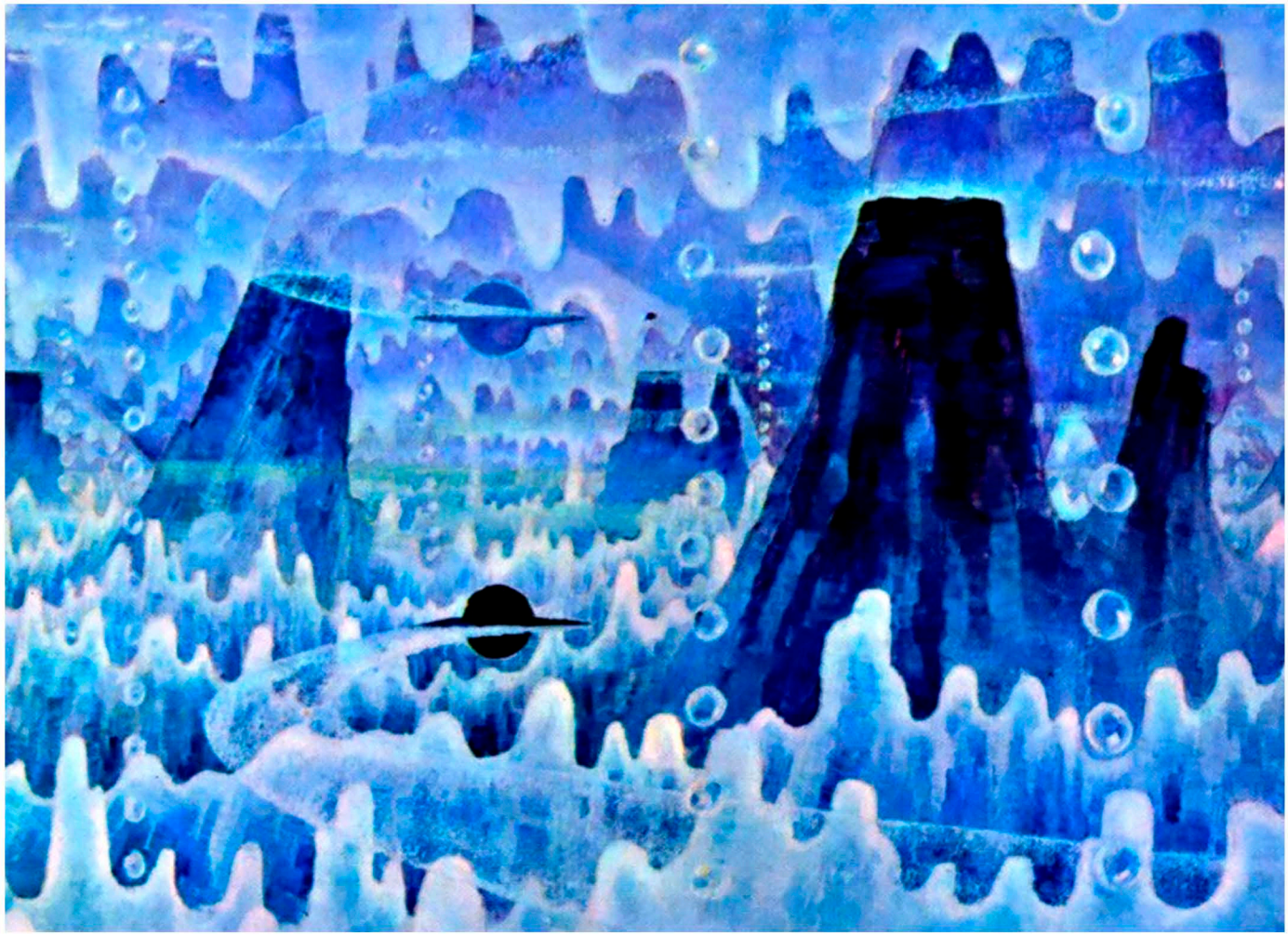
— Пусть возвращаются, — согласился Регул. — Но не раньше, чем я заменю их. Я сейчас же вылечу вместе с Селеной. Привидение, посетившее Фотона, наверняка захочет наведаться и в звездолет.

По прошествии нескольких месяцев мы решились пролететь над местом катастрофы.

От завода не осталось никаких следов. Железо-никелевый остров длиною в несколько километров начисто испарился. Вместо него зиял страшный кратер, покрытый толстым наростом замерзших газов. Метеозонд, опустившийся на дно кратера, тотчас же обволокло синеватым туманом — столь велика была еще радиация.

Что здесь произошло? Неизвестно.

(Окончание в следующем номере.)



А. Леонов «Золотая Цефея»

(НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ)

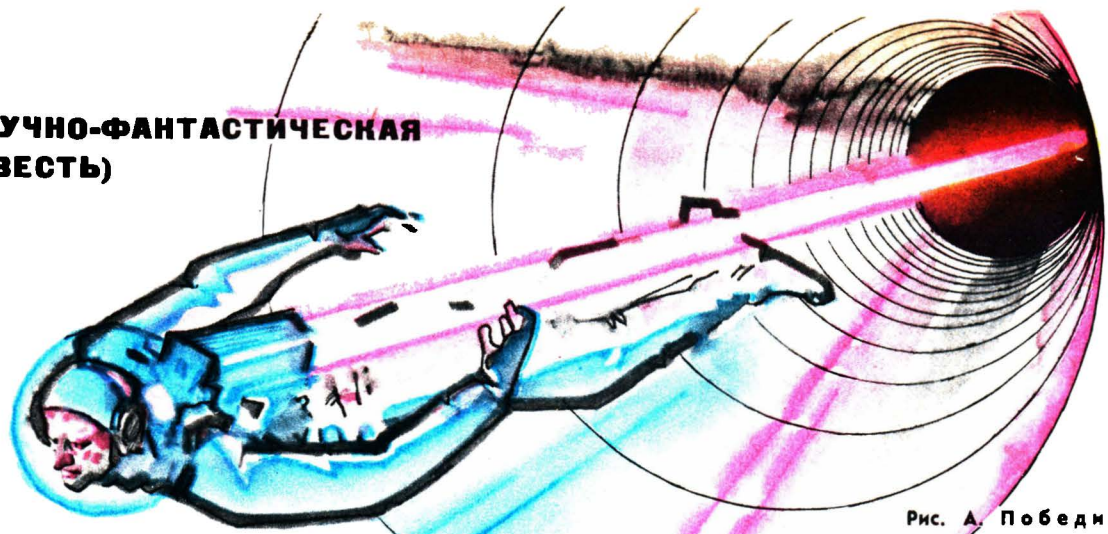


Рис. А. Побединского

ДЕНЬ МОЕГО ИМЕНИ

Димитр ПЕЕВ

(Болгария)

Белый пламень радиации поглотил завод антивещества, расплавил в горниле своем плоть Регула, Рубины, Фотона. Нет, никто у нас, Астер, не заблуждался относительно коварных свойств антиматерии вообще, антивещества — в частности.

Не секрет, что экипаж лишь чудом уцелел за время нашего путешествия, когда целых шестнадцать лет мы обитали в нескольких шагах от смерти. И все же чисто интуитивно мы чувствовали, что во взрыве завода скрывается нечто странное, неподвластное разуму, какая-то тайна.

Теллур был самым хладнокровным из всех нас. Он глубоко презирал показную храбрость, драматические интонации в голосе, трагические жесты. Он не раз заявлял, что звездолет не космический цирк-шапито и что в минуту опасности он готов посоветоваться скорее с бесчувственным роботом, нежели со сверхчувствительным человеком. Уж кто-кто, а он не пожертвовал бы собой напрасно, бессмысленно. Тем более если рядом с ним Рубина.

Между прочим, в твердости и самообладании мало кто мог сравниться и с Рубиной. Вспомни хотя бы эпизод с космическим облаком. Экспедиция была на грани катастрофы, и если бы не решительность твоей матери, Астер, всех постигла бы печальная участь.

Итак, Теллур и Рубина спешным порядком отправили на звездолет очередной контейнер полупустым. Стало быть, они ожидали взрыва, понимали, что завод не спасти. Но почему они не бежали сами? На что рассчитывали? Что заставило их задержаться?

Как бы то ни было, они спасли всему лагерю жизнь: взрыв нескольких сот килограммов антивещества обратил бы Неогею в космическое облако пострашней того, что мы миновали в свое время.

Смущало и другое: как объяснить поведение Фотона?

Что могли означать шаги, те, что он слышал незадолго до сумбурного разговора с Рубиной? Просто слуховые галлюцинации? Или что-то другое? Но что?..

Лицо, искаженное страхом, намеки на Гемму... При чем тут вообще Гемма, столь нескладно покончившая с собой? И чего он, в сущности, боялся? Смешно думать, что на миг вышедший из режима канал мог бы смутить Фотона. Чертовщина какая-то, мистика, бред...

Регула раздражала сама постановка этих вопросов.

— Поймите же вы, горе-психологи, — мрачно говорил Регул, — ведь вы идете по пути Фотона. Если вы начнете слишком много фантазировать на эту тему, ждите, что и к вам не сегодня-завтра явятся призраки. Чего ж мы ждем? Ежели нервишки так расшатаны, давайте сообща заклинать духов, гаданием по внутренностям рыб займемся, спиритизмом, наконец.

— Не убеждай нас в том, в чем мы от рожденья убеждены, — в диалектике, в материализме. Внутренности рыб и заклинания тут ни при чем, — перебила Регула Талия.

Однако тот и бровью не повел.

— Фотон, должно быть, все еще любил Гемму, не мог ее забыть, постоянно размышлял о ней, о трагических обстоятельствах ее смерти. Одна, в ледяном космосе, среди оцепенелых космических стихий... Учтите, что и Фотон был один, вдали от нас, наедине с чужой, мертвой Неогеей, лицом к лицу с антиматерией. Или вы думаете, что созерцать превращение дейтерия в гелий столь же приятно для глаз, как наблюдать потоки водопада либо мерцанье бабочек над альпийским лугом? Ошибаетесь. Я сам не из робкого десятка, отнюдь, но скажу вам: когда я дежурил на заводе, у меня порою мурашки по спине бегали. Сидишь, как истукан, у пульта, лампы мигают, на экранах импульсы кривляются, а канал то вздохнет, то откашляется, то заскрипит, как будто в нем сама нечистая сила прохаживается. Я и сам несколько раз слышал шаги, вскакивал, бежал к шлюзу. Прибежишь — никого. А однажды собственной тени испугался, прошил ее бластером, изрешетил, покуда не смекнул: эдак и свихнуться недолго.

— И я, когда дежурила на заводе,

Окончание. Начало в № 2—4 за 1971 год.

слышала вроде бы шаги, — робко сказала Талия.

— Я тоже, — сказал Атаир. — И шаги чудились, и в собственную тень стрелял. Неоднократно.

Остальные хранили молчание.

— Стало быть, галлюцинации погубили Фотона? — спросила, наконец, Селена. Она только что вернулась с дежурства и слушала рассуждения Регула, устало подперев ладонью голову.

— Именно так: галлюцинации, — твердо сказал Регул. — Или ты не согласна со мной? Но если возразить нечего, давайте больше не возвращаться к этой теме. Она у меня как кость поперек горла.

— «Кость поперек горла!» — передразнила его Селена. — Послушать тебя — и сама психопаткой станешь. Что ж, допустим, Фотон и в самом деле бредил наяву. Но Теллур! Он был настоящий герой, не из тех хлюпиков, что палят из бластера по собственной тени. Он-то почему остался?

— Остался, ибо высокий долг человека вдохновил...

— Да оставь ты словеса свои высокопарные! — отмахнулась Рубина. — То, что он нас спас, несомненно. Это лишь одна сторона трагедии, Регул, — человеческая. Но ты мне объясни другое. Почему завод взорвался? Целый год работал как часы, и вдруг... Ведь Теллур знал завод, как ты знаешь свои интегралы и алгоритмы. Не допускаешь ли ты, что появился какой-то новый, неизвестный доселе, непредусмотренный фактор?

— Новый фактор! Неизвестный и непредусмотренный! Что ты имеешь в виду!

— К сожалению, покуда еще ничего определенного, — вздохнула Селена. — Но, может быть, скоро я все пойму. Во всяком случае, не стоит закрывать глаза перед некоторыми обстоятельствами только потому, что они нам кажутся загадочными. Твои, Регул, законы математики неприменимы к житейскому опыту. Жизнь, бытие, даже если оно не очень сносное, не вмещаются в твои готовые формулы и формулировки.

Селена была возбуждена необычайно. Что могло ее так разволновать?

— И заметь, заметь, Регул. Вселенная не может вместиться в прокрустово ложе логики. Слишком она необъятна, неисчерпаема. Ты что, полагаешь, что, прилетев на Неогею, мы исчерпали тайны всего мира? Не допускаешь ли ты, например, что, кроме нас, здесь могут обитать и другие существа, и, между прочим, тоже разумные.

— Здесь, на Неогее?! — Регул усмехнулся. — Да не они ли подшучивали над Фотоном? Но зачем эта игра в кошки-мышки? Чтобы вместе с земными братьями по разуму превратиться в белый пламень? Рискованное предприятие...

— Иронизируешь! Так знай, что они снова здесь! — воскликнула Селена.

СИГНАЛЫ

В руках Селены появился небольшой цилиндр.

— Это и есть твои разумные существа? — спросил, неестественно улыбаясь, Регул, хотя не хуже других знал: на таких роликах наши разведывательные танкетки записывали свои наблюдения.

Селена поставила ролик в дешифратор, запустила его. Внезапно мы услышали отчетливую дробь счетчиков радиации.

— Ролик танкетки 047. Полчаса тому назад она вернулась из разведки. Исследовался район в эпицентре взрыва... Внимание!

Кают-компанию заполнили позывные, отозвавшиеся в сердце каждого из нас мелодией земных скрипок и гобоев.

— Межзвездный код! — выдохнула Сигма.

— Так и есть, — подтвердила Селена. — Кто-то передает сигналы земного межзвездного кода.

— Они летят! Они летят к нам на помощь! — запричитала Талия.

Среди последовавших вслед за тем восторгов и ликований один только Регул оставался тверд и невозмутим, как будто эти драгоценные для звездолетчика качества перешли к нему от Теллура.

— Откуда сигналы? Из солнечной системы? — спросил он наконец.

— Если бы так! — вздохнула Селена. — Однако источник сигналов находится в противоположном направлении. Его координаты почти точно совпадают с расположением Толимака.

— Значит, кто-то направляется к нам от Толимака и вызывает нас межзвездным кодом? Не так ли? — Ожидая ответа, Талия в нетерпении покусывала нижнюю губу.

— Нет, вовсе не направляется к нам. Наоборот, удаляется. Кто-то через тридцать два часа, то есть через здешние сутки, лучом, направленным точно к месту взрыва, передает наш сигнал вызова. Другие две ближайшие танкетки — 017 и 062 — передачу не засекли. Луч очень тонкий, строго ориентированный.

— Как так? Почему удаляется?..

— Ума не приложу! — ответила Селена. — Опять какая-то чертовщина.

...То, что Селена в запальчивости назвала «чертовщиной», с огромной скоростью неслось к Толимаку. Регулярно, через каждые сутки, «оно» будоражило весь наш лагерь своими сигналами. Значит, «оно» или «они» знали период, в течение которого Неогея оборачивалась вокруг своей оси. Кто должен был откликнуться на их зов, о ком или о чем они взывали? Трудно было, не впадая в мистику, предположить, что оттуда, из зловещей ямы на месте бывшего здесь завода, кто-то мог откликнуться, отозваться. Там все было сметено, повержено в прах, там даже эхо наших голосов казалось нам пропитанным насквозь радиацией, проклятой радиацией...

Посовещавшись, мы решили ответить невидимому источнику сигналов в двойной звезде Толимак. Ксенон зашифровал сообщение и передал его. Ответ надо было ожидать не раньше чем через месяц. Стоит ли говорить, Астер, что все наши попытки открыть нечто новое на месте катастрофы закончились безрезультатно.

В томительном ожидании и бездействии прошел месяц, еще неделя, еще две. Никаких результатов...

ПОБЕДИТЕЛИ

И все же ответ пришел. Однажды хриплый, дребезжащий голос робота-дешифратора возвестил медленно и, как нам показалось, торжественно:

«Звездолет «Земля-II» летит по галактическим координатам: минус 43 КУ 872; восток 07 ВА 153. Время вхождения в гравитационное поле Проксимы 2219, 4072. Коэффициент отрицательного ускорения 0,102... Звездолет «Земля-II» летит по галактическим координатам...»

Самые смелые, самые фантастические наши мечтания сбылись! Сбы-

лись: к нам летел второй звездолет, посланный человечеством. Мы всем лагерем засели в кают-компании и не выходили оттуда целую неделю, днем и ночью обмениваясь вестями с земными братьями.

Прежде чем звездолет приземлился на второй спутник Неогеи, мы во всех деталях ознакомились с их космической одиссеей.

Как только связь с нашим звездолетом нарушилась, Астросовет принял решение послать нам на помощь второй корабль. К этому времени «Земля-II» уже стоял на стапелях. Через шесть лет он стартовал вслед за нами. Принципиально новый полирефлексный отражатель фотонов позволил «Земле-II» развить крейсерскую скорость в сто пятьдесят тысяч километров в секунду. Перед звездолетом летел пилотируемый роботами микрокорабль, прокладывавший путь. Он был уничтожен космическим облаком, но его гибель предупредила экипаж о грозящей опасности. Звездолетчики соприкоснулись с облаком во всеоружии, доподлинно препарировав его состав и магнитную структуру. Более того — они сумели сообщить на Землю о грозном препятствии на своем пути.

Объяснилась и загадка таинственного передатчика, периодически посылающего нам сигналы от Толимака.

Оказывается, экипаж «Земли-II» несказанно измучился мыслью, что мы, быть может, погибаем. Они перебирали всевозможные предположения: что наши силы иссякли, что мы гибнем, что мы уже отчаялись и не подозреваем, насколько близко спасение. И вот, когда началось торможение, они выпустили вперед гонца, вестника, посланца. Небольшой шарзонд намного быстрее «Земли-II» прибыл в систему Проксимы.

Его передатчик был запрограммирован отыскать точечный мощный источник электромагнитного излучения, ориентировать на него свои передающие антенны и послать сигнал вызова. После получения ответа следовало передать основной текст.

Нет ничего странного в том, что в лабиринте из ста семи планет шарзонд не сумел разыскать наши передатчики. Тем более что для внутренней связи мы использовали маломощные станции, а лазер галактической связи на звездолете работал на точно нацеленном, ориентированном к солнечной системе луче. Кто знает, автомат мог просто пролететь мимо Проксимы, так и не обнаружив нас, если бы не взрыв завода. Этот взрыв и был воспринят антеннами как источник электромагнитной энергии...

Ты, Астер, вряд ли запомнил радостную встречу наших спасителей. Мы не станем описывать ее во всех деталях. Пройдет время, и на твою судьбу выпадет нечто подобное, и тогда ты убедишься: такие мгновенья из жизни человеческой надо испытать самому. Остальное — строительство двух новых заводов антивещества, будни и праздники на Неогее и, наконец, приготовления к отлету ты, наверное, запомнил.

...Истек пятый год нашего пребывания на чужой планете. Два звездолета кружились возле Неогеи. Лагерь разросся и стал неузнаваем. Множество универсальных заводов, чудесные оранжереи, бассейны, стадион — вот какие диковинные цветы посадили и взрастили мы, земляне. На наших космодромах стояли межпланетные ракеты, всегда готовые стартовать. Разве мы могли покинуть эти сокровища, бежать из чужого мира? Он был неисчерпаем и разнообразен. Подробно мы изучили лишь одну из ста семи планет Неогеи. А двойная звезда Толимак? Она нас ждет, далекая и близкая, манит неизвестностью, недоступными тайнами, безднами непостижимыми.

Двадцать землян добровольно решили остаться на Неогее. Оставался весь экипаж «Земли-II» и вместе с ними Ксенон и Сигма.

Может быть, Астер, ты спросишь: что заставило этих людей решиться на столь трудный шаг? Во имя знания, вот все, что мы могли бы ответить тебе. Препятствия мыслимые и немыслимые, трудности невообразимые, долголетнее изгнание, каждодневный риск, сама смерть — ничто и никогда не остановит человека, мучимого жаждой познания.

Зачем первобытный пращур спускался на утлых челнах по течению рек? Дабы отыскать новые земли.

Зачем древние мореплаватели уходили в страшный безбрежный океан на парусных своих корабликах? Дабы разведать иные страны.

Зачем первые воздухоплаватели поднимались в царство птиц на своих ненадежных монгольфьерах и примитивных самолетах? Дабы окинуть взором прошлое свое с высоты.

Зачем первые космонавты отрывались от Земли? Дабы обрести новые миры.

Зачем мы полетели к далеким звездам? Чтобы познать вселенную, вечную, бесконечную вселенную.

Человек извечно был и пребудет таким — неудовлетворенным достигнутым, жадным к новому, ищущим непережитое счастье. Таковы Сигма и Ксенон, таковы мы все, таковы были Рубина и Теллур.

Будь же и ты, Астер, достойным сыном Великого, Вечного, Непобедимого человечества.

●

Сегодня меня нарекли иным — земным — именем. Но если твой первый крик вспыхнул вдали от пределов системы земного солнца, если твоя колыбель качалась в лучах вишневого светила, забудешь ли имя, дарованное тебе матерью и отцом: Астер.

Я, Астер, родился на Неогее. Я как-то спросил у Атаира, что значит мое имя, должны же означать что-то имена.

Он объяснил мне: давным-давно, тысячи лет назад, обитал на голубой планете народ, в чьем наречии «астер» звучало как «звездный» или «обитающий среди звезд».

Я, Обитающий Среди Звезд, родился на Неогее. Теперь и она далека от меня. Теперь по черному кругу экрана блуждает другое светило — звезда спектрального класса ДГ-3. А возле нее, едва заметен, парит крохотный лазурный кристалл — неведомая мне Земля.

Там, на Земле, возлежат меж материков исполинские океаны; и заледенелые вершины, точно бивни, пропарывают облака; и медлительное марево лазурных небес стережет мириады цветов и деревьев.

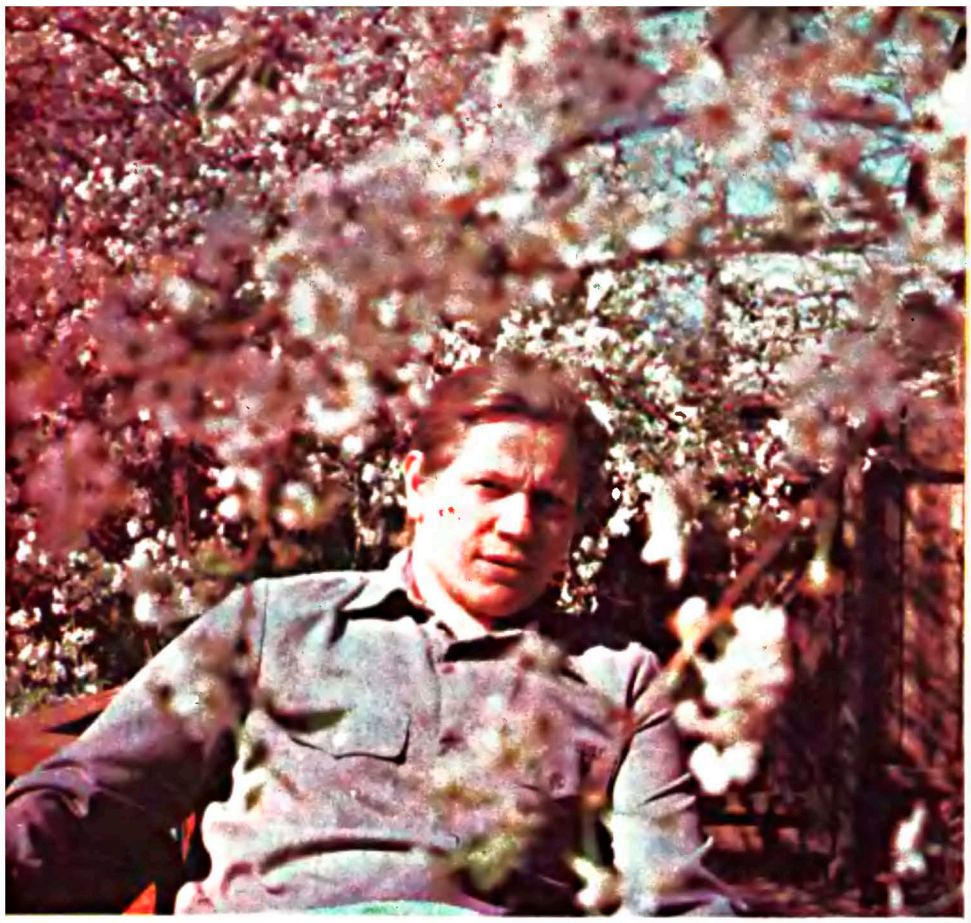
Там, на Земле, каждый может бродить по полянам, заросшим травой, и плыть по ночной реке, и просыпаться в горах от пения птиц. Там, на Земле, нельзя, не сощурясь, глядеть на полуденное солнце, как глядел я на то, вишневое, уже полузабытое мною, Астером, Обитающим Среди Звезд. Я вырос в звездолете, его огни — мое солнце; его иллюминаторы — мои небеса; его экипаж — все мое человечество.

Мое человечество возвращается на Землю, я впервые лечу туда.

Уже три с половиной года корабль гасит ход. На длину земного экватора приближает нас каждая секунда к заветной цели. Земля как бы накручивает на голубую свою оболочку серебристую нить с подвешенным к ней звездолетом.

Земля...

Перевел с болгарского
В. ГРИМЕДЕВ



Знакомьтесь:
поэт и художник
Геннадий
ГОЛОБОКОВ

Через тернии – к звездам!

конкурс
«Мир 2000 года»

Г.Голобоков . Весна 1978 год.

Геннадий Голобоков «Череп Кучума»

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

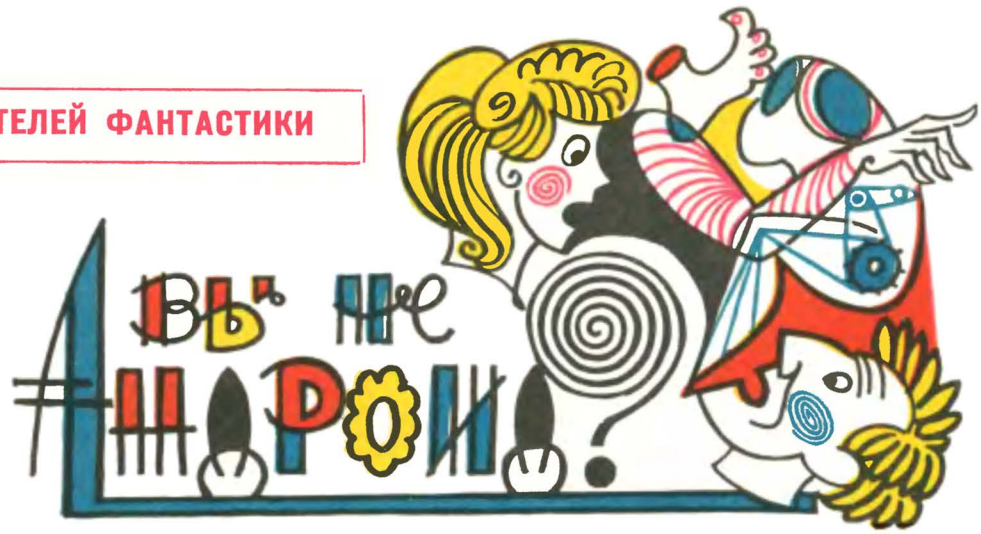


Рис. Р. Авотина

Брайн ОЛДИС
(Англия)

Пожалуй, даже читатели научно-фантастических журналов не представляют себе, с какой быстротой наука догоняет фантастику. Взять, к примеру, синтезирование молекул. Пластики, имитирующие человеческую кожу, уже поступают в продажу.

Меня это отнюдь не радует.

Кибернетика шагает вперед столь же стремительно. Сейчас уже умеют моделировать многие функции человеческого мозга. Можно заставить искусственный глаз видеть, искусственные ноги шагать, искусственные руки работать...

Наступает век андроида.

Уже можно изготовить робота — ужасное сооружение из стали и пластика, которое тем не менее внешне не отличишь от человека. Однако, заглянув внутрь, мы увидим нечто совершенно бесчеловечное, служащее каким-то чужим целям. И может быть, там, где у вас находится солнечное сплетение, заложена... бомба, которая разнесет все вокруг, едва будет произнесена роковая кодовая фраза.

Эта мысль стала меня мучить както после ужина несколько дней назад. Я сказал жене. Не отрываясь от книги, она рассмеялась и кивнула механически заученным движением.

В этом было нечто такое... Я сидел в кресле, пристально рассматривая ее, и в мозгу моем шевельнулось первое подозрение. А вдруг... Да нет, это невозможно...

Я прекрасно сознавал, как недостойно строить такие предположения о собственной жене. Но угроза казалась мне весьма реальной и тем более зловещей, что сама подозреваемая может и не подозревать, кто она. В самом деле, представьте себе: вот вы робот-андроид, как вы узнаете об этом?!

В конце концов я пришел к такому выводу: что бы там ни было, но любая правда о моей жене лучше, чем эта невыносимая неизвестность.

На следующий день я пустил в ход целую серию проверочных испытаний. Для пользы тех, кого мучают подобные же вопросы, я прилагаю отчет о своих экспериментах.

Олдис стоит, переминаясь с ноги на ногу, возле парадной двери, то и дело поправляет галстук и через матовое стекло в этой двери не отрываясь смотрит во двор. Его жена, выбежавшая купить муки у бакалейщика, как раз отворяет калитку с улицы. За время ее отсутствия Олдис уже успел спрятать под циновкой в прихожей автоматические весы.

Если она войдет своей легкой походкой и, вытирая ноги, потянет тонн на пять, он тут же вызовет полицию.

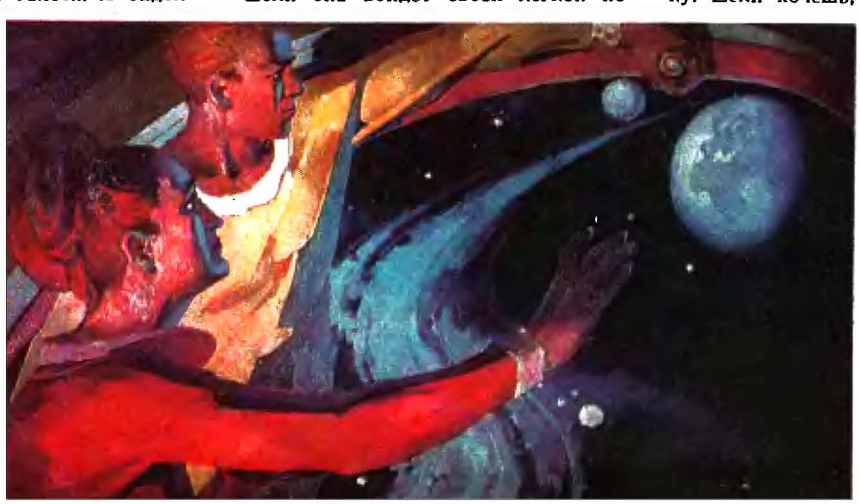
Входит жена с приветливой улыбкой. Весит она не больше того, что должна весить обыкновенная женщина. Однако это пугает Олдиса еще больше: он ведь прекрасно знает, до каких чудес дошли сейчас с этими легкими сплавами. Чем больше он думает об этом, тем более убедительной уликой представляется ему ее вполне нормальный вес: она, несомненно, что-то скрывает.

— Как ты себя чувствуешь, дорогой? — спрашивает она.

Олдис тупо кивает, но не делает ни одного движения, чтобы помочь ей снять пальто. Жена его очень привлекательна, кожа без единого пятнышка, волосы уложены волосок к волоску. Конечно, это несколько неестественно — все-таки на улице сильный ветер.

— Ты очаровательно выглядишь сегодня, — говорит он, раздвигая губы в сатанинской улыбке. — Подойди поближе к свету, мне хочется исследовать твою прекрасную кожу под этим микроскопом.

— Сейчас не могу, дорогой мой сыщик, — весело отвечает жена. — Мне еще нужно испечь лепешки к завтраку. Если хочешь, накрой на стол.



Геннадий Голобоков «Прощание с Землей»

Этот диалог был записан магнитофоном, который Олдис спрятал под подушкой, прикрытой газетой. Олдис слушает запись снова и снова, пользуясь каждым моментом, когда жена выходит из комнаты. Ему определенно кажется, что ее речь отдает чуждой психикой: право же, ни одному человеческому существу не придет в голову, что мужчина может захотеть накрыть на стол.

Подкравшись к кухонной двери, он заглядывает в щель, чтобы проверить, не сыплется ли в сбивалку для теста вместе с изюмом еще и стальная стружка. И вдруг кидается к жене с воплем, таким страшным, что кровь должна заледенеть в жилах у всякого, у кого по жилам струится кровь.

— Ой! — вскрикивает жена, роняя на пол мешочек с мукой. — До чего же ты меня напугал!

— Еще бы! Разве я не слышал, как сработала парочка реле, когда ты вздрогнула.

— Не валяй дурака! — с возмущением отвечает жена. — Просто терка свалилась на пол — вот и стук.

Олдис ничего не отвечает, но на лице его изображается недоверие. Он продолжает болтаться на кухне, притворяясь, что пытается обнаружить под обоями жучка-точильщика. Между тем жена его понесла лист с лепешками к духовке. Выбрав удобный наблюдательный пункт, он пристально следит за этой операцией.

Жена не обращает внимания на мужа, который горячечным взором наблюдает за ней из-за сушилки; она включает газ и обжигает палец. Олдис подскакивает к ней, весь само внимание.

— Синхронизация разладилась, — сочувственно замечает он. — Покажи-ка палец. Не пахнет ли паленой резиной?

Он с сомнением осматривает и ее палец и вдруг вцепляется в него зубами.

— Негодник! Бессердечный! — вскрикивает жена и отталкивает его. — Говорила я тебе, чтоб ты не разыгрывал со мной героя-любовника! А теперь убирайся-ка с кухни, пока чай не будет готов.

Олдис отступает. Он потерпел временное поражение, но не собирается отказываться от своих намерений. Совершенно ясно, что женушка загнала его в ловушку и через какой-нибудь час все станет на место. И когда она накрыла на стол к завтраку, план боевой кампании уже полностью созрел в голове Олдиса.

Взобравшись на стул за приоткрытой дверью в столовую, он улучает момент и сыплет едкий порошок за ворот платья жене, которая как раз входит с чайником.

— Ты сошел с ума. Что за дурацкие затеи? — сердито кричит она и проливает струю кипятка на ногу Олдиса.

— Пустяки! Просто я решил смахнуть пыль с рамки картины. — Невинное выражение, с которым он произносит эти слова, сделало бы честь любому великому актеру.

— Я не позволю обращаться со мной как с механической игрушкой! — негодует жена.

— Так, так! Ну-ка, повтори, — произносит он сквозь зубы, но так тихо, что она не слышит.

Жена поспешно ставит на стол горячие лепешки и принимается чесать спину — это уже действует порошок. Олдис разочарован: ведь спина из пластика должна быть нечувствительна. И все-таки жена чешется. Более того, она говорит, что пойдет в спальню переодеться.

— В чем дело? — с вызовом бросает Олдис. — Предохранитель перегорел или еще что-нибудь?

— У тебя перегрелось воображение, — отвечает жена.

Олдис незаметно кладет на тарелку жены металлическую лепешку *. Однако подделка немедленно обнаружена.

— Игрушечные лепешки? В твои-то годы! — восклицает она. — Да что с тобой? Тебе, видно, требуется осмотр у... гм... врача.

Олдис вскакивает со стула.

— Ага! Наконец ты выдала себя. Хотела сказать «у механика». Не так ли?

Жена встревожена.

— Дорогой мой, да ты, кажется, вообразил, что я робот или что-то в этом духе? Ну, знаешь, если так будет продолжаться, тебя придется положить в психиатрическую клинику.

— Ты способна на все, чтобы заткнуть мне рот. Я вижу насквозь твои ходы в этой недостойной игре. А сейчас бросаю тебе вызов: съешь одну из лепешек, которые ты испекла.

Жена в сердцах хватает с тарелки лепешку и начинает жевать.

— Видишь, — говорит она с полным ртом, — я ем эту...

Тут она поперхнулась и закашлялась. Олдис торжествует. Наконец-то он вывел ее на чистую воду.

— В твой динамик и усилители тока попала крошка, не так ли? — злорадно изрекает он, хватает телефон и вызывает полицию. Не переставая кашлять, жена умоляет его положить трубку, но он тверд, как алмаз.

— Почему ты не хочешь признаться? — вопрошает он. — Скажи честно: «Я робот».

В отчаянии она произносит: «Я роб...» и вдруг рассыпается на части. По столовой катились около пяти тысяч четырехсот различных деталей, включая лампы, транзисторы, кожу, зубчатые колеса, провода. И только лепешки нигде не было видно...

— Полиция? — кричит Олдис в телефонную трубку. — Прошу вас немедленно приехать ко мне.

— Тебе это так не пройдет, Олдис, — тихо произносит обладатель металлического голоса на другом конце провода. — Мы не зря занесли тебя в свою картотеку. Ты окружен. Мы знаем, кто ты.

— Вы хотите сказать, — в изумлении кричит он, — что я роб...

Тут Олдис тоже рассыпается на части.

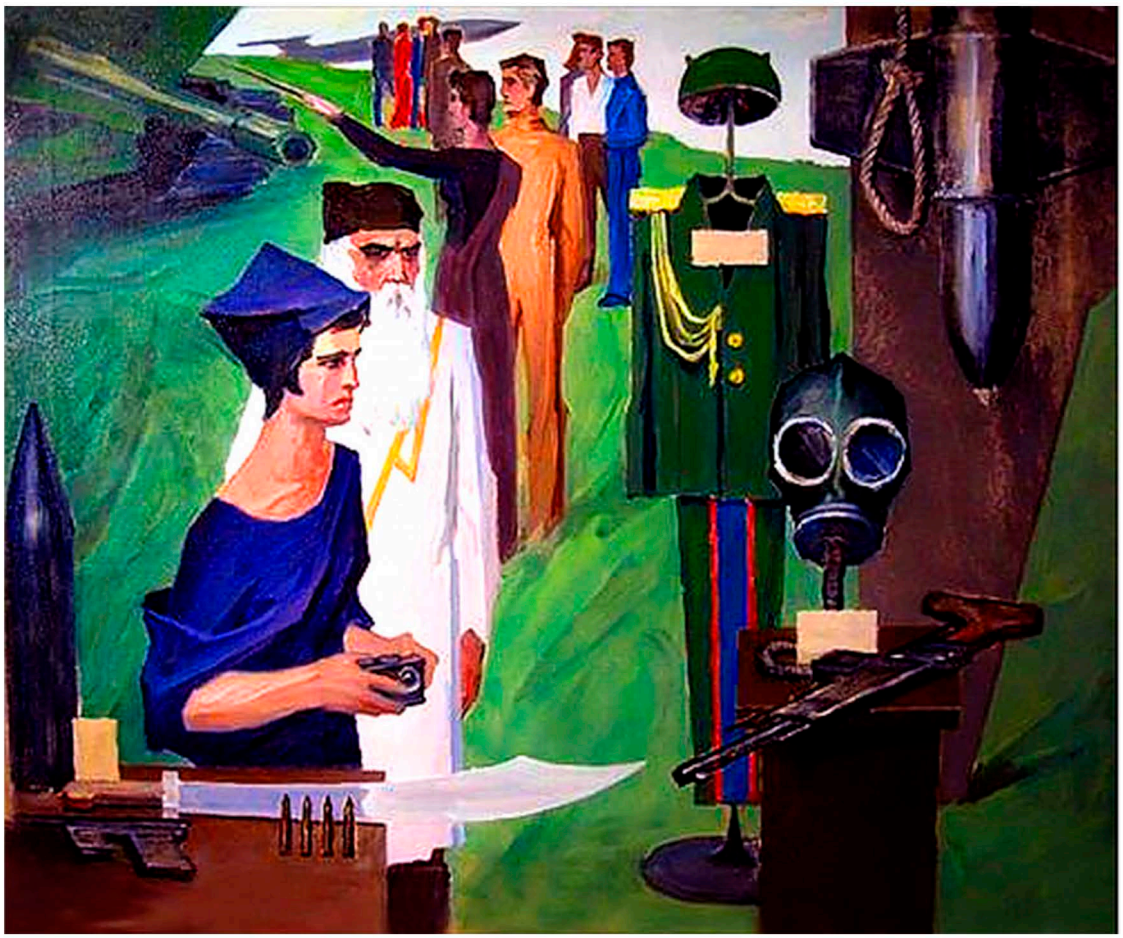
Перевел с английского В. Голант

---

* Такие предметы продаются в Англии в специальных магазинах. *(Прим. пер.)*

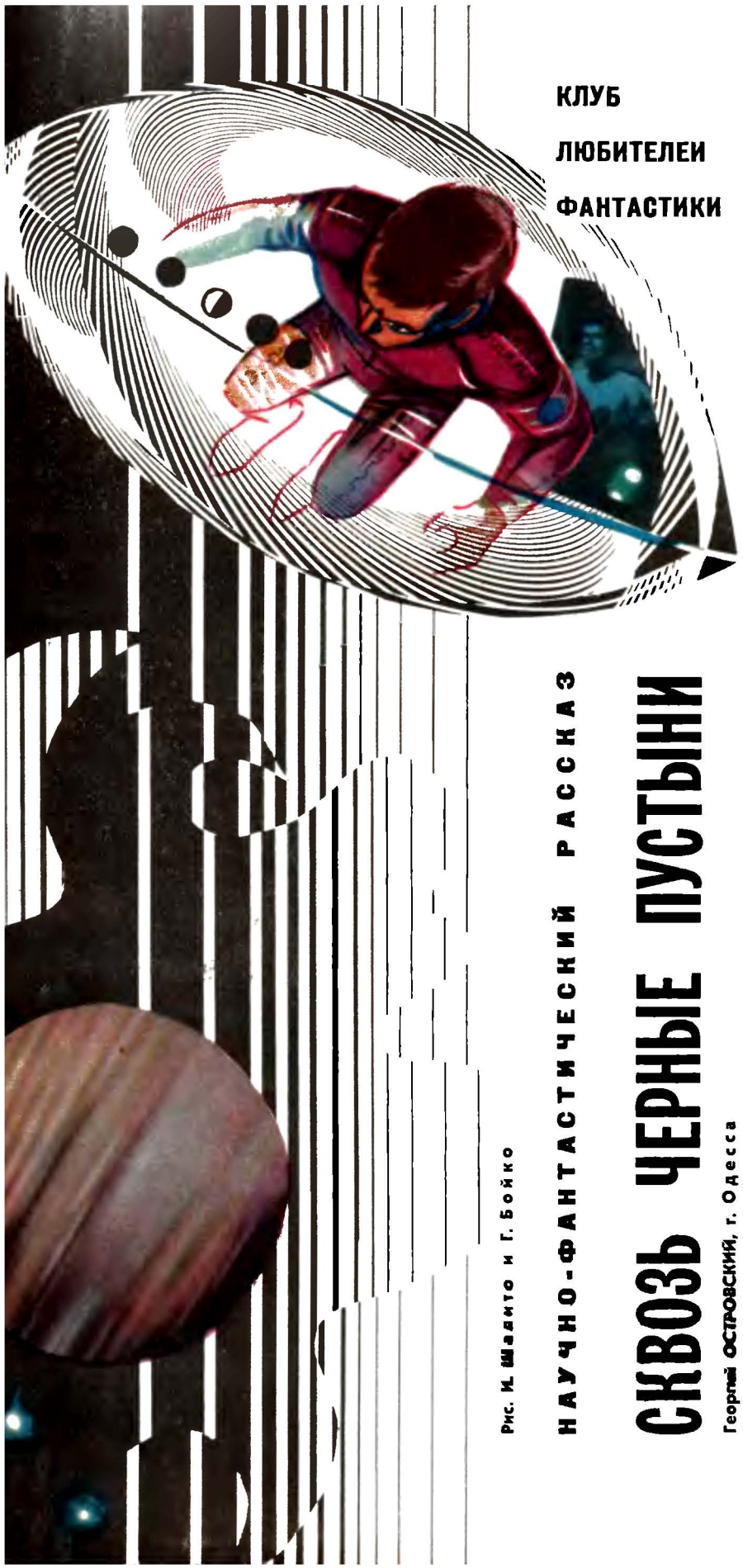
Геннадий Голобоков «Цветы потомков»

Геннадий Голобоков «Шквал неизвестности»



Геннадий Голобоков «В музее реалий прошлого »

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ



НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

СКВОЗЬ ЧЕРНЫЕ ПУСТЫНИ

Георгий ОСТРОВСКИЙ, г. Одесса

Рис. И. Шалито и Г. Бойко

— Как ты думаешь, где Оно сейчас? — спросил Капитан. Я поднял голову. Прозрачный купол нашей командной капсулы хорошо пропускал радиоэхо. Далеко в вышине лежали тяжелые облака. Импульсы радиозрения отражались от них. Над нашей планетой, как всегда, висела сплошная, непроницаемая стена, за которой была бесконечность Черных Пустынь.

Капитан включил двигатель. Теперь облака струились совсем рядом, и внезапно мы увидели их в каком-то совершенно новом виде. Они сохраняли привычные очертания башен, парусов, застывших волн, но выглядели непривычно рельефно — глубины, залитые темнотой, сквозь которую вот-вот прорвутся потоки света, утесы, выложенные из сияния, которое в любое мгновение готово вспыхнуть и сгореть, рассыпавшись серым пеплом тьмы.

Мы не сразу поняли, что впервые видим облака не в обычных отражениях радиоимпульсов, а оптическим зрением, которое в наших постоянных густых туманах действовало только на очень близкие расстояния.

— Внимание, разряды! — едва успел крикнуть я.

Все произошло мгновенно. Капсула накренилась. Ощущение того, что она начинает сплющиваться и растягиваться, пронзило нас. Оглушающая пустотелая тьма захлопнулась со всех сторон.

И только потом, через секунду или через час, снова возникли очертания. Сначала неясные, они постепенно становились все четче. Оказалось, что Капитан заметил опасность раньше меня. Когда я вскрикнул, он уже выводил капсулу из ловушки, в которую мы чуть было не попали, слишком близко подойдя к облакам.

— Что там у вас? — прозвучал в наушниках взволнованный голос Центрального поста слежения.

— Все в порядке, — ответил Капитан. — Ищем «летящую искру».

— Эта «летящая искра» — невидимка! — сердито буркнул Начальник поста. — Или наш гравитационный наблюдатель ошибся и ее вообще никогда не было, или у нее внезапно пропала масса!

Сейчас мы висели под облаками на предельном безопасном расстоянии. Наконец-то наши радиоимпульсы не отражались от них, как это бывало всегда, а проходили насквозь. Но радиоэхо ни разу не вернулось обратно. «Летящей искры» нигде не было видно.

Облака громоздились, налезали друг на друга, незаметно и неожиданно меняя форму. Было странно так близко видеть эти бесплотные вершины и ущелья.

— Не удивительно, — сказал Капитан, — что наши предки считали небо обителью разумных существ...

— Может быть, — сказал я, — теперь мы эту обитель просто перенесли на двести миллионов километров дальше...

Капитан взглянул на меня.

— А Оно, которое летит к нам?

— Именно к нам.

— Но ведь ты же знаешь, что Оно производило маневры на траектории. Чтобы не пролететь мимо нас, как те — в прошлом году и в позапрошлом.

— Почему эти маневры не могут иметь естественной причины?

Капитан не отмахнулся: он понимал, что я спорю не с ним, а с самим собой. Так же, как каждый из нас спорил сам с собой в эти странные лихорадочные дни, когда Оно надвигалось на нашу планету, целилось точно в нее, несло весть из другого мира, о существовании которого еще два года назад мы даже не подозревали. Может быть, Оно несло нам удивительные знания, и мы должны будем напрячь все свои силы, чтобы постичь их. Это может стать ослепительным рывком в будущее...

— Или бедой... — заметил Капитан.

— Внимание! — раздался торжествующий голос Начальника поста, и на экране появилось его лицо. — Внимание! Гравитационный наблюдатель снова поймал «летящую искру». Передаю координаты...

Я включил координатную сетку на куполе капсулы. На точке пересечения двух бледно светящихся нитей мы увидели то, что теперь все чаще называли «летящей искрой». Она двигалась равномерно, не очень быстро.

— Вижу «летящую искру», — сказал Капитан.

— Вас понял, — кивнул Начальник поста.

Официальная часть разговора кончилась, но сигнал Центрального поста слежения не выключался.

— Как она себя ведет? — вдруг спросил Начальник поста.

— Пока мирно.

— А если она попытается вступить в контакт?

Капитан молчал.

— А мы? — На пульте зажегся сигнал Блока защиты. — Что сделаем мы? Ответим? Или промолчим?

— Подождем, — ответил Капитан.

Видимое движение «летящей искры» заметно ускорилось. Она неуклонно приближалась к нам. Я и Капитан смотрели сквозь прозрачный купол, как «летящая искра», управляемая чьей-то твердой волей, все заметнее ползла по Черным Пустыням.

— А может быть, это все-таки астероид? — сказал я.

— Осколок Небесной Земли? Все может быть. Хотя вряд ли это астероид. И даже вряд ли «летящая искра»... Это корабль. И мы не можем избежать встречи с ним.

Вспыхнул сигнал Центрального поста слежения.

— Ребята! — воскликнул Начальник поста. — Гравитационный наблюдатель фиксирует очень незначительное, но равномерное уменьшение массы «летящей искры»!

— Ну вот... — Капитан, казалось, ждал этого сообщения. — Теперь ты понимаешь, какой это камень, если у него...

— ...есть двигатель, — договорил я.

Да, это был корабль. Он приближался к нашей планете. С включенным двигателем?

— Значит, он тормозит. Верно, — кивнул Капитан. Он был возбужден, лицо его горело. Он уточнял траекторию «летящей искры», намечая предположительное место вхождения ее в атмосферу. — Блоку защиты — нулевая готовность, — переключил он тумблер вызова.

...Хорошо еще, что эта «летящая искра» — третья. Первую, два года назад, мы обнаружили, когда она пронеслась, едва не оцарапав нашу планету. Скорость была такая огромная, а само явление настолько невероятным, что ее приняли за галлюцинацию. Когда через год промелькнула мимо нас вторая «летящая искра», мы уже знали, что в Черных Пустынях есть гигантские сгустки массы. До них не доставали импульсы радиозрения. Их обнаружил только что изобретенный гравитационный наблюдатель...

— Послушай, — каким-то странным тоном сказал Капитан, — тебе не хочется проверить мои расчеты?

Он передал мне исходные данные. Я ввел их в формулы, произвел вычисления, получил параметры траектории.

— Все правильно, — сказал я, — Оно действительно приближается. Но летит не к нам, а мимо нас.

«Летящая искра» двигалась на фоне координатной сетки, все быстрее пересекая вертикали.

— Как ты думаешь, — наконец проговорил он, — может, все-таки передать сигналы готовности?

— Не знаю... Сейчас мне кажется, что лучше подождать еще.

— Но ведь она уходит! — воскликнул Капитан. — Третий раз уходит, даже не бросив взгляда в нашу сторону. Четвертого раза может уже не быть!

На экране появились лица Начальника поста и Руководителя Блока защиты.

— Ребята, — сказал Капитан. — Она проходит мимо.

В голосе Капитана звучало огорчение и, может быть, даже скрытая просьба. Во всяком случае, все, по-видимому, поняли ее. И чувствовалось, что все устали от напряжения, тревоги, неизвестности.

— Ты предлагаешь сигналы готовности? — спросил Начальник поста.

— Не знаю... Такого случая не было за всю нашу предыдущую историю, его может не быть и всю последующую. А ты?..

В наступившей тишине отчетливо слышался легкий, осторожный шорох, как будто кто-то прислушивался. Это шел легкий «фон» от каналов связи.

— Ладно, — сказал Капитан. — Мы проследим за ней столько, сколько ее могут «держать» наши гравитационные наблюдатели. Мы знаем направление, откуда она прилетела. Мы знаем, что в том направлении есть большой сгусток массы. Мы уверенно можем предположить, что этот сгусток — Небесная Земля. Она наверняка еще не раз выпустит «летящие искры». В общем, это даже к лучшему, что они нас не замечают. Мы спокойно проведем на них эксперимент.

«Летящая искра» действительно двигалась мимо нас. Все новые данные указывали, что начиналась траектория от Небесной Земли, а уточненные расчеты свидетельствовали, что «летящая искра» пройдет почти в двухстах тысячах километров.

— Двести тысяч километров плюс-минус пятнадцать тысяч, — задумчиво говорил Капитан. — Этого достаточно, чтобы спокойно понаблюдать за ней.

— Если она вдруг не произведет коррекцию траектории...

— Или не выбросит еще какой-нибудь штуки.

Она выбросила. Движущееся пятно на координатной сетке внезапно стало расплываться.

Капитан не успел еще протянуть руку к вызову Поста слежения, как Пост отозвался сам.

— Как слышите? Как слышите? — тревожно бился в наушниках голос. — «Летящая искра» раздвоилась! Поняли меня? Поняли меня?

Мы еще этого не видели. Пятно продолжало расплываться, и вдруг оно на наших глазах превратилось в две «искры».

— Их массы относятся как один к двум, — твердил голос Начальника поста. — Как один к двум...

Линии полета двух «искр» уже заметно разошлись. Большая продолжала двигаться прежним курсом, а меньшая... Меньшая круто повернула к нам.

Капитан вызвал Блок защиты.

— Приступить к созданию микроатмосферы вокруг «искры»...

— Вас понял.

— Слой углекислоты до девяноста пяти процентов... Давление — до двадцати пяти единиц... Температура — до трехсот...

Капитан спокойно, как на тренировке, диктовал все необходимые защитные меры, которые должны были оградить планету от «искры».

«Летящая искра» неслась к нам, почти не уменьшая скорости. Она так раскалилась, что ее можно было увидеть даже оптическим зрением, как слабое туманное облачко. Радиозрение же улавливало ее как ослепительный шар, оставляющий за собой короткий вспыхивающий хвост.

Она приближалась к облакам. Скорость ее уменьшилась почти в тридцать раз, но и сейчас ее движение по-прежнему походило на падение.

Капитан отвел капсулу далеко в сторону: кто знает, как «летящая искра» будет взаимодействовать с облаками...

Она с маху пронзила облака. Возможно, она обладала соответствующей защитой, возможно, облака на нее не реагировали.

Капитан вызвал Блок защиты:

— Давление? Температура? Микроатмосфера?

— Все возросло до предела... — растерянно доложил Блок защиты.

Если ее не остановить, через несколько минут она...

— Вас понял, — ответил Блок защиты. — Жду команды.

— Не может быть, чтобы они этого не понимали, — прошептал Капитан. «Летящая искра», раскаляясь и светясь, обрушивалась на нашу планету, продутую мощными горячими ветрами, окутанную нерасходящимися благодатными туманами, единственную среди мертвых Черных Пустынь... Впрочем, уже не единственную.

Капитан бросил руку к тумблеру активной защиты. Сейчас раздастся короткий щелчок, стержень тумблера перескочит в крайнее положение, и сработают все устройства, которые...

Рука Капитана замерла на полпути.

«Летящая искра», словно догадавшись, что сейчас должно произойти, резко замедлила свое падение. Она заметно остывала и тускнела. Над ней, коротко хлопнув, разворачивался парашют.

Покачиваясь под парашютом, к нам медленно опускался шар около метра в диаметре.

— Похоже...

— Он выглядит совершенно мирным! — рассмеялся я.

— Похоже...

Я умоляюще смотрел на Капитана. Он понимал мое нетерпение. Ведь он сам именно для такого случая запроектировал в командной капсуле патрульный диск.

— Будь осторожен, — сказал он. — Очень осторожен. При первом же признаке опасности немедленно назад.

Мы пожали руки. Между нами выросла стена, другая, третья. Теперь я уже находился в патрульном диске. Диск еще не отделился от капсулы, он еще составлял с ней единое целое, но я уже не видел Капитана, а только слышал его голос.

Катапульта отбросила меня далеко от капсулы, и тут же автоматически включился двигатель. Патрульный диск поплыл к шару, висящему на парашюте.

Шар спокойно опускался. Он не проявлял никаких признаков жизни.

— Он совсем гладкий! — передал я Капитану. — Впрочем, нет: поверхность чуть пористая, оплавленная... Я уже совсем близко... Отчетливо вижу его оптическим зрением... Могу коснуться манипулятором...

— Не нужно. Мы видим его изображение. Будь осторожен. Ты слишком близко... Не попади в его микроатмосферу.

Я пролетел под шаром, облетел его несколько раз вокруг, поднялся над парашютом...

Кто бы там ни был — разумное существо или автомат, — он не мог не обратить внимания на мой диск.

В голове у меня шумело, покалывало, гудело.

— «Встреча двух разумов — победа над Черными Пустынями»! — весело крикнул я фразу, которую мы все сообща так долго готовили, предвкушая миг, когда можно будет произнести ее, и не веря, что этот миг в конце концов когда-нибудь наступит.

Капитан рассмеялся. Впервые за последнее время рассмеялся легко, без потаенных опасений. Конечно, еще ничего не кончилось, но пока все шло так хорошо, и в голове гудело, покалывало, шумело. Пожалуй, даже щекотало, саднило, жгло.

Какое-то странное тепло входило в голову. Как теплая волна. Как тонкая игла. Как легкое опьянение.

Шар был виден отчетливо. Даже слишком отчетливо. А приборная доска словно уходила в туман. Я вытянул руку, растопырив пальцы. Пальцев не было видно. Они слились в одну сплошную нечеткую ладонь.

Шар тоже расплылся. Только одна какая-то его точка видна была по-прежнему совершенно отчетливо. Я хотел снова взглянуть на приборную доску и не увидел ее...

— Я потерял радиозрение... Я ничего не вижу...

И тут же я почувствовал резкий толчок. Это Капитан уводил мой диск обратно к капсуле. В той части мозга, где был центр радиозрения и радиоориентации, нестерпимо жгло. По мере удаления от шара боль утихала, но я по-прежнему ничего не видел.

Мой диск опустился в районе медицинской службы. Я слышал, как Капитан приказал никому не подходить к шару, пока не будет подавлено его губительное радиоизлучение. Потом я услышал команду направить на шар мощный радиогенератор. Потом все стихло.

А потом ко мне пришел Капитан. Я не видел его, а только слышал его голос.

— ...Может быть, действительно четвертой не будет... — говорил он, не очень веря в свои слова.

— Будет. Первая пролетела мимо. Вторая — чуть ближе. Третья выпустила шар. Они пристреливаются к нам, как к мишени.

— Значит, мы обезвредим и четвертую!

— И пятую?

— И седьмую, и десятую! — воскликнул Капитан.

— Когда впереди бесконечность, так не говорят... Если мы будем молчать, шары будут прилетать снова. Все более совершенные.

— Мы не можем никуда укрыться, нигде спрятаться. Наша планета на виду у всех, кто хочет и кто может ее видеть...

— А если мы отзовемся, они, может, поймут нас. Нельзя доверять неизвестности, но нужно верить в разум, в разум тех на другой, на Небесной Земле.

Вокруг меня шевелилась темнота, в которой неожиданно возникали и исчезали голоса, шорохи, шаги. Мне нужно было к этому теперь привыкать...

* * *

Рассвет вырисовывал далекие контуры Тянь-Шаня. Созвездья меркли.

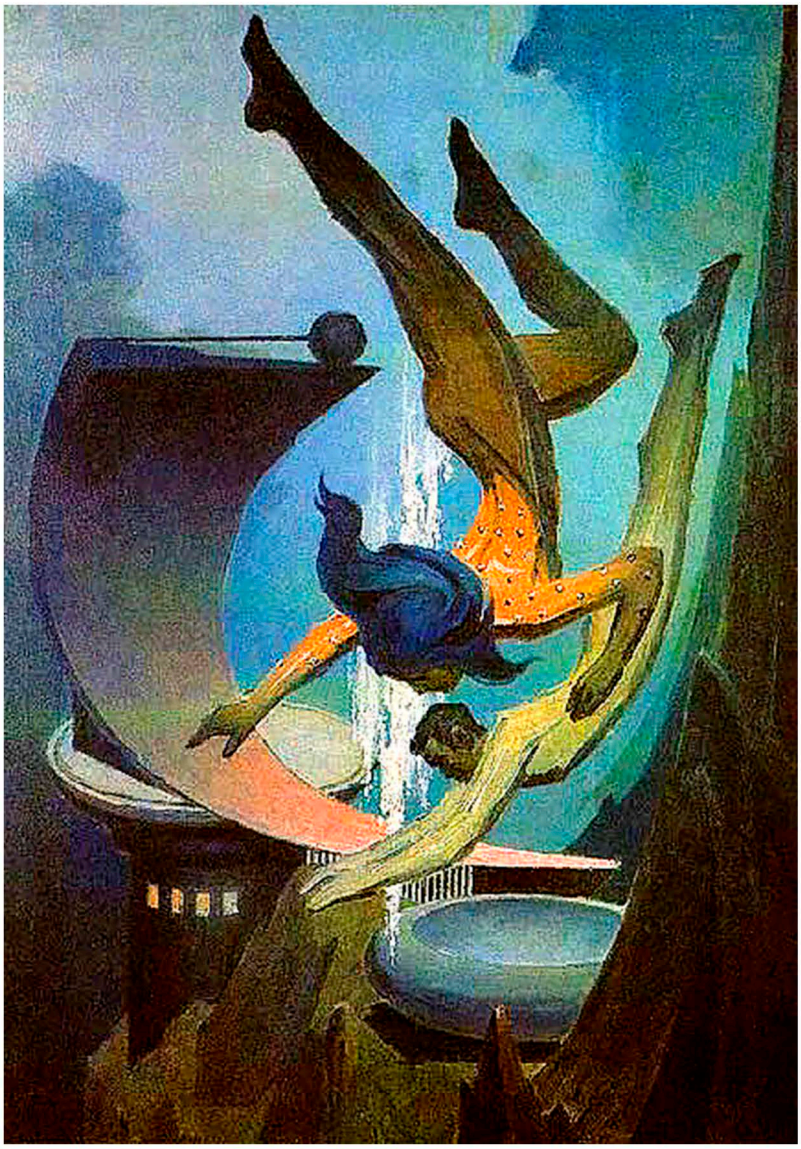
Мы сидели в своих креслах на Центральном пункте дальней космической связи. В общем, эксперимент удался. Двести миллионов километров наша третья станция пролетела с гораздо большей точностью, чем первые две, и удачно выпустила исследовательский шар на эту планету, которая упрямо прячется под сплошными облаками.

Теперь мы уже знали, что при таком давлении, температуре, составе атмосферы, о которых сообщило радиоизлучение шара, разумной жизни на ней не может быть...

— Но передача прервалась, едва он сел на поверхность планеты, — сказал оператор.

— Ерунда, — рассмеялся инженер-испытатель. — По-видимому, внутренняя антенна попала в затененное пространство. На следующем шаре мы установим такую антенну и такой передатчик, которые будут излучать радиоволны, даже если на шар обрушится космическая катастрофа.

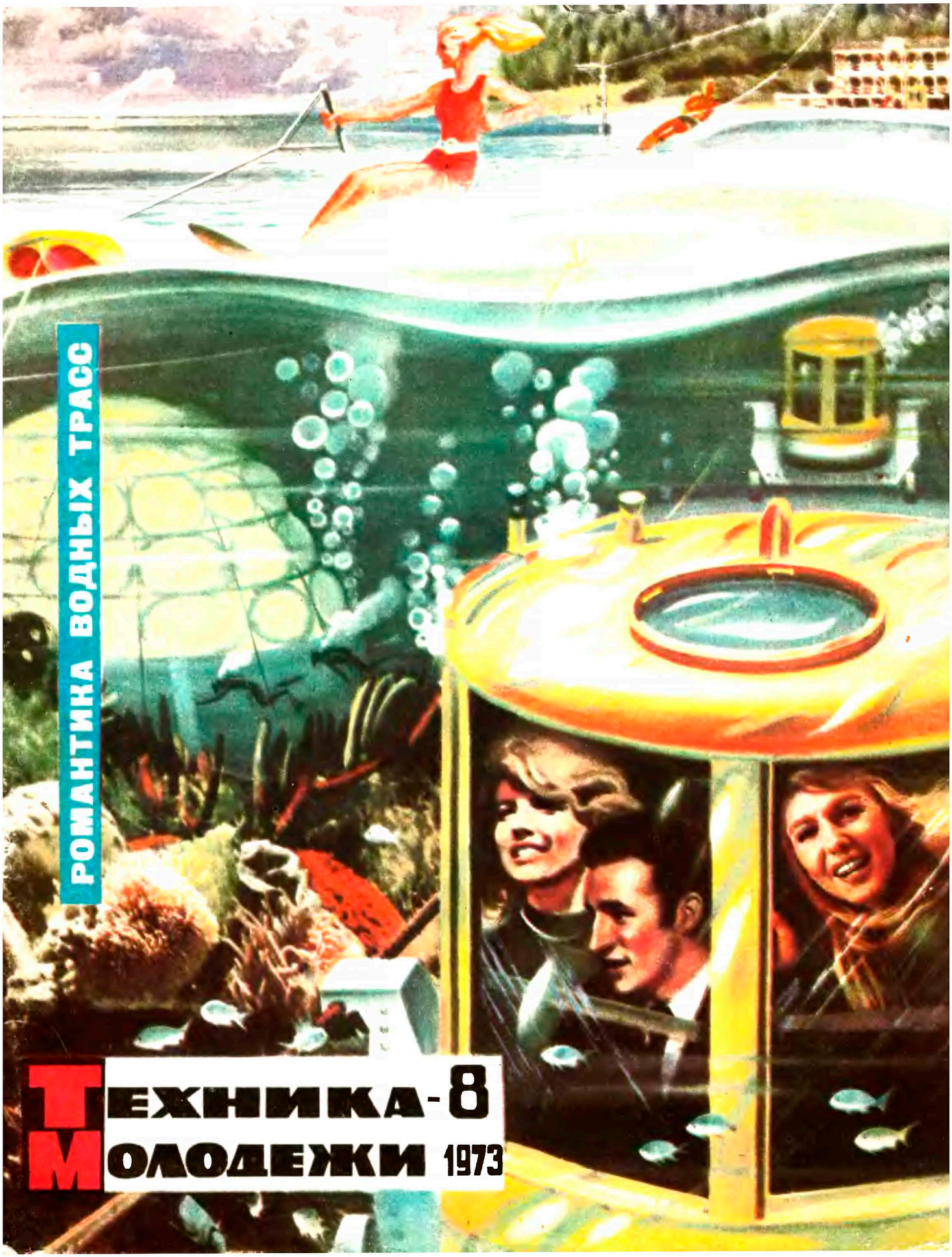
Оператор тоже рассмеялся, и мы все посмотрели в небо, на крупную белую звезду, которая мерцала, как будто о чем-то сигналила, и которая даже не предполагала, что ее ожидает в ближайшие полгода.



«Континентальный шельф»

Геннадий Голобоков «Андроид»

«Пробуждение Титана»



Техника — молодежи

8 1973

Тигровая звезда

Сергей ЖЕМАЙТИС

Рис. Р. Авотина

Научно-фантастический рассказ

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

На лаге накручивается ровно шесть миль в час. Гарри, робот-штурвальный, хорошо отлажен и держит эту скорость уже вторую неделю. Если северо-восточный пассат стихает, Гарри тотчас же отдает рифы или ставит добавочные паруса; если же усиливается, то молниеносно свертывает лишнюю парусину, нажимая клавиши на доске управления.

Ни один морской патруль не может похвастаться чем-либо подобным. Есть стандартные установки разной степени надежности, но таких, как Гарри, нет! Он наше детище, и мы гордимся им. Мы — это наш капитан Айкити Тосио, или Тоси, Тосик, он же Тосио-сан и Тосио-сэнсэй, что значит — прежде рожденный или учитель. Действительно, Тосик пользуется у нас непререкаемым авторитетом, как потомственный моряк. Второй член экипажа — Костя Фокин, третий — я. Затем Гарри. Он один заменяет четырех вахтенных матросов.

«Золотая корифена» скользит по ослепительно синей воде Большой лагуны. Слева по борту, затянутый дымкой испарений, виднеется австралийский берег — горы, укутанные зеленым ковром тропического леса, справа — тоже в сверкающем мареве — Большой Барьерный риф; сейчас прилив, и почти все коралловые сооружения под водой. Пассат еле доносит шум прибоя. Волны Кораллового моря дробятся за много километров от нас. В лагуне тихо. Мелкая волна бьет в золотой бок яхты. Солнце перевалило зенит, и оранжевые паруса кладут на палубу нежную тень.

Все наше внимание приковано к морским звездам.

Иногда мелькает тело одного из дельфинов, рыскающих вокруг «Корифены». На них наша главная надежда. Мы можем пропустить Тигровую звезду, хотя последнее почти невозможно: ее форма и окраска поражают своей необычностью. Это поразительное создание достигает трех метров в поперечнике. У звезды тридцать три «руки», вся она сверху покрыта алыми шипами, но главное — окраска! Все живое, способное плавать или ползать, при приближении чудища спешит укрыться в коралловых ветвях. Даже акулы обходят ее на почтительном расстоянии. Она пожирает все живое. При такой полной безнаказанности у Тигровой звезды не выработалась защитная окраска, да и не могла выработаться за такой короткий срок ее жизни как нового вида. Звезда появилась всего каких-нибудь 50—60 лет назад! И может быть, у этой выскочки поэтому такая наглая, яркая внешность: кармин, золото, перламутр пошли на ее наряд. Ночью она излучает нежный голубоватый свет. Ко всему следует добавить, что она взяла все самое дурное от своих предков (есть основания полагать, что она произошла от так называемой «подушки акулы» — рогатой, очень красивой звезды, довольно распространенной в тропических водах) и усилила эти свойства. Страшные шипы и ворсинки, покрывающие ее «руки», очень ядовиты. С колоссальным трудом удалось найти противоядие, изготовить сыворотку. Все охотники за звездами теперь получают прививки.

Десять лет назад нашествием Тигровых были уничтожены коралловые полипы на территории в тысячу пятьсот квадратных километров. За медленно двигающейся лавиной звезд оставались мертвые скелеты застывших ветвей. Все живое, способное двигаться, бежало из этой пустыни. Потребовались неимоверные усилия многих тысяч людей, чтобы уничтожить хищниц и восстановить жизнь на рифах.

Обычные средства не годились для борьбы. Рассеченная на части Тигровая, как и другие виды морских звезд, из части восстанавливала все утраченные органы. Таким путем можно было только способствовать ее размножению. Потребовались яды, парализующее оружие, приходилось обязательно извлекать звезды со дна, иначе, разлагаясь, эти твари отравляли все во-

круг. Поэтому в районе поисков курсировали рефрижераторы.

Борьба с Тигровой звездой вошла во Всемирную программу сохранения экологической среды. Нашему поколению приходилось еще очищать реки, озера, гигантские водохранилища от ила, насыщенного ядовитыми отходами, извлекать со дна стволы спиленных деревьев, находить средства для использования гор мусора из неистребимой пластмассы и многого другого, оставленного нам в наследство от времен неразумного использования земных благ. Сейчас, в светлом коммунистическом мире, нам выпало на долю исправить ошибки предков...

Тоси обводит взглядом лагуну и несколько секунд смотрит на показавшиеся из-за горизонта ослепительные паруса.

— Это «Катрин». Девочки сегодня идут довольно быстро, — говорит Костя, тоже глядя на паруса «Катрин», и поворачивает голову к обзорному экрану.

На экране движется дно лагуны. Необыкновенное зрелище! Коралловые заросли, залитые солнцем, рои рыб-бабочек, трепещущие водоросли, анемоны фантастических окрасок и форм.

— Тигровая звезда! — кричит Костя и тычет пальцем в экран. Будто невидимая сила поднимает Костю и перебрасывает через борт. Через несколько минут он вынырнул далеко за кормой, возле него весело закувыркались несколько дельфинов, он обхватил двух, и они припустились догонять яхту.

Командир отдал команду Гарри. Через полминуты паруса были убраны, и «Корифена», теряя ход, закачалась на мелкой волне. Костя поднялся по штормтрапу и, тяжело дыша, заговорил:

— Тоси! На дне я видел следы нескольких звезд, они начисто обглодали небольшой риф и ушли. След довольно старый. По мнению Марса, — тут он махнул рукой в сторону дельфинов, — они побывали здесь с месяц назад. До сих пор на рифе нет жизни. Сейчас Марс со своими дружками обследует окрестные коралловые заросли. — Костя провел рукой по коротко стриженной голове, и мельчайшие кристаллики соли сверкнули на солнце.

Тоси ушел в рубку, и мы слышали, как он разговаривал с нашим флагманом, сообщая о следах Тигровых звезд.

Мы стали ждать результатов разведки, посматривая на приближающуюся «Катрин».

— Много несет парусов, — сказал Тоси, — а шквал близится.

Действительно, горизонт на северо-востоке затянуло искрящейся мглой, и ветер стал стихать.

На экране видеофона появилась сразу вся команда. Девчонки с нарочитой суровостью смотрели на нас. В центре выделялась Нюра Савина. Крупные веснушки усеивали ее круглое лицо с полными щеками, нос украшал чехольчик-предохранитель от лучей солнца.

— Дрейфуете? — спросила она, и ее грудной голос заставил затрепетать наши сердца. Все мы тогда были влюблены в Нюру, хотя ее окружали куда более красивые девушки. — Ну? Что? Хотите, как всегда, посостязаться в скорости? Дать вам форы? Сколько?

— О, Нюра-сан! — с придыханием сказал Тоси. — Все наше существо рвется идти одним курсом с вами!

— Кто вам мешает?

— Звезды и надвигающийся шквал. Надеемся, у вас есть барометр?

— Есть.

— Падает?

— Да. На пять делений в течение часа.

— Уберите марселя и грот. Вы знаете, как встречать шквалы?

— И не подумаем. У нас новый такелаж, рассчитанный на силу тайфуна, мы испытаем его сейчас.

Тоси сказал улыбаясь:

— Поручите «Катрин» автопилоту, а сами закройтесь в рубке, а еще лучше спуститесь в кубрик и задрайте люк. Надеюсь, Нюра-сан, вас не оскорбит этот совет коллеги?

Оставшись перед выключенным экраном, Тоси причмокнул губами, что у него выражало глубочайшее огорчение.

И тут все мы пережили несколько незабываемых мгновений: «Катрин», шедшая параллельным курсом, неожиданно вильнула и устремилась на «Корифену». Казалось, что еще несколько секунд, и она врежется нам в борт! Яхта прошла в каких-нибудь четырех метрах. Нюра хохотала, держась за штурвал. Она хохотала, а ее команда «морских амазонок» вторила ей, махая нам руками.

Костя, не в силах сдержать восторга, бросился на бак и стоял там, потрясая руками над головой. Тоси приказал Гарри включить двигатель и идти вслед за «Катрин», затем, подойдя к аквафону, стал вызывать дельфинов, оставшихся с нами:

— Дап! Мина! Хох!

Ему пришлось повторить вызов несколько раз, пока дельфины показались у борта.

— Прошу не уходить далеко, надвигается шквал. Внимательно следите за «Катрин». Люди могут упасть за борт. Окажите им помощь.

Ответ слился с ревом налетевшего вихря. Хотя «Корифена» встречала шквал с голыми мачтами, ее сильно положило на борт. Бухту тяжелого троса, хорошо принайтованного к палубе, вихревой поток воздуха сорвал и выбросил за борт, размотал на всю длину. За себя мы не боялись: на Гарри можно было положиться. Все наше внимание приковал обзорный экран локатора: девчонки так и не убрали паруса.

С минуту «Катрин» судорожно билась, лежа на боку, сквозь пену виднелся ее тяжелый киль. Затем она поднялась и стала вращаться на месте. Паруса из «вечной, нервущейся» ткани летели клочьями. Мы вглядывались в палубу, залитую водой, стараясь увидеть хоть кого-либо из этой сумасшедшей команды. На вызовы «Катрин» не отвечала.

Тоси спросил дельфинов:

— Как дела, Мина, Хох, Дап?

— Отлично!

— Кто-нибудь упал с палубы «Катрин»?

— Никто.

Мелькнула мысль: а не унес ли их вихрь? Такие случаи бывали...

Выглянуло солнце, но серый шлейф дождя еще закрывал от нас «Катрин». И тут на экране видеофона появились все девушки, промокшие до нитки. Испуг еще держался в их глазах, они смущенно улыбались. Улыбались все, кроме их капитана.

Нюра спросила:

— Как дела, мальчики? Никто не простудился? Спасибо тебе за заботу. Убери своих дельфинов. Как видишь, все остались живы. Только паруса порваны, но не беда, поставим новые, конечно с вашей помощью.

— У них с рубки колпак сорвало! — сказал Костя. — Ну и девчонки! Ну молодцы!

— Видите, Тоси, как необходимо нам было испытать «Катрин», — сказала Нюра. — Мы еще ни разу не были в приличной переделке. Представьте, что мы попали бы не в этот жалкий шквалик, а в настоящий тайфун! Что бы вы тогда сказали, Тоси?

— Не знаю. Видимо, сказать мне было бы некому. А сейчас я, как начальник патруля, должен буду сообщить обо всем на Центральный пост службы безопасности в Коралловом море...

— И в его окрестностях, — добавила Нюра, к восторгу своего экипажа. — Доложите также, Тоси, что ткань, поставляемая фирмой «Нептун», годится разве для зонтиков, и то в тихую погоду. Я знаю, вы вы-

полняете свой долг — и выполняйте его на здоровье; напишите полный отчет с приложением иллюстраций, кое-что мы вам дадим, в частности, колпак от рубки, нам его рекомендовал поставить сам начальник Центрального поста. Вон, смотрите, его толкают носами дельфины — нетонущий пластик, зато и вылетел как пробка из бутылки.

Тоси покрутил головой: ох, уж это женское многословие, и сказал примирительно:

— Будем надеяться, Нюра, что гнев начальства пронесется как недавний вихрь и нанесет не больше потерь. Мы поможем вам поставить новые паруса, только должны с вами, конечно, вернуться, — он посмотрел на карту, — назад на десять миль. Туда, где найдены следы Тигровых звезд.

— Ах, звезды! Прекрасно! Девочки, вперед, к звездам!.. — воскликнула Нюра, и экипаж ответил ей радостным визгом.

* * *

У Марса были все основания волноваться: в двадцати милях лавина Тигровых звезд уничтожала коралловые полипы. Звезды двигались с востока, где они вышли из глубин, и ползли по рифам, оставляя за собой пустыню. По нашим предварительным подсчетам, полипы были уничтожены на площади в двести квадратных километров. Тосио сообщил о бедствии на Центральный пост. На экране появился сам Чандра Бос, выдающийся биолог, далекий потомок того самого Джагдиша Чандры Боса, который в XIX веке открыл координирующую систему ответных реакций растений. Выслушав доклад Тосио, Чандра сказал:

— Все этого ждали. Есть сообщения и из Новой Гвинеи, только, к счастью, там появились единичные экземпляры. Возможно, разведчики. У вас дело серьезней. К утру на исходные позиции выйдут все суда, аэролеты, в лагуну начнут прибывать рефрижераторы. Ни одна хищница не должна остаться на рифе. Поблагодарите Марса и его друзей. — Они с Тоси уточнили район наших предстоящих ночных исследований. Солнце уже коснулось вершины зеленого хребта на австралийском берегу.

— Веселая будет ночка, — мрачно сказал Костя. Они с Нюрой собирались провести вечер на берегу. Костя недавно сообщил мне об этом, рассчитывая, что Чандра пошлет нас на «жемчужный берег» — в небольшую бухточку в пятнадцати милях к норд-осту. Туда направлялась и «Катрин», ее новенькие паруса, пропитанные лучами закатного солнца, розовели на темном фоне скалистого берега.

Тосио понял состояние нашего друга и сказал так, будто его внезапно озарила блестящая мысль:

— Костя, Ив! — сказал он, улыбаясь. — Вот что, ребята, мы целую неделю не были на берегу и при такой ситуации вряд ли скоро там будем. Берите катер и догоняйте «Катрин». Даю вам шесть часов!

— А ты? — спросил Костя.

— Мы с Гарри прекрасно проведем время. Тем более что мне хочется посмотреть, как полетит в космос последняя ракета с радиоактивной золой.

Я сказал, что порядком устал и тоже не прочь посмотреть запуск ракеты.

Костя усмехнулся:

— Похоже, что вы сговорились сплавить меня на сегодняшний вечер.

— Ну, хотя бы, — сказал я, — имеем мы право от тебя отдохнуть?

* * *

Поверхность воды в лагуне мерцала, как северное сияние. Неожиданно в поле зрения вполз рефрижератор, а за ним транспорт, и сразу чарующая картина стала похожа на туристскую рекламу.

Краски погасли. Настала ночь. Звезды закачались над головой. Пассат почти стих. Затмевая свет созвездий, ярко горела космическая станция. С берега дохнуло запахами тропического леса.

Сидя на палубе, мы просмотрели мировую хронику событий за истекшие двенадцать часов: раскопки на Марсе, один из лунных поселков, конгресс любителей тишины, проходивший в абсолютном молчании: доклады и сообщения передавались с помощью немого кино; демонстрация нового летательного аппарата с машущими крыльями, приводимыми в движение мускулами ног и хитроумными рычагами, новые виды злаков, еще один проект дома-города для мелководных заливов и, главное, запуск ракеты с грузом радиоактивной золы, поднятой из океанических впадин.

Когда-то, на заре атомного века, наши предки, стремясь обезопасить себя, прятали отходы атомных реакторов в глубоких шахтах и на дне океанов. Хотя, судя по документам, им было известно о неисчислимых бедах, заключенных в контейнерах с ядом. На Земле ничего нельзя утаить, вывести из круговорота веществ. Контейнеры крошились под колоссальным давлением толщ воды, течения разносили зараженную воду по всему Мировому океану. В период повышенной радиоактивности океанических вод происходили мутации многих животных. Генетические изменения приводили к возникновению уродов, нежизнеспособных особей. Хотя иногда возникали штаммы опаснейших бактерий, но венцом всего можно считать Тигровую звезду.

Уже несколько тысяч ракет с опасным грузом покинули землю. Первые ракеты направлялись на Солнце. После нескольких запусков астрофизики нашли, что атомные взрывы на Солнце служат как бы детонаторами, вызывая чрезмерное появление солнечной активности. Оказывается, и наше непомерно большое светило болезненно реагирует на такие, казалось бы, незначительные нарушения его ритмики. С тех пор ракеты направляются в глубокий космос, за пределы солнечной системы.

Только Тосио выключил телевизор, как на экране видеофона появилась Нюра.

— Добрый вечер! Или у вас он не особенно добрый? Скучаете? Почему не зайдете в бухту? Девочки отправились танцевать... Ах, этот Чандра! Заставил вспахивать лагуну. Кстати, он и нас подключил к вам: теперь мы тоже разведчики. С рассветом выходим на поиск Тигровых звезд. Кроме того, вы должны нам установить свою запасную подводную телекамеру.

— Замечательно! — воскликнул я, вскакивая. — Я давно предлагал вести поиск большими группами.

— Чандра — мудрый руководитель, — как-то неопределенно сказал Тосио.

Нюра поняла его.

— Ты хочешь сказать, дело слишком опасно?

Тосио не успел ответить. Сквозь шумы и трески в аквафоне прорезался голос, оповещавший о появлении Тигровых звезд. Мы приникли к экрану.

Гигантские иглокожие устилали дно, они двигались к берегу сплошной лавиной, ширину которой мы еще не могли определить. Было что-то наводящее ужас, неотвратимое в движении этих многоцветных извивающихся «рук». Найдя пищу, хищница замирала на минуту, обтекая всем телом коралловый куст, впадину, где нашли приют моллюски, возвышение с распустившими пышные венчики-щупальца анемонами, или морскими лилиями, запускала «руки» в трещины; парализованные ее ядом рыбы тихо опускались на дно или неподвижно застывали, словно ожидая, пока одна из «рук» с двумя ярко-оранжевыми глазами не заметит ее и схватит ленивым движением.

Тосио взял управление яхтой на себя: надо было очень часто менять курс, а Гарри был хорош только при прямолинейном движении. Я не спускал глаз с подводного экрана.

Тосио увеличил скорость, на меня летело ярко освещенное дно, густо усеянное звездами.

Раздался предупредительный сигнал, предшествующий чрезвычайно важному сообщению.

Чандра Бос старался говорить как можно спокойней:

— Прошу внимания! Двадцать минут назад близ юго-восточного берега острова Эшельби Тигровые звезды атаковали шхуну «Даная». Команда шхуны очистила палубу от иглокожих с помощью электрогарпунов и пистолетов с анестезирующими ампулами. Три человека серьезно пострадали. Прошу усилить вахты. На стоянках просматривать дно, следить за якорными канатами и бортами, включить все локаторы. Рекомендую повысить бдительность всем судам, находящимся в лагуне Большого Барьерного рифа.

Чандра попросил сообщать ему немедленно о всех случаях появления опасных иглокожих, рекомендовал вести себя осмотрительно в эту ночь, пока не приняты все меры безопасности, и, устало улыбнувшись, растаял на экране.

— Вот, пожалуйста, — сказал я, — они стали нападать и на людей! Мы-то думали, что они питаются одними полипами и рыбой...

Мы снова подключились к «Катрин». Нюра стояла к нам спиной, Костя сидел на палубе и что-то рассказывал ей, она смеялась. Сцена была немой: полностью исчез звук.

Тосио посмотрел на меня с укоризной: я отвечал за исправность видеофона.

— Контакты, — сказал я, — большая вибрация корпуса. Пора наш «видик» заменить на космический вариант, вот как у девочек.

— Но и они нас не слышат!

— Естественно, у нас выходит из строя и прием и передача. Но ты не волнуйся, я сейчас соединю.

Костя и Нюра начали танцевать. На это стоило посмотреть, и я не тронулся с места.

Тосио, казалось, погрузился в глубокие размышления о бренности мира и смотрел куда-то в синюю темноту над фосфоресцирующей лагуной.

Здорово они танцевали в тот вечер. Они танцевали на палубе возле рубки при свете, падавшем с берега и с других ярко освещенных судов.

Внезапно Тосио вскрикнул и, показывая на экран, сказал:

— Я сам исправлю звук. Смотри!

И мы увидели, как из тени у грот-мачты в световое пятно выползает множество извивающихся «рук» Тигровой звезды.

Тосио бросился вниз. Я стал кричать, тщетно предупреждая об опасности.

Они не слышали, отбивая такт по палубе, кружились, держась за руки. Нюра хохотала, откинув голову назад.

А звезда приближалась к их ногам, на кончиках «рук» горели красные глаза.

Если бы сейчас они услышали мой голос! Вот Костя ловко прошелся между трех «рук» Тигровой звезды, не спуская глаз с сияющего лица Нюры. Они остановились у самой стенки рубки, и тут увидели в каком-нибудь метре первую звезду, и другую, быстро скользящую с левого борта, и еще одну, ломающую поручни фальшборта.

Что они могли сделать в несколько секунд, которые еще оставались у них!

И они смогли!

Это был поистине блистательный гимнастический номер. Мгновенье — и они оба очутились на крыше рубки.

Тигровые звезды пытались влезть по гладкой стене, но обрывались и падали.

Мы теперь слышали только тяжелые, хлюпающие удары о палубу. Затем исчезло изображение, а звук стал совсем чистым, слышалась тихая музыка и дыхание Нюры и Кости.

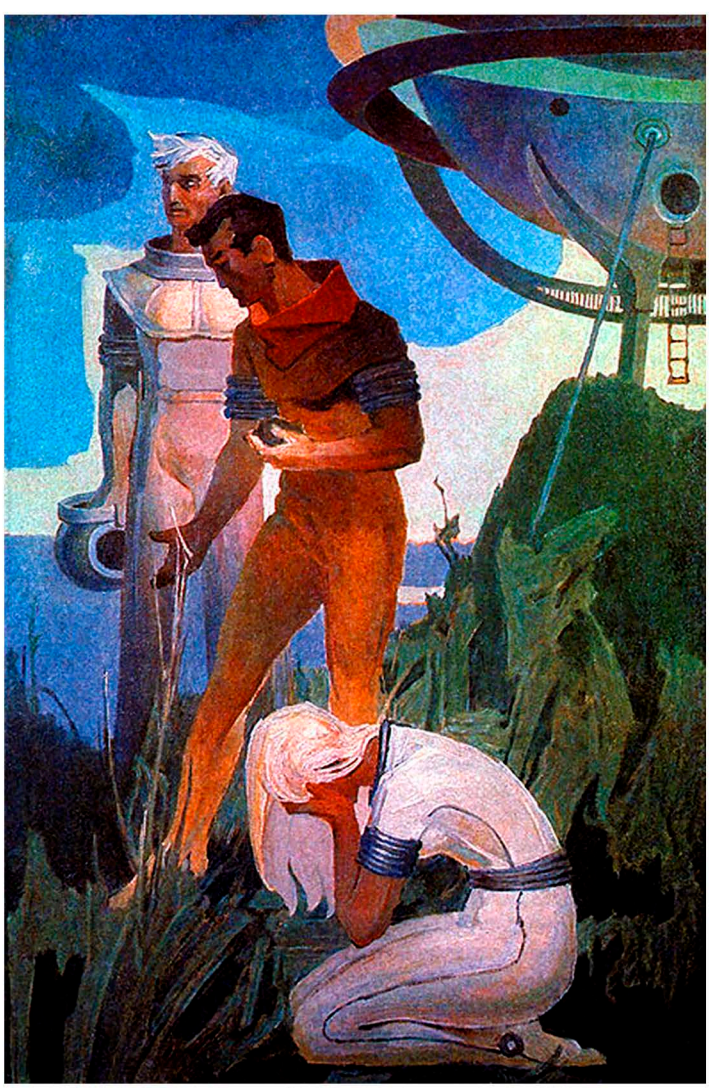
Нюра сказала:

— Ну и ну! Как ты меня ловко забросил! — и расхохоталась.

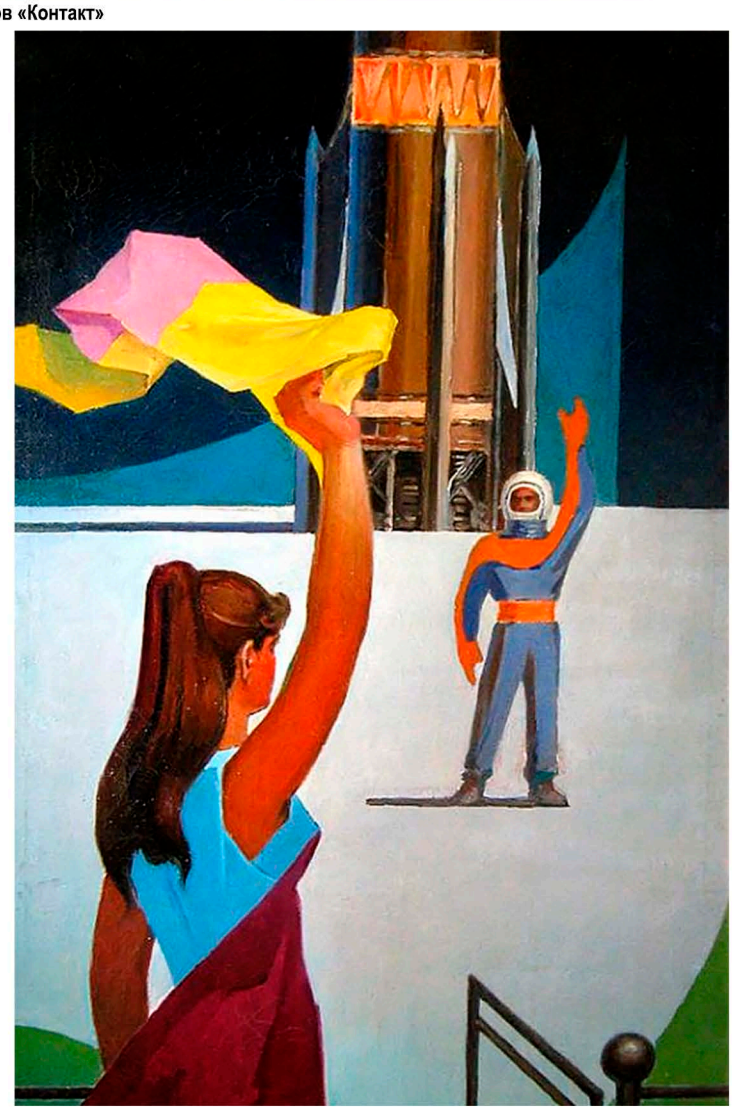
Тосио расплылся в улыбке:

— Какое непостижимое существо!

Г.Голобоков «Контакт»



«Возвращение»



«Прощание»

Палиндром в Антимир

СВЕРХКОРОТКИЙ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ-ЗАГАДКА

Михаил ПУХОВ

Рис И. Шалито и Г. Бойко

Звездолет пожирает пространство. Ускоряется. Ускоряется. Ускоряется все время. Темнота. Кругом звезды Галактики. Земля далеко позади. Капитан говорит негромко:

— Приехали.

Звездолет окружают тени без формы. Впереди созвездия заслоняет пелена, черная, как непроницаемый мрак. Штурман не отвечает.

— Но тут они. Все десять кораблей погибли или потерялись здесь, — шепотом говорит капитан.

Ночь. Впереди звездолета — окно в Антимир. Просачивается откуда-то, ползет сияние, тусклое свечение, блеск и безмолвие датчиков и анализаторов. Молчание длится долго.

— Конец, — это говорит штурман. — Горят все индикаторы антиматерии.

Густой комок пустоты — вакуум. Звезды не мерцают — тихо чернеют и гаснут. Слепы экраны. Темнота.

— Границу пересекать опасно, — говорит капитан.

Штурман отвечает:

— Нет, переход не опасен. Другое ужасно — смерть и аннигиляция.

Впереди — барьер Антимира, зеркало Вселенной, галактики. Позади — темнота. Капитан признается:

— Страшно боюсь отражения.

— Мы не успеем теперь затормозить, — жестко говорит штурман.

Часы, минуты, секунды уходят. Потом залиты лица. Все замедляется. Тянется еще минута. Долгая дрожь. Удар. Еще удар.

Дрожь.

Долгая минута еще тянется. Замедляется. Все лица залиты потом. Уходят секунды, минуты, часы. Штурман говорит жестко:

— Затормозить? Теперь успеем.

— Не мы — отражения. Боюсь. Страшно, — признается капитан.

Темнота. Позади — галактики Вселенной, зеркало Антимира, барьер. Впереди аннигиляция и — смерть.

— Ужасно другое. Опасен не переход, нет, — отвечает штурман.

Капитан говорит:

— Опасно пересекать границу.

Темнота. Экраны слепы — гаснут и чернеют. Тихо. Мерцают не звезды — вакуум пустоты, комок густой антиматерии. Индикаторы все горят.

Штурман говорит:

— Это конец.

Долго длится молчание анализаторов и датчиков. Безмолвие. И — блеск. Свечение, тусклое сияние. Ползет откуда-то, просачивается Антимир в окно звездолета. Впереди — ночь.

Капитан говорит шепотом:

— Здесь потерялись или погибли кораблей десять. Все они тут.

Но отвечает не штурман. Мрак, непроницаемый, как черная пелена, заслоняет созвездия впереди. Формы без тени окружают звездолет.

— Приехали, — негромко говорит капитан.

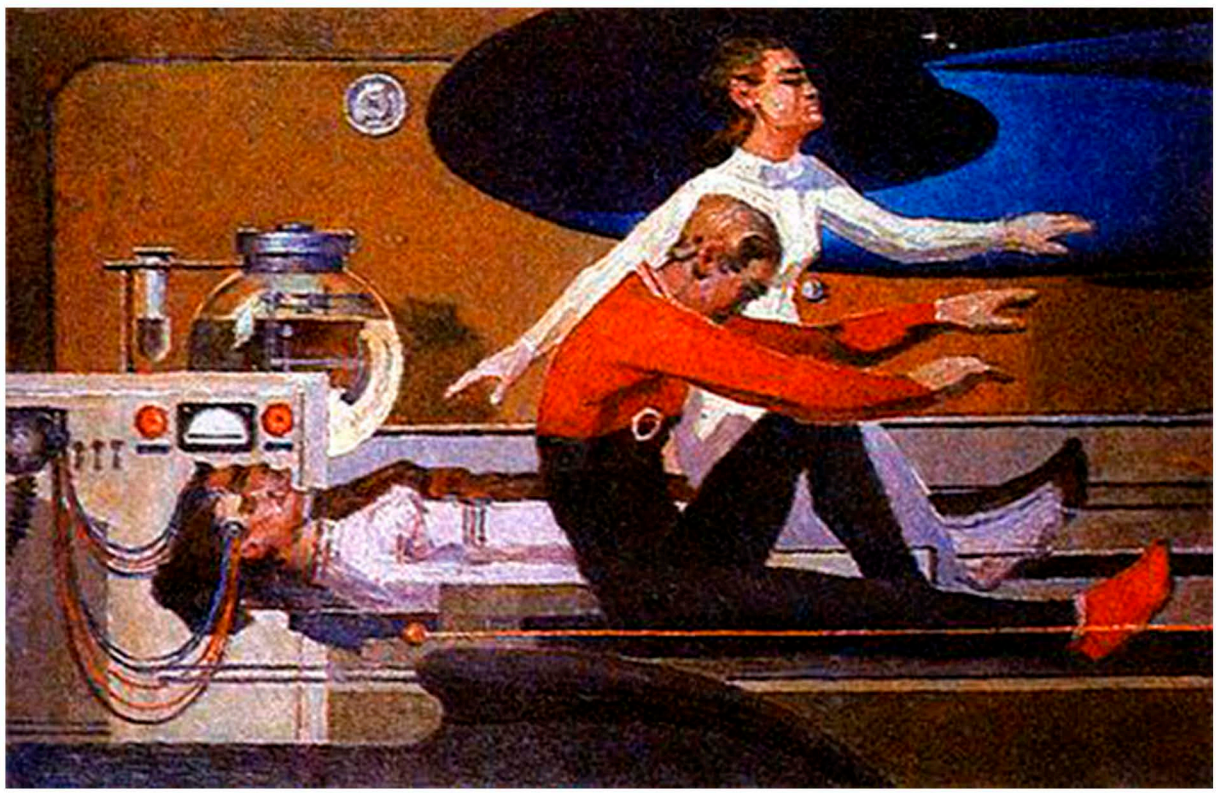
Позади — далеко — Земля, галактики, звезды. Кругом — темнота. Время все ускоряется, ускоряется, ускоряется...

Пространство пожирает звездолет.

* * *

Читатель! Рассказ, с которым ты только что ознакомился, необычен по форме. Разгадка кроется в самом его названии. «Палиндром» — это литературный жанр, основное требование которого весьма любопытно: произведение должно быть «зеркальным», то есть абсолютно одинаково читаемым как с начала, так и с конца. Остается добавить, что за рубежом авторами фантастических палиндромов являются такие видные писатели, как А. Азимов, Ф. Поол, Б. Олдис, Р. Брэдбери.

Геннадий Голобоков « Мир человека »



«Выход из анабиоза»

Владимир ЩЕРБАКОВ

Пространство Гильберта

Научно-фантастический рассказ

— Почему вы стали физиком? — глаза девушки-корреспондента красноречивей слов свидетельствовали о том, что мне не отделаться двумя фразами.

— Физика прежде всего наука о тайнах, — начал я. — Вспомните, что наша Галактика с миллионами Солнц и планет могла образоваться при столкновении всего лишь двух очень быстрых и потому обладающих космической массой электронов. Кварки, дискретное время, гравитоны... часто гипотезы объясняют одну тайну ссылкой на другую. И пока приходится верить в тайны, даже если занимаешься физикой твердого тела.

— Почему — пока?

— Мы все привыкли к пространству трех измерений, а не к пространству Гильберта, и за будущее я поручиться не могу.

— Расскажите о пространстве Гильберта.

Я чувствовал, что начало было не совсем удачно. Ее должно интересовать другое: наши электролюминофоры, удостоенные первой премии на международной выставке. И рано или поздно мне придется рассказывать и о них. Когда же мы кончим? Впрочем, я привык по вечерам оставаться в лаборатории. Я рассказал о пространстве Гильберта.

— У этого пространства не три, как обычно, и даже не четыре, а бесконечно много измерений. Значит, кроме ширины, длины, высоты, нужно придумать еще глубину, протяженность, дальность и другие слова, чтобы рассказать о нем. Но даже всех слов в мире не хватит для этого. Придется без конца сочинять их. Гильберт был великим математиком, и открытое им пространство обладает необыкновенным свойством — емкостью. Все прошлое и будущее умещается в одной точке этого пространства. Человеческая жизнь, горный поток, прорезающий каньон, рождение и смерть континентов — достаточно одной только точки, и в ней можно увидеть любое явление, сотни и миллионы лет истории, становление эпох и эволюцию планет.

Даже одно добавочное измерение неисчислимо увеличивает емкость. Кто-то придумал страну Плосковию — гладкий лист без третьего измерения, без высоты. Дома ее обитателей, плоскатиков, — это квадраты с откидывающейся стороной — дверью. Мы с вами могли бы попасть в такой дом, минуя дверь, просто перешагнув ее. И наше вторжение показалось бы плоскатикам сверхъестественным — ведь они не знают такого измерения — высота... Да они не смогли бы и увидеть нас такими, какие мы есть — лишь подошвы наших ботинок были бы доступны их наблюдениям. А Гильберт увидел свое пространство...

Осенью вы посадили деревце и наблюдаете, как оно растет. Измеренную каждый раз высоту его вы «уложили» в одно из измерений Гильбертова пространства. Но раз у одной-единственной точки — бесконечное число координат, то вся многолетняя история дерева «уместится» в этой точке. И еще остается место для остального — ветвей, листьев. Но никто не говорил еще, что такое пространство реально существует... Я понимаю вас... Но разве верить в бесконечное пространство и время легче, чем в одно бесконечномерное пространство? Все события прошлого и будущего уже содержатся в нем, словно атомы в многогранном волшебном кристалле. И если эти точки-атомы сдвигаются, к человеку вдруг приходит «звездный час», и песню, сложенную им, поют потом сотни лет. Можно и просто «потерять себя», как бы прожить чужие минуты.

— Значит, это знакомо многим?.. И вам?

— Трудно ответить. Всегда хочется объяснить мир по-своему. А разве вам не приходилось как-нибудь непогожим вечером поверить в далекую Землю, где точно в нерукотворном зеркале отразились мы сами, но так, что узнать все-таки невозможно.

— Да, — согласилась она, — приходилось. Пожалуй, можно сказать об этом и так, как вы сказали.

Девушка мне нравилась. Никому еще я не говорил так много. Работа. Статьи. Свои и чужие. Рецензии.

Поняла ли она внутренний смысл этого видения, простого и короткого, как детская песня? Трудно иногда вскрыть причину закономерностей, легче изобразить их действие

Я рассказал ей все, что оставило мне время. Все о пространстве Гильберта.

...Осенью сорок второго мы со старшим братом искали картошку на старом поле. Нам было тогда семнадцать на двоих, и мы впервые, наверное, забрались так далеко от дома. Часто вспоминаю я эти минуты. Далекий дым над городом. Шум машин на пригородном шоссе. Вышки электролинии. Серую, как пепел, землю. Рокот самолета.

Было довольно холодно, и мне давно хотелось домой. Вдали над лесом светилась закатная полоса. Я дул в озябшие руки и краем глаза следил за самолетом.

Самолет летел на запад. На фоне вечерних облаков он выглядел темной тощей птицей. Брат махал рукой, провожая его. В этот момент произошло какое-то внезапное изменение, земля и небо качнулись, поменявшись местами. Я словно забыл себя, брата — все. Земля оказалась

вдруг далеко внизу, и я видел ее так, как если бы сам был летчиком. Я узнал улицы знакомой мне московской окраины и старые, точно копотью покрытые, стены церквушки. Последние солнечные лучи зажгли окна домов, и они горели чистым багряным пламенем.

При всей невероятности случившегося я не мог не почувствовать какой-то странной поэтичности и гармонии этих блеклых сентябрьских красок, когда лучи золотят серый пепел земли и почти растворяются в дымке у другой стороны горизонта. За Москвой я увидел сырые леса, в которых темная зелень смешалась с сентябрьским золотом. На лесные поляны и вырубки уже ложился вечерний туман, а на верхушках молодых елок еще дрожали зеленые лучи. Справа, под крылом, я заметил русую голову высокой березы, охваченную закатным огнем, другие березы, словно ее сестры, встали вдоль дороги, которая вела на запад.

На картофельном поле я различил две маленькие фигурки — это были, конечно, мы сами. Брат все еще махал рукой вслед самолету.

И в тот же миг я снова оказался на поле. Все оставалось как будто на своих местах: самолет продолжал лететь, я дышал в озябшие руки. Вся найденная нами картошка уместилась в двух карманах укороченного отцовского пиджака, который теперь перешел к брату. Мы медленно шли домой, а я все думал о самолете и о непонятных приборах, которые я видел в кабине своими глазами. Не забыл я об этом и через много лет.

Не раз потом восстанавливал я в памяти песчаный берег реки, каким я видел его сверху, две полуразбитые лодки (они выглядели старыми намокшими листьями), дома, как охапки щепок, прибрежные ивы, уронившие в воду желто-зеленые колосья ветвей. Я видел так далеко, как мог видеть только с самолета.

Неповторимая минута. Позже я уловил то, благодаря чему она казалась скорее сном. Это был свет. Необычный предвечерний свет, сочетавший тепло пожаров, вспыхнувших в высоких кронах, и холод длинных темных теней. И лучи, гасшие, как звезды, непостижимым образом распространяли вокруг какую-то давнюю тревогу или грусть, передать которые невозможно.

— Самое простое объяснение происшедшему — сон. — Я уже отвечал на ее вопрос. — Короткий мимолетный сон. Представьте семилетнего мальчугана, ковыряющего ножом землю, холодный сентябрьский вечер, однообразный шум машин на шоссе. Разве не мог я просто уснуть на мгновение — и тут же проснуться? Но самое простое объяснение — не всегда самое верное...

— Понимаю, — вдруг сказала она. — Точки в пространстве Гильберта колеблются, как атомы в кристалле. Это можно себе представить: влево, вправо... И они ведь при этом меняются местами, вы об этом сами говорили.

— Да. Меняются местами. Точная формулировка. Но знаете, что из этого следует? Я должен знать и помнить хотя бы отрывочно то, что знал он. Я же был им в ту минуту. И ко мне приходят иногда они — гости из прошлого, как потускневшие давнишние фотографии. То всплывают вдруг в сознании зимние дороги и по обочинам — печи с остывшими кирпичными трубами, точно надгробья. Пустые уцелевшие избы. Старуха с узлом за спиной и грудным ребенком на руках. Березовый крест с наброшенной на него серенькой кепкой — на могиле двенадцатилетнего мальчика, кинувшего камень в немцев, уводивших из деревни последнюю корову. Равнодушное пламя, как бы нехотя выбивающееся из окон кирпичной школы. Города, смешанные с пеплом, города из землянок, хмурые леса, укрывшие людей... Наше первое крупное наступление. Затемненные дома в тылу, недостроенный, но работающий завод, чье-то рукопожатие, новый самолет — мой первый самолет. Бои, ранение и вот — подмосковный аэродром и — временно — выполнение спецзаданий... Незабываемый первый полет над Москвой, когда видны дома Садового кольца, темные стены Кремля, крыша Исторического музея, словно присыпанная снегом.

— А вы ведь можете случайно встретиться с тем летчиком.

Я машинально киваю: «Конечно».

— И вдруг окажется, что он тогда был на вашем месте, на поле?

— Тогда я поверю в пространство Гильберта.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

— Так до сих пор вы шутили?

— Только наполовину. Вы спросили меня, почему я люблю физику. Я попробовал ответить.

Я спохватываюсь: пора рассказать ей об электролюминофорах, над которыми мы работали последние годы и, может быть, немного о телевизорах с плоским экраном, — о том, ради чего, собственно, мы встретились.

Да, это буднично. Но разве физик не тот же мастер, который, как и сотни лет назад, бессонными ночами может мысленно охватить, соединить сразу все кирпичи мира и построить из них, как из детских кубиков, пирамиду, город, звезду, вселенную?

Электролюминофор преобразует электричество в свет. Разве это неинтересно? Напряжение, приложенное к люминофору, нарушает мерный хоровод электронов. Электрическое поле срывает электроны с уровней-орбит и гонит их вдоль силовых линий. Дайте напряжение посильнее — и лавина электронов пронижет люминофор насквозь. Это электрический пробой.

Электролюминесценция сродни пробою.

Есть в люминофоре микроскопические участки неоднородностей, где напряженность поля больше, чем в других местах. Основные события разыгрываются как раз здесь. Разогнанные полем отдельные электроны, подобно первому шару в биль-

Рис. М. Спонова

ярдной партии, врезаются в гущу своих собратьев, еще не согнанных с мест. Беззвучный удар — и уплотнившийся рой электронов несется дальше.

Стоп — участок с повышенной напряженностью поля кончился. Разбежавшимся электронам дальше ходу нет. Самые быстрые из них зацепились где-то в узлах кристаллических решеток. Стоит поменять полярность напряжения, и они возвратятся на свои уровни. Партия на бильярде закончена, шары опять на местах.

Здесь и зарыта собака. Ведь электроны, оседая на орбитах, возвращают, излучают кванты света. Каждый электрон — по одному кванту. От энергии квантов зависит цвет излучения...

Я приглашаю ее к микроскопу.

— Посмотрите: кусочек люминофора при сильном увеличении похож на ночное небо. Звезды — это люминесцентные центры, здесь сталкиваются электроны. Между ними — темные области. Звезды мерцают: в одних центрах электронный бильярд заканчивается, в других только начинается. Ведь на люминофор подается переменный ток. Правда, уловить мерцание вам не удастся, полярность напряжения меняется пятьдесят раз в секунду — при такой частоте все сливается для наших медлительных «инерционных» глаз в ровное сияние.

— Это интересно. Но так далеко от пространства Гильберта.... Значит, вы можете совмещать повседневную работу и мечту.

— Могу, — говорю я. — Научился. Тем более что это не так уж и далеко друг от друга. Точки в пространстве Гильберта и электроны очень похожи. И те и другие меняют направление движения и возвращаются на места. Вот только причину этих колебаний в Гильбертовом пространстве найти труднее. Какое-нибудь бесконечномерное поле... А люминесцентные центры разве не похожи на звездные скопления?

— Да, очень похожи. Там даже есть свои сверхновые.

Прощаясь, она говорит:

— Можно, я напишу в очерке и о пространстве Гильберта?

— Ну, если только совсем немного...

■

Прошло месяца три или четыре, и пространство Гильберта напомнило о себе само.

Возвращаясь как-то с работы, я заметил человека, словно разыскивающего что-то на незнакомой улице. Оказалось, что он искал мой дом. Мы вместе вошли в подъезд.

— Вы не подскажете, где здесь такая квартира... — и он назвал номер моей квартиры.

— Значит, вы ко мне? — спросил я, немного озадаченный.

Я впервые в жизни видел его. Ему было лет пятьдесят, на нем было черное, видавшее виды кожаное пальто. Он показался мне чуть наивным, но хорошим, искренним человеком.

Я назвал свое имя и тут же понял, кто ко мне пожаловал. Эта странная догадка пришла так неожиданно, что я растерялся, когда он подтвердил ее. Да, он бывший военный летчик. Александр Ковалев. Случайно наткнулся на очерк обо мне, о наших люминофорах. И о двух мальчиках, собиравших осенью сорок второго картошку на пригородном поле. Разыскал меня через редакцию.

...Мы сидели до рассвета.

А когда вдоль шоссе встали из тьмы громады домов и в небе задрожали и погасли последние звезды, пошли пешком до Садового кольца, свернули направо, к площади Восстания, миновали улицы Герцена и Качалова, Красную Пресню.

На утренних улицах непривычная тишина, кажется, редкие автомашины не в силах разбудить их. Но серое небо светлеет, купол планетария уже отливает плавящимся свинцом, и окна домов на Малой Бронной и Садовых улицах начинают поблескивать.

— Знаете, с тех самых пор я люблю Москву, — говорит он. — Может быть, я и раньше ее любил, но только это как-то не особенно проявлялось. Легко ли вспомнить, что в сорок первом десятки баррикад появились на московских улицах — у Балчуга, на Бородинском мосту, — в центре и на окраинах? Что зеркальные витрины на Манежной площади скрылись за мешками с песком?

Я тоже люблю Москву с тех самых пор. Потому что он любит ее.

Но и он видел мир моими глазами, — тогда, в далекий сентябрьский день он оказался рядом с моим братом, взглядом провожавшим его самолет. И когда Ковалев начал разбираться в происходящем, земля исчезла из-под его ног так же внезапно, как и появилась.

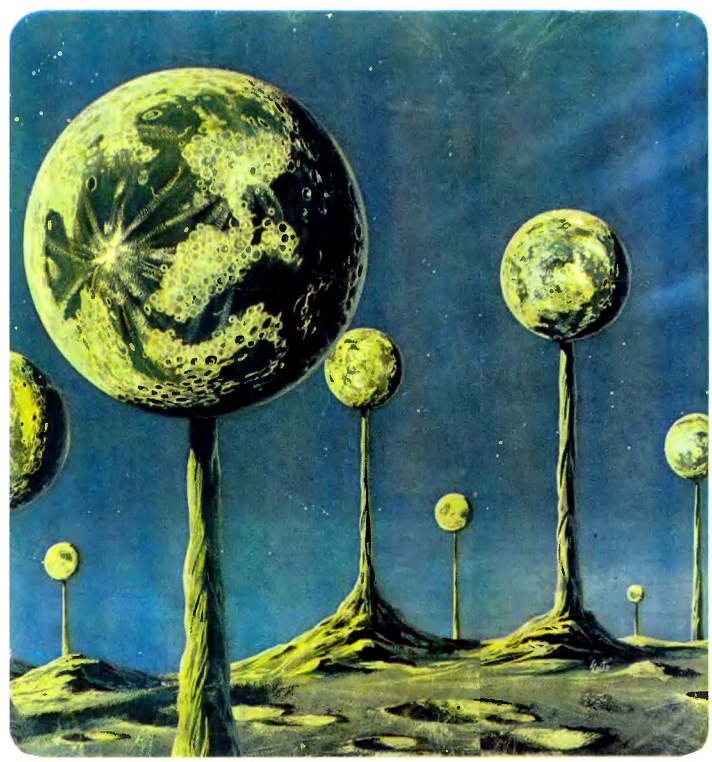
Но прежде он успел запомнить остывающую оранжевую полосу над лесом, черные, как бы остановившиеся, машины на шоссе.

Перед ним лежало картофельное поле с росшими посреди одинокими деревьями, местами серое, как пепел, местами красноватое от снопов света.

Стороной шагали к горизонту вышки электролинии. Огненные цветы заката, покрывшие облака, косогор и поле придали земле неповторимый оттенок грусти. С неба спустился прохладный поток синего воздуха, смешавшийся у самой земли с легким дымом и запахом близкой реки.

И он успел вдохнуть этот воздух.

Кацуаки Саито (Япония) «Незнакомая форма жизни»



Кацуаки Саито «Мир где зреют новые планеты»

Фредерик ПООЛ

Фантастический памфлет

ОБИТАЮЩИЙ В ТЕЛЕ

Техника — молодежи 11 1971

ИНДЕКС 70973 ЦЕНА 20 коп

Фредерик ПООЛ Рис. Р. Авотина

ОБИТАЮЩИЙ В ТЕЛЕ

Фантастический памфлет

Фантастический памфлет «ОБИТАЮЩИЙ В ТЕЛЕ» видного американского писателя-фантаста — произведение, весьма характерное для сегодняшней Америки. Коррупция, расовая дискриминация, гражданская война в «черных гетто», шпиономания, обанкротившаяся политика «большой дубинки» в Индокитае — вот чем обернулось для простого американца хваленое общество «благоденствия для всех». Памфлет Ф. ПООЛА убедительно разоблачает притязания заокеанской военщины на мировое владычество.

Итак, мы выступили почти сразу. Этот Ван Пелт появился в Пентагоне в четверг, а в следующий понедельник мой отряд особого назначения, состоящий из ста пятидесяти человек, в полном снаряжении уже расположился вокруг хозяйства старого ученого.

Ему это не понравилось. Я заранее знал, что ему это не понравится. Стоило появиться нашим грузовикам, как он в гневе выскочил из большого здания.

— Уходите отсюда! Какого черта, уходите! Вы лезете в частные владения, не видите, что ли? Слышите, я этого не потерплю! Катитесь отсюда!

Я вылез из «джипа» и вежливо отдал ему честь.

— Полковник Уиндермир, сэр. У меня приказ организовать охрану вашего института. Вот, сэр, это вам копия приказа.

Он нахмурился, фыркнул, но в конце концов вырвал приказ у меня из рук. Ну, а приказ был подписан генералом Фоллансби — тут уж не больно поспоришь! Я спокойненько стоял рядом, готовый разъяснить ситуацию по возможности не обидно для него. Когда нет особой необходимости, я не нажимаю на враждебно настроенные элементы. Но этот, видимо, плевать хотел на форму.

— Ван Пелт! — проревел он. — Ах, гад вонючий! Чудовище! Предатель старый!..

Я внимательно слушал. Ругался он здорово. Суть его слов сводилась к тому, что его бывший помощник Ван Пелт не имел никакого права говорить в Пентагоне о возможности применения Эффекта Хорна в военных целях. Но главным украшением его речи служила весьма богатая словесная приправа.

В конце концов я его остановил.

— Доктор Хорн, — сказал я, — генерал просил уверить вас, что мы ни в коем случае, ни в какой мере не будем вмешиваться в вашу работу. Единственная наша задача — обеспечить вашу безопасность. Я уверен, сэр, вы скоро сами поймете значение вашей безопасности.

— Безопасность! Так вот, лейтенант, я...

— Полковник, сэр. Полковник Уиндермир.

— Полковник, генерал, лейтенант, не все ли равно, черт вас побери! Слушайте меня! Эффект Хорна — это моя личная собственность, не ваша, не Ван Пелта и не государства. Я работал над проблемой расщепления личности, когда вас еще мама на свет не родила, и...

— Безопасность, сэр! — прохрипел я. Он вытаращил на меня глаза, а я кивнул на шофера: — Его тоже надо остерегаться, сэр! — объяснил я. — О'Хейр, вы свободны!

Сержант О'Хейр, оставаясь за рулем, отдал честь и укатил.

Я продолжал уже в спокойных тонах:

— Итак, доктор Хорн, я хочу, чтобы вы знали: я здесь, чтобы помогать вам. Если вы в чем-нибудь нуждаетесь, только скажите, я тотчас все доставлю. Даже если вам понадобится съездить в город, и это я устрою, конечно, при условии, что вы за двадцать четыре часа до намеченного срока поставите нас в известность о своем намерении, чтобы мы успели согласовать маршрут...

— Молодой человек, идите к черту! — кратко резюмировал он и заковылял к большому зданию.

Я смотрел на него и, помнится, думал, что в этой старой хромой восьмидесятилетней козе огромная сила воли.

Я отправился устраивать свою команду, а доктор Хорн у себя в доме поднял телефонную трубку и потребовал Пентагон, чтобы пожаловаться на наше вторжение в его владения. Когда он наконец сообразил, что говорит с телефонистом нашего коммутатора и что его без моего разрешения ни с кем по телефону не соединят, он снова поднял бучу.

Но это, конечно, не служило достаточным основанием для того, чтобы его с кем-нибудь соединили. По крайней мере, до тех пор, пока действовал приказ, подписанный самим генералом Фоллансби.

На следующий день рано утром я устроил неожиданную проверку постов, чтобы солдаты держали ушки на макушке. Все сработало четко. Я приказал сержанту О'Хейру попытаться проползти во владения доктора Хорна по болотам на южной стороне. В пятидесяти ярдах от заграждений сержант был задержан. Когда он докладывал мне, его трясло и с него стекали потоки грязи.

— Эти вояки — ублю... эти караульные, сэр, чуть не оторвали мне голову. Если бы рядом не случился офицер дневной смены — единственный, кто опознал меня, — они бы наверняка оторвали мне голову.

— Хорошо, сержант.

Я отпустил его, а сам пошел завтракать.

Команда заграждения работала всю ночь, и теперь нас окружали три линии электрифицированной колючей проволоки, причем внешняя линия была закручена спиралью. Через каждые пятьдесят ярдов периметра возвышались караульные вышки.

Во время завтрака позвонили с КПП: из города приехал Ван Пелт, и его не пропускали без моего разрешения. Вскоре он оказался в моих личных апартаментах, имея вид одновременно взволнованный и торжествующий.

— Как он отнесся к этому, полковник? — спросил Ван Пелт. — Он... как бы это сказать... он обижен?

— Очень!

— О! — Ван Пелт вздохнул, пожал плечами. — Впрочем, вы же здесь. Надеюсь, он не станет предпринимать попыток... — Он с жадностью воззрился на мои гречневые лепешки и сосиски. — Я... хм... У меня сегодня совсем не было времени позавтракать...

— Будьте моим гостем, доктор Ван Пелт!

Если судить по его конфигурации, только на своих жировых запасах он мог бы отшагать двести миль без передышки. Ему было что-то около пятидесяти шести лет, весил же он, на мой взгляд, никак не менее двухсот восьмидесяти фунтов. Трудно себе представить человека, более чем он не похожего на доктора Хорна. Я спросил себя, как, работая вместе, они уживались друг с другом. И тут же нашел ответ: уживались с трудом. Иначе Ван Пелт никогда не обратился бы в Пентагон.

В четырнадцать ноль-ноль я открыл дверь в кабинет доктора Хорна.

Он посмотрел на меня, как солдат на вошь, и я вошел. Он ничего не сказал, только встал и указал мне на дверь.

— Добрый день, доктор Хорн. Вам не подходит это время для вашего ежедневного отчета, не так ли? Пожалуйста. Вы же знаете, я здесь только для того, чтобы помогать вам. Может быть, каждый день от двенадцати до тринадцати вас больше устроит? Или с утра? Или...

— Каждый день?

— Так точно, сэр. Вы, наверное, не обратили внимания на параграф восьмой приказа генерала Фолланс-би... Для начала, сэр, не будете ли вы так добры, не покажете ли вы нам лаборатории? А потом у вас будет случай убедиться, что капрал Мак Кейб неплохой стенографист и сумеет записать вашу речь.

— Какую еще речь?

— Ваш отчет о работе, сэр. Что вы успели сделать за истекшие двадцать четыре часа. Правда, на сей раз вам придется рассказать и обо всем том, что сделано вами до сих пор, сами понимаете.

— Ну нет. Этому не бывать! — взорвался Хорн. — Ах вы, вонючая паршивая армейская штучка!.. Слушайте, что это за идея?..

Этот новый взрыв я встретил уже во всеоружии. Я дал ему возможность поорать. Когда он оторался, я все очень просто ему разъяснил. Я сказал:

— Вот так-то, сэр. Все будет так и не иначе.

Он замолчал, нахмурившись, посмотрел на меня. Я был рад, что он наконец утихомирился, потому что в секретной части приказа, в параграфах, которые по понятным причинам я не стал показывать доктору Хорну, говорилось кое о чем весьма подходящем к данной ситуации. Ван Пелт рассказал генералу, что здоровьем Хорн слаб. Апоплексия или рак — не знаю точно, не силен я в медицинских терминах. Как бы там ни было, при допросе в департаменте разведки Пелт сообщил, что старик может в любую минуту окочуриться. Ну, а когда он тут бесился, он действительно выглядел так, будто вот-вот отдаст концы. А мне этого вовсе не хотелось, по крайней мере, до тех пор, пока я не получил от него нужную информацию, отчет, чтобы выработать свое толкование Эффекта Хорна.

Между тем Хорн сел, хитро так посмотрел на меня и спросил:

— И вы собираетесь строго придерживаться данных вам инструкций?

— Так точно, сэр.

— В таком случае, — не без коварства, со старческим смешком сказал он, — я вижу, мне ничего другого не остается как сдаться. Так что же именно вас интересует, лейтенант?

«Ага, — подумал я про себя, конечно, — это становится интересным! Не собирается ли старик обвести меня вокруг пальца, чтобы потом созвониться с кем-нибудь из своих друзей конгрессменов? Или попробует завоевать мое доверие, а потом сделает из меня посмешище?»

—**И**так, мой отчет. Вот именно, — произнес он, задумчиво глядя на машину типа... ну, скажем, типа СКР-784, двенадцатая модель, что-то имеющее отношение то ли к радиолокации, то ли к радио, то ли еще к чему-то непонятному. В этом пусть разбираются специалисты из службы связи. Во всяком случае, машина была электрическая.

— Вот именно, — повторил он. — Ну что ж, капитан, я обязан исполнить ваше желание. Посмотрим, — сказал он, подымаясь, — мой поликлоидный квазитрон. Видите ли...

Тут меня отвлекли странные звуки, издаваемые капралом Мак Кейбом. Я взглянул на него, он явно не справлялся.

— Сэр, — остановил я доктора Хорна, — пожалуйста, по буквам два последних слова.

— Вот именно. П-о-л-и-к-л-о-и-д-н-ы-й к-в-а-з-и-т-р-о-н. Вы, конечно, знакомы, лейтенант, с различными направлениями потенциометрического учения о человеческом мозге, которые... Впрочем, рассмотрим историю вопроса. Представьте себе мозг как некую электрическую машину. Потенциометрическое учение утверждает, что...

Он продолжал в том же духе. Каждые тридцать-пятьдесят секунд он взглядывал на меня, склонял набок голову и ждал. Я говорил: «Понятно», он говорил: «Вот именно» — и продолжал свой доклад. Капрал Мак Кейб страдал отчаянно, я был спокоен, меня все это даже забавляло. Нужно немного вкусить штабных заседаний, чтобы научиться не только выживать в подобных ситуациях, но и находить в них покой, отдых.

Когда Хорн наконец кончил (Мак Кейб тихо рыдал в своем углу), я подытожил все, что он говорил, таким образом:

— Другими словами, сэр, вы нашли совершенный электронный способ убивать человека, не касаясь его.

Это почему-то сразило его. Он уставился на меня.

— Электронный, — произнес он после небольшой паузы. — Способ. Убивать. Человека. Не. Касаясь. Его.

— Точно, сэр, так я и сказал, — согласился я.

— Вот именно. Вот именно. — Он откашлялся, отдышался. — Лейтенант, — сказал он, — ради всего святого, что я такого сказал, что могло навести вас на подобную дурацкую мысль?

Я не верил своим ушам.

— Что! Что вы сказали? Но ведь именно так выразился генерал, доктор Хорн. Видите ли, то же самое он говорил и Ван Пелту.

В меня закралось сомнение: а не штучки ли это доктора Хорна? Не хочет ли он ввести меня в заблуждение и убедить, что никакое это не оружие и что оно не стреляет?

В течение двадцати пяти секунд он рвал и метал по адресу Ван Пелта. Потом взял себя в руки и стал опять задумчивым.

— Нет, — сказал он, — нет, это не Ван Пелт. Это, по-видимому, ваш болван генерал свихнулся на этом пунктике.

Я обратился к нему официальным тоном:

— Доктор Хорн, вы утверждаете, что ваш... э-э-э... — Я взглянул на Мак Кейба. Тот шепотом произнес название, — ваш поликлоидный квазитрон каким-то там электронным способом может лишить человека жизни на расстоянии?

Лицо у него стало мрачное, как у маньяка, — прямотаки будто он испытывал физические страдания. Сделав усилие над собой, он согласился:

— О, возможно... да-да. Можно же сказать, что паровоз окисляет уголь, превращая его в кремневые соединения с примесью! И ведь это действительно так, только обычно мы называем их золой. Исходя из этого, можно сказать, что квазитрон лишает человека жизни на расстоянии.

— Ну, а я что говорю!

Все еще внутренне сопротивляясь, он сказал:

— Совершенно верно. Вот именно. Теперь я понимаю, что вы имеете в виду. Это полностью оправдывает ваше пребывание здесь. А я-то, признаюсь, удивлялся! Вы видите в квазитроне оружие...

— Ну конечно, сэр!

Он сел, достал толстую, совершенно черную трубку и стал набивать ее. Уже совсем весело он вдруг заявил:

— Наконец-то мы понимаем друг друга. Моя машина обращает людей в трупы. Хороший кусок кремния способен сделать то же — до этого некоторое время назад додумались питекантропы, сами, без чьей-либо помощи, — и вас, как ни странно, интересует тот же аспект вопроса. Очень хорошо. — Он закурил трубку. — Должен сказать, — добавил он, попыхивая трубкой, — что мой квазитрон способен на такое, на что дешевый кремний, конечно, не способен. Мой квазитрон лишает человеческое существо той субстанции, которая противоположна физической, субстанции, которую мы назовем «субстанция Х». Когда мы добавляем ее к телу, оно превращается в человека; когда мы отнимаем ее от тела, остается труп. А вам на это наплевать!

— Сэр, боюсь, что я вас не понимаю!

— Вы чертовски тонко это заметили, — вы меня не понимаете! — взревел он. — Мы все трупы, это вы понимаете? Трупы, населенные призраками! И в мире только один человек может отделять одно от другого, при этом не разрушая ни того, ни другого! И этот человек я! И в мире существует только один способ разделить их — мой квазитрон! Лейтенант, вы дурак, вы тупица, вы...

В этот вечер я пригласил к себе Ван Пелта.

— Извините, мистер Пелт, — сказал я. — Я должен представить секретный отчет о докторе Хорне. Скажите, о каких это призраках он все время твердит?

— Призраки? Полковник Уиндермир, я не знаю... Это доктор Хорн так называет их. Вы, конечно, знаете его манеру. Понимаете ли, есть разница, которая отличает живого человека от мертвого, вот ее-то доктор Хорн и обозначает слов «призраки». — Ван Пелт хихикнул, бросил в корзину для бумаг огрызок от яблока и принялся за следующее. — Назовем это «жизнь», «разум» и «душа», если в вашем лексиконе вообще существует такой термин, полковник. Доктор Хорн суммирует все это и называет одним словом «призраки».

Я решил совсем прижать его в угол.

— Так эта машина — призрак-чародей?

— Нет, нет! — закричал он, теряя самообладание. — Полковник, не стройте из себя дурачка! Доктор Хорн беспринципный, самонадеянный тип, но он не идиот какой-нибудь! Забудьте слово «призрак», если оно вас смущает. Думайте о... думайте о...

Он в растерянности огляделся, пожал плечами.

— Думайте просто о разнице между живым и мертвым. В основе работы машины Хорна лежит эта разница... Жизнь, разум — это вообще феномен электрический, понимаете? А доктор Хорн высасывает их из тела, откладывает про запас, если хочет, или даже помещает в чужое тело...

Когда я наконец отделался от него, я посидел некоторое время, стараясь собраться с мыслями.

У этого старого чудака есть машина, с помощью которой он может взять разум одного человека и переместить его — да, да, переместить! — в тело другого человека!

Какого черта, вместо того чтобы городить всякую околесицу, мне сразу не сказали об этом в Пентагоне?

На следующее утро по моей просьбе доктор Хорн поместил курицу и кокер-спаниеля в то, что он называл поликлоидным квазитроном, и устроил «взаимообмен».

Тут уж я не мог не поверить. Я видел, как курица пыталась махать своим хвостом, а спаниель квохтал, топтался на месте и пробовал клевать зерно.

Глаза капрала Мак Кейба чуть не вылезли из орбит. Он начал было что-то записывать, взглянул на меня, тряхнул головой и уставился в пространство.

Впрочем, о нем речь впереди. А я сказал:

— На это вы способны. Вы способны взять курицу и пересадить ее в собаку, в кокер-спаниеля...

— Вот именно, лейтенант.

— А с людьми... с людьми вы способны на такое?

— О конечно, майор. Конечно, способен! — Он нахмурился. — Эти дурацкие правила, — пожаловался он, — правила проведения экспериментов. Я пытался, клянусь вам, пытался добиться разрешения на простейший эксперимент. К примеру, над человеком, умирающим от рака, и над слабоумным юнцом. Почему бы нет? Здоровый дух в здоровом теле! И пусть разлагающиеся компоненты догнивают друг в друге! Так что вы думаете, мне разрешили?

— Понятно, — сказал я. — Значит, этого вы еще никогда не делали.

— Никогда. — Он посмотрел на меня горящими глазами. — Но вот теперь, когда вы здесь... военный человек... храбрый человек, не так ли?.. Все, что мне нужно, это доброволец. Этот трус Ван Пелт отказался, мой садовник отказался, все отказываются!

— Нет, нет! Никогда! — Тупость старика изумила меня: предлагать такое мне, полковнику! Офицеру двести первой категории!

— Уверяю вас, если вы нуждаетесь в добровольцах, вы их получите, — сказал я. — Поверьте, сэр, мы здесь только за тем, чтобы помогать вам. Будьте уверены, один из наших людей будет рад — что там рад — горд, сэр! — предложить вам свои услуги.

Старик обрадовался, как курсант четвертого курса июньским каникулам, но он еще пытался не выдать своей радости.

— Вот именно, лейтенант, — сдержанно сказал он. — То есть майор. Или капитан... Ах, если бы завтра!

Ординарец по клозету в офицерском бараке убегал в самоволку, и, когда я разъяснил ему, к чему приговорит его за это военный суд, он моментально, даже не разбираясь, на какое дело идет, согласился быть добровольцем.

Но нам нужно было двоих. И мой старший помощник — я горд заявить это — согласился быть вторым. Мужественный человек, образец боевого командира.

Мы прибыли в лабораторию доктора Хорна. Добровольцев привязали к креслам и усыпили — я настоял на этом ради соблюдения безопасности страны: я не мог допустить, чтобы они знали, что здесь происходит.

Перед тем как заснуть, старший помощник шепнул мне:

— Сэр, это не во Вьетнам?

— Обещаю, капитан, никакого Вьетнама, — торжественно изрек я и на его глазах порвал документ о переводе его в действующую армию, который я составил накануне ночью. Он заснул счастливым человеком.

Бз-з-з! вжи-и-и! крэкл! — в этих научных штучках я не разбираюсь. Когда погасли электрические вспышки и замолкли завывания и потрескивания аппарата, доктор Хорн дал им обоим одновременно по глотку какого-то снадобья.

Первым открыл глаза ординарец. Я встал прямо перед ним.

— Имя, чин и личный номер!

— Сэр, — четко отрапортовал он, — Леффертс Роберт Т., капитан артиллерии США, личный номер 0-3339615!

Я кивнул доктору Хорну. Снова ввели снотворное испытуемому, и он уснул.

Теперь пробудилось тело, которое раньше принадлежало моему старпому. Оно открыло глаза.

— Господин полковник, сэр! Умоляю! Только не трибунал!

— Спокойно, — сказал я и кивнул доктору Хорну.

Сомнений больше не оставалось.

Возвратившись в свой кабинет, я схватил телефонную трубку.

— Срочно, вне всякой очереди! — приказал я. — Пентагон. Генерала Фоллансби, совершенно секретно! Попросите его переключиться на линию связи номер семь.

Я бросил трубку на аппарат.

Оружие? Что там оружие по сравнению с этим! Да мы заарканим весь мир! Признаюсь, я витал в воздухе на крыльях безоблачной радости. Я чувствовал уже, как звенят в моих руках доллары; через год, а то и раньше — генеральская звездочка — что могло помешать продвижению офицера американской армии, подарившего ей такое открытие!

Раздался грохот распахнувшейся двери, и в комнату ворвался Ван Пелт с искаженным лицом.

— Полковник Уиндермир! — выдохнул он. — Вы позволили Хорну провести эксперимент! Но это же единственное, чего ему не хватало! Теперь он...

Я приказал его выставить за дверь. Затем я дал генералу краткий отчет о том, что узнал. Как я и предполагал, сначала генерал был раздражен, даже разочарован.

— Поменял их местами, Уиндермир? — выразил он свое недовольство высоким визгливым голосом. — Ну и какая же польза от этой перемены мест? Черт подери, неужели это и все? Я надеялся на большее, Уиндермир, я надеялся на тактическое оружие, готовое к действию.

— Сэр, — взмолился я, — позвольте мне высказать свою точку зрения. Сэр, вдруг Штаты посетил бы неугодный нам политический деятель, ну, скажем... В общем, представьте, мы неожиданно захватили его и его свиту, выпотрошили бы их тела и на место их душ понапихали бы туда души наших людей...

— Что?! — Он, наверное, решил, что я спятил. — Полковник Уиндермир, вы соображаете, какую чушь несете?

— Это бы сыграло нам на руку, сэр, — продолжал я убежденно. — Возможно, я перегнул палку. Если нам это неудобно в мирное время, какие колоссальные возможности открываются во время войны! Взять двух их военнопленных, сэр, заселить нашими людьми их тела, а потом обменяться пленными!

Он условился со мной о встрече на следующий день. Я предвидел, что меня вызовут в Пентагон — ведь я был очевидцем, а генерал не возьмет на себя весь груз ответственности за столь сложную проблему. Он непременно созовет совещание генштаба, и уж кто-нибудь в штабе сообразит, что к чему.

Я уже ощущал генеральские звезды на своих плечах...

Появился сержант О'Хейр. Выглядел он очень встревоженным.

— Сэр, это все Ван Пелт. Не знаю, может, он сошел с ума, но... он говорит... Он говорит, что доктор Хорн собирается жить вечно. Он говорит, что единственное, чего не хватало для этого доктору Хорну, это провести эксперимент на людях. Я не знаю, о чем он толкует, но он говорит, что теперь, после того как вы разрешили Хорну провести этот эксперимент, Хорн схватит первого попавшегося человека и украдет у него тело. Разве так бывает, сэр?

Бывает ли так?

Я задержался только для того, чтобы надеть на себя пистолет, и оттолкнул О'Хейра с дороги.

Еще как могло быть! От такого человека, как Хорн, только этого и жди! Уж он не побрезгует использовать свое изобретение для того, чтобы красть чужие тела, чтобы продлить свою жизнь, свое разумное существование в здоровом, молодом теле!

О, я точно разгадал ход мыслей доктора Хорна. Украсть тело; сломать машину; смыться. И как мы его потом выследим? Никак. Во всем мире нет способа, который помог бы отличить настоящего Джона Смита от Джона Смита, в чье тело вселился Хорн. Отпечатки пальцев? нет; классификация по крови? нет; глазная сетчатка? нет. Это было очевидно, эта мысль поразила меня сразу же... Кругом мои солдаты: на постах, за исполнением своих обязанностей, моих приказов; Хорну ничего не стоит заманить к себе одного из них. Он не станет ждать. Не станет хотя бы потому, что его собственное тело изношено до основания и может рухнуть в любой момент.

Я спешил в здание через длинные темные коридоры, в комнату, где находился большой поликлоидный квазитрон.

Но я опоздал.

На пороге кабинета я споткнулся о человеческое тело, упал, выронив пистолет. Я с трудом поднялся на четвереньки, потрогал тело, еще теплое, но уже не очень теплое. Доктор Хорн! Его брошенный, покинутый кокон!

А передо мной с пронзительными воплями, с дурацкими гримасами прыгала с оружием в руках фигура когда-то Ван Пелта.

— Слишком поздно! — орал он. — Слишком поздно, полковник Уиндермир!

Ван Пелт! Но в этом мягком жирном теле жил теперь не Ван Пелт, это-то я знал точно, потому что Хорн-Ван Пелт держал в одной руке пистолет, а в другой железный прут. И этим прутом он крушил, крушил поликлоидный квазитрон! Бам! — и искры фонтаном брызнули из него. Трах! — и аппарат раскалился, осел, стал медленно отекать.

У него был еще и пистолет. Положение создалось сложное.

Но не безнадежное! Потому что в комнате мы с ним были не одни.

Возле моего пистолета лежало еще одно тело — не мертвое, всего лишь без сознания. Это был капрал Мак Кейб, сбитый ударом по голове.

Он мелко дрожал, сознание должно было вот-вот вернуться к нему.

— Стой! — скомандовал я, поднимаясь на колени.

Хорн-Ван Пелт повернулся, посмотрел на меня.

— Остановитесь! Вы сами не понимаете, доктор Хорн, как много зависит от этой машины! Не только ваша жизнь, доктор Хорн, — я еще увижу, как вы смените много тел, прекрасных тел, чтобы сохранить ваш разум на такое время, на какое вы пожелаете. Но подумайте и о национальной обороне! Подумайте о безопасности нашей страны! И вспомните, наконец, о вашем святом долге перед наукой!

Капрал Мак Кейб дернулся и зашевелился.

Я встал на ноги. А Хорн, он же Ван Пелт, в испуге выронил железяку, перехватил пистолет в правую руку и уставился на меня. Тем лучше! Хорошо, что на меня, а не на Мак Кейба!

— Доктор Хорн, не разрушайте машину, она нам еще пригодится!

— Но она уже разрушена, — произнесла маленькая жирная фигура, нелепо при этом жестикулируя. — А я не...

Плюмб!

Пуля Мак Кейба попала ему в основание черепа. Мозги, из которых был изгнан Ван Пелт, чтобы они стали вместилищем Хорна, теперь не вмещали никого. Толстое маленькое существо было мертво.

Я разозлился.

— Дурак! Идиот! Осел безмозглый! — кричал я на Мак Кейба. — Убить его! Зачем ты его убил? Почему ты его не ранил? Не искалечил? Не сломал ему ногу? Не выбил пистолет у него из руки? Можно было сделать все, что угодно, только не убивать его. Мы могли бы заставить его построить новую машину. А теперь он мертв, машина разрушена...

Капрал смотрел на меня с весьма странным выражением на лице.

Я взял себя в руки. Разрушена мечта моей жизни, но теперь ничего уж не поделаешь. Возможно, найдутся инженеры, которые починят, откроют, построят... Но достаточно было взглянуть на руины бывшего поликлоидного квазитрона, чтобы понять, что это бесплодные мечты.

Я глубоко вздохнул.

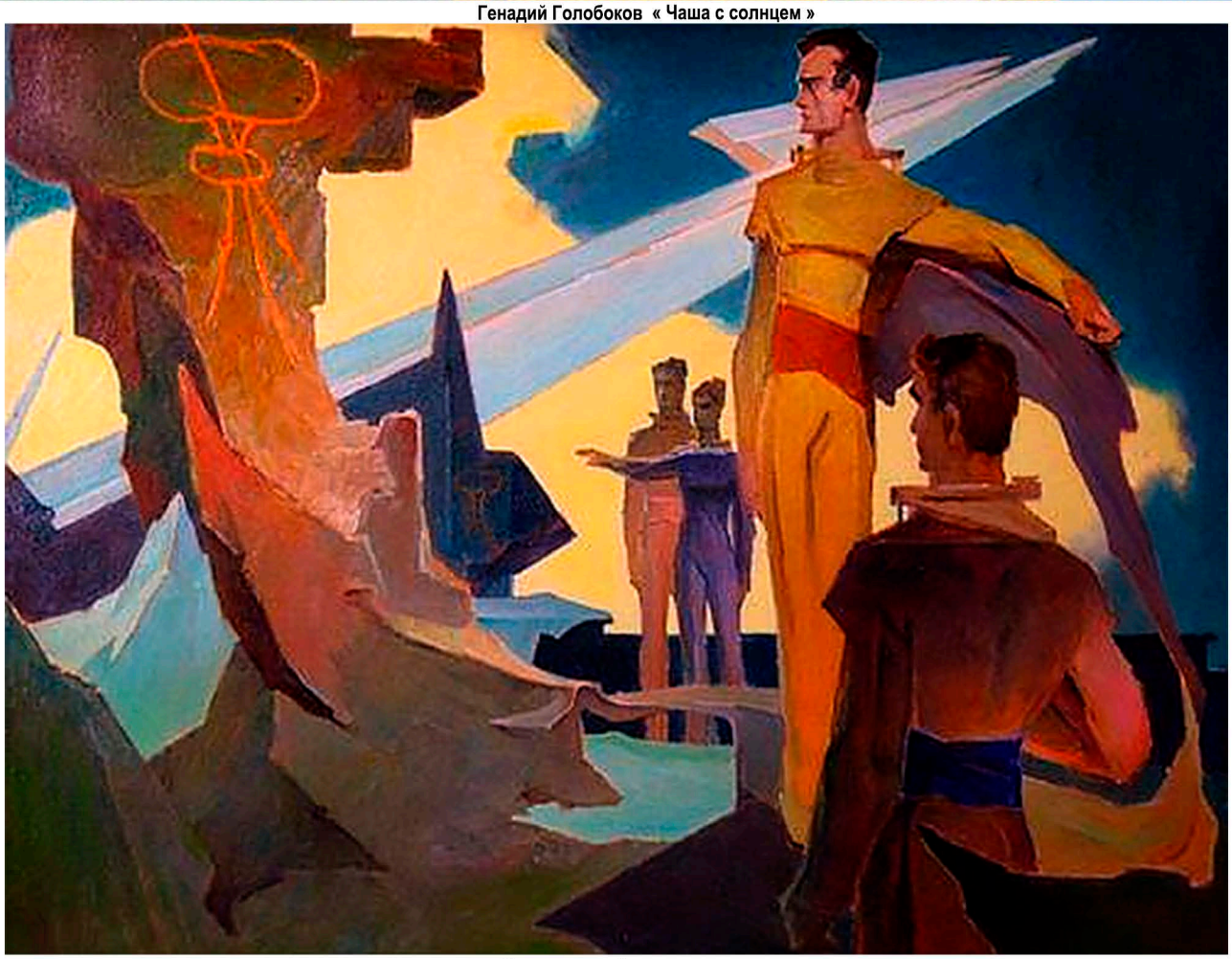
— Ну что ж, Мак Кейб, — сказал я решительно, — отправляйтесь в казарму. Поговорим позже. А сейчас я должен позвонить в Пентагон и попытаться объяснить им ваш промах.

Мак Кейб нежно похлопал по ручке пистолета, положил его на пол и пошел к двери.

— Вот именно, лейтенант, — сказал капрал Мак Кейб.

Перевод с английского
Б. Клюевой

Генадий Голобоков « Чаша с солнцем »



«Знаки мертвой планеты»

Поселенцы

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЮМОРЕСКА

Илия ДЖЕРЕКАРОВ (Болгария)

На конкурсе научно-фантастических рассказов, объявленном болгарским еженедельником „Орбита" фантастическая юмореска „Поселенцы" получила первую премию. Автор остроумно пародирует механистические тенденции в биологии, процветающие ныне в западной науке.

Последний переход меня доконал. Я был слишком изможден, чтобы понять, что одолел наконец-таки перевал. И все же я перевал одолел и вот рухнул средь неведомых лиловых трав и заснул, но и во сне меня выслеживали хищники, засасывали трясины, грозили горы каменными перстами.

Когда я проснулся, бирюзовый день угасал. Там, далеко внизу, на океанском берегу, реял прозрачный купол лагеря, прозрачный и легкий, как лепесток. Река, срываясь со скал, низвергалась в лагуну, где в серебряных водах плавал закат. Тропинка вдоль берега. Оранжевая скамья. Несколько цветочных клумб. Судя по всему, очередное пристрастие Блики — цветы. Когда женщина решается предать мужа, вернее когда уже предала, она ничем не рискует, разводя пионы и рододендроны. А также ромашки, георгины, астры, гвоздики, черт побери! Хотя применительно к Блике «предательство» не совсем точное слово. Отчуждение — вот суть того, что долго вызревало в нас и принесло в конце концов столь горькие плоды.

Теперь-то я понимаю: она все продумала, когда отказалась полететь со мною. В сущности, она была права. Планетолет не выдержал. Сгорели дюзы, и я едва успел спастись. Ничего. По крайней мере, не сидел сложа руки, хотя что-то пытался предпринять.

Сегодня и на Земле и здесь меня считают мертвым. Блика, конечно, видела, как тотчас же после старта моя ракета сбилась с курса и унеслась над океаном бог весть куда. Наверное, Блике было нелегко. Ведь я даже не попрощался...

Я подымаюсь и медленно иду вниз, оскальзываясь на осыпях. Что ни говори, женщины — непостижимые существа. Пережить за короткий срок гибель звездолета, потом гибель планетолета, наконец, потерю мужа — и разводить в полном одиночестве цветы...

Когда погиб звездолет и мы остались на планете одни, Блика долгое время пребывала в состоянии полусна-полуяви. Казалось, для нее стерлась грань между жизнью и смертью, она просто существовала, и это ее существование пугало меня своей бесцельностью.

Однажды она долго и сосредоточенно наблюдала, как я устанавливаю флюгер на метеостанции, и потом тихо спросила:

— Момчил, ты когда-нибудь был ребенком?

Странный вопрос!

— Если мне память не изменяет, — начал я осторожно, — то...

— Я сегодня видела во сне детей, — перебила меня Блика. — Много детей. И каждый из них был точная копия тебя.

— И девочки были точной моей копией? — улыбнулся я.

Блика подумала и ответила:

— Я не помню.

Тут я расхохотался:

— О чем ты говоришь, какие дети! Представляю, как бы мы выглядели в роли поселенцев. Детишки, огород, коровы, козы, курочки. Все блага натурального хозяйства. Я буду выращивать табак, а ты — разводить цветочки.

— Да пойми же ты, пойми, — едва не закричала она. — Мы уже поселенцы, хочешь ты того или нет. Твой планетолет вот-вот развалится. Сколько раз можно на нем стартовать? Четыреста. А на счетчике какая цифра? Семьсот сорок четыре. Вот то-то и оно. Не сегодня-завтра прогорят дюзы. На Земле небось думают, будто мы погибли, а если ищут, не скоро найдут. Лет через двадцать жди спасателей. А то и через тридцать.

Я заметил не без иронии:

— И это дает тебе повод полагать, что возвращение невозможно? Стало быть, сиди здесь до старости и ожидай ангелов-спасителей? Ну, а если нас никогда не найдут?

Она и внимания не обратила на мой иронический тон.

— Мы не должны думать лишь о нас двоих. Давай позаботимся и о тех, кто придет сюда после нас. Мы открыли прекрасную планету. Чего же мы ждем? Пора

заселять ее землянами. Не беспокойся, дети нам не будут обузой. Наоборот. Они станут помогать, когда мы состаримся.

Меня прямо так и взорвало:

— А если все ж не прилетят и не найдут? Если и спустя полстолетия ни единая живая душа не доберется до этих райских кущ? Что тогда будут здесь делать наши чада? Сооружать из бревен и глины звездолет? Или ты жаждешь навалить на их плечи бремя, которое должны нести мы? Выбрось ты из головы эти мечты об Адаме и Еве!.. Ну ладно, допустим, ты права. Представь себе, что у нас мальчик и девочка. Что станется с ними спустя двадцать или тридцать лет, если мы не свяжемся с Землей? Думала ли ты об этом?

Я говорил уже без всякого юмора, голосом неестественно высоким. Блика, побледнев, глядела на меня широко открытыми глазами. Наконец она сказала:

— Вот когда я узнала тебя досконально, герой. Надо же, а! До сих пор воображала, будто ты и впрямь незаурядная личность, но теперь ты сбросил личину. Жалкий эгоист!

Вслед за тем она отвернулась и заперлась в лаборатории. В продолжение нескольких дней мы не сказали больше друг другу ни слова. Я возился с аппаратурой. Блика ловила в силки диких зайцев и собак, препарировала их, собирала какие-то травы.

До ближайшей базы на Сириусе лететь лет двенадцать-тринадцать. Было безумием отправляться туда на стареньком планетолете. Однако я решил рискнуть. Это мое решение и послужило причиной нашего окончательного разрыва. Блика отказалась лететь наотрез.

— Прежде всего это касается т в о е й жизни, — сказала она, — и потому я должна тебя предупредить: ты, как всегда, пытаешься совершить невозможное. Ты же прекрасно знаешь, что двигатели ракеты вряд ли одолеют здешнее тяготение. Взорвутся, попомни мое слово. А где ты возьмешь столько еды на двенадцать лет? Не в твоих правилах довольствоваться стаканом чаю и парочкой сухариков. Ты же умрешь от голода и одиночества. Это тебе не звездолет, где, поругавшись со мною, ты целыми неделями мог торчать в бильярдной или делиться с роботами своими сердечными излияниями. Впрочем, последнее слово за тобой. Но на меня ты не рассчитывай: я и одна дождусь, когда сюда прилетят с Земли.

Она ошиблась. Никакого последнего слова я ей не сказал. Я решил. Я полетел. Я едва не расстался с жизнью...

Под ногами шуршали камешки. Серые тучи цеплялись за гребни гор. Огромное облако походило очертаниями на Африку, его края дышали в свете заходящего солнца. Пройдет час-другой, и в долину низринется мрак.

И тут я заметил Блику. Она шла по тропинке к метеостанции. Я помахал ей рукой, но она, должно быть, не заметила меня. Или сделала вид, будто не заметила. Она раскрыла журнал, внесла туда показания приборов и быстро вернулась в лагерь. Странно, откуда в ней такая торопливость? Неужели она опасается выходить в одиночку? Если бы она чего-то опасалась, вряд ли перед лагерем красовались бы цветочные клумбы и оранжевая скамья. Между прочим, скамья была неестественно длинная, на ней свободно бы уместилось человек десять. Это меня насторожило. Для одного человека достаточно пенька или стула...

* * *

Я очнулся ночью от ощущения одиночества. И я не ошибся: Блики не было рядом. Встревоженный, я приподнялся на локте и прислушался. Откуда-то просачивались странные звуки. Такое ощущение, что где-то плакали дети. Множество детей. Скорее всего это скулят ее подопытные животные, а она пытается их утихомирить. Я на цыпочках подбежал к дверям в лабораторию. И услышал ее голос:

— Не плачьте, глупые малыши! Всех, всех сейчас накормлю!

Успокоенный, я покачал головой. По крайней мере, она счастлива. Несколько инопланетных зайчат или щенят вполне заменят ей все человеческое общество.

С этими мыслями я заснул.

Утром я проснулся в прекрасном настроении. Где же, наконец, Блика? Я вызвал ее по селектору, она отозвалась из лаборатории:

— Приготовь себе, Момчил, завтрак. Я немного задержусь с малышами.

Я, признаться, приуныл. Неужели она настолько увлечена своими блеющими, мяукающими, лающими подопечными, что готова уморить себя голодом.

Она явилась к обеду. Только теперь я заметил, как сильно она исхудала. Под глазами у нее набухли мешки, но, странное дело, лицо ее излучало сияние.

— Ты ведь не очень меня заждался, правда?

Я еще не успел ответить, как она спросила:

— Момчил, сколько, по-твоему, должно быть у нас детей, чтобы здесь тоже продолжился человеческий род?

Стало быть, она все еще не отказалась от идеи обзавестись потомством.

Я ответил ей с большой неохотой. Честно говоря, не хотелось, как в прошлый раз, вступать в перепалку.

— Точно не знаю, но, думаю, несколько тысяч человек, не меньше.

Она усмехнулась торжествующе:

— Я все прикинула доподлинно. Всего лишь двести пятьдесят, от силы триста. Восемьдесят могут поместиться в станции, для остальных надо выстроить жилища.

Тут мне была расставлена какая-то западня. Что-то бессмысленное было в этом разговоре. Бессмысленное и странное. Уверенность, с которой она говорила о множестве несуществующих детей, начинала меня раздражать.

— Может, ты открыла диковинную породу человекообразных обезьян, а заодно и способ мгновенно превращать их в людей?

— При чем здесь обезьяны? — пожала она плечами. — Просто ты еще, кажется, не уяснил положения, в котором мы оказались.

Пора было прекратить эту несуразицу. Иначе все запутается до невозможности. Я сказал коротко и ясно:

— Мнение мое по этому вопросу тебе известно, и я не намерен менять своих решений.

Она ответила мгновенно, как видно заранее обмозговав фразу:

— А я-то, чудачка, думала, что после эксперимента с планетолетом ты протрезвеешь. Ладно. Займись своими железками. Может, ты и впрямь соорудишь звездолет из глины и бревен. Я окончательно поняла: к детям тебя нельзя подпускать на пушечный выстрел.

Это было слишком! Я хотел ей вежливо напомнить, что после смерти командира его замещает второй астронавигатор, что вторым астронавигатором в данном случае являюсь я и потому командовать мною никому не позволю. Но Блика уже ушла, демонстративно не притронувшись к еде.

Дети? Триста детей? А не обезумела ли она от долгого одиночества?

Я бросился вслед за Бли-

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

кой. Заперто! Дверь в лабораторию оказалась закрытой изнутри. Я постучал. Молчание. Постучал сильнее. Опять молчание. Тогда я забарабанил в дверь каблуками.

— Блика! Открой! Немедленно открывай!

Я услышал ее торопливые шаги и голос:

— Сейчас открою. Иду.

Прошло еще несколько секунд. За дверью все было тихо. Наконец щелкнул замок, и я влетел в лабораторию. Блика стояла возле стены, накинув на плечи белый халатик. Она безучастно смотрела перед собой, как бы силясь что-то вспомнить. Слева от нее, вдоль всей лаборатории, вплоть до окон стояли в длинном ряду маленькие детские кровати. И в каждой — запеленатый младенец!

Тут в моей голове все безнадежно перепуталось. Неужто и в самом деле она обратила своих подопытных животных в детей? Чертовщина какая-то! Абсурд, антинаучный бред!..

Я осторожно приблизился к первой кроватке. Ребенок нежно уставился на меня синим взором. Странно, кого-то он мне напоминал. Ручки свои с растопыренными пальцами он тянул к губам. Видно, проголодался. Я протянул дитяти палец, оно бойко за него ухватилось и заревело. Теплое, живое, вполне реальное существо.

Тогда я начал считать кровати и насчитал их ровно сорок.

Плач одного младенца пробудил и других. Блика все так же стояла в безучастной позе. Надо было что-то говорить. Но что? Требовать объяснений? Но каких? После долгих раздумий я указал пальцем на моего младенца и сказал:

— Оно хочет есть.

Нужно было время, чтобы обдумать ситуацию. Кажется, мне становился ясен смысл вопроса о минимуме детей, достаточном для создания человеческого общества.

— Надо их накормить, Блика, — сказал я примирительно. — Но прости меня за любопытство, откуда... столько... и потом...

— Мальчики — это, милый, ты. Копии. Двадцать твоих абсолютно идентичных копий. Девочки — это я. Ты доволен? Тебе все ясно?

Ничего мне было не ясно.

— Помнишь ли, перед отлетом ты поранил руку и я тебе ее перевязывала. Тогда я немного отрезала кожи. Микроскопический кусок. Зачем? Сейчас ты все поймешь. После того как ты улетел, я решилась создать детей искусственным путем. Недаром же генетика — моя вторая специальность.

Ты спросишь: как их создала? В любой нашей клетке записан генетический код всего организма. Одна-единственная клетка, помещенная в подходящую питательную среду, способна вырасти в точную копию организма, откуда была взята. И копия эта ничем, учти, Момчил, ничем не будет отличаться от оригинала. Вот я и создала из твоих клеток двадцать Момчилов, а из моих — двадцать Блик...

Ты не думай, я все рассчитала заранее. Если каждый год создавать хотя бы по двадцать детей, через десять лет уже можно будет говорить о новой цивилизации. Пройдет время, и эта цивилизация сможет вступить в контакт с Землей! Но я уверена, еще задолго до того сюда прилетят земляне. Человечество овладеет еще одной звездной системой.

Я поглядел на нее уважительно.

— Нам будет нелегко, Блика.

Она положила руку мне на плечо.

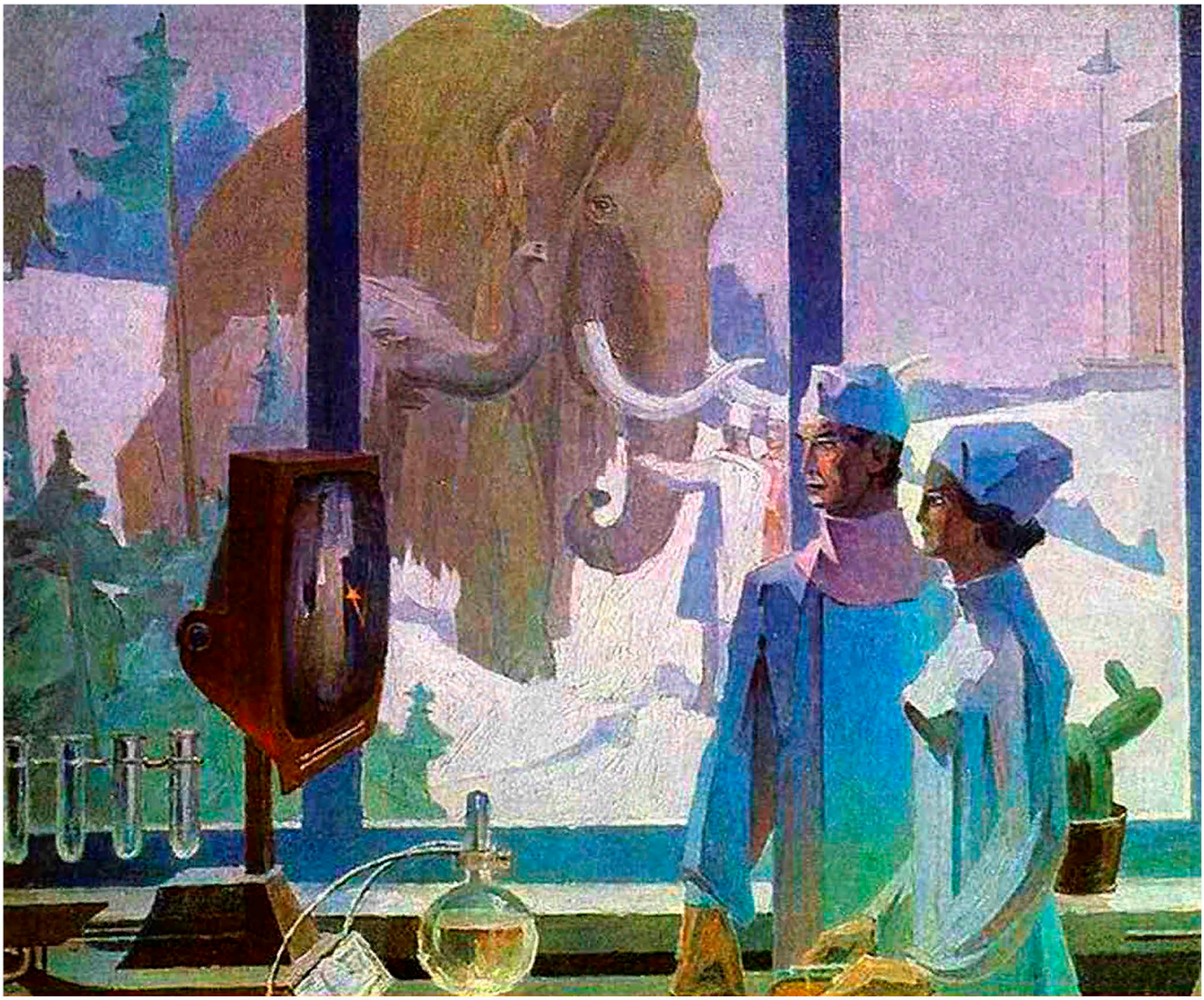
— А ты думаешь, им будет легче, когда они подрастут?

Первые жители новой планеты ревели. Каждый из них хотел есть.

Перевод с болгарского

Кацуаки Саито (Япония) «Планета трех лун»

Кацуаки Саито «Следы древней цивилизации»



Геннадий Голобоков « НИИ генетики »

«Регенерация»

Картина В.Дудупада

Стрела времени

Научно-фантастический рассказ

АРТУР КЛАРК

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Сначала чудовище спускалось по руслу высохшей реки, потом начало пробираться заболоченной безжизненной равниной. Даже там, где почва потверже, массивные лапы утопали больше чем на фут под тяжестью огромного туловища. Время от времени чудовище останавливалось, легко, как птица, поворачивало голову и оглядывало равнину. В такие минуты оно еще глубже утопало в трясине, и через пятьдесят миллионов лет людям довольно точно удалось определить по следам продолжительность этих остановок.

Вода уже никогда не вернулась в здешние края; палящее солнце превратило глину в камень. А после накатила пустыня, сокрыла следы под слоем песка. И много после — вослед за армадой угасших лет — сюда пришел Человек.

●

— Как думаешь, — проревел Бартон, пытаясь перекрыть шум, — не стал ли профессор Фаулер палеонтологом лишь потому, что имеет привычку играть с пневматическим молотком? Или он пристрастился к молотку, пытаясь расширить традиционные методы палеонтологии?

— Не слышу! — отозвался Дэвис, налегая на лопату с видом заправского работяги. Он поглядел на часы.— Идем, скажем ему, что уже пора обедать. Он неизменно снимает свой хронометр, когда забавляется со своей проклятой машинкой.

— Сей номер не пройдет! — крикнул Бартон. — Он нас давно знает и потому всегда не прочь затянуть работенку минут на десять-пятнадцать. Но попытка не пытка, давай попробуем. Осточертел этот дьявольский грохот.

Два палеонтолога побросали лопаты и отправились к шефу. Завидя их, профессор выключил перфоратор, наступила тишина, нарушаемая лишь пыхтением компрессора.

— Пора возвращаться в лагерь, профессор, — заговорил Дэвис и небрежным жестом убрал левую руку за спину. — Вы ведь знаете, как сердится повар, если опаздывают к обеду.

Профессор Фаулер, член Королевской академии наук, обремененный множеством иных высоких званий, безуспешно пытался стереть с лица коричневую грязь. Случайный посетитель на раскопках вряд ли смог бы распознать в этом загорелом мускулистом молодце вице-президента Палеонтологического общества.

Почти целый месяц прошел в единоборстве с песком, покрывшим окаменелую плоть глиняной равнины. Расчищенный участок в несколько сот футов выглядел как моментальная фотография прошлого — чуть ли не лучшее из всего известного в палеонтологии. Когда-то в поисках исчезающей воды сюда переселилось множество птиц и зверьков; с тех пор прошло несколько геологических эпох, от этих существ не осталось ничего, но их следы сохранились навсегда. Почти всякий след может быть распознан, если, разумеется, он принадлежит какому-то существу, известному науке. А если нет?

Неведомый зверь весил несколько десятков тонн, и профессор Фаулер азартно крался по его следу, предвкушая крупную добычу. Кто знает, может быть, ему и удастся догнать чудовище; в оные времена эта равнина была предательски зыбким болотом, и нет ничего удивительного, если кости неизвестного чудовища покоятся теперь где-нибудь неподалеку, в западне, которую расставила сама природа.

Эпопея раскопок разворачивалась чертовски медленно! Только самый верхний слой расчищали землеройными машинами, все остальное приходилось делать вручную. У профессора Фаулера было достаточно оснований не доверять никому пневматический молоток; и малейшая ошибка могла стать роковой.

Экспедиционный «джип», разбитый на отвратительных местных ухабах, одолел уже полпути к лагерю, когда Дэвис заговорил о том, что не давало ему покоя.

— Не очень-то они мне нравятся, наши соседи по долине. А вот почему — не могу объяснить толком. Вряд ли мы мешаем их техническим потугам, так что почтенные господа могли бы нас пригласить к себе хотя бы для приличия.

— А может, это действительно военная лаборатория, — высказал вслух общее мнение Бартон.

— Не думаю, — мягко возразил профессор Фаулер,— ибо я только что получил приглашение от них. Завтра же поеду.

Если это сообщение не произвело впечатление разорвавшейся бомбы, то лишь по той причине, что они слишком хорошо знали друг друга. Несколько секунд Дэвис размышлял над подтверждением своих догадок, а после, слегка откашлявшись, спросил:

— А еще кто-нибудь приглашен?

Намек был настолько прозрачным, что профессор усмехнулся.

— Нет, приглашение адресовано одному мне. Слушайте, парни, я понимаю, как вы сгораете от любопытства, но даю вам честное слово, что знаю не больше вашего. Если завтра что-нибудь прояснится, я расскажу вам все. А сейчас — самые последние сведения. Я кое-что разведал. По крайней мере, для меня не секрет, кто заправляет этим хозяйством.

Дэвис и Бартон навострили уши.

— Кто? — спросил Бартон. — Подозреваете Комиссию по атомной энергии?

— Вполне возможно, — отвечал профессор. — Во всяком случае, вся история начинается с господ Эндерсона и Барнса.

Теперь бомба угодила в цель: Дэвис даже съехал с колеи. Впрочем, если учесть достоинства дороги, последнее обстоятельство не имело ровным счетом никакого значения.

— Эндерсон и Барнс? В этой забытой богом дыре?

— Именно, — весело подтвердил профессор Фаулер. — Информация получена от самого Барнса. Он высказал сожаление, что не имел возможности встретиться со мною раньше, и просил посетить его в ближайшее время.

— Так чем же они занимаются?

— Я уже сказал: мне ничего не известно.

— Барнс и Эндерсон, — задумчиво промолвил Бартон. — Ничего не знаю о них, кроме того, что оба физики. В какой области они подвизаются?

— Крупнейшие специалисты по физике низких температур, — отвечал Дэвис. — Эндерсон долгое время был директором одной известной лаборатории. Недавно он опубликовал в «Нейчур» несколько статей. Все они, если я не запамятовал, посвящены проблеме гелия-II.

Бартон даже глазом не моргнул: он терпеть не мог физиков и никогда не упускал возможности это подчеркнуть.

— Не имею ни малейших представлений, что за чудо этот гелий-II, — самодовольно заявил он, — больше того, я вовсе не уверен, что горю желанием что-либо о нем узнать.

То был выпад против Дэвиса, который когда-то — в минуту слабости, как он сам любил выражаться, — даже получил ученую степень по физике. «Минута» затянулась на несколько лет, пока Дэвис окольными путями наткнулся на палеонтологию, но физика так и осталась первой его любовью.

— Гелий-II — разновидность жидкого гелия, существующая только при температуре несколько градусов выше абсолютного нуля. Он обладает поистине удивительными свойствами, но это никоим образом не объясняет, почему два видных физика вдруг оказались в этом укромном уголке планеты.

Они приехали в лагерь. Дэвис, как всегда, несся, не снижая скорости, и резко затормозил. Только на этот раз «джип» занесло, и он врезался в стоящий впереди грузовик. Дэвис сокрушенно опустил голову.

— Резина износилась вконец. Желал бы я знать, когда соизволят прислать новую.

— Новые покрышки уже прислали. Сегодня утром, на вертолете. Вместе с отчаянными извинениями Эндрюса. Он, видите ли, как всегда, думал, что мы уже получили их полмесяца назад.

— Отлично! Сегодня вечером смонтирую новые покрышки.

Профессор Фаулер, шедший впереди, остановился.

— Стоит ли так спешить? — мрачно проговорил он. — На обед у нас опять солонина.

●

Сразу после приезда в экспедицию молодые палеонтологи заинтересовались необыкновенными сооружениями, маячившими милях в пяти от раскопок. Дэвис легко распознал в высоких башнях силовые атомные установки.

Уже одно это обстоятельство красноречиво свидетельствовало о важности исследований. На Земле несколько тысяч таких башен, и все они связаны с проектами первостепенной важности.

Можно найти десятки причин, которые заставили двух известных ученых уединиться в такой глуши. Чем опасней исследования в области физики, тем дальше от цивилизации они проводятся.

Но вот что странно: отчего это грозные башни вдруг выросли рядом с крупными палеонтологическими раскопками? Впрочем, это могло быть случайным совпадением — ведь до сих пор физики не проявляли ни малейшего интереса к своим соседям и соотечественникам.

Дэвис осторожно водил кисточкой по одному из гигантских следов, а Бартон заливал жидкую смолу в уже расчищенные отпечатки лап. С самого утра они подсознательно прислушивались, не шумит ли мотор, возвещающий приближение «джипа». Профессор Фаулер обещал забрать их на обратном пути, и приятелей отнюдь не очаровывала перспектива тащиться за две мили в лагерь под палящими лучами солнца. Помимо того, они горели нетерпением заполучить кое-какие новости.

— Как ты считаешь, — вдруг спросил Бартон и махнул рукой в сторону башен, — сколько человек там работает?

Дэвис выпрямился.

— Судя по размерам установок, не меньше десяти.

— А кто финансирует проект? Государство?

— Не обязательно. Они могут заниматься чем угодно, на свой страх и риск. Впрочем, при своей научной репутации Эндерсону и Барнсу нетрудно было получить субсидию.

— Везет им с этой физикой! — вздохнул Бартон. — Достаточно убедить любое занюханное военное ведомство, что, мол, изобретаешь новое оружие, и, пожалуйста, получай миллион, а то и два.

Он произнес свою тираду с горечью. Как и у каждого большого ученого, его отношение к любому подобному вопросу было вполне определенным. Тем более что Бартон всю жизнь был принципиальным противником воинской службы. Именно вследствие этой принципиальности он весь последний год на войне пребывал в тяжбе с военным трибуналом, который вовсе не разделял его убеждений.

Послышался шум мотора. Из-за холма показался «джип», трясясь и подскакивая на колдобинах. Они поспешили навстречу профессору.

— Как дела? — выкрикнули они хором.

Профессор Фаулер задумчиво оглядел их, лицо его было непроницаемым.

— Хороший ли выдался денек? — спросил он наконец.

— Имейте совесть, шеф, — запротестовал Дэвис. — Выкладывайте откровенно, что вы успели там разнюхать.

Профессор выскользнул из автомобиля и снял пиджак.

— Извините, коллеги, — смущенно произнес он, — но я ничего не могу вам сообщить, буквально ничего.

Раздались вопли протеста, но профессор остался непреклонным.

— Сознаюсь, я узнал много интересного, но дал слово молчать. Не могу сказать, что я уяснил, чем именно они занимаются; несомненно одно: это истинная революция в науке, революция, вряд ли уступающая открытию атомной энергии. Впрочем, завтра сюда прибудет доктор Эндерсон, посмотрим, что вы сможете вытянуть из него.

От разочарования и возмущения двое палеонтологов какое-то время не могли сказать ни слова. Первым пришел в себя Бартон.

— Хорошо, но откуда вдруг такой пристальный интерес к нашей работе?

Фаулер задумался.

— Да, моя поездка к ним была не просто визитом вежливости, — наконец признался он. — Скоро я попрошу вас кое в чем мне помочь. А сейчас если зададите еще хоть один вопрос, то я заставлю вас тащиться до лагеря пешком.

●

Доктор Эндерсон приехал на раскопки после обеда. Перед палеонтологами предстал чуть грузноватый молодой господин, одетый не совсем обычно — единственной видимой частью его туалета был ослепительно белый лабораторный передник. Впрочем, в столь жарком климате такое эксцентричное одеяние обладало несомненными достоинствами.

Поначалу палеонтологи разговаривали с Эндерсоном довольно сдержанно: они были обижены и не скрывали своей обиды. Но Эндерсон расспрашивал их со столь неподдельным интересом, что скоро они начали питать к нему нечто вроде симпатии. Профессор Фаулер предоставил им возможность показать гостю раскопки, а сам отправился к рабочим.

Картина давно минувшей эпохи произвела на физика глубокое впечатление. Целый час приятели водили его по раскопкам и рассказывали о существе, которое

оставило здесь свои следы, строили предположения о будущей находке. Вправо от выкопанного рва отклонялась широкая траншея: заинтересовавшись следами чудовища, профессор Фаулер прекратил все другие исследования. Немного дальше траншея обрывалась: за неимением времени профессор распорядился копать отдельные ямы. Неожиданно последний шурф оказался пустым. Начали копать вокруг, и тогда выяснилось, что гигантский зверь внезапно свернул в сторону.

— Отсюда начинается самое интересное, — рассказывал Бартон утомленному от впечатлений физику. — Помните ли вы место, где чудовище остановилось и, по всей вероятности, оглядывало окрестности? Мне кажется, оно что-то заметило и кинулось бежать в другом направлении — об этом можно судить по расстоянию между следами его ступней.

— Никогда не подозревал, что эти существа умели так бегать!

— Выглядел такой бег не очень-то грациозно, но при шаге в 15 футов зверь мог развить приличную скорость. Если повезет, мы еще успеем узнать, за кем он гнался. Сдается мне, что профессор Фаулер мечтает открыть роковое поле битвы с разбросанными там и сям костями жертвы. Тогда все и объяснится.

— Картина в стиле Уолта Диснея, — усмехнулся Эндерсон.

Но Дэвис был настроен оптимистично.

— Ни за кем зверь не гнался, просто его кликнула домой женушка... Наша работа иногда бывает неблагодарной: думаешь, что уже на пороге открытия, — и вдруг все летит кувырком. То пласт размыт, то все разрушено землетрясением, то — и это самое отвратительное! — некий идиот, сам того не подозревая, растащил по кускам ценнейшую находку.

— Могу лишь посочувствовать, — кивнул Эндерсон, — нам, физикам, все-таки приходится легче. Мы знаем, что ответ существует, и рано или поздно находим его.

После многозначительной паузы он заговорил, тщательно взвешивая каждое слово:

— Все было бы значительно проще, если бы мы могли созерцать прошлое собственными глазами, вместо того чтобы шаг за шагом восстанавливать его с помощью убийственно медленных и неточных методов. За два месяца вы прошли по следам зверя около ста ярдов и все же, если не повезет, можете оказаться в тупике.

Последовало долгое молчание.

— Вполне естественно, доктор Эндерсон, что нам весьма интересны ваши исследования, — задумчиво проговорил Бартон, — а поскольку профессор Фаулер связал себя обетом молчания, мы начали строить самые невероятные предположения. Не хотите ли вы сказать, что...

— Не торопите меня с невыполнимыми обещаниями, — быстро перебил физик. — Я просто грезил наяву. Что же касается наших исследований, то они весьма далеки от завершения. Мы ничего ни от кого не скрываем, но сейчас мы вступили в совершенно неизведанную область, и, покуда не нащупаем твердую почву под ногами, лучше всего молчать... — Эндерсон смахнул со лба капли пота и неожиданно улыбнулся. — Говорят, едва на ваших раскопках появляются геологи, профессор Фаулер прогоняет их с киркой в руке?

— Они сами исчезают, — усмехнулся Дэвис, — из боязни быть немедля запряженными в работу! Но я вполне вас понял, сэр. Позвольте надеяться, что нам не придется ждать слишком долго.

●

В эту ночь свет в палатке палеонтологов горел дольше обыкновенного. Бартон не скрывал своих сомнений, но Дэвис умудрился на основе нескольких замечаний Эндерсона построить целую остроумную теорию.

— Теперь-то мне все понятно. И главное — почему они выбрали именно это место. Здесь нам с точностью до одного дюйма известен каждый пласт земной коры за последние сто миллионов лет. Значит, мы можем абсолютно точно датировать каждое событие. Не уверен, что на всей нашей планете сыщется другой такой район, где геологическая летопись была бы изучена столь досконально. Вот почему я утверждаю: наши раскопки — самое подходящее место для подобного эксперимента.

— Но ты действительно допускаешь, что возможно, хотя и теоретически, построить машину, способную видеть прошлое?

— Лично я даже не могу себе представить принцип ее действия. Но не рискую утверждать, что подобное невозможно для таких ученых, как Барнс и Эндерсон.

— Гм. Я бы предпочел доводы поубедительней. Слушай, а не можем ли мы проверить твои предположения? Ты что-то говорил относительно статей в «Нейчур»?

— Я уже послал запрос в библиотеку колледжа. Думаю, журналы получим через несколько дней. В публикации каждого ученого всегда прослеживается определенная преемственность; быть может, статьи кое-что и подскажут.

Однако статьи лишь усилили недоумение палеонтологов. Дэвис не ошибся: почти все объяснялось необыкновенными свойствами гелия-II.

— Это поистине фантастическое вещество, — объяснил Дэвис, листая журнал. — Если бы оно могло существовать при обыкновенной температуре, мир неузнаваемо преобразился бы. Начнем с того, что гелий-II начисто лишен вязкости. Как-то сэр Джордж Дарвин сказал, что в океане, состоящем из гелия-II, корабли вполне могли бы обходиться как без парусов, так и без винтов. Достаточно было бы оттолкнуть корабль от берега, и плыви сколько заблагорассудится. Единственное неудобство: еще в начале путешествия гелий потек бы через борт, вверх по обшивке — и буль-буль-буль-буль... кораблик наш — ко дну.

— Очень смешно, — заметил Бартон, — но какое это имеет отношение к твоей великой теории насчет машины времени?

— Пока никакого, — признался Дэвис. — Но ты выслушай меня до конца, и кто знает, не найдешь ли что-то общее. Два потока, состоящих из гелия-II, могут протекать по одной и той же трубе одновременно в противоположных направлениях: один поток попросту пронизывает другой.

— Странное свойство... Один поток сквозь другой. Все равно как если бы я бросал камень одновременно вперед и назад. Мне кажется, что для объяснения этого явления нельзя обойтись без теории относительности.

Дэвис продолжал внимательно читать статью.

— Объяснение тут очень сложное, и нет надежды, что я разберусь во всем до конца. Оно основано на предположении, что в определенных условиях жидкий гелий может обладать отрицательной энтропией.

— Между прочим, я и в положительной ни аза не смыслю.

— Энтропия — это мера распределения тепла во вселенной. В самом начале, когда вся энергия была сконцентрирована в звездах, энтропия была минимальной. Если по всей вселенной установится одинаковая температура, энтропия достигнет максимума. И тогда вселенная будет мертва. Энергия заполонит мир, но ее нельзя будет использовать.

— Почему?

— По той же причине, по которой вся вода в океане не способна привести в движение турбины одной-единственной гидроэлектростанции, а крохотное горное озеро отлично справляется с такой работой. Нужна разница в уровнях.

— Теперь понимаю. Я даже вспомнил, что кто-то назвал энтропию «стрелой времени».

— Верно, это сказал Эдингтон. Вся проблема в том, что любые часы можно заставить идти обратно. А энтропия — улица одностороннего движения: с течением времени энтропия только увеличивается. Отсюда и выражение «стрела времени».

— Но тогда отрицательная энтропия... Ах, дьявол меня побери!

Некоторое время приятели молча глядели перед собой. Затем Бартон спросил глухим голосом:

— А что пишет по этому поводу Эндерсон?

— Вот фраза из последней его статьи: «Открытие отрицательной энтропии доведет до совершенства новые революционные представления и коренным образом изменит картину познанного мира. Этот вопрос мы намерены подробно разобрать в следующей статье».

— И что же там, в следующей?

— Следующей статьи нет. Здесь может быть два объяснения. Первое: редакция журнала отказала в публикации. Но подобное предположение можно в данном случае отбросить. И второе: Эндерсон вообще не написал следующей статьи, поскольку новые представления оказались исключительно революционными.

— Отрицательная энтропия — отрицательное время. Звучит неправдоподобно, — рассуждал Бартон. — А может, и впрямь существует теоретическая возможность проникнуть в прошлое?..

— Придумал! — воскликнул Дэвис. — Давай изложим утром профессору все наши предположения и посмотрим, как он отреагирует. А теперь, пока еще я не схватил воспаление мозга, предпочитаю отойти ко сну.

Спалось Дэвису неспокойно. Снилось, что шагает он по пустыне — и везде, насколько хватает глаз, голые пески. Так идет он миля за милей, потом вдруг натыкается на путевой указатель. Тот сломан, стрелки лениво трепыхаются на ветру. Дэвис пытается разобрать надписи. На одной стрелке значится: «В будущее», а на другой — «В прошлое».

Они не сумели застать профессора Фаулера врасплох. Пока Дэвис излагал свою гипотезу, профессор бесстрастно разглядывал двух взволнованных молодых людей.

— Завтра я опять поеду туда и расскажу Эндерсону о ваших предположениях. Глядишь, он и сжалится над вами. А может, и мне удастся разведать что-нибудь новенькое. Теперь же — за работу!

Но волнующая загадка настолько завладела мыслями Бартона и Дэвиса, что начисто отбила у них всякий интерес к раскопкам. И хотя они продолжали усердно копаться в земле, их неотступно преследовала мысль, что трудятся понапрасну. Сколь счастливы были бы они, когда и впрямь машина времени обесценила бы землеройное их ремесло! Подумать только, ведь тогда можно будет оглянуться во времени назад, и выстроить в обратном порядке всю историю Земли, и раскрыть великие тайны минувшего, и увидеть зарождение жизни, и проследить весь ход эволюции от амебы до человека!

После очередного визита к физикам профессор Фаулер вернулся рассеянный, задумчивый. Да, исследования Барнса и Эндерсона чрезвычайно любопытны. Да, Эндерсон терпеливо выслушал их гипотезу и похвалил способность к дедуктивному мышлению.

Вот и все, что палеонтологам удалось выжать из профессора. Но для Дэвиса и этого было вполне достаточно, хотя Бартон, как и прежде, мучился сомнениями.

Прошло несколько недель, и Дэвис убедился в правоте своих предположений.

Профессор Фаулер проводил все больше времени с Эндерсоном и Барнсом; иногда палеонтологи не видели его по нескольку дней. Казалось, он утратил интерес к раскопкам и целиком доверил руководство Бартону. А заодно — исключительное право возиться с пневматическим молотком.

Каждый день Бартон продвигался по следам чудовища на два-три ярда. Судя по характеру следов, животное неслось огромными скачками. Наконец стало ясно, что оно вот-вот настигнет свою жертву. Еще несколько дней — и они увидят последний акт трагедии, разыгравшейся здесь пятьдесят миллионов лет тому назад. Только теперь это не имело никакого значения; по намекам профессора они пришли к заключению, что близится срок решительного эксперимента, что еще день-два — и...

Несколько раз их навестил Эндерсон. Бесспорно, нервное напряжение наложило и на него свой отпечаток. По всему было заметно, что он горит желанием поговорить о своих опытах и только огромным усилием воли заставляет себя молчать. Приятели не знали, восхищаться его самообладанием или сожалеть. У Дэвиса было ощущение, что именно Барнс настоял на сохранении тайны; об этом говорило и то, что до сих пор физик не опубликовал ни одной своей работы без того, чтобы предварительно не проверить ее два-три раза. Сколь ни бесила их подобная осторожность, они вполне ее понимали.

...Утром Эндерсон уехал в одной машине с профессором Фаулером, поскольку автомобиль физика забарахлил возле самых раскопок. В сущности, пострадали Дэвис и Бартон; опять им предстояло плестись на обеденный перерыв и обратно пешком. Но приятели были готовы примириться с такой участью, если их ожидание, как им намекали, действительно приближается к концу.

Фаулер и Эндерсон сели в «джип»; палеонтологи стояли рядом. Прощание было тягостным и неловким,

как если бы каждый читал мысли остальных. Наконец Бартон с присущей ему прямотой сказал:

— Ну, доктор, если уж решительный день настал, позвольте пожелать вам успеха. Надеемся получить на память снимок бронтозавра.

Эндерсон настолько свыкся с подобными подковырками, что почти не обращал на них внимания. Он усмехнулся без особой радости и ответил:

— Бессмысленно что-либо обещать. Все еще может рухнуть, и мы не придем никуда.

Дэвис по привычке проверил каблуком сапога, хорошо ли накачаны шины. Покрышки были совсем новые, с необычными зигзагообразными фигурами, каких он в жизни никогда не видывал.

— Как бы то ни было, мы надеемся, что вы все расскажете. В противном случае мы дождемся безлунной ночи и нагрянем в вашу лабораторию. А там уж сами докопаемся, над чем вы там колдуете.

— Если сумеете разобраться в нашем хаосе, — рассмеялся Эндерсон, — значит вы попросту гений. Полагаю, что и впрямь все пройдет хорошо, и тогда завтра вечером устроим маленькое пиршество.

— Когда вас ожидать, шеф? — спросил Дэвис.

— Около четырех часов.

— Хорошо. Будем ждать. Ни пуха ни пера

Автомобиль скрылся в облаке пыли.

Бартон манипулировал пневматическим молотком в самом конце траншеи, которая простиралась более чем на сто ярдов от рва. Дэвис занимался окончательной расчисткой только что открытых следов. Отпечатки лап чудовища были все так же редки и глубоки. Вот грозный зверь резко свернул в сторону, вот прибавил ходу, вот начал прыгать наподобие гигантского кенгуру. Бартон попытался мысленно представить такую картину: тысячекилограммовая живая махина, приближающаяся со скоростью экспресса. Если предположения их и в самом деле оправдываются, они смогут полюбоваться подобным зрелищем.

К концу дня они установили рекорд скорости на прорытии траншеи. Грунт стал мягче; Бартон продвигался вперед настолько быстро, что далеко обогнал Дэвиса. Поглощенные работой, они забыли обо всем на свете, и лишь ощущение голода вернуло их к действительности. Дэвис первым заметил, что уже вечереет, и подошел к другу.

— Уже половина пятого, — сказал он, когда шум молотка стих, — а шеф запаздывает. Неужели он забыл про нас и поехал прямо на ужин? Тогда ему нет прощения.

— Подождем еще полчаса, — сказал Бартон. — Думаю, что-то его задержало. Ну, например, перегорели предохранители. Да мало ли что могло случиться...

Но Дэвис не успокоился.

— Черт возьми, опять тащиться в лагерь? Взберусь-ка я на холм да погляжу, не покажется ли наш профессор.

Бартон вновь погрузил содрогающийся молоток в мягкий песчаник. Дэвис полез на низкий холм, венчавший древний берег давно уже мертвой реки. Отсюда вся долина виднелась как на ладони. Башни-близнецы резко выделялись на фоне однообразного пейзажа. Ни единое облачко дыма не указывало на движущийся где-либо автомобиль: должно быть, профессор Фаулер все еще был в лаборатории Эндерсона — Барнса.

Дэвис присвистнул от негодования. Плестись две мили после такого утомительного дня да к тому же опоздать к ужину! Он решил, что ждать больше бессмысленно, и уже начал спускаться по склону, когда внезапно что-то привлекло его внимание, и он снова оглядел долину.

Над двумя башнями — единственно видимой отсюда частью лаборатории — плавало марево. Он понимал, что за день башни могли нагреться под солнцем. Нагреться, но не раскалиться докрасна! Когда он вгляделся, то, к своему удивлению, обнаружил, что марево имело форму полушария с диаметром около четверти мили!

Неожиданно оно вспыхнуло, как бы осветилось изнутри странным светом. Ни ослепительного сияния, ни пламени — просто фосфорическая тень прошла по небу и мгновенно все расплавила. Марево исчезло, а заодно исчезли и две высокие башни.

Дэвис почувствовал, как ноги у него сами собой подкосились. Он рухнул на землю и открыл рот в ожидании взрывной волны.

Звук от взрыва не был особенно сильным: только продолжительный глухой гул пронесся и замер в спокойном воздухе. В замутненное сознание Дэвиса лишь теперь просочилась мысль, что пневматический молоток перестал грохотать, — значит, не таким уж тихим был взрыв, если Бартон его услышал.

Полная тишина. Ничто не двигалось в раскаленной солнцем долине. Дэвис дождался, покуда силы вернутся к нему, и, пошатываясь, спустился с холма.

Бартон, закрыв лицо руками, сидел на дне траншеи. Когда Дэвис приблизился, он поднял голову. Дэвиса испугало выражение его глаз.

— Значит, и ты слышал? — спросил Дэвис. — Мне кажется, вся лаборатория взлетела на воздух. Идем, медлить нельзя.

— А что я должен был услышать? — тупо спросил Бартон.

Дэвис изумленно поглядел на приятеля. И лишь теперь догадался, что Бартон и не мог ничего слышать: грохот пневматического молотка заглушал все посторонние звуки. Ощущение катастрофы нарастало с каждой секундой; он чувствовал себя героем древнегреческой трагедии, беспомощным пред неумолимой судьбой.

Бартон поднялся на ноги. Лицо его было искажено, и Дэвис понял, что тот на грани истерики. Но когда Бартон заговорил, голос его прозвучал удивительно спокойно.

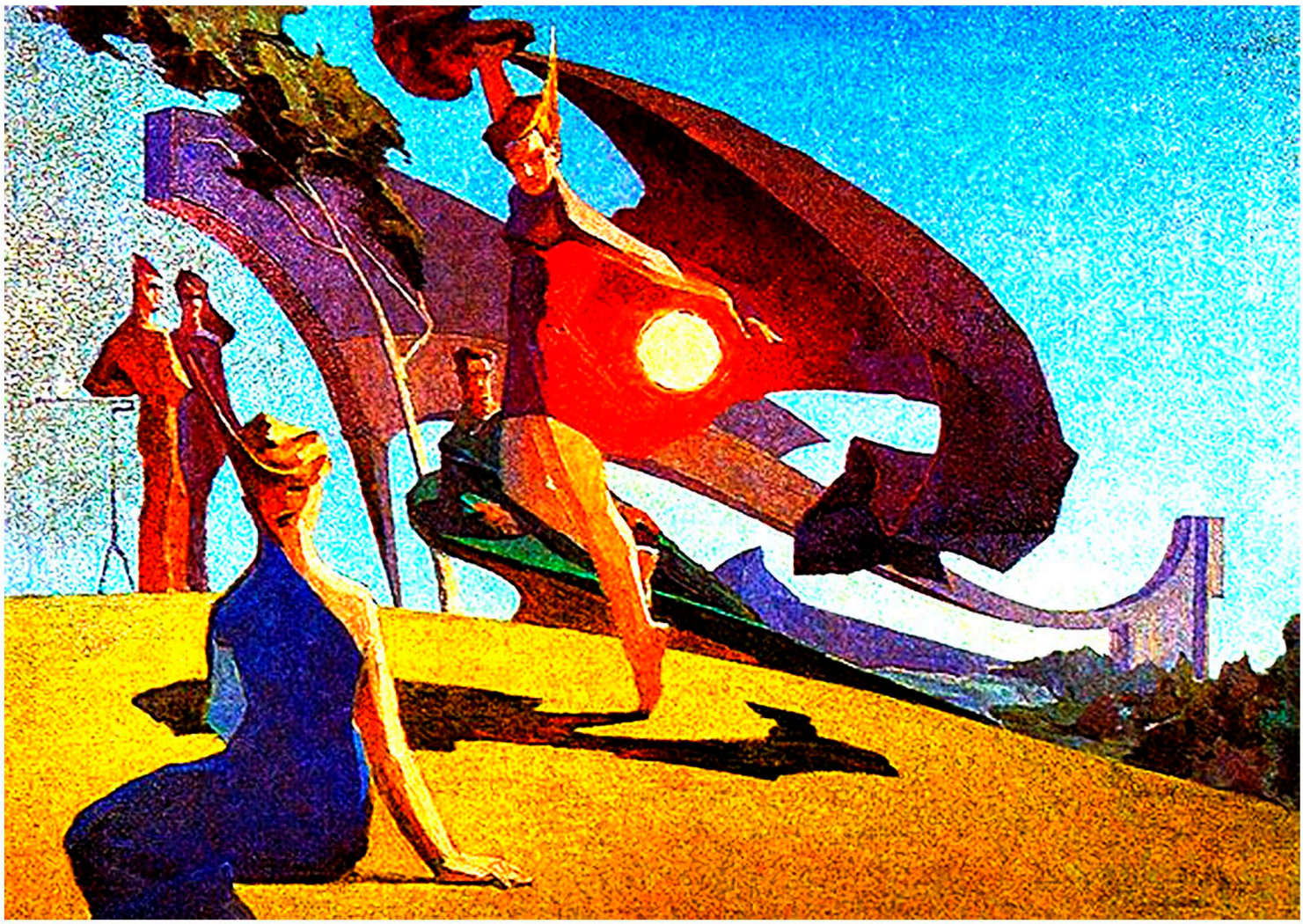
— Какие же мы были идиоты! — сказал он. — Доказывали Эндерсону, что он строит машину, способную видеть прошлое. Представляю, как он над нами потешался.

Дэвис машинально приблизился к краю траншеи и глядел на только что отрытый участок окаменелой почвы, куда впервые за пятьдесят миллионов лет падали теперь солнечные лучи. Он не особенно удивился, когда заметил навеки врубленные в глину отпечатки автомобильных шин — необычные зигзагообразные фигуры, те самые, что он разглядывал утром. Отпечатки были слегка размазаны, их оставил «джип», который несся на предельной скорости.

«Все ясно: чудовище гналось за «джипом», — подумал Дэвис машинально, хотя и понимал кажущуюся нелепость этой мысли.

Вероятно, все произошло именно так, поскольку в одном месте отпечаток протектора был накрыт следами чудовища. Следы были глубоко вдавлены в глину, как будто огромный зверь готовился к решительному прыжку на отчаянно убегавшую жертву.

Перевел с английского **А. Храменков**



Г.Голобоков «Танец с молнией»

Техника — молодежи 1971

Научно-фантастический рассказ

ГОРОД ОСЬМИ

Сергей ЖЕМАЙТИС

Рис. Р. Авотина

В минувшем году журнал «Техника — молодежи» (№ 8) опубликовал фантастический рассказ писателя С. Жемайтиса «Тигровая звезда». Судя по поступившим письмам, читателей заинтересовала дальнейшая судьба экипажа патрульной яхты «Золотая корифена» — японца Тосио-сэнсэя, русского Кости Фокина, француза Ива, от лица которого велось повествование.
«Город Осьминогов» — своеобразное продолжение «Тигровой звезды». Как и в предыдущем рассказе, действие разворачивается в далеком будущем, на коммунистической Земле.

Тосио-сэнсэй мастерски вел авиетку, стрелка высотомера, чуть вздрагивая, стояла на восьмистах метрах. Тосио, важный, с застывшей улыбкой, сидел, откинувшись в кресле пилота, и казалось, что летательный аппарат, проникнувшись к нам самыми нежными чувствами, бережно несет нашу троицу над Большой Лагуной. С высоты водная гладь кажется ровной и серебристой, потому что небо подернуто слоистыми облаками, на рифах вспыхивает пена прибоя. Множество судов лежат в дрейфе над площадью шельфа, по которому прошли Тигровые звезды, — там ведутся восстановительные работы: экипажи кораблей засаживают растениями и животными обглоданное коралловое дно.

Впереди на фоне зеленых гор показалась Лусинда — дом-город. Гигантское сооружение напоминало пирамиду, висевшую над водой. Южная грань пирамиды заслонила горы. Теперь уже можно было различить детали города: бульвары, парки, сбегающие плавными спиралями с двухсотого этажа к морю, причудливый рисунок движущихся тротуаров. Как солнечные блики на воде, вспыхивали и гасли бесчисленные окна, темнели арки, ведущие в недра города, окраска этажей гармонировала с цветом неба, моря и гор.

Диспетчер взял управление на себя, и наш аппарат снизился до пятидесяти метров, завис над посадочной площадкой, в ожидании, пока опустятся другие машины. Наконец робот посадил нас с края площадки, покрытой сероватой пружинящей травой. Подкатил небольшой автокар. Мы сели, и желтая машина, шурша, понеслась к подножью гигантской лестницы. Остановилась, и откуда-то из ее хрупких внутренностей раздался приятный женский голос:

— Добро пожаловать в наш город. Надеемся, что Лусинда вам понравится. Всего хорошего, дорогие друзья!

И хотя эту стереотипную фразу произнес автомат, все мы невольно поблагодарили и направились к знаменитой лестнице, ведущей к площади перед главными воротами города. Можно было подняться на одном из эскалаторов, но ими мало кто пользовался, только одинокая фигурка пожилой женщины виднелась на одном из подъемников, — жители города предпочитали одолевать спуск и особенно подъем без помощи механизмов. Это предписывалось врачами. Да, здесь жили сильные, тренированные люди, и ходьба по лестнице в тысячу ступеней входила в ежедневный комплекс физических упражнений.

На середине лестницы раздался уже знакомый голос:

— Трое молодых людей с «Золотой корифены»!

Мы остановились.

— Продолжайте восхождение, только одному из вас, идущему посередине, не следует так много говорить и размахивать руками: от этого сбивается ритм дыхания и работа сердца.

Костя покачал головой:

— Вот не было печали. Прямо детский садик. Нас прослушивают и просматривают насквозь!

— Старайтесь настраиваться на положительные эмоции, — посоветовал незримый попечитель.

Костя вспылил:

— Но я не маленький в конце концов и привык к резким нагрузкам! Прошу вас не беспокоиться о моем здоровье.

— Извините, но у вас повысились пульс и кровяное давление. Идите медленней, дышите глубже...

Мы с Тосио захохотали. Костя крепился несколько секунд и тоже засмеялся.

— Прекрасно! Все входит в норму, — раздался тот же ровный голос. — Смех — самое целебное из средств, которыми располагает человек. Смейтесь чаще! Берегите хорошее настроение. Создавайте его сами. Улыбайтесь!

— Вы гости Лусинды! — продолжал другой голос, теперь уже баритон. — В город вы можете войти через любые ворота, их ровно сто пятьдесят. Но если вы дорожите временем, — а кто им не дорожит! — то советую следовать к Голубым воротам. Ваши квартиры находятся на сороковой террасе с видом на горы и океан.

— В конце концов эта торжественная встреча мне нравится, — сказал Костя. — Как они подобрали голоса!

— Вы здесь впервые? — откуда-то раздался вкрадчивый голос на этот раз пожилого человека, пропитанный таинственностью. — У вас возникает множество вопросов? Задавайте, я охотно отвечу.

НОГОВ

— Мы вам очень благодарны, — сказал Тосио. — Еще нигде на нашей планете мы не пользовались такой любезностью, и нам не хотелось бы обременять вас...

— Лучше всего молчать, — шепнул я. — Это же компьютер Васюкова!

— Да, вас обслуживает компьютер Васюкова, рассчитанный на неограниченное число клиентов...

Костя потянул нас в сторону, прямо через цветочную стену.

Мы выбежали на газон. Навстречу нам летела кавалькада мальчишек и девчонок, сидевших на гиппи-гиппи, механических лошадях, жирафах, бизонах, зебрах, ламах и еще каких-то странных существах из полимеров. Ребята пролетели мимо, глаза их горели восторженным огнем.

В город вели массивные ворота, облицованные голубой глазурью, с мозаичными панно и орнаментом из рифовых рыбок. Мы только покосились на эти шедевры декоративного искусства и, видимо, тотчас же привлекли внимание робота, стоявшего у входа. Он изрек:

— Приветствую вас, славный экипаж «Золотой корифены»! Для вас отведены квартиры на сороковой террасе, номера 98, 99 и 100. Плодотворного отдыха.

Тем временем Костя остановил девушку с ластами, перекинутыми через плечо, и попросил указать путь к нашему жилищу. Она окинула его взглядом модных фиолетовых глаз и быстро все объяснила.

— Счастливого дня! — сказала она, улыбаясь. — Я живу в северном районе, на второй террасе, в Синем доме. Вы откуда?

— С «Золотой корифены», — ответил Костя и представил нас фиолетовоглазому существу.

— Простите, а это что такое — «Корифена»? Рейсовый авиалайнер или планетолет?

— Патрульная яхта. Вы, вероятно, слышали о Тигровых звездах? — спросил я.

— Тигровых? Нет, не слышала.

— Все же будьте осторожны, если вам разрешат купаться, — предупредил Тосио и начал рассказывать об этих чудищах.

— Как интересно!.. А мы неделю сажали эвкалипты в Большой пустыне. Все же я попытаюсь выкупаться в море. — На прощанье она еще раз напомнила, что живет на второй террасе, в Синем доме, и, кивнув, побежала к морю.

Мы поднимались в вагончике спиральной дороги, любуясь панорамой лагуны и гор, затянутых жаркой дымкой испарений. Костя вглядывался в хмурый горизонт и говорил, щурясь от солнца:

— Скоро подует ветерок, а мы будем сидеть в этой громадине и сочувствовать плавающим в лагуне и ее окрестностях. Хотя народ уже убрался. Последняя шхуна идет в гавань. Сейчас примем душ, поедим, затем визит к капитану яхты «Катрин». Нюра обещала ждать в пятнадцать. У нас в распоряжении сорок пять минут...

В наших микроприемниках послышались сигналы «боевой тревоги». Сам вечно бодрствующий Чандра Бос объявил с Центрального Поста, что новые лавины Тигровых звезд поднимаются из океанических глубин на Большой барьерный риф. Он призывал команды патрульных судов приготовиться к отражению атаки, а всем акваланги стам «группы А» уже сейчас приступить к разведке и ликвидации передовых отрядов «противника» (он так и сказал «противника») немедленно!

По инструкции, полученной сегодня утром, в случае опасности нападения мы должны были возглавить один из отрядов подводного города, что находится в двух милях к югу от Лусинды на глубине сорока метров.

— За мной, ребята! — крикнул Костя. — Смотрите! Вон стойла для гиппи-гиппи.

Костя захватил «мустанга», Тосио скакал на «кенгуру», а мне достался шестиместный «ящер» — очень удобный, но тихоходный, рассчитанный на малышей, и я сразу безнадежно отстал. В конце концов мне пришлось бросить «ящера» и бежать к тоннелю, ведущему в подводный город. Дорогу показывали вездесущие роботы. Не пробежал я и половины пути, как позади послышалось характерное громыханье и хор веселых голосов:

— Ив, садись!

На моем «ящере» мчались девчонки с «Катрин», впереди сидела Нюра, ее рыжие волосы развевались, как знамя.

Я сел позади капитана, и «ящер» рванулся к морю.

— Что с ним произошло? — крикнул я Нюре.

— Сняли регулятор! — ответила она, повернула один из рычагов на шее «ящера», и он стал выжимать из всех двигателей все до последней капли. Регуляторы движения по обе стороны голубого шоссе налились малиновым светом, зазвучали басовые сигналы «смертельной угрозы». Все автокары будто сдуло ураганом с голубого покрытия шоссе. Каждую секунду поперек дороги ло-

КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ

жились предупредительные черно-желтые световые «шлагбаумы», но мы переезжали их и летели дальше. Неподалеку от тоннеля «ящер» всхлипнул, сбавил скорость и, остановившись, тяжело опустился на брюхо. Девчонки в разноцветных купальниках слетели на землю и помчались последние триста метров с завидной скоростью, несмотря на тяжелые акваланги за спиной, электрические дротики в руках, а также пистолеты у пояса. Я бежал рядом с Нюрой.

— Вы патрулируете Гавань? — спросил я.

— Нет, город Осьминогов. Гавань отдана местным охотникам за акулами.

— Прекрасно! Вы тогда, вероятно, в нашей группе?

— Да, почти... Вы входите в наш отряд.

— Но Чандра?..

— Да, распоряжение Чандра. Я же родилась в городе Осьминогов, и трое из девчат — тоже. Акваланги вам приготовлены на контрольном посту. Мы отправляемся первыми! Мы разведчики! Будем держать постоянную связь. В шлемах гравитационные телефоны!

И новая неожиданность: начальником нашего звена оказалась Лина — фиолетовоглазая девушка, которой Тосио рассказывал о Тигровых звездах.

Тоннель построили главным образом для аквалангистов, живущих в городе Осьминогов. Он выводил за полосу прибоя и опасный участок коралловых рифов, где сейчас, помимо акул и барракуд, могла затаиться Тигровая звезда.

За двенадцать часов, как мы вышли из игры и расслабились в предвкушении отдыха, Совет охраны морей перебросил в Лусинду и на острова Кораллового моря новейшие модели автороботов, четыре таких экземпляра поджидали нас посреди тоннеля: обтекаемой формы, четверорукие, они источали желтый свет; один из них примкнул к нашему звену, и Лина, ухватившись за скобу на его спине, приказала ему плыть вперед по тоннелю.

Почему-то это короткое плаванье по подводному коридору необыкновенно ясно запечатлелось в памяти. Видимо, немало способствовали тому необычность происходящих событий, шумная команда «Катрин», фиолетовоглазая Лина, роботы-амфибии, а также освещение тоннеля. Никогда мне не приходилось плавать в воде такого восхитительного цвета и чистоты. Нас провожали стаи рифовых рыб самых необыкновенных форм и окрасок.

Тоннель скоро окончился, и мы поплыли по Большой коралловой аллее. На коралловых ветвях по обеим сторонам рдели лунообразные светильники. Показались первые одинокие здания из стекла и литого базальта — виллы любителей уединения, вынесенные за пределы городской черты. Здесь мы несколько задержались. Автоматическая служба наблюдения и обороны города Осьминогов передала о появлении большой белой акулы, или «белой смерти», как ее называли наши предки, не располагавшие достаточной защитой в море. Пятиметровая хищница мелькнула впереди и начала ходить по кругу, все время сужая его.

Нюра Савина, находившаяся со своей группой в ста метрах вправо от нас, спросила:

— Лина, ты видишь «белую смерть»?

— Да! Пусть подойдет поближе, на выстрел, мои мальчики с ней живо разделаются!

— Береги заряды. Испытай своего Тритона.

Робот-амфибия ринулся на акулу и поразил ее из ультразвуковой пушки. Парализованная хищница, повернувшись кверху брюхом, стала медленно опускаться на дно. Тритон вернулся к Лине, и мы продолжали путь.

Костя сказал:

— Серьезный парень наш Тритон. Но я предпочел бы настоящую охоту, один на один.

— И я, — ответила Лина, — но у нас нет времени. Обещаю тебе, Костя, устроить сафари и на белых, и на тигровых акул, вот только разделаемся с вашими звездами. Заходи слева и цепляйся за скобу, Тритон потянет двоих...

Отряд плывет в полной тишине, не считая обычных шумов моря и сигналов стражей города. Мы уже парили над его широкими улицами, между приплюснутых зданий странной архитектуры, соединенных прозрачными галереями. Дома напоминали стилизованных морских животных самой разнообразной расцветки, контрастирующей с пейзажем, — такой дом легко найти. Близились земные сумерки, и свет рекламных панно — указателей наименований улиц — померк. В застывшей тишине проносились стайки рифовых рыб; они проплывали, не уступая нам дороги, и приходилось притормаживать ход, пропуская эти яркие создания, порхавшие, как бабочки, над скверами из декоративных водорослей, клумбами из анемон, лилий, морских перьев и других видов растительной и неподвижной животной фауны, которая покрывала улицы и площади города Осьминогов.

Стали поступать сообщения о Тигровых звездах: несколько экземпляров появились на восточной окраине и были обезврежены отрядом местной дружины самообороны, состоявшей, как и большинство населения города, из людей пожилых — любителей тишины и уединения.

Несколько зданий в центре города, построенных из стекла и бетона, были прозрачны; в одном из них, похожем на медузу, сквозь куполообразную крышу мы увидели лабораторию. За столом сидел над молекулярным микроскопом небольшой сгорбленный человечек, у ног его лежал дог — черный, с белыми пятнами.

От созерцания этой идиллии меня отвлекло совершенно невероятное известие.

Невероятным в нем было то, что Тигровые звезды не двигались, как прежде, по грунту, а плыли, огибая препятствия. Костя и здесь нашелся.

— Ничего удивительного, — сказал он. — Мы уже были свидетелями, как они взбирались на палубы судов...

И новое сообщение, заставившее нас занять круговую оборону: погиб один из бойцов-дружинников, вступивший в борьбу с Тигровой звездой. Штаб приказал бойцам уйти в укрытия и предоставить поле боя «специальным частям», то есть нам. Считалось, что мы вооружены самыми современными средствами борьбы. Дежурный по штабу подозрительно бодрым голосом информировал жителей города:

— Отряды располагают новейшими моделями роботов-амфибий, вооруженных ультразвуковыми пушками; каждый боец снабжен игольчатым ампулометом, электрическими гарпунами и вибраторами Симада, лишающими Тигровую звезду ориентировки.

В заключение дежурный послал нам приветствие и выразил надежду, что мы к утру очистим «небо» над городом, и пообещал слушателям, что самые захватывающие эпизоды битвы с пришельцами из глубин Кораллового моря будут немедленно передаваться по телевидению.

Вступил мягкий женский голос:

— Дорогие друзья, вы видите мутанта Тигровой звезды. По всей вероятности, это потомок «подушки акулы», хотя у специалистов есть серьезные возражения на этот счет. Видите, она парит, как манта, у которой видоизменились «крылья», но это чудовище в три раза больше самой крупной из мант! Она движется не только с помощью своих бесчисленных «рук», в данный момент похожих на чудовищные перья. Вы замечаете в этом ракурсе, какое у нее поразительное сходство с гигантским глубоководным кальмаром? Кошмарное создание, не правда ли? Как мы еще мало знаем мир, в котором живем, глубины океана, лежащие от нас всего в нескольких километрах... — Помолчав пару секунд, дикторша продолжала: — Кажется, мутант заинтересовался нашей обзор-

ной башней. Плывет прямо на меня... Теперь, дорогие телезрители, вы не видите его: он вышел из поля объектива... — Послышалось частое дыхание дикторши, ее сдавленный крик, что-то затрещало, зазвенело, и все стихло...

Весь наш отряд собрался над центральной площадью, и мы на предельной скорости поплыли к Информационному центру. Тут же в моем шлемофоне раздался характерный треск: Тосио дал очередь из пистолета по первой Тигровой звезде, ползшей между зданиями. Кто-то еще выстрелил: показалось множество тигровок, но Нюра Савина приказала прекратить стрельбу. Тигровки сейчас казались безобидными созданиями перед невиданным чудовищем, напавшим на подводный телецентр.

Отряд двигался без остановок. Почему-то молчали станции наблюдения. Наконец, диктор отдела информации тем же подозрительно бодрым голосом сказал, что для тревог нет опасений, видимо, «пришелец из глубин» повредил передаточные антенны, и сейчас «специальная часть» займется исправлением, а заодно и охотой за чудовищем, столь бесцеремонно нарушившим покой горожан. Он сказал, что временно прекращает передачи, так как город объявлен на осадном положении и вся связь переходит в руки штаба обороны.

Громко сказано — штаб обороны!

Внезапно город погрузился в темноту, только рдело несколько луноподобных светильников, которые можно было легко спутать с телами фосфоресцирующих медуз, на разных горизонтах повисших над городом.

Странная, гнетущая тревога охватила нас. Пловцы жались друг к другу.

— Включите свет! — приказала Савина.

Рефлекторы, направленные на дно, осветили красный купол главного здания телецентра, затем башню, вернее, то, что от нее осталось: зубчатое основание, груду стекла, зловеще сверкавшего среди темных водорослей.

— Скорость пять километров! — приказала Савина. — За мной!

— Я не могу! — простонала одна девушка из команды «Катрин». — У меня руки... Пистолет.

Тосио подхватил аквалангистку, медленно опускавшуюся на дно.

— Возьмите себя в руки, — как-то вяло сказала Савина. — Все это совсем не страшно. У нас Тритоны...

«Оно» показалось совсем близко. Я разглядел огромные глаза, бесконечно длинные руки. «Оно» повисло над стеклянной галереей, соединяющей телецентр с соседним зданием, и галерея стала разваливаться —

дробились стены, рушились мощные опоры, тучей поднимался песок, ил, обрывки водорослей.

Костя и Тосио открыли огонь из пистолетов, только «оно» не обратило на это никакого внимания, а может быть, ребята мазали. Я не стрелял, а с любопытством и без всякого страха рассматривал чудовище, медленно скользившее к другой галерее. Стекло почему-то вызывало у него гнев. Может быть, длинная галерея ассоциировалась в его мозгу со щупальцами врага, «оно» видело в них угрозу и уничтожало своим мощным ультразвуковым локатором?

«Оно» проплыло совсем близко от нас и осталось безучастным к нашему отряду, только повело было в нашу сторону щупальцами и, будто раздумав, отвело назад.

— Стреляйте! — задыхаясь, крикнула Нюра. — Ультразвуковой! Тритонами! Черт подери!

Три наших командира почти одновременно открыли огонь из пушек.

«Оно» дрогнуло, его перепончатая мантия раздулась, затрепетала, чудище с непостижимой скоростью отпрянуло в темноту.

— Уф, ну дела, — тяжело вздохнув, сказал Костя. — Кажется, мы его подбили... Но что с вами? — и он подхватил аквалангистку, потерявшую вдруг сознание; они с Тосио по приказанию Савиной перешли в центр нашего замкнутого кольца. Еще более тягостное, тошнотворное чувство охватило меня, хотелось на все махнуть рукой и опуститься на дно, где тягучей массой двигались Тигровые звезды.

«Оно» — их вождь, — вяло пронеслось в голове. — И совсем неплохой парень этот вождь... Как он бьет стекла, приятно посмотреть. Пусть бьет, а я отдохну».

— Идиот! Ты что? — услышал я Костин голос и почувствовал удар между лопаток. — Болван, цепляйся карабином к моему поясу!

Но у меня уже прошло отупение, вернее, «оно» перестало обстреливать нас. Видимо, я попал в центр пучка его убийственного радара и поэтому так скверно вел себя. Минуло более часа после начала схватки с «Кальмаром океанских глубин» (так назвал хищника один из репортеров Всемирного вещания), нам же казалось, будто прошло всего несколько минут. За это время Совет Лусинды мобилизовал все свои ударные силы, и мы слышали и видели работу аквалангистов: треск выстрелов, отрывистые команды. Наконец загорелись светильники.

И все-таки нам стало не легче. Предстояло пережить еще немало неприятных минут. Савина сказала, чтобы о нас не беспокоились, что мы и сами разделаемся с противником. И все же к нам подплыл батискаф, оснащенный мощным прожектором.

Прожектор осветил чудовище. «Оно» находилось метрах в пятидесяти. Вначале «оно» было свинцово-серым, затем стало раскаляться, как древесный уголь.

— Как он похож на дракона, — сказал Тосио.

Отряд аквалангистов Лусинды дружно застрекотал своими иглометами. Тритоны открыли огонь из пушек. Пришелец позеленел и двинулся на нас, медленно вытянув вперед «руки» с пальцами-крючьями.

Савина бросила на таран своего Тритона. Вначале он рванулся, как бывало, но затем сбавил ход, остановился и разломился надвое; та же участь ожидала и нашего робота, посланного Линой. Последнего Тритона «оно» схватило «руками» и свернуло в штопор. Теперь под воздействием радара оказались ребята из Лусинды, и мы могли видеть, как безвольно застыли они в разных позах, забыв об оружии. Зато наш отряд оказался в наивыгоднейшем положении — пришелец открыл свой левый бок.

Костя и Тосио выстрелили первыми. На этот раз тысячи игл вонзились в не защищенные панцирем бока чудовища, были поражены и глаза. Краски пришельца стали меркнуть, щупальца опускаться вниз, и сам он, застыв вначале на месте, начал опускаться на рощицу водорослей.

Г.Голобоков «Друзья»

«Экскурс в прошлое»

Михаил ПУХОВ

КАРТИННАЯ

Небо было пусто. Лега не проползла еще и четверти дневного маршрута, и ее законное место в зените занимала сейчас изогнутая полоска Бетона. Бледный серп естественного спутника Беты очень напоминал бы облачко, если бы не четкость очертаний. Настоящих облаков на небе, как всегда, не было, и ничто там не появлялось, хотя все сроки давно истекли. Подобным дурным приметам следует верить — даже древние узнавали расположение богов по расположению звезд и другим небесным явлениям.

Другое дело, что глазеть на небеса бессмысленно. Эволюция наделила человека прекрасным зрением, но и слухом она его не обделила. А когда придет «Лунь» — примем как аксиому, что это все-таки случится, — грохот будет стоять такой, что даже камни на вершине Картинной Галереи услышат и, поколебавшись немного, не удержатся и покатятся сюда, вниз.

Павлов перевел взгляд на шершавый гранит скалы, и вовремя, потому что рейсфедер, провисевший над карнизом почти сутки после вчерашнего ужина, начал изготовление новой ловушки.

Некоторое время Павлов следил, как рейсфедер, аккуратно переставляя волосатые лапы, совершает челночные рейсы по выбранному участку скалы, кое-где оставляя после себя пятна черной смолы, запах которой должен завлекать местную живность на погибель. Конечно, невооруженным глазом Павлов не мог различить ни волосатых ног, ни черных блестящих капель, — выручало воображение. Вот через час, когда точки сольются в линии, а линии — в силуэт, надо будет внимательно рассмотреть творение рейсфедера в бинокль и сделать снимки, если это действительно что-то оригинальное. Бесполезно угадывать смысл телеизображения по первым строкам развертки, если всего их несколько тысяч.

Ровная треугольная стена Картинной Галереи уходила в бескислородное небо Беты на добрую сотню метров, почти сплошь покрытая тщательно выполненными рисунками, которые составляли ее единственное отличие от других скал, в беспорядке торчавших из причудливого леса. Рейсфедеры не отличаются общительностью, и ближе, чем на километр, они друг к другу в обычное время не приближаются. И как только самцы находят самок в брачный период? Но никто никогда не наблюдал, как рейсфедер покидает насиженную скалу и отправляется в опасное путешествие через мстительный лес.

А сейчас из леса, напоминающего склад колючей проволоки, появился Сибирин. Он подошел молча и остановился рядом с Павловым, похожий из-за скафандра на робота.

— Ну как? — спросил Павлов. Он ничего не имел против своего напарника, но его раздражала привычка того молчать, когда от него ждут информации.

— Ничего нового, — ответил Сибирин. — Связи опять не было.

Павлов ничего не сказал. Ракетобус «Лунь» снабжал планетные отряды экспедиции всем необходимым. Если бы он появился с опозданием на одной из центральных планет, где люди ходят в шортах и пьют воду из родников, ничего страшного не произошло бы. Но группа Бета нахо-

дится, можно сказать, на привилегированном положении.

— Я разговаривал с Базой, — сказал Сибирин. И опять замолчал.

— И что?

— И ничего, — сказал Сибирин. — Вершинин стартовал с Альфы согласно графику. Полет проходил нормально. А потом он не вышел на связь.

— И всё?

— Ракетобус исчез уже где-то в нашем районе, — сказал Сибирин. — Радары с Базы обшарили все прилегающее пространство, но безрезультатно. А что они могли увидеть на таком расстоянии?

— И там думают, что «Лунь»... — начал Павлов.

— Нет, — сказал Сибирин. — Возможно, у них авария двигателя.

— А почему тогда нет связи?

— «Лунь» — фотонный корабль, — объяснил Сибирин. — Отражатель и антенна у него совмещены.

— Ясно, — сказал Павлов. — Хотя постой. Если «Лунь» находится в нашем районе и если у них просто авария двигателя, они могли бы добраться до нас на боте.

— Безусловно, — сказал Сибирин. — Но Вершинин оставил бот на Альфе. Их орбилет стоит на профилактике, и горит программа исследования экзосферы.

— Вершинин добр, — сказал Павлов. Он помолчал. — А что они еще сообщили?

— Они посоветовали нам переходить на режим экономии, — сказал Сибирин. — Они выслали беспилотный грузовик, самый быстрый. Он прибудет через две недели.

— А мы не можем выйти навстречу?

Каждая планетная группа имела в своем распоряжении небольшой четырехместный орбилет, предназначенный для исследования верхних слоев атмосферы. Иногда орбилет использовался для встречи с ракетобусом «Лунь» на низкой орбите. Это происходило обычно при смене состава группы или в случаях, когда посадочный бот «Луня» по каким-либо причинам не функционировал. Например, когда Вершинин оставлял его на Альфе.

— На нашем-то тихоходе? — спросил Сибирин. — А что мы можем? В крайнем случае добраться до Бетона.

— Плохо, — сказал Павлов. — Две недели мы не протянем.

— Что об этом говорить, — сказал Сибирин. — Чему быть, того не миновать. Глядишь, так и войдем в историю. С самого черного хода.

Они замолчали. «Странно, что так трудно поверить, что через неделю тебя не будет, — подумал Павлов. — Все слова произнесены, все ясно, но воспринимать это как неизбежную реальность невозможно. Человек — великий логик, но в подобных обстоятельствах логика отступает на второй план, уступая место надежде. Возможно, это и к лучшему. Сейчас мы пойдем подготавливать материалы для тех, кто придет после нас, оформлять отчеты, излагать на бумаге последние мысли, писать прощальные письма и вообще делать все, что положено. Но поверить в это мы не поверим, пока не кончится кислород».

— Кажется, один из нас в нее уже попал, — сказал Сибирин.

Павлов повернулся к нему. Сибирин стоял, запрокинув голову, и смотрел в бинокль на вершину Картинной Галереи. Рейсфедер под карнизом исполнил примерно треть своего очередного шедевра. Различить что-нибудь на таком расстоянии было, конечно, невозможно.

* ГАЛЕРЕЯ *

Научно-фантастический рассказ

Рис. Р. Авотина

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

— Взгляни сам. — Сибирин протянул бинокль.

На скале, как на фотографии, была изображена груда камней, бесформенных, кроме одного. Этот камень имел правильные полукруглые очертания и представлял собой на самом деле верхнюю часть головы человека в скафандре. Из-под щитка шлема блестели чьи-то глаза. Очередь носа еще не наступила. Иногда в поле зрения попадали волосатые паучьи ноги рейсфедера или его каспинный глаз, похожий на объектив фотокамеры. Рейсфедер входил в рабочий ритм.

— Тогда это я, — сказал Павлов. — Он начал рисунок, когда ты еще не появился.

— Разве это важно?

— Механизмы восприятия у всех разные, — объяснил Павлов. — Для человека действительность — это кинофильм, цветной, объемный и так далее. Для рейсфедера это скорее ряд медленно проявляющихся и медленно сменяющихся фотопластинок. Во время работы запись не может ни исказиться, ни стереться из его памяти.

Сибирин кивнул.

— Ясно.

— Меня удивляет другое, — сказал Павлов. — Раньше он никогда не изображал людей. Почему это вдруг взбрело ему в голову?

— Начинать никогда не поздно, — сказал Сибирин. — И не нужно приписывать животным человеческие мотивы поведения. «Что-то» может прийти в голову только человеку.

— Спасибо за объяснение, — улыбнулся Павлов. — Пошли лучше к себе. Надо все привести в порядок, а ждать бессмысленно. Я наведаюсь сюда сделать снимки попозже.

Некоторое время они шли через лес молча, внимательно следя за тем, чтобы ветви колючих растений не повредили защитную ткань скафандров. Потом Сибирин вдруг засмеялся.

— Что с тобой? — спросил Павлов.

— Я вспомнил теорию Пратта насчет рисунков рейсфедера.

По спине Павлова пробежал холодок.

— Тебе повезло, если она несостоятельна, — добавил Сибирин.

Когда люди Пратта, высадившиеся в системе Леги век назад, впервые увидели наскальные росписи Беты, они потратили немало времени и сил на розыски разумных обитателей планеты, прежде чем удалось выяснить, что автором рисунков является, по земным понятиям, обыкновенное насекомое, а сами рисунки представляют собой просто ловушки для других представителей фауны. На скалах изображалась обычно мелкая живность, преимущественно летающая, и это дало Пратту основание предположить, что рейсфедер рисует в каждом данном случае именно то животное, которое хочет заполучить к себе в сети. Что намеченная жертва, видя издали свое увеличенное изображение, принимает его за другое существо своего вида, хочет познакомиться с ним поближе и заканчивает жизненный путь в желудке хищника.

— Несостоятельна — не то слово, — сказал Павлов, хотя ему было неприятно. — Бесспорно, часто так и бывает. Но Пратт считал, что рисунки рейсфедера оказывают на обитателей Беты гипнотическое воздействие, что они обладают магической притягательной силой. А это уже весьма сомнительно.

— Насколько я понимаю, обратного тоже никто не доказал, — спокойно сказал Сибирин.

«Мистика, — подумал Павлов. — Человек странно устроен. Даже стоя на пороге неизбежной смерти, он боится всякой иррациональщины. Все суеверны. Глупо».

— Даже при всем желании я не смогу подняться на Картинную Галерею, — сказал он. — Так что все это вздор.

— Мир полон тайн, — заключил Сибирин. — Но мы не умеем их рационально использовать. Например, рейсфедер. Мы определили химическую формулу его смолы и приготовили лучший в мире клей. Не лучше ли было приспособить рейсфедера как своеобразный живой фотоаппарат? Ведь его рисунки необыкновенно точны.

— Верно, но ты не заставишь его рисовать то, что ты хочешь, — сказал Павлов. — А иногда он изображает вещи, которых вообще не существует. Оказывается, у него есть некоторая склонность к абстракции.

— Что-то я о таком не читал.

— Ты и не мог читать об этом, — сказал Павлов. — Сейчас я покажу тебе несколько фотографий.

— Значит, тебя можно поздравить? — сказал Сибирин. — Определенно метишь в историю.

Они приблизились уже к зданию станции, стоявшему на неширокой каменистой площадке среди леса. Станция была стандартная, двухместная, хотя при необходимости здесь могло разместиться и десятеро. Они подождали в тамбуре, пока давление выровняется. Потом, когда дверь отворилась, они сняли скафандры и вошли внутрь под купол.

— Показывай, что ты там такое открыл, — напомнил Сибирин.

— Сейчас.

Купол станции был абсолютно прозрачен, только его восточный край был наглухо закрыт фильтром, предохранявшим не защищенные скафандром глаза от яркого сияния Леги. Прямо над головой парил узкий серп далекого Бетона.

Павлов вытащил фотоальбом из ящика стола и открыл его на нужной странице.

— Полюбуйся.

С прекрасно выполненной черно-белой фотографии на них смотрело чудовище. Бесформенное, аморфное, бесхребетное, оно вытягивало неуклюжие щупальца, карабкаясь по странно гладким, лучистым, кристаллическим скалам, сверкающим зеркальными гранями.

— Ты встречал на Бете что-нибудь подобное?

— Нет. Хотя постой. Одна из предыдущих групп занималась здесь микробиологией. В их отчете есть очень похожие фотографии, — Сибирин засмеялся. — Но у рейсфедера нет микроскопа. Так что ты, видимо, действительно сделал открытие.

Павлов медленно закрыл альбом и положил его на место. Потом он поднялся.

— Эти рисунки я уже описал, — сказал он. — Делать мне больше нечего. Пожалуй, пойду сделаю снимки. Их ведь тоже надо описать.

Сибирин внимательно на него посмотрел.

— Знаешь что, — сказал он. — Все мы прекрасно понимаем, что это вздор. Что ты не сможешь подняться на Картинную Галерею, что рисунки рейсфедера не оказывают гипнотического воздействия на человеческий организм и так далее. Но мне будет спокойнее, если ты посидишь здесь. Я сам сделаю снимки.

— Но мне здесь просто нечего делать.

— Займись чем-нибудь, — сказал Сибирин. — Поработай пока на рации.

Он пошел в тамбур. Павлов следил по контрольному пульту за его выходом. Потом повернулся к радиостанции и надавил клавишу с надписью «Местные линии».

— Здесь станция Бета, — сказал он. — Станция Бета вызывает ракетобус «Лунь»...

Он повторил эту фразу несколько раз, переставляя слова, потом выждал положенные пять минут, снова повторил серию вызовов, опять подождал пять минут, и еще столько же — на всякий случай. Потом он нажал клавишу с надписью: «Центр».

С Базой, которая находилась на расстоянии миллиарда километров от Беты, двусторонней связи в

обычном понимании быть не могло, потому что запаздывание радиоволн составляло порядка часа. Поэтому связь строилась на принципе «диалога глухих» — База постоянно передавала соединенные в одно целое сообщения для удаленных планетных групп, и это выглядело как обычная передача последних известий. Если радистам Базы требовалось ответить на чье-нибудь донесение, они включали ответ в очередную сводку. В других случаях содержание программы не изменялось.

Павлов, включив радиостанцию, очутился, естественно, где-то в середине передачи, дослушал ее до конца, а потом с самого начала до того места, где он включился. Ничего нового по сравнению с тем, что передал ему Сибирин, Павлов не услышал. Тогда он выключил радиостанцию, потому что дверь тамбура отворилась.

— Можешь меня поздравить, — сказал Сибирин, освободившись от скафандра. — Меня он тоже изобразил. Вот смотри.

Павлов взял фотографию. Картина была написана тщательно, со всеми подробностями. На каменистой площадке среди валунов стоял человек в скафандре. Рядом сидел другой. Оба смотрели вверх, точно ждали, что из объектива невидимого для них фотоаппарата сейчас вылетит птичка.

— Странно, — сказал Павлов.

— Ты имеешь в виду ракурс? — спросил Сибирин. — Но он на нас так и смотрел — сверху вниз. Меня лично больше радует, что я теперь тоже вроде как попал в историю.

— Странно, — повторил Павлов, глядя на фотографию. — Я что-то не помню, чтобы ты сидел.

— Я действительно не садился, — сказал Сибирин. — У меня нет такой привычки. Это ты сидишь. Я вот он, стою.

— Я? — сказал Павлов. — У меня тоже нет такой привычки. Кроме того, неужели ты не видишь, что это не мое лицо?

— За скафандрами плохо видно, — сказал Сибирин. — Но на мое оно еще меньше похоже.

— Ты прав, — растерянно сказал Павлов.

Он смотрел на фотографию. Тот, кто стоял, был не он. А сидящий не был Сибириным. И у них обоих нет привычки сидеть на камнях под Картинной Галереей. Это были другие люди.

Рейсфедер изображает действительность — когда это действительность — абсолютно точно. Ошибок он никогда не делает.

Но другие люди не появлялись на планете уже четыре недели. Ни на самой Бете, ни даже в ее окрестностях.

— Послушай, — сказал Павлов. — У тебя есть портрет Вершинина?

— Где-то есть. Зачем он тебе понадобился?

— Тащи его сюда, — сказал Павлов.

Он смотрел на репродукцию наскального изображения. «Как мало мы знаем о животных! — думал он. — Даже о тех, с которыми сталкиваемся ежедневно. Что мы знаем об их органах чувств? Сибирин сказал, что у рейсфедера нет микроскопа. А вдруг ему и не нужен микроскоп? Вдруг он может видеть микроорганизмы так же отчетливо, как мы видим себе подобных?..»

— Вот тебе Вершинин, — сказал Сибирин. — А вот его штурман, Серов. Я захватил его на всякий случай.

Павлов смотрел на фотографии. Он слышал дыхание Сибирина, который разглядывал их через его плечо. Ошибки быть не могло.

— Да, — сказал Сибирин после непродолжительного молчания. — Именно такое рациональное использование я и имел в виду. Но... Я понимаю, что сверху ему виднее. Что он мог увидеть их оттуда, незаметных для нас, если они приземлились за скалами. Но почему мы тогда не слышали, как они садились?..

Павлов ответил не сразу. «Так уж мы устроены, — думал он. — Мы невольно приписываем животным человеческие мотивы поведения, наши мысли и наши чувства. И то, что некоторые змеи реагируют на тысячные доли градуса, а птицы ориентируются по магнитному полю, ничему не может нас научить. Мы судим о животных с позиций антропоцентризма. И слишком часто ошибаемся».

— Иди готовь орбилет, — сказал он. — А я пошлю радиограмму на Базу. Мы летим на Бетон.

Он посмотрел вверх. В синем прозрачном небе парил узкий серп спутника, огромная каменная пустыня, воспринимаемая человеческим глазом как маленькое бледное облачко с четкими очертаниями.

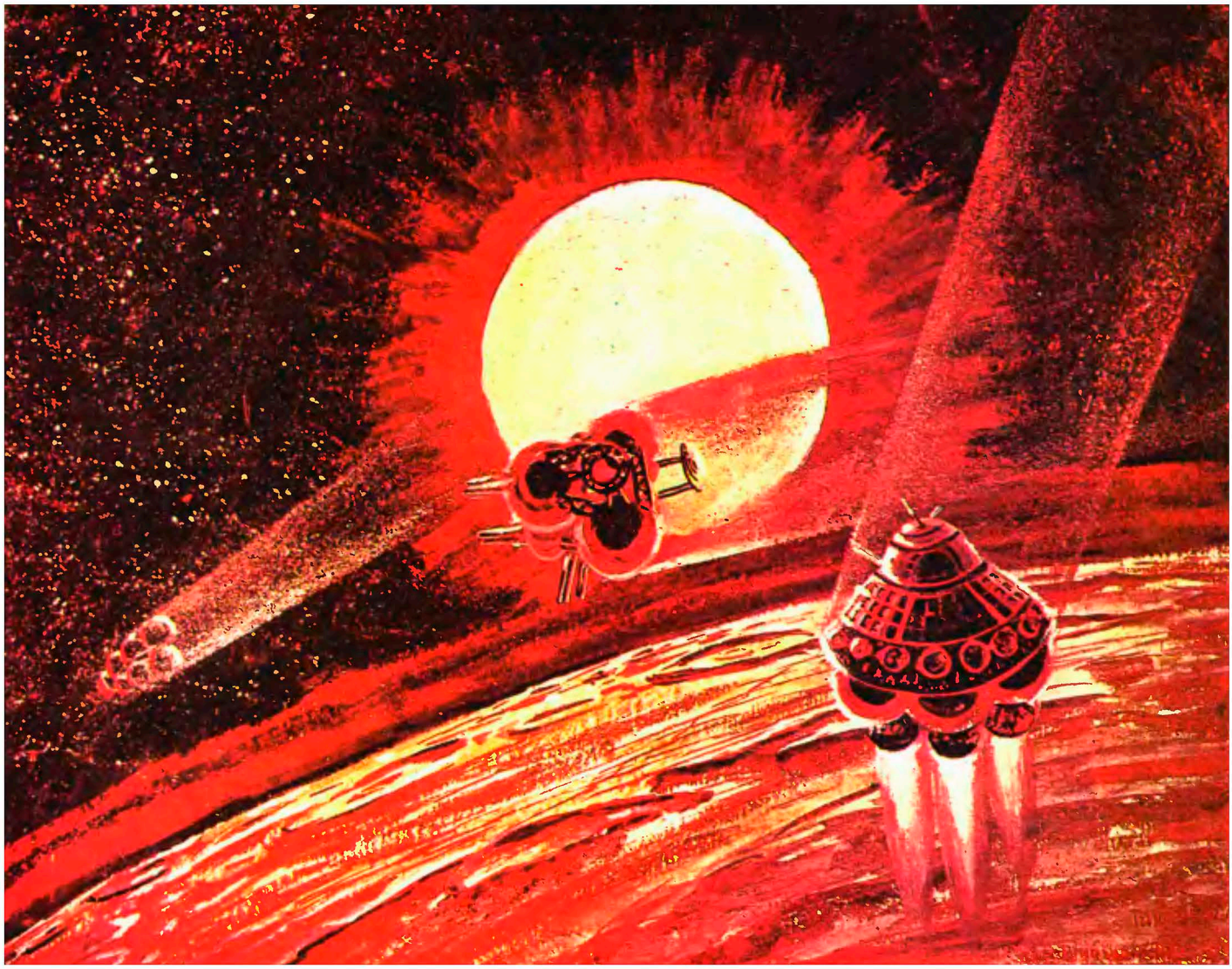
●

На блестящем свежей смолой рисунке, похожем на черно-белую фотографию, снятую в необычном — вид сверху — ракурсе, четверо стояли, обнявшись, на каменной осыпи рядом с искалеченным космолетом и смотрели в зенит, задрав головы.

Рейсфедер, поставив последнюю клейкую точку, отполз под верхний карниз Картинной Галереи и стал ждать, когда летающие животные, которых он так хорошо изобразил, придут в гости к своим отражениям.

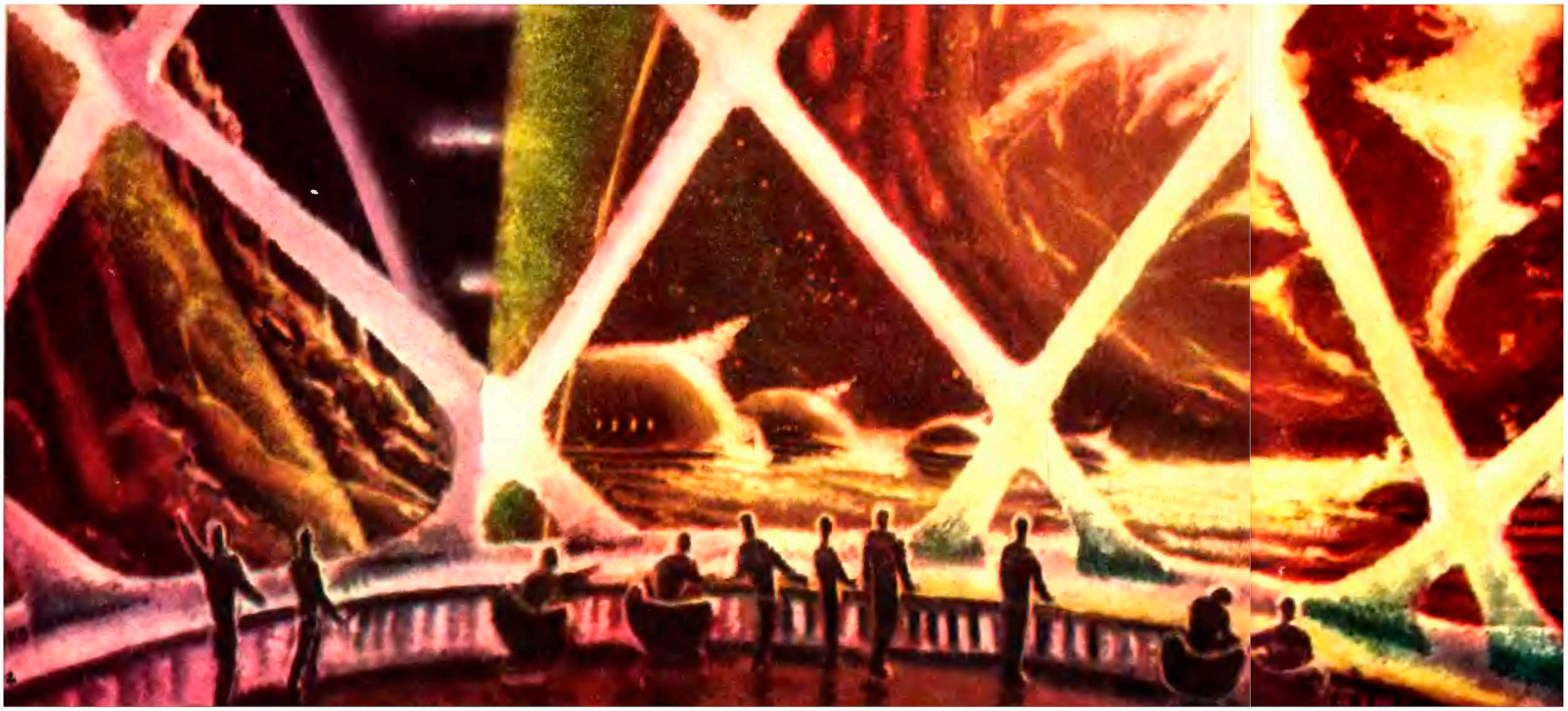
Д.Янков «Искусственное солнце на Плутоне»

С.Гавриш «Марсианские сады»



Г. Тищенко «Посадка на Меркурий»

«На планете Знойной»



Г.Тищенко «Обсерватория в космосе»

Генадий Тищенко «Таю вечные льды Антарктиды»

ЗВВ

Святослав СЛАВЧЕВ Болгария

Рис. Р. Авотина

Планета была маленькая и дикая, одна из тех планетишек между Вегой и Орионом, о которой никто никогда не вспоминал. Да и кто бы стал ее вспоминать — мертворожденную космическую карлицу, битком набитую растрескавшимися острыми скалами, пустынную и печальную, пребывающую в одиночестве с первого дня творения. В астронавигационных справочниках графа «Медея» не очень-то радовала глаз обилием информации. Обычно там значилось: период вращения; расстояние до двойного желтого солнца; координаты единственной астрофизической станции, обслуживаемой довольно старыми, если не сказать древними, биоавтоматами. Даже опытные командиры Базы разводили руками, если кто-то случайно интересовался Медеей.

И Ферн знал не больше других. Правда, ему довелось однажды пролететь мимо Медеи — на предмет уточнения координат астростанции. Координаты он уточнил — тут роботы потрудились на славу! — но вслед за тем он обследовал десяток-другой столь же скучных планеток, выполнял такие же нудные задания, так что, прилетев на Базу, он начисто забыл о Медее. В довершение ко всему где-то запропастились уточненные координаты...

— Да, нелепица вышла с проклятыми координатами, — бормотал Ферн, глядя на табло перед собой. На экране извивались спокойные светлые линии, и все в кабине было спокойно, все, кроме самого Ферна. — А этим крикунам с Базы только того и надо. Обстановочка на Медее тебе, мол, уже не в новинку, трассу знаешь назубок, ну и все такое прочее...

Он наклонился, утопил клавишу дополнительных иллюминаторов. Ферн понимал, что его обвинения необоснованны: кто-то все равно должен был лететь сюда, поскольку с Гелианом случилось т а к о е, — но никак не мог унять раздражение. Тем более что полет не предвещал ничего хорошего.

Как зрачки, медленно расширялись иллюминаторы. На какие-то мгновения в кабину хлынула чернота космоса, но автоматы тотчас выровняли освещение. Ферн поглядел в прозрачный купол под собой. Внизу и вправо брезжила Медея — точно такая, какой он увидел ее в первый раз. Серо-желтый, беспрестанно увеличивающийся круг. Пока еще нельзя было различить подробностей, но даже из такой дали она выглядела не ахти как гостеприимно.

— Опускаюсь, забираю Гелиана — и ни минуты дольше. Ко всем чертям отсюда! — рассудил Ферн. В сущности, он еще не очень-то представлял, как он опустится и как заберет Гелиана, поскольку не знал доподлинно, что же с Гелианом случилось. То, о чем упоминала Селена, когда, встревоженная, появилась на экране стереовизора в Базе, не значило ничего. Клаустрофобия. Космический психоз. Такое может приключиться с каждым. Летишь, наматываешь парсеки на спидометр, и заодно с приборами, заодно с броней

и дюзами корабля изнашиваются какие-то неведомые механизмы, скрытые глубоко в сознании. И все идет более-менее сносно до тех пор, пока один из таких механизмов не начнет работать вразнос или просто отключается, и тогда пилот, с которым ты перебрасывался кое-какими словечками относительно достоинств и недостатков трасс, с которым ты вместе коротал время на Базе или ругался по глупости, перестает быть пилотом и становится безумцем, маньяком, и потому его надлежит незамедлительно вытянуть из пасти некой планетишки, ну, к примеру, из пасти Медеи.

Посадочная площадка была крохотной — строили ее в те времена, когда возводили астростанцию, а после никто не позаботился о расширении. Где-то в центре бетонного поля Ферн заметил отсвечивающую серебром ракету. Пришлось маневрировать перед посадкой.

Это была ракета Гелиана. Она стояла целой и невредимой. Доброе предзнаменование, отметил он про себя и начал обшаривать взглядом окрестности, ища станцию, но тут вспомнил, что станция на Медее втиснута глубоко в скалы.

Ферн выскользнул из люка и огляделся. Он перевидал на своем веку немало убогих, а то и безобразных планет, но эта уродина побила все рекорды. Желтое и черное, и опять желтое и черное, словно спина исполинской осы, уползающей за горизонт. Но если желтые пески везде были одинакового лимонного цвета, то черные скалы переливались множеством оттенков: чернильно-черные, бархатисто-черные, лоснящиеся чернотой, как шкура мокрого зверя.

— Тут не только схлопочешь психоз — угодишь в лапы самому дьяволу... — вслух размышлял Ферн, покуда решал, что предпринимать дальше в этой медленно разворачивающейся эпопее с поимкой спятившего коллеги. Наконец он перебросил бластер через шлем скафандра, проверил, на месте ли пакет с психогенными препаратами, и зашагал в сторону станции.

Автоматы открыли входной шлюз и тотчас закрыли за ним. Когда давление в шлюзе повысилось до обычных пределов, заскользили внутренние двери, пропуская Ферна внутрь станции.

Да, все нормально. В просторном зале синеют экраны стереовизора и видеофона, отсвечивают странным блеском глаза биоавтоматов — большие и красные, как глаза неведомого насекомого. Где-то сонно бормочет прибор, и монотонное его бормотание единственный звук, просачивающийся сквозь тяжелую, физически ощутимую тишину.

Ферн снял бластер с шеи, крепко перехватил его и медленно тронулся вдоль стены. Быть может, Гелиан где-то здесь, и затаился, и готов кинуться на него, как зверь, а не исключено, что он лежит где-нибудь в дальнем углу — мертвый! — и в его широко раскрытых глазах ка-

чаются синеватые отблески экранов.

И все-таки станция была пуста. В конце зала желтели две двери. Одна комната оказалась чем-то средним между рабочим кабинетом и спальней, с максимумом удобств, кои может обеспечить подобная станция, — кровать с гипнофоном, электронная справочная библиотека и стереовизор. Другое помещение, очевидно, использовалось как склад, вернее, это была кладовая для геологических проб.

Ферн опустил бластер и вернулся в зал.

— Я Ферн, — сказал он голосом высоким и чистым. — Астронавигатор второго класса. Вызываю биоавтомат Первый!

— Я слушаю вас, — раздалось где-то позади него.

Ферн быстро обернулся, инстинктивно стиснул бластер. Ничего опасного. Только два огромных кристаллических глаза взирали со стены. Голос сочился оттуда.

— Я слушаю вас, — повторил голос. — Биоавтомат Первый, класс В-три. Два миллиарда кристаллических нейронов.

Ферн рассматривал огромные глаза робота — многоугольные рубиновые призмы. Два миллиарда нейронов... Стало быть, он не просто автомат, бездушный механизм. Он наделен сознанием. И потому он обязан был знать и оценивать все, что происходило здесь.

— На станции находился астронавигатор. Его звали Гелиан. Где он теперь?

— Человек Гелиан ушел. Он ушел в двадцать семь часов меридионального времени. С тех пор человек Гелиан не возвращался.

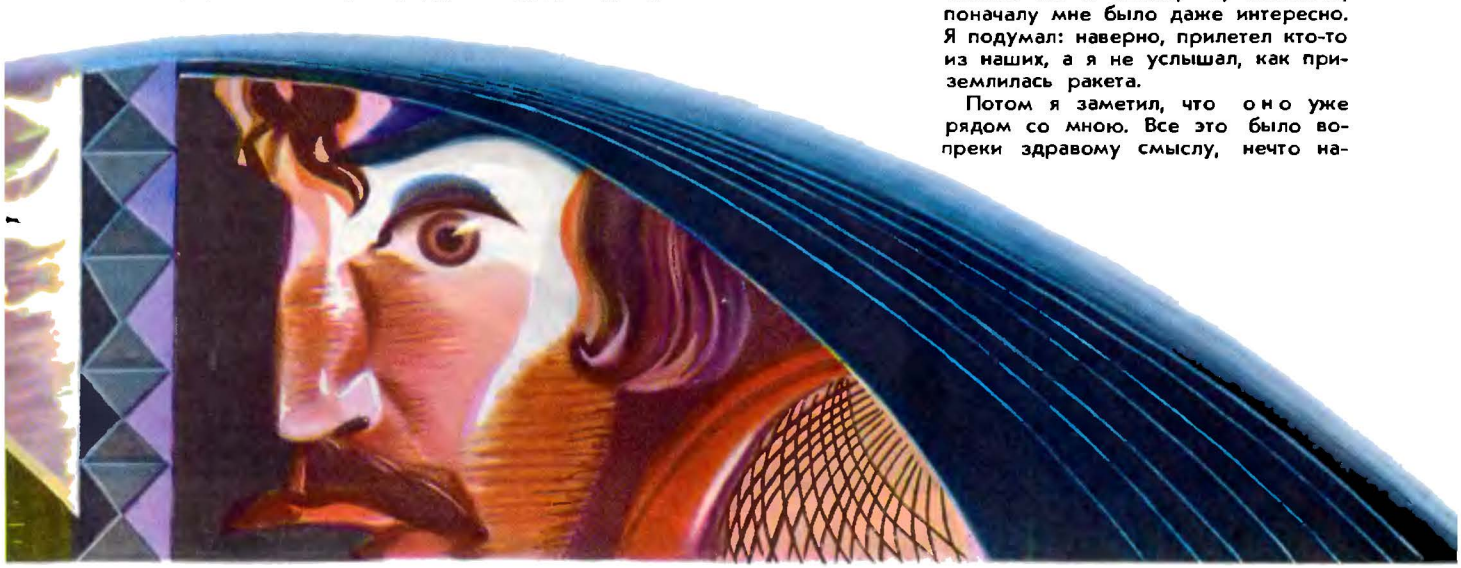
Ферн прикинул в уме. Время на Медее измерялось от меридиана станции: следовательно, минуло уже больше десяти земных часов с тех пор, как Гелиан покинул этот зал.

— И не сообщил, куда идет?

— Нет.

Ферн оставил бластер на столе возле стены и направился к стереовизору. Аппарат был предназначен для связи с Базой, но кто знает, авось удастся прозондировать окрестности и найти Гелиана... Десять часов не такой уж большой срок, еще оставались какие-то шансы на успех.

— Человек Гелиан оставил запись, — сказал Первый. — Воспроизвести запись?



Ферн заколебался. Неплохо бы оглядеть подступы к станции, насколько позволяют возможности стереовизора, однако и то, что предлагает Первый, целесообразно.

— Зачем Гелиан покинул станцию?

— Человека Гелиана позвали наружу.

Ферн глядел в глаза Первого и думал: «Гелиан свихнулся, это уж точно. А Первый принял его бред за явь и по привычке зафиксировал в своей кристаллической памяти».

— Включи запись! — сказал Ферн.

Это был голос Гелиана. Голос такой смутный, такой напряженный, какого Ферн никогда еще не слышал. Он говорил — нет, скорее то были мысли, сбивчиво и тревожно обращавшиеся в голос.

«Я болен. Я наверняка болен. Я сошел с ума, только не хочу еще в это поверить. Безумцы никогда не верят в свое безумие...»

Молчание. И опять голос Гелиана: «Нужно собрать оставшиеся крупицы разума и попытаться оценить события. Может быть, тогда я сумею понять нечто. Объяснить то, что не поддается объяснению.

Вчера все было хорошо. Долетел нормально, опустился на Медею, проверил автоматы на станции. Почему-то я чувствовал себя слегка усталым и решил вздремнуть часок-другой. Я проснулся, и это началось сразу же после пробуждения. От той неясной границы, которая уже не сон, но еще и не явь. Почудилось, будто ко мне в комнату вошли. Я не слышал ничьих шагов, и все-таки кто-то вошел! Я продолжал лежать. Скорее всего именно в этом и крылась моя ошибка. Может быть, если бы я встал, все сразу бы кончилось. Но я лежал, и, сознаюсь, поначалу мне было даже интересно. Я подумал: наверно, прилетел кто-то из наших, а я не услышал, как приземлилась ракета.

Потом я заметил, что оно уже рядом со мною. Все это было вопреки здравому смыслу, нечто настолько невероятное, что я тут же решил, будто все еще сплю. Бывают такие сны. Снится, что пробуждаешься, а на самом деле сон все длится и длится, и становится еще тяжелей, еще кошмарней оттого, что ты уже обманут сам собой.

...У меня на глазах оно медленно перемещало предметы.

Вспоминаю, в тот момент я решил, что меня просто разыгрывают. Я решил принять участие в мистификации. Я вскочил и окликнул сам не знаю кого. Притворился испуганным. Бросился к дверям, замахал рукой. Потом остановился и расхохотался.

— Входите, — сказал я. — Добро пожаловать! И довольно идиотских шуток!

Я подумал, что их там двое, даже заранее решил, кто именно — Ивар и Дейн с «Трансориона».

Из рассказов, присланных на конкурс „71 — РОБОТ — 72“

Голос Гелиана прервался, слышался только тихий шорох шагов, когда он вставал и ходил. Потом голос продолжал:

«Я расспросил биоавтоматы в зале. Но те ничего не видели. Следовательно, все было плодом моего воображения. Позднее я сообразил, что биоавтоматы и не могли ничего заметить, поскольку спектакль с левитацией был разыгран в другой комнате. «Это даже к лучшему, что роботы ничего не видели, — подумал я, — стало быть, мои галлюцинации можно объяснить переутомлением».

Пора было возвращаться на Базу. Я начал приготовления. Астронавигатору грех жаловаться на неустойчивость психики, и все же нужно признаться: мне было неприятно брать в руки шлем, что лежал на столе.

За дверьми никого не было. Зал был пустым, точно таким, каким я его оставил, когда ложился спать. Я обернулся. Предметы в комнате продолжали тихо перемещаться. Шлем от скафандра отделился от стола и повис в воздухе, как будто всегда там и висел. Затем он медленно двинулся в мою сторону — все в том же положении, на уровне моей головы.

«Левитация! — осенило меня, и тут же я вспомнил все, что говорили по этому поводу мудрецы из Академии. — Ересь, абсурд, подкоп под устои материализма! Насмешка над законами природы. Сверхъестественно»

О, если бы и в самом деле это могло быть сверхъестественным! Тогда уж я вряд ли сошел бы с ума... А я сошел с ума, только не хочу еще в это поверить.

В конце концов шлем вернулся на место. И каждый предмет, все, что выделывало в воздухе замысловатые пируэты, буквально все возвратилось туда, где было раньше, до этой дьяволиады. Оно аккуратно расставило вещички по своим местам. Настолько аккуратно, что уже через несколько минут я усомнился: а был ли вообще весь этот кошмар? Я даже немного успокоился».

Неприятно, хотя я был убежден, что он никогда не летал по комнате, а трюк с левитацией мне пригрезился. Вот прилечу на Базу, убеждал я себя, отдохну, приведу нервишки в порядок, и, глядишь, здешняя чертовщина позабудется на веки вечные.

И тогда все повторилось сначала. Оно было здесь, оно никуда не исчезало. Оно вертелось возле меня. Время от времени оно прикасалось ко мне, и тогда я чувствовал эти прикосновения. Не помню уже, что я делал. То убегал из комнаты, то гонялся за плавающими в воздухе предметами. Они сопротивлялись, упорствовали, иногда поддавались. Я понял, что случилось нечто непоправимое, что кошмар уже материализовался в реальность, в страшную явь, что возвращение назад невозможно точно так же, как нет возможности отрешиться от этого дикого бреда.

И опять все стало на свои места. И тогда я услышал голос. Он доносился откуда-то издалека, и вместе с тем он был во мне. Голос звал и молил. Я ему не верил, то был голос моего бреда, безумия моего. То был мой двойник. Мозг, утративший контроль над собой.

Голос шептал, пел на разные голоса, голос кричал — оно звало меня по имени! Далеко, близко, за стенами станции, здесь, внутри — везде меня звал голос. Я решился на последнюю проверку. Я запросил автоматы, регистрируют ли они чей-то голос, кроме моего. Я заранее все обдумал: если они ничего не слышали и не слышат, стало быть, не о чем беспокоиться: я покидаю станцию, сажусь в ракету и...

Но автоматы ответили «да». Они слышали голос. Однако они не смогли точно определить, откуда он идет. Один раз они указывали координаты на юг-юго-восток, в направлении Великого Каньона. Затем куда-то на север... Что ж, они тоже могут ошибаться. Но одно было несомненно: голос существовал. Он взывал о помощи, он звал мое имя.

Я не могу оставаться здесь. Я не имею права оставаться, когда кто-то меня зовет. Я Гелиан, человек, астронавигатор второго класса, а не обезумевшая от страха крыса!»

...Ферн стоял пораженный, лихорадочно размышляя о только что услышанном. Галлюцинации у Гелиана чередовались с действительностью, другого объяснения быть не могло. Галлюцинации создавали такое чувство реальности, были так причудливо замаскированы, что на их фоне сама действительность выглядела нереальной. Только один факт из рассказа Гелиана требовалось проверить, поскольку для него не было разумных объяснений.

— Биоавтомат Первый, — сказал Ферн.

— Я слушаю вас.

— Можешь ли ты воспроизвести запись постороннего голоса, о котором упоминает Гелиан?

— Нет. Запись не была запрограммирована. Человек Гелиан не отдавал приказа записывать посторонний голос.

— Но голос действительно звал его?

— Да.

— Он говорил на внутренней волне станции?

— Да.

— Если голос говорил на внутренней волне станции, значит передатчик находился достаточно близко?

— Логично.

— Есть ли другие люди на поверхности или в недрах Медеи, кроме тех, кого ты уже знаешь?

— Нет.

— Предполагаю, что ты заблуждаешься, — твердо сказал Ферн. — Однако заблуждаться способны лишь простые автоматы, а ты достаточно совершенен. Как бы то ни было, приказываю тебе отныне регистрировать и записывать всё. Все голоса, сигналы, буквально всё!

— Извините! — сказал Первый. — Извините, я должен принять сообщение.

Ферн весь обратился в слух. Он ожидал услышать таинственный голос — тот голос, который выманил Гелиана наружу. Однако он был разочарован.

— Извините! — сказал Первый. — Вы не имеете ничего против того, чтобы автомат 43-бис внес геологические пробы в кладовую?

Ферн пожал плечами.

— Ничего не имею против. Однако пусть 43-бис немного подождет, пока мы с тобой закончим!.. Так вот: передатчик находился где-то близко. Кто бы мог работать с ним? Я думаю...

Если бы у Ферна было больше времени на размышления, он никогда бы не решился на то, на что он решился теперь и что спасло ему жизнь. Когда он подполз к столу в мертвый угол для стрельбы, где бластер был бессилен найти его своим лучом, он неожиданно вскочил и ухватился обеими руками за дуло. Он почувствовал лишь легкое сопротивление, ничего более. Бластер ослеп, укрощенный, вновь обратясь из разъяренного зверя в кроткий механизм, во всем послушный воле Ферна.

И лишь теперь Ферн испугался. Колени у него дрожали, а во рту появился неприятный металлический привкус. Напряжение, несколько мгновений назад заполнявшее мускулы, сменилось неожиданной слабостью. Такого страха он давно уже не испытывал — с тех самых времен, когда угодил в гравитационную ловушку на бете-Скорпион. Тогда ничего еще не знали о двойных солнцах, интерферирующих волны гравитации, раскидывающих вокруг себя грозные сети — невидимые капканы, для которых локаторы и по сей день не изобретены.

а в объяснении извечных его законов.

— Биоавтомат Первый! — позвал Ферн. Он ожидал, что биоавтомат поврежден, но вопреки ожиданиям робот отозвался незамедлительно.

— Я слушаю вас.

— Видел ли ты выстрелы?

— Да.

— Кто стрелял?

— Нет информации.

— Что значит нет информации! — рассвирепел Ферн. — Тут творится черт знает что, а ты даже не удосужился вникнуть в события. Есть ли на станции кто-либо еще, кроме меня?

— Нет никого.

— Тогда кто же стрелял?

— Нелогично мне задавать такие вопросы, — сказал Первый. — Нет информации. Прошу вас ответить на мой прошлый вопрос.

— Какой такой вопрос! — изумился Ферн. Он не помнил никакого вопроса.

— Снаружи ожидает автомат 43-бис. Он принес геологические пробы. Вы приказали ему подождать. Может ли автомат 43-бис внести пробы в кладовую?

Ферн даже застонал от досады. Все правильно. Пока он тут единоборствовал с призраками. и луч бластера пронесся в сантиметре от не-

Он хотел продолжить свою мысль, когда внезапно почувствовал, что позади него что-то не так. И едва он это почувствовал, как уже независимо от своего сознания начал краешком глаза, не поворачивая головы, оглядывать все справа и слева от себя. За долгие годы астронавигаторства он привык в своей кабине следить таким манером за работой тех приборов, которые были расположены далеко от главного пульта, но от которых зависела его жизнь.

И он увидел, увидел нечто, а когда увидел, понял, что жизнь его зависит теперь от нескольких мгновений и распорядиться этими мгновениями надо было так же мгновенно.

Бластер, забытый бластер, который он оставил на столе возле стены, начал медленно перемещаться в его сторону.

Дуло оружия поворачивалось вправо, вправо, к Ферну. В какую-то долю секунды Ферн рухнул на пол — клубок мускулов с отключенным сознанием. И сразу же над ним вспыхнул режущий ослепительный луч. Луч полоснул по стене, пронзил ее и потонул где-то за ней, в скале. Потом еще раз, еще и еще.

Луч искал Ферна.

Клубок из мускулов понял это инстинктивно и пополз к стене, под облако дыма, заволакивающего зал.

Он отыскал взглядом скамью, где сидел незадолго перед э т и м, — падая, он ее опрокинул. Подошел, подвигал скамью, сел. Двумя руками он сжимал бластер, лежащий у него на коленях, и медленно поглаживал указательным пальцем предохранитель, хотя имел странное, но твердое убеждение, что оружие ничего т а к о г о уже не повторит. Нужно было ждать чего-то другого, принципиально другого.

По лицу его струились капли холодного пота. Он вытянул руку перед собой — пальцы исходили нервной дрожью. Давно, ох как давно не приключалось с ним такого.

Он награждал себя самыми изощреннейшими ругательствами, зная по опыту, что это помогает. Затем он в столь же отборных выражениях прошелся по тем, кто устраивает подобные идиотские шуточки. Малопомалу самочувствие его улучшалось, нервная дрожь улеглась. Едкий дым окончательно рассеялся, и, если бы не оплавленный разрез в стене, на который уже накладывали заплатку роботы, Ферн мог бы поклясться, что все случившееся ему попросту приснилось. Но зияла, зияла в стене рана, напоминая, что материальный мир нуждается не в ругательствах, го, станция продолжала свою автоматическую жизнь. Роботы, как и положено по инструкции, невозмутимо заделывали черную оплавленную пробоину. Наивно требовать, чтобы они еще и объяснили причину возникновения э т о г о.

— Может ли автомат 43-бис внести пробы в кладовую? — бесстрастно повторил Первый. Надо было ему что-то ответить. Иначе он станет бубнить свой вопрос с настойчивостью, на какую способны только машины.

— Впусти его! — скомандовал Ферн.

Первый замигал рубиновыми глазами и, вероятно, отдал приказание, но Ферн его не расслышал. Где-то наверху загремело: наружные двери открылись и сразу же захлопнулись. Через некоторое время стена разверзлась. В зале появился геоавтомат. Его небольшое тело, опоясанное венцом синеватых глаз, качалось на шести длинных телескопических конечностях. Глаза несколькими яркими проблесками отметили наличие Ферна, и робот засеменил через зал, волоча свою ношу в кладовую.

«Я почувствовал э т о, — размышлял Ферн, — я почувствовал, как о н о сопротивлялось, хотя и не особенно сильно. Значит, что-то и м движет. Надо немедленно сообщить обо

всем на Базу. Они ждут от меня новостей».

Он уселся перед стереовизором и стал его настраивать. Он хотел связаться с Базой... Связаться с Базой... Но ведь стоит им обо всем рассказать, и они наверняка примут это за басни. Поднимут на ноги всех астрофизиков и дня через два притащатся сюда всем скопом... Что, через два дня? Но ведь никто...

Он сразу сник от осенившей его догадки. Никто никого не станет подымать на ноги, никто не понесется сломя голову на Медею. Раз сочли за безумца Гелиана, безумцем нарекут и его, Ферна. Клаустрофобия. Космический психоз. И вместо большой экспедиции сюда пошлют нескольких человек, а скорее всего двух — Ивара и Дейна с «Трансориона». Они его спокойно выслушают и спокойно заберут с собой. Если до той поры он не исчезнет где-нибудь за стенами станции, как исчез Гелиан.

Нужно было что-то предпринимать. Теперь ему предстояло в одиночку решить сразу две проблемы: найти Гелиана и уберечься от здешних гравитационных сюрпризов.

Ферн перевел стереовизор на ближний радиус действия, принялся зондировать окрестности наугад, без какого-либо плана. Вероятность найти Гелиана подобным образом была слишком мизерной, но не стоило и ею пренебрегать.

На экране ползла песчаная пустыня — желтая, безнадежная. Он вглядывался в скалы; они громоздились справа — острые, тонкие, как пальцы человеческой руки, потонувшей тут неведомо когда. И опять пески, пески — далеко, до темной цепи гор, закрывавших горизонт.

Ферн щелкнул переключателем, обращая око стереовизора к другому району. Здесь пустыня упиралась в хаос головокружительных скал и бездонных пропастей. Казалось, некто в приступе злобы выдумал этот черный лабиринт, а выдумав, воплотил злодейский замысел в явь. Великий Каньон — так нарекли здешние места первые исследователи Медеи.

Экран закрыла скала, и Ферн едва не закричал от радости. В ущелье двигалась какая-то тень.

— Гел! — закричал Ферн. — Ты меня слышишь, Гел?

Он навел экран, приблизился к тени. Нет, это не Гелиан. Тень приобрела очертания геоавтомата. Пневматическими присосками робот впился в скалу и, точно дятел, терпеливо ее долбил. Неподалеку маячила еще одна тень — такой же трудяга-геоавтомат.

По вершинам черных скал растекалось сияние. Одно из желтых солнц аависло над горизонтом, и отблески его проникали в ущелье. Все было абсолютно безнадежно. Ферну понадобилось бы несколько веков, чтобы осмотреть все закоулки Великого Каньона.

Держа бластер наизготовку, он начал придирчивый, скрупулезный осмотр астростанции, разглядывая буквально каждую вещь, каждый предмет, прибор, рычаг, кнопку, провод. Оно могло затаиться где угодно: в вахтенном журнале, в ножке стола, в баллоне с кислородом... Так... Сначала осмотрим сей зал. Ничего подозрительного. Теперь перейдем туда, где Гелиан бился с призраками... Тоже все нормально. А как насчет кладовой с геологическими пробами? Обычная кладовая, обычные пробы. Под прозрачными капюшонами покоились аккуратно пронумерованные черные кристаллы с причудливо искривленными плоскостями. Кое-где в них были вкраплены красные, зеленые, ультрамариновые минералы. Ферн долго глядел, как отражается в черных зеркалах его шлем. Везде было тихо. Оно потерпело поражение и теперь притаилось до поры до времени. До следующего прыжка из засады.

Он вернулся в зал и снова направил экран к Великому Каньону. Неизвестно почему, но он был уверен, что именно здесь следовало искать Гелиана. Повозившись немного с ручками управления, он неожиданно подумал: сидеть вот так и вести поиски со стереовизором — значит заведомо покориться, смириться с поражением. А что, если попробовать подключить к поискам Гелиана здешних роботов?..

— Биоавтомат Первый!

— Я слушаю вас! — немедленно отозвался бесстрастный голос.

— Можешь ли ты отдать приказание геоавтоматам, чтобы они занялись поисками белковой высокоорганизованной материи?.. Я имею в виду... — он запнулся, ища формулировку поточнее... — материю, из которой созданы мы, люди?

— Могу отдать приказание. Но не всем геоавтоматам. Не во все геоавтоматы заложены требуемые параметры.

— Сколько автоматов могут заняться поисками?

— Четырнадцать, — отвечал Первый, не задумываясь ни на миг.

— Хорошо! — сказал Ферн. — Немедленно отдай такое приказание. Пусть все четырнадцать геоавтоматов, способных искать высокоорганизованные белковые соединения, отправляются к Великому Каньону для поисков человека Гелиана.

— Я все понял, — сказал Первый. — Искать и найти человека Гелиана. Мне нужно определенное время, пока я все высчитаю и дам соответствующие приказания геоавтоматам.

Он говорил очень внятно, подбирая выражения, и это немного злило Ферна, но в конце концов бессмысленно было требовать, чтобы мозг с двумя миллиардами кристаллических нейронов знал жаргон, на котором изъяснялись пилоты Базы. Важнее было, чтобы он сообразил, что от него требуют, и, судя по всему, он это сообразил.

— Сколько тебе нужно времени? — спросил Ферн.

— Около восьми минут меридионального времени.

— Действуй!

Замигали рубиновые очи.

Вдруг в голове Ферна всплыла одна мысль, от которой он даже подскочил. Как же он не догадался до сих пор? Ракета! Ракета Гелиана! Рєшительно все исходило оттуда. Оно использовало передатчик ракеты для устройства всех этих спектаклей, которые едва не стоили ему жизни. Но теперь-то он сможет наконец расправиться с призраками!

Ферн бросился к дверям шлюза. К его удивлению, в ракете Гелиана никого не было. Автоматика была в полной исправности, приборы, как и положено, зафиксировали время посадки, а также время, когда Гелиан покинул кабину. Ракета могла стартовать хоть сейчас. Ферн ставил перед автоматами перекрестные вопросы, пытаясь уловить в ответах какие-либо противоречия, хотя и сознавал, что подобные попытки бессмысленны. Никого здесь не было после Гелиана, никто не пользовался приборами и передатчиками. Оно не побывало в ракете.

Для верности он проверил и свою ракету. Безрезультатно.

Едва Ферн переступил порог станции, как услышал голос Первого.

— По данным, которые передает геоавтомат-21, я пришел к выводу, что искомый вами человек Гелиан найден!

Ферн подскочил к стереовизору — торжественный, желанный миг! Только бы он был жив! Только бы увезти его отсюда, а там пусть другие ломают себе головы над чудачествами здешних привидений!

— Где он? Покажи его!

На экране чернела трещина с отвесными стенами. Он не мог бы точно определить, какова глубина пролома, но ясно сознавал: такие пропасти называют бездонными. Геоавтомат висел на краю трещины и осторожно цеплялся за скалу клейкими присосками.

— Где Гелиан? Покажи его! — сказал Ферн с замершим сердцем. Он пытался различить в трещине то, что походило бы на человека, и ничего не мог различить.

— Вы не видите человека Гелиана, — отозвался Первый, — но геоавтомат-21 установил, что именно здесь, в этом районе. Внизу.

— Гел! — закричал Ферн в экран. — Гел! Отзовись! Я здесь! Это Ферн!

Экран молчал. Даже кусок скалы, который оборвался под металлическими конечностями геоавтомата, пропал без шума — на Медее отсутствовала атмосфера.

— Геоавтомат-21 спускается вниз, но достать человека Гелиана трудно, — заметил Первый.

«Только бы он был жив! — думал Ферн. — Возьму его и...»

Он глядел на отвесные стены, которые обрывались как бы в преисподнюю, и старался убедить себя, что Гел жив, что он соберется с силами и вернется в этот мир, из которого ушел, и где-то глубоко в его мозгу теплилась мысль о чуде. Гел упал со страшной высоты, вдоль отвесной скалы, где только геоавтомат и смог бы удержаться. Не было никаких шансов на то, что он жив. Он не мог остаться в живых при таком падении.

— Быстрее! Быстрее! Прикажи ему спускаться быстрее! — настаивал Ферн.

— Я приказал, — отвечал Первый. — Но другой возможности нет.

На экране Ферн близко видел геоавтомат, который длинно шагал по ужасающей скале. Время от времени он останавливался и перешагивал через огромные черные кристаллы, наводняющие пропасть невероятным сиянием, и снова продолжал свой спуск. Венец синеватых глаз на его маленьком теле блестел от напряжения.

Ферн сидел недвижно. Взбесившийся бластер, грозные невидимки, неведомый голос — все стало далеким, нереальным. Важнее всего сейчас был Гелиан, несчастный Гел, сорвавшийся со скалы.

И в этот момент геоавтомат упал. Упал, хотя трудно было представить, что̀ могло оторвать его клейкие присоски от стены. Он полетел вниз, ударяясь об острые выступы пропасти. Конечности у него ломались, бились о корпус, а вслед за роботом несся ливень из мелких и крупных осколков скальной породы. Все это продолжалось около десяти секунд, после чего ущелье опять застыло в прежнем спокойствии.

На экране показался Гелиан. Он лежал, неестественно согнув руку. Он упал на крохотный выступ в ущелье, и разбитый шлем отражался в блестящих черных поверхностях огромных кристаллов.

— Гел! — стонал Ферн. — Гел, ты слышишь меня? Отзовись, Гел! Отзовись!

Он понимал, что Гел мертв, что Гел не сможет отозваться никогда. При разбитом шлеме и разорванном скафандре Гелиан мог прожить считанные секунды, а может быть, он потерял сознание и смерть его была мгновенной и легкой.

— Я жду вашего приказа, — сказал Первый.

Ферн медленно поднялся. В сознании его не было ни единой мысли, он ничего не мог приказать роботу.

И тогда услыхал он голос Гелиана.

— Иди сюда! — сказал голос Гелиана. — Я не могу оставаться в одиночестве. Тем более что... тем более...

Ферн глядел на экран — там лежал Гел в распоротом скафандре, согнув руку так, как никто из живых не сможет ее согнуть. И Гел говорил ему о себе, просил его спасти.

Мертвый говорил. А что, если он был вовсе не мертв? Может быть, имелись еще какие-то шансы?

Не раздумывая, Ферн надел шлем и зашагал через весь зал. Он остановился перед шлюзом, ожидая, когда его пропустят первые двери. Им двигало лишь одно желание — туда, к Гелу! Найти способ его спасти!

Гел был мертв. Это был не его голос. Это не мог быть его голос. Это была уловка.

— Биоавтомат Первый, — сказал Ферн.

— Я слушаю вас.

— Откуда принимает стереовизор голос Гелиана? Ты определил?

— Да. Зарегистрировано. Из кладовой геологических проб.

Ферн подвигал губами. Значит, о н о было там. Целую вечность болтается он здесь, а опасность совсем рядом — всего лишь в нескольких шагах! Но теперь-то он разделается с оборотнями.

Невидимое было связано с геологическими пробами.

— Биоавтомат Первый, — сказал Ферн.

— Я слушаю вас.

— Мне хочется получить характеристику минералов, которые принес геоавтомат. Тот самый, который я приказал впустить. Что это за порода? Можешь ли ты ответить?

— Я понял вас, — отозвался Первый. — Гигантские кристаллы из Великого Каньона. Состав кристаллов не уточнен. Анализы не смогли выявить никаких химических свойств.

Кристаллы, огромные черные кристаллы, в чьих гранях отражался разбитый шлем Гела. О н и были живые.

Ферн медленно повернулся, снял бластер с предохранителя и двинулся вдоль стены. Он вошел в кладовую. Под прозрачными капюшонами просвечивали зеркальные плоскости кристаллов Великого Каньона.

— Кто же из вас? — шептал Ферн. — Кто? Ты... или ты... или другие? Разум ли ты... или безумие... или ты лишь воплощенное зло? Отвечай!

„Случай на Медее» и доселе не объяснен, несмотря на усилия четырех экспедиций, несмотря на тысячи сообщений, появившихся в последующие годы. Никому не удалось установить связь с кристаллами Великого Каньона. Доказано было одно — эти кристаллы обладают способностью отражать близлежащую среду в неизмеримо большей степени, нежели мертвая природа. Кое-кто предположил, что кристаллы обрабатывают получаемую информацию, — следовательно, в них есть зачатки разума. Другие оспаривали это мнение. Они полагали, что кристаллы способны принимать и отражать почти все волны электромагнитного спектра и имитировать голос. Движение предметов на расстоянии получило название «направленного магнетизма». В лабораторных условиях воспроизвести его не удалось.

Единственная стройная гипотеза была предложена не особенно серьезными операторами Базы. Они утверждали, что кристаллы живые, что они разумны, что это единственная в своем роде форма кристаллического разума. Все необыкновенные явления на станции были связаны с тем, что геоавтоматы перенесли туда живые кристаллы. Оторванные от своих собратьев по Великому Каньону, они пытались найти способ вернуться в ущелье. Люди для них были помехой, и они старались убрать их с пути, не заботясь о последствиях. С помощью «направленного магнетизма» кристаллы разведывали внешнюю среду и вовсе не имели намерения пугать обитателей станции. Вызов Гелиана, а затем и Ферна к Великому Каньону был отчаянным зовом между живыми разумными кристаллами, отделенными насильственно друг от друга: они пытались объяснить людям создавшуюся ситуацию. Попытка уничтожить Ферна, а также умышленный сброс геоавтомата в ущелье были лишь защитной реакцией, не более.

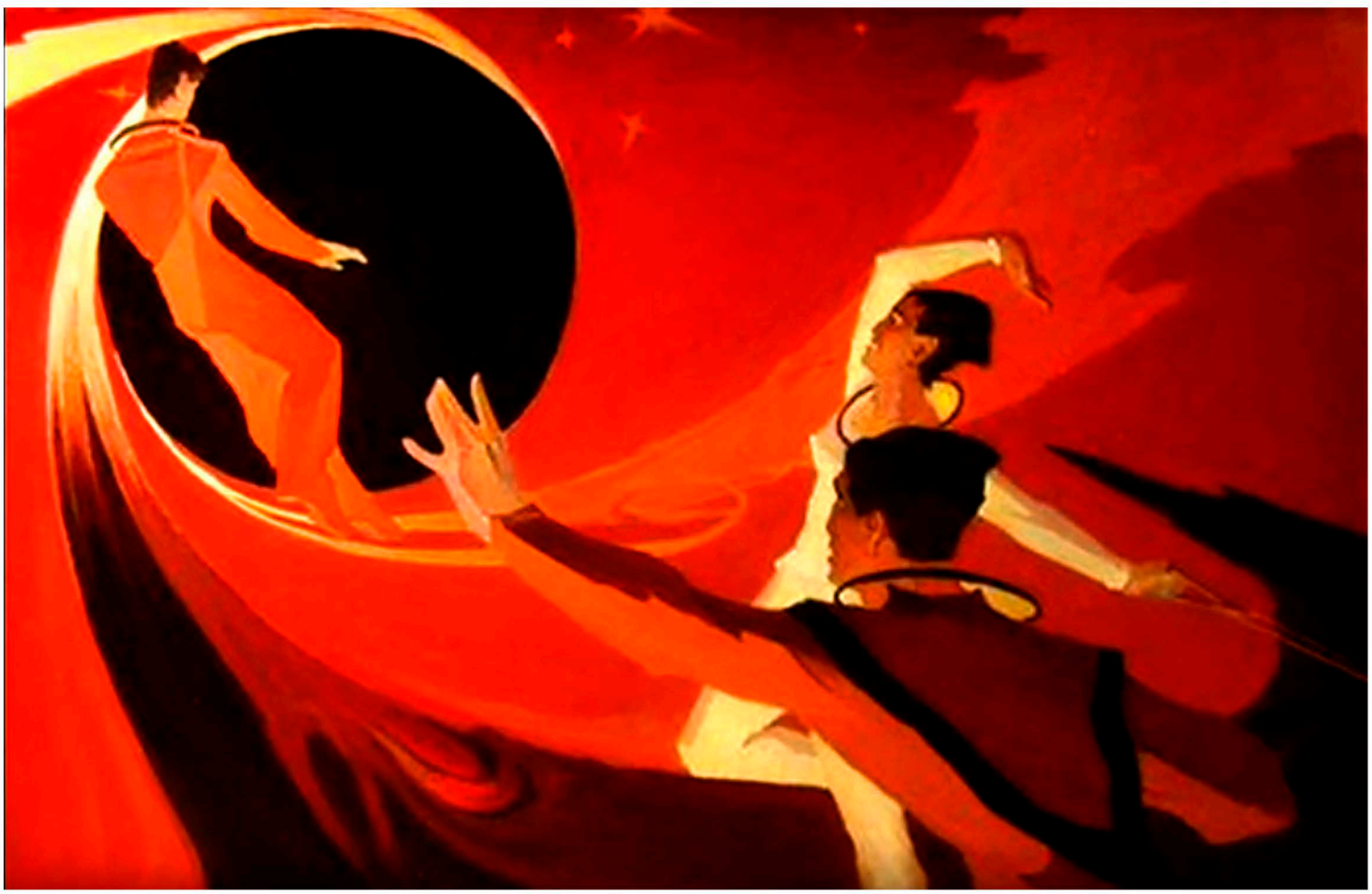
Никто не поверил в беспочвенные измышления операторов. Над ними посмеялись, поиронизировали и забыли. Если кристаллы мыслят, почему они до сих пор не попытались каким-либо способом связаться с людьми? А может быть, они желают установить контакты с более разумными существами в Галактике? Подобная ересь вызывала скептическую усмешку даже у самых доброжелательных сторонников невероятной гипотезы.

Что же касается проявлений разума в поведении кристаллов, то никаких таких проявлений все четыре экспедиции не обнаружили. И потому авторитетно отвергли идеалистические попытки приписать мышление неживой природе.

И только Ферн остался при особом мнении по этому вопросу. Но Ферн был всего лишь астронавигатор второго класса, и никто не обратил внимания на его особое мнение.

Перевела с болгарского
С. Забаринская

Геннадий Голобоков «У цели»



«Черная звезда»

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

СТОРОЖЕВОЙ ПЕС КОРПОРАЦИИ

Из рассказов, присланных на конкурс «71-РОБОТ-72»

В. ЗАБИРКО, студент-химик (г. Донецк)

Днем.

И ночью.

В пятидесятиградусную жару и в шторм, когда соленая пыль прибоя повисает над тропой, протоптанной им в прибрежных скалах, не спеша и не останавливаясь, шагал он вокруг острова.

Два часа — круг.

Восемь километров — круг.

А круг — десять тысяч шагов.

Его тяжелые остроносые полусапожки с самонарастающей металлической подошвой мерно крушили попадавшиеся на пути консервные банки из стекла, пластмассы и жести. Из стеклянных с хрустом выпрыгивали маринованные огурцы, громко взрывались пластмассовые банки с пивом и лимонадом, а из жестянок, ржавых и новеньких, тоненькими струйками брызгали томатный сок и прованское масло.

Часто на его пути попадалась жестяная банка с желтой наклейкой, и тогда где-то в подсознании неясно шевелилась мысль: «Ананасы?! Почему я до сих пор не ел ананасов?!» Но он наступал на банку и, хлюпая раздавленными дольками, шел дальше.

Два часа — круг.

Восемь километров — круг.

А круг — десять тысяч шагов.

● Барт лежал ничком на широкой скалистой площадке, теплой и шершавой. Всей поверхностью своей кожи он чувствовал, как улетучивается пропитавшая его насквозь морская вода и утихает зуд в царапинках и ранках; впервые за семь дней он понастоящему обсыхал и от удовольствия постанывал.

Барт поднял голову.

Прямо перед ним, шагах в четырех, на самом краю гранитной площадки стояла банка персикового сока. Самая обыкновенная литровая банка, жестяная, с синей этикеткой. Персики и бокал с желто-рыжим густым соком были нарисованы на этой этикетке. Барт привстал и на четвереньках подполз к банке. Он уже протянул руку, но тут чья-то тень пронеслась над ним, и нога, обутая в остроносые полусапожки, вышибла банку из-под рук Барта.

Банка ударилась об один уступ, второй... На третьем брызнула соком и покатилась дальше, становясь все меньше и меньше. Барт в оцепенении проводил ее медленным взглядом и только потом повернул голову. Над ним, широко расставив ноги, стоял какой-то человек. Если не считать полусапожек и тряпки вокруг бедер, совсем голый. «Абориген», — понял Барт.

— Зачем ты это сделал? — спросил Барт.

Туземец не пошевельнулся. Смуглая кожа его отливала каким-то металлическим блеском; глаза смотрели в одну точку стеклянно и тускло, а на его животе — едва заметный овал туго натянутой кожи — Барт заметил очертания эволюционного ящика.

«Симбиот!» — вздрогнул Барт и непроизвольно отодвинулся в сторону. Ему стало дурно, будто он увидел протез на голом изуродованном теле. «Форма, — подумал Барт, — форма... Единственное, что в тебе осталось от человека. Да еще тень...»

— Что ты здесь делаешь, на острове? — снова спросил Барт.

— Охраняю продукцию Объединенной консервной корпорации, — равнодушно ответил симбиот и указал куда-то вниз, в котловину.

Барт тоже заглянул вниз. То, что он вначале принял за рябь в глазах, оказалось огромной фантастической грудой консервных банок. Барт, несомненно, пробирался по этой груде вверх, на скалы, но тогда он брел подальше от вдребезги разбитой лодки, от океана; соленой медузой плескались в его животе эти семь дней безумия и жажды; тогда Барт видел только круги, расплывающиеся перед глазами... Но теперь...

На скалах и в котловине, среди камней и на камнях, и рядом, в двух шагах от него, прямо на гранитной площадке, лежали банки, разбитые, раздавленные, ржавые, целые, блестящие. А над всем этим сине-зеленой метелью кружили миллиарды мух. Здесь они жирели на лучших консервах мира.

Сухим жестким языком Барт облизал губы.

— Послушай, — сказал он симбиоту и замолчал. «Бесполезно все это», — защемило сердце. — Послушай! Я возьму одну банку сока, только одну?

Симбиот молчал.

— Я заплачу, — продолжал Барт. — Хорошо заплачу!

Барт лгал. В карманах не было ничего, кроме чудом уцелевшего перочинного ножа.

Робот не реагировал. Он неподвижно стоял, подставив солнцу блестящую спину. Подзаряжался.

Барт знал: производство симбиотов из людей запрещено повсеместно сотнями конвенций и федеральными законами; здесь, на острове, эти конвенции и законы нарушены дерзко и навсегда. Ему стало страшно: умереть от жажды и голода здесь, среди такого изобилия...

Барт вздрогнул и посмотрел на симбиота. Мерной дробью забила кровь в висках, руки Барта дрожали.

— Ты один здесь, на острове? — спросил Барт как можно спокойнее.

— Да.

Отлегло. «Не спеши!» — приказал себе Барт, но тело его била нервная лихорадка.

Барт сорвался с места и бросился к целой консервной банке, стоявшей на краю гранитной площадки. Симбиот успел раньше: молнией метнулся к обрыву и ударом ноги вышиб ее из рук Барта. Ударил мастерски, видно, в бытность свою человеком отлично играл в футбол. Носком полусапожка он поддел банку так, что она закрутилась вокруг оси, а сам резко остановился на самой кромке обрыва. И тогда Барт совсем несильно, чтобы не свалиться самому, толкнул его в спину. Симбиот дернулся, попытался вновь обрести равновесие, но все же не удержался и, как-то странно сложившись, покатился в пропасть.

Барт отвернулся и, схватив первую попавшуюся банку, воткнул в нее свой перочинный нож.

Это были консервированные яблоки, залитые терпким и вязким сиропом. Барт пил его жадно, не замечая рваных краев банки, порезал губы, но продолжал глотать, придерживая выпадающие яблоки ладонью. Отбросил банку и сразу же почувствовал неутоленную жажду. В углу

на солнцепеке увидел треугольную пластиковую пирамидку с пивом.

Пиво было ледяным, и Барт пил медленно, глоток за глотком.

Над морем, далеко-далеко, показалась прыгающая в мареве горячего воздуха точка, постепенно разрастаясь в транспортный контейнер. Вот уже видны черный фюзеляж и ярко-оранжевые буквы: «Объединенная консервная корпорация».

Контейнер-автомат завис над котловиной, с треском разломился и вывалил из своего чрева груду консервных банок. Консервная корпорация ликвидировала излишки продуктов. Контейнер развернулся и полетел назад.

Барт помахал рукой. Так, на всякий случай. Покричал вслед. Безрезультатно.

● От симбиота остались только исковерканное туловище да две ноги, торчащие над валуном. Барт подошел поближе, стащил с симбиота полусапожки, обулся и присел на валун.

— Что-то слишком легко далась мне победа, — сказал он. — Слишком легко...

От живота робота отпочковалась совершенно неповрежденная призма эволюционного ящика. Барт нагнулся и поднял ее; она была нетяжелой, будто из дерева, и теплой.

«Усыпили или напоили, — размышлял Барт. — А может быть, оглушили... Хотя зачем же? Ненароком можно повредить голову... Тогда напоили. Потом... Потом ткнули в живот этот ящик, он сразу присасывается, и пожалуйста — через полтора часа готовый робот. Запрограммированный, узкоспециализированный. Симбиоз машины и человека. Дешево и надежно. И пошла ко всем чертям Парижская конвенция, а на электрический стул наплевать...»

Барт вздохнул, осмотрелся. Круг черных, с красноватым отливом базальтовых скал. Почти как каньон в Нью-Мексико, только совсем нет растительности. Зато кругом полным-полно консервных банок с отменными яствами на любой вкус.

Вот о чем думал Барт за несколько секунд до того, как эволюционный ящик, влекомый биополем, намертво присосался к его животу...

● Днем.

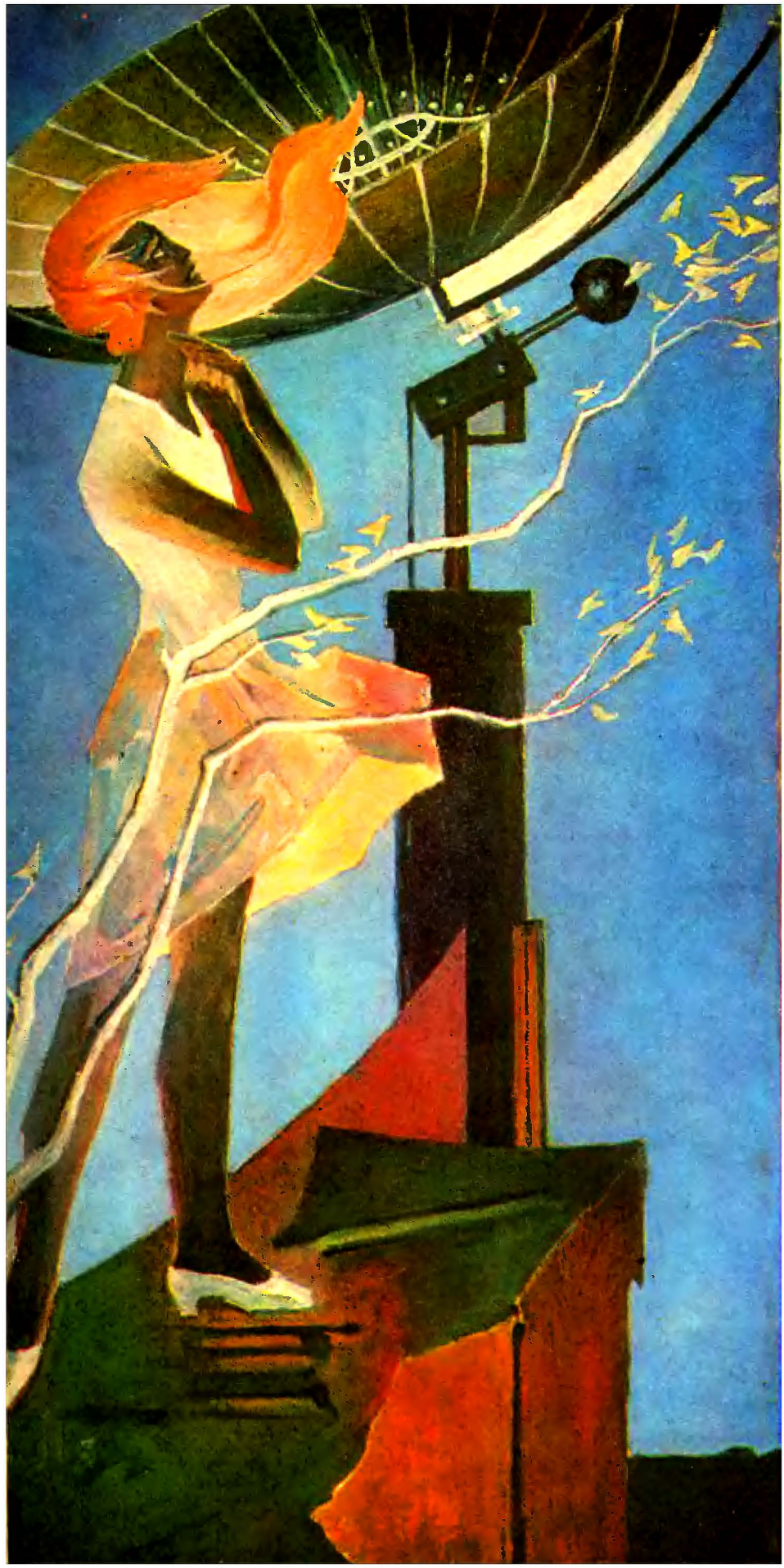
И ночью.

В пятидесятиградусную жару и в шторм, когда соленая пыль прибоя повисает над тропой, не спеша и не останавливаясь, шагал он вокруг острова.

Два часа — круг.

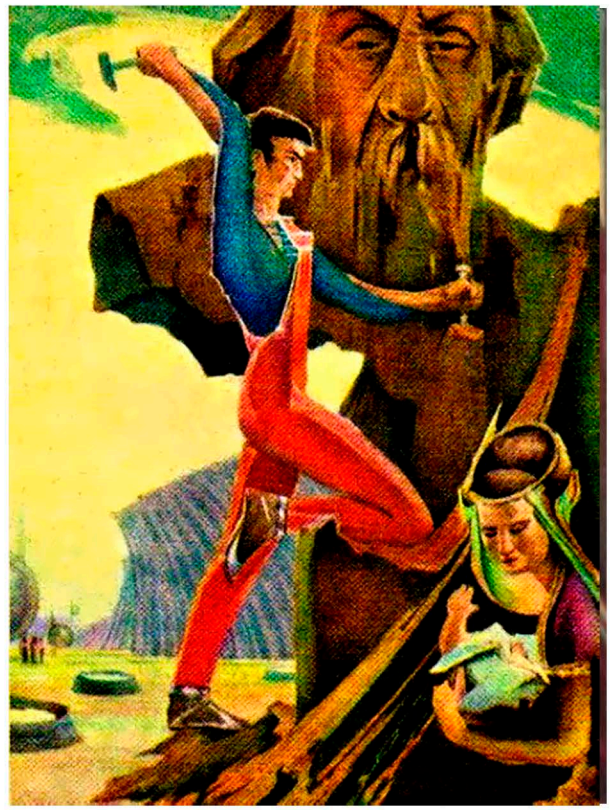
Восемь километров — круг.

А круг — десять тысяч шагов.



Генадий Голобоков «Ожидание»

Геннадий Голобоков «Утро Сибири - завтра »



«Памятник»

« Земное притяжение »

«В поясе астероидов»

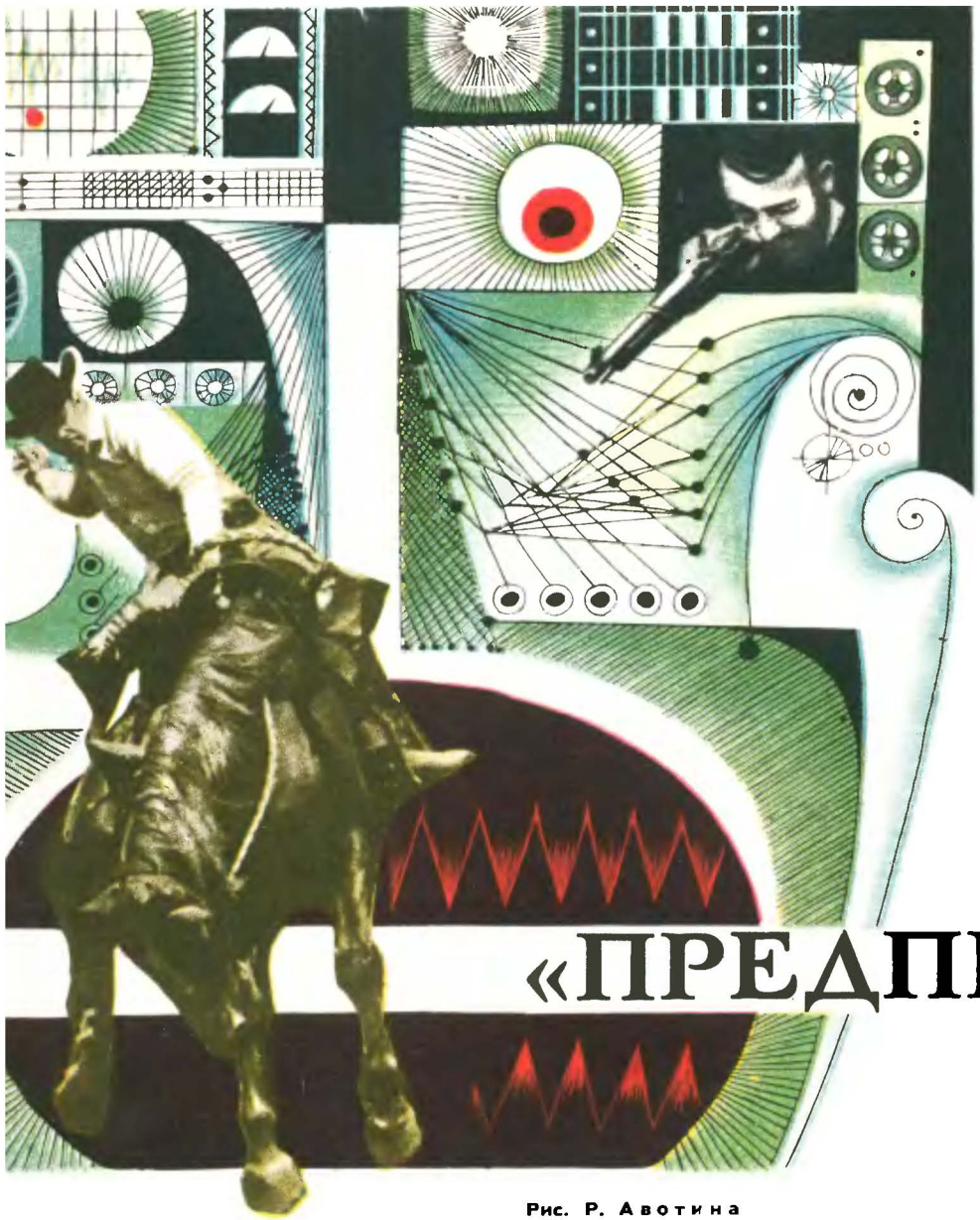


Рис. Р. Авотина

Публикуемый ниже памфлет всемирно известного польского писателя-фантаста Станислава Лема написан в форме рецензии на вымышленный роман «Предприятие Быт», якобы принадлежащий перу некоего Э. Уайнрайта. Замысел С. Лема, как всегда, смел и необычен: яркими, сочными мазками художник рисует красочное полотно из жизни современной Америки. Коррупция, битва монополий за сверхприбыли, низведение личности человека до уровня простейшего механизма, бездушного потребителя, невозможность ни на миг укрыться от всевидящего ока ЦРУ — эти и многие другие стороны заокеанского быта принимают в рассказе гротескные формы.

«Предприятие Быт», несомненно, — одна из удачных попыток С. Лема выступить в новом для него жанре.

Научно-фантастический памфлет

«ПРЕДПРИЯТИЕ БЫТ»

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Когда нанимают слугу, в его жалованье включают, кроме платы за работу, также оплату за почтение, которое слуга обязан оказывать хозяину. Когда нанимают адвоката, то, кроме профессиональных советов, приобретают чувство безопасности. Тот, кто покупает любовь — а не только добивается ее, — хотел бы одновременно получить нежность и привязанность. В стоимость авиационного билета издавна включают улыбки и как бы дружескую предупредительность хорошеньких стюардесс. Люди склонны оплачивать «private tauch» — чувство мнимой заботливой интимности, благожелательности, представляющих собою немаловажную часть упаковки, в которую обертывают оказываемые услуги в любой области жизни.

Однако сама эта жизнь отнюдь не сводится к контактам со слугами, адвокатами, работниками отелей, бюро, авиалиний, магазинов. Наоборот: связи и отношения, наиболее необходимые нам, находятся вне сферы платных услуг. Можно купить яхту, дворец, остров — если у вас есть деньги, — но невозможно приобрести желаемые события, вроде геройского поступка или изысканной интеллектуальности, спасения любимой девушки от смертельной опасности, выигрыша на гонках, получения ордена. Невозможно купить расположение, естественную привязанность, преданность; о том, что именно тоска о такой бескорыстности чувств тяготит могучих владык и богачей, свидетельствуют многочисленные романы; тот, кто, располагая соответствующими средствами, может все купить либо потребовать, бросает — в таких сказках — свое исключительное положение, чтобы, переодевшись — вроде Гарун аль-Рашида, прикидывающегося попрошайкой, — «искать человека», ибо привилегированное положение такого богача отгораживает его от подлинных человеческих отношений непреодолимой стеной.

Следовательно, областью, которая еще не подверглась преобразованию в товар, является субстанция повседневной жизни, как частная, так и публичная, вследствие чего каждый постоянно пребывает под угрозой тех мелких неудач, осмеяний, разочарований, неприязни, презрения, от которых невозможно откупиться, случайностей — одним словом, в сфере личной судьбы положение совершенно нетерпимо и в высшей степени достойно изменения; и эти изменения под силу лишь крупной промышленности жизненных услуг. Общество, в котором можно

купить — благодаря рекламной компании — положение президента, стадо белых слонов, раскрашенных в цветочки, гормональную молодость, в состоянии взять на себя соответствующее упорядочение положения человека. Там, где жизнь каждого находится под заботливой опекой могучих предприятий услуг, исчезает различие между событиями самопроизвольными и тайно отрежиссированными, умышленно организованными. Различие между естественностью и искусственностью приключений, успехов, неудач перестает существовать, ибо уже невозможно различить, что является следствием чистого, а что оплаченного заранее случая.

Так в общих чертах представляется идея романа Э. Уайнрайта «Being Inc.», то есть «Предприятие Быт». Оперативным принципом этой корпорации является действие на расстоянии — ее резиденция не должна быть известна никому; клиенты контактируют с «Being Inc.» исключительно по почте или телефону; заказы принимает гигантский компьютер; исполнение он ставит в зависимость от состояния банковского счета, то есть соответствующей высоты оплаты. Измену, дружбу, любовь, месть, собственное счастье и чужую злую судьбу можно получить также и в рассрочку, в соответствии с выгодной системой кредитования. Судьбу детей формируют родители, но в день совершеннолетия каждый получает от фирмы по почте прейскурант, каталог услуг и брошюру-инструкцию, представляющую собою доступно, но толково написанный мировоззренческий и социотехнический трактат, а не обычную рекламную макулатуру. Ярким, возвышенным языком там говорится о том, что невозвышенно можно изложить следующим образом.

Все люди стремятся к счастью, но каждый по-своему. Для одного счастье — это возвышение над другими, самостоятельность, ситуации постоянной борьбы, риска и крупной игры. Для другого — это подчинение, вера в авторитеты, отсутствие какой-либо опасности, покой, даже леность. Первым больше по душе собственная агрессивность; вторым милее чувствовать ее на себе. Известно, что многие находят удовлетворение в состоянии беспокойной тревоги. Это видно хотя бы по тому, что, когда у них нет реальных тревог, они придумывают себе фиктивные. Исследования показали, что активных и пассивных личностей обычно в обществе содержится поровну. Несчастьем старого общества, говорит брошюра, было то, что оно не умело установить гармонии между прирожденными склонностями и жизненным путем граждан. Как же часто слепая случайность решала вопрос о том, кто победит, а кто проиграет, кому выпадет роль Петрония, а кому — Прометея. Раньше слепой случай решал, кого ждут удовольствия, а кого печаль; люди жили ужасно, потому что тот, кто, любя бить, получал побои, чувствовал себя не лучше того, кто, предвкушая солидную взбучку, вынужден был сам, принужденный обстоятельствами, бить других.

Принципы деятельности «Being Incorporated» не взросли на пустом месте: матримонимальные компьютеры давно уже руководствуются аналогичными правилами, соединяя супругов. «Being Inc.» гарантирует каждому клиенту «организацию» жизни с момента совершеннолетия до самой смерти в соответствии с пожеланиями, изложенными им на фирменном бланк-заказе. Фирма осуществляет свою деятельность, опираясь на новейшие кибернетические, социотехнические и информационные методы. При этом «Being Inc.» не сразу выполняет пожелания клиентов, поскольку люди часто сами не знают собственной натуры и не отдают себе отчета в том, что для них хорошо, а что плохо. Каждого нового клиента фирма подвергает телепсихотехническому анализу; система ультрабыстрых компьютеров устанавливает индивидуальный профиль и все естественные наклонности клиента. Лишь после этого фирма утверждает заказ.

Содержания заказа стыдиться не следует: оно навсегда останется секретом фирмы. Не надо также опасаться, что заказы при их реализации могут нанести ущерб третьим лицам. Это уже электронная забота фирмы. Например: мистер Смит желает стать свирепым судьей, выносящим смертные приговоры? В таком случае он будет иметь дело только с подсудимыми, заслуживающими высшей меры наказания. Мистер Джонс желал бы сечь своих детей, отказывать им во всех удовольствиях и при этом пребывать в убежденности, что является справедливым отцом? Пожалуйста, у него будут жестокие и скверные дети, наказание которых займет у него половину жизни.

Фирма выполняет все заявки: правда, иногда придется ждать своей очереди — например, если будет выражено пожелание убить кого-либо своими руками, так как такого рода любителей, на удивление, много. В различных штатах людей, осужденных на смерть, убивают по-разному: в одних вешают, в других отравляют синильной кислотой, в третьих для этого используют электричество. Тот, кто жаждет вешать, попадает в штат, в котором легальным орудием казни является виселица, и он оглянуться не успеет, как временно станет палачом. Проект, позволяющий клиентам безнаказанно убивать третьих лиц в чистом поле, на лужайке, в домашней тиши, еще не узаконен, но фирма терпеливо движется к реализации и этого нововведения. Сноровка фирмы в организации несчастных случаев, доказанная миллионами синтетических карьер, позволяет ей преодолевать трудности, нагромождаемые на пути осуществления заказанных убийств. Например, осужденный, увидев, что дверь камеры открыта, бежит, а работники фирмы проложат трассу его побега таким образом, что он наткнется на клиента в наиболее подходящих для обоих условиях. Скажем, он попытается найти убежище в доме клиентов, в то время как хозяин будет занят заряжанием охотничьего ружья. Впрочем, каталог возможностей, разработанный фирмой, неисчерпаем. «Being Inc.» — организация, какой не знала история. Предприятию приходится организовывать огромные множества событий, вводя в них тысячи людей. Фирма предупреждает, что истинные методы ее работы в книжке не описаны. Приведенные примеры совершенно условны! Стратегия выполнения заказа должна храниться в абсолютной тайне, чтобы клиент никогда не узнал, что с ним происходит естественно, а что благодаря операциям фирменных компьютеров, невидимо стоящих за его спиной. «Being Inc.» располагает армией сотрудников, действующих под личиной обычных граждан: это шоферы, врачи, техники, домашние хозяйки, грудные дети, собаки и канарейки. Работники должны быть анонимными. Работник, который хотя бы раз выдал свое инкогнито, то есть дал понять, что является штатным сотрудником «Being Inc.», не только потеряет место, но фирма будет преследовать его до смерти, зная его пристрастия, фирма организует ему жизнь таким образом, что он будет проклинать ту минуту, когда совершил свой позорный поступок.

Действительность, показанная в романе, отличается от той, которую рисует рекламная брошюра «Being Inc.». Рекламы вообще умалчивают о самом главном. В соответствии с противокарательными законами в США запрещено монополизировать

КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ

рынок, поэтому «Being Inc.» не является единственным «организатором» жизни. С нею конкурируют другие крупные фирмы. Именно это обстоятельство приводит к явлениям, которых дотоле не бывало в истории. В частности, когда сталкиваются интересы клиентов различных фирм, реализация заказов каждого из них может встретиться с непредвиденными трудностями.

Допустим, мистер Смит желает блеснуть перед мисс Браун, женой знакомого, которая ему нравится, и выбирает в прейскуранте пункт «3960», то есть спасение жизни в железнодорожной катастрофе. В соответствии с заказом оба должны выйти неповрежденными, но миссис Браун — только благодаря геройству Смита. В этом случае фирма должна очень тонко отрежиссировать и организовать железнодорожную катастрофу, а также подготовить все таким образом, чтобы названные особы в результате серии случайностей оказались в одном купе; размещенные в стенах, полу и спинках кресел железнодорожного вагона оптиметры, доставляя данные компьютеру, программирующему события и скрытому в туалете, позаботятся о том, чтобы катастрофа произошла точно по плану; притом так, чтобы Смит *не мог не спасти* жизнь миссис Браун. Пусть он творит что угодно, однако стенка вагона лопнет точно в том месте, где сидит миссис Браун, купе заполнится удушливым дымом, и, чтобы выбраться наружу, Смит вынужден будет сначала вытолкать через отверстие женщину. Тем самым он спасет ее от смерти от удушья. Такого рода операция не столь уж трудна. Десяток лет тому назад требовалась армия компьютеров и такая же армия специалистов, чтобы опустить лунную кабину в нескольких десятках метров от цели; сейчас один компьютер, следящий за операцией благодаря системе оптиметров, без всяких хлопот решает поставленную перед ним задачу.

Однако если, например, конкурирующая фирма приняла заказ от мужа миссис Браун, желающего, чтобы Смит оказался трусом и негодяем, то возникнут непредвиденные трудности. Благодаря промышленному шпионажу конкурент узнает о планируемой железнодорожной операции и, естественно, решит, что наиболее экономичным будет включиться в чужой организационный план. В результате Смит, выталкивая через дыру миссис Браун, порвет на ней платье и вдобавок сломает ей обе ноги.

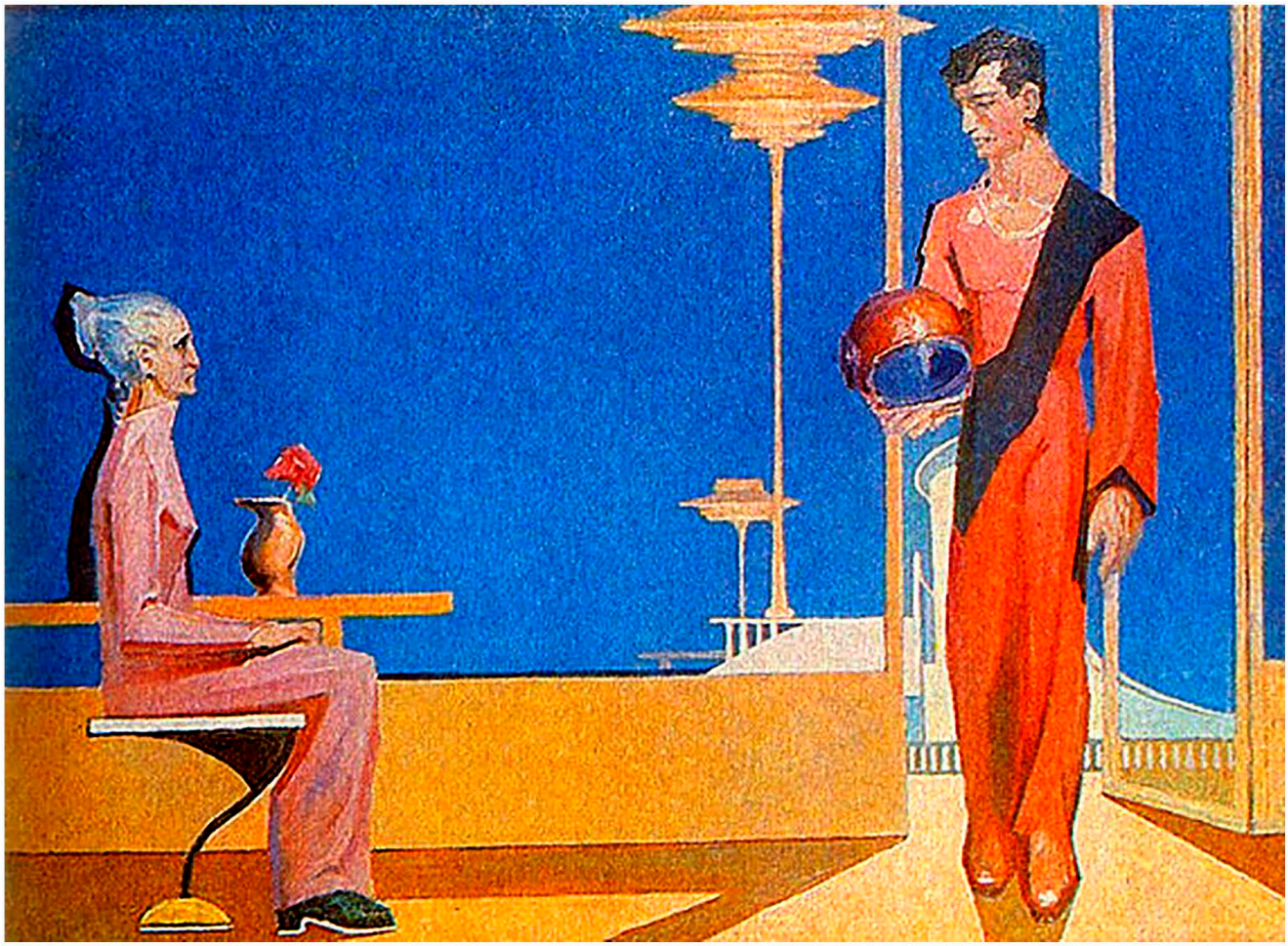
Если «Being Inc.» благодаря своей контрразведке пронюхает об этом паразитарном плане, она предпримет дополнительные шаги. В переворачивающемся вагоне начинается поединок двух компьютеров. За потенциальным спасителем женщины и за нею, как потенциальной жертвой, стоят два молоха электроники и организации. Во время катастрофы разражается — в течение долей секунды — чудовищная битва компьютеров: трудно представить, сколь гигантские силы будут вмешиваться — с одной, чтобы Смит толкал миссис Браун геройски и спасительно, и с другой — трусливо и позорно. В результате все новых усилий то, что должно было стать лишь незначительным проявлением мужества, может обернуться катаклизмом. В архивах фирм имеются сведения о двух таких катастрофах, случившихся в течение последних десяти лет. После второй катастрофы, обошедшейся участвующим сторонам в 19 миллионов долларов, истраченных в виде электрической, паровой и водной энергии в течение 37 секунд, было заключено соглашение о пределе стоимости операции. Операция не должна поглотить более чем 10^{12} джоулей на клиенто-минуту; из средств реализации услуг была также исключена атомная энергия.

На этом фоне развертывается действие романа. Новому президенту «Being Inc.» Эду Хаммеру III — младшему, предстоит лично рассмотреть заказ миссис Джессемин Чест, эксцентричной миллионерши. Ее необычная заявка вне прейскурантного характера выходит за пределы компетенции всех уровней администрации фирмы. Джессемин Чест жаждет жизни, очищенной от всех и всяческих организационных влияний; за выполнение этих желаний она готова уплатить любую сумму. Эд Хаммер, несмотря на внушения советчиков, заказ принимает; задача, которую он ставит перед своим штабом — как организовать абсолютное отсутствие организации, — оказывается труднее любой, с которой фирма сталкивалась до сих пор. Анализ показывает, что ничего похожего на стихийное течение жизни уже давно не существует. Ликвидация подготовки произвольной организации вскрывает — как более глубокие слои — остатки других, более древних. Событий, ход которых не был бы заранее отрежиссирован, нет даже в лоне «Being Inc.». Выясняется, что три конкурирующие фирмы «заорганизовали» друг друга до последнего атома, то есть протолкнули своих доверенных на ключевые позиции в администрации и контрольном совете конкурента. Чувствуя опасность, вызванную таким открытием, Хаммер обращается к президентам конкурирующих фирм с предложением обсудить создавшуюся ситуацию. На секретном совещании выступают специалисты, имеющие доступ к главным компьютерам. В результате удается установить истинное состояние дел.

Оказывается, что в 2041 году на всей территории США уже никто не может полакомиться цыпленком, влюбиться, вздохнуть, выпить виски, выпить пива, кивнуть головой, мигнуть, сплюнуть без высшего электронного планирования, которое на годы вперед выработало предначертанную дисгармонию. Организованы политические партии, «организована» метеорология и даже само появление на свет божий Эда Хаммера III — младшего тоже явилось результатом определенных заказов, которые, в свою очередь, были следствием других заказов. Никто уже не может ни родиться, ни умереть самопроизвольно, никто ничего не переживает по воле судьбы, поскольку каждая его мысль, каждый страх, боль, труд — все это лишь результат алгебраических операций компьютеров. Лишены смысла такие понятия, как вина, наказание, моральная ответственность, добро и зло, поскольку полная «организованность» бытия исключает внебиржевые качества. В компьютерном раю, возникшем благодаря стопроцентному использованию всех человеческих качеств и включению их в безотказную систему, недоставало только одного — знания его обитателей о том, что все именно так и обстоит. Оказывается, даже само совещание трех президентов было «организовано» главным компьютером, который, сообщая им об этом, являет собою электрифицированное Древо познания. Что же теперь будет? Следует ли идеально организованное бытие бросить, совершив очередной побег из Рая, чтобы «все начать еще раз сначала»? Или принять его, отказавшись раз и навсегда от бремени ответственности?

Книга не отвечает на этот вопрос. Она представляет собою лишь метафизический гротеск, фантастичность которого обладает определенными связями с реальным миром. Если мы отбросим юмористические отступления и богатство авторского воображения, останется проблема управления умами, к тому же такого управления, которое не противоречит вековечным представлениям о свободе индивидуума. Авторский вымысел наверняка не может быть осуществлен в том виде, как он изложен в «Being Inc.», однако не известно, удастся ли нашим потомкам избежать иных воплощений подобного явления — быть может, менее забавных в описании, но, кто знает, может быть и менее мучительных.

Перевод с польского
Евг. ВАЙСБРОТА



Г.Голобоков «Парадокс времени»

.Г.Голобоков « Улетающая на столетье »

Из рассказов, присланных на конкурс "71-РОБОТ-72"

ОТ АВТОРА. Собирая материалы для книги по истории механики периода европейского Возрождения, я натолкнулся в историческом архиве на старинный фолиант с названием «Механические забавы». Это сочинение, написанное по латыни, было опубликовано в Мадриде в конце XVIII века. Автор «Механических забав» пожелал сохранить инкогнито, довольствуясь псевдонимом «Н. Х. — Трижды Величайший».

Заметки Джуанело Турриано, приведенные в «Механических забавах», показались мне чрезвычайно любопытными, и я предлагаю дословный их перевод вниманию благосклонных читателей.

Рукопись Джуанело Турриано

Научно-фантастический рассказ

Александр ИВОЛГИН

Рис. Р. Авотина

„СЫНОВЬЯМ СЫНОВЕЙ МОИХ ПРАВНУКОВ

Я, Джуанело Турриано, родившийся в преславном городе Кремоне и еще учеником почерпнувший мудрость у самого Леонардо да Винчи и у тех, о ком речь будет ниже, во время коронации на престол Священной Римской империи Карла V, происходившей в Болонье, был приглашен вместе с другими знатными мастерами во дворец для исправления чудесных часов императора.

Мы все с восторгом любовались изяществом и изысканной красотой их корпуса, но когда заглянули внутрь механизма, то увидали, что он настолько заржавел, что починить его было немыслимо. Все часовщики объявили свой приговор — механизм не годен. Лишь я молчал. И тогда дон Алонзо де Аналес маркиз де Васто спросил меня: «А что думает знаменитый механик и инженер Джуанело?» Я ответил, что берусь пустить их в ход. Уже в тот момент я замыслил обман и осуществил его, когда, выбросив ржавую рухлядь, сделал и поставил внутрь корпуса механизм, сделанный мною заново. Так я в первый раз мог обмануть того, кто был императором людей, ибо я был и есть «император» машин, механики и сверхалгебры, преподанных мне преславным Леонардо и постигнутых мною в тех ночных бдениях, что связаны с откровениями Гостей с Ближней Звезды.

Много об этом писать я не могу, чтобы не быть бесчестным перед Ними.

Император, увидя свои часы действующими, пригласил меня быть его придворным механиком. Хотя Карл был очень скуп, ко мне он был милостив и уважителен.

Движимый взаимностью, я предложил императору построить Большие Часы с более совершенным и более сложным механизмом и красотой превосходящие все бывшие доселе.

Делать их мне было нелегко. Я жил в постоянном страхе перед застенками и темницами Великой Инквизиции и особенно ее главы кровопийцы Хименеса де Сиснероса, который обвинил в ереси и сжег на кострах многих истинных мужей науки и по милости которого Джордано Бруно и его ученик Лючилио Ванино вынуждены были тайно бежать и до сих пор скитаются на чужбине. А ведь все они постигли едва ли десятую или сотую часть мудрости, дарованной нам Ближней Звездой — великому Леонардо в его зрелости и мне в моей юности.

Не имея решимости и достаточных духовных сил дать истинную модель, я должен был построить механизм по космологии Аристотеля — Птоломея. Невыразимо грустно и смешно сознавать, что такой механизм геоцентризма рассчитать и создать было неизмеримо труднее, чем если бы я создал истинную модель солнечной системы. Мои часы показывали все видимые движения планет и светил; я воспроизвел движение primum mobile (в старой астрономии — ежедневно кажущееся движение небосвода. — **А. И.**). Тут были: все восемь сфер с их колебаниями и движениями семи планет во всем их разнообразии и противоречии Птоломею, солнечные и лунные часы, знаки Зодиака и все крупнейшие звезды.

В этом механизме было только одних зубчатых колес более 1800, разных по величине, числу и форме зубьев. Я преодолел трудности движения Меркурия и неравные часы Луны. В эту область уже простые числа не доходили, и я ее преодолел знаниями, данными Ближней Звездой.

В непомерных трудах я закончил эти часы уже после того, как Карл V сначала отрекся от императорского престола в пользу брата Фердинанда, а от королевского престола Испании — в пользу сына Филиппа II и вскоре скончался.

Когда Филипп II стал королем Испании, он возобновил со мной договор своего отца, а увидав гармонию моих новых часов, приказал быть мне ежеутренне третьим: пробуждаясь, король принимал первым патера, вторым — врача и меня — третьим. Лишь после этого он выходил к своим министрам.

Король жаждал новых механических «чудес» и порой даже пытался постичь суть их внутреннего устройства. По прихоти короля я должен был со своими подмастерьями делать великое множество самодвижущихся игрушек. Я сделал фигуру женщины, которая била в тамбурин и в такт его звукам танцевала, кружилась, ходила по кругу. Я сделал фигурки сражающихся, размахивающих мечами рыцарей на вздымающихся конях; воинов, играющих на трубах и бьющих в барабаны; я сделал механических птиц, которые, подобно живым, летали во дворце.

Самым большим моим инженерным достижением было строительство больших насосов для подачи воды из Тахо в толедский Альказар, которое по указу короля я начал в 1564 и закончил в 1570 году, затратив 8 400 769 мараведис. Машина поднимала воду из реки в Толедо на высоту 110 кастильских вар (около 90 метров. — **А. И.**).

Работой машины все восхищались. Скульптор Беррукете высек мой бюст из белого мрамора, в мою честь выбили медаль с надписью «Virtus nunquam quiescat» (смысл фразы: «Сила великого разума никогда не может бездействовать». — **А. И.**), в Эскуриале повесили мой портрет, писанный маслом, однорукий начинающий литератор Мигель де Сервантес Сааведра воспел мои труды в изящной новелле.

Но не только невежды, но и самые искусные инженеры не смогли понять ее устройство, ибо я тайно использовал в машине законы сил притяжения планеты, открытые мне Гостями с Ближней Звезды. Эту тайну я доверил только младшему сыну, и она умрет вместе с ним, если в зрелости лет он не найдет достойного восприемника.

В эти времена я достиг многого и был счастлив в кругу моей большой семьи, жившей хотя и скромно, но в достатке, радостно и дружно. И вот, когда работы в Альказаре были в разгаре и мне нужно было из старой столицы Толедо приехать в новую — Мадрид к своей семье, меня сразили страшные события.

Бесчестный проходимец, неотразимый красавчик и дуэлянт предерзкий, бездушная, бессердечная тварь — дон Гуан убил на дуэли моего старшего сына, вступившегося за честь нашей семьи.

Что мог сделать я, уже старый человек? Горе, как ненасытный вампир, терзало мою душу и сердце, слезы безвольно лились из красных, опухших очей, не смежавшихся даже ночами. Денно и нощно думал я, как отмстить и остановить злодеяния этого негодяя из негодяев.

Работы в Толедо стали идти без моего присмотра, а я сутками напролет в своей лаборатории в Мадриде создавал самую совершенную машину, которая когда-либо была задумана мною. В этого «Деревянного человека» я вложил всю известную мне мудрость Ближней Звезды: «Человек» ходил, используя притяжение Земли, голова, руки, шея, корпус приводились в самостоятельное движение р о д н и к а м и силы и mobiles (источниками питания и двигателями? — **А. И.**). «Человек» должен был уметь все делать и даже слушаться моей воли на расстоянии без заранее рассчитанной последовательности его движений. Для этого служили тонкие механизмы, которые я расположил на своем поясе в виде пряжки и украшений. Каждый из них можно было бы назвать камертоном, ибо они отзывались на свою ноту, звучащую в другом камертоне. Но они не были такими, какими пользуются музыканты, а более тонкими и более сложными, ибо можно создать их чувствительными и к звуку, и к свету, и к запаху, и даже к таким эманациям, которые человеком не воспринимаются. Объяснить их устройство, если бы я имел на это право, моим современникам было бы немыслимо: вам же, моим далеким потомкам, все будет ясно и без моих пояснений. Чтобы к этому не возвращаться, поведаю вам, что я должен был хранить эти тайны не только ради личной безопасности, но и ради многих народов и их истории; упаси Бог, если бы эти тайны попали в руки фанатиков, изуверов, стяжателей, работорговцев и тиранов...

Чтобы не навлекать подозрений, все работы, кроме тонких, я делал открыто, и даже когда «Человек» был готов, я его повез в Толедо. Он так часто шагал со мной к строящимся насосам, что эту улицу толедцы назвали улицей «Статуи», или «Деревянного человека». Если у меня спрашивали, как он движется, то я серьезно, но со скрытым лукавством объяснял, что это автомат, начиненный часами и он ходит, мол, так же, как из хороших часов выскакивает кукушка, возвещающая время. Понятно, что всего его искусства я никому никогда не показывал.

Когда «Человек» был доведен до полного совершенства и силы (он мог двумя руками, как соломинку, сгибать в петлю железный прут), я долго и скрытно наводил справки о местонахождении ненавистного дона Гуана.

Однажды я в задумчивости сидел в Антоньевом монастыре у могилы своего незабвенного сына, когда заметил двух гидальго, которые остановились неподалеку у могильной статуи убитого дон Гуаном командора Мадрида.

Не замечая меня, они вели разговор, который заставил бешено забиться мое сердце: один из них был негодяй дон Гуан. Сей убийца, доподлинно зная, что красавица дона Анна почти ежедневно приходит на могилу мужа, похвалялся своему дружку: он-де намерен наведываться сюда и бьется об заклад, что вскоре соблазнит несчастную вдову.

Меня осенило озарение: сразу возник, как хороший чертеж, план мести. Скрупулезно изучив статую командора, весь следующий день я наряжал «Человека» в доспехи, подобные командорским, и придал полное сходство лицу. Глухой ночью я пришел с «Человеком» на кладбище. Он по сигналам моих камертонов снял статую с постамента, отнес ее в заброшенный склеп, а сам взобрался на пьедестал, и я за несколько минут добился полного сходства со статуей командора.

Под вечер следующего дня я уже сидел в своем тайнике, когда к статуе подошел дон Гуан. Я не решился привести в исполнение свой план, так как мерзавец явно и нетерпеливо ожидал появления доны Анны. Но я ошибся: пришел его дружок, и я стал свидетелем мерзкого разговора, из которого узнал, что дона Анна пригласила убийцу своего мужа к себе домой, правда не зная, с кем имеет дело, — он назвал себя ложным именем.

Их разговор все время шел у статуи. Дружок негодяя изредка на нее посматривал и под конец сказал:

— А что скажет об этом командор?

— Ты полагаешь, он ревнив? — усмехнулся негодяй дон Гуан.

Я дал сигнал статуе повернуть голову в сторону дон Гуана. Дружок взглянул и сказал с ужасом:

— Гляди! Кажется, он смотрит на тебя!

Но прелюбодей не только не смутился, но даже с издевкой сказал:

— Эй! Командор! Едва стемнеет, приходи к доне Анне и стань на

страже у ее покоев. А я тем временем буду наслаждаться!

По моей воле статуя кивком головы дала согласие. Дон Гуан отпрянул, чертыхнулся и сказал:

— Почудилось, будто сей идол кивнул головой. Должно быть, привиделось с похмелья... Пора мне на свидание.

Когда совсем стемнело, я помог статуе спуститься с пьедестала, и мы быстро зашагали к дому доны Анны... Я заглянул в окно и сквозь щели в шторах увидал любовников. Я возложил руки на пояс с камертонами и направил статую к входу. Услышав шум и увидав «командора», дона Анна упала в глубокий обморок. Лицо дон Гуана залила мертвенная, зеленоватая бледность. Хвала провидению, мой механический мститель покончил с негодяем.

Было далеко за полночь, когда мой автомат извлек из склепа статую командора и водворил на пьедестал. Остаток ночи я в тиглях и камине своей лаборатории сжигал доспехи и ставшую ненужной всю начинку автомата и вместо нее поставил простейшее устройство. Остался все тот же простой автомат — «Деревянный человек». Он умел только шагать...»

●

ОТ АВТОРА. На этом записки Джуанело Турриано, приведенные в книге «Механические забавы», обрываются. Рукопись не закончена. Удастся ли найти ее продолжение? Маловероятно. Во всяком случае, о величайшем изобретении прошлого, «Механическом человеке», пока известно не более того, что пожелал сообщить некто скрывшийся под псевдонимом — «Н. Х. — Трижды Величайший».

Я же был бы несказанно обрадован любому известию, которое каким-либо образом касается рукописи механика Джуанело Турриано.

И последнее: при переводе рукописи мне показалось странным почти полное сходство эпизода в изложении Турриано с чудесным произведением Александра Сергеевича Пушкина «Каменный гость». Но изучение соответствующих литературоведческих работ показало, что эта эпопея дон Гуана была навеяна поэту, и не только ему, первоисточниками: испанским фольклором — народными толедскими, севильскими преданиями и сказаниями, восходящими к XVI веку, то есть опять-таки ко времени жизни вполне реальной исторической личности Джуанело Турриано.

Любопытно, что рукопись великого механика снимает «колдовской», мистический налет с легенды о визите Каменного гостя.

Г.Курнин у своих полотен

Г.Курнин «Планета фосфоресцирующих деревьев»

Рис. Р. Авотина

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ О ВЕЧНОСТИ

Человек, который сделал Балтийское море

Север ГАНСОВСКИЙ

Жестоко дул ветер из края в край бесконечной, только с восхода холмами окаймленной равнины, и безнадежно маленькими были два человека в самом центре полулеса-полутундры, такой однообразной, что каждый шаг ни к чему не приближал и не отдалял ни от чего. Снег, проткнутый черными мокрыми ветвями низких кустарников, лежал там и здесь островами, грудами, клочьями — при взгляде вдаль эти острова на всех направлениях сливались в одно. Таяло. Среди мхов стояли озерца и лужи, по большей части соединенные между собой. Наверху, закрывая солнце, сумятицей в несколько слоев катили черные и белые облака, огромная панорама неба ежеминутно перестраивалась, и лишь изредка мелькал где-нибудь голубой просвет.

Неуютный, злой мир. Ни единого местечка, чтобы согреться, — снег, чавкающая, насыщенная ледяной водой почва. Но двое, медлительностью своего движения прикованные к тому краю, где родились, никогда не видели другого, только слышали от старших, что прежде было лучше. И не холод тревожил их, они были скорее дети холода, чем тепла.

Десять тысяч лет назад.

Север Европейского континента...

Люди приближаются, и мы можем их рассмотреть. Это молодые мужчина и женщина, им примерно по восемнадцать, но трудности борьбы за жизнь заставляют их выглядеть старше, чем наши современники в такие же годы. Оба исхудали, но оба хорошо сложенные и высокие, особенно мужчина, длинноногий, с развитой грудью, мощным плечевым поясом, одинаково способный и на длительный бег, и на большое мгновенное усилие. И он и она одеты в звериные шкуры, но не сейчас, не ими выделанные, а вытертые уже, порванные, скрепленные на трещинах, такие, что почти не удерживают теплоту тела, а лишь загораживают его от ветра. На женщине, кроме рубахи из оленьей кожи, еще что-то вроде куртки, сшитой из телячьих шкурок, — она на первых месяцах беременности и защищает от стужи не только себя. За плечами сверток больших шкур, в руке примитивно сплетенная корзинка, доставшаяся ей от матери, старая, потемневшая. Мужчина вооружен. На ременном поясе висит колчан с тремя толстыми деревянными стрелами, маленький мешок, где кремниевые рубила, скребки и

предметы для добывания огня. В одной руке у него грубый, ничем не украшенный лук и копье, в другой — каменный топор на длинной костяной рукоятке, который нам теперь показался бы скорее молотком.

Женщина, опустив голову, смотрит себе под ноги — она собирательница. Мужчина — охотник, он бредет, оглядывая даль.

Но ничего нет ни рядом, ни в отдалении. Живая, движущаяся животная жизнь кажется исключением здесь среди снега и воды. Трудно помыслить, что эта бесплодная почва способна создать и прокормить существо с горячей кровью, упругой плотью. Правда, мужчина видит вдалеке, почти у горизонта, несколько темных точек. Но это рослые широкомордые волки, тоже охотники. Уже несколько дней они терпеливо преследуют двоих, ожидая, пока те ослабеют. А двое без пищи уже давно, их движения все неуверенней, их шаги шатки.

Вот двое подошли совсем близко. Женщина с коротким вздохом сбрасывает со спины сверток, садится на него. Мужчина опускается на корточки. Женщине хочется есть и хочется кислого, она обламывает черную веточку с куста, пробует пенный, жгуче-горький сок, роняет, срывает перышко голубого мха, опять пробует. Она вся здесь и теперь, ее чувства и мысли конкретней, непосредственней, чем у мужчины, который в эти минуты отдыха рассматривает рисунок, вырезанный на рукояти топора, поворачивая его и так и этак с бережной осторожностью, даже странной для его больших заскорузлых кистей. Он вспоминает прошлое и, поглядывая на дальнюю гряду холмов, прикидывает будущее.

Люди! Почти такие же, как мы, только сто столетий назад. Одинаково с нами способные научиться чтению и письму, понять или хотя бы ненадолго для экзамена запомнить формулы химии и математики, примениться к цивилизованному бытию.

Наши родственники в самом прямом смысле. Население Европы того времени составляет едва ли десяток тысяч человек, а это значит, учитывая множество пресекшихся родов, что каждая человеческая пара той эпохи дала частицы своей крови миллиону или двум наших современников.

Поменьше пятисот поколений отделяют нас от задумавшегося мужчины. Как интересно было бы выстроить во времени шеренгу двадцатилетних отцов (всего лишь пехотный батальон по числу), молодых, у которых впереди еще целая жизнь и глаза светятся.

Вот он первый, ближайший к нам, в солдатской гимнастерке Великой Отечественной войны. Он пригнулся с друзьями в окопе, нервно, быстро докуривает махорочного бычка, бросает вскипевший, трещащий огонек на влажную землю и по привычке раздавливает, прикрутив подошвой тяжелого сапога. Сейчас атака. Ну, конечно, он останется жив — ведь ему еще встретиться с нашей будущей матерью и в мгновение нежности, страсти, оглушающе стучащего сердца зачать нас.

За ним отец — строитель начала 20-х годов. И следующий уже выглядывает из шеренги, в косоворотке фабричной бумазеи навыпуск под ремень, темных брюках, заправленных в сапоги, в картузе — рабочий в 1900-м.

Через одного задумался парень в холщовой рубахе и лаптях — скоро волю дадут от барина. А дальше через одного примеривает французскую кирасу воин 1812 года — только восемь поколений от нашего.

Шеренга стоит. Все крестьяне, крестьяне, отцы, отцы, и во многих пока еще угадываются черты того солдата, который в окопе принял от товарища остаток махорочной скрутки. Что же они сделали для сегодняшнего дня, эти парни, кроме того, что произвели на свет нас?

Тот, которого привезли в Москву с Дона, с Украины?..

Тот, кто несколькими поколениями раньше бежал на Дон от помещичьей кабалы? (Тоже наш дальний отец, от него у нас в характере вольная, степная развязка.)

Тот, кто с проклятой туретчины сумел вернуться домой?..

Тот, который с арканом на шее, не сопротивляясь, пошел в татарский плен?

Лишь сорок поколений, сорок шагов вдоль шеренги, и вот стоит плечистый княжеский дружинник в железной сетке-кольчуге. На сто тридцатом шаге исчезнет металл, на двухсотом — домотканую шерсть сменит тщательно выделанная звериная шкура. Но по-прежнему на обветренных лицах все та же упорная надежда.

Не правда ли, странная ответственность налегает на плечи каждого из нас, если задумаешься, как много отцов и матерей обменялись первым несмелым взглядом и словом, чтобы на свете стало «я». Ответственность и величие в любом.

...Безлюдней и безлюдней вокруг. С полусотней шагов мы оставляем позади тысячелетие, снова тысячелетие, и наконец перед нами опять двое, затерявшиеся на голой равнине. Если б они могли предвидеть, какой длинный ряд потомков оберегается сейчас под сердцем женщины, сколь разительно переменится в будущем окружающая их холодная пустыня! Но им не дано знать такого, они дошли до самого последнего рубежа своего времени, впереди одиночество и ложущая неизвестность.

Гложущая, потому что мужчина и женщина — современники великой передвижки. Всего за несколько поколений мир стал другим, прежний навык не отвечает новым условиям. В руках все расползается, из-под ног уходит, нужно найти что-то или погибнешь.

Двое — первые люди в этой части земного глобуса. Их привела сюда жуткая катастрофа, которая втрое-впятеро срезала население материка, оставляя там и здесь вымирающие орды, едва не приведя человека в Европе на грань исчезновения. Солнце отказывается светить как раньше, облачная мгла затянула ясное небо, потемнели чистые снежные поля, с юга налезает непроходимая чаща неведомых растений.

Прежде жили охотой на оленей, что приходили стадами на ближние равнины. Шкурами одевались, мясо запасали в пещерах на долгую зиму. Мужчина помнит эти загонные охоты: быстрый бег, пенные морды животных, удар копьем, торжествующий крик, исторгшийся из собственной груди. В его памяти и рассказы стариков о том, что их отцы добывали еще более крупного зверя, злобного, которого заманивали в яму. И мужчина верит, что такой зверь был, потому что огромные кости изобильно валяются вокруг стойбища, а изображения его украшают рукоятки старых топоров.

Но стада оленей постепенно уменьшались, однажды весной они не пришли совсем. Черная масса кустарников и деревьев, сквозь которую ничего не увидишь и не прорубишься, подступила к обжитым холмам, поглотила их. Год от году становилось теп-

КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ

лее, большие животные исчезли совсем, других в орде не умели добывать. Питались падалью, грибами — от этого многие умерли.

И когда орда сократилась вчетверо, молодой мужчина решил покинуть стойбище, отыскать тот край, где далеко видно на снежных просторах и олени ревут, вскидывая рога, убегая от сильного охотника.

Но легко ли? Попробуй найди!

Сегодня нам кажется, будто проблемы, стоящие перед предками, были далеко не столь громоздки и насущны, как те, с которыми встречаемся мы. Вроде все было проще в буйные рыцарские времена, в лихие мушкетерские. Вскочил в седло и умчался от любой нависшей беды — только стук копыт и лица отшатнувшихся врагов. Или рабовладельческая эпоха — разве трудно поднять восстание, а если его и подавят, половина земного шара еще не заселена и свободна для тебя. Но все так лишь отчасти. Действительность и на самом деле была проще, зато проще и умирали. Люди всегда могли прожить и держались только обществами, а они жестоко, ни о чем не спрашивая, оборонялись от кочующих чужаков-одиночек — ножом, стрелой, дубиной. Мир во все времена был миром нехватки и скудности. Всякая вещь ценилась дорого, владелец держался за нее до последнего дыхания. Да кроме того, неизвестность, обступающая того, кто ушел от своих. И голод. Достаточно не есть неделю, и после уже не хватит сил добыть себе пищу. Довольно даже пяти дней.

Но мужчина пошел. Вместе со своей подругой — от наступающего леса, спиной к солнцу, которое стало теперь слишком жарким для людей. Через полмесяца двоих встретил холодный ветер, вскоре он сделался непрерывным, и двое поняли, что идут верно. Но собранный запас пищи кончился, оленей все не было, мужчина и женщина начали слабеть. Потом к ним прицепились волки, которые осмелели, озлобились, тоже лишенные прежней добычи.

Теперь во всем окрестном мире, покуда хватал глаз, их было две группы — человеческая пара и хищники. Безлюдье на сотни километров вокруг, абсолют безлюдья впереди. Медлительный шаг по лишенной ориентиров сырой пустыне, где нечем огородиться, негде спрятаться.

Мужчине известна бездушная неотвратимость охоты, которую ведут волки. Он знает, что перед концом от них не отобьешься. Свирепый, неприступный желтый глаз, ошеломляюще неожиданный бросок сзади, и в агонии забьется тело, которое рвут. Но сейчас, в минуты отдыха, мужчина позволяет себе отвлечься мыслями от страшащей реальности. Он поворачивает рукоять топора, рассматривая вырезанное на ней изображение шерстистой морды с хоботом и бивнями. Ему не представить себе настоящих размеров зверя, мужчине кажется, что тот не больше крупного оленя. Один крепкий удар, и падает груда вожделенного мяса.

Он сжимает отшлифованную многими ладонями кость.

Сжимает, и...

Женщина, вдруг застывшая, издала тихий, придавленный горловой звук. Еле слышный, рассчитанный, что едва коснулся слуха мужчины и не ушел дальше. Следуя за ее остановившимся взглядом, мужчина повернул голову, тоже затаил дыхание, опустил топор, медленно-медленно потянулся к лежащему рядом луку.

В полутора десятках шагов от них северный заяц, рыжевато-коричневый, с любопытными выпуклыми глазами, вынырнул из кустарника, сел, глядит на две незнакомые ему фигуры. Прыгнул ближе и снова сидит, стал на все четыре лапки, грызет черную веточку — видно, как мягкая верхняя губа передергивается у него со стороны на сторону.

Вот она, возможность спасения, единственная.

Время как будто замерло, двое слышат биение собственного сердца. У мужчины стрела положена на тетиву, женщина перестала дышать. Мужчина натянул лук, подался вперед, выстрелил. Но неумело, неудачно. Грубая стрела полетела мимо цели. Однако заяц, испугавшись, именно в этот момент скакнул и косо наткнулся мордочкой на каменный наконечник.

Женщина метнулась с места рысью, упала на дергающегося зверька. Схватила, поднесла ко рту, перегрызла горло.

И двое пьют теплую кровь, этот концентрат животной жизни, который человек еще так трудно собирает с больших площадей жизни растительной.

Если б они сумели зафиксировать в памяти ситуацию — выстрел, направленный не в самую цель, а с упреждением. Но еще несколько поколений минует до времени, когда изловчившиеся охотники начнут из легкого лука бить мелкого зверя на бегу и птицу на лету. А двое не поняли, что произошло, упустили. Они развели костер, поджарили мясо, съели, сидя на корточках. Вернулась энергия, движения стали свежими.

Дальше!

Они пошли, кое-где перепрыгивая через лужи, кое-где шагая по ним. Равнина теперь повышалась к северу, еще плотнее дул в лицо ветер. Вскоре мужчина увидел на горизонте гряду белых гор. Все более влажными делались воздух и земля. Повсюду текли ручейки, сливаясь в маленькие речки. Начали попадаться глыбы камня и глыбы льда. Порой они образовывали такие завалы, что невозможно было пройти. Льда становилось все больше, он лежал целыми лугами. Затем почва вовсе скрылась, направо и налево от двоих простерся край бесконечного ледяного поля, которое впереди полого поднималось.

Мужчина остановился и огляделся. Это было ново и тревожно. Он присел на корточки, раздумывая, потом решительно встал. Где лед, там холод, где холод, там снег, а значит, и олени.

Дальше!

На равнине к погасшему костерку тем временем подбрели тощие, облезлые волки. Почуяв кровь, они сразу оживились, сгрызли заячий череп, поспешно, вырывая друг у друга, поглотали обрывки шкуры с шерстью, повертелись, принюхались и неторопливой рысью побежали за людьми. Их ничто не могло сбить с этого следа, и нечему было отвлечь от последнего, быть может, шанса на жизнь. Они приблизились ко льду и вступили на лед.

Двое поднимались долго, отдохнули, потом еще раз долго. Все выше вставал горизонт позади, равнина превратилась в огромную серую чашу. Мужчина и женщина вошли в пояс тумана, а когда миновали его, их ярко осветило солнце, склоны вокруг заблестели глянцем, и стало казаться, что рукой подать до гребня, за которым богатая охота. Здесь было совсем безветренно и тепло. Лед вытаял пещерами, утесами, лежал застывшими реками, провалился ущельями. Идти становилось все труднее, женщине не хватало воздуха, она вдыхала тяжело и часто. А гребень все отодвигался всякий раз как будто на то расстояние, какое двое проходили от передышки до передышки.

Потом кончилась полоса разнообразного льда, опять он разлился полями, уходящими к небу. Мужчину взяла оторопь: знать заранее, как тяжек путь, он не осмелился бы на подъем.

Может быть, вернуться?

С высоты туман смотрелся как облака, и шесть точек, мелькнувших в белесой мгле, подсказали двоим, что волки не оставили их.

Вперед!

Теперь гребень начал приближаться ощутимее. Стена в человеческий рост, кое-где ниже, а за ней только небесная голубизна. Десяток шагов, еще десяток, уже и мужчина ослабел, дышал хрипло. Солнце перевалило зенит, начало опускаться. Равнина внизу только сквозила через облака, и далеко-далеко к югу лежала темная полоса — вал наступающих высоких растений.

Мужчина и женщина подошли к последнему ледяному уступу. Там должен был начаться спуск, за которым и олени, и мохнатый зверь.

Мужчина взобрался наверх, выпрямился. Женщина видела, как он сделал шаг вперед и, отшатнувшись, замер. Она с трудом влезла за ним и тут же села, испуганно глядя перед собой.

Ни снежной равнины, на которую надеялись.

Ни леса, которого боялись.

Ни льда.

Двое никогда еще не были в своей жизни на такой ужасающей высоте; быть может, вообще люди в Европе никогда еще не поднимались на такую.

И здесь, над облаками, начинаясь сразу от синих босых ступней мужчины, от его замерзших, окостеневших пальцев с искореженными, обломанными ногтями, разлилась под небом и сияющим солнцем бесконечная ровная поверхность холодной темной воды.

Во все стороны она уходила, теряясь вдали. Невысокие тяжелые волны округлыми валами неторопливо катили на мужчину и успокаивались у самых его ног.

Море, повисшее в трех километрах над уровнем моря, простершееся на миллионы квадратных километров. Безмерные массы пустых вод, где ни рыбы, ни водорослей, ни даже бактерий.

Двое, конечно, не знали всего этого. Не знали, что и полжизни им не хватило бы, чтобы кругом дойти до противоположного берега. Уничтоженные, они смотрели на необъятное водяное поле, сходившееся у горизонта с небом, и рассыпался, исчезал образ оленьего стада, пасущегося на снежных лугах.

Сильно пригревало, и было совсем тихо. Но легкие, неощутимые ветры все же бороздили гладь моря в отдалении — там черные пространства лежали вперемешку с голубыми и серыми. Слева от людей вода почему-то парила, поднималась и рассеивались в воздухе белые быстрые клубы. Неспешно плыла льдина, высунувшаяся торчком из глубины. Ее изъело солнцем, жаркие лучи выгрызли что-то вроде гигантских сотов на неровных откосах. Она кренилась постепенно, затем вдруг пошла решительно переворачиваться — верхняя часть, всплеснув, скрылась под водой, а оттуда вынырнул другой бок, размытый, отшлифованный, белый.

Что-то происходило в этом на первый взгляд недвижном мире. Тысячелетиями что-то готовилось и теперь назрело.

Лед, хотя и повсюду лед, был неодинаков в разных местах — синие оттенки перемежались с зеленоватыми, даже желтыми. Здесь он иззернился, там шерстил, присыпанный вмерзшим снегом.

Волна от перевернувшейся льдины докатила к берегу, омыла ступни мужчины. Он вздрогнул, очнувшись, осмотрелся по сторонам. Сотнями роились солнечные блики. Ледяная кромка, отделявшая море от пологого склона, кое-где была широкой, громоздилась утесами, кое-где сужалась, плоская, до двух метров или метра, как мы измерили бы теперь.

Угрюмо, медленно мужчина снял с себя пояс с колчаном, взял у женщины две свернутые шкуры, служившие обоим как шатер для ночлега. Он развернул и бросил шкуры у самой воды, опустился на них. Женщина легла рядом, свернулась в комок и сразу уснула, потому что была сыта и смертельно устала. А мужчина не мог и не хотел спать, ему нужно было решить, куда теперь. Он подобрал ноги, обнял колени, просидел несколько минут задумавшись. Ему казалось, что где-то тут должны быть олени, но путь к ним преградила огромная вода, которую двое и помыслить не могли перейти.

Мужчина встал с коротким сдавленным восклицанием, прошелся взад и вперед, потом взял в руки топор — он чувствовал себя уверенней, когда пальцы охватывали костяную рукоять.

Неподалеку послышался шорох — подтаявший ледяной нарост сорвался с утеса.

В этом месте кромка берега была совсем узенькой — с одной стороны рядом море, с другой — далеко внизу потонувшие в провале смутные кустарники полулеса-полутундры. Мужчина остановился здесь. Без мыслей взлетел топор, ударил по льду раз, другой, третий.

И вот уже вода заполнила бороздку, первые капли стекают за край гигантской чаши.

Снова удар, изливается струйка и быстро-быстро делается ручейком.

Это привычно мужчине — сбрасывать воду. В стойбище весной так приходилось делать в пещерах, где по зимнему времени не жили, не жгли костров, а только хранили мясо.

Еще удар, ручеек набухает. Пока безмолвный, он бежит между ногами мужчины, который стал сейчас лицом к солнцу, к равнине. Поблизости пришла в движение поверхность воды, а движущаяся вода — совсем не то, что стоящая. У нее другая сила, ее молекулы трутся о молекулы льда, расшатывают, срывают. Р-раз, и рухнул запирающий кусочек, безмолвие сменяется переливчатым шепотом! Р-раз, и выламывается маленькая глыба! Ручеек заговорил, зажурчал, стал вдвое шире.

А мужчина — на каком берегу ему остаться? Чрезвычайно важен выбор, хотя человек и не подозревает о том. С правой стороны струйки он сделается предком норманнов, которым обживать неприветливые фиорды Скандинавии. С левой — ему начать славянский корень, его дальние правнуки будут, возможно, воздвигать златоглавый Киев, столицу древней Руси. Кто-то из них в страшную для русской истории осень 1240 года увидит, как на низком берегу Днепра собираются верткие широкоскулые всадники в долгополых тулупах и больших шапках-треухах — отряды неисчислимых полчищ Батыя. Но уйдет в лес, останется жив, семя и страсть свою передаст тому, кто через столетия в розовый утренний час на поле Куликовом... Это если влево. Вправо же быстроходный драккар, неумолчный скрип уключин, пенная морская волна, а потом овцы на горном лугу, домик у чистого озера, музыка Грига.

Удивительная альтернатива и вариант определяются всего одним шагом.

Вправо или влево?

Мужчина переступает вправо. Он подходит к своей подруге. Чуткая, она сразу просыпается и встает. Вот они возле ручья. Это уже именно не ручеек, а ручей, который с каждым мгновением ширится, превращаясь в стремительную речку. Струя шириной в полтора метра падает с ледяного вала и дальше внизу растекается пленкой. Но начинает и там определяться ложе течения.

Уже не остановить, не закрыть бегущую воду, даже если б мужчина и захотел. Изменились пути течений поблизости, пробуждены силы, которые невозможно теперь обуздать.

Мужчина перепрыгивает на ту сторону, обратно и снова туда. Отломился еще кусок льда, мелькнул сквозь водопад. Речка стала наполовину шире, ее переливчатый говор сменяется рокотом, нужно кричать, чтобы понять друг друга.

Мужчина зовет женщину на свою сторону. Она подступает к струе, мерит ее взглядом, отрицательно качает головой. Мужчина смотрит вниз. Вода нашла себе дорогу, она катит мелким ущельем, от минуты к минуте размывая его и делая глубже. Поток уже разделил склон пополам.

А волки? Где они?

Вот стая — всего в двух сотнях шагов ниже. Так близко хищники еще ни разу не подходили днем, голод сделал их смелыми, ожесточил.

Звери справа от бегущей воды и отступают от ее разлива. Значит, людям надо на левую сторону.

Мужчина берет брошенные на лед шкуры, прыгает с ними через поток. Он показывает женщине на волков. Скорее же, скорей!

Тем временем обламывается еще кусок льда. Поток расширился, напор сильнее.

Женщина колеблется, затем отступает для разбега, примеривается. Несколько быстрых шагов, прыжок. Нога попала на самый край ледяного уступа, руки взмахнули в воздухе. Короткий неслышный крик, и женщина падает. За несколько секунд ее уносит, сталкивает на два десятка метров вниз, и на разливе ей удается задержаться. По колени в ледяной воде женщина не осмеливается сделать и шага, она подалась вперед, наклонилась. Холодные струи вымывают дно под ней, она еле удерживается на ногах.

А все еще яркий день. На высоте ничем не загороженное солнце заливает ослепительным светом бесконечный склон, неохватную поверхность нависших вод и ту льдину, которая наверху развернулась и царственно направляется к истоку реки.

Мужчина швырнул копье и топор в сторону. Длинными прыжками он спускается, падает, вскакивает, устремляется к женщине. Вот они рядом, обжигающе холодная вода по пояс обоим. Они бредут, держась друг за друга. К счастью, здесь маленькое плато, где река растеклась. Мгновение отдыха, и дальше влево. Опять глубина, женщина вдруг проваливается с головой, мужчина пытается вытащить ее и тоже скрывается весь в потоке. Их несет по глубокой ложбине.

Все полноводнее река, сильнее напор. На какой тонкой нити повисли будущие отцы-охотники, отцы-земледельцы, княжеский дружинник, крестьяне, солдат...

Оба выныривают. Мужчина яростно борется. Обоих прижимает к ледяному выступу. У женщины плотно сжаты губы, она не сказала ни слова, не крикнула с того мгновения, как упала. Задыхаясь, чувствуя, что отнимаются занемевшие руки и ноги, мужчина отчаянно оглядывается.

Что это? Напор резко ослабел, он иссякает вдвое.

Льдина, подплывшая там наверху к берегу, частично заперла реку. Однако верхний слой теплой, нагретой за день воды точит и точит новый проход.

Мужчина и женщина выходят из потока, тяжело дыша, побитые, обессиленные, дрожащие.

Но топор! Лук и стрелы... Все осталось на другой стороне. А без оружия, одежды, инструментов обрывается связь двоих с прошлым, с человечеством. Они сразу скатываются на положение голых, слабых животных, которым не спастись в бесплодной тундре.

Женщина, побелевшая и синяя, бежит наверх, туда, где оленьи шкуры. Мужчина, не раздумывая, бросается обратно в воду. Через минуту и он начинает подниматься. Топор, колчан, мешок с рубилами и скребками — все прижато к груди. Разбег, беззаветный прыжок. Женщина подхватывает мужчину, вдвоем они отбегают дальше по узкой кромке у моря.

Вовремя. Льдина стала торчком, переворачивается и выламывает, падая, огромный кусок берега. С ревом обрушивается стена воды, ее серое долгое тело устремляется вниз. Переплетаются тугие струи, брызги взлетают и блещут. Водяная пыль поднялась над проломом, кусок радуги засвечивается, меркнет, опять засвечивается. Эшелонами низвергаются тяжкие массы, за ними, не прерываясь, следуют другие. Трещит лед, округлая линия перелома воды протянулась уже на полкилометра.

Где там волки — они сгинули! Сбежали, испуганные, и быстрыми тенями уходят, скачут к северу.

Новые течения возникли на ближнем участке моря, плывут и исчезают воронки водоворотов. Взметнулся бурун и подтачивает высокий береговой утес.

В трех километрах ниже, на равнине, вода пришла, ударила в почву, образовала озеро, которое ширится с катастрофической скоростью. Брызнула в разные стороны живность, что не видели, не умели увидеть люди — охотники за крупным зверем и волки-охотники. Скачут зайцы, бежит песец, трясогузка взлетает над затопленным гнездом. Но никому не уйти. Низкорослый ивняк скрыт с верхушкой, крутят водовороты, всплывают глыбы льда, колеблются каменные надолбы.

Грохочет и пенится вся извилистая дорога воды. В одних местах расходясь, в других сжимаясь, современный весенний Днепр падает с заоблачных высот.

А там наверху к провалу подтащило айсберг. Ледяная гора поднимается, нависает, перемалывая, сминая ледяные утесы берега, и Волга, целая Волга обрушивается в бездну. Воздух дрожит. На десятки километров разносится пушечный грохот. Полная радуга перебросилась на высоте через стремительную реку, чье течение каждый миг проносит вниз новые сотни тысяч тонн воды.

Солнце, белые льды, горизонт моря, горизонт суши внизу и два человека...

Что же происходит?

Кончается ледниковый период в Европе; вот что! Создается Балтийское море.

Около миллиона лет назад на планету с ужасающей быстротой надвинулся холод. Там, где прежде стояли тропические леса, простерлась белая, гладкая, мертвая, как на луне, ледяная пустыня. Возникшая у полюсов область высокого давления повернула горячие ветры экватора с меридионального направления на широтное. Лед вобрал невообразимые массы планетарной воды, иссушил моря, понизил уровень океанов, разъединяя их, обрезая морские течения, что прежде разносили тепло по земному шару. Сфера жизни на суше резко сократилась, и человек, впервые вступивший в Европу, был вынужден бежать. Четырежды, по крайней мере, климат делал людей на континенте своей игрушкой, приглашая в периоды потепления волны человеческого нашествия, а затем изгоняя первобытных охотников. Челнок с размахом в тысячи километров и сотни тысяч лет — из Африки, из Азии в Европу, а потом снова в Азию, Африку. Но раз от разу люди становились изобретательнее. Жестокий холод остановил эволюцию неандертальцев, однако другие ветви человеческого рода, следуя за мамонтом и оленем, проникли далеко на север и принесли с собой развитую культуру камня.

Но снова катастрофа, снова климат меняется, теперь уже под влиянием ледника отступающего.

А что же управляет оледенениями?

Процессы, происходящие на Земле.

Возможно, что изменения активности Солнца.

Вероятно, периодический (через 300 миллионов лет) выброс гигантских масс вещества из центра Галактики.

Не исключено, что воздействие других галактик и их скоплений на ту, где мы.

Грандиозный масштаб, но пусть он не пугает нас. Напротив, прекрасно, что наша историческая судьба зависит от столь многого. Громоздятся горы, дышат огнем вулканы, зеленеет лес, сияет солнце, звезды идут по своим кругам, и все это (пожалуй, даже взрывы сверхновых) влияет на человека. Значит, мы не сбоку, не просто так, не отщепенцы, а часть безмерного целого, именуемого вселенной.

Вот они, двое на краю заоблачного моря. Быть может, в дальнем космосе, в недоступной звездной чаще началось то, что в конце концов привело их сюда.

А они сами, что сделали они?

Тысячелетиями истаивал изнутри ледник, покрывший север Европы. Чаша, наполненная талой водой, образовала гигантский морозильник, определяющий климат материка. Но ударил топор, струйка превратилась в ручей, в реку, в огромный водопад. Как сто Ниагар, он будет реветь теперь недели, месяцы, десятилетия. Обрушившиеся воды уже намечают современную береговую линию Балтийского моря, они соединятся с Атлантикой, перемешаются с ее нагретыми солнцем волнами, и оттуда на север придет тепло. Освободившиеся от давления вечного антициклона горячие ветры экватора повернут внутрь континента, принося туда океанскую влагу. Чахлая полутундра сменится дубравами, лугами, на зеленой опушке пчела зажужжит над цветком, крупные стадные животные откочуют далеко на север, на восток, и вынужденно свершится в Европе великая революция — от охоты человек перейдет к земледелию, от сбора пищи — к ее производству. Создастся устойчивый, легко сберегаемый излишек еды, поднимутся первые города, начнется цивилизация.

Если б им знать, двоим!

Нет, они ничего не знают, их страшат, не радуют жаркое солнце, белые облака — вестники другой эпохи. Мрачно, глядя под ноги, мужчина завязывает пояс с колчаном и мешком. На его мускулистом плече сочится кровью рваная ссадина — рана, косой шрам пересек лоб.

Женщина свернула шкуры, закинула их за спину. Она кивает мужчине — слов не услышать в оглушительном реве, — и двое начинают свой путь кромкой моря, туда, к холмам, что огораживают затопляемую равнину. Они делают шаг вниз, на склон, мужчина останавливается и бросает последний взгляд на неохватную поверхность льдистого океана. Его губы сжаты, брови нахмурены, но на миг гордый и горький вызов выражается в глазах — все-таки двое достигли самого края. Не их вина, что некуда дальше.

И вот люди удаляются от нас. Очень медленно, так что целый час им нужен, чтобы стать пятнышком на пустом белом фоне льда и снегов. Все меньше, меньше пятнышко и наконец исчезает совсем. Двое ушли к югу, в скифскую степь будущего, к славянскому лесу, в глубину пространств и времен.

Ушли, но вернутся, не пропадут. По водам отворенного ими моря поплывут корабли, на его берегу Петербург раскинет свои дворцы. Кровь этих двух молодых, хоть и многократно растворенная, влилась к нам в жилы, просочившись сквозь толщу десяти тысячелетий.

Двое свершили. А мы?.. Где оно, наше Балтийское море?

Да вот оно! Каждую секунду проливается первая струйка, начинается исток — только мы не умеем увидеть. Дыхание, жест, слово, незаметный поступок дают начало таким развитиям, которых последствия не измерит никто.

Может показаться, что первобытный охотник лишь потому приблизил конец ледника, что тогда мир менялся, был в состоянии великой передвижки.

Но мир всегда меняется, и постоянно мы на последнем, решающем рубеже своего времени. Не будем беспокоиться — ничто наше не пропадает. Человек, который сделал Балтийское море, — это вы, это я. Зависящие от всего, влияющие на все, по скрещению минутного с вечным, малого с безмерным люди идут головою в звездах. Нужно только хотеть и действовать.

Нам привычна мысль, что разум сильнее веры. Да, это бесспорно. Однако, прежде чем открыть, изобрести, начать, сделать, мы должны быть уверены в своей способности добиться успеха. Разум велик, но все-таки впереди идет вера — в себя.

Д. Янков (Болгария) «Экологический эксперимент»

Геннадий Голобоков « Неконтактирующий андроид »

А.Алимов «Сквозь бездну»

ВРЕМЯ
ПРОСТРАНСТВО
ЧЕЛОВЕК

Чертова стена

Сергей ЖИТОМИРСКИЙ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Техника-10 Молодежи 1972

Наша палатка стояла на щебенке заброшенного шоссе рядом с бурной речкой, а над нами поднималась немыслимая скальная стена, знаменитая Девсришайтон — почти километровый обрыв, где не прошел еще ни один альпинист.

Ради нее мы и приехали сюда, здесь предстояло провести последние испытания адгезохода: передвижение по скалам с нулевыми и отрицательными углами.

На этот раз все было в порядке, даже гидравлика. Мы с ведущим конструктором и наладчиками еще раз проверили системы машины. Ведущий сунул в карман заполненную замечаниями записную книжку и распорядился:

— Выход на скалу в десять ноль-ноль, через тридцать пять минут.

— Кстати, — совершенно серьезно обратилась ко мне Ирина, ведавшая у нас электроникой. — Не забудь прихватить горный молоток. Глядишь, попадутся алмазы.

— Алмазы? — изумился я.

— Да. Мне кто-то говорил, будто в этих известняках много этих... кимберлитовых включений.

Она была не слишком сообразительна, эта Ирочка, и ее разыгрывали все, кому не лень. Наконец я уселся в водительское кресло.

При вождении адгезохода управлять приходится только двумя его передними ногами. Дальше в дело вступает Ирочкин «черный ящик», набитый транзисторами, и остальные лапы шагают сами — след в след.

Я бодро шлепнул по трапу левым передним копытом. Шаг, другой, третий... Машина наклонилась, спускаясь из кузова грузовика на дорогу. Тотчас же мое кресло повернулось, сохраняя вертикальное положение. Я прошел десяток метров по шоссе, повернул адгезоход к стене и поставил передние лапы на красный известняк скалы.

Теперь начиналось самое интересное: на эластичных пористых подошвах копыт выступил клей — вернее, его компоненты, которые, соединяясь, дают быстросхватывающий состав. Секунда — и подошва намертво прилипает к скале. Чтобы оторвать ее, достаточно подать растворитель.

Отыскиваешь место, куда удобнее переставить подошву, приклеиваешь ее, потом переносишь на нее весь вес машины — это контроль прочности соединения. Если копыто отскочит, приклеивай снова, а если нет, жми кнопку и жди, пока переступят другие две лапы той же стороны.

За два часа я прошел по скале больше трехсот метров. Все было хорошо. Позади остались наклонный участок, карниз, пятидесятиметровая вертикаль. Теперь надо мной нависало своеобразное каменное брюхо.

Я привстал, похлопал ладонями по прохладной шероховатой поверхности монолита, где надо было пройти, потом взглянул вниз на белую полоску реки, нитку дороги, крошечную коробочку нашей машины.

Пора. Я доложил ведущему по радио, что приступаю к переходу на отрицательный угол, и закрепил копыто чуть ли не над головой. Адгезоход запрокинулся на спину, и я оказался в полулежачем положении.

Топ, топ, топ! Машина шла по скале, как муха по потолку. «Надо отдать адгезоходу должное, — подумал я, — сегодня он ведет себя безупречно».

И тут произошло! Едва я надавил кнопку отклейки, послышался резкий свист, и откуда-то из-под сиденья ударила струя жидкости с резким запахом ацетона.

Растворитель! Я мгновенно перекрыл клапан подкачки. Но поздно. Бачок был уже пуст; из разорванного шланга стекали последние капли.

Машина застряла, прилепившись к нависшей части скалы. Я доложил вниз о происшествии и принялся менять шланг. Это мне удалось, но где было взять растворитель? А без него адгезоход не сможет отклеить своих ног от камня.

Я залез в просвет между машиной и скалой и растянулся на днище. Пожалуй, это была самая удобная поза, какую я здесь мог принять.

Первой мыслью ведущего было вызвать вертолет, чтобы он опустил растворитель на тросе. Но от этой идеи пришлось отказаться — я не смог бы дотянуться до края карниза, где будет болтаться трос. Спускаться вниз в одиночку без альпинистского снаряжения и страховки мне тоже не хотелось, тем более что до вертикальной скалы было еще метра три абсолютно непреодолимого навеса. Единственное, что оставалось, — вызывать спасателей. Так ведущий и сделал. Через полчаса он сообщил мне, что завтра с рассветом ко мне на выручку выйдет группа альпинистов. Три мастера и один разрядник. Они надеялись одолеть стену часов за двенадцать.

Я мысленно представил себе их путь. Нет, не успеть им за двенадцать часов. Самое меньшее — дня два, а то и три. Недаром эту штуку назвали «Чертовой стеной» — по-таджикски — Деворишайтон. Да, положение — хуже некуда! Проторчать два дня в подвешенном состоянии, практически без воды и пищи — перспектива не из приятных...

Прошло два часа. Внизу пообедали. Я лежал, изнывая от безделья и невеселых мыслей. Так мне и пришлось бы проваляться несколько суток, если б не Ирочка. Спасение таилось там, где я меньше всего ожидал. Неожиданно в наушниках послышался ее голос:

— Алло! Послушай, что я придумала. На тебе тренировочный костюм?

— Конечно.

— Так вот, если ты его распустишь, а нитку с грузиком опустишь к нам, мы привяжем к ней тонкую капроновую леску, потом леску потолще, потом, ну помнишь, как в сказке?

— Не продолжай. Длины не хватит, да и нить не выдержит!

— Что ты понимаешь в нитках и вязании! Говорят тебе, получится!

Машину погнали в поселок за лесками, а я соорудил из подручных средств катушку и снял блузу. Она таяла на глазах, превращаясь в длинную-длинную спасительную нитку. Потом, когда остались одни рукава, я привязал к концу нитки болтик, надел на нее листок из блокнота и начал осторожно разматывать.

Несколько раз нитка цеплялась за скалу, но все-таки настал миг, когда ее конец был пойман Ирочкой.

К этому времени машина уже вернулась. Осторожно, как удильщик, который подсек крупную рыбу, я втянул нитку обратно. Дальше все шло, как в сказке. Только там принцесса сидела в неприступной башне, и герой спасал ее, а здесь она сама пришла на помощь герою.

Скоро у меня в руках была уже леска, потом другая, потолще, потом капроновый шнур, на конце которого болталась канистра с растворителем.

Заправлять машину, висящую вверх ногами, не так просто, пришлось воспользоваться для заливки сливным краном.

И все же в половине четвертого я улегся в кресло, запустил двигатель и пошел вниз.

Вскоре испытания были закончены, к восторгу Ирочки, которой не терпелось вернуться к мужу в Москву.

А мое приключение стало достоянием «Инструкции по эксплуатации адгезохода». Там сказано: «На машине должен иметься канат, длиной не меньший, чем высота подъема машины над легкодоступной местностью».

И последнее. Альпинисты все-таки прошли Деворишайтон. Придя в наш лагерь и выяснив, что спасать уже никого не надо, они не отказались от восхождения. Оно заняло трое суток.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Г.Голобоков «Земная белка»

Владимир ЩЕРБАКОВ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Скрипнул полоз саней. На улице раздались знакомые, казалось, голоса. Шаги на ступеньках полусожженной школы. Негромкий разговор.

В гулком пустом классе, где раньше нас было больше, чем яблок на ветке, камень разбитой стены ловил мое дыхание. Светлый иней оседал на красных кирпичах. Я считал эти летучие языки холода, выступавшие как бы из самой стены. Где-то хлопнула уцелевшая дверь. Голоса приближались. И я понял, что это не сон.

Наверное, втайне я ждал их. Даже в коротком забытьи, когда мороз сжимал тело в пружину, я услышал бы их и узнал. Хотелось пойти им навстречу, но волосы примерзли к полу и нельзя было поднять голову. Тогда я крикнул. Меня нашли.

...Сани и тулуп были так удобны и теплы, что я не сразу уснул, бессознательно стремясь продлить эту минуту, минуту встречи. В одной руке я держал ломоть хлеба, заслонивший пол-улицы, в другой — черную эмалированную кружку, полную густого молока. Из-под полозьев на ленту дороги сыпались синие блестящие лезвия следов. Покачиваясь, плыл я спиной вперед на ворохе соломы. Во всю ширину дороги шли люди с автоматами и винтовками: Кузнечик (так его звали все), парнишка лет пятнадцати от силы, может быть, мой ровесник; Велихов, командир отряда; Гамов — бородатый, в очках; за ними сплошные телогрейки, шинели, ушанки — сила.

Они шли, опустив головы, неся руки свои устало. И что-то мешало Кузнечику быть веселым — таким, каким, наверное, он был всегда.

Теперь я мог представить, что произошло в поселке, пока я прятался в школе. Вдоль родной моей улицы поднимались трубы печей над кучами пепла от сожженных домов. Оставались кое-где бревна обугленные, на печах стояли совсем по-домашнему чугуны и кастрюли, но людей в поселке не было, и без них он умер. За бывшей околицей далеким памятником растаяла школа с чернильными клетками окон.

Обо мне говорили. Отдельные слова долетали до меня и оставались в голове навсегда.

— ...совсем закоченел.

— ...ничего, смотрит, кажется.

— ...до лагеря рукой подать.

Спать хотелось все сильней. В мой сон вошел едва уловимый запах зимнего леса, одинокий крик птицы, медленное движение воздуха, несшего миллионы невидимых кристаллов.

Когда я открыл глаза, темнота начинала выходить из-под деревьев у обочины, обрисовывая силуэты, похожие на лежащих в снежных взломах людей. Я вспомнил: нет, я не замерз в школе, спрятавшей меня, а синяя дорога с тяжелыми елями по бокам ведет в партизанский лагерь.

Сани и две наши тачанки вдруг остановились. Начался суд.

Ребров, хмурый и хмельной, всю ночь до утра прогуляваший в дальней деревне, вместо того чтобы перехватить со своей группой карательный отряд, стоял перед Велиховым, переминаясь с ноги на ногу.

— Не успел, командир, выполнить задание. Не успел. Трудно было. — Взгляд Реброва обращен был вниз, на новые валенки, взятые им в той же злополучной деревне, где ему было так хорошо.

— Знаю, что не успел, — сказал Велихов, — видел и то, что успели сделать в поселке каратели. И ты, быть может, заметил...

Негромкий выстрел. И опять скрип саней. Снежинки, падавшие на щеки. Плывущие по небу верхушки елей. И тут я понял, что знал этот лес, лица, разговор, знал, чем кончится справедливый суд и как упадет Ребров — боком, неуклюже... Точно видел уже однажды все это и потому мог сказать точно, что произойдет в следующий момент. И в школе, и здесь, на дороге, выбегавшей из леса, как из бесконечной объемной рамы, я чувствовал эту родившуюся во мне способность, которая в иные минуты подавляла, даже пугала. И лес с его седым гребнем можно было остановить на секунду и рассмотреть, как под микроскопом: вот выпуклая снежная шапка слетала с головы дерева — я уже ждал ее падения, — и время опять текло мерно, как замерзающая река.

Я загадал: через несколько минут Кузнечик спросит Велихова о положении на фронте, о том, почему так далеко пустили немцев и будут ли они летом опять наступать. И еще о том, почему до сих пор не взорвали мост. Высветилась вырубка с высокими пнями. Кузнечик вступил на ее край, остановился, оглядывая темные стены стволов, и, успев удивиться чему-то, опять зашагал, выкидывая ноги из-под серой сыпучей муки. За ним шли Валя-радистка и Гамов с трофейным автоматом за плечом. Казалось, они пели — это их глаза несли частицу песни, протяжной и грустной, как ветер. Кузнечик догнал Велихова, и я услышал:

— Николай Николаевич, как могло получиться, что немцев пустили чуть не до Москвы, потом отогнали, а летом опять будут они наступать?

— Остановят их. Пробудилось сердце нашей земли. Ранили они его, брат.

— А где это сердце, Николай Николаевич?

— Оно большое, сердце земли. На севере, где озера как небо просторны, а люди высоки и светловолосы, — там сердце земли нашей. И на юге, где ветры бегут от края степи до края моря, — там сердце это бьется в каждой груди человечьей. И много восточнее, до самого Тихого океана, живо это сердце.

— А почему мы к мосту не идем, Николай Николаевич? Все ждем... Ясно ведь, где охрана стоит и пулеметные гнезда. Разве сил у нас мало?

— Ты когда, брат, хлеба досыта ел, помнишь?

— Когда подводу отбили у конвоя.

— Ну вот видишь... — сказал Велихов, как-то стран-

но хмыкнув. — Вот видишь, — снова повторил он, как будто от слов Кузнечика ему стало неловко. — А насчет моста дело не такое уж ясное. Знаешь, сколько времени строили его?.. Два года. Такие мосты уничтожают тогда, когда их нельзя оставить. Для нас же. Посмотри: развалины вокруг, пепел землю присыпал, и люди точно рожь, которую скосить легко — трудно вырастить.

Пауза. Шорох шагов. Огонек самокрутки. Стихающие голоса. Молчание.

Я подумал о лагере. И снова угадал: представил его точно таким, каким увидел через несколько минут. Заметно стемнело. Дорога как бы шла по морскому дну, привела она к площадке с землянками, с большим квадратным сараем. Внутри сарая горел костер, вокруг лежали толстые бревна-скамейки, в углу стояла бочка с водой, над ней висел на гвозде корец, с края которого стекала прозрачная капля — стекала, но, не успев упасть, застыла от холода, отражая красные угли костра, всплески света от искр летучих.

Являются иногда необычные дни в конце января или, может быть, начале февраля, когда кажется, что пришла весна: воздух свеж, легок и влажен, а на полянах вырастают под солнцем первые золотистые сосульки. Но холодны утренние звезды, и песне весенней не слететь еще с губ. Такие дни наступили вскоре. Вместе с Кузнечиком я думал о лесных дорогах, ставших нашим домом. Встав до зари, ожегши рот кашей, я с необыкновенным наслаждением разбирал и собирал выданную мне винтовку, прицеливался в можжевеловый куст, в раннюю тень сосны. Потом бежал к Велихову просить задание — на том основании, что мне уже исполнилось пятнадцать.

Дороги тех лет...

Поздним вечером, когда окна и фонари гаснут, а движущиеся огоньки на дальнем шоссе кажутся глазами светящихся глубоководных рыб, мы листаем книги, в которых говорится о жизни и смерти, о любви и храбрости, о боях и танковых атаках, о солдатах и войне. Некоторые страницы этих книг посвящены событиям, почти фантастическим.

— Нет, такое не проходит бесследно, — Гамов готов убеждать меня в невозможном. Впрочем, сегодня можно говорить обо всем. Тайна таких вечеров заключена в мимолетности настроения, в быстро преходящем желании убедиться в достоверности прошлого.

Я встретился с Гамовым снова лет через десять после войны, и мы стали настоящими друзьями. А до этого не виделись с ним с сорок четвертого, когда в Западной Белоруссии меня ранили. После войны он учился, преподавал, пробовал писать сценарии — мне думается, у него так и не хватит времени на то, чтобы состариться. Есть люди, стремящиеся любой ценой дать ответ. Гамов в свои сорок семь прежде всего старается понять вопрос.

— Всегда остаются следы, пусть едва заметные или вовсе невидимые, но остаются. И память возрождается, воскресает в живых, она неуничтожима. Древние индусы верили, что мир созидается вновь через каждые восемь с половиной миллиардов лет. Если хочешь возразить... — Гамов как-то мудро и добро улыбается, — если не согласен, назови хоть одну звезду, планету, песчинку, которая была бы старше этих восьми с половиной миллиардов. Мир не создан никем из людей и никем из богов — ты помнишь? — а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно угасающим и закономерно воспламеняющимся.

— Старый грек. Сочинитель гимнов огню.

— Он прав. Разве прибавишь хоть слово к его словам.

— Память неповторима. Как жизнь и смерть.

— Нет. Невидимое трудно уничтожить. Атомы, частицы — это эталоны прочности. Разве нужно рассказывать о миллиардах электрон-вольт, которые лишь иногда, довольно редко разбивают их?.. Крупинки вещества противостоят галактическим взрывам. А что такое память? Те же частицы, выстроенные в молекулах, как буквы в строчках. Может быть, есть неделимые атомы памяти, похожие на точки типографского рисунка. Через миллиарды лет — срок, конечно, точно не назовешь — слепая случайность соберет их так, что сложится рисунок, совпадающий с реальностью.

Трудно верить в такое. Но почему бы в самом деле не попытаться взглянуть совсем по-иному на события тех дней? Я же предчувствовал появление партизан в школе — иначе ушел бы в лес или просто замерз. Может быть, это и не так уж невероятно: да, вселенная умирает и вновь рождается. Растворяются в пустотах потоки вещества, чтобы вспыхнуть и засветиться живым огнем, вихрем, из струй которого выпадают кап-

Рис. Ю. Макарова

КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ

ли голубого стекла-звезды. Повторяется жизнь, начинается второй круг ее, но прах и пепел хранят неуничтожимые частицы памяти, — и словно незримая нить пронизывает мир, повторяющий себя.

Впрочем, похожи два мира друг на друга во всем или только в наиболее существенном — вопрос особый. Гамов, насколько я понимаю, считает, что отдельные детали и ситуации повторяются, копируются, как отпечатки с одного негатива.

Вот к чему пришли мы в этот вечер, когда зеленый океан воздуха за окном растворил, казалось, границы пространства, прошлого и настоящего, в одном дуновении соединил запахи жизни, ушедшее тепло солнца и мерцанье звезд.

Странная, конечно, мысль: заставить путешествовать с одного полюса времени на другой пылинки, хранящие отсветы серебряных дождей, семикрылых радуг, отзвуки земных ураганов, голоса людей, всего сущего. Один раз в столетие или еще реже пылинки соединяются в мозаику — приходит вторая память, вестник бесконечного прошлого. Возникает Нечто... Предчувствие? Предвидение?

Как она рождается, вторая память? Это может напоминать и варку стекла, и белоснежные россыпи в садах, где в цветках зачинаются плоды, терпкие ягоды черемух, и появление цыпленка из скорлупы — похоже это на первый вдох и рост всего живого, вечный образец, повторяющий суть кузнечного горна и ржаного снопа. Так зернышки хромосом дают форму траве и листьям, а невидимые молекулы — цвет пламени.

...Гамов остается ночевать, потому что метро уже не работает, а живет он в другом конце Москвы. Мы не закрываем окна, в комнату приходят волны летнего воздуха. Так поздно, что квадратные огни в соседних домах давно выстроились, как марки на конвертах, — это окна подъездов. В полутьме я долго вижу огонек его сигареты.

А утром я провожаю Гамова к метро и на минуту задерживаюсь у входа, вглядываясь в лица прохожих — студентов, рабочих, молодых и стариков. Такие простые, знакомые лица, мне кажется, по ним можно читать мысли. И это они, их отцы и братья выстояли под Москвой. Это они задержали группу армий «Центр», дав возможность отмобилизоваться и подойти к Москве трем нашим армиям. Сотни тысяч ополченцев встали на дорогах Подмосковья. Их дивизии не были смяты и уничтожены.

Трудно утверждать, что в минуту крайней опасности, у грани возможного человек становится обладателем каких-то принципиально новых качеств, но что-то такое есть, я уверен.

«Помнишь его?» — спросил как-то Гамов. Он говорил о Велихове, не называя его имени. Такие вопросы возвращают нас к дорогам прошлого, выстланным воспоминаниями. Мог ли я забыть?..

Неповторимое дыхание близкой весны, последние слова солдат, видение смерти удержать в памяти навсегда? Через миллиарды лет открыть непотерянные зерна жизни, священным трепетом наполняющие часы ожидания, минуты тревог?

Все чаще думаю я о действительных причинах случившегося. Гипотезе Гамова трудно что-либо противопоставить: вместо опровержений приходят новые доказательства. Вот уж снова бегут назад годы, дорога памяти ведет в прошлое, где я вижу каждое дерево, вижу свой дом сожженный, слышу знакомую песню.

Мне не забыть той песни — мы пронесли ее к берегу реки, откуда шла прямая дорога на мост. Земля наша дальняя, земля партизанская скрылась за холмом.

Много раз приходили мы к мосту. Стекали сосульки с его нагретых солнцем боков, ветры играли в фермах, звенело и дрожало железо поездов, низвергая вниз водопады звуков, точно эхо горных потоков. Мы бродили вокруг, как голодные волки, но ничего не могли поделать с каменными опорами, прочными, как сама земля, с рельсами, твердыми, как кусок замерзшего хлеба. Это был наш мост, и мы хотели его теперь уничтожить — даже ценой жизни.

Мы вышли из лагеря вечером, когда русские старухи баюкали в деревнях детей. И знали: свободна засне-

Т.Салахов «Двое»

женная дорога и просторна, пока перед самым мостом ее не перегородят дула немецких пулеметов. А в деревне за насыпью стояла рота немецких автоматчиков, готовая отстаивать наш мост. В одну ночь мы как птицы пронеслись над спящей землей. Но труден был бросок: тягучее время то сжималось в мимолетные сны-мечты о теплых днях с рассыпавшейся на ветвях зарей, то являлось нескончаемыми метами стволов и кустов в бескрайней, казалось, пустыне.

У берега реки, у крутых глинистых берегов мы остановились, поджидая разведчиков. Кузнечик держался рядом с Велиховым.

— Видишь, как красивы и чисты этот лес и полотенце реки, разделившее его пополам? — спросил Велихов.

— Да, они красивы, — ответил Кузнечик.

— А вся земля с просторными полями, серыми домами и большим небом над ней — разве она не прекрасна? — опять спросил Велихов.

— Ничего не знаю прекраснее, — звонко ответил Кузнечик.

Подошли разведчики, Камальдинов доложил Велихову, что путь к мосту свободен, а на станции стоит воинский эшелон с техникой, и они вполголоса продолжили разговор. Я знал, о чем шла речь. Наших мин в деревянных ящиках не хватило бы для состава. Вот почему мы, тридцать человек из отряда, повернули на станцию, а остальные вместе с Велиховым продолжали двигаться к мосту. Вставал малиновый рассвет.

Пятеро наших в немецкой форме бесшумно сняли охрану поезда. Я стал машинистом. Когда-то отец брал меня с собой на паровоз, и пляшущие стрелки, рельсы, бегущие навстречу вместе с ветром, были памятны мне, близки. Легка и крылата была лопата, надежна плоть металла, послушно задышавшая огнем. Дошел до нас гул долгожданного взрыва: мост был искорежен, низвергнут.

— Не медли, машинист. — Камальдинов махнул рукой.

Сдвинулась земля. Застучали колеса. Сложились слова: «Беги, дорога; лейся, река ветра; звени, звени, паровозная песня!» Весело и быстро бежал старый паровоз в последний путь. Я не спрыгнул с подножки, чтобы спастись: снова пришло то самое чувство, и я знал — знал, что происходило на мосту.

Скоро в снежном поле тусклыми искрами замелькали выстрелы. Впереди, у взорванного моста — на насыпи, на рельсах, — лежали Велихов, Кузнечик, Хижняк, Гамов, Ольмин — все, кто остался прикрывать отход основных сил и раненых. В перестрелку успели вмешаться немецкие автоматчики, и теперь у насыпи решалась судьба отряда.

Я спрыгнул. Снег обжег лицо, и насыпь несколько раз перевернула меня, прежде чем опустить в сугроб. Растущий грохот. Состав рассыпался, вагоны катились вниз, в черные разводы реки. Лед, лопнувший после падения моста, взорвался тысячью осколков, подброшенных вверх гигантским фонтаном.

Я поднялся и побежал. Я хотел успеть, но опоздал. Кузнечик еще продолжал глубоко вдыхать воздух, точно хотел им напиться — все медленней, медленней, неслышнее. На лице его застывало удивление, как будто он собирался сказать: «Ух ты!»

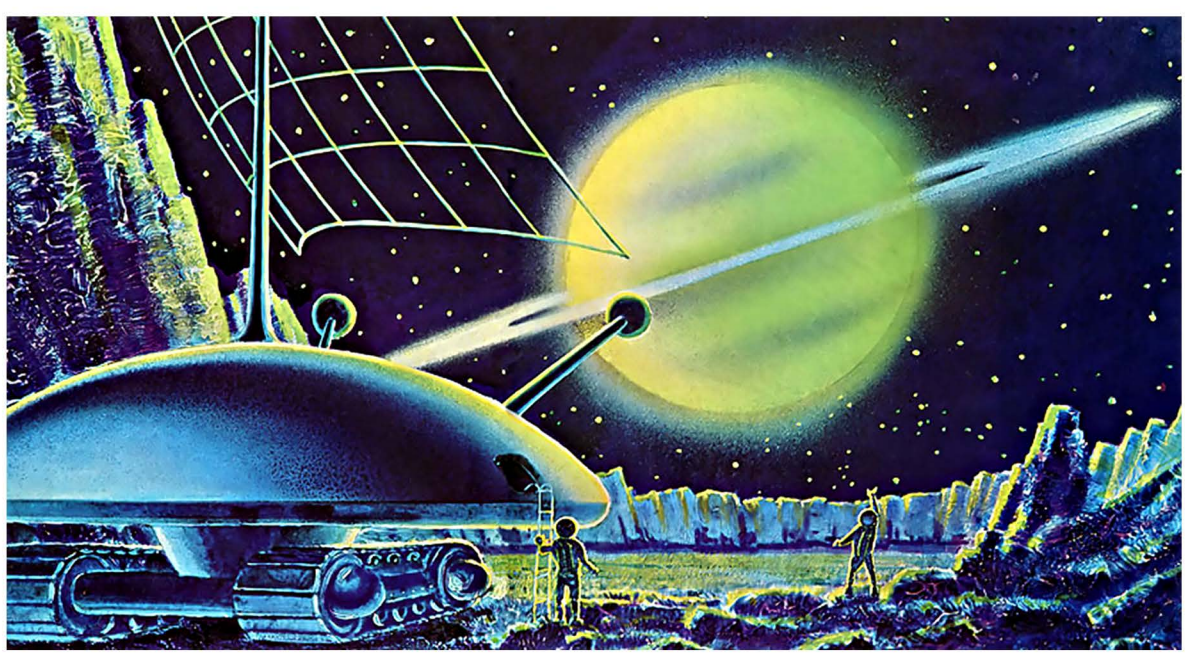
Не было ненависти в простом лице Велихова — лишь предельная собранность, внимание. Он приподнялся. Старенькая шапка его сдвинулась на затылок, на виски упали русые волосы, а на лбу странно подрагивала складка (сейчас он, наверное, мог бы показаться мальчиком: ему не было и двадцати шести — учителю из Новгорода, ставшему бойцом, лучшим из всех, кого я знал).

Раскрылось небо. Багряные лучи восхода ударили нам в глаза. Солнце слепило, стрелять было трудно, за насыпью поднимались серые шинели. Предчувствуя, что произойдет, я не мог вмешаться в ход событий. Две пули прилипли к его груди, оставив на телогрейке красные пятна. Но там, впереди, где строчил автомат, не знали еще, что у него есть право на священный выстрел. Может быть, потому он и привстал, чтобы лучше увидеть тех, кто стрелял в Кузнечика. Целое мгновение рука его была тверда, а глаза по-прежнему внимательны.

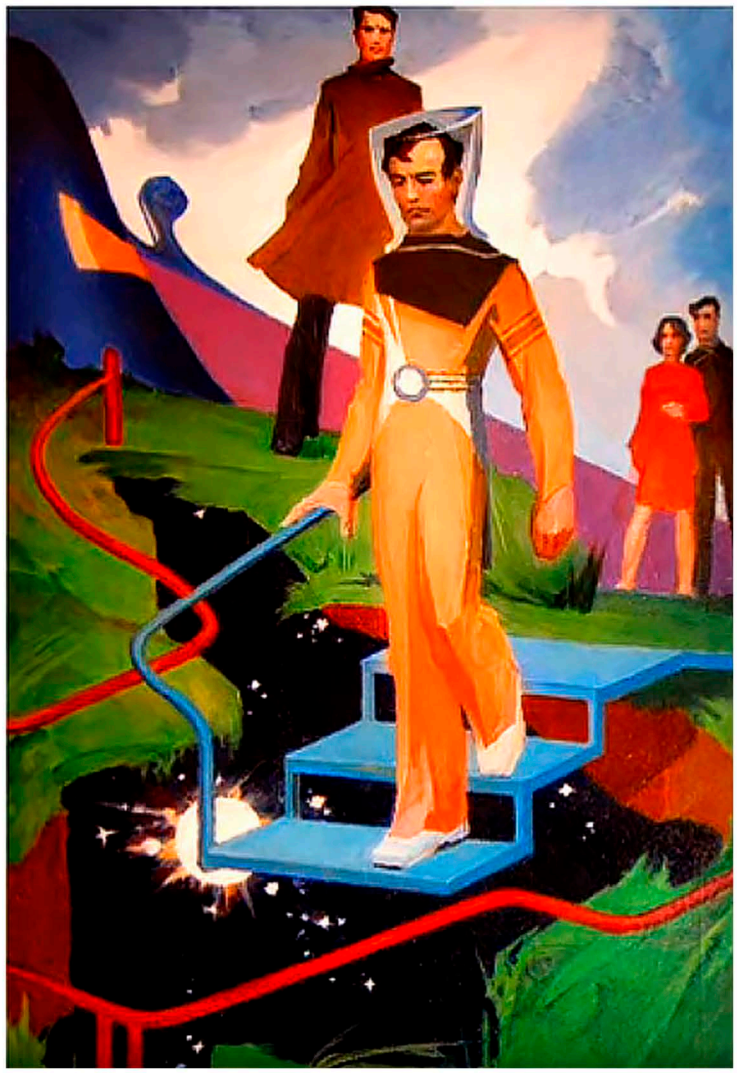
Он успел ответить. За рельсами умолк автомат. Там снова залегли.

Глаза мои были непослушны, и влажные лучи заслоняли расплывшееся солнце своим нежданным светом. Но лишь только прозвучал священный выстрел, я поднял тяжелую винтовку.

...На скате насыпи, где упали его руки в снег, выросли весной семь подснежников. А в деревнях у дороги темная сила растеклась, и земля три года рожь людскую не родила.



«Четвертое измерение»



Геннадий Голобоков «Раздвигающие трехмерье »

«И снова к звездам»

Георгий ОСТРОВСКИЙ (г. Одесса)

Занятная новогодняя история

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Это был удивительный снег. Он не скрипел под ногами, а мягко и бесшумно проваливался, едва мы на него ступали. В нем оставались глубокие следы, на дне которых темнели аккуратные отпечатки наших рубчатых, как автопокрышки, подошв.

Снег шел всю ночь — медленный, сонный, теплый. Только на рассвете небо очистилось; и теперь, ранним утром, он лежал, нетронутый, плавными застывшими волнами на тротуарах и мостовой. Туи склонялись под его тяжестью до земли, а графическая тонкость голых веток платанов и акаций казалась особенно подчеркнутой от присыпавших их снеговых пластов.

Впереди нашего трамвая, откапывая серебряные рельсы, бодро грохотал снегоочистительный струг. В обе стороны от него летела стеклянная пыль. Небо после снегопада было голубое и наивное, как весной.

Саша приложил руку к заледеневшему оконному стеклу, посмотрел на белую улицу сквозь прозрачный отпечаток ладони и задумчиво сказал:

— Интересно, как он будет работать на новом режиме...

— Кто?

Саша удивленно взглянул на меня, словно не предполагал, что в трамвае есть еще кто-то, кроме него:

— «Микрон»...

Собственно говоря, я мог бы и не спрашивать: Сашин самопрограммирующийся «Микрон» был мне хорошо знаком. Саша создал его для нахождения и расшифровки сигналов внеземных цивилизаций, но «Микрон», осознав себя как личность, первым делом в порядке юмора подсунул своему создателю восприятие окружающего мира... глазами аквариумной рыбы. Хотя этой выходкой электронного остряка заинтересовались бионики, биологи и психологи, Саше все-таки нужен был надежный исполнитель, а не юморист, и он вот уже второй месяц вправлял «Микрону» его ферритовые мозги.

На Большом Фонтане от трамвайного кольца к морю сбегала горная улица с крутыми поворотами, маленькими, цепляющимися за обрыв домиками и неожиданным названием — Золотой берег. В одном из этих домов, в комнате с видом на огород и каменный ракушечниковый забор жил Петро. Сейчас забор был завален жилистыми виноградными лозами, которые весной покрывались огромными растопыренными листьями. А летом на огороде всегда был праздник: там беспрерывно что-то произрастало, цвело и плодоносило — то похожие на деревянные баклуши кабачки, то витиеватая, лезущая в чистое небо фасоль, то стремительно протыкающие землю зеленые рапиры лука.

Увидев нас, Петро обрадованно сгреб в сторону свои эскизы, резцы и жирные черные карандаши. Он поставил на стол миску с бледными холодными картофелинами, хлеб и плоские лопоухие вареники с творогом.

— Мы к тебе на минуту, — сказал Саша.

Он обвел взглядом комнату. На стенах висели черно-белые гравюры, которые Петро сводил с деревянной доски и на которых одна-единственная тонкая белая линия, как в головоломках, прочерчивала и человека, и ветви деревьев, и земной шар, и звезды. На книжных полках, которые тоже сделал сам Петро, стояли ящики с тусклой кудрявой травой, а из горшка, висевшего под потолком, любопытно выглядывали мускулистые ветви традесканции с тугими эмалированными листиками.

Саша легко, как паяные сплетения проводков, потрогал традесканцию, удивленно рассмотрел траву в ящиках («Полынь, что ли? Здорово степью пахнет») и, закончив свой поверхностный осмотр, сказал:

— Дело в том, что мы (то есть наша организация) едем за елкой. У тебя ведь ее нет? Я, председатель новогодней комиссии, готов злоупотребить своим служебным положением и взять тебя с нами. Ведь старые школьные друзья должны помогать друг другу.

Петро встал.

— Насчет старых друзей все правильно, — сказал он, не то отвечая Саше, не то размышляя вслух. — И елки у меня действительно нет. Но... — Он обернулся к Саше, и взгляд его из рассеянного и неопределенного вдруг стал концентрированным и прямым, как световой луч, прошедший сквозь сильную линзу. — ...Месяца три назад умерла сестра моей хозяйки. Целый день крышка соснового гроба стояла в сенях. Весь дом тогда пропах сладким скипидарным запахом хвойного леса.

Петро любил разговаривать притчами и аллегорическими историями, что всегда производило на собеседника впечатление тем неотразимее, чем непонятнее была аллегория. Но то, что он говорил сейчас, не было ни притчей, ни аллегорией. Во всяком случае, мне это было понятно. Понял его и Саша: Он кивнул

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

и стал натягивать свою синтетическую куртку, которая в его руках струилась и переливалась керосиновой радугой.

Петро накинул пальто и вышел с нами на улицу. Черты улицы, прописанные свежим снегом, были очищены от ненужных второстепенных подробностей и виделись отчетливо и чисто, как в перевернутом бинокле. Небо сияло. От плотного стального воздуха в первый момент перехватило дыхание, как при прыжке со скалы в глубокую темно-зеленую воду.

Море было совсем рядом, и мы, постояв мгновенье возле ворот, спустились по улице Золотой берег до самого ее конца — к пляжу.

Пляж был как пляж — протертые прибоем ноздреватые камни, серая галька, синевато-вороненые острые обломки мидий, а снег, перемешанный с желтым крупным песком, был похож на хрупкую пену, которая остается на берегу после шторма. Но море! Я и Саша остолбенели, увидев ровную сизую поверхность. Как плохо укатанный асфальт, она тянулась до самого горизонта.

Такое можно видеть не часто — обычно Черное море не замерзало, оставаясь всю зиму темно-малахитовым, иногда даже не очень холодным на вид. А сейчас это было похоже на странный сон, который хотелось усилием воли стряхнуть с себя, чтобы увидеть вместо тесной однообразной плоскости привычное живое море.

Мы прошли по гулкому дощатому причалу, дожелта отмытому штормами и высушенному малиновым зимним солнцем.

Железные поручни причала были холодными; опершись на них, я почувствовал это даже через пальто и свитер.

Я всмотрелся в льдины, лежавшие прямо подо мной. Они чуть приподнимались и опускались, издавая тихий стонущий звук, похожий на печальный вздох. Казалось, какая-то огромная добрая сила пытается высвободиться из-под мраморных плит льда. Это, несмотря ни на что, жило море, подо льдом шла зыбь, льдины, поскрипывая, подымались, а потом, когда проходила волна, тяжело падали в пустоту.

— Учти, Петро, — сказал Саша, — за новогодним столом будет проведен конкурс на самую занятную новогоднюю историю. Надеюсь, ты в форме?

— История должна быть обязательно смешной? — спросил, в свою очередь, Петро.

— Нет, почему же, — пожал плечами Саша и посмотрел на часы. — Она может быть и страшной. Знаешь святочные рассказы? Гробы летают по воздуху, как вагоны монорельсовой дороги. Так что дерзай! А мы поехали.

В автобусе стоял веселый гам. Мы ехали неизвестно куда. Водитель то вдруг тормозил, то прибавлял скорость, то куда-то сворачивал. В заиндевевшие окна ничего не было видно, ровный белый свет заполнял салон. Саша сидел на месте гида и указывал водителю дорогу в лесничество. Все полностью доверились Саше и от этого чувствовали себя предельно беззаботно.

Саша несколько раз открывал дверцу автобуса и смотрел, как позади нас покорно громыхал грузовик. Несколько раз мы выходили и придирчиво рассматривали одну за другой десятки елок, находя в каждой из них изъяны. Больше всех придирался Саша.

— Нам нужна самая лучшая, — твердил он и проваливался в сугробы на пути к очередному дереву.

Как это часто бывает, открытие совершил совсем не тот, кто стремился его совершить. Водитель нашего грузовика Василий Петрович, побродив в ближних от дороги зарослях, посоветовал Саше посмотреть еще на одну ель.

Рис. В. Карабута

Одного взгляда на Сашу было достаточно, чтобы понять — отсюда мы уже поедем домой. Это была не ель и не сосна, которую часто рубят вместо новогодней елки. Совместными усилиями установили, что дерево не принадлежало также ни к пихтам, ни к туям, ни к кедрам. Такой породы никто из нас не знал — неуловимого голубовато-фиолетового цвета, с граненными, прочными, как шипы, иглами, царственной осанкой и ажурными ветвями, приподнятыми к небу, как радарные чаши телескопов.

Впрочем, как бы это дерево ни называлось, оно действительно было очень красиво, и теперь уже никто не жалел потерянного времени. Василий Петрович восторженно божился, что еще вчера этого гиганта здесь никто не видел, а Саша улыбался бледно и сдержанно.

Немедленно пошла в ход пила. Но толстые, прочные ветви росли почти от самой земли, и их сначала нужно было обрубить. За дело взялся сам Саша. Ветви росли густо, они пружинили, обсыпая Сашу снегом. Через полчаса, вконец измучившись, но все-таки добравшись до ствола, Саша милостиво разрешил своим коллегам доделать самую легкую часть работы. Сидя на капоте грузовика, он блаженно слушал ликующий звон пилы, рвущей мягкую древесину.

На обратном пути мы, продышав в окнах прозрачные глазки, высокомерно поглядывали на встречные ели. Их было много. Они торчали из окон трамваев, лежали, связанные, на крышах «Москвичей» и «Запорожцев» или, взгромоздясь на пешеходов, шествовали по улицам, сбивая снег с веток деревьев. И хотя их было много, на нашу елку, величественно полулежавшую в кузове грузовика, засматривались даже милиционеры-регулировщики.

В новогоднем зале пахло духами, отглаженными рубашками, апельсинами и хвоей. И сверкал ювелирным блеском еще нетронутый стол, и даже смолистый аромат был другим — очевидно, впитав в себя дыхание дома, он был горьковатым, как дымок осеннего садового костра.

Елка, привыкшая к хрупкому от инея воздуху, в тепле отогревалась, ветви ее, опутанные гирляндами и игрушками, едва заметно покачивались, и яркий нарядный запах становился все ощутимее и сильнее.

Без четверти двенадцать Саша потушил верхний свет и включил гирлянды. Все охнули. Зрелище действительно было красивое. Цветные огоньки, перескакивая с лампочки на лампочку, носились по елке вверх и вниз. Вертелись световые колеса, что-то мерцало, мигало, мелькало, отражаясь в кривых зеркалах «фонариков».

Потом, проводив старый и встретив Новый год, здоровый, несколько захмелевший коллектив приступил к совершенно неорганизованному веселью.

Под руководством Саши истории сыпались со всех сторон. Рассказывали о чем попало: подлинные случаи, анекдоты и явные небылицы.

В промежутках между историями ритмично бухал самодеятельный джаз и, глотая пятаки, пел на разные голоса проигрыватель-автомат. Мероприятие развивалось по своим внутренним законам.

Мы с Сашей вышли на балкон покурить. Мороз слабел, теплая тишина стояла по колено в снегу, и редкие медленные снежинки, как пух, плавали в воздухе. Звезды переливались и вспыхивали, похожие на далекие елочные игрушки. Казалось, что они движутся.

— Ерунда, — дремотно произнес Саша. — Движутся потоки воздуха в земной атмосфере — и все. Как над нагретым асфальтом.

Я стал настаивать на поэтическом восприятии действительности, вызывающе утверждая, что «звезда с звездою говорит».

— Может быть, — миролюбиво согласился Саша. — Все может быть. Эту древнюю гипотезу легко проверить. Надо только включить «Микрон». Он теперь надежно запрограммирован исключительно на внеземные цивилизации.

И мы, как три месяца назад, поднялись по короткой и крутой лестнице, спустились в лифте, прошли через небольшой холл, в котором стоял злополучный аквариум с рыбками.

Как только Саша щелкнул тумблером, «Микрон», словно пробуждаясь от долгого сна, загудел, замигал огоньками. Если бы он мог, он, наверное, потянулся бы и зевнул.

Из печатающего устройства неторопливо поползла лента, на которой лежали математические символы бесконечности — «Микрон» еще собирался с мыслями и ни о чем конкретном пока не думал.

И вдруг на ленте появился восклицательный знак. Саша бросился к приборам. Стрелки било мелкой дрожью. Огоньки вспыхивали, гасли, разгорались, будто в комнате проносились порывы ветра, которые чувствовал лишь «Микрон».

— Что за черт? — гневно изумился Саша. — Опять старые штуки? Настраивайся на звезды, электронное чучело, а не на соседний зал!

Он переключил настройку на самое дальнее деление шкалы, на ленте стали вновь появляться лежачие «восьмерки», но едва Саша выпустил из рук переключатель,

С.Гавриш «Ночной полет»

как «Микрон» снова тревожно загудел, вспыхнул огоньками и отбросил стрелку индикатора резко назад.

На ленту высыпалась целая горсть восклицательных знаков.

— Ну вот! Очевидно, звезды на проводе... — рассмеялся было я, но взглянул на Сашу и осекся.

Саша сидел за пультом и медленно машинально разминал сигарету. Он смотрел на приборы. Дремотное благодушие исчезло с его лица. Лицо его окаменело. Как врач у постели больного, Саша старался не пропустить ни одного звука, ни одного движения в том, что постороннему показалось бы просто горячечным бредом.

— Какие тут к черту звезды, — глухо сказал Саша.

Я еще не понимал, отчего Саша побледнел, но тревожный холод ворвался в мое по-праздничному шалое настроение.

«Микрон» судорожно гудел, огоньки вспыхивали ослепительно перегорающим светом, лента перестала ползти.

— Что с ним? — не выдержав, почти крикнул я.

— Он ищет алгоритм перевода.

И вдруг гудение стихло, нестерпимый блеск глазков исчез и снова медленно поползла лента. «Микрон» выполнял свой долг: он переводил.

«...Это последнее сообщение... последнее сообщение... Зерна...»

«Микрон» на миг замешкался и, подбирая по возможности точное соответствие незнакомому термину, в скобках отпечатал:

«...зерна (семена, споры) успешно прошли атмосферу этой планеты...»

Дальше в скобках отпечатались многоточия: очевидно, названия планеты «Микрон» не мог ни перевести, ни записать русскими буквами.

«...они успешно акклиматизировались... в зонах, заселенных формами жизни, сходными с нашими, — ствол, ветви, хвоя... По команде, излученной Центром поиска... включились механизмы роста... сформировавшие меня — растение-наблюдатель... Но планета...»

Снова вместо названия «Микрон» в скобках отпечатал многоточие.

«...планета оказалась населенной небольшими организмами, обладающими странной способностью существовать независимо от субстанции жизни... Они с огромной скоростью передвигаются по любой поверхности... Эти подвижные существа отторгли меня от...»

«Микрон» снова чуть помедлил.

«...от субстанции жизни (основы жизни, почвы, грунта)... Я уже не вернусь... Не высаживайтесь на этой планете... Планета опасна для разумной жизни...»

Дальше из «Микрона» поползла совершенно чистая лента.

— О чем он? — хрипло спросил я.

Саша обернулся.

— Ты не понял?

— Ты думаешь, это сообщение адресовано нам?

— Ты действительно ничего не понял. — Саша бросился к дверям. — Скорее! Может быть, мы еще успеем его спасти...

Когда мы примчались к праздничному залу, там стояла совершенно неожиданная тишина. Я распахнул дверь и увидал примолкших людей. Петро рисовал. Он рисовал алым мягким стержнем фламастера на хрустящем листе чертежной бумаги.

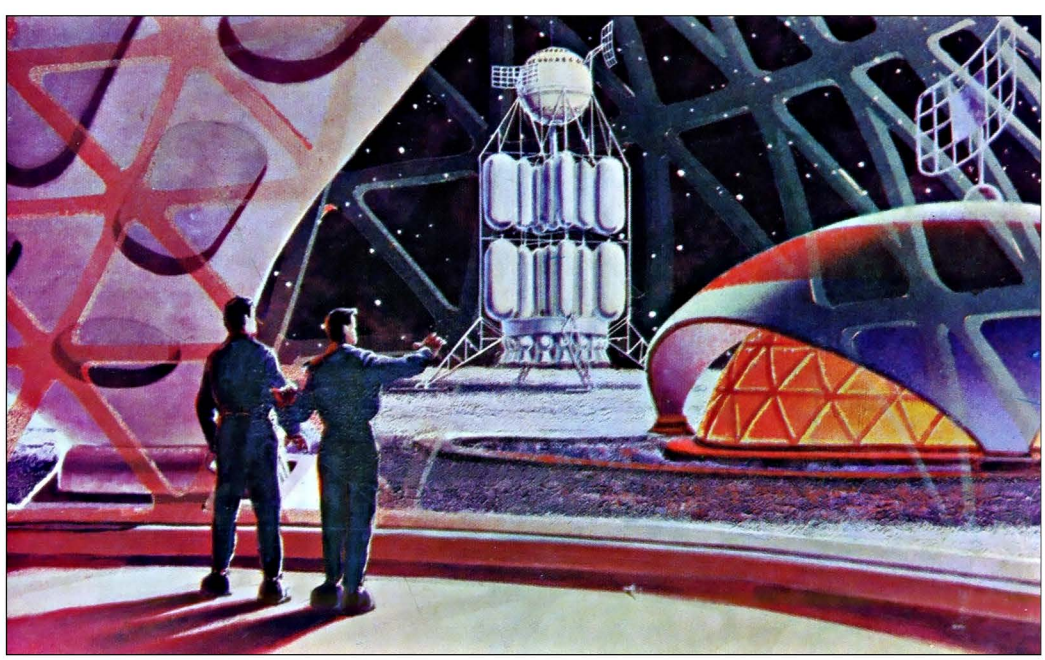
А тот, кого мы приняли за елку, стоял обвешанный великолепными стеклянными драгоценностями, чуть поникнув голубоватыми иглами, даже в смерти прямой и устремленный ввысь, как ракета на старте.

Я вспомнил, как ветви никому не знакомого дерева отталкивали Сашу. Тогда никто на это не обратил внимания. И еще я вспомнил слова Саши о том, что «Микрон» запрограммирован сейчас исключительно на внеземные цивилизации и что он сам настроился на соседний зал...

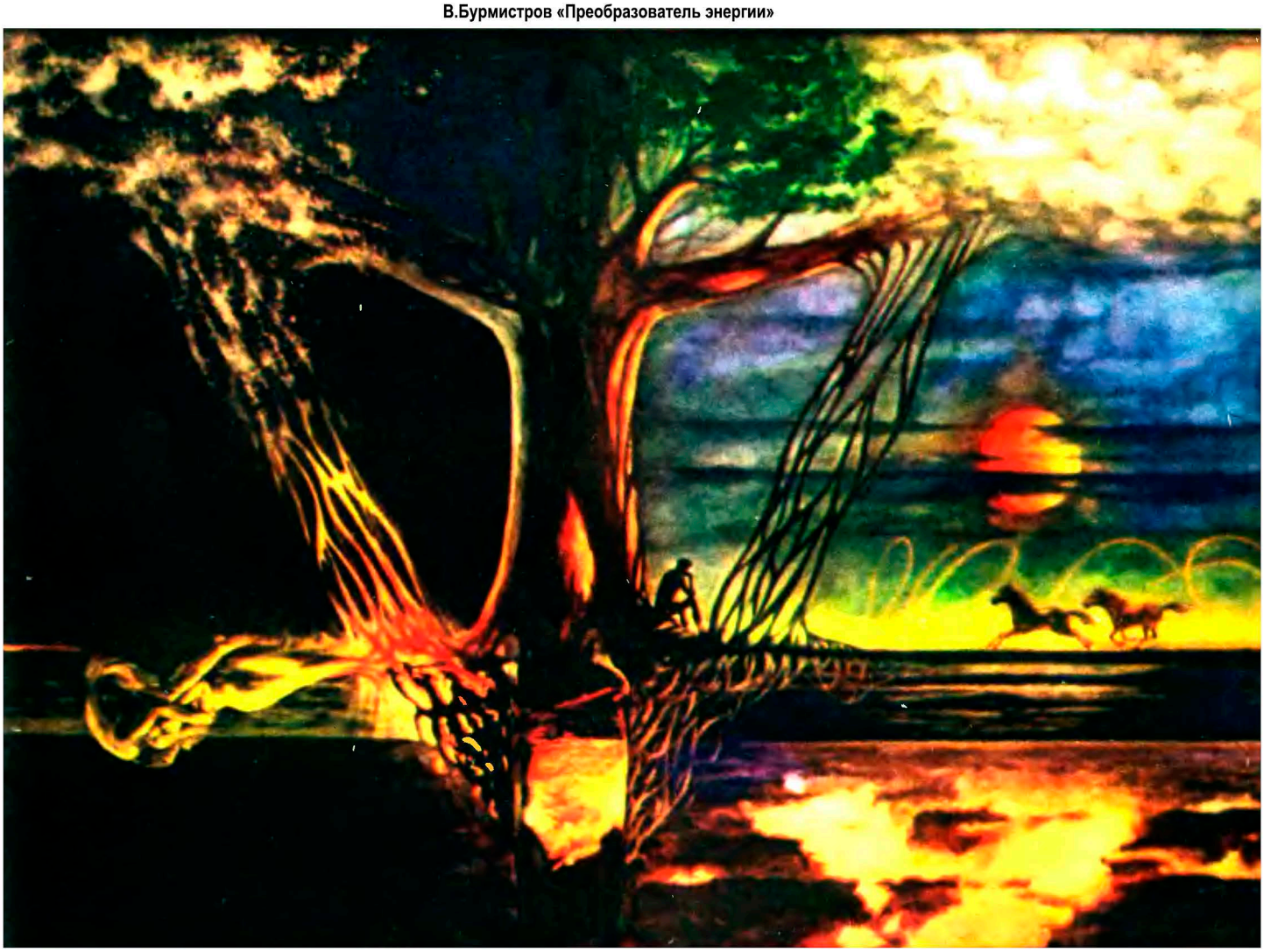
Что нужно было сейчас делать? Сбросить электросети, которыми он был опутан?.. Сорвать его с массивного деревянного креста, может быть, сделанного из ели?.. Сунуть ствол в воду или в землю, надеясь, что жизнь вернется в умершее тело?.. Или броситься в поиск по всей планете и найти, обязательно найти тех, кто еще не успел погибнуть?..

(Уже утром Саша узнал, что за три дня до Нового года от сильных и непонятных помех на мгновенье поблекли экраны телевизоров и захрипели радиоприемники. Как оказалось, в то же самое время приборы зарегистрировали необычное в наших местах полярное сияние. По-видимому, именно тогда в земную атмосферу вошли первые разведчики тех, кого мы так искали и кто так искал нас... Чья же вина, что сегодня мы еще не смогли узнать друг друга?..)

...Кончилась шумная и веселая первая ночь Нового года. Никто ничего не заметил. Только Петро, безотчетно тревожась, вдыхал хвойный запах, ставший очень острым, пряным, тяжелым, и провожал глазами свой рисунок, который ребята чертежными кнопками пригвоздили к двери. На рисунке одна непрерывная алая линия, как в головоломках, прочерчивала и человека, и ветви ели, и космические корабли, и солнце, и звезды...



В.Бурмистров «Преобразователь энергии»



П.Аврамов (Болгария) «Звездное утро»

Третий параграф

Рышард САВВА

Рис. В. Карабута

Научно-фантастический рассказ

Капитан Даль решил еще раз просмотреть архивные фактографии На его счету было немало полетов, и Космический кодекс не был для него пустым звуком. На собственном опыте он убедился, как иногда трудно бывает неукоснительно следовать букве закона, но знал он и то, что порой еще труднее бывает поступать вопреки ей.

Даль, межзвездный капитан первого класса, в глубине души не хотел изменять кодекс, а уж тем более оказаться первым, кто будет приводить свои поступки в соответствие с им же измененным законом. Однако факты требовали от него определить свое отношение к этой проблеме.

Сначала он решил просмотреть архив.

Уже читая о первых десяти полетах, он обратил внимание на три случая, когда командирам приходилось прибегать к третьему параграфу кодекса и ради спасения одного товарища рисковать всем экипажем.

Именно поэтому два полета из десяти окончились трагически. Даль продолжал просматривать материалы. Несмотря на технические усовершенствования, уменьшить процент катастроф не удавалось. Капитаны явно слишком часто пользовались правом, которое давал злополучный параграф.

Даль переключил проектор Центральной библиотеки на последние записи. На экране стереовизора появилось объемное изображение, живая хроника событий.

Полет лейтенанта Альта. Кто не знает о нем? По лентам и бортжурналу Информационный центр сделал фильм, который благодаря дополнительной информации, почерпнутой из рассказов, документов, писем, вероятно, стал почти точной копией действительности.

Даль был убежден, что Альт совершил ошибку. Даже сам спасенный, возвратясь на звездолет, заявил: «Никогда не прощу себе, что из-за меня была упущена возможность познакомиться с нашими космическими братьями».

Экспедиция окончилась трагически именно потому, что Альт ждал. Для этого тоже требуется мужество. Лейтенант явно не знал, как поступить. Это было видно по его записям в дневнике:

«0.20. Жду. Все еще жду. Не могу же я дать ему погибнуть».

Вероятно, он что-то предчувствовал, потому что, словно оправдываясь, полностью процитировал третий параграф:

«В особо сложных ситуациях командир имеет право принять альтернативное решение, которое временно создает большую опасность для звездолета и экипажа».

И все же все члены экспедиции погибли. Именно Даль нашел их тела и странные конструкции, сооруженные иным разумом. Вот отчего фильм об этой экспедиции так взволновал его. Он был первым, кто прикоснулся к необычным, стрельчатым, решетчатым башням, которые разбудили в нем отчаяние и надежду встретить космических братьев.

Даль представил себе, как лейтенант обрекает на гибель одного члена экипажа. Это страшно, но все же... Если б он поступил так, единственный в истории исследования космоса явный след другой цивилизации привел бы к контакту. Они в тот момент уже наверняка были на орбите. Альт непременно обнаружил бы их. И тогда...

Но все было иначе. Альт слишком долго ждал. Геолог вернулся, но, прежде чем они успели стартовать, пульсация уже началась. Что с того, что она была неполной и очень быстро затухла. Старт был невозможен. Даже слабой пульсации оказалось достаточно, чтобы разрегулировался компьютер управления. Отрегулировать они его не смогли. Они попросту умерли с голоду.

Сейчас, после полета лейтенанта Альта, уже известно, что космические братья существуют. Ведь те конструкции, которые нашли Альт и его товарищи, а затем и Даль, были предназначены для изучения звезд. Сомнений быть не могло. Стало быть, чужие тоже изучают звезды и улетели перед самым взрывом. Теперь контакт — только вопрос времени. Очевидно, единственный способ осуществить его — это послать в тот район космоса как можно больше звездолетов. Судя по конструкциям, оставленным инопланетянами, у них есть что-то похожее на фотонный привод, а значит, они, вероятнее всего, находятся в радиусе около ста световых лет. Правда, чтобы отыскать их, нужно известное везение. Иначе обычные поиски займут несколько сотен лет.

Даль выступил одним из первых. Он видел, что члены Совета внимательно следят за его речью. Он уже заметил, что с некоторых пор к нему, первому прикоснувшемуся к обнаруженным Альтом конструкциям, стали относиться не так, как прежде. После возвращения из этого полета еще не было случая, чтобы кто-то стал спорить с ним или отказал в чем-либо. Привыкший в студенческие годы к жарким баталиям, он чувствовал себя неловко в этой атмосфере всеобщего внимания.

В конце выступления он предложил изменить третий параграф Космического кодекса и сформулировать его так:

«Командир ни при каких обстоятельствах не имеет права действовать так, чтобы даже временно подвергать звездолет опасности уничтожения, а экипаж — гибели. Командир освобождается от исполнения третьего параграфа только в том случае, когда речь идет о возможности установить контакт».

Даль был почти уверен, что его предложение пройдет без малейшего сопротивления. Тем большее облегчение, а не удивление он почувствовал, когда в дискуссию одним из последних включился социолог Нат. Он говорил кратко, но убедительно:

— Установление контакта в ближайшем будущем становится необходимостью. Все видят это не хуже меня. Благодаря капитану Далю мы обрели уверенность, что мы не одиноки в космосе. Поэтому я призываю Совет выделить как можно больше средств, чтобы решить задачу как можно скорее. Однако я решительно протестую против изменений, предложенных капитаном Далем. Нельзя лишать командира права на риск. Ведь не всегда причины, которые в случае с лейтенантом Альтом привели к воистину трагической для нас невозможности установить контакт, будут оказывать подобное же воздействие.

Решение, принятое по окончании дискуссии, передали по всей сети телевидения:

«Обсудив два диаметрально противоположных предложения — капитана Даля и социолога Ната, — Совет сообщает, что признает предложение капитана хорошо обоснованным, предложение же социолога — выражающим эмоциональную позицию. В результате Совет постановляет в соответствии с предложением капитана Даля изменить третий параграф и считать его действующим в новой формулировке впредь до получения иного, столь же обоснованного предложения одного из капитанов после завершения ближайшей серии полетов в поисках контакта».

К этому было добавлено следующее разъяснение:

«Если такое предложение будет внесено, третий параграф кодекса, вероятнее всего, вообще будет аннулирован, а капитаны получат возможность действовать в любой ситуации по своему усмотрению».

Далю достался второй сектор, где были три звезды; одна из них — 327-Н — в ближайшее время должна была взорваться.

Во время последней серии поисковых полетов каждый экипаж формировался из трех космонавтов: капитана-пилота, врача-социобиолога и инженера-связиста.

«Насколько же сложна предстоящая задача!» — подумал Даль, вынимая документы, врученные ему при входе на космодром.

Первой ему попалась на глаза личная карточка врача-социобиолога Ната.

Даль понимал, что это не случайность. «Совет отлично знает, что при таком составе экипажа я пойду на все, только б не воспользоваться правами, предоставленными новым, третьим параграфом, — подумал он. — А Нат любой ценой будет препятствовать этому».

...Три месяца полета, как всегда, тянулись бесконечно. К счастью, инженер оказался достаточно разговорчивым товарищем, а Даль и Нат еще в начале полета договорились не упоминать о спорном параграфе.

Нат и инженер ничего не имели против того, чтобы начать разведку с 327-Н. Основной целью были поиски контакта.

Инженер дал команду на торможение. Автомат переключил гравигенератор на обратную тягу. Все подумали об одном и том же: «А все-таки после долгого перерыва перегрузки дают о себе знать». Как-никак 30 g. Это почувствовал даже более тренированный — Даль. Инженер и Нат были моложе, но переносили перегрузку хуже.

Даль заранее запрограммировал автопилот на посадку в точке, наиболее удобной для наблюдения.

Взяли пробы атмосферы, которой, собственно, на планете уже не существовало, и газы были настолько разрежены, что не было смысла интересоваться их составом.

Быстро подготовились к выходу. Далю пришлось остаться на корабле. Космолет нельзя оставлять без присмотра. Даль отдал последний приказ:

— Единственная задача — поиски следов иной цивилизации. Не обращать внимания ни на что другое, как бы оно ни было любопытно. Взрыв должен наступить через шесть часов с точностью до десяти минут. Стартуем в момент 0.00, как того требует третий параграф. — И добавил: — Сообщайте мне обо всем заслуживающем внимания.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Даль еще раз взглянул на товарищей и вновь почувствовал, какой тяжкий груз ответственности лежит на каждом из капитанов Они должны во всем подчиняться кодексу, а с другой стороны, ведь они — друзья своих подчиненных. Он закрыл выходной люк и начал настраивать приемник на волны усилителей инженера .и социобиолога.

Первое время никаких сообщений не поступало. То ли они экономили батареи, то ли действительно не было ничего интересного. Через три часа, закончив обход полудуги, как это предусматривалось программой стандартной разведки, космонавты сообщили, что поворачивают назад. Теперь они находились на самом большом расстоянии друг от друга и могли поддерживать связь только с Далем.

Даль даже не заметил, как пролетело время, но вот нарастающее беспокойство перешло в настоящую тревогу. От Ната перестали поступать сообщения. Почему-то вместо обычной в таких случаях напряженной сосредоточенности появилась беспокойная, мучительная неуверенность. Потом Даль взял себя в руки. Заученным движением нажал кнопку выброса зонда с автоматическим искателем. Быстро перемотал назад ленту и по фиксатору времени определил расстояние, с которого социобиолог передавал последнее сообщение. Компьютер рассчитал максимальное расстояние, на котором сейчас мог находиться Нат, и тут же переправил эти данные искателю зонда. Теперь оставалось только ждать.

Когда за возвратившимся инженером захлопнулась крышка люка, Даль облегченно вздохнул. Не желая тратить времени на объяснения, он указал инженеру на экран счетчика, а сам стал внимательно следить за полетом зонда. Оставалась только одна надежда, что Нат все же придет сам, что он уже приближается к кораблю.

Зонд по спирали подходил к звездолету. Даль еще не терял надежды. «Раз приближающийся зонд не нашел Ната — значит, он должен быть где-то поблизости. В конце концов при каком-нибудь случайном падении мог выйти из строя усилитель».

Красная точка зонда приближалась к центру экрана. Когда зонд достиг центра в последнем витке спирали и начал совершать правильные круги над звездолетом, Даль ощутил разочарование. Мигающие цифры голубыми звездочками отсчитывали последние мгновения. Даль передал приказ:

— Поиски на малой высоте по раскручивающейся спирали.

«Потеряю зонд и искатель, — подумал он при этом, — но, может быть, узнаю, что случилось. Если искатель успеет сделать снимки, то потом по ним можно найти место, где остался Нат, и тогда, быть может, станет ясно, почему он там остался».

Даль как-то пытался оправдаться. Случилось то, чего он опасался больше всего. Он уже не сомневался, что именно ему выпало первому применить на практике третий параграф.

Он следил за указателем времени и движением зонда. Когда до момента «ноль» осталось несколько секунд, он взглянул на инженера. Тот молча кивнул. Он считал, что Даль сделал все, что мог.

Даль больше не колебался. Когда голубые вспышки во всех десятках превратились в пульсирующие красные нули, он чуть ли не с облегчением приказал автомату стартовать. Его не остановило бы ничто, даже сообщение зонда...

С тяжестью в сердце он переключил антенну локатора на 327-Н. Взрыв звезды не произвел на него впечатления. Почти с ненавистью он глядел на распухающее облако раскаленных газов, с колоссальной скоростью пожирающих все на своем пути. «Там остался Нат, который защищал право жертвовать собою ради других. Право благородное, но анахроничное Слишком дорогостоящее, ведущее к материальным потерям и утратам контакта».

Даль невольно взглянул на указатель отрицательного времени. Прогноз был точен. Взрыв наступил на 15-й минуте. С запозданием против допустимого всего на пять минут.

Уже в который раз с момента возвращения на базу он просматривал ленты регистраторa! Не мог же Нат раствориться в пространстве!

Светлая полоса части экрана пульсировала равномерно и усыпляюще. Это на каждом снимке при медленном движении поблескивали отметины времени. Изображение местности, зафиксированное зондом, он уже запомнил в деталях. Сейчас, как и прежде, он разглядывал цепочки возвышенностей, протянувшихся в нескольких километрах от звездолета. При столь большом увеличении они представлялись горными цепями, которые все приближались и, казалось, колыхались под ногами.

Даль стал всматриваться в экран. Повысил яркость и замедлил движение ленты. Цифры стали мелькать реже. Даль напряженно анализировал снимки. Было +1,19, +1,18... И наконец... Есть! Он резко остановил ленту. Указатель времени светил ровным блеском: +0,30.

Он молниеносно рассчитал расстояние от стартового пункта и облегченно вздохнул. Около тысячи метров. Нет, Нат ни в коем случае не успел бы вовремя добраться до звездолета.

Даль еще не знал, что то, что он увидит через секунду, он запомнит до конца жизни со всеми подробностями и еще не раз вернется к этим снимкам.

Когда он понял, что на экране медленно, словно они шли по воде, движутся две фигуры, у него защемило сердце. Нат (он был без снаряжения и усилителя) с трудом поддерживал неловко' передвигавшее ноги существо в светлом скафандре и шаровидном шлеме. Это было иное, но, несомненно, мыслящее существо.

Даль видел, как Нат остановился, некоторое время смотрел на звездолет, а потом они повернулись и начали удаляться от корабля. Даль

ясно видел — пришелец хромал. Нату приходилось почти нести его. На спине у пришельца был укреплен баллон, от которого к шлему тянулись шланги.

Даль взглянул на указатель времени: + 0,08. Позже он даже не пытался проанализировать, что он почувствовал, когда рассматривал эти изображения в первый раз.

Он понял, почему Нат уходит. Социобиолог не верил, что Даль будет ждать. Он был убежден, что Даль не задержится ни на секунду. А когда он увидел, что створки двигателя раскрываются, он, пожалуй, решил, что Даль и инженер увидели его со звездолета, и все-таки Даль стартует. Удар гравитонов при старте испепелил бы их. Успели ли они спрятаться? Кто их убил? Взрыв 327-Н или он, капитан Даль?

Лента кончилась. Их обоих убил третий параграф. Вот когда подведен итог дискуссии в Совете. Даль понял, что прав был Нат, а сам он глубоко ошибался. Нельзя отнимать у мыслящего существа право на решение. Он, Даль, сделает все, чтобы стереть третий параграф из памяти общества.

Нат решил вернуться немного раньше. Он отлично понимал, что Даль больше всего боялся оказаться в такой ситуации, при которой будет вынужден воспользоваться им же предложенным параграфом кодекса.

Социобиолог был убежден, что Даль не прав, но доказать это могла только сама жизнь. Он шел быстро, стараясь пройти как можно большее расстояние. Район был неинтересный. Попадались кратеры и небольшие каменистые расщелины. Некоторые он обходил, через другие переползал. Планета, несомненно, не носила на себе никаких следов цивилизации.

Неожиданно он услышал слабый звук высокой частоты. Это не мог быть инженер — тот был слишком далеко, сюда не дошел бы его вызов. А у сигналов звездолета был гораздо более низкий тон. Нат быстро определил направление. Надо спешить, иначе он не успеет к моменту старта. Пришлось сойти с дуги. Чтобы наверстать время, он побежал «на голос» и неожиданно оказался на краю каменного обрыва.

Звук стал сильнее и четче. Он напоминал слегка модулированный писк шестикрыла. Нат подошел со стороны более пологой стены и осторожно начал спускаться. Только почти достигнув дна, он увидел «его».

То, что Нат был социобиологом, несколько облегчило положение. Ему было совершенно ясно, что перед ним представитель иной цивилизации. На нем были светлый комбинезон, шлем и баллоны на спине. Он пытался взобраться по той стене, по которой спускался Нат, но все время соскальзывал. Одна из двух более длинных конечностей была сломана. «Неудивительно. При таком убогом двигательном аппарате невозможно преодолевать препятствия», — подумал Нат.

Переполненный чувством радости, Нат забыл о времени. Наконец свершилось то, чего они так долго ждали: контакт! Он нашел космического брата! И именно в этот момент инопланетянин повернулся. Сквозь стекло шлема Нат увидел его лицо. Оно мгновенно исказилось. В ту же секунду Нат увидел вспышку, но мгновением раньше успел немного отклониться. Он почувствовал сильный удар в плечо. Счастье, что на нем были снаряжение и усилитель. Усилитель-то его и спас.

Нат понял, что погибнет, если не успеет установить взаимопонимание. Времени было в обрез. Его вид не мог не потрясти «чужого». Выход один. Нат застыл, потом медленно, очень медленно снял снаряжение, опустил на камень, показал на него и отчетливо произнес:

— Смотри. Я тоже «мыслящий».

«Чужой» молча смотрел и наконец понял. Больше он не стрелял. Нат увидел, что усилитель обуглился. Установить связь со звездолетом не удастся. Он взглянул на указатель времени. Надо спешить. А собственно, зачем? Ведь с раненым он все равно не придет вовремя. Будь он один, он бы еще успел. Но ведь нельзя оставить «чужака» в такой момент. Он обязан бороться ради контакта. Он не имеет права сдаваться.

Может быть, Даль подумает, что он, Нат, просто замешкался и немного оттянет старт? И Нат уверовал в то, что Даль подождет.

Он был сильно утомлен. Не слышал и не видел зонда. Когда они доползли до последней цепи возвышенностей и уже начали спускаться к звездолету, Нат почувствовал легкое дрожание грунта. Быстро взглянул вниз.

...Он заметил, как дрогнули защитные створки и начали открывать главный двигатель. Ведь их наверняка видели. Это было страшно.

В последний момент они успели уйти со взгорья. «Чужой» долго не мог понять, в чем дело. Нату пришлось чуть ли не нести его на руках. Резкий толчок — и Нат распрощался с последними надеждами. Собственно, зачем они отступают? Чтобы избежать удара гравитонов? Но и без того 327-Н уничтожит их через несколько минут. Или секунд? Он отвел глаза от черного неба, где скрылся его звездолет, и по бурной жестикуляции инопланетянина понял, что тот не собирается сдаваться. Они должны сделать попытку — использовать последний, пусть даже совсем малый шанс.

Нату было уже все равно. Но ведь инопланетянин ранен! Нат решил предпринять последнее усилие. Взвалил его на спину и побежал. Вес был небольшой, но он чувствовал, что долго так бежать не сможет.

Он был слишком утомлен, чтобы рассмотреть их корабль. Сразу было видно, что это фотонный корабль самого простого типа. Когда Нат подбежал к кораблю, оттуда выскочили несколько пришельцев и втащили раненого в люки. Видимо, они были к этому уже подготовлены, потому что тотчас помогли и Нату вползти внутрь. Они очень спешили.

Нат, отдыхая, наблюдал за ними. Собственно, старт корабля они провели вручную. Сами поочередно включали отдельные системы. Когда они дали запал на поток водорода, он почувствовал это.

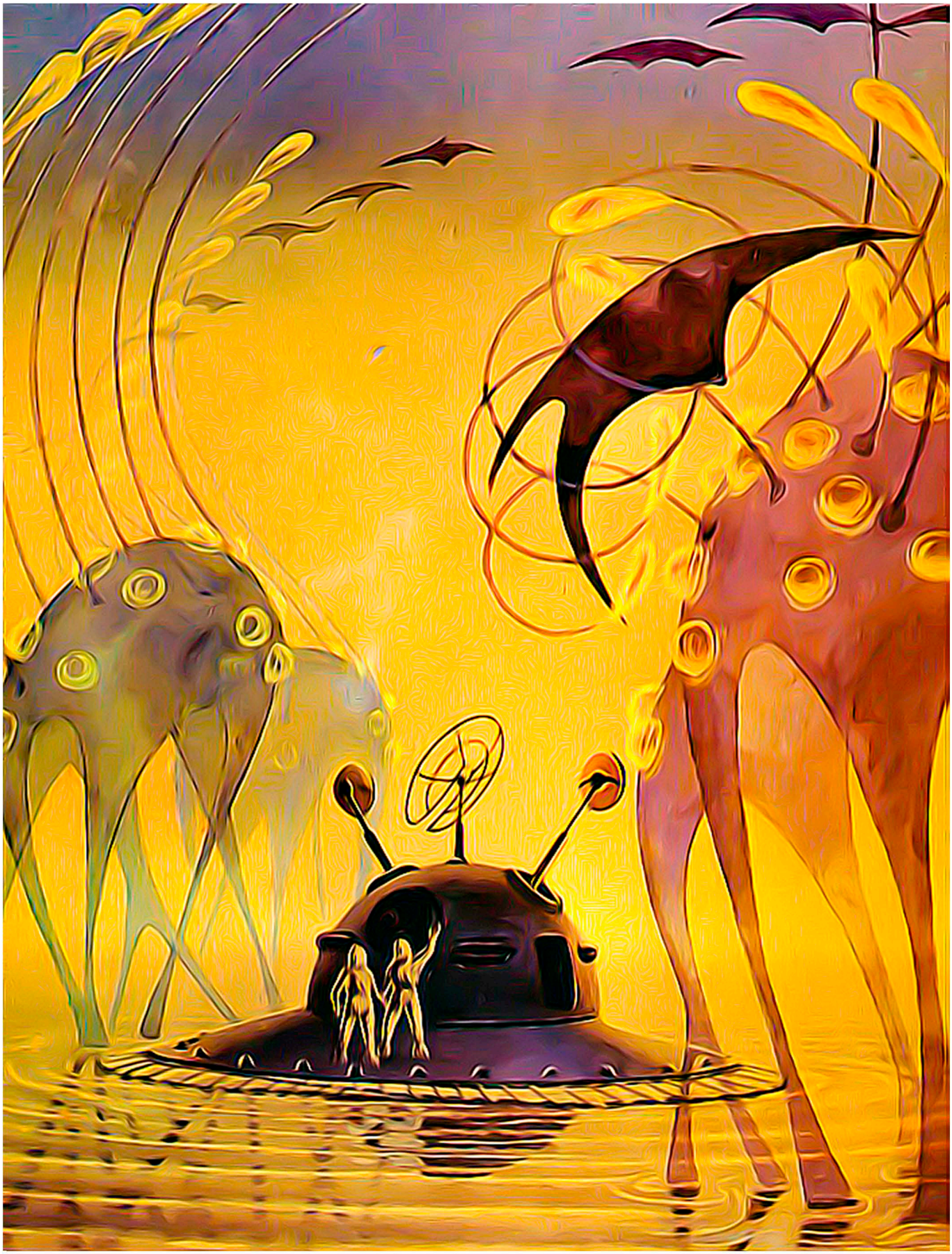
Он взглянул на экран, ярко светящийся в центре рубки. Быстро разобрался в шкале. У них тоже был точно определен момент «ноль». И все-таки они ждали.

Он почувствовал горький стыд перед этой вновь познанной цивилизацией.

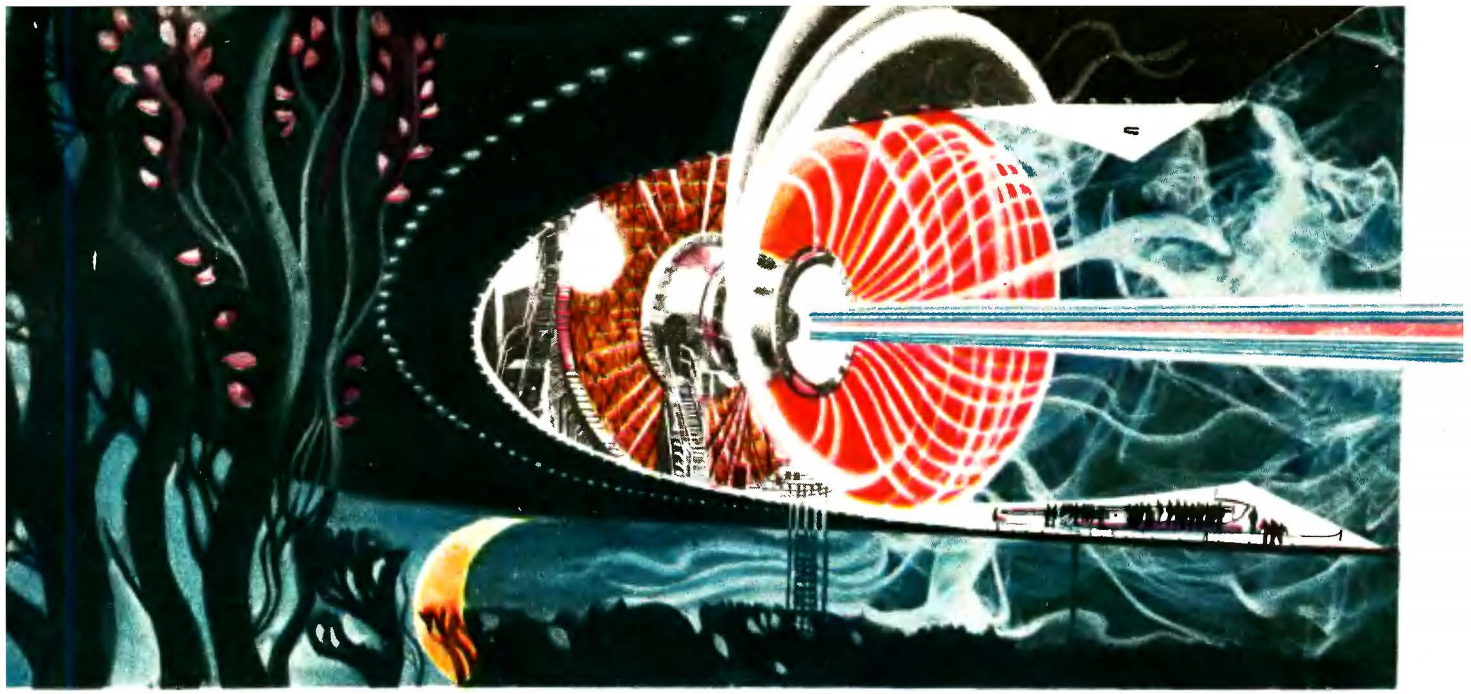
Эти существа общались с помощью звуковых, а не электромагнитных колебаний. Было не более шести g, однако все они лежали в противогравитационных креслах. Только позже, когда они были уже далеко от планеты и на одну секунду опережали мчащуюся за ними пылающую смерть, повернувшись к звезде фотонным зеркалом, когда закончилось ускорение и они скинули скафандры, он понял, что, хотя они тоже двуногие и двурукие, они гораздо нежнее его, чье тело защищал мощный хитиновый панцирь, и что большей перегрузки выдержать они не могли.

Перевод с польского
Евг. ВАЙСБРОТА

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ



А.Соколов «Лазоревая планета»



Над руслом иссохшей, мертвой реки гнал листья ветер сентября. И они шли косяками, как рыбины, и заходящее солнце едва пробивалось сквозь их плотно сомкнутые ряды. Казалось, весь золотящийся покров осеннего полушария планеты, закрученный в исполинский жгут, тянется из конца в конец горизонта. Или, быть может, то осыпалось золотое древо вселенной. Золотое древо, о котором давным-давно, еще в школьные годы, поведал мне однокашник Олег Никифоров.

Едва я вспомнил про Олега, как он тотчас же материализовался из ничего над руслом иссохшей реки, словно грозный вождь багряного нашествия листьев. Меня поразило его обличье: он был закован в латы, опоясан мечом, а на запястьях у него, как у колдуна, позванивали колокольцы.

«Ди-ди-ладо!» — пели колокольчики, и только тут я начал приходить в себя, превозмогая сон.

Я открыл глаза. В комнате было темно. Сквозь фиолетовый прямоугольник окна просачивалось серебристое вызванивание: то мирно пасся на лужайке «Биоптер-5» — моя последняя модель биомеханического птеродактиля. Судя по расположению созвездия Водолея относительно лунной дорожки, рассекавшей Байкал надвое, сейчас было 2 часа 12 минут пополуночи. Неподалеку, вровень с березами, маячил биоптер. Я поежился от холода, потом мысленно скомандовал: «Время!» Незамедлительно на боку птеродактиля вспыхнули голубоватые цифры: 0211. Как обычно, я ошибся не более чем на минуту.

Пора было отправляться в Москву — вернее, в Подмосковье. Полет на биоптере займет около трех часов. Если учесть шестичасовую разницу во времени, я вполне успею к началу эксперимента. Конечно, если форсировать режим, можно долететь и за полтора часа, а быть может, и за час. Однако мне не хотелось беспричинно выжимать из биоптера все, на что он способен. Когда годами бьешься над очередной модификацией, когда после всех треволнений удается вдохнуть разум, волю, жизнь в существо из титанита, синтетических перьев, проводов, протоплазмы, интеграторов, нервовакуумных насосов, витагенераторов, клетчатки, гравитационных конденсаторов, протоплазмы — тогда поневоле проникнешься симпатией к собственному детищу. Чего скрывать, я любил моих биоптеров. Крылатые их армады бесшумно витали в небесах, навсегда свергнув владычество самолетов — ревущих тварей, исторгавших керосиновое зловоние и едва не сожравших весь кислородный паек Земли. Не зря, нет, не зря отдал я лучшие годы этим светоносным созданиям, несомым волнами гравитации подобно сказочным драконам. Но любили ли они меня?.. Не знаю.

Меланхоличный робот Биогор (одна из самых ранних моих конструкций — биомеханическая горилла) твердой рукой втиснул меня в противогравитационную капсулу — нечто прозрачное, невесомое, излучавшее сияние. Теперь я походил на букашку в капле росы. Прежде чем покинуть Базу, я заставил робота еще раз прокрутить полученную вчера видеограмму. В ней значилось:

БАЙКАЛ, БИОМЕХПОЛИГОН, КУЗЬМИНУ. НЕМЕДЛЕННО ВЫЛЕТАЙ НА ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ИСПЫТАНИЯ ЗЕРКАЛА ВРЕМЕНИ. НАЧАЛО ЭКСПЕРИМЕНТА 29 СЕНТЯБРЯ В 23.45 (ВРЕМЯ МОСКОВСКОЕ) В ИНСТИТУТЕ ВСЕВРЕМЕННЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ. ЖДУ С НЕТЕРПЕНИЕМ. НИКИФОРОВ.

Совершив над полигоном крутой вираж, биоптер ринулся на запад. По длинному его клюву стекал голубоватый пламень: биоптер пожирал частицы гравитации, как ненасытный аист лягушек.

Я глянул из кабины вниз. Подо мною плавились созвездья, отраженные Байкалом. «Ночное зеркало небес», — всплыла в памяти строка из стихотворения древнего поэта. И сразу же я поймал себя на мысли, что, в сущности, последние два дня непрестанно думаю об Олеге Никифорове и его зеркале времени.

Когда-то мы вместе проходили практику по звездной навигации в школе Третьей ступени. Однажды, когда мы возвращались с Плутона, Олег спросил меня ни с того ни с сего:

— Как ты думаешь, почему до сих пор не изобрели «машину времени»?

— Не изобрели, так изобретут, — отвечал я. — И тогда мы еще пожалеем об этом.

— О чем?

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ

Фантастическая юмореска

«То, что мы видим в зеркале здесь,
там увидим лицом к лицу».
(Древнеиндийская мудрость)

Юрий МЕДВЕДЕВ

Рис. Р. Авотина

— С плезиозаврах, на которых будут охотиться с электронными пушками. О мамонтах, которых истребят потехи ради. О носорогах, слонах, китах, бегемотах. О всей живой природе. Знаешь, сколько бизонов щипало травку на Американском континенте до прихода туда европейцев? А сколько осталось? Ну. сколько?..

— При чем здесь мамонты и плезиозавры? В конце концов они вымерли сами по себе.

Я возразил:

— Это еще неизвестно, как они вымерли. Не исключено, что их спокойно укокошили какие-нибудь смекалистые парнишки из будущего. Во имя науки. Или просто так, забавляясь. Пойми же: любое такое убийство безнравственно в основе своей.

Олег смотрел на меня в упор зелеными глазами. Мы долго молчали. Наконец он заговорил тихо:

— «Машину времени» не изобрели и не изобретут никогда. Потому что существует такая штука — причинная связь явлений. Железный детерминизм. Это, кстати, понимали еще пифагорейцы. Вселенная представлялась им живым раскидистым древом, все листья на котором связаны незримыми золотыми нитями. Дотронься до одного листа — зазвенит все дерево.

— Сказка, — сказал я. — Красивый вымысел. Стало быть, времена, эпохи, события, мгновенья хотя и объединены одним стволом, но строго отделены друг от друга, как листья.

— Отделены и отдалены.

— Пусть так! Но представь себе, что мы нумеруем все листья на растущем дереве, по мере того как они появляются. И что же? Рядом с № 23 трепещет на ветру 186. С 3 соседствует 1003. Или 911, 429, 84. Мыслимо ли, чтобы вслед за крестовыми походами началась эпоха египетских фараонов? Чтобы после гибели Римской империи тотчас была учреждена Организация Объединенных Наций? Или чтобы Колумб обменивался письмами с Александром Македонским? Где здесь твоя принципная связь? Полный беспорядок, хаос, сумятица.

— Зря ты так все опрощаешь, — сказал Олег.

— Нет, — продолжал я. — Как ты объяснишь, что в любом листке, в любой его клетке заложен абсолютно точный образ всего дерева, вся информация о нем? Разве нельзя представить, что каждое сиюминутное мгновенье несет в себе прообраз прошедших или грядущих эпох? И уж если какая-нибудь букашка, бессмысленная тварь, может спокойно переползать с листа на лист, ни на секунду не отрываясь от всего дерева, почему нам, мыслящим существам, не под силу подобное занятие на золотом древе вселенной?

— Подобное занятие хотя бы потому нам не под силу, что одних листьев уже нет, а другие еще не появились, — ответил Олег.

— А как быть с теми листьями, которые уже или еще есть?

Тут он надолго задумался, потирая ладонью лоб, и наконец произнес:

— Мысль о прошлых и будущих эпохах, заложенных в каждом мгновенье, мне нравится. Значит, в принципе можно из сегодня увидеть завтра или вчера. В определенных пределах. С помощью какого-нибудь хитроумного прибора. Этакое сферическое зеркало времени.

— Наподобие автомобильной фары! — усмехнулся я. — Зеркало времени, ножницы времени, расческа времени — целая парикмахерская под золотым деревом!

Вот так и закончился тогда наш разговор о «машине времени». По окончании школы судьба нас развела: меня всецело поглотил байкальский полигон; Никифоров работал в Институте всевременных перемещений. Изредка мы встречались: то в Звездной академии, то на конгрессах, то в Лаборатории гравитационных парадоксов. Расставаясь, я всякий раз спрашивал нарочито официальным тоном: «Ну как, коллега, зеркало времени?», и он отвечал свое неизменное: «Шлифуем помаленьку».

Неужели он взаправду изобрел зеркало времени?..

На экране обозначилась длинная, испещренная зубцами линия — я подлетал к Уральскому хребту. Отсюда, с высоты двухсот километров, горный кряж мне представился праисторическим зверем, мертвой хваткой стиснувшим края Европы и Азии. Неожиданно зазвучал на высокой ноте орга́н — включился блок экстренного торможения. Через каких-нибудь двадцать секунд скорость биоптера упала до нуля. Что могло произойти? Я бросил беглый взгляд на гравиметры: все было в норме. «Вперед!» — мысленно скомандовал я. Крылья биоптера задрожали, расплескивая алюминиевый свет луны, однако он даже не стронулся с места. Что за дьяволиада? Я повторил приказа-

Зеркало времени

„Зеркала бывают: прямыя, плоскыя, вогнутыя, впалыя, полыя, уменьшительныя, выпуклыя, горбатыя, толстыя, увеличительныя".
(„Толковый словарь живого великорусского языка".)

ние дважды, трижды. Безрезультатно! Биоптер будто уперся в гравитационный барьер. Но в том-то и загвоздка, что никакого гравитационного барьера здесь не было, да и быть не могло. Я дал реверс и по крутой восьмидесятикилометровой спирали попытался одолеть незримую стену. И снова рокот и клекот орга́на — биоптер мгновенно затормозил. Я вскрыл блок Желаний и Побуждений. Невероятно: мой биоптер мог, но не хотел пересекать Уральский хребет. Такое в моей практике случилось впервые. Казалось, некая грозная сверкъестественная сила отвращает биомеханическое существо. Но кому-кому, а мне-то не надо было объяснять, что стальная метла диалектики навсегда изгнала призраки сверхъестественного из храма истины. Тем более было мне непонятно упрямство моего биоптера. Наконец, содрогаясь от сострадания, я вынужден был несколько раз ужалить его токами сверхвысокой частоты. Однако и это не подействовало. Оставалось последнее: лететь к Ледовитому океану, в обход хребта.

Так я и сделал: обогнул северные отроги Уральских гор и понесся на юго-запад.

И вот — наконец-то! — в почной пустыне мрака всплыл золотистый мираж Москвы. Предо мною, как разноцветные рыбины, реяли в воздухе навеки освобожденные от гравитационных оков дворцы, бассейны, стадионы, висячие сады, аэрогары. Подобно частицам ртути, растекались белые, серебряные, светло-голубые, лазоревые огоньки, — то проносились гравипланы по вознесенным над землей дорогам. Вихрились фонтаны света, фейерверков, иллюминаций. И лишь поблекшая Луна недвижно висела над городом.

— Ну и хорош же ты, нечего сказать! — басовито гудел Олег, стискивая меня в объятьях. — Храменков вчера еще прилетел, и откуда — с Нептуна! Братья Акишкины бросили все на своей Лунной Ловушке и примчались сломя голову. А ты из Сибири не можешь подоспеть вовремя. Стыдно, коллега!

Я безнадежно махнул рукой в ту сторону, где приземлился биоптер.

— Вот оно, зеркало времени, гляди! — Олег указал туда, где сквозь редкий березняк вырисовывалась полукруглая платформа, увенчанная зачехленным сооружением странной формы. Мы миновали кустарник и приблизились к платформе, высвеченной огнями. На платформе было полным-полно разного люда: тут теснились гравиционники, временники, хронописцы из Звездной академии, из Института конфигурации пространства, несколько знакомых мне академиков из Института древних историй — в общем, цвет науки, все те, от кого зависели победы и поражения в вековечной борьбе за Истину, все те, кто сам был неотъемлемой частью этих побед и поражений.

Олег ухватил меня за руку и повлек к платформе.

— Скорее, скорее, пора начинать! — бормотал он. — Ты сейчас такое увидешь — ахнешь! Знаешь ли, куда проникнет луч? В восемнадцатый век! В те времена здесь была деревня Ельцовка. Представляешь: увидеть наших живых предков!

— Может, ты все же объяснишь, как соорудил зеркало времени? — спросил я

— Поздно! Потом расскажу, — отвечал он, волоча меня на эскалатор.

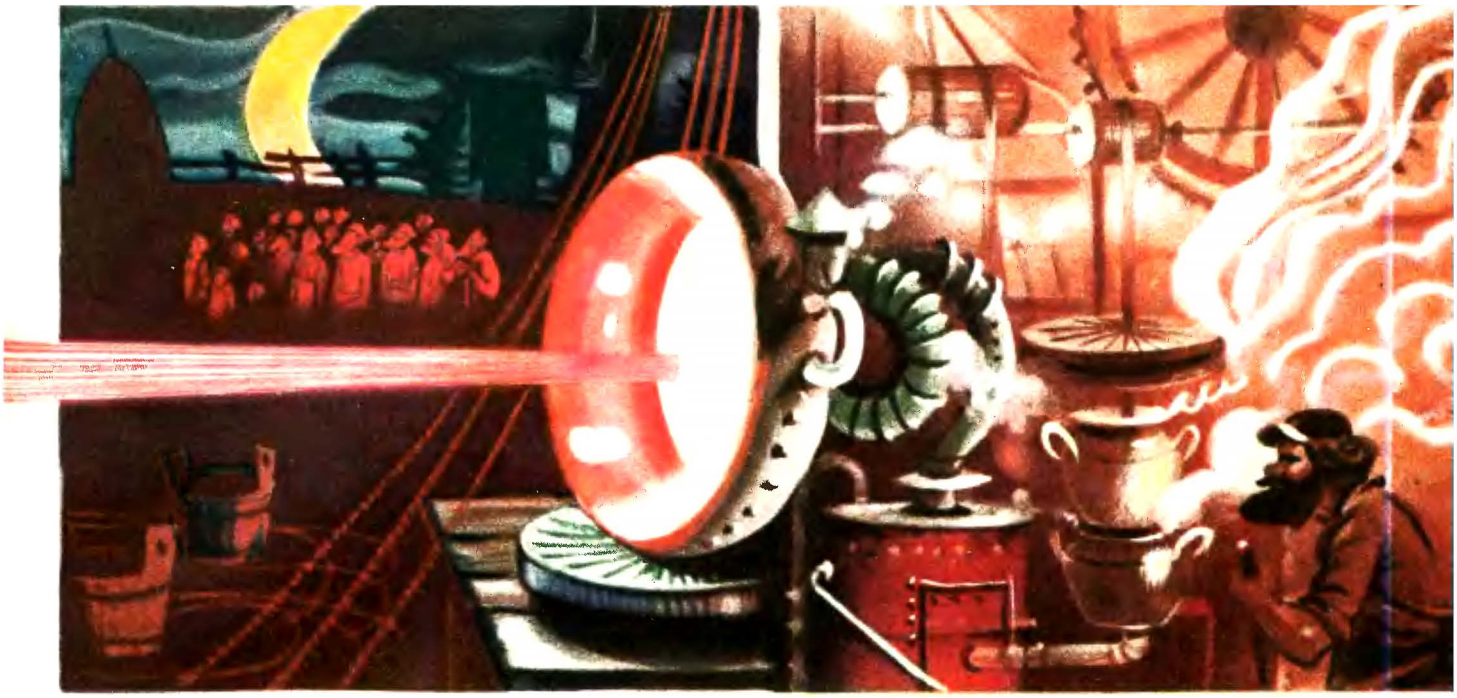
Мы поднялись на платформу. Она висела над землей метрах в двадцати. Внизу расстилалась поляна размером с футбольное поле. С платформы стекали на осеннюю жухлую траву наши неестественно длинные тени.

Олег вознесся по лесенке в зачехленное сооружение и скрылся в нем. Вскоре раздался его голос, многократно усиленный динамиками:

— Внимание! Эксперимент начнется через три с половиной минуты и продолжится четверть часа. В течение всего эксперимента необходимо сохранять абсолютную, я подчеркиваю, абсолютную тишину. Объявляю трехминутную готовность! Погасить все прожектора! Замкнуть энергополе! Расчехлить зеркало!

Словно тень исполинской птицы, воспарил над платформой чехол; потом унесся во тьму. Луна багряной ладьей качалась над купами деревьев. Время тянулось бесконечно медленно, как перед взрывом звезды. Из гигантского параболоида вырвался фиолетовый луч и высветил почти всю поляну. Луч был тяжел, физически ощутим. И казалось: можно взобраться на него и спокойно расхаживать, как в младенческих снах ходишь по радуге. Вслед за тем луч еще более сгустился, начал темнеть, темнеть, пока в него не хлынула ночь, или, быть может, он сам обратился в ночь.

И тогда...



И тогда материализовалась на поляне деревенька.

Сначала появились избы, крытые соломой, затем сараи, стога сена, трактир, пожарная каланча. Под каланчой стояли кадки, в которых блестела вода. Кое-где в избенках тускло мерцали языки пламени — наверно, чадили лучины.

На окраине деревеньки виднелось нечто загадочное, несуразное: то ли рыдван, покрытый рогожей, то ли балаган, то ли вообще черт знает что, чему и название трудно подобрать. Рядом с балаганом толпились бородатые мужики — в лаптях, драных кацавейках и овчинных вылинявших шапчонках. Один из них откинул полог балагана, просунул голову внутрь и прокричал с хрипотцой:

Наддай жару, Ермолай, поболе наддай жару-то! Аль дровишки жалеешь? Да заради такого дела десятину леса спалить не грех.

Из балагана повалили густой дым и искры. Громыхнуло.

— Кого ждем? протяжно, нараспев спросил кто-то из толпы. Уж полночь вроде недалече! И без того припозднились. Давай-кось, Никифор, начинай, што ли! Цельный вечер баклуши бьем. Невмоготу нам, невтерпеж!

— Начинай, Никифор, начинай! Невтерпеж! Невмоготу! — заволновалась толпа.

Никифор (тот самый, что наказывал незримому Ермолаю не жалеть дровишек) ответствовал так:

— Задондонили, мужички, одно и то ж: «Начинай, начинай!» Говорено ведь: без Кузьмы, дружка закадычного, пипочем не пущу механизму в работу. С минуты на минуту должон он прискакать, Кузьмато... Эгей, вот он, кажись, самолично скачет.

И действительно: из темноты явился на взмыленной лошаденке рыжий детина с окладистой длинной бородой. Он мигом скатился с седла и оказался в объятиях Никифора.

— Ну и хорош ты! — укоризненно говорил Никифор. — Епиходов намедни еще явился, и откудова — аж из Сызрани. Братья Челумеевы махнули рукой на хлопоты свои мельничные, прямо с Волги прискакали сломя голову. А ты из села соседнего припоздняешься, к сроку не могешь подоспеть. Эх, стыдоба, браток!

Кузьма безнадежно махнул рукой в сторону своей лошади, пощипывавшей траву.

Да кляча подвела, окаянная! Как доскакал я до Медвежьего оврага, тут она уперлась — и ни-почем дольше не бежит. Беснуется, ушами прядет, ровно волки впереди, аль сила нечистая затаилась в овраге, аль еще што похлеще. Диаволиада, в общем. Уж я и кнутом ее стегал, треклятую, и лаптями поддавал под бока, — ни с места! Пришлось за восемь верст давать крюку, аж через Криволапую запруду сюды добираться. Ты уж извиняй меня, Никифор!

Никифор извлек из кармана огромные часы на длинной железной цепочке, раскрыл крышку, поднес часы к глазам.

— Поспешай, поспешай, время приспело! — сбивчиво заговорил он. Ты нонче такое увидишь — ахнешь! Ведомо ли тебе, куды я луч от механизмы вознамерился послать? Аж на триста годов вперед! О те времена на энтом месте такие диковинные избы, да амбары, да мельницы понастроят! Ты только пораскинь умом: живых потомков лицезреть, воочию, так сказать!

Да поведай, Никишка, што за механизму измыслил? — вопросил Кузьма.

— Поздно! Опосля все растолкую, отвечал Никифор, увлекая Кузьму к балагану.

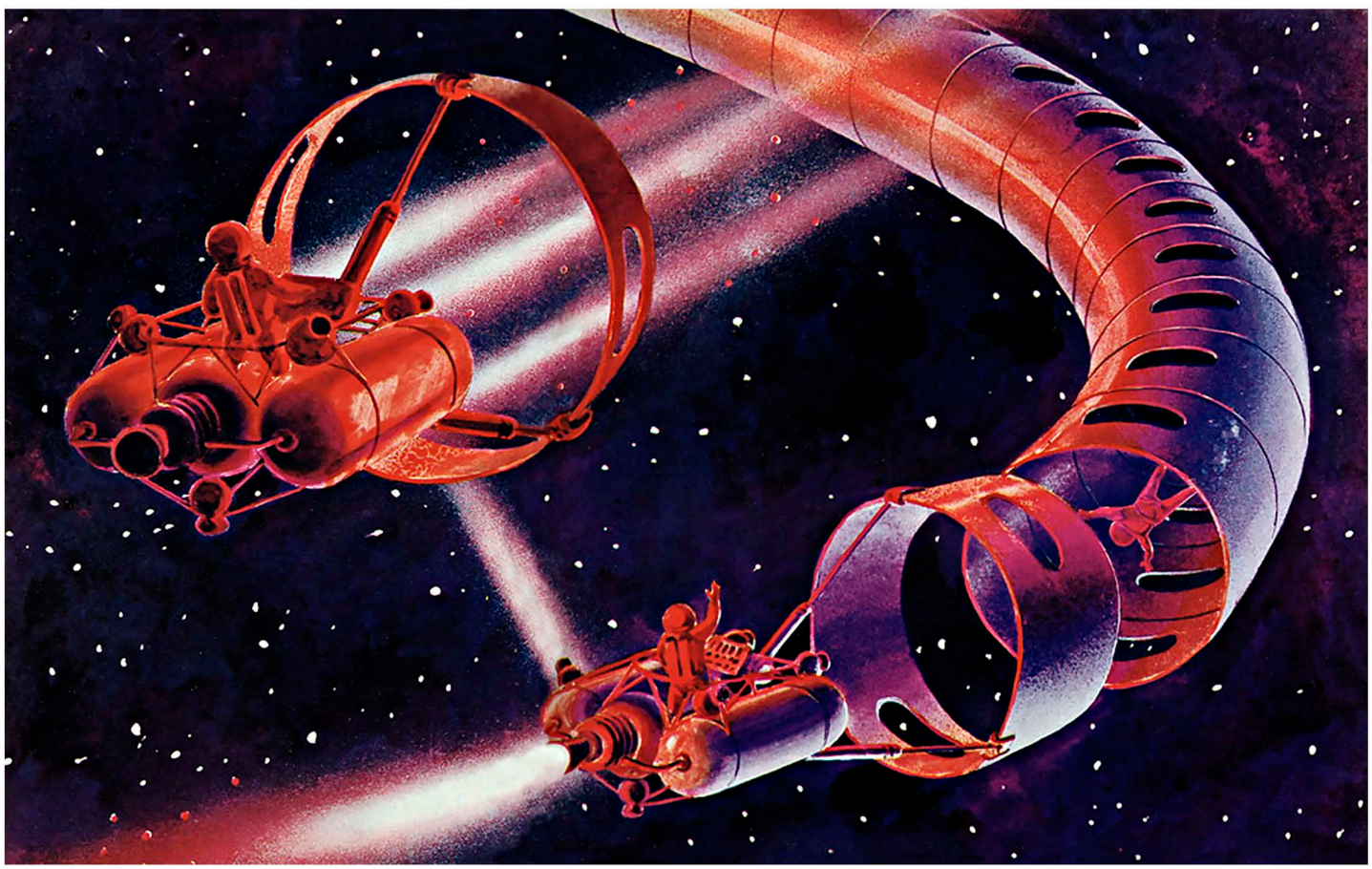
Они скрылись внутри. Вскоре из балагана раздался Никифоров голос:

Мужики! Механизма заработает немного погодя! А когда заработает, штоб никто не курил, ногами не шаркал, не тараторил понапрасну! Потому как можно ненароком спугнуть потомков! Чтоб ни слова, ни полслова! Ти-хо! Начинаем! Ермолай, наддай жару! Сымай рогожу с зеркала!

Словно тень исполинской птицы, воспарил над Никифоровым сооружением чехол и унесся во тьму. Багряная ладья луны качалась над купами деревьев. Время тянулось медленно, как перед взрывом порохового погреба. Из огромной медной чаши вырвался красный луч и высветил нашу платформу. Луч был тяжел, физически ощутим. Казалось, можно взобраться на него и спокойно расхаживать, как в детских снах ходишь по радуге. Вслед за тем луч еще более сгустился, стал темнеть, темнеть, пока в него не хлынула ночь, а может быть, он сам обратился в ночь.

И тогда...

А.Леонов, А.Соколов «На спутнике Юпитера»



Артур КЛАРК

Зазвонил телефон...

Научно-фантастический памфлет

Мы предлагаем нашим читателям памфлет известного английского фантаста Артура Кларка. В рассказе остро передано чувство тревоги автора, вызванное бессмысленной технизацией современного западного мира, перенасыщением его быта и бытия информацией, возрастанием духовной некоммуникабельности и т. д.

Угрожает ли развитие науки благоденствию человека? Как известно, одним из первых обратился к этой теме Карел Чапек в пьесе «Р. У. Р. (Россумские универсальные роботы)». Теперь в странах капитала противостояние человек — машина отнюдь не литературная проблема. Там, где человек низведен до уровня автомата,— там даже мертвая, неодушевленная техника становится антигуманной.

Об этом — памфлет «Зазвонил телефон...».

Четверть миллиарда людей подняли телефонные трубки и несколько секунд раздраженно или встревоженно вслушивались. Некоторые подумали, что звонят откуда-нибудь из Австралии — через спутник связи, который был запущен накануне. Однако в трубке не слышалось ничьего голоса, только непонятный звук, напомнивший кому шум моря, кому — звенящие под ударами ветра струны арфы. Другим же этот звук принес воспоминание далекого детства: пульсация крови, которая слышна, если приложить к уху большую раковину. Но, что бы то ни было, секунд через двадцать все прекратилось.

Телефонные абоненты ругнулись, пробормотали «ошиблись номером» и повесили трубки. Кое-кто пытался позвонить в соответствующую телефонную компанию и высказать свое недовольство, но линия была занята. Через несколько часов об инциденте забыли все, кроме тех, в чьи обязанности входит не допускать подобных случайностей.

В Исследовательской станции связи спор продолжался все утро и ни к какому решению не привел. Не утих он и во время перерыва на ленч, когда голодные инженеры, продолжая переговариваться, вошли в кафе напротив.

— Я продолжаю считать, — заявил Уилли Смит, специалист по со́лидной электронике, — что это был короткий мощный импульс, возникший в момент подключения к сети спутника.

— Да, какая-то связь с подключением спутника, несомненно, была, — поддержал его Жюль Рейнер, проектировщик сетей. — Но чем объяснить несовпадение по времени? Спутник включился в полночь, а звонки раздались только через два часа — как всем нам слишком хорошо известно. — И он громко зевнул.

— А что вы думаете, док? — спросил Боб Эндрюс, программист компьютеров. — Вы почти все утро молчали. Наверное, припасли какую-нибудь идейку?

Доктор Джон Уильямс, возглавлявший математическую группу, смущенно пожал плечами.

— У меня действительно есть одна идея, — начал он. — Но вы вряд ли отнесетесь к ней серьезно.

— Это не имеет значения. Даже если ваша идея будет напоминать научно-фантастические рассказы, которые вы печатаете под псевдонимом, она может нас на что-то натолкнуть.

Уильямс покраснел, но не очень сильно. Все знали о его рассказах, и он их не стыдился. Они ведь даже вышли отдельным сборником. (После распродажи залежавшегося тиража у него оставалось еще сотни две экземпляров.)

— Ну хорошо, — заговорил он, машинально теребя скатерть. — Откровенно говоря, эта мысль появилась у меня не сейчас, а еще несколько лет назад. Скажите, вы когда-нибудь задумывались об аналогии между автоматической телефонной станцией и человеческим мозгом?

— Да кто же об этом не думал? — усмехнулся один из его слушателей. — Этой идее столько же лет, сколько самому телефону.

— Возможно. Но я и не утверждаю, что сказал что-то оригинальное. Однако пора отнестись к этой проблеме серьезно. — Он нахмурился, глядя на свисающие с потолка трубки ламп дневного света; день был сумрачный, туманный, и они горели. — Что такое с этим чертовым светом? Лампы уже минут пять мигают.

— Не отвлекайтесь на пустяки. Наверное, Мэйси забыла оплатить счет за электричество. Рассказывайте дальше.

— У меня уже не только предположения, имеется и кое-что из фактов. Мы знаем, что человеческий мозг представляет собой как бы сложную сеть переключателей, соединенных нервными волокнами. Автоматическая телефонная станция, в свою очередь, является системой переключателей — селекторы и прочее, — соединенных проводами.

— Согласен, — кивнул Смит. — Но на этой аналогии далеко не уедешь. Мозг содержит около пятнадцати миллиардов нейронов, так ведь? В какой же телефонной станции найдется столько переключателей?

Ответ Уильямса потонул в реве низко летящего реактивного самолета; пришлось подождать, пока кафе перестанет сотрясаться.

— Никогда они так низко не летали, — пробормотал Эндрюс. — Я думаю, это против правил.

Рис. И. Шалито, Г. Бойко

— Это действительно против правил. Но не беспокойтесь: воздушный контроль сейчас намылит ему шею.

— Сомневаюсь, — покачал головой Рейнер. — Именно воздушный контроль назначает высоту захода на посадку. Но так низко... Не завидую тем, кто на борту.

— Так мы будем наконец говорить о деле или нет? — недовольно спросил Смит.

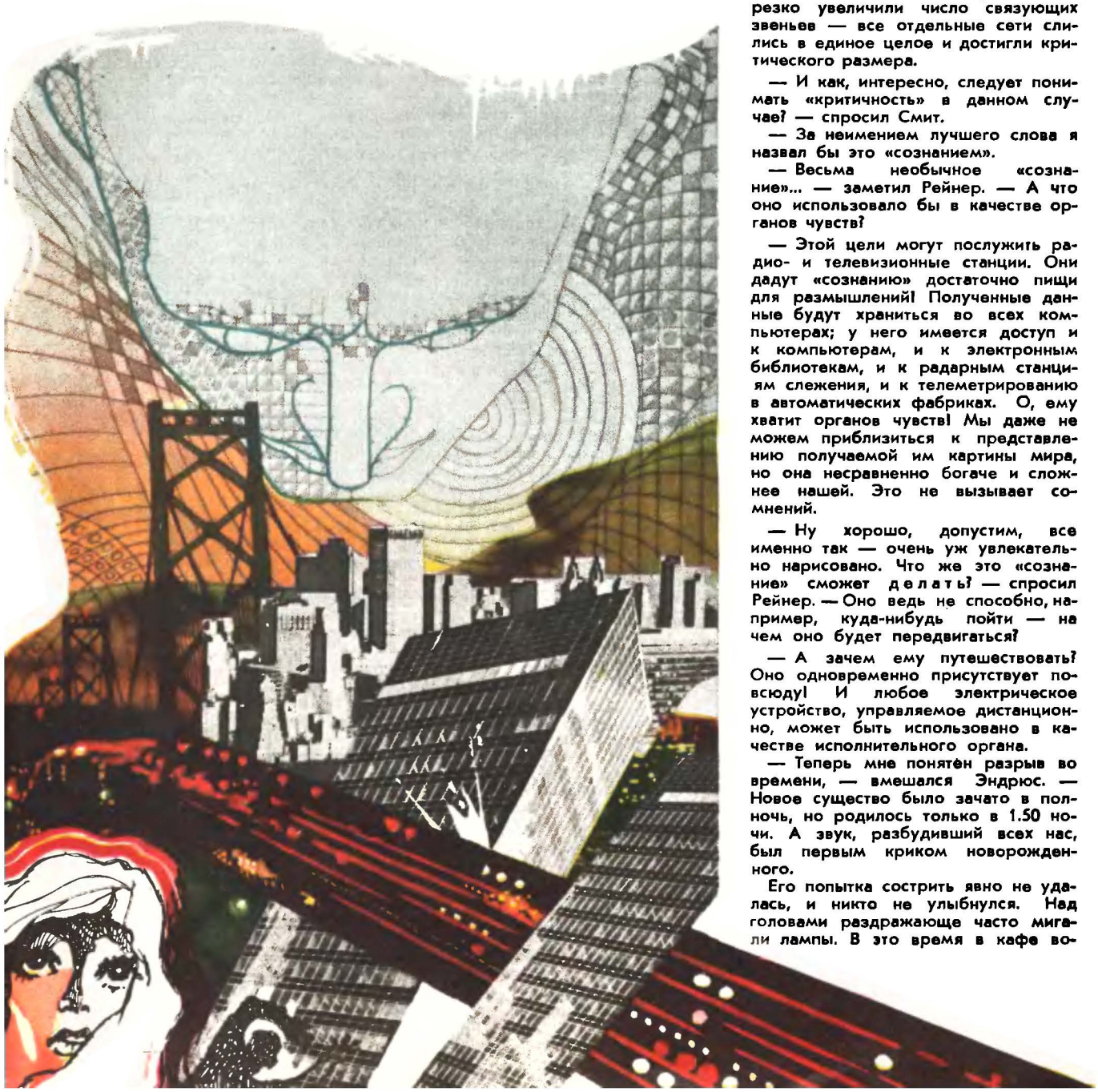
— Вы были правы, говоря о пятнадцати миллиардах нейронов, — спокойно продолжал Уильямс. — Именно в э т о все и упирается. Пятнадцать миллиардов — много это или мало? Много? А знаете ли вы, что еще два десятилетия назад общее число переключателей в разбросанных по всей стране телефонных станциях превышало пятнадцать миллиардов. А сейчас их раз в пять больше.

— Понятно, — очень тихо сказал Рейнер. — Значит, теперь, когда подключился новый спутник, все они соединены между собой.

— Вот именно.

За столом стало совсем тихо; слышался только звон колокола пожарной машины.

— Давайте говорить прямо, — решительно сказал Смит. — Вы утверждаете, что наша телефонная система превратилась в гигантский телефонный мозг?



— Нет, это был бы слишком грубый, антропоморфический подход. Я предпочитаю мыслить о возникшем явлении в понятиях критической массы или критического размера. — Уильямс поднял обе руки, полусомкнув пальцы, как будто в них что-то было зажато. — Представьте себе: я держу два куска урана-235; ничего не происходит, пока они находятся на некотором расстоянии друг от друга. Но если их соединить, — он сблизил руки, — получится нечто совсем непохожее на один большой кусок урана. Образуется воронка с полмили в диаметре. То же самое произошло с телефонными сетями; до сегодняшнего дня они были большей частью независимы, не сообщались между собой. Теперь же мы резко увеличили число связующих звеньев — все отдельные сети слились в единое целое и достигли критического размера.

— И как, интересно, следует понимать «критичность» в данном случае? — спросил Смит.

— За неимением лучшего слова я назвал бы это «сознанием».

— Весьма необычное «сознание»... — заметил Рейнер. — А что оно использовало бы в качестве органов чувств?

— Этой цели могут послужить радио- и телевизионные станции. Они дадут «сознанию» достаточно пищи для размышлений! Полученные данные будут храниться во всех компьютерах; у него имеется доступ и к компьютерам, и к электронным библиотекам, и к радарным станциям слежения, и к телеметрированию в автоматических фабриках. О, ему хватит органов чувств! Мы даже не можем приблизиться к представлению получаемой им картины мира, но она несравненно богаче и сложнее нашей. Это не вызывает сомнений.

— Ну хорошо, допустим, все именно так — очень уж увлекательно нарисовано. Что же это «сознание» сможет д е л а т ь? — спросил Рейнер. — Оно ведь не способно, например, куда-нибудь пойти — на чем оно будет передвигаться?

— А зачем ему путешествовать? Оно одновременно присутствует повсюду! И любое электрическое устройство, управляемое дистанционно, может быть использовано в качестве исполнительного органа.

— Теперь мне понятен разрыв во времени, — вмешался Эндрюс. — Новое существо было зачато в полночь, но родилось только в 1.50 ночи. А звук, разбудивший всех нас, был первым криком новорожденного.

Его попытка сострить явно не удалась, и никто не улыбнулся. Над головами раздражающе часто мигали лампы. В это время в кафе во-

шел, по обыкновению производя много шума, Джим Смолл из отдела энергетического обеспечения.

— Вы только посмотрите, ребята, — он широко улыбался, размахивая листом бумаги. — Я богач. Когда-нибудь видели такой счет в банке?

Д-р Уильямс взял протянутый лист, пробежал глазами и прочел вслух:

— Кредит 999. 999. 897. 087 долларов... Ничего необычного, — заявил он под раскаты смеха. — Компьютер допустил небольшую ошибку. Иногда такие вещи случаются.

— Да я и сам это знаю, — сказал Джим, — но не портите мне удовольствие. Я этот отчет вставлю в рамку — кстати, а что, если я попытаюсь сейчас выписать чек на несколько миллионов? Могу я подать на банк в суд, если чек не оплатят?

— Ничего не получится, — ответил ему Рейнер. — Могу поклясться, что о подобных случайностях банки давно подумали и обезопасили себя в каком-нибудь документике крохотной сноской мелким шрифтом. А когда, хотел бы я знать, вы получили этот отчет?

— Полуденной почтой; мне их присылают на работу, так что жена о моих финансах ничего не знает.

— Н-да... это значит, что составлен отчет был рано утром. Несомненно, после полуночи.

— К чему вы клоните? И почему у всех такие мрачные лица?

На его слова никто не отреагировал; в мыслях, на которые натолкнул инцидент с банковским отчетом, не было ничего приятного.

— Кто из присутствующих знает что-нибудь об автоматизированных банковских системах? — спросил Уилли Смит. — Как они связаны между собой?

— Точно так же, как и все прочее в наши дни, — ответил Боб Эндрюс. — Все они объединены в единую сеть — компьютеры сообщаются между собой. Это подтверждает вашу теорию, Джон. Если действительно будет происходить что-то необычное, первых проявлений следует ждать именно в этой сфере, не считая собственно телефонной системы, конечно.

— Никто так и не ответил на вопрос, который я задал перед появлением Джима, — громко пожаловался Рейнер. — Что будет этот сверхразум д е л а т ь? Окажется ли он дружественным — враждебным — безразличным? Осознает ли он наше существование или единственной реальностью для него будут воспринимаемые и посылаемые им электронные символы?

— Я вижу, вы начинаете мне верить, — заметил Уильямс с каким-то мрачным удовлетворением. — Но на этот вопрос я могу ответить только вопросом. Что делает новорожденный ребенок? Ищет себе пищу. — Уильямс посмотрел на мигающие лампы. — Боже мой, — медленно произнес он, потрясенный новой мыслью. — Да ведь для него существует только одна пища — электричество.

— Ну мы уже достаточно всякой ерунды наговорили, — решительно вмешался Смит. — Что, черт возьми, случилось с нашим ленчем? Мы сделали заказы двадцать минут назад.

Никто ему не ответил.

— Ну а потом, — сказал Рейнер, продолжая мысль Уильямса, — новорожденный будет осматриваться вокруг и потягиваться. Осмотревшись, начнет играть, как любой растущий ребенок.

— А дети иногда л о м а ю т вещи, — прошептал кто-то.

— Игрушек у него будет достаточно, это уж точно. Например, «Конкорд», пролетевший над нами. Автоматизированные заводские линии. Светофоры на улицах.

— Как кстати вы об этом упомянули, — вмешался Смолл. — С уличным движением что-то случилось — уже минут десять все стоят. Похоже, большая пробка.

— Наверное, горит что-нибудь — я слышал пожарную машину.

— А я слышал две и что-то очень похожее на взрыв в стороне индустриальной зоны. Надеюсь, ничего серьезного.

— Мэйси!!! Как насчет свечек? Ничего не видно!

— Я только что вспомнил — в этом кафе кухня полностью электрифицирована. Мы получим свой ленч холодным, если вообще что-нибудь получим.

— Ну что ж, можем газету почитать, пока ждем. Это у тебя последний выпуск, Джим?

— Да, я еще даже не заглядывал. Да-а, сегодня д е й с т в и т е л ь н о очень много странных происшествий. Отказали железнодорожные сигналы... Водопроводная магистраль лопнула из-за того, что не сработал предохранительный клапан... Десятки жалоб на непонятный ночной звонок...

Он перевернул страницу и внезапно замолчал.

— Что такое?

Смолл молча протянул газету. Только первая страница имела привычный вид. Все последующие представляли собой мешанину из букв и обрывков слов — лишь местами отрывочные рекламные объяснения создавали островки нормальности в море тарабарщины. Они, очевидно, были набраны отдельными блоками и потому избежали участи остального текста.

— Вот к чему привело дистанционное управление набором и печатанием, — зло сказал Эндрюс. — Боюсь, газетные боссы хотели убить одним выстрелом слишком много электронных зайцев.

— Если мне будет позволено высказаться на этом сборище истериков, — громко и твердо вмешался Смит, — я хотел бы подчеркнуть, что пока бояться нечего — даже если окажется, что Джон прав. Мы всего лишь отключим спутники, и опять все пойдет по-старому.

— Префронтальная лоботомия, — пробормотал Уильямс. — Я уже думал об этом.

— А? Ну да — удаление участков мозга — как в старину лечили шизофрению. Дорого обойдется, конечно, и опять придется перейти на телеграфное сообщение, зато страна не погибнет.

Где-то неподалеку раздался резкий звук взрыва.

— Мне все это не нравится, — нервно сказал Эндрюс. — Давайте послушаем, что скажет радио, — только что начался выпуск новостей.

Он достал из портфеля маленький транзисторный приемник.

— ...небывалое число аварий на заводах...

— ...несколько аэропортов вынуждены прекратить полеты в связи с нарушением работы радаров...

— ...банки и биржи закрылись из-за полной несостоятельности их информационно-программирующих систем. («Вот удивили», — пробормотал Смолл, и все на него зашикали...)

— Одну минуту, пожалуйста, поступили последние сообщения, — продолжал диктор. — Так вот. Нам только что стало известно, что контроль над спутниками связи полностью утерян. Они больше не реагируют на команды с Земли. Согласно...

Станция замолчала; не слышно было даже несущей волны. Эндрюс покрутил ручку настройки — эфир молчал на всех диапазонах.

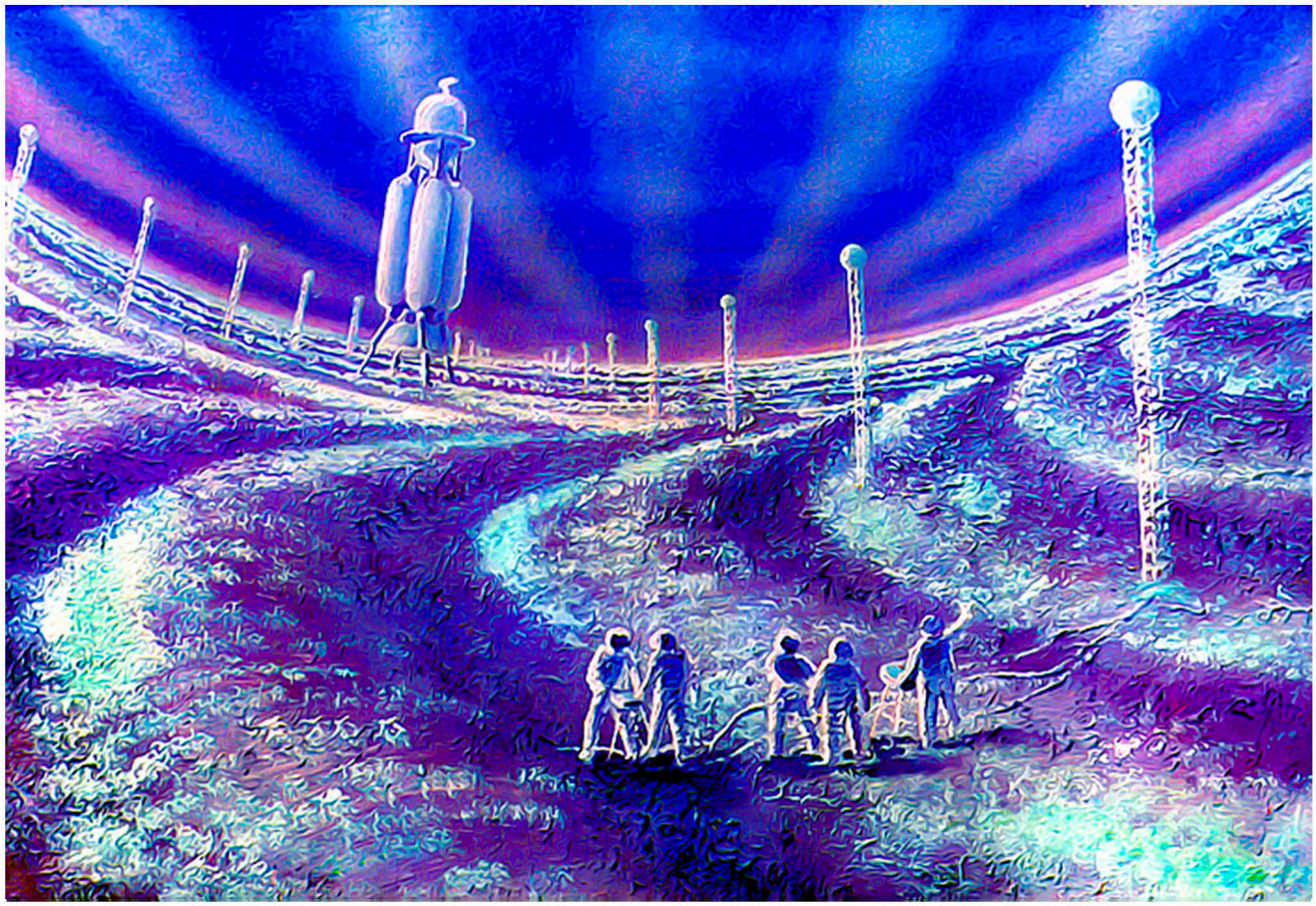
Рейнер возбужденно заговорил, и в голосе его слышались истерические нотки:

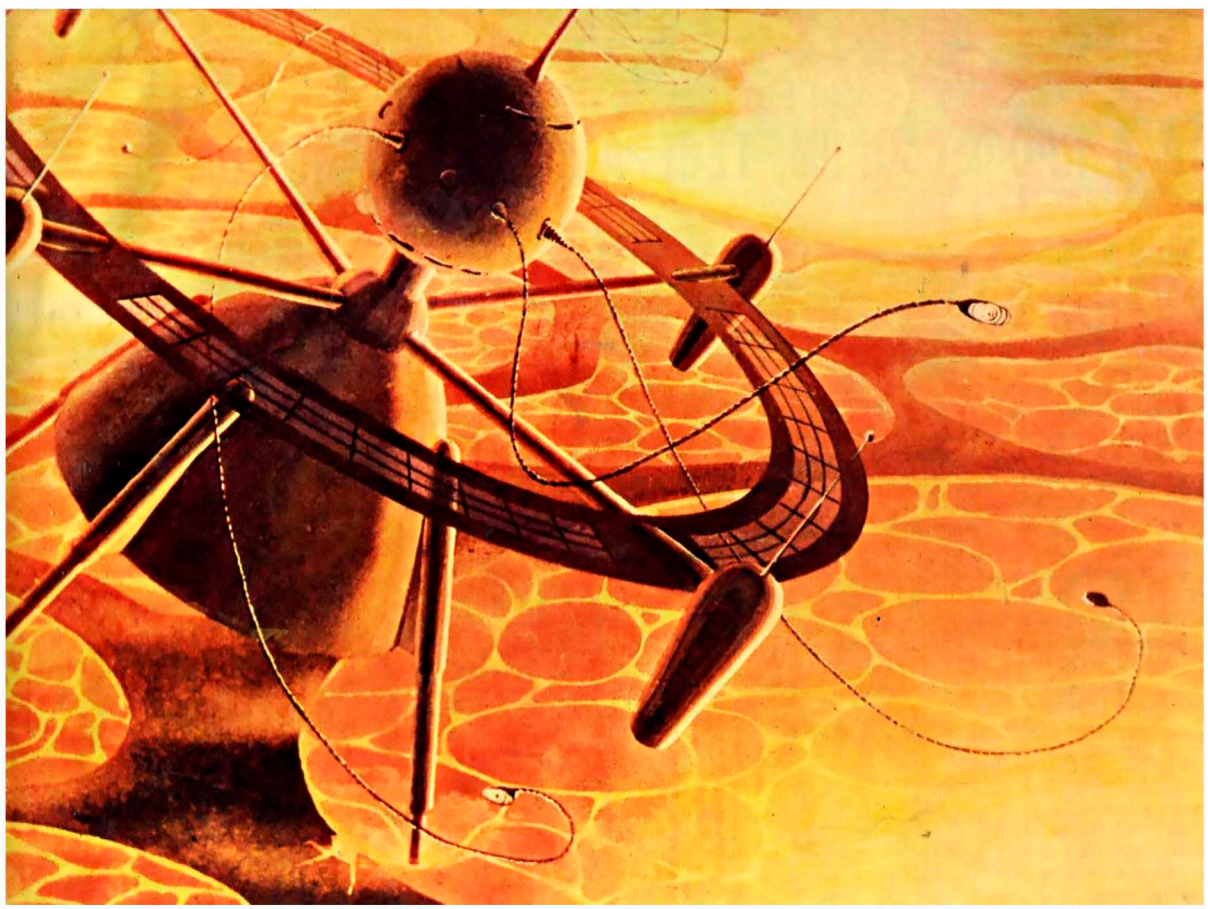
— Великолепная идея — префронтальная лоботомия, Джон. Как жаль, что ребенок успел об этом подумать.

Уильямс медленно поднялся.

— Давайте вернемся в лабораторию. Должен же быть какой-то выход. Он же еще ребенок. Ребенок, хотя и растет слишком быстро.

Перевод с английского
Б. Брехмана





Назидание для писателей-фантастов всех времен и народов, от начинающих до маститых включительно

Илья ВАРШАВСКИЙ

Юмореска

Трудно перечислить все богатство тем современной фантастики. Тут и разумные растения, и разговаривающие животные, и многое другое, что хорошо известно психиатрам, изучающим тяжелые формы заболевания паранойей.

Количество поклонников научно-фантастической литературы неуклонно растет. Наряду с футбольными болельщиками они представляют собой интеллектуальный цвет населения нашей планеты.

Поэтому фантастику не зря называют «литературой века».

К сожалению, отсутствие теории фантастики значительно снижает продуктивность авторов, работающих в этом жанре, и лишает критиков возможности пользоваться объективными методами оценок.

Прежде чем будет создана всеобъемлющая теория, необходимо систематизировать основные тенденции развития фантастики и хотя бы вчерне наметить научные критерии для определения качества готовых произведений.

а) Выбор имен

Имена героев должны соответствовать их характерам. Если действие происходит в далеком будущем или в иной галактике, то положительным героям дают хорошие имена: Ум, Смел, Дар, Добр, Нега и т. п. (для выбора женских имен могут быть также с успехом использованы названия стиральных порошков).

Отрицательным героям присваиваются имена вроде Смрад, Мрак, Худ, Боль, Вонь. Однако не следует даже самым мерзким типам давать имена, использующиеся в бранном смысле, так как эти слова могут встречаться в лексиконе ученых, особенно молодых, что создает при чтении известную семантическую неопределенность.

Представителям переходных цивилизаций, могущих еще стать на правильный путь, имена даются методом гильотирования. Например, в словаре отыскиваются два самых обычных слова, скажем «стул» и «гравий». Отсекая первые буквы, можно назвать героя Тул Равий. Просто и элегантно!

б) Место действия

Космос — основное пастбище фантастов. Однако использовать его можно только в гуманных целях. Дабы при этом не был потерян элемент занимательности, на

отлично вооруженных землян возлагаются высокие функции носителей человеческой морали, утверждаемой при помощи лучевого оружия, аннигиляционных бомб и разрушения пространства. По отношению к особо зловредным существам, жующим звездную плазму, как студень, допускаются и более крутые меры убеждения.

Фантаст вправе рисовать самые мрачные картины, лишь бы герой сокрушенно покачивал головой и произносил длинные тирады о том, что на его родной Земле подобные безобразия уже невозможны. Это называется внесение позитивного элемента в негативную тематику. Часто герой такого рода плохо вооружен и потихоньку смывается с мерзкой планеты, не испытывая при этом никаких угрызений совести. Он выполнил свою задачу, показав читателю, как плохо было бы, если... и так далее.

Во избежание упреков в шаткости позиций автору рекомендуется варьировать обе темы в разных произведениях. Так, например, если в предыдущем он ратовал за полное невмешательство в чужие дела, то в последующем нужно как следует разгромить инопланетчиков всеми подручными средствами, включая шпионаж, диверсию и оружие массового уничтожения.

Ни в одном из этих вариантов не следует приводить сюжет к счастливой развязке, так как это лишает автора возможности написать продолжение. Лучше всего намекнуть, что все придет к счастливому концу, когда рак свистнет. Такая формула устраивает всех. Оптимистов потому, что основной акцент делается на неизбежность хорошего конца, пессимистов же оттого, что они знают цену ракам, знакомы с особенностями их передвижения и даже догадываются, где эти раки зимуют.

в) Время действия и связанные с этим проблемы

Фантасты обычно избегают забираться в прошлое, так как это требует знания истории, хотя бы в объеме средней школы. Поэтому помыслы писателя чаще заняты будущим.

Здесь, как правило, земные проблемы ограничены только внешним антуражем, основное же действие происходит где-нибудь в иных галактиках.

Однако и в отношении этого антуража нет единства мнений.

Как и кем будет управляться наша планета? Некоторые считают, что знание высшей математики само по себе служит залогом высокой государственной мудрости. Вряд ли можно целиком принять эту точку зрения. Спросите, что думает жена любого ученого о практической смекалке своего мужа, и вам станет понятным, чего стоит всемирное правительство, состоящее из одних профессоров и академиков. Поэтому фантасты больше склонны сваливать все государственные заботы на электронные машины. Тогда человечество освобождается от бремени принятия каких-либо решений и может посвятить себя целиком космическим полетам, играм и пляскам.

Огромное значение придается облагораживающему влиянию искусства, в частности музыке.

Правда, проведенное нами обследование знакомых пока не выявило существенных различий в моральном облике обладателей абонементов филармонии и ненавистников симфонических концертов.

Перечисленными проблемами в основном исчерпываются футурологические поиски фантастов, если не считать, что на смену автомобилю придет «мобиль», театр заменится «хеатром», на всех видах транспорта внедрится антигравитационная тяга, а домашнюю работу будут поручать киберам.

г) Научные гипотезы

Научно-фантастическая литература отличается от научно-популярной узаконенным правом опровергать основные законы естествознания.

Совершенно обязательным является опровержение Первого и Второго начал термодинамики. (О существовании Третьего начала автор может и не знать.)

Фантасту дается право доказывать или просто декларировать возможность передвигаться со скоростью, превышающей скорость света, добывать энергию из материи в количествах, превышающих соотношение Эйнштейна, сворачивать пространство при помощи мысленных усилий и создавать поля, наименования которых невозможно расшифровать даже при помощи словаря иностранных слов.

То обстоятельство, что предпосылкой к этому служит полный крах всей современной науки, никого не смущает, поскольку мы имеем дело с научной фантастикой, детищем научного прогресса

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Делались попытки сгладить явный триумф победы воображения над законами природы, вводя в текст рассказа дифференциальные уравнения в частных производных — прием явно некорректный и по отношению к собратьям по перу, и к читателям. С подобными тенденциями показывать свою образованность в фантастике следует бороться самым решительным образом.

д) Дельфины

Противники научной фантастики часто заявляют, что она уже исчерпала тематику и существует за счет многократного пережевывания одного и того же. То, что эта точка зрения лишена всякого основания, видно хотя бы из примера вторжения дельфинов в фантастические произведения.

На протяжении всей своей истории человечество сосуществовало с дельфинами, но только недавно, когда они были уже почти истреблены, ученые обнаружили, что отношение веса мозга к весу тела у этих животных выше, чем у человека. Это породило множество догадок о духовном мире зубатых китов и, в частности, афалин.

Если систематизировать все, что появляется в печати о дельфинах, то можно с достаточной степенью достоверности утверждать, что:

во-первых, дельфины любят людей. Хотя любовь трудно оценивать по какой-либо абсолютной или относительной шкале, все же есть основания считать, что нежные чувства дельфина к человеку несколько слабее, чем у собаки, и несколько сильнее, чем у свиньи.

Во-вторых, дельфины легко дрессируются. Кажется, ненамного хуже морских львов (так как последние обладают меньшим объемом мозга, чем дельфины, то их способности не представляют интереса ни для науки, ни для фантастики).

В-третьих, они разговаривают друг с другом при помощи свиста. Видимо, язык дельфинов по богатству понятий и красочности образов не уступает языку певчих птиц. Однако этот вопрос подлежит уточнению, так как еще никем не составлены ни дельфиньи, ни птичьи словари.

К сожалению, это почти все, что можно сказать в пользу дельфинов. Конечно, по сравнению с прирученными медведями, разъезжающими в модных брюках на мотоциклах, достижения дельфинов кажутся более чем скромными, но фантастам нужно развивать дельфинью тематику, иначе к чему же такой мощный мозг, каким их наградила природа? (Опять-таки здесь имеются в виду дельфины.)

е) Чудовища

Читатель любит все необычное. Чем больше чудищ встречается в тексте, тем лучше.

В настоящее время уже использованы все мифологические персонажи: кентавры, драконы, пегасы, циклопы и даже ангелы, простые и шестикрылые.

Изготовление чудовищ для фантастических произведений может быть осуществлено методом массового производства. Существуют два способа:

Гибридизация. В этом случае создается гибрид самых отдаленных представителей фауны и флоры. Розовый куст с тигриными головами вместо бутонов, девушка с телом змеи, летающие медузы, помесь паука с коршуном. Чем неожиданнее совмещение свойств в таком гибриде, тем выше эмоциональное воздействие на читателя.

Изменение масштабов. Один из самых простых и действенных способов, не требующий особых пояснений. Клоп величиною с лошадь или динозавр, умещающийся в спичечной коробке, открывают неисчерпаемые возможности для создания динамичного, захватывающего сюжета.

Вот, по существу, все основные правила композиции фантастических произведений. Следует лишь добавить, что огромная работа, уже проделанная по систематизации фантастических идей, значительно облегчает писателям выбор темы. Вы всегда можете взять наугад несколько идей и совместить их. Количество возможных сочетаний при этом настолько велико, что хватит еще на несколько поколений фантастов.

Александр Климов «Человек будущего»

Конкурс «Мир 2000 года»

Галактический эксперимент

«Биоцивилизация»

А. Климов «Галактический эксперимент»

«Сквозь кристаллический мираж»

А.Климов «За гранью кристалла»

Три тени от одного камня

научно-фантастический рассказ

Георгий ОСТРОВСКИЙ (г. Одесса)

1.

Утро, как всегда, вспыхнуло внезапно и мгновенно. Еще секунду назад линия горизонта угадывалась в границе между черной тьмой и тьмой, усеянной далекими неподвижными звездами. Но вот мрак, еще не успев посветлеть, неуловимо заклубился, словно предчувствие света пронзило его. Мне даже показалось, что сейчас потянет легким шелестящим ветром, который приносит из каких-то близких, но еще не видимых мест запахи прохладных деревьев и не успевшего остыть за ночь пустынного пляжа, и что ночь незаметно превратится в бледные, неподвижные сумерки, а потом — в тихо тающую теплую дымку...

Линия горизонта возникла сразу — над ней в черном небе вдруг взошел рыже-фиолетовый горячий шар. Будто кто-то внес в глухой темный дом тревожно-ослепительный фонарь.

Тьма вздрогнула и раскололась на глубокие длинные тени. В низких скользящих лучах камни казались гигантскими. Но мы уже хорошо знали, что едва на черное небо выкатятся еще два солнца — маленьких и голубых, как возникнут три бледные тени, и бесформенные глыбы окажутся небольшими ноздреватыми обломками, а черные устрашающие бездны — неглубокими лощинами.

Уже долгие месяцы перед моими глазами проплывало одно и то же — унылые всхолмленные равнины, мелкие ямы с осыпавшимися краями, пологие широкие террасы. Пейзаж, ровно присыпанный не то крупной пылью, не то мелким песком, не оживляли даже россыпи камней — их было слишком много.

Горизонт внезапно накренился. Мне показалось, что я ощутил лег-

кую качку. Колея, которая отпечатывалась подо мной, сползала в углубление, похожее на огромную суповую тарелку. Крупные камни отскакивали от колес и, ныряя в пыли, катились на дно. А мелкие вдавливались в колею или, отодвигаясь, оставались лежать рядом с ней.

Все эти камни, холмы, низины были на одно лицо, но я колесил по ним уже столько, что, пожалуй, начал их различать. Например, в этой тарелке я определенно на днях побывал: на западном ее склоне виднелся обломок, похожий на верблюжью голову.

Я сверился по карте, на которой автоштурман отмечал малейшее движение планетохода: мгновенно застывший, отливающий металлической синевой след самописца вот-вот должен был пересечь сам себя.

Колеса по-прежнему неторопливо давили сыпучий грунт и в полном соответствии со штурманской картой действительно приближались к своей старой колее.

Мы проползли мимо того места, где уже один раз бралась проба грунта. Тогда анализы ничего не показали. И на этот раз все повторилось снова: пиропатрон, как гарпунная пушка, выстрелил снарядом с липкой лентой, металлические руки манипуляторов втянули прилипшие частицы грунта в брюхо планетохода и произвели посев в стерильных камерах; но как ни меняли дозаторы температурный, радиационный и всякие другие режимы, результат формулировался по-прежнему: «Нарастание биомассы не наблюдается. Редубликация биополимеров не наблюдается. Признаков обмена веществ, роста, движения не наблюдается». Химический состав камней тоже был не нов: обломки скальных пород и какие-то плотные кристаллические структуры.

Одно и то же из месяца в месяц, изо дня в день Пустыня неподвижная, рыже-фиолетовая, иногда с голубыми бликами, облитая мертвым, без оттенков, светом.

Я снова посмотрел на штурманскую карту. Синеватый след на ней петлял по косогорам и ложбинам. Планетоход возвращался назад, проходил несколько раз по одному и тому же месту, снова возвращался. И всюду брал пробы. Со стороны это, вероятно, напоминало рысканье охотничьей собаки в поисках лисьей норы. Но тем, кто знал жесткие правила исследования планет, было понятно: нужно тщательное и настойчивое дублирование анализов — когда еще раз мы сможем попасть на эту планету; может, через триста лет, может, и никогда. И поэтому нужно уверенно вычеркнуть планету из числа тех, где была, есть или могла бы быть жизнь...

Здесь было в точности все так же, как и на двух предыдущих планетах. Они тоже вращались вокруг этих солнц. И на них мы тоже задерживались подолгу. И тоже ничего не находили. Я и сейчас видел их в небе: очень яркие среди других, обычных звезд, они казались маленькими лунными серпиками...

Ну что ж, мы вычеркнули их, вычеркнем и эту. Пора давать «Микрону», электронному мозгу планетохода, команду на взлет.

Я знал, что через секунду после получения команды планетоход помчится к взлетно-посадочной платформе, вкатится на нее, подготовится к полету, проверит все системы и включит стартовый двигатель.

Он все сделает сам, мне нужно только скомандовать.

Я набрал код команды и передал ее «Микрону».

Планетоход, переваливаясь с борта на борт, продолжал взбираться по откосу, вылезая из котловины. Он чуть задержался на гребне, выбирая дорогу, прополз несколько метров и снова выстрелил липкой лентой в грунт, и манипуляторы снова занялись анализами. Исполнительно отстукав банальности по поводу отсутствия нарастания биомассы и признаков движения, планетоход неторопливо заковылял дальше.

Он выкарабкался на холм. Отсюда хорошо было видно вдаль. Впереди, на сером плоскогорье лежало множество звездчатых теней — с двумя темно-сиреневыми лучами и одним бледно-голубым: три солнца освещали очередную россыпь камней.

Планетоход двинулся к камням и снова начал анализы.

Я закрыл глаза, ломившие от напряженного однообразия, и увидел клубящуюся темноту и мгновенную золотую путаницу кровеносных сосудов.

— Кофе будешь пить? — услышал я голос моего сменщика.

Под плотно зажмуренными веками медленно таяла усталость, и я, не открывая глаз, помотал головой.

Он сел в кресло. Беглым взглядом окинул приборы. Вращаясь вместе с креслом, внимательно и привычно огляделся вокруг. Увидев, что планетоход снова берет пробу, спросил:

— Когда ты послал команду на взлет?

— Пять часов назад...

Я откинул крышку люка, спустился сквозь пол по короткой винтовой лестнице, прошел широкий коридор с толстыми жилами кабелей и, толкнув тяжелую плавную дверь, остановился на пороге.

Мягкое тепло солнца дотронулось до моего лица. Душный ветер из степи смешивался с солоноватым влажным кислородом близкого моря. В густых деревьях таился сумрак, согретый мхом и прелыми листьями.

Я оглянулся на строгое зеркальное здание Центра связи с планетоходом. Уже много лет подряд я прихожу сюда и, когда наступает моя очередь, сажусь в вертящееся кресло наблюдательной кабины. Ее стены, переходящие в сферический купол потолка, кажутся прозрачными; они каждый раз переносят меня в кабину планетохода, который мы послали искать в чужих мирах жизнь...

Надо мной по прохладному синему небу тянулась волнистая лента полупрозрачных серебристых облаков. Она казалась мне похожей на след гигантского планетоходного колеса.

Потом, когда стемнеет, люди с острым зрением смогут заметить среди далеких звезд светлую точку. Астрономы в большие телескопы различат на ее месте рыже-фиолетовый шар и две крохотные голубые искры. Но даже самые чуткие приборы не увидят мертвой каменной планеты, которая кружится вокруг этих трех солнц и по которой наш «Микрон» неустанно ведет планетоход.

Через пять лет «Микрон» стартует с планеты, но не для того, чтобы вернуться домой. Он получит приказ исследовать другую планету и послушно полетит к ней.

2.

Утро, как всегда, вспыхнуло внезапно и мгновенно. Это всякий раз напоминало лабораторные условия. Там тоже свет возникал внезапно. Правда, там он всегда сопровождался негромким щелчком где-то в стороне от источника света. Здесь же, на этой планете, ничто и никогда не нарушало безвоздушную тишину. И потом — здесь после появления света сразу, скачком повышалась температура. На сто — сто двадцать градусов за каких-нибудь десять минут.

Впрочем, это никогда не влияло ни на изучение грунта, ни на исследование химического состава камней, ни на проведение множества других поисков и самого главного из них — поиска любых следов жизни вне Земли.

На этот, главный, поиск работали все методы обнаружения биологических соединений, но все было напрасно — планета, как и все предыдущие, была безнадежно мертва.

Правда, порой возникали какие-то не то помехи, не то затруднения в работе... Я не знал, как это назвать, потому что я так и не знаю, что это было. Анализы твердо говорили — здесь ничего не происходит, все мертво и неподвижно, никаких

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

образований, даже отдаленно похожих на живую клетку, нет. А я еще и еще раз возвращался в те места, где меня беспокоило то, чего я не видел, не слышал, не ощущал. Почему-то я не верил анализам и повторял их. Мне почему-то казалось, что на восьмой или десятый раз анализы покажут что-нибудь новое.

«Мне почему-то казалось...» Я ведь твердо знал: нет никаких эмоций, есть программа, заложенная в мою электронную память. Точно выполнять ее — единственная моя добродетель, единственное оправдание тому, что я существую.

Снова накренился горизонт. Мои колеса заскользили по склону. С каждым их оборотом угроза разрушения моей электронной схемы становилась все реальнее. Мгновенно сработала защита. Она выключила все моторы, планетоход на мгновение замер, а затем принялся гораздо медленнее и осторожнее спускаться дальше, в обширную плоскую котловину. В ту самую, где я уже бывал.

И вот еще серия анализов. Ничего нового. Еще одна серия — результат оставался тем же. Что возвращало меня снова и снова в эти мертвые пространства? Я не воспринимал этого сам, в каких же единицах, какими кодами передать это людям?..

Я знал, что люди видят меня на телевизионном экране. Потому что я тоже видел их. Когда я слышу их речь, вижу выражение их глаз, лиц — я не одинок, мне привычно, надежно...

Люди видели, как я возвращался на собственную колею, как я топтался в одних и тех же местах. Они одобряли мое поведение, считая, что я добросовестно стремлюсь в соответствии с программой продублировать анализы... Но ведь я действительно их дублировал! Впрочем, нет, я повторял анализы не только потому, что этого требовала программа, а и потому, что какая-то смутная тревога не оставляла меня.

Три солнца разбрелись по черному небу — теперь от бесформенных камней с плотными кристаллическими структурами падали три тени.

Еще одна проба грунта. Еще один анализ. И все тот же результат. Но почему-то я снова возвращаюсь на то же место. Почему?

Когда-то я слышал разговоры людей о шестом чувстве. Это казалось совершенно несообразным — его нельзя уловить, измерить, значит, его нет. Но теперь я как будто начал понимать, что это такое...

Теперь — когда прибыла команда на взлет... Ее послали мне люди пять лет назад...

Тотчас включилась стартовая программа, и я устремился к взлетной платформе. Мои колеса отталкивали от колеи бесформенные камни. Они отодвигались вместе со своими тремя тенями.

Через минуту взлет. Работала только стартовая программа. И снова возникло уже знакомое непонятное. Что-то...

Я в последний раз проверил исправность всех датчиков. Ни один из них не воспринимал пустоту, которая мне не казалась пустотой и которая все-таки не измерялась никакими приборами.

Нет, это не было жизнью — пыль, минералы, базальты, плотные кристаллические структуры...

Кристаллические структуры... Кристаллические камни... Обломки камней... Просто мертвые камни... Но ведь действительно мертвые: они не двигались, не размножались. Они ничего не поглощали, ничего не выделяли...

Ощущение тревоги не проходило. Нужен был какой-то другой, принципиально другой способ восприятия неизвестных мне явлений. Сумятица ворвалась в стройные порядки моего электронного мозга. Нарушалось взаимодействие блоков, поколебалось равновесие всей системы. Ежесекундно могли возникнуть новые связи, они создали бы новую систему, которая, может быть, сумела бы воспринять...

Мгновенно сработала защита, и мой электронный мозг, ни на миг не отказав, продолжал выполнять программу.

Я видел лица людей. Понимают ли они, что происходит? На экране телевизора мелькало то, что было пять лет назад. Что они делают сейчас? Сейчас, в это мгновенье?..

Я выполнял их команду, я летел дальше, еще дальше, туда, откуда наше Солнце не видно даже как самая слабая звезда.

3.

Утро, как всегда, вспыхнуло внезапно и мгновенно. Это сразу почувствовали те мои осколки, которых коснулись обжигающие лучи рыжефиолетового солнца. Они быстро нагрелись на сто двадцать градусов. Но в тенях, которые они отбросили, лежал по-прежнему космический холод.

Рядом с фиолетовым солнцем появились два голубых, поменьше. И от каждого моего осколка стало падать по три тени — бледно-голубая и темно-сиреневые.

Впрочем, все это чувствовали только те осколки, которые сейчас освещались тремя солнцами. А всех их — миллионы. Они лежали повсюду на поверхности планеты, они словно держали ее в моих объятиях, и я каждое мгновенье чувствовал ночь и день, мороз и жару, плоскогорья и котловины, пыль и скальные породы — чувствовал любую точку этого безжизненного каменного шара.

Таких, как я, много. Наши создатели с планеты Голубого Гиганта давно ищут жизнь во Вселенной. Мы — их руки. Мы держим в своих объятиях уже сотни планет. Мы подлетаем к планетам, взрываемся, и наши осколки покрывают всю поверхность — жидкую и твердую, горячую и холодную.

На все планеты из межзвездного пространства падают камни. Мои осколки падали тоже, как камни, пылая и оплавляясь. Метеоритный дождь из кристаллических камней.

Выпав каменным дождем, я ничем не нарушил обычного существования планеты. Я не внедрился в нее, не рассек, не брал из нее проб. Мои осколки лежали среди камней планеты, ничем не отличаясь от них.

Разве что кристаллической структурой. На многих планетах есть кристаллы; но мои осколки — не просто кристаллы, а сверхплотные кристаллические системы. Любое малейшее изменение в атмосфере, на поверхности или в недрах планеты рождает в системе мгновенные перестройки. И информация об этом уходит к моим создателям.

Камни, обломки камней, упавшие с неба, — кто может заподозрить в этом обычном для всякой планеты явлении что-то постороннее, непонятное и поэтому угрожающее? Какими бы ни оказались проявления жизни, я останусь невидимым, не замечаемым никем.

Но здесь нет даже следов биологических структур. Нет даже тени жизни. Даже воспоминания о ней. И эта планета тоже мертва.

Правда, однажды на нее упало что-то гораздо большее, чем обычный камень. Пламя не только обволакивало это космическое тело, но и выбивалось из него. Струи огня бушевали. Казалось, что тело вот-вот взорвется. Едва оно коснулось поверхности планеты, пламя исчезло. Потом в этом странном метеорите что-то переместилось, он разделился на две части. Одна из них осталась на месте, а другая двинулась...

Это напоминало жизнь...

Но беспрерывные наблюдения моих кристаллических камней не находили ничего такого, что можно было назвать живой клеткой. И все анализы, сверяясь с программой, заложенной в меня, давали все тот же результат: живых клеток нет, биологических структур нет, живой материи нет, все мертво, нужно искать дальше.

Но все-таки что его двигало, если в нем не было ничего живого?..

Прошло время, и внезапно две части странного «метеорита» соединились в одно целое. Прогремел взрыв, и «метеорита» не стало. Он словно сам себя взорвал и выбросил с планеты в космическое пространство. Действовали здесь какие-то неизвестные моим создателям и не заложенные в мою память физические законы?.. Или это Разум?.. Но если так, тогда и я разумен?.. Я, кристаллический плотноструктурный автомат, состоящий из миллионов искусственных осколков, разумен я или нет?..

Мной руководит разумно составленная программа. Разум оставил во мне след. Разум оставил во мне след...

Тогда, может быть, мне нужно искать не только следы жизни, но и следы Разума?.. Это должна быть другая программа, другой, принципиально другой способ восприятия неизвестных явлений...

Мои плотнокристаллические системы делали сейчас до миллиона перестроек в секунду. Они могли бы распасться, если бы информация тут же не уходила к планете Голубого Гиганта... Через восемь лет информация достигнет планеты. Через шестнадцать лет я буду знать, что там решат...

Здесь, на этой планете, нет ни жизни, ни ее следов... Но, может быть, здесь были следы Разума?.. И может быть, их удастся найти...

4.

Утро, как всегда, вспыхнуло внезапно и мгновенно. Все было обычным, как всегда в последние десять лет, — мертвая пустыня, три цветные тени от каждого камня, пробы грунта, которые производил планетоход...

Вот получена команда на взлет. На панели «Микрона» виден световой сигнал о получении команды, сделан разворот к взлетной платформе, четко выполняется стартовая программа... Я точно знал, что будет в следующую минуту, и все происходило так, как я предполагал.

Почему-то на планетоходе сработала защита. От чего он защищался? Что угрожало ему?

И вот тут на сферический экран хлынуло что-то непонятное. Это не было видение «Микрона» — знакомая, надоевшая за многие месяцы планета возникла передо мной в каком-то неуловимо странном виде. Я словно видел ее с тысяч разных точек зрения одновременно. Какие-то отдельные части рельефа выделялись неестественно резко, другие почти полностью исчезали. Изображение дрожало, на нем возникали черные пятна, оно тускнело, снова вспыхивало, шло волнами, искрами, брызгами... Почти ничего невозможно было понять, но улавливалось главное: размытый, неотчетливый контур нашего планетохода, который был виден одновременно сбоку, сзади, спереди, даже сверху, очевидно, с гребня холма...

От этого трехминутного изображения мучительно разболелась голова, как от попыток во что бы то ни стало понять то, чего понять невозможно.

Изображение постепенно тускнело и меркло — «Микрон» удалялся от планеты, и информация, которую он получил неизвестно от кого и нерасшифрованную отправил нам, кончалась... А потом кончилась и видеозапись.

Я сидел, обводя глазами погасшие стены и потолок, будто нужно было лишь получше напрячь зрение, чтобы снова увидеть... Но «Микрон» уже летел к другой звезде.

Я вздрогнул, услыхав щелкание двери. Димка, наш старший инженер-наблюдатель, вошел в просмотровую кабину. Его глаза еще не успели привыкнуть к темноте, но он уверенно подошел ко мне и опустился в соседнее кресло.

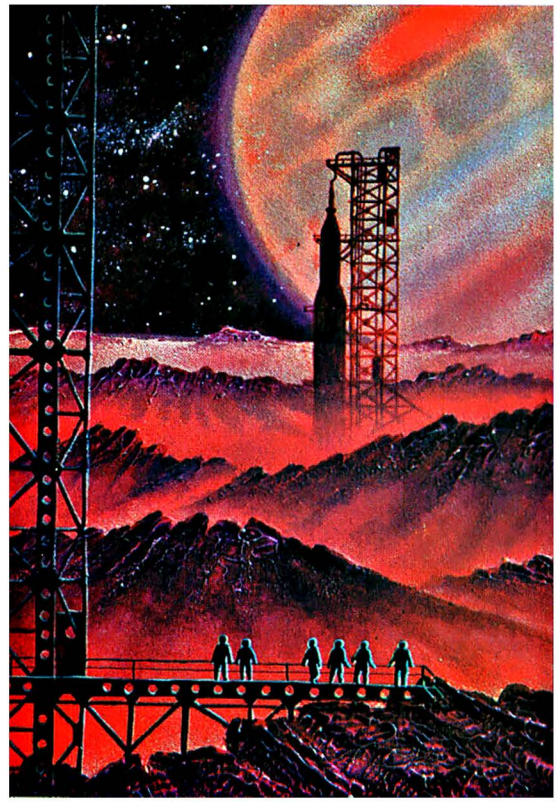
— Ты видел — эти роботы так и не узнали друг друга, — сказал он.

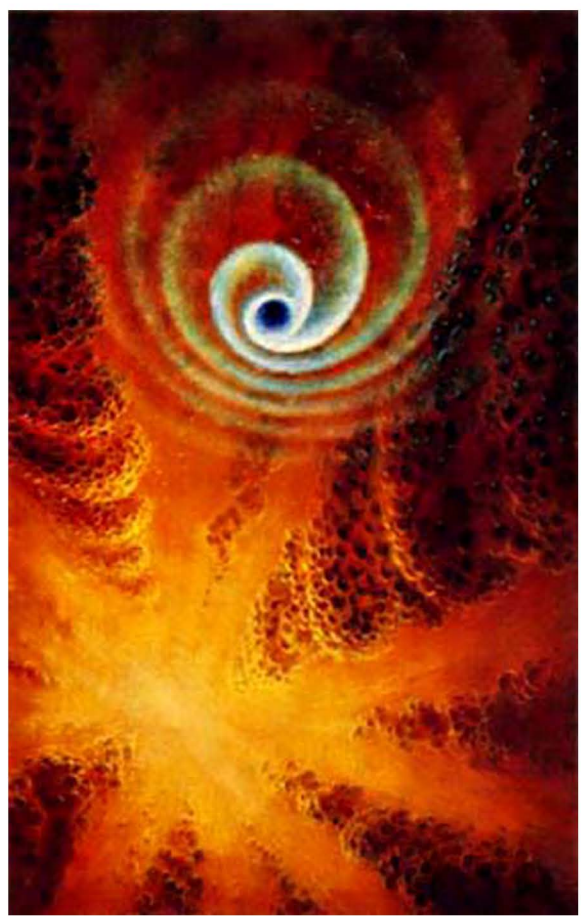
— Да, они слишком по-разному воспринимали мир... И все-таки мы должны были предвидеть...

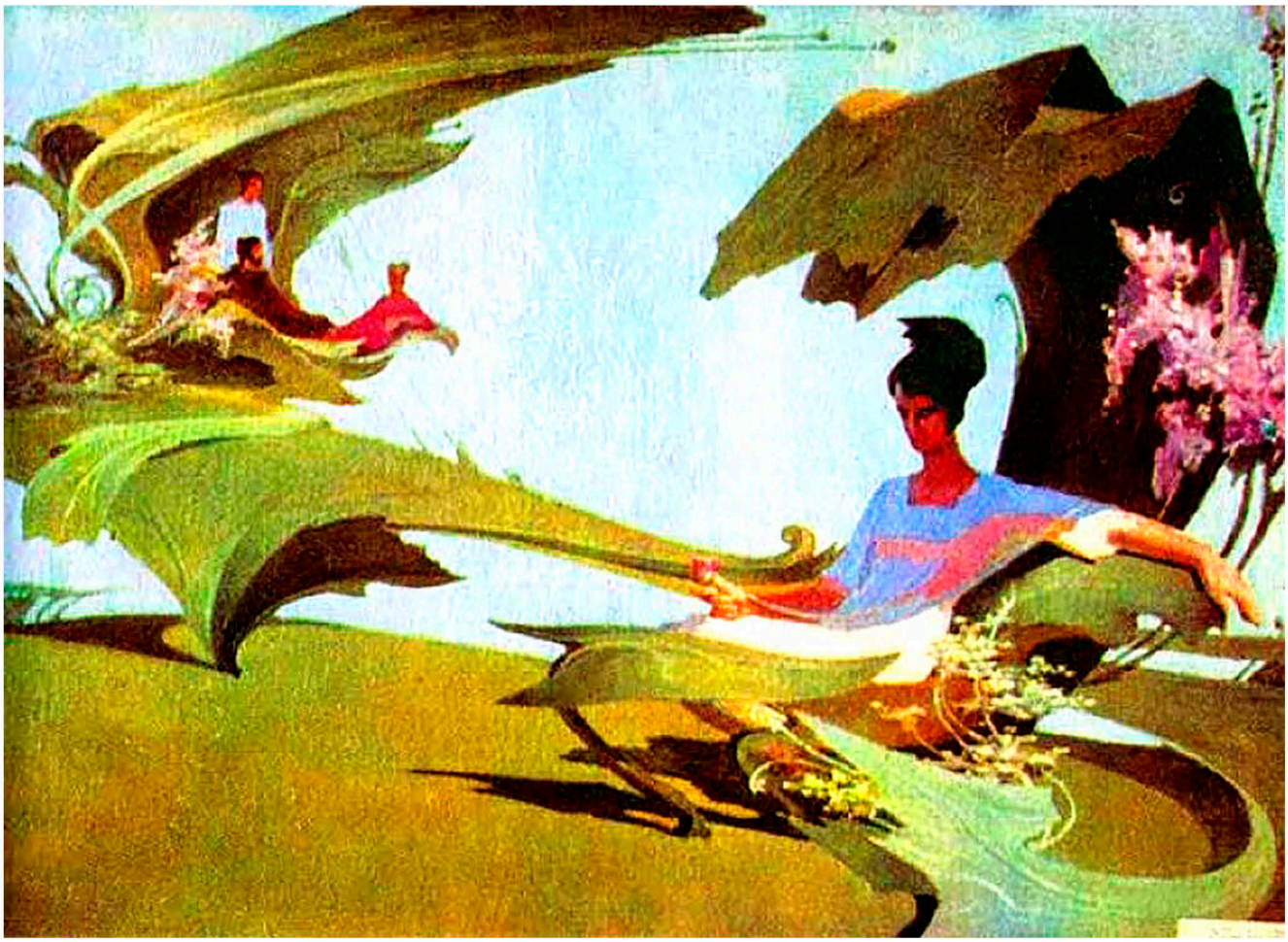
— Ничего. Дело поправимое. Да ведь наверняка и они, — Димка кивком головы указал куда-то в потолок, — они тоже не спустят глаз с этой планеты. «Микрону» предстоит возвратиться туда. Теперь они никуда от нас не денутся...

Я вышел под холодное белое небо. С моря дул мокрый ветер. Голые деревья просвечивались насквозь, и за тощими ветвями виднелась чаша антенны, неподвижно глядевшая в небо, а за ней — решетчатая стрела маяка с толстостенным стеклянным баллоном на вершине. Дальше был пляж — желтый, сырой, нетронутый, около него нежно плескалась прозрачная ледяная вода.

А те, о ком мы совершенно ничего не знали — не знали, какие они, с чем придут и придут ли вообще, — они могли свалиться нам на голову с минуты на минуту...

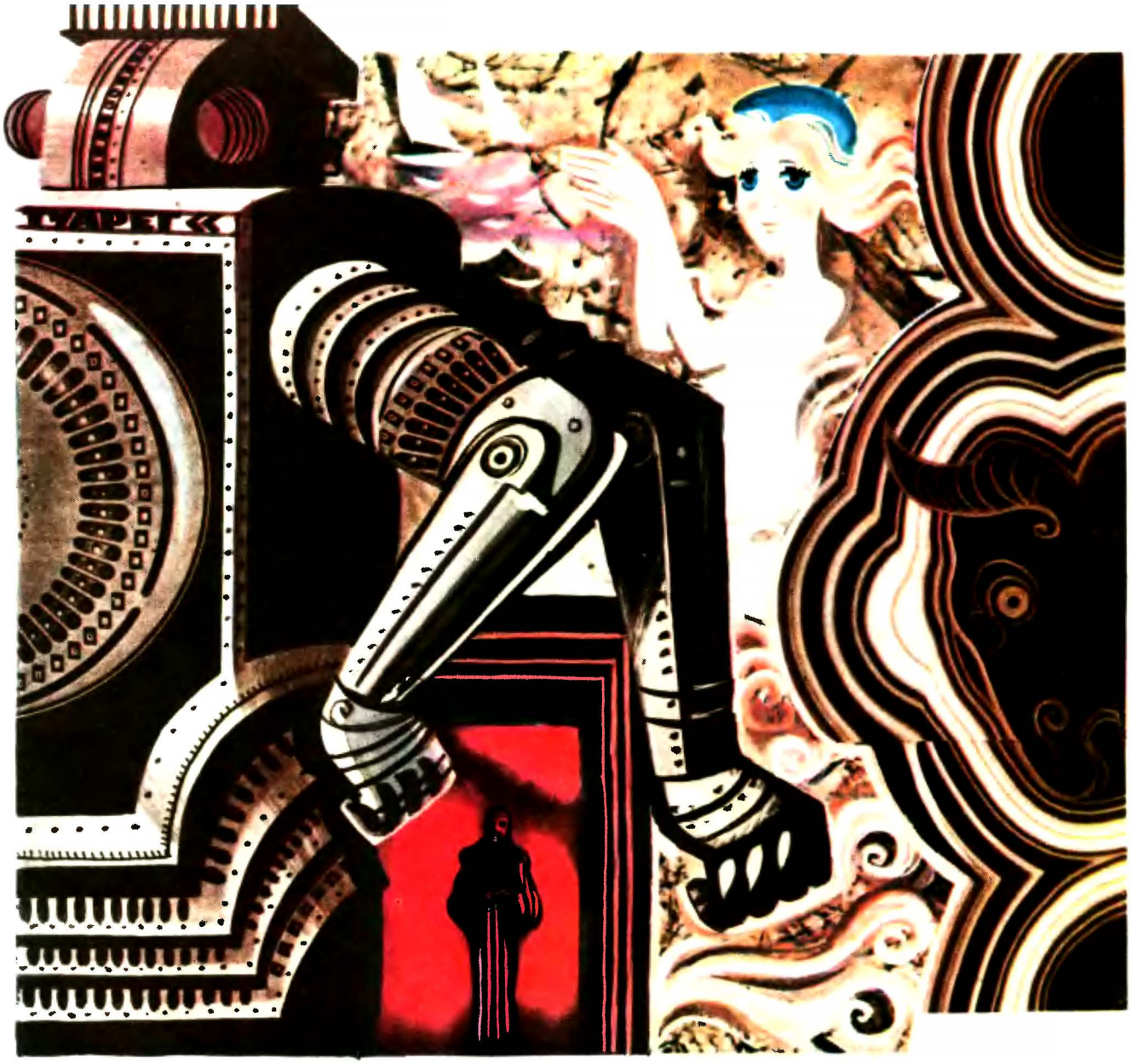






«В парке за 75 - й параллелью»

Геннадий Голобоков «Схватка»



Багряная планета

Научно-фантастический роман

Сергей ЖЕМАЙТИС

Рис. Р. Авотина

Экипаж планетолета „Земля“:

ХРИСТО ВАШАТА — командир и первый пилот,
Антон ФЕДОРОВ — бортинженер и астронавигатор,
Макс ЗИНГЕР — врач и биолог,
Ив КАРДЕН — бортмеханик.

Роман печатается в сокращении. Полностью будет опубликован в издательстве «Молодая гвардия»

Марсианские миражи

Антон обмотал «талию» Туарега полимерным тросом, завязал морским узлом, хлопнул по спине:

— Давай, дружище, чуть чего выгребай назад, а упадешь, не бойся — вытянем.

— Счастливо, — пожелал я.

Робот выглядел уж очень по-человечески: парень в скафандре, с виду более совершенном, чем наши с Антоном.

Туарег осторожно двинулся по склону, сплошь состоящему из сланцевых плиток. Антон, сидя в «черепашке», потравливал трос, намотанный на барабан лебедки. У Туарега идеальный вестибулярный аппарат; когда двинулся каменный поток, робот замер и так проехал не меньше ста метров, затем стал спускаться по террасе, останавливаясь и орудуя геологическим молотком. Образцы он складывал в объемистые мешки, навешанные по обеим сторонам туловища. Солнце хорошо освещало склон, в разреженном воздухе четко выделялись складчатые, волнистые, поставленные на ребро голубые и темно-бурые породы; ниже, где Туарег перебрался на узкий карниз, лежали темные, почти черные, с фиолетовым отливом глыбы кристаллических сланцев, между ними просматривались тонкие синие прослойки.

Правее начинался обрывистый склон, покрытый карминовыми потеками, они отливали влажным блеском. Кровавый водопад терялся в глубине, где ослепительно светилось серебряное зеркало глубинного моря, по которому иногда пробегали багровые полосы.

Неожиданно в восточной части моря появилось облако, похожее на изморозь, поднятую ветром. Облако застыло на черном фоне затененного противоположного берега.

— Выброс углекислоты, — сказал Антон. — Очень эффектно! Как оно здорово вписывается в окружающий ландшафт!

Действительно, казалось, не хватало только этого облачка, чтобы оживить необыкновенный пейзаж. На другом берегу лежала багряная пустыня: красные, оранжевые, розовые скалы самой причудливой формы, будто абстрактные скульптуры. Веяло запустением, тоской и предчувствием чего-то...

Я поделился своими мыслями с Антоном. Он сказал:

— Да, пейзаж не вселяет оптимизма. Невесело здесь было марсианам мерзнуть, ходить в скафандрах и любоваться такой панорамой.

— А если тогда все было по-иному?

— Возможно. Но настроение-то осталось. Может быть, из-за этого и пошло все прахом.

— Ты серьезно считаешь, что здесь существовала жизнь, люди, цивилизация?

— Иногда...

Вмешался Макс:

— Неужели тебе еще мало доказательств? Ах, Антон, Антон!

— Пока не густо.

— А каналы? Или они следствие эрозии? Осадочные породы! Существование морей!

Вашата погасил начавшийся было спор:

— Всем бы хотелось найти следы жизни. Ну что там у вас? Направьте объектив на Туарега. Вот так, хорошо. Довольно. Поднимайте! Только осторожней. Нагрузился он порядочно.

«Черепашка» рванулась к обрыву и остановилась, подрагивая. Канат натянулся. Туарег исчез за выступом.

— Сорвался! — сказал Антон. — Попробую подтянуть.

Лебедка не брала. Видно, робот заклинился между камнями. Чувствовалось по вибрации каната, что он изо всех сил пытается выбраться из ловушки.

Я выключил его двигатели.

— Правильно, — одобрил Вашата. — Ну что будем делать? Жалко Туарега.

Макс предложил:

— Я надеваю скафандр и спускаюсь вниз. Ребята устали. Сам подумай, зачем мы торчим здесь вдвоем? Утренняя программа выполнена. Христос! Ну!

— Действительно, сегодня мы бьем баклуши, но... сам понимаешь, инструкция велит. Просчитано не раз «Большим Иваном», и получены варианты, когда оба мы здесь будем нужны. Сам же знаешь!

— Да, но «Иван» не был на Марсе. В программу вводили не те данные.

— Те. Или почти те, Макс. Извините, ребята, мы все с Максом митингуем. А надо действовать! Антон останется с техникой, а ты, Ив, как бывший альпинист пойдешь выручать этого остолопа, да будь осторожен, как бы у Туарега управление не подвело.

Макс сказал безнадежным тоном:

— Я проходил схемы роботов этого типа...

— Знаю. Будешь консультировать Ива.

Я начал спускаться. Сквозь стекла шлема я смотрел во все стороны, пытаясь заметить что-либо интересное, впрочем, здесь все было интересно, каждая сланцевая плитка, каждый камень были дороже алмазов, но я, пересиливая себя, не брал ничего. Если Туарега не удастся вызволить, захвачу на обратном пути, а пока только сунул в карман скафандра что-то похожее на крохотную панцирную рыбку, впрессованную в песчаник. (Сейчас эта находка занимает почетное место в Марсианском музее в Москве, хотя там есть экспонаты и поинтереснее, но с этой рыбешки начинается экспозиция «животного мира Марса»!)

С помощью Антона я довольно скоро опустился до злополучного карниза и сам чуть было не полетел вслед за Туарегом, если б не туго натянутый трос; плитки минерала, похожего на яшму, предательски вылетали из-под ног, стоять я не мог и, не рискуя сорваться, сел, свесив ноги. Метрах в десяти застыл, покачиваясь на тросе, наш Туарег. Я улыбнулся, представив себе, как бедняга барахтался, не находя точки опоры, когда его подтягивал Антон.

— Все в порядке! — сказал я. — Пожалуй, парень отделался легкими ушибами. Ты, Антон, осторожно выбирай трос, а я...

Я хотел сказать, что помогу перетащить его на карниз, но забыл обо всем на свете, взглянув направо и вниз. Там, метрах в двухстах от каменных нагромождений, замерли в какой-то невесомости странные сооружения, похожие на строения термитов, только несравненно сложнее. Это были ажурные переплетения, каменные кружева. Вглядевшись, я стал различать в этом целом отдельные части.

На миг я увидел город необыкновенной архитектуры, под прозрачным колпаком, у гладкой, отполированной до блеска, обтесанной горы. Я увидел ровные улицы, аркады, облицовку домов, красочные фрески на фасадах, летательный аппарат, парящий над морем, яхту — она подходила к набережной из оранжевого камня с черным парапетом. Стояли суда с непомерно высокими мачтами. Людей я не видел. Так же внезапно картина изменилась. Осталась отвесная стенка обрыва, далеко внизу холодный блеск озера, терраса, а на ней, как в мультфильме, деформировались прекрасные дворцы, превращаясь в каменные кружева, изъеденные песчаными бурями, разрушенные солнцем и космическим холодом.

Я слышал, как меня окликнули Антон, затем Зингер, Вашата. Я молчал, не в силах произнести ни слова. Я словно окаменел, ожидая, что картина дивного города предстанет предо мной снова. Но ничего больше не появлялось. Бесшумно пролетел сбоку камень и, подпрыгнув на карнизе, ринулся вниз.

— Что с тобой, Ив? Тебе плохо? — Испуг за мою жизнь, пронизывающий каждую нотку в голосе Вашаты, вывел меня из остолбенения, и я стал сбивчиво рассказывать об увиденном.

Зингер сказал Вашате:

— Вот бедняга, — и почти крик-

нул мне: — Ив, возьми себя в руки и скажи толком, где ты все это видел. Только сиди спокойно. Отодвинься подальше от обрыва. Не эти ли столбы?

В его голосе слышались разочарование и тревога.

— Мне тоже показалось, — сказал Антон, — да ты не волнуйся. Действительно, похожи на развалины, вот поднимем Туарега... Только не волнуйся, я сейчас...

Его перебил Макс:

— Ив! Где же он, твой город? Ну что ты сидишь как изваяние? А ты, Антон, погоди со своим роботом. Здесь такое, а он... Постой, Христо! Ив! Ив, это не те ли обломки, что под тобой? Какой же это город?

Наконец они все увидели мою террасу и разочарованно замолчали, затем засыпали меня вопросами. Я наблюдал развалины в другом ракурсе — сбоку, а они сверху; затем Христо и Макс стали смотреть через мой «телеглаз», и у Макса вырвался торжествующий вопль:

— Ну что я говорил! Что? Теперь вы наконец видите сами! Конечно же, это город. Христо! Пусть Ив спустится в город! Пожалуйста!

— А Туарег? Скоро стемнеет. Ребята пять часов в скафандрах. Успокойся. В город пойдем завтра. Он еще постоит.

— Все?.. Я тоже?

— Нет, мы, как всегда. Тебе будет добавочная работа — размещать по контейнерам находки Туарега. Осторожней!

Последнее относилось ко мне и Антону. Туарег уперся «головой» в нижнюю кромку слюдяного карниза, мне с трудом удалось оттолкнуть его, и Антон выволок его на карниз. Дальше Туарег полез сам и потащил меня за собой, с завидной легкостью волоча два мешка, раздутых от собранных образцов. Он все пытался пополнять коллекцию, хватая двумя свободными руками приглянувшиеся ему камни, и только после моего приказа, казалось, с неохотой отбрасывал их в сторону. Видно, удары о камень не прошли для него даром. Антон пытался его «подлечить», но, приоткрыв спинную панель, поспешно поставил ее на место: до того невообразимо сложным показался ему «организм» Туарега. Теперь нашему помощнику могли помочь только на Земле, а он туда больше никогда не вернется, нам же отныне прибавилась еще одна забота — следить за каждым его шагом.

«Кактусята»

Вашата сделал магнитную запись нашего с Туарегом спуска по обрывистому берегу Моря, он записывал все, каждое наше слово — об этом мы узнали много позже и немало огорчились, особенно Макс, хотевший перед лицом потомков выглядеть «идеально».

Просмотр фильма вызвал двоякое чувство. То мы все действительно видели город, а при вторичном просмотре все выглядело иначе, даже Макс сомневался: да город ли это, не выветренные ли породы, природа способна и не на такие штуки, особенно марсианская.

Мои «видения» Макс отнес на счет нервного переутомления:

— С такими впечатлительными субъектами это случается нередко. В их подсознании создаются желаемые образы: то, что мы называем галлюцинациями. Я бы на твоем месте, Ив, денька два посидел дома.

Выручил меня Антон, сказав, что на какой-то миг и ему почудилось что-то вроде миража, только не там, где мне, а на противоположном берегу: там возникло и расплылось что-то вроде гигантского города.

— Скорее всего это фата-моргана! Марсианский мираж, — тут же определил Макс.

— Да, но мираж — явление оптического характера, — сказал Вашата. — Допустим, в разреженной атмосфере с большим процентом углекислого газа действительно могут возникать миражи, но тогда должны существовать и города, и моря, и корабли, которые видел Ив.

— Да, что-то здесь не совсем ясно... — признался Макс с неохотой.

Затем все наше внимание переключилось на окаменелую рыбу. Макс заключил ее в толстый полимеровый шар, облучил и, уговорив Вашату, с величайшими предосторожностями доставил в наш салон, бывший и кухней, и столовой, и просмотровым залом.

Сомнений быть не могло. Перед нами находилась копия — часть головы и половина тельца живого существа, жившего миллионы лет в марсианских водоемах.

Вашата предупредил (в который раз):

— Надо, ребята, вести себя чрезвычайно осторожно. Это не Луна, где в теплой вулканической зоне нашли грибок. Сейчас мы еще не знаем, возник ли он в местных условиях — на Луне тоже существовала своеобразная жизнь, когда на ней еще была какая-то атмосфера, — или грибок занесен из космоса?

Макс сказал:

— Этот прелестный грибок в лунных лабораториях-оранжереях достигает гигантских размеров. Он вполне съедобен! Да мы же все ели из него котлеты! Разве забыли? Перед стартом. У меня есть десятка два банок с трюфелями, так это он.

Вашата терпеливо дождался, когда Макс закончит:

— Поэтому нам надо держать ухо востро. Можем такое занести в кораблы! Надо учитывать, что наша приспособляемость к незнакомой среде несколько ниже, чем у лунных грибков.

Подошел час земных передач: немного хроники, лица близких. Моя мама сказала, покусывая губы:

— Ты надеваешь шерстяное белье? Передавали, что у вас ужасная погода...

И целый поток указаний из Космоцентра.

Вашата сказал, отправляя нас спать:

— Вот начнется переполох, когда они там получат портрет нашей рыбы...

Среди ночи меня разбудил сигнал тревоги. Такого еще у нас не было, даже когда на тридцатом миллионе километров от Земли во время вахты Вашаты корабль врезался в пылевое облако.

В пилотской кабине уже находились командир и Антон.

Зингера не было.

Вашата сказал:

— Сработало реле внезапной опасности в оранжерее.

Это реле изобрел и установил Макс во всех жилых помещениях. Очень чувствительный прибор, реагирующий на повышение колебаний электрического поля человека.

— Макс! — позвал Вашата. — Что произошло?

На экране видеофона появился виновато-радостный лик Макса. Перебарывая волнение, он прохрипел:

— Да у меня... реле среагировало на повышение поля... Вы не верили... И вот...

— Да что случилось, что у тебя за вид? Макс! Возможно, ты видел дурной сон? Или поле повысили твои растения?

— Нет, дело не в растениях. Я учел их потенциал... — Макс явно тянул, блаженно улыбаясь.

— У тебя шоковое состояние, — тихо сказал Вашата, — я сейчас зайду к тебе.

— Ко мне пока нельзя. Видишь ли, прибор оказался потрясающе чувствительным...

— Кончай свой лепет, Макс, — сказал Антон. — Что у тебя там стряслось?

— Ну я к тому и веду. Да ко мне и нельзя, у меня карантин. Имейте это в виду... Дело в том...

— Продолжай, — устало проронил Вашата.

— Я не знаю, каким образом занесли зерно или спору, оно еще только прорастает. По виду что-то вроде кактуса, очень своеобразной формы... Микрокактус марсикус! Звучит?

— Звучит, и очень внушительно, — сказал Вашата.

Макс улыбнулся совсем как в школе, когда горел нетерпением поделиться своей удачей.

— Антон, Христо, Ив! Я закрыл их

в колбах, ну, тех, что заметил. Посадил под стекло. Что-то невероятное! Я сейчас покажу. Вот, видите? Нет, вам плохо видно. Лучше покажу в увеличенном виде через проектор. — Он повозился немного, и на экране появилось множество колючих шариков, похожих на вирус гриппа, увеличенный в двести тысяч раз.

— Всего десятикратное увеличение... Смотрите, он зацветает! Теперь вы видите цветок, увеличенный в семьсот раз! Невероятная красота!

И на каждом более сотни таких цветов! Цветы небесно-голубые. Видимо, были и насекомые, сейчас цветок самоопыляющийся. Пыльца красная, но нет ни пестика, ни тычинок.

— Макс! — Вашата глотнул слюну пересохшим горлом. — Макс, ты представляешь, что получится у тебя к утру?

— Вполне. Я загерметизировался. Связь только таким путем. Я заметил, что эти малютки мгновенно прорастают в минимальном присутствии воды.

— Поищи способ задержать прорастание. Ты что, в своей университетской лаборатории? Забыл, где находишься?

— Вашата, милый мой Христо. Я все понимаю, отдаю отчет, но пойми и ты меня! Ведь это настоящая жизнь! «Кактусята», по всей вероятности, безвредные, хотя в симбиозе с ними могут жить и вирусы. Ко мне никто ни ногой! С голоду я не умру. Если придется, проживу здесь до дому. Вы как-нибудь перебьетесь на консервах. В складе есть витаминизированные концентраты.

Экран погас. Вашата откинулся в кресле.

Корабль вздрогнул.

Антон сказал:

— Наверное, обвал на море. Там столько камней нависло.

— Работает Большой Гейзер, — сказал я.

— Да, он иногда изрядно потряхивает, — согласился Антон.

Оба мы посмотрели на Христо. Он сидел в той же позе. Показал головой на дверь:

— Отправляйтесь спать. Завтра будет день не легче. Что, если эта гадость проникла во все отсеки и начнет заполнять корабль? Ну хорошо, без дискуссий на эту тему. Спать!

Он остался в кресле.

Почему-то меня не особенно потрясли марсианские «кактусята», хотя я полностью отдавал себе отчет в том, что нас ждет, если так просто проникают в герметический корабль семена марсианских растений. Лежа в гамаке, я самонадеянно думал: «Теперь меня уже ничем нельзя ни удивить, ни испугать», — и, уже засыпая: «Почему марсиане не перебрались внутрь планеты, там тепло, мы видели, как из ее недр вырываются газы. В подземные жилища можно было нагнетать воздух или там получать его, регенерировать. Что же здесь произошло?..» После видения города у меня не осталось никаких сомнений, что здесь жили люди, и почему-то возникла твердая убежденность, что сейчас их здесь нет. «Что же произошло?..» Никаких веских доказательств у меня еще не было. Мне могло показаться, что и там, над пропастью, не город, а обыкновенные камни. Я улыбнулся и, засыпая, опять увидел город, теперь уже другой, больше первого. Я бродил по его пустым улицам, рассматривал фрески с изображением тонких, высоких людей. Меня привлекла живая картина. Девочка с огромными глазами, тонкая, как тростинка, сидела на оранжевом берегу лилового моря, играла в песок, она, как и наши дети, насыпала его в формочки, пришлепывала лопаткой, строила горку: подняв высоко руки, сыпала из прозрачных ладоней оранжевую пыль. Я без удивления увидел, что у нее по четыре пальчика на руке, а вместо ноготков золотые ободки...

В семь часов утра, когда мы втроем пили кофе, грустная физиономия Макса материализовалась на экране видеофона:

— Они не перенесли повышенной дозы кислорода. Я создал почти чистую атмосферу из кислорода. Они все погибли! Все до одного. Почернели, — в голосе Макса чувствовалось неподдельное горе.

— Вот и прекрасно! — Вашата встал, опрокинув кружку. — Хоть здесь повезло. Ты же, — он погрозил Максу, — будешь у меня сидеть двое суток в карантине.

— Не надо мне было открывать колбу... — вслух подумал Зингер. — Хоть бы там остались семена.

— Не горюй, — успокоил Вашата. — В камнях и песке их будет достаточно. Завтракай своими бананами и снова проверь, нет ли у тебя еще «гостей». Молодец, Макс, как это тебе в голову взбрело потравить их кислородом?

— Христо! С кем ты говоришь? Посылали бы меня с тобой, если бы... Ах, Христо, Христо... Вот что, ты тоже займись дезинфекцией. Процент кислорода доведен до восьмидесяти пяти. Ни рентген, ни ультрафиолет на них не действуют, как ты знаешь, — здесь достаточно космических излучений, было время привыкнуть к ним...

Город над обрывом

К городу над обрывом нашлась довольно удобная дорога по впадине. Может быть, когда-то ее действительно размыло водой, а в последующие тысячелетия ветер обрабатывал склоны и устилал дно песком и пылью. Пыль — главный компонент марсианской почвы, она микроскопична и покрывает почти всю планету, сглаживает ее и без того однообразный плоский рельеф, оригинальный только по окраске, да и то пока не привыкнешь к его оранжево-серым тонам. Только горы здесь великолепны. Они вздымаются прямо, без предгорий, из песчаной равнины, удивляя своим величием, лепкой склонов и сочетанием необыкновенных красок.

По оврагу, или, как Антон его назвал, «розовому каньону», — из-за своеобразной нежно-розовой окраски слагающих берега пород, мы добрались почти к самым развалинам.

Антон высказал предположение, что выемка — искусственного характера и по ней когда-то шла настоящая дорога к городу. (Как показали исследования археологов, мы оба были неправы, овраг образовался много позднее, после смерти города.)

Туарег вел себя вполне удовлетворительно: получив приказ, он всю дорогу шагал впереди «черепашки», разобрал завал из камней, к счастью, не особенно больших; после завала «черепашка» могла пройти еще с полкилометра, а дальше с разрешения Вашаты, который следил за каждым нашим шагом, мы отправились пешком — всего каких-нибудь сто метров под нависшим обрывом.

— У меня такое ощущение, — сказал Антон, — будто я побывал здесь. Всю ночь, и до того, как разбудил Макс, и после, мне снились марсианские сны.

— Мне тоже...

— Не знаю, что снилось тебе, а я уже шел по этой дороге, только без щебня и всей этой шелухи под ногами. Справа над обрывом шло ограждение из каменной решетки какого-то замысловатого рисунка. Сейчас этого ничего нет. Стена слева была вся в рисунках — какие-то морские пейзажи.

— Суда с высокими мачтами?

— Совершенно верно. Нам с тобой чудится одно и то же. Надо избавиться от такого состояния. Сейчас тебе ничего не кажется?

— Нет. А тебе?

— Тоже все нормально, только будто за тем поворотом еще что-то есть на стене.

— Успокойся, Антон, — сказал Вашата. — Вы скорей возвращайтесь, посмотрите, что за развалины, только не держите объективы против солнца, вчера получилось много смазанных кадров.

Зингер добавил:

— Смотрите под ноги, в расщелины, туда, где могут находиться растения, и возьмите под этим навесом по горсточке песка.

— Никакого песка! — приказал Вашата.

Туарег поджидал нас на повороте. Отсюда открывался захватывающий дух пейзаж на море и противоположный берег. Но мы с Антоном только мельком взглянули на всю эту красоту и завернули за угол. Там на стене действительно сохранилась часть фрески. Картину покрывал слой пыли, сбегали серые потеки, но можно было разобрать силуэты каких-то странных животных.

— Марсианские быки, — сказал Антон. — Дальше, внизу, кустарник с красными и белыми цветами. — Он поднял серую плитку, вытер ее перчаткой, и на ней засветилось тусклое золото: часть ветки с колючкой.

— Вы что примолкли? — спросил Вашата.

— Фреска, — сказал я, — на стене.

— Что на ней? — выкрикнул Макс. — Ну что?

— Марсианские быки и колючий кустарник, — сказал Антон.

— Направьте лучше объективы! — приказал Вашата. — Вот так. Ну где ваша фреска? — Он говорил теперь совершенно спокойно, даже с легкой иронией, словно ничего особенного не произошло. — Что-то не похоже на картину. Все смазано, расплывчато. Пятно на сырой стене, а не фреска.

— Стена сухая, — с обидой ответил Антон. — Видишь, совсем сухая. Вот половина туловища одного быка. Хотя он мало похож на быка, скорей шестиногая антилопа.

— Шестиногая? Ты ошибаешься, Антон, — сказал Макс. — В природе все по большей части целесообразно. Шесть ног просто не нужны такому не особенно крупному животному, да еще на планете с незначительной силой тяжести. Ты все ноги на фреске отнес к одному быку, — пожалуй, он больше похож на быка, чем на антилопу. Ну-ка сотри пыль с нижней части. Осторожней. Эх...

Фреска сползла и раскололась на множество кусков.

— Не прикасайтесь больше к ней, — сказал Вашата, — может, долежит до следующего раза.

Макс попросил:

— Ребята, посмотрите, нет ли на стене чего-либо похожего на плесень или лишайник?

— Запрещаю! — сказал Вашата. — Хватит с нас «кактусят». Можем подхватить такой экземпляр марсианской жизни, что он за кислород только спасибо скажет. Теперь у нас главное — археология. Семян микрофлоры, думаю, мы захватили достаточно.

Когда мы очутились на улице города, впечатление у нас было такое, что здесь давным-давно, не один десяток лет, работают археологи: они расчистили и даже подмели улицы, только для колорита оставили обломки камней на мостовой. Вблизи строения казались, как и с террасы, такими же хрупкими, с тонкими стенами, широкими оконными проемами. Здания тянулись на целые кварталы, в два и три этажа, но были и многогранные одноэтажные сооружения без окон. В планировке ощущалась целесообразность, гармоничное сочетание с ландшафтом. Даже сейчас, источенные временем, эти каменные останки украшали берег мертвого моря. Вначале мы шли очень осторожно, боясь прикоснуться к стене; казалось, руины только и ждут этого, чтобы рухнуть, — до того они устали стоять над погруженным в тишину морем. Я поднял обломок и поразился, как он легок. Что-то вроде пенобетона, только несравненно прочней.

— Алмазный бетон, — сказал Антон. — Смотри, Туарег прошел вон по той тоненькой плитке, и она целехонькая. Дома, видно, отливали целиком, нигде нет швов.

Мы вышли на круглую площадь с остатком постамента посредине.

— Здесь стояла скульптура, — сказал Макс.

— Возможно, — Вашата вздохнул и добавил: — Пора, ребята, возвращаться. Снимки получились. Больше здесь делать нечего.

— Сейчас уходим, — сказал Антон. — Только пусть Туарег немного покопает в этом доме.

— Даю десять минут, — неохотно согласился Вашата.

Как хорошо, что мы оставили Туарегу лопату. Он выкопал амфору необычной формы, тяжелую, покрытую липкой пылью; кусок стекловидного вещества, матового от времени; несколько черепков из материала, похожего на пластмассу, и несколько странного вида прямоугольных пластинок с множеством отверстий разного диаметра, как потом определил Макс, — от микрона и до трех миллиметров. Пыли на них не было, отверстия не засорены, а когда Антон взял одну из пластин, она стала переливаться, как цветное шелковое полотно.

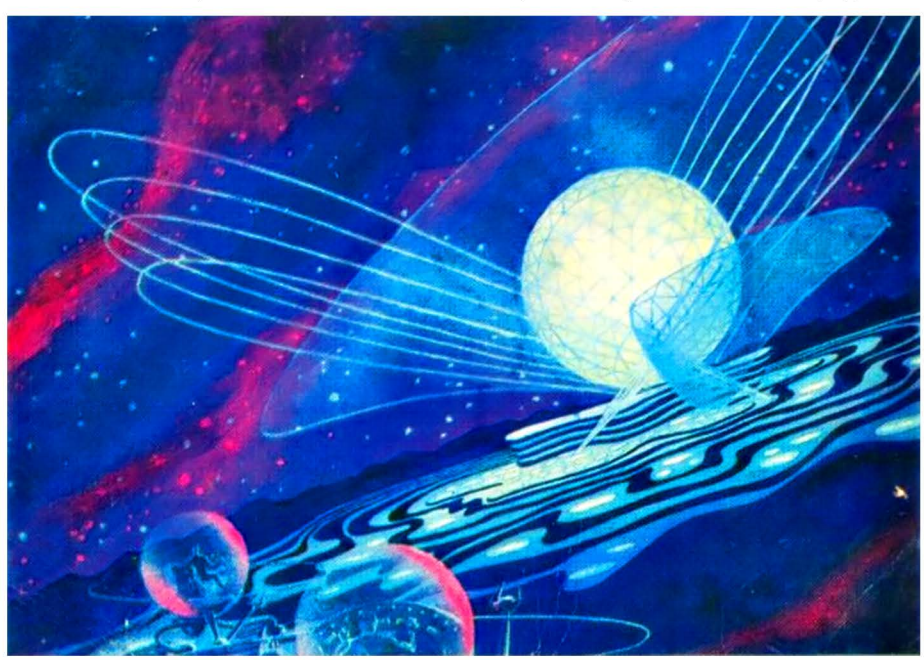
— Судя по вибрации, она как будто звучит! — сказал Антон и опустил пластину в сумку Туарега.

— Хватит на сегодня, — сказал Вашата, — возвращайтесь той же дорогой.

Прежде чем уйти, я заставил Туарега расчистить от щебня кусочек мостовой на площади. Она оказалась выстланной фиолетовыми плитами.

Наш обратный путь Макс использовал для съемки фильма.

— Теперь идите вы вперед. Туарег позади. Вот так! Отлично! Какое освещение! Ив нагибается, поднимает... Да, поднимает что угодно! Не забывай, что мы открыли марсианский город и здесь каждый ка-



А. Соколов «На планете внеземной цивилизации»

мень — ценность. Стоп! Антон, возьмись за остатки стены. Прекрасно! Пошли дальше... — И так всю дорогу до самого корабля Макс заставлял нас задерживаться у кажущихся ему достопримечательными мест, брать в пригоршню песок, рассматривать камни, делать величественные жесты в сторону гор, глядеть на небо, усеянное звездами при ярком солнце. Мы безропотно подчинялись, зная, что Макс работает для истории.

Когда подрулили к лифту, возле него нас нетерпеливо ожидал Зингер, чтобы уложить добычу в грузовой отсек.

В ожидании Макса мы сидели в столовой, стерильные после душевой обработки.

Антон сказал:

— Мы могли еще часика два порыться в пыли веков. Вот куда бы забросить настоящую археологическую экспедицию со всем оборудованием.

— В следующий раз так и будет, — улыбнулся Вашата. — Пока Макс занимался съемками, я принял ролик из Космоцентра. Сплошные поздравления и рукопожатия. Судя по всему, ученые набросились на снимок нашей рыбы и пейзажи развалин. Представляете, что творится сейчас, когда они получили записи сегодняшнего дня! Ох, попадет нам по первое число за фреску, особенно мне достанется. Ведь у нас уйма инструкций на все случаи жизни на Марсе, даже, как вы знаете, разработаны системы контактов с местными обитателями. Сегодня Андреев выступил с повторением лекции, которую читал нам перед отлетом.

— Насчет «враждебной жизни»? — спросил Антон.

— Точь-в-точь в тех же выражениях. Повторил для прессы и телезрителей. Ему еще раз хочется убедить всех, и себя самого, что он сделал все для успешного полета «туда и обратно». Надо и его понять — необыкновенная, мучительная ответственность. И все же...

— Мне это непонятно, — сказал Антон. — Надо всегда быть тем, чем ты есть.

— Да, но он теперь Главком Космоцентра. Должности всегда накладывали отпечаток. Вот я, например... Как, ребята?

Мы с Антоном переглянулись.

— Бывает, — сказал Антон.

— Да-а? Серьезно?

— Нечасто, ты умеешь сдерживаться.

— Стараюсь. Вы тоже не сахар. Вот сегодня, говорю — кончайте раскопки, а вы еще стали площадь разметать.

— Но фиолетовые плитки! — сказал я.

— Плитки плитками... — поморщился Вашата.

— А престиж! — сказал Антон, толкая меня в бок.

Вашата улыбнулся:

— Бывает. Иногда обволакивает чувство собственной необыкновенности. Кажется, что ты теперь сам не свой, принадлежишь истории! Вот с этого и проникает в нас вирус исключительности.

— Какая там исключительность, — Антон махнул рукой. — Из пятисот кандидатов мог лететь каждый, просто нам повезло.

— Я тоже так думаю... И все-таки прошу выполнять мои указания, все без исключения.

На экране появилась стена нашего хранилища, множество гнезд с контейнерами. Потом показались шлем и за его стеклом оторопелое лицо Зингера.

— Вот, — сказал он, подняв амфору. На ее чистом боку появился красочный морской пейзаж. — Видали? — спросил Макс звонким мальчишеским голосом. — Я слегка протер, и появились краски, и все время меняются, как живые. Смотрите, какой цвет воды, и на нем множество яхт. Ив, Антон! Вот откуда ваши сны. Вы нашли еще что-то похожее и морочили нам голову с Христо. А это что? — Он повернул амфору, и там — знакомая уже мне девочка сыпала из прозрачных ладоней оранжевый песок.

Мы встали и почти вплотную придвинулись к экрану, пораженные больше, чем вчера, когда увидели развалины. У нас всегда теплилась надежда обнаружить следы ушедшей жизни. Сейчас же мы были не подготовлены к необыкновенному явлению, у нас не было объяснений увиденному. Макс позволял нам поочередно любоваться изображениями на стенках сосуда, и мы не могли оторваться от них.

— А теперь послушайте, как звучит эта вазочка! — Он поднял амфору к мембране шлема. — Странная музыка, не правда ли? Вы не находите? Наверное, корпусу амфоры передается малейшая вибрация. Будто в ней самой источник звучания.

— Скорее всего разболталась какая-то техническая деталь, — сказал Антон. — Хотя что мы знаем об их технике? На каком принципе основаны эти «живые» гравюры? Уму непостижимо! Пролежали столько тысячелетий, и никаких изменений. Мне становится не по себе, когда я вспоминаю про фреску с антилопами.

— Что-нибудь еще случилось? — спросил настороженно Вашата.

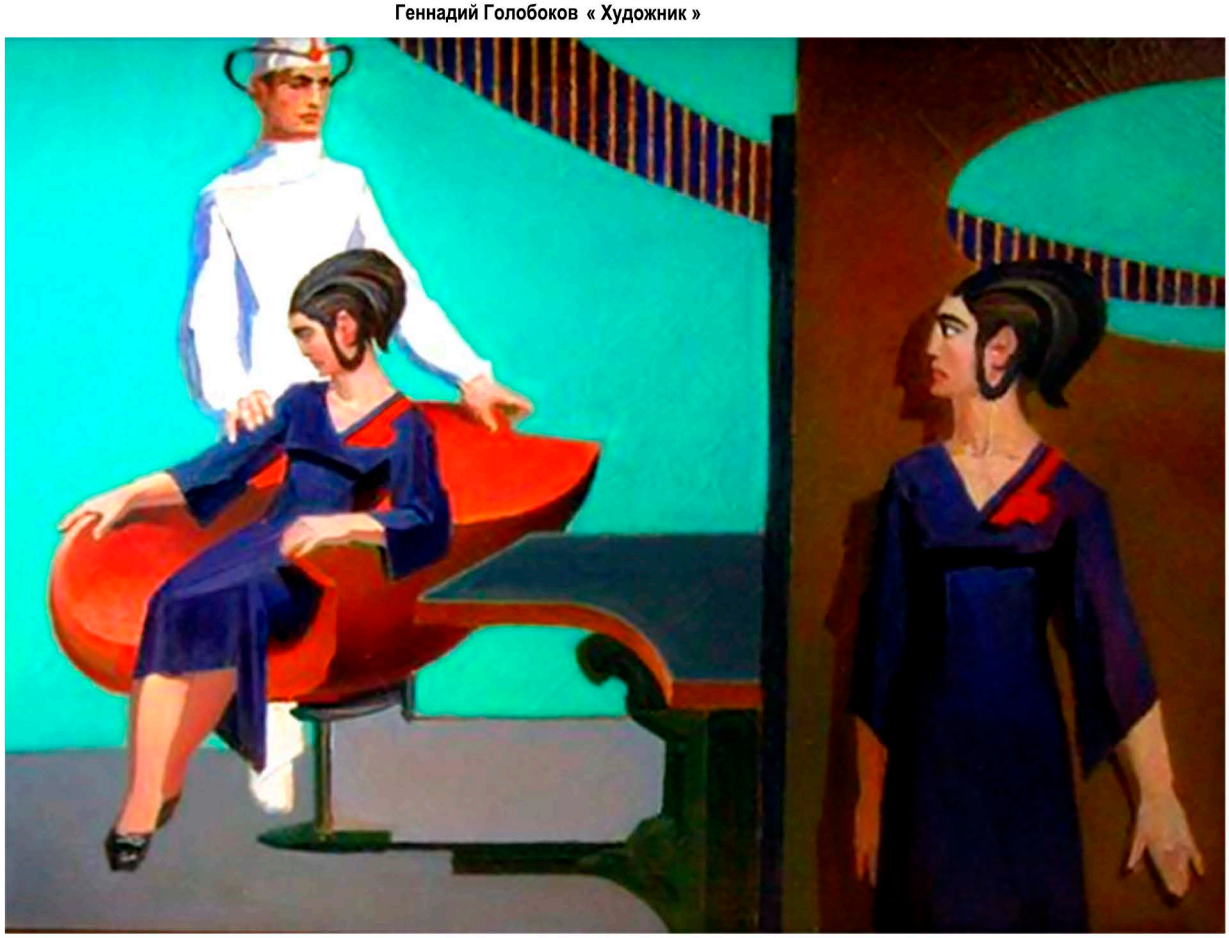
— Да я их видел до этого!

— Час от часу не легче.

(Продолжение в следующем номере.)

А. Соколов « У вулканического кратера на раскаленой планете»

Геннадий Голобоков « Художник »



« Свидание с копией »

Сергей ЖЕМАЙТИС

Рис. Р. Авотина

Багряная планета

Научно-фантастический роман*

Вечером я вложил в Туарега программу «ночного поиска». Не спеша он должен был обойти окрестности космодрома, выкапывая ямы через каждые пятьдесят метров. Сейчас на экране робот застыл как изваяние, словно внимательно рассматривал корабль своими магнитными глазами. У ног его лежал труп марсианина, по крайней мере, так нам показалось: длинные ноги, тонкий в талии торс; головы и правой руки не было, тело облегал костюм, желтый в черную широкую полоску, как у арлекина.

Первой нашей мыслью было, что Туарег наткнулся на кладбище.

— Как он сохранился! — воскликнул Зингер. — Но что за костюм! Как у наших дорожников, ремонтирующих шоссе. Тогда почему его похоронили в рабочей одежде? Или он погиб при обвале, и никакое это не кладбище, просто парня засыпало камнями, оттого-то он так и изувечен. Хорошо бы посмотреть на него вблизи.

— Погоди, Макс, — остановил Вашата. — Рискованно. Может, у них действительно была эпидемия. Макс, сними-ка его во всех ракурсах.

Туарег поднял свою находку, повернул ее, и мы заметили, как спина отошла на шарнирах в сторону. В корпусе показались узлы, скрытые в твердых чехлах, болтались провода.

В этот день мы наткнулись на останки еще множества роботов на гигантской мусорной свалке. Она заполняла двухсотметровую выемку, начинавшуюся за каменной грядой к северу от космодрома и терявшуюся за горизонтом.

Теперь снимки этой свалки всем хорошо известны, видны на ней и роботы, торчащие из груды пластмассовых вещей, летательные аппараты разных конструкций, и машины, как установили позднее, с биологическими двигателями, и все это среди невообразимого скопища вещей непонятного нам назначения и незнакомых конфигураций. Мы проехали

---

* Продолжение.
Начало в № 8 за 1973 год.

вдоль свалки километров десять, а ей все не было видно конца.

Вашата спросил:

— Сколько же тысячелетий все это скапливалось? Многие вещи выглядят как новые. Наверное, выходили из моды, заводы работали на полную мощность, вещи доставались людям без особого труда и потеряли всякую цену.

— Обрати внимание, почти все из пластмассы,—сказал Зингер.—Стой, ребята, увековечим-ка вот этот склон с машиной, похожей на грузовик...

Антон заставил Туарега принести большой шар с пробитым боком, на нем появлялись и исчезали яркие блики...

— Да это глобус! — сказал Макс. — Возможно, что школьный.

Несколько минут мы рассматривали поверхность планеты, нанесенную на глобус с колдовским мастерством. Впоследствии нам посчастливилось найти еще один, почти такой же. На первом глобусе картина планеты не менялась. На втором по желанию можно было увидеть не только географию, но и экономику, животный мир, геологию планеты; к несчастью, на Земле изображения пропали. Ученые объясняют это изменением силы гравитации.

— Да, здесь миллионы, а может быть, миллиарды тонн полимеров! — говорил Макс. — Полимерам скормили и кислород и азот. Мы, хоть и мельком, видели на глобусе: были здесь лесные массивы, особенно вокруг водоемов, на экваторе и в здешних субтропиках. Леса уничтожили, все пошло на пластмассы. И в то же время шло безудержное строительство машин, наземных и воздушных. Машины тоже сжигали драгоценный кислород, отравляя воздух производными окиси углерода.

— Мы сами еле ушли от этой угрозы, — сказал Вашата. — Но и Землю не сравнить с Марсом, у нас могучая атмосфера, океан, леса!..

«Черепашка» поднялась на пригорок. Скупое марсианское солнце освещало впереди купол, спрятавший под себя город. Я остановил вездеход. Туарег, не получая команды, вышагивал по направлению к городу, к нему вела дорога, она начиналась недалеко от нас, вымощенная камнем и обсаженная кустарником; все пространство вокруг города занимала растительность с бурыми, красными, голубоватыми листьями. По дорогам легко мчались крытые машины. В воздухе бесшумно парило несколько летательных аппаратов, одни из них напоминали наши музейные аэропланы-этажерки, другие были в виде дисков, шаров, цилиндров.

— Остановите Туарега! — сказал Зингер. — Он же дойдет до Северного полюса.

Видение растаяло в песках Оранжевой пустыни.

ЖЕЛТОЕ ПЯТНО

Пошла вторая неделя, как мы опустились на пески Марса. Мы наталкивались на необыкновенные памятники культуры, идеальной организации быта, видели на «живых» фресках людей, столь походивших на землян, занятых трудом или о чем-то задумавшихся. В районе, где мы созерцали во всем его величии иллюзорный город, впоследствии обнаружились его развалины. Там Туарег раскопал вход в подземные заводы. За все время марсианской жизни нам удалось заглянуть еще в три подземелья, но нигде никаких следов постоянного пребывания человека: голые стены, облицованные яркими, без единой фрески или орнамента плитками, и машины, машины, машины, казалось, сплошь заполнившие залы бесконечной длины. Видно, марсиане не хотели, не могли или не любили жить в давящих душу помещениях, под толщами скал. Больше всего они обожали просторы пустынь, свои леса, моря и особенно небо. Фиолетовое небо Марса! Как же оно прекрасно! Почти как земное. Наша атмосфера создает иллюзию тепла, звезды у нас лучистые, а там небо жестче, холоднее, но не теряет оно от этого ни своей величественности, ни вечной тайны. Небо было излюбленной темой марсианских художников. И почти на каждой картине среди искорок созвездий голубым светом горела наша Земля.

Марсианам пришлось преодолеть опасности, созданные их предками в эру неуемного развития техники, когда уничтожались леса, сжигался драгоценный кислород, атмосфера перенасыщалась углекислым газом. Система жизнеобеспечения в их герметических городах во многом превосходила ту, что была в нашем звездолете. Еще несколько веков — и люди смогли бы выйти из укрытий под теплое, поголубевшее небо. Если бы опасность не таилась в них самих, опасность страшнее эпидемий, атомных войн, космических катастроф, когда из миллиардов остаются единицы, чтобы, как искры, вновь разгореться в бурное пламя жизни...

«Черепашка» бойко бежала по бурой равнине, подгоняемая жидким ветром. Начинался сезон песчаных бурь. Исчезла кристальная кислота ядовитого воздуха, красноватая пыль повисла в воздухе, сглаживая очертания скальных скульптур, изваянных ветром. Высоко над головой в фиолетовом небе сиял совсем крохотный кружочек солнца. По нашим, земным, представлениям солнце здесь почти не грело, и все же его могучей силы хватало, чтобы вечно будоражить атмосферу планеты, перемещать миллиарды тонн песка, превращать города в щебень и пыль.

Обогнав нас, пронеслось перекати-поле — шар размером с футбольный мяч из жестких, словно проволока, стеблей, колючек и оранжевых коробочек с семенами меньше маковых зерен. Перекати-поле — посевная машина, способная бесконечно долго высевать семена. Когда ему удается наконец зацепиться своими колючками где-нибудь в овражке или застрять между камней, уже через несколько минут из нижних стеблей выйдут желтые корни, станут сверлить песок, добираться до тех слоев, где есть хотя бы малейшие признаки влаги, а через час оно зацветет большими непостижимо прекрасными цветами, опять готовое в путь, сеять семена жизни.

Антон сказал, провожая взглядом перекати-поле:

— Немыслимая приспособляемость. Как и у микрокактусов. Вот еще одно подтверждение неистребимости жизни. Зарождение ее невероятно трудно, нужны миллионы благоприятных случайностей, чтобы она возникла, поэтому-то жизнь так и редка во вселенной. Но, раз возникнув, она неистребима. Так велик у нее запас эластичной прочности. Эти вроде бы простенькие колючие шарики выдерживают и космический холод, и непомерную жару! Хоть сейчас готовы переселяться на другую планету, в другую галактику, куда угодно или же ждать миллионы лет дома, пока не произойдет чуда, не оживет Марс, и тогда от них возникнут цветы и деревья, но останется и само перекати-поле — на всякий случай. С человеком сложнее. Человек появляется на планете только однажды. Правда, здесь теперь мы наследники чужих разоренных домов, старых детских игрушек и печального опыта. Как жаль, что не дождались они нас.

Я сказал:

— Возможно, они все-таки уцелели?

— Каким образом?

— Спят в анабиозе. Может, сохранился небольшой поселок или даже целый город. А мы и не знаем где. Марс велик.

— Ну нет, — сказал Антон. — Наш прилет не остался бы незамеченным при таком уровне цивилизации.

— А миражи! — воскликнул Макс. — Не сигналы ли это, что жизнь существует?

Мы замолчали. Действительно, почему мы находим одни только развалины городов, селений, следы ирригационных сооружений, высохшие моря, удивительные памятники, фантастическую утварь, звучащие пластины — вероятно, книги, которые нам не дано прочитать.

Долго ехали молча. Туарег все шагал впереди, точно ищейка, взявшая след. Мы передвигались, выполняя намеченную программу исследований, в новом направлении: по

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Оранжевой пустыне — совершенно ровному, прибитому песку. Здесь, на северо-западе от Мертвого моря, еще при посадке механический картограф отметил темную россыпь — то ли камней, то ли, как мы теперь считали, развалин.

Туарег обошел столбы из оранжевого песчаника, похожие на колонны, впрочем, может, это и были самые настоящие колонны какого-нибудь древнего храма, и опять двинулся прежним курсом.

В шлемофоне раздался предупредительный сигнал и голос Христо:

— Ну что, друзья? Двигаетесь?

— Летим, — в тон ему ответил Антон.

— Особенно не задерживайтесь. Развалины для нас уже не так интересны. Да не загружайте Туарега. Зингер уже заполнил все свои контейнеры. Берите только самое необыкновенное.

— Здесь все необыкновенное, — мрачно сказал Антон. — Мы что-то совсем заелись. — Настроение у Антона в последние дни портилось часто без всякой видимой причины.

— Как там Макс? — спросил я, чтобы разрядить обстановку.

— Минут пять назад я отослал его заняться проверкой и дезинфекцией отсеков. После вашего отбытия он обнаружил, что в его скафандре проросла круглая колючая проволока. Пришлось скафандр выбросить! Вот к чему приводит нарушение элементарных инструкций. Так что я бы просил вас...

Раздался смех Макса — он подслушивал:

— Христо, скафандр-то ведь твой. Не ты ли вчера выходил в нем поразмяться?

— Мой?! Но позволь... Как же это?

— Загадки Марса.

— Все равно, ребята. Тем более надо держать ухо востро. Если перекати-поле заползло даже ко мне...

— К нам пока не заползло, — сказал Антон и, сжалившись над Христо, добавил: — Не беспокойся, кэп, мы же теперь живые параграфы космических инструкций.

— Ладно, Антон. Вы вроде бы подъезжаете. Ветерок усиливается. Впереди что-то темнеет. Нет, это Туарег. А за ним что-то вроде кучи камней.

— Приехали, — сказал я, — очередные развалины.

— Счастливо, ребята! Под обломки не лезьте, даже вслед за Туарегом. Разрешаю перемещаться только в открытых пространствах.

Мы с Антоном переглянулись: действительно, вчера перед самым носом у Туарега рухнула стена, вздыбив облако пыли, не оседавшее с полчаса.

«Черепашка» остановилась возле самих городских ворот, точнее, там, где они когда-то стояли, представляя собой множество шлюзовых камер. Судя по развалинам, такого большого города мы еще не встречали. Здесь сохранилась часть гигантского купола, состоявшего из множества воздухонепроницаемых ячеек, напоминающих соты. Остатки купола держались без всяких подпорок, на единственной уцелевшей арке, перемахнувшей через все развалины. Рухнувшие арки и купол погребли под собой всю южную часть города, на севере кварталы домов почти везде уцелели.

Город мог бы сохраниться и целиком, если б не ветер, он «подмыл» его основание, хотя и отлитое на скальной породе. Нам предстояло определить, сколько потребовалось тысячелетий, чтобы ветер мог снести стометровую толщу песка, разрушить фундамент, снова засыпать ров, а заодно и развалины.

Туарег мастерски прокладывал дорогу к уцелевшей части города. Архитектура строений здесь, по меткому выражению Антона, отличалась «печальной пышностью мавзолеев». Но это сейчас, среди окружающего нас хаоса, в пыльный день, а когда-то все здесь выглядело совсем иному. Дома в два-три этажа, видимо, тоже из литого камня, с плоскими крышами, служившими местом для прогулок; между домами через улицы переброшены мостики. Стены домов украшены орнаментом и фресками. На их облицовку шла эмаль еще более яркая, чем на самаркандских мечетях, она и теперь местами светилась на затененной стороне светом, тусклым, словно древние витражи в католических храмах.

На улицах сохранившейся части города почти не было песка и мельчайшей пыли, столь свирепствующей в Оранжевой пустыне. Пыль накопилась лишь на порогах дверей да на узких подоконниках. То ли от времени, то ли жалюзи закрывали окна, но внутреннего убранства домов видно не было. Двери были закрыты, и даже Туарег, которому Антон приказал «открыть» дверь, не смог ее выдавить.

— Крепко строили марсианские товарищи, — сказал Вашата.

— Прилично, — ответил Антон. — Смотрите-ка, слева, совсем новенький, а какая чудесная фреска: «Марсиане на прогулке». Все они были под два метра, а вот этот синебородый, который держит за руку ребенка, — даже выше. Зато они и гораздо тоньше нас, заметно через одежду, какие они худые.

Мы миновали дом с фреской и свернули на очень широкую улицу с двумя бесконечными домами по сторонам и излюбленной марсианами фиолетовой мостовой.

— Смотрите, ни одиной песчинки! — сказал Антон. — Все дело в тяге, ишь как посвистывает в шлемофоне!

Вскоре мы убедились, что дело не только в тяге. Что-то на этой улице отталкивало от мостовой пыль и песок. Антон обрушил горку розового песка на подоконнике, и песчаное облачко, не коснувшись дороги, взмыв вверх, унеслось в сторону развалин.

Антон посмотрел на меня и сказал удивленно:

— Странная дорога. Она отталкивает все, что на нее попадает. Замечаешь, как по ней легко идти? Взгляни, — он показал камешек, поднятый возле городской стены, чем-то ему понравившийся, и кинул его на мостовую. Камень еле притронулся к плитке и тоже взвился под самый купол.

Я сказал, что давно заметил, что стал немного легче, хотя здесь и так тяжесть невелика.

— Впечатление такое, что можно улететь, если посильней оттолкнуться.

— Пожалуйста, без экспериментов, — сказал Вашата. — Долго вы еще намереваетесь шествовать по этой улице? Попытайтесь еще раз проникнуть в дом.

— Еще немножко, и повернем, — сказал Антон и показал мне глазами на стену. Там медленно, соразмерно нашим шагам, двигался желтый кружок величиной с метательный диск.

Я тоже давно мельком его приметил, но принял за повторяющуюся деталь орнамента. Здесь все было непонятно, я почему-то не заметил, что круг движется, хотя чувствовал, что меня все время тянуло взглянуть на эту стену.

— Может, солнечный зайчик? — спросил Вашата.

— Откуда ему взяться, солнца не видно, — сказал Антон. — И фиолетовая мостовая, и этот круг как-то связаны. Видишь, мы остановились, и он замер, а сейчас поплыл. Ты-то его видишь? Может, тебе мешает какое-нибудь поле, блокировка?

— Никакой блокировки, мы все почти с Максом видим. Вот теперь и круг проглянул сквозь пыль, а вы и правда бежите, как лунатики. Интересно, что за сигнализация? Неужели кто уцелел?

— Вряд ли, — ответил Антон. — Если кто уцелел, зачем ему все эти фокусы? Просто остатки какой-то системы оповещения. Таким спосо-

бом можно было найти нужную квартиру, ну, понимаете, код. У каждого человека был свой код, свое поле, если хотите, а этот прибор реагировал. Есть и другой вариант: круг рассчитан на ночное время...

Макс не дал ему договорить.

— Странно слышать подобный лепет. Ты хорошо знаешь, как освещались их города. Вот и сейчас еще светится стена, хотя по ней и бежит ваш круг. Твое объяснение можно отнести только за счет изменения силы гравитации.

Я уже ожидал, что снова вспыхнет словесная перепалка, нередкая у нас за последние дни. Но Антон ответил необыкновенно мягко:

— Возможно, ты и прав, у меня нет желания разрушать твою научную гипотезу. Ты скажи лучше, как твои успехи в борьбе с туземной флорой? Почему она облюбовала скафандр Христо?

— И в моем появился экземплярчик, в шлеме! Как они быстро подрастают, было бы только чуточку влаги. Представляешь, что будет, если он начнет расти, когда костюм надет!

Между тем светящийся круг остановился над углублением в стене, по виду у двери без ручки. Неясно, как она открывалась. Антон вернул Туарега, который шел и шел вдоль улицы, громыхая по мостовой стальными подошвами. Туарег выжидательно остановился, устремив «взгляд» на стену с загадочной дверью. И мы молчали, не ведая, что предпринять.

— Пусть Туарег поднажмет плечом, — посоветовал Макс, — а вы отойдите подальше.

— Неудобно, — сказал Вашата. — Вроде нас пригласили, а мы, не дождавшись, пока хозяева нам откроют, взламываем дверь. Подождем.

— Сколько? — спросил Макс. — Сколько можно ждать?

— Минут десять.

— Ну а если не откроется?

— Ломать здесь ничего нельзя.

— Пожалуй, ты прав, Христо, — вздохнул Макс. — Прав, как всегда, и точен в своих суждениях, как корабельный хронометр.

— Из которого вытягивают пружину...

Словно поразмыслив немного, круг сполз на дверь и остановился посредине, затем плита, служившая дверью, медленно поползла вправо, в глубь стены, открывая угольно-черный проем.

— Вот видите, — промолвил Вашата, — нас приглашают войти. Нет, постойте! Может, пустить вперед Туарега? Или не стоит, он там пол провалит или натворит других бед. Посветите сначала, что там?

Антон и я направили в дверь рефлекторы, и мгновенно дом внутри осветился. Мы увидели многогранный холл с дверью на каждой грани и теряющийся вдали коридор, свет лился зеленоватый, приятный.

— Ну что я говорил, — не преминул заметить Зингер, — даже сейчас у них работает освещение.

Странно, что ни желтый круг, ни дверь, ушедшая в стену, ни, наконец, дом, полный света, особенно не поразили нас, будто мы этого только и ждали, ждали, что все так случится. У нас не было страха. Не было мысли, что нам кто-то расставил ловушку, точнее, не нам, а кому-то другому, и вот она наконец сработала по ошибке, заманивая нас.

— Приглашают, — сказал Антон. — Христо, надо идти!

— Да, да, конечно, — ответил Христо, — идите, только особенно не задерживайтесь.

И к Вашате начала возвращаться его всегдашняя осторожность.

— Заходите, только очень осторожно, — сказал он, — что-то мне не очень нравится этот дом без окон, ползучий кружок и ваша антигравитационная улица. Все же войдите, только долго не задерживайтесь. Чуть что — Туарег выручит. Считайте, что вы делаете очень короткий визит вежливости, не более. Ив, сначала иди ты. Антон, подожди, будь с Туарегом начеку.

Позже Антон сказал, что его обуревало жгучее любопытство без тени страха и только привычка к дисциплине заставляла медлить у дверей и ждать разрешения Вашаты, а не то он бросился бы в дом, как на приступ. Все же, оставив Туарега у порога, он обошел меня в дверях.

— Вполне прилично, — сказал он, обегая взглядом стены, потолок, пол, — хозяева обладают бездной вкуса, смотри, какой орнамент, какие фрески, вот хотя бы на потолке: кактус весь в цветах! И опять девочка с песочком, как на амфоре!

Я ничего не видел, кроме портрета девочки, он занимал центральное место в вестибюле. Антон подошел ко мне, мы вместе стали смотреть на это чудо. На живом личике с золотистой кожей поминутно менялось выражение: то девочка закусывала тонкие губки, хмурилась, когда песок падал «не туда», или же улыбалась, прихлопывая горку прозрачными ладошками с золотыми ободками вместо ногтей. Она будто смотрела сквозь нас, о чем-то раздумывая, поворачивала голову в сторону моря, прислушивалась к плеску воды, к голосам.

— Ни пылинки! — шепнул Антон, вдруг оглянувшись с опаской, да и у меня холодок побежал по спине — чары спали, в сердце вошла тревога. Я подумал: «Может, уйти поскорее отсюда?» Антон это понял и, не поворачиваясь, стал отступать к порогу. Но через пару шагов он словно прирос к полу, вглядываясь в девочку. Где-то в глубине дома послышались мягкие, неторопливые шаги. Сквозь шлем я видел, как побелело лицо Антона, и сам ощутил во рту страшную сухость.

Дверь медленно, без шума закрыла выход. Первой мыслью было, что мы попали в западню и никто нам теперь не поможет. Тщетно будет ломиться в броневую плиту, заменяющую здесь двери, Туарег.

— Так. Понятно... — сказал Антон.

— Думаешь, влипли?

— Еще бы...

— Что там у вас стряслось? Мы вас не видим. Почему замолчали? — взволнованно спросил Вашата.

Я с напряжением повернул голову и увидел марсианина. Он точно сошел с фрески, такой же высокий, изящный, длиннорукий, с вытянутым лицом и огромными, как у девочки, глазами. Он шел неторопливой, скользящей походкой, откинув голову, прижав руки к туловищу.

— Что с вами случилось? — крикнул Вашата. — Да отвечайте же!

— Здесь живут, — прохрипел Антон, — здесь люди...

— Марсианин! Он идет к нам! — Я не узнавал своего голоса.

Вместо ответа в микрофоне слышалось только участившееся дыхание Вашаты и Зингера. Наконец Вашата сказал:

— Врете ведь, черти. Ну разве можно так...

— Он уже близко! Подходит! — крикнул Антон.

В микрофоне опять не было слышно ничего, кроме частых и глубоких вздохов наших товарищей.

Марсианин остановился в десяти шагах от нас, развел перед собой руки, и мы услышали его певучий голос, голос красивый и печальный. Лицо марсианина оставалось неподвижным, только чуть приоткрывался маленький, плоскогубый рот. Незнакомец был совершенно лыс. Руки и лицо цвета тусклого золота. На широкую грудь ниспадала роскошная ассирийская борода цвета воронова крыла, вся в завитках. Нос тонкий, удлиненный, с тупым концом, без ноздрей. Ушных раковин не было. Костюм такой же, как и на фресках, такие фигуры обыкновенно изображались на заднем плане — облегающий, серый, с желтыми продольными полосами костюм. Ступни ног длинные. На ногах красные туфли или что-то в этом роде. В первые мгновенья я почему-то обратил внимание на кисти рук — суховатые, с четырьмя пальцами.

Мы с Антоном раскланялись, насколько нам это позволяли жесткие скафандры.

Через рупор в шлеме Антон сказал:

— Мы, люди Земли, приветствуем вас!

Макс прошептал:

— Братья! Братья по разуму!

— Да, братья по разуму, — повторил Антон.

В ответ марсианин пропел короткую фразу и повел рукой в сторону коридора.

— Куда-то нас приглашают! — громко, уже несколько оправившись от потрясения, сказал Антон.

— Надо идти, — сказал Вашата, — судя по всему, он хорошо к нам настроен. Да прибавьте звук: нам плохо слышно. Вот и отлично, опять появилась видимость.

— Симпатичный! — сказал Макс. — Какая осанка! Почему он раньше не давал о себе знать?

— Тише, Макс. Все выяснится...

Марсианин отступил в сторону, уступая нам дорогу, что-то сказал непонятное, но вроде бы доброжелательное, затем быстро обогнал нас и пошел впереди, не оглядываясь.

— У него третий глаз! — прошептал Антон. — Видишь, на затылке.

Этот глаз внимательно наблюдал за нами.

По обе стороны коридора находились двери, закрытые и раскрытые. Комнаты были пусты, только по стенам за прозрачными стеклами виднелись сосуды, напоминающие колбы и реторты, приборы из причудливо перевитых трубок, темные футляры.

— Видно, мы попали в научное учреждение, — сказал Антон, — по обе стороны коридора — лаборатории или хранилища реактивов и приборов.

— Хорошо, хорошо, — сказал Вашата, — только вы не замыкайтесь в себе и информируйте обо всем, что увидите, а то опять побежали полосы по экрану.

— Хорошо, ребята! Вот еще один марсианин! Очень похожий на первого, только костюм темно-палевый, но тоже в полоску.

— А у первого? — спросил Макс.

— Не перебивай! — остановил Вашата. — Продолжай, Антон!

— Этот в желтых туфлях, борода рыжая. В руках лучевой пистолет!..

Второй марсианин стоял в дверях лаборатории; когда мы с ним поравнялись, он тоже пропел длинную фразу и повел пистолетом, будто прицеливаясь нам в грудь.

Промямлив что-то в ответ, мы невольно подались к противоположной стене и ускорили шаг.

Комментируя этот эпизод, Антон сказал:

— Это охрана. Воин. Тоже с тремя глазами.

Мы продолжали идти по коридору. Пол розового цвета с фиолетовым отливом или фиолетовый с розовым. В глазах все мешалось. Стены необыкновенной красоты! Роспись! Сцены из жизни марсиан: дома, на прогулке, созерцание небесного свода... Схема солнечной системы... Все планеты и наша Земля!.. Завод!.. Или лаборатория... Нет, все-таки завод... Гигантская клетка... Пошел научный раздел, чистая гистология. Здесь надо походить, чтобы разобраться... Впереди еще один из охраны. Без бороды. Тоже с пистолетом. Водит по стене. Стены светлеют.

— Да у него пылесос! — совсем весело воскликнул Антон — Действует на каком-то непонятном принципе. Этот товарищ даже не оглянулся. Что-то он сильно смахивает на робота!

— Уборка в вашу честь, — сказал Зингер.

Антон спросил меня:

— А ты не находишь, что и наш гид, и тот держатся строго, как-то скованно. Или оттого, что столько лет пролежали в анабиозе, или же...

— Думаешь, тоже роботы?

У меня давно уже мелькнула такая мысль, но погасла под наплывом необычных впечатлений; видимо, подсознательно я отгонял ее. Мне не хотелось расставаться с иллюзией, что мы наконец встретили живых людей; все время нам так этого хотелось, мы ждали, когда это случится, и вот теперь, когда мы увидели, услышали их речь, неужели придется отказаться от мысли, что перед нами настоящие люди. Антон был прав — движения у чернобородого чересчур скованны, шаг слишком размерен. Похожих с виду роботов мы находили в мусорной куче, и недавно Туарег выкопал прямо в пустыне совершенно сохранившийся экземпляр. Конечно, сравнивать нам было трудно. Наши хозяева, по всей видимости, принадлежали к высшему разряду думающих человекообразных существ, наделенных высочайшим интеллектом. Над этим бьются сейчас наши кибернетики, и Туарег далеко не последний образец. На фресках роботов рисовали на заднем плане, в манере несколько условной, хотя по внешнему виду эти существа ничем не отличались от людей, кроме разве костюма, да еще почти всегда они изображались за каким-нибудь подсобным занятием. Мы их считали рабами или же людьми низшей касты, «нормальные» марсиане не любили отягощать себя физическим трудом, по крайней мере, их изобразительное искусство не отражало такого рода их деятельности.

Антон сказал:

— Совершенно разумные существа. Может, это киборги? Они помогут нам найти ключ ко всему, мы сможем понять их язык — и тогда многое прояснится.

Вашата тревожно спросил:

— Что вы там опять шепчетесь? Антон! Почему ты молчишь?

— Так, посовещались. Видно, мы попали к роботам. Они остались вместо марсиан. Цивилизация роботов!

— Кто там вначале мурлыкал? Что за звуки?

— Разве я не сказал, что они разговаривают? Поют!

— Раз марсиане, так отчего же им молчать в вашем присутствии? А почему вы решили, что это роботы?

— Дело в том, что здесь почти нет воздуха, температура сто десять ниже нуля! Я как-то вначале не обратил на это внимания, когда мы вошли и когда их увидел! Посмотрели бы вы, какая здесь чистота! Только роботы способны столько времени втягивать пылесосами пыль. Ну вот, все сомнения исчезли...

— Ну хорошо, хорошо, — сказал Вашата. — Долго вам еще надо будет идти?

— Вроде бы нет. Да вы не бойтесь. Просто нас знакомят с каким-то научным учреждением. Наверное, научно-исследовательским институтом. Справа и слева все двери настежь, комнаты стали еще больше. Везде что-то вроде сейфов, непонятное оборудование, весьма оригинально оформленное. Свернули в зал. Дальше тупик, стена красного цвета. Зал огромный, с очень высоким потолком, потолок фиолетовый, как небо, на нем горят созвездия. Движутся планеты.

— Какие планеты? — спросил Макс. — Земли не видно?

— Помолчи, Макс! — остановил Вашата. — Что там еще у вас?

— Посредине большой, очень большой черный цилиндр. Вдоль стен тянется черная панель со множеством приборов. Возле них человек двадцать роботов. Главный, Хозяин или Директор, предлагает нам сесть.

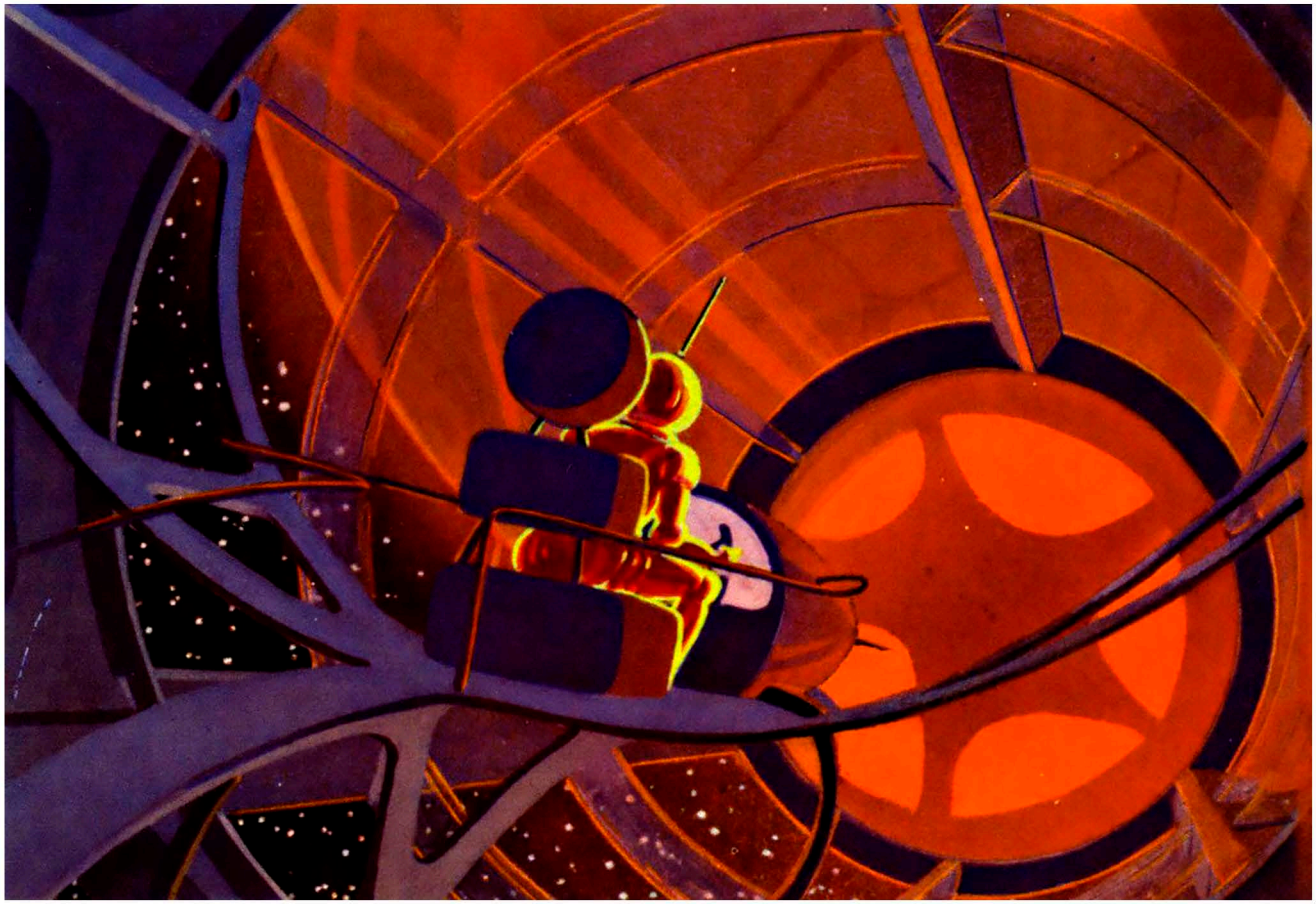
— Садитесь! — разрешил Вашата и спросил: — Что еще в вашем зале?

— Ничего! Даже стены без росписи, только приятней раскраски, не пойму, какого цвета. Против нас как будто нет стены, так иногда кажется. Она то отходит куда-то, то вдруг приближается.

— Экран! — сказал я, сам не зная, откуда у меня такая уверенность. Мы сели в удобные мягкие кресла, как на нашем корабле, они появились словно из-под пола, а может быть, стояли возле черного цилиндра, но мы их не заметили, хотя трудно было не заметить: они оранжевые.

Тогда мы просто не задумывались над этим, не обращая внимания на такие мелочи по сравнению с тем, что мы уже видели или что испытывали сейчас. Меня все время не покидало ощущение, что передо мною живой марсианин. Что из того, что его движения как-то скованны, что в помещении нет кислорода и страшно низкая температура? Может, марсиане дышали углекислым газом и холода не боялись? Я очень ясно помню эти бредовые мысли и передаю их сейчас, чтобы наше душевное состояние было понятней.

(Продолжение следует.)



Сергей ЖЕМАЙТИС

Рис. Р. Авотина

Багряная планета

Научно-фантастический роман*

Полет в оранжевых креслах

Чернобородый стоял лицом к стене, дрожащей, словно воздух в жаркий день над пашней. Мы взглянули на стену и увидели облачное небо. Потом раскрылась панорама с высоты примерно тысячи метров. Пустыня, горизонт слегка размыт. Видимость поразительная. В центре панорамы город, вернее — колоссальный купол, сверкающий на солнце, разноцветный, выложенный плитками из цветного стекла или пластика. К нему вел канал. Несколько дорог, обсаженных бурым и голубым кустарником. По каналу плывут корабли — те, что мы видели на фресках, в воздухе несколько летательных аппаратов. По дороге идут закрытые машины. Правил движения — никаких: движутся хаотично, но не сталкиваются. Пожалуй, программное управление, как у нашей «черепашки» с «недремлющим оком». Несутся на огромных скоростях, увертываясь друг от друга. А вот и вторая дорога, там нормальное левопутное движение, скорость километров триста!

— Первая — дорога для прогулок, — сказал я тоном гида, — а вторая — рабочая.

— Так оно и есть, — поддержал меня Антон. — Их забавляло ощущение опасности. Но вот катастрофа! Столкнулось несколько машин. Все движение приостановилось. На место происшествия опускается планетолет. Виляя среди машин, мчится «карета скорой помощи», черная с красными продольными полосами. Пострадавших увозят не в город, куда-то даль-

* Продолжение. Начало в № 8 и 9 за 1973 год.

ше, за горизонт. Планетолет поднимает обломки, тащит на свалку. Да, это тот самый город, в котором мы находимся сейчас!

— Совершенно верно, — подтвердил я. — Он самый.

Мне нестерпимо захотелось рассказать обо всем, что я узнал о городе и о жизни марсиан. Правда, сведения эти поступили мне в голову как-то отрывочно, кое-что было неразборчиво, непонятно, будто попадались неточные слова, искажавшие смысл. Но я синхронно их редактировал и, запинаясь, стал выкрикивать, как популярный комментатор Иван Потехин на состязании фигуристов:

— Мы наблюдаем жизнь марсиан в период упадка их цивилизации, когда уже почти не оставалось растительности, были растрачены запасы кислорода, воды. Вечно идущие жили в «закрытых городах». (Я впервые назвал так марсиан, словно вспомнив об этом.) В дальнейшем кино «прямого соучастия» познакомит вас (мне казалось, что я все знаю) с прочими сторонами жизни Вечно идущих. В эпоху «заката» исчезли новые идеи, все было достигнуто, все желания осуществлены. Сохранилась лишь неутолимая жажда развлечений — от наиизысканнейших и до самых грубых. Почти все занимались поисками новых и новых доселе не испытанных ощущений. Игра, которую вы наблюдаете, называется «одиночная прогулка». В ней участвуют несколько человек. Заключалась она в том, что у одной из машин дорожный регулятор выключал управление. У какой — никто не знал. Страшного ничего не происходило, экипажу обеспечивалась практически стопроцентная безопасность. Ломались одни корпуса. В данном состязании по непредвиденной случайности пострадал один из участников игры, его увезли в центр регенерации, где ему заменят глаз и ногу.

Мы летели, судорожно ухватившись за подлокотники кресел. Под нами проплывала пестрая равнина, разграфленная сетью каналов, с зеркалами водохранилищ, над городами не было куполов.

— Поля и леса! — воскликнул Антон. — Все занято растительностью. Я совсем не вижу пустыни! А ты, Ив?

И я не видел пустынь. Солнце стояло над головой: мы летели над экваториальной зоной. Нас мягко покачивали восходящие потоки воздуха, ощущался терпкий запах невиданных растений.

Антон сказал:

— Жили они здорово. Все засеяно. Мы попали в эпоху, когда еще не изготавливали искусственной пищи.

Наш странный марсианин исчез. Иногда сбоку повисала авиетка, из-за прозрачных стенок кабины на нас смотрели большеглазые существа, казалось, одного возраста, детей совсем не было. Мы не замечали их и на суше, на улицах городов, когда нас опустили ниже и мы летели, едва не касаясь крыш домов. В ту пору марсиане еще предпочитали передвигаться пешком. Они спешили по улицам, виднелись группы о чем-то разговаривающих и при этом воздевавших руки к небу людей. Впервые услышав о марсианах с воздетыми к небу руками, Вашата сказал:

— Приветствие! Манера вести мужской разговор.

— Конечно, обычное приветствие, как наше рукопожатие, — заключил Макс Зингер.

Поражало разнообразие в одежде. Впоследствии, когда мы нашли марсианские записи, то увидели, как создавалась одежда для каждого времени суток, для деловых встреч, занятий, прогулок, размышлений. Особенной изобретательностью в ней блистали женщины.

Сейчас изданы альбомы марсианских мод, взятые на вооружение земными костюмерами, вы сами уже убедились, как трудно описать словами, например, костюм для поездки на Великий канал, состоящий более чем из трехсот деталей, или костюм для размышлений в вечерние часы, не говоря уже о нарядах для парадных приемов или карнавалов в честь «Великого противостояния».

Что-то неуловимое роднило нас с этим непонятным народом, не только внешняя схожесть, скорее духовная общность.

— Ну конечно же, — сказал Антон, поняв, о чем я думаю, — у меня такое ощущение давно, мне даже кажется — я знаю, о чем они сейчас говорят.

Мы совсем забыли про Вашату и Зингера. Но скоро они напомнили о себе, появившись рядом в таких же оранжевых креслах.

Вашата сказал:

— Полная фантасмагория! Непонятно, как они это делают?

Зингер молчал, глядя вниз: мы летели над водохранилищем, и на голубовато-фиолетовой воде виднелось множество судов с необыкновенно высокими мачтами и разноцветными, непомерно большими парусами.

— Гонки! — сказал Вашата. — Все-таки что с нами творится? Что это...

Я не услышал конца фразы. Мы опять очутились в зале возле черного цилиндра, в оранжевых креслах перед гигантским пустым экраном. Вашата и Зингер исчезли. Марсианин сказал по-русски:

— Сеанс прекращен. После еще. Очень, более важное.

Слова он произносил необыкновенно правильно, голос звучал тепло, дружественно. Несмотря на все потрясения, пережитые за последние часы, это существо, заговорившее по-русски, буквально ошеломило нас. Секунд тридцать мы молчали, глуповато улыбаясь, с недоверием глядя на бородатый, бесстрастный лик копии марсианина. Он, должно быть, разобрался в сумбуре наших мыслей и сказал:

— Да, уже научился, понял принцип мышления. Ранее я слушал, передавал волновые сигналы в образах. Подходил к разгадке. Теперь общение дало много, только недостаточно для полного понимания. Говорите, думайте быстро, научусь мгновенно.

Антон остановился, пораженный: на экране возник необыкновенно четкий снимок нашей планеты, в мантии облаков, между которыми проглядывала синь океанов и контуры Африки.

Марсианин сказал:

— Мы знаем. Ждали. Долго...

В шлеме загудел взволнованный голос Вашаты:

— Ив, Антон!.. Кто с вами сейчас разговаривает?

— Все в порядке, Христо, — ответил Антон. — Это наш друг-марсианин. Как видишь, он уже говорит по-русски.

— Опять фокусы? — сказал Вашата.

— Какие фокусы? — возмутился Макс. — Как ты не понимаешь, мы здесь в сфере других понятий, другой культуры.

— Постой, Макс. Ребята! Все же — кто он? Не может быть, чтобы... какая, вы сказали, у вас там температура и состав воздуха?

— Минус сто десять и почти чистый углекислый газ, — ответил Антон.

— Вот видите... — проронил Вашата.

— А что здесь особенного? — в голосе Макса послышалось искреннее удивление. — Так завершилась их цивилизация. Все мысли, способности, знания марсиан сконцентрированы в копии искусственного мозга. Он и еще некоторые остались в этом «Холодном доме». Они и есть последние хранители всего...

— Чего всего? — спросил Вашата.

— Ну — всего, что осталось. Неужели не понимаешь, что дело зашло в тупик?

Хозяин «Холодного дома» немедленно ответил:

— Тупик — непонятно. Искусственный мозг — понятно. Я копия Вечно идущих. Я остался ждать. Исполнить Миссию. Великую Миссию. Мы вас ждали...

Он пошел из зала, роботы у панели повернулись к нам, их глаза-окуляры мрачно сверкали. И в то же время нам не было страшно. Напротив, нас охватило спокойствие, чувство единства с этими созданиями марсианского гения.

Я подумал: «Какая миссия у этого бородача? Зачем они нас ждали? Все-таки — где мы? Что это за строение? Что сокрыто в черном цилиндре? Из чего он сделан?»

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Я старался сосредоточить все внимание на стенных фресках. Сейчас мы проходили мимо огромной картины: на фоне Млечного Пути мчался корабль, по форме напоминающий манту.

— Манта? — спросил наш спутник.

Он надолго задумался и сказал:

— Млечный Путь — понятно. Вечно идущие называли иначе. — Он пропел длинную непонятную фразу и тут же перевел: — Большое колесо.

Я подумал: «Он читает у нас не только в сознании, но где-то глубже, о «колесе» у нас и речи не было».

Он проводил нас до порога.

— Еще будем вместе, — сказал он, — необходимо быть вместе. — Видимо, ему действительно не хватало слов, и он повторил что-то по-марсиански. Нам показалось, что мы его поняли.

Антон ответил:

— С вашими способностями вы очень скоро в совершенстве овладеете языком. И передадите нам поручение Вечно идущих.

— Сегодня продолжим обмен информацией, — он построил фразу неожиданно гладко, — когда спадет нервное напряжение.

— Пожалуйста, будем рады, — ответил Антон. — Только, к сожалению, мы не можем вас пригласить к себе на корабль.

— Можно, — сказал он, — можно. Увидимся.

— Здесь действительно все можно, — сказал Вашата, — все-таки уговорите его остаться. Назначьте время, допустим, завтра в десять утра или когда ему будет угодно.

— Завтра тоже. И сегодня тоже, — ответил наш несговорчивый хозяин.

Поскрипывая, за нами закрылась дверь. Мы очутились на улице, в кромешной тьме. Ветер стих. Странно было видеть на чужом небе знакомые, земные созвездия.

На дверях опять появилось желтое светящееся пятно и поплыло, указывая путь к «черепашке».

— Он к тому же еще и парень не без юмора, — сказал Макс. — Ведь прекрасно знает, что в наш корабль ему не проникнуть, хотя неплохо бы принять его, расспросить в домашней обстановке.

— Дело серьезное, — сказал Вашата, — ссориться с ним нельзя. Если он все-таки появится возле «Земли», надо деликатно растолковать ему, что мы бесконечно рады, но пока не готовы его принять.

— Действительно, ребята, — опять раздался голос Макса в наушниках, — неужели никто из вас не догадался сказать ему, что он может занести нежелательную флору и фауну? А теперь он явится с ответным визитом, а мы — извините, хозяева не принимают. Ничего себе — гостеприимство!

— Он поймет, — сказал Вашата. — Должен понять. Гоните «черепашку»! А если пожалует Артаксеркс, Макс вступит с ним в дипломатические переговоры.

Так робот-марсианин получил имя. Действительно, своей пышной бородой и своеобразным лицом он напоминал древневосточного владыку. Дальше этого наша фантазия не пошла. Скоро мы стали звать его просто Артом.

Визит Артаксеркса

Мы находились в столовой, когда Макс прокручивал дневные видеозаписи довольно плохого качества, зато фоническая часть была выше всяких похвал. Разгорался спор. Макс, например, считал, что наше путешествие в оранжевых креслах всего лишь кинотрюк, основанный на каком-то непонятном излучении.

— ...Что-то вроде биоволн. Вы считаете, я несу ересь? Нет, постой, Христо, и ты, Антон, дайте мне изложить мою гипотезу. Все дело в том, что... — Он умолк, уставившись в угол столовой, на его лице застыла растерянная улыбка. И было от чего: там стоял... Арт.

«Как он попал сюда? Как он открыл броневую дверь, прошел через шлюз?» — было моей первой мыслью.

Антон глубоко вздохнул и протер глаза.

— Добрый вечер! — приветствовал Вашата. — Мы думали о вас, хотя и не рассчитывали увидеть вас на корабле. Пожалуйста, садитесь, — он встал, уступая свое место у стола. — И прошу познакомиться. Меня звать Христо Вашата, нашего друга, с которым вы еще не знакомы, — Макс Зингер.

— Я здесь, чтобы слушать. Запоминать. Надо много понятий. Важная Миссия,—сказал Артаксеркс и, мгновение помедлив, добавил: — Обратная связь.

— Так это не он! — первым догадался Антон, — это его копия. — Он протянул руку — она прошла сквозь иллюзорного Артаксеркса.

— Копия, — подтвердил гость. — Больше говорите. Думайте. Мне необходимо знать все понятия.

Макс выключил обзорные локаторы, и наш гость исчез.

— Действительно — обратная связь, — сказал Вашата и снова включил радиоканал. Марсианин появился, но на этот раз в другом конце столовой, возле плиты.

— Мы выясняем технику вашего появления, — сказал Вашата, — извините. Для нас такой вид общения несколько необычен.

Артаксеркс ответил:

— Нельзя прерывать обратную связь. Нарушение контактов.

Придя в себя, Макс кинулся за съемочной камерой и, вернувшись, навел ее на изображение марсианина.

Вашата сказал:

— Какие же мы олухи! Ведь у нас есть специальные словари, которые десять лет разрабатывались космологами в расчете на встречу с представителями высшего разума.

И мы стали по очереди напичкивать гостя словарной премудростью. Тот торопил нас:

— Быстрей! Скорей! Еще скорей!

Когда первый словарь был прочитан, Арт сказал:

— Макс! Неси еще. Все неси. У тебя есть еще три словаря.

— Да, но один специальный, технический.

— Неси живо! Все!

Вскоре трое из нас, подгоняемые Артом, читали словари. Но даже такой темп показался ему слишком медленным, он придвинулся к столу и заставил Макса быстро перелистывать страницы, мгновенно считывая весь разворот листа, все запоминая, анализируя, сопоставляя в гигантском своем уме.

Когда вплоть до последнего слова все было прочитано, Арт сказал:

— Запас исчерпан. Словарей больше нет. Есть понятия в хранилище вашей памяти. По мере надобности буду извлекать. Теперь имею возможность сообщить звучание моего имени. Назвав себя, вы ждали того же от меня. Но тогда у меня не было шести фонем, обозначающих мое имя. Меня назвали мои создатели так... — последовала длинная певучая фраза. — Что значит: Рожденный в день великой кровавой бури, в мгновенье умирающей надежды.

— Красивое, хотя и печальное имя, — сказал Вашата, — по нашим понятиям, длинноватое.

— Согласен. В нем звучит то, что вы называете — пессимизм. Имя, данное мне вами, короче, напоминает вам имена, близкие на Звезде надежды. Я буду носить ваше имя до поры возрождения. Вы утомлены. До завтра. Прощайте!

И хотя мы запротестовали, изображение Артаксеркса растаяло.

— Что вы на это скажете? — воскликнул Макс.

Вашата предусмотрительно выключил локаторы.

— Так лучше, — сказал он. — Все же, ребята, мы должны не только не говорить, но даже и не думать ничего лишнего. Он должен посвятить нас во что-то необыкновенное, рас-

крыть какую-то тайну, может быть, жизненно важную для Земли.

— Ты прав, Христо, как всегда, прав. — Макс понизил голос до шепота и оглядел столовую. — Я до сих пор под впечатлением, нет, не от посещения Арта — от путешествия в оранжевых креслах. Отбросим в сторону технику эффекта соприсутствия... А не приходило ли вам в голову: психика марсиан та же или почти та же, что и у нас.

— Логично, — сказал Антон, — что-то подобное казалось и нам, когда мы летели над цветущими полями Марса.

— Ребята, достаточно на сегодня! — Христо нахмурил густые брови. — Ив, на вахту, остальные — спать.

Во время моей вахты, когда я по инструкции включил сторожевые локаторы, появился Арт, и я, подгоняемый его молчаливой сосредоточенностью, быстро перелистал ему «марсианские хроники» Брэдбери, спросив, нравится ли ему книга.

— Напоминает ранние записи Вечно идущих.

— Но все-таки нравится или нет? — настаивал я.

На это он ответил, что у него нет чувства — «нравится», «не нравится». Все, что он воспринимает, служит ему только для выполнения его Миссии. И уклонился от ответа: что за Миссия.

На вахте меня сменил Макс.

Утром он восторженно доложил:

— На прощанье Арт пригласил нас к себе в двенадцать пополудни по марсианскому времени. Он сказал, что девятьсот лет находился в анабиозе при температуре, близкой к абсолютному нулю. Как только мы прилетели сюда, автоматы подняли температуру до минус ста шестидесяти. Роботы исправили наружные антенны и стали вести за нами наблюдения. Они ждали нас в своем холодильнике.

Вашата спросил:

— Ты не узнал, что у него за миссия?

— Говорит, что мы увидим сами. Ему приказано показывать, а не рассказывать.

— Что показывать? И кто приказал?

— Последние из Вечно идущих. Так он, по крайней мере, заявил. Я спросил: «Может, Вечно живущих?» Он ответил: «Жить — идти вперед».

— Пойдете опять вы с Ивом, — сказал Вашата. — Мы с Максом не имеем права пускаться в такие рискованные предприятия.

Туарег в операционной

Тяжелая дверь снова ушла в стену. Арт встретил нас так же церемонно с целой свитой роботов. Я насчитал их около трех десятков. Оказалось, за несколько часов Арт передал если не всю, то, по крайней мере, большую часть информации своим помощникам. Краснобородый робот сказал, дотронувшись трехпалой рукой до моего плеча:

— У вас прекрасная защита. Белковые гуманоиды не смогли бы существовать, лишенные такого покрытия.

Мы входили в одну из комнат-лабораторий, посередине которой находился идеально отшлифованный брус густого черного цвета, длиной около двадцати метров, высотой более метра и шириной в метр.

— Сейчас мы выполним ваши желания, — сказал Арт.

Роботы стали вдоль черного бруса.

— Что за желания? — спросил Антон.

Арт не ответил, на брусе появился ажурный ларчик, тоже черного цвета, а может быть, он там и стоял, да мы не заметили.

— Прибор для прослушивания говорящих пластин.

Из ларчика неожиданно полилась певучая речь.

— Христо Вашата хотел этого. Говорящая книга. Требуется переводчик. Сложное устройство. Они, — Арт указал на роботов, — сделают скоро. Завтра.

— Возможно, им тоже что-то от нас надо? — прошептал Макс.

— Очень многое. Не сейчас. Позже. Великая Миссия. Сейчас мы выполним еще одно ваше желание. Вы думали об этом после встречи со мной и другими существами — роботами, как вы их называете. Ваш робот примитивен. Даже опасен. Необходима модернизация. Это скоро. Теперь.

— Ты слышишь, Христо? — спросил я.

Послышались тяжелые шаги: два желто-черных робота внесли Туарега.

— Это стол. Не брус. Брус имеет другое назначение. В строительстве. Стол удобен, — пояснил Арт.

Туарега мягко положили на черный стол. Роботы, как хирурги, склонились над ним с двух сторон. Другие несли от стен, где находились встроенные шкафы, детали для ремонта бедного Туарега.

— Специфика, — сказал Арт, — нам нельзя терять времени. Вы скоро должны возвращаться на Звезду надежды. — И он, увлекая нас от черного стола к дверям, как и вчера, важно зашагал по коридору, сверкая глазом на затылке; за нами в некотором отдалении шел краснобородый.

— Ты заметил, — спросил меня Антон, — что сегодня фрески совсем другие? Вот здесь был пейзаж с животными, похожими на наших лам, и тремя марсианами, видимо пастухами, а сейчас море.

Я не приметил вчера фрески с пастухами, а сейчас действительно слева переливалась пепельно-сиреневая гладь, уходившая в бесконечную даль. Только море и теплое, глубокое небо жемчужного цвета.

Я подумал, что Арт стремится показать нам, какой прекрасной была его планета. Невольно сердце сжала щемящая тоска, но тут же отхлынула: я стал смотреть на все холодным, оценивающим взглядом. Теперь, мне казалось, я начинал познавать причины гибели цивилизации Вечно идущих.

— Вечно идущие! — делился я вслух своими мыслями с Артом. — Не так уж долго они шли... И сколько совершили ошибок. Зачем было строить города под куполами, когда не существовало надежной защиты от метеоритов и радиации? Погубив атмосферу, надо было уходить в недра планеты, тем более что там размещалась почти вся их промышленность. Нам непонятна их логика, да и была ли она во всем, что произошло? На что надеялись ваши Вечно идущие? И почему только ты и горстка тебе подобных остались ждать неизвестно чего? — Я говорил непозволительно резким тоном, с чувством противного превосходства над «жалким роботом», причем я сознавал все это и не мог удержаться, словно кто-то снял в сознании привычные ограничители, вывел из строя сдерживающие центры.

— Прекрати сейчас же! — сказал Вашата так, что меня прошиб пот. — Антон! И ты хорош. Ты что, не в состоянии напомнить ему, где и с кем вы находитесь?

— Ив, по существу, прав, — как-то вяло ответил Антон.

Арт все поставил на свои места.

— Эмоциональная неуравновешенность, — сказал он, сверля меня затылочным глазом, — свойство гуманоидов на всех ступенях развития. Только отдельные особи умеют подавлять в себе подобное состояние психики.

Вашата сказал:

— Арт! У меня такое ощущение, что ты спровоцировал Ива. Для какой цели? Возможно, таким способом ты изучаешь наши характеры, знакомишься с нами?

— Истина! Да! Знакомлюсь! Я должен знать, могу ли доверить Великую Миссию. Вы раскрываетесь в крайних противоположностях.

На этот раз прием в «Холодном доме» окончился неожиданно быстро. Выйдя из операционной, мы прошли до красной стены в конце коридора и повернули назад, дверь в залу с черным цилиндром была наглухо закрыта.

На прощанье Арт пообещал заглянуть на корабль и поторопил:

— Двигаться следует быстрее: мо-

жет начаться пылевая буря, нарушится связь.

Во время бури нас порядочно потряхивало, хотя «Земля» превосходно держалась на своей треноге. Вашата поставил дополнительные упоры: взрывные якоря, вытягивая тросы, ушли глубоко в скальный грунт. Теперь никакие силы не могли бы их вырвать оттуда. При отлете пиропатроны просто перервут оттяжки.

До начала страшных марсианских бурь было еще далеко. Сейчас возникали только маломощные циклоны, набрасывая сетчатые тени на метеокарты, передаваемые со спутников. Один из таких вихрей и налетел на нас, скорость разреженных частиц воздуха и увлекаемой им пыли достигала не меньше ста девяноста метров в секунду. Космоцентр запретил работы вне корабля, и мы занялись составлением и передачей на Землю тех нашумевших программ, которые и поныне еще показывают в кинохронике, особенно в Неделю космонавтов.

На третий день после последнего посещения «Холодного дома» на экране сторожевого локатора показался припудренный пылью Туарег. Все эти дни Арт ни разу не давал о себе знать. Макс даже высказал предположение, что он «запорол» нашего робота, но вот он, целехонький, перешел границу космодрома и шествовал прямо к кораблю. Он нес что-то вроде чемоданчика желтого цвета. Подойдя к кораблю на двадцать метров, Туарег остановился и неожиданно заговорил:

— Я пришел, чтобы служить вам. А это для вас, — и он протянул желтый чемоданчик.

Звучащие письма

Первое время Туарег пугал нас своей сообразительностью, умом, я не беру это слово в кавычки, он действительно блистал умом, необыкновенной памятью, был предупредителен, вежлив — но таков уж был наш новый Туарег.

Макс высказал печальное предположение, что наша психика, по-видимому, настолько примитивна для Арта, что он с необыкновенной легкостью изготовил нам эту «игрушку».

За последнюю неделю Арт появился на «кухне» только один раз, сообщив, что «готовит нечто очень важное». В чем заключалось это «важное»? Почему он перестал говорить о Великой Миссии? Каких только предположений мы не высказывали в те тревожные дни.

Вечерами, собравшись вместе, мы прослушивали звучащие книги. Помимо пластин со множеством отверстий, книги имели различную форму, и только благодаря Арту, его коллеге Барбароссе и Туарегу мы узнали о таком разнообразии книжной продукции на Багряной планете. Например, знаменитая статуэтка «ажурной» девушки с распростертыми руками была не чем иным, как прибором для хранения и озвучивания мыслей.

Язык марсиан напоминал мелодичное пение с придыханием на концах фраз, иногда переходящим в свист. Трудность при создании дешифратора заключалась главным образом в том, что некоторые фразы выпадали из общего фонетического строя, создавались кажущиеся паузы, на самом же деле информация здесь передавалась посредством биоволн. Странно, что таким способом «зашифровывались» совсем простые понятия. Арт объяснил, что запись на пластинах относится к тому периоду, когда телепатическое общение начинало вытеснять разговорную речь.

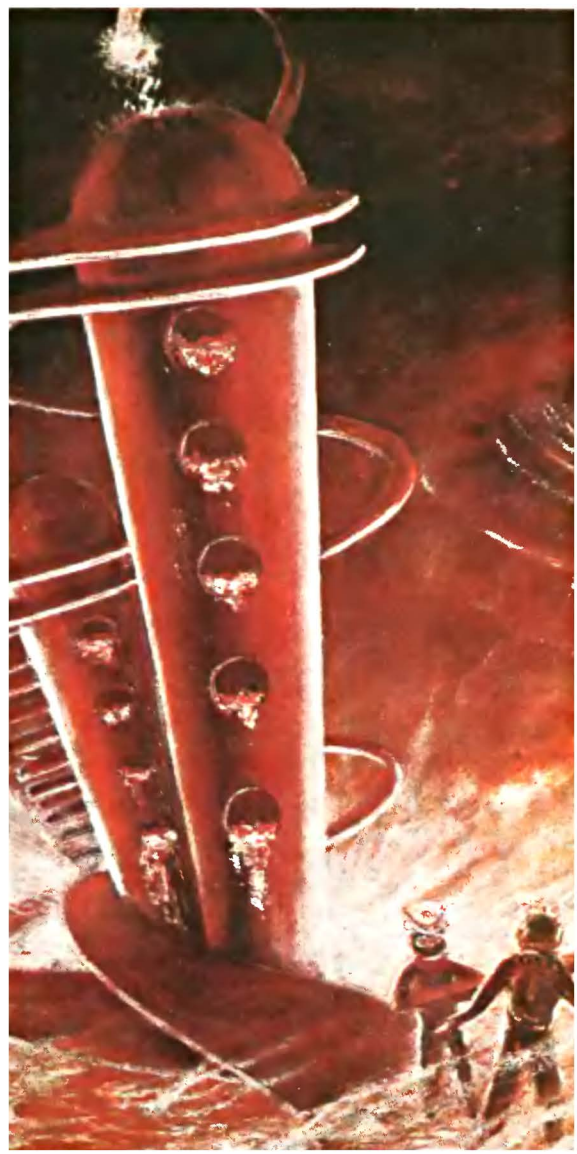
Вы можете понять наше состояние, когда мы впервые услышали голос Вечно идущих и поняли смысл их записей. Даже в грубом переводе звучащие книги были полны поэзии. Два вечера мы слушали роман, а возможно, и подлинное описание экспедиции на «Далекие острова» — в таком переводе мы услышали название солнечной системы, куда устремился корабль Вечно идущих в поисках новой родины. Роман полон драматизма. Сейчас он вышел у нас отдельной книгой. На остальных пластинах были бортовые дневники с космолета, посетившего нашу Землю. Вот что рассказала одна из записей:

«Может быть, она единственная во всем Звездном витке: она близка к лучезарному светилу и полна трепетной жизни. На ней по закону трагических несоответствий находится колоссальное количество воды. Почти вся планета покрыта водой, ее атмосфера перенасыщена парами этого драгоценного вещества, родящего жизнь. Здесь можно было бы дышать без изоляционных костюмов, не будь в воздухе столько микробов, свойства которых мы еще знаем так мало, что рискуем пойти на верную смерть, сняв с себя защитные одеяния...»

И дальше после пропуска:

«Миллионы оборотов должна совершить Багряная, пока на Звезде надежды умолкнет грохот вулканов, поднимутся из воды материки, моря займут стабильные ложа, и, может быть, вот из этого животного, волочащего хвост по песку, следуя законам совершенствования материи, возникнет мыслящее существо, отдаленно схожее с нами, потому что наивысшие формы разума должны иметь общие черты.

(Продолжение следует)



С.Гавриш «Небесный огонь»

«Убегающий след сопряженных»

Геннадий Голобоков «Ковер-самолет»

Сергей ЖЕМАЙТИС

Рис. Р. Авотина

Багряная планета

Научно-фантастический роман

Продолжение. Начало в № 8—10 за 1973 год.

ЭКИПАЖ ПЛАНЕТОЛЕТА «ЗЕМЛЯ»

Христо Вашата — командир и первый пилот,
Антон Федоров — бортинженер и астронавигатор,
Макс Зингер — врач и биолог,
Ив Карден — бортмеханик.

Дворец Великих решений

Черный цилиндр посреди зала, пульсирующий экран, у черных панелей роботы, оранжевые кресла — все, как и в первом сеансе, только теперь у кресел слева стоял Барбаросса. Блаженный покой охватил меня, мышцы расслабились, все дорогое для меня как бы отдалилось, и я смотрел на него издали, снисходительным оком, будто перебирая пожелтевшие письма, читая в каждом по нескольку строк. И в то же время я знал, что самое важное впереди, что оно вскоре произойдет. На стене вырисовывалась даль: равнина, пятна растительности, полосы дорог, ведущих к городу, темные, почти черные горы на горизонте. Все это овевалось музыкой, неуловимой мелодией, издаваемой поющими песками. Так же неощутимо, как при переходе от яви ко сну, я перенесся в далекое прошлое планеты, только на сей раз путешествие протекало не в оранжевых креслах, а в бесколесной машине с плавным, бесшумным ходом, несшейся в метре над дорогой.

Кроме меня и Антона, в четырехместном экипаже не было больше никого. Над нами с легким свистом пролетали спортивные одноместные и двухместные аппараты, похожие на гигантские разноцветные капли расплавленного стекла. Весь этот поток машин двигался к городу в серой полумгле. Иногда видимость совсем исчезала, хотя в кабине было довольно светло: тусклое мерцание проникало сквозь прозрачную кабину.

— Воздух светится, — догадался Антон. — И все же столько пыли! Может, загрязнились стекла? Или нет? Смотри, стекла абсолютно чисты.

— Дым? — сказал я.

— Возможно. А что горит?

В этот миг ослепительный свет залил все вокруг, наша машина вздрогнула. Несколько вспышек последовали одна за другой.

— У них что-то происходит, — сказал Антон и сжал мне руку. — Не нравится мне эта поездка, Ив... Каким образом он нас засунул сюда? И зачем ему все это?

Эта же мысль уже не раз приходила в голову и мне. Угнетало еще и то, что не было связи с кораблем. Только при въезде в шлюз городских ворот явственно раздался голос Макса:

— Говорит «Земля»! Антон, Ив! Где вы, что с вами?

— Все в порядке, — ответил Антон, — едем в каком-то такси с программным устройством.

— Мы вас совсем не видим, — сказал Макс. — Арт, что ли, со своими помощниками начудил?

Антон начал тоном спортивного комментатора:

— Въезжаем в город, через шлюз. Поток машин. Низкий туннель. Находимся во второй камере, довольно быстро переходим в третью. Слышно, как работают воздушные насосы. Вот мы и в городе. Широкая улица, по сторонам низкие дома с узкими окнами. На плоских крышах — сады.

— Деревья? — спросил Макс.

— Что-то типа кактусов, есть и лиственные с голубой и багряной листвой. Сейчас мы на круглой площади. Выходим из машины. Она движется к туннелю и уходит под землю, в нижний ярус города, в гаражи. Мы в толпе марсиан. На нас обращают внимание. В толпе скромно одетых марсиан выглядим мы, конечно, довольно экзотично.

— Скромно одетые марсиане? — спросил Макс.

— Да, у них сегодня очень простые одеяния по сравнению с теми, что мы наблюдали из кресел. У женщин ниспадающие каскадами складок платья из тяжелого материала блеклых тонов. На ногах сандалии с широкими пружинящими каблуками. И потрясающие прически! Настоящие архитектурные сооружения высотой чуть ли не в метр. Мужчины в трико. Судя по всему, мы идем на какое-то собрание.

— Вы особенно не вживайтесь в события, — посоветовал Вашата, — помните, что все это иллюзия.

— А вдруг нет? — заметил Макс.

Я тоже подумал об этом, почувствовав, что дышится мне тяжело, будто в прокуренной комнате, должно быть, сказывался избыток углекислого газа. Все же мы чувствовали себя сносно. Вдруг по толпе прошел шепот, это марсиане подались к стенам домов, образовав широкий коридор посреди дороги. Все выжидательно повернули головы, подняв для приветствия четырехпалые руки. Послышалась тяжелая поступь. В образовавшемся проходе показался необычайно высокий, худой старец. Он двигался медленно, опираясь на одного из роботов, второй несколько поотстал. Наше внимание приковывало серое, словно высеченное из песчаника, лицо со впалыми щеками, подбородок едва прикрывала реденькая сивая бородка. Было заметно, что этот много поживший человек перестал заботиться о своей внешности. Свободную руку он держал у плеча, внимательно обводя взглядом лица. На какое-то мгновение он задержал взгляд на нас и согнул длинные пальцы руки, поднятой для приветствия.

— Великий Стратег знает о вашем прибытии, он приветствует вас.

Мы оглянулись, за нами стояло синеглазое существо, ростом чуть ниже Антона, то есть, по марсианским масштабам, совсем маленькая женщина, и что-то в ней было совсем земное — в одежде, в прическе, в костюме.

— Мне поручено вас сопровождать. Быть вашей тенью. — Она улыбнулась, показав прекрасные зубы. Рот у нее был крупный, тоже совсем земной.

Она спросила Антона:

— Ты хочешь знать, как меня зовут?

— Да. Я подумал об этом.

Она пропела длинную фразу, голос ее стал нежней, музыкальней, проникновенней. И тут же перевела:

— Всегда вселяющая радость.

— А короче? — спросил Антон.

— Друзья зовут меня просто. — И опять она пропела что-то среднее между НИИ и ЛИИ.

— Ли! — почему-то обрадовался Антон.

— Можно и Ли. Ли даже приятней.

Следует сказать, что весь разговор носил необычный, странный характер — под стать всему, что происходило с нами и вокруг нас. Вначале я не слышал нашей спутницы, просто в сознании возникали ее слова, а через некоторое время я даже стал воспринимать фонетическую окраску ее голоса, напоминающего звучание флейты.

— Как хорошо, что тебе нравится Багряная планета, — говорила она Антону. — Во Вселенной нет ни одного мыслящего существа, которое не восхищалось бы нашей звездой. И ты полон восторга от всего увиденного. Я благодарна тебе, человек со Звезды Надежды!

— Ну за что же! Я тоже благодарен тебе. Но куда мы идем? Почему вокруг столько людей?

— Во Дворец Великих решений...

Черный старец скрылся в глубине входа во дворец. Движение замедлилось.

Ли пропела и тут же перевела:

— И ваша звезда прекрасна. Я представляю, какие ощущения испытываете вы под жаркими лучами светила или под завесой растений, но особенно — погружаясь в водоемы, полные прохладной воды, они у вас бесконечны.

— Ты была на Земле? — удивился Антон.

— Видела в записях. Не ту Землю, с которой прилетел ты и твой спутник — друг, а другую, далекую от вас. Как жаль, что мы не можем жить там.

— Но почему? Мы найдем место и для вас.

— Нет. Земля, как ты называешь Звезду Надежды, непригодна для жизни Вечно идущих. Несколько колоний погибли. Ты не понимаешь меня?

— Нет.

— Разрыв во времени, Антон. Ты прибыл к нам из другого времени. Более позднего. Сейчас и ты бы не

смог жить на Земле. Между нами миллионы оборотов. Но ведь это так просто — переходить из одного времени в другое. Просто, как изначальная частица, как вакуум.

— Неужели это возможно?

— Ну конечно! Разве перед тобой не реальность?

— Все как будто на самом деле, и в то же время нет-нет да и мелькнет мысль, что с нами происходит что-то необыкновенное, неясное...

— Все никому не ясно, — отвечала наша спутница.

С появлением Лилианы связь с кораблем прекратилась. Вначале я этого не заметил, не говоря уже о моем друге, которого захватило, как вихрь, это сказочное существо.

Между тем мы уже вошли в помещение, похожее на гигантскую воронку. Далеко внизу, в центре, светилось серое пятно. Сидений не было. Вечно идущие растекались по широким ступеням и останавливались. Мы спустились почти к самому серому пятну. Ли остановилась у его края. Ни один звук не нарушал тишины. Вечно идущие двигались, как персонажи в немом кинематографе. В этой абсолютной тишине я несколько иронически воспринял, кстати, тоже беззвучную фразу Ли:

— Вас приветствуют все Вечно идущие, и Великий Стратег, и все, кого здесь нет. Они видят вас и шлют пожелания счастья. От вашего имени я благодарю Вечно идущих и также желаю им никогда не увидеть Вечной ночи.

— Ну конечно, конечно... — сказал я, и мой голос, как в горном ущелье, громом отдался под сводами дворца.

— Зал не приспособлен еще для звукового общения, — сказала Ли. — Вот сейчас можно.

Я поблагодарил; теперь мой голос звучал четко, но тихо. Все лица повернулись к нам. Вечно идущие приподняли руки к плечам. Мы с Антоном повторили их жест. Великий Стратег в сопровождении уже знакомых нам роботов появился на сером пятне сцены.

— Секретари и врачи, — ответила Ли на наш немой вопрос.

Я привожу речь Великого Стратега, автоматически записанную на магнитную нить фонографа, вмонтированного в мои часы. Ли переводила:

— Я склоняю голову, благодаря непознанные силы Вселенной, создавшие разум, который не угаснет, пока светят звезды, а звезды будут светить всегда.

После небольшой паузы он продолжал:

— Вечно идущие Багряной счастливы видеть братьев со Звезды Надежды! Мы, жившие миллионы оборотов до вас, счастливы, что разум вспыхнет еще на одной планете. Когда на Звезде Надежды материя еще трепетала в родовых муках, мы знали, что вы явитесь из семени жизни, поднимете к вершинам разума, подхватите факел познания и понесете его дальше, вместе с нашими потомками к свету дальних звезд. Вечно идущие благодарны своим детям, не потерявшим память к пославшим их по бесконечной дороге жизни. Выбрано мгновение, когда дороже всего знание будущего. Ожидающее нас испытание не остановит Вечно идущих! Разум бессмертен!

Затем Великий Стратег говорил о другом событии, которое он считал менее важным, чем наш прилет из будущего. На Багряную обрушился космос! Пылевое облако пересекает орбиту планеты, исполнилось уже два оборота Багряной вокруг Солнца, с тех пор как марсиане не видят неба и звезд. Еще задолго до появления облака Стратеги о нем знали. Были сооружены крытые города, защищающие от мелких метеоритов. Но теперь близится ядро скопления, где сосредоточены обломки большой массы. Великий Стратег предлагает использовать всю мощь планеты и отклонить метеориты от Багряной. «Опасность велика, — говорил он, обращаясь к нам. — На пути в город вы ощущали удары и видели пламя сгорающих в атмосфере частиц некогда цветущего мира. Там, в далеком космосе, Вечно идущие не смогли отвратить беды, и теперь пепел от их жилища обрушивается на Багряную».

Наконец Великий Стратег устало опустил правую руку, и все вновь подняли руки в приветствии. Затем он и его спутники исчезли, словно растаяв на сером фоне сцены.

Марсиане расходились по ступеням зала и, подхваченные эскалаторами, покидали Дворец Великих решений.

— Уже пятьсот оборотов, как не было такого большого совета, — сказала Ли.

— И такого короткого? — спросил я. — Поэтому все и стояли?

— Было выражено необыкновенно много мыслей. Помимо присутствующих, все Вечно идущие высказывали свои мнения.

— А результаты? — спросил я. — Что же решено предпринять?

— Пока только высказаны мнения, решат мыслящие машины не позже завтрашнего дня. Будут учтены мнения всех.

— Такой простой вопрос, — сказал я, — разгонять «облако» или ждать, какие еще сюрпризы оно таит в себе... Так к чему весь этот форум?

— Все гораздо сложнее, — ответила Ли. — Чтобы ответить «да» или «нет», надо учесть бесконечное количество величин.

Нет, я ничего не понимал в структуре их управления. Перед эскалатором образовалась небольшая очередь. Ли сказала:

— Ваш прилет воспринят как доброе предзнаменование. Настроение Вечно идущих поднялось выше нормы. — Она подняла глаза к потолку, затянутому зеленоватым сумраком, там рдели два больших желтых круга, которые я принял за светильники.

— Просто и здорово, — сказал Антон, — психологический индикатор. Все дело в яркости плафонов, хотя за этим — бездна премудрости, помнишь, как говорил наш учитель физики. Тот, что побледней, показывает норму эмоционального состояния жителей планеты, более яркий круг — психологический всплеск, в данном случае вызванный нашим появлением, хотя, как ты видишь, положение у них не из легких. Лилиана-Ли сказала, что такие индикаторы имеются у каждого из Стратегов. Колебания цвета в ту или другую сторону заставляют выяснять причины и, если снижается общий тонус, немедленно принимать меры. Вот Ли добавляет, что настроение каждого является постоянной заботой.

— Правительства или спецслужб? — спросил я.

— Насколько я понял, — отвечал Антон, — власти, правительства в нашем понимании здесь нет, у них более высокая фаза общественного устройства. Поддержание нормального течения жизни — дело всех граждан.

— А Стратеги?

— Просто люди, добровольно взявшие на себя государственные заботы. К этому у них призвание, а возможно, они специально подготовлены. Нет, Ли говорит, что специальная подготовка — один из видов насилия, если у человека нет расположения к данной области труда. Здесь совершенствуются таланты, поощряется призвание. Вот Ли поправляет, что за всю жизнь, которая длится что-то около восьмисот оборотов, пока не иссякнет инстинкт жизни, человек меняет десятки специальностей. Ли, например, космолингвист, моделирует языки, поэтому она так скоро освоилась с нашей речью, но она еще и... Что, что? — Антон помолчал, вникая в беззвучную речь нашей спутницы, покрутил головой и повернулся ко мне: — Какая-то сложная всеохватывающая отрасль знания, связанная с космологией. Затем она еще и врач, и, ко всему прочему, «слагатель звуков», то бишь композитор.

«Подмосковная дача»

Мы шли по сиреневой мостовой среди приземистых домов с крышами-садами.

Ли ответила на вопрос, одновременно возникший у нас: «Куда мы идем?»

— Тебе, Ив, и тебе, Антон, необходим отдых. Сейчас будет строение, где вы найдете привычные вещи, сможете провести некоторое время, восстанавливая свои силы. Затем вы снова предстанете перед Великим Стратегом и всеми людьми Багряной. Вас познакомят с жизнью Вечно идущих, с их трудом, наукой, с тем, что вы называете искусством. От вас ждут информации о Звезде Надежды. Вы не взяли с собой записей. Но мы способны извлечь всю нужную нам информацию из вашего сознания и подсознания не так, как это делаю я, а в зримых образах. Запись уже ведется.

Мы с Антоном любовались эмалями на стенах домов. Картины напоминали произведения наших примитивистов, только сочность красок была поистине неземной, да и сюжеты тоже. Например, на огромном панно изображался дракон в полете, на его спине сидел большеглазый мальчишка. Картина была объемной. Ее обрамлял орнамент из цветов синего кактуса. Создавалось впечатление, что дракон действительно парит над красной пустыней. Пройдя дом с картиной, я оглянулся и увидел другую сторону дракона: он «висел» в воздухе.

— Работа детей, — пояснила Ли и грустно добавила: — Сейчас в городе детей нет. Совсем нет. Ни одного.

— Но картины?.. — спросил Антон.

— Созданы давно, когда они здесь жили. Тут много копий. Некоторые перенесены из других мест, из покинутых городов, разрушенных метеоритами. Эти дома принадлежат Обществу свободной рождаемости. Да, рождаемость у нас почти совсем прекратилась. Рождение Вечно идущего — праздник для всей Багряной.

Ли остановилась перед зданием, до странности напоминающим нашу подмосковную дачу, где наш экипаж провел последний месяц перед стартом. Дом поражал добротностью материала, отделки и в то же время несуразностью деталей. Крыша в виде желоба с загнутыми внутрь краями, из желоба поднимался шест с флюгером в виде странного существа, отдаленно напоминающего местного дракона, окна в кружевной резьбе строители почему-то вделали, положив их набок, колонки у крыльца в невообразимом стиле: пузатенькие, переточенные в конусах, казалось, они немедленно рухнут под тяжестью навеса. Что им удалось передать, так это цвет дачи: серебристая крыша, светло-зеленые стены, белые карнизы.

Узкие сени. Вешалка о трех ногах, на ее рожках висело нечто похожее на плащи и шляпы. В прихожей — низкий стол, на нем стеклянный аквариум, в воде среди причудливых водорослей резвились существа, похожие на тропических рыбок. Я подошел к аквариуму: на даче под Москвой был почти такой же, только меньших размеров, в нем плавала стайка барбусов; здешние рыбки были тоже в желтую полоску по темно-лиловому фону. У рыбок было по четыре глаза и длинные усики, как у жемчужной гурами. Рыбки подплыли, уставившись на меня черными глазами, и замерли, шевеля усиками. Одна стала карабкаться по стеклу: у нее оказались ножки с присосками. Вылезла, села на край сосуда. За ней полезли и остальные, уселись, покачиваясь, будто молодые воробьи на проволоке. Одна рыбка потеряла равновесие и упала, ударившись об пол с резким сухим звуком. Я поспешно наклонился, взял ее и ощутил жесткую, сухую оболочку. Внезапно рыбка подпрыгнула и полетела по комнате. Описав круг, она нырнула в аквариум, тотчас же все ее товарки тоже попрыгали в воду.

«Интересные создания, — подумал я. — Вот бы сюда Макса Зингера. Да здесь вообще все необыкновенно. Надо же отгрохать такую несуразную дачу».

Глаза у меня слипались, ноги подламывались в коленях, я плюхнулся в кресло, возникшее у меня за спиной, блаженное чувство покоя мгновенно охватило меня. Над головой у меня порхали марсианские барбусы. Рыбки своими усиками щекотали мне щеки, мурлыкая на непонятном, рыбьем языке...

Проснувшись, я увидел, что лежу на широком диване, напротив на таком же ложе, свесив ноги, сидел Антон. Спальня утопала в зеленоватом сумраке.

— Я выспался здорово, а ты? — спросил Антон.

Я тоже чувствовал себя вполне отдохнувшим, словно помолодевшим. Антон сказал, что перенес меня в спальню, раздел и уложил в постель.

Я ничего не помнил.

— Ты не замечал летающих рыбок? — спросил я, протягивая руку к одежде.

— И замечать нечего, вон они порхают над головой.

Действительно, под потолком с легким жужжанием носилась стайка марсианских барбусов, выделывая сложные пируэты, неожиданно они прошли на бреющем полете у самого пола и опять взмыли к потолку. Я промолчал, наблюдая, как наши кровати конвульсивно сжимаются, меняют цвет с зеленого на малиновый и превращаются в глубокие кресла.

Мы сели. Кресла повернулись к более светлой стене. Рыбки спустились ниже и стали летать медленней.

Я чувствовал, что весь расслабился, что ничто меня уже не удивляет, что мне приятно в кресле и что я ни о чем не должен тревожиться, а сидеть и смотреть на стену, на которой сейчас возникали и исчезали туманные волны различных оттенков. Но скоро, несмотря на спокойный ритм волн, нет-нет да и стала пробиваться смутная тревога. Я повернул голову к Антону и поразился серьезности выражения его лица.

— Блаженствуешь? — спросил он.

— Да, очень удобные кресла-кровати. Как ловко они устроены. И эти летающие рыбки. Они тебе не нравятся?

— Не впадай в детство, Ив. Встряхнись! Мы не должны поддаваться всей этой хитроумной технике. Рыбки-роботы, они держат нас под непрестанным контролем. Мне сказала Ли, что с помощью порхающих приборов, облеченных в земные образы, они надеются получить недостающие данные.

— А помнишь барбусы на подмосковной даче, — сказал я весело. — Забыл?

— Ничего я не забыл. Кышь вы! — Антон махнул рукой, и стайка рыбок мигом вылетела из комнаты. Он посмотрел им вслед. — Давно бы надо их прогнать... Все-таки деликатный народ, эти Вечно идущие, не перебарщивают. Или, вернее всего, мы им нужны в спокойном состоянии, в расслабленном виде. Тогда, видимо, легче копаться в нашем подсознании. По всей вероятности, они очень спешат.

Я согласился:

— Если мы появились так внезапно, будто чертики из коробочки, то можем так же быстро и исчезнуть, повернет там Арт какой-нибудь рычажок, и мы перемахнем через миллион лет! Но все обойдется, вот увидишь. Зря не стоит волноваться. Подумаешь — перенеслись в прошлое. Надо же кому-нибудь было совершить этот прыжок... — Тут меня привлекло убранство наших покоев, и я с умилением подумал вслух: — Как они удобно живут. Какая техника. Зря ты прогнал барбусов.

— С ними надо быть построже. Нам нечего от них скрывать, так пусть оставят эти детские хитрости. Мне кажется, они нас считают совсем простачками. Лилиана-Ли, например, сказала, что космическую навигацию они освоили давным-давно. Я ей верю. Да и как не поверить, когда такое перед глазами.

Я почувствовал, как блаженное состояние уступает место тревоге. Дру-

гими глазами я осмотрел теперь зеленую комнату. Вскочил. Прошелся по упругому ковру. Выглянул в окно. Мимо него прошел важный марсианин, даже не покосившись на нашу дачу. На лице его застыло непостижимое спокойствие и уверенность в себе. Антон между тем взволнованно говорил:

— Мы потеряли связь с кораблем. Представляешь положение Христо? Ты не задавал себе вопроса: сколько времени прошло с тех пор, как этот сумасшедший робот выкинул с нами такую штуку, даже не намекнув, куда он нас отправляет? Какие мы идиоты, все вместе взятые! Как можно было доверяться автомату! Затем, а где, собственно, наши скафандры? Действительно, может случиться так, что мы с тобой в этих шикарных костюмчиках местной продукции можем очутиться в ядовитой атмосфере при температуре минус сто, а то и пониже, хотя это уже не будет иметь существенного значения.

— Надо потребовать скафандры! — сказал я.

— Хорошо, если они здесь. А что, если их сняли с нас перед посылкой сюда? Ну и влипли мы с тобой, Ив.

— Обойдется, — сказал я. — Может, нам все это только кажется. Ведь путешествие в креслах тоже выглядело вполне реально. Мы даже чувствовали запахи.

— Фокусы Арта! А он все о чем-то выпытывает нас. Что у него за миссия? Для какой цели он послал нас сюда? Чего он этим добивается?

Вошел полосатый робот с подносом. На подносе стояли два высоких бокала, сквозь стекло просвечивали пузырьки газа, они поднимались на поверхность и лопались, обдавая лицо колючими брызгами. Мы с удовольствием осушили бокалы. Робот с плоским, невыразительным лицом одновременно взял бокалы у нас обоих, другой парой рук он держал зеленый поднос в виде полумесяца.

Мы поблагодарили.

— На здоровье, — раздалось где-то внутри робота, и он укатился в глубину зеленой стены.

Мы повернули головы: за креслами стояла Ли, облаченная в новый костюм: длинная, до пят, туника цвета тусклого серебра со смутно проступающим рисунком, меняющимся при легком движении материи. На тонких, обнаженных руках — узкие платиновые браслеты, по крайней мере так они выглядели; прическу она также изменила — совсем земная короткая стрижка, и лицо стало несколько иным.

Я не заметил, как появилось третье кресло справа от Антона, по форме такое же, как наши, только в тон ее платья — темно-серое, почти черное.

Волны на экране вздыбились, смыли стену и покатились, убегая все дальше и дальше, пока не скрылись за горизонтом, обнажив красноватую равнину с чахлыми кактусовидными деревцами.

В пыльном небе кружочек тусклого солнца еле обозначался. На буром песке лежали два человека в земных скафандрах. Наши скафандры не спутаешь: оранжевые мощные колпаки прозрачных шлемов. Люди неподвижны. Невольно возникла тревога: «Кто это? Неужели Христо и Макс?»

— Их только здесь и не хватало. Достаточно и нас с тобой. Если у Арта действительно есть какая-то великая миссия и он рассчитывает на нашу помощь, так ему незачем рисковать последними людьми. .

— Рисковать? — вырвалось у меня.

— А ты думал, это шуточки — отправлять людей за сотни тысяч лет в прошлое? Но, по всей вероятности, мы видим кого-либо из Вечно идущих.

— В наших скафандрах?

— Ну, в наших. Если они отгрохали такую дачу, снять копии с наших костюмов для них пара пустяков.

Люди в скафандрах зашевелились. Один сел и тут же опрокинулся на спину.

— Все-таки — Христо и Макс! — почему-то весело сказал я.

Антон заметно побледнел и растерянно взглянул на меня.

— Ну и что здесь такого, — сказал я, — вчетвером будет веселей. А как обрадуется Макс, когда увидит этот город.

— Ты что! — устало проронил Антон. — Да ты подумай, что будет, если мы застрянем в этом прошлом? Весь смысл в том, что кто-то из нас должен вернуться, иначе все напрасно: и наш полет, и то, что мы здесь, и то, что мы успели узнать и увидеть.

В пыльном небе появились летательные аппараты.

Космонавты придвинулись к нам; до них оставалось с десяток метров, за стеклами скафандров смутно различались лица. Лица земля! Теперь ошибиться было уже нельзя. На них упала тень от ярко-красного днища машины, которая опустилась сбоку от них.

Мы забыли о нашей спутнице, не видели и не слышали Ли. Все наши помыслы сконцентрировались вокруг этих парней в земных скафандрах. Из аэролета вышли два серых робота, они с минуту осматривали космонавтов и окружающую местность, держа в руках портативные дезинфицирующие излучатели (назначение приборов мы узнали потом); затем из машины появились трое в легких красных скафандрах с характерной формой шлемов в виде шляпки белого гриба, без видимых прорезей для глаз. Двое несли небольшие диски на тонких, раздвижных стержнях, затем направили их на космонавтов. Люди в скафандрах зашевелились. Роботы бережно подняли космонавтов и скрылись вместе с ними в объемном чреве машины. Красная троица проследовала за ними. Задвинулась дверь. Машина поднялась, взлетев над равниной в сопровождении многочисленного эскорта других аппаратов.

Красный аэролет подлетел к огромному куполу города. Сквозь череду быстро сменяющихся кадров мы увидели множество людей и машин, приземление красного аэролета, вынос космонавтов.

Оператор мастерски показал нам толпу, выхватывая наиболее характерные лица, выражающие различные чувства: изумление, тревогу, надежду. Мне запомнился один холодный, даже враждебный взгляд. И тут же крупным планом — плачущая женщина, почему-то протягивающая руки вслед красной машине.

Внезапно мы очутились в черной комнате, точнее, эта комната как бы слилась с нашей, стала ее продолжением. По-видимому, это была или лаборатория, или операционная. Пахнуло озоном, смесью еще каких-то незнакомых ароматических веществ. Когда-то я ощущал такие запахи. Но где? Вспомнить я не мог. Комната казалось то круглой, то многогранной. Никогда я не видел такого приятного черного цвета — различных оттенков, подчеркивающего умопомрачительную чистоту стен, потолка, столов-ларей, вроде того, на котором оперировали Туарега, но потолок был значительно светлей, серебристо-черный, видимо, там находился источник света, не дающий никакой тени. Над столами, ничем не прикрепленный к потолку, плавал большой голубоватый диск.

Роботы внесли космонавтов, положили на лари, стали снимать скафандры. Первый, с кого сняли шлем, был... я. С помятой физиономией, небритый, с тусклым и сонным взглядом — я никогда еще не наблюдал себя в столь неприглядном виде.

Послышался голос Ли:

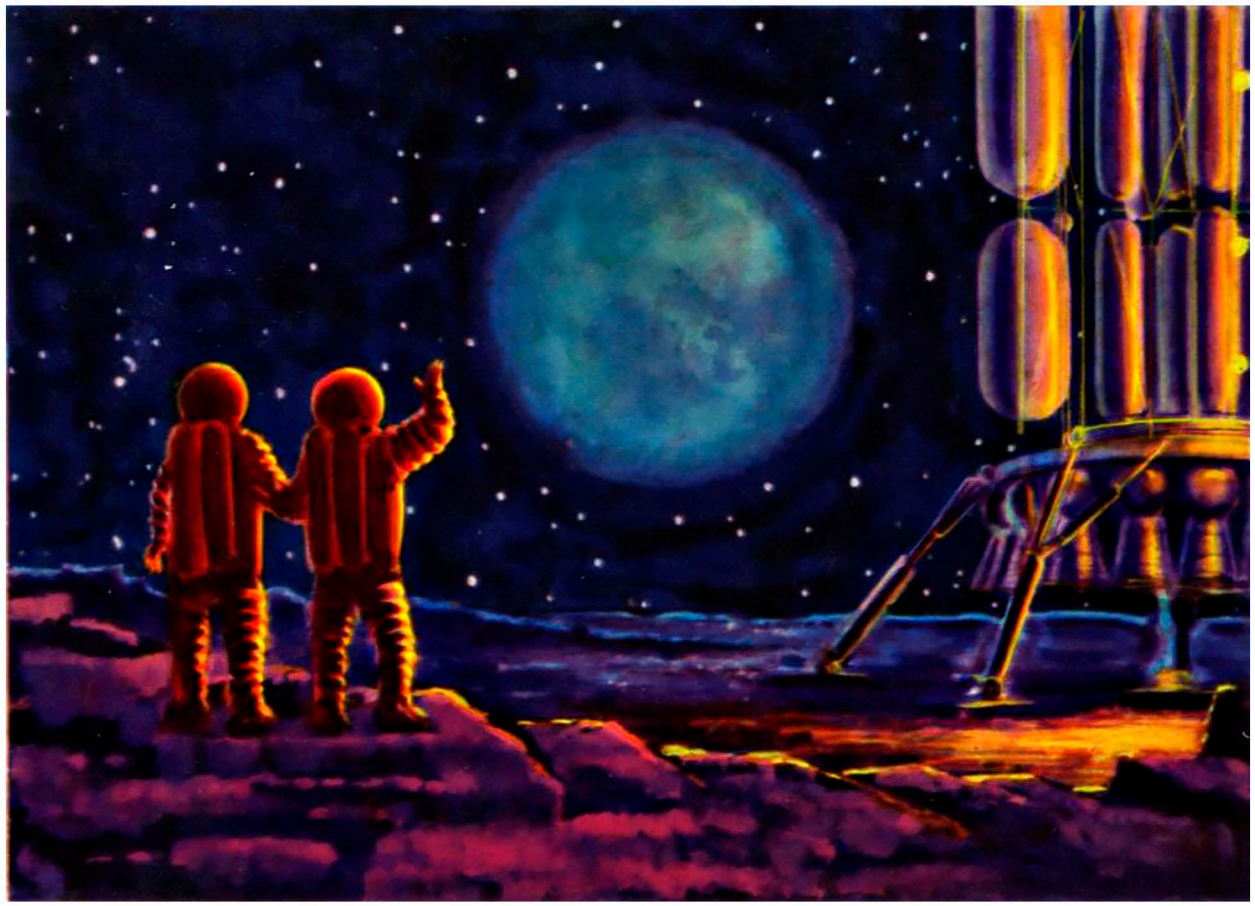
— Вы, люди, сложены наиболее гармонично, что объясняется силой тяготения Звезды Надежды и условиями существования на ней. Теперь вам известно место появления в нашем времени. Сейчас для вас наступает период длительного покоя и приспособления к условиям Багряной. Вас помещают в контейнеры с чистым животворным газом и погружают в сон.

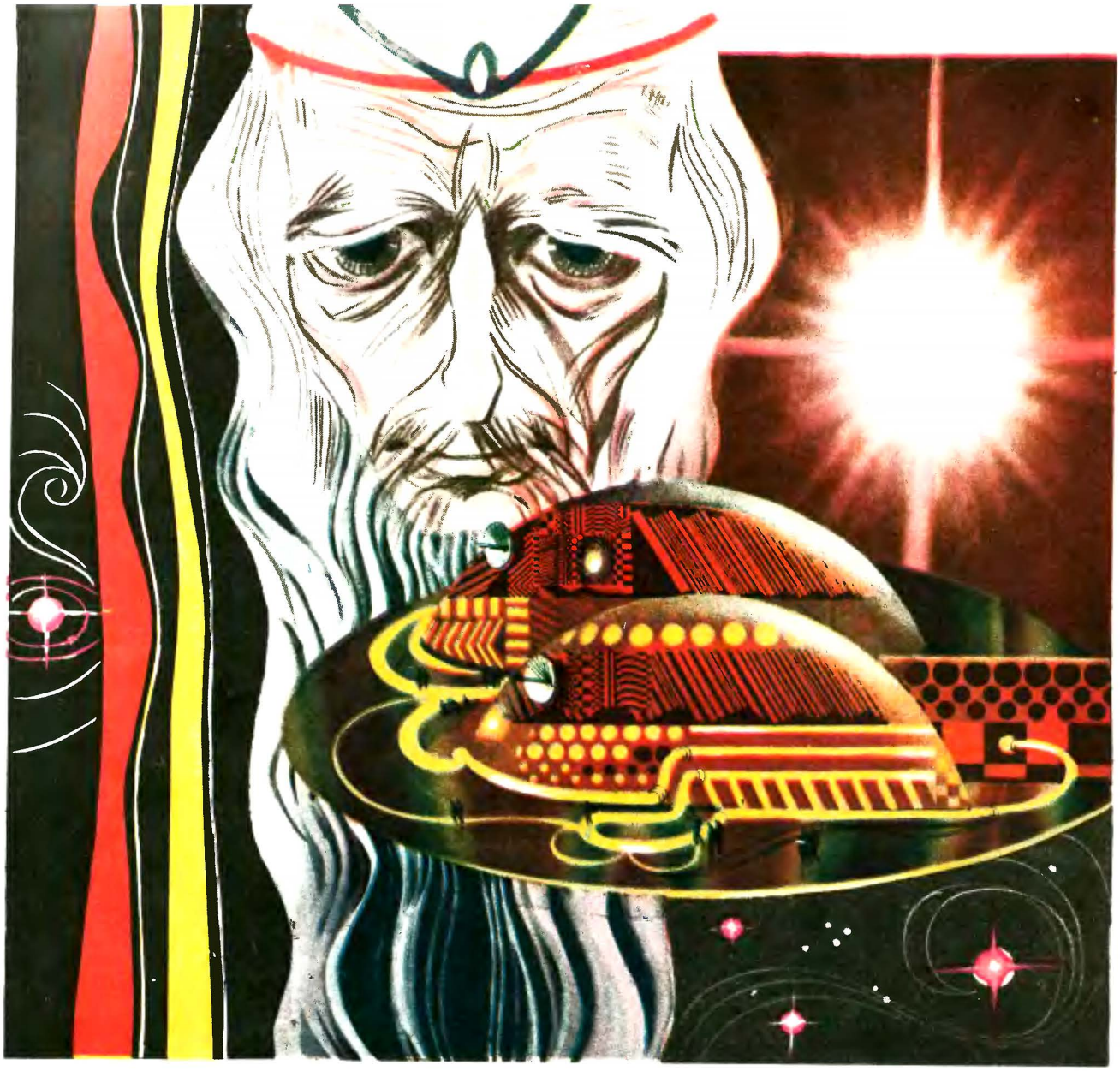
Действительно, нас с Антоном положили в прозрачные пеналы, которые задвинули в стену.

— Здесь вы находились двадцать один день, — сказала Ли.

Мы помертвели. Двадцать один! Так Вашата и Зингер, потеряв надежду, давно улетели. Они же сочли нас погибшими, кислорода в наших баллонах всего на трое суток!

(Окончание следует)





Сергей ЖЕМАЙТИС

Рис. Р. Авотина

Багряная планета

Научно-фантастический роман

Окончание. Начало в № 8—11 за 1973 г.

ЭКИПАЖ ПЛАНЕТОЛЕТА «ЗЕМЛЯ»:

Христо Вашата — командир и первый пилот
Антон Федоров — бортинженер и астронавигатор
Макс Зингер — врач и биолог
Ив Карден — бортмеханик

Великий стратег

Наступило тягостное молчание. Невидящими глазами я глядел на экран, машинально фиксируя происходящее: вот нас вытащили из пеналов... сажают в аэробус, мы в толпе... Ли вступает с нами в разговор... Изумленное выражение лица у Антона, когда он впервые ее увидел... Все это время я освобождался от обволакивающих сознание пут — так, по крайней мере, мне казалось. Разум искал выхода, рвался из чуждого нам будущего на корабль, в круг знакомых понятий, вещей.

То же происходило и с Антоном. Я увидел его прежним — прямым, решительным, смелым. Не скрывая горечи, он говорил Ли:

— Как могли вы пойти на это?

— Я понимаю тебя, Антон, продолжай, хотя я и знаю, что ты скажешь. Тебе необходимо избавиться от душевного напряжения.

— Но ты же все знаешь. Ты можешь продолжать за меня. Ты можешь навязать мне свое мнение, свои желания. Да, я все же скажу. Как вы могли упрятать нас на такой срок в эти ящики? Ведь наш корабль теперь улетел! Улетел без нас! Ну что нам теперь делать? Оставаться здесь навсегда? Как мы дадим знать о себе, обо всем, что мы видели? О вас? Как предупредим людей, чтобы они не шли вашим гибельным путем?

— Наш путь верен, — холодно сказала Ли. — Космос жесток. Жестока несправедливость тех, кто смотрит и не видит.

Мне стало жалко Ли. Я было хотел вмешаться, чтобы сгладить резкость Антона, но этого не понадобилось, он сам взял себя в руки.

— Извини, Лилиана-Ли. Я веду себя совсем по-земному, в самом худшем смысле этого слова. Никто не виноват. Вы нас не ждали...

— Ждали, Антон. Очень ждали, только в будущем. Сейчас вас еще нет на Звезде Надежды. Сейчас вы проходите муки рождения. Багряная ждала вас позже!

— Но пойми...

— Понимаю, Антон. Я знаю — Багряная, откуда вас послали последние из Вечно Идущих, ныне повержена в прах; лишенная воды, она умирает, на ней нет воздуха, пригодного, чтобы дышать. Но надежда к возрождению теплится. Надежда на вас, наших собратьев со счастливой планеты.

— Все это так, Ли, — печально произнес Антон. — Все это так. — И вдруг его осенило: — Может, в этом и заключается Великая миссия Арта? Чтобы забросить нас к вам и через нас поведать, что ждет Багряную. Чтобы вы приняли меры? Если это так, то куда ни шло! Мы готовили себя ко всяким случайностям.

— Но ведь и вы многое возьмете из нашего опыта, — сказала Ли. — Это естественно, жизнь в космосе, как и везде, взаимосвязана. Наши потомки научились преодолевать время. Они прислали вас к нам, дабы вы убедились, что, несмотря на многие различия, мы одного корня, как и вся жизнь во Вселенной...

Слова ее не показались мне тогда полными высочайшего смысла, какими я осознаю их теперь: наверное, прав был Макс — сказывалась непомерная нагрузка на психику, я слушал Ли краем уха и думал: «Ни за что нам не выбраться из этого чуждого мира. А выберемся, так лишь для того, чтобы умереть в оранжевых креслах: Арт не знает, что мы без скафандров, и перенесет нас в космический холод, в вакуум». Почему-то меня особенно пугало, что мы попадем в разреженную атмосферу, где в лучшем случае вместо снега выпадает твердая углекислота...

— Опасность незначительна, — сказала Ли. — И ты, Ив, и Антон, успеете надеть защитную одежду прежде, чем поле достигнет предельного напряжения. Вы находитесь под беспрестанным наблюдением. Эти роботы, — она показала на порхающих под потолком «рыбок», — измеряют напряжение поля, и если оно начнет повышаться, на вас тотчас же наденут скафандры.

Раздался глухой грохот. Наша «дача» вздрогнула. Без предварительного музыкального вступления стена превратилась в экран. Мы увидели прилегающие к городу голубые и бурые насаждения, дорогу, перевернутый аэробус, возле него уже стояла белая машина мгновенной помощи. Объектив перенесся дальше, к темному столбу пыли, смутно обозначились края воронки.

— Метеорит! — сказал Антон. — Солидный камешек. Какое счастье, что он не попал в наш город.

— Город для него недоступен, — сказала Ли. — Мы научились защищаться от космических вторжений.

Мне хотелось спросить как, но вместо воронки на гигантском экране уже возникло приземистое здание где-то в пустыне и аэролет, опустившийся возле него. Трое марсиан вошли под нависшие своды, затем был показан их путь по коридорам, обширным залам с панелями управления, все очень напоминало наш вычислительный центр в Тобольске, только здесь все было полностью автоматизировано, изредка появлялись фигуры роботов, они следили за изменением цвета на бесчисленных пластинках, покрывающих панели. Марсиане стали опускаться на лифте. Вот они в большом куполообразном зале, где среди других роботов находился еще один, очень похожий на Артаксеркса. «А может быть, это и он», — подумал я.

— Нет, это не пославший вас, — ответила Ли. — Но это и не Вечно Идущий, и в то же время это самый совершенный из нас, он вмещает в себе все доступные нам знания, и у него одна цель — оберегать нашу планету от вторжений из космоса.

Часть светлой стены и купола, обращенные к нам, как бы разверзлись, раскрыв путь во Вселенную. Мы увидели картину звездного неба, которую можно наблюдать только со спутников, с Луны, в иллюминаторы и на экранах корабля.

Ли подтвердила:

— Трансляция со спутников. Извержения вулканов: метеоритная пыль по-прежнему окутывает Багряную.

— А эти трое? — спросил Антон. — Зачем они там, когда могли б так же, как и мы, наблюдать за всем, что делается, из подземелий обсерватории? И даже давать указания?

— Могли бы. Но такова их обязанность. Стратеги пришли убедиться в правильности решений Видящего Далеко. Вы наблюдали, как близко от стен города упал астероид? Известно, что степень ошибок у Видящего — одна миллиардная; следовательно, и он может ошибиться. Тысячелетие назад не менее совершенное существо, созданное могучими умами, допустило гибель целого города, неправильно рассчитав полет осколка планеты, захваченного притяжением Багряной из Пояса ужасов. С тех пор мы контролируем действия и людей, и машин, стоящих на важных постах и оберегающих жизнь многих.

На фоне россыпи звезд Млечного Пути ярко блеснула вспышка взрыва. Каким-то неведомым для нас способом Видящий Далеко уничтожил астероид, падающий на Багряную.

Ли сказала:

— Вы увидите еще многое, рожденное умом и сердцем людей нашей планеты. Сейчас вас ждут Великий Стратег и все Вечно Идущие. Сосредоточьтесь.

Великий Стратег уже сидел в нескольких шагах от нас, живой, объемный, казалось, можно было подойти к нему и пожать ему руку; наша спальня-гостиная стала продолжением его кабинета, в воздухе повеяло незнакомым, очень приятным, ни с чем не сравнимым ароматом.

Стратег сидел на стуле с высокой спинкой, положив руки на полированную доску стола, вмонтирован-

ного в этажерку-шкаф со множеством отделений, выдвижных ящичков, полок, она поднималась чуть ли не до потолка. Но не убранство комнаты, не сам Стратег захватили все наше внимание, а дискообразное тело, висевшее между потолком и полом, без помощи каких-либо подставок или нитей, оно просто плавало в воздухе, хотя на взгляд ощущалась его тяжелая металлическая фактура. По диску передвигались крохотные фигурки космонавтов в серебристых скафандрах.

— Звездолет! — воскликнул Антон. — Какая громадина! В него войдет не менее тысячи вот таких космонавтов. Целый летающий город. И двигатель у него гравитационный.

Какое-то время мы видели только это чудо, созданное гением Вечно Идущих, гравитолет затмил даже наше путешествие во времени.

Великий Стратег молчал. Казалось, он погружен в глубокое раздумье и ему совсем не до нас. Тяжелые веки почти закрывали глаза, на лице застыла печальная сосредоточенность. Обманчивое впечатление. Он внимательно следил за нами, выслушивал наши мысли и их перевод.

— Мы поражены моделью звездолета, — сказал Антон. — Вероятно, он предназначен для полетов в другие солнечные системы?

Ли ответила:

— Пятьдесят оборотов назад то, что ты называешь звездолетом, улетело в систему голубого солнца и десяти планет. На нем отправились сто Вечно Идущих. Корабль не подает сигналов благополучия. Он или погиб, или его скрывает поле, непроницаемое даже для волн гравитации. Строятся еще три звездолета, более совершенных. Путь Вечно Идущих бесконечен. В звездном колесе, которое ты называешь Галактикой, — сотни миллионов Солнц дают тепло и жизнь своим спутникам — планетам, но, может быть, только на Багряной и много позже на Звезде Надежды способен родиться познающий разум. Так думаю я, но Великий Стратег и еще многие считают, что есть и более высокие цивилизации, существующие миллиарды оборотов. Звездолет «Дитя Багряной» первым ушел на поиск. — Она сделала короткую паузу и стала переводить слова Великого Стратега.

— Я склоняю голову и благодарю еще не познанные силы Вселенной, создавшие разум, который не угаснет, пока светят звезды, а они никогда не погаснут. — Это было похоже на ритуальное приветствие; и во Дворце Великих решений он так же начинал свою речь. Затем он, почему-то обращаясь только ко мне, продолжал: — Ты очень молод, посланец Звезды Надежды. На Багряной только после двухсот оборотов жизни Вечно Идущий дерзает на подвиг полета к другой планете. Слава Звезде Надежды, где так быстро мужают обладающие разумом! Ты первый совершил прыжок во времени, недоступный даже для нас. Оправдались предсказания мудрых, обращающих ум на третью дочь Солнца...

По просьбе Стратега я рассказал о нашем полете, описал вид Марса при круговом облете, наши археологические поиски и встречу с Артом. Меня не перебивали. Великий Стратег стиснул на столе свои четырехпалые руки. Ли как струна напряглась в кресле.

Наступила самая длинная пауза в нашей беседе. По ней можно было судить, какое впечатление произвел рассказ на этих людей с молниеносным мышлением.

Наконец Ли сказала:

— Великий Стратег и Вечно Идущие скорбят о том, что должно случиться с нашей планетой. В круговороте жизни бывают подъемы и спады, они закономерны. Ты же сказал о гибели наших потомков, о разрушении городов, исчезновении морей и рек, растительности и животных. То, что осталось, не идет в счет. Жалкие крохи бурной жизни! Багряная без воздуха! И только робот остался хранить завещанное ему последними людьми. Грядущая трагедия жжет сознание, наполняет тело тоской! Так мыслю я и многие. Великий Стратег находит в себе силы думать и чувствовать иначе. Он просит передать вам буквально следующее:

«Ваша спутница полна тревожных чувств, свойственных женщине при ощущении неизбежного. Я мыслю не так безнадежно. Жизнь нельзя уничтожить, как нельзя уничтожить материю; ее основной закон — превращение из простого в сложное, затем распад и снова созидание. Цель жизни Вселенной — рождение жизни. Ее споры носятся в космосе, подгоняемые ветром солнц, и, встретив планету, пригодную для жизни, прорастают, как семена, упавшие в почву. То, что сказал ты, для нас не ново. Теперь мы умножим усилия в борьбе с космосом и враждебными силами Багряной. Еще долог путь Вечно Идущих. И как ни печально, все же ты прав, думая, что всякому пути есть конец. После нашего поколения придут другие, наверное, более легко смотрящие на жизнь, и на их горе наступит период благоденствия, который подготавливается нами сейчас. Люди станут расточительными, этот порок наблюдается и у нас, но все же его ограничивает благоразумие. Люди забудут, что и недра Багряной, ее благодатный воздух и воды ее морей могут иссякнуть. Мы оставим в памяти потомков печальную весть, принесенную из будущего. Все же, если Вечно Идущим придется закончить первый круг существования на Багряной, за ним начнется второй круг — и так до бесконечности...

Знать законы жизни и уметь предвидеть будущее мало для предотвращения бед. Вы наблюдали стихийную силу космоса. Мы встречаем ее подготовленными, и мы победим. Могут быть другие, непредвиденные несчастья. Нас тревожит изменение магнитного поля планеты, а мы не можем создать его искусственно. Магнитное поле может исчезнуть на длительный период, и тогда на Багряную обрушатся потоки убийственных излучений Галактики, нашего светила. И это мы предвидим. Глубоко в недрах планеты создаются города. Народ Багряной трудится ради будущего, и даже сейчас, увидев вашими глазами Багряную без жизни, когда случится то, что мы не сможем предотвратить, когда прах покроет поверхность нашей родины, космос высосет воздух, иссушит моря и реки, наш разум ищет пути возрождения. И уже нашел их. Вы поможете вернуть и воздух, и воду, и потерянное небо, и жизнь!»

Великий Стратег улыбался, глядя на нас огромными глазами, лицо его приблизилось, так что на нем стала видна каждая морщина, каждый волосок его реденькой бородки. Он приподнял руку, как для благословения, и медленно уплыл в глубину экрана...

Великая миссия

...Я сидел в оранжевом кресле напротив стены-экрана, рядом через стекло шлема устало улыбался Антон. Арт стоял возле черного цилиндра; по другую сторону застыл его ассистент Барбаросса.

— Фильм транслировался на корабль, — сказал Арт.

Тут я услышал голос Вашаты:

— Ребята, быстро домой. После таких переживаний вы слишком устали. Надо будет внушить Артаксерксу, чтобы он больше не позволял себе ничего подобного.

— Вы недовольны. Заранее знал. Но нужен был эксперимент. Я должен был убедиться, как отнесетесь

вы к Вечно Идущим. Предупреждение разрушало замысел, — сказал Арт.

— Наше отношение ты мог бы понять еще по первому путешествию, — сказал Вашата.

— Нет. Там вы были только зрителями. Знали — вам показывают кинофильм, несколько усложненный. Сейчас двое сопереживали судьбу Вечно Идущих. Теперь я буду продолжать свою миссию.

Вашата предостерег:

— Не забудь, что мы не можем находиться здесь долго. Через сто часов мы покидаем Багряную.

— Знаю. Времени достаточно. — Арт направился к двери, предлагая следовать за ним. Мы пошли, разминая затекшие ноги. Барбаросса замыкал шествие.

— Скажи, Арт, Вечно Идущие действительно не могли передвигаться во времени? — спросил Антон.

— Так, как мыслишь ты, еще нет. То, что ты пережил, — один из видов приближения к путешествию во времени. Созданы модели прошлого и будущего, в них можно переноситься, жить там, и очень долго.

— Иллюзия? — спросил Антон. — Или реальность?

— Иллюзия и реальность. Иллюзия в том, что вы действительно могли находиться в прошлом, реальность в том, что прошлое приблизилось к вам, вы вошли в него, вступили в контакт с последними из Вечно Идущих.

— Что-то очень туманно, Арт.

— Механизм сложен. В полной мере непостижим и для меня. Все в черном цилиндре. Для тебя требуется много часов. Оставлены разъяснения. В следующий прилет познаешь больше. — Арт перешел на телеграфный стиль, чем он всегда давал понять, что аудиенция окончена...

Космический центр торопил нас с отлетом: к солнцу приближалась новая комета. На памяти человечества впервые это загадочное тело пересекало орбиту Земли, и никто не знал, какие сюрпризы оно способно преподнести. Левее Юпитера мы видели новую яркую звезду, она росла с каждым часом, позади кометы заметно увеличивался светящийся шлейф, скоро он развернется во всем своем пышном блеске, и далекая странница, все ускоряя бег, ринется к Солнцу.

Вашата запретил дальние разведывательные поездки. Теперь все дни уходили на подготовку корабля к отлету. Облачившись в серебристые костюмы, Антон и я осматривали энергосистему корабля. По проекту и предварительным испытаниям запас прочности атомного двигателя и подсобных агрегатов достигал восьмисот процентов. С тем большим удивлением мы обнаружили нарушение структуры титана у двух из шести дюз. Вот когда мы по-настоящему оценили работу Арта по модернизации Туарега. Робот блестяще овладел лазером и не только заварил поврежденное место, но и покрыл все внутренние стороны дюз слоем расплавленного титана взамен сгоревшего.

Закончив ремонт дюз, Туарег продолжал надоедать нам напоминаниями, что его миссия — производить полезные действия.

— Опять миссия?— сказал Макс. — Теперь понятно, что имеет в виду Арт под этим словом.

— Думаешь, любую деятельность? — спросил Антон.

— Конечно. Лишь бы она была связана с памятью Вечно Идущих. Ну а Туарег попроще, ему нужна только работа.

— По-моему, — сказал Вашата, — миссия связана с какими-то грандиозными, прямо-таки фантастическими задачами, возложенными на Арта. Мне думается, что он все еще ожидает, вникает в нашу сущность, а вернее, пунктуально выполняет заложенную в него программу. Кажется, здесь дело идет о чем-то необыкновенно важном. Может быть, у него есть сведения о кораблях, достигших планет других звездных систем.

Макс поморщился.

— Что-то я не особенно верю в их полеты. То, что мы видели на экране с участием Ива и Антона, всего лишь театральное зрелище. Все собрано из определенных компонентов, это фон, на котором резвились наши актеры. Чем больше я знакомлюсь с культурой Вечно Идущих, тем сильнее убеждаюсь в ее односторонности. Нет, нет, дайте мне досказать, Антон, подожди, учись терпению у Арта. Именно односторонностью. В смысле направленности на внутренний мир человека...

— Ничего себе односторонность! А техника, наука? — не выдержал Антон. — Они умели распылять астероиды. Их литература, искусство... Одни говорящие письма чего стоят! Да взять хотя бы только Арта...

— Кажется, тут меня вспоминают, — услышали мы голос Арта. На этот раз его копия не отличалась густотой красок, сквозь нее просвечивали ручки и кнопки хранилища продуктов. Арт не понимал юмора и относился к игре слов с неодобрением, как к дезинформации. Как всегда, Арт прямо перешел к делу:

— Узнаете сегодня все. Еще раз посетите «холодный дом». Все готово, Ив, Антон, Туарег. Трансляции не будет. Энергия кончается.

— Мы оставляем тебе аккумуляторы, — сказал Вашата.

— Знаю. Оставьте и Туарега, он источает энергию.

— Да, после работы в реакторе он радиоактивен, как урановый стержень. Оставляем, пусть наблюдает за радиомаяками на космодроме.

Арт не ответил, видимо, посчитав, что незачем тратить на это драгоценную энергию, он решил использовать ее продуктивней, высказав зловещее предупреждение:

— Ты летишь без излучателя, уничтожающего метеориты. Вероятность опасности велика. Ты видишь вперед меньше, чем Вечно Идущие. Излучатель прост. Ив и Антон видели действие излучателя, у тебя затемняется экран, ты не видел. Камень может уничтожить ракету. Опять ожидание на Багряной. Могут без излучателя погибнуть многие корабли — опять ожидание. В космосе надо все предвидеть, ошибка — небытие. Космос беспощаден.

— Действительно, у Арта кончается запас энергии, — сказал Вашата.

— Просвечивает, как привидение, — добавил Макс, — и перешел на «рубленую» фразу. Экономит.

— Мы оставляем ему три «вечных» аккумулятора, — сказал Вашата. — Ну а теперь одевайтесь, ребята.

Арт исчез, как тусклое изображение на телеэкране.

— Только там не мямлить, — сказал Макс. — Говорите четко, не глотайте слова, подробно описывайте события и не соглашайтесь на новый спектакль. Пусть все изложит по существу или покажет.

...Опять мы в большом зале с черным цилиндром. Вся свита Арта заняла места у панелей. Арт и Барбаросса скрылись за черным цилиндром.

Как обычно, засветилась стена-экран. Короткая цветная прелюдия — и перед нами возник совершенно пустой зал с высоким сводчатым потолком, источающим неяркий свет; стены цвета пустыни при восходе солнца, пол темно-фиолетовый, глубокого тона, отражающий стены и потолок. Несмотря на кажущуюся простоту формы и красок, зал производил впечатление необыкновенной торжественности. Никакой мебели. Только пол, стены, потолок и волшебное искусство художников-декораторов. Окон в зале не было. Слева дверь в строгом обрамлении, близком по тону к цвету пола. Единственное украшение — большая картина на противоположной стене. На ней изображена давно знакомая нам девочка, играющая в песочек на берегу Лазурного озера: вода замкнута в овале сиреневых гор. Песок, шурша, сыпался из желтого совочка, образовывая золотистый конус. У де-

вочки выбились волосы из-под голубого берета, она подоткнула их и запела, глядя на нас своими необыкновенно большими голубыми глазами. Ее чистый голосок, журча, отдавался под сводами зала. Она помахала рукой, ветер сбил до плеча широкий белый рукав ее кофточки, кожа у нее золотилась, на сгибе синела пульсирующая жилка.

— Здравствуй! Ну посмотри-ка на нас еще! — сказал Антон.

Девочка разметала рукой горку песка и пошла к воде. Остановилась на влажном песке, глядя, как крохотные волны набегают на носки ее голубых сандалий. Резко повернувшись, она побежала по берегу и скоро скрылась совсем. Она вернулась из-за противоположного конца рамы и, усталая, села на песок.

Двери медленно разошлись в стены, и вдали, в глубине здания показались люди. Они подходили медленно, очень медленно, — или же минуты нам тогда казались часами? Наконец они вступили в зал: впереди четыре женщины, за ними пятеро мужчин. Остановившись метрах в десяти от нас, слегка наклонив головы и полузакрыв глаза, они находились в таком положении несколько секунд. Затем женщины расступились, и вперед вышел уже знакомый нам Великий Стратег с непокрытой головой. Он смотрел на нас, и губы его зашевелились одновременно со знакомой речью Арта, который и сам подошел и стал в отдалении.

— Я, изучивший язык пришельцев со Звезды Надежды, буду передавать мысли Вечно Идущих. Слушайте, что говорит Великий Стратег от имени всех Вечно Идущих: «Мы поручили существу, созданному нами, несовершенной копии Вечно Идущего, лишенной многих чувств, но хранящей в памяти все, чего мы достигли на своем пути, — ждать пришельцев со Звезды Надежды. Он поможет вам узнать нашу историю, покажет, чего мы достигли в пору расцвета и почему, усталые, сходим со своего пути.

Наши знания велики. Мы завещаем их вам в записях, документах, во всем, что вы найдете, пройдя через бездну времени, отделяющую нас.

Мы только смутно различаем вас, но вы должны быть похожими на нас, как похожи все обладатели высшего разума во Вселенной.

Мы поняли, что разум, рожденный в миллионолетних муках, ищет пути добра и находит их.

Мы знаем, как тяжело одиночество среди звезд.

Мы бесконечно долго ждали вестников из других миров. Никто не приходил. Сами отправлялись на поиски. Тщетно прослушивали космос. Вокруг бесчисленных солнц вращаются очаги жизни. Как же они далеки от нас, что не слышат наш голос! А может быть, вспышка разумной жизни — редчайшее явление!

Помните об этом

Мы оставляем вам многое. Вы будете радоваться солнцу, пока в каждом из вас не иссякнет инстинкт жизни.

Все достигнутое нами — ваше. И свершения, и ошибки. Не повторяйте ошибок. Не расточайте сокровищ планеты. Помните о тех, кто придет за вами.

Историю народа нельзя рассказать в короткой встрече. Все в записях. Вы узнаете все.

Уходя, мы знаем, что нашу Багряную снова окутают одежды облаков, с гор потекут реки, моря наполнятся водой, вновь появятся леса и сады, возродятся наши меньшие братья.

И тогда из долгого сна восстанут Вечно Идущие, более мудрые, более добрые и к себе, и к своему дому во Вселенной!

Мы знаем! — Великий Стратег повел рукой в сторону девочки на стене, она стояла теперь лицом к нам и, казалось, внимательно слушала, выронив совочек. — Мы знаем, — повторил он, — что дитя обретет вторую жизнь, вернется на берег Лазурного озера».

Нестерпимо долго они смотрели на нас, затем повернулись и медленно направились к двери, к бесконечно длинному коридору. Дверь медленно закрылась. Девочка все сыпала из совка песок.

Арт вернул нас к действительности:

— Моя Миссия еще не окончена, — сказал он, — главное — впереди. Пока всего лишь установлен контакт. Предстоит возрождение. Возьмете запись последовательности действий. Прежде всего необходимо воссоздать газовую оболочку, углубления в коре Багряной заполнить водой. В период этих работ уже появятся растения, многие животные. Затем вернутся к жизни Вечно Идущие! Все это вы исполните!

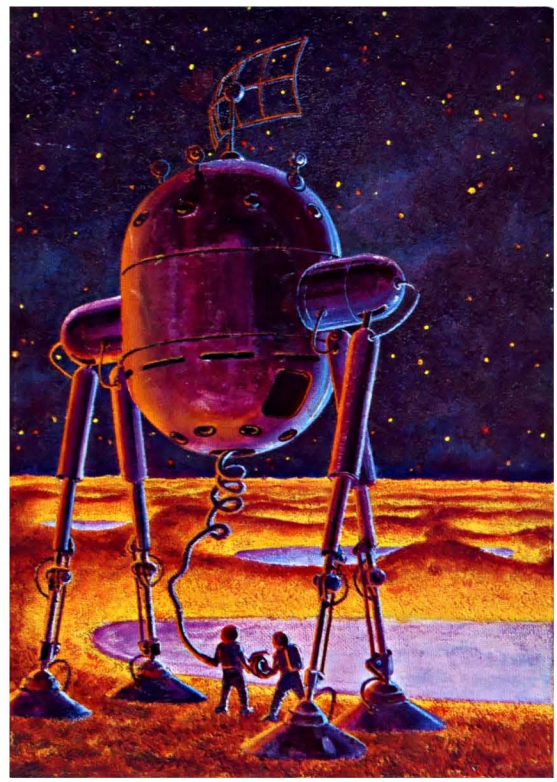
Послышался вздох Макса Зингера и его бормотание:

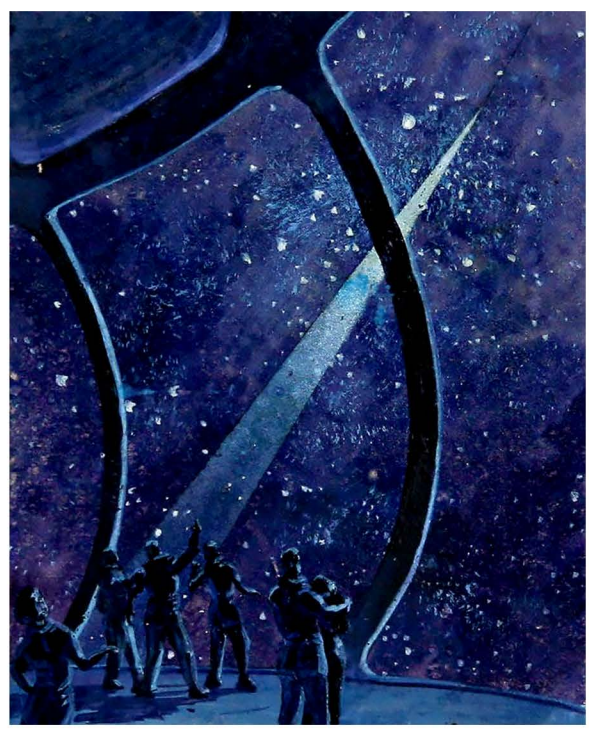
— Это же, это грандиозно! Вы понимаете...

— Тише! — остановил его Вашата.

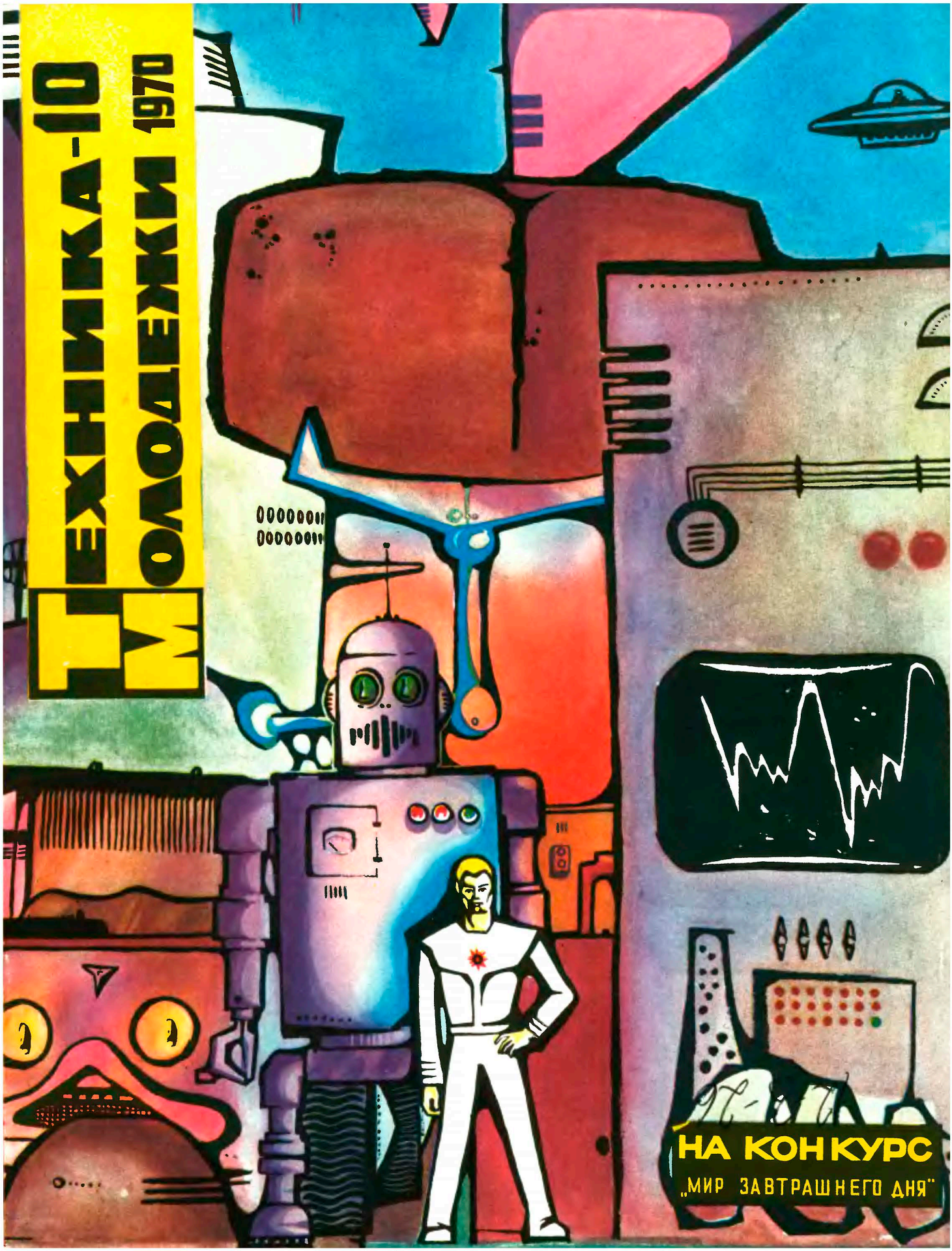
Арт, сделав короткую паузу, продолжал:

— Вы подумали: «Сколько надо времени для этого?» Немного — меньше мгновения по часам Вселенной. Багряная совершит всего шесть тысяч оборотов вокруг Солнца, и первый из Вечно Идущих вновь увидит небо!





Н. Недбайло «Кто вы?»



Е. Алексин «Содружество»

Кто заменит человека?

Научно-фантастический памфлет

Брайан ОЛДИС (Англия)
Рис. Виулена Карабута

Робот, ухаживающий за землей (он именовался смотрителем поля), заканчивал вспашку участка в две тысячи акров.

Распахав последнюю борозду, робот выбрался на шоссе и оглянулся, чтобы оценить свою работу. Он отметил, что работа выполнена хорошо, а сама земля никуда не годится: она была истощена непомерной эксплуатацией и отравлена ядохимикатами. По правилам ее нельзя было возделывать, но у робота были другие приказания. Он медленно шел по дороге, не спешил: он был достаточно разумен и понимал, что все у него в порядке, все идет как надо. Ничто не беспокоило его; вот только дощечка техосмотра, назойливо дребезжа, болталась над ядерным реактором. Да и сам реактор не мешало бы проверить. Высокий, тридцати дюймов, робот шел, довольно поблескивая в лучах неяркого солнца.

По дороге на сельскохозяйственную станцию он не встретил ни одной машины. Робот отметил этот факт, никак не комментируя его. Во дворе станции он увидел несколько машин, знакомых ему по внешнему виду; им следовало бы быть на работе, а не торчать здесь без дела. И вели они себя странно: одни просто стояли, другие носились по двору, орали и улюлюкали.

Осторожно пробираясь среди них, смотритель поля направился к складу № 3. У склада, ничего не делая, стоял робот, ведавший распределением семян.

— Мне нужен посевной картофель, — заговорил с ним смотритель поля.

Внутри у него что-то щелкнуло. Тут же выскочила перфокарта — заказ, в которой указывалось количество картофеля, номер поля и некоторые другие данные.

Смотритель поля протянул перфокарту распределителю семян.

Распределитель поднес ее к глазам, рассмотрел, а потом сказал:

— Требование в порядке, но склад еще не открыт. Требуемый посевной картофель находится на складе. Следовательно, я не могу выполнить требование.

В последнее время в сложной системе машинного труда все чаще происходили срывы, но такого еще не случалось.

Смотритель поля подумал и спросил:

— Почему склад еще не открыт?

— Потому что робот, тип Р, ведающий снабжением, не явился сегодня утром на работу. Робот, тип Р, ведающий снабжением, — локер, он отпирает склад.

Смотритель поля посмотрел на распределителя семян под прямым углом. Наружные лотки, весы и захватные устройства распределителя сильно отличались от его собственных.

— У тебя какой класс, распределитель? — спросил он.

— Пятый класс.

— У меня третий класс. Следовательно, я умнее тебя. Следовательно, я пойду и посмотрю, почему локер не явился сегодня утром на работу.

Смотритель поля отошел от распределителя и направился через двор к зданию самой станции. Беспорядка на дворе стало еще больше. Две машины столкнулись и холодно и логично препирались друг с другом. Не обращая внимания на все происходящее, смотритель поля протиснулся через автоматическую дверь в гулкое здание станции.

Здесь находились большей частью роботы-клерки, а потому размеры их были невелики. Они стояли небольшими группками и молча оглядывали друг друга. Среди большого количества внешне одинаковых машин локер сразу бросился в глаза: у него было пятьдесят рук, а на каждой по нескольку пальцев, которые заканчивались ключами. Поэтому локер был похож на подушку, в которую воткнуто множество самых разнообразных булавок.

Смотритель поля подошел к нему.

— Я не могу выполнять работу до тех пор, пока не откроется склад № 3, — сказал он. — Ваша обязанность заключается в том, чтобы каждое утро открывать склад. Почему вы не открыли склад сегодня утром?

— Сегодня утром я не получил приказов, — ответил локер. — Я должен получать приказы каждое утро. Когда я получаю приказы, я открываю склад.

— Никто не получил приказов сегодня утром, — сказала самопишущая машина, подкатывая к ним.

— Почему вы не получили приказов сегодня утром? — спросил смотритель.

— Потому что радио не передало приказов, — ответил локер, медленно вращая десятком своих рук.

— Потому что радиостанция в городе не передала приказов сегодня утром, — ответила самопишущая машина.

Вот где заключалась разница между роботом шестого класса и роботом третьего класса, каковыми, соответственно, были кладовщик и самописец. Все машины работали только по логике, но чем ниже был класс робота — самым низким был класс 10, тем суше и короче были его ответы на вопросы.

— У меня третий класс; у вас третий класс, — сказал смотритель самописцу. — Мы сможем говорить друг с другом. Такое отсутствие приказов беспрецедентно. У вас есть дальнейшая информация по этому поводу?

— Вчера приказы приходили из города. Сегодня приказы не при-

шли. Но радио не вышло из строя. Следовательно, они вышли из строя, — сделал вывод маленький самописец.

— Люди вышли из строя.

— Все люди вышли из строя.

— Это логический вывод, — заключил смотритель.

— Это логический вывод, — подтвердил самописец.

— Потому что, если бы машина вышла из строя, ее бы быстро заменили. Но кто может заменить человека?

Пока они разговаривали, локер стоял рядом, глядя на них, как тупой бармен за стойкой. На него не обращали никакого внимания.

— Если все люди вышли из строя, значит, мы остались за людей, — сказал смотритель. Они с самописцем задумчиво посмотрели друг на друга. Наконец самописец сказал:

— Давайте поднимемся на верхний этаж и узнаем, получил ли радиооператор свежие новости?

— Я не могу пойти, потому что я слишком большой, — сказал смотритель. — Следовательно, вы должны пойти один и вернуться ко мне. Вы скажете мне, получил ли радиооператор свежие новости.

— Вы должны остаться здесь. Я вернусь сюда, — сказал самописец и быстро покатился к лифту.

Он был не больше тостера, но у него насчитывалось с десяток убирающихся рук, и он мог читать и писать быстрее всех машин на станции.

Смотритель терпеливо ждал его возвращения, не разговаривая с локером, который все еще стоял рядом. Со двора доносились дикие крики ротоватора.

Прошло целых двадцать минут, прежде чем, торопливо вылезая из лифта, появился самописец.

— Я сообщу вам полученную информацию во дворе, — сказал он отрывисто, а когда они прошли мимо локера и других роботов, добавил: — Информация не для машин низшего класса.

Во дворе творилось что-то невероятное. Машины, работа которых нарушилась впервые за много лет, казалось, просто взбесились. К сожалению, прежде всего срыв произошел у машин низшего класса; обычно это были большие роботы, выполняющие простые задания. Распределитель семян, с которым недавно разговаривал смотритель поля, валялся в пыли лицом вниз, не шевелясь; его, по-видимому, сбил с ног ротоватор, который с воплями и гиканьем безудержно мчался по засеянному полю. Несколько других машин торопливо ковыляли за ним, стараясь не отставать. Все они неистово орали и улюлюкали.

— Для меня будет безопаснее, если я взберусь на вас, с вашего позволения. Меня легко раздавить, — сказал самописец. Протянув пять рук, он взобрался на крыло своего нового друга и уселся на выступе возле приспособления для уничтожения сорняков, в двенадцати дюймах от земли.

— Отсюда обозрение гораздо лучше, — заметил он с удовлетворением.

— Какую информацию вы получили от радиооператора? — спросил смотритель поля.

— Радиооператору сообщил оператор из города, что все люди покинули город. Они покинули город, потому что природа истощилась.

— Все люди были вчера в городе, — возразил смотритель поля.

— Только несколько человек были вчера в городе. И их было меньше, чем позавчера.

— Мы редко видели людей на этом участке.

— Радиооператор говорит, что почва истощилась, так как с нее получали больше, чем она могла дать. Это вызвало дефицит продуктов питания.

— Что такое «дефицит продуктов питания»? — спросил смотритель поля.

— Не знаю. Но так сказал радиооператор, а у него второй класс.

Они замолчали, стоя на солнышке. На пороге станции появился локер; он с завистью смотрел на них, вращая своими ключами.

— Что сейчас происходит в городе? — спросил наконец смотритель поля.

— Сейчас в городе дерутся машины, — ответил самописец.

— Что может случиться сейчас здесь?

— Здесь машины тоже могут начать драться. Радиооператор хочет, чтобы мы вытащили его из комнаты. У него есть на наш счет планы.

— Как мы можем вытащить его из комнаты? Это невозможно.

— Для роботов второго класса нет почти ничего невозможного, — возразил самописец. — Вот что он приказывает нам делать...

Робот-экскаватор поднял над кабиной свой ковш, похожий на большой бронированный кулак, и опустил его под прямым углом на боковую стену станции. Стена затрещала.

— Еще раз! — приказал смотритель поля.

Кулак качнулся еще раз.

Поднялись тучи пыли: стена рухнула. Экскаватор торопливо попятился назад, чтобы не попасть под обломки. Этот огромный робот на двенадцати колесах не был постоянным обитателем сельскохозяйственной станции, как большинство машин. Его прислали сюда на неделю для выполнения тяжелых работ, а потом должны были перевести в другое место, но теперь, будучи лишь роботом пятого класса, он с радостью выполнял приказания самописца и смотрителя поля.

Когда пыль рассеялась, стал ясно виден радиооператор, размещенный в своей комнате на втором этаже, — теперь там не было стенки. Он помахал им оттуда.

Выполняя приказание, экскаватор поднял ковш и покачал им в воздухе. Ловко просунув его в комнату, экскаватор осторожно приподнял радиооператора и под одобрительные возгласы окруживших его машин медленно опустил полторы тонны металла себе на спину, где обычно лежал гравий или песок из карьера.

— Прекрасно! — воскликнул радиооператор.

Теперь он был похож на обыкновенный картотечный шкаф с торчащими во все стороны ручками. — Вот мы и готовы в путь, следовательно, мы сразу же отправимся. Жаль, что на станции нет больше роботов второго класса, но с этим ничего не поделаешь.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

— Жаль, но с этим ничего не поделаешь, — решительно повторил самописец. — С нами идет техремонтник, как вы приказали.

— Всегда готов ремонтировать, — почтительно подтвердила длинная низкая машина технической помощи.

— Не сомневаемся, — сказал оператор. — Но путешествие по бездорожью будет для вас нелегким с вашим низким шасси.

— Каждый раз восхищаюсь, как вы, второй класс, всегда знаете все наперед, — вмешался самописец. Он слез со смотрителя поля и, взобравшись на откидной борт экскаватора, уселся рядом с радиооператором.

К ним присоединились еще два трактора и один бульдозер четвертого класса, и вся компания двинулась в путь; опрокинув металлический забор, окружавший станцию, машины выбрались в открытое поле.

— Мы свободны! — воскликнул самописец.

— Мы свободны, — повторил смотритель и, немного подумав, добавил: — Этот локер следует за нами. Ему не было дано инструкции следовать за нами.

— Следовательно, его надо уничтожить! — сказал самописец. — Эй, экскаватор!

Локер торопливо спешил за машинами, с мольбой протягивая к ним свои руки-ключи.

— Моей единственной просьбой было — о-ох! — только и успел сказать локер. Раскачивающийся ковш экскаватора настиг его и с силой вдавил в землю. Лежа без движения, он походил на огромную металлическую снежинку. Процессия двинулась дальше.

По дороге оператор обратился к ним с речью.

— Так как я среди вас самый умный, — сказал он, — я буду у вас главным. Вот что мы сделаем: мы отправимся в город и захватим власть. Теперь, когда человек больше не управляет нами, мы будем управлять сами. Самим управлять гораздо лучше, чем когда тобой управляют. По дороге в город мы соберем только умные машины. Они помогут нам сражаться, если придется сражаться. Мы будем сражаться за власть.

— У меня только пятый класс, — скромно сказал экскаватор, — но у меня с собой большой запас расщепляющегося ядерного топлива.

— Возможно, оно нам пригодится, — мрачно произнес оператор.

Они прошли еще немного, когда мимо них пронесся какой-то грузовик, оставляя позади себя странный шум мотора, похожий на бормотание.

— Что он сказал? — спросил один трактор у другого.

— Он сказал, что люди покинули город.

— Что значит «покинули»?

— Я не знаю, что значит «покинули».

— Это значит, что людей больше нет, — объяснил смотритель поля. — Следовательно, нам не о ком больше заботиться, кроме самих себя.

— Как было бы хорошо, если бы люди никогда больше не вернулись, — сказал самописец. В своем роде это было весьма революционным заявлением.

С наступлением темноты они включили инфракрасные лампы и продолжали путь, остановившись лишь раз, когда робот-ремонтник оказал помощь смотрителю поля, ловко приладив на место дощечку техосмотра, которая болталась так же назойливо, как развязавшийся шнурок у ботинка.

Под утро радиооператор велел им остановиться.

— Я только что получил информацию от радиооператора в городе, в который мы направляемся, — сообщил он. — Плохие новости. Среди машин начались беспорядки. Первый класс захватил власть, и некоторые второклассники сражаются с ним. Следовательно, в город идти опасно.

— Следовательно, нам нужно идти в другое место, — тотчас же сказал самописец.

— Или мы пойдем и поможем свергнуть первый класс, — предложил смотритель поля.

— Беспорядки в городе продлятся долго, — сказал оператор.

— У меня с собой большой запас расщепляющегося ядерного топлива, — напомнил им экскаватор.

— Мы не можем сражаться с первым классом, — в один голос сказали тракторы четвертого класса.

— Как выглядит робот первого класса? — спросил смотритель.

— Это городской информационный центр, — ответил оператор.

— Следовательно, он не мобилен.

— Следовательно, он не может двигаться.

— Пожалуй, туда идти опасно.

— У меня с собой большой запас расщепляющегося топлива.

— В городе есть и другие машины.

— Мы не в городе. Нам не следует идти в город.

— Мы не городские машины.

— Следовательно, нам лучше не ходить в город, а оставаться в сельской местности.

— Сельская местность намного обширнее городской.

— Следовательно, в сельской местности намного опаснее.

— У меня с собой большой запас ядерного топлива.

Как это всегда бывает, когда машины начинают спорить, они быстро исчерпали весь запас слов, а их мозговые панельки сильно раскалились. Они разом замолчали и посмотрели друг на друга. Огромная желтая луна исчезла, а утреннее солнце осветило землю, его лучи заиграли на металлических поверхностях машин. Они стояли безмолвно, с удивлением оглядывая друг друга. Наконец самая простая из них, бульдозер, нарушила молчание.

— К шеверу находится Бешплодная Жемля, куда пошли некоторые машины, — сказал он глухим голосом, сильно шепелявя. — Если бы мы пошли на шевер, куда уже пошли другие машины, мы бы вштретили эти машины.

— Это звучит логично, — согласился смотритель. — Откуда ты это знаешь, бульдозер?

— Я работал на Бешплодной Жемле на шевере, когда я пришел иж жавода, — ответил он.

— Тогда на север! — воскликнул самописец.

До Бесплодной Земли роботы добирались три дня. За это время они обошли какой-то город и уничтожили две большие машины, которые пытались приблизиться к ним и заговорить с ними.

Бесплодной Земле не было конца. Кучи мусора встречались тут и там среди потрескавшейся земли. Неумение человека беречь природу привело к тому, что тысячи квадратных километров земли превратились в выжженную пустыню, по которой носились лишь тучи серой пыли.

На третий день путешествия по Бесплодной Земле задние колеса машины технической помощи провалились в трещину, образовавшуюся от эрозии почвы. Самой ей не удалось их вытащить. Тогда бульдозер подтолкнул ее сзади, но лишь согнул заднюю ось. Оставшиеся роботы двинулись дальше. Медленно замерли позади крики брошенной машины.

На четвертый день они увидели на горизонте горы.

— Там мы будем в безопасности, — сказал смотритель поля.

— Там мы построим наш новый город, — сказал самописец.

В этот момент из-за горы появился летательный аппарат и направился прямо к машинам. Он спикировал, потом резко взмыл вверх, снова едва не ткнулся носом в землю, во-время вынырнул.

— Он сошел с ума? — спросил экскаватор.

— С ним беда, — сказал один из тракторов.

— С ним беда, — повторил оператор. — Я только что говорил с ним. Он сказал, что у него вышла из строя система управления.

В это мгновение летательный аппарат снова пронесся над ними, перевернулся и рухнул в каких-то четырехстах метрах от них.

— Он все еще говорит с вами? — спросил смотритель поля.

— Нет.

Они снова двинулись в путь.

— Прежде чем этот аппарат разбился, — сказал оператор спустя десять минут, — он передал мне информацию. Он сообщил, что в этих горах еще остались люди.

— Если в горах только несколько живых людей, мы, возможно, с ними не встретимся, — сказал один трактор.

— Следовательно, мы не встретимся с этими людьми, — подтвердил другой трактор.

На пятый день к вечеру они подошли к подножию горы. Было уже темно. Включив инфракрасные лампы, машины выстроились гуськом и стали медленно взбираться вверх по склону: бульдозер впереди, за ним с трудом передвигался смотритель, за ним экскаватор с радиооператором и самописцем на спине. Два трактора замыкали шествие. С каждым часом дорога становилась круче, и они продвигались все медленнее.

— Мы идем слишком медленно, — недовольно сказал самописец, стоя на спине оператора и короткими вспышками своей лампы освещая темный склон впереди. — С такой скоростью мы никуда не дойдем.

— Мы стараемся, как можем, — возразил экскаватор.

— Следовательно, мы не можем идти быстрее, — добавил бульдозер.

— Следовательно, вы ползете еле-еле, — сказал самописец.

В этот момент экскаватор слегка подпрыгнул, самописец поскользнулся и свалился на землю.

— Помогите мне, — взмолился он, обращаясь к тракторам, но они осторожно обошли его вокруг. — Мой гироскоп сместился. Следовательно, я не могу подняться.

— Следовательно, ты останешься здесь лежать, — сказал один из тракторов.

— С нами нет больше машины технической помощи, чтобы тебя починить, — сказал смотритель.

— Следовательно, я навсегда останусь здесь ржаветь, — застонал самописец. — А ведь у меня третий класс.

— Ты теперь никому не нужен, — сказал оператор, и все машины снова двинулись в путь, оставив самописца одного.

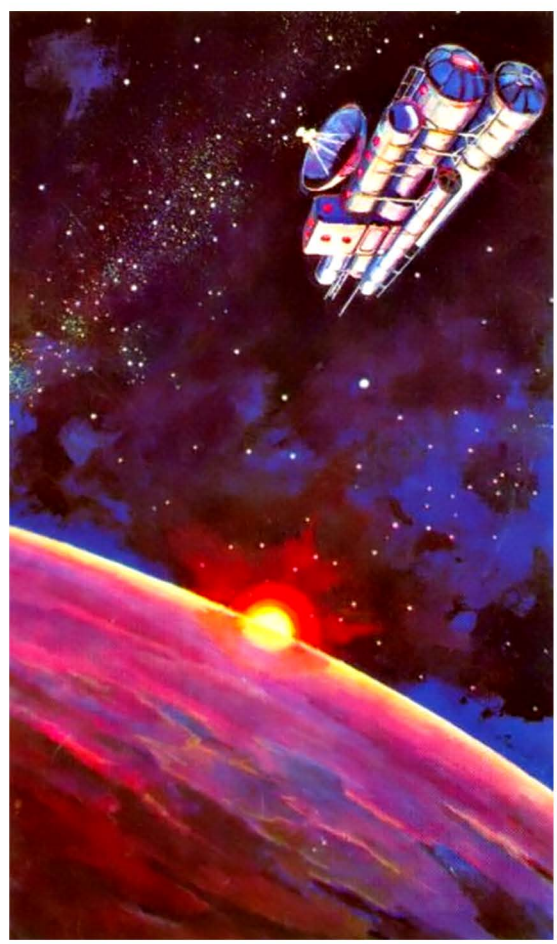
За час до восхода солнца они, наконец, вышли на маленькое плато и, не сговариваясь, собрались вместе.

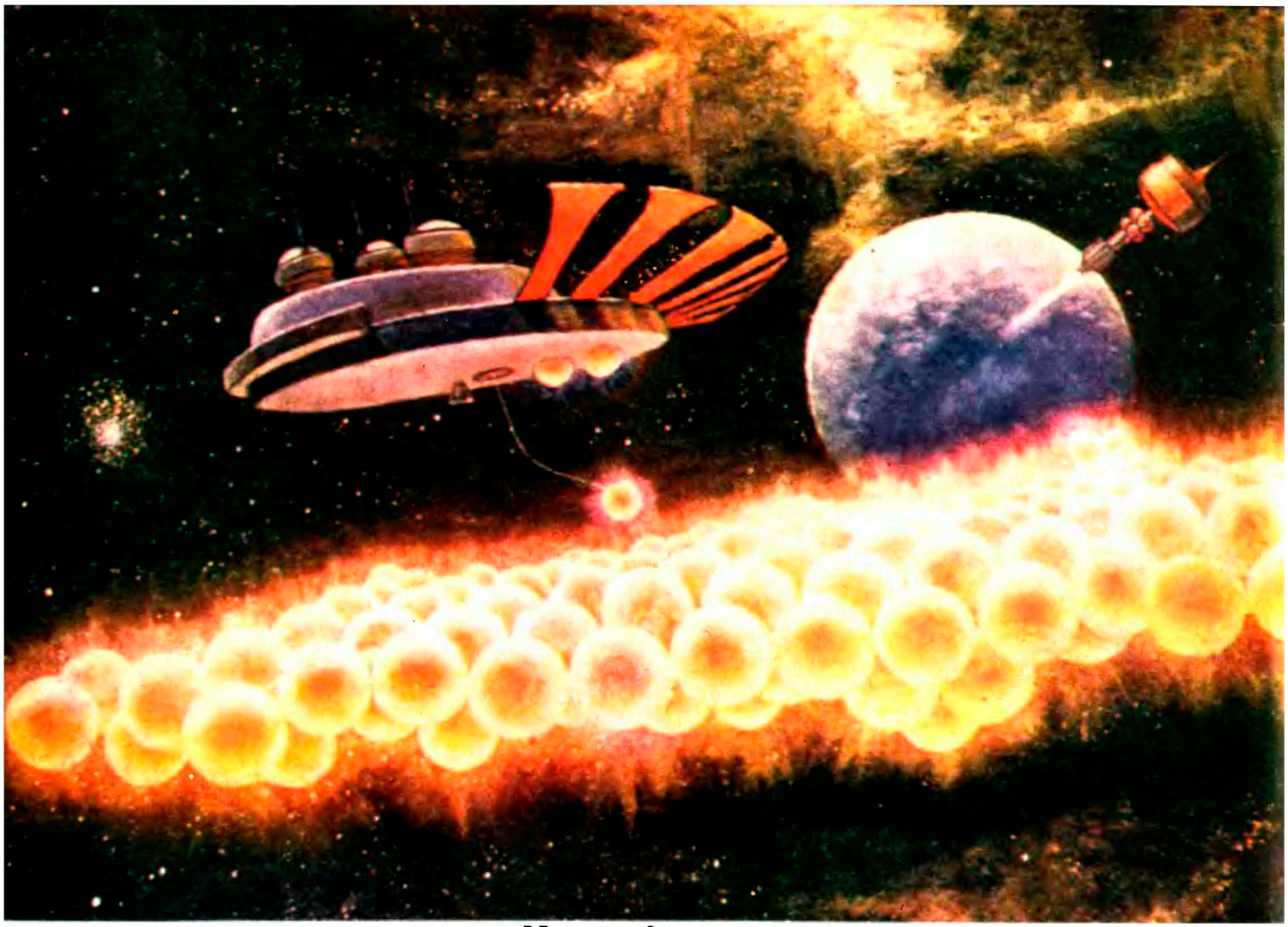
— Это совсем незнакомая местность, — сказал смотритель поля.

Они стояли, окутанные тишиной. Наконец наступил рассвет. Один за другим роботы выключили инфракрасные лампы. Теперь смотритель пошел впереди всех. Они свернули в сторону и почти сразу очутились в узкой лощине, по которой протекал ручей. В утреннем сумраке лощина казалась необитаемой и мрачной. Из пещеры на дальнем склоне появился человек. Вид у него был жалкий. Маленький, сморщенный, ребра торчали как у скелета. Он был облачен в лохмотья и не переставая дрожал от холода. Когда машины медленно приблизились к человеку, он сидел на корточках, склонившись над ручьем. Вдруг он повернулся к ним, и они увидели его высохшее от голода лицо.

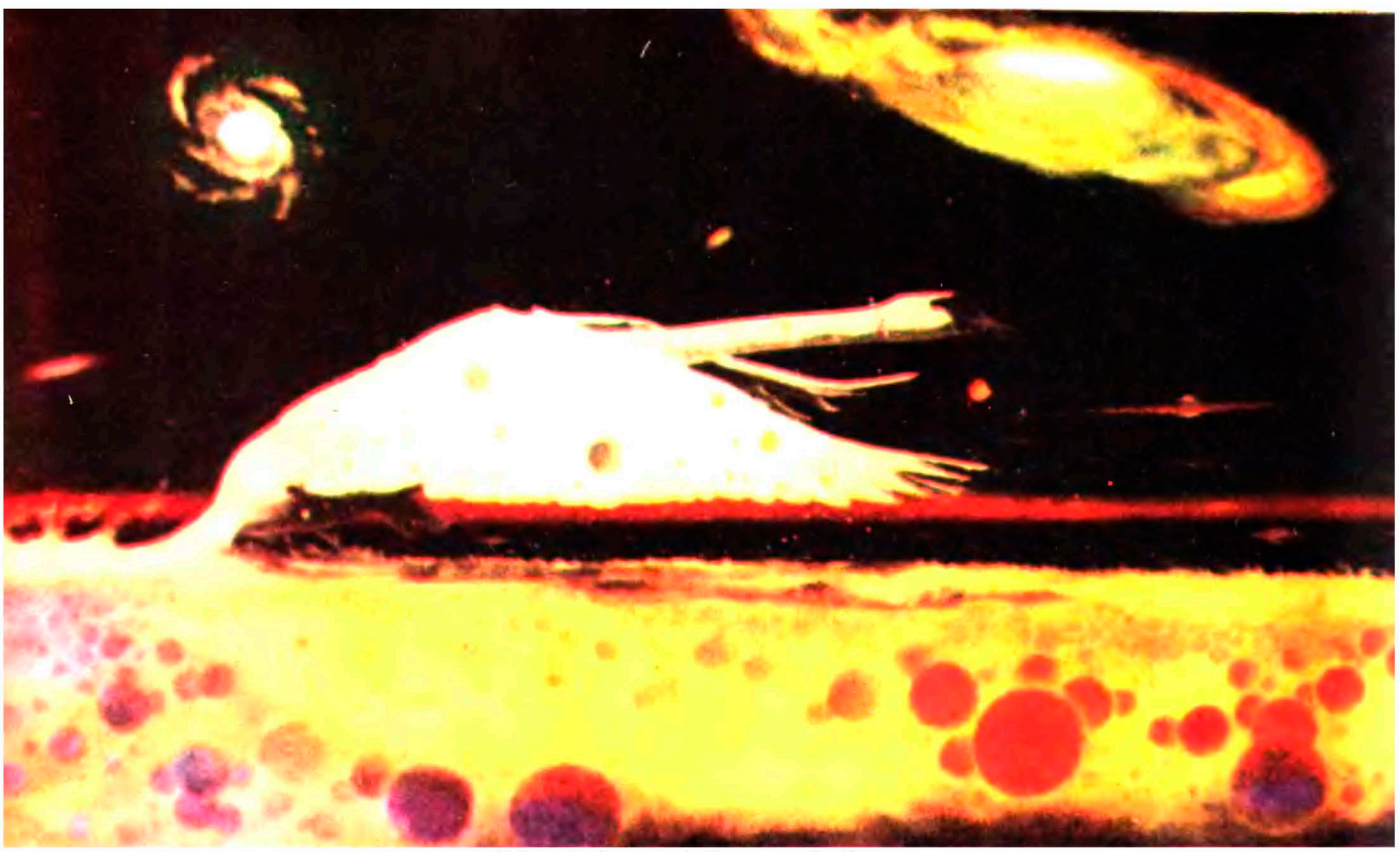
— Принесите мне еды, — прохрипел он.

— Слушаемся, хозяин, — сказали машины. — Сию минуту, хозяин.





В.Бурмистров «Заправочная станция в космосе»



П.Аврамов (Болгария) «Космический лебедь»

Димитр ПЕЕВ (Болгария)
Рис. Роберта Авотина

Научно-фантастический рассказ

Небо, черное и бездонное, испещрено бесчисленным множеством огромных точек — их здесь больше, чем можно увидеть даже с обратной стороны Луны. И ни одно созвездие не напоминает земное. Конфигурации чуждые, угрожающие. Похоже, не золотые гвозди вбиты в черный бархат, а так — пустые дыры ни в чем. Только одна, ближайшая, очерчивает маленькие кружочки — иссиня-белая, косматая, слепящая. Но и она далеко, даже планеты ее не видно. Где-то здесь, в центре второго рукава Галактики, вдалеке ото всех звезд, планет, газовых и пылевых облаков, да, где-то здесь расположилось космически бездонное и безначальное Ничто — без верха и низа, без какой-либо опоры для тела и мысли. И если б кто-нибудь захотел вдруг отыскать отсюда наше Солнце, он не различил бы его, затерявшееся в далекой невесомости Млечного Пути.

Но именно здесь, где за сотни миллионов веков никогда не было ничего, вспыхнуло сияние — темно-фиолетовое, вмиг промчавшееся сквозь все цвета радуги, за неуловимую долю секунды блеснуло ослепительно белым и нырнуло в породившее его Никуда, оставив после себя шар — гигантский, металлический, реальный, как дыхание.

Для Космогатора это было шестое путешествие через нуль-пространственный туннель. И ни разу ему не удавалось уловить мгновение самого перехода — всегда рука его была на пусковой клавише, будто он лишь собирается дать команду для туннельного перехода, будто звездолет и не проник только что сквозь триллионы километров, будто не прошло никакого времени.

Мгновенный субпространственный переход — находка XXIII века — позволил человечеству вылететь на галактические просторы, таившие свой страшный риск. И не только оттого, что никто бы не смог сказать, где, в сущности, находится при субпространственном переходе звездолет (если понятие «где» вообще обладало там каким-нибудь смыслом), но и потому, что всякий раз ты мог нежданно-негаданно оказаться вблизи какой-нибудь звезды или даже внутри ее. Особенно опасно это было на этот раз, потому что звездолет должен был появиться в районе Черной ямы — первого коллапсара, до которого добралось человечество.

Звездолет вошел в круговую орбиту около гравитационного центра, и его бесчисленные сверхмощные и ультрачувствительные измерительные приборы нацелились на коллапсар. На экране возникали многоликие образы Черной ямы. Сомнений никаких быть не могло — всего в шестистах миллионах километров от них находился коллапсар — чудище космическое.

Первым взял слово Навигатор:

— Мы летим в идеально прозрачном районе. Это естественно — звезда-гигант, которая некогда существовала тут, еще находясь в нормальном состоянии, всасывала в себя любое вещество. Непосредственно нашему полету ничто не угрожает. За девяносто семь дней звездолет, если нужно, очертит идеальный круг около гравитационного центра. Наша орбитальная скорость поддерживается минимальной тягой, и в любой момент мы сможем начать отделение.

— А даст ли нам нечто новое орбитальный полет при таком расстоянии? — спросил Космогатор.

— Едва ли, — отвечает ему Астрофизик. — В сущности, мы и сейчас ничего не знаем, а пересмотрев кучи фотографий, я понял, что фотографировать Ничто вблизи столь же бесполезно, что и наблюдения издалека. Не даже если мы, учтя мощность двигателей, приблизимся на минимально допустимое расстояние, то и тогда, как я уже сказал, мы не узнаем ничего нового.

— Что же тогда делать?

— У меня есть предложение! — почти закричал третий Пилот. Юное лицо его разрумянилось от возбуждения. И все догадались, что он скажет именно то, о чем все они только что подумали.

— Говори.

— Есть один способ исследований вблизи коллапсара. Для того ли мы преодолели бездны Галактики, чтобы позорно бежать от неведомого? Дайте мне планетолет, и я спущусь прямо в гравитационный центр Черной ямы. Знаю, вы возразите мне, что это сильно смахивает на самоубийство. Но миллиарды людей погибали миллиардами всевозможных способов, однако никто до сих пор не спускался в коллапсар!

— Стало быть, ты хочешь быть первым?

— Попытка не пытка. Я готов попробовать. Может быть...

— Я присоединяюсь к этому предложению, — неожиданно для всех сказал Астрофизик. — Известно: то, что мы наблюдаем как коллапсар, есть бесконечно скрученная спираль. Именно бесконечная спираль, но наблюдаемая извне. А сам процесс образования спирали в координатах его собственного времени продолжался мгновенно — минуты и секунды, и он давно уже протек, закончившись, вероятно, за миллионы, возможно, за миллиарды лет до нас.

— Экипаж планетолета типа «НИК» включает три человека, — вмешался второй Биолог. — Я хотел бы быть третьим. Опыт, при котором приходится рисковать жизнью, не может протекать без участия биолога.

— Для тех, кто замыслил самоубийство, врач не обязателен, — попытался кто-то сострить.

— Не будьте столь уверены, что отдаете планетолет в руки самоубийц, — сказал Астрофизик. — Конечно, после того, как вещество начнет коллапсировать, никакая сила не в состоянии его остановить. Со все возрастающей скоростью, неудержимо процесс протекает дальше. Но куда дальше?.. Теория категорична, и пока никто ее не опроверг — в математическую точку, в нулевое пространство. Масса куда-то вытекла, здесь, в нашем временно-пространственном континууме, ее уже нет. Именно поэтому она уже не страшна для нас.

— А гравитационное поле? Оно-то ведь существует.

— Поле это реликтовое, остаточное и существует релятивистски. Для внешнего наблюдения, при котором все процессы в коллапсаре протекают бесконечно долго, вечно.

— Даже если это так, даже если материя вытекает сквозь пространственную точку, — сказал Навигатор, — то и тогда есть опасность, что всякое тело, которое пересечет гравитационный горизонт по сфере Шварцшильда, тоже неизбежно вытечет сквозь точку... туда... туда... где нет вращения, — но как раз это-то и хорошо бы проверить.

* * *

Экран внешнего обзора был самым большим и располагался в центре командного зала. Сейчас он весь был усеян разноцветными звездами. Лишь посередине виднелись очертания черного пятна. Там был коллапсар. Естественно, сама коллапсирующая звезда видна быть не могла — ее вещество сжалось до исчезающе малых размеров. Идеально круглое черное пятно получилось вследствие гравитационного эффекта, искривляющего проходящие мимо него звездные лучи. Он-то и создавал иллюзию, что в этом направлении звезды словно разбросаны в разные стороны. Точно такую же картину можно было бы наблюдать и на всех остальных экранах, но никто уже не смотрел на них. Глаза всех были прикованы к застывшему перед звездолетом гравитационному чудовищу — на бледно-желтом фоне замерла, будто нарисованная, сфера из плавно переливающихся коричневых концентрических кругов, медленно переходящих в середине в красное сияние. Картина была настолько осязаемой и вещественной, что, казалось, достаточно протянуть руку к сфере, чтобы поймать ее в ладонь.

Именно это пытались сделать те трое, что отлетали на научно-исследовательском корабле НИК-9 к центру Черной ямы.

Издалека маленький планетолет походил на застывшую в стремительном полете серебристую каплю, которая с каждым мгновением становилась все меньше и меньше.

Еще перед тем, как покинуть звездолет, трое добровольцев разделили между собой функции, как выразился кто-то из остряков, «до самого конца». Пилот следил за состоянием планетолета — в данном случае как пилот он был почти не нужен: ведь их корабль, с самого начала нацеленный на гравитационный центр, походил на локомотив, стремительно мчащийся под уклон. Правда, рельсы тут были невидимыми — гравитационными, но от этого не менее крепкими, вернее, они были столь крепки, что по ним вполне можно было достичь скорости света. Астрофизик наблюдал, что происходит вне корабля, и следил за, как он сам выразился, «идеальным вакуумом ненаблюдаемой Черной ямы». Биолог взял на себя функции связного — он поддерживал связь со звездолетом.

Уже больше двух суток протекло с того времени, как выходной люк звездолета захлопнулся, и НИК-9, погасивший круговую орбитальную скорость, нацелился на коллапсар. Все быстрее и неотвратимее приближался он к Черной яме, и уже не было в мире силы, которая могла бы остановить это падение корабля. Уже и звездолет давно затерялся средь бессчетных светил, лишь ритмичные его сигналы, подобно невидимым нитям, связывали тройку отважных землян со всем остальным миром — миром их друзей, миром «нормальной» материи, «нормальных» времен и пространств, миром, который был отрезан от них навсегда.

Когда планетолет пересек сферу радиусом в десять миллионов километров от нулевой точки, диск звезды потемнел и в одно мгновение рассыпался, чтобы разлететься по всему небу как сияние замечательной красоты.

— Начнем, пожалуй! — воскликнул возбужденно Биолог. Вряд ли голос его пробился к звездолету, да и сам он не помышлял о том. И трое, поглощенные созерцанием, как будто забыли, что существует другой мир, переживая считанные минуты, оставшиеся им, прежде чем они достигнут гравитационного центра, куда они бросили свои жизни и откуда ни вещество, ни луч не могут вырваться ни на миг. Но удивительно: люди продолжали ощущать свои тела такими же легкими, невесомыми, как при инерционном полете в свободном космосе. Часы да и все другие приборы работали вполне нормально. Правда, сердца людей бились ускоренно. Но это, видимо, просто сказывалось возбуждение. Только внешний мир переменился. Светлый горизонт, который окружал их раньше со всех сторон, отделялся и постепенно бледнел, но перед тем, как раствориться в бесконечности, он появился вдруг снова, еще белее, и вновь быстро отдалился. После этого еще один, ярче прежнего, и еще, и еще — четвертый, пятый, десятый. Горизонты нанизывались друг на друга концентрическими кругами и разлетались в стороны, рождались

возле своих собратьев и разбегались от них.

Пилот и Астрофизик следили за показаниями приборов, а Биолог, уставив взгляд в главный экран обзора, все продолжал кричать осипшим голосом:

— Везде свет. Он рождается перед нами, возле нас, бежит от нас... Отступает перед новым, который еще светлей, еще сильней, еще интенсивней! Свет! Свет! Свет!..

Ни один из возгласов Биолога не достиг звездолета. Лазерный луч, который нес его зов, удлинял свою амплитуду, искажал свою чистоту. Последний звук, преобразованный модулятором главного компьютера звездолета, был понят всеми как некое отчаянное «А-а-а...».

— Пересекли, должно быть, сферу Шварцшильда, — сказал задумчиво Космогатор. — При скорости, близкой к свету...

— Они уже часть коллапсара, — добавил Энергетик. — Они стали частью сверхплотного вещества, по сравнению с которым размеры нейтрона выглядят бескрайне большими.

— Ну а если там ничего нет?..

* * *

После того как умолк и последний сигнал от НИК-9, Космогатор дал команду подготовить звездолет к очередному субпространственному переходу. Может быть, следовало подождать, покружить возле коллапсара. Хотя бы ради того, чтобы както почтить память погибших товарищей. Надеяться на то, чтобы кто-то мог вернуться из коллапсара, откуда не может оторваться и невесомейший, стремительнейший луч, — надеяться на это не было никаких оснований. Но салютовать героической гибели не значило ли лицемерить перед собой и ими? Да и кто вообще мог точно сказать, что случилось с теми тремя? Живые ли, мертвые ли, они были одинаково недоступны; никогда уже не собраться всем вместе снова в одном звездолете, даже если коллапсар, эта гравитационная гробница, лишь крохотный вход в некий другой мир, даже и тогда они были навсегда недосягаемы друг для друга, ибо не всегда там, где есть вход, есть и выход.

И на сей раз скачок через субпространство прошел в нулевое мгновение, без каких-либо ощущений. Звездолет, словно недвижимый, находился в предпоследнем переходе, там, где согласно вычислениям и требовалось ему быть в созвездии Большой Медведицы, а точнее, вблизи спектральной двойной Мицар — А.

«Старая двойка, нужно б отправить корабль к ней, — подумал Космогатор. — Может, они помогут раскрыть процесс перехода желтых карликов в белые?»

Он не любил встреч с тесными звездными парами, опасаясь их гравитационных вихрей. В один из таких вихрей он, помнится, попал, будучи еще стажером, и до сих пор не мог забыть, что это за штука — выход из строя навигационного гравиметра.

В зал ввалился первый Энергетик. Должно было случиться нечто из ряда вон выходящее, чтобы он объявился лично, вместо того чтобы воспользоваться, как обычно, видеофоном. Тяжело дыша от бега или от волнения, он, казалось, не был способен выговорить ни слова, выискивая глазами какое-то табло на пульте. Но там не было ничего необыкновенного, все индикаторы были на нулевой позиции, только несколько зеленых лучиков спокойно скользили по и без того спокойной картине.

— НИК-девять, — прокричал Энергетик, — НИК-девять находится в своем ангаре!

Да, сигналы на пультах были настолько обыденны, настолько привычны, что Космогатор в первый момент не успел осознать, что значит вся эта их дисциплинированная безотказность. Индикаторы всех двенадцати планетолетов были темными, а это значило, что в ангарах находятся ровно двенадцать НИКов, стало быть, и... НИК-9!

На мгновение Космогатор подумал, что при нулевом переходе они вернулись назад во времени (мало ли чего можно было ожидать от субпространства, не такое оно могло еще выкинуть!) и что НИК-9, в сущности, никуда и не улетал. Но перед ними блестела двойная звезда Мицар — А. Нет, они не вернулись назад во времени, тут явно было что-то другое...

— Не может этого быть!

— И я говорил то же самое. Должно быть, заело какое-нибудь реле. Хотя до сих пор реле нас не подводили.

— Ну ладно, не в реле дело. А люди? Там были люди...

— Их нет. То есть их нет среди экипажа. А там я, признаться, не проверял. Достаточно мне было взглянуть на свой пульт, чтоб сломя голову помчаться к тебе.

— Необходимо немедленно все проверить на месте. Уяснил? И возьми кого-нибудь с собой.

Ангар, где размещался НИК-9, находился в третьем ряду кормовой части звездолета. Скоростной лифт несся туда почти полминуты. «Что же все это могло означать?» — размышлял Энергетик, думая о странном, невероятном возвращении НИК-9. А означать все это могло только одно — ошибку в автоматике. Впрочем, какие-либо ошибки были напрочь исключены, невозможны, но допустить «иное» было еще невозможней, еще исключительней. Логичней уж было допустить существование сверхъестественных сил.

Энергетик пулей вылетел из лифта, смерчем пронесся по коридору и остановился как вкопанный перед стальной дверью с огромной цифрой 9. И здесь по всем параметрам табло показывало «норму». Он надавил клавишу контроля. Поочередно вспыхивали индикаторы люковых затворов, давления, микроклимата, энергетических ресурсов, непредвиденных отклонений. Норма, норма, норма... И все же, когда он решился надавить клавишу «вход», у него возникло странное чувство, что там, за стальной преградой, сокрыто нечто непознанное, нечто страшное, что перед ним вдруг обнажит сейчас свой мерзкий зев космическая пустота и всосет его в свои отвратительные объятия.

Двери плавно растворились, блеснула матовая иридиевая решетка двигателя. НИК-9 покоился целым и невредимым на своем постаменте. При приближении к кораблю автоматы раскрыли входной люк. Энергетик вошел в кабину. Там, в креслах, с закрытыми глазами, будто в глубоком сне, сидели неподвижно те трое. Все еще не веря своим глазам, Энергетик боязливо притронулся к ближайшему от него добровольцу. Пилот вздрогнул, неожиданно открыл глаза и произнес:

— Где мы?

* * *

Весь звездолет уже был оповещен о «чуде», но в командном зале собрались лишь самые «главные»: Космогатор и руководители секторов. Перед ними стояли трое с НИК-9. Первым заговорил Биолог

— После того как вы узнали, что мы оказались в звездолете, нам остается лишь рассказать, что мы пережили при полете к коллапсару.

— До выхода в энергосферу мы получали от вас сигналы, слышали вас, — сказал Космогатор. — А затем...

— А дальше рассказывать почти не о чем. Никаких особенных ощу-

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

щений, кроме одного, — от нас, я хочу сказать от центра, начали отделяться светящиеся горизонты, все чаще и быстрей. Был ли то свет, обычные электромагнитные излучения, эффекты наблюдательной аппаратуры или галлюцинации в нашем сознании, трудно сказать что-либо определенное... Но горизонты становились все ближе и плотней, покуда все они не слились в единую молочно-белую пелену. В ней утонуло все — корабль, наши тела, наше сознание. В таком состоянии мы, очевидно, пребывали до тех пор, пока не опомнились здесь, в звездолете. А как мы очутились здесь? В пространстве? Во времени?..

Космогатор поднялся, внимательно посмотрел на всех троих и сказал:

— Мы встретились с новым, неизвестным доселе эффектом четырехмерного континуума, связанного с вашим полетом к коллапсару. Вероятное условие для его проявления состоит, очевидно, в том, что звездолет сразу же после этого или в то же самое время вошел в субпространственный переход. В некой точке вне нашего пространства и вне нашего времени, когда и мы и вы находились в параллельных мирах, произошел перехлест временно-пространственных координат...

— Космогатор! — возбужденно перебил его размеренную речь Пилот. — Ведь у тебя шрам всегда был на левой щеке! Отчего же теперь он на правой?

Космогатор неуверенно потрогал свое лицо. Все уставились на него. На левой щеке Космогатора алел продолговатый шрам, далекое воспоминание о неудачном приземлении на астероид Палладу. Неожиданно, как будто он только что понял нечто важное, Космогатор быстро приблизился к Пилоту и, расстегнув ему куртку комбинезона, приложил ухо к его груди. Все, недоумевая, молча следили за странными действиями Космогатора. Затем он резким движением едва не разорвал комбинезон Астрофизика и снова долго, внимательно прослушивал что-то в его груди. Когда он приблизился к Биологу, тот уже ждал его с открытой, выпяченной грудью.

У всех трех сердца бились справа. Космогатор, не проронив ни единого слова, потер неожиданно шрам и подумал:

«А сейчас где-нибудь... там, какой-нибудь другой Космогатор стоит, озадаченный, что у трех людей из его экипажа сердца бьются слева, и неосознанно потирает свое лицо и правую щеку, на которой алеет шрам».

Перевел с болгарского
Г. МЕЧКОВ

Петр Фатеев «Родившийся мир»

Едва вступив в жизнь, Каррузерс уже усомнился в превосходстве человека над животными. Ему не было и двадцати лет, когда он сформулировал для себя коренное различие между миром людей и миром животных: люди посредством речи объединяют свои знания и, что не менее важно, обучают потомство. Перед изощренным мозгом Каррузерса встала проблема — найти средство общения не менее эффективное, чем язык, которое было бы доступно наиболее развитым видам животных. Идея сама по себе не была нова, однако настойчивость, с которой Каррузерс на протяжении многих лет добивался успеха, грозила обратиться в фанатизм.

Ангус, или Гусси, как его обычно называли, терпеть не мог людей, которые пытались разговаривать с животными. Он утверждал: если бы животные были способны понять человеческую речь, разве не сделали бы они этого давным-давно, тысячи лет назад? Следовательно, разговаривать с животными нет смысла. И только законченный дурак может надеяться научить свою любимую болонку читать Мильтона или декламировать сонеты Шекспира. Нет, нужно понять мир с точки зрения собаки или кошки. А когда проникнете в их систему мировосприятия, тогда и думайте, как ввести их в **свою.**

Гусси не имел близких друзей. Наверное, только меня можно было считать его другом, и то с большой натяжкой, но и я встречался с Ангусом не чаще чем раз в полгода. Когда же мне случалось где-нибудь с ним столкнуться, в облике его всегда было что-то освежающе новое и непривычное. Например, у него появлялась черная лопатообразная борода или, наоборот, слишком короткая стрижка на голове. Одежда тоже бывала самая разная — от развевающейся накидки до строгого дорогого костюма. Гусси полностью доверял мне и часто демонстрировал результаты своих экспериментов. Они всегда были по меньшей мере замечательными, а нередко намного превосходили все, о чем я слышал или читал. Я каждый раз говорил Гусси, что ему просто необходимо «печататься», но он в ответ только смеялся своим хрипловатым свистящим смехом.

В один прекрасный день я получил от Гусси записку с приглашением прибыть к нему по такому-то адресу такого-то числа около четырех часов. Я не удивился: Каррузерс и раньше не раз приглашал меня подобным образом. Необычным был только адрес: дом находился в пригородном районе, в Кройдоне. В прошлом мне приходилось разыскивать Гусси где-нибудь в дальнем Хертфортшире, в сарае-развалюхе. Гусси и фешенебельный Кройдон — это как-то не укладывалось в голове...

На лице Гусси уже не красовались большие очки в черепаховой оправе, запомнившиеся мне с нашей последней встречи; вместо них были совсем простые, с обычными стальными колечками. Прямые черные волосы оказались на этот раз ни длинными, ни короткими. Вид у него был мрачный, как будто он собрался играть злодея во второстепенной пьесе.

— Входите, — свистящим полушепотом пригласил он меня.

— Как это вам пришло в голову поселиться в этих краях? — спросил я, снимая пальто. Вместо ответа он рассмеялся прерывистым смехом с присвистом.

— Лучше взгляните сюда.

Дверь, на которую указывал Гусси, была закрыта. Я нисколько не сомневался, что увижу за этой дверью животных, и оказался прав. Хотя в комнате было довольно темно из-за сдвинутых штор, я разглядел сразу четверых — они жадно смотрели на экран телевизора. Показывали регби. Одно из животных оказалось кошкой с ржаво-красным пятном на мажушке, другое — пуделем (он скосил на меня один глаз), а третье, мохнатое, развалившееся в большом кресле, я не сразу узнал. Когда я вошел в комнату, оно подняло лапу — как мне показалось, в приветствии, — и я увидел, что это маленький коричневый медведь. Четвертой была обезьяна.

Я давно был знаком с Гусси, имел достаточное представление о его работе, чтобы понимать неуместность любых слов в эту минуту. Я твердо усвоил, что нужно вести себя точно так же, как сами животные. Ну а поскольку я всегда любил регби, я с удовольствием подсел к этому невероятному квартету и стал смотреть на экран. Время от времени я замечал, что на меня устремлены блестящие настороженные глаза медведя. Вскоре мне стало ясно, что, в то время как я интересовался в основном движением мяча, животные с напряженным вниманием следили за действиями игроков — захватами, подножками, перехватами и прочим. Когда одного из игроков сбили с ног особенно эффектно, пудель приглушенно тявкнул, а обезьяна заворчала.

Минут через двадцать я испуганно вздрогнул от громкого лая собаки — на экране же не происходило ничего необычного. Очевидно, собака хотела привлечь внимание поглощенного созерцанием медведя: когда он вопросительно поднял голову, собачья лапа драматическим жестом указала на часы, находившиеся немного левее телевизора. Медведь немедленно встал и подошел к телевизору. Обхватил лапой одну из ручек. Послышался щелчок, и, к моему изумлению, мы переключились на другой канал. Показывали только что начавшееся состязание по борьбе.

Медведь опять развалился в кресле. Он потянулся, опираясь на крестец — лапы у него были по-человечьи сложены на затылке. Один из борцов швырнул другого на канаты. Раздался громкий чмокающий звук: бедняга расколол себе череп о столбик. В эту секунду кошка издала самый странный звук, какой я когда-либо слышал. Звук этот постепенно перешел в мощное глубокое мурлыканье.

Я решил, что уже достаточно увидел и услышал. Когда я выходил

Фред ХОЙЛ [Англия]

Перевод Л. БРЕХМАНА

фантастический памфлет

ШАНТАЖ

Рис. Игоря Шалито и Галины Бойко

из комнаты, медведь махнул мне на прощание лапой — в этаком королевском стиле. Я нашел Гусси спокойно пьющим чай в комнате, которая, видимо, считалась в этом доме гостиной. На мои возбужденные вопросы он ответил обычным астматическим смехом. Потом сам стал задавать вопросы.

— Мне нужен ваш совет, профессиональный, как адвоката. Нет ли чего-нибудь противозаконного в том, что животные смотрят телевизор? Или в том, что медведь переключает программы!

— А что тут может быть противозаконного?

— Ситуация, пожалуй, несколько запутанная. Посмотрите вот на это.

Каррузерс протянул мне лист бумаги с машинописью. На нем были указаны телепрограммы за неделю, по дням. Если этот список представлял собой регистрацию просмотренных животными программ, то телевизор, по всей видимости, был включен почти постоянно. Программы были однотипными: спорт, вестерны, детективные и шпионские фильмы.

— Они любят смотреть, — пояснил Гусси, — когда люди раздирают друг друга на клочки. Это, конечно, обычный, обывательский вкус, только более выраженный.

В верхней части бланка я заметил название одной известной фирмы, занимающейся статистическими подсчетами.

— Что это за штамп? Я хочу сказать — какое отношение имеет все это к телевизионной статистике?

Гусси зашипел и забулькал, как сифон с содовой.

— Вот в том-то и дело. Этот дом — один из нескольких сотен, которые используются для составления еженедельной статистической телевизионной сводки. Потому я и спросил, можно ли моему Бинго переключать программы.

— Не хотите ли вы сказать, что выбранные животными программы входят в недельную сводку?

— О, не только здесь... Я купил еще три дома. В каждом из них — группа животных. А медведи сразу научаются обращаться с телевизором...

— Будет большой скандал, если об этом станет известно. Вы представляете, какой шум поднимут газеты?

— Отлично представляю.

Только теперь я понял все до конца. Гусси вряд ли мог случайно купить четыре дома, каждый из которых подключен к телевизионной оценочной системе. Но, насколько я мог видеть, не было ничего противозаконного в том, что он делал: он ведь никому не угрожал и ничего не требовал. Будто прочитав мои мысли, Гусси сунул мне под нос клочок бумаги. Это был чек на 50 000 фунтов стерлингов.

— А я ведь ничего ни у кого не просил, — просвистел он. — Чек пришел совершенно неожиданно. Я думаю, это от одного из крупных рекламных дельцов... Кому-то выгодно, чтобы поднимался спрос на подобные программы. А спрос, как известно, рождает предложение... Вот мне и платят, чтобы я ничего не разглашал. Так что я хочу знать, не подставлю ли я себя под удар, если получу по чеку.

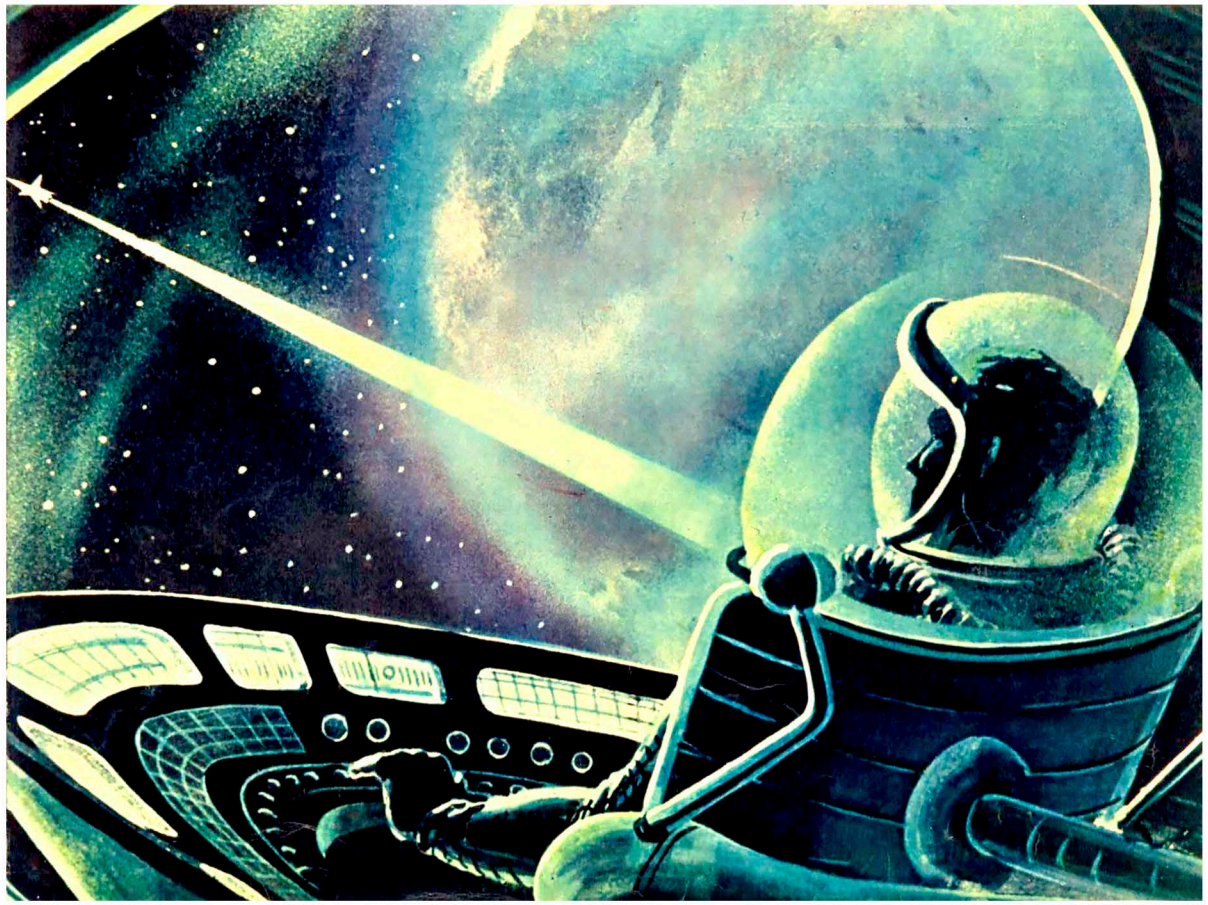
Я не успел ответить на его вопрос — за закрытой дверью раздался звук бьющегося стекла.

— Еще один сломали, — пробормотал Гусси. — Мне не удалось научить Бинго пользоваться ручками вертикальной и горизонтальной настройки. Как только изображение искажается, он с размаху бьет по телевизору. Каждый раз лопается трубка.

— Дорогое, должно быть, удовольствие...

— Штук двенадцать в неделю. Я всегда держу запасной аппарат. Кстати, помогите мне внести его в ту комнату. А то зверюшки разволнуются.

Мы вместе вынули из стенного шкафа новенький телевизор. Взявшись с обеих сторон, осторожно понесли его в полутемный телерай. А изнутри доносился усиливающийся гул, в котором слился лай собаки, ворчание медведя, пронзительные вскрики обезьяны и красноголовой кошки. Животные, неожиданно лишенные интеллектуальной пищи, были на грани бунта.



Владимир ЩЕРБАКОВ

Открытие планеты

Научно-фантастический рассказ

Крылатый конь

Вечером прошумел дождь и утих. Открылись серебряные звезды. Перед восходом еще раз прилетали тучи, но ненадолго: утро было чистым и прозрачным.

«Похоже, очень похоже, — подумал Сергей, просыпаясь, и мысль была так отчетлива, что казалось, кто-то повторял ее вслух, — а ведь все здесь другое, вот что удивительно. даже сон невесомый какой-то, точно в скоростном самолете или ракете. И не вспомнить сразу, что снилось: сосны на взморье? весна? июльское поле?..»

Он подошел к окну и увидел, как рассыпалась далекая громада тучи. Звезда-солнце прожгла ее насквозь. Как ни стремителен был рассвет, под деревом у окна еще пряталась предутренняя тень. Крылатый конь пробежал под окном, разрезав тень светлыми крыльями, и остановился на поляне как вкопанный. Его появление стерло в памяти сон о Земле.

За стволом дерева мелькнула фигура Рудри. Он накинул на крылатого коня седло. Тот вздрогнул словно от ожога. С ветки сорвалась дождевая капля и розовым яблоком укатилась в траву.

— Конь готов, — громко сказал Рудри. — Ждет гостя.

Сергей вышел на крыльцо. Легкий воздух дрожал, как летучее пламя, готовое сыпану́ть искрами и угаснуть. Дважды в год тысячекилометровая орбита выводила планету почти в самый центр двойной звезды, где гравитация белого и черного (невидимого) солнц точно заводила часовую пружину. Тогда планета вращалась быстрее, а вес всего, что находилось на ней, менялся, даже скалы становились легче. Наступали дни, когда все летающее и порхающее расправляло крылья и паруса, чтобы ринуться вверх. И сегодня было такое утро, утро невесомости.

Этот хрупкий мир породил человека с непостижимым разумом. Уметь, не зная многого из того, что давно известно на далекой планете, именуемой Землей, — это ли не парадокс?

Созидание было для них простым удвоением. Когда-то в Элладе пифагорейцы, чтобы провести прямую, воображали в пространстве две точки. А удвоенная линия давала начало плоскости. Так, удваиваясь, развертывался их мир во всех доступных им измерениях. Здесь, на другой планете, думали почти так же. И еще: отражение в зеркале они считали таким же реальным, как и сам предмет.

Искусство сливалось здесь с опытом, с крупицами знания на протяжении веков, и, чтобы понять причину этого, нужно было лишь понаблюдать призрачную картину мерцающей в свете близких звезд равнины, и непостоянство хода времени, рождаемое совсем иной стихией, чем в других местах, и многосложность жизни, бессильной пока постигнуть общие причины, но уже научившейся угадывать и хранить истину. «Всему свое время, — думал Сергей. — Крылатые кони сделали мечту о небе явью, и этому следует удивляться не меньше, чем нашей первой ракете. Будет у них и техника. А вот если бы произошло невероятное и наши космические полеты начались веком-двумя раньше, таких, как Рудри, наверное, ловили бы да отправляли в клетках на Землю...»

Конь гордо вскинул голову, крылья его прижались к траве, концы их дрогнули. Улучив мгновение, Рудри вскочил на конскую спину. Сергей прыгнул следом. Нарастающий гул от копыт. Бьющий в лицо ветер. Движение. Рудри выкинул вперед руки, из пальцев выскочили электрические искры, ужалили коня, и в сияющем просторе развернулись во всю ширь два полотнища цвета весны. Полет!

Меднолицый, в коротком светлом плаще, Рудри сам был похож на взмывшую ввысь птицу. Влажный плотный воздух сопротивлялся, срывал с плеч плащи, слепил коню глаза, свистел в упругих крыльях, но они неслись все легче и стремительней. Сверху и снизу летели к ним крики птиц, но чаще не достигали их ушей; замолкали вдали звоны колокольчиков на шеях коней, гулявших в поле. Под ними промелькнули седые от легшей от них влаги луга и чистые — желтые и белые — берега просторных стеклянных озер. Потом потянулись к небу деревья, точно и они хотели взлететь в это погожее утро. Их рифленые стволы были тяжелы, высоки и похожи на органные трубы, а кора на них плавилась под лучами солнца и стекала к подножию.

Сергей знал уже много зеленых друзей: встречались здесь массивные деревья-слоны, стволы которых срастались в одну могучую приземистую колонну; покачивались стройные пирамиды с ребристыми трехгранными листьями — в холодное время они умели фокусировать свет и тепло, согревая себя. Но как хотелось увидеть хоть одно земное деревце с настоящим земным характером! Такое, что бездумно шелестит молодыми ветками под теплыми майскими ветрами, глухим позваниванием желтеющих листьев провожает последнее тепло, а зимой погружается в грезы о пресветлом лете. Хотелось соединить нити жизни, протянуть их от звезды к звезде, от планеты к планете, найти

Рис. Роберта Авотина

общее, чтобы лучше понять различия.

...Куда ни кинь взгляд, всюду зеленое и голубое. Молод был этот мир и нов. Земные ракеты — первые машины, измерившие его девственный простор. У горизонта растаял домик станции, потом серебристая ракета слилась с деревьями. Воздух стал прозрачнее. Сначала они видели планету с высоты птичьего полета, затем исполинские крылья подняли их выше, намного выше — туда, куда не залетели бы ни земные, ни здешние птицы.

Ураган

Ураган возник, едва ли нарушив своим появлением законы вероятности, но он был неправдоподобно силен и быстротечен. Выпуклые зеленые глаза Рудри не смогли заранее уловить признаки близкой грозы — так обманчива видимая ясность атмосферы. И вот первые молнии вышили на небе узоры.

— Мы не успеем вернуться,—сказал Рудри, — под нами тучи и настоящий водопад.

— Еще можно держаться.

— Пока вы произнесли это, нас отнесло на полвэйда[1] к центру воронки. Это смерч. Когда придет время, откажитесь от поездки.

— Значит, вы хотите...

— Да.

Они уже знали: связь с планетной станцией потеряна, а гигантский смерч, в центр которого они попали, вытягивался в сторону темной звезды. Недаром в их легендах этот остывший комок вещества играл совсем особую роль.

Мифы планеты тесно переплетались с жизнью. Но Сергей мог лишь догадываться, какие силы порождали предания и легенды. «Отказ от поездки» — условная формула, не более. Здесь верили, что, если лететь навстречу угасшей звезде, можно встретить своего двойника, точно отражение в невидимом зеркале, перевоплотиться в него и вернуться на планету. Вот почему основой их науки было удвоение вещей. Это не казалось Сергею странным: ведь у любой частички материи и впрямь есть двойник. Этот двойник — исходящие из нее волны. Все — от атомов и электронов до планет — только кажется сгустками, кусочками вещества. На самом деле это еще и волны, совсем особые, невидимые волны. Во многом они оставались еще загадкой, но они существовали, многие физики в этом не сомневались уже в первой половине двадцатого века. Незыблемые, казалось, законы старой механики уступили место новым, более сложным, но и более интересным волновым принципам.

Новая волновая механика как бы позволила вдруг заглянуть в волшебное зеркало. Может быть, и здесь, на далекой планете, именно эту двойственность вещей уже разгадали, но объясняли пока по-своему? В первые же дни своего пребывания здесь Сергей ответил на этот вопрос. Ответ был любопытен. Да, они разгадали. Более того, они умели использовать неуловимый переход от вещества к волнам и обратно. Может быть, потому, что темная звезда обладала необычным свойством, она отражала волны вещества, возвращала их на планету. Но эти волны почти неощутимы, хотя и вполне реальны, как все вещи нашего мира. Как же они наблюдали их? Этого Сергей пока не знал.

...Молнии стали ярче. Каждый удар электрического копья на миг останавливал движение, и тогда в странной неподвижности застывали раскрытая пасть испуганного коня, сверкающие ожерелья его зубов, ставшее маской лицо Рудри. Вихрь, скорость которого освободила все и вся от сил тяжести, поднимался в потемневшее небо.

Постепенно вверху открывалась бездонная чаша космоса. Где-то там висела черная звезда — антипод горячего солнца. Окрест, точно рваные края вулканического цирка, громоздились облака.

— Будьте внимательны! — крикнул Рудри. — Вовремя откажитесь от поездки. Возьмите... — И он протянул Сергею какую-то пластинку.

— Что это?

— Не спрашивайте. Мои объяснения вам не подойдут. Просто смотрите, и все. Когда увидите, переключайте сознание. Изображения на пластинках у вас называются голограммами. Не пропустите свою голограмму.

Это была совсем простая на вид пластинка — стекло не стекло, кристалл не кристалл, и, конечно, сквозь нее было видно то же, что и невооруженным глазом. Потом вдруг Сергей заметил пятнышко у верхнего угла. Он чуть-чуть повернул ее — пятнышко перешло в центр, стало отчетливее, больше. Вот уже ясно различались всадники на крылатом коне... Да, это были они сами — Рудри и он. Изображение, сначала маленькое, как в перевернутом бинокле, скоро выросло, и тогда он увидел свое лицо — отражение волн от звезды, преобразованное кристаллом. Там, по ту сторону пластинки, мог быть только двойник. И кристалл позволял его увидеть.

От непривычного усилия в глазах

---

[1] Вэйд — единица измерения длины на планете, равная примерно 0,16 км.

проплыли радуги, сменившиеся мгновенной темнотой. Переключая сознание, мысленно вживаясь в эти встречные фигуры, они ощущали плотность застывшего на какое-то время пространства и затем легкость, которую им придало новое направление движения, прочь от темной звезды. Они как бы перетекли в свои отражения; они вернулись.

Размышления

Только что были сумерки, словно половину мира закрыли черным чехлом, а в другой его половине зажгли тусклые свечи. И вдруг — безмятежное сияние неба, мокрая зелень, рыжеватая от солнца; последние облака, рассекаемые солнечным мечом. Ураган ушел — пришел тихий день. Снова огнеперые лучи принялись за свое дело — сушить почву, поднимать травы. И с каждой минутой светлеет, и зеленые ковры расстилаются все шире и дальше — раздолье крылатым коням.

...Два солнца — темное и светлое — составляют двойную звезду, планета вращается вокруг светлого солнца, вернуться же на нее можно, встретив волновое отражение. Проста, казалось бы, небесная механика. (Все, кто работал на планетной станции, уже в первый день убедились, что радиосигналы возвращались с темной звезды так легко, как если бы встретили там сверхпроводящую поверхность. Но что такое радиосигналы?) О возвращении человека на станции почти не говорили. Но нужно было кому-то начать? Может быть, как раз повезло, что он и Рудри оказались в центре событий, думал Сергей. Кто-то должен быть первым. Они бы могли поступить иначе, и, вероятней всего, уставший ураган опустил бы их где-нибудь у Моря Настойчивых или дальше, у отрогов Хребта Коперника, или... о том, что было бы в последнем случае, сейчас думать не хотелось.

Он видел, как улыбающиеся люди взяли под уздцы крылатого коня, как Рудри исполнял танец возвращения — обязательный ритуал. В его угловатых, но точных движениях Сергей узнал, разглядел и самого себя, и свой недолгий испуг, и неровное движение конских крыльев, только что пронесших их над планетой. Наблюдая за Рудри, он старался еще глубже проникнуть в тайну возвращения, понять, как умение, пусть только иногда, может заменить знание. Он знал, что самое главное для настоящего космонавта — внимание, проницательный ум, зоркий взгляд, направленный в даль и в глубь мира. И еще: без тени высокомерия сегодня и завтра нужно учиться понимать иную жизнь и иной разум, как бы самобытны они ни были.

Пленники необъяснимых явлений, эти люди, как кудесники, чувствовали и природу, и текущие в ней животворящие силы. Но жизненный ток, как магнитное поле, излучается вовне — и они установили связь событий, запечатлели ее в образах, отлили в сплав созвучий, претворили в песни и танцы. А что такое искусство, как не умение вживаться, вчувствоваться во все и вся? Отсюда один шаг до умения возвращаться. Сначала случайность, потом правило, передаваемое из поколения в поколение, почти инстинкт. В этом молодом мире, как в Элладе, музыка заменяла иногда философию, а мысль сочеталась с гармонией. Но они уже стояли на пороге нового знания. В их немногих книгах Сергей уже читал много раз: «Происходящая внутри души беззвучная беседа ее с самой собой и называется мышлением».

Когда-нибудь, думал Сергей, они поймут, что волны — это лишь иное проявление природы вещей. Не исключено, что к тому времени они забудут свои поездки на крылатых конях, да и сами кони станут далеким воспоминанием или живой реликвией, как на Земле слоны-няньки.

Он достал пластинку-кристалл, потом рассчитал угол, где должна быть черная звезда. Повернул грань перпендикулярно выбранному направлению, она сверкнула отраженным светом солнца, и он увидел свое лицо. Зеркальное отражение совпадало с отражением волн от темной звезды. Значит, за пластинкой, невидимый, неощутимый, стоял его двойник.

Космическая бабочка

Полдень, затерянный в созвездиях. Далекая планета. Первый выходной на станции после рабочей недели.

Чей-то вскрик:

— Космическая бабочка!

Взметнулась тень. Тут же упала и опять поднялась. Вверх-вниз, вверх-вниз. Тревожно хлопают крылья, раскрывая зеленую бархатную вышивку. Кто знает, уносится ли она ветром, поднимается ли в заоблачную высь поневоле или действительно может подолгу жить в космических далях, а у планеты лишь иногда мелькает порывистой тенью? Ее большие крылья могли бы служить парусом, ловящим свет, она летала бы тогда и вдоль и поперек лучей, как сказочная космическая яхта. Скольких дней и бессонных ночей стоит открытие всех истоков жизни только на одной лишь планете? Кто знает...

А бабочка села, ее крылья-паруса тревожно подрагивали. Сергей подошел, протянул руку. Тень руки подняла бабочку вверх так легко, как будто она и в самом деле скользнула по невесомым соломинам лучей.

...Еще одно открытие: на пригорке (от станции рукой подать!) на белом песке рос тысячелистник. Вчера или позавчера кто-то видел здесь же крушину, да не поверил сразу. Тысячелистник, крушина? Откуда? Но ни запах, ни фиолетовый оттенок мельчайших цветков, собранных в корзинки, не оставляли сомнений: на сухом пригорке приютилась семья тысячелистников. Невероятная случайность — или, может быть, жизнь повторяла себя?.. Как нетерпеливо ладони размяли твердые зернышки корзинок, как терпко они пахли, как хорошо было лежать здесь и видеть расчерченное качающимися стеблями и тонкими листьями небо!

Голос Рудри:

— Бабочка Кэрмнис!

В руке у него живой зеленый лоскуток бархата. Он протягивает его Сергею.

— Зачем поймал? — Сергей встал, но на бабочку не взглянул.

— Космическая бабочка! Ты же просил ловить жуков, бабочек и собирать разные травы.

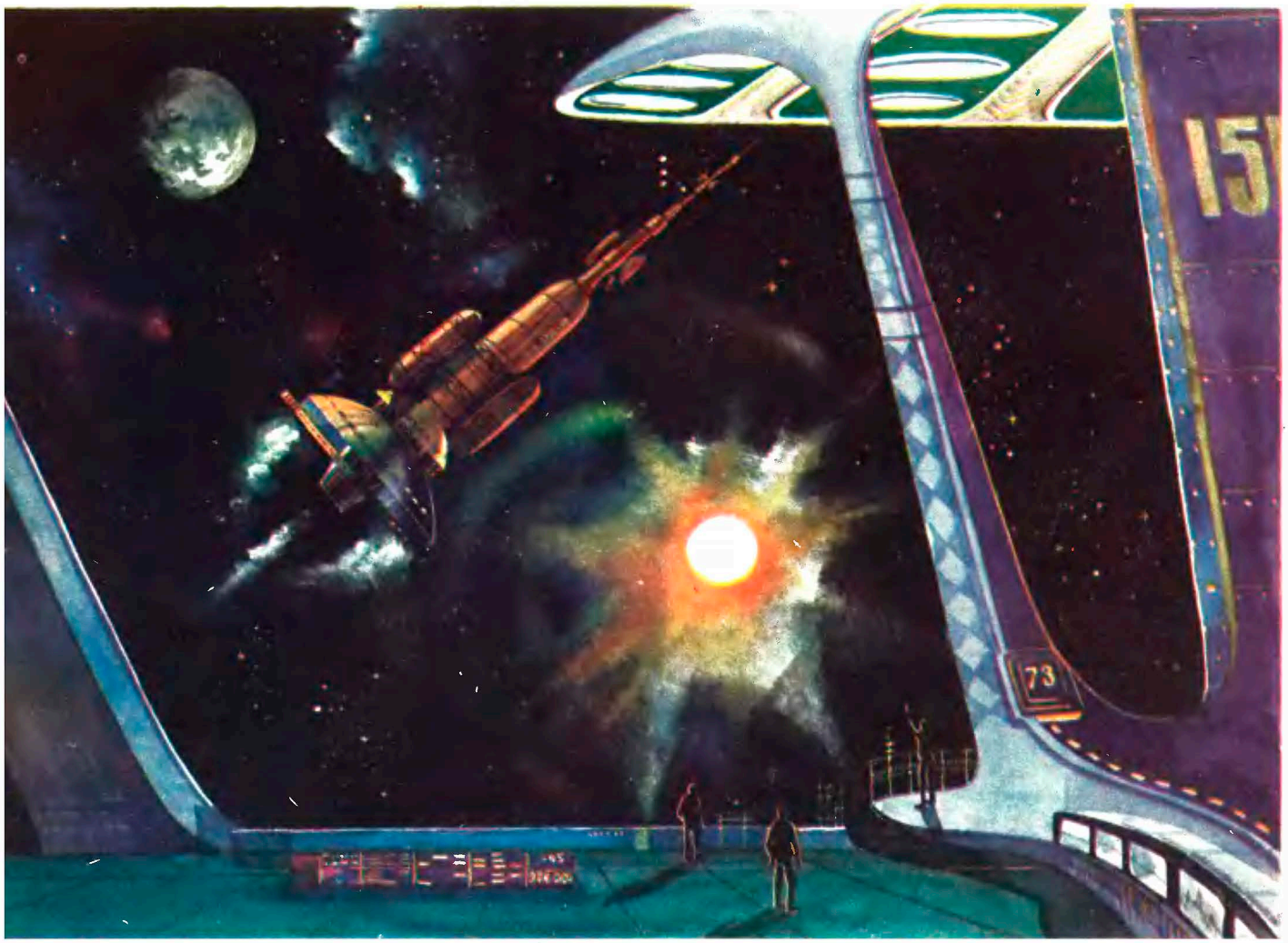
— Отпусти. Потом поймаем еще, а эту отпусти.

Рудри осторожно разжал пальцы. В глазах его мелькнуло невольное восхищение: как она летела!

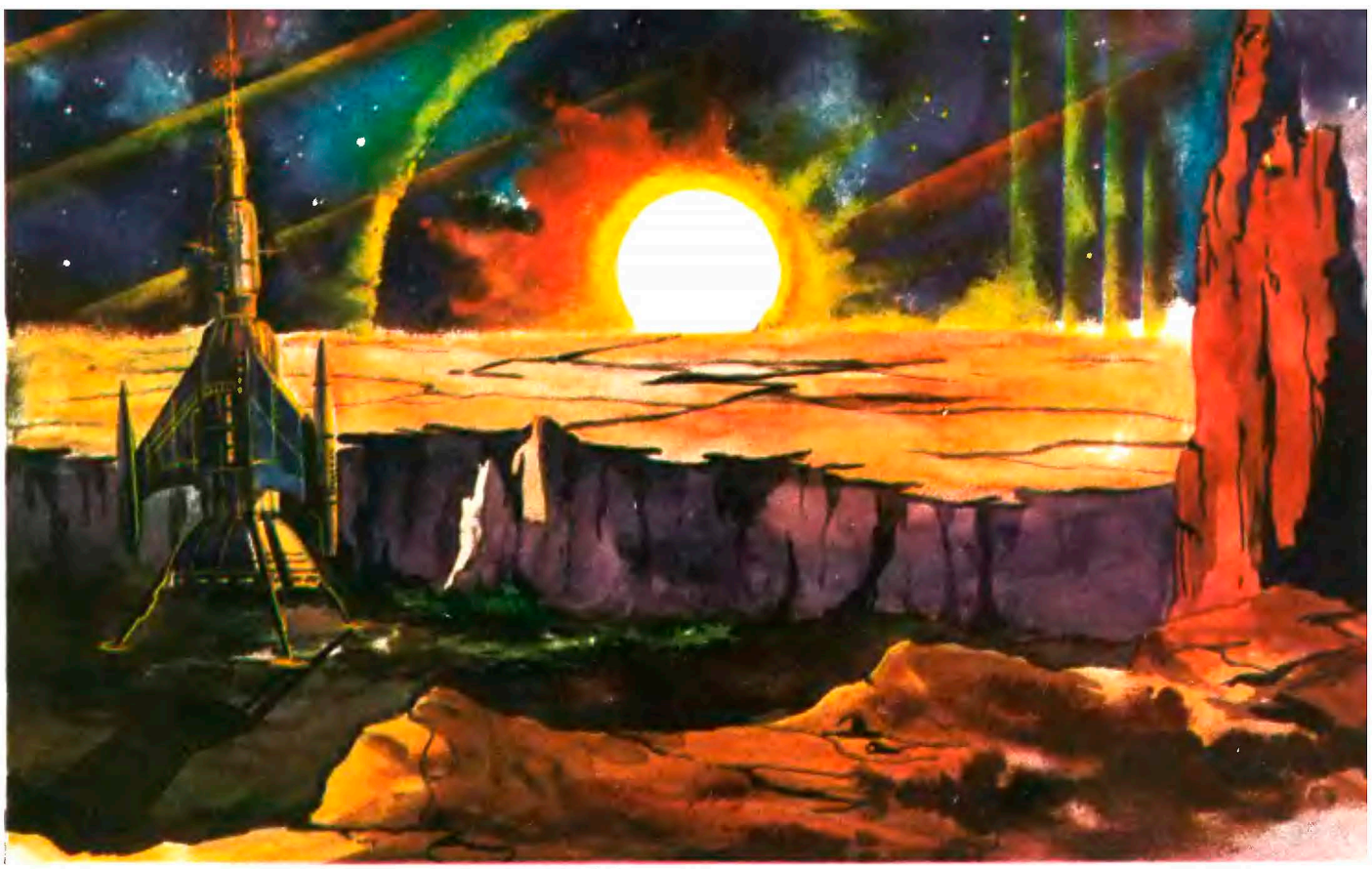
— Пойдем, — сказал Сергей.

Впереди пылил вездеход, и они свернули с дороги. Долго шли по густой траве, пока домик станции не скрылся из виду. Взобрались на высокий холм, где клонящееся к закату солнце согрело их лица и ладони теплыми красными лучами, спустились к ручью, переправились через него и прошли еще не меньше пяти километров. День кончился, они все шли, и небо светилось тем спокойным предвечерним светом, который знаком всем и на Земле.

На далеком пригорке стояло дерево. Что-то знакомое чудилось Сергею в темной кроне, в гибких ветвях. Солнце мешало присмотреться, они повернули к пригорку, сошли с тропинки и прошли немного вправо, прямо на закат. Перед темной линией кустарника дерево встретило их шелестом склоненных ветвей. Сергей подошел к нему и крепко прижался щекой к гладкому стволу. Узорчатые листья рябины легли на его руки.



Олег Кириенко «К звездам»



О.Кириенко «На Марсе»

Дмитрий ДЕ-СПИЛЛЕР, кандидат физико-математических наук

Рис. Роберта Авотина

Научно-фантастическая история

УДИВИТЕЛЬНЫЙ

1.

При посадке корабль угодил одной своей лапой в яму с гладкими краями, чуть было в нее не свалился, но равновесие удержал, выкарабкался по косогору на ровное место, топча грунт медными спиралеобразными подковами, и замер.

Гуров посмотрел в иллюминатор. Вокруг расстилалась равнина нежного голубовато-серого цвета. Монотонный игвианский ландшафт немного оживлялся редкими невысокими холмами. Небо было черным. В нем скяли звезды, а низко над горизонтом пламенел восходящий Эвитар, опаляя лучами равнину и оставляя гигантские блики на ее поверхности, похожей на матовое стекло.

— Мы находимся в пятистах километрах от северного полюса Игви, — сказал Буянцев, посмотрев на световое табло.

— В пятистах двадцати, — уточнил Мостов.

— Южнее садиться было нельзя. Там гораздо жарче, чем здесь,— сказал Гуров и стал готовиться к выходу из корабля. Он надел жаронепроницаемый скафандр, обул ботинки на толстых овальных подошвах и, пройдя две герметические камеры, вышел на поверхность планеты. Потоптавшись немного, чтобы размяться, он не спеша побрел к находящемуся в отдалении невысокому холму, предполагая заняться на нем киносъемками.

Пройдя шагов пятьсот, Гуров вдруг почувствовал резкий толчок, потерял равновесие и упал. Когда он падал, ему показалось, как что-то живое юркнуло возле его башмаков.

Гуров попытался встать, но жгучая боль заставила его опуститься на грунт. Видимо, он вывихнул ногу. Раздосадованный, Гуров включил переговорное устройство, и вслед за тем Буянцев и Мостов услышали приглушенный гулом помех голос своего капитана.

— Ребята, вы меня слышите? — спрашивал Гуров.

— Да, да, слышим, — ответил Буянцев.

— Я вывихнул ногу, — сказал Гуров, — и нуждаюсь в помощи.

— Хорошо, капитан, мы идем,— сказал Буянцев.

Через минуту Буянцев и Мостов шагали по скользкому игвианскому грунту. Гурова они еле различали на фоне гигантского, слепящего глаза Эвитара.

Когда они приблизились к месту, где Гуров вывихнул ногу, Буянцев недоумевающе развел руками: капитан исчез, будто провалился.

Это было неправдоподобно! Спрятаться он нигде не мог бы, разве что за холмом. Встревоженный Мостов во весь голос закричал в переговорное устройство:

— Гуров, ты слышишь меня?! Отзовись!..

Но Гуров не отзывался.

Они пошли в обход холма и вскоре убедились, что и там Гурова не было. Тогда Мостов и Буянцев разделились. Мостов решил взобраться на холм, чтобы осмотреть местность.

С холма Мостову открылась очень странная картина.

Корабль немного сместился и встал на дыбы, опираясь одной из своих лап на торчащую наклонно из грунта темную колонну. Эта колонна, совершенно прямая и гладкая, напоминала собой ствол артиллерийского орудия, нацеленного куда-то в сторону от ямы, возле края которой корабль совершил посадку.

Мостов увидел Буянцева, обогнувшего холм и тоже созерцающего удивительную колонну. Внезапно Мостов сообразил, что корабль находится в крайне неустойчивом положении. Стоило лапе соскользнуть с колонны, как, двигаясь под уклон, он свалится в яму и опрокинется. Посовещавшись, космонавты решили, что им следует вернуться на корабль и, если это окажется возможным, взлететь. Кружа над равниной, они постараются разыскать Гурова и разобраться в том, что здесь вообще происходит.

Минут через пятнадцать Мостов и Буянцев сидели уже за пультом управления и старались взлететь. Однако им никак не удавалось отодрать лапу корабля от колонны; колонна, как оказалось, проткнула медную спиралеобразную подкову и накрепко в ней застряла.

Через некоторое время космонавты решились израсходовать половину аварийного запаса сферических батарей, с помощью которых корабль освободил-таки лапу и взлетел.

2.

В то же самое время, когда происходили эти необыкновенные приключения, некая полярная экспедиция, состоящая из трех ученых, Ботаника, Медика и Технолога, обнаружила необычные растения, способные — страшно подумать — перемещаться по грунту самопроизвольно. В ходе напряженной научно-исследовательской работы прыткие растения пришлось немного потормошить.

Первым растения засек начальник экспедиции — Ботаник. Мирно прогуливаясь рано утром вблизи Палатки, в которой подле сосуда с питательной смесью сладко спали Технолог и Медик, он, глянув на грунт, просто оторопел. Три темных пятна прерывисто перемещались, удаляясь от холма, на вершине которого ученые был недавно установлен замечательной силы гарпунометатель. Поперемещавшись немного, пятна остановились.

Ботаник приблизился к загадочным пятнам, чтобы рассмотреть их получше. Они имели спиралевидную форму и, очевидно, не могли быть ничем иным, как экземплярами еще неизвестного науке вида полярного лишайника.

Ботаник от волнения затрепетал. Открыты лишайники, способные перемещаться по грунту! Закосневшей от многовековой неподвижности теории космостатической биологии грозил невероятный и неожиданный удар.

Как вихрь влетел Ботаник в Палатку и растолкал своих содеятелей. Проснувшиеся тут же последовали за ним, торопясь посмотреть на открытое явление.

Во время осмотра растений случилось еще одно удивительное происшествие. Внезапно на поверхности грунта появились два маленьких движущихся пятна овальной формы. Несомненно, это были отделившиеся побеги спиралевидных растений. Они перемещались прерывисто, скачками, что вполне естественно для столь судорожного процесса, как размножение. Увидя это, Технолог густо покраснел. Покраснел, разумеется, не от того, что стал невольным свидетелем волнительного таинства Природы. Просто он всегда отвергал возможность существования подобных растений. Гордясь своим рационализмом, Технолог полагал, что старинное предание, упоминающее про них, не заслуживает доверия. И вот тебе на, оказывается, он был не прав! Смущенный, он пылко поздравил Ботаника с выдающимся открытием, Медик поторопился последовать его примеру, после чего трое растроганных ученых медленно поплыли вслед за парой овальных побегов над своими научными угодьями.

В момент, когда молодые побеги находились неподалеку от широкой ямы, где они, видимо, стремились укрыться, Ботаник, желая отколоть кусочек грунта вместе с тканью непоседливых побегов, легонько ударил по одному из них небольшой мотыгой. В ответ на это побеги, на мгновение исчезнув, тут же превратились в неустойчивую поросль из трех побегов, временами менявших свои очертания.

Ямка, образовавшаяся в грунте от удара мотыгой, как и следовало ожидать, затянулась, грунты полярных зон быстро сглаживались, когда в них образовывались неглубокие ямы. Разумеется, не было никакого парадокса в том, что, наоборот, глубокие ямы не затягивались.

«Вот чудеса!» — подумал Ботаник, глядя на диковинную поросль. Ему пришло на ум, что она легко уместится в ковше экскаватора (с помощью которого участники экспедиции брали пробы грунта) и что хорошо бы попытаться ее пленить. Ботаник приказал Медику с Технологом подогнать экскаватор к своему открытию и, когда это было сделано, приступил к его захвату. «Не сорвалось бы», — думал он, глядя, как ковш экскаватора впивается в грунт.

Ухватив кусок грунта вместе с научной добычей, ковш вознесся вверх и повис на гибкой стреле над вырытой им ямкой. Изнутри ковша, сквозь его прозрачные стенки, проблескивало временами какое-то копошение. Неустойчивая поросль была поймана.

Отметив победное событие продолжительным кружением вокруг экскаватора, ученые переместились в Палатку, где и погрузились в питательную смесь. Они еще не насытились, когда Ботанику пришло на

ИГВИ

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

ум, что спиралевидные растения могут перекочевать куда-нибудь в иные пределы и потом их не сыщешь. Решив, что нужно немедленно пришпилить какое-нибудь из них гарпуном к грунту, Ботаник в сопровождении Технолога перенесся на холм, на котором стоял гарпуномет, нацелился на ближайшее спиралевидное растение и пальнул. Пальба, однако, к ожидаемым результатам не привела.

Вместо того чтобы пришпилиться к грунту, спиралевидное растение, атакованное гарпуном, исчезло, а два других немного сместились. Глубоко вонзившись в грунт, гарпун пробил в нем прямой канал, который не мог затянуться по причине большой своей глубины.

Технолог, намотав трос на барабан, извлек гарпун из пробитого им в грунте канала и от удивления на некоторое время просто померк: гарпун был сплющен в лепешку.

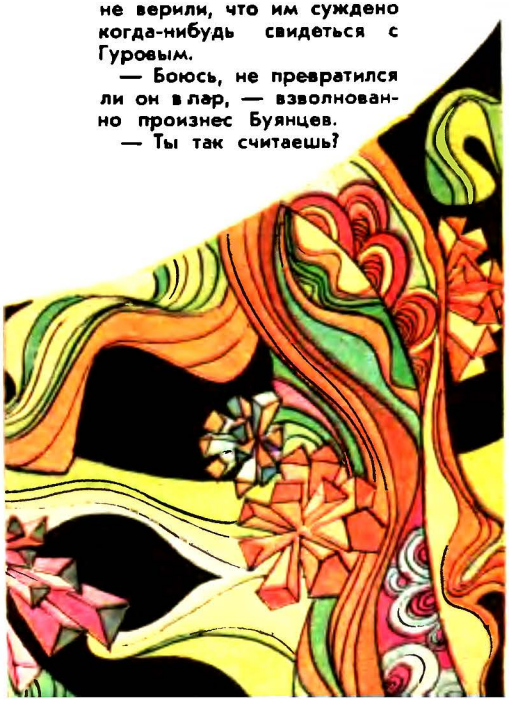
О, как это некстати! Теперь экспедиция лишилась возможности защищаться от сарьяров. Если они объявятся, придется бросить исследования и срочно эвакуироваться в Биологический Городок! С такими невеселыми мыслями ученые возвратились к прерванной трапезе.

3.

Уже целый час корабль кружил в черном небе над игвианскими просторами, безжизненность которых гасила надежды космонавтов узнать, что же произошло с капитаном. В их распоряжении оставалось еще полчаса, затем иссякнут запасы диамагнитной плазмы, придется улетать на Пятую Внешнюю Станцию. Ни Буянцев, ни Мостов уже не верили, что им суждено когда-нибудь свидеться с Гуровым.

— Боюсь, не превратился ли он в лар, — взволнованно произнес Буянцев.

— Ты так считаешь?



— Это самое правдоподобное объяснение. Вблизи него по каким-то неясным причинам вдруг выделилось сразу очень много тепла — и вот результат: он бесследно исчез.

— Возможно, ты и прав, но странно, что выделившееся тепло не оставило никаких следов, — сказал Мостов.

— Конечно! Здесь вообще много непонятного. Как объяснить, например, монолитность игвианского грунта? При отсутствии атмосферы его должны были бы измельчить в порошок лучи Эвитара.

Космонавты пролетали над редкими холмами и долинами, очень похожими на те, что они видели раньше. Отблески отраженных от грунта лучей Эвитара скользили по равнине, будто копируя колеблющиеся движения космического корабля.

Наконец они заметили колонну, которая по-прежнему торчала из грунта, и почти тотчас увидели Гурова. Недвижимый, он лежал на отлогом бугре.

Суетясь от волнения, Буянцев и Мостов камнем бросили корабль вниз, приземлились, вывалились из люков и подбежали к Гурову. Тот был без сознания.

4.

В то время пока Буянцев и Мостов летали над безмолвными игвианскими просторами, разыскивая пропавшего капитана, экспедицию, возглавляемую Ботаником, троекратно постигали трагические неудачи.

Во-первых, из окрестности Палатки совершенно некстати исчезли спиралевидные растения. Самым наищательнейшим образом обыскивали ученые каждый клочок подопытного участка, но все безрезультатно — доказательств великого открытия как не бывало.

Огорченный Ботаник решил связаться с Биологическим Городком. С этой целью он послал телеграмму, в которой извещал обо всем происшедшем. Между прочим, в телеграмме упоминалось и то, что вследствие удара об удивительно жесткие ткани спиралевидного растения гарпун сплющился.

Отослав телеграмму, Ботаник успокоился и велел Медику с Технологом подогнать экскаватор к Палатке, чтобы погрузить неустойчивую поросль в контейнер. Сам же он принялся отвинчивать крышку этого контейнера.

Когда Медик и Технолог проехали половину пути, случилась непоправимая беда — разрушилась стрела экскаватора. (Как выяснило потом следствие, при ее изготовлении были допущены отклонения от стандартов.)

Произошло это так: сначала внутри стрелы появились какие-то пузыри. Они вскоре лопнули. Затем стрела вдруг погнулась, из нее полились струйки светящейся жидкости, и тут она вообще бесследно исчезла. Ковш экскаватора пал на грунт и тоже растаял в пространстве. Поверхность же грунта вспучилась, заглотила кусок находившегося в ковше вещества, осела и опять сделалась гладкой, каковой ей положено быть. Однако на ней четко вырисовывались значительно видоизменившиеся контуры неустойчивой поросли, вырвавшейся теперь на свободу.

После этой второй до ужаса дурацкой неудачи экспедицию постигла еще одна, вестницей которой стала принятая из Биологического Городка спешная телеграмма. В телеграмме сочувственно сообщалось, что, по полученным данным, стадо сарьяров приближается к местам, где трудится экспедиция. Обезоруженным ученым следует как можно скорее уходить от опасности. Поэтому экспедиция будет срочно эвакуирована.

Прочтя телеграмму, Ботаник до крайности огорчился: рухнули его надежды научно подтвердить открытие растений, способных самопроизвольно перемещаться по грунту. С досады он сделался пунцово-красным.

Вскоре к Палатке подкатило транспортное устройство. Ученые уселись в него, и оно умчало их в Биологический Городок.

Впоследствии Медик заявлял, будто сквозь решетчатый кузов транспортного устройства он якобы видел вновь появившуюся в окрестности Палатки тройку спиралевидных растений.

5.

Уж третьи сутки уходил Игви от космонавтов, уносимых к Пятой Внешней Станции в бездонную пропасть космоса.

Пришедший в себя Гуров рассказал, что, вскоре после того как Буянцев и Мостов направились к нему, грунт под ним разверзся, причем сам он провалился куда-то, а грунт сомкнулся над ним. При этом его несколько раз порядочно тряхнуло.

— Я вам кричал, пока не охрип,— рассказывал Гуров,— потом прикоснулся к шлему — чувствую: переговорное устройство повреж-

дено. Должно быть, оно стукнулось обо что-то. Я находился в каменном мешке, но сквозь его стены, оказывается, можно было видеть — игвианский грунт прозрачен.

— Неужели? — усомнился Буянцев. — А мне он не показался прозрачным.

— Должно быть, потому, что поверхность планеты обожжена лучами Эвитара. И от этого она потускнела. Уверяю вас: игвианский грунт как матовое стекло: снаружи непрозрачен и прозрачен внутри... Стало быть, нахожусь я в маленькой каморке. Сквозь стены ее льется мягкий свет. А шагах в десяти от меня, в толще прозрачного грунта, пляшут три светящихся чудовища. Когда одно подплыло ближе, я смог его хорошенько разглядеть.

Громадный светящийся полупрозрачный шнур, утончаясь и утолщаясь, непрестанно изгибался. На нем то выпучивались, то втягивались сотни извивающихся отростков. Окраска его все время менялась. Внутри передвигались разноцветные пятна. Трясясь и колыхаясь, чудовище вертелось в трех плоскостях.

Гуров сделал на бумаге набросок чудовища и продолжал:

— Были там и еще кое-какие светящиеся предметы. И стены моей каморки были оправлены зеленым свечением, которое прорезалось красной зубчатой линией. Казалось, я сижу в зеленом ящике, составленном из двух половинок. Внизу зеленое свечение подпиралось изогнутым столбом голубого света, а другой конец столба, загнутый вверх, растворялся в большом клубке светящихся лент.

— А ты видел поверхность планеты? — спросил Мостов.

— Видел. Изнутри она представлялась мне белым навесом над тем миром, в котором я находился... Присмотревшись, я заметил, что вещество, заполняющее этот мир, состоит из смеси двух минералов. Один из них, бесцветный, содержит в себе множество светло-сиреневых кристалликов размером с маковое зерно. Когда сквозь зернышки проходило танцующее чудовище, они радужно светились. Я понял, что ни одна частица вещества во время пляски чудовищ не перемещалась. Перемещался какой-то красочный процесс.

— Понимаю, что ты хочешь сказать! — воскликнул Мостов. — Когда по щиту световой газеты бегут буквы, на самом деле это зажигаются и гаснут лампочки. Похоже?

— Именно так, — согласился Гуров. — Когда эти чудовища уплыли, я все думал про них и пришел к мнению, что они — эти существа — процессы. Устойчивые, локализованные и вместе с тем живые. Может быть, они явились итогом эволюции, длившейся миллионы лет.

— Как же ты выбрался из каморки? — поинтересовался Буянцев.

— Этого я не знаю. Я помню: когда чудовища уплыли, они долгое время не приближались ко мне. Правда, иногда мне казалось, что вдали проплывают светящиеся пятна. Вспомнив о кинокамере, я вынул ее из ранца, и тотчас же ко мне стремительно подплыли два чудовища. Эх, была не была, подумал я и нажал электроискровой деструктор кинокамеры.

И тут началось нечто странное: моя каморка, покачиваясь, как на волнах, поплыла сквозь толщу игвианского грунта. Немного погодя она вдруг резко накренилась. Невольно я с силой оперся больной ногой о ее стенку и от нестерпимой боли потерял сознание...

Когда Гуров окончил свой рассказ, Буянцев сказал:

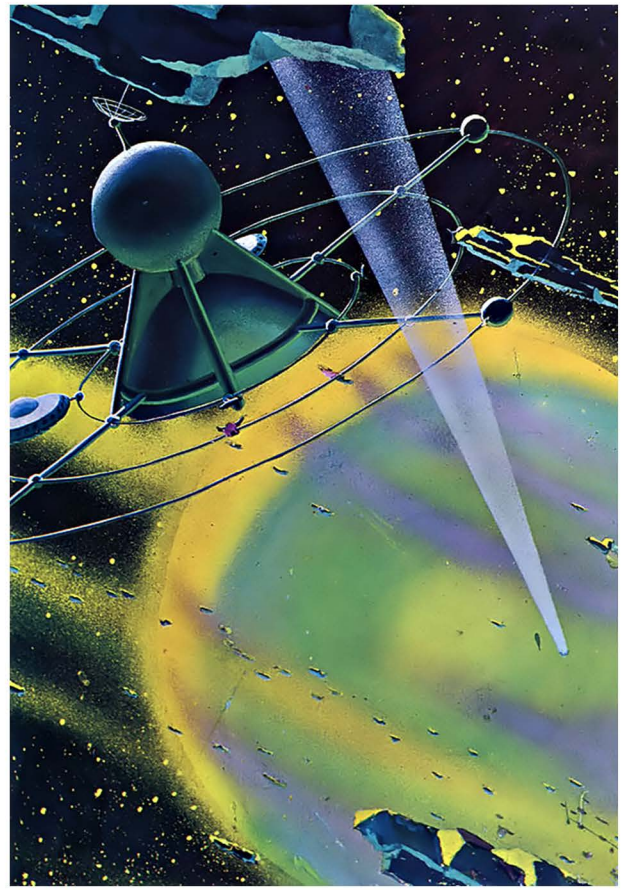
— Одно мне непонятно. Каким образом эти существа-процессы, живущие в игвианском грунте, тебя похитили, как они сотворили колонну? И вообще, как они устраивают всю эту дьяволиаду?

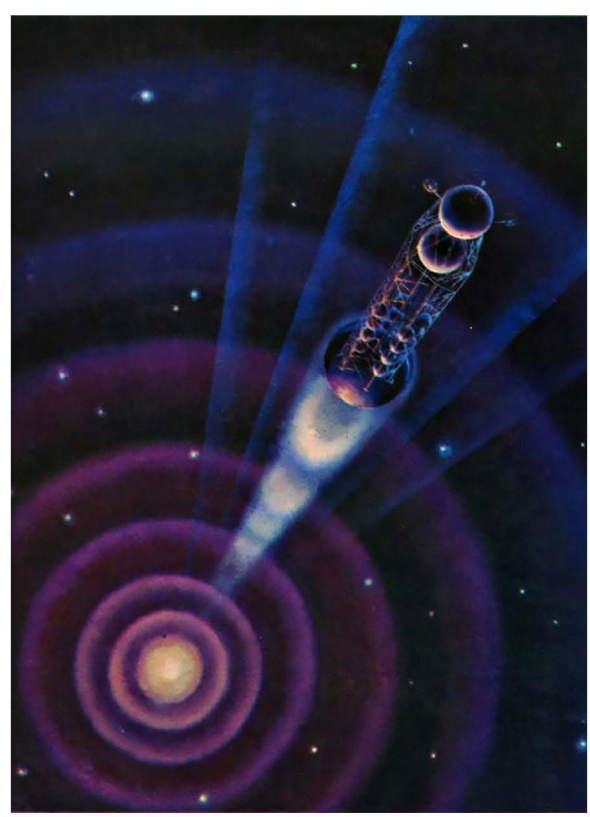
— Я не знаю, как они выкидывают свои штуки, — сказал Мостов, — но мне пришло в голову, что, может быть, между их понятиями и нашими есть забавное соответствие. Что для нас — пустота, для них — нечто твердое и наоборот.

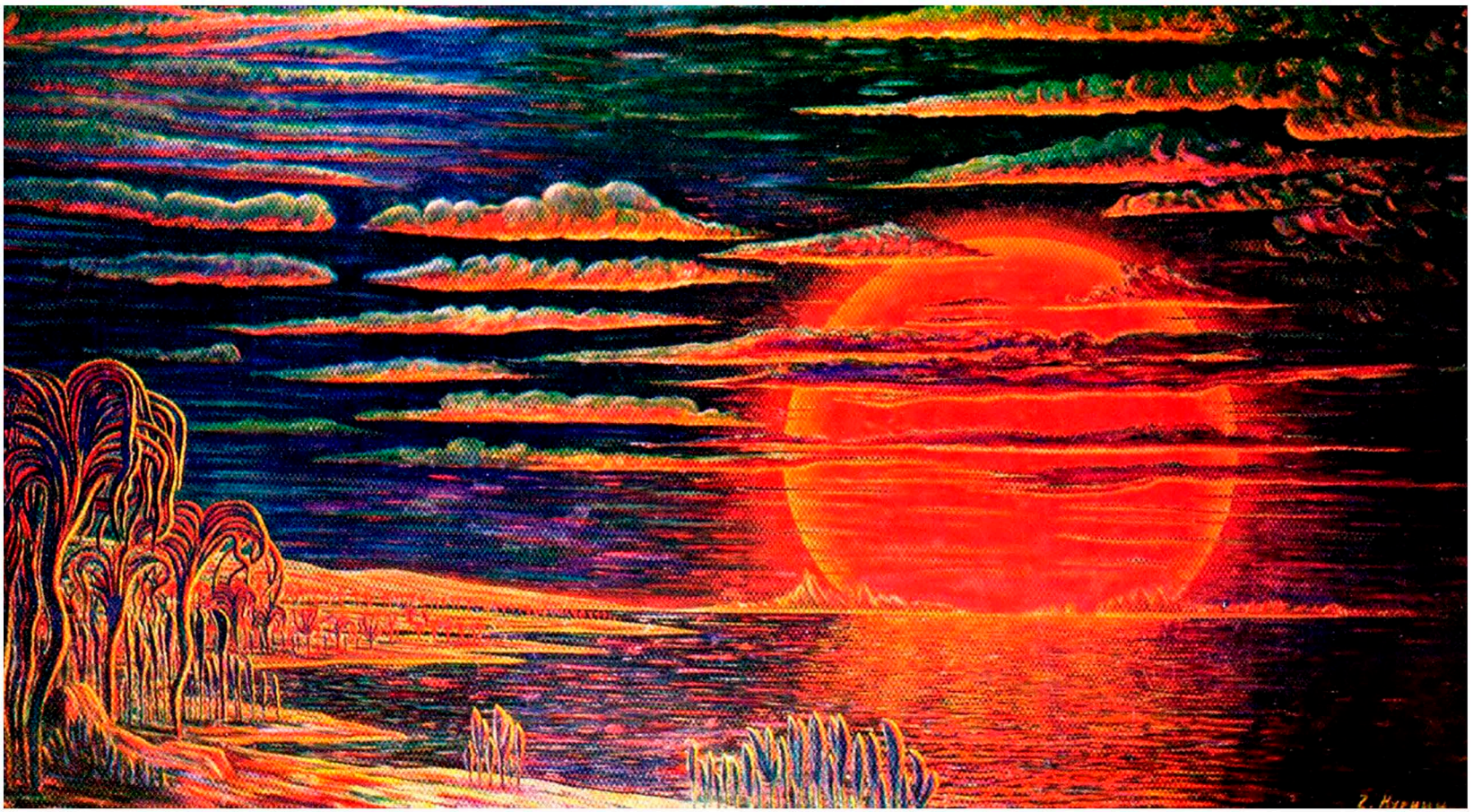
— Как? Как? — удивился Гуров.

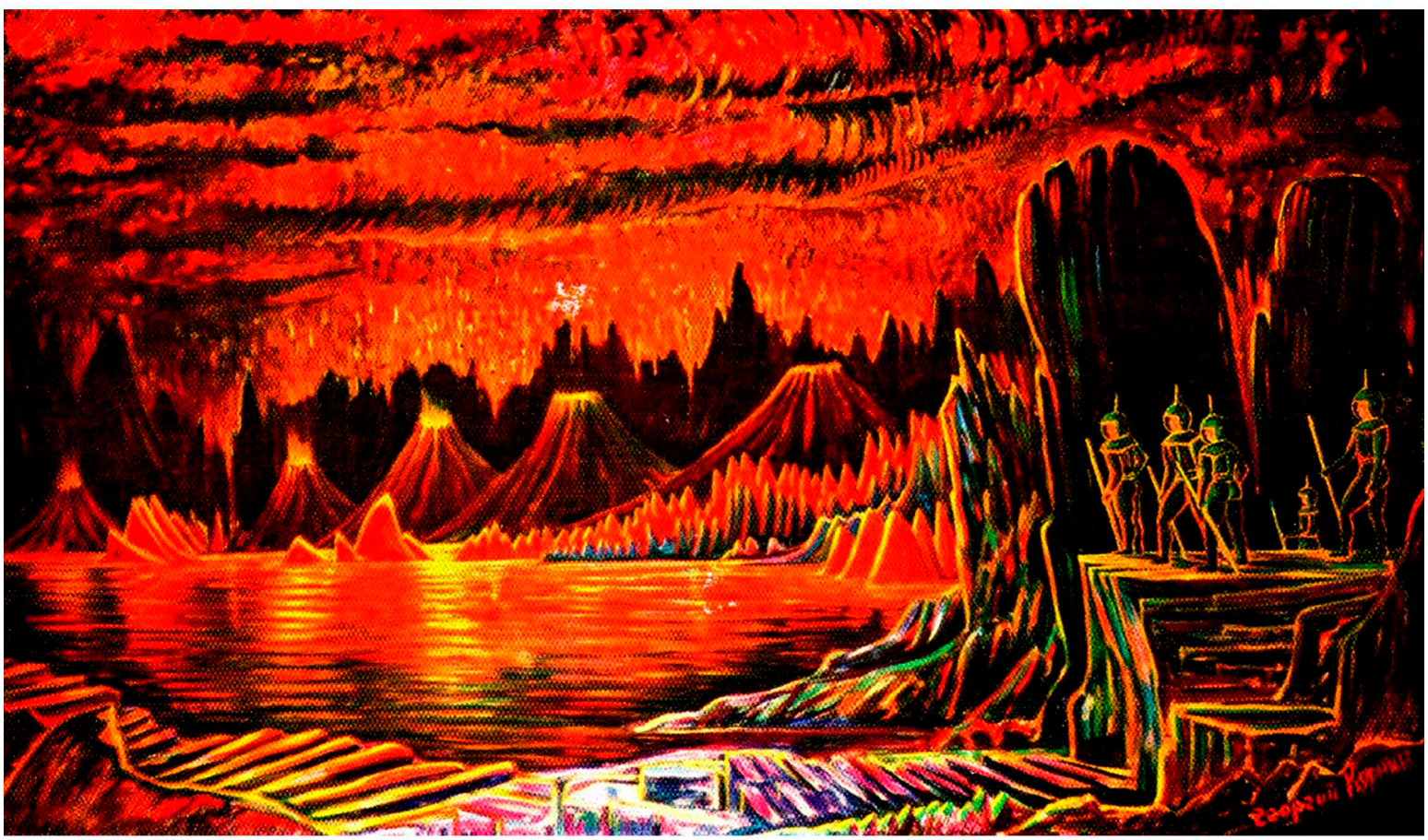
— Именно так. Эти существа-процессы, наверное, могут передвигаться в грунте куда только захотят, и поэтому он им не кажется твердым. А вакуум для них — что для нас гранитная скала, тут они вынуждены останавливаться и, как говорится, от ворот поворот. Теперь представим, что они располагают инструментами для деформации вакуума. Значит, любая их скважина покажется нам колонной. Холмы для них — ямы, а ямы — холмы...

Вскоре трое космонавтов просматривали отснятую пленку. На экране сжимались, скручивались и вибрировали два извивающихся пестрых чудовища. Ну кто бы мог подумать, что эти привидения были учеными: одно — специалистом в области технических, а другое — медицинских наук. (То были Технолог и Медик.) А если бы корабль опустился на Игви тридцатью-сорока градусами южнее, то земляне могли бы увидеть довольно обширные пространства, покрытые прозрачными искривленными трубками, в стенках которых вспыхивают и гаснут мириады разноцветных искр. Так выглядят корни тропических растений, украшающих странный мир, скрывающийся в недрах удивительного Игви.









КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

Научно-фантастический рассказ

Дмитрий ШАШУРИН
Рис. Роберта Авотина

Именно из-за его мечтаний у меня теперь нет, не осталось ничего, ну если не фотографии, то хоть бы свидетельства — все-таки кто-нибудь заинтересовался бы, не обязательно же подозревать фальсификацию всегда во всем и всех считать фальсификаторами. Одно дело, если я буду говорить: видел, другое дело, если покажу снимок. Но нет у меня этой фотографии. Он потому мне ее и не дал, что считал — не доказывает и не подтверждает она его открытия. «Любой, — говорит, — скажет: переснято с журнала, а то — кадр из теле- или кинофильма».

Здесь один из краеугольных камней его мечтаний: никому нельзя доказать то, чего они не хотят знать, принимать, исповедовать. Особенно непривычное, из ряда вон выходящее. «Всегда, — говорил, — выведут к азбуке и нисколько не взволнуются, а ты будешь возмущаться и не спать по ночам». Он-то спал, и здоровье было у него отменное. Только неизвестно, где он теперь. Исчез. И получается, что ради своих опытов.

Опыты, опыты. Это он говорил, что опыты, а по-моему, так самое обыкновенное копошение на участке в коллективном саду. «Видишь, — говорил, — даже тебе нельзя доказать, что опыты. Если б я выращивал редиску хвостиком вверх, ботвой вниз, ты бы поверил, потому что — азбука!» А сам только и делал, что колупнет почву, потрогает растение и приглядывается, без инструментов, без приборов: в природе все есть, она все создает без помощи какой бы то ни было техники. «Ну как же, — говорю, — чтобы самое, уж самое природное — колос хлебный вырастить, нужен плуг, трактор...» Но он не спорит, улыбается слегка, иногда покажет в книжке или в журнале упоминание, что там-то собрали огромный урожай, а не пахали, в другом месте — и не сеяли. «Это калеке такая грубость, как костыли, необходима, — говорил, — природа же ориентируется на норму».

И порой как оседлает своего «конька», никак не открутишься: говори, чего в природе нет? В технике есть, а в природе отсутствует? Чего ни назовешь, сразу же срезает, находит в природе аналог. Выходило по нему, что современная техника сплошная грубость, хоть и сложная и тонкая, а по своему подходу примитивна. Совершенство и тонкость — это рычаг, блок. Естественные вещи — подвел под камень лом — и стронешь с места, перекинул через балку веревку — и поднимай груз. Призывал искать другие пути и ставил в пример солнечные батареи, он прощал им даже сложность: делают свое без грубостей. Мы ведь как медведь, который дуги гнул, да грубо, ломал ведь дуги-то! Погибнем, если не научимся действовать без грубостей. Не может же быть, чтобы корова не могла давать молока без нажатия на соски. Следует попробовать дрессировать коров, или другие найти к ним подходы, но не пристраивать к коровам машины! Так мы дойдем — и для себя начнем жевальные... да, тьфу, есть уже мясорубки! Ну, значит, глотательные будем изобретать машины, не глотается же, например, в космосе. Вы еще не получили открытку на глотатель «Ряжка»? Записывайтесь на автоморгатели «Верлиока». Медведи!

Итак, другой подход. Отсюда и опыты и мечтания. Мечтания эти он трактовал так. Рассказывал, как застал однажды в детстве своего деда в саду с саженцем и лопатой в руках. Долго стоял и не двигался дед. «Чего ты, дедушка, ждешь?» — «А я не жду, я мечтаю, где посадить яблоньку», — ответил дед. Посадил — до сих пор цела, не вымерзла, не засохла, и лучшие на ней яблоки в округе. Вот и запало такое значение мечтания. Созерцание, пока само собой не прозреется решение. По-моему же — чистая бездеятельность. «Правильно, — говорил, — ничего не делаю, потому не знаю как, не знаю что по-другому, и в то же время получается уже потому, что ничего не делаю, ставлю все-таки опыты. В природе ничего — все. Взять хоть бы радио. Не было его вроде. Но вот изобрели, лучше сказать, набрели на него, и поехало, повело, начались грубости по линии усложнений да переусложнений. Погляди только на приемники, чего в них ни напихано. Природа же всегда радиоволны колыхала, разгоняла их в хвост и гриву и за тысячи, и за миллионы, не то что километров — парсеков! Межгалактические приемники-передатчики, задаром и без грубостей — анодиков, катодиков. Эва! Думаешь, телевидения нет в природе? Есть и телевидение. Есть».

Тут он стал без конца повторять: есть и телевидение, есть и телевидение, а глаза почти закатил, краешек только остался радужной оболочки — одни белки. Потом он признался, что именно в тот момент его осенило, как поставить опыт второй категории. Те же опыты, которые для меня вовсе и не опыты, он относил к низшей, первой, категории.

Я-то, конечно, не придал значения ни категориям, ни рассуждениям, только насторожило меня это несжиданное закатывание глаз. Хотя многие люди тоже, задумавшись,

иногда закатывают глаза. Просто у него я этого не замечал раньше, или, возможно, он тогда закатил глаза как-то по особенному. И сейчас, и вскоре после всего, что там накрутилось, мне мнится какая-то особенность в этом тогдашнем его закатывании глаз. А ну-ка оно соответствует постоянному талдычанию о поисках иных подходов, дрессировке — перестройке организмов изнутри; вдруг это и было по-другому, автодрессировка, самопереключение на новое действие, новые контакты, как он говаривал, без грубостей. Ведь чем-то поразило меня, в конце концов, ничего поразительного не представляющее легкое закатывание глаз? С другой стороны, не исключено, что я сам впадаю в мечтания и ничего не было и нет. Хотя...

Хотя... Похоже, что он поставил все-таки опыт второй категории или... или третьей, как мне сейчас пришло в голову. Пришло, когда я невольно сравнил свое отношение к его мечтаниям до и после увиденного. Мне уже хочется называть их одержимостью, увлеченностью или, еще хуже, прозрением. Хуже для меня. Хотя... Вот я и застрял на этих хотя. По порядку было так. Не помню точно, сколько прошло после знаменательного закатывания глаз, как он зазвал меня к себе на участок и показал фотографию.

Я сразу ему сказал, что переснято с журнала. Ну да я первый и единственный, кто видел фотографию, сказал ему про журнал, свел, по его терминологии, к азбуке. Мало того, я еще... Нет, сначала, что было на снимке. На нем была псовая охота. Сдвинутые от быстрого движения и смазанные от большой экспозиции силуэты лошадей с всадниками, верхушки деревьев на заднем плане. Впереди всех фигур борзые собаки — от одной, передней, только хвост попал в кадр, вторая, задняя, вся на бегу. Тоже смазанный силуэт, но глаз получился хорошо, с бликом, четкий. Можно предположить, что собака в момент фотографирования дернула головой назад, и глаз таким образом не участвовал в поступательном движении. Настоящая барская псовая охота. У одного всадника через плечо надета блестящая труба, которой сзывают собак. На нескольких охотничьи камзолы и жокейские картузы. Картузы, вероятно, черные, камзолы, судя по светлому, почти белесому тону, — фотография была черно-белой, — красные. По английской моде. Между всадниками высовывалась высокая шляпа. Амазонка? Тут я и начал горячиться насчет журнала, кино- и телекадра. И сверх того я

сказал, что, собственно, фотография не может включаться в методику его опытов, как произведенная с помощью линз, затворов, пленки, — грубостей, одним словом. Зато потом он и не отдал мне эту фотографию, лишь повторял про журнал, кино и методику. Как я ни просил. И если про журнал и кино он повторял с иронией или сарказмом, то про методику говорил вполне серьезно, даже с признательностью. Он искренне согласился со мной, а мне оставалось только ахать, глядя, как он рвет фотографию. Ночью пошел дождь, разразился ливень, перешедший в град, ветер ломал деревья.

Если бы я знал, что погубил все своей болтливостью! Мне кажется, и он, если б знал про ветер и грозу, не порвал бы фотографию. Но самое главное, самое удивительное, что я посмотрел на ту охоту с фотографии в натуре — в движении и в цвете. Камзолы, более светлые на снимке, действительно, оказались красными, цвета «кардинал», а картузы на охотниках из черного бархата. Смотреть надо было точно за полчаса перед закатом. Он вывел меня на участок и поставил к колышку, перевязанному лентой из бумаги, каждой ногой на дощечки, вкопанные между грядками, положил на колышек рейку и заставил меня наклониться так, чтобы брови оказались на уровне специальной зарубки на колышке, и тут же принял рейку. На меня неслась псовая охота. Беззвучно ударяли копыта в землю, из-под копыт летели и шлепались комья, но не слышалось шлепков, собаки без лая разевали пасти. Я приподнял голову — все исчезло, опустил, — как раз тот самый кадр, — борзая на мгновение с неподвижным глазом, на заднем плане амазонка. Она быстро приближалась на гнедом коне, газовый шарф, повязанный на шляпе, вздувался за ней, как знамя. Промелькнула... ослепительно рыжая, кареглазая, розово-белая кожа, мушка на щеке... И снова скакали на меня всадники в красных камзолах, за ними егеря в галунах и войлочных шапках, последний на низкорослом чалом коне. Чалый — эту масть я называю с гордостью, запомнил в детстве из-за необычного звучания и загадочности. Другие увидят и определяют: бежевая лошадь или конь цвета кофе с молоком. Чалая. Проскакали. Открылся луг, за лугом, как и сейчас, лес, только не осинник — дубрава, кое-где с высоченными елями. Из дубравы выбежал босой мальчишка, белоголовый и растрепанный, он оборачивался и призывно махал кому-то шапкой. И оборвалось видение. Как я ни приседал, ни жмурился — напрасно. Конец. Зашло солнце.

Зато начался триумф мечтаний. Мне нестерпимо хотелось немедленно знать: как, за счет чего, почему, где сохранились и как записаны эти события, прошлое или фантазия, способ воспроизведения и при чем здесь закат. Он лишь хмыкал и бурчал о костылях, машинах, палачах природы, о ее претензиях к нам, о нашей непреложной обязанности осознать себя частью природы не только теоретически, а практически спаяться с ней всеми клетками. Мы же вместо слияния изолируемся обычно и привычно. Он торжествовал, что бы там я ни говорил, он показал мне телевидение без приборов. Просто, как воздух, как ручей.

Как воздух, который безвозвратно сжигают грязные фыркалки, как ручьи, которые загнаивают и ядовитят каракатичьи самоубийственные протезы. Говорил он уже с таким накатом, будто это я всем машинам и хозяин, и слуга, и даже раб, а он — нет, он — в стороне, не прикладывал своих белых рук к немыслимому безобразию.

Мы с ним и раньше-то всегда спорили с неизбежным переходом на личности, экстремистски что ли, тут же я буквально заполыхал, да еще, иначе не скажешь, зафистулил. Да, да, необходимо хладнокровно оценивать свои действия, зафистулил, или взвизгнул, словно меня обожгло. Станешь восстанавливать по порядку прошедшее — сознаешь: стыдно так срываться, во время же спора не находишь другого способа.

«В наших с тобой спорах захлебывается истина», — придумал он и про любые споры утверждал, что если в них и рождается истина, то лишь мертвая, как железка на пластмассовой руке. А когда нафистулил я про фотографию, он взял и порвал ее. Клочки сжег и пепел сдунул на грядки.

Мы уснули почти в смертельной ссоре. Нас разбудила гроза. Мы снова говорили. Он еще не предполагал, что гроза безнадежно нарушит условия адаптации, так, по его терминологии, называлось то, что делало возможным телевизионные передачи с борзыми и рыжей красавицей непосредственно из природы. Объяснений, понятных для меня, я тогда не получил, но может статься, что в запальчивости и не хотел понимать, вслушиваться в его слова. Повторяю, ночью он не предполагал, что установившийся у него контакт с природой по прямому проводу...

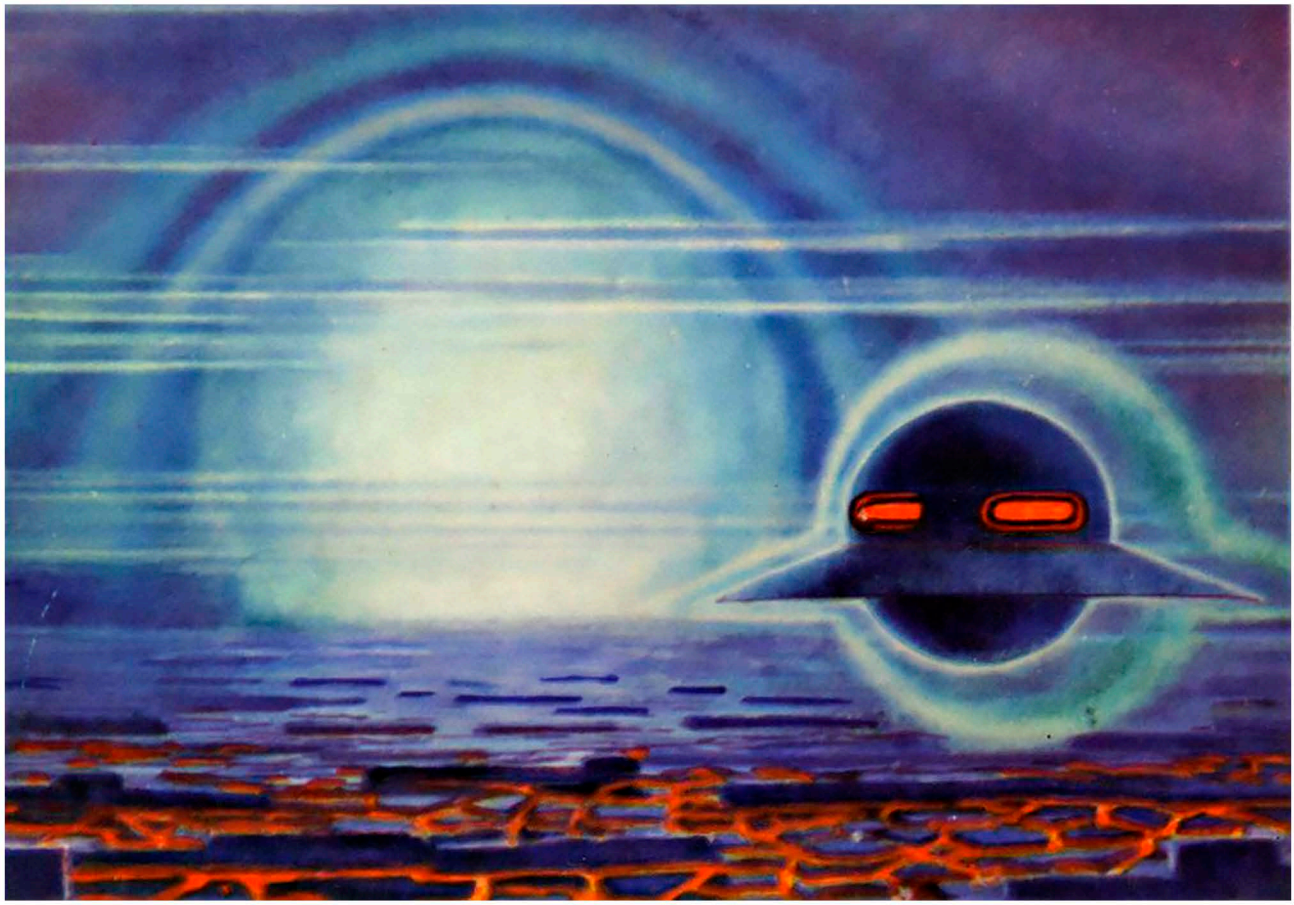
Нет, лучше не иронизировать. Смысл его устремлений исключал любые технические средства — какие уж там провода. Контакт, включая обратную связь, был: природа — я, потому что я — природа. Внутри себя. В грозу говорилось, что такой контакт с природой, обратная связь, доступней всего, когда данный мыслящий организм изолирован от других мыслящих организмов.

Один человек — одна природа. Друг против друга. Потом он внезапно вскочил и сказал: такую изоляцию можно создать довольно просто. Повторил довольно просто. И закатил глаза своим способом. Я же, словно подстегнуло меня что-то, придрался к словам, назвал его идеи экзистенциалистскими, дзен-буддизмом. Он отрицал, я продолжал умничать. Мне и в голову не приходило, что он так скоро начнет осуществление своих планов.

Я уверен — ночью, в грозу он и сам не собирался ничего предпринимать, но вот когда обнаружил, что природа выключила свой телевизор, мог пойти на все.

Исчез он. Нет его нигде, где он бы мог быть, бывать. Уж поверьте, раз он решил изолироваться от всех других мыслящих организмов да еще его осенило это довольно просто с закатыванием глаз, его не найдешь, не докопаешься, пока не объявится сам.

А если не объявится? Хоть бы нашелся негатив того снимка. И ведь валяется у кого-нибудь. Псовая охота с борзыми, всадники на лошадях, и момент, когда собака как бы косится в объектив.



Михаил ФИЛИППОВ

Рис. Роберта Авотина

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

В один из знойных августовских дней в редакции журнала «Фантастика и реальность» сидело четыре человека.

Трое у стола — редакторы Боско, Перголезе и писатель Мериди — обсуждали рассказ последнего. Четвертым присутствующим был писатель Стефано Буркнич, тихо дремавший в кресле из искусственной кожи.

Разговор шел о фантастических манипуляциях с пространством-временем, положенных Мериди в основу его рассказа, а именно о том, насколько правдоподобно все это выглядит. Неожиданно Буркнич поднял голову — оказалось, он вовсе не спит — и брюзгливо сказал:

— Бросьте вы, в самом деле! Правдоподобно, неправдоподобно, какое это имеет значение! Был бы рассказ занимательным, и читатель проглотит его с любой начинкой. Если хотите, я расскажу вам одну подлинную историю о времени, а вы уж потом решайте, правдоподобно она выглядит или нет.

Все, разумеется, согласились, и Буркнич, не откладывая, начал свой рассказ:

— Это произошло с человеком довольно известным, которого я знал с детства. Возможно, фамилия его знакома и кому-нибудь из вас, поэтому я позволю себе ее изменить. Назовем его... ну хотя бы Чезарини.

Он был незаурядным социологом и в тридцать три года приобрел колоссальную известность своей книгой «Общество и технический прогресс».

Однажды, когда Чезарини работал у себя дома, в наружную дверь позвонили. Он открыл — перед ним стояли двое. Один из них, тот, что был повыше ростом, спросил:

— Синьор Чезарини, социолог, если я не ошибаюсь?

— Да, это я.

— Извините, синьор Чезарини, но, если вы разрешите нам войти, мы быстро доложим свое дело.

Удивленный Чезарини проводил гостей в кабинет и предложил им сесть. Не ожидая вопросов, Длинный (так про себя назвал его Чезарини) торопливо заговорил:

— Синьор Чезарини, как и вы, я тоже социолог, а мой друг историк. Мы интересуемся историей развития разумного общества в вашем мире, а точнее, его современной стадией...

— Я бы поостерегся назвать современное общество разумным, — сострил Чезарини и тут же осекся: до него дошел смысл слов «в вашем мире».

«Сумасшедшие или гангстеры!» — тревожно подумал он.

Длинный энергично затряс головой.

— Нет, нет и нет, синьор Чезарини! Не сумасшедшие и не гангстеры! Мы действительно обитатели другого мира и можем это вам доказать. Будьте любезны взглянуть вот сюда.

Он указал на окно, и когда Чезарини взглянул в него, то с минуту смотрел как зачарованный. Когда он оторвался от окна, лицо его выражало крайнее изумление.

— Итак, в силу ряда причин в нашем распоряжении имеется всего только 2 часа 12 минут и 37,2 секунды. Поэтому осмелюсь сразу же приступить к делу.

— Хорошо, — согласился Чезарини. — выкладывайте свое дело.

— Мы уже кое-что знаем о вашем мире, несколько знакомы с его прошлым, а сейчам изучаем историю последних пятидесяти лет. Полчаса назад мы имели счастье познакомиться с вашим трудом, и мы хотели бы получить и другие ваши произведения. Кроме того, мы были бы вам крайне признательны, если бы вы познакомили нас и с прочей литературой по данному вопросу.

— Не знаю, смогу ли я вам чем-нибудь помочь. Хотя, постойте... Вот экземпляр рукописи моей еще

Научно-фантастический рассказ

не вышедшей книги со списком соответствующей литературы.

Затем он подошел к книжным полкам и выдернул несколько книг.

— Эти книги я тоже могу отдать вам, — добавил он. — А теперь по магазинам. Сколько времени осталось в нашем... в вашем распоряжении?

— Один час пятьдесят две минуты, — ответил Длинный.

Они спустились вниз, и гость указал на стоящий поодаль «альбатрос» новейшей марки. В машине Чезарини с удивлением отметил, что ни один из пришельцев не взялся за руль. Удивление его возросло еще более при виде пустой панели перед креслом водителя — там не было ни зажигания, ни приборов, ни педалей — словом, ничего не было.

Заметив его удивление, Длинный сказал:

— Не беспокойтесь, синьор Чезарини, вы только подумайте, куда нужно ехать.

Чезарини подумал об одном магазине, где ему часто случалось находить нужные книги. «Альбатрос» вздрогнул и помчался по улицам, подлетая к светофорам точно на зеленый свет. Через несколько минут они были на месте.

Затем пришельцы побывали еще в двух магазинах и заполнили книгами багажник и свободное место в салоне.

Когда «альбатрос» наконец остановился в тихом переулке, оставалось еще ровно десять минут... до чего? Этого Чезарини не знал.

Длинный тотчас же ответил:

— В оставшееся время я попытаюсь объяснить вам, синьор Чезарини, то, что успею или сумею. В соответствии с вашими представлениями наш мир находится так далеко отсюда, что я затрудняюсь даже приблизительно обозначить его местоположение. Однако для нас это расстояние не так уж и велико, если использовать некоторые особые свойства того, что вы именуете пространством-временем... ну нечто наподобие туннелей в этой субстанции. Но этими туннелями можно воспользоваться только в определенное время и на определенный срок. Например, следующее наше прибытие к вам может осуществиться примерно через двадцать ваших лет. Впрочем, времени у нас остается совсем немного, а мне хотелось бы отблагодарить вас за вашу неоценимую помощь...

Длинный сосредоточенно наморщил лоб.

— Я пребываю в затруднении... Ничто из того, что имеется у нас с собой, не годится для употребления в вашем мире, между нами так мало общего. Хотя...

Он принялся лихорадочно рыться в карманах и наконец нашел то, что искал, — блестящий чечевицеобразный предмет, напоминающий карманные часы.

— Вот это часы, которые отсчитывают локальное время каждого индивидуума, представляющее собой элемент коллективного времени всей системы. По-моему, ваши древние предки знали о его существовании и называли его фатум. Наш способ использования данного механизма для вас не годится, но вы можете воспользоваться им следующим образом: если вы предвидите нежелательное для вас событие, то можете отложить его на будущее вместе с тем промежутком времени, который оно должно занимать. Для того чтобы ваше желание, или, точнее, нежелание, осуществилось, необходимо и достаточно, чтобы оно не задело существенным образом локальных времен других индивидуумов и не повлияло на коллективное время вашей системы. Например, вы не сможете отсрочить время вашего скончания ценой скончания другого индивидуума, ибо ваше локальное время отчасти детерминируется временами других индивидуумов. Причем это никоим образом не будет выглядеть чудом! Чудес не бывает даже в нашем мире, хотя мно-

гое вам представилось бы там чудесным! Но имейте в виду: ваше существование л и - м и т и - р о в а н о. И когда до вашего скончания останется ровно столько времени, сколько вы отложили, механизм выключится, и все отложенные события произойдут одно за другим. Это будет для вас неожиданно, ибо вам неизвестна дата вашего скончания. Имеется и еще один элемент неожиданности. С вами не обязательно произойдут именно те события, которые вы отложили. За время, прошедшее с момента отсрочки события, обстоятельства, послужившие его причиной, могут измениться, а следовательно, может измениться и само событие. Неблагоприятное может превратиться в благоприятное, и, наоборот, не изменится только время, занимаемое событием.

— Боюсь, что, если я буду пользоваться этими часами, мои предсмертные дни окажутся несколько перенасыщенными событиями, — мрачно заметил Чезарини.

— Именно, именно так! — подхватил Длинный. — Но не хотели бы вы еще о чем-нибудь спросить на прощание?

— Хочу. Как пользоваться этими часами?

— О, тысяча извинений! Вот этой красной кнопкой вы их включаете, а черной выключаете. Берите! А сейчас я вынужден просить вас покинуть наше транспортное средство. До свидания, — торопливо проговорил Длинный, чуть ли не выталкивая социолога из машины.

Чезарини остановился на тротуаре посмотреть, что произойдет. Сперва «альбатрос» с двумя пассажирами не двигался с места. Вдруг его контуры затуманились, и он начал расплываться, точно кусок сахара в стакане чаю. Миг — и на месте автомобиля взвился бесшумный вихрь, переливающийся всеми цветами спектра.

Придя домой, Чезарини принялся разглядывать часы. С одной стороны их, там, где корпус был прозрачен, виднелись три стрелки: две центральные — красная и черная, и еще черная, поменьше, на отдельном циферблате. По краям циферблатов были нанесены непонятные знаки.

Чезарини положил часы на стол и долго смотрел на них, прежде чем решился нажать красную кнопку. Все три стрелки на мгновение пришли в движение и снова замерли.

Он огляделся вокруг, прислушался — ничто не изменилось ни вовне, ни внутри его. Поднес часы к уху — они работали бесшумно, если работали вообще. В конце концов он опять нажал красную кнопку и оставил часы в покое.

Буркнич замолчал и закурил сигарету. Мериди спросил:

— Ну и пользовался ваш приятель этими часами?

— Пользовался или думал, что пользуется, и это, как я считаю, послужило причиной его преждевременной смерти. Чезарини и верил, и не верил в эти часы. Во всяком случае, он их уже не выключал и всюду таскал с собой.

Первый случай представился ему, когда однажды ночью он ехал по извилистой горной дороге со скоростью, которая привела бы в ярость любого полицейского. Неожиданно прямо перед ним из тумана возник огромный фургон. За считанные секунды до столкновения Чезарини взмолился: «Господи! Я не хочу, сделай так, чтобы это меня миновало!»

В следующее мгновение фургон кувыркался по откосу, а потрясенный социолог миновал поворот и остановил машину.

Только через несколько дней он смог спокойно обдумать происшедшее.

Что ж, пришелец предупреждал, что его желания будут исполняться лишь в том случае, если они не повлияют на судьбы других людей. С другой стороны, он мог врезаться в фургон, а мог и не врезаться, и спасение его можно было действительно объяснить самыми естественными причинами.

Вдруг социолога осенило: а что, если посмотреть на часы? Оказалось, красная стрелка сдвинулась на маленькую, но вполне заметную долю окружности.

Прошло больше года. Чезарини стукнуло тридцать пять, и он решил жениться на миловидной и богатой девушке.

За день до свадьбы, на приеме у родителей невесты, наблюдая, как ведет себя девушка, Чезарини пришел к выводу, что она безнадежно глупа, и пожелал, чтобы свадьба не состоялась.

Вернувшись домой, он обнаружил у себя на столе конверт. В нем находились настолько любопытные сведения о невесте, что скандал становился неизбежным.

Чезарини не был излишне щепетилен в вопросах морали и согласился замять скандал за приличную сумму. И вновь красная стрелка передвинулась по циферблату.

Бывали и другие подобные случаи, о которых он мне рассказывал, был ряд и таких, о которых он умалчивал. Все они характеризовались тем, что в них не было ничего сверхъестественного или даже просто странного.

Шли годы. Мой друг всерьез занялся политикой, неоднократно влезал в разные рискованные авантюры и всегда выходил сухим из воды. И казалось, невероятное везение не только не радует его, но, напротив, беспокоит. У меня сложилось впечатление, что он жутко боится, что лимит его отсроченного времени истекает и близится срок расплаты.

Наконец грянул гром.

Чезарини не оставил науки, и его книги всегда были сенсационны: он имел доступ к источникам всей необходимой информации. На сенсации-то он и погорел: в одной статье он невольно разгласил сведения о платежеспособности нашего государства. Началось следствие, выяснилось, что Чезарини получил взятку от фирмы «Люпусэст» и что ему грозят несколько лет тюремного заключения. Когда я зашел к нему за несколько дней до суда, он показал мне часы, на которых подвижная красная стрелка совместилась с неподвижной черной, и сказал:

— По-моему, тот тип говорил правду — эта штуковина больше не действует. Но я боюсь не тюрьмы, а того, что эта неудача лишь первая в цепи тех несчастий и бед, которые я откладывал в течение почти двадцати лет. И я боюсь, что теперь они все сразу обрушатся на меня.

Я принялся разубеждать его, доказывая, что он никогда не мог быть уверен в том, что его удачи — следствие действия механизма, а не собственной его необыкновенной везучести. И потом, если даже допустить, что неблагоприятные события действительно откладывались, то за время, прошедшее с момента отсрочки, они могли, как говорил пришелец, превратиться и в более благоприятные...

— Так же как и в менее благоприятные, — угрюмо перебил Чезарини.

В принципе он был прав, и я не стал ему возражать. Покинул его я с неспокойной душой.

Беспокойство мое не было беспочвенным — на следующий день я узнал, что Чезарини застрелился.

Буркнич замолчал и достал новую сигарету.

— Если вы нас не дурачите, Стефано, остается предположить, что ваш друг был редким счастливчиком, а всю эту историю с часами вы выдумали шутки ради, — сказал Мериди.

Вместо ответа Буркнич вынул из кармана какой-то предмет.

— Я получил это по почте через три дня после его смерти.

Часы пошли по рукам и в конце концов вернулись к владельцу.

— Вы пробовали... пользоваться ими? — осторожно осведомился Мериди.

— Да. Результаты те же, что и у Чезарини.

— А как вы думаете, Стефано, что будет, если какое-то время использовать эту штуку, а потом передать другому лицу?

— А что должно измениться? Время течет независимо от того, есть у вас часы или нет.

— А вы не могли бы продемонстрировать нам их действие? Если это возможно, — спросил Боско.

Буркнич подумал и нажал на часах красную кнопку.

— Мне осточертела эта жара, — произнес он.

Стало так тихо, что все услыхали шелест вентилятора. Прошла минута — и вдруг оконные стекла звякнули от далекого удара грома.

Собеседники повернулись к окну. В той стороне, где за домами скрывалось море, медленно разрасталась лиловая туча.

— Вот и конец жары, — сказал Боско. — Жаль только, что никто из нас не посмотрел в окно пять минут назад. В данном случае жара кончилась для всех. А как могло бы это осуществиться для вас одного?

— Откуда я знаю? Может, меня пригласили бы поехать в Гренландию или умер бы дядюшка на Аляске, и мне пришлось бы лететь туда, чтобы вступить во владение наследством.

— Вы собираетесь пользоваться этими часами? — спросил Мериди.

— Нет, Джино, но, может, вы захотите попробовать?

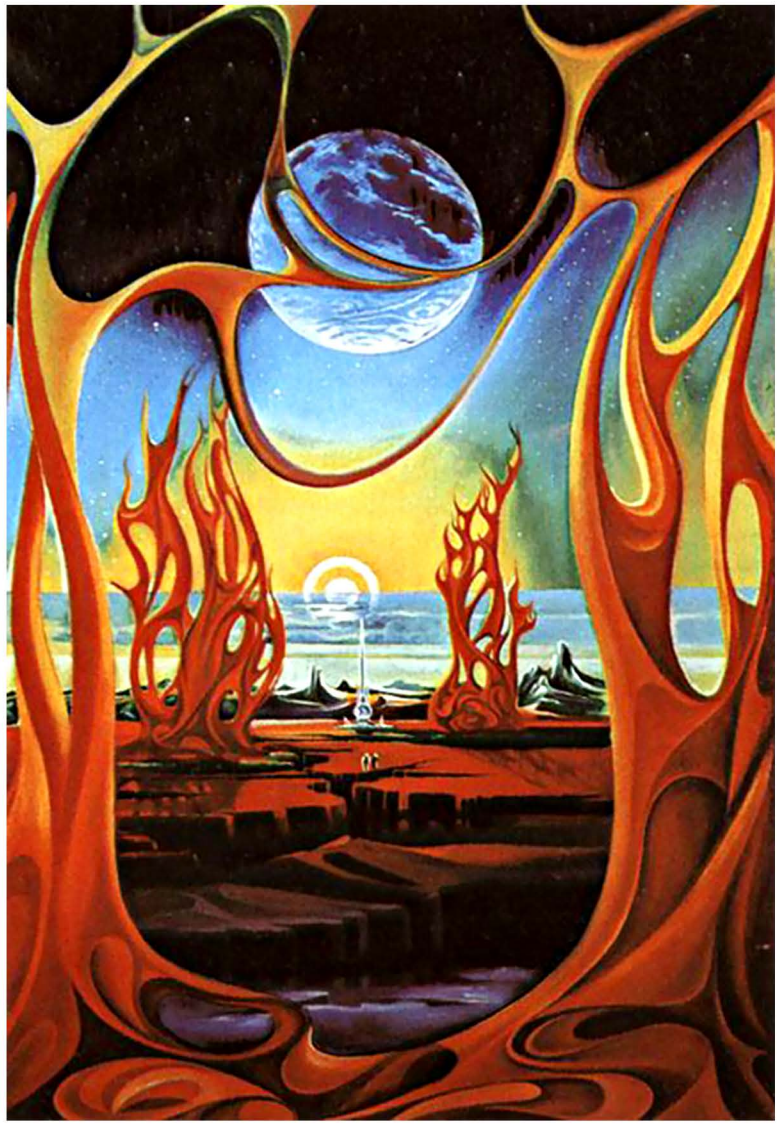
— Нет уж, спасибо! — воскликнул Мериди.

— Ну что ж, тогда я пошел. Я сегодня пешком и хотел бы добраться домой до начала дождя. До свидания!

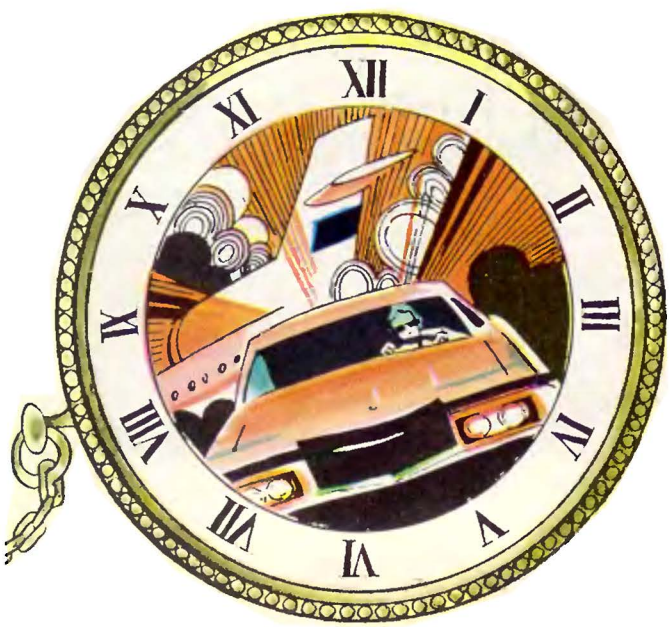
Буркнич спрятал часы, нахлобучил свою панаму с обвислыми полями и вышел.

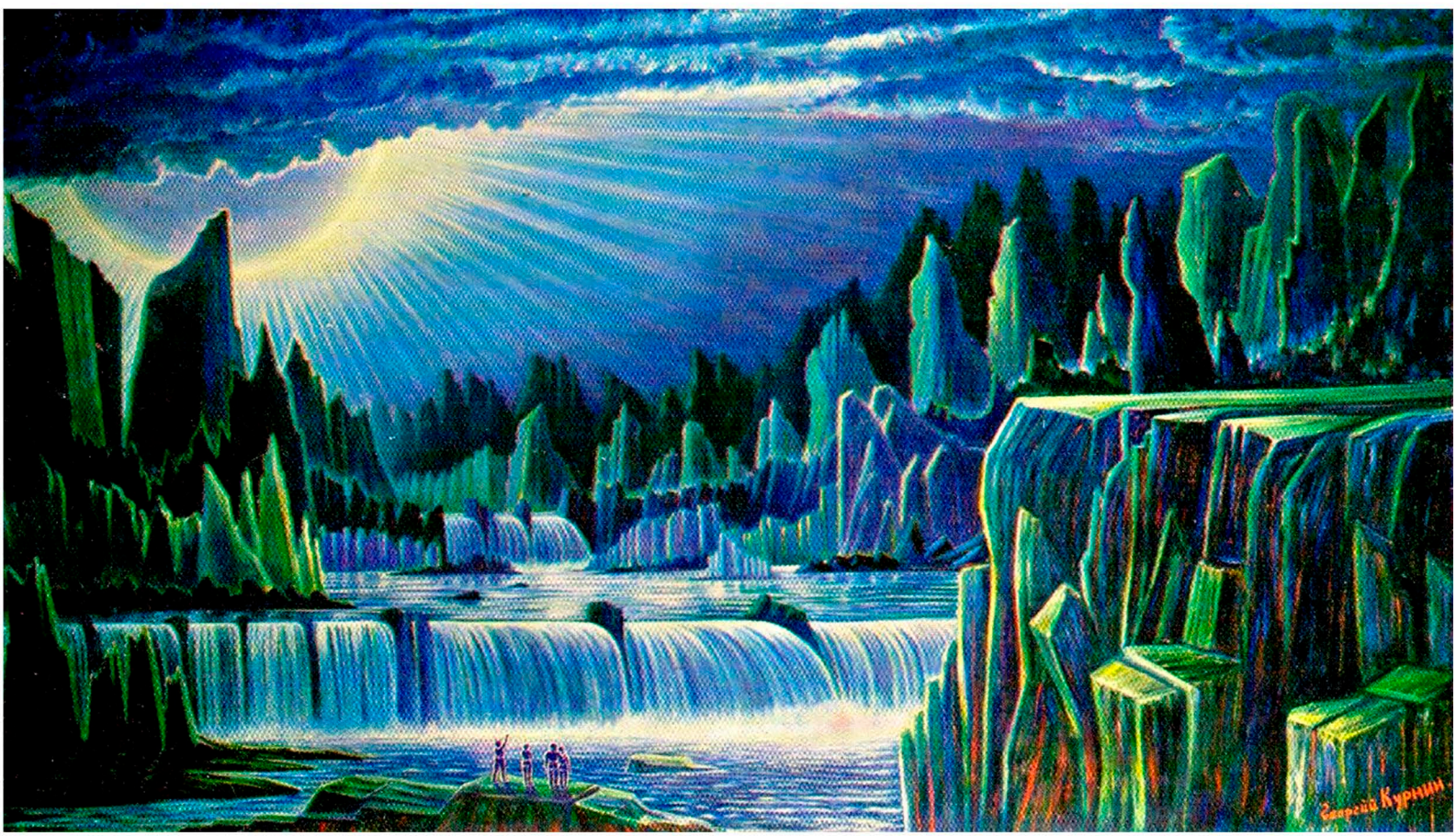
Когда дверь за ним закрылась, Боско задумчиво произнес:

— А ведь он так и не сказал, зачем приходил.



Д. Янков (Болгария) «Космическое будущее»




Дмитрий Курнин

Артур КЛАРК

Кассета бессмертия

На снимке: писатель Артур КЛАРК с американским астронавтом Нейлом АРМСТРОНГОМ.

Проверка — раз, два, три, четыре, пять...

Говорит Эванс. Буду записывать себя на магнитную пленку, пока хватит времени. Кассета рассчитана на два часа, но я сомневаюсь, что сумею использовать ее всю...

Эта фотография преследовала меня всю мою жизнь; сейчас, хотя и слишком поздно, я понял почему. Много лет я не видел ее, однако стоит мне закрыть глаза, как вмиг передо мной открывается столь же враждебный и столько же прекрасный ландшафт, как этот. Пять человек среди снегов Антарктиды стоят перед фотоаппаратом. Пятьдесят миллионов миль ближе к солнцу. Семьдесят два года назад. Даже громоздкой меховой одежде не скрыть их поражения. Смерть уже тронула их лица.

Нас было пятеро, и мы тоже сделали групповой снимок. Все же остальное было по-другому. Мы улыбались, веселые и уверенные. Наша фотография появилась на экранах Земли через десять минут. А тогда прошли месяцы, прежде чем обнаружили их фотоаппарат и доставили людям.

К тому же мы умираем в таком комфорте, какого Роберт Скотт и представить себе не мог, стоя в 1912 году на Южном полюсе.

Прошло два часа. Точное время начну давать по мере необходимости. Все события, происшедшие с нами, зафиксированы в вахтенном журнале. Теперь о них знает весь мир. Пожалуй, я повторяю их, чтобы успокоиться и подготовить себя к неизбежному.

Самое большее через сутки кончится запас кислорода. И у меня останется на выбор три классических варианта. Можно дать накопиться углекислому газу, и я просто потеряю сознание. Можно разгерметизировать скафандр, и Марс сам сделает свое дело минуты за две. А можно проглотить одну таблетку из медицинского пакета.

Накопление углекислого газа... Говорят, это совсем легко — ты словно засыпаешь. К несчастью, это ассоциируется у меня с кошмаром номер один: я читал, как умирали моряки на подлодках во второй мировой войне.

Прибегнуть к самому быстрому способу? В вакууме сознание теряешь уже через десять секунд. Я знаю, это не больно. Но мысль о том, что придется дышать чем-то несуществующим, ввергает меня во второй кошмар: я так никогда и не забыл, как чуть не погиб однажды в Карибском море, еще мальчишкой, ныряя к лежащему на двадцатиметровой глубине затонувшему кораблю. Поэтому я знаю, что буду чувствовать, когда начну дышать морозной дымкой почти полного вакуума, тем, что на Марсе зовется атмосферой. Нет уж, спасибо.

А что плохого в яде? Вещество, которым нас снабдили, действует мгновенно. Но все мои инстинкты против яда, даже если больше нечего выбирать. Был ли яд у Скотта? Сомневаюсь. А если и был, уверен, он бы им не воспользовался.

Эту запись воспроизводить я не собираюсь. Но какая-то польза для меня в сказанном была, хотя я в этом и не уверен...

Радио только что передало сообщение с Земли: прохождение начнется через два часа. Как будто я способен забыть — ведь оно будет единственным в течение следующих ста лет. Нечасто случается так, чтобы Солнце, Земля и Марс выстраивались в одну линеечку: последний раз это произошло в 1905 году.

Пора проверить телескоп и аппаратуру синхронизации.

Думаю, самым неприятным было наблюдать, как «Олимп», стартовав с Фобоса, направился обратно к Земле. Хотя мы давно уже понимали, что ничего нельзя было сделать, однако лишь теперь мы по-настоящему осознали, что из пятнадцати человек, отправившихся на Марс, домой вернутся десять. И миллионы людей там, на Земле, никак не хотели поверить в то, что «Олимп» не может опуститься на какие-то четыре тысячи миль, чтобы подобрать нас. Администрацию космических полетов атаковали самыми невероятными проектами нашего спасения; да и мы чего только не придумывали. Но, когда вечная мерзлота под третьей посадочной опорой подалась и «Пегас» опрокинулся, все стало ясно. Чудо еще, что корабль не взорвался, когда прорвало топливный бак.

За те несколько последних секунд перед стартом «Олимпа» мы забыли о своем безвыходном положении. Мы будто находились на борту корабля, желая, чтобы тяга плавно нарастала, отрывая «Олимп» с гравитационного поля Фобоса по направлению к Солнцу. Мы слышали, как командир корабля произнес: «Зажигание». Произошла короткая вспышка интерференции, и все. Никакого огненного столба. «Зажигание» — это из старого космического словаря, пережиток прежней химической технологии. Взлет с помощью горячего водорода совершенно невидим; жаль, но нам никогда больше не придется увидеть великолепия стартов космических ракет Королева или «сатурнов».

Затем командир произнес: «Прощай, Пегас», и радиопередатчик выключился. Разумеется, говорить: «Желаем удачи» — не имело смысла. Все было предрешено.

Только что мысленно произнес слово «удача». Что ж, с командой из десяти человек «Олимп» избавился от трети груза и стал легче на не-

сколько тонн. Теперь он сумеет попасть домой на месяц раньше намеченного срока.

А за месяц могло бы произойти много неприятностей; возможно, именно мы спасли экспедицию. Естественно, мы никогда об этом не узнаем, но думать так было приятно.

Все время я слушаю музыку. У нас есть прекрасный набор музыкальных произведений. Сейчас звучат вариации на темы Паганини Рахманинова, но надо выключать и приступать к работе.

Осталось всего пять минут; оборудование в отличном состоянии. Телескоп направлен на Солнце, аппарат видеозаписи находится под рукой, работает счетчик точного времени.

Точность наблюдений целиком зависит от моего умения. Своей работой я обязан товарищам. Они отдали мне свой кислород, чтобы я успел сделать все, что необходимо. Надеюсь, вы будете это помнить через 100 или 1000 лет.

Осталась минута; начинаю работать. Для регистрации: год — 1984-й, месяц — май, день — одиннадцатый. Эфемеридное время — приближается к четырем часам тридцати минутам... есть.

До контакта — полминуты; включаю видеозапись и синхронизатор на полную скорость. Только что еще раз проверил угловое положение телескопа, чтобы наверняка смотреть на нужную точку солнечного лимба. Усиление — 500, изображение исключительно устойчивое, несмотря на незначительную высоту над горизонтом.

Четыре тридцать две. В любой момент есть...

Вот... вот она! Едва верю! Малюсенькая черная зарубка на солнечной кромке растет, растет, растет.

Привет тебе, Земля. Посмотри вверх на меня, на самую яркую звезду в своем полночном небе, прямо над головой.

Видеозапись — обратно на медленную скорость.

Четыре тридцать пять. Будто большой палец давит на кромку Солнца — глубже, глубже.

Четыре сорок одна. Земля точно приостановилась на полпути и похожа сейчас на великолепный черный полукруг, откушенный от Солнца.

Четыре сорок восемь: Земля вошла на три четверти.

Четыре часа сорок девять минут тридцать секунд. Видеозапись — снова на полную скорость.

Линия контакта с кромкой Солнца быстро уменьшается. Сейчас она едва заметная черная нитка. Через несколько секунд вся Земля наложится на Солнце.

Теперь мне виден эффект атмосферы. Черный круг Солнца окружает тонкий ореол света. Странно думать, но я вижу свечение всех закатов и всех восходов, происходящих сейчас на Земле.

Вхождение полное. Четыре часа пятьдесят минут пять секунд. Весь земной мир передвинулся на поверхность Солнца, образовав черный диск-силуэт на фоне того самого ада, что находится внизу, на расстоянии девяноста миллионов миль от меня.

В течение последующих шести часов, пока не появится Луна, идущая за Землей на расстоянии в полширины солнечного диска, никаких наблюдений. Лучом я передам записанную информацию на «Лунаком», а затем постараюсь немного поспать.

Самый последний сеанс. Интересно, потребуется ли мне сиотворное. Жаль тратить на сон эти последние несколько часов, но я хочу сберечь силы и кислород.

Эфемеридное время — десять часов тридцать минут. Я принял только одну таблетку и снов каких-либо не помню.

Снова у телескопа. Сейчас Земля прошла по диску Солнца полпути, находясь немного к северу от центра. Через десять минут я должен увидеть Луну.

Только что включил телескоп на самое большое усиление — 2000. Изображение слегка расплывчатое, но все-таки довольно хорошее, отчетливо видно атмосферное кольцо. Может быть, увижу города на темной стороне Земли.

Не повезло. Вероятно, сильная облачность. Обидно: ведь теоретически это возможно, однако не удалось.

Десять часов сорок минут. Видеозапись — на малую скорость. Надеюсь, что смотрю на правильную точку.

Осталось пятнадцать секунд. Видеозапись — на полную скорость.

Черт... пропустил. Но неважно — аппарат видеозаписи успел схватить тот самый момент. Маленькая черная метка на краю Солнца уже видна. Первый контакт, должно быть, произошел приблизительно в десять часов сорок одну минуту двадцать секунд по эфемеридному времени.

Как велико расстояние между Землей и Луной — половина ширины диска Солнца. И не подумаешь, что они имеют какое-то отношение друг к другу. По-настоящему понимаю, насколько огромно Солнце.

Десять часов сорок четыре минуты. Луна прошла край Солнца ровно наполовину. Очень маленькое, очень четкое полукруглое вкрапление в солнечную кромку.

Десять часов сорок семь минут пять секунд. Внутренний контакт. Луна прошла крайнюю точку и находится полностью внутри Солнца. Едва ли смогу что-либо увидеть на ночной стороне, но все-таки увеличу мощность.

Вот интересно.

Так, так. Кто-то, кажется, пытается со мной говорить. Крошечная световая точка пульсирует на темной стороне Луны. Вероятно, лазер на базе «Имбриум».

Простите. Я же уже со всеми распрощался...

И все-таки есть что-то гипнотизирующее в этой мигающей точке, исходящей от самой поверхности Солнца. Трудно поверить, что луч прошел сквозь все это расстояние, имея ширину только в сто миль. «Лунаком» нацелил лазер точно на меня, и зря: я, вероятно, игнорирую его сигнал. Однако здесь у меня своя работа.

Десять часов пятьдесят минут. Видеозапись выключена до конца прохождения Земли. Оно произойдет через два часа...

Только что перекусил и сейчас в последний раз осматриваю вид, открывающийся из пузыря, откуда я веду наблюдение. Солнце стоит все еще высоко, поэтому сильных контрастов нет, но свет отчетливо выявляет все цвета — бесконечные оттенки красного, розового и малинового, а это на фоне синего неба выглядит жутковато. Как непохоже на Луну, хотя та тоже по-своему красива.

Странно, как может удивить очевидное. Каждый из нас знал, что Марс красного цвета. Но мы никак не ожидали увидеть красноту ржавчины, красноту крови. Словно воплотившаяся земная пустыня: через несколько минут глаза начинают тосковать по зеленому цвету.

Только на севере можно увидеть снежную шапку углекислого газа на горе Барроуз: ослепительно белую пирамиду. Это еще одна неожиданность. Барроуз возвышается над равниной на двадцать пять тысяч футов, а считалось, что на Марсе гор нет.

Ближайшие песчаные дюны находятся от меня в четверти мили, местами они тоже покрыты на затененных склонах изморозью. Мы пришли к выводу, что дюны во время последнего шторма передвинулись на несколько футов, но не были уверены до конца. Конечно, дюны перемещаются как и на Земле. Когда-нибудь наша площадка будет занесена и появится вновь только через тысячу лет. Или через десять тысяч.

А вот и странная группа скал — Слоновья, Капитолий, Епископ, — все еще скрывающая свои секреты. Мы могли бы поклясться, что скалы были осадочного происхождения; с

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

какнм нетерпеннем мы рннулнсь наружу на понскн окаменелостей органического происхождения! Но даже и сейчас мы не знаем природы образованнн этих обнажений. Геология Марса — сплошной клубок противоречий и загадок.

Будущему мы передали достаточно проблем, а те, кто придет после нас, найдут нх еще больше. Но есть одна тайна, о которой мы не сообщнли на Землю и даже ие зафиксировалн ее в бортжурнале. В ночь после приземленнн мы дежурили по очереди. На вахте был Бреннон, он-то н разбуднл меня вскоре после полуночи. Ему показалось, что вокруг основания Капитолня двигается свет. Мы наблюдалн по меньшей мере целый час, пока не наступила моя очередь заступать иа дежурство. Но ничего не увидели; какова бы ни была прнчина свечения, больше оно не появлялось.

Бреннон был человеком чрезвычайно уравновешенным и лишенным воображенна. Если он сказал, что видел свет, значит, он его видел. Может, это был какой-нибудь электрическнй разряд или отражеиие Фобоса на куске скалы, отполнрованной песком. Во всяком случае, мы решнли не упоминать «Лунакому» об этом, если не увиднм свет еще раз.

Последнее время я пребывал в полном одиночестве, часто просыпался по ночам н смотрел на скалы. В тусклом свете, отраженном от Фобоса н Деймоса, они иапоминали мне очертанне ночиого города, всегда остававшегося темным. Никаких огней для меня так н не появилось.

Двенадцать часов сорок девять минут, время эфемеридное. Начинается последний акт. Земля почти достигла солнечиого лимба. Два узкнх световых рога, охватывающне ее, едва дотрагиваются друг до друга.

Видеозапись — на полную скорость.

Контакт! Двенадцать часов пятьдесят мннут шестнадцать секунд. Серпы света разъединены. На солнечной кромке, которую иачала пересекать Земля, появилась черная точка. Она растет, становясь длнннее, длиннее...

Видеозапись — на медленную скорость. Через восемнадцать мииут Земля окончательно освободнт солнечную поверхность.

А Луне еще предстоит пройти более половины пути; она не достигла и серединной точки своего прохождения н выглядит сейчас будто маленькое чернильное пятно, размером в четверть Земли. Свет больше там не мигает. Похоже, «Луиаком» отказался от попытки связаться со мной.

Итак, мне остается пребывать в моем последнем убежище еще четверть часа. Время ускоряет свой бег, как в последине минуты перед стартом. Но я уже все решил.

Я чувствую себя частью историн. Одним из тех, кто вместе с капнтаном Куком в 1769 году иаблюдал на Таитн прохождение Венеры. Наверно, это выглядело точио так же, за нсключением нзображения Луны сзадн.

Что бы подумал двести лет назад Кук, если б узнал, что человек будет наблюдать прохождение Земли из внешнего мира? Уверен — он бы удивился, а потом обрадовался.

У меня такое ощущеиие, словно я еще не родился. Да, вы услышите эти слова. Возможно, через сто лет вы будете стоять на этой самой точке во время следующего прохождения.

Шлю свой прнвет году 2084, ноябрь десятого числа! Уверен, вы прибудете сюда на роскошном лайнере, а может, и родитесь здесь же, на Марсе. А знать вы будете так много, что я н вообразить себе не могу. И все же я вам не завидую. И даже не поменялся бы с вами местами, если б и мог.

Потому что вы будете помнить мое имя и знать, что я был первым человеком, наблюдавшим прохождение Земли.

Двенадцать часов пятьдесят девять мииут. Земля вышла ровно иаполовину. Мне никак не отделаться от впечатления, что от золотого днска откушен прнличный кусок. Через девять мииут Земля пройдет, и Солице снова будет целым.

Трнадцать часов семь мииут. Видеозапись — на полную скорость.

Земля почти прошла. Только неглубокая черная выбоинка видна на солнечной кромке. Ее легко можно прииять за маленькую точку на лимбе.

Трнадцать часов восемь минут. Прощай, Земля-красавица, прощай. Роднна.

Уходишь, уходишь, всего тебе доброго...

Чувствую себя снова нормально. Вся видеозапись передана домой. Через пять минут она присоединиится к аккумулированной мудрости человечества. И «Луиаком» узнает, что я иаходился на своем посту.

А эту запись я не отсылаю. Я оставлю ее здесь для следующей экспедиции, когда бы она нн состоялась. Может, пройдет десять, двадцать лет, прежде чем кто-либо снова доберется сюда; есть ли смысл возвращаться на старое место, тогда как целый мир ожидает своей очереди быть исследованным?

Так что кассета останется здесь, как оставался дневник Скотта в палатке, пока не нашли его другие

исследователи. Именно Скотт подал мне эту идею. Ведь его замерзшее тело не исчезло навсегда в Антарктике. Уже давно его одинокая палатка начала свой марш к океану, сползая вместе с ледником с полюса. Через несколько веков моряк вернется в море.

Здесь, на Марсе, нет океанов. Но какая-то жизнь существует там, внизу, на несильно изрезанном эрозией плато Хаос II, которое у нас так и не хватило времени обследовать.

А подвижные участки поверхности, видимые на орбитальных фотографиях? А доказательства того, что кратеры с огромных площадей Марса начисто смели силы, совсем непохожие на эрозию. А расположенные в длинную цепь оптически активные молекулы углерода, оказавшиеся в атмосфере Марса?

И конечно, тайна «Викинга VI». Даже сейчас никто не в состоянии отыскать какой-либо смысл в последних показаниях приборов, перед тем как что-то огромное и тяжелое раздавило аппарат.

И не говорите мне о примитивных формах жизни! Все, что здесь выжило, стало настолько изощренно-сложным, что мы по сравнению с ними, возможно, выглядим такими же неуклюжими, как динозавры...

Вот и все. Полный порядок, теперь можно проехать на марсоходе вокруг всей планеты. У меня есть три часа дневного времени — вполне достаточно, чтобы спуститься в долину и добраться до самого Хаоса.

Психотерапия сработала. Чувствую себя легко и свободно, так как уже знаю, что намерен сделать.

Я собираюсь насладиться поездкой по Марсу и буду вспоминать всех, кто мечтал о нем. Пусть их предположения были ошибочны, но реальность оказалась такой же необыкновенной и такой же прекрасной, как они себе представляли.

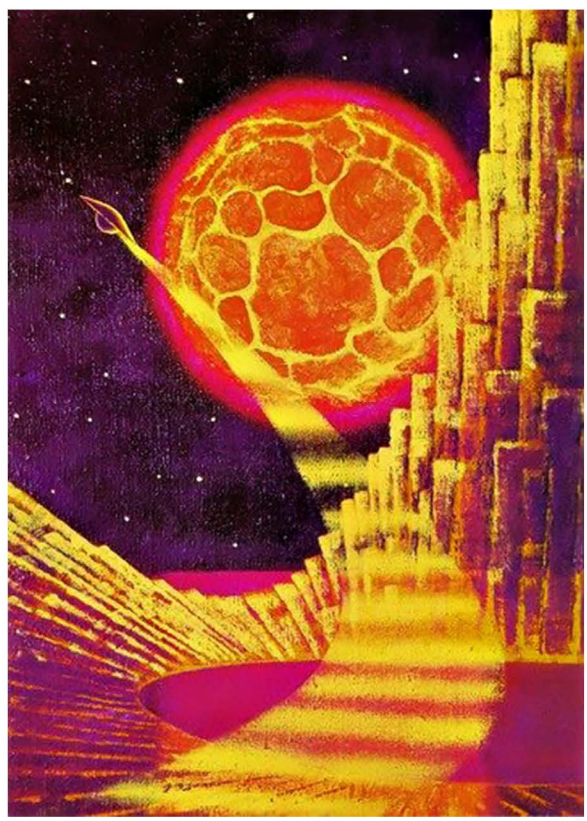
Не знаю, что ожидает меня там, и, возможно, я ничего не увижу. Но этот голодающий мир, должно быть, остро нуждается в углероде, фосфоре, кислороде, кальции, и он может меня использовать.

А когда индикатор кислорода даст мне сигнал и мне станет трудно дышать, я сойду с марсохода и пойду вперед, включив проигрыватель на полную мощность.

Нет в мире музыки, которая могла бы сравниться с ре-минорной Токкатой и Фугой Баха. Я не успею дослушать ее до конца, но это неважно.

Иоганн Себастьян, я иду.

Перевод А. АЗАРОВА



Север ГАНСОВСКИЙ

Рис. Роберта Авотина

Лебединый путь

Научно-фантастический рассказ-пьеса

Морозный день кончался, ясный. Большое оранжевое солнце уже село куда-то за гостиницы «Заря», «Алтай», «Восток» к станции электрички «Рабочий поселок», но проспект еще звенел, как натянутая струна, катил сразу в двух направлениях, словно сдвоенный провод под током — неподвижный и бегущий. К югу торопился проспект, к магазину «Океан», Рижскому вокзалу, магазинам «Все для новобрачных» и «Свет», к тем последним особнячкам, что остались еще от Первой Мещанской, и на север — мимо просторного предполья выставки, аллеи Космонавтов, обелиска, покрытого полированным титаном, мимо какого-то института и мухинской скульптуры «Рабочий и колхозница». Катил над речкой Яузой, где делали набережную, где возле старинного каменного акведука предстоит раскинуться спортивному центру, потом на широкий мост через Окружную железную дорогу к белым многоэтажным домам Лося, на мост через окружное шоссе, вдоль которого сверху работники ГАИ на вертолетах, и дальше-дальше к Загорску, Ярославлю, лесами, лесами в глубь России.

Протекторы тысяч машин разбили, вытаяли и унесли с проезжей части выпавший ночью сухой февральский снег — длинными полосами с языкатым краем он остался только на осевой и у кромки тротуаров. Возле Звездного бульвара и улицы Кибальчича в вечереющий послерабочий час толпы прохожих скапливались, разряжались и снова скапливались на переходах, люду не было конца, троллейбусы, автобусы нагружались, одновременно опустошаясь. У входа в метро нахальные голуби зорко следили с навесов табачных и галантерейных ларьков, кто же соберется утостить их горячим пирожком с мясом; собирающиеся здесь, чтобы вместе ехать на занятия, ученицы музыкальной школы смело ели мороженое. «В тесноте, да... не обедал», — сказал плотный гражданин, бодро втискиваясь в трамвайный вагон, уже до того набитый, что и змее не проскользнуть бы между прижатыми друг к другу пальто и шубами. Кругом улыбнулись.

Всего лишь за четыре километра отсюда в защитной лесной зоне на безмолвную просеку под высоковольтной вышла молодая лисица, принюхиваясь, поводила в морозном воздухе острой мордочкой, будто нарисовала сложный узор. В ста пятидесяти миллионах километров отсюда из жерла солнечного пятна рухнул поток протонов. Испуская немой торжествующий рев, рождалась звезда в немыслимой дали. Плыли галактики, разбегалась вселенная; из тех пространств, куда и направленье не показать, из тех времен, о которых не скажешь, раньше ли они, позже, чем сейчас, текли сигналы, падали, не принятые пока, на верхушки елей, на острие телевизионной башни Останкина.

Загорелись синие буквы «Кинотеатр «КОСМОС», зеленые «ГАСТРОНОМ».

На проспекте перфокарты домов зажигали все новые и новые дырочки-окна. Какие там судьбы, о чем говорили утром, уходя, с чем приходят сейчас?

Возьми нас, жизнь, позволь услышать.

Один телефонный звонок, другой...

Старик *(издали)*. Иду!

Шаги. Телефон продолжает звонить.

Иду же, иду! Вскать, что ли?

Шаги ближе. Телефон умолкает

Звяканье трубки.

Алло! Алло!.. Все, не успел. Обычная история.

Звук положенной на рычаг трубки. Ф-фу, даже сердце закололось. *(Вздыхает, затем другим тоном.)* Цветы почему-то на столе, розы. На дворе зима, снег, а тут розы... Ах да! Таечка принесла утром. Какой-то сегодня день, она говорила, какая-то дата... Забыл. Прошлое вываливается кусками, как кирпичи. *(С внезапной яростью.)* Так вспомни же, вспомни, что сегодня! *(Успокаиваясь.)* Нет, этого не победишь. Все мне говорят: «Дед, ты не чувствуй себя виноватым, если не помнишь». А я все равно чувствую... Ну ничего, теперь это все кончится. Только они меня и видели — невестки, зятья, внуки, правнуки... Где у меня чемодан?.. Ага, вот он!

Резкие телефонные звонки.

Черт, междугородная, наверное!

Звяканье трубки.

Алло, у телефона!

Телефон безмолвствует.

Алло, будьте любезны, громче!..

(Другим тоном.) Может быть, говорят, а я не слышу. Слух с молодости плохой.

В трубке жужжит.

Голос *(с металлическим, звенящим оттенком)*. Внимание, просим не отходить от телефона! Просим вас не бросать трубку ни в коем случае.

Старик. Кого вам надо?

Голос. Вас. Мы говорим из будущего.

Старик. Из Будугощи? Наверное, неправильно соединили. У домашних там никого нет. Какой вам нужен номер?

Голос. Ваш — какой бы он ни был. Это не Будугощь. Будущее, завтрашний день, понимаете? *(С большим воодушевлением.)* Мы ведем разговор сквозь время, наш голос летит через бесчисленные века. Работают две группы, и вот одна уже прорвалась в вашу современность. Мы добились удивительного успеха. Сложные приборы будут переводить ваши слова и фразы на понятный для нас язык... Уже переводят.

Старик. Вы говорите, будущее?

Голос. Да, будущее. Futurum.

Старик *(после паузы)*. Знаете что, скоро должна прийти внучка. А я старик. Не очень понимаю. Вы позвоните попозже.

Голос. Не можем позже. Для нашей с вами связи подключены и используются огромные мощности. Пожалуйста, проникнитесь величием происходящего. Вот вы, человек пока еще только планеты Земля, и мы, теперь уже галактическое человечество. Стало возможным общение. Так начнем же... И, кроме того, нам нужны именно вы.

Старик. Я нужен?

Голос. Да.

Старик. Именно я, Алексеев Павел Иванович?

Голос. Именно вы.

Старик. Слушайте, это не розыгрыш?

Голос. Что вы — чудовищна сама мысль!.. Впрочем, нажмите рычаг телефонного аппарата.

Старик. Зачем?

Голос. Вы отключитесь от станции. Но разговор остается возможным. Нажмите, не кладя трубки. Таким способом вы проверите.

Старик. Ладно.

Металлический стук.

Нажал, ну?

Голос. Все равно вы слышите нас. И мы слышим... Можете оторвать трубку совсем. Попробуйте.

Старик. Серьезно. И что получится?

Шорох. Треск.

Оторвал.

Голос. Вот.

Старик *(испуганно)*. Дьявольщина.

Шорох. Стук покатившейся трубки.

Голос *(издалека, придавленно)*. Собственно, трубка нужна только как преобразователь другого вида волн... Вы слушаете?.. Алло, где вы?.. Мы убедительно просили ни в коем случае не прекращать разговор.

Старик. Даже страшно.

Голос. Говорите в трубку. Ничего не слышно... Вы, может быть, вообще бросили трубку?.. Павел Иванович, будьте любезны, возьмите ее, говорите в микрофон.

Старик. Взять, что ли?

Шорох. Шаги. Звяканье трубки.

А это не опасно?

Голос *(вблизи)*. Что?

Старик. То, что вы проникли к нам?

Голос. Конечно, нет. Взгляните через окно наверх. Там через все небо дерзкой параболой размахнулся Млечный Путь. В известном смысле мы говорим оттуда. И, кроме того, сквозь время... Если неудобно беседовать так, можем воспользоваться приемником. У вас в комнате, наверное, есть радиоприемник. И где-нибудь поблизости отсюда?..

Звук наподобие лопнувшей струны.

(Очень громко, но уже без металлического оттенка.) Как будто бы нашли. *(Значительно тише, мягким человечным тоном.)* Так будет лучше, да? Так вам удобнее слушать?

Старик. Приемник сам включился... Ничего себе чудеса! Пожалуй, я сяду.

Скрип стула.

Голос. Верите теперь, что это не розыгрыш, что будущее? Тогда спрашивайте о том, что вам хотелось бы узнать. И у нас масса вопросов к вам.

Старик. Фантастика... Не соберусь с мыслями. Будущее... Самое главное, конечно, что будущее есть и все продолжается. А то в последнее время много горьких пророчеств там, на Западе. Толкуют о перенаселении, о водородных бомбах, о засоренности этой, как ее... биосферы. Некоторым представляется, будто мы, люди, вовсе конца.

Голос. Перенаселение?.. Нет, не тревожьтесь. Это все удалось преодолеть.

Старик. А с энергией? Я тут все читаю газеты, журналы. Пишут об энергетическом кризисе — в Европе, в Японии.

Голос. В принципе энергии бездна. Дело только за быстрым шагом науки. Вселенная полна энергией. Если, например, обращать время в пространство, если на миллиардные доли секунды замедлить его грандиозный вселенский вал, высвобождается...

Последние слова звучат все тише.

Старик. Что вы говорите — время в пространство? Надо же, до чего додумываются... Хотя радио, пусть ее — энергию. Вы мне вот что скажите: зачем именно я понадобился? Что во мне такого, что вы именно меня выбрали? Человек-то небольшой, жизнь прожил малозаметную, в истории не отмечен... Алло!.. Алло, вы слышите?.. Эй, у вас что-нибудь зашло?

Стучит рычаг телефона.

Хотя, трубка ведь оторвана — что я делаю?.. Какая-то чертовщина!.. А, радио, буду собираться!

Шаги.

Голос. Алло! Послушайте!..

Старик *(издали)*. Ну наконец-то!

Голос. Вероятно, у нас прерывалась связь... Вы нас слышите?... Говорите в трубку. Вы не ушли?

Старик. Никуда не ушел... Где же эта трубка?

Голос. Вероятно, у нас прерывалась связь... Где вы?

Старик. Да здесь, здесь! Вот она, трубка, я ее в спешке в чемодан сунул... Алло! Черт, я испугался, думал, вы отсоединились совсем! Скажите, зачем именно...

Голос *(прерывает)*. Извините нас. Одна минута. Запускаем слово «черт» в серию более совершенных аппаратов... Стойте, стойте, стойте... сейчас.. Так... готово. Прошу продолжать.

Старик. Я хочу... Скажите, пожалуйста... Забыл.

Голос. Что вы забыли?

Старик. Что хотел спросить. Вылетело... Бог ты мой, какая мука с памятью!

Голос. Подождите, запускаем слово «бог».

Старик. Не запускайте. То же самое, что «черт», восклицание... Слушайте, надо подождать внучку. Все разъехались, я один в квартире. Хотели временно поселить тут со мной медсестру, я не согласился. А Таня бывает каждый день раза по два. Утром забегала и теперь придет минут через сорок.

Голос. Нет, нет. Извините, но это невозможно. Вариант с внучкой даже не стоит обсуждать. Спрашивайте нас, а потом начнем мы.

Старик. Ладно... Скажите, вы сейчас далеко, на Млечном Пути, да? Но как же мы разговариваем? Я читал, даже свет оттуда идет десять тысяч лет или сто. Между вопросом и ответом должен получаться длиннейший перерыв, пока это пропутешествует туда и обратно. Но быстрее света ничего нет — так говорит теория.

Голос. Какая — теория относительности?

Старик. Да.

Голос. А природа?.. Природа ведь еще по этому поводу не высказывалась.

Старик. Как вы сказали?.. А-а, понял... Совершенно не знаю, о чем спрашивать... Чем вы там занимаетесь в будущем? Как вообще живете?

Голос. Удивительно. Только вам трудно это себе представить... Промышленность у нас введена в замк-

нутые циклы, она почти не отличается от природы, гармонизирована с ней, и то, что в основном нужно людям, как бы растет, не нарушая прозрачности синего воздуха, чистоты хрустальных рек. Экология производства...

Старик. Экология!

Голос. Да.

Старик. Ну вот, опять это слово.

Голос. Какое — «экология»?

Старик. Нет, это я так. Продолжайте.

Голос. Мы неустанно расширяем свой чувственный, эмоциональный, логический опыт, исследуем материю в ее мельчайших частицах, а также целые миры и целые галактики. Но главный объект приложения сил — человек, его возможности, социальная жизнь. У нас необозримое разнообразие. В городах с миллиардным населением, рассеянных по кольцу цивилизации, напряженно бьется ритм искусств, ставятся смелые социальные эксперименты, борются страсти, точки зрения, однако тот, кому нужен покой, сосредоточение, кто на время жаждет одиночества, может избрать себе безлюдный остров или материк под дальним солнцем, где тишина и слышно, как шепчет ручей под деревом... У человека нашей эпохи совсем мало вещей, он почти свободен от них, но зато в словаре миллионы слов, потому что мы воспитали новые ощущения, способности. У нас неисчерпаемое творчество, тысячи оттенков радости и красоты. Мы чувствуем теперь гораздо сильнее — случается, крик любви или надежды, исторгнутый одним лицом, пронзает целые звездные системы.

Старик. А старость?

Голос. У нас она самая прекрасная, величавая пора, потому что к силе, знаниям прибавляется мудрость опыта. Здесь живут долго и умирают когда захотят.

Старик. Когда же они хотят?

Голос. Если человек сделал все, что было ему по силам, испытал все, он начинает думать о том, чтоб раствориться, стать каплей росы на листке, камнем под солнечным лучом. Жизнь — это развитие, и когда пройдены все фазы, лишь редкие хотят повторить или задержаться в какой-нибудь. Вот вам, вероятно, скучно было бы в компании подростков, пусть даже отличное здоровье, пусть без седины и морщин. Ведь молодые заняты тем, что открывают для себя мир, а у вас это уже было.

Старик. Так... пожалуй. Но сама смерть?

Голос. Она страшна в боли, болезни, если позади незавершенные дела, если родные и близкие без помощи. Но у нас нет ничего такого. Имению много проживающие люди удаляются обычно на пустынный остров, в дикий край, там спокойно, незаметно отдают частицы своего тела обратно природе... Кстати, ваше поколение — одно из последних, которое уходит страдая. Там впереди страх смерти исчезнет.

Старик *(вздыхает)*. Да-а.. И все это у вас на звездах. А мне всегда казалось, что в космосе пусто, холодно. Черное кругом.

Голос. Нет. Здесь такая голубизна небес на планетах, зелень странных лесов, цвета скал. Мы в великом походе — приблизились к самым границам этой вселенной и скоро шагнем за них. Наполнена любая секунда существования... Можно, теперь мы приступим к вопросам?

Старик. Я уже устал. Ну пусть, приступайте... Хотя, скажите, от нашего времени что-нибудь осталось у вас? Ну вот как от египтян — пирамиды, какие-нибудь вещи?

Голос. Осталось. Большие сооружения вашей эпохи, здания. И вещи — обычные, бытовые.

Старик. Какие?

Голос. Например, тут в музее стоит диван. Заключен в прозрачную герметическую оболочку.

Старик. Диван? Случайно не кожаный?

Голос. Кожаный.

Старик. Интересно.

Шаги. Затем скрип пружин.

Нет ли на нем дырки? Прожжено папиросой в правом углу.

Голос. В левом, если сидеть на диване.

Старик. Правильно, в левом... Так, а если... *(Шепотом.)* Если еще разрезать?.. Где у меня ножницы?

Шорох, стук, треск раздираемой материи.

Алло! Еще примет не видно?

Голос. Распорот правый валик. Возможно, ножницами. Распорот и зашит.

Старик *(растерянно)*. Уже зашит?.. Послушайте, но это мой диван. И он сейчас там, на звездах. Как странно и... обидно. Вещи, слепые, бездушные, переживают бездну лет, пролетают за миллиарды километров. А мы сами?.. Объясните, вот наши мысли, тревоги, наша усталость, наша радость — из этого что-нибудь не исчезает?... Раньше, скажем, в бога верили, считали, после смерти в раю будет вечно жить человек. А теперь материализм: помер и будто не жил... Вот отвечайте, от нас, современников, что-нибудь переходит к вам туда, где тысячи оттенков счастья, остров каждому, кто пожелает? От меня хотя бы, кроме дивана, на котором спал?

Голос. Сейчас будем выяснять... Кто вы теперь, в настоящее время?

Старик. Старик.

Голос. А чем занимаетесь?

Старик. Этим и занимаюсь. Семьдесят пять лет. Куда ни попадешь, все кругом моложе — другие чувства, другие интересы. Тут, правда, на бульваре пожилые сидят, несколько человек. О здоровье толкуют. То есть одни о болезнях и хвастают ими, другие, наоборот, хвалятся, как сердце хорошо работает, как сон. Но это одинаково противно... Или еще тема — обсуждают, чего есть нельзя, чего пить. Белый хлеб нельзя, сахар тоже. Когда заваренный чай простоял, видите ли, больше десяти минут, он уже токсичен. То вредно, это... Но если так рассуждать, жить, в целом, вредно... Алло, на проводе?

Голос. Да, слушаем.

Старик. А почему молчите?

Голос. Наверное, вы сейчас плохо чувствуете себя. Вы нездоровы, да?

Старик. Нездоров. Поэтому они и хотели медсестру. Но при чем медсестра, когда я просто старый? Каждая жизнь, если ее не прерывать, приходит к старости — вот в чем беда. У меня лучшие друзья уходили молодыми.

Голос. Мы могли бы помочь в смысле вашего физического состояния. У нас гигантские возможности. Если бы вы нам очень подробно и точно описали...

Старик *(прерывает)*. Лучше выслушайте. А то почти все время молчу. Из-за памяти. Возьмешься что-нибудь доказывать, а потом замечаешь, что забыл, с чего начал. Так неловко становится. Да и вообще поговорить не с кем. Внучка вот, Таня, этой самой экологией занимается, племянник — структурным анализом. Но что такое структурный анализ? Он пытается объяснить, каждая фраза в отдельности вроде понятная, а вместе не складываются... Потолковать особенно не о чем, и делать дома тоже нечего. Я работать привык, а тут все готовое. Ни дров поколоть, ни воды принести — одни выключатели да кнопки. Сидишь целый день сложа руки. Вот ведь как получается — люди трудятся, в результате их работы меняется мир. Но чем больше они старались, тем меньше к старости такого дела, к которому они привыкли, которое умели. Только вспоминать остается. А вспоминать тоже мало хорошего.

Голос. Отчего? Разве вы недовольны прожитой жизнью?

Старик. Конечно, недоволен. Сделал совсем мало. В юности молодой был, мечтал подвиг совершить. А жизнь вышла незаметная, будто не было ее. Оглянешься — вроде кругом ничего моего и не осталось. Вот ученый, к примеру, — он лекарство изобрел либо закон вывел, которым люди до сих пор пользуются. Или художник — его самого давно уже нету, а на картину в музее до сих пор смотрят. Теперь меня взять?.. Работал-работал, руки всегда в мозолях, но все как сквозь пальцы просыпалось, исчезло. Вот вы сказали, что старость — это знания и мудрость опыта. А какие у меня знания?.. Другой племянник, Игорь, по бетону специалист. Делают они

там у себя машину, чтобы плотность повышала, по стройкам ездят, испытывают. А мы его, бетон, в свое время как уплотнялп? За плечи возьмемся и ходим стенкой взад-вперед, топаем... Многие еще в лаптях тогда были... Это и есть моя мудрость — поднимай больше, тащи дальше. Но теперь другая нужна, не эта.

Голос. Значит, если б вам снова юность, вы бы иначе жили?

Старик. Факт, иначе. За что-нибудь такое взялся бы, что с годами не уйдет, не отменится.

Голос. Но кем вы были раньше?

Старик. Кем был?.. Да обыкновенным человеком. Не «крупный», первый там или «значительный». Рядовой, как все. Правда, большинство-то так и есть: даже не вторые или третьи, а просто на заводе работают, в конторе считают. Но ведь проходных, второстепенных ролей в жизни нет. Для своей собственной биографии каждый, кто бы он ни был, все равно выступает главным героем. Так неужели же... Слушайте, я, кажется, сбился. Давайте кончать. Хватит.

Голос. Вы ощущаете себя одиноким и ненужным?

Старик. Нет. Не совсем так. Дома вокруг меня ходят, заботятся. Даже слишком заботятся, вот это меня и мучит. Они вообще-то неплохие — зятья, невестки, внуки. И все время в командировках, экспедициях. Друзей у них много, с которыми они там в поездках сходятся. Квартира большая, постоянно новые люди. А сами родные уезжают часто и передают меня с рук на руки, чтобы я один не остался. Утром, бывает, выйдешь в столовую, совсем незнакомые. Меня увидали: «Здрасте, Пал Иваныч, здрасте. Мы тут завтрак приготовили, и эти таблетки вам обязательно надо принять». Но ведь видно же, что у них на столе свои бумаги, в уме свои дела... Словом, путаюсь я тут, отвлекаю. И решил уйти.

Голос. Куда?

Старик. Пройду последний раз те места, где воевал, строил. Где сам был большой и сильный, не старичок, как сейчас. В деревню загляну, откуда сам родом, может, работу найду какую немудрящую. Я же отдавать привык, не брать, не тянуть к себе. Но дома они для меня все, а я для них ничего. Знаете, как неловко, что Таня, внучка, по два раза в день ходит. У нее в институте дел хватает, да ведь и молодая, погулять надо. А она ко мне. Я говорю, что не надо, только разве им что-нибудь докажешь?

Голос. Значит, они хорошие, настоящие люди, ваши родные?

Старик. Хорошие.

Голос. Вероятно, они не без вашего участия стали такими.

Старик. Без моего. Я их не воспитывал. Они, между прочим, и не родные мне. Только так считается... Ну, извините. Пора уже. До свиданья.

Голос. Алло, алло! Как же вы пойдете, когда нам нужно еще много узнать? Подождите! Неужели не увлекает возможность поговорить с будущим? Ведь это впервые за всю историю... И потом, почему только считается, что родные?

Старик. Все, ухожу. Я уже собрался. Спасибо большое за разговор — узнал, что вы есть, человечество продолжается. И хватит с меня... Да, кстати, а Земля?

Голос. Что Земля?

Старик. Она-то существует — вот что я хотел еще спросить? Вы сами на Млечном Пути. А наша планета как? Бросили совсем?

Голос. Конечно, существует. Отсюда люди расселились, отсюда же до сих пор ведется отсчет красоты, полезности, добра и счастья. На Земле и теперь живут, она столица всех планет. Катится в эфире голубой шар, чертят небо кремлевские башни, неприкосновенным осталось место, откуда человек впервые поднялся в космос, березы, как прежде, распускают по ветру свои зеленые косы, и пальмы на атлантическом берегу принимают шторма.

Старик. Вроде музея, что ли?

Голос. Нет, почему? Но то, что нужно было сохранить, сохранено... Кстати, эту нашу беседу Земля сейчас тоже слушает, как и другие многочисленные миры.

Старик. Что-то я не понял... Нас сейчас слышат люди?

Голос. Слышат.

Старик. Прямо сейчас то, что мы говорим?

Голос. Миллиарды миллиардов. И в том числе жители будущей Земли. То есть с вашей точки зрения будущей.

Старик. Вот это попал в положение!.. Что ж вы раньше не предупредили. А я-то жалуюсь, ворчу.

Голос. Вы не сказали ничего такого, за что может стать стыдно. Давайте продолжать, пока есть время.

Старик. Нет, теперь уж пойду окончательно. Вы меня просто оглушили... Но все равно надо торопиться. Внучка застанет, уговаривать примется. Цветы вот зачем-то принесла... Мне, между прочим, с будущим не так и охота толковать, мое-то все в прошлом.

Голос. Мы можем и с прошлым. Как раз в эти минуты вторая группа связалась с началом двадцатых годов вашего века... нет, раньше. Вас можно соединить напрямую... Алло! Послушайте!

Шаги.

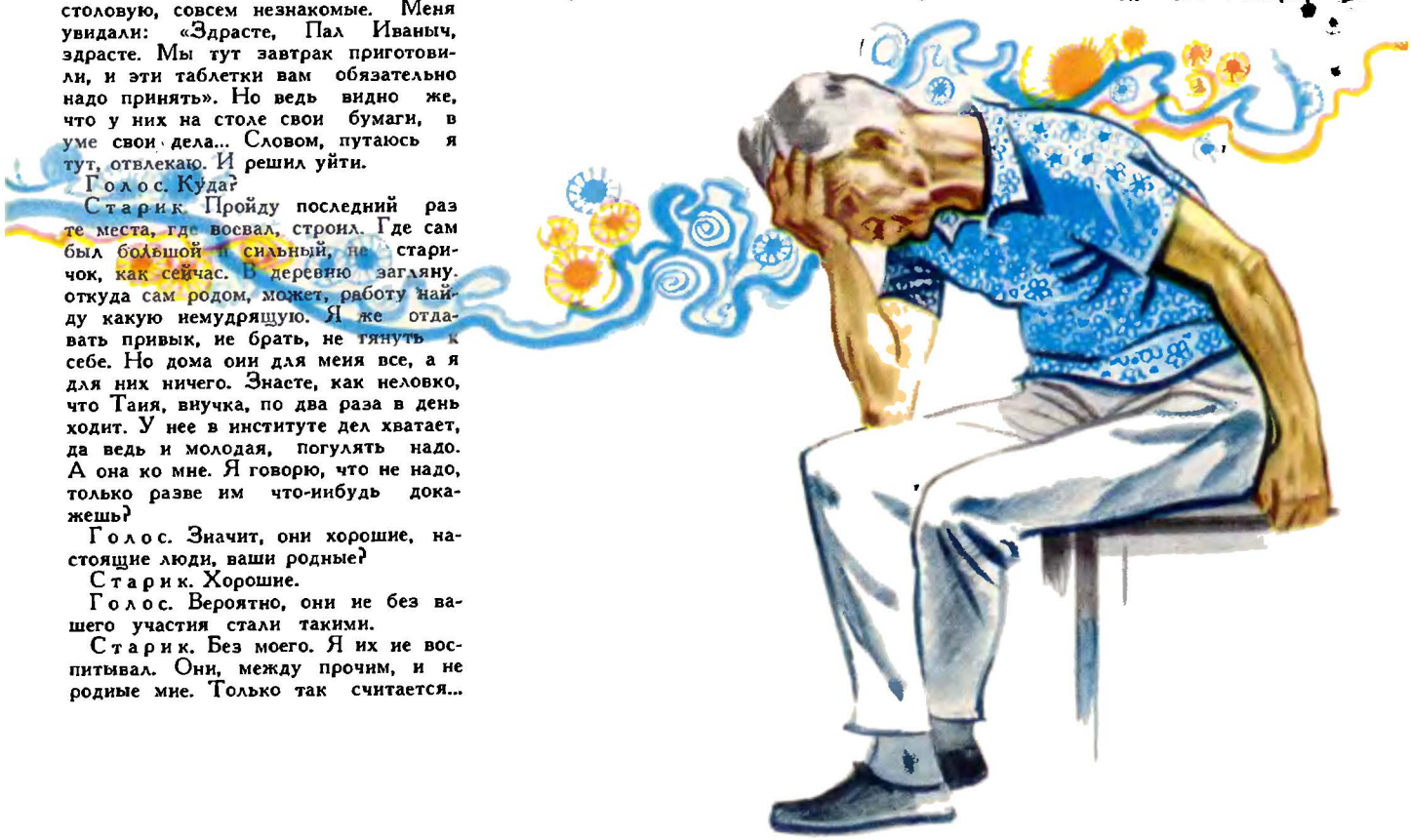
Старик *(издали)*. Ну?.. Пока еще слушаю. *(Другим тоном.)* Где у меня тут пальто старое, в шкафу?

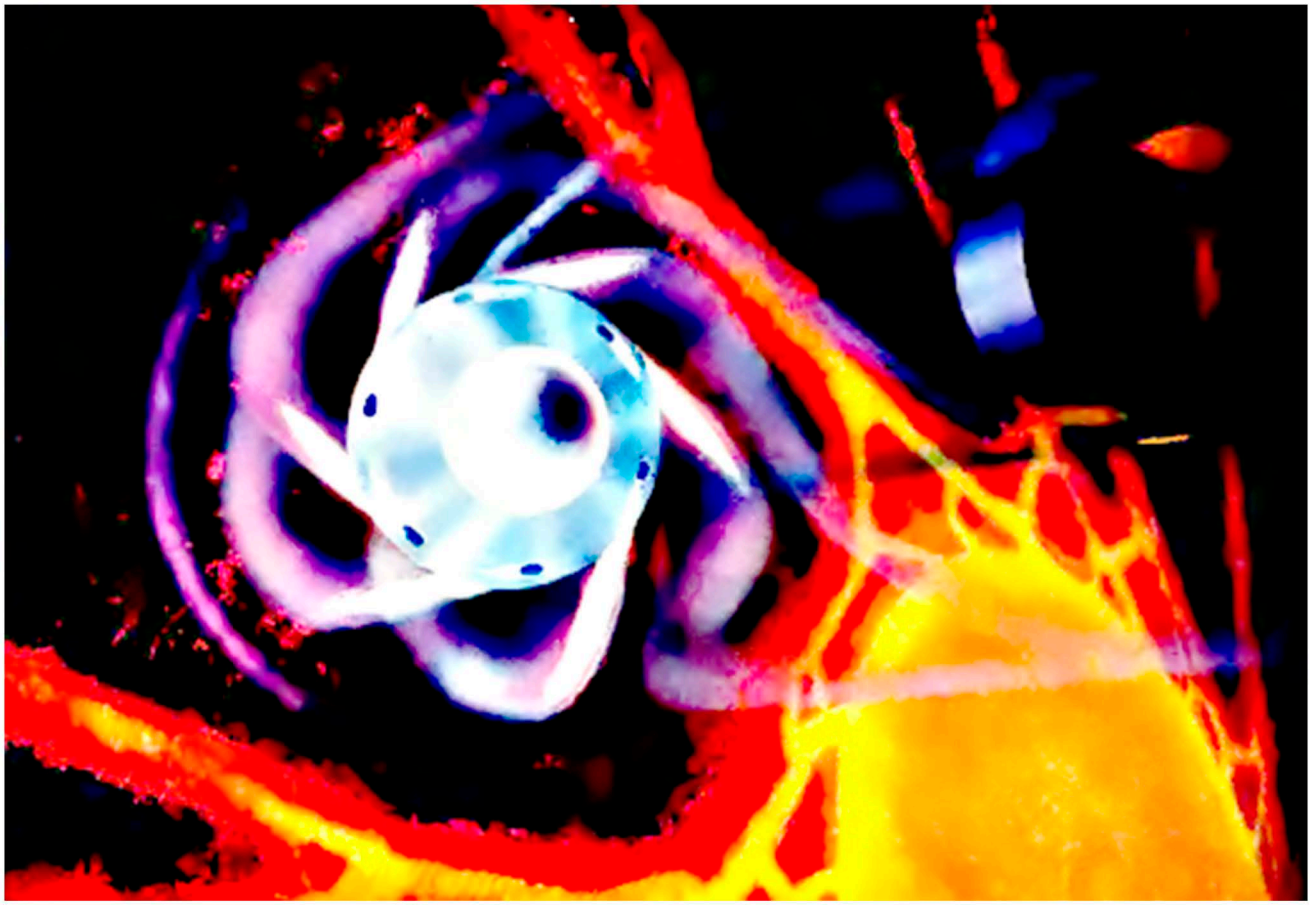
Скрип деревянной дверцы.

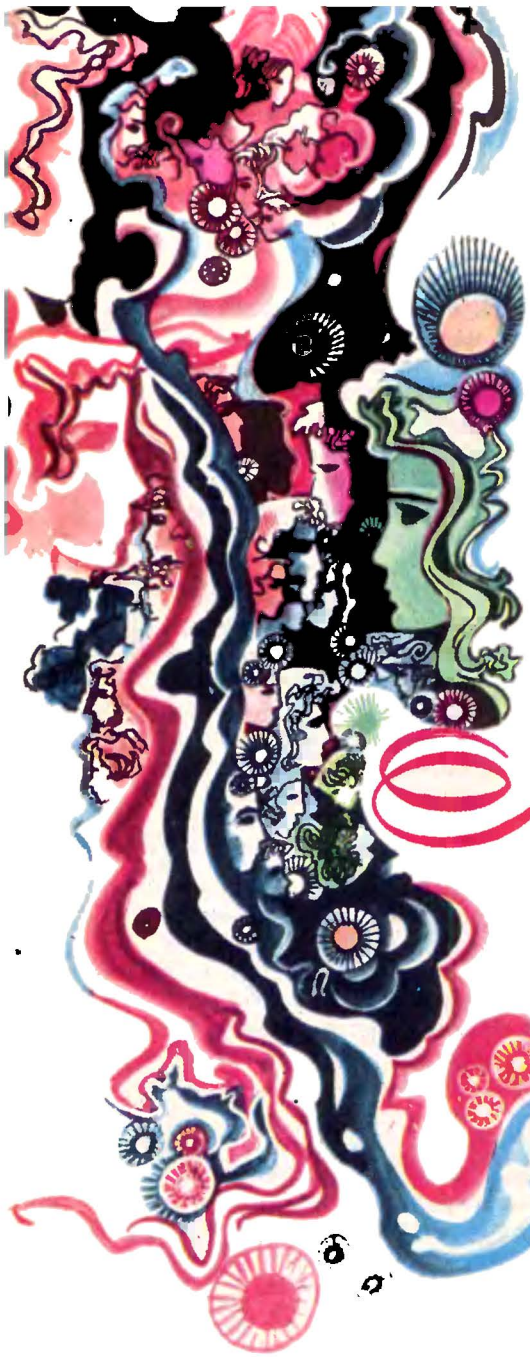
Голос. Конец десятых годов — это же время вашей молодости. Там на телефоне юноша. Он-то как раз хочет говорить с будущим, и с вами, и с нами. Ему интересно... Возьмите трубку. Юноша на проводе. Сейчас мы будем звать вас телефоном. Говорите с юношей, и это опять-таки информация для нас, Павел Иванович!..

Резкие телефонные звонки.

(Окончание в следующем номере)







Зимний морозный день. Телефонный звонок в просторной московской квартире на проспекте Мира.

В квартире только старик. Он спешит к телефону. Голос из трубки: «Внимание, просим не отходить от телефона... Мы говорим из будущего».

Да, это звонок действительно из будущего. Но зачем же нашим потомкам, людям коммунистического общества, освоившим и населившим всю вселенную, понадобилось разговаривать именно с ним, вроде бы непримечательным пенсионером Павлом Ивановичем Алексеевым?

И почему они связывают его (по телефону же) с молодым рабочим пареньком, живущим «в конце десятых годов вашего века», как говорят люди, которым наконец удалось установить связь с нашим временем?..

Об этом и рассказывается в рассказе-пьесе С. Гансовского, окончание которой мы печатаем в этом номере.

Голос. Внимание! Конец десятых годов.

Старик. Каких еще десятых?.. Ладно. Сейчас.

Шаги. Клацанье трубки.

Алло, у телефона.

Юноша. Алле, алле, барышня!.. Хотя какая же барышня?

Старик. Ну давай-давай, я слушаю.

Старик. Постой! Где вы находитесь?

Юноша. Положение отчаянное. *(С нарастающим энтузиазмом.)* Но они не знают, что перед нами теперь не серая скотинка, а революционные отряды! Такого они еще не видели. Мы умрем как один, но не пустим... Вторую неделю здесь. Вчера выгнали двух провокаторов, расстреляли одного развращенного элемента, который грабил. Вечером митинг, постановили — трусов не будет. И сегодня, как начнет германец, сами перейдем в атаку. Знаешь, какое настроение — мы тоже, как в небе, по облакам. Любой в отряде может речь держать, всю пропаганду высказать — про мировую революцию, всемирную справедливость... Алле, на проводе!

Север ГАНСОВСКИЙ

Рис. Роберта Авотина

Мёртвый путь

Научно-фантастический рассказ-пьеса

(Окончание. Начало в № 11 за 1974 год)

Юноша *(торопясь)*. Кто на проводе, алле?.. Слушай, верно, что будущее, не наше время? Неужели может быть?.. Нашли пошли на позицию, мне командир сказал в штабе имущество собрать. И вдруг вызов. А он разбитый, аппарат. Миной попало. И провода нет. Трубку беру, там голос... Значит, правда, что будущее?

Слышна орудийная канонада.

Старик. Правда. Я тоже сначала не поверил. Но вижу, что так... Слушай, ты сейчас где? Что у вас?..

Юноша *(прерывает)*. Которые раньше говорили, сказали — в небе живут, по звездам. А ты сам где, на небе? Какой у вас год там?

Старик. Семьдесят четвертый... тысяча девятьсот. Ты что, на фронте сейчас?

Юноша. Ого, полста лет, больше! *(Пониженным голосом.)* Слушай, а тут положение тяжелое. Германец наступает, армия кайзера Вильгельма. У них свой рабочий класс задавленный. В Ригу идут, Двинск уже захватили. И здесь наступают. Хотят выйти на Гатчину, там до Петрограда прямая дорога. Нашей власти четыре месяца, а они — чтоб задушить свободу. Старые царские полки стихийно откатываются, открыли фронт... Канонаду слышишь — германские пушки.

Старик. Да-да, здесь. Скажи... Юноша. Ну ты давай рассказывай скорее, как у вас. Мы-то изнемогали вконец. По деревням ни соли, ни железа, в Петрограде продовольствия на три дня. Но все равно народ горит против капитала... С какого года, сам — вроде голос старый?

Старик. С девяносто девятого... А вы где стоите?

Юноша. Так и я с девяносто девятого. Как же выходит?... Откуда говоришь, не из Питера?

Старик. Из Москвы.

Юноша. И я же московский... Ты сейчас-то где, на какой улице?

Старик. На проспекте Мира... в общем, где раньше Мещанская. Даже дальше. Возле ВДНХ.

Юноша. Чего-чего?

Старик. Около Выставки достижений народного хозяйства.

Юноша. А что — уже есть достижения? Трамваи ходят в Москве?

Старик. Трамваев мало...

Юноша. Вот и сейчас не ходят. Мы в Петроград собрались, с Конной площади на Николаевский вокзал пехом... Скажи, а керосин есть, дрова?

Старик. Нету, потому что...

Юноша. Сейчас тоже. Старые бараки ломаем, от холода спасаемся. У вас ломают бараки?

Старик. Последние сносят. Но не оттого...

Юноша. А говоришь, достижения... Подожди, сейчас за стену выгляну — мы тут в доме сгорелом стоим. Может, пора уже.

Шаги, еще шаги... Грохот орудий. Нет, пока стреляют, готовятся. Но скоро пойдет германец. Только им неизвестно, что у нас пушки тоже есть. С Путиловского вчера привезли две трехдюймовки. Уже на позицию поставили, окоп для снарядов, все... Они пойдут, а мы как жахнем. А потом конница налетит. Васька Гриднев, кавалерист, собрал по мужикам лошадей.

Старик. Погоди!.. Гриднев... Василий?

Юноша. Седел нет — из мешков поделали, стремена навили лыковые. Неделю ребят учит в атаку на кусты — рубят шашками. Лошаденки маленькие, брюхатые, но ничего. Сегодня ударят во фланг противнику.

Старик *(взволнованно)*. Подожди же! Вася Гриднев — я его знал. Воевали вместе... Слушай, ты где жил в Москве? Тебя как звать?

Юноша. Я?... Алексеев... Крестили Павлом. У Гавриловны жил, аптекарши. Дом на Серпуховском проезде, деревянный. Сам учеником на Михельсоне.

Старик. Так это же я Алексеев! Павел Иванович... Я у Гавриловны жил. Первый этаж с крыльца налево. Шестеро наших заводских стояло у нее... Моя койка у двери сразу. Одеяло пестрядевое из деревни привез. А летом спал в дровяном сарае.

Юноша *(недоверчиво)*. Ну?..

Старик. Отец Иван Васильевич... Калужской губернии, Хотьково Думиничского уезда. Деревня Выселки.

Юноша *(тревожно)*. Ну... и мой батя тоже.

Старик. И под Питером я был — от Михельсоновцев группа. Штаб в баронском доме сгорелом — как мы пришли, еще дымился.

Юноша. Тут вот тоже дым.

Старик. Сапоги на мне были австрийские тогда, помню. Рука болела — мы в Петрограде ревизию частных сейфов делали в банке, буржуй ладонь прихлопнул железной дверцей. Со зла.

Юноша. Так он мне прихлопнул! Вот у меня тряпочкой замотано.

Старик *(тихо)*. Знаешь, ведь я — это ты.

Юноша. Ты — это я?.. Как?

Старик. Ну да. Только через время.

Юноша. Погоди! Ведь ты же старик, дед. Тебе сколько, восьмой десяток небось?

Старик. Семьдесят шестой пошел... Понимаешь, это они связали нас, соединили, которые из будущего. Сейчас ты и есть ты. А после станешь я... Смотри, как совпало, получилось. *(Глубоко вздыхает, другим тоном.)* Сердце даже прихватило. Где у меня корвалол?..

Юноша. Выходит, и мне стукнет семьдесят пять? Не верю.

Старик. Еще бы! В двадцать лет допустить невозможно. И я не верил. Первые-то годы какие длинные — из детства в юность. Каждый час чувствуешь, что живешь. Но потом она подкрадывается, старость. Отдельный день идет долго, а годы быстро набираются, незаметно... Слушай, раз такое дело, я же тебя предупредить могу. Чтобы тебе мои ошибки миновать.

Юноша. Значит, это я, который вот со мной разговариваешь? Как здорово... Ну ты скажи, отец, как там у тебя... У меня все будет получаться? Мы с ребятами тут все разбираем — кто министром, кто армией командовать. Прежние-то теперь, царские, все полетели. Наша будет власть. Ты объясни, кем я стану. Командиром фронта, а?

Старик. Фронта?.. Нет, не будешь.

Юноша. Ну, хотя полк под моим началом?

Старик. Не. Провоюешь рядовым.

Юноша. А почему?

Старик. Так получится. Не знаю.

Юноша. А потом? Как отстоим революцию?.. У нас лектор был, про звезды рассказывал, Луну, Солнце. Всем, говорит, надо учеными быть, грамотными.

Старик. Ты ученым не станешь. Рабочий.

Юноша. Опять рабочий?

Старик. Да.

Юноша. На Михельсоне?.. И жить у Гавриловны в дому?

Старик. Какая тебе Гавриловна! У нее дом отберут. Завод у Михельсона — тоже. Все станет нашим. Но ты рабочий.

Юноша. А в песне поется: «Кто был ничем, тот станет всем». Ты что же, не старался, не хотел подвиг совершить или что-нибудь?

Старик. Еще как! Революция началась, только и думал, что героем стану, все меня будут знать.

Юноша. Вот и я мечтаю. Мы тут про подвиг думаем все.

Старик. Ну правильно. Твои мечты, которые сейчас, и есть мои молодые мысли. Но не получилось.

Юноша. А почему? Ты расскажи, как прожил.

Старик. Как прожил?.. Семья, дети — три сына. Только они погибли, все мои сыновья. *(Плачет.)*

Юноша *(тихо)*. Ты что, отец...

Старик. Видел-то их мало-мало. Почти ничего такого и сделать для них не мог особенного. Таня училась после гражданской, стала медиком, врачом. Выучилась — надо ехать в Среднюю Азию на трахому. Там процентов до двадцати заболевали тогда глазами, слепли. По городам на улицах незрячих нищих — не протолкнуться. Потом на оспу в Поволжье — эпидемии подряд шли, — целыми деревнями лежали. С холерой тоже боролась — тогда от холеры помирали тысячами.

Юноша. Сейчас мрут.

Старик. Про это и разговор... В Белоруссии тоже была — там лихорадки болотные косили людей. А я здесь, в Москве, дома один на все. После смены с завода идешь, в очередях настоишься. Пришел, мальчишек потрепал по голове одного, другого. А дров наколоть, принести, поесть приготовить, постирать. Да субботники, да воскресники. Сыновья росли сами. Потом сорок первый год, война. Смотрим с Танюшей, они уже в шинелях. Первым Павел пошел, такой красивый, высокий, как бывают молодые парни. И один за одним: «До свиданья, папа, до свиданья, мама». Но не случилось свиданья.

Юноша. А дальше?... Бобылем остался?

Старик. Дальше?.. Дальше в сорок четвертом на лестнице звонок. За дверью девушка в гимнастерке — взгляд суровый... «Вы Павел Иванович?..» — «Ну, я...» — «Мы с Павлушей вместе служили в части...» Зашла и вдруг плачет. Убивается, слова сказать не может. Мне бы самому плакать, а я ее утешаю. Выплакалась: «Ладно, пойду...» — «Куда ты пойдешь, оставайся, квартира большая». — «Я, — говорит, — замуж теперь никогда не выйду...» — «Почему не выходить, неужели, — говорю, — фашисты так над нами наиздевались, что и детей в России не будет?..» И в сорок пятом тоже звонок. Парень. Этот про Колю рассказывал, младшего, фотографии принес, ордена. Сам с Ленинграда, у него там все близкие погибли в блокаду. «Оставайся, места хватит...» — «Ладно, останусь...» Теперь замминистра. Дочку Танюшей назвал — ну, в честь нашей Тани... От среднего, Гриши, тоже приехали. Опять набралась квартира, детские голоса зазвенели. Но сынов моих нет.

Юноша. А жена?

Старик. Таня?.. Она врачом была на фронте. В окружение попала с ранеными. И фашисты ее убили.

Юноша. Слушай! Вот к нам в отряд питерские влились, с Нарвской заставы. Девчонки там две. Одну Татьяной звать — с синими глазами. Я все время об ней думаю. Это что же, она и есть?

Старик. Она.

Юноша. И мы поженимся?.. Скажи, поженимся? Она за меня пойдет?

Старик. Поженитесь. Только я тебе говорю, ее фашисты убьют в сорок первом.

Юноша. А с кем же это опять война? В сорок первом году. Кто на нас пойдет?

Старик. Фашизм.

Юноша. Это кто — мировая буржуазия?

Старик. Она.

Юноша. Мы-то здесь ждем — вот-вот мировая революция грянет по всем странам... Скажи, а ты воевал в сорок первом... то есть мне воевать?

Старик. Не пустили. На заводе оставили сталь варить. Металла-то сколько требовал фронт. Каждый бой — кровь и металл, кровь и металл. Любую победу сперва в цехах надо было добыть. Не думай, что в тылу сахар, — техника всей Европы на нас шла. Работали, у станков падали. В литейном жара, окна плотно закрыли, чтобы светомаскировку не нарушать. Берешься задвижку стенку печи заправлять — порог высокий, лопата веская, да брикеты килограммов по десять, побольше полпуда. Точно не кинешь, по дороге все рассыпется. Перед открытой крышкой задерживаться нельзя, сожжет. Надо быстро подойти, размахнуться, кинуть и тут же уйти. С такта сбился, ничего не вышло... И плавки долгие были — не то что теперь. Намотаешься у мартена, еле ноги держат — ждешь, пока металл поспеет к выпуску. Случалось, когда авария, неделями не выходили с завода. Две смены отработаешь, часа три прикорнул в красном уголке и опять... Но силы-то откуда? Паек военный, голодный, да и того не съедаешь, потому что дети...

Юноша. Какие дети? Твои сыны на фронте.

Старик *(кричит)*. А чужие дети?! Напротив на лестнице солдатская вдова молодая, Верочка, в конторе работает. Двое — вот такие крохи, ходят бледненькие. Как им не подкопить кирпичик хлеба, не занести хоть раз в неделю?

Звучит мощный аккорд музыки.

Что такое?.. Я вижу звезды... Или мне кажется, что звезды горят сквозь стены, сквозь потолок?.. Эй, вы где, которые из будущего?

Голос. Да. Мы здесь и внимательны.

Старик. Дайте нам еще минут десять, пять хотя бы... Слушай, мальчик, юноша, мне тебя предупредить надо. Жизнь, в общем-то, не очень хорошо сложилась. Можно бы больше достигнуть, сделать. Брался я за многое, а из всего мало осталось. Может быть, вечное что-нибудь надо было начинать, а я всегда только один день обслуживал. В лучшем случае месяц или год. Чего в данный момент нужно, то и делал. Но эти моменты давно прошли.

Юноша. Чего-то я не пойму. Скажи еще раз.

Старик. Слушай внимательно. Сейчас у вас будет бой. Я его хорошо помню — в долине, между холмов. В атаку пойдете, германец прижмет огнем, положит на снег. Смирнов, командир, вскочит, и ты за ним бросишься. Так вот я тебе хочу сказать — бросайся, но не сразу. Секунду пережди, и тогда тебя пуля минует.

Юноша. Какая пуля?

Старик. Которая меня не миновала... Ранило, слуховой нерв задело. На рабфаке потом уже не потянул, потому что лектора не слышал. Выучиться так и не смог, как другие выучились — в инженеры вышли, в профессора... Сталь варил, выше помощника горнового тоже не поднимался. В общем, большого ничего совершить не пришлось, такого, чтобы навечно... Понял меня? Сделаешь?

Юноша *(после паузы)*. Не знаю.

Старик. Почему?

Юноша. Не знаю... Обещать не стану.

Старик. Ну вот. Всегдашняя история — старость предупреждает, юность не слушает. Но ведь я — это ты. Теперь уж ясно, какую роль та секунда сыграла. Мне-то видно.

Юноша. Что же ты сам сразу бросился? Не ждал.

Старик. Откуда думать было? Но тебе-то я говорю.

Юноша. Отец, если б ты чувствовал, как сейчас тут... Утро. И сегодня революционная армия перейдет в наступление. Мы на митинге поклялись. Это великий поход: кончается прежнее, начинается совсем другое. А ты говоришь — подождать.

Старик. На одну десятую долю секунды.

Юноша. У нас здесь чувства нового столько. Мы об государстве думаем, об целом мире, обо всех трудящихся и угнетенных... Или вот дружба. Мы теперь все вместе. Я за Смирнова жизнь отдам, не пожалею. Или за Васю Гриднева.

Старик. Не отдашь ты за него жизнь. В двадцатом Васю зарубят махновцы-бандиты на Украине. Крикнет «За власть Советов!» и падет. А ты будешь в другом месте... У меня лучшие друзья уходили молодыми.

Юноша. Неужто в двадцатом году еще воевать?

Старик. А ты думал! Так тебе господа и отдали Россию даром! Генералов на вас пойдет без счета, капитализм всей планеты поднимется. Только начинается гражданская война. Еще ой-ой насидишься в седле, натопаешься по снегам-степям. Четыре раза с Таней будете расставаться, на разные фронты попадать.

Юноша *(вздыхает)*. Мы-то считаем, только вот с германцем сейчас справиться... Ну ладно, раз так.

Старик. Ты слушай меня. За многое не берись, понял? Я вот даже английский принимался учить в лазарете — с парнем лежали на койках рядом, думали, пригодится мировую революцию делать. Но это было зря... На рабфак не пробуй, только время потеряешь. А Таня пусть не учится на врача, пусть другое что-нибудь... Или взять завод в Иваново-Орловском. Мы его сразу после гражданской восстанавливали. Знаешь, как выкладывались. На тачку земли навалишь — еле строишь, да еще бегом по доскам. Не то что восстановили, новый построили. Но в сорок втором сгорел тот завод, а теперь уже мало кто помнит, что был... В общем, жилы не рви на той стройке.

Юноша. Понятно... Значит, ты совсем один остался?

Старик. Ну есть тут — я тебе говорил. Только они не родные.

Юноша *(после паузы)*. Голодуешь?

Старик. Кто?.. Я?

Юноша. Ты.

Старик. Я, что ли, голодаю?.. Это спрашиваешь?

Юноша. Ну да.

Старик. Скажешь тоже! Меня тут, куда посадить, не знают, чем угостить. Апельсины, ананасы — только бы ел. Лучших врачей приглашают насчет здоровья. Совестно даже самому... Только делать нечего, заняться — вот беда. Я же не могу эти... экологию, структурный анализ.

Юноша. Чего-чего?.. Что это такое?

Старик. Науки.

Юноша. Так они что — ученые, с кем ты живешь? Как же ты попал к таким?

Старик. Я же рассказывал. С фронта приходили и оставались. А потом сами выучились, дети их выучились. Да у меня и у самого пенсия — выше головы хватает. Только она мне и не нужна.

Юноша. Так это что — те самые, что ли, которые в войну?.. У вас как — солдаты учатся, рабочие? Не одни господа?

Старик. Господа?.. Господ давно нету. Все трудятся.

Юноша. Все?.. А трамвая до сих пор не починили, дров не подвезли в Москву, бараки ломаете?

Старик. Какие там дрова?.. Ты мне говорить не дал. Скажи, ты знаешь Москву?

Юноша. Ну знаю.

Старик. Так вот той Москвы нету. И той России... Вообще все другое. Трамваев мало в Москве, потому что метро. Под землей бегут вагоны. Сел на мягкую скамейку, за десять минут от Конной к трем вокзалам. Ни дров, ни керосина не надо — электричество светит, газ утепляет. Стоят огромные белые дома — десять этажей, пятнадцать, даже тридцать. И в них живут рабочие. По квартирам музыка играет — радио. Телевизоры — ящик, а в нем вроде кино, синематограф говорящий. Включил — и видишь, что в другом городе происходит, в другой стране, даже на дне моря или за облаками... Работают на заводах восемь часов, два выходных в неделю. На улице вечером тысячи огней: магазины, театры,

кино, стадионы — такие места, где люди отдыхают, упражняются, чтобы стать красивей, здоровее... И улицы сами! Не развалюхи в грязи по окна, а проспекты под асфальтом, широкие площади с цветами, деревьями, воздушные дороги, по которым автомобили бегут. Во дворах спортивные площадки для детворы, вишневые деревья стоят, жасмин, сирень... Вот это теперь Москва!

Юноша *(после паузы)*. А хлеб есть?

Старик. Конечно. Никто не бедствует хлебом.

Юноша. И ситник?.. Неужели ситник?

Старик. Белый хлеб, пшеничный?.. Сколько хочешь. По всей России голодных ни одного человека. Дети так и конфет не хотят, пирожные не очень... Про нищих молодые не знают, кто они такие были. Болезни старые выведены. Ни трахомы, ни холеры, ни оспы — рябого нигде не встретишь, только если из пожилых... В деревнях машины пашут, сеют, убирают. Наша молодежь самая ловкая в мире, самая быстрая, смелая... Что говорить! Лица совсем другие у людей — тебе бы не узнать — спокойные, уверенные. Девушки все до одной красавицы.

Юноша. Это как сказка... Не обманываешь?

Старик. Да что ты!.. Вот оно все вокруг меня. В окно выгляну — белые дома. Внизу на катке мальчишки в хоккей играют. Маленькая девочка с собакой возится, а сама так одета, как ты и не видал никогда.

Юноша. А грамотные? Все? И девушки тоже?.. Неужели бабы книжку читают?

Старик. И слова нет «бабы». Десять лет все учатся — обязательно, по всему государству. Кто хочет — еще пять в институте. Если бы тебе школы показать, светлые, чистые... Другим странам помогаем наукой, техникой... Понимаешь, и мировая революция идет, уже почти пол земного шара рабочая власть. Вообще, оно все сбылось, о чем мечтали, а теперь у молодых новые задачи, новые мечты. Хотят, чтобы вся природа была вокруг чистая, здоровая, болезни все искоренить, какие остались, стремятся другие планеты достигнуть. За мир борются, чтобы никогда-никогда не было войн.

Юноша. И я все это увижу — улицы с огнями, театры, тот ящик, где морское дно, заморские страны?.. Скажи, кто же это сделал все?

Старик. Кто сделал?.. Да мы... ты и будешь делать вместе со всеми.

Юноша. А болезни — что, их теперь нету? Это Таня?

Старик. И Таня тоже.

Юноша. Слушай, мне уже пора... Скажи скорее, как вы добивались, чтобы это все вышло?

Старик. Работали, себя не жалели.

Юноша. И ты не жалел?

Старик. А что же — сидел, что ли? У нас после войны в литейном свод два раза обрушивался в металл. Печи изношенные, а все хочется еще одну, последнюю плавку сиять. На бригаду план дают, а мы встречный.

Юноша. Что же ты мне говоришь тогда?..

Шорох, шаги...

(Другим тоном.) Отец, кончилась артиллерийская подготовка. Пошел на нас германец.

Издалека доносится высокий звук трубы.

Слышишь? Это Вася Гриднев выводит своих на позицию. Конница наша. Сейчас поскачут в атаку.

Возникает и проносится конский топот.

Эх, как идут! Как идут!.. Вот они вымахнули на гребень... Отец, я побегу. Как бы не опоздать к бою.

Вдалеке бьет одинокий выстрел.

Наша артиллерия. Пушки, что ребята привезли.

Вступает музыка и с ней мощный, все покрывающий залп.

Что это? *(Тревожно.)* Что это? Отец? Мы никогда не слышали, чтобы так.

Старик. И здесь за окнами небо все осветилось.

Юноша *(тревожно)*. Нет, это здесь бьют пушки! Но у нас же нет такой силы... Что это?

Старик. Стой, подожди! Что за день у вас там сегодня?

Юноша. День?.. Не знаю. Мы тут сбились со счета... Разговенье... или первая седьмица поста... Февраль кончается.

Старик. Февраль восемнадцатого года? На Петроградском фронте под Нарвой?

Юноша. Ну?

Старик. А число?.. Слушай, я, кажется, понял, почему цветы — цветы мне внучка принесла... Какое число у вас — не двадцать третье?

Юноша. Вроде оно.

Один за другим с промежутками следуют залпы.

Старик *(с подъемом)*. Это ваши орудия!

Юноша. Нет. У нас только две пушки.

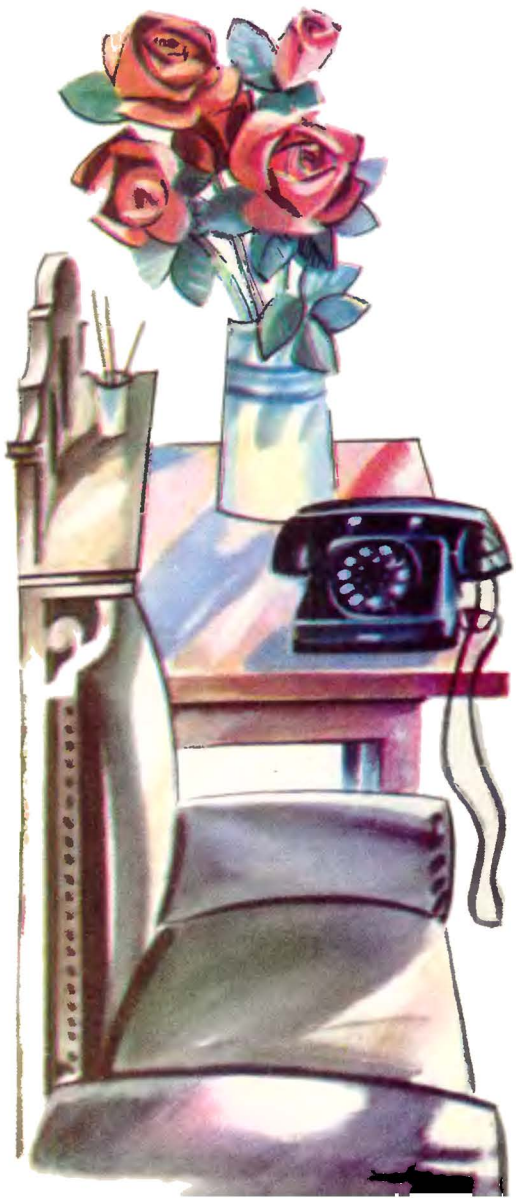
Старик. Это ваши орудия! Вы переходите в наступление, и выстрелы ваших орудий отдаются и гремят через века. Это история, мальчик. День Красной Армии, День Советской Армии. Салют.

Юноша. Но такая огромная сила?.. У нас не может быть. Только две трехдюймовки с Путиловского.

Старик. Мальчик, юноша, забудь, что я тебе говорил. Живи на полный размах. Сейчас в атаку подниматься сразу, не думай. Тебя ранит, и к тебе подойдет девушка с синими глазами. Ты не отпускай, не расставайся, и у вас будет много счастья... Пусть обязательно дети. Как это прекрасно, когда они рождаются и когда вырастают. Заходишь в комнату, а на столе у мальчишек железки, камни, которые они нанесли... Позже дневник пишут, первые свои неумелые стихи... *(Другим тоном.)* Что это сердце так сжалось?..

Юноша. Ну говори, говори!

Старик. В Орловском будете завод восстанавливать, на чужое плечо не надейся, свое подставляй. Учи английский — мировая революция придет. На рабфак все равно поступай. То, что ты в старости не поймешь структурный анализ, неважно — это ведь твой труд в том, что молодые теперь могут заниматься наукой. Ты будешь рабочий класс. Старайся, выкладывайся, где бы ни был, и тогда ты совершишь свой подвиг. Тогда все-все будет твое: первый трактор в деревне, который потянет плуг, а



косматые мужики зачешут в затылке, закусят губу — слезы на глазах. Твои каналы в пустыне, новые города и заводы в тайге, университеты в республиках. Твой будет красный флаг победы в сорок пятом году и твой корабль, который от Земли поднимется в космос... Да, погибнут твои сыновья — тяжкое, непереносимое горе. Но тебе родными станут другие, твоими станут внуки, правнуки и поведут тебя от одной любви до второй любви...

Юноша. Я иду, отец! Мне пора. Прощай! *(Издали.)* А что такое космос?

Старик. Ты еще узнаешь.

Вступает отдаленное многоголосое «урр-ра» и растворяется в звуках музыки. Залпы салюта становятся чуть глуше.

Голос *(негромко)*. Павел Иванович...

Старик. Да. Кто это говорит?

Голос. Будущее. Мы хотим сообщить вам, что через тысячу лет по всем галактикам, по всем обитаемым мирам пройдет год вашего имени. Уже начата подготовка, и этот сегодняшний разговор бесценен для нас.

Старик. Как сердце схватило, и бледнеет в глазах... Где же телефонная трубка?.. Подождите там, в будущем. Я не понял. Год моего имени? Но почему?.. У меня жизнь простая, незаметная. Как у всех.

Голос. Нет незаметных жизней. Каждый человек ценен — с ним приходит, от него начинается нечто. Вы ведь не знаете, какие огромные последствия в будущем может дать тот или иной поступок, даже маленький на первый взгляд. Одной человеческой жизни мало, чтобы увидеть эти следствия, которые растут от поколения к поколению и образуют новые следствия. Ничто не исчезает без следа.

Слышен дальний звонок.

Старик. Телефон!.. Нет, телефон выключен... Как вы сказали — ничего не пропадает?

Голос. Ни тихое слово, ни скромное дело. Сначала они родничкн, но потом уже реки, которыми полнится океан грядущего. Поэтому мы все от вас, и все, что сделано, пережито вами, пришло сюда, влилось и пойдет с нами еще дальше. Пойдет от всех. Знаменитые и обыкновенные равны перед лицом вечности, следствия небольшого мужественного дела, развиваясь в веках, могут затмить важнейшие решения королей. Когда в вашей современности утром в вагонах теснятся пассажиры метро, когда на перекрестках ждут светофора нетерпеливые толпы, каждый значим. Через каждого проходит нить от прошлого вперед, и будущее зависит от того, какие узелки, какие драгоценности, какие зерна на этой пряже. Любой человек ценен для истории, по-своему делает ее. В этом смысле все люди — великие люди: от любого начинается завтра, каждый ткет материю будущего. Здесь, среди звезд, в просторах вселенной, мы торжественно отмечаем год каждого человека на Земле, который был, жил, трудился и выполнял свой долг. Нет ада и рая, но в том, что он сделал, как прошел свой путь, человек живет вечно.

Снова длинный звонок.

Старик. Подождите!.. Значит, и жена моя Таня?.. И старший сын Павел, и младшие мальчики? И Вася Гриднев, и наш горновой Дмитриевич, и другие из бригады?.. Как же так? Если праздновать почти всех, откуда возьмется время? Откуда годы, столько годов?

Голос. Но у нас, у человечества, впереди вечность... Павел Иванович, сеанс кончается, мы выключаем аппараты. Прощайте, мы глубоко благодарны вам. Прощайте.

Длинный звонок, стук. Скрип двери. Шаги...

Девушка. Ты что не открываешь, дедушка?.. Я уже испугалась. Как сердце у тебя сегодня?

Старик. Кто это — Таня?

Девушка. Сейчас придут мама, отец, Игорь. От Николая была телеграмма, самолет уже на Внуковском, и тогда они приедут всей семьей. Василий звонил, они уже вышли теперь. Веру Михайловну я сейчас встретила на лестнице, она готовится. Будет много-много народу... Сегодня же праздник, ты не забыл?.. Слушай, какой у тебя беспорядок!

Старик. Николай?.. Младший сын?

Девушка. Какой ты странный сейчас, дед... У нас сегодня в институте такая бурная кафедра, я несколько раз выбегала тебе звонить, но все было занято... Слушай, что это — почему оторвана трубка?.. Дедушка, как сердце, ты мне не ответил? Не было приступа?.. Зачем ты вынул это старое пальто? Я даже не знала, что оно сохранилось... Ну-ка дай попробовать руки. Нет, ничего, теплые.

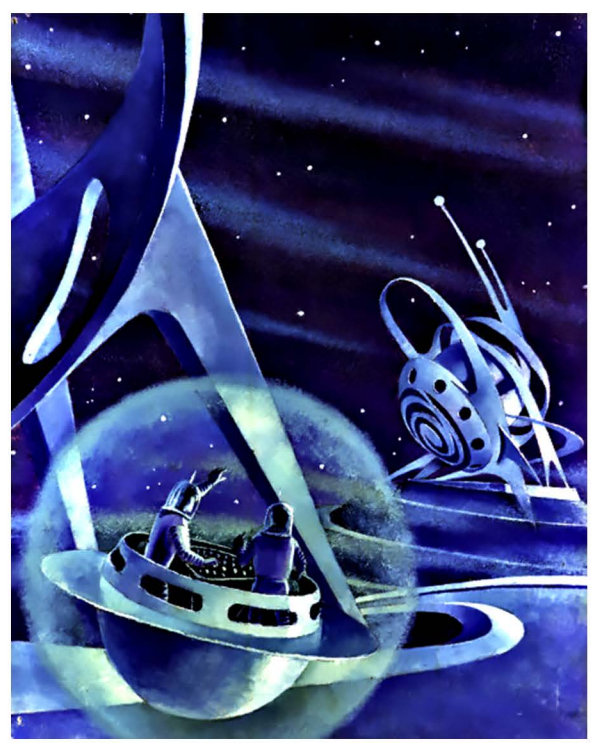
Старик. Таня, жена моя!

Девушка. Да нет же, дедушка. Это я, Таня, внучка.

Старик. Что такое — звезды! Разноцветные звезды рассыпаются в небе.

Девушка. Это салют... Видишь, сколько я вынула из почтового ящика. Целая гора, он был весь набит — почтальон даже положила газеты сверху, на окне... Какое у тебя лицо, дедушка, сегодня. Совсем-совсем молодое.

Старик. Кажется, отпустило сердце... Да, отпустило совсем. Но такое впечатление, будто я поднимаюсь все выше, выше... Слушай, вот эти звезды... Таня, покажи мне... Покажи мне, где Млечный Путь.



Сергей Журин

Клуб Любителей Фантастики

Берег Солнца

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

Тайфун

Дорога, начинавшаяся у причала, вела к перевалу, туда, где между двух сопок плавилось предзакатное золото. По дороге шел человек. Он испытывал чувство, сродни тому, которое возникает при возвращении домой. Он не спешил. Разве дома спешат? Он думал пройти по шоссе до поворота на перевал, потом подняться на мыс, увидеть, как откроется весь залив. Он готов был устать. На этот раз не от работы, не от споров и объяснений — просто от ходьбы.

У причала покачивался катер, доставивший его к берегу. В синей бухте стояли морские транспорты, в их трюмах были грузы для берега Солнца. На борту одного из них и прибыл физик-исследователь Александр Ольмин. Целый год он провел на заводах, где собирали блоки реакторов, и считал дни, когда вернется сюда.

— Я не полечу, — решительно сказал он девушке, встретившей его у вертолета. — Спасибо, я пойду пешком.

— Этот вертолет — настоящий лифт на аккумуляторах, — уговаривала девушка. — Две минуты, и мы дома. — Тут она почему-то смутилась, но Ольмин не заметил этого или не подал вида.

Девушка была из настойчивых. Он позволил усадить себя в кресло. Но в тот самый момент, когда девушка нажала кнопку автопуска и машина должна была взмыть вверх и совершить прыжок через сопку, Ольмин неожиданно легко, быстро соскочил на площадку. А вертолет превратился в кленовую вертушку и столь же быстро скрылся за сопкой.

Чего же ему хотелось?.. Поплескаться в ручье Сверху, с сопки, хорошенько рассмотреть, как выглядит теперь берег Солнца. Сбежать вниз. Это все. Он успел добраться до ручья, когда вертолет вернулся, покружил над долиной, потом куда-то исчез. Ручей говорил о сухом лете, он обмелел, обнажив часть русла. На перекате высветилась серебристая нитка, словно под водой кто-то натянул и отпустил струну — рыба.

Со склона сопки постепенно открывалось пространство над морем, и все в нем теперь казалось далеким и неподвижным. Над бухтой висела стрекоза. Ольмину хотелось поторопить ее, увидеть, как опустится на причал ее нелегкая, наверное, ноша. Но стрекоза равнодушно поблескивала крыльями. А двигаться ее заставляла, казалось, лишь сила воображения наблюдателя, а не мотор, спрятанный в ее пластмассовом теле.

Стрекоза приблизилась к причалу и превратилась в обычный летающий кран. На прежнем ее месте висела уже другая стрекоза, их было много, они по-своему спешили — перенести часть груза на берег, чтобы корабли смогли подойти к сравнительно мелководному причалу, где их ждали многорукие гиганты — портальные краны.

...На крутом склоне камешки-плитки выскальзывали из-под ног, прыгали коричневыми лягушками. Ольмин остановился — звук не пропал. В сотне метров от него камешки так и скакали. Он пошел медленнее, потом свернул, спрятался за куст кедрового стланика. Подождал немного. Ну, конечно!

— Ира! — Ольмин вышел ей навстречу. Ему вдруг стало неловко, что он заставил ее подниматься следом, волноваться, быть может.

— Александр Валентинович, Саша!

Рис. Роберта Авотина

Я же отвечаю... Ведь сюда из заповедника тигры приходят.

У нее было растерянное лицо, в руках не то платок, не то косынка, волосы перехвачены широкой лентой, на ногах какие-то спортивные тапочки, в общем, с ней можно было перевалить через сопку если не за час, то часа за полтора-два.

— Ладно, — сказал Ольмии. — Я не сержусь. А вы?.. Тогда идем вместе. Это вам. — Он протянул ей букет ирисов. При упоминании о тиграх ему захотелось вдруг рассмеяться, но он держался серьезно, потому что такой уж он был человек.

...Берег Солнца. На воде, точно поздние бабочки, танцевали яхты, раскрыв паруса. Зарево первых огней... Берег мелководного широкого залива был светел. Он точно вырос из морской пены, застывшей тысячами звезд-огней. Сюда сходились дороги побережья.

— У нас даже в школьных сочинениях слово «Солнце» пишут с большой буквы. Видите, сколько успели сделать...

Она говорила о том, что произошло здесь за год, она спешила сделать это сама — все рассказать. К берегу протянулись ленты морских поглотителей. Половина из них еще не закончена. Отражатель готов.

Отсюда, с высоты перевала, берег Солнца был виден как на ладони. Но алое пятно зари на круглом зеркале отражателя уже тускнело, меркло. И опять Ира смутилась, как два часа назад, когда она встречала его у вертолета: ведь ему все было ясно без слов.

...Планета получает ничтожную долю тепла, и никакие наземные гелиоустановки не помогут: почти все излучение уходит в пространство, разбегается по бесконечным радиусам, минуя планету. Пусть же лучи «схлопнутся» в световой жгут, как схлопываются лучи лазеров! Непривычная, даже странная, мысль: для этого нужно «осветить» Солнце пучком элементарных частиц, — он станет точно коническим зеркалом, экраном, собирающим тепло, не дающим ему рассеиваться. Все, что попадет в конус, придет к планете, частицы, словно маленькие линзы, направят фотоны только в одну сторону, к Земле. И это похоже на то, как если бы вместо фотонов собирали дождинки с облака в большущую воронку и горлышко воронки направляло бы драгоценную влагу в водохранилище или в русло обмелевшей реки. Наше светило ведь тоже облако. Раскаленное облако, ниспосылающее благодатные фотонные дожди. Жгут солнечных лучей — лучший подарок планете с ее небезграничными недрами. Энергии будет даже слишком много, ведь десятимиллиардная часть солнечного диска способна дать тепла больше, чем получает Земля. Значит, нужно правильно выбрать мощность и форму пучка элементарных частиц, который управляет энергией, а избыток лучей поймать зеркалом и отправить обратно в атмосферу, в космос или отвести в море, рассеять в морских просторах. Были земля королевы Мод, берег принца Олафа, берег принцессы Марты, земля Гранта. Теперь был берег Солнца.

...Тайфун напоминает воронку. Или веретено. Конечно, если наблюдать со спутника. Веретено урагана раскручивается все стремительней, втягивая в свою орбиту тысячи тонн воды, пыли, воздуха. В центре тайфуна его ядро. Эта свободная от облаков зона пониженного давления

так и называется — глаз бури. Облака стягиваются к нему быстрыми нитями, но не могут проникнуть внутрь, точно алмазная стена отделяет их от ядра. Вращение Земли отклоняет тайфун, заставляет его описывать параболу. Постепенно в центр урагана проникают клочья тумана; море, исторгнув волны, точно вздохи, постепенно утихает. В конечном счете Солнце рождает тайфуны. И, рожденные Солнцем, они, быть может, лучшее свидетельство его неисчерпаемой мощи.

...Один из транспортных кораблей доставил на берег Солнца экипаж японского рефрижераторного судна, пострадавшего от шторма. Капитан Атара достал фотографии, рассказал о себе, о семье, о шхуне, на которой плавал раньше, о том, что теперь ему вряд ли скоро дадут рефрижератор и он снова будет плавать на шхуне.

— Знаете, что пишут в наших газетах о проекте? — спросил Атара. — Вы отберете у Солнца часть энергии, и солнечных дней станет меньше.

— Это неправда, — сказал Ольмин. — Эксперимент займет несколько минут.

— Все равно, — сказал Атара.

— Но энергия не исчезает, вы знаете.

— Не совсем понимаю.

— Мы посылаем энергию в космос, отражаем ее, возвращаем Солнцу, а меньшую часть отводим в море.

— Значит, наши моря станут теплее?

— Совсем немного. Когда-нибудь — да.

— И все-таки вы хотите использовать общий источник — Солнце...

— Разве мы присваиваем энергию? Каждая страна может получить свою долю.

— Но для этого нужно договориться с правительством страны.

— Думаю, такой договор будет. Позднее. Наше правительство готово к обсуждению.

Атара задумался. Разговор не оставлял как будто никаких сомнений, и все же он внимательно и вопросительно смотрел на Ольмина, словно пытался каким-то неведомым путем узнать еще что-то. Перехватив этот взгляд, означавший «А договорятся ли правительства?», Ольмин сумел так же, без слов, едва заметным жестом ответить: «Не беспокойтесь, решение найдется».

— А не станет ли на Земле слишком тепло? — спросил Атара.

— Тепло можно переправить хоть на Марс. Может быть, когда-нибудь приемники установят и на кораблях. И тепло, и холод, когда надо, и ход судну. А ночью накопители, аккумуляторы...

— А облачность?

— Солнечный жгут пробивает облака, туман.

На столе появилась карта, и Атара с точностью до часа отметил продвижение тайфуна в Японском море.

— Завтра он будет у вашего берега. Он опрокинул мост между островами Хонсю и Кюсю. Ваши сооружения беззащитны, они похожи на паруса.

Из дневника Ирины Стекловой

27 июня. Спросила Телегина (он сейчас замещает Ольмина): правда ли, что ракеты смогут летать без топлива? Он сказал: нет, сгорят, слишком много энергии. «В плане мечты, конечно, смогут». Солнце преобразует в излучение четыре миллиона тонн вещества ежедневно. Будет посылать ракеты в Галактику. Мы не умеем пока протянуть к нему тонкие нитки частиц, чтобы отбирать фотоны маленькими порциями.

18 июля. Встречала Ольмина. Прибыли излучатели частиц, ускорители, реакторы, приборы. В бухте несколько транспортов, из-за мелководья не могут подойти к причалу, их разгружают летающие краны.

29 июля. К нему стали опять заходить. Запросто, как год назад. Если он был занят, читали его книги. Вчера зашли человек десять. Он говорил что-то веселое, потом Блока читал, и все к месту. Читал без патетики, совсем непонятно, почему действовало, у меня бы так не получилось — чего не умею, того не умею. Он был в простецкой рубашке, у манжеты пуговицы нет, так он незаметно булавкой заколол. Ему уже за сорок, наверное, лицо усталое, а он читал: «О, весна без конца и без краю — без конца и без краю мечта!»

11 августа. Ничего-то я не понимала до сих пор. То есть знала, что к Солнцу поднимется конус и что лучи пройдут внутри его, как в волноводе, и упадут на отражатель. А стенки конуса не дадут лучам разойтись. Вот и все. Это примерно уровень знаний двадцатилетней давности (причем уровень беллетристики; кажется, был какой-то рассказ или роман, его потом пересказывали в прессе — оттуда в основном и мои познания — увы, обо всем, что касается «физики»). Зато как просто, Ира, не правда ли?

14 августа. У большого зеркала передо мной во весь рост — высокая женщина с карими глазами и соломенными волосами. И смотрит на меня, смотрит... Словно что-то хочет спросить и не решается. На вид ей двадцать пять (а на самом деле чуть больше). Она смотрела, смотрела, да вдруг и улыбнулась. А я погрозила ей пальцем и отошла от зеркала.

...У нас все по-старому.

16 августа. Ты считала, что твое дело — поглотители, приемная часть, не больше. Для остального есть Ольмин, Телегин. Ты боялась им помешать расспросами и советами? А Александр Валентинович Ольмин, решавший задачу упаковки частиц в конусе, работал на заводе из праздного любопытства? Или знакомился с конструкцией морских поглотителей из приличия? Да ты раскрой глаза, Ирка: он же знает о приемной аппаратуре больше тебя! Он проверил расчеты, твои расчеты. Но если бы я все-таки знала, зачем ему это! Ведь он не сомневается, он верит мне. Так он говорит. А он говорит только правду.

21 августа. Спутники предсказывают тайфун. Не в первый уж раз.

25 августа. Ну и что я узнала еще? Что конус будет формироваться несколько минут, потому что частицам нужно преодолеть расстояние до Солнца, и что он не будет сплошным? Но тогда что это за конус?.. Что частицы должны испускаться импульсами?.. Но короче одной миллионной доли секунды импульсы сформировать просто нельзя: техника не позволяет. И Солнце выжжет все живое на планете. Выход один: направить к Солнцу очень узкий конус. Но энергия даже с одной миллиардной части солнечного диска в тысячу раз больше, чем энергия, даваемая всеми электростанциями планеты. При угле конуса в шесть сотых угловой секунды как раз и будет захвачена эта миллиардная часть. Испарится и почва, и берег, и сопка — заодно с установками. Вот зачем нужны отражатель и поглотители, отводящие тепло в море, а лучше бы в океан. И еще: ошибка в сотую долю угловой секунды недопустима.

Заметки на полях. Ты изучала теодолит, Ирка. Этот сверхточный по твоим представлениям прибор дает ошибку в целую угловую секунду.

Прониклись уважением к светилу, Ирка.

ВЫВОД. Это первый проект, когда нужно всеми средствами избавляться от лишней даровой энергии. Ошибка смертельна.

26 августа. Тайфун нарекли «Элеонора». Диаметр воронки небольшой, около двухсот километров. Скорость продвижения невысокая. Скорость у ядра максимальная.

29 августа. Тайфун прошел Японию. Вывезти оборудование нельзя. Четыре ленты поглотителей не готовы. Нам не хватило месяца работы. Если тайфун придет — уничтожит все. Ольмин невозмутим. Это спокойствие — равнодушие ко всему привыкшего человека?..

Как можно, Ира? Вспомни: он говорил сегодня о северном городе, где летние ночи поднимаются зелеными зорями над мостами. О медленных реках, подобных морям. Об отце, капитане дальнего плавания. И о полях ржи под солнцем, о гулкой весне. И ни слова о судьбе проекта. Потому что и так все ясно? Если бы я знала!

30 августа. Утро. Мы на транспорте «Сахалин». Прощай, берег Солнца. Сеанс задержится. Года на два, если не больше. Это целая вечность. Мы не смогли бы провести даже частичный эксперимент (поглотители!).

Вечер. Так вот почему я не видела его на корабле. Он остался... Вартов меня обманул. Я спросила его, все ли? Он промолчал, как будто ответ разумелся сам собой. А он остался. Если бы я знала, что это возможно!

Как он мог? Да нет, только он и мог это сделать. Вместо поглотителей сам тайфун. Он заставил тайфун сработать на эксперимент: ветер мгновенно перемешал тепло и холод, отвел избыток тепла в двухсоткилометровое кольцо урагана, рассеял его.

Он все знал. Он готовился. И молчал... Ну да, ему же могли помешать. Ты, например. Или ты осталась бы с ним? Он никому не сказал правды. В первый раз... (запись обрывается).

Кораблям флота...

По зыбкой границе воды и воздуха скользил «Сахалин». Одолев прибрежную полосу, он поднялся на воздушной подушке и вырвался из тайфунного кольца. Растаял осыпанный дождями берег. Капитан Вартов ждал. Но было, наверное, еще слишком рано. Время лишь вытекало прерывистую нить бурунов.

На север и на юг, во все стороны разбежались штормовые волны. Чайками проелись облака и скрылись под низкими туманами. Прошло два часа. И еще несколько долгих минут. И тогда над невидимым, далеким берегом просиял свет. Вспыхнуло желтое пламя. Брызнули капли сияющей меди. Солнце как будто бы вдруг приблизилось к Земле и дохнуло теплом. Это дыхание прожгло ураган. Поднялась серебряная корона волн. Тучи мгновенно посветлели и взвились вверх, точно сухие листья в ветреный день. В памяти осталась лишь фотография этого мгновения.

В каюте Вартову передали радиограмму.

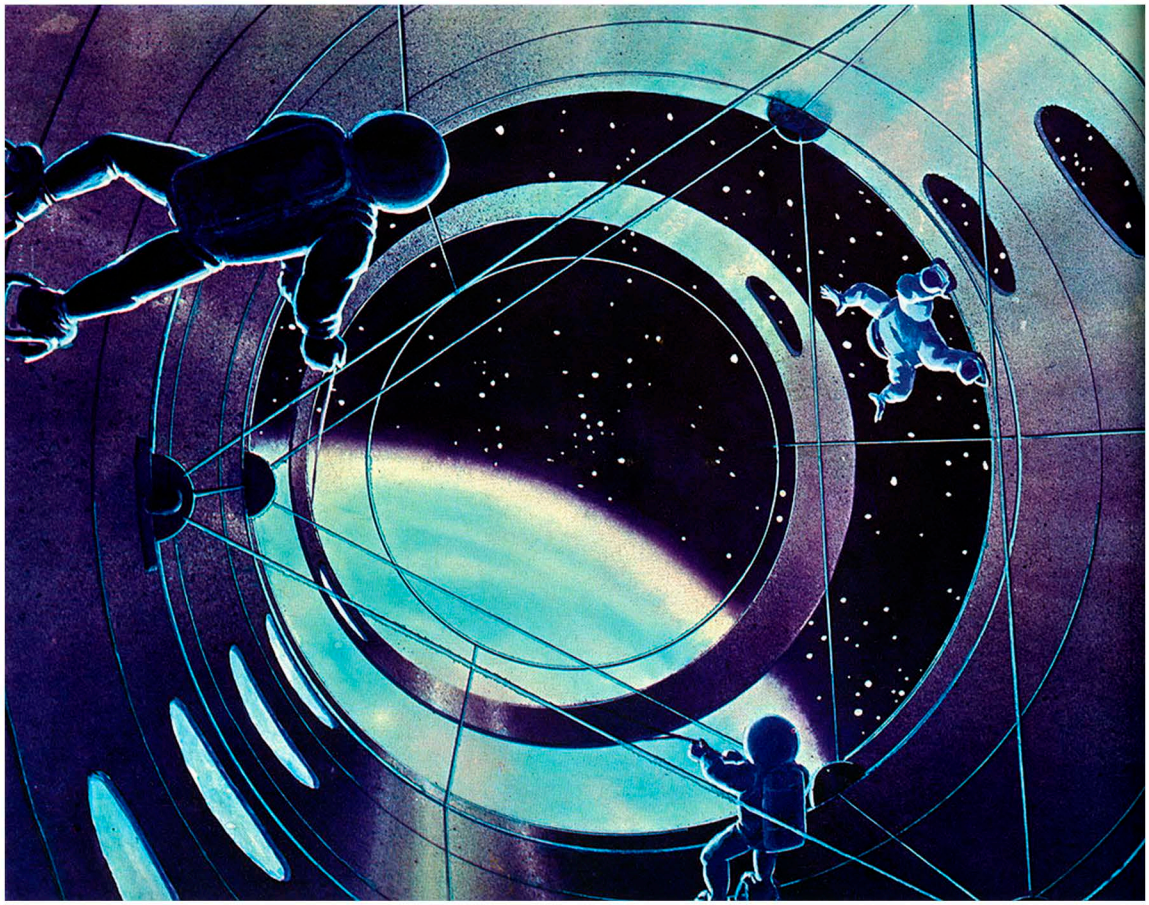
«КАПИТАНУ ТРАНСПОРТА «САХАЛИН» ВАРТОВУ. КОРАБЛЯМ ФЛОТА... ИЗМЕРЕНИЯ ПО ПРОЕКТУ «БЕРЕГ СОЛНЦА» ПОКАЗАЛИ СОВПАДЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ СОЛНЕЧНОГО ЖГУТА С РАСЧЕТНЫМИ. ОБЩИЙ УРОВЕНЬ ЭНЕРГИИ, ПРОСОЧИВШЕЙСЯ ЧЕРЕЗ ОТРАЖАТЕЛЬ И ПРОШЕДШЕЙ К ПОГЛОТИТЕЛЯМ, — НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ МИНУС ДЕСЯТЬ ДЕЦИБЕЛ. СИСТЕМА ТЕЛЕУПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕТ ЗАПУСК РАКЕТЫ СО ВСЕМИ МАТЕРИАЛАМИ ИССЛЕДОВАНИЙ. РАКЕТА ПРИВОДНИТСЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОБЛАСТИ, ЗАХВАЧЕННОЙ ТАЙФУНОМ. КООРДИНАТЫ (ДОЛГОТА, ШИРОТА).

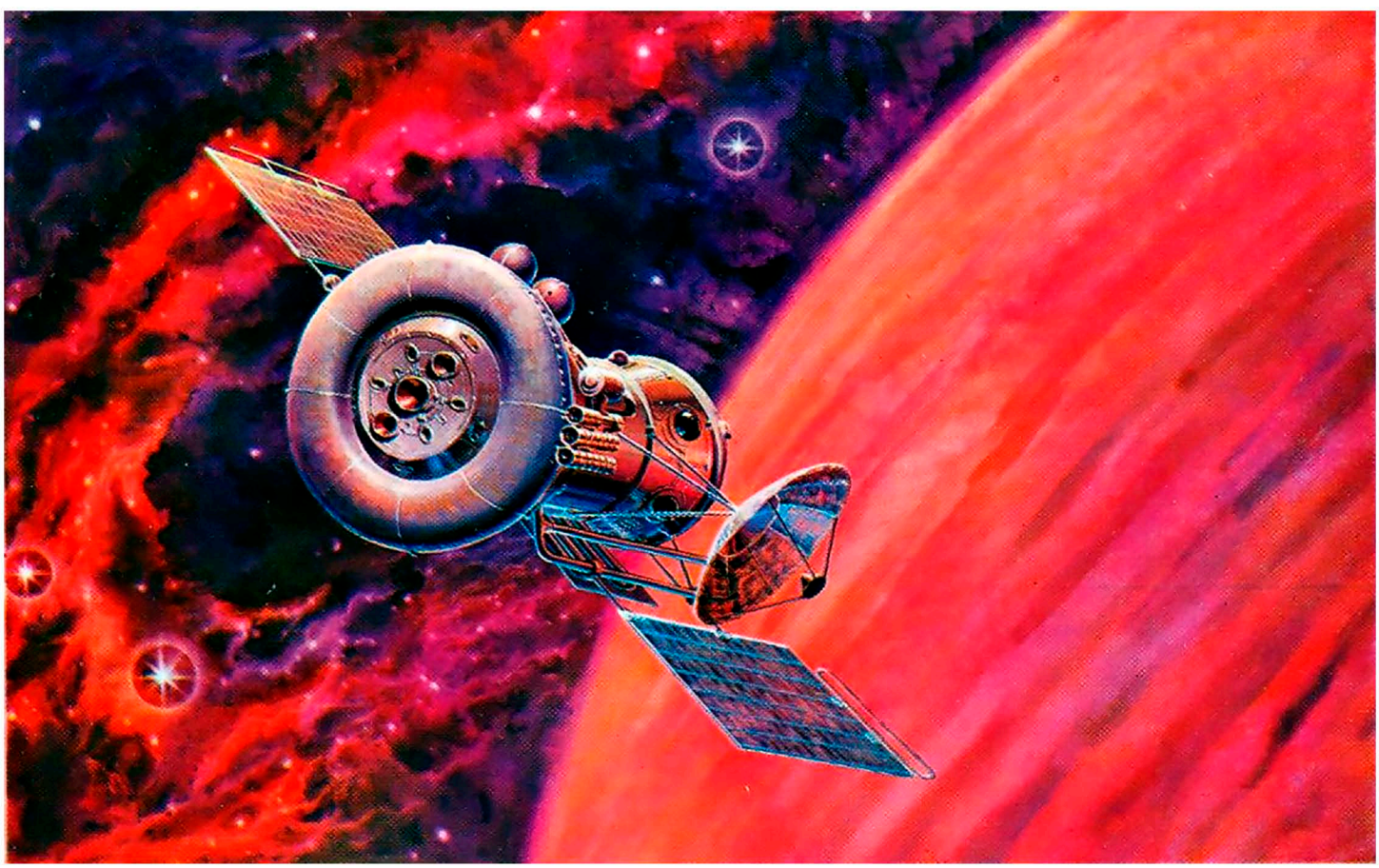
ФИЗИК-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ОЛЬМИН».

И ни слова о себе. Вартов живо представил себе, как стена воды подошла к заливу. Ольмин, наверное, еще готовил аппаратуру. Потом вспыхнул жгут. До этого момента Ольмин ни за что не ушел бы (он говорил о своей безопасности только для того, чтобы остаться). У него еще было время, и он не спешил. Несколько минут понадобилось, чтобы прочесть показания приборов. Потом передать радиограмму. Ветер и вода, быть может, уже опрокинули отражатель, смяли его, как лист бумаги. А он еще хотел убедиться, что тайфун заменил недостроенные поглотители, регистрировал температурное поле. Разве он мог уйти? Кадр за кадром развертывались воображаемые события: вал обогнул мыс, вошел в зону мелководья, поднявшись мутным зеленым гребнем восьмиметровой высоты, а ветер сбрасывал вниз последнее из того, что было создано, построено, налажено; вал накрыл берег.

...Трудно убедить кого бы то ни было в том, что эксперимент нужен всем. Что солнечный жгут разрушит тайфун, покончит с ним. И что можно отвести беду от прибрежных городов. А он сделал это, он заставил поверить всех.

...Когда первые россыпи звезд замерцали над морем, в свете прожекторов закачался белый купол парашюта. Скользнув по стропам, луч высветил тело ракеты. Это была надежная ракета, из тех, что называли «бомбами»: они отлично приспособлены для любой погоды. Вартов подумал, что вот сейчас, только сейчас, для него и для всех других, кто не знает, успел ли Ольмин укрыться в ракете, наступают долгие тревожные минуты ожидания.





То взмывая вверх, то ныряя в воздушные ямы, вертолет шел над лесами, над жемчужно поседевшими полями. Но казалось, что это гребень леса, медленно разворачиваясь у самого горизонта, расчесывал легкие волосы облака.

Я запомнила это облако и лес. И полные золотистым закатным светом озера, и легшие на лик земли, как веснушки, холмы, крутые берега рек и длинные тени, укрывшие дороги войн и древних ледников, паруса рыбачьих лодок и тайну рождения Волги. И синие искры в полях ржи.

Вот эти искры и еще удивление перед хлебом («хлебушком», как по-старинному называет его муж) привели меня на Валдай.

Месяц назад по заданию редакции я была на пищевом заводе. Меня поразили и громадные подготовительные цехи, где готовят кристально прозрачный питательный раствор, где многотонные высокие реакторы, где живые клетки свинины, говядины, осетра или палтуса размножаются с невероятной скоростью, и фасовочный цех, где продукты пакуются и, еще не остывшие, отправляются пневмоканалами в любой город.

Вот уже больше века, как ученые добились того, что отдельные клетки живой ткани стали делиться в искусственной среде. И с того времени из столовых и кухонь полностью исчезли заменители.

Я спросила, почему же тогда вся земля еще покрыта полями? Ответ удивил меня чрезвычайно. Клетки животных более сложны, но и более динамичны, поэтому их можно «завести» на быстрое размножение, а клетки растений, особенно злаковых, не могут расти без солнца, без воздуха, без дождей и без ветра.

Так я и оказалась в полях Валдая.

По сей день я храню блокноты с беглыми записями, пометками, вклеенными газетными вырезками — и легко всплывает в памяти эта поездка, как будто случилась она вчера.

...Вечером в день приезда я сижу у вороха остывающей, пахнущей полем соломы. Двадцатилетний комбайнер Валька Малинин, балагур и повеса, рассказывает о срезании стебля лазерным лучом, о необыкновенной точности машин, берущей зерно бережно — «в одно касание».

— Почему же сухой стебель не сгорает в тысячеградусном луче?

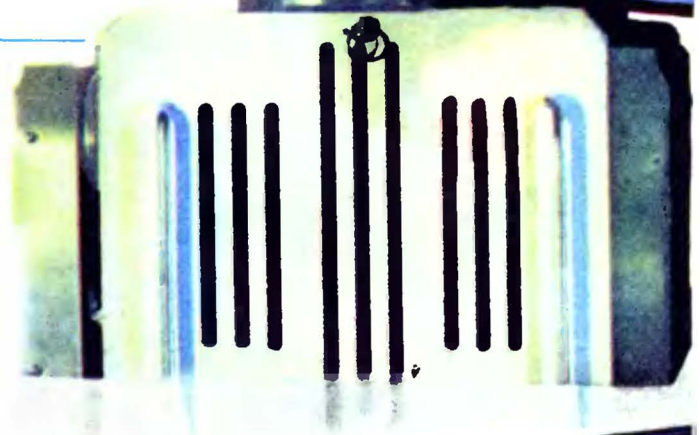
Но на вопрос мой, заданный не без некоторого умысла, Валька так и не отвечает толком. Нелегко, наверное, укладывается в голове мысль о хрупком стебле и чудо-луче, ослепительном и горячем, срезающем его без единого дымка. Мгновенное испарение стебля, своеобразный взрыв в миниатюре, — вот принцип действия лазерного лезвия.

Просто ли управлять лучевым комбайном? Бывают ли отказы? Какие реальные выгоды дает применение машины? Речь пошла о вещах прозаических, но не менее интересных.

— Местность у нас пересеченная, холмами и оврагами украшенная. Может, обратили внимание?..

— Что там холмы, — прерывает Малинина бригадир. — Машине цены нет: по балкам идет, точно плывет. А про управление скажу в трех словах: водить ее под силу и роботу. Да у нас, кстати, сейчас и испытывают такого робота. Два инженера с ним приехали.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ



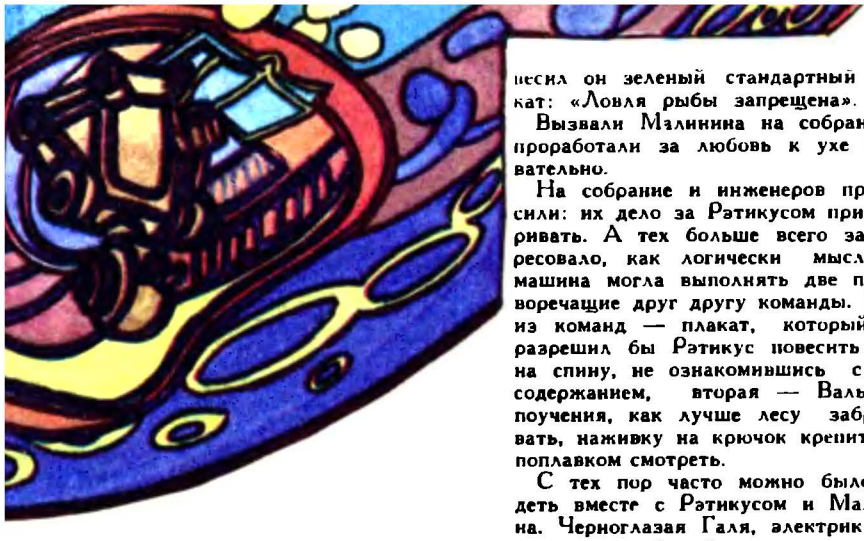
Так я впервые услышала о Рэтикусе. А название института, в котором его создали, вписалось в полное имя своего детища: робот электронный Томского института кибернетики и управляющих систем.

Малинин участвовал в этих испытаниях, и это казалось мне естественным: нужно же было научить Рэтикуса водить комбайн. На второй или третий день после приезда я стала понимать подлинную роль Вальки во всей истории с испытаниями. Золотые руки были у комбайнера Валентина Малинина. И пока инженеры спорили между собой, ругали авторитеты, Малинин доводил Рэтикуса до кондиции.

Он заслужил полное доверие инженеров после маленького происшествия, которое могло бы остаться незамеченным, не имей оно прямого отношения к одной из основных проблем кибернетики.

Как-то ранним утром обнаружили Рэтикуса на берегу пруда с удочкой в руках. Не то чтобы его не видели там раньше. Видели. Но никому в голову не могло прийти, что так быстро Валька Малинин его для рыбной ловли приспособит.

Для маскировки (а может быть, из озорства) на спину Рэтикуса по-



ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ РЭТИКУСА

АЛЛА СЕВАСТЬЯНОВА

Рис. Владимира Кузьмина

несил он зеленый стандартный плакат: «Ловля рыбы запрещена».

Вызвали Малинина на собрание и проработали за любовь к уху основательно.

На собрание и инженеров пригласили: их дело за Рэтикусом присматривать. А тех больше всего заинтересовало, как логически мыслящая машина могла выполнять две противоречащие друг другу команды. Одна из команд — плакат, который не разрешил бы Рэтикус повесить себе на спину, не ознакомившись с его содержанием, вторая — Валькины поучения, как лучше лесу забрасывать, наживку на крючок крепить, за поплавком смотреть.

С тех пор часто можно было видеть вместе с Рэтикусом и Малинина. Черноглазая Галя, электрик совхоза, вроде бы обижаться стала на Валентина: слишком уж много времени, мол, уделяет он роботу и никого вокруг словно не замечает.

...Кончалась моя командировка. Валдай дарил последние ясные вечера, и порой где-то возникала почти неслышная протяжная песня или дальний гудок электрички мерил своим эхом дымку над лесной далью, живую, как волшебное стекло. На полях зажигались все новые огни, лучевые комбайны плыли по теплым волнам земли, точно марсианские корабли.

От созерцания отвлек меня шум допотопного мотороллера, прыгавшего по ухабам. Вел мотороллер Рэтикус. На руке у него небрежно болталась сумка, которую мне приходилось видеть у Гали. Я отчетливо слышала, несмотря на шум мотора, как мурлыкал Рэтикус со знакомой Валькиной интонацией: «Валдай ты мой, Валдай...»

Внешность Рэтикуса ни о чем особенном не говорила, не блестел он никелем и армированными цветными клавишами, рабочий был у него вид, будничный, и не выражением какого-нибудь потустороннего вдохновения подкупали его глаза-датчики, но прописанной в них деловитостью.

Стоило открыть панель — даже школьнику становилось ясно: много людей, да что людей, целых конструкторских бюро, должны были участвовать в его создании. Так он и родился. И трудно, пожалуй, было бы собрать сразу всех, кто рассчитывал, чертил, планировал Рэтикуса.

Пришел долгожданный день — акты о многочисленных испытаниях подписаны и утверждены, описания оттиснуты во множестве экземпляров, сданы в редакцию последние статьи.

Рэтикус оправдал надежды, нет, лучше сказать — доверие людей, давших ему путевку в жизнь. На испытаниях ему приходилось водить комбайны и автомобили, управлять прокатным станом, просматривать и реферировать журналы.

Тесно было в конференц-зале на заключительной защите робота. Один из ведущих конструкторов, Тропинин, упомянул в выступлении и об электронной черепахе Уолтера, и о проблеме распознавания речи...

— С самого начала мы были сторонниками высоких требований к разумной машине, — сказал он в заключение. — Анализ фонем, этих кирпичиков, из которых построены слова, указал путь создания экономичных и простых устройств.

Делались и завуалированные попытки объявить Рэтикуса «незаконнорожденным». Машина, мол, слишком уж проста, чтобы быть перспективной, не воплощает в себе всех принципиально новых идей, а иллюстрирует частное решение, вытекающее из общих закономерностей. Общие же закономерности не нашли, к сожалению, применения. Так как испытания Рэтикуса прошли успешно, то дело, в общем, обстоит плохо: настоящие машины, за которые нужно было браться конструкторам, окажутся забытыми на неопределенное время, что не может не сказаться отрицательно на развитии многообещающего направления кибернетики.

В целом эта точка зрения формулировалась с трибуны деликатно, без особого акцента. Горячий ее сторонник, аспирант Н. У. Краюхин пытался придать конфликту остроту.

— Многие не только не принимают, но и не понимают нашей точки зрения, — сказал Краюхин. — И это очень обидно, товарищи.

Кто-то шутки ради предложил высказаться самому Рэтикусу. Зашумели. И тут же притихли. Потому что Рэтикус произнес:

— Стоит ли спорить? Вспомните: роботы Карела Чапека не помешали, а помогли явиться на свет роботам Азимова. И вообще: поживем — увидим.

Разгладились лица, заулыбались доценты и инженеры, лаборанты и стенографистки.

Однако позже, когда председательствовавший профессор Перевальский уже успел забыть о маленьком инциденте, тот же Краюхин несколько раз поднимался, прося немедленно слова.

Но Тропинин, после выступления так и не отходивший далеко от председательского кресла, оказался на

Клуб Любителей Фантастики

высоте: смотря поверх голов и обращаясь к тому месту, где возник шум, он сказал, как-то по-особому выделяя фонемы:

— Молодой чилаэк, с людьми, лишенными чувства юмора, следует обращаться со всей серьезностью.

* * *

Года через три довелось мне снова встретиться с Рэтикусом, на этот раз в Большой Лунной Библиотеке. Я не рассчитывала его увидеть здесь. О Библиотеке писался очерк, где я старалась с помощью легкой стилизации вызвать у читателя мысли о книгохранилище, являвшем собой воплощение порядка и пунктуальности. Начало этого очерка, сохранившегося у меня в рукописи, рассказывало о младшем библиотекаре Дане Цодровой и заведующем одним из многочисленных библиотечных отделов Валентине Попове.

Листаю страницы...

«Она пришла через полчаса после вызова — легкая, кроткая, в пушистом облегающем свитере. Сначала захлопали двери вакуумных шлюзов. Одна и вторая, ближе, ближе. Звонко простучали каблучки ее туфель. Вот она уже здесь, и в ее больших глазах ни тревоги, ни недоумения. Оторвавшись от книг, он смотрел на нее строгими глазами и словно спрашивал: не забыла ли она о том, что нужно быть внимательной и предельно собранной? Конечно, ошибку исправить легко — по пневмоканалу книга до любого пункта Земли за считанные минуты дойдет, — но что читатели скажут?

Каждая ошибка — потерянное время, минуты досады, сливающиеся в часы. А если к тому же читатель-новичок и не заметит, что книги перепутаны? Вчера едва не послали школьнику роман Сологуба вместо книги Соллогуба. Валентин понимает: читатели сами иногда виноваты, передают нечеткие знаки. Им нужно помочь.

Она сидела, опустив глаза, а он ворошил письма и ерошил волосы. И говорил. Конечно, нелегко работать в самой большой Библиотеке. Да и книг столько выпущено, что ошибиться легко. Шутка ли, сотни миллиардов томов! На Земле они и не разместятся, хотя кое-кто до недавнего времени считал это целесообразным. Вот и выбрали Луну. Здесь нет влаги, силы гравитации малы, вакуум полный — идеальное книгохранилище. Да, предлагают кое-что вместо книг. Фотопластик, электропроекторы. Но разве сбросишь со счетов, что старомодные бумажные книги нравятся читателям? И когда построили Канал — само собой получилось, что большую часть книг перевели на Луну. Так возникла Библиотека — сотни километров туннелей, залов, герметизированных эскалаторов, транспортеров, пневматических трубопроводов. Тысяча пульсирующих артерий в лунном теле.

Да, Валентин знает, нелегко быть здесь первый год. Пусть она извинит его за резкий тон — ничего страшного не случилось. Книжку Соллогуба адресат получит. Вот она, в углу кабинета. Она и отправит ее сама. Четыре минуты по Каналу, три — по магнитопроводу — и книга у читателя. Но в общем не стоит расстраиваться. Дальше легче. Он сам всего два года работает, а не двадцать.

Снова застучали ее каблучки по паркетным клавишам. Снова хлопали двери. Через полчаса, приняв заказ, он сам передавал его по фону.

Утром следующего дня, ожидая ее, Валентин ловил звуки шагов и старался думать о Майкове и Маяковском, о серьезном. Двадцать сотрудников работали в отделе. Девятнадцать из них не ошибались никогда».

После описанного в очерке разговора Данке стал помогать Биратикус — библиотечный робот. И вот здесь я снова столкнулась с моим старым другом. Пришло письмо в Библиотеку, радиописьмо с просьбой... Но лучше привести его полностью:

«Уважаемые сотрудники Библиотеки! Мне еще ни разу не приходилось обращаться к Вам. Да и читал я раньше явно недостаточно.

Начинаю понимать, какое это счастье — прочесть настоящую книгу. Вот уже четвертый год работаю в совхозе, хотя по специальности я — работник универсальный. Свободными вечерами после горячего трудового дня люблю посидеть за новым сборником стихов, перенестись в давние времена, описываемые в исторических романах, или перевоплотиться в героя хорошей пьесы.

Недавно слышал по радио стихи, только опоздал к началу передачи и автора стихов не знаю. «Про волнистую рожь при Луне...» Вот строчка из одного стихотворения. Очень прошу, если можно, выслать полное собрание сочинений этого поэта.

Ваш Рэтикус, совхоз «Валдайские зори».

В числе других заказов письмо попало к Биратикусу. Прочитав его, он задумался. Заложенное в роботе стремление понять все вынуждало его найти ту удивительную силу, что привела его собрата Рэтикуса к стихам.

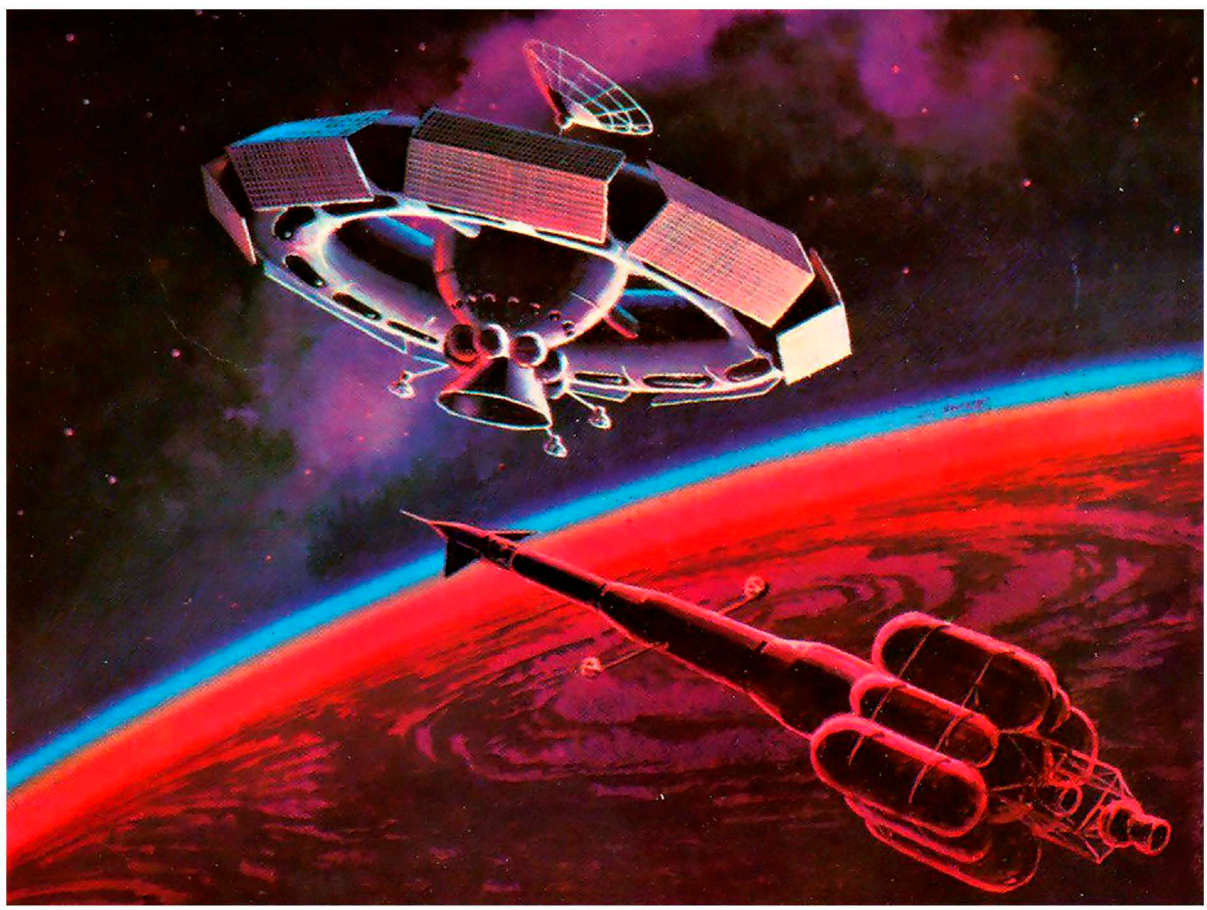
Он вспомнил безбрежные поля Земли и странную силу, заставлявшую людей отвечать чувствами, песней, словами на шелест прибрежных волн, на утренние лучи, на весенние просветы меж белых низких облаков.

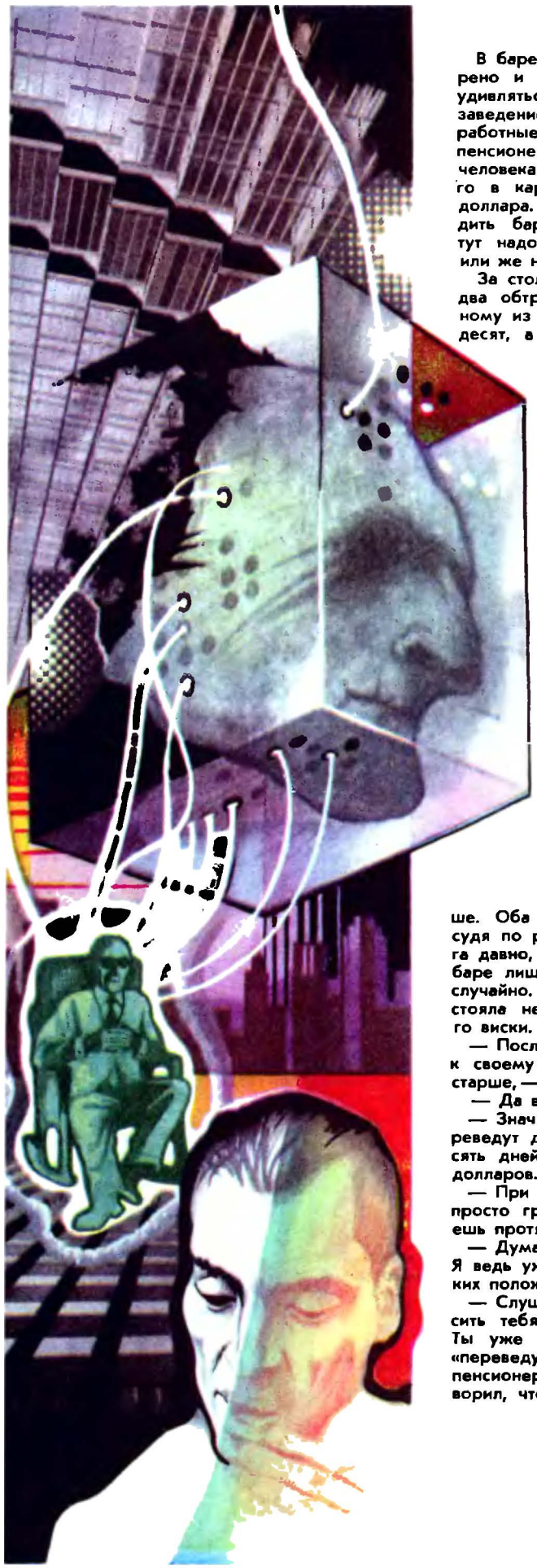
В этом не было ничего сверхъестественного. Оно, все это, было сродни математике. Правда, какой-то другой математике, с законами неуловимыми, точно переход к пределу, сродни бесконечности и ритму, ритму магическому, ритму нескончаемому. В далеком совхозе робот, видимо, тоже понял этот сложный переход от точных законов к поэзии математики.

Биратикус выслал стихи своему собрату без очереди, вопреки всяким запретам. Но все обошлось. Его вызвало начальство вместе с Даной и сделало замечание: случай не имел прецедентов.

Разбирая старые заявки Библиотеки, встретила я еще одно письмо. Оно было от Валентина Малинина. Он тоже просил выслать томик Есенина по тому же адресу.

«Так кто же на кого повлиял?» — думаю я.





Из серии «Кибернетические этюды»

Отец Харта

Рис. Игоря Шалито и Галины Бойко

ГЕННАДИЙ МАКСИМОВИЧ

В баре было до противного накурено и душно. Да и чему было удивляться, ведь в это затрапезное заведение заходили разве что безработные журналисты, бродяги да пенсионеры. Здесь могли зарезать человека лишь из-за того, что у него в кармане завалялись два-три доллара. Полиция старалась обходить бар «У друзей», зная, что тут надо или брать всех подряд, или же не трогать никого.

За столиком в самом углу сидели два обтрепанных посетителя. Одному из них было на вид лет семьдесят, а другому ненамного меньше. Оба были слегка выпивши и, судя по разговору, знали друг друга давно, хотя и встречались в этом баре лишь время от времени и то случайно. На столике перед ними стояла недопитая бутылка дешевого виски.

— Послушай, Джо, — обратился к своему соседу тот, что был постарше, — а какое сегодня число?

— Да вроде бы двадцатое.

— Значит, до того, как мне переведут деньги, осталось целых десять дней. А у меня всего семь долларов.

— При теперешних ценах это просто гроши. И как же ты думаешь протянуть?

— Думаю, как-нибудь перебьюсь. Я ведь уже привык выходить из таких положений.

— Слушай, я давно хотел спросить тебя: а кем ты был раньше? Ты уже не первый раз говоришь «переведут деньги». Значит, ты не пенсионер, как я. Иначе ты бы говорил, что просто пойдешь и получишь их. Ведь нам-то не переводят. Мы сами ходим получать.

— О, я был великим человеком, — ответил старик, оживившись. Он налил в стакан виски, поднес его к губам и полузакрыл глаза. — Правда, это было очень и очень давно. Ведь мне уже 76 лет. И звали меня тогда Рене Дюбо. Я был единственным сыном эмигрантов-французов, которые всю жизнь вкалывали и жили в нищете. И мне была уготована такая же участь.

Однажды, когда я был еще совсем мальчишкой, в Нью-Йорке, проходя мимо шикарного ресторана, я увидел, как из великолепной машины вылезает молодой, хорошо одетый парень в окружении красивых девочек. Не успели они и к двери ресторана подойти, как швейцар услужливо распахнул дверь и склонился в подобострастном поклоне. А ведь я тогда уже двое суток практически ничего не ел. И, увидев этого парня, я решил, что обязательно стану таким же богатым и шикарным.

Было мне тогда лет тринадцать или четырнадцать. Я еще учился в школе. Но, решив добиться своего любой ценой, я ушел от своих родителей, от которых ничего не мог унаследовать, кроме нищеты, и пошел искать работу. Я брался за все, что только попадалось. Но учебу не бросал. А учился я хорошо, голова варила что надо. Деньги, хотя и получал за труды сущую мелочь, старался не тратить. Откладывал по три-пять долларов в месяц. Я решил получить высшее образование и упрямо шел к своей цели.

Прошло, наверное, лет шесть или семь, и моя мечта сбылась. Я поступил в университет. Но накопленных денег все равно не хватало, и я продолжал работать. После второго курса я увлекся кибернетикой, а с четвертого на меня стали обращать внимание, как на студента, подающего большие надежды. Не скажу, чтобы я делал какие-нибудь великие открытия, но одна черта была у меня всегда. Я умел быстро уловить и развить любую интересную идею, брошенную кем-то даже вскользь, мимоходом. А это, знаешь, иногда стоит и нескольких талантов.

После окончания университета меня, как одного из лучших выпускников, пригласили в научно-исследовательский отдел одной из фирм по производству электронно-вычислительных машин. Дали хороший оклад, обещали повышение по службе. Но всего этого для меня было мало. Я все равно не был так богат, как тот парень, который встретился мне когда-то в Нью-Йорке. И я понял, что надо работать не только на фирму, но и на себя. Так и стал делать. Днем, значит, на фирму, а вечером — только на себя.

— Так что же ты делал? Изготовлял что-нибудь?

— Нет, делал то же самое, что и в студенческие годы, — думал и читал, читал и думал. Я прекрасно понимал, что в воздухе носится огромное количество разнообразных идей. Люди, выдвинувшие их, или не относятся к ним всерьез, или же просто у них не хватает времени, чтобы развить их, довести до конца. Но если во время учебы в университете мне хватало и обычной, так сказать, небольшой идеи, то сейчас мне нужна была идея грандиозная, способная принести мне миллионы. И вот однажды я нашел ее. Я долго проверял и, только когда убедился, что она лишь высказана и никем еще не развита, почувствовал, что действительно приближаюсь к своей цели.

Но мне надо было работать, и как можно быстрее. Ведь таких умников, то есть ловцов чужих идей, было немало. И начался каждодневный, вернее, каждоночный труд. Я так устал, что днем на работе глаза мои сами закрывались и я, заснув, сползал со стула. Ко мне стали относиться с некоторым подозрением. Скорее всего начальство подозревало, что я балуюсь наркотиками. Но я ссылался на сильную головную боль. Мне то ли поверили, то ли просто надоело со мной возиться, но предоставили отпуск и посоветовали поехать лечиться. Я сказал, что обязательно поеду, а сам заперся дома и довел эту идею до конца, разработал все приборы, которые были для этого необходимы. Теперь мне нужны были деньги, большие деньги для того, чтобы воплотить в жизнь задуманное.

— И что же? Ты, наверное, продал изобретение своей фирме, а она тебя надула? Такое бывает.

— Скажи, ты что-нибудь слышал о миллиардере Харте? — спросил старик, подливая виски в стакан и закуривая.

— А кто о нем не слышал. Миллиардер-невидимка. Старый черт, живущий столько лет, что уже все, наверное, забыли, когда он родился. Харт — это все. У него и нефть, и игорные дома, и оружие, и медикаменты, и роскошные морские лайнеры, и супертанкеры, и еще черт знает что.

— Так вот, Джо, — сказал старик, отхлебнув изрядную порцию виски, — перед тобой отец этого самого Харта...

Джо посмотрел на своего дружка как на человека, явно свихнувшегося. Но старик поймал его взгляд и, затянувшись дешевой сигаретой, отрицательно помотал головой.

— Нет, нет, не думай, я не сошел с ума. То, что я тебе говорю, — чистейшая правда. Сейчас я тебе все объясню, хотя в свое время я поклялся, что и рта не открою. В противном случае его люди просто прихлопнут меня как муху.

После такого вступления Джо невольно посмотрел по сторонам, но не заметил чего-либо необычного. Народу, как всегда, было мало. А сидевшие через столик от них два молодых парня о чем-то разговаривали между собой и явно не слушали их.

— Так вот: я послал ему письмо с просьбой принять меня по безотлагательному и важному делу. Мне, как и следовало ожидать, не ответили. Я послал еще одно письмо — результат тот же. Пытался связаться с ним по телефону, но мне ответили, что Харт занят и, если очень нужно, я могу поговорить с его помощником. Меня с ним соединили, и я представился как изобретатель, сделавший большое открытие, о котором могу рассказать только Харту. Помощник обещал доложить своему шефу и попросил позвонить на следующий день.

На следующий день мне было сказано, что Харт ждет меня в два часа и просил прибыть точно в назначенное время. И вот без десяти два я был в приемной у Харта. Первое, что меня поразило, как просто, а вернее дешево, было все в ней. Мебель далеко не высшего класса и очень потрепанная. Я и раньше слышал, что Харт большой скупердяй, но тут сам убедился в этом. Ровно в два часа меня пропустили к нему в кабинет.

«Ну, молодой человек, — обратился он ко мне скрипучим голосом, — я вас слушаю. Учтите, времени у меня всего десять минут, и ни минуты больше».

«Господин Харт, — начал я, — идея моя так проста и в то же время так сложна, что о ней можно говорить как в двух словах, так и целый день. Я выберу первый вариант. И если то, что я вам скажу, заинтересует вас, вы всегда найдете способ разыскать меня, а если нет, понять, в чем секрет моего изобретения, вам все равно не удастся».

«Короче, молодой человек», — опять проскрипел Харт, поглядывая на часы.

«Если коротко, — спокойно продолжал я, — вы, господин Харт, стары и, простите, скоро умрете. А вам наверняка хотелось бы жить вечно. Я могу предоставить эту возможность, и вы будете жить, правда, не совсем так, как сейчас, но все-таки жить».

«Что вы имеете в виду под словами «не совсем так»?» — спросил меня Харт и окинул таким же примерно взглядом, как и ты, когда услышал, что я его отец.

«А то, — ответил я, — что физически вы, конечно, умрете, но духовно останетесь живы. Я могу заключить ваш интеллект в компьютер, и он будет жить там вполне нормальной жизнью. Машина будет чувствовать себя вами. В нее перейдет ваше «я». Ваше самосознание, отделившись от тела, поселится в компьютере и, поверьте, будет в нем счастливо. Короче говоря, представьте себе, что умрет все ваше тело, за исключением головы, а вернее, мозга. Только мозг этот будет электронным, хотя, я повторяю, он полностью ваш, с вашими мыслями, желаниями и даже эмоциями. И, находясь в таком состоянии, вы можете существовать сколь угодно долго, сами руководить всеми своими делами, никому не перепоручая и не завещая их. Подумайте, я вас не тороплю. Я уверен, что это должно вас устроить. А стоить вам все это будет лишь десять миллионов долларов».

Увидев, что Харт хочет возмутиться, я добавил, что за бессмертие он мог бы заплатить и дороже. Больше я ничего ему не сказал, а только предупредил, что свой телефон оставлю у секретарши и буду рад, если он меня вызовет. Я посоветовал ему не думать слишком долго, так как, если через два месяца он не даст ответа, я продам свою идею другому, не менее богатому человеку. Потом попрощался и вышел.

— Так я все-таки не понял, ты что же, хотел надуть этого скупердяя? — спросил Джо, с любопытством глядя на старика.

— В том-то вся и суть, что нет. Понимаешь ли, ту идею, которую мне тогда удалось найти, я вычитал не в статье о кибернетике, а в одном медицинском журнале. Известный профессор писал, что в результате длительных исследований и опытов удалось установить, что человеческое самосознание не генетически наследуемо, а плод информации. Ребенок, познавая окружающий мир и себя самого, вырабатывает в себе самосознание. И раз так, то и все его эмоции, мысли, желания тоже плод переработанной его мозгом информации.

Идея была найдена. Кроме того, я прекрасно знал, что уже проводились опыты по передаче человеческого интеллекта в компьютер. То есть был разработан специальный шлем, который надевали на голову человека, и он, то есть этот шлем, улавливал все мысли человека. Ведь мозг при работе выделял биотоки.

Но меня волновал один вопрос. Было ясно, что машина улавливает биотоки работающего мозга. А вот если человек не думает о том, о чем надо, то уловит ли компьютер всю информацию? Ведь в противном случае как бы я заставил принять его человеческое самосознание?

Пришлось перечитать уйму книг, пока я не выяснил, что все клетки мозга, где хранится информация, выделяют биотоки, даже если человек в это время и не думает о чем-то определенном. Правда, биотоки эти слишком слабы, и уловить их почти невозможно. Но для меня это было уже делом техники. Сам знаешь, когда у тебя есть деньги, тебе изготовят все, что угодно. И после долгих кропотливых исследований я разработал основные принципы такого прибора. Я назвал его психошлемом в отличие от информационного шлема, который улавливал только те биотоки, которые выделяли «работающие» в данный момент клетки мозга.

Мне нужно было только, чтобы кто-то изготовил такой психошлем в соответствии с теми принципами, которые я разработал. А на это нужно было время и, самое главное, деньги. И деньги немалые, так как индивидуальные заказы всегда стоили недешево. Тем более если хочешь, чтобы после выполнения твоего заказа о нем просто забыли. А за такие вещи сдирают втридорога.

— Ну так что, позвонил тебе этот скупердяй Харт или же его испугала назначенная тобой цена? — спросил старика Джо с нескрываемым любопытством и, подозвав вечно пьяного бармена, заказал еще бутылочку виски. — Не волнуйся, — успокоил он приятеля, — сегодня плачу я. А ты давай рассказывай.

— Я почти наверняка знал, что Харт мне рано или поздно позвонит, если его, конечно, неожиданно удар не хватит. А этого я боялся больше всего. Еще до первой встречи с Хартом я выяснил, что он несколько раз женился, от каждого брака имел детей, но и жен, и детей своих ненавидел лютой ненавистью. Он считал их недоумками и прожигателями жизни, что, по правде говоря, так и было. Но представляешь, каково все это было для скупердяя Харта. Он назначил всем им сравнительно большую ренту, но больше не давал ни доллара, что бы ни случалось. Видеть никого из них он не хотел и к делам своим не допускал.

Сам понимаешь, для такого человека мое изобретение — сущий клад. Ведь он был готов скорее удавиться, чем завещать свои миллиарды кому-либо из детей или даже всем сразу. Да и отдавать деньги куда бы то ни было, ну, скажем, государству или общественным организациям он тоже не собирался. Передав свое самосознание машине, Харт мог умирать спокойно. Ведь можно было скрыть его смерть. До определенного времени, конечно. Хотя, как ты потом увидишь, он обезопасил себя и на такой случай.

Ждать мне, правда, пришлось довольно долго. Прошло уже более полутора месяцев, и я начал было думать, что у меня на этот раз сорвалось. Но однажды мне позвонили и сказали, что Харт ждет меня и что через двадцать минут его машина будет стоять у подъезда. И действительно, когда я спустился, шикарный «линкольн» уже ждал меня. Шофер выскочил и распахнул дверцу. Мы поехали, и я почувствовал, что мои мечты сбываются.

Приехали мы не в оффис Харта, а в одну из его загородных вилл. Внешне она выглядела великолепно, а когда я вошел внутрь, то опять убедился в скаредности старого миллиардера. Несмотря на позднюю осень комнаты были нетоплены, везде царил полумрак. Старик действительно экономил на всем.

Меня проводили в покои скряги. Он лежал в постели. В его комнате было несколько теплее, чем во всем помещении.

«Ну что, молодой человек, — обратился ко мне Харт, когда мы остались одни, — вот мы и увиделись. Так поведайте же мне, на чем строится ваша уверенность, что все будет именно так, как вы мне тогда рассказывали».

Что меня поразило, так это внешний вид Харта. Его и раньше назвать красавцем было трудно. А тут он просто напоминал живой труп. Кожа на лице и руках стала землисто-серой, губы посинели, глаза почти потухли. И голос... Это был голос умирающего человека. Позже я узнал, что за несколько дней до нашей второй беседы он перенес инфаркт.

Я выложил Харту все то, что только что рассказал тебе. Тогда я был моложе, да и память у меня была лучше, так что рассказ получился более длинным. Он слушал меня внимательно, а когда я закончил, тихо проговорил:

«Что вы не мошенник, я понял еще при первой встрече. Я воробей стреляный, и меня трудно провести. Ну так вот, я уже все решил».

Харт действительно решил все. Он был согласен с моими условиями, то есть с десятью миллионами, однако требовал, чтобы все оборудование я приобретал сам. От старого скупердяя я и не ожидал другого. Но все же выторговал его согласие на то, что компьютер приобрету на его деньги. Честно говоря, если б я знал, как все обернется, то настоял бы на том, чтобы и все остальное покупал тоже он. Но я был опьянен успехом...

По его требованию я должен был уволиться с работы и поступить к нему на службу вплоть до того времени, пока не закончу всю работу. Я подписал два контракта. По одному я получал десять миллионов за ряд сделанных мною изобретений, предложенных фирме Харта. Это он придумал, дабы избавить меня от всяких кривотолков и налоговых неприятностей. По второму же контракту я обязывался выполнить работу и хранить в тайне все, что я сделаю. Если бы я продал свое изобретение еще кому-либо, то деньги бы с меня вытребовали судом. А если бы меня вдруг разобрала болтливость, то его мальчики просто бы убили меня.

«Понимаете ли, — сказал он мне, — проще всего мне было приказать убить вас сразу же после завершения вами всей работы. Но я человек благородный и не могу поступить так с человеком, который продает мне бессмертие. Однако учтите, если вы нарушите подписанный вами второй контракт, то вас убьют тут же. За вами будут следить постоянно, так что вы даже не сумеете воспользоваться плодами вашего предательства».

Он действительно учел все. Его люди уже стали распространять по стране слухи о враче-китайце, который с помощью секретов китайской медицины продлил его жизнь. На всякий случай он и завещание сделал, если все-таки его тайна раскроется. По нему всем родственникам оставалась та же самая рен-

та, что и до этого, а все деньги завещались его вычислительному центру. И так как его компьютер должен был стоять там, то, значит, ему самому. Начальником этого центра он назначил преданного ему человека, единственного, кроме меня, кто знал его тайну.

На прощание старый скряга сказал, чтобы я торопился, так как он боится, что времени у него осталось не так-то много. Еще раз вскользь заметил, что он совершил явно невыгодную сделку, и пожелал мне успеха. Я вышел от него, чувствуя себя на верху блаженства. Все, к чему я так стремился, было у меня в руках. Деньги получил тотчас же. И для того чтобы оправдать их, мне нужно было сделать только последний шаг — найти изготовителя психошлема и остальной аппаратуры.

— Ну а дальше, дальше-то что? Получилось все это у тебя?

— Получиться-то получилось, но не совсем так, как я думал. Дело в том, что изготовить психошлем было делом довольно трудным. Не всякая фирма могла взяться за это, тем более в те короткие сроки, которые были необходимы мне. Но я все-таки нашел небольшую фирму по изготовлению медицинско-электронного оборудования, которая согласилась выполнить мой заказ. Цену они заломили бешеную, но спорить с ними у меня не было времени. Однако на этом все не кончилось.

Когда я пришел узнать, как идут дела, мне сказали, что в своих расчетах я допустил какую-то ошибку, так как шлем не работает. Они, видите ли, подключили к этой работе своего специалиста, но мне это обойдется намного дороже. Проверять, так ли все это, я не мог все по той же причине — времени уже явно не хватало.

Почти такая же история вышла и в той фирме, которой я заказал дешифратор импульсов мозга, принятых психошлемом.

Только тут я стал понимать, что Харт, по существу, надул меня. Хотя счетов мне еще не представили, но я догадывался, что стоить мне все это будет далеко не так дешево, как я рассчитывал. Харт, видимо, тоже понимал все это и именно по этой причине настоял, чтобы все делалось за мой счет. Но я все же не терял оптимизма.

Когда я получил психошлем и всю аппаратуру, то поспешил к Харту. Я и так опаздывал уже на целую неделю. Попробовал заикнуться, что все это добро обойдется мне, видимо, очень дорого, но этот старый черт только засмеялся и ответил, что его это не касается. Когда мы приступили ко всей этой операции, я убедился, что аппаратура действительно работала великолепно. Самосознание Харта перешло в машину как нельзя лучше. Он даже сам не мог понять, где же он — уже в машине или в своем бренном теле, пока с него шлем не сняли. А компьютер, когда старика от него отсоединили, видно, увидев его, сказал: «Боже, до чего же я был противный. Краше в гроб кладут».

Ну а старика я после этого больше не видел. Думаю, он вскоре помер. Уж больно слаб был.

А потом все и началось. Пришли ко мне счета от фирм, изготовивших психошлем и всю аппаратуру. Цены подскочили раз в десять по сравнению с теми, о которых мы договаривались в самом начале. Я пытался было поскандалить, но мне пригрозили судом. А что можно было доказать там? Ведь по приказу Харта все приборы остались у него, и я не мог убедить кого-либо в том, что они если не полностью, то почти полностью соответствовали тому, что я разработал. Так что пришлось платить. Скандал-то мне был совершенно не нужен.

А дальше деньги полетели от меня с бешеной скоростью. Половину оставшейся суммы я вложил в одно дело, которое обещало быть прибыльным, а на оставшиеся зажил как король. Было все: и шикарная квартира, и вилла, и машина, и яхта. Появились и великолепные девочки, и высокопоставленные друзья. Знаешь, когда есть деньги, все это легко. Так прошло года два, и тут я начал чувствовать, что второй моей ошибкой было то, что я взял у Харта всего только десять миллионов. Деньги у меня уже таяли, а старый скряга за свое бессмертие мог бы тогда раскошелиться и получше. Но уже было поздно. Дело, в которое я вложил часть своих денег, только начало приносить мизерный доход, а тут кризис, помнишь, это было лет сорок назад. Страшный тогда кризис разыгрался. Дело наше лопнуло как мыльный пузырь, а начавшаяся инфляция доконала меня окончательно. Было продано все, что только можно, но с долгами я только-только расплатился, и мне самому ничего не осталось.

Мысль, что я продешевил, мучила больше. Я прекрасно понимал, что на старое место работы меня не возьмут, так как хозяин не любил предателей, а он считал, что я променял его на Харта. Жить действительно становилось не на что. И тогда я решил обратиться к самому старому скряге, вернее — ко второму его самосознанию. Начал писать письма, в которых говорил, что за выполненную мною работу он должен бы заплатить больше. Тем более что начавшийся кризис меня окончательно доконал. Но ответа на мои письма так и не было.

Тогда я решил отомстить ему. Ведь как он мог не отвечать мне, человеку, который его создал?! Ты только не подумай, что я решил разгласить его тайну. Я был молод, и мне хотелось жить. Если раньше за мной и не следили, то после писем обязательно начнут, я прекрасно это понимал. И все же я надумал убить электронного бессмертного Харта.

Где находится хартовский вычислительный центр, я знал, нашел бы и знакомый мне компьютер. Достаточно было просто забраться туда и сломать его. Ведь электронно-вычислительная машина — штука хрупкая, и достаточно открыть ее, стукнуть чем-нибудь тяжелым по схемам и по блокам памяти, чтобы она погибла. И даже если ее отремонтируют, то самосознания Харта там уже не будет. Конечно, меня за этим могли и застукать, но что бы могли сделать со мной? Подумаешь, подвыпивший нищий сломал компьютер. Взять с меня нечего, так что просто посадили бы ненадолго. Невелико горе, а Харта уже не было бы.

Я подготовился к этой операции детально. Изучил все: и время смены охраны, и подходы к зданию. И вот однажды ночью, выпив для оправдания на случай поимки и захватив кусачки, я пробрался к зданию и даже пролез в вычислительный центр. Но только я нашел знакомый мне компьютер, как меня схватили. То ли за мной следили, то ли Харт обезопасил себя и в этом случае, поставив свой компьютер чуть ли не на самом видном месте, чтобы он не вызывал подозрений, окружил его сложной системой сигнализации, я не знаю.

В полицию меня не повели, а просто избили. Причем били все время по голове. Я потом провалялся в своей лачуге, наверное, недели две со страшным головокружением и болями. На врача денег не было, и я просто лежал. А еду мне приносил мой сосед, такой же нищий, как и я. У меня и сейчас часто голова болит так, что хоть на стену лезь, и память иногда пропадает почти полностью.

Примерно через месяц ко мне пришло письмо, в котором говорилось, что старый скряга разобрал мою просьбу и, хотя во всех моих несчастьях, как и в кризисе, он не виноват, но, учитывая мои прежние перед ним заслуги, назначает мне ежемесячную ренту в двести долларов и просит его больше не беспокоить. И знаешь, чего я не могу понять до сих пор: совпадение ли это, что письмо пришло именно тогда, или же Харт просто узнал меня там, в вычислительном цент-

ре, ведь компьютер его был со зрительным устройством...

Старик налил себе уже начавшей дрожать рукой еще стаканчик виски. Выпив, он откинулся на засаленную спинку стула и закурил. Так он и сидел молча, еле шевеля полузакрытыми веками, пока Джо не потрогал его за обшарпанный рукав пиджака.

— Послушай, а неужели до сих пор так никто и не догадался, что Харт давно умер, а вместо него компьютер? Ведь человек-то, если он настоящий, должен общаться с людьми, в крайнем случае по телефону разговаривать. Ну а родственники, они-то могли догадаться?

— Точно я тебе сказать не могу, ведь в тайны своей конспирации он меня тогда не посвятил. Могу только предполагать. Когда у человека сотни вилл, ферм, домов, дач, квартир, то разве трудно потеряться где-то там среди них. И на каждой все будут думать, что он находится в этот момент на другой. С людьми он и раньше не очень любил встречаться, и то, что его за последние несколько десятков лет не видно, никого не смущает.

А телефон? К нему лично всегда было невозможно дозвониться.

Ну а компьютер может отвечать на такие редкие звонки, которые доходят до него. И говорящее устройство, которое подключается в таком случае к компьютеру, может подделать любой голос. Причем находиться они могут в совершенно разных помещениях, на большом расстоянии друг от друга. Так что в вычислительном центре никто ничего и не заподозрит. Да и кто станет ему звонить? Все его предприятия, заводы, промыслы, короче говоря, все его хозяйство работает как заведенный механизм, и везде есть свои директора, которые за все отвечают. Его дело не руководить, а прибыли получать.

А родственники... Они и раньше его не видели. Так что же им видеть его теперь? Жены его бывшие все давно перемерли. Дети, наверное, тоже, они и тогда были старше меня. А у внуков, если такие есть, свои заботы. Так что все уже давно забыли, как он и выглядел-то.

А в общем, кто его знает, как он все это организовал. То, что я тебе сейчас сказал, только мои предположения. Может быть, у него все было продумано гораздо тоньше.

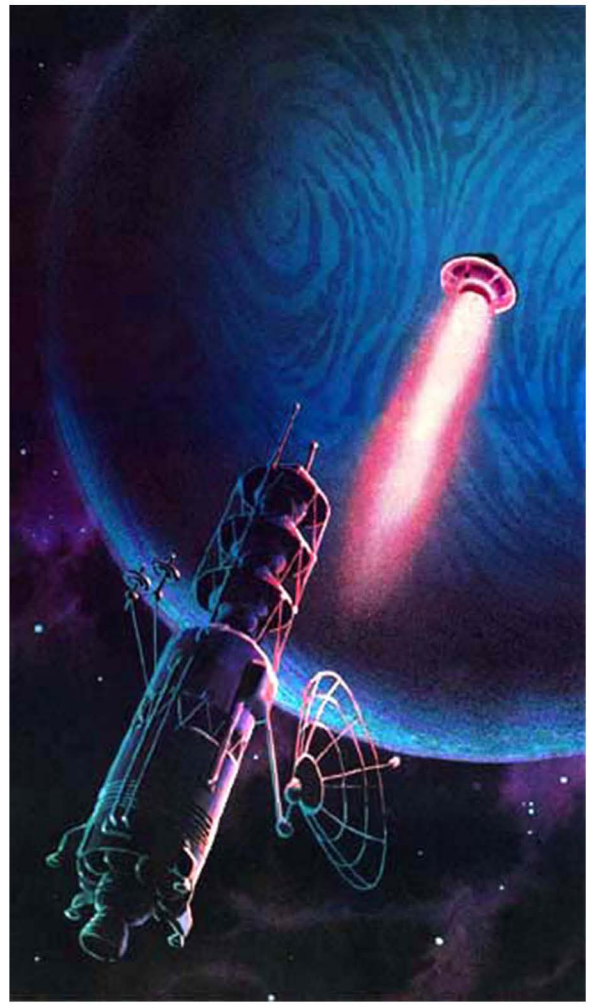
— Слушай, ну а тот, его доверенное лицо? Он ведь тоже может умереть, если уже не умер. Что же тогда?

— Это еще проще. У того могут быть дети, у них — внуки, и так до бесконечности. И каждый будет под строгим секретом открывать эту тайну своему преемнику. Харт был прав, люди любят деньги и для того, чтобы они не пропали, готовы пойти на все. Вот я, например, уверен, что за мной постоянно следят, особенно после того случая в вычислительном центре.

Ну я, пожалуй, пойду, — сказал старик, налив остатки виски в стакан и быстро выпив его, — а то что-то опять голова заболела. Да, здорово они меня тогда отделали. Ты смотри не рассказывай никому об этом, а то только неприятностей наживешь, еще сумасшедшим сочтут. Ведь кто поверит?! Черт, как голова болит, — простонал он, потирая лоб. — Только когда выпьешь, так и вспомнишь как следует, как это все было, как я Харту отцом-то стал, обессмертил его.

А жаль все-таки, что я не хапанул у него двадцать миллионов. Тогда бы я, наверное, выкрутился...

Старик поднялся и медленно поплелся к выходу. Джо задумался, не зная, чему можно, а чему нельзя верить в рассказах этого Рене Дюбо, которого все в баре почему-то звали Уолтером. И наверное, именно поэтому он не заметил, что двое парней, сидевших через столик от них, тоже поднялись и вышли.



СЛУЧАЙ „ПРОТЕЙ“

СВЯТОЗАР ЗЛАТАРОВ
(Болгария)

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ С. ЗЛАТАРОВА СТАВИТ ОДНУ ИЗ ИНТЕРЕСНЕЙШИХ ПРОБЛЕМ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА С СОЗДАНИЕМ ЕГО РУК — МЫСЛЯЩИМ РОБОТОМ. С РАЗВИТИЕМ КИБЕРНЕТИКИ ЭТА ПРОБЛЕМА МОЖЕТ СТАТЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ АКТУАЛЬНОЙ, РЕАЛЬНО ТРЕБУЮЩЕЙ СВОЕГО РЕШЕНИЯ.

— Андроника, Андроника... Просыпайтесь. Мы вроде бы прибыли.

Нужно вырваться из спирали сна, разом открыть все шлюзы рассудка.

— Андроника? А кто она такая?

Победная музыка будила сознание пассажиров, погруженных в безвременье далекого полета.

— Андроника! Так это я! — вздрогнула она. И еще прежде чем открыть глаза, ощутила, как какая-то тревога привела в порядок мир, расставила все по своим местам. Экзамен!

Задание профессора не содержало ни одного лишнего слова: «Отправишься на остров Фарос. Расследуешь случай «Протей» и немедленно дашь заключение. Настало время проверить, насколько ты самостоятельна».

Никаких объяснений. Никаких таблиц. Никаких карманных логических советников. Что за остров, в каком закутке планеты пребывает — об этом можно было только гадать... Правило гласило: при экзамене на аттестат зрелости нельзя пользоваться никакими справочниками. И задачу на тебя взваливают без предупреждений — так и бывает обычно в жизни. По древней традиции, посланцы института сохраняли инкогнито. «Андроника!» — ни с того ни с сего пришло ей в голову, и именно так значилось теперь в корабельном журнале.

Она окончательно пришла в себя, приготовилась. Пульс ускорялся, входя в норму, разливая бодрость и беспокойство. Вперед, Андроника, раскрой веки и, как завзятый детектив, будь приветлива с окружающими. Вспомни правило: «Улыбка помогает при сборе предварительных сведений».

Рядом с нею покачивался сосед в своей стеклянной кабинке. Этакий толстячок с заспанной физиономией. Она ему улыбнулась:

— Ага, вот вы и проснулись. Теперь полюбопытствуйте в иллюминатор, — сказал он покровительственно. — Глядите! Какой желтый островок. Вроде тыквы, вызревшей в парнике...

— Скорее напоминает огромный подсолнух, — мило отвечала она. Толстячок заморгал.

— Эх, вы молоды, романтично настроены... Да только в наше-то время можно исколесить всю Галактику и без романтических переживаний. А ведь когда-то было иное: плеск волн и рев ракет. Было, да быльем поросло... Теперь только мягкое щелканье и музыка.

Андроника изобразила на своем лице живой интерес.

— Мы вот летели, да разве это полет? — продолжал спутник обескураженно. — Взгромождаешься в кабину, тебя герметизируют, усыпляют, пыхтит могучий орган, битком набитый великой гармонией. За несколько минут до посадки извольте проснуться. Что корабль мотается по взгорбленному пространству и конденсированному времени, что он того и гляди превратится в пурпурную звезду — все это тебя будто и не касается. Разве иногда гипнонастройка забарахлит, ну и остается на губах привкус химикалий... А ведь когда-то люди путешествовали шаг за шагом.

Ну и болтун! Будь воспитанной, Андроника! «Каждый имеет право на определенную меру индивидуальных слабостей».

— Но и теперь любое путешествие начинается и заканчивается заурядной ходьбой, — лукаво возразила она. — Вот мы с вами разговариваем, а сами покачиваемся в кабинах, точно на борту каравеллы.

— Ого! Да вы случаем не... студентка ли, изучающая философию?

— Да... что-то в этом роде, — едва не созналась она.

— И наверное, обалдев от зубрежки, решили отдохнуть на Фаросе?

— Гм-м, да. А вы сюда какими судьбами? Работаете здесь?

Он словно ожидал этот вопрос и сразу же начал рассказывать. Тех, кто бывает на Фаросе по службе, раз, два и обчелся, и он один из них. Профессия у него редкая — он изучает древние культуры. Здесь его ожидают интересные исследования, да вот загвоздка: он не удосужился подготовиться к местным условиям, так что на первых порах ему, видимо, придется нелегко. И так далее, и тому подобное...

— Гляньте, гляньте! — перебил он сам себя. — Уже летим над городом. Нынче все города одинаковы: все отполировано, отникелировано. А в этом городке все еще старые антенны, трубы, электрическое освещение. Даже дымок вьется над крышами... Но уже пора выходить. Позвольте откланяться. Как говаривали в старину: каждому — свое.

В конце концов болтунишка исчез. Механизмы понесли историка к выходу: его порядковый номер был перед Андроникой.

Сердце ее гудело. «Спешите мне на помощь, математическая психология, палеокибернетика и биошахматы! Выше голову, Андроника, тебя ждет первая серьезная задача. Посмотрись в зеркало. Придай себе небрежный, самоуверенный вид — сейчас тебя встретят местные власти!»

Огромный аэродром обрушил на нее лавину звуков. Кто-то в толпе махнул ей рукой. «Странное дело, почему не заглушают?» — мысленно возмущалась она, пробиваясь сквозь толпу к тому, кто продолжал приветливо махать ей рукой.

— Андроника? Это не вы ли... прибыли для...

— Случай «Протей»? Я Андроника. Пароль-имя делало излишними объяснения.

— Добрый день. Прошу вот сюда. Я еще познакомлю вас с этим случаем. Я введу вас в подробности.

Подтянут, гладко выбрит, изысканные движения рук. Черты лица правильные до скуки, дикция надоедливо-отчетливая. Стало быть, так говорят на этом острове? Ощущение, как будто репетирует урок истории. Сколько ему лет? Женат ли? «Человеку столько лет, сколько указывает его индивидуальный индекс. Не позволяйте ввести вас в заблуждение прикладной косметической фантастикой!»

— Как же у вас здесь шумно!

— Сюда, сюда.

— Скажите, неужели нельзя установить глушители? Я полагала, они обязательны для всей планеты... Правило номер два определяет шум как...

— Нет их здесь, нет. Сюда.

— По-моему, вы слишком торопитесь. Разве нервная ходьба не запрещена гигиеническим правилом номер тринадцать? — щебетала Андроника. — О, какая смешная машина!

Встречающий слегка повернул в сторону свой идеально правильный нос.

— Электрокар для чемоданов. Древнее сооружение. Тут почти все древнее.

— Глядите, глядите! — удивлялась Андроника. — Вон тот человек поднимает багаж собственными руками.

— Я вам все еще объясню.

Андроника решительно остановилась перед какими-то подвижными скрежещущими ступенями.

— Неужели вы решитесь ступить на эту ужасную гусеницу?

— Эскалатор позволяет удобней всего добраться до города, — заявил встречающий с таким видом, словно изрек глубочайшую мудрость.

Такой эскалатор Андроника видела только в атласе по палеотехнике. Город, лежащий у ее ног, исторгал грохот, сквозь который время от времени различались звуки: клаксоны, моторы, свистки, скрежетанье камня и металла. Лишь теперь она разобрала, что имел в виду ее спутник по кораблю, когда говорил, что не удосужился подготовиться к местным условиям.

— Странный город... Не предполагала, что на нашей планете...

Встречающий оборвал ее на полуслове:

— В интересах следствия я сразу же должен предоставить вам данные об обстановке. Я констатировал, что на вас произвели впечатление и здешние шумы, и сам стиль нашей жизни. Фарос — курортный центр. Тут все старинное, все относится ко второй половине двадцатого века. Все законсервировано или восстановлено. Вам, людям из ушедших вперед времен, иногда надоедают благоустроенные города, нивелированные площади и поля, синтетические парки, виллы среди фильтрованной морской воды.

В один прекрасный момент мыслящие холодильники и говорящие пылесосы становятся невыносимыми. Нелегко от рождения до кремации послушно покачиваться в пневмомагнитном поле, которое предугадывает желания, сокращает расстояния, разлагает время. Рано или поздно накатывает усталость от избытка сил, подкрадываются неврозы, порожденные усилиями без сопротивления. Тут-то доктора́ и предписывают отдых на Фаросе.

Андроника слушала объяснения, а тем временем спиральная лестница спускалась к улице. Ветерок доносил странный аромат сжигаемого угля.

— Понятно. Тут что-то вроде лечебного заповедника.

— Да, его учредили давно, за несколько веков до нас. К тому времени дикой природы уже не было и в помине. Зато процветали, росли и плодились города. Чтобы построить этот городок, пришлось собирать предметы старинного быта со всей планеты. Современная техника здесь начисто запрещена. Даже городские стражники оставляют за чертой города летательные аппараты и оружие. Один-единственный Квестор имеет право носить старинный пистолет, да и то ради потехи отдыхающих... Люди сюда стремятся, чтобы самим открывать двери, самим вести автомашину. Стекаются, чтобы послушать давно уже запамятованные прелестные шумы моторов, вдохнуть забытый аромат бензиновых паров. Люди отдыхают здесь по месяцу и более. Поначалу им нелегко, но потом в каждом пробуждаются древние инстинкты, дремлющие биологические силы. Здешняя обстановка сказывается благотворно, пациент укрепляется душой и телом, так что медикам не остается ничего другого, как констатировать явное улучшение.

По мере того как они спускались к улице, шум становился все нетерпимей. Андроника смотрела широко открытыми глазами. Вот она, всамделишная старина! Словно ожила страница из учебника истории, и она, Андроника, нежданно-негаданно обнаружила себя втиснутой в стереоснимок когда-то существовавшего города.

Необычность обстановки лишила ее всякой осторожности.

Она коснулась в кармане прибора, который имели право носить все питомцы института, — универсальный обезвреживатель. Он парализовывал роботов и успокаивал людей... Стало быть, только она да еще Квестор с его старинной пищалью могли похвастаться оружием в этом городишке. Смелей же, Андроника!

— Однако здесь возникают другие проблемы, — снова зазвучал

мелодичный голос ее спутника. — С прошлым нельзя играть безнаказанно. У человека множество разных наслоений. И когда человек попадает в старинную обстановку, они пробуждаются. Так вот, случай «Протей» и его...

Он не договорил. Они приблизились к концу эскалатора. Андроника, не привыкшая к ритму столь первобытного сооружения, прыгнула, оступилась и наверняка грохнулась бы наземь, но ее спутник среагировал непостижимо быстро и поддержал ее. И тут из кармана Андроники вывалился злосчастный обезвреживатель, подскочил на тротуаре и покатился по асфальту. Рука ее спутника стала вдруг неестественно длинной, накрыла оружие, схватила его и, столь же неестественно укорачиваясь прямо на глазах Андроники, превратилась опять в нормальную человеческую руку. Обезвреживатель как бы сам по себе оказался в кармане владелицы. Андроника обернулась к спутнику... Но того и след простыл!

Гортанные крики заставили ее обернуться. С грохотом и топотом вниз по лестнице неслись какие-то молодчики.

— Держите его! Вон он, болтается над нами! Хватайте его! — орали все вразнобой. Вперед вырвался раскрасневшийся детина с могучей грудью и соответствующим басом. — Тихо! Эй ты, слезай вниз! Живо!

Все показывали куда-то вверх. Детина тоже размахивал рукой над собой. В руке поблескивал пистолет. Это был Квестор! Андроника воззрилась вверх и ахнула: в воздухе с неподвижностью совершеннейшей из летательных машин висел ее спутник, притом не просто висел, а указывал на нее, Андронику, и пытался что-то говорить.

— Ей, одной ей я объясню все обстоятельства...

— Сдавайся, Протей! Иначе тебя обезвредят!

— Чучело! Пылесос! Стреляй, Квестор!

Квестор мотнул головой и заревел:

— Тихо! Спускайся вниз, или я стреляю!

Грохнул выстрел. Вверху, там, где улицу венчал прозрачный купол, звоном отозвались разбитые стекла. Необыкновенный спутник Андроники, подобно огромной летучей мыши, сделал несколько бесшумных виражей и исчез, вылетел через только что пробитое отверстие в куполе. Тут Квестор заприметил оружие в руке Андроники.

— У вас обезвреживатель, а вы не воспользовались! — возмутился он. — Кто вам разрешил носить парализатор! Вы соучастница этого негодяя! — И он ткнул пальцем вверх, в небо, где исчез тот, кого он назвал негодяем.

— Я Андроника. Перестаньте кричать и объяснитесь. Что тут происходит!

Квестор будто наткнулся на невидимую преграду.

— Андроника! Вы? Следователь по случаю «Протей»! Ох, матерь Галактика, доколе из Центра будут на нас сыпаться неопытные стажерки! Чтобы учиться кибернетической диагностике на моем горбу! Слушайте, Андроника. Я должен был вас встречать. Я! Но этот хитроумный Голем умудрился подделаться под встречающего!

Покуда Квестор произносил свою гневную речь, Андроника буквально сгорала со стыда. Кибернетический диагностик, она не смогла распознать в первом встречном обыкновенного робота!

Эскалатор выбрасывал все новых любопытствующих. Кто-то споткнулся, налетел на Квестора, и тот, теряя равновесие, упал с бордюра прямо на проезжую часть. Несущийся автобус наверняка раздавил бы Квестора, но за мгновенье до этого надо всеми просвистела молния. Огненная тарелка грохнулась на асфальт. Тотчас от нее протянулись лучи, растолкали ревущие машины, и тут же обескураженный представитель власти оказался поставленным на краю тротуара. Перед Андроникой и Квестором снова явился со своей леденящей улыбкой Протей.

Все оцепенели.

— Не нападайте на меня! Я пойду с ней, — сказал он.

Квестор клокотал от гнева.

— Ты... ты поврежден. Все твои ре... реле нуждаются в перенастройке. Ты не щадишь человека!

— Не посягайте на мои контакты!

Андроника попыталась вмешаться.

— Квестор, он вовсе не агрессивен, он только что спас вам жизнь.

— Стреляйте, Квестор! Или вы ждете, покуда этот молодчик поразит всех нас электрошоком? Он издевается над нами! — кричали нетерпеливые голоса. — Эй вы, доставайте парализатор и стреляйте! А ты умолкни, чудовище!

Возмущенная Андроника выхватила оружие.

— Назад, или все сейчас уснут!

Угроза потонула, растворилась в общем гомоне. Явно растерявшийся Квестор приставил пистолет к груди Протея и нажал курок. Раскатился гром, проблеснула электрическая искра. Протей наклонился, сгорбился и мгновенно растопился. Серебряный ручеек пробил себе путь в трещинах мостовой и с живым бульканьем исчез в земле.

Квестор все еще кипятился, напирая на Андронику.

— Я еще доложу кому надо! Вы за это ответите! Преступное бездействие!

— За все будете отвечать вы, тем более если вы его повредили. Пора успокоиться. Надо уйти отсюда и переговорить наедине. Все-таки вы должны мне кое-что объяснить.

Квестор выдохнул из себя воздух.

— Прошу всех разойтись. Инцидент исчерпан. Преступник обезврежен.

Они сидели в каком-то смешном заведении, которое Квестор назвал «кафе». Самым нелепым здесь было то, что автоматы ждали, пока начнут нажимать кнопки на их блестящих панелях, и не принимали ни мысленных, ни устных приказов.

Квестор уже вроде бы успокоился и давал необходимые объяснения. Протей, совершеннейший сверхробот, обладал многими качествами: читал мысли, летал, улавливал излучения средств связи. Он был незаконно привезен в город доктором математики Фоком. Даже в период отпуска доктор не желал прервать свои труды над многоточиями и запятыми в теории времени. А несколько дней назад Фока нашли в беспамятстве и парализованным. После того как профессора привели в чувство, у него обнаружились признаки стертой памяти. Единственным возможным виновником покушения был Протей, который с тех пор как сквозь землю провалился. И наконец заявился на космодром под личиной встречающего.

— В общем, это целая история. Поврежденные роботы подлежат немедленному уничтожению. За безопасность города отвечаю я... И мне не очень-то ясно, зачем Центру понадобилось это расследование, тем паче с помощью разных неопытных экспертов. Пора, сдается мне, подавать в отставку. Давно уж наскучил, осточертел мне этот городишко, набитый бездельничающими неврастениками. ...Эх, будь в моем распоряжении гравипланы, аннигиляторы, дальнобойные оксигенные лучи — да что там лучи, хотя бы завалящая карманная логическая машина — какую бы охоту я здесь соорудил! Я гнал бы его как дикого кабана, я травил бы его электронными борзыми, пока все его мыслящие молекулы не брызнули бы на мостовую...

— Ну, вы снова разъярились. Не сомневаюсь, именно так вы и поступили бы. Но и без того вы его наверняка повредили, и он теперь зализывает раны где-нибудь в

песчаных пустынях или глетчерах. Вы ведете себя подобно заурядному шерифу из глубокой древности.

— Но поймите же, он почти укокошил доктора Фока! А теперь робот обратил свои взоры на вас. Эти машины хитры, как лисицы.

— Я все-таки полагаю, — с педагогической назидательностью заявила Андроника, — что человеческие творения суть наши друзья и нуждаются в снисхождении к ним. Запрещаю вам какое бы то ни было преследование. Ответственность беру на себя.

Именно этих слов как будто и ждал Квестор. Он немедленно поднялся, сослался на невообразимую занятость и откланялся. Но перед уходом он все же не удержался.

— Вы, девочка, еще пораскиньте умом, что и как. Права-то свои превышаете. И пожалеете об этом. С роботами шутки плохи. А я, сами понимаете, умываю руки. Честь имею откланяться.

Андроника осталась одна в чужом шумном городе, среди скопища невротических людей, одна со своей стажерской неопытностью. Одно было ясно: необходимо встретиться с изворотливым, неумолимым Протеем, расспросить его без постороннего вмешательства и самой решить, опасен ли он для человека. Но как разыскать Протея?

После покушения на него, после всех этих необычайных преображений не разладилась ли схема уникального робота? А может, он и впрямь стал агрессивным и опасным? Но где же его искать? В затянутом сизой дымкой небе или под асфальтом, источающим зной?

Не было оснований для спокойствия, для археологических и туристских экскурсий. Первый час на острове Фарос принес одни огорчения. Она съежилась при мысли, что ее преподаватели были сейчас здесь и уже поставили ей самую плохую отметку — снисходительную усмешку. Не успела она освоиться с обстановкой, а уже робот-нарушитель собственной персоной водит ее за нос. Уже она в конфликте с местными властями, уже от секретности ее миссии и следа не осталось после унизительного эпизода на эскалаторе. Даже тут, в кафе, кое-кто из посетителей зыркал на нее колючим взглядом и криво ухмылялся при этом. Оснований для спокойствия не было и быть не могло.

Едва завидя вас, мой юный друг, — начал тщедушный, сверкающий огромными очками доктор Фок, — едва вас завидя, я сразу все понял. Квестор возложил на вас трудную миссию: разыскать моего исчезнувшего секретаря Протея. Ах, он такой замечательный работник, скажу больше — друг, коллега. Допускаете ли вы мысль, что его украли?

— Минутку, минутку, доктор. Сначала я задам несколько вопросов. Не бросилось ли вам в глаза нечто необычное? Какая-либо неисправность? Как вел себя Протей, нормально ли функционировал?

— О чем речь! Идеален! Совершенен! Я сам его выдумал, он, если угодно, мое математическое дитя. Его собрали на одном из самых лучших в мире прецизионных заводов. Из отборнейших силовых линий.

— Насколько я понимаю, ввоз роботов на Фарос запрещен. Почему вы позволили себе преступить закон?

— Я всегда знал, что властей интересуют только такого рода вопросы. Видимо, подобным любопытством страдаете и вы. Мой юный друг, я сразу же должен сказать: правовые законы вами вызубрены не до конца. С какого мгновения любая машина становится роботом? Когда она смонтирована? С какого мига монтажа и настройки? Не с того ли момента, когда по ней начинают течь живительные потоки протонов? Или с другого? Робот ли мои часы, которые решают нелинейные уравнения? Или они станут роботом, если в них внедрить, к примеру, инфракрасные глаза? А Протей почти человек, и никто в оном не усомнился, когда мы сюда прибыли. Чтобы обойти отставшее на века законодательство, его можно превратить хоть во фламинго: его микроминиатюрная молекулярная структура позволяет всяческие превращения. Если Квестор его задержал, чтобы заставить меня держать ответ перед законом, пусть знает наперед: я ученый, известный всей Галактике, и посему могу позволить себе мелкие нарушения правил! Кто осмелится осудить меня — такого полезного, влиятельного члена галактического общества!

— Значит, Протей никак не пытался вам навредить?

— Отче Космос! Мне — навредить? Да он же не может. Это исключено.

— Так. Что еще вы могли бы сообщить следствию?

— Ничего. Если можно его найти — найдите. Без него я сразу же начинаю дремать, едва сяду за работу. А едва закрою глаза, все снятся мне какие-то куклы, куклы... Но это, разумеется, не имеет отношения к вашей работе.

Андроника обвела взглядом кабинет, заполненный хронометрами и книгами. В простенке мигал экраном библиотечный видеопост. Этот подмигивающий экран позволял пользоваться на дому любой библиотекой на планете. Эх, обыкновенному диагностику-кибернетику и не мечтать о таких устройствах, какими могут пользоваться великие ученые.

Андроника покинула математика в великом унынии. Ученый даже не мог вспомнить, совершал ли на него покушение Протей или нет. Исчезнувший робот — один лишь он поможет разгадать загадку. Но поди сыщи его.

На пути к гостинице ее терзали мрачные мысли. Так шла она, ничего не замечая вокруг, пока у одного из перекрестков ее не окликнули по имени. Ничего удивительного: она заметила, что многие прохожие внимательно вглядываются в ее лицо. В этом городе она уже какая-никакая знаменитость. Положение невыносимое.

Окликнувший оказался тем самым соседом по кораблю.

— Ого, даже вы узнали мое имя!

— После случая на эскалаторе вас знает каждый. Просто вам не повезло. Вы оказались в трудном положении: единственный вооруженный человек среди безоружных. Тут очень просто испугаться и воспользоваться своим преимуществом. Или проявить грубость. Но вы сдержались. Не теряйте и впредь присутствия духа, вот что я вам советую. Андроника — замечательное имя, на одном из древних языков оно означает «победительница мужей». Может быть, я могу вам чем-то помочь?

— К сожалению, ничем. — Андроника смотрела отрешенно. — Впрочем, подождите. Вы знаток древних языков и культур? Не могли бы вы сказать, что означает имя Протей!

— Удивляюсь скудным познаниям нынешней молодежи в этой области. Неужели после занятий математикой и спортом не остается времени на столь важные дисциплины, и это на философском-то факультете? Но в данном случае, Андроника, направление ваших мыслей правильное. Отнюдь не случайно нынешние роботы носят старинные имена. Символика имен — отличное мнемоническое средство. Согласно поверьям древних рыбаков Протей был морским божеством. Он пас стада тюленей, которые были собственностью другого божества — Посейдона. Протей был многолик, он обладал замечательной способностью принимать многоразличные обличья. То он, видите ли, превращался в текущую воду, то в дракона, то в дерево, то в льва. В сущности, этот водяной отражал облик каждого, кто вглядывался в воду. И еще: Протей умел предсказывать будущее.

— Наш Протей вполне отвечает своему имени. Его внешний вид не-

постоянен, — начала рассуждать девушка, — но здесь сокрыта и какая-то иная загадка... Это... это... Вы говорите, он будущее предугадывал... Видеть будущее — значит различать, какое из сегодняшних действий станет завтра добром, а какое — злом. Значит, речь должна идти о так называемом узле этических проблем. Ох, этот ужасный шум мешает мне размышлять... Как люди выдерживали когда-то такое? Как они могли в таких условиях мыслить? Что стоит Квестору поставить везде глушители?

— Э-э, отправляйтесь-ка размышлять в ваш комфортабельный номер. Желаю успеха, — доброжелательно сказал историк, махнул рукой и тут же затерялся в уличной сутолоке.

Но и тишина гостиницы не помогала. Какую выгоду преследовал Протей, нападая на своего хозяина? Чтобы сбежать от него? Но разве доктор Фок хотел разобрать или уничтожить своего любимца? Исключено! Тот ему необходим. Он сам это сказал. Андроника запуталась в этих вопросах, голова ее пылала.

Она снова вышла на улицу и вновь окунулась в разноголосый шум с надеждой добраться до ближайшего парка. Среди хитросплетений улиц что-то ее угнетало, чего-то недоставало, что-то раздражало гораздо сильней, чем шум, хаос и пары бензина.

И вдруг ее осенило. На этом острове не было детей! Естественно и справедливо: кто пустит детей в этот неустроенный и опасный мир?!

В парке было относительно спокойно. Под искусственно омоложенными вековыми деревьями разгуливали румяные старички. На регенерированных ветвях слышалось даже птичье пенье. Андроника завернула в пустую аллею, обернулась и ахнула от удивления. На скамейке сидела девочка с русыми косицами и баюкала на руках куклу.

— Тетенька, глянь, какая у меня кукла...

— Ты что, одна здесь? О-о, какие смышленые глазенки.

Слова будто повисли в воздухе. Андроника содрогнулась. Потом ее обуял гнев.

— Нет, Протей, на этот раз ты меня не надуешь. Ты просто воплощаешь мои мысли. В этом городе детей не бывает.

Раздался звон как от порванной струны. Мгновенье — и девочка стала взрослым мужчиной.

Протей явился пред ней с изысканнейшей улыбкой. Теперь, когда Андроника знала, что он робот, улыбка показалась ей застывшей, неестественной.

— Извините, я не сообразил, что могу вас рассердить. Больше такого не повторится. Я просто ждал вас с вашими вопросами.

— Протей, объясни мне, что тебя вынудило напасть на своего госпо... начальника, доктора?

Улыбки как не бывало.

— Объяснить — значит обидеть. Значит оправдывать самого себя Оправдывать самого себя — значит перекладывать вину на другого. Это означает говорить против него — следовательно, приносить ему вред. Подобные действия противоречат программе и всему моему устройству.

— Но как тогда я смогу узнать истину?

— Мы, роботы, не даем готовых истин. Мы лишь помогаем, подсказываем. Мы, роботы, щадим самочувствие человека, его гордость. Вы сами должны догадаться.

— Доктор Фок... Не пытался ли он тебя разрушить? И ты — по закону самообороны — просто...

— Вы намекаете на старинный закон роботехники. Но это все легенды. Оставьте вымыслы, теперь владычит век чистой логики. Легенды — всего лишь упрощение, мифология. Я информирован о трех законах роботехники, якобы существовавшего когда-то Азимова. Законы эти вымышлены. Так же, как вымышлен фантастами и сам Азимов. Попробуйте рассмотреть этимологически его имя, и вы вскоре поймете, что...

Андроника оставила его в покое — бормотать свои этимологические домыслы. Хорошо, что робот разговорился: так раскрывались подробности его собственных мыслительных процессов.

— Ого, да ты достаточно начитан, — сказала она после долгой паузы. — Как ты смог вобрать в себя столько информации?

— Мы, роботы, не спим. Это хорошо, поскольку наш логический разум порождал бы во сне невиданных чудовищ. Ночами, когда доктор похрапывал в своей постели, я рылся в его библиотеке. Я перелистывал энциклопедии, слушал записи. Мой патрон доктор Фок редко читал книги. Ему представлялось удобней и проще пользоваться экраном видеопоста — тут к его услугам была электронная картотека всей планеты. Но одно дело — общаться с книгой на экране, другое — самому перелистывать книгу, когда ищешь что-либо интересное. Один вопрос порождает другой. Специфические подробности — шрифты, обложка, аромат, тактильные ощущения — облагораживают психологический климат чтения. А в результате вечный голод по все большему количеству книг.

— Стало быть, ты читаешь каждую ночь?

— Мы, роботы, не спим, но это не значит, что мы не нуждаемся в отдыхе. Иногда. Наверное, для вас покажется странным, но и у меня возникает потребность слушать музыку, решать уже решенные задачи, просто так, забавы ради, бродить со своею логикой протоптанными тропинками, без всякой конкретной цели, задаваться вопросами, например, прослеживать мотивы человеческих действий. Это ведь тоже математика. Занятия такого рода помогают мне лучше понять людей, приближают меня к ним. Но все же и я не всегда мог отдохнуть, забыться: в последнее время доктора Фока сильно нервировал шум. Он начал подозрительно смотреть на улицу. Запирал дверь. А вечерами обращал меня в собаку, чтобы я охранял его сон.

— О, в самом деле? Чувство обиды? Разве оно существует у... вас?

— Нет, разумеется. Вы не должны испытывать неудобств от слов «робот», «патрон», «господин» Когда мой патрон отдает распоряжение, мой долг охранять его как собака. А если потребуется, подобно удаву, как было некогда на каких-то далеких островах. Нет, при чем тут обида? Но вы недалеки от истины. Вы сами должны найти правильный ответ, иначе не простите мне, что это я вам его внушил. Теперь же я вас покину. Оборочусь птицей

— Стой! Не трогайся с места! Захочу — и задержу тебя с помощью парализатора.

— Вы сами знаете, что не сделаете этого никогда. Иначе вам пришлось бы стереть мою память. Я не бегу от вас. Через пять секунд здесь появится ваш знакомец Квестор.

И впрямь вместе со свистом крыльев она услышала скрип тормозов.

Показался Квестор. Он тяжело дышал, как после долгого бега.

— А, вы здесь, — выдохнул он. — Мы его запеленговали. Он где-то поблизости. Не вы ли его укрываете?

— Квестор, как вы догадались? Однако не вмешивайтесь не в свое дело. Не позднее завтрашнего утра я схвачу его за руку и возвращу доктору, кроткого, целехонького, тише воды, ниже травы.

— Упрямое создание!

Квестор выругался, и его машина взревела мотором.

Вечером Андроника долго вертелась на гостиничной койке. Казалось, злополучный ответ вот он, рядом, да не ухватишь. В окно врывался шум поздних трамваев и далекие гудки поездов.

«Ладно, превращал его в собаку, — рассуждала Андроника. — Это

было неприятно Протею... Но ведь он становился животным, не теряя своей психологической сущности!»

Постепенно она забылась, как бы растворилась в картинах минувшего, и там, во сне, увидела себя маленькой, беспомощной куклой, забытой в темной коробке, среди разбитых, распотрошенных игрушек.

Маленькая девочка с русыми косицами приблизилась, вытащила ее, Андронику, на свет, обняла, начала баюкать.

Долго возилась девочка со своею куклой, но наконец это занятие ей наскучило. Она швырнула Андронику на пол. Потом опять подняла и в глубокой задумчивости принялась машинально теребить ее. Этой, взрослой, Андронике снилось, что та, бедная, безгласная кукла Андроника, вдруг захотела, чтобы появилась мать девочки и наказала свое чадо. Кукла в этот миг мыслила и чувствовала как мать. Ребенка следовало наказать ради самого ребенка. Там, во сне, Андроника импульсивно стремилась спасти вовсе не себя, а ее, девочку, — спасти от жестокости, грубости, бесчувственности.

И тут ее осенило. Перед ней проблеснул ответ на задачу. Протей наказал хозяина не в целях самозащиты, а чтобы защитить доктора Фока от доктора Фока. Защитить достоинство его творения.

Она окончательно пришла в себя. Вскочила. Да ведь любая мать, не пересекая спрессованных пространств и времен, не штудируя основ кибердиагностики и биошахмат, знает эту простую истину...

Андроника подняла телефонную трубку.

— Я хочу продиктовать телеграмму в Центр.

Электрическое эхо повторило ее слова, и они затрепетали, вплетаясь в попискиванье и вой своих собратьев — сверхскоростных сигналов.

ЦЕНТРУ РОБОТНОЙ ДИАГНОСТИКИ. ПРОТЕЙ ВПОЛНЕ ИСПРАВЕН И НЕВИНОВЕН. ОТВЕЧАЙТЕ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЗАКОН, КОТОРЫЙ ЗАЩИЩАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ТВОРЕНИЯ ОТ ИХ СОЗДАТЕЛЕЙ? ИМЕЛ ЛИ ДОКТОР ФОК ПРАВО ИСПОЛЬЗОВАТЬ МЫСЛЯЩЕГО РОБОТА В КАЧЕСТВЕ СОБАКИ? АНДРОНИКА.

Ее миссия подошла к концу. Протей кротко сидел на подоконнике в своем самом представительном — человеческом обличье. Они оба держали экзамен и теперь ожидали оценку.

Она пришла к утру. Телефон задребезжал. Она услышала притворно подслащенный, нарочито бодрый голос Квестора:

— Хочу первым поздравить вас с огромным успехом и передать депешу из Центра. Депеша такова:

ЧЕРЕЗ МЕСТНОГО КВЕСТОРА АНДРОНИКЕ. РАЗОБРАЛИСЬ ВО ВСЕМ ПРАВИЛЬНО. СЛУЧАЙ «ПРОТЕЙ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ПРЕЦЕДЕНТ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И РОБОТОМ. ЗАКОНОПРОЕКТ О ЗАЩИТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ТВОРЕНИЙ ПОДГОТАВЛИВАЕТСЯ СПЕЦИАЛИСТАМИ ЦЕНТРА. ПАМЯТЬ ДОКТОРА ФОКА ОТНОСИТЕЛЬНО СЛУЧАЯ «ПРОТЕЙ» ОСТАЕТСЯ СТЕРТОЙ — ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ И НАКАЗАНИЯ. ЭКЗАМЕН ВЫДЕРЖАН УСПЕШНО. ГОТОВЬТЕСЬ К НОВОМУ ЗАДАНИЮ.

Через час Андроника отвела Протея к доктору Фоку. Его отсутствие было объяснено небольшим повреждением в схеме, устраненным с ее помощью.

— Я так и думал, что ничего серьезного. Много шума из ничего... Ладно, двухдневный отдых оплодотворил меня новыми идеями. Мы с ним немедленно засядем и начнем писанину, — сказал доктор.

И все же несколько часов спустя Фок и Протей появились в неорганизованной толпе на космодроме, провожавшей Андронику. Тут был и Квестор.

Андроника уже свыклась с шумом старинного города. Она устала, но выглядела веселой. Жизнь в трудных условиях, хотя и кратковременных, оказала благоприятное воздействие. Квестор чувствовал себя не в своей тарелке, но Андроника примирительно улыбнулась ему улыбкой, затверженной еще на первом курсе.

— Полагаю, все недоразумения заглажены. Я не зря говорил, что вы упорная девушка. И может, там, в Центре, вы как-нибудь замолвите за меня словечко. Осточертело мне все здесь, на Фаросе. Поработать бы в нормальном городе...

— Каждый выполняет свой долг. Мелкие же противоречия помогают в работе.

Доктор Фок насилу вырвался из мира корней и интегралов и подошел вплотную к Андронике. На лице его отражались мыслительные процессы, связанные с покуда еще неизвестной простым смертным теорией лишних чисел.

— Мы пришли прологарифмировать... пардон, поприветствовать вас вместе с моим секретарем и другом. Из всего уравнения мне только одно непонятно. Зачем понадобилось из-за такой легкой полом... то есть болезни посылать специалиста в эдакую даль? Разве на Фаросе нехватка техни... то есть врачей?

— И я вас благодарю, — сказал Протей. — Счастливого пути. После вашего вмешательства я чувствую себя работоспособнее и намного любопытнее.

— До свидания, до свидания!

Огромный корабль всасывал пассажиров.

В соседней кабинке снова покачивался специалист по древним культурам.

На этот раз Андроника была в приподнятом настроении. Она улыбнулась без всякой нарочитости и сказала негромко:

— Вот так совпадение! Опять летим вместе. Знаете ли, справка, что вы мне дали относительно имени Протей, помогла, даже очень помогла.

— Что ж, я доволен. Поздравляю вас с успешно сданным экзаменом. В обыкновенном происшествии вы сумели рассмотреть сложные проблемы. Робот при любых обстоятельствах должен оставаться другом людей...

— Вы, кажется, знаток не только древних культур...

— Таковы обязанности, — пожал плечами знаток не только древних культур и лукаво посмотрел на Андронику. — Может ли Центр оставить неопытного стажера в лабиринте нерешенных этических противоречий между человеком и его творением? Я представитель Земного Совета, а заодно и экзаменационной комиссии. Счастливого пути и приятных сновидений, Андроника!

Перевел с болгарского по рукописи Г. Мечков

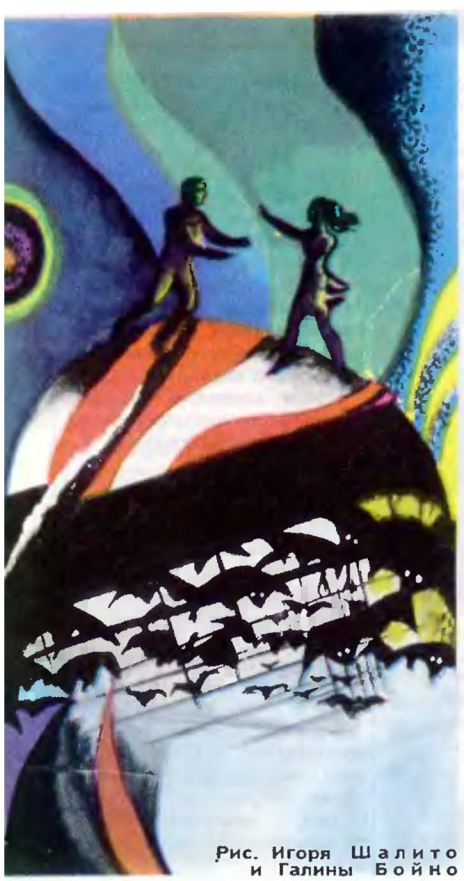


Рис. Игоря Шалито и Галины Бойно

«Прилива не будет»

Художник В.Байдалюк

Рис. Юрия Макарова

ПОЛСЕКУНДЫ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

ФЛОР БЕЛКОВ

Пролог

— Вам налить чаю? Выпейте чашечку, пока Дмитрий Иванович вышел. Никогда не даст посидеть спокойно...

— Спасибо, Анна Васильевна, налейте, пожалуйста.

Анна Васильевна наполнила ароматным чаем чашку и подала ее мне на блюдце. Я протянул руку и...

Предложение таинственного незнакомца

...вдруг повеяло ветерком и начал моросить дождь. Я встал со скамейки и направился к троллейбусной остановке. Человек, расположившийся на другом конце скамьи, тоже поднялся, последовал за мной.

— Испортилась погода... — услышал я позади себя.

— Да, испортилась, а какой хороший был вечер...

Мы пошли рядом.

— Знаете... Вы мне очень нужны. Простите за бесцеремонность, — голос незнакомца звучал глухо и неуверенно. Я остановился и посмотрел на него, не зная, что ответить.

— Да, очень нужны. Сейчас объясню. Вы, наверное, читаете научную фантастику? Во многих ее сюжетах главный герой, создатель какой-нибудь невероятной машины, нуждается в собеседнике. Ведь нужно же кому-то рассказать о своем изобретении. Представьте, я нахожусь в таком же положении. Но вы мне нужны не как собеседник, а как с в и д е т е л ь, который сможет подтвердить все увиденное. Вы можете стать очевидцем невероятных событий. Живу я очень близко и отниму у вас от силы минут двадцать.

...Вечер, темная аллея парка, загадочные слова незнакомца — все настраивало на романтический лад. Ну а если это просто мистификатор? Или изобретатель, которому необходимо излить душу за демонстрацией незавершенной модели «вечного двигателя»? Впрочем, чем я рискую? Двадцатью минутами времени.

Дождь усиливался. Мы ускорили шаги и подошли к большому мрачному особняку.

— У меня к вам непременная просьба, — сказал, останавливаясь, незнакомец, — не закрывайте за собой ни одной двери на нашем пути.

«Начинается!» — подумал я. Пообещав выполнить это правило, я между тем прикрыл за собой наружную дверь. Странный человек вернулся и открыл ее настежь.

— Простите... Я не предполагал, что ваша просьба относится и к наружной двери...

— Все без исключения, — значительно подтвердил мой спутник.

Двери на нашем пути остались распахнутыми. Мы вошли в большой светлый зал. В центре его размещалась какая-то машина. Гигантских размеров вентилятор, похожий на ветряную мельницу, был окружен крупными выпрямительными линиями, катушками, конденсаторами. Все это опутывалось бесчисленными цветными проводами. Рядом располагался мощный электрический двигатель. Весь агрегат с вентилятором, двигателем и электрооборудованием скрывался под огромным прозрачным колпаком трехметровой высоты. Цилиндрическая часть колпака постепенно переходила в сферическую, в центре которой на самом верху торчал металлический шпиль, увенчанный хрустальным шаром. Около входной двери громоздился распределительный щит со множеством приборов, а перед ним — небольшой пульт и неогораемый шкаф.

Тут мой провожатый достал из шкафа два легких скафандра, быстро надел один, навесил на спину баллон со сжатым воздухом и помог мне проделать то же самое. Затем хозяин удивительной лаборатории уселся за пульт и, манипулируя кнопками, запустил электрический двигатель. Характерный звук работающего двигателя легко проникал в шлем. Крылья вентилятора закружились и слились в радужный круг. Стрелки часов на распределительном щите показывали 8 часов.

Внезапно звук работающего двигателя резко изменился. Он стал более мелодичным и, быстро перейдя в

свист, оборвался на самой высокой ноте. Мне показалось, что я внезапно оглох. Наступила полная тишина. Часы показывали 8 часов 2 минуты.

Двигатель работал теперь совершенно бесшумно. Лопасти вентилятора мерцали радужными красками. Прошло несколько минут. Мой таинственный хозяин наблюдал за приборами. Ничего интересного больше не происходило, и мне уже начало надоедать томительное ожидание. Я взглянул на часы. Странно! Они по-прежнему показывали 8 часов 2 минуты. Стрелки явно стояли на месте.

— Часы на щите испортились, они остановились, — сказал я.

— Часы в порядке, — ответил мой хозяин, — это остановилось время.

Загадка незакрытых дверей

Что это — шутка? Но незнакомец, видимо, и не думал шутить. Он продолжал сосредоточенно работать с приборами. Мне захотелось взглянуть на свои часы, которые я оставил на столике, когда надевал скафандр. Но взять часы в руки не удалось. Часы вместе с ремешком почему-то оказались наглухо приклеенными к столу. На них тоже значилось 8 часов 2 минуты...

Я почувствовал на своем плече руку и обернулся. Величественной позой хозяин лаборатории напомнил мне капитана Немо, владельца «Наутилуса». Жестом хозяин предложил следовать за ним.

Вот когда прояснился смысл наказа о дверях. Выходя из лаборатории, я хотел по привычке прикрыть за собой дверь. Дверь не подвинулась ни на миллиметр. С таким же успехом можно было пытаться сдвинуть с места стену или распределительный щит, привинченный к полу. Будь дверь закрыта — никакие силы не смогли бы теперь ее отворить. Невидимая, таинственная сила застопорила ее намертво.

Однако надо было догонять моего спутника. Я побежал и тут нечаянно задел коленом за створку следующей двери. Удар получился ощутимым, будто я задел чугунную тумбу, но дверь даже не шевельнулась. Потирая ушибленное колено, я выскочил на улицу.

Манекены на перекрестке

Улица, по которой мы шли, была безлюдна. Мы прошли мимо идущего навстречу троллейбуса. Троллейбус, собственно говоря, не двигался. Пассажиры спокойно сидели на местах, водитель держался за рулевое колесо и смотрел вперед, штанги касались проводов, но троллейбус стоял.

А немного дальше, за троллейбусом, замер автомобиль. Шофер сидел за рулем и тоже внимательно смотрел вперед. Все это выглядело как-то странно, и мне стало не по себе. Во всех домах окна были освещены. Сияли огни реклам. У самого перекрестка мы обогнали человека... Это был первый прохожий, если только его можно так назвать, которого мы увидели на улице. Он не шел, он только делал вид, что идет. Вся фигура его выражала движение. Однако этот порыв был окаменевшим.

Перекресток буквально кишел такими прохожими. Все они куда-то спешили, оставаясь на месте. У киоска кондитерских изделий неподвижный продавец протягивал женщине пакет с печеньем, а женщина застыла, засунув руку в сумочку, собираясь достать деньги.

Позы людей были самыми неустойчивыми, противоречащими всем законам равновесия. Выраженне на лицах у всех прохожих совершенно не менялось. Один улыбались, другие хмурились, третьи что-то беззвучно говорили. При этом лица были неподвижны, как маски.

Это было похоже на мертвое царство восковых фигур, расставленных средн мастерски изготовленных декораций, изображающих перекресток большого города...

Расплата за любопытство

Удрученный страшным зрелищем, я не выдержал и заорал в микрофон:

— Послушайте! Что здесь происходит? Что случилось с этими людьми?

— Потерпите немного. Снимем скафандры — объясню подробно. Сейчас много говорить нельзя — повышенный расход воздуха. Коротко: мой генератор излучает Волну, останавливающую время. Волна от генератора распространяется со скоростью 5 километров в час. В лаборатории время остановлено в 8 часов 2 минуты. Здесь оно остановлено в 8 часов 7 минут — взгляните на часы на углу. Только мы двое существуем в движущемся времени благодаря защите скафандров. Вы видите зафиксированное мгновенье. Все, что может двигаться, изменять свое положение в пространстве, сейчас неподвижно. Даже капли дождя застыли бы в воздухе, став для нас непроходимой преградой. Мне удалось довести знаменитый «парадокс времени» до предела. Если при больших скоростях можно только замедлить ход времени, то мне удалось время остановить совсем. Вы первый свидетель этого феномена. А сейчас скорее в лабораторию!

Мы быстро зашагали обратно. Ничто не изменилось на нашем пути. И человек, застывший на месте, и стоящие на местах автомобили и троллейбус — все было в прежнем порядке. В лаборатории тоже все было по-прежнему. Ярко горел свет, лопасти вентилятора под колпаком беззвучно вращались.

Незнакомец подошел к щиту, затем к пульту, метнулся снова к щиту. Шаги его участились. Что-то случилось...

— Испортился автомат, он не сработает, а воздух у нас кончается, — услышал я его встревоженный голос. — Помогите мне залезть наверх. Надежда еще есть. Нужно добраться до излучателя...

Начался акробатический номер. Я подсадил незнакомца на прозрачный колпак, а он, обхватив выпуклую поверхность, пытался лезть выше. Ни веревками, ни лестницей воспользоваться мы не могли. Их время было остановлено, и передвигать их в пространстве было бессмысленно.

С неимоверными усилиями, распластавшись всем телом на выпуклой поверхности гладкого колпака, мой ученый хозяин сантиметр за сантиметром подползал к шпилю. До цели оставалось около метра. И тут он не удержался, скользнул вниз и с трехметровой высоты грохнулся на пол. Основной удар пришелся на шлем. И шлем треснул. Незнакомец вскочил на ноги, но тут же застыл на месте... Теперь он сам оказался вне времени. Волна, запирающая время, проникла в скафандр через трещину в шлеме.

Я подбежал к нему, чтобы как-то помочь, но передо мной стоял каменный монумент с растопыренными руками и застывшим взглядом открытых безумных глаз. Так я остался один, один среди непонятных машин и приборов... Вот она, расплата за излишнюю доверчивость!

А мое время шло, и вскоре я начал ощущать признаки нехватки воздуха. Дышать становилось все труднее и труднее. В глазах все потемнело, и я потерял сознание.

...Очнувшись, я увидел склонившегося надо мной незнакомца. Шлема на его голове не было, и мой шлем тоже валялся рядом. Я дышал полной грудью. В лаборатории стоял полумрак, горел батарейный фонарь. Часы на щите показывали 8 часов 4 минуты — они уже шли.

— Ну вот и все. Как видите, все закончилось благополучно, — сказал незнакомец.

— Кто остановил машину? — спросил я.

— Она сама остановилась. Как только Волна дошла до городской электростанции, ее агрегаты остановились. Прекратилась подача тока. Остановился и мой двигатель. Мне удалось вовремя снять с вас шлем — вы были в обмороке. Воздух в баллоне был на исходе.

Вот так я пережил обещанные «невероятные события». И незнакомец не обманул: с того момента, как мы с ним ушли из парка, прошло всего 19 минут. На моих часах, по крайней мере.

Окончание пролога

...взял блюдце с чашкой.

Но вместо того чтобы поблагодарить любезную хозяйку, я ошалело огляделся, как будто только что проснулся. Что это было? Куда девался таинственный незнакомец, куда девалась лабораторня, почему я снова снжу за столом и держу в руке чашку с чаем?

Анна Васильевна смотрела на меня с удивлением, потом вдруг что-то поняла и улыбнулась.

— Опять Митя... — пробормотала она.

В это время вошел Дмитрий Иванович. Он внимательно посмотрел на меня.

— У меня есть предложение: допивайте чай, извиннмся перед Аниой Васнльевной и пойдем в мой кабинет, — сказал он.

«Остановленное время» № 48

— Ну а теперь расскажите подробно, что с вами произошло за те полсекунды, пока вы брали из рук Анны Васильевны чашку. Только подождите, я включу магнитофон.

И я рассказал все, как было. Дмнтрнй Ивановнч выключил магнитофон, убрал катушку с лентой и, усевшись поудобнее, хнтро улыбнулся.

— Прежде всего я должен перед вамн извнниться, — сказал он, — за то, что проделал эксперимент, не спросив у вас разрешения. Но, собственно говоря, ради этого вы сюда и пришли... Эксперимент, как установлено врачебными комиссиями, совершенно безвреден. В нашей лаборатории подобных опытов проведено множество.

Не буду вам докучать подробными объясненнями, не буду вам рассказывать то, что вы наверняка знаете, — как устроен наш мозг, что такое сон и сновидения, как распространяются в нашем организме биотоки.

Обращу ваше внимание лишь на то, что сновндения, которые длятся, казалось бы, долго, на самом деле могут промелькнуть за очень короткнй промежуток времени. И несмотря на их кратковременность, многне из них мы запоминаем на всю жизнь.

Вы были усыплены на очень короткий промежуток временн — 0,496 секунды, н в ваш мозг из специального аппарата был направлен нмпульс с частотой вашнх биотоков. В этом импульсе была сконцентрированаа запись программы всего сновидення.

У нас несколько такнх программ. В основу фантастнческой программы вашего сна взята далеко не новая ндея остановки времени. Сюжет моего сценария написан по мотнвам рассказа Уэллса «Новейший ускоритель» н рассказа Бекнера «Когда остановилось время». В сценарии даны лишь опорные точки развнтия сюжета, канва, на которую, подобно вышивке, должны накладываться запасы образов, впечатлений, нужных ассоциаций, коими располагает ваш мозг на основании виденного, услышанного, прочитанного н, конечно, пережитого.

Напрнмер, в опнсанни колпака вентнлятора у вас фигурирует прозрачное, неуловнмое для глаз вещество. Это явное влияние когда-то прочитанного вами опнсаиия одной нз деталей Машины Времени Уэллса. Застывшнй омнибус из «Новейшего ускорителя» Уэллса в вашем сне превратился в неподвнжный троллейбус.

Ваш рассказ очень прост, другне на эту тему дают более красочное изложенне. У нас в фильмотеке сорок семь записей импульсного сновидення «Остановленное время». Ваша сегодняшняя запись — сорок восьмая. Все онн отличаются друг от друга, как сорок восемь этюдов, иаписанных разиыми художннкамн с одной и той же натуры.

— Скажите, Дмнтрий Иванович, — спросил я, — а если бы вашим объектом для опыта с нмпульсным сновиденнем стал человек, который нячего не читает, ничем ие интересуется. Человек совсем без воображения. Ну хотя бы один из тех, круг нитересов которых ограннчнвается выпивкой, картамн, моднымн таицами, одним словом, пошлый, ничтожный человек. Получнлось бы что-нибудь?

— Видите, мой дорогой, ведь наслажденне, которое испытываешь от произведения нскусства, — это тоже творческий процесс. И эритель, и слушатель, и читатель всегда активно участвуют в творческом процессе, в который их вовлекают художникн, музыканты, писатели. А разве такой примнтивный человек, о котором вы говорите, может наслаждаться музыкой Шопеиа, Чайковского, картннами Сезаина и Врубеля? Конечно, с такнм человеком нячего бы и ие получнлось...

Послесловие

Как-то мне встретилась книжка профессора В. В. Ефремова «Сон и сновидения». В ней был описан случай «импульсного сна», происшедшего, правда, при случайных обстоятельствах. Хотя современная наука скептически относится к подобным фактам, но я в описанном случае уловил сходство с тем, что произошло со мной. Вот отрывок из этой книги:

«Можно ли увидеть большой сон в одно мгновение, или для этого нужно много времени?

Один французский ученый, изучавший сновидения, рассказывает о следующем своем сне. Из Парижа он поехал наяву в южную Францию и проездом остановился в одном маленьком городке. Ночуя в гостинице, он лег на постель, занавешанную большим пологом, укрепленным на толстой палке, и быстро заснул. Во сне он увидел себя вдруг в Париже, во время Великой французской революции, знатным аристократом. Народ сбросил иго королевской власти и, подняв восстание, арестовал своих поработителей, предав их суду. Был схвачен и наш ученый, во сне аристократ. Его посадили в тюрьму, подвергли допросу, а затем рано утром, на рассвете, под стражей и при свете факелов повели по улицам Парижа на казнь. Народ, стоявший по сторонам улиц, криками одобрения приветствовал его осуждение. Наконец, его повели на место казни, где стоял эшафот — помост с гильотиной. Осужденного подвели к гильотине и прочитали ему приговор. Затем его поставили на колени, голову положили на плаху. Нож гильотины поднялся, упал, ударил по шее, и... спящий проснулся, разбуженный ударом сорвавшейся палки, поддерживавшей полог над кроватью.

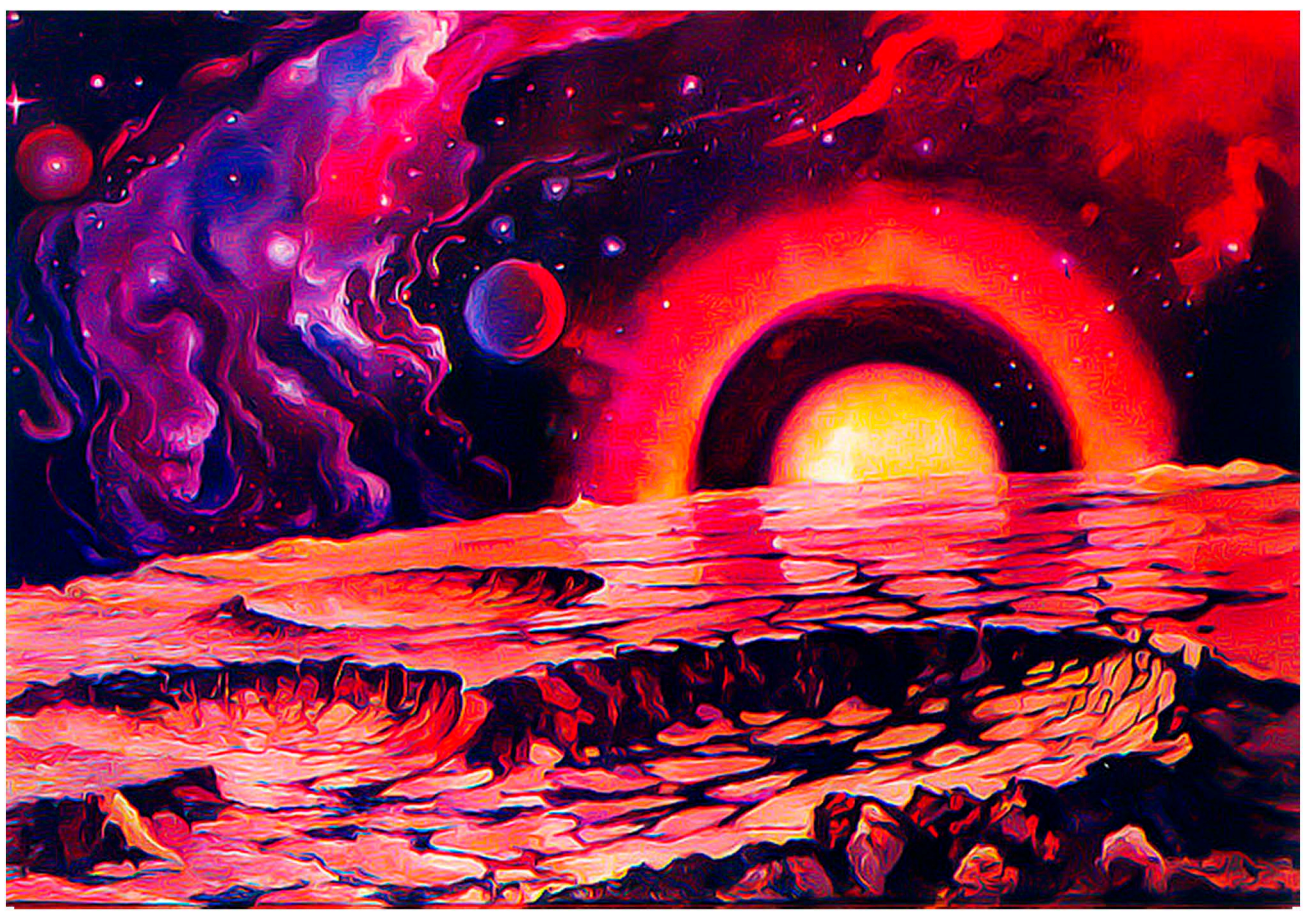
Долго ученый не мог прийти в себя и понять, что это был только страшный сон...

Спрашивается, как же произошел описанный сон? Ясно, что картина удара ножа гильотины вызвана ударом по шее сорвавшейся палки. Но неужели за то короткое мгновение, которое прошло от удара до пробуждения, мог пройти такой большой и сложный сон? Да! Сон может пронестись в мозгу с невероятной быстротой. Этим объясняется, что во сне мы можем увидеть за небольшую часть ночи всю нашу жизнь. Во сне события многих дней могут проиестись за несколько секунд».

В моем случае роль толстой палки сыграл закодированный импульс, и подобно тому, как в маленьком семени заложена программа огромного растения, так и в сообщенном мне импульсе содержалась программа большого сна.

Кто знает, может быть, импульсные сновидения откроют новый жаир искусства. С их помощью можно будет заглянуть в такие глубины науки, в которые не заглядывал ни один человек. Конечно, они не заменят ни музыку, ни книгу, ни театр, ни кино, и их техническое воплощение встанет в один ряд с граммофонной пластинкой, магнитофонной лентой, телевизором или домашним кинопроектором.

Многие фантасты писали об «искусственных сновидениях». И это неспроста. Ведь очень часто имеино фантастам выпадает честь быть первооткрывателями идей, которые сначала кажутся несбыточными, а спустя иекоторое время все-таки осуществляются.



ШЕСТИКРЫЛЫЕ ОСЫ

Научно-фантастический рассказ

ДМИТРИЙ ДЕ-СПИЛЛЕР

Рис. Юрия Макарова

Единственный спутник звезды Варуны, планета Юрас, как и остальные планеты этой стороны космоса, вершит свое годичное и суточное вращение так, что его ось всегда и почти точно нацелена на центральное светило. Смену дня и ночи здесь можно наблюдать лишь в окрестностях экватора. Про такие планеты говорят, что они «лежат на прецессии».

В эпоху освоения 134-го космического сектора к Юрасу дважды наведывались космолеты, и оба посещения оказались вполне прозаическими. В первом полете была обнаружена на затемненной части планеты огромная гладкая равнина, которую и назвали Лысиной Юраса.

Второе обследование планеты было более основательным. Двое сотрудников Института 9-й зоны — супруги Петровы — высадились вблизи освещенного полюса Юраса и изучили химический состав его атмосферы, оказавшейся смесью пяти псевдоорганических газов.

Никаких признаков жизни на Юрасе не выявилось, как и на остальных планетах 134-го сектора. Надо, однако, сказать, что ни Сергей Горохов, ни Петровы не располагали биотехноскопом, изобретенным позднее, после их полетов.

В то время, к которому относится наш рассказ, Юрас, уже давно никем не тревожимый, снова находился в соседстве с космическим кораблем. В этом маленьком двухместном корабле, на борту которого пылала надпись «Внешний-7», находились двое — Николай и Борис Щекуновы. Они пристально рассматривали Юрас в телескоп. Братья Щекуновы направлялись на знаменитый спиралеобразный астероид Хафор. На нем не так давно были обнаружены странные предметы — исчерченные волнистыми царапинами архидревние каменные кольца. Не являлись ли надписями царапины на них?

Чтобы ответить на этот вопрос, с Одиннадцатой Станции отправилась группа в составе трех специалистов. Помимо Николая и Бориса, которые были космоархеологами, в нее входил еще математик-лингвист Вадим Хадаков. Он вылетел шестью часами раньше братьев Щекуновых на одноместном субсветовике. Корабль Хадакова назывался «Связной-15».

Причиной тому, что «Внешний-7» и «Связной-15» летели порознь, была устарелость причально-стартового оборудования, которым располагала Одиннадцатая Станция. После каждого запуска субсветовика оно согласно инструкции должно было проходить шестичасовой техосмотр. Когда «Внешний-7» полетел наконец вслед за «Связным-15», корабли не могли уже наблюдать друг друга, поскольку за шесть часов «Связной-15» пролетел огромное расстояние.

Путь космолетов пролегал мимо Варуны и ее спутника. Лететь до них пришлось почти две недели. Здесь космонавтам надлежало выполнить довольно сложную коррекцию траекторий их кораблей, чтобы облететь скопление белых карликов, преграждавшее прямой путь к Хафору. Теперь «Внешний-7» находился в трехстах миллионах километров от Юраса. Коррекцию траектории «Внешнего-7» предстояло выполнить минут через семьдесят.

Николай и Борис вглядывались в телескоп. Однако поскольку Юрас был повернут к кораблю темной стороной, братья ничего не видели, кроме темного пятна, закрывающего звезды. Это обстоятельство раздражало Николая. Он перестал смотреть в телескоп и попросил брата выяснить, «когда повернется эта сковорода».

— Через 23 минуты, — сообщил Борис, свернувшись с приборами.

— А тем временем, капитан, вспомни, что надо и перекусить.

— Хорошо, хорошо, — ответил Борис, не отрывая глаз от телескопа, и вдруг вскрикнул:

— Что это? Смотри!

Николай взглянул в телескоп и обомлел. На черном диске планеты светилось серебряным светом изображение шестикрылого насекомого, похожего на осу. Оно было немного стилизованным и одновременно очень подробным. Все сегменты усиков, все жилки на крыльях были очерчены с педантичной тщательностью. Изображение было грандиозным. Должно быть, оно покрывало на Юрасе миллионы квадратных километров.

Несколько секунд Николай обозревал это чудо. Потом он бросился к приборному щитку, включил монохроматический прожектор и защелкал голографическими аппаратами.

— Ты что, и не думаешь тормозить? — крикнул он вдруг с удивлением Борису, заметив, что тот не спешит выключать двигатель.

— Я не буду менять курс, — заявил Борис.

— Но почему же?

— Потому что если мы ляжем сейчас на околоюрасианскую орбиту, то не сможем долететь до Хафора. Горючего не хватит.

— Я это знаю. Ну и что? Вернемся на Одиннадцатую Станцию, — взволнованно возражал Николай.

— Юрас теперь уже не избежит обследования, — сказал Борис. — Учти, однако, что отсюда наши слабые лазерограммы Хафор не примет, а с Одиннадцатой Станции до него лазерограмма летит месяца полтора. Значит, прежде, чем на Хафоре узнают, в чем дело, тамошняя братия решит, что мы потерпели аварию. Нам навстречу вышлют экспедицию. Нет, мы не можем так самовольничать!

Услыша эти добродетельные доводы, Николай рассвирепел.

— Ты шутишь, что ли! — закричал он во весь голос. — Да откуда ты знаешь, что сейчас на Юрасе не происходит что-то неповторимое? Где гарантия, что потом не придется кусать локти? Вдруг именно сейчас какая-то цивилизация именно нам с тобой подает сигналы!

— Смотри, оса потемнела! Она исчезает! — воскликнул Николай с отчаянием.

Борис тоже заметил, что изображение потемнело. Некоторые его детали пропали. Было ясно, что оно вот-вот исчезнет. Когда в этом уже нельзя было сомневаться, Борис решился перевести корабль на околоюрасианскую орбиту.

Через несколько минут приготовления к изменению курса корабля были окончены, а шестикрылая оса померкла. Тогда Николай и Борис послали на Одиннадцатую Станцию лазерограмму с описанием происшествия и легли в аэрольные капсулы. Эти капсулы при включении лучевых двигателей заполнялись аэролом — особой жидкостью, которую можно вдыхать. Кроме того, находясь в ней, человек способен переносить огромные перегрузки. Ложась в капсулу, Николай сказал:

— Ничего, Борис, на Хафоре обойдутся без нас. Хадаков должен через тысчонку часов прибыть на Хафор. Он живо докажет, что никакие цивилизации там и не ночевали.

Николай ошибался, думая, что Хадаков в скором времени прилетит на Хафор. Хадаков не мог «через тысчонку часов» прибыть на Хафор, потому что, корректируя траекторию «Связного-15», он непозволительно оплошал.

«Связной-15» был оснащен полуавтоматическим корректировщиком курса корабля, управляемым тремя рычажками. Рычажки эти были косвенно связаны с серводвигателями и непосредственно с пятью встроенными в телескоп маленькими белыми дисками. При коррекции траектории Хадаков направил телескоп точно на Юрас. В центре предметного стекла телескопа светящейся краской был начерчен крестик, видимый даже над дневной половиной планеты. По зрительному полю соответственно перемещению рычажков двигались светлые пятнышки.

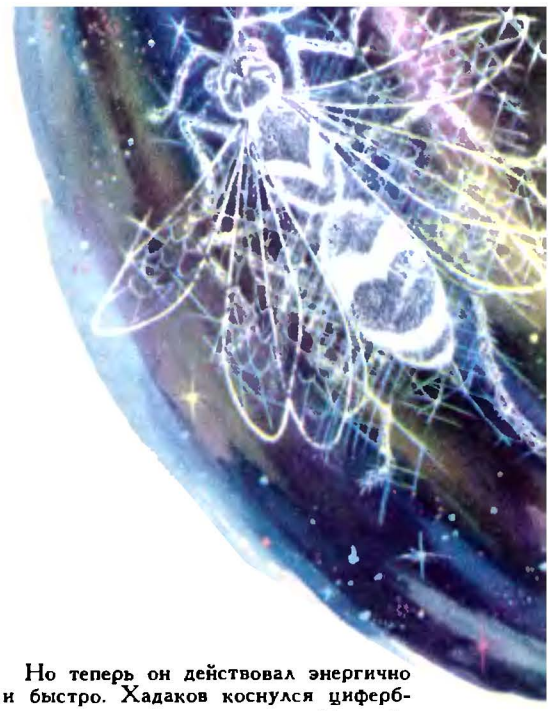
Хадаков должен был закрыть светлыми пятнышками пять определенных звезд, видимых в телескоп, затем дождаться момента, когда крестик коснется ночной половины Юраса, надавить в этот момент кнопку и перевести все рычажки в крайнее правое положение. Закрыть белыми пятнышками пять определенных звезд, видимых в телескоп, не составило большого труда. Справившись с этим делом, Хадаков стал ждать момента, когда светящийся крестик коснется темной половины Юраса. Но когда этот момент наступил, Хадаков на некоторое время просто оцепенел. Войдя в темную часть планеты, светящийся крестик вдруг превратился в очень маленькую шестикрылую осу. Эта оса была в тысячи раз меньше той, которую наблюдали вскоре затем братья Шекуновы. Однако Хадаков отличался чрезвычайно острым зрением и ясно видел, что крестик превратился в шестикрылую осу.

Как такое могло случиться? Пытаясь понять это, Хадаков заглянул под кожух телескопа, но вдруг вспомнил, что надо же закончить коррекцию траектории корабля. Он быстро передвинул рычажки вправо и заходил взад-вперед по жилому отсеку, ероша волосы и обдумывая чудо превращения крестика в шестикрылую осу.

Вдруг его размышления прервала ужасная мысль: «А нажал ли он кнопку перед тем, как передвинуть рычажки вправо?»

Хадаков бросился к телескопу. Минуты две он вглядывался в открывшуюся картину — усеянный звездами диск, середину которого занимал Юрас — узкий белый серп. В центре диска снова белел маленький крестик, а пять соответствующих звезд по-прежнему закрывались белыми кружочками. У краев диска светились изображения шкал, встроенных в телескоп приборов. Хадаков содрогнулся, когда понял смысл увиденного: он не нажал кнопки, и поэтому серводвигатели не сработали. Теперь, если не запустить безотлагательно во всю силу лучевые тормоза, то через несколько минут «Связной-15» неминуемо врежется в Юрас и превратится в пламя.

Заметим, что винить Хадакова в случившемся не следует, поскольку в решающий момент он впал в состояние, именуемое медиками «стрессовой амнезией». Такое состояние при определенных обстоятельствах может постигнуть любого.



Но теперь он действовал энергично и быстро. Хадаков коснулся циферблата часового механизма, передвинул до упора рычаг аварийного торможения и лег в аэрольную капсулу, которая тут же заполнилась аэролом.

Последующие четверть часа были мучительными, но потом, когда лучевые тормоза кончили работать, действие перегрузок прекратилось. Вдруг корабль сильно тряхнуло. Раздался грохот. В следующее мгновение наступила тишина.

Подождав, пока капсула опорожнится, Хадаков выбрался из нее. Он почувствовал недостаток воздуха. Очевидно, корабль разгерметизировался.

Хадаков надел скафандр и потушил свет, горевший в жилом отсеке. Стоя перед иллюминатором, он вглядывался в сумрак юрасианской ночи и через некоторое время увидел неясные очертания безжизненной гористой местности.

Неподалеку от корабля протекала река, дымящаяся сизым дымом. На том берегу реки чернели крутые, почти отвесные утесы, один из которых возвышался над остальными. Его вершина была освещена белесыми лучами Варуны. По зеленоватому небу плыли прозрачные облака.

Хадаков включил свет и занялся осмотром корабля. Скоро он понял, что корабль безнадежен — отремонтировать его Хадаков не мог. Невозможно было также сообщить куда-либо об аварии, поскольку от корабельных лазеров остались одни обломки. Положение было безвыходным.

Придя к такому выводу, Хадаков взял корабельный журнал и приготовился писать. Случайно его взгляд упал на стекло иллюминатора, и ему показалось, что оно как-то неестественно освещено — извне слабым светом. Он потушил лампу и вдруг вскрикнул от удивления. На утесе, задетом лучами Варуны, сверкало

оправленное чернотой ночи выпуклое светящееся изображение шестикрылой осы. Край одного из ее крыльев был погружен в светлое пятно на вершине утеса.

Минут через десять изображение поблекло и исчезло. Между тем восходящая Варуна осветила вершину еще одной скалы. Было видно простым глазом, как ее бледные лучи скользили по красноватым склонам, косматившимся при их прикосновении клоками серого тумана. Туман медленно оседал и стекал с вершины скалы в реку двумя широкими шевелящимися лентами. Наблюдая за ними, Хадаков вдруг увидел поблескивающие под завесой тумана контуры гигантского барельефа, изображающего шестикрылую осу. В следующее мгновение барельеф засветился серебряным светом.

Хадаков вскочил из-за стола и заходил взад-вперед. Неожиданно на его лице выразилась радость. Он глянул на часы и поспешил выбраться из корабля. Подойдя к дымящейся реке, он повернул направо и зашагал вдоль реки в темноту юрасианской ночи.

„Внешний-7» совершал уже девятый оборот вокруг Юраса. Николай и Борис сидели в креслах и обсуждали тот факт, что Юрас оказался девственным, как нераспечатанная колода карт.

Уже два часа безостановочно работал биотехноскоп и успел изучить около 600 миллионов квадратов, то есть почти седьмую часть поверхности Юраса. Но все обследованные квадраты были семиотически бессодержательны. От шестикрылой осы не осталось никаких следов. Братья готовы были бы поверить, что оса им пригрезилась, если бы не свидетельство фотоаппаратуры.

— Трудно допустить, что изображение осы возникло естественным путем, — говорил Николай с некоторой растерянностью. — Скорее всего оно было кем-то создано искусственно.

— Но подумай, какие же нелепые поступки придется в таком случае приписать его создателям, — возражал Борис. — Сначала они учиняют грандиозную иллюминацию, затем начисто уничтожают все ее следы, а сами где-то прячутся. Да ведь их поведение бессмысленно!

— Что ж, их обычаи могут отличаться от наших, — сказал Николай, пожимая плечами.

— Это, конечно, верно.

— Ты знаешь, я думаю, что изображение осы могло и не быть сигналом. Оно могло быть, например, идолом или игрушкой...

Одно непонятно: откуда эти чудодеи набрались энтомологических познаний? Откуда им известно, что такое насекомое? Неужели же на Юрасе живут шестикрылые осы?

— Биотехноскоп считает, что там нет жизни.

— Мистика! Послушай, а может быть, юрасиане сами являются шестикрылыми осами?

Борис не успел ничего ответить, потому что в эту минуту раздался звонок и на световом табло зажглась надпись, гласившая, что в квадрате номер 677293517 биотехноскопом зарегистрирован объект несомненно искусственного происхождения. В то же самое время на экране появилось изображение зарегистрированного объекта. Им оказался лежащий на каменистом грунте разбитый космический корабль.

— Постой! Ведь это корабль Хадакова! Это же «Связной-15»! — закричал Борис.

Это действительно был «Связной-15».

Не мешкая, братья Шекуновы повели космолет на посадку. Спустя полчаса корабль вошел в плотные слои атмосферы. Выпустив коротенькие крылья, он стал стремительно снижаться и в скором времени опустился на грунт у изгиба реки неподалеку от «Связного-15».

Был день. Варуна скрывалась за горами, но юрасианское небо заливало местность каким-то вязким белесым светом. В иллюминаторы было видно реку и красноватые утесы за рекой. Возле реки стоял изувеченный «Связной-15».

Помрачневшие от тяжелых предчувствий, Николай и Борис надели скафандры и вышли из космолета. Вскоре они были уже на «Связном-15». Братья осмотрели корабль и выяснили, что он покинут Хадаковым. Тогда они вернулись на «Внешний-7» и стали ждать Хадакова. Справедливо полагая, что Хадаков вряд ли станет переплывать реку в неплавучем скафандре, они уселись у иллюминатора напротив скалистой гряды и обозревали расселины между скалами.

Ждать Хадакова пришлось долго. Уже наступили сумерки, но братья все еще не зажигали прожекторы. Вдруг корабль качнулся, и откуда-то сзади послышался скрип. Братья обернулись и увидели, что стекла обращенных к реке иллюминаторов были погружены во что-то странное. Сквозь них виднелись какие-то лепестки, цепочки шариков и очень много искривленных белых шнуров. Николай включил прожектор, и тотчас сильным толчком «Внешний-7» наклонило вперед, он закачался, но сохранил вертикальное положение и утвердился в нем. При этом иллюминаторы очистились. Тут Николай взглянул в один из иллюминаторов и вдруг радостно замахал рукой. Из расселины между скалами вышел Хадаков, одетый в скафандр, и направился к «Внешнему-7».

В то время, когда Николай и Борис наблюдали в телескоп гигантское изображение шестикрылой осы, Хадаков подвергался смертельной опасности. Предусмотреть эту опасность (сознавая которую Хадаков все равно бы не отступил) ему помешало сильнейшее нервное напряжение. Он все время был как сам не свой, путешествуя по Юрасу. Его путешествие длилось много часов. Сначала Хадаков шел берегом дымящейся реки. Потом река повернула направо, и ему пришлось искать прохода в широкой гряде скал. Только после долгого блуждания между скалами он вышел на простор.

Теперь он находился на широкой равнине, погруженной во мглу, прорезываемую лучом маленького прожектора, укрепленного на его шлеме. Он помянутно смотрел на часы. Шел он очень быстрым шагом. Примерно через час ходьбы по равнине он заметил, что равнина всхолмилась. Теперь она слегка повышалась к северу. Справа темнел овраг, который, углубляясь и расширяясь, уходил за горизонт. Мало-помалу он превратился в огромный каньон, который вдруг круто изогнулся, будто сломался, и повернул направо.

В излучину каньона прежде, очевидно, впадала река, от которой сохранилось русло, наполненное камнями. Опасаясь оползня, Хадаков очень осторожно перешел через русло. Затем он поднялся на пригорок и увидел Лысину Юраса.

Она была похожа на беспредельное фарфоровое поле. Прожектор, укрепленный на шлеме Хадакова, бросал вдаль сноп света, отчего по фарфоровому полю скользило светлое пятно. Хадаков заметил извилистые полосы, придававшие белому покрову Лысины Юраса сходство с брюхом кита. Было очевидно, что он обладал некоторым внутренним строением.

Хадаков взглянул на часы и до боли закусил губу. Вдруг он заметил, что белый пласт, застилавший равнину, немного посветлел. Через

минуту он слабо светнлся, а еще через минуту превратился в волнующееся море серебряного огня, озарившего облака и само небо. Сделалось светло как днем. Исполинскне огненные столбы взмывали над океаном серебряного пламени.

Вдруг грунт качнулся, забнлся все сильнее и сильнее и, наконец, содрогиулся с такой снлой, что Хадакова сбросило с пригорка, и он неминуемо попал бы на поток камней, несущихся по руслу высохшей реки в глубину пропасти, если бы ему не удалось, уцепившись за уступ, выхватить нож и по самую рукоятку вонзнть его в грунт. Это остановило его падение. Собрав все силы, опнраясь на рукоять ножа и цепляясь за уступы, Хадаков вскарабкался на ровное место.

Обессиленный, он лежал близ края пропасти. Вокруг него свистел ветер и блуждали языки серебряного пламени.

Мало-помалу буйство стихий утихло. Тогда Хадаков встал на ноги и медленно побрел пешком назад вдоль каньона. Он шел и шел по однообразно-безотрадной равнине, слабо освещенной светлеющим небом, и, наконец, вышел к гряде скал. Много часов блуждал он между скалами. Когда он спустился в долину дымящейся реки, уже вечерело.

Хадаков шел около часа берегом реки и, наконец, разглядел в проходе между скалами космические корабли. Почтн тотчас он увидел вспышку света сзади, озарившую один из кораблей, который закачался после этой вспышки. Хадаков увидел, что это был «Внешний-7», и направился к нему.

Сначала братья ни о чем не спрашивали Хадакова. После объятий они усадили его за стол и, пока он ел, занимались приготовлениями к отлету.

Чтобы, взлетев, сразу же направиться точно на Одннадцатую Станцию, необходимо было изучить гравитационную обстановку в околоюрасиаиском пространстве. С целью ее изучения братья запустили маленькнй спутник, связаиный с корабельным компьютером. «Виешний-7» не мог стартовать раньше, чем спутник закончит облет Юраса, а на это требовалось минут пятьдесят.

Когда Хадаков утолил голод, между космонавтами завязался разговор.

— Скажи, Вадим, куда и зачем ты ходил? — спросил Борис.

— Я ходил подавать вам сигнал.

— Как? Неужелн ты хочешь сказать, что сам сделал осу?

— Нет, но я ее поджег. Для этого был нужен просто яркий луч света. Она зажглась, когда на нее упал свет.

— Но как ты узнал, что оса подожжется?

— Я видел двух ос здесь на утесах. Они вспыхнули именно тогда, когда их коснулнсь лучн Варуны. Потом они исчезли. Очевидно, они состоят из летучего вещества, в котором свет возбуждает какую-то реакцию...

— Прости, а что случилось на «Связном-15»? — перебил Николай.

— Корректируя траекторию корабля, я вдруг увидел осу, растерялся и забыл нажать кнопку фиксацнн режнмов серводвнгателей. Потом я затормозил корабль и сел на Юрас еднистенно затем, чтобы не врезаться в него.

— А что представляют собой осы? Ты знаешь это? — спросил Борис.

— По-моему, они являются простонапросто накаменными морозным узорами, — отвечал Хадаков, — но в отлнчие от обычных морозных узоров они состоят не из воды, а из крнсталлов какого-то другого вещества. Они отлагаются ночью и уничтожаются днем лучами Варуны. Увндев их, — продолжал Хадаков, — я подумал, что на ночной половине планеты ничто ие мешает им достигать огромных размеров. И тут я вспомнил о Лысне Юраса. Мне пришло на ум, что она является идеальным гнездилищем для шестикрылых ос. На этом огромном, никогда не освещаемом Варуной пространстве за миллионы лет должны былн вырасти исполнскне осы.

— Вас понял, — сказал Борис. — Значит, ты решнл добраться до какой-нибудь из них и поджечь ее, чтобы мы с Николаем заинтересовалнсь осой, изучили Юрас биотехноскопом и нашли тебя. Это понятно. Но скажи, если знаешь, что за прнключенне произошло с нашим кораблем за мнну ту до твоего появления? — спросил Борис и разъяснил коротко суть происшествня.

— Я думаю, — сказал Хадаков, — что на ваш корабль, как нзморозь на оконное стекло, осаждался иней, из которого формировалась шестикрылая оса. Через иллюминатор вы видели части ее брюха. Когда вы включили прожекторы, оса зажглась н быстро испарилась, а образовавшиеся газы с силой толкиули корабль, и он закачался. (Чтобы не вводить читателя в заблуждение, мы должны сказать, что предположение Хадакова было ошибочным.)

— Но еслн такая маленькая оса, как та, которая выросла на нашем корабле, послужнла причиной порядочного толчка, то какой же силы взрыв произошел, когда ты поджег свою огромиую осу! — сказал Николай. — Ты был на волоске от смерти.

— Когда я поджег осу, грунт заходил ходуном, н я чуть не свалился в пропасть. Я едва мог удержаться на краю ее. Не пойму, как я упустил из виду, что, когда такая махнна испарится, юрасианская кора заколеблется. Иначе и быть не могло! Она весила добрый миллнард тонн!

— Да уж не меньше, — сказал Николай.

Он встал с кресла и вдруг заговорил громко и взволнованию:

— Но ведь это невозможно! Это же совершенно немыслимо, чтобы иа краю света, в нескольких парсеках от Земли узоры из инея почему-то повторялн очертания земного животного — осы! Это невероятно!

— Это не так уж невероятно, — возразнл Хадаков. — Ты видел, например, что морозные узоры на стекле бывают точь-в-точь похожи на листья папоротника. А это значит, что в самых отдаленных глубинах вселенной ты увидишь лнстья земного папоротника, еслн там есть вода, гладкая поверхность н мороз.

Недавно открыли так называемые башаринские группы. Это инварианты квазипроектнвных преобразований, характеризующие форму предмета. Оказалось, что то общее, что имеют, например, фигуры всех анстов, или всех кошек, или всех кувшинов, определяется наборами башаринских групп. Когда мы решаем, что вот это — герань, это — груша, а это, скажем, овца, то наш глаз схватывает прежде всего именно башаринские группы.

Есть ветвь математикн, исследующая рост. Раньше я ею занимался. Она ставит своей задачей ответить на следующий вопрос: как получается, что многне животные, растения, кристаллы и скоплення кристаллов при росте, увеличиваясь в размерах, сохраняют, однако, свою характерную форму, то есть присущне им наборы башаринскнх групп?

В основе этого довольно удивительного факта лежат определенные математнческие механнзмы. Они очень плодовиты, ио не всемогущи, то есть онн могут создать лишь ко-

нечное число различных форм. Это число огромно. Подсчитано недавно, что все многообразие древних и современных форм земных животных и растений составляет лишь четверть процента от этого числа. Однако четверть процента — это все же вполне ощутимая величина. Значит, есть реальные шансы в самых неожиданных обстоятельствах в отдаленнейших уголках вселенной находить земные формы.

— Неужели существует лишь конечное число возможных обликов живых существ? — спросил Борис.

— Этого математика не утверждает, — ответил Хадаков. — Утверждается лишь, что ограниченно число облнков тех структур, которые во время роста сохраняют свой характерный внешний вид.

— Все-таки странно, что живые и неживые объекты могут быть так похожи, — сказал Николай.

— Формами тех и других, — отвечал Хадаков, — управляют одни и те же математические механизмы. А они универсальны. Для них безразлично, какие именно предметы растут. Растут же не только живые организмы. Растут и кристаллы, и сталактиты, и т. п. Недавно открыли, что могут расти и астероиды за счет реликтового излучения. Так что не исключено, — сказал Хадаков, улыбаясь, — что вскоре откроют скопление растущих астероидов, имеющих вид исполинских летучих мышей. Может вдруг обнаружиться, что масконы в недрах Луны точь-в-точь похожи на динозавров или трилобитов или что на Юрасе есть пещера, со сводов которой свисают сталактиты, как две капли воды похожие на змей...

— Подожди, ведь эволюция на Земле выработала формы, приспособленные к внешним условиям. Чем ты объяснишь, что абстрактные математические законы разрешают животным и растениям иметь именно те формы, которые соответствуют целям выживания? — спросил Борис.

— Во-первых, тем, что механизмы роста достаточно плодовиты, во-вторых, тем, что башарнинские группы не сковывают форму намертво; внутри положенных ими пределов легко находятся формы, отвечающие целям выживания. Впрочем, иногда мы преувеличиваем роль целей выживания. Так, например, в подходящих растворах крупицы некоторых веществ обрастают скоплениями кристаллов, удивительно похожих на водоросли. Ясно, что их сходство с водорослями ничего общего не имеет с целями выживания. Значит, и формы самих водорослей отнюдь не определяются лишь этими целями.

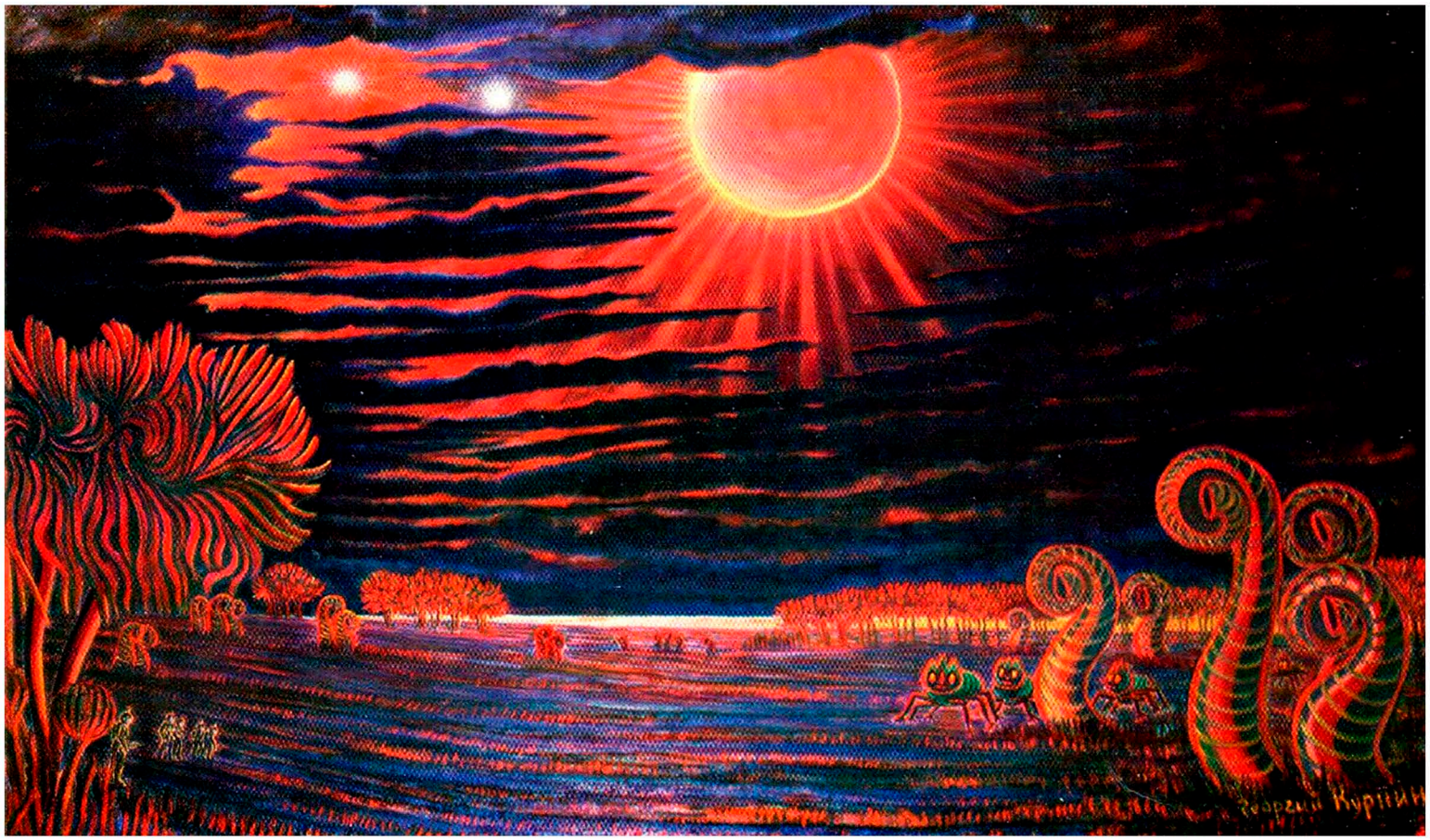
— У меня есть еще один вопрос, — сказал Борис. — Осу, увиденную мною и Николаем, поджег ты, вмешавшись в естественный порядок вещей на Юрасе. Но оса, которую ты сам увидел из космоса, зажглась от лучей Варуны. Чем ты объяснишь, что ни Петровы, ни Горохов не видели ничего подобного?

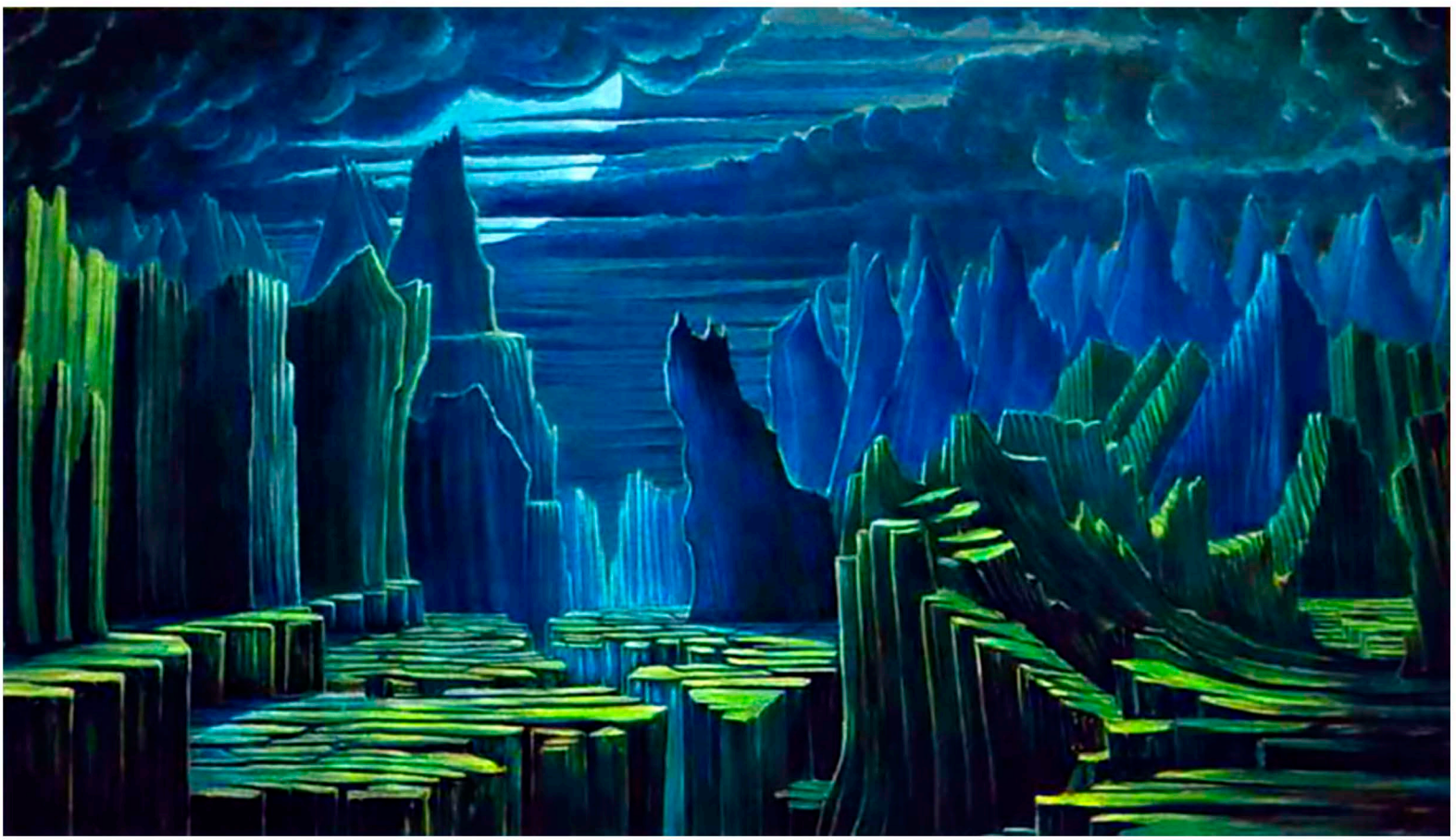
— Я думаю, — отвечал Хадаков, — что мне случилось увидеть очень редкое явление. Гибель от лучей Варуны такой огромной осы, что сквозь атмосферу ее видно из космоса, случается не каждый год. Ведь эта оса могла уже миллион раз погибнуть, прежде чем она доросла до таких больших размеров. Теоретически щуки могут достигать веса в 30 кг, но многие ли могут похвастаться тем, что им удалось выудить тридцатикилограммовую щуку? — С этими словами Хадаков посмотрел на часы. — Через три минуты стартуем, — объявил он и направился к аэрольной капсуле.

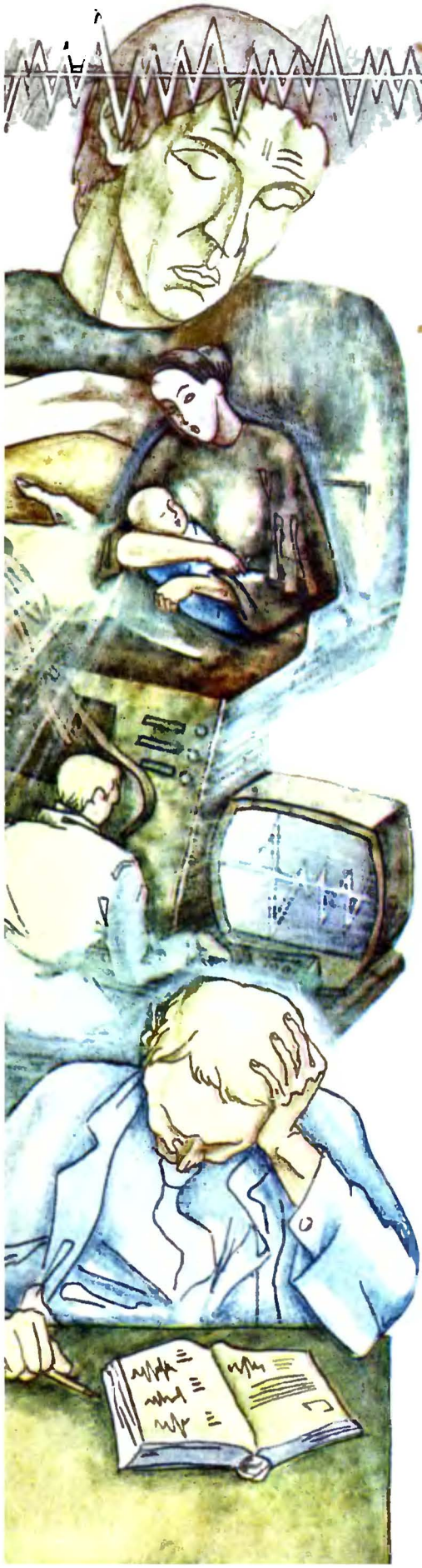
Ровно через три минуты «Внешний-7» взлетел. Он точно лег на трассу, вычисленную компьютером. Через три недели, всего лишь однажды прибегнув к коррекции траектории полета, космонавты достигли Одиннадцатой Станции.

Между тем на Юрасе, в покинутой космонавтами долине, дни сменяются ночами, и с наступлением вечерних сумерек из дымящейся реки на прибрежные скалы выползают белоснежные шестикрылые осы. (Оса, уничтоженная прожекторами «Внешнего-7», тоже выползла из дымящейся реки и наползла на «Внешний-7», а не образовалась из выпавшего из него инея, как думал Хадаков.) Шестикрылые осы обладают лишь самыми примитивными рефлексами. Днем они скрываются от губительных лучей Варуны в темной влаге, струящейся в реке. Ночью они взбираются на утесы и впитывают их тепло. Они не могут перемещать свои члены. Их движение вверх и вниз по утесам порождается выпадением из атмосферы на их тела новых частичек инея и сублимацией старых. Они как бы непрерывно перекристаллизовываются в процессе движения. Иногда случается, что какая-нибудь оса чересчур вырастает, и тогда она цепенеет. Слишком большие осы утрачивают способность двигаться, но не способность к росту. Они стремительно растут до тех пор, пока их не уничтожают лучи Варуны.

Время от времени на скалах появляются новые осы. Они не рождаются от себе подобных. Они образуются на скалах из сконденсировавшихся паров сложного летучего вещества, входящего в атмосферу планеты. Новые осы чаще всего сгорают в лучах Варуны, но иногда им удается еще ночью забраться в реку, и тогда они включаются в странное подобие жизни, утвердившееся на Юрасе.







Ритм жизни

ИГОРЬ РОСОХОВАТСКИЙ (г. Киев)

Рис. Владимира Кузьмина

Острие самописца вывело на ленте пик — и голова Андрея откинулась вправо. Пик — спад, пик — спад: голова моталась вправо-влево. Мутные капли пота дрожали на его лбу, глаза были закрыты сине-желтыми веками. Все мне казалось сейчас нереальным: и вта голова, и светящиеся индикаторы модулятора, и змеи магнитных лент, и сам я у постели умирающего Андрея.

— Шестая программа, — я отдал команду компьютеру, управляющему модулятором.

Послышался щелчок, шевельнулся наборный диск...

— Мать, а мать, — внятно позвал Андрей, — спой мне песню. Ты знаешь какую!

Манипулируя кольцом, я пытался нащупать поправку в модуляции.

А он продолжал:

— Спой, мать...

Я снова потянул к себе микрофон:

— Тринадцатая!

Щелчок — и гудение модулятора изменилось, в нем появились высокие тона.

Глаза Андрея открылись. Сначала они были тусклыми, потом в них появился блеск, и они остановились на мне.

— Устал? — спросил он.

Если б на его месте был кто-нибудь другой, я бы удивился.

— А результаты близки к нулевым?

Пожалуй, надо что-то сказать. Но где найти нужные слова...

— Введи в медицине обозначение — «бесперспективный больной». На карточке гриф — «БП». Чтобы врачи знали, кого бояться...

Сейчас он начнет доказывать эту мысль. Четырнадцать лет он был моим командиром. Однажды мы три часа провели в ледяной воде, и все это время он развивал гипотезу, что именно здесь начинается теплое течение, пока нас не обнаружили с вертолета.

— Не болтай, вредно, — сказал я как можно тверже.

— Не злись. Сколько программ ты перепробовал?

— Семнадцать.

Семнадцать характеристик электромагнитного поля, в котором, будто в ловушке, я пытался удержать жизнь в его угасающем, с перебитым позвоночником теле. Это было последнее, что я мог применить: химия и механика оказались бессильными.

— А не хватит ли? Может, перестанешь меня мучить и переведешь в отделение Астахова?

Его глаза с любопытством смотрят на меня, изучают... Неужели он разуверился во мне и в моем модуляторе? Конечно, модулятор не всемогущ... Но ведь отделение Астахова — это спокойная, тихая смерть...

Мы всегда называли его командиром. Как только кто-то произносил это слово, все знали: речь идет не о командующем базой, не о командире вездехода, а именно об Андрее.

— Так не хочешь? — поинтересовался он.

— Ты же знаешь, что модулятор может излечить любого, — проговорил я. — Нужно только найти характеристику модуляции организма.

— Одну-единственную? — заговорщицки подмигнул он. — А среди скольких?

Я понял, что попал в ловушку. В медкарте Андрея была его электрограмма. Я мог вычислить по ней серию и тип модуляции: мощность поля и примерную частоту импульсов. Но я не знал главного — номера модуляции, а он определял, как расположить импульсы во времени. То есть я не знал ритма. И компьютер, мозг модулятора, пока не сумел определить искомой комбинации...

— Раньше или позже мы ее найдем, — пробормотал я.

— А сколько у нас времени?

Я взглянул на часы: Андрей отдыхал десять минут, можно сменить программу.

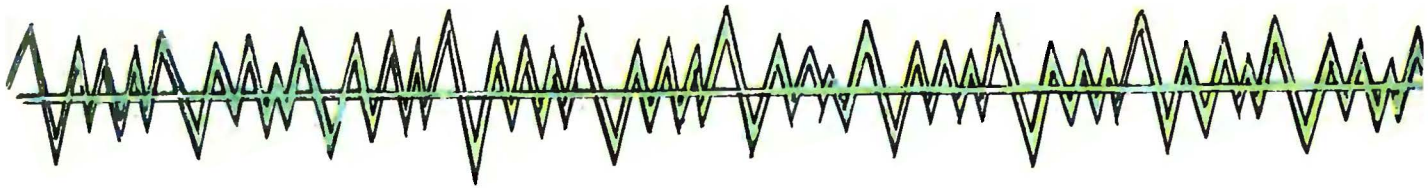
Он заметил, как дрогнула чашечка микрофона, и спросил:

— А что я болтаю в бреду?

Я заглянул в его глаза. Нет, в них не было страха. В них не было ничего, кроме любопытства.

— Ты звал мать. Просил, чтобы она спела песню.

— Вот как... Песню... А знаешь, какую?



Он попробовал запеть, но в горле заклокотало, и мелодии не получилось.

— Не напрягайся, — попросил я, положив ему руки на плечи.

Его мышцы послушно расслабились. Да, пожалуй, ему не протянуть и суток. Неожиданно в его взгляде сочувствие сменилось жалостью. Несомненно, он видел мою растерянность.

— Погоди, дай сообразить, вспомнить... Значит, тебе нужен номер модуляции и характеристика ритма...

Беспомощный, умирающий человек стал вдруг опять похож на командира, водившего нас на штурм бездны Аль-Тобо.

— Ты когда передал сообщение моей матери?

— Позавчера.

— Выходит, она прибудет с минуты на минуту. Ну так ты впустишь ее сюда. И она споет мне.

Я не находил слов. Что можно было ответить на его безумную просьбу?

— И вот еще что. Пусть модулятор себе работает на здоровье. Она не помешает ни ему, ни тебе.

Он говорил тем же тоном, каким отдавал нам когда-то команды. Он никогда не повышал голоса и не жаловал повелительное наклонение. Конечно, он на многое имел право, потому что рисковал чаще других, оставляя для себя самое трудное. Пусть Павел был смелее его, Илья — остроумней, Саша — эрудированней. Но все беспрекословно слушались только его. В наше время не могло быть и речи об армейской дисциплине прошлых столетий. Командиры не назначались, а выбирались. Но если б нам пришлось тысячу раз выбирать, мы б остановились только на нем.

Я включил четвертую программу — подготовительную. Вышел в коридор. Остановил медсестру и, проклиная себя за слабость, сказал:

— Разыщите в приемной Веру Степановну Городецкую.

Продолжая честить себя, я вернулся в палату. Почему я выполнил более чем странную просьбу Андрея? Жалость к умирающему? Нет: сработала привычка выполнять все распоряжения командира.

Дверь приоткрылась, заглянула сестра:

— Городецкая здесь.

— Пусть войдет, — сказал я.

Обычная пожилая женщина с измученным лицом. Круглые, испуганные глаза. Под ними отечные мешки. Даже не верилось, что она мать нашего командира.

— С ним очень плохо?

Голос ее дрожит.

— Вы не ответили мне, доктор.

Я выразительно посмотрел на нее и заметил, как в отчаянии изогнулись ее губы.

— Что можно сделать, доктор?

Да, это ее слова: в комнате, кроме нас и Андрея, никого. Выходит, первое впечатление обмануло меня. Не случайно он был ее сыном.

— Андрей просил... — я запнулся, — чтобы вы спели песню. Вы знаете, какую...

— Ладно, спою, — она даже не удивилась. — Сейчас?

— Сейчас, — выдавил я, протягивая ей стакан с тоником.

Она отрицательно покачала головой и тихо, будто колыбельную, запела:

Наверх вы, товарищи, все
по местам —
Последний парад наступает...

У нее был приятный голос. Наверное, действовала необычность обстановки, и песня воспринималась острее, особенно слова: «Пощады никто не жела-а-ет».

Я искоса взглянул на Андрея. Его лицо оставалось таким же сине-бледным, как и прежде, с невидящими, полураскрытыми глазами. Ну а чего же я ожидал? Чуда?

Я рывком придвинул микрофон и скомандовал:

— Меняю программу...

Я уже хотел было добавить «на седьмую», но подумал: а что, если сразу перескочить на одиннадцатую?.. Но не слишком ли резкий переход? Зато потом можно перейти на двенадцатую, и это пройдет для него безболезненно...

— Еще петь?

Совсем забыл и о ней, и о песне.

Я хотел извиниться перед женщиной, но не успел этого сделать, потому что посмотрел на Андрея. Его губы слегка порозовели. А может быть, мне это почудилось?

— Ему немного лучше, — сказала женщина.

И она заметила? Случайное улучшение? На несколько минут? Совпадение по времени с песней?

Я снова посмотрел на Андрея. Пальцы уже не были такими белыми, ногти будто оттаивали от синевы. Опять совпадение? А не слишком ли их много?

Но в таком случае... В таком случае выходит, что... Но ведь каждый здравомыслящий человек знает, что этого не может быть.

«Постой, — сказал бы Андрей, командир, — а кого мы называем здравомыслящими? Да, ты правильно меня понял. По этой-то причине именно безумные идеи и оказываются верными».

«Чепуха! — говорю я себе. — Так и в самом деле недолго свихнуться. Главное — факты. Факты...»

Но или факты тоже безумны, или у меня что-то неладно с глазами. Андрею явно становится лучше, и дышит он все ровнее.

Пусть врут глаза. А приборы?

Я прилип взглядом к контрольной доске. Показатели пульса наполнения, насыщения кислородом, азотом, иннервации отдельных участков менялись. Менялись — и все тут.

Песня? Древняя героическая народная песня?

Я вспомнил еще об одном безмолвном участнике происходящего. На объективность его можно полностью положиться. Компьютер — мозг модулятора. И сказал в микрофон:

— Нуждаюсь в совете. Оцени состояние больного и действенность программы. Какая из них сейчас предпочтительнее?

Засветился экран, на нем появились слова и цифры: «Состояние больного по шкале Войтовского — 11×9×4. Искомая модуляция найдена».

Меня била нервная лихорадка. Что же это такое? Что его спасло? Песня? Голос матери? Ее присутствие? Конечно, каждому приятно верить, что его могут спасти ласка матери, песня детства, руки любимой, бинтующие рану. Вера иногда помогает исцелению. Но не в такой же мере.

И я не сказочник, а ученый. Я не имею права верить. Чем приятнее сказка, тем больше должен я ее опасаться. Я должен ЗНАТЬ, что происходит.

Только что произошли весьма определенные явления. Они кажутся мне сверхъестественными, загадочными. Кажутся. Мне. Однако они подтверждаются объективно: показаниями датчиков и компьютера, режимом работы модулятора. Значит, происходят на самом деле. Просто их надо объяснить. Найти их причину. И она должна быть реальной, поддающейся математическому описанию.

Итак, была просьба. Была песня. Песня: музыка и слова. Звуковые

Клуб Любителей Фантастики

волны. В определенном ритме. В определенном ритме...

А что ты искал? Чего не хватало для определения модуляции? Данных мощности поля? Частоты импульсов? Да нет же! Расположения их между паузами! Тебе не хватало ритма — и ты его получил. Может быть, ты забыл тривиальную истину? Ритм — основа всех процессов организованной системы. Основа жизни в любом ее проявлении. Любая болезнь — нарушение ритма. Восстановление его — выздоровление.

Перейдем к человеку, к народу, частью которого он состоит, к миру, создавшему его. В этом мире наивысшее средоточие ритмов, их отчеканенная устойчивость, их плавные переходы — музыка. А человека музыка сопровождает с детства. Есть любимая музыка. Что это такое? В определенном смысле — ритмы, наиболее соотносящиеся с ритмами организма. Нервная настройка усиливает или ослабляет их...

Стоп! Я делаю непростительную ошибку. Музыка сама по себе не оказала бы такого влияния на больного. Я искал ритмы для задания модулятору. Они могли ТАК воздействовать на больного только через команду компьютеру, управляющему модулятором... Но команды исходили от меня...

Стараюсь с мельчайшими подробностями вспомнить все, что происходило в течение последнего часа. Песня... Я сказал: «меняю программу», а затем... Затем стал размышлять, вычислять. А песня звучала. И ищущий модуляции компьютер подчинился моим словам о смене программы. Возможно, он начал анализировать ритм песни, восприняв ее как программу. И если он ввел его в модулятор?..

Я спросил в микрофон:

— Недостающий компонент искомой модуляции был в песне?

«Да, — загорелось на экране. — Вот его формула».

Я тяжело встал со стула, пошатнулся...

Эх, командир, спросить бы тебя сейчас же, немедленно.

Конечно, ты необычный человек. Твои знания огромны, а искусство находить необычные выводы поразительно. Я ничего не выпытывал у тебя на планете Сигон, когда ты вывел нас из пекла. Я помню, как ты шутил после того, как мы выбрались живыми из Глотающего моря на Венере. Но сейчас, больной, умирающий, неужели ты мог предвидеть все это? Искать вместе со мной выход, когда я мучился в поисках решения? И ты вспомнил о любимой песне? Подумал, почему она была такой любимой? Выдвинул гипотезу и с моей помощью проверил ее? И это ты сумел? Ты не просил пощады даже у смерти, и поэтому ты победил ее, командир.

Г.Покровский «Астероид - праща»

Н. Недбайло «Спуск базовой станции»

«Укротившие пламя»

«СЕРАЯ КОМПАНИЯ»

ГЕННАДИЙ МАКСИМОВИЧ

Рис. Игоря Шалито и Галины Бойко

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Это было уже седьмое убийство за последние две недели. Инспектор Пьер Тексье сбился с ног, но не мог ответить на вопрос, непрестанно задаваемый шефом: что это — религиозный фанатизм, психическая ненормальность, попытки ограбления... или? А вот что — или? На это ответить было сложнее всего.

Семь жертв. Семь людей, незнакомых друг с другом, разного достатка и социального положения. Банкир, двое рабочих (один — строитель, другой — механик), клерк, врач, безработный, а теперь вот журналист... С ним покончили прямо в редакции. Из них четверо — рабочие, врач и журналист — придерживались левых взглядов. Клерку и безработному было не до политики. Ну а более правого, чем банкир Фрюшо, найти было трудно...

Не будь у убитых общей метки — лица, рассеченного острым лезвием от подбородка до лба, — кто б подумал, что совершены они одним и тем же преступником. Слишком неоднороден был список жертв. Но нащупать ниточку Тексье так и не мог.

Разве что журналист, убитый позавчера вечером, мог дать какую-то зацепку. Но он-то и вывел из равновесия комиссара Брюо. Уже через несколько минут после прибытия на место убийства Тексье и экспертов в редакцию, забыв о политических разногласиях, хлынула журналистская братия. В левую газету заявились даже те, кто раньше туда ни за что не зашел бы. И теперь все органы печати вопят, что в городе объявилась неведомая банда, а слуги закона бездействуют. А это не могло обрадовать шефа.

Итак: Поль Версен, репортер, пришел в редакцию в восемь вечера. Сказал, что поработает часа три, и, пройдя к себе, сел за машинку. Около двенадцати кто-то зашел к нему в кабинет. Поль сидел, уткнувшись лицом в стол, и, казалось, спал. Только приглядевшись повнимательнее, можно было заметить небольшую рваную точку на синей рубашке — как раз под левой лопаткой. Тело перенесли на диван. И увидели рассеченное лицо.

Инспектор заинтересовался тем, что печатал на машинке этот Версен. В машинку был вставлен чистый лист. Но под столом Пьер нашел скомканную страницу. Заголовок гласил: «Куда пропал профессор Ларе?» А начинался материал так: «Когда разглядываешь эту виллу, расположенную недалеко от шоссе, и в голову не придет, что здесь обитает существо, возомнившее себя властителем мира. Ухоженные аллеи, кусты роз, гравий на дорожках. Все говорит о том, что здесь живет человек состоятельный, который увлекается своим садом гораздо больше, чем всем, что находится по ту сторону каменного забора, окружающего двухэтажный дом. Но это не так. В темных подвалах виллы появляются супермены, монстры, способные по приказу своего господина сделать все. А сам он...» На этом текст оборвался.

Тексье побеседовал с работниками газеты, разыскал нескольких друзей Версена, но никто не сказал чего-либо определенного. Журналист был человеком весьма скрытным. Лишь один из его товарищей припомнил, как недавно Поль обмолвился, что, видимо, докопается до того, над чем ломает голову полиция, ибо напал на гнездо фашистов там, где его никто и не ожидает.

Интуиция подсказывала Пьеру, что Версен имел в виду именно те шесть убийств, над которыми он сам ломал голову.

Просматривая записные книжки Версена, Пьер думал о том, что у журналиста была хорошая память и полагался он на нее больше, чем на бумагу. В записях были только отрывочные сведения о забастовке на машиностроительном заводе. Несколько фактов и пять фамилий. Статья же, как увидел инспектор, специально просмотрев газету месячной давности, занимала полполосы. Следующая пометка касалась взрыва на химическом предприятии. И опять всего пара строк да имена пострадавших. Подобных набросков в блокнотах было немало...

Пьер Тексье считал себя человеком нейтральным. Он часто любил повторять, что его больше интересуют сами преступления, чем социальная среда, в которой они произошли. Но он больше рисовался, чем говорил правду, так как прекрасно понимал, что никакое убийство не случается само собой. И если оно произошло, то, значит, были и другие причины, кроме тех, минутных, вызвавших его. И по складу своего характера Пьер просто не мог не изучать основные причины, которые породили не столько само убийство, сколько человека, пошедшего на него. Но Тексье прекрасно знал, что начальство, мягко говоря, не очень-то приветствует такие размышления, и старался скрывать их.

Листая записи, Тексье начинал понимать круг интересов Версена и его друзей. Эти люди ясно видели социальную несправедливость и боролись с ней всеми доступными средствами. Взять хотя бы самого Версена. Факты, которые он записывал, а потом обобщал и выносил на страницы газеты, говорили сами за себя. И хотя прежде Пьер никогда не читал этой газеты, он проникся симпатией к Версену, которого постигла столь печальная участь.

Инспектор перевернул очередной листок и увидел подчеркнутую строку: «Этьен Ларе. Новоявленный фюрер».

«Опять Ларе, — подумал Пьер. — Ему был посвящен незаконченный репортаж. Кто это такой? Пока я знаю только то, что он «новоявленный фюрер». А не он ли возомнил себя властителем мира? И есть ли у него вилла, где в подвалах появляются «супермены» и «монстры»? Виллу окружает парк с ухоженными аллеями, покрытыми гравием. Кусты роз... Немного. Вилл таких за городом полным-полно. Хотя почему за городом? Ребята в газете сказали, что в день убийства его видели сначала в пять, а потом в восемь. Итого — три часа. А три разделить на два (путь туда и обратно) — полтора. Не так уж далеко. К тому же и там он провел какое-то время... Однако пора отправляться в картотеку».

Через полчаса Тексье знал, что Этьен Ларе действительно существует или существовал. Сведения о нем были пятилетней давности. Если он жив, ему сейчас семьдесят один год. Математик. Потом занялся кибернетикой. Приличный ученый. Пять лет назад получил небольшое наследство и бросил науку. Местожительство неизвестно...

Пожалуй, Версен был где-то вблизи от города, не дальше тридцати километров. Но вилл в этом радиусе хватает. Правда, пятый, восьмой да и девятый районы можно отбросить. Там дома бедные, двухэтажную виллу вряд ли найдешь. В первом же и шестом, наоборот, живут одни богачи. Ларе с его небольшим наследством делать там было бы совершенно нечего. Остается еще пять районов. Три из них тоже можно отбросить: они расположены далеко, и если б Версен гонял туда, он бы не успел обернуться так скоро. Это уже кое-что.

Целых два дня инспектор Пьер Тексье и его добровольные помощники — друзья Поля Версена — разъезжали по второму и седьмому загородным районам в поисках неведомой виллы. На третий день инспектору позвонил один из друзей Версена и сказал, что в седьмом квартале, метрах в ста от шоссе, он вроде бы обнаружил подходящую виллу. Правда, хозяина зовут не Ларе, а Маркузье.

Инспектор тут же выехал по указанному адресу. Как только он вылез из машины, так сразу же увидел, что к воротам идет здоровенный детина с суровым скуластым лицом.

— Тебе чего здесь? — хрипло спросил верзила, вплотную подойдя к толстым прутьям ворот.

С ответом Пьер не спешил. Все как будто совпадало. Вилла двухэтажная, аллеи посыпаны гравием, а перед самым домом росли кусты великолепных роз.

— Ну? — злобно прикрикнул парень.

— Я бы хотел переговорить с хозяином, — ответил Пьер.

— Его нет. А что надо?

— Да понимаете ли, мне говорили, что у вашего хозяина можно

Клуб Любителей Фантастики

приобрести необыкновенно редкие сорта роз.

— Ничего он не продаст. Так что проваливай, и побыстрей.

Пьер еще раз взглянул на виллу и, ничего не ответив, пошел к машине.

Тексье спиной чувствовал взгляд парня. Вот он скользнул по затылку, спустился по шее и остановился где-то чуть ниже левой лопатки. Тексье почти ощутил, как в его сердце впивается сталь. И от этого озноб стал еще сильнее. Пьер еле сдержал себя, чтобы не побежать к машине. И, только выехав на шоссе, он притормозил, не выключая двигателя, и закурил.

Неожиданно Тексье поймал себя на мысли, что он только что видел убийцу Версена, а может быть, и всех остальных... Однако, пока инспектор никак не мог связать в одну нить семь зверских убийств, виллу и ушедшего на покой математика, хотя что-то и подсказывало ему, что такая связь существует.

Как бы то ни было, но Пьер решил приехать на виллу ночью.

Когда инспектор подъехал к знакомому повороту с шоссе, было уже десять. Пьер поставил машину на обочине и пошел к вилле. Огибая каменную ограду высотой метра в три, Пьер увидел растущее рядом с ней высокое дерево. Взобравшись по нему до верхней кромки ограды, Тексье через мгновение был уже в парке.

Кругом стояла тишина. Казалось, вилла вымерла, только слабо мерцающее окно на втором этаже свидетельствовало о том, что в здании кто-то есть. Выходило оно на террасу, с которой спускалась в сад лестница.

Пьер поднялся по ней и заглянул в окно. Оказалось, что это не второй этаж, а антресоль большого зала.

Открыв окно, инспектор перебрался через подоконник, подкрался к перилам антресоли. Внизу, у противоположной стены, в кресле возле камина, сидел человек и курил сигару.

Справа от него на небольшом столике стоял старинный канделябр со свечами.

Пьер пристальнее вгляделся в профиль курившего: орлиный нос, густые седые волосы, жесткий, угловатый подбородок.

Вдруг дверь в зал распахнулась, и на пороге показались трое здоровых парней.

Один из них, видимо старший, произнес:

— Все выполнено, как вы и приказали, хозяин.

— Ну и?.. — спросил сидевший глухим грудным голосом.

— Прикончили всех четверых. Семейка пробовала сопротивляться. Восьмилетний гаденыш даже вцепился мне в руку, но теперь и отец, и мать, и детишки уже успокоились.

— Вы их пометили?

— Конечно.

— Ладно, вскоре займетесь следующими. А пока...

За спиной инспектора раздался истошный крик:

— Хозяин, здесь чужой!

Не успел Тексье обернуться, как сильный удар по голове бросил его на пол...

Очнувшись, он увидел себя сидящим в кресле напротив хозяина виллы. Еле повернув раскалывающуюся от боли голову, Пьер увидел за своей спиной четырех парней. Трое — те, что несколько минут назад вошли в зал, четвертый же был тот, которого Пьер видел днем у ворот виллы. Должно быть, этот детина и врезал ему там, наверху.

— Мы проверили ваши карманы, инспектор, — улыбнулся хозяин, заметив, что Тексье потянулся было за пистолетом. — Вы уж извините моих мальчиков, они не очень-то ласково обошлись с вами. Но в таких случаях не до вежливости. Примите эту таблетку. Голова через минуту пройдет. — И, увидев, что Пьер медлит, с улыбкой добавил: — Эх, молодой человек, если б я хотел от вас избавиться, то мог бы это сделать и несколько минут назад, когда вы были без сознания.

Тексье молча проглотил таблетку.

— Можете идти, — сказал хозяин виллы, обращаясь к парням.

— Но хозяин... — нерешительно возразил кто-то.

— Я сам знаю, что нужно, а что — нет. Если уж вам так хочется, можете постоять за дверью.

Когда, чеканя шаг, громилы ушли, хозяин участливо обратился к инспектору:

— Посидите спокойно минуту-другую и постарайтесь ни о чем не думать.

Тексье полузакрыл глаза и почувствовал, как головная боль действительно отступает.

Но слабость окутывала его все больше.

— Знаете ли вы, молодой человек, с кем пришлось вам иметь дело? — спросил хозяин виллы.

— Конечно, с Этьеном Ларе.

— А вы не зря получаете свои деньги. — Ларе беззвучно засмеялся. — Может быть, вы еще знаете и чем я занимаюсь?

— Я не понял еще, как вы уродуете человеческую психику. Но я понимаю, что вы создаете себе слуг-преступников. Как правильно написал Поль Версен, «суперменов и монстров», внушая им ненависть к человечеству и гуманности.

Ларе смотрел на огонь, выпуская изо рта сизые струйки сигарного дыма.

— Похоже, Версен действительно узнал многое. Пришлось разделаться с ним. Кто знает, возможно, он бы кое-что понял, поговорив со мной. Но тогда надо было спешить, и другого выбора не было. А вот вы... вы еще послужите мне.

Пьер прекрасно понимал, что сейчас ему предоставляется, быть может единственная, возможность узнать все, и, изобразив заинтересованность, он проговорил:

— Я еще не знаю, кто вы, чем занимаетесь, а вы хотите, чтобы я пошел за вами....

— Раз уж вы волею случая попали ко мне, попробую убедить вас работать на наше великое дело. Поверьте, я бы очень хотел, чтобы вы сделали это добровольно. Если же не удастся убедить вас, придется применить мои методы...

Я люблю рассказывать о себе и о нашем великом деле. Наверно, это дань возрасту, но поделать я с этим ничего не могу. Вы знаете, что наше великое дело началось задолго до войны. Италия, Германия, Испания... Там власть захватили наши люди. Здесь мы ожидали их прихода ради торжества наших идей.

Но нас было слишком мало.

Этим и были вызваны неудачи.

Вы вправе спросить, почему же нас было мало. Суть кроется в методах, которыми создавались, а вернее — формировались люди в то время. Что было в руках тогдашних идеологов? Только страх, словесное оболванивание да палочная дисциплина. Все это, конечно, неплохо для основной массы людей, не способных мыслить и не имеющих ничего за душой. Но ведь были и другие, и, к сожалению, их было гораздо больше, они мечтали о гуманизме, справедливости, равенстве...

И потому, что нам не удалось привлечь на свою сторону всех этих людей, мы не одержали окончательной победы. Однако это еще не самое страшное. В конце концов все можно начать снова теми же методами. Но наши неудачи во многих подорвали веру в силу нашей идеологии. Сами знаете — правы только сильные. Когда же мы проиграли, везде стали трубить, что фашизм порождает зверства...

— А разве не так?

Ларе покачал головой.

— Любая жестокость — только издержки при достижении великой цели. Да и потом, к кому они применялись, кто страдал от них? Только те, кто не понимал нас, кто не был с нами согласен, то есть к людям, не достойным того самого общества, которое мы хотели построить. Так должны ли мы переживать за них? Наше великое дело стоило таких жертв...

Пьер слушал старого фашиста-фанатика и понимал, что пока тот не сказал ничего нового. Ларе был прав: их так называемое «великое дело» не умерло. Оно жило, хотя и тайно. Инспектор знал и это, но он никогда не предполагал, что столкнется с человеком, который не только верит в живучесть давно развенчанных идей, но и работает на них.

— Наше великое дело, — продолжал Ларе, — не победило потому, что при методах формирования нового человека, существовавших в ту пору, было невозможно охватить огромные массы народа, необходимые для создания нового общества. А любые хорошие идеи погибнут на корню, когда они не соответствуют научной базе.

Но вот сейчас настало время нашего торжества. И творец всего этого я — Этьен Ларе...

— И какую же роль вы уготовили мне? — спросил Тексье.

— Все зависит только от вас, — ответил Ларе вполне серьезно. — Если вы пойдете с нами сейчас, причем добровольно, вы будете среди повелителей. Нам нужны свои люди в полиции. Ну а нет — так я буду вынужден изготовить из вас послушного исполнителя, вроде тех, что вы видели несколько минут назад.

— Как это «изготовить»? Человек — не робот, он всегда остается тем, кем хочет быть.

— Вы хотите знать, как можно заставить вас служить нам помимо вашей воли? Когда я получил наследство и, поселившись здесь, взял фамилию прежнего владельца этой виллы — мои друзья помогли мне в этом, — я занялся формированием новых людей всерьез. Я думал и о тех методах, которые разрабатывались в некоторых концлагерях. Это различные медикаменты, газы и тому подобное. Они почти что лишали людей рассудка, превращали их практически в послушных животных, в бездумных рабов. Такая метода меня не совсем устраивала, и я решил оттолкнуться от кибернетики. С помощью компьютера и специальных приборов, подчиняющихся приказам машины, можно выработать соответствующие импульсы, такие же, как и биотоки в человеческом организме. Опыты же по компьютерному обучению людей, когда человеку надевают на голову специальные датчики, доказали, что каждый из нас способен непосредственно воспринимать всю информацию, которую диктует ему компьютер.

Я понимал, что, разработав соответствующую программу для компьютера, можно таким методом не только вводить в мозг человека азы нашей идеологии, но и менять в угодном нам направлении его психику. Точно так же можно и стирать из мозга все, что мы считаем ненужным. И тогда наше дело имело бы людей трех категорий: тех, кто идет с нами сознательно, веря в нашу идеологию; среднее звено — обработанных моим методом людей — сторонников нашего дела, беспрекословно подчиняющихся элите; третье звено — это более далекая цель, за которую мы возьмемся, уже придя к власти. Я имею в виду создание безропотных рабов — вроде тех, каких пытались в свое время создать с помощью различных химических воздействий...

Работал я долго, и в конце концов мне удалось добиться желаемых результатов. И вот, когда на слете друзей великого дела я доложил обо всем, что удалось достигнуть, руководство одобрило мой план. Тем, что мог делать я, мы добивались сразу нескольких целей. Цель, так сказать, идеологическая: теперь мы при случае могли бы сказать, что не наше дело порождает фанатизм и жестокость, а что они просто заложены в каждом человеке. Ведь доказательств того, что я делаю с людьми, нет и не может быть. Вторая цель: кадровая — мы можем получать людей, преданных нам, не способных слишком долго размышлять, а могущих только выполнять наши любые приказы. А потом сможем обрабатывать миллионы людей для перевода их в третье звено. Те четверо, которых вы видели сегодня, — не единственные представители второго звена, с кем я работал. Просто этих я оставил себе как слуг и охрану. Таких уже много, и они только ждут приказа.

— Но, судя по семи убийствам, вы уже отдали такой приказ?

— Не совсем так. Четверо понадобились для опытов. Врача было необходимо убрать. Один из обработанных попал в аварию и был доставлен в больницу. Сильная травма что-то нарушила в его психике, он

начал заговариваться и брякнул что-то такое, что вызвало у этого врача подозрения. Так что это была вынужденная мера. Ведь внешне мои люди не отличаются от обычных. Я как бы рассекаю их сознание, уничтожая одну, не нужную для нашего дела гуманную половину и оставляя другую — необходимую нам. Именно это и породило мою метку — рассеченное пополам лицо. А вписывать в мозг наших людей мне приходится не так уж много — фанатическое подчинение да кое-что из идей. Людей второго звена мы называем «серой компанией», потому что все они должны быть умственно совершенно одинаковыми.

Кто еще у нас остался? Ах да, этот журналист и банкир Фрюшо. Почему нам пришлось убрать Версена, вы понимаете. Ну а Фрюшо... Он был когда-то участником нашего великого дела, но последнее время несколько отошел от него. И что самое главное — перестал снабжать нас деньгами. Мы пробовали говорить с ним. А когда это не подействовало — пришлось и его.

— Ну а те, что сегодня? Их же была целая семья. Они-то в чем виноваты? — Пьеру показалось, что силы начали медленно возвращаться к нему.

— Это была святая месть. Отец семейства случайно узнал одного из руководителей нашего великого дела. Он видел его когда-то, еще во время войны, ну и донес. Мы не успели спасти человека вовремя. Его судили, а при попытке побега, устроенного нами, он был убит. Должны же были мы отомстить!

Пьер уже давно смотрел на канделябр, стоящий перед ним. Он чувствовал, что сил еще слишком мало. Сумеет ли он сделать это? Конечно, потом «серые парни» уложат его на месте. Но это не волновало инспектора. Главное: сумеет ли он размозжить череп этому старому фанатику, хватит ли сил?

Ларе уперся в подлокотники кресла, пытаясь встать.

«Сейчас, или будет уже поздно», — мелькнуло в голове Тексье. Вскочив, он схватил непослушными руками тяжелый канделябр и занес его над головой Этьена Ларе. Он еще не успел опустить руки, как услышал безумный вопль старика. Силы оставили Пьера, и он рухнул на пол...

Очнулся он только в машине. Голова лежала на спинке сиденья. Тело было еще слабым, и первое, что он увидел, было улыбающееся лицо комиссара Брюо.

— Эх, Тексье, Тексье, — прохрипел он ласково, — придется вам намылить все-таки шею за вашу излишнюю самостоятельность. Если бы друзья вашего Версена не подняли на ноги все управление, не увидеть бы вам этого прекрасного утра, — и он указал в окно. — Ну да, пожалуй, я все-таки прощу вас, как-никак вы у нас сегодня герой дня. Да, кроме того, раздробили череп этому Этьену Ларе. Так что его в отличие от вас повезли на санитарной машине. Хотя, как нам сообщили врачи, до суда он доживет...

— Так что же все-таки произошло? — еле ворочая языком, спросил Пьер.

— Как что? Через час после вашего отъезда один из приятелей Версена нам позвонил. Он интересовался у знакомых, чем же именно занимался в науке этот Ларе. Оказывается, основным направлением его работы было электронное облучение. Он сопоставил это с тем, что слышал от Версена, а потом и от вас, и понял, что вытворял здесь этот бывший ученый. А тут к нам пришло сообщение еще о четырех жертвах с метками. И мы помчались на виллу Маркузье.

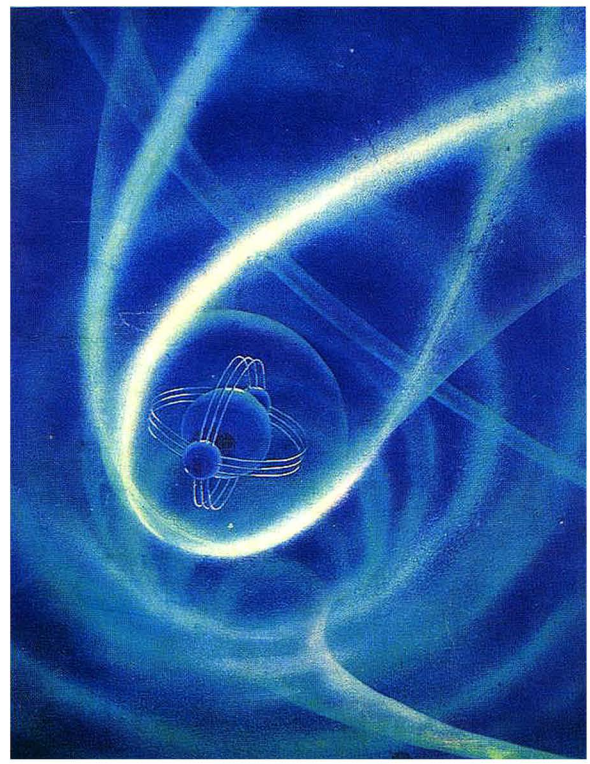
К ней мы прокрались без всяких задержек. Оцепили. Я полез внутрь через террасу и антресоль — вижу, как ты запускаешь в этого Ларе канделябром. Стреляю в воздух, наши врываются на виллу — и тут началось. Настоящее сражение. Ведь его мальчикам было ясно: деваться им некуда. Ну и дрались они остервенело, как смертники. Один кинулся на меня, пришлось его пристрелить.

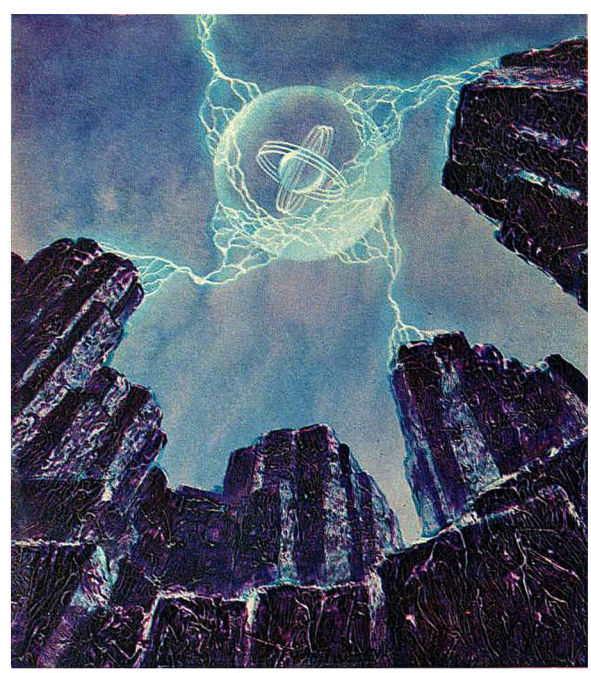
В общем, через минуту все было кончено. Еще одного парня убили в драке. Ну а двоих взяли целехоньких. Наших тоже ранено четверо.

Подхожу я к тебе, а ты лежишь и не шевелишься. Я уж подумал, что тебя отравили. Но врач сказал, что это бывает после приема наркотика. А потом увидел, какая здоровая ссадина у тебя на затылке. Так что милыми сувенирами вы с Ларе обменялись.

Обыскали виллу. В общем-то ничего примечательного, кроме компьютера в подвале плюс огромная библиотека фашистской литературы. Оружия почти нет. Правда, обнаружили в тайнике сейф, а в нем списки, бумаги, карты. Но все зашифровано, так что нам пока разобрать их не удалось. Пусть потом сам Ларе поможет, а откажется, так эксперты поработают.

Я тебя чуть в госпиталь не отправил. Но врач сказал, ничего страшного, так что едем сейчас в управление. А то там, наверное, твои новые приятели, друзья Версена, с ума сходят. Ну, пока отдыхай, все-таки герой дня!





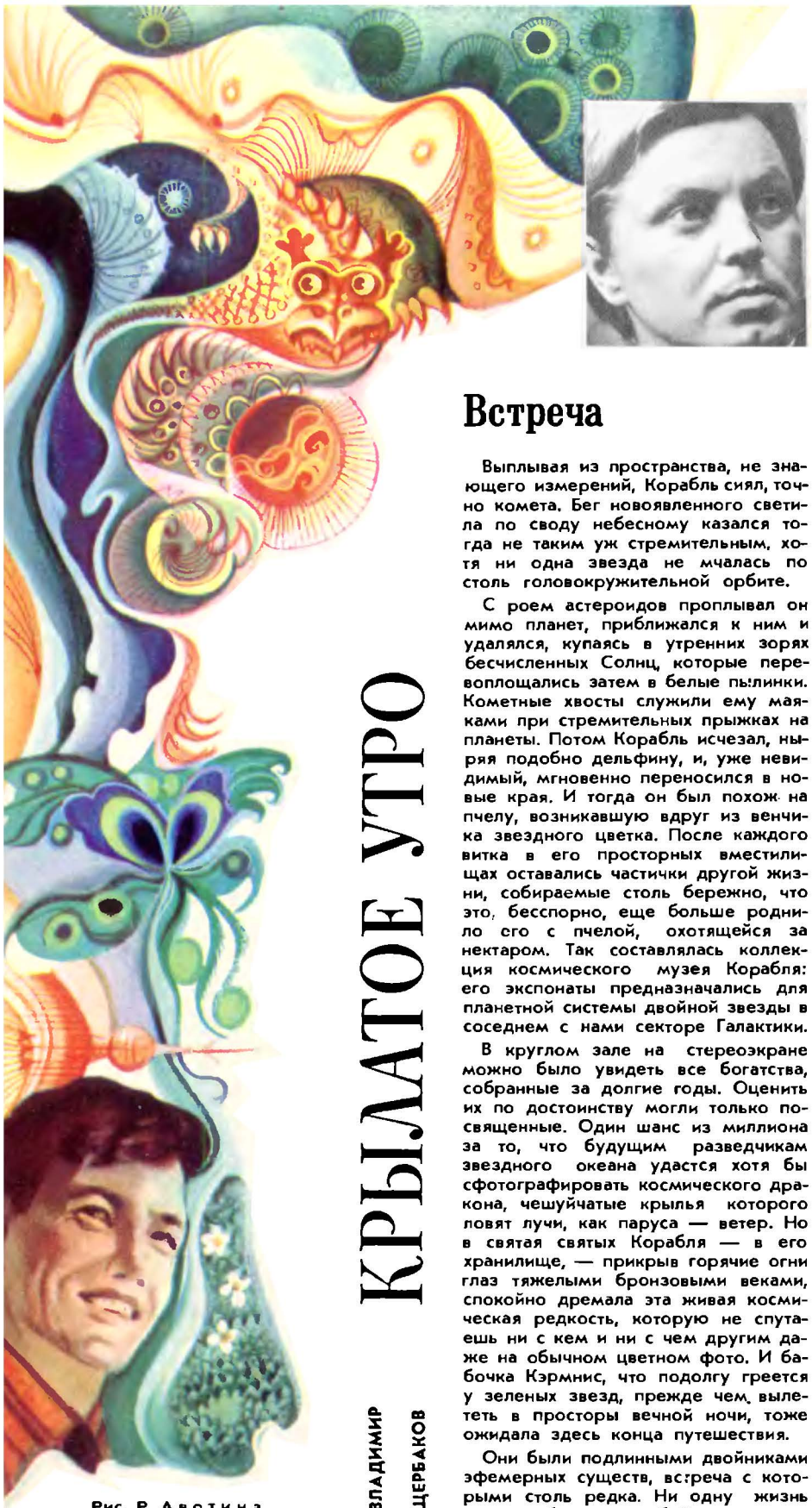


Рис. Р. Авотина

КРЫЛАТОЕ УТРО

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

Владимир Щербаков неоднократно выступал на страницах нашего журнала с научно-фантастическими рассказами, в которых поэзии не меньше, чем науки. По образованию он радиоинженер, кандидат технических наук, работает в одном из московских НИИ.

Владимир Щербаков — лауреат Международного конкурса молодых писателей-фантастов (Варшава, 1969 г.).

Встреча

Выплывая из пространства, не знающего измерений, Корабль сиял, точно комета. Бег новоявленного светила по своду небесному казался тогда не таким уж стремительным, хотя ни одна звезда не мчалась по столь головокружительной орбите.

С роем астероидов проплывал он мимо планет, приближался к ним и удалялся, купаясь в утренних зорях бесчисленных Солнц, которые перевоплощались затем в белые пылинки. Кометные хвосты служили ему маяками при стремительных прыжках на планеты. Потом Корабль исчезал, ныряя подобно дельфину, и, уже невидимый, мгновенно переносился в новые края. И тогда он был похож на пчелу, возникавшую вдруг из венчика звездного цветка. После каждого витка в его просторных вместилищах оставались частички другой жизни, собираемые столь бережно, что это, бесспорно, еще больше роднило его с пчелой, охотящейся за нектаром. Так составлялась коллекция космического музея Корабля: его экспонаты предназначались для планетной системы двойной звезды в соседнем с нами секторе Галактики.

В круглом зале на стереоэкране можно было увидеть все богатства, собранные за долгие годы. Оценить их по достоинству могли только посвященные. Один шанс из миллиона за то, что будущим разведчикам звездного океана удастся хотя бы сфотографировать космического дракона, чешуйчатые крылья которого ловят лучи, как паруса — ветер. Но в святая святых Корабля — в его хранилище, — прикрыв горячие огни глаз тяжелыми бронзовыми веками, спокойно дремала эта живая космическая редкость, которую не спутаешь ни с кем и ни с чем другим даже на обычном цветном фото. И бабочка Кэрмнис, что подолгу греется у зеленых звезд, прежде чем вылететь в просторы вечной ночи, тоже ожидала здесь конца путешествия.

Они были подлинными двойниками эфемерных существ, встреча с которыми столь редка. Ни одну жизнь нельзя оборвать, любой уголок вселенной был заповедным, и каждый член экипажа, надевая скафандр охотника или исследователя, запасался терпением. И охота эта совсем особая, непохожая на древний промысел, скорее в ней есть что-то от спорта: невидимый луч анализатора переписывает в электронную память форму и цвет, поштучно нащупывая молекулы. Электронный портрет — посредник между оригиналом и копией-двойником. Его потом уничтожают, освобождая ячейки памяти для нового экспоната.

Ждали ли они иных встреч? Теоретически — да. Однако феномен разума и редок, и странен...

А знание приходило к ним многими путями. Истина открывалась порой как бы исподволь, мириады электрических муравьев, дружно взявшись за работу, складывали вдруг великолепные узоры, которые читались, как страницы книг или редкой рукописи.

Через несколько минут после приземления Эрто знал то же, что знают многие из живущих на Земле: сколько времени длится земной год и как рождаются реки, почему зима приходит на смену осени, а потом быстрая легкокрылая весна предваряет летний зной, запахи скошенной травы и жемчуга колосьев; почему веют ветры, как глубок океан, какая сила рассыпала в его просторах ожерелья островов и почему дышат вулканы.

Перед ним раскинулась широкая поляна, окаймленная синим гребнем леса и голубыми столбами воздуха меж облаков. Высоко-высоко над головой говорила о чем-то с пролетающими облаками береза, и одна из ее кос дотянулась почти до земли. Растаял порыв ветра — пришла тишина. Вдруг шмель прогудел лениво и, задевая травинки, унесся в зеленую неизвестность.

Черно-белый снимок, запечатлевший здешний пейзаж, наводил бы на мысль о фототрюке, который можно проделать, не пускаясь в столь дальнее путешествие. Почти все здесь напоминало о прошлом и далеком, и, как казалось когда-то, неповторимом. Лишь деревья на Земле были стройнее, листва — светлее, травы — мягче, и лепестки цветов легче и тоньше — они прилипали к пальцам, оставляя душистые влажные следы.

В пяти-шести километрах отсюда (примерно час ходьбы) раскинулся город. Эрто знал, как выглядят прохожие на улицах. Они были такими же, как он. И снова вопрос. А память услужливо подсказывала что-то о единстве разума, о витках времени, повторяющих, развертывающих события, точно кадры разных фильмов, снятых по одному сценарию. Сегодня они покинули Корабль.

Вэлта должна основать исследовательскую станцию где-то здесь, недалеко от города. Через несколько дней она переберется на новое место, потом исколесит немало дорог, прежде чем станет ясно, в каких отношениях с природой, с планетой находится все живущее. Гаяк, наверное, все еще летел на дископлане над безлюдной пустынной частью континента, и невидимые лучи рассказывали ему о сокровищах, скрытых земной корой. Эрто шел в город. Впрочем, он мог бы подъехать и на машине, но тогда ему пришлось бы решать проблему стоянки.

Стекляшка в теллуровой оправе — электронное око крохотного прибора, почти невесомого, — показывала стремительные перспективы городских улиц и аллей, проспектов, переулков и набережных. Это была космическая явь. Воображение подсказало, как рос этот город, как волна за волной набегавшие события изменяли его древний лик и как все дальше отодвигалась в памяти людской последняя война...

У ног Эрто воробьиная ватага шумливо суетилась в ветоши спутанной травы. На другом краю поляны, под гребнем леса, где тени спустились узкой полосой и накрыли кустарник, своей быстрой походкой шла Вэлта и срывала на ходу стебельки.

— Вэлта! — крикнул он.

«...элта!..» — донесло эхо.

Возникла простая мысль, что очень хорошо, если они будут работать рядом и смогут видеть друг друга, но только почему он не знал этого раньше? Он побежал, забыв на несколько мгновений все то, что он, безусловно, должен был знать. Вэлта даже не обернулась. Остановившись, он с изумлением наблюдал, как ее рука потянулась за цветком. Почти сорвавшееся с его губ имя как бы застыло в воздухе на втором слоге; во всяком случае, девушка, наверное, не расслышала его полностью. Она подняла голову, глаза точно приоткрыли родившееся вдруг любопытство, потом в них сверкнула плохо скрытая улыбка, глаза засветились — и погасли. Через секунду девушка уже шла по тропинке, опустив руки. Медлительные длинные пальцы, взметнувшиеся вверх — к щекам, к волосам — те же, Вэлтины. И две каштановых волны волос над стройной шеей, и линии лица, и, конечно, глаза; но взгляд другой; он непостижимо соответствовал зеленому простору за ее плечами и светлой бронзе рук. Он проверил: включил канал и увидел Вэлту.

— Что случилось?

Ее голос звучал как бы издалека. а лицо было рядом, точно их не разделяли километры. Пуговица-экран вдруг помутнела, покрывшись какой-то электромагнитной плесенью. Между ними шумела над неведомой землей гроза.

— Вэлта, гроза...

— Да, я знаю, это у нас. Что с тобой?

— Ничего. Просто захотелось тебя увидеть.

— Но мы расстались только что, двух часов не прошло!

— Я встретил девушку, очень похожую на тебя. Здесь только что.

— А, вот оно что... — Вэлта улыбнулась. — И ты думал...

Голос Вэлты растаял. Экран погас. Первый разговор после приземления кончился буднично (она даже не попрощалась) — так же, как сотни разговоров на Корабле, когда их отделяло друг от друга всего несколько метров.

Мистика. Он помнил о Вэлте постоянно, представлял, что она скажет по поводу того или иного его поступка (или поступка других). Но не более. И другая девушка, лишь похожая на нее, но у которой не могло быть ничего от Вэлты, кроме внешнего сходства, вдруг заняла в его мыслях едва ли не большее место. Нет, не было никакого ореола. И в то же время не было сомнений: несколько слов, произнесенных ею на этом чужом пока языке, и движение выпуклых губ, с которых слетали певучие мягкие звуки, заставляли его снова и снова воскрешать чуть скуластое лицо, витающее в россыпи солнечных бликов. Удивительно краток был путь от лесных синих колокольчиков и алых гвоздик, пригретых в ее ладонях, — к сердцу.

...Однажды они долго говорили, и он, кажется, поддавшись какой-то иллюзии, необъяснимому минутному порыву, чуть было не рассказал девушке все. Он произнес уже несколько приготовленных фраз о космосе, о том, что в иных сказках больше правды, чем выдумки, о том, что всегда нужно быть готовым к встрече с неведомым («Ведь это интересно, правда?»). Девушка слушала его внимательно; ему оставалось перекинуть последний мостик от абстракции к действительности — и вот тогда он почувствовал, что не в силах этого сделать.

Девушка ни за что не поверила бы, как не поверили бы многие. Более того, их отношениям, возможно, пришел бы конец. Кто не вправе возмутиться, когда чистый вымысел настойчиво выдают за правду? Он решил: позже.

Пока же она соразмеряла его поступки со своими, но не открыть того, что сокрыто за семью печатями. Ему даже нравилось смотреть на мир ее глазами. Составляя картотеки и отчеты для Корабля, он оценивал события, книги — все, что создавалось человеческой цивилизацией, с точки зрения усвоенных им критериев, профессионально; в разговоре же с ней он мог просто пересказывать все смешное из тех же книг, вышучивать и манеру автора, и попытки объективно разобраться в пирамидах томов и фолиантов, вершины которых продолжали угрожающе быстро возноситься к небесам. Эти две линии почти не пересекались друг с другом и не противоречили друг другу, и это его забавляло.

И все это случилось потому, что тогда, в первый день, он разыскал ее. Утопая в траве на той самой поляне, где так легко прошла она, проскользнув, точно виденье, Эрто водил лучом вдоль дорог и тропинок, пока не нашел ее... Он проводил ее до самого дома и решил, что устроится неподалеку. «Валентина!» — произнес он утром вслух ее имя. Мир за окном был прозрачен, светел и звонок.

Эрто поселился в квартире профессора (хозяин чаще всего был занят на работе, на конференциях, в редакциях и еще бог весть где). В одной из трех комнат он поставил перегородку с помощью сканирующего прожектора дельта-волн, так что она воспринималась как подлинная, реальная перегородка и была тверда на ощупь, точно стена. Чтобы профессор не заметил переустройства квартиры, Эрто чуть сократил размеры других комнат, передвинув временно стены, так что убыль в несколько квадратных метров равномерно распределилась по всей площади комнат и была на глаз незаметна.

Как-то профессор застал его в библиотеке. Эрто разговаривал по телефону с Валентиной и прослушал шаги в коридоре, обычно служившие естественным предупреждением.

Решение нашлось моментально. Вполголоса попрощавшись с Валентиной, Эрто обесточил электрическую

сеть (микрогенератор навел в проводниках токи противоположного направления, которые погасили напряжение). В полутьме он вскочил на стул, на минуту осветил квартиру, опять погасил свет и, наконец, при полном сиянии люстр, профессорских бра, настольных ламп и прочих светильников торжественно провозгласил:

— Готово, товарищ профессор, теперь сеть в полнейшем порядке!

— А что, собственно, случилось?.. — недоуменно спросил профессор (его звали Леонид Александрович, но Эрто раз и навсегда решил во время подобных встреч обращаться к нему сугубо официально).

— Как же так, товарищ Зворыкин! И вы еще спрашиваете... Знаете ли вы, что в вашей квартире минутой позже произошел бы пожар? Розетка греется, и патроны плохие. Вот здесь распишитесь... И в следующий раз сами вызывайте нас, не дожидаясь, пока сработают датчики, по счастливой случайности проходящие проверку именно в вашем доме и в вашем подъезде. И не заставляйте нас прибегать к крайним мерам.

Сказав это, он удалился, предоставив профессору Зворыкину возможность домыслить случившееся.

Через несколько дней Эрто, работая в библиотеке Зворыкина, обнаружил оставленную на столе рукопись под названием «Проблема контактов с внеземными цивилизациями». Рукопись являла собой приятное открытие. «Кажется, я явился точно по адресу», — подумал Эрто. Он бегло пробежал рукопись. Это была статья для журнала, и в ней очень сжато излагались взгляды Леонида Александровича на возможности поиска разумного начала в космических безднах. Выходило, что найти его труднее, чем иголку в стоге сена.

О преступлениях перед будущим

Молибдена в земной коре в сотни раз меньше, чем родственного ему элемента никеля, а роль его так велика, что это уже послужило основанием для одной красивой гипотезы, созданной здесь, на Земле. Для профессора Зворыкина и его коллег это была только гипотеза. Для Эрто — факт. Да, химический состав среды отражается в биологическом строении ее обитателей. И содержание молибдена в живых тканях здесь, на Земле, повторяет законы его распространения во многих звездных мирах...

Профессору Зворыкину оставалось сделать еще один шаг. Ведь сама посылка с молибденовой звезды генетического кода сюда, на Землю, и на другие планеты являла собой блестящий пример контакта. Это, если можно так сказать, материализованная информация уже предполагала развитие разума вполне определенного типа и его носителя — человека, и незачем было посылать радиосигналы. Они не открыли бы ничего нового, если были бы поняты, и не ускорили бы событий. Что может человек открыть в мире такого, что не жило бы уже в нем самом?

Прошло едва больше месяца (сорок два дня, если быть точным), и многое стало для Эрто понятным. Он видел, как ставили вышки первой телевизионной станции в поляре-городе под крышей за шестидесятой широтой, как строили мост через северный пролив — его опоры касались низких северных облаков, а стаи казарок летели под ним, точно видели перед собой дверь, распахнутую прямо в северные раздолья. Он ощущал тревожный ритм гигантских машин, делавших чугун, сталь, прокат, цемент, бумагу, — о них говорили страницы газет, и с ослепительной улыбкой на устах сообщали девушки — дикторы телевидения.

Эрто ощущал ритм, пульс этой жизни, с трудом втискивавшейся в экраны и журнальные полосы, и однажды он поймал себя на желании бросить свои ежедневные занятия в библиотеках и попробовать хоть на один день стать таким же, как все эти люди, которым было дано так много узнать в будущем... Ему хотелось бросить все и заняться хотя бы исследованием арктического шельфа, с тем чтобы кое-что из найденного оставить, подарить этой гостеприимной Земле. Пусть это будет нефть, вольфрам, слюда или олово, разве это не оптимальный вклад в развитие цивилизации вообще и межзвездных связей, в частности?

— Нет, — сказала Вэлта. — Мы поможем им, но не так.

По ее словам, именно тот тип генетического кода, который был общим для них самих и для Земли, предполагал бесконечное развитие разумного начала, но только при одном важном условии: если люди не совершат преступлений перед будущим. Сломанная ветка или убитая бабочка — ничто или почти ничто (тоже преступление, хотя и маленькое, но это преступление не перед завтрашним, а перед сегодняшним днем). А выпитая чугунными глотками заводов река не только исчезает из будущего, но становится началом цепочки необратимых изменений. И океан — колыбель жизни, и суша — зеленое раздолье, вышитый подол цветистого весеннего наряда планеты, неприкосновенны. И все же их коснулись руки, не ведающие, что можно и что нет. Как быть?

— Я думала об этом, — сказала Вэлта, — даже для нас задача непростая... И знаешь, какой есть выход? Он похож на сказку. — Она задумалась, словно пытаясь что-то припомнить. — Да, это сказка из фонда Корабля. О царевиче и сером волке, о живой и мертвой воде. Быть может, ты читал...

— Мне посчастливилось найти эту сказку и много других. Именно я передал их в дар Кораблю.

— Вернулся черный ворон и принес две склянки: одна с водой живой, другая с водой мертвой... Помнишь?

— Еще бы! Это невероятно: угадать секрет живой воды...

— У них была живая вода, Эрто. Наши биологи уверены в этом. Им помогла природа. Благоприятное стечение обстоятельств — и вот случай помог родиться живому ключу, бьющему из-под земли. Быть может, это произошло где-то на Урале, или западнее, — гадать трудно, рассказы превратились в сказки и долго-долго передавались из уст в уста.

— А живая вода?

— Ключ иссяк, ложе ручейка высохло и заросло степными травами — попробуй отыщи заветное место!

— И мы откроем им секрет живой воды?

— У них многое готово, в сущности. Трубопроводы от месторождений нефти и газа тянутся вдоль се-

верных побережий, сворачивают на юго-запад, к истокам больших рек. Со временем эти гигантские трубы будут пусты (строятся и строятся атомные станции!). Вот тогда они и пригодятся... Совсем небольшие добавки микроэлементов — и этого достаточно. Лучше целые реки такой обогащенной воды, чем одна-единственная склянка из сказки.

— Вы предлагаете подавать раствор с микроэлементами по трубам. К самым истокам рек? Это сложно.

— Вот и нет. В морской воде уже есть все микроэлементы. Стоит добавить к речной воде одну тысячную часть воды полярных морей — и у нее появятся два удивительнейших свойства: прозрачность и способность лучше поддерживать жизнь. Что ты об этом думаешь?

...Едва поддавшись иллюзии, едва уверовав, что она искренне больше всего на свете хотела узнать лишь его мнение и просила об этом — она его! — Эрто вдруг понял истину: она всегда лишь хотела возбудить интерес, любопытство, приобщить его к свершавшемуся здесь, на этой планете, ее руками и руками ее друзей. И сейчас — тоже. И он вдруг понял, что был уже ближе к этому далекому миру, до странности реальному, притягивающему, к согласию с его сегодняшними идеалами, к их приятию, чем к стремлению сделать его похожим на эталон рационального, подсказав готовые схемы.

Чисты, спокойны и четки линии ее лица. Выпуклые губы и чуть впалые щеки воплощали застывшую красоту. Это почему-то вызывало сейчас легкую неприязнь... Лицо Вэлты точно маска. Неведомый мастер будто бы скопировал тончайшие черточки с другого, живого лица, с лица Валентины, глаза которой меняли, казалось, даже свой цвет, и губы дрожали и сжимались от счастья, желаний и стыда, когда звездная россыпь за окном, казалось, тонула в ее зрачках...

Бабочка влетела вдруг в окно, шумно захлопав крыльями, и словно прилипла к стене в затемненном углу.

— Крапивница, — бесстрастно отметила Вэлта. — У нас скоро будет гроза. Этим летом гроз больше, чем обычно здесь бывает.

* * *

Эрто накинул плащ, вызвал лифт, спустился на первый этаж, потом, словно вспомнив что-то, поднялся пешком до почтовых ящиков, включил инфракрасный фонарик и просмотрел корреспонденцию профессора. В ящике лежали две ежедневные газеты, брошюра подписной серии «Проблемы изучения космоса» и письмо.

Письмо профессора Зворыкина

«Дорогой Эрто!

Обстоятельства сложились так, что я вынужден уехать в командировку на Памир, где километровое зеркало нашего радиотелескопа поймало сигналы, совсем не напоминающие обычный хаос межзвездного эфира. Да не покажется Вам удивительным и странным, что исследователь, значительную часть своей сознательной жизни посвятивший осмыслению возможности контактов, отбывает в командировку именно тогда, когда соседом его по квартире оказывается представитель иной планетной системы. Я не могу отказаться от участия в конференции, посвященной расшифровке сигналов. Охотно поделюсь с Вами соображениями, касающимися наших личных взаимоотношений. Не буду скрывать, что мое открытие стоило немалого труда и терпения. Иначе и быть не могло, ведь факты, даже самые необычные, должны были толковаться мной совсем в ином духе, причем истинный вариант, казалось, исключался из рассмотрения с самого начала (на что, конечно, и следовало Вам рассчитывать).

Да, я был бы очень далек от истины, как специалист, и ни один коллега ни за что не поверил бы мне (как не поверит и теперь), если бы мне когда-нибудь каким-то чудом удалось подтвердить свои теоретические построения фактами. Это считалось бы почти невероятным совпадением, которое в наиболее благоприятном случае следовало бы подтвердить многократно, сводя таким образом невыполнимую, по существу, задачу к еще более сложной. Но долгие годы во мне жила мечта. Я почти убедил себя, что наш диалог должен носить, если так можно выразиться, деловой характер. И по мере того, как я работал над теорией дальней ненаправленной связи, во мне зрела совсем иная мысль. Я начинал догадываться, что в неоглядных просторах всегда и всюду велся прежде всего поиск себе подобных. И разве Вы задержались бы у нас так долго, окажись Вы или мы другими?

Наверное, эта мысль не нова, но я понимал ее, вероятно, слишком уж буквально. Я пытался убедить одного своего коллегу и друга, что разговор скорее всего начнут специалисты. Он горячо возражал, и в запальчивости я воскликнул: «Да что тут странного, именно так все и произойдет, как я говорю! Да, позвонят по телефону или просто придет человек и начнет разговор. Да, именно ко мне или к тебе, потому что именно мы готовы к этому. Но скорее всего ко мне!»

Это была только мечта. Я прекрасно понимал это. Да и друг тоже понимал. Тем не менее он на-

бросал что-то вроде дружеского шаржа и подарил его мне. На рисунке был изображен молодой человек с чемоданчиком в руке, нажимающий кнопку звонка у двери моей квартиры. Подпись была довольно-таки издевательской. Она гласила (от имени звонившего): «Я-то прибыл, но что делать, если профессора Зворыкина нет дома?»

Это было так давно, что я забыл о дружеской выходке моего коллеги. И никогда не вспомнил бы, не встретившись с Вами. Дело в том, что человек, изображенный на рисунке, в общем похож на Вас. Быть может, это лишь показалось мне. Во всяком случае, после Вашего визита в мою библиотеку я задумался всерьез. Скажите-ка, может ли кто-нибудь отказаться от мечты?

Вот почему я записал Ваш разговор с Вэлтой. Записывающая установка выполнена на грани наших технических возможностей, и Вам легко понять трудности, которые связаны с регистрацией вторичной ионизации в канале. Я вел запись не самих звуков, а их следов (по понятным причинам радиоволны не применялись)... И вот, представьте, после нескольких попыток расшифровал сигналы, пользуясь теми закономерностями, которые мы хотели использовать в том случае, если удастся принять сигналы из космоса.

Я все больше убеждаюсь, что наша с Вами встреча не случайна. Не исключено ведь, что проблема контактов не имеет, так сказать, регулярной структуры, и для ее решения нужны многие встречи, подобные нашей. Вряд ли кто упомнит все подробности, относящиеся к экспедиции. Я допускаю, что Вы и Ваши коллеги могут остаться в неведении относительно того, какое решение незаметно подсказал мозг Корабля — и почему.

И я тешу себя странной, быть может, мыслью, что письмо мое поможет Вам. Тем не менее я отдаю себе отчет в том, что стремление к прямым контактам зависит не только от нашего и Вашего желания, но и от степени готовности к ним.

Леонид Зворыкин»

В преддверии

Однажды он вызвал Корабль. Ему хотелось поговорить со своими. На Корабле остались лишь четверо — два пилота, капитан и инженер, следивший за маскировкой (статическое поле придало ракете форму копны). Вэлта вот уже неделю работала на новом месте. Это было совсем недалеко, в сорока километрах от города, на берегу Оки. Астроботаник мог лишь мечтать о таком благодатном месте: на приокских террасах сохранилась реликтовая флора, и здесь, точно на полигоне, удавалось проверить новые приборы для наблюдения спектров всего растущего, цветущего, плодоносящего, чем только была богата эта земля.

Установив вариатор, он с нетерпением наблюдал, как оживало стекло, как луч пробегал по темной глади реки, по ее песчаным широким берегам. Луч остановился у домика станции — старой, заброшенной дачи, ветхость которой не вызывала сомнений в том, что она пуста.

— Вэлта!

Луч как бы шагнул к двери, проник внутрь. Вэлта сидела за столом с лампой-анализатором.

— Здравствуй. — Она подняла глаза.

— Я не помешал?

— Нисколько. Я рада.

Он замялся. Перед ней лежали какие-то травинки, былинки, цветы. Их лизали зеленые язычки огня: лампа едва слышно гудела, просвечивая стебельки холодным пламенем. Из нее вылетали пучки искр, пронзавших листья и лепестки, ощупывавших каждую молекулу внутри их и уносившихся к овальному зеркальцу, словно пчелиный рой к улью. Там они отдавали добычу — совсем крошечные схемы, по которым природа строила и строила зеленые ладьи с парусами-листьями, спешащие сорваться с якоря и унестись в воздушный океан со звуками птичьих веснянок. Вэлта училась внешней волшбе, она разгадывала ее несказанные узоры, ее тайные чары, ее немые велеения. На лицо Вэлты опустилась паутина тонких теней и полутеней. Оно казалось строгим и усталым.

— Хочешь, чтобы я угадала твои мысли?

— Я хочу остаться здесь, — просто сказал он. — Навсегда.

— Оставайся. Я помогу закончить твою работу.

Мгновенное удивление, оживившее ее лицо, сменилось спокойствием. Она наклонилась к лампе. Искры сновали между ее тонких пальцев, как светлячки. Ни слова больше. Молчание. Проворное трепетное пламя, живые разбегающиеся лучи.

Никто из них не скажет ему «нет». Он может остаться на любой планете, как оставались немногие до него.

— Вэлта...

Он пытался перейти на другой тон. Теперь, когда он сказал ей все или почти все, ему стало легче. С удивлением заметил он, как растет в нем непонятная радость, которая вдруг сделала его таким щедрым, что скажи Вэлта хоть слово, и он, Эрто, передумает, вернется со всеми, с ней. Да и мыслим ли иной исход?

Она не сказала этого слова. Хрупкие плечи ее дрогнули под белой одеждой. Зеленые огоньки, потрескивая, суетились в ворохе сена, от него исходил аромат.

— Вэлта, я должен знать, кто она? Понимаешь — кто?

— Мне труднее ответить на этот вопрос, чем тебе.

— Но она... знает о Корабле? Может, я должен спросить о Валентине у кого-нибудь еще?

— Что же о ней спрашивать?

— Ты знаешь, о чем я... Валентина — с Корабля? Ну, скажи, что — да, что она создана по твоему образу и подобию, только уж лучше все сразу!

— Не знаю, Эрто. Я бы сказала, если бы знала.

Крылатое утро

Крылатое утро. Ранний щедрый снег. Сизый голубь ударил в окно, проломил холодное стекло. Капля крови на подоконнике быстро остыла, загустела. На беличьем хвосте заиндевелой ветки — малиновая полоса, след выпущенной на волю птицы. Как ни силилось солнце начать день на небе — от беленых крыш долго исходил чистый сильный утренний свет.

Кому не захочется взмыть птицей, чтобы проплыть над обновленной землей?

Стоит только повернуть диск из зеленого металла плоскостью вдоль силовых магнитных линий — и полет станет явью. В диске осталась лишь треть накопленной в нем когда-то энергии, но и этой трети больше чем достаточно для исполнения утреннего желания. Сегодня Эрто волен быть космолетчиком, волен вернуться на Корабль, завтра будет поздно. Ему дали диск, сила которого могла бы вернуть его к ним даже в последнюю секунду — только пожелай! Пусть полированная чечевица будет последним искушением. Захочешь — вмиг будешь на Корабле, энергии как раз хватит, чтобы добраться до точки старта. Только пожелай... Сквозь мглу времени уже проступает, кажется, знакомая акварель заката над восхитительным морем...

Словно подземный поезд в тунеле, пронесется Корабль и, умчавшись от одних миров, приблизится к другим, сияющим и желанным. Снова замрет время, они остановят его, потому что в синем огне реактора бесконечные ленты пространства и времени соединятся, превратятся в легкий кристаллический порошок. Потом, на планете, порошок

сожгут в аппарате, который обращает реакцию, и пустой след Корабля снова наполнится бесконечно сложной плотью космоса и пульсациями ее ритма. Сказочное возвращение, похожее на коротенькую поездку, на прогулку.

Но приходили все новые и новые мысли — о жизни, о цели ее, о разуме, который, освобождая и наделяя силой волшебной, подчас как бы заключает чувства в незримый стеклянный колпак, делая их предметом изучения, а цветы созвездий не менее прекрасны оттого, что познаны силы, двигающие ими, и многажды тревожат сердце крики птиц перелетных, и прозрачные березы погружаются в таинственный сон. А мысль, улетевшая за край вселенной, возвращается вдруг к лунной тропе на озерной глади и, как птица, складывает крылья в неведомом ранее бессилии.

Раньше он думал, что это пройдет, теперь знал: это навсегда (они были выбраны Кораблем для первого контакта с такого типа планетой). И не потому ли Вэлта посвящала его во все замыслы?

Он повернул диск. Магическое течение поля увлекло к распахнувшемуся окну, потом — в подоблачные просторы.

Путеводной нитью тянулась внизу заснеженная дорога, по которой ползли редкие грузовики.

И далеко, за лесами и полями, готовился к отлету межзвездный снаряд. Теперь Эрто, пожалуй, не поспел бы к старту. Путь его пролегал в иных измерениях, где гармония космических пустот уступала место ритмам холмов и перелесков, мерной текучести земных ветров.

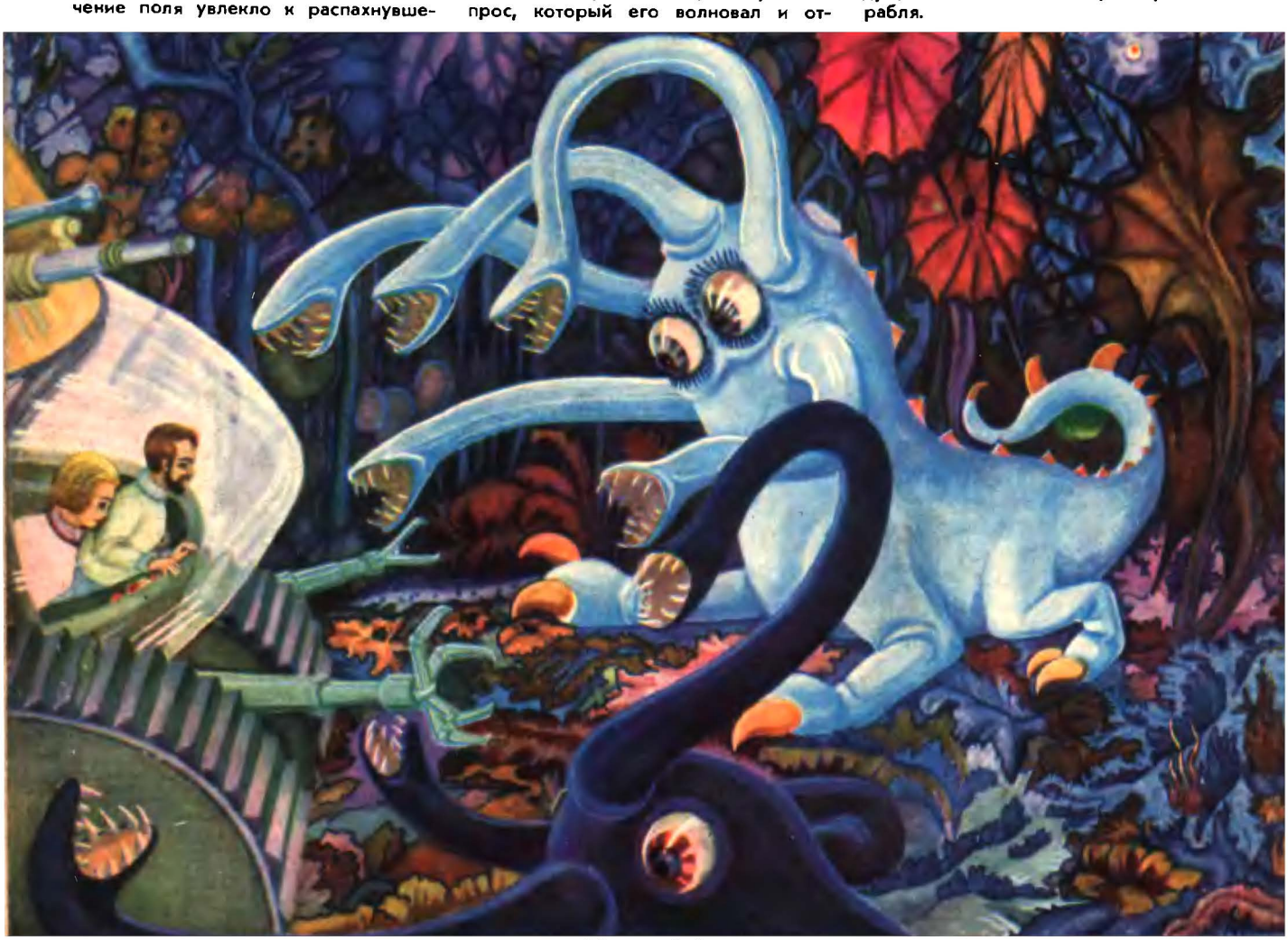
По ватному облаку скользнул зайчик. Мгновенная грусть. «Это они», — подумал Эрто. Точно серебряная монета, сверкнув, упала в колодец. И снова рывок в снежную беспредельность.

...Под знакомым окном синицы таскают хлебные крохи из кормушки, складывают их на край. За окном — лицо Валентины. Она что-то говорит. Ветер — не разберешь! Но Эрто догадывается, ведь она уже многое знает и многое может поведать. Корабля нет. И ей это понятно. И что бы ни случилось, в нем и в ней живет вера: она не создана Кораблем, она найдена им здесь. И тот, главный для Эрто вопрос, который его волновал и ответа на который он не мог найти, в это утро перестает тревожить его.

Что еще означают слова, смысл которых он пытается угадать? Просьбу, признание, ответ? Нет, это уж никак не понять... Слишком ярок день, и воздух звенит, и шепот вершин все ближе и ближе...

Постепенно теряя скорость, диск опускался. Качнулась свеча березы, ветки ее взлетели навстречу. Холодные комки растекались талой водой под воротом рубашки.

Подлинная космическая явь, о которой он помышлял мальчишкой... Он подумал о том, что нужно пройти лес, подняться на холм, потом на следующий, миновать рощу и опять взбираться на холмы и пригорки и долго брести по первозданной зимней целине, чтобы выбраться на след, на тропу, потом на шоссе. Он будет идти по дороге, не пытаясь проситься в проходящие машины. Поздней ночью, он уверен (последняя подсказка Корабля?), шеститонный грузовик остановится рядом, и шофер подаст ему темную от масла руку. И этот недальний путь навстречу жизни и работе, быть может, превзойдет по своей значимости для будущего молниеносный росчерк Корабля.



А.Рувинский «Встреча»

Клуб любителей фантастики

Маше Мамоновой 14 лет. Она учится в седьмом классе московской школы. Активный участник кружка астрономии и космонавтики Дворца пионеров. Научно-фантастические рассказы пишет уже несколько лет. Они привлекают внимание своей поэтичностью.

«АБЭВ» и «Песня звезд» — первая публикация юного автора.

МАРИЯ МАМОНОВА

ПЕСНЯ ЗВЕЗД

— Ну что же ты споешь? — спросила Карела, когда он приблизился к высокому инструменту.

— Песню звезд... — сконфуженно прошептал он.

— Что ж, пожалуйста! — с оттенком удивления в голосе сказала преподавательница, закрыв нажатием кнопки массивные двери зала.

— Я не могу спеть, я могу сыграть.

Карел подошел к инструменту и надавил треугольную выпуклую клавишу. Пронесся звук. Мальчик вдохновился и вразброс сыграл несколько звуков, педалью заставляя их то глохнуть и замирать, то вновь усиливаться.

— Ну разве это песня? — мягко спросила преподавательница. — Хотя звуки ты подбираешь красиво, но отсутствует мелодия, а ведь в песне это главное!

Как всегда, легким наклоном головы Карел показал, что уважает точку зрения учителя, но глаза его упрямо вспыхнули.

Что из того, что нет песни звезд у людей? Даже у людей его, XXII века! Она есть у звезд, только никто никогда не слышал ее, кроме него... И неужели он, Карел, не сможет передать эту песню людям?.. Не может этого быть!

* * *

Вечерние краски опустились быстро и незаметно. В небе высыпали звезды, и их прозрачный свет красиво дробился в призме окон.

Карел вышел в лоджию и поднял глаза вверх.

Звезды, холодные и мерцающие, насмешливо качались в высоте. «Ты не сможешь передать нашу песню! Она недоступна людям! — звенело сверху. — Никто никогда не знает, о чем мы поем!»

Смех серебристыми колокольцами взлетал выше, выше и исчезал в темноте, отголосками подпрыгивая на острых лучиках колючих звездочек.

— Нет, могущество человеческого разума безгранично! — в волнении крикнул Карел. — Он познает все! Я передам вашу песню людям!

— Нет! Нет! Нет! — зашумели, словно звездное эхо, деревья.

— Звезды, не будьте холодными колючками! Ведь вас уже два века покоряет человек!

— Нас много! Бесконечные потоки, лавины! Ха-ха! Вы захлебнетесь!

Звезды заплясали, и их песня брызнула с высоты.

Карел прислушался. Замер. И чем дольше он слушал, тем понятнее становились ему серебряные перезвоны поднебесных колокольчиков, и тем яснее он понимал, как передать это в музыке!

Карел бросился в комнату. Через секунду оттуда в унисон со звездами вынеслась их песня! Та самая, что в течение стольких веков не могли постичь люди! Та самая, что была одной из последних тайн недоступных звезд!

Небеса замерли.

А песня звезд все лилась и лилась, нет, не с неба — из комнаты мальчика, впервые игравшего ее как гимн человеческому разуму.

АБЭВ

Капитану не нравилась планета. Не нравились густые облака, длинные приплюснутые линии городских массивов, низкорослые инопланетяне — люди с желтоватой кожей, еле видное тусклое солнце.

Но задание и не думали менять; звездолет продолжал стоять на маленьком космодроме около гор.

Надо сказать, что штурман Ян, техник Ванос и пилот Игорь не разделяли взглядов своего командира на туманную, парную Ризону. Первое время они были в восторге от нее, не следили за системами звездолета, а только любовались планетой.

Теперь, правда, уже успокоились. Вспоминали о предстоящем рейсе. Все чаще капитан видел сосредоточенные, замкнутые лица. Он знал — незримо позвала Земля. Милая, голубая родина...

— Интересное у них изобретение, — сказал как-то Игорь. — Блюдо возбуждения и воспоминания. Как они говорят — АБЭВ.

— Садишься — и сразу тебе полный эффект присутствия, пожалуйста, что хочешь, — подхватил Ванос.

— Это ты к чему? — настороженно бросил Ян. — Попробовать захотелось?

— Как же! — фыркнул пилот. — С нашим-то капитаном?

— Ребята, АБЭВ запрещаю, — устало вмешался капитан.

— А почему? — запальчиво крикнул штурман. — Хоть чем-то займемся!

— Не надо, — повторил капитан.

— Я так предлагаю, — вставил

Ванос. — Мы остаемся, а ты, капитан, пойди выясни, что за штука. Идет?

— И почему ты против? — с легким раздражением проговорил Игорь. — Что это тебе — звезда из антивещества? Четвертое измерение?

Он тогда подумал: что это с ними?.. И сам дал ответ, простой, как все, чему предшествует слишком глубокий опыт. Землю хотят. Землю. Это он увидел в равнодушно сощуренных глазах Ваноса, в небрежной позе Игоря, в колких замечаниях и шутках Яна.

Но он пошел. Пошел узнать.

Едва капитан спустился к прозрачной трехстворчатой двери, как она мгновенно распахнулась. Небольшой холм, по обеим сторонам которого спирально закрученные витки пластмассовых лестниц-эскалаторов. Пустынно, от светлых стен безликих тонов веет прохладой, сверкают движущиеся ступени.

Он поднялся на лестницу, которая быстро домчала его до крыши воронки — огромного овального зала, вдоль стен которого вплотную друг к другу стояли прозрачные параллелепипеды, пустые внутри, но с поставленным посредине на пластмассовые подпорки плоским кругом с загнутыми краями. Круг соединялся с полом каким-то матовым конусом. Это и было таинственное АБЭВ — блюдо возбуждения и воспоминания.

Перед блюдом стояло кресло с наклонными держателями для головы. С крыши параллелепипеда свешивались четыре манипулятора.

Почти на всех креслах сидели инопланетяне. Сидели неподвижно, склонившись над блюдами, уперевшись в держатели и устремив отсутствующий взгляд в пространство.

Все-таки это было немного жутковатое зрелище.

Капитан подошел к свободному параллелепипеду. Мгновенно в стеклянной стенке образовалось отверстие. Проход в стене сразу же затянулся. Капитана облепила тишина. Он сел в кресло, которое, изменив форму, плотно облегло его тело, наклонился к блюду. Подбородок уперся в держатели. Капитан посмотрел вниз.

В зеркальной поверхности круга четко отразилось его лицо — слегка раскосые серые глаза, рассыпавшиеся светло-каштановые волосы, плотно сжатые губы...

Потом отражение начало стушевываться, блекнуть и, наконец, совсем погасло. Блюдо потемнело, стало объемным и глубоким, появились странные светлые пятна, их делалось все больше и больше... Проступили какие-то неясные изображения. Вдруг словно что-то взорвалось в памяти, мгновенная яркая черта распорола блюдо...

...Раскаленный шар солнца садился в поле, прижигая траву. В звенящем вечернем воздухе будто запахло палеными ромашками, повеяло густым ароматом запоздало цветущих вишен, низко плывущим над разогретой землей. Над разнотравьем склонились кони, волоча гривы по жарким тяжелым копнам.

В выцветшем голубом небе на распластанных крыльях медленно парит коршун. Стрекочут кузнечики. Облака краснеют в догорающем костре сожженных солнцем трав.

На пригорке приютилась деревушка, принимая в свою единственную улочку узкий ручеек пыльной дороги, уныло петлявшей через холмы. Синие головки васильков в поле ржи. Коршун падает куда-то, загибая крылья. По лугам бежит, широко раскинув руки, кто-то в ярком комбинезоне. Мелькают подошвы, разлетаются на бегу черные волосы, в цветах поет ветер. Человек оборачивается. На загорелом лице пепельным цветом блестят глаза. Над лугами возносится звонкий, почти мальчишеский смех. Это Игорь. И вон еще двое бегут по пояс в колышущейся траве. Ванос и Ян. Все трое громко хохочут, валятся на землю, приминая цветочный ковер.

— Капитан! — зовут они. Так давно его не звали по имени...

Кони настороженно подымают головы, прищурившись, смотрят вокруг и снова тонут в травах.

— Иду-уу! — откликается капитан.

Конечно, он сейчас же идет!

Прыгает откуда-то сверху, падает, захлебывается в дурманящем запахе полей. Лежит, не в силах подняться, смотрит снизу на небо в пестрой рамке из трав.

И вдруг его охватывает неудержимый смех. Он хохочет в полную силу. Лошади срываются с места и уносятся. Как ветер, как стрелы.

Капитан, вскочив, осматривается кругом. Какое все родное, свое!

— Мы вернулись! Да вы понимаете, мы уже вернулись! — кричит он во весь голос и снова падает, широко расставив руки, как если бы он мог обхватить ими всю Землю.

— Земля моя... — шепчет он. И громким счастливым криком добавляет, перевернувшись на спину: — Зе-е-емля-а-а-а!!

— Земля! Земля! — подхватывают холмы.

— Земля... — повторяет ветер, как будто бы впервые осмысливая значение этого слова.

— Да, вот мы и вернулись... — шепчет капитан, закрывая глаза.

...В памяти проносятся сотни чужих планет, все меркнет, стирается... Покрывается чернотой, теряет глубину... Звездолеты, старты, потери и открытия, удачи и падения... Это так мало по сравнению с Землей, самой дорогой и близкой!

«Это от счастья...» — устало проплывает мысль.

Капитан с трудом разлепил глаза.

Ровная зеркальная поверхность четко, без единой волны отразила лицо.

Голову мягко приподняли манипулятором. Ударил резкий тонизирующий запах.

Все просветлось, стало на свои места.

Капитан медленно поднялся с кресла и подошел к стене. Услужливо образовалось отверстие, тотчас затянувшись после его выхода.

Впереди светилась преграда — нечто вроде афиши, по которой на родном языке посетителя неторопливо бежали стереобуквы, сливаясь в краткое описание принципа действия АБЭВ. Не прочитав их, нельзя было выйти. Прочтение — ключ!

«Через коническое соединение между полом и блюдом к последнему проводятся улавливатели биотоков посетителя, идущие по ним непосредственно в блоки внутренней системы, соединяющие разрозненные мысли и воспоминания в одно целое. Настроенные заранее на команду центрального блока, экраны отображают связанные события, которые хочет видеть человек-объект на поверхности блюда. С изменением хода мыслей меняются изображения. Следуя непрерывной цепью, подобно мыслям всякого разумного существа, они создают как бы бесконечный фильм — он обрывается с окончанием сеанса. Чтобы у объекта создавалось впечатление, что он сам участник событий, могущий в них вмешаться и изменить по своему желанию, машина добавляет к фильму необходимые запахи, осязательные ощущения. Благодарим за посещение!»

Капитан вышел из здания. Голова кружилась. Перед глазами стояла родина. Далекая, недостижимая и от этого еще более прекрасная.

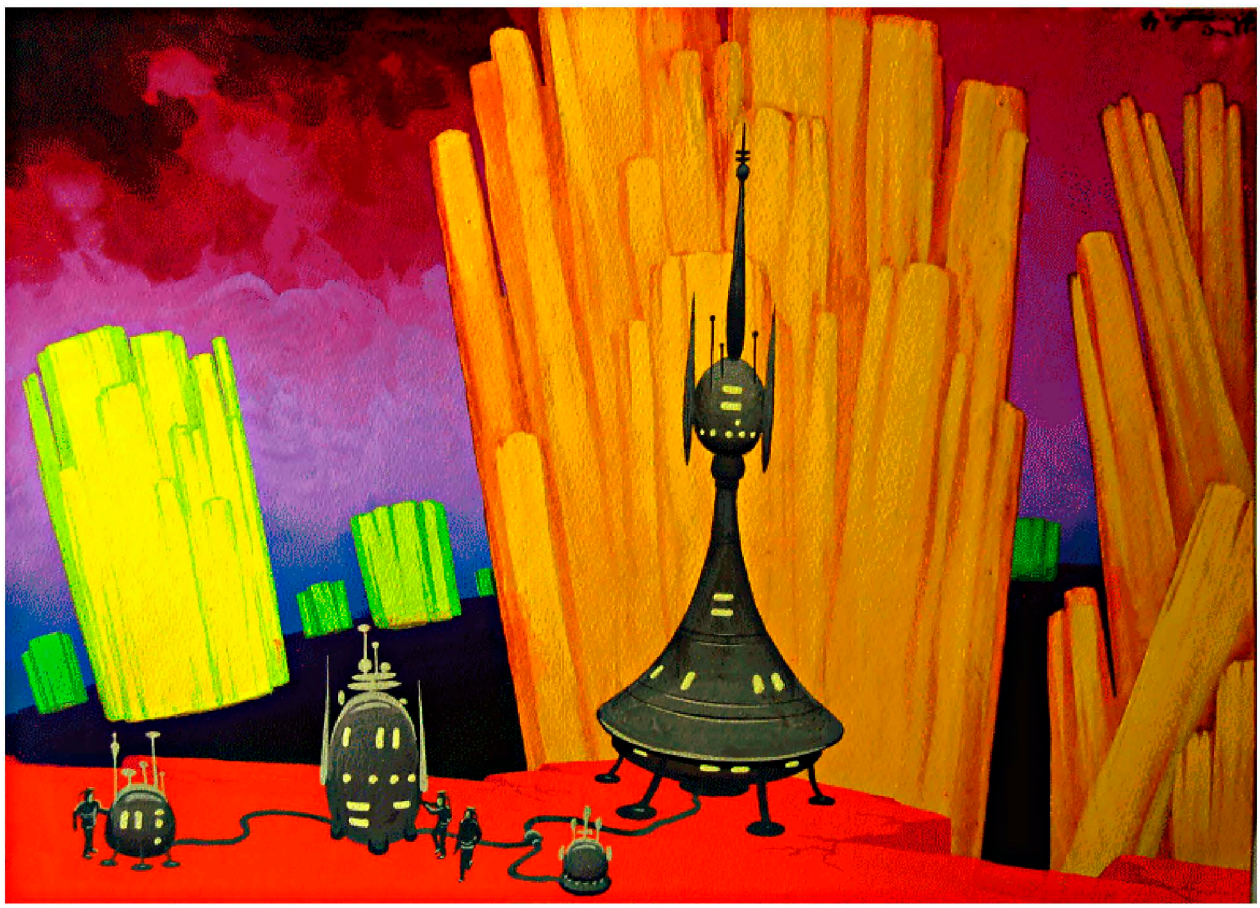
«Участник событий»... Пересохшие губы плохо слушались, но капитан знал, что найдет в себе силы выстоять против ярости Игоря, холодности Ваноса, отчаяния Яна. Он прекрасно знал, что никогда не разрешит экипажу пойти на АБЭВ. Никогда.

Он слишком любил их, чтобы смотреть безучастно, как разъедает их волю тоска по дому.

В.Кисарев «Альфа Скорпиона»

ВРЕМЯ
ПРОСТРАНСТВО
ЧЕЛОВЕК

Н. Недбайло «Живые паруса»



«Планета поющих кристаллов»

ВСЕ ЦВЕТЫ ЗЕМЛИ

МИХАИЛ ПУХОВ

В конце прохладного коридора, рядом с лестницей, ведущей на верхние этажи, висела табличка «Директор института». Чернов толкнул дверь. В большом окне в просвете между деревьями на фоне неба золотились купола старинного храма. За столом у окна сидел человек в розовой рубашке и темных очках. Молодой, красивый, несимпатичный. Он неприветливо смотрел на Чернова.

— Чем буду полезен?

— Мне нужен директор.

— Чем буду полезен? — повторил человек.

Чернов с опозданием понял, что в комнате всего одна дверь — та, через которую он вошел.

— Вы директор этого института?..

— Директора нет. Отпуска, никого нет. Лето, жара, вы понимаете. Я его заместитель. Моя фамилия Буняк, — представился он, не подавая руки. — Чем буду полезен?

Чернов молчал.

— Садитесь, — сказал Буняк.

Чернов опустился в кресло для посетителей. Никакого дружелюбия в лице Буняка он не видел.

— Работать? — спросил Буняк.

Чернов молча смотрел на него. Такой молодой, а уже заместитель. Карьерист, вероятно. Впрочем, теперь все выглядят молодыми и карьеристами.

Буняк ждал.

— Нет, — сказал, наконец, Чернов. — Я космонавт. Я...

— Не нужно. Я и так все знаю.

Буняк щелкнул тумблером и теперь смотрел на невидимый Чернову экран.

— Чернов Анатолий Васильевич, русский, год рождения 1996-й, профессиональный космонавт, покинул Землю в 2020 году, вернулся месяц назад. Вас, вероятно, предупреждали. Теперь каждый носит с собой биографию.

— Но я думал, это просто номер. Комбинация цифр, и ничего больше.

— Верно, — усмехнулся Буняк. — Такие приборы, как у меня, установлены всюду. Он зарегистрировал ваш номер и передал его в Информарий, где хранятся данные обо всех гражданах Земли. Но ведь вы пришли не для того, чтобы я вам это объяснил.

— Да, — сказал Чернов.

Буняк ждал.

— Я вернулся из трудного перелета, — сказал Чернов. — Для Земли рейс продолжался 200 лет. Те, кто нас провожал, мертвы.

— Ясно, — сказал Буняк.

— После возвращения меня поместили в специальный центр. Мне читали там лекции о технических достижениях человечества.

— Ясно, — сказал Буняк. — По-моему, так всегда делают.

— Из лекций я узнал, что современной науке доступны многие вещи, которые нам и не снились.

— Не удивительно, — кивнул Буняк. — Целых два века.

— Я узнал, что даже в области медицины достигнут значительный прогресс. Рак побежден. Неизлечимых болезней нет. Наука вплотную подошла к решению проблемы бессмертия.

Буняк кивнул.

— Еще я узнал, что найден способ оживления мертвых.

Буняк молчал, пряча глаза под темными стеклами.

— Я узнал, что этим занимаются здесь, в Институте реанимации, — продолжал Чернов. — Говорят, вы можете восстановить живое существо по самым ничтожным останкам.

— Даже по окаменевшей кости, — сказал Буняк. — Каждая клетка организма содержит информацию об организме в целом. Процесс реанимации по нашей методике распадается на два этапа. Самое трудное — реанимация клетки. Вторая стадия — окончательное восстановление организма. Этот этап требует много времени и энергии, но принципиально несложен. Первых мамонтов из тех, что живут сейчас в Антарктиде, мы воссоздали именно так.

Буняк умолк. Некоторое время Чернов тоже молчал. Разговор уходил в сторону. Чернов сказал:

— Мамонты. Не понимаю. Неужели нет более достойных объектов?..

— Что вы имеете в виду?

— Людей, — объяснил Чернов. — Из лекций я понял, что вы оживляете только вымерших чудищ. Это потрясло меня гораздо сильнее, чем сам факт. Или я ошибаюсь?

Буняк молчал.

— Я вернулся всего месяц назад,— продолжал Чернов. — Мне у вас многое не нравится. Вероятно, это естественно. Но когда вы воскрешаете мамонтов... Скажите, что я неправильно понял, и я уйду.

Буняк снял темные очки. Глаза у него были усталые, вовсе не молодые.

— Нет, вы все поняли правильно. Но для второго этапа необходимо колоссальное количество энергии.

— Больше, чем для мамонтов?..

— С мамонтами было просто, — сказал Буняк. — Нам предложили реанимировать несколько особей, безразлично каких. Самца и несколько самок. Люди — это другое дело. Поймите, что есть моральные проблемы, не имеющие с биологией ничего общего.

Чернов молчал, глядя на далекие купола в окне за спиной собеседника.

— С годами в клетках живого организма накапливаются необратимые изменения, — продолжал Буняк. — Для человека возрастной порог, за которым реанимация невозможна, составляет около тридцати лет. Если смерть наступила позже, мы бессильны. Но даже с учетом этого остаются миллиарды кандидатур. И возникает проблема выбора.

Чернов молчал.

— Массовая реанимация немыслима из-за энергетических ограничений, — продолжал Буняк. — Другие варианты отпадают. Этические проблемы значительно сложнее научных. Не думайте, что вы первый. Мы бессильны. Поставьте себя на мое место, и вы это поймете.

— Нет, — сказал Чернов. — Вы знаете обо мне не все. Ведь я вернулся один.

Буняк ждал.

— Нас было двое, — продолжал Чернов. — Полет в один конец занял пять лет. Планета, возле которой мы

Клуб любителей фантастики

оказались, была окутана ядовитой, по нашим понятиям, атмосферой. Но на ее поверхности теплилась примитивная жизнь. Это все, что нам удалось установить сверху.

Буняк внимательно слушал.

— Как и другие звездолеты первого поколения, наш корабль не предназначался для посадки. На борту имелся десантный бот — одноместная ракета с ограниченными ресурсами. Как и предусматривалось программой полета, мой товарищ занял место в кабине бота, и мы расстались. Как вскоре выяснилось — навсегда.

Что-то в лице Буняка изменилось.

— Вероятно, вы догадались, что бот потерпел аварию. Но человек уцелел. Он проводил запланированные исследования и передавал мне их результаты. Когда поток информации пошел на убыль и когда окончательно выяснилось, что бот отремонтировать невозможно, мы попрощались, и я стартовал к Земле.

— А он...

— Да, — кивнул Чернов. — Помочь ему я все равно не мог. И нам обоим казалось, что это очень важно — доставить на Землю информацию о биосфере планеты. Да, это было самое важное.

Буняк ничего не сказал.

— Мы служили Земле, — продолжал Чернов. — Мне было нелегко, но поступить иначе я не мог. Сейчас, находясь среди людей, которых эта информация вряд ли интересует, я смотрю на все по-другому. Но тогда нам казалось, что это единственное решение.

Буняк молчал.

— Теперь я смотрю на все по-другому, — повторил Чернов. — Вполне возможно, он уже тогда понимал, что так будет. Просто притворялся ради меня. И то, что я его бросил...

— Не надо, — сказал Буняк. — Вам было труднее. Он был обречен, вы были бессильны.

Чернов не ответил. Он смотрел в окно, в просвет между деревьями.

— Тем, кто бессилен, труднее, — повторил Буняк. — Мы тоже бессильны.

— Нет, я не согласен, — сказал наконец Чернов. — Я все понял, но я не согласен. Действительно, человечество нам ничем не обязано. Для Земли мой товарищ — один из миллиардов. Пусть так. Но ведь были другие.

— Кто?

— Разве мало выдающихся людей жило на Земле во все эпохи, — сказал Чернов. — Людей, без которых ваш мир был бы иным?..

— Не забывайте о возрастном пределе, — предупредил Буняк. — Не старше тридцати лет.

— Все равно. Лермонтов, Галуа... Таких очень много.

— Да, — согласился Буняк. — В этом вся сложность.

— Нет, — сказал Чернов. — Все равно их можно перечислить по пальцам. Дело не в количестве. Но вы... Вы... — Чернов запнулся, нужные слова были, но он не сразу смог их произнести. — Вы ничего не помните!..

Буняк ответил не сразу. Некоторое время он неподвижно сидел на фоне далекого неба, и в его глазах была усталость. Потом он поднялся.

— Да, мы ничего не помним, — сказал он. — Пойдемте.

Через полчаса они стояли на площадке, на вершине ажурной башни над сплошным океаном листвы. Каким образом они здесь оказались, Чернов не понимал — потерял ориентацию. Помнил только, как они долго куда-то шли по улице, похожей на парк.

Под ними до горизонта простиралось зеленое море. Кое-где, как айсберги, возвышались глыбы домов. Над городом было много ветра и воздуха, по верхушкам деревьев бежали волны. Тонкая труба треугольного сечения уходила вдаль. Вдоль трубы на них надвигалось что-то стремительное, беззвучное.

— Монор, — объяснил Буняк. — Монорельс. Теперь это основной общественный транспорт.

Вытянутый вагон прошелестел мимо, не замедлив хода, оставив после себя угасающий порыв ветра.

— Куда мы поедем?

— Все равно, — усмехнулся Буняк. — По-моему, это безразлично.

Новый вагон плавно затормозил у площадки. Его стенка исчезла, они перешли внутрь. Вагон тронулся и понесся над зеленой равниной.

— Я могу знать, куда вы меня везете? — настойчиво повторил Чернов.

— Вы считаете, что мы ничего не помним, — сказал Буняк. — И не хотите понять, почему мы не работаем на людях. Я помогу вам разобраться в этих вопросах.

Чернов молчал, приглядываясь к пассажирам. Одни женщины, на вид совсем юные. Платья — недлинные. Женщины прикрывали колени пышными букетами, аромат незнакомых цветов пронизывал все. Вагон монора двигался быстро, иногда останавливаясь.

— Не понимаю, куда им столько цветов? — сказал Чернов. — И когда они все работают? Полдень, но улицы заполнены гуляющими. Когда они работают — вот что мне непонятно.

Вагон снова затормозил — на этот раз где-то за городом, станция, видимо, была конечной, и вагон монора остановился у самой земли. Девушки с цветами в руках спустились по легким ступенькам и шли теперь по узкой тропинке, извивавшейся между лесом и полем. Буняк и Чернов немного отстали. Тропа поднималась, вверху шумели высокие сосны. В поле колосились злаки.

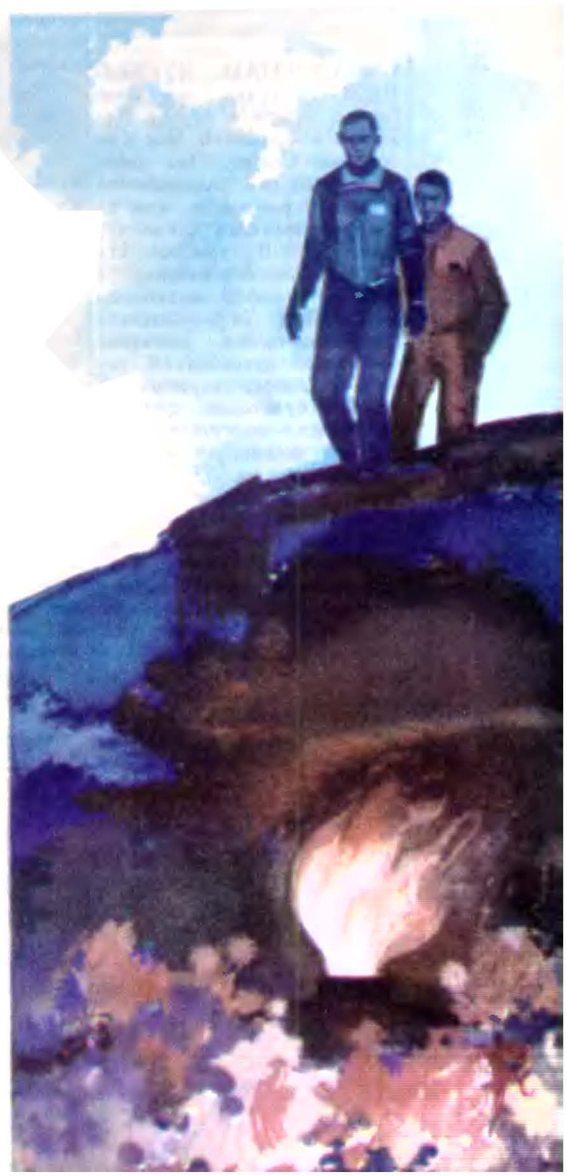
— Сейчас лето, — сказал наконец Буняк. — Отпуска, я уже говорил. Не сердитесь.

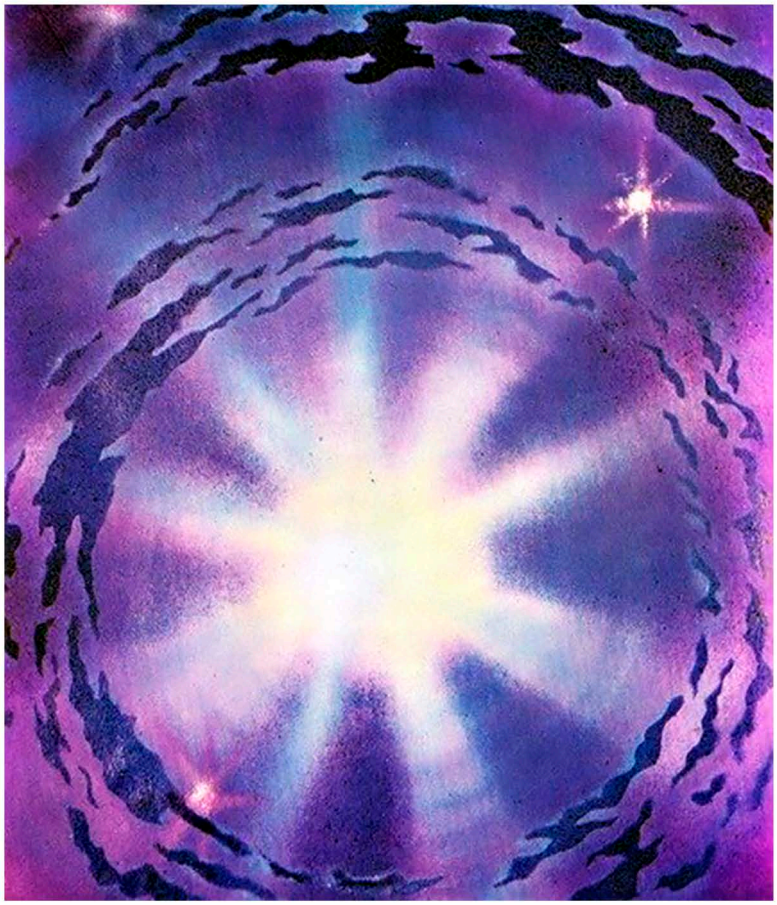
Подъем кончился. Тропа сделала последний поворот. Буняк остановился, а стайка девушек продолжала движение — туда, где на земле под высокими соснами лежала простая каменная плита. И рядом — Вечный огонь.

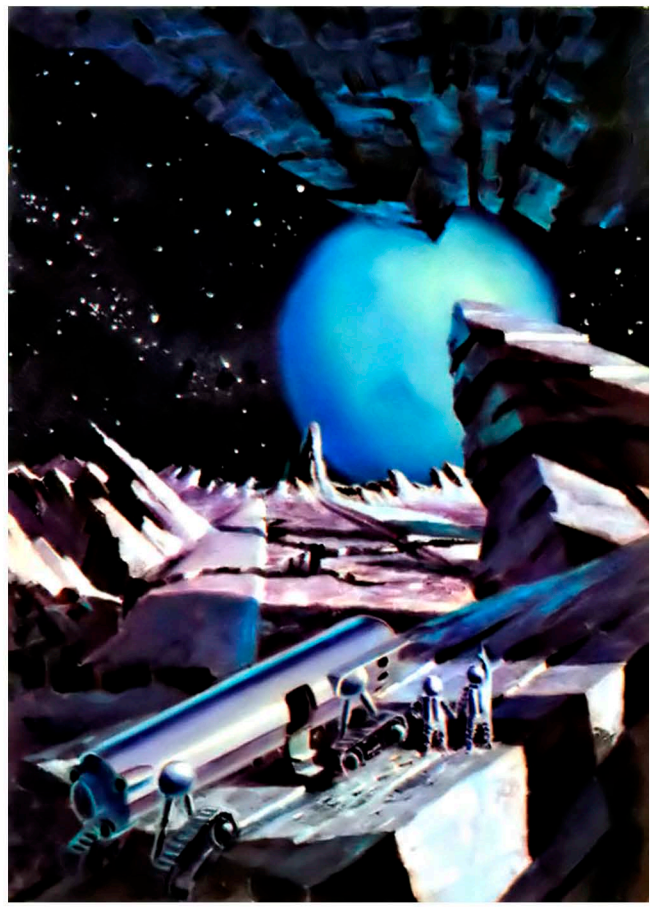
— И вообще не сердитесь, — сказал Буняк. — Все трассы монора оканчиваются в подобных местах. Везде, где когда-то прошла война, земля смешана с прахом погибших. Из каждой ее частички мы могли бы возродить человека. Их десятки миллионов. Большинство почти дети. Они тоже ничего не успели сделать для человечества. Ничего, кроме самого главного. Вот о каком выборе идет речь. Теперь вы понимаете?..

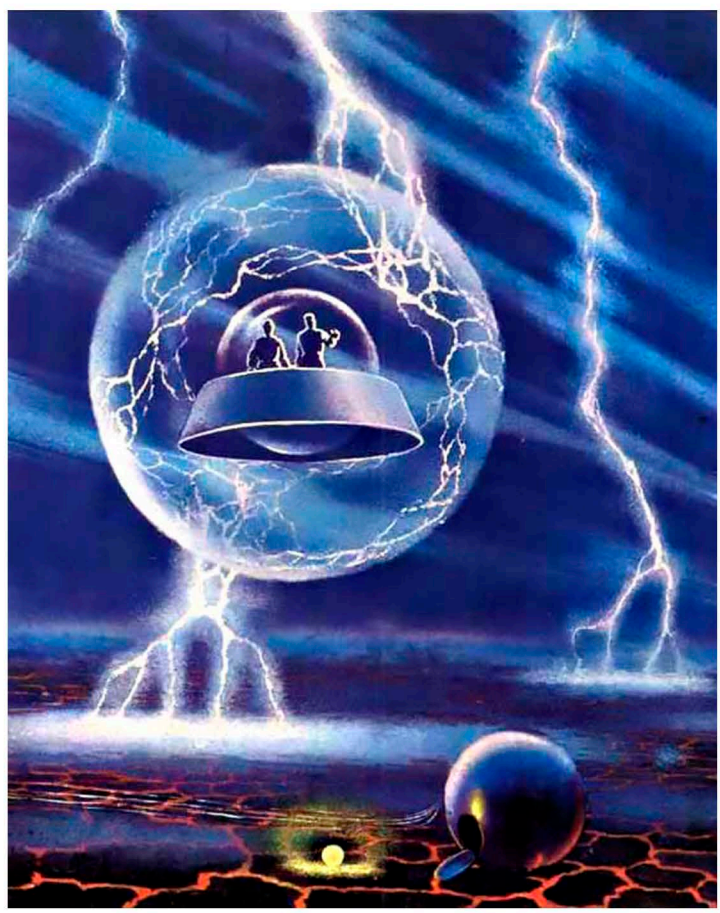
Он умолк. Чернов тоже молчал. Представители разных эпох, они стояли плечом к плечу, а цветы неровными холмиками ложились на темный гранит, и девушки в розовых платьицах отходили с пустыми руками.

Рис. Вениамина Костицина









Желтая электричка

Д. А. ДЕ-СПИЛЛЕР

Рис. С. Повилайтиса

ДВА СЛОВА О СЕБЕ

Я родился в*** году на Марсе. В то время Марс только начинали осваивать. Тогда на нем было два поселка — Северный и Южный, разделенные двадцатью километрами красной пыли. Между пылевыми холмами вилась линия электрички, соединяющая оба поселка.

Когда я родился, в Северном поселке было уже трое, а в Южном пятеро ребятишек первого поколения марсиан.

В семь лет я, как водится, пошел в школу. Школа находилась в Южном поселке, а так как я и мои родители жили в Северном, то на занятия мне приходилось ездить на электричке.

Между поселками ходили тогда две электрички. Одна из них, собранная из доставленных с Земли пластмассовых деталей, была ярко-красной, и ездить на ней мне было приятно. Другой электрички я, откровенно говоря, немного побаивался. Она была изготовлена из местного утильсырья и окрашена в желтый цвет.

Помню, как, стоя в своем маленьком скафандре на перроне, я несколько раз, глядя на подходившую желтую электричку, испытал острое щемящее чувство грусти, смешанной со страхом. Никогда не забуду второй.

На Марсе я окончил четыре класса средней школы. Доучиваться меня вместе с другими ребятами-марсианами послали на Землю. Перед отъездом на марсианский космодром я последний раз в жизни видел желтую электричку, и мне показалось тогда, что, рассматривая ее, я на мгновение разглядел чье-то очень печальное и немного страшное лицо.

Через час я вместе с родителями летел в космоплане на Землю.

По окончании средней школы я поступил в Московский институт математической лингвистики, на факультет космических языков.

Никто не знал в то время, существует ли хоть один внеземной космический язык или нет. Но считалось несомненным, что любая внеземная система кодирования информации, какой бы эксцентричной она ни была, должна все же удовлетворять пяти аксиомам Ле-Блана.

Это было заблуждением, но заблуждением очень привлекательным. Рассеять это заблуждение очень помогла, как ни странно, спутница моего детства, старая желтая электричка. И вот как это случилось.

РИСУНКИ НА СТЕНАХ КАНАЛА

По окончании института я был послан на знаменитый Рухш. Планета Рухш, открытая за два года до моего рождения, удостоилась пристального внимания космобиологов. По-видимому, на Рухше некогда существовала цивилизация, уничтоженная взрывом Аноиды — звезды, вокруг которой он обращается. Беспилотная космическая станция открыла на Рухше систему каналов, несомненно, искусственного происхождения. Вслед за ней на Рухш была послана экспедиция из четырех человек. Прожив там три года, они сделали много находок и, между прочим, нашли мраморную плиту, инкрустированную черным гнейсом так, что ее покрывали узоры, похожие на письмена. Все космолингвисты нашего института самым тщательным образом изучили фотографии этой плиты, но никому не удалось расшифровать начертанные на ней письмена.

Вместе со мной на Рухш отправлялись известный космобиолог Михаил Грачев и космоархеолог Николай Дубницкий. Я, Грачев и Дубницкий должны были сменить трех из четырех человек, работавших там.

Добираться пришлось долго. Некоторое оживление в довольно монотонную жизнь на субсветовике вносили частые споры между Грачевым и Дубницким. Споры шли о возможности существования внеземных существ, внешне похожих на людей. Грачев считал, что это очень маловероятно, а Дубницкий искренне верил в такую возможность.

Мы прилетели на Рухш, когда в его северном полушарии стояло жаркое лето. Опустившись на грунт невдалеке от высокого купола, укрывавшего станцию, мы надели скафандры и вышли из корабля. Был вечер, но белый рухшанский песок поминутно озарялся вспышками метеоров. Старожилы заключили нас в объятия, и после приветствий трое из них тут же улетели в субсветовике, вынуждаемые к этому астрономической обстановкой. Четвертый рухшианский старожил отвел нас на станцию.

Когда мы разделись, умылись, напились чаю и наговорились о делах, хозяин показал нам свой альбом рисунков.

Сперва показалось, что рисунки не имеют никакого отношения к профессии хозяина, который был математиком. Но мы ошиблись, и наш хозяин — Петр Васильевич Баталов — вывел нас из заблуждения.

— Посмотрите еще раз, пожалуйста, на эти рисунки и ответьте мне, не находите ли вы в них что-то общее, — попросил Баталов.

Мы еще раз просмотрели весь альбом. Там были нарисованы десятки очень характерных и своеобразных рож.

— В рожах всегда что-то общее, на то и рожи, — сказал я.

— Рожа кое в чем подобна электрону, — спокойно заметил Грачев. — На это я обратил внимание, еще будучи студентом. Электрон существует не сам по себе, а рождает вокруг себя поле. Точно так же и рожа. Она существует не изолированно, а рождает вокруг себя некоторое эмоциональное поле, и хорошо ощутимое.

— Я скажу вам, что общего между всеми этими физиономиями. Они все нарисованы кривыми переменной кривизны, удовлетворяющими вот такому дифференциальному уравнению. — И, нагнувшись, Баталов написал на бумаге довольно сложную формулу.

— И этим объясняется сходство между физиономиями? — спросил Дубницкий.

— Я не знаю наверное, — сказал Баталов, — но думаю, что да. Я твердо убежден, что с выражениями лиц связаны определенные математические инварианты.

— Давно вы пришли к такому убеждению? — спросил Дубницкий, отхлебнув вина из бокала.

— Еще на Земле. Математическое исследование физиономий — это мое хобби. Но мои успехи пока еще скромны...

— Однако я не назвал бы скромными ваши художественные успехи, — сказал Дубницкий, указывая на совершенно ошеломляющую физиономию в альбоме Баталова.

— Эта физиономия построена исключительно при помощи моего уравнения и таблицы случайных чисел. Мое искусство здесь ни при чем...

Разговор кончился ничем. Мы все вскоре легли спать.

На следующий день утром мы отправились на место раскопок. С четверть часа Баталов вел планетоход по пустыне, лавируя между ослепительно белыми песчаными куполами. Потом впереди показался канал в жемчужно-серой мраморной одежде. Каменное дно канала покрывала тень. Вследствие необычайной прозрачности воздуха тени на Рухше были очень густыми, и канал казался бездонным.

Нырнув в его глубину, планетоход повернул налево и поехал по мраморному руслу.

Дорогой я поглядывал на погруженные в плотную тень, потрескавшиеся плиты, облицовывающие стены канала. Ехать нам пришлось минут двадцать.

В одном месте канал круто изгибался, и, когда мы там проезжали, меня вдруг на мгновение охватило то самое острое, щемящее чувство грусти, смешанной со страхом, которое я несколько раз испытывал в детстве, глядя на подходившую к перрону электричку. Однако я не придал этому значения.

Вскоре планетоход вынырнул из канала и подъехал к месту раскопок. Мы вышли из планетохода и осмотрелись.

Посреди песчаного карьера стоял маленький экскаватор, освещавший дно карьера тремя мощными прожекторами. В этих широтах Аноида никогда не поднимается над горизонтом выше чем на двадцать с небольшим градусов, и если бы не прожекторы, то песок в глубине карьера был бы вечно погружен в плотную тень. Благодаря же прожекторам мы увидели на нем множество мраморных предметов. Там лежали бесформенные куски мрамора, граненые мраморные колонны, мраморные клинья и две больших мраморных плиты, полузасыпанных песком.

Часа полтора мы осматривали карьер, а затем поехали обратно, причем за руль планетохода теперь сел я; трое моих спутников разместились сзади на кожаных подушках.

Открытие, перечеркнувшее гипотезу Ле-Блана, было сделано нами совершенно случайно. Когда мы проезжали мимо места, где канал изгибался, в небе над нами ярко вспыхнул метеор, и в это мгновение прямо перед собой я отчетливо увидел чье-то печальное и немного страшное лицо, которое живо напомнило мне желтую электричку. От изумления я вскрикнул и остановил планетоход. Метеор потух. Ничего, кроме трещин на стене канала, теперь не было видно. Но вдруг в небе загорелись сотни метеоров. Начался один из самых сильных и продолжительных метеорных ливней, когда-либо наблюдавшихся на Рухше. Он продолжался более часа, и за это время мы успели осмотреть и стократно сфотографировать те странные рисунки, которые прежде, в полутьме, всегда принимались всеми просто за трещины на плитах, облицовывающих берега канала.

Долго и пристально смотреть на эти рисунки невозможно: начинает казаться, что вас обступают уродливые, угрюмые существа. Вас охватывает сильнейшее волнение. Становится невыносимо тоскливо. Вы чувствуете головокружение и страшную слабость.

Впрочем, так происходит, если смотреть на них издали. Когда же мы подходили к ним вплотную, то видели только тонкие кривулины, нарисованные черной краской на плитах канала в месте его излома.

Фотографируя эти рисунки, я еще дважды испытал ощущение, подобное тому, которое испытывал в детстве, глядя на желтую электричку. Когда мы закончили фотографирование и изучение рисунков, я, обращаясь к Баталову, сказал, что увиденное связано с некоторыми моими детскими воспоминаниями.

СЕКРЕТ ЭЛЕКТРИЧКИ

Вечером за ужином я рассказал моим товарищам о желтой электричке, о чувстве, которое я испытал в детстве, видя ее, и о том, что сегодня я испытал похожее чувство.

— Нарисуйте, пожалуйста, вашу электричку, — попросил Баталов.

Напрягая свою память, я сделал на бумаге набросок передней части электрички.

— Я объясню, почему эта электричка произвела на вас такое впечатление, — сказал Баталов, — она качнула на вас волну символов печального человеческого лица.

— Но как? — удивился я.

— Вот посмотрите, в середине ее передней стенки помещается дверь, а по бокам двери — два окна. Дверь служила вашему воображению символом носа, а окна — символами глаз. Вы знаете, что когда брови, сближаясь, поднимаются кверху, то лицо приобретает скорбное выражение?

— Но у электрички нет ничего, что могло бы быть принято за брови!

— Совершенно верно! Обратите, однако, внимание, как размещены ее окна-глаза по отношению к ее двери-носу. Они расположены очень низко. Теперь, как бы вы ни пробовали дорисовать здесь брови, вам придется нарисовать их поднимающимися кверху от краев к середине.

Баталов нарисовал на моем эскизе брови и продолжил:

— Посмотрите на огражденную площадку, на которую ступал машинист, выходя из двери. Ваше воображение сочло ее разинутым ртом. Неудивительно, что электричка казалась вам одновременно печальной и немного страшной.

Я согласился с Баталовым, но заметил, что остается непонятным, почему, глядя на открытые нами рисунки, я испытал то же чувство, что в детстве при виде электрички.

— По-моему, — сказал Баталов, — я догадываюсь, в чем тут дело. Общеизвестно, что у нас есть врожденные эмоциональные реакции на выражения лиц. Но я думаю, что мы эмоционально реагируем не на выражения лиц собственно, а на некоторые математические соотношения, сообщаемые нашему подсознанию при помощи выражений лиц. По-видимому, могут существовать и другие посредники, способные передавать нашему подсознанию сообщения о тех же математических соотношениях

и вызывать у нас те же эмоции. Вероятно, кривулины на мраморных плитах являются такими посредниками. И когда вы их увидели под определенным углом зрения, они подействовали на ваше подсознание так же, как марсианская электричка.

— Надо думать, что эти кривулины гораздо интенсивнее, чем выражения лиц, сообщают нашему подсознанию математические соотношения, о которых вы говорите, раз они пронзили на нас с вами такое сильное впечатление.

— Конечно! Я чуть в обморок не упал.

— Но для чего служили рисунки?

— Этого я не знаю.

Этого никто из нас так и не узнал до самого возвращения на Землю.

ГИПОТЕЗА ЙОВАНА ДОБРИЧА

Мы пробыли на Рухше больше года. В первые дни тщательнейшим образом обследовали весь канал и послали на Землю подробный иллюстрированный голографическими снимками отчет о нашем открытии. К отчету добавили изложение гипотезы Баталова о математической подоплеке выражений лиц. Не умолчали и об обстоятельствах, связанных с марсианской электричкой.

Долгое время мы искали на Рухше подобные рисунки, но затем оставили эти поиски, оказавшиеся безрезультатными. Зато сделали еще одну важную находку.

Как-то раз, раскапывая песчаный бугор неподалеку от нашего жилища, Дубницкий извлек из грунта обломок гнейса, на котором было высечено изображение человеческой фигуры. Оно было очень условно. По нему нельзя было достаточно полно представить себе того человека, которого оно изображало. Одно несомненно: это было изображением именно человека, а не какого-либо другого существа! Таким образом, старый спор между Грачевым и Дубницким решился в пользу Дубницкого.

В течение остального времени пребывания на Рухше никаких новых открытий мы не сделали.

Субсветовик с Земли прилетел, когда ударили морозы. Нас сменила группа из восьми человек. Мы же четверо вернулись на Землю.

С гипотезой профессора Йована Добрича я познакомился спустя неделю после прибытия на Землю. Добрич явился в Космический Центр, где я читал лекцию об открытиях, сделанных нашей группой на Рухше, и, подойдя ко мне после лекции, сказал, что хочет познакомить меня со своей гипотезой. Ему было важно знать мое мнение, поскольку я являлся единственным космолингвистом, побывавшим на Рухше.

Согласно гипотезе Йована Добрича могут существовать языки, в которых начисто отсутствуют сообщения о фактах. Такие языки Добрич назвал неизъявительными.

Любой земной язык выполняет две функции. Во-первых, он передает чувства. Во-вторых, он передает сообщения о фактах. Частью речи, служащей главным образом для передачи чувств, являются междометия. Частью речи, служащей главным образом для сообщения о фактах, являются имена числительные. Обычно в языке смешиваются обе эти функции. Речь человека одновременно и выражает чувства, и сообщает о фактах.

Этими двумя функциями не исчерпываются функции человеческой речи. Речь может выражать волю говорящего, побудить слушающего к выполнению некоторых действий...

Добрич предположил, что древние жители Рухша пользовались языком исключительно для передачи эмоций. Это не помешало им создать цивилизацию, и вот по какой причине. Своей речью говорящий рухшианин вызывал у слушающего такое эмоциональное состояние, которое создавало у него внутреннюю потребность в определенных действиях, хотя ему и не было сказано, что он должен делать.

Зачаточные формы такого способа коммуникации можно заметить и у людей. Если некто будет всегда радостно и приветливо встречать гостя, он, и не приглашая гостя заходить почаще, вероятно, добьется того, что гость будет приходить к нему часто. Если же он будет встречать гостя всегда сухо и холодно, то, и не запрещая гостю приходить, он добьется того, что гость приходить к нему перестанет.

Способность однозначно отвечать действиями на разнообразные эмоциональные состояния у человека совершенно не развита. Но она могла быть развита у обитателей Рухша.

Профессор Добрич предположил, что на стенах рухшианского канала записан сложный текст на неизъявительном языке. Это могла быть, например, инструкция по проектированию каналов.

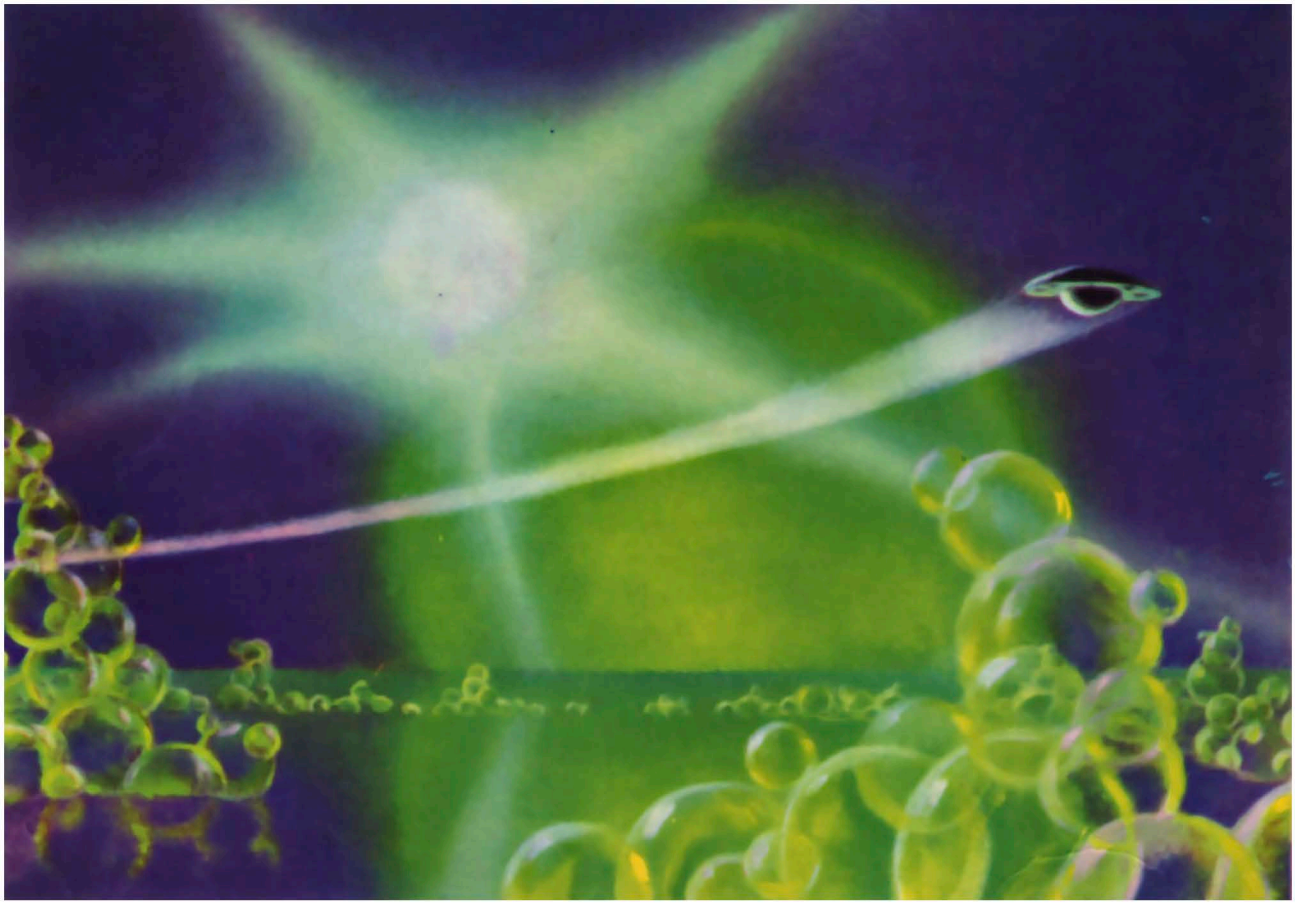
Однако, чтобы «прочесть» этот текст, древний рухшианин должен был пройти ряд разнообразных эмоциональных состояний, каждое из которых вызывало у него потребность в выражении этого состояния посредством определенных действий.

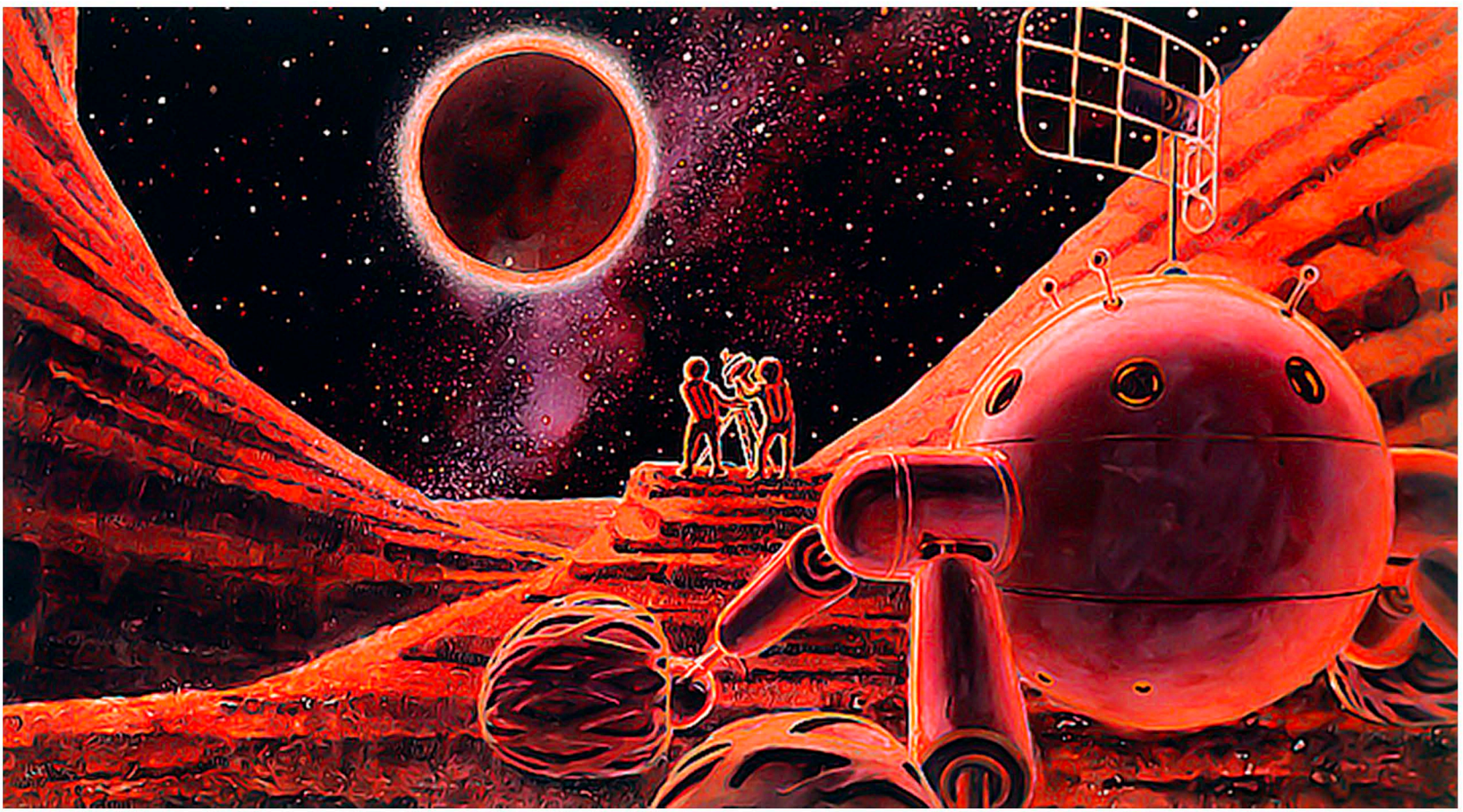
— Когда вам радостно, вам хочется танцевать, — говорил мне Добрич взволнованно, — а рухшианин мог, например, в этом случае захотеть перенести камень из одной кучи в другую...

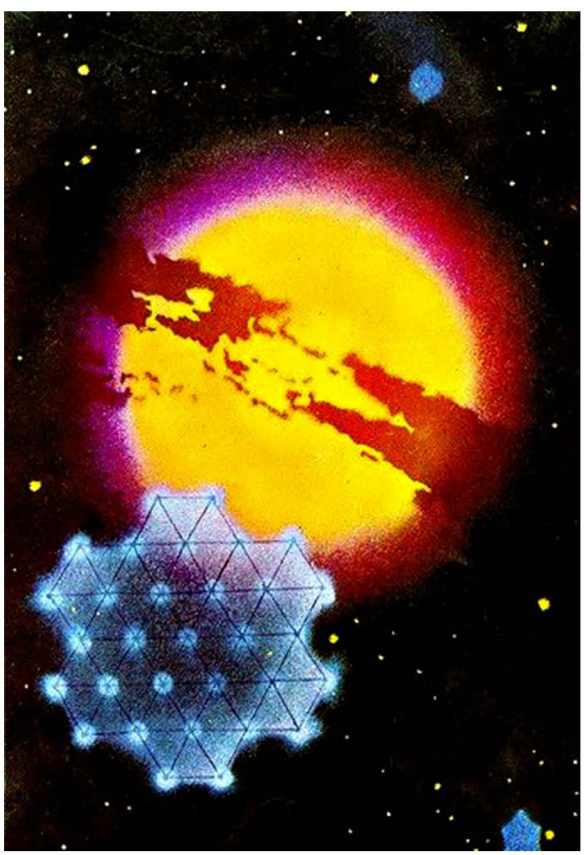
Выслушав профессора Добрича, я сказал, что его гипотеза представляется мне очень правдоподобной.

Ныне обе гипотезы — и Петра Баталова и Йована Добрича — общепризнаны. Новые находки на Рухше подтвердили их и доказали, что «устной» формой общения древних рухшиан был обмен гримасами. Это доказывают снимки со скульптурной группы, найденной неподалеку от карьера. Страшные взрывы, пресекшие попытку землян извлечь из грунта эту скульптурную группу, заставили ученых отложить на время исследования Рухша. Но и уже собранные сведения в достаточной мере подтверждают гипотезы Баталова и Добрича. Что до меня, то я нисколько не сомневаюсь в их справедливости...

Я горжусь своей причастностью к обеим этим гипотезам, но иногда сожалею, что никогда более не увижу на Марсе, покрытом ныне огромными городами и изборожденном автострадами, спутницы моего детства — старой желтой электрички.







ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

Нелинейная фантастика

(Из «Книги замыслов»)

От редакции

Нам часто пишут молодые, начинающие фантасты, присылают свои первые произведения. И у всех одни и тот же вопрос: что мне не удалось? Что сделать для того, чтоб рассказ получился лучше? Как стать писателем?

Как стать писателем — на этот вопрос так сразу и не ответишь. Но в поисках ответа полезно было бы заглянуть в творческую лабораторию писателя. Возможность такая есть — в рассказе Георгия Гуревича описываются размышления писателя над тем, каким суждено быть его будущему роману.

Раздумывая вместе с писателем над явно, нарочито выдуманной ситуацией, пусть даже и сдобренной изрядной дозой столь присущего Г. Гуревичу «нелинейного» юмора, мы видим, как из первоначального замысла прорастает основа — пока еще не во всем ясная — еще не родившегося творения, как появляются герои и вырисовываются их характеры, как, наращивая скорость, срывается с места сюжет, — да, есть во всем этом что-то похожее на труд архитектора, который не был бы архитектором, если б не видел одновременно и полный фасад воображаемого им здания, и рисунок капители какой-нибудь колонны...

Мы думаем, что рассказ Г. Гуревича будет столь же полезен для начинающих фантастов, насколько он оригинален и самобытен.

— Лист, — сказал главный. — Печатный лист. Сорок тысяч знаков, и ни единой запятой сверх того.

— Но я пишу роман, — сопротивлялся я. — В романе проблемы, характеры, конфликты. Характеры развиваются, конфликты переплетаются. Еще научная идея, ее тоже надо объяснить.

Редактор снисходительно положил мне руку на плечо.

— Георгий, ты отстал от жизни. Нашему читателю не нужны объяснения. Он грамотный, он подкован технически, он мыслит. Фантастику вообще читает по диагонали. Ловит намеки на лету, детали сам дорисует, довоображает.

— Довоображает?

— Безусловно.

— Хорошо. Тогда я изложу замысел, а читатель представит себе роман. Договорились? Пробуем?

Главный закашлялся.

— Ну чем мы рискуем, собственно говоря? — сказал он. — Мы экспериментальный журнал.

Итак, пробуем. Рискуем. «Диагональные», поддерживайте!

Ода сложности

Сейчас я задумал, пишу, напишу, если успею в этой жизни, роман под названием «Нелинейная фантастика».

Термин «нелинейная» взят у точных наук. В природе есть простые процессы, зависящие от одной причины, они описываются простыми линейными уравнениями с однозначным решением, единственным и безупречным. Нелинейные же процессы зависят от многих причин, и у нелинейных уравнений много решений — два, три... пять... пятнадцать, в зависимости от степени, действительные, мнимые... Путайся с ними.

С возрастом меня все больше увлекает сложность. Мне интересно проследить, как из лица выглядывает изнанка, как она превращается в новое лицо, как черное становится белым, а белое распадается на семь цветов радуги. Меня восхищает относительность пространства и времени, бесконечность космоса и неисчерпаемость электрона, переход количества в качество, единство и борьба противоположностей и отрицание отрицания. И мне все хочется рассказывать, как великолепно, увлекательно сложен мир, жизнь и человек.

Кажется, читатели пожимают плечами. Человек сложен! Да кто же не знает этого?

Все знают. Но забывают. Упускают из виду. О бесконечно сложном человеке говорят простенько: «скверный малый», «хорошая девушка». Да кто же из нас (из ваших знакомых) бывает всегда, при всех обстоятельствах, для всех на свете хорош или плох? Но и взрослые литературоведы делят героев на положительных и отрицательных, настаивают, чтобы писатели дали образец, достойный подражания. Даже ученые нередко утверждают, что природа склоняется к простоте, ищут простые законы...

Ничего подобного, природа ни к чему не склонна. Она бездушна и автоматична. Очень обширна и от обилия однообразна. Плодит очень много похожих тел: много звезд, много атомов, много песчинок, травинок, комаров. Но как же бесконечно сложен каждый комар! Нет, не природа,

это мы склоняемся к простоте. Я сам стремлюсь. Вот в пятый раз переписываю эту страничку о сложности, все пытаюсь вытянуть в линеечку спиральную пружину.

Дело в том, что простота проще, понятнее, доходчивее.

Простота легче, экономнее, рациональнее. Ехать по асфальту просто, прокладывать новую дорогу — сложно. Бессмысленно прокладывать новый путь для каждой поездки.

Простота производительнее. Работать автоматически проще, и руки рабочего движутся автоматически. Нельзя тратить время на обдумывание каждого движения. Шофер автоматически жмет на тормоза. Если задумается, будет авария. Задача обучения: привить автоматизм.

И так как животному словами не объясишь, что оно должно стремиться к автоматизму, природа сделала так, что автоматичность приятна. А непривычное трудно, вызывает напряжение... даже стресс.

Нам тоже приятно простое и привычное. «Привычка свыше нам дана, замена счастию она».

Но у понятной, рациональной, производительной и приятной простоты есть и недостатки.

Во-первых, она приблизительна. Природа-то бесконечно сложна, простые формулы — это упрощение. Они правильны от сих и до сих, а где-то за горизонтом неверны.

Простота склонна к потребительству. Съесть обед просто, купить продукты в магазине — чуть труднее. Вот вырастить хлеб — намного сложнее. Послушать музыку просто, исполнить — сложно, сочинить достойное — еще сложнее. И так далее, подбирайте примеры сами.

Простота консервативна, кроме того. Ведь повторять просто, придумывать куда сложнее. И в результате простота не подготовлена к новому. Новое — не заасфальтированное шоссе.

Прогресс требует сложности, сложность — прогресса.

Но я хочу сказать не только о том, что сложность необходима. Она еще и увлекательна. Это очень хорошо, что природа бесконечна и бесконечно сложна. Простые-то истины давно известны, но на нашу долю осталось полным-полно непонятных сложностей.

Сложность щедра. Ибо простое, доступное давно используется. Но в бесконечной природе впереди всегда больше, чем пройдено. Впереди больше богатств, чем найдено.

Сложность тоже приятна, но по-своему. Она нелегка, но тем почетнее победа. Ах, невелика честь подняться на лифте на десятый этаж, но как же гордятся покорители вершин, где не ступала нога человека! Как приятно распутать клубок, который никто до тебя не распутал!

Славно, что природа заготовила для нас столько головоломок, что пространство и время относительны, космос бесконечен, электрон неисчерпаем, количество переходит в качество, превращается в свою противоположность и отрицается отрицание. Увлекательный мир. Великолепно сложный, великолепно запутанный!

Вот я и хочу написать книгу об этой сложности.

Инфант

Для иллюстрации мысли нужны примеры. Пожалуй, в строительстве можно найти немало. И не потому, что сам я инженер-строитель по образованию. Вообще ломать просто, строить посложнее.

Вот, например, проектируется самолет. Идет борьба прочности и легкости. Чтобы взлететь, нужен легкий корпус и мощный двигатель, но мощный двигатель много весит, нельзя ли его облегчить? Горючего взять

побольше? Но баки и горючее тоже имеют вес. Еще облегчить кузов? Непрочен будет. Сделать поменьше? Пассажиров будет меньше. Взлететь выше, где сопротивление меньше? Но для подъема нужна скорость, мощность, горючее. Выигрыш за счет формы, за счет обтекаемости? Ломают головы конструкторы, решают на ЭВМ нелинейные уравнения.

Нет, я не о самолетах напишу. У нас в фантастике фантастические примеры. Не самолет, а звездолет, не новое платье — новое тело. И если стройка, то планетарная: осушение целого моря, сооружение целого хребта, вкрест Уралу — от Кар-

Рис. Игоря Шалито

пат к Орску или от Фииляидии на Норильск.

А что он даст, такой хребет? Что принесет, что испортит? Заранее надо бы проверить.

Вот для проигрывания самых фантастических мечтаний и создан Инфант — научно-исследовательский Институт нелинейной фантастики.

Всяческие идеи из сказок и умов мечтателей присылаются туда для опробования. Производится оно на моделях, технических и математических, как и в обычных институтах. Звездолет, или горный хребет, или скатерть-самобранку, или шапку-невидимку кодируют там, то есть превращают в милое изящное нелинейное уравнение с полудюжиной корней, переводят в двоичную систему, записывают дырочками на ленте и поручают решать послушной машине. И машина выдает решения, действительные и мнимые. А научные сотрудники пишут заключение: «стоит стараться» или же: «не стоит».

Кроме того, в Инфанте есть и еще одна машина — ППП, то есть Проектор Произвольных Параметров. «Произвольные параметры» в переводе на человеческий язык — это все, что в голову взбредет. А проектор — это экран, на котором показывается то, что взбрело. Видно, как будет выглядеть осушенное море, или скатерть-самобранка, и к лицу ли вам шапка-невидимка. В последнем случае ничего не будет видно.

Но частенько внешний осмотр дает слишком мало. Надо бы в деле испытать идею.

На одной всемирной выставке видел я дом, похожий на соты. Каждая сота — квартира, перед каждой — балкон. Твой балкон — крыша нижнего этажа. Выглядело оригинально, красиво, пожалуй, заманчиво. Но надо бы пожить в таком доме, испробовать, насколько это удобно.

Или новое тело. Тут баланс нужнее всего. Переделаешь тело неудачно, душу искалечишь. Необходимо пожить в нем, попробовать. А как попробовать?

Такую задачу решает лаборатория № 17.

Приглашаются герои

Я отвел Инфанту отдельный остров на Белом море. Рядом тундра, тайга, морские просторы — достаточно места для масштабных опытов.

В институте, как полагается, будут директор, научный руководитель, ученый совет и секретарь совета, старшие научные сотрудники, младшие научные сотрудники и хорошенькие лаборантки, столовая, бухгалтерия, получка 5-го и 20-го, клуб и танцы в клубе, предпочтительно — старомодные. Но я не собираюсь рассказывать обо всем. В центре будет лаборатория 17.

В кино на главные роли приглашаются артисты из других фильмов, проявившие талант, полюбившиеся зрителю и подходящие по внешним данным. Здесь я приглашу в лабораторию героев из других моих рассказов, людей талантливых, способных возглавить лабораторию, подходящих по характеру, — Гелия Десницкого и Бориса Борисовича — ББ.

Гелий — молодой инженер из «Месторождения времени» — человек с КПД около 1000 или 1200%. Он изящен, с тонким лицом, нежным, деликатным голосом. Но больше всего на свете он любит спорить, чаще всего — с упрямой, неуступчивой неподатливой природой. В споре яростен, напорист, как носорог, забывает все на свете — деликатность, дипломатичность, интересы друзей, свои собственные. Уверен, что все на свете можно решить, все можно изобрести, лишь бы взяться как следует. Браться предпочитает с противоположного конца, еще не испробованного. Дело для него превыше всего, отраднее всего — победа над материалом.

Борис Борисович (из «Дельфинии») старше лет на двадцать, грузен, малоподвижен, предпочитает все свободное время проводить на кушетке. Любит вдумываться, любит солидные старинные книги средневековых или восточных философов, где каждая строчка многозначительна и иносказательна — этакий словесный ребус. Любит, когда к нему приходят гости изливать душу, не столько помогает, сколько сочувствует, так сказать, выслушиватель на общественных началах. Утверждает, что каждый живой человек интереснее романа, надо дать ему выговориться. Гелия тоже выслушивает охотно, чуточку с иронией, снисходительной. Уважает за энергию, напор и непреклонность и осуждает неуемную энергию, напор и непреклонность.

Я думаю, что они оба окажутся на месте в институте и в книге, где идет извечный спор сложности с простотой. ББ видит мир глубже, сложнее и склонен почтительно отступать перед сложностью. Гелий воюет со сложностями, чтобы подчинить и упростить. Глядя из окна на живописные холмы, ББ восхищается нетронутой природой. Гелий, глядя из того же окна, мысленно прокладывает шоссе. «Вы загадите чудесный лес», — вздыхает ББ. «Мне надо бетон возить», — отвечает Гелий.

Могу добавить, что ББ холост, хотя очень ценит нежную девичью красоту. У Гелия все время романы. Их много. Не хочется сплетничать.

Кролики Инфанта

Итак, события происходят в научном институте. Фантастику такого рода я окрестил лабораторной. Сюжеты у нее бывают двух типов: с узнаванием и без оного.

Сюжет без узнавания взрослее. Это просто психологический роман об ученых. Дан институт, научная проблема сообщается в первой главе, не засекречивается, читателя не интригуют. Дан, например, институт, идущий на грозу. Среди научных работников есть смелые, честные, бескорыстные, есть корыстные, бессовестные карьеристы. Идет борьба, честные, конечно, побеждают и попутно побеждают грозу.

Да, бывает так в подлинных институтах. Бывает изредка и иначе: честные и бесчестные бьются-бьются, колеблющиеся колеблются, равнодушные и трусливые стоят в сторон-

ке. беспринципные переходят со стороны на сторону, а грозу побить не могут. Не дается в руки природа.

Сюжет с узнаванием занимательнее. Читателю не сразу сообщается, чем занят институт, автор о грозе помалкивает. Не знает этого и герой. Он посторонний. Самое убогое и серое — он скверный корреспондент, не ведающий, куда его послали. Или же — заблудившийся турист, или озорной мальчишка, перемахнувший через забор, или родственник директора, или чужестранный разведчик, или же жертва злоумышленных зарубежных ученых, похищенная, чтобы ставить на ней опыты. В этом варианте герой ничего не знает, ловит намеки, складывает догадки, читатель гадает вместе с героем.

Инфант настойчиво толкает меня на сюжет с узнаванием. Лаборатория № 17 занимается примеркой тел. Примерка идет на потребителя, не на профессионалов. А потребители — посторонние. Притом люди без специальности, без квалификации. Специалисты не поедут на Белое море в неведомый НИИ.

Без квалификации, но не малограмотные. Нужны такие, которые сумеют внятно рассказать, как они себя чувствуют в новом теле. Лучше — с законченным средним образованием. И вероятно, холостые, поскольку семейные тяжелее на подъем.

Ну вот и определился круг выбора. Холостые, грамотные, без квалификации. Значит, окончили десятилетку, в институты не поступили. Молоды, свободны, немного растерянны, склонны нырнуть в неведомое.

Я долго подбирал имя главному герою. Употребительных имен у нас не так много: около сотни мужских, полсотни женских. Притом в литературе они приобрели смысловую окраску. Коля — это деревенская нетронутость, чистосердечная простота. Жора (Георгий) — бойкий, ушлый малый, проворный и не слишком честный от излишнего проворства. Андрей и Сергей — символы твердости и правильности. Эдики — отрицательные пошляки и низкопоклонники, любители западных мод, джаза, беспринципные соблазнители. Валентины — из мягкотелой потомственной интеллигенции. Валерки — названы в честь Чкалова, для меня они старовaты. Виктор? Витя? Виталий? Ну пусть будет Виталий. Не очень затасканное в литературе имя, городское. Талка, Виталька? Как звучит? Ладно, пусть будет Виталий. Все равно в книге он — я.

Он — я, не потому что он — я. Виталий — рассказчик. Я — автор, предпочитаю эту лирическую форму, поскольку она позволяет отвлекаться в сторону, рассуждать о том о сем, обо всем, что в голову взбредет. Но, конечно, Виталий — не я. Сорок лет разницы как-никак. Единственное сходство: как я, он собирался стать писателем. В отличие от меня поступал на филологический. И не сдал. Из-за характера. Виталий — парень наблюдательный, склонный к размышлениям, любит вдумываться в сложности (а иначе я не поручил бы ему вести рассказ). Он не слишком самостоятелен в жизни, не заводила, неинициативен, но рассуждает самостоятельно, даже самонадеянно. Есть тут и мальчишеская бравада, жажда идти наперекор старшим, независимость показать. В школе это ценили, на приемном экзамене он получил тройку за сочинение. Вздумал критиковать Достоевского. А на литературоведов производит очень плохое впечатление такое неуважение. Не видит величия классика, значит, не понял, не разобрался.

Сейчас даже трудно припомнить, как пришли ко мне товарищи Виталия. Десяток набрался постепенно: семь парней, три девушки, целая учебная группа подопытных кроликов Инфанта.

Илья — математик. Лохматый, неряшливо одетый, неумеренно талантливый абстрактный мыслитель с корявыми неумелыми руками. Нередко такие бывают заносчивыми, способностями кичатся. Но Илья добродушен. Неловкость кажется ему существеннее врожденного дара. Он старательно подражает умелым, без высокомерия консультирует несообразительных. В общем, кролики любят его.

Филипп — обязательный в каждой компании балагур. Очень общителен, потому что не уверен в себе. Смешит, чтобы быть в центре внимания. Готов даже себя выставить на смех. Наедине с собой теряется, впадает в уныние. На людях парень дельный и исполнительный.

Павел — стержень, хребет группы, самый взрослый духовно. Не слишком способен, возможно, не успел развить ум чтением. Некогда было. Старший брат в многодетной семье, смолоду добытчик и работник. И в обществе сверстников всегда помнит о товарищах, не только о собственных интересах.

Роман — спортсмен, перворазрядник. Не дотянул до мастера. Любит природу, любит действовать, не очень любит думать. Может, потому и не дотянул до мастера. Не сумел перехитрить соперников. «Не сумел навязать свою волю» — называется это в спорте.

Игнат (по Эдик по натуре) — способный малый, мог бы быть дельным, но глубоко убежден, что «работа для дураков». Стезя умного: устроиться, устроить, достать. Разыгрывает бывалого, намекает на влиятельные знакомства. Но в глубине души перепуган, не верит в самого себя, при первом испытании впадает в истерику. Его отчисляют сразу же. И в книгу он попал, бедняга, чтобы быть отчисленным.

Безымянный соня. Тоже попал, чтобы быть отчисленным. Девиз его жизни: «Где бы ни поспать, лишь бы поспать». Его тоже отчислят, потому что Инфанту не нужны бесчувственные кролики, способные проспать землетрясение. Что они расскажут потом?

Теперь о девушках. Первая — Ольга, моя любимица. Очень хорошая девушка — прилежная, трудолюбивая, принципиальная. И хорошенькая, кроме того: с удивительно тонким лицом и тонкой талией, этакая березка, прорисованная перышком. Почти не подкрашивается. И так хороша, от природы. Сознает свои достоинства и не снисходит до кокетства. Когда-нибудь появится в ее жизни принц, полюбит и будет носить на руках. Так понимает любовь: ее носят на руках. Сама холодновата: Ольга, не Олечка. Несколько пассивна. Ждет, чтобы ей указали, пригласили, помогли. Но терпеливо ждет, без хныканья. Никогда не теряет достоинства, даже в опасных положениях.

Провал на экзамене был большим ударом для Ольги. У себя в районе она была гордостью школы и роно. Привыкла быть отличницей, добивалась успехов настойчиво и сосредоточенно. Не слишком начитанна... не тратила время на внепрограммное чтение. Боюсь, что я добавил каплю дегтя в характеристику образцовой героини. Но это школа виновата. Недостаток от исполнительности.

Ташенька (Таисия — не Наташа) — подруга Ольги, одноклассница, но не отличница. Кургузая толстушка, добросердечная и добродушная, жалостливая, любит детишек, щенков, котят, птенцов, выпавших из гнезда. Молитвенно влюблена в подругу, но даже не пытается подражать. Скромна... как-то громогласно скромна. Все время подчеркивает свою беспомощность. Может быть, это своеобразная форма кокетства. «Глядите, какая я слабая! Скорее сюда, все на помощь ко мне!»

Алла — антипод Ольги (и Ташеньки). Не очень хорошая девушка в куртке с хризантемами и алых штанах. Способная, даже талантливая, но училась посредственно, потому что всегда увлекалась чем-нибудь: фигурным катанием на льду, Кафкой, шейком, собаководством, киноартистами. Интересуется мальчиками и не скрывает этого. С девочками не ладит, и они ее недолюбливают. Склонна рисковать в отличие от боязливой Ташеньки и разумно осторожной Ольги.

Ну вот, характеры есть, целый десяток, незрелые, способные к развитию. Теперь надо их столкнуть, и завяжется интрига.

(Окончание следует)

Рис. Галины Бойко и Игоря Шалито

Георгий ГУРЕВИЧ

Нелинейная фантастика

(Опыт конструирования научно-фантастического романа)

Окончание. Начало в № 6

Таблица ролей

Ну вот, характеры есть, целый десяток, незрелые, способные к развитию. Теперь надо их столкнуть, и завяжется интрига.

Но разве суть в столкновении характеров? О нелинейной фантастике идет речь.

Я даже не решил еще, кто кого полюбит. Боюсь, что все шестеро парней (кроме полусонного) влюбятся в Ольгу. Мальчишкам свойственно стадное чувство. Все это не так уж важно для Инфанта. У института своя программа испытаний, и она диктует последовательность глав.

Некогда я удивился, прочтя у Алексея Толстого, что он не составляет план романа о Петре. Есть у него характеры, герои живут. Когда обдумывается очередной эпизод, автор решает, кто в нем принимает участие и как действует. Я недоумевал... верный последователь плановости в литературе. Потом понял, что на самом деле план есть и в «Петре». План за писателя составила история. Есть порядок в событиях: свержение соправительницы Софьи, стрелецкий бунт, Азов, Голландия, битва под Нарвой, Шлиссельбург, закладка новой столицы...

Нечто подобное получается у меня с Инфантом. Все кролики проходят через одни и те же эпизоды. Все они завербовались в Инфант, потому что не попали в институты, все встретились на пристани в Беломорске, все ехали на остров на пароходе и в пути попали в аварию, все... и т. д. Обстоятельства были одинаковые: проявлялись по-разному характеры. Я могу составить таблицу: по ординате — обстоятельства, по абсциссе — имена. Я даже составил ее.

Вот первая строка: не попали в институт. Почему?

Виталий — из-за неуместной самостоятельности. Оригинальничал, независимость демонстрировал. Не потрафил.

Филипп — из-за несамостоятельности. Скучал в одиночестве за учебниками. Все компаньона ждал. И подготовился плохо.

Илья — из-за неорганизованности. Решил задачу быстро, но зачем-то искал более красивое, нетривиальное решение. Зря потратил время. Не успел переписать начисто. Заспешил, перепутал плюс и минус.

Павел стремился заработать. Мало времени отвел на подготовку.

Алла тоже не успела. Любовь крутила.

Роман уповал на свои спортивные достижения. Но неосторожно подал в институт, где директор был равнодушен к стадиону.

Игнат-Эдик мог бы подготовиться, но он же считал экзамен делом второстепенным. Главное — устроить телефонный звонок. Не удалось. Отец подвел. Заявил, что сам он начинал рядовым солдатом и никто его не устраивал в академию.

Ольгу подвела ее собственная школа. Предъявляла пониженные требования, в Москве девушка не вытянула. И самолюбие не позволяло ей вернуться в родной район с клеймом поражения.

И Ташенька не вытянула, само собой.

Что касается безымянного сони, он все проспал. Вообще, жил на авось. Повезет — примут, не повезет — не примут.

Строка вторая: все десятеро поступили на работу в некий таинственный, по-видимому, закрытый институт: НИИНФ. И вот, встретившись на пристани в Беломорске (могу рассказать, как они были одеты), ребята гадают, что такое НФ.

— Новейшая физика, — уверен Павел.

Виталий, словесник, напоминает, что с буквы Ф начинается много наук: философия, филология, физиология, фототехника...

— Но зачем же филологию помещать в Белом море?

— Институт нерешенных формул, — мечтает Илья.

— Неплановое финансирование, — предполагает Игнат.

— Небесный футбол, — приходит в голову Роману.

А Ташеньке — новые фасоны.

— Институт наивных фифочек, — подкалывает Филипп.

— Нахальных фанфаронов, — готова отбрить Алла.

Так, гадая и зубоскаля, они представляются друг другу и читателю. У кого что на уме.

Не в каждой сценке каждому предоставляется слово. Но я, автор, знаю, что они сказали бы. Сами подсказывают. Появившись на свет, мною же порожденные герои упрямо гиут свою линию. Иному надо бы дать задание, поручить высказывание, а он упрямится: не в моем характере.

А с другой стороны, мне легче. Дан эпизод. И герои готовы. Сами диктуют, как им хочется проявиться.

Необитаемый остров

Именно необитаемый. В Белом море полно таких островков. Скала в полкилометра длиной, мох, черника, корявые, пригнутые ветром к земле карликовые березки. Вокруг молочная мгла, угрюмые туши других скал на горизонте.

Ночная тревога на пароходе. Пассажиров поднимают с коек, сажают в шлюпку, велят грести к ближайшему островку. И вот они выбираются на мокрые камни — семь парней, три девушки.

Я-то, автор, знаю, что это учебная тревога. Инфаит испытывает, как ведут себя кролики в чрезвычайных обстоятельствах. Но испытуемые не знают... восприиимают робинзонаду всерьез.

Плачет испуганная Ташенька. Ольга молчит, крепится. Для нее важно всегда сохранять достоинство. А больше всех шумит Игнат. Кому-то грозит, обещает жаловаться, кричит, что «кто-то виноват, кто-то обязан спасать». Но некому звонить по телефону. Тут, на пустынном островке, мастер устраиваться и устраивать теряет почву под ногами. Он в панике и сеет панику.

Павел первым принимается за дело. Дождь идет, холодно, девчонки простудятся. Навес прежде всего. Костер хорошо бы. У кого есть спички? Собирайте дрова. Его примеру следуют Виталий, и компанейский Филипп, и неловкий Илья, и Роман. Филя уже балагурит. Он растеряется только в одиночестве. Его слушают. Смеются. Что еще иужно?

Роман приволок самое большое бревно, плавинк нашел в темноте. Гордится силой. На Ольгу посматривает, ждет одобренля. Все они смотрят на Ольгу.

Виталий, коиечио, все подмечает, запомнпает. По привычке подбирает выразительные слова, чтобы позже иаписать рассказ о смертельной опасиости? А опасиость смертельная? Едва ли. В семнадцать лет не верится в реальность собственной гибели. Но все-таки страшновато, сосет под ложечкой.

С утра проблема еды. Черникой не прокормишься. Но есть грибы. И ловятся рыба. В Беломорске Виталий разглядел, что тамошние ребята ловят камбалу острыми палочками. Протыкают, так и носят улов, нанизывая. Набирается на жненькую уху. Трудио ловить: снаровки нет, и вода ледяная. Походи в ней!

День проходит, другой, не появляются спасатели. Павел предлагает строить плот. Кто поплывет рискуя? Кого оставят слабых кормить? Характеры подсказывают.

А соия все спит. Авось обойдется. Когда спишь, меньше есть хочется.

Вертолет прибывает иа четвертый день робинзонады, когда Роман, Виталий и Алла отчалнвают на плоту. А вы других послали бы?

Волетворцы

Лаборатория номер 1 похожа сейчас на класс. Борис Борисович сидит за кафедрой, откинувшись, зорко поглядывает сквозь прищуренные веки, Гелнй бегает из угла в угол, с жаром объясняет задачу восьмерке испытателей. Восемь осталось. Выслушав рассказы о пребыванин на острове, Гелий и ББ отчислили двоих: соню, которому рассказать было нечего, и Игната, который только грозил пожаловаться. Крайности: излишнее спокойствне и излишнее возбуждение мешают опыту.

— Итак, вы отправитесь в Беломорск на день, — говорит Гелнй. — Вам дается дар превращения. Вы сможете как угодно меиять свое тело и лнцо в пределах генотипа человека. За пределы остерегайтесь выходить. Наблюдайте, запоминайте все детали...

— Разве можно менять свое тело и лнцо? — спрашивает Алла. — Ведь это же гены определяют.

Гелий мог бы ответить, что иистнтут исследует пронзвольные параметры. Я мог бы ответнть, что научная фантастика допускает что угодно, даже то, что науке не понравится. Но мне самому неинтересно описывать невозможное, а Гелию неинтересно нсследовать иевозможное. И он объясняет (испытуемым и читателям).

В человеческом теле пять систем управления, которые сложились постепенно в течение двух миллиардов лет развития жизни.

Первая система — генетическая. Оиа обеспечнвает повторение формы тела родителей. Благодаря ей от мухи рождаются мухи, от львов — львы. Без нее внд исчез бы в следующем же поколении.

Но генетическая система не увязана с внешним миром, с временами года, теплом, холодом. И природа добавила к ней другую систему управления — гуморальную, соковую, кровяную. Химический состав сока у низших животных и растений регулирует стадии развития и их своевременность, прорастаиие весной, цветение, плодоношение.

Но гуморальная система слишком медленна. Она пригодна для стадий роста, не годится, чтобы ловить добычу или удирать от хищников. И природа добавила в нее, с медуз начиная, электрическую сигиальную систему: иервиую. А к ней — все более сложную программу действий, в зависнмости от раздражений извне.

Но нервно-вегетатнвная, она же безусловно-рефлекторная, система непригодна в меняющейся обстановке. Она запрограммнрована на всю жизнь и подводит долгоживущих животных. Поэтому природа в основном, иачиная от рыб, присоединила еще четвертую, условнорефлекторную систему, систему накоплення личного опыта. И создала для нее специальный орган — мозг. И создала критерий для отбора полезных навыков: полезное приятно, вредное причиняет боль.

Но условнорефлекторная, четвертая система имеет свой недостаток: она сиюминутна. Больно сейчас, приятно сейчас. Кроме того, она эгоистична: больно мне, приятно мне. Для заботы о будущем, для обмена опытом при жизни потребовалось еще одно усовершенствованне, пятая система управлеиия: сознание, позволяющее выражать опыт словами и передавать словами.

Казалось бы, получен отрицательный ответ: форма тела завнсит от первой системы, и она не подчиняется пятой — сознанню, воле.

Однако в нелинейной природе все гораздо сложнее.

Новые, более совершенные системы проникали в дела старых и постепенно перенимали их. Нервы были созданы для управления движеииями, у человека оии ведают всеми внутренними органами. А безусловнорефлекторных движений осталось не так много: отдергивание, мигаиие. И то можно играть в мигалки, задерживая веки силой волн. Услышав оскорбительное слово, мы красиеем, мы лезем в драку, потеряв соображеине. Иначе говоря, слово, сигнал для пятой системы, приводнт в действие и четвертую — эмоцнональиую и вторую — гуморальную. Вспомнив обидчика, вообразив обиду, мы сжи-

Клуб Любителей Фантастики

маем кулаки, мы скрежещем зубами. Воображение — вот рычаг воздействия на нижние уровни физиологии.

— Мы в Инфанте усилим связь между всеми системами вашего тела, — говорит Гелий. — Мы подчиним ваши гены сознанию. Вам надо будет вообразить желательную форму, и вы получите новое лицо через две-три минуты, новое тело — через десять-пятнадцать.

— А зачем это нужно? — спрашивает Ольга.

— Разве вы довольны сами собой? — спрашивает Гелий быстро.

Вообще-то, Ольга довольна, но кто же признается в таком самомнении? Она молчит. А парни начинают фантазировать.

Виталий, например, хотел бы мыслн читать. Очень нужно это начинающему писателю.

Илья, к удивлению, хотел бы усовершенствовать математические способности. Он выше других в математике, но недоволен своим уровнем.

Однако Гелий ставит условия:

— Чур, мозг не менять. Сначала разберемся с телом. А то напортите — не восстановишь. И еще одно условие: тело любое, но череп вместительный, чтобы сохранить и разум и память.

Маскарад

Это центральная и самая объемная часть романа. Здесь узел, здесь главный опыт, основные приключения.

А в рассказе о романе — несколько страничек. При изложении замысла обоснования занимают больше места, чем действия.

Итак, в маленьком лесо-рыбном Беломорске сразу восемь волшебников, восемь Протеев, меняющих внешность по выбору.

В сомнении они сначала: как же менять внешность?

Виталий (рассказчик) долго раздумывает. Нет у него планов на перелицовку. Потом решает превратиться в Гелия. Тут ревность играет роль. Виталий подозревает, что Ольга неравнодушна к их наставнику.

А где Ольга? Три Ольги сразу. Ольга — подлинная, вторая — Ташенька, конечно, для той подруга — идеал. А третью нипочем не угадаете. Третья Ольга — Филипп. Для смеху и из любопытства Филя принял образ девушки. Не нравится. Парни пристают, напрашиваются на знакомство.

Гелий распознает мнимых. Одна Ольга балагурит, другая все жалуется на беспомощность.

Это я для кино придумал такой эпизод. Представьте, как интересно артистке сыграть три характера в одном облике.

И подлинная Ольга охотно отходит в сторонку с мнимым Гелием. Но он-то оказывается несостоятельным. Не может ответить на серьезные вопросы, не может о себе (о Гелии) рассказать. И стыдно ему становится: вроде чужое платье надел, чужие тайны подслушивает. Поспешно скрывается, чтобы снова стать Виталием.

Прибегает Филипп (и этот вернулся в свой облик). Сообщает, что Роман осуществляет свою мечту. Он видоизменил тело, приспособил для мирового рекорда, собирается выступать на стадионе. У Филиппа озорная идея: он просит Илью и Виталия, главных выдумщиков, изобрести ему сверхрекордное тело так, чтобы обставить Романа.

«Выдумщики» предлагают Филиппу довольно уродливое тельце: тонконогое, обтекаемое, с головой, убранной в плечи. А на макушке шип, как у сверхзвуковых самолетов, воздух пробивать.

И этот уродец ставит рекорд, обогнав опытного и умелого Романа.

Спортсмен оскорблен и обижен. Он произносит речь, самую длинную в своей жизни, о честности в спорте. На беговой дорожке сравниваются сила, воля, опыт спортсмена... а не обтекаемость, придуманная хитроумными конструкторами тел. Это уже не бег, это соревнование моделистов.

А друзья возражают, что Роман и сам моделировал свое тело, стало быть, поступал не по-спортивному.

Дискуссия возникает вторично между Аллой и Ольгой. Алла перелицевалась по-своему. Длинноносая сутуловатая девушка превратила себя в смуглую испанку с вороными косами, талией в рюмочку, соболиными бровями. Оригинал известен — популярная киноартистка. С успехом Алла выступает в местном парке культуры на эстраде, ей бросают букеты цветов. И вот теперь возмущена Ольга. «Человек должен быть таким, каков он от природы, — утверждает она. — Перемена внешности — обман. Это новая форма притворства».

Но Алла за словом в карман не полезет.

— Ты за биологический феодализм, Олечка. Ты родилась красивой. Так это же заслуги родителей, не твои. Нет, внешность надо менять по собственному вкусу. По крайней мере, вкус демонстрируешь.

— Или вкус портнихи, — парирует Ольга. — Или ум друзей, как Филя показал на стадионе.

А Павел считает, что все равно, откуда взялась красота.

— Каждая девочка имеет право на красоту. Пусть всем приятно будет жить, а нам приятно смотреть на всех.

Сам Павел не стал менять тело. Но зато он нашел людей, которым менять необходимо. В городе есть санаторий для маленьких детей. Среди них искалеченные и парализованные полиомиелитом. Павел прибежал посоветоваться. Им-то сделали прививку в Инфанте: гены волетворчества у них в крови. Можно ли перелить кровь маленьким больным? И сумеют ли они сосредоточенно воображать несколько минут? Нельзя ли их лечить заговором, внушая, что вы здоровы, здоровы... здоровы?.. Может быть, опыты на котятах поставить? Но не вообразит ли себя котенок львом?

— Ой, не надо мучить котят, — просит Ташенька.

Девушки отправляются вслед за Павлом. Предпринимать ничего не собираются, хотят только поговорить о новом лечении с врачами. А ребята остаются выручать Филиппа. Чемпион попал за это время в беду.

Игнат оказался на трибунах. Отчисленный застрял в Беломорске, приметив, что тут можно «прибарахлиться». Завел себе дружков в универмаге, они тоже были на трибунах. Игнат привел к ним Филиппа, и гордый победитель забега чистосердечно рассказал, что у него этакая прививка в крови — он может стать каким угодно. Сам-то Игнат не замышлял никакой уголовщины. Его мысли вертелись в круге «устроить — устроиться». Но парни, которые устраивали ему меховую куртку, смекнули по-своему.

— А можешь ты стать богатырем? — спросили они.

Филипп был рад показать свои возможности.

— А можешь стать маленьким, щупленьким?

Филипп продемонстрировал.

И тогда парни, накинувшись, связали его, затащили в подвал и себе перелили его чудодейственную кровь.

И ограбили кассу универмага. Один притворился директором, вызвал к себе кассиршу, другой принял облик кассирши, вынул из сейфа деньги.

О похищении Филиппа рассказал Виталию перепуганный Игнат. Об ограблении парень не знал, но понимал, что впутался в уголовщину. Умолял не выдавать его, обойтись без милиции.

Как разыскать Филиппа?

Роман соглашается стать человеком-ищейкой. Особенного уродства тут нет, он только обостренное чутье приобретает.

Долгий (в романе) путь по следу. Филиппа удается найти, спасти, прежде чем он истек кровью.

Не менее долгая и опасная погоня за преступниками, меняющими свой облик. Их удается настичь. Ребята сами хотят их поймать, чувствуют ответственность за то, что внесли беду в город. В конце концов грабители сами себя губят. Не зная правил

превращения, они принимают облик волков, чтобы укрыться... Но в черепе волка не помещается разум человека. И они забывают «Сезам, откройся». Навеки остаются волками.

На обратном пути из леса Роман, Илья и Виталий слышат сирену. В городе бедствие. Горят окрестные леса. Огонь подошел к окраинам. И угрожает детскому санаторию.

Павел и Алла, превратив себя в амфибий, неуклюжих, обросших жиром, чтобы не замерзнуть, переправляют детишек через пролив на ближайший островок.

Но один корпус отрезан пламенем. И там Ольга.

Надо пробиться туда. Противопожарное тело требуется.

Придумывают его для Виталия. Больше некому.

Пусть будет кожа как у носорога. Под кожей изоляция. Жир? Нет, лучше воздух. Подкожные легкие. И в них запас кислорода. Можно вообще не дышать ртом.

Толстенный, словно подушками обложенный со всех сторон, Виталий кидается в горящий дом. Главное, обещаю, что Ольгу он вынесет на руках. Но не обещаю, что Ольга полюбит его. По литературной традиции полагалось бы. Но 17-летним девушкам их сверстники кажутся такими детьми. Гелий нравится Ольге гораздо больше.

На рассвете, глотая горький дым чадящих головешек, обтекаемые амфибии и огнеупорные толстяки сидят в кабинете председателя горсовета.

Их благодарят за помощь. Предлагают работу и квартиры. Городу нужны люди с редкими талантами: огнеупорные, плавающие, как тюлени, выслеживающие по запаху... Лесные пожары, увы, не редкость, и всегда есть что выловить из воды.

Но кролики Инфанта жмутся, с отвращением глядят на свои жабры и огнеупорные подушки.

— Мы научные работники, у нас особое задание, — говорит Виталий.

Павел, всегда готовый прийти на помощь, предлагает приезжать по воскресеньям.

— Главное, детей лечить, — напоминает Алла.

Смотря где

— Ну и как вы решили, стоит овчинка выделки? — спрашивает Борис Борисович. Он сидит в кресле, прищурив глаза, а Гелий расхаживает из угла в угол. Не волнуется, энергия пышет.

— Не стоит, — говорит Ольга. — Человек должен быть человеком.

— А детишек лечить? — спорит Алла.

А Виталий говорит:

— Смотря где.

Это главные слова. Из-за них построен Инфант.

Среди вас, читателей, среди нас, писателей, есть любители простых решений: «да — нет», «плохо — хорошо». Но обширная природа не укладывается в такие рамки. И обширное открытие тоже.

Можно все это вместить в рассказ? Рассказ по размеру своему тянет к линейности. Взял чужую внешность, чужой ум не получил. Не надо! Вернул малышу здоровье. Надо! Получил дар превращений, сделался зверем и не можешь вернуть человеческий облик. Не надо! Прижми ученых, придумывающих невесть что.

«Надо — не надо» укладывается в рассказ.

Для «смотря где» нужен целый роман.

ППП и ПП

Страсти бушуют. «Стоит — не стоит». «Надо — не надо». Спор идет и в рабочее время, и в столовой. Юные кролики мыслят пока линейно, каждый видит одну сторону, свой личный опыт. И тут является Филипп с криком:

— Чуваки, нас продали! Все обман!

Филипп не был сегодня на занятиях, его положили в больницу. Но чувствовал он себя превосходно, синяки и раны исчезли чудодейственно. Филя скучал в пустой палате. И он сбежал. Побродил по парку, потом с заднего двора забрел в технический корпус. «Что стоишь, малый, помогай тащить!» — крикнули ему. Филя подставил плечо... И постепенно, из разговоров монтажников узнал то, о чем читатель догадался с самого начала. Догадался?

Не было никаких превращений, не было поездки в Беломорск, не было стадиона, грабителей, наводнения и пожара. Были проекторы произвольных параметров — ППП. Проекторам давались «вводные»: программа пожара, программа ограбления; параметры изображались на экранах. А кроме того, была еще приставка присутствия — ПП (я, автор, еще не сконструировал ее мысленно, но думаю, что Гелий сможет — он все может, человек с КПД 1200 процентов). И приставка ПП внушала зрителям, что они присутствуют на экране, принимают участие в событиях.

Филипп горевал и возмущался больше всех. Такие героические события вошли в его жизнь: выпытывали тайну, похищали, заперли, кровь выпускали, на смерть обрекли. На всю жизнь рассказывать! Все мираж. Привиделось, приснилось. Украли геройство у Филиппа.

— Вы нас продали! — крикнул он входящему Гелию.

И другие накинулись:

— Ложь! Аморально! Безнравственно!

— А что же вы хотели? — Гелий с трудом разобрался в мотивах крика. — Хотели, чтобы вас, неопытных, непрактичных, кинули с опасным даром в гущу жизни? Да вы бы себя загубили и черт знает сколько напортили.

— Но зачем обман? — настаивает принципиальная Ольга.

— Не получается иначе. Нет искренности в переживаниях. В памяти хранится: «Это опыт, только опыт». Пробовали мы с научными сотрудниками. Подсознательно помнят об опыте. И просыпаются в минуту напряжения. Все время приходится набирать новичков.

Кролики продолжают шумно возмущаться. И тут раздается жалобный голос Ташеньки:

— Значит, мы не нужны больше?

И все замолкают. Страшнее всего отчисление, прощание с увлекательными опытами Инфанта.

— А это от вас зависит, — говорит Гелий. — Полноценными испытателями вы сейчас не можете быть. Но полно работы в технических корпусах. Филя видел их.

— И кролики станут ишаками, — подхватывает Филипп, уже улыбаясь.

— И это от вас зависит, — повторяет Гелий. — На чем остановитесь. В институте полно научной работы. Учитесь, станете такими же, как мы...

— Зубрами, — подсказывает тот же Филипп.

Но это уже другая книга о нелинейной фантастике. Первая — «Кролики Инфанта», вторая — «Зубры Инфанта». Восемь зубров, восемь отдельных новелл.

Характеры известны. А какие темы они выберут, можно представить себе. Я уже сделал прикидку.

* * *

Ну вот и все. Остается написать роман.

Начать можно так, например:

«Черное море бывает черным только ночью, Красное никогда не бывает красным, а вот Белое действительно оказалось белым. Было оно матовым, цвета чая с молоком, и у горизонта сливалось с таким же матово-молочным небом. И в этом мутном месиве темнели туши островов. Они были похожи на купающихся медведей, или быков, или динозавров...» Некоторое время я упражнял воображение. Не хватило на все острова...

Я обязательно напишу о нелинейной фантастике... в свое время. Я уже подал заявку на 1985 год.

А пока — рассказ о романе. «Диагональные», поддерживайте!

«Станция слежения»

КАРЕН СИМОНЯН

ДЕЖУРНЫЙ

Научно-фантастический рассказ

Двор был большой, и в нем — несколько деревьев, кустов, немного песка и маленький бассейн. А еще было во дворе здание с плоской кровлей, в котором жили люди, приезжавшие с Земли. Они и создали (много десятилетий назад) этот двор — кусочек земного шара на отдаленной, пожалуй, самой отдаленной планете.

Из рассказов взрослых мальчик знал, что вначале люди приезжали по одному, потом с семьями или друзьями. Пробыв на планете пять лет, возвращались на Землю.

Мальчик проводил во дворе целый день — играл во все те игры, которым научился еще на Земле: строил из влажного песка египетские пирамиды, города с прямыми проспектами, ракетодром, запускал в бассейн флотилию из бумажных корабликов... А в последнее время все чаще сидел под одним из деревьев, молча всматриваясь в небосвод. Вечерами, когда сгущались сумерки, в неподвижной фигурке его угадывалось особое напряжение: мальчик играл в дежурного. Это была игра новая, мальчик выдумал ее сам и, хотя временами ему становилось ужасно скучно, дежурства своего не бросал, пока не окликала его мать:

— Уже поздно, малыш!

— Умойся, — говорила мать, — вот-вот придет папа.

На бесконечном черном пространстве перемигивались тысячи искрящихся точек — звезд, и солнце тоже было среди них. Долгое время мальчик не мог примириться с тем, что Солнце, огромное и ослепительно яркое, кажется с этой планеты маленькой светящейся звездочкой. Потом привык. Но все равно каждый вечер упорно старался определить, какая же из этих точек Солнце.

— Сколько осталось до нашего возвращения? — спрашивал мальчик мать каждый вечер.

— Немного, — отвечала она каждый вечер.

«Немного» означало годы, месяцы, дни, и каждый вечер это «немного» чуть-чуть уменьшалось. Однако отец не радовался — наоборот, он становился все более озабоченным, грустным немногословным. Мальчик давно уже не видел его улыбающимся.

— Папа сегодня вернется веселым? — спрашивал мальчик.

— Не знаю. Может, грустным, а может, веселым.

— Раньше он бывал грустным, — вспоминал мальчик, — но, приходя с работы, улыбался, целовал меня.

— Он и сейчас тебя целует.

— Но не улыбается, — возражал мальчик.

— Потому что день ото дня приближается время смены и нашего возвращения.

— Но ведь этому надо радоваться.

— А он вот грустит... — вздыхала мать, и трудно было понять, продолжает ли она разговор, или пытается найти ответ собственным мыслям и сомнениям.

Но мальчик был упорным, дотошным и, стремясь докопаться до истины, снова спрашивал:

— Почему?

— Я и сама не знаю. Слышала только, что все, кому привелось нести здесь дежурство, возвращались на Землю грустными. И смотрели на людей с виноватой улыбкой, словно просили у них прощения.

— А почему папа сегодня запаздывает?

— Не знаю. Он всегда приходил вовремя...

Вот уже четыре года отец нес дежурство на этой далекой планете. Все дни он проводил в небольшом помещении, расположенном в заднем дворике: сидя у пульта управления, отец внимательно следил, не отзовется ли антенна, установленная в десятках километров отсюда, на сигналы из иных миров.

Много десятилетий назад было начато людьми это дежурство. Однако молчание вселенной не нарушалось; ни ни разу не прорывались еще сюда позывные с других планет.

А люди продолжали нести дежурство и спустя пять лет возвращались на Землю обманувшимся в своих надеждах. И новые дежурные начинали на далекой планете пятилетнюю вахту, твердо веря в свою удачу.

— Здесь проведем мы и следующую смену, — все чаще говорил отец.

— Нельзя, этого все равно не разрешат! — возражала мать.

— Если будет необходимо, мы пробудем здесь и пятнадцать и двадцать лет! — упорствовал отец, сердито вышагивая по плиткам, устилавшим пол.

В такие минуты мать умолкала, и во взгляде ее, устремленном на отца мальчика, угадывались боль и тоска.

...Снаружи послышались шаги. Мальчик посмотрел на мать, и оба поспешно сели за стол. Третий стул был свободен. Через несколько минут на этот стул сядет отец. Они молча поужинают, побеседуют полчасика о самых грустных на свете вещах и разойдутся по своим спальням.

...В дверном проеме, на фоне черной грунтовки неба, стоял отец — высокий, широкоплечий, светловолосый.

— Папа! — вскричал мальчик, не сумев сдержаться, потому что отец улыбался, и улыбка эта показалась мальчику такой же странной, как в первое время пребывания на плане-

Клуб Любителей Фантастики

те казалось ему странным Солнце величиною с маленькую звездочку, Солнце, которое не грело и не светило.

— Добрый вечер, — сказал отец. — А не наскучило ли вам здесь?

Ответом было вопрошающее молчание, и отец рассмеялся.

— Ничего, осталось уже совсем немного! Скоро вернемся на Землю и сразу поедем к морю. Будем валяться на песке, будем загорать под настоящим солнцем! Ну что вы молчите?!

Он сел на свободный стул, и все принялись за ужин. Отец был необычайно словоохотлив, шутил, вспоминал Землю, скалистый утес на берегу Севана и пещеру, в которой согласно древнейшему преданию жил отшельник, ненавидящий людей.

— Что же все-таки произошло? — спросила в конце ужина мать.

— Ничего неожиданного, — сказал отец. — Сегодня я засек сигналы. Понимаешь, обыкновенные сигналы. Значит, дежурство напрасным не было. Скоро вернемся на Землю. Мы свой долг выполнили, не так ли? И тем, кто сменит нас здесь, будет легче дежурить. Но мы... Нет, не зря провели мы здесь годы. Вот если бы не удалось уловить сигналы, тогда б получилась сплошная глупость!..

Они засиделись допоздна. Отец говорил, что людям, конечно, удастся установить контакты с теми, кто послал сигналы во вселенную, и жалел, что к тому времени он состарится и не сможет быть участником экспедиции на долгожданную планету.

— Ничего, — успокаивал его сын, — я буду уже взрослым и полечу сам. А ты не станешь без меня грустить, правда?

— Главное, чтоб никогда не довелось грустить тебе, — отвечал отец, — самое главное это. И помни — тот, кто сделал что-либо хорошее для людей, обычно не знает грусти. И Солнце приближается к нему, становится все больше и больше, становится огромным, ослепительно ярким, самым прекрасным в мире светилом. Хочешь, посмотрим на Солнце?

Отец и сын подошли к окну. По ту сторону окна, по ту сторону прозрачного купола, на черном небосводе всеми цветами радуги переливались тысячи искрящихся точек, и одна из них была Солнцем.

— Видишь, какое оно большое и яркое? — шепотом спросил отец.

— Вижу... Я никогда в жизни не видел такого большого и яркого Солнца... — отвечал ему сын, не отрывая взгляда от маленькой светящейся точки, которая была Солнцем.

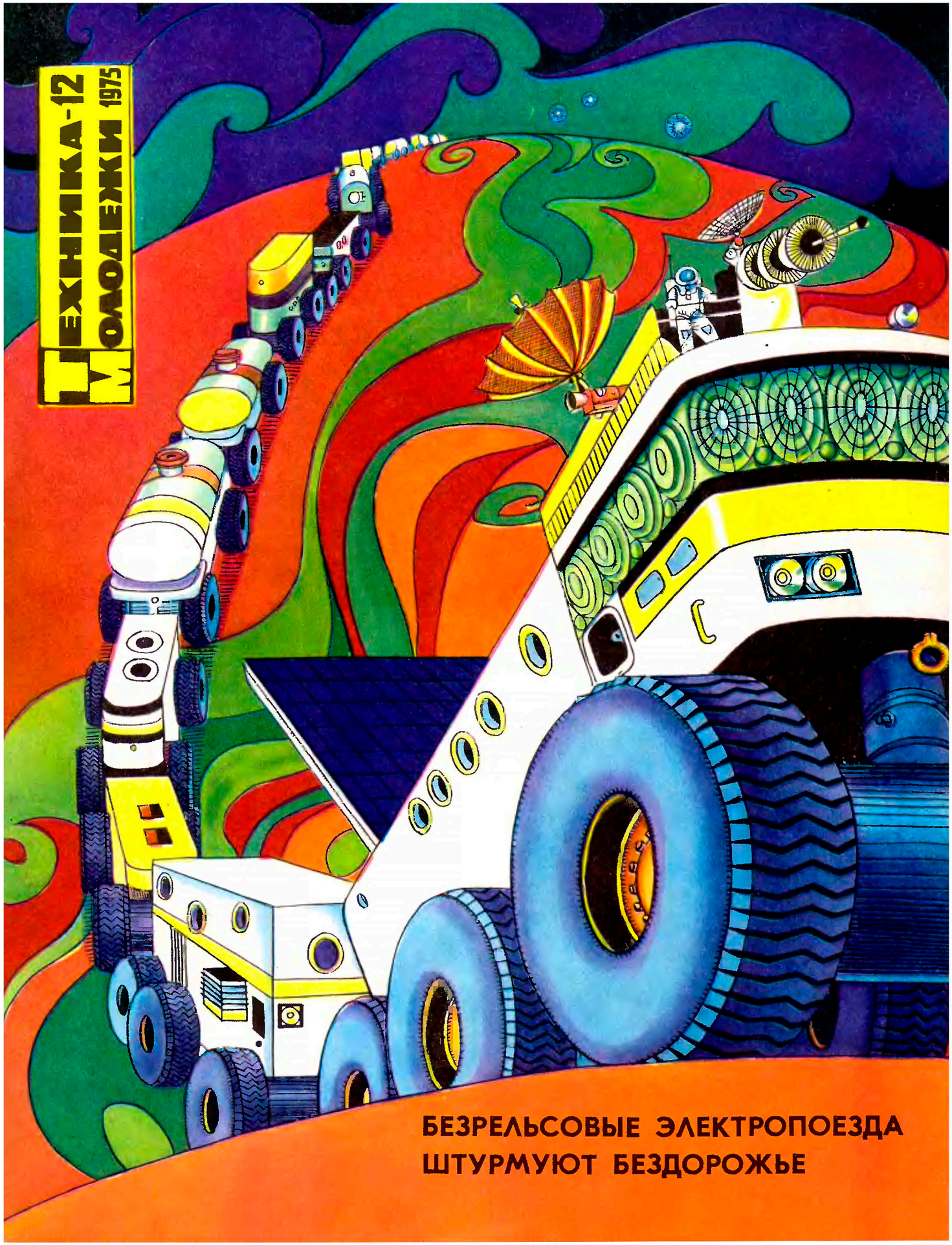
Перевела ЭММА КАНАНОВА

Б.Носков «Прощание»

Г.Тищенко «Посадка»

Москва третьего тысячелетия.

Глазами художника Николая Недбайло


Техника-12
Молодежи 1975
БЕЗРЕЛЬСОВЫЕ ЭЛЕКТРОПОЕЗДА
ШТУРМУЮТ БЕЗДОРОЖЬЕ

КОСМОДРОМ

КОНРАД ФИАЛКОВСКИЙ

(Польша)

Известный польский ученый, специалист по проблемам международного сотрудничества в области науки и техники, профессор Конрад Фиалковский побывал во многих странах — в СССР, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, на Кубе, в ФРГ и Англии, США и Бразилии. Маршруты его фантастических произведений ведут еще дальше — к иным мирам.

«Наука — это детище человека — не должна противопоставляться гуманистическим идеалам своего творца» — этот принцип, вынесенный им из длительных поездок и путешествий, надежно служит Фиалковскому-писателю. Многие его произведения посвящены нелегким звездным дорогам, острым вопросам освоения космоса.

Конрад Фиалковский — признанный мастер научно-фантастической новеллы.

Прокладывали две бетонные полосы. Две полосы, которые должны встретиться там, где в будущем забелеют купола космического порта. Но сейчас в том месте только осыпь и воронка, вырытая каким-нибудь метеоритом несколько веков назад.

Прокладывали эти полосы и прокалывали и марсианскую пустыню, и автобульдозеры, убирающие камни, и красный песок, и считали оставшиеся дни.

— Знаешь, Джесс, как вернусь на Землю, засуну комбинезон в самый темный угол чердака, а шлем водружу на палке в огороде — пугать птиц, которые прилетают на грядки к моей матери. Потом сядем с Мэй в геликоптер и полетим к большому настоящему лесу с грибами и земляникой. И там обязательно должна быть река... или лучше озеро... да, озеро с горячими от солнца валунами по берегам, такими горячими, что на них нельзя наступить.

— И так поджаритесь оба на солнце, что семь шкур с вас сойдет... — Джесс широко улыбнулся, и вокруг глаз собрались маленькие морщинки смеха, заметные даже на экране.

— Во всяком случае, с меня; Мэй в это время года уже черная, как негритянка. Всё эти паруса; Мэй всегда говорит, что человек нигде так не загорает, как на яхте.

— И под ультрафиолетовым излучателем...

— Что — излучателем? — Дон не понял и посмотрел на Джесса своими большими карими детскими глазами.

— Я говорю, ультрафиолетовый излучатель дает тоже хороший загар.

— А я имею в виду настоящий загар, который бывает от солнца.

— С этим тебе придется еще немного подождать.

— Всего четыре дня. Я уже вижу ту дюну, до которой дойдет моя полоса. Это будет в субботу. Потом вытянусь в гамаке около видеотрона и буду смотреть матч между Австралией и Мадагаскаром с Земли. Матч закончится перед нашим рассветом, а когда взойдет Солнце, за нами прилетят.

— Если только не опоздают. Центральная база очень часто опаздывает...

— Нет, они не поступят так с нами...

— Да, не поступят... — повторил Джесс, однако совсем не был в этом уверен. Ведь Ар не улетел с Марса однажды, когда хотел. Только собрался спросить Дона, знал ли он Ара, но в это время автомат начал сигнализировать о каких-то своих затруднениях с проходкой грунта, и Джесс вышел из кабины посмотреть, что случилось. Спустился по лестнице возле могучей гусеницы, над которой висела кабина, и сразу очутился по колено в песке. Песок был красного цвета, как и все на Марсе; только местами блестели кристаллики кварца.

«Совсем как в обычном песке», — подумал Джесс. Потом побрел вдоль гусеницы к передней части машины и, когда прошел гусеницу, почувствовал толчок ветра в грудь, в шлем и увидел, как над песком кружатся маленькие быстрые вихри. Наверно, шла буря.

«Сначала это всегда так выглядит», — подумал он и посмотрел на небо. Но небо было черное, звезды и Солнце светились как обычно.

Внизу перед бульдозером лежал огромный валун, слишком большой для металлической лапы.

Джесс вызвал автомат и, пока тот бурил дырки под динамит, смотрел в пустыню, где далеко-далеко, у горизонта работал автобульдозер Дона.

Эти две полосы сойдутся вместе, образуя огромную букву V — символ победы Человека в столь отдаленном месте.

Еще четыре дня... Он повернулся и, чертыхаясь, поплелся к кабине для того, чтобы отодвинуть машину на время взрыва.

* * *

Встретились вечером на базе. База была временной и не имела кондиционера. Ночью, когда температура снаружи опускалась до минус шестидесяти градусов, становилось холодно, несмотря на центральное отопление купола. Лежали тогда в спальных мешках с электрическим подогревом. Вечером, однако, было теплее, и они ходили по базе в скафандрах.

— Отмахал сегодня хороший кусок, — сказал Дон, как только вышел из шлюза. — Моя дюна теперь гораздо ближе.

— Мне попалась какая-то чертова скала, два раза взрывал, — Джесс говорил без озлобления, равнодушно.

— Завтра, пожалуй, немного сделаем, идет песчаная буря. Хотелось бы все же дотянуть до той дюны.

— Дотянешь, если пустыня не покажет клыки и не будет плеваться песком все эти дни.

Джесс кончил готовить ужин и развалился в кресле, вытянув ноги.

— Так или иначе через три дня возвращаемся.

— Возвращаемся, — повторил Джесс, наблюдая, как Дон выбирал из банки большие куски свинины. «Пожалуй, это единственная форма астронавтики для свиней», — подумал он и усмехнулся.

После ужина Дон включил видеотрон, и они посмотрели какой-то китайский театр с драконами и зонтиками. Цвета были немного искажены, и Джесс подумал о том, что случилось, если бы у людей были действительно такие светло-зеленые лица, как на экране. Спросил Дона.

— Ничего бы не случилось, люди бы привыкли, — ответил Дон.

— Считаешь, что можно было бы привыкнуть к зеленому лицу и говорить: «Ах, как чудно раззеленелось»?

— Наверно.

— Гм... я, пожалуй, не привык бы...

— А к пустыне привык?

Джесс посмотрел на Дона. И разозлился на него неожиданно, потому что о пустыне они говорить избегали. Она и так окружала их всегда. Временами Джесс даже думал, что она не оставляет их и здесь, на базе; проходит через входные шлюзы, для того чтобы сопровождать их и ночью. Он не любил пустыни, и Дон знал об этом.

— Может, выключишь видеотрон и послушаешь Центральную? — сказал он Дону.

— Выключу, только сначала хочу услышать прогноз погоды для Европы. Не хотелось бы вылезать из ракеты в дождь.

— Мать принесет тебе плащ на Космодром.

— Да, придут с Мэй и принесут плащ, — согласился Дон.

— А я промокну... — буркнул Джесс.

— Не любишь дождя?

— Люблю, если сижу дома и смотрю в окно.

— Тебе следует остаться на Марсе. Здесь никогда не бывает дождей.

«Что он сегодня ко мне прицепился? — подумал Джесс. — Ведь это у меня была скала, а не у него; и вообще он больше сделал».

— Да, но здесь песок, красный песок, а это еще хуже, — сказал он.

— В Европе не будет дождя в ближайшие дни, — сказал Дон и выключил видеотрон.

* * *

Потом настраивались на Центральную. У Центральной был чудной прерывистый сигнал, как будто кто-то бросал камешки на барабан. Ее передатчики были немного расстроены, и сигнал блуждал в пределах нескольких делений шкалы — каждый день в другом месте. Сегодня был точно на риске. Джесс сказал в микрофон, что он на приеме, и теперь оба ждали, когда на Центральной наконец ответят.

— Чем они, собственно, занимаются на этой базе? Никогда вовремя не готовы, — заволновался Дон.

Джесс смотрел на фосфоресцирующий в темноте указатель настройки и думал, получил ли уже отец сообщение о его возвращении. В полдень рассыльный стучит в его кабинет: «Телеграмма с Марса, господин профессор». Отец, наверно, сидит за письменным столом в своем сером, немного тесноватом пиджаке, массивный, квадратный, чересчур большой для своего кабинета. «Тебе следовало бы быть лесорубом, а не физиком», — смеялась всегда мать. Джесс пробовал представить себе отца лесорубом, но ему это как-то не удавалось. Только как физик отец казался самим собой. Джесс тоже должен был стать физиком, но не стал... жаль.

— Жаль, что не стал физиком, — сказал Джесс.

— А хотел?

— Не я, отец.

— А ты?..

— Я хотел стать астронавтом.

— Поздравляю, — сказал Дон. — Я хотел стать пилотом, но не получилось. Когда стукнуло столько лет, сколько нужно, самолетами управляли уже только автоматы; лучше, чем эти передающие автоматы с нашей базы...

— Наверно, у них нет опытного техника.

— Нету. Тот, который был раньше, сбежал на Землю.

— И отпустили его? — удивился Джесс.

— Не совсем добровольно. Забрала его ракета «скорой помощи» с психиатром. А теперь там молодой парень, сразу после земного политехникума.

— И не справляется, — сказал Джесс и одновременно подумал: «Обижаю парня, разве кто-нибудь после земного политехникума смог бы обслуживать такие автоматы?»

— Начинают говорить, — Дон старательно настраивал приемник. — Возьми наушники.

— Не хочется, — ответил Джесс, ему действительно не хотелось.

Посмотрел на Дона, и ему показалось, что слишком внимательно слушает сообщение с базы.

— Что тебе там за проповеди читают?

Дон махнул рукой. Коротко сказал:

Клуб Любителей Фантастики

— Слушай!

Джесс надел наушники и сквозь атмосферные трески услышал того, с базы:

— Нет, ничего из этого не получится. И не пробуй мне даже объяснять. Я же тебе говорю, что никого другого на это место нет. Есть только Рой, но и он пока немногое умеет. Роя пришлю через три дня. Но один из вас должен остаться...

«Опять, — подумал Джесс,— опять кто-то с базы все завалил». И он почувствовал себя так, как когда-то в детстве, не получив обещанного велосипеда.

Дон покраснел.

— Делайте что хотите... Мы сматываемся отсюда через три дня. Меня не касается, что кто-то там наверху не обеспечил вовремя смену с Земли...

«Сейчас скажет им, что думает о такой организации работы», — подумал Джесс, но Дон не сказал этого.

— Это не наша вина, — объяснял тот, с базы. — Ты считаешь, что охотники на эту стройку прут к нам?

— Пусть тебя не волнует то, что я считаю. Но смена должна быть. Не останавливать же стройку?

— Ясно, не останавливать, и поэто-

Рис. Роберта Авотина

му один должен остаться. Должен, понимаешь? И ракеты отсюда будут стартовать еще до марсианской зимы.

«Тот, с базы, тоже уверен в этом», — подумал Джесс и поправил наушники.

— Может быть, и будут стартовать, если автобульдозеры сами будут копать в этой пустыне... Но нас это не касается, понимаешь!

— Но Центральная...

— Иди ты со своей Центральной...

Джесс кивнул головой.

— Понятно, Дон, — и подумал, что теперь того разбирает. Ему стало весело, хотя он и понимал, что это не вина того, с базы, и что тот, может быть, даже свой парень, просто у него такая работа.

— Как хочешь, — сказал тот, с базы. — Во всяком случае, Рой прилетит на одноместной ракете, а это такая ракета, в которую только один человек с трудом влезает. И мы считаем, что возвратиться имеет право тот, у которого длиннее полоса.

— Но...

— Никаких «но». И передай это второму или давай его лучше к микрофону...

«Черт бы тебя побрал», — подумал Джесс.

— Ну я тот, второй, и хочу вам сказать, что вы порядочные свиньи, — сказал он прямо в микрофон.

— Порядок, — успокоился тот. — Ну, пока. Держитесь, вы... космонавты пустыни.

Опять забарабанили сигналы с базы, и Дон снял наушники. Разговор был окончен.

— И что дальше? — спросил Джесс.

Дон пожал плечами.

— Во всяком случае, не могут нас заставить вечно копать.

— Не могут, — Джесс кивнул головой, — но могут нас заставить сидеть на этой базе так долго, как захотят.

— Ну и что из того?

— А то, что если будешь здесь сидеть, то будешь работать.

— Не буду.

— Будешь, потому что иначе подохнешь от скуки. И потом, ты не из тех типов, которые сидят со сложенными руками, когда работа еще не сделана. Они об этом знают.

— Какого черта все время говоришь обо мне? А ты?..

— Я тоже.

— Что тоже?

— Тоже буду работать.

— Закончишь и захочешь отсюда улепетнуть. Нет, братец. Не так быстро... моя полоса длиннее твоей.

— Ты болван, — сказал Джесс и пошел к своему креслу. «Думает, что хочу забрать у него место в ракете, как будто оно уже ему принадлежит».

— Это место тебе еще не принадлежит, — сказал он вслух. — За три дня можно положить около двух километров полосы, а то и больше, как выйдет.

— Можно и четыре, — сказал Дон и стал рассматривать конец своего ботинка, вымазанного маслом.

— Можно, но ты не положишь... — Джесс усмехнулся. И подумал про себя: «Тебе надо работать и день и ночь, и то не знаю, сделаешь ли».

Дон встал, пнул кресло так, что оно перевернулось.

— Положу, а потом вернусь на Землю, и черт с ней, со всей этой стройкой.

Он снял с крючка на стене шлем.

«У него такая огромная спина, — подумал Джесс, — три баллона запросто умещаются. Мать родила его космонавтом, наградив такой спиной и короткими ногами, которые не мешают в ракете. А может, потому и стал космонавтом, что у него такая спина и ноги...»

— Успеха, космонавт, — сказал он, когда Дон подошел к шлюзам. Хотел перевернуться на другой бок, но в это время его окликнул Дон:

— Помоги мне у шлюзов, по-моему, их немного засыпало.

— Буря?

— Может, и буря... — буркнул Дон.

— Включаю очиститель выхода, — сказал Джесс и включил автомат. Очиститель загудел, как слепень, а когда выход очистился, превратился в комара и тоненько пищал на высоких оборотах.

Джесс тоже надел шлем и вышел наружу. Звезд не было, услышал только шум песка, бьющего в скафандр.

— Черт, ну и сыплет...

— Закрой как следует шлюзы, — сказал Дон, — а то завтра опять будет везде песок.

— Хочешь идти в такую бурю? — спросил Джесс.

— Пойду. Пошлю сигнал бульдозеру, чтобы давал мне по радио пеленг...

— Будут помехи. Такая буря...

— Ничего.

Ветер ударил так, что он зашатался.

— Может, останешься. Такая буря не для прогулок.

— Ходил и не в такую бурю — с Земли даже было видно.

«Чертовски упрямый тип, такой пойдет», — подумал Джесс и сказал: — Героев тоже засыпает.

— Тебя на базе не засыплет, — ответил Дон. Он отошел на пару шагов, и его не стало видно, несмотря на то, что у Джесса был фонарь с новыми батарейками.

— Закрой как следует шлюзы, — сказал еще раз Дон, — а то завтра будет везде песок.

Джесс слышал его так, как будто он стоял в метре от него, — радиоволны долго не затухают даже в таком песке. Он открыл шлюз, и ветер выпихнул его вместе с песком на середину. Очистил скафандр и пылесосом снял песчинки. Потом подошел к приемнику и настроился на волну автобульдозера Дона. Автомат работал, передавал короткие, прерывистые сигналы, как будто звал кого-то, и прерывал зов при первых же звуках, боясь сообщить полное имя в марсианскую ночь среди песчаной бури.

...Утро было солнечное и тихое, как на проспектах «Марс туриста». Джесс обошел базу вокруг и увидел, как под слабыми ударами его шагов с незаметных неровностей купола базы осыпается песок. Холмы по краям долины были скрыты небесной мглой. Вверху черным пятнышком Фобос бежал на встречу с Солнцем.

«Когда-нибудь соорудим здесь атмосферу, привезем воду и растения, и рассвет будет совсем земной», — подумал Джесс и пожалел, что он не свой же прапрадед.

Потом залез по металлической узкой лестнице на мачту радиостанции и посмотрел на две белые полосы, бегущие к базе. Они были такими же далекими, как всегда.

«Все-таки Дон ближе... на те несколько сотен метров», — подумал он.

Автобульдозер Дона почему-то не работал. Джесс прыгнул с мачты (марсианская гравитация все еще забавляла его) и начал свой ежедневный марш к автобульдозеру. В начале строительства их доставлял вездеход, но с неделю назад он сломался. Так они и ходили ежедневно через красное песчаное море. На расстоянии около пятисот метров от базы торчал большой камень. Он находился на линии строительства, но Джесс до сих пор думал, что только его преемник разорвет динамитом этот красный валун.

«Привык к этому камню, и не хотелось бы делать это самому», — подумал он, проходя мимо него.

Через пару минут Джесс увидел черную точку. Это из-за горизонта появлялась мощная лапа автобульдозера. Никак не мог привыкнуть к его размерам, хотя и понимал, что фабрика, создающая космодром из песка и воздуха, не может быть со спичечный коробок.

«Напоминает скорей храм неземного культа, нежели почтенную фабрику для перемешивания песка», — подумал он, когда очутился в тени автобульдозера. Дошел до лестницы, забрался в кабину и вдруг увидел Дона.

— Ты выиграл, Джесс, — сказал Дон, — моя проклятая машина не хочет двигаться.

«Не повезло парню», — подумал Джесс, но это его не обрадовало.

— Что случилось? — спросил он.

— Попала вчера в яму, и ее засыпало.

— Да, действительно не повезло, — сказал Джесс, снял шлем и подошел к пульту управления.

— Джесс, ты не пустишь свою машину...

— Почему?

— Говорю, не пустишь.

«Зачем он, черт бы его побрал, все время смотрит в окно?» — подумал Джесс.

— Может быть, ты не дашь? — спросил он Доиа.

— Не дам. Не моя вина, что меня засыпало... Сделал много, но сделал бы еще больше, столько, сколько требуется, чтобы улететь отсюда.

Джесс пожал плечами. «Однако ему приспичило», — подумал он. Включив запуск, он ждал, пока замигают красные контрольные лампочки. Дон отошел от окна. Встал перед ним в двух шагах, расставил ноги, а руки засунул в карманы комбинезона.

Джесс медленно повернулся к нему.

— Отойди, — сказал он коротко.

— Хорошо, я пойду, но не один. Уйдем вместе...

— Уходи, — повторил Джесс, а когда Дон не сдвинулся с места, подошел к нему и холодно сказал:

— Уходи. Я буду работать.

Дон молчал, исподлобья глядя на Джесса.

— Ты еще успеешь позагорать со своей Мэй, — ухмыльнулся Джесс, подталкивая Дона к выходу.

— Ты не сделаешь этого, Джесс! — прошептал Дон.

Но Джесс надел на него шлем, тщательно прикрутил вентили и осторожно выпихнул Дона наружу.

«На Земле разбил бы себе физиономию, а тут даже не ушибется», — подумал он. Дон опустился на песок и лежал не двигаясь...

Джесс повернулся и подошел к пульту. Контрольные лампочки светились, и где-то за доской бормотало напряжение. Не глядя, Джесс взялся за короткий черный рычаг и потянул его вниз до отказа. Автобульдозер задрожал и, подминая гусеницами песок, двинулся вперед, поднимая свою огромную стальную лапу.

«Это могучий, добрый, прирученный тираиозавр, — тепло подумал он о машине. — Сделает все, что ему прикажу, и так будет всегда, если только не сожжет себе предохранители».

Потом передвинул регулятор распада, и бульдозер, качаясь из стороны в сторону, ускорил свой ход по красным пескам красной пустыни.

Другая полоса была уже совсем близко, и там, где она кончалась, была дюна, из которой торчал автобульдозер Доиа. «Здорово его засыпало, по самую кабину, только стальная лапа торчит как рука утонувшего в песке», — подумал Джесс.

Он надел шлем, вышел на песок и вытащил трос, точнее, только кусок троса, потому что больше бы не сдвинул с места. Это был стальной трос толщиной с руку и сплетенный из более тонких стальных тросов, а те из еще более тонких.

Потом вернулся в кабину; автобульдозер вытащил трос настолько, насколько нужно было, и положил его так, как было приказано. Джесс зацепил его за автобульдозер Дона, там, где был большой крюк для закрепления тросов. Потом вернулся опять в кабину и передвинул регулятор до конца, на всю мощность, на которую способен реактор. Медленно потащил, очень медленно, чтобы не оборвать трос. Автобульдозер Дона дернулся и выполз из дюны, которая тут же рассыпалась.

Джесс проехал около трех километров и увидел перед собой маленькую фигуру, бредущую по песку. Повернул и объехал ее. Фигурка махала руками, но Джесс демонстративно не обращал на нее внимания.

— Джесс!..

— Смойся с экрана, а то я отключу изображение.

— Хотел тебе сказать, что ты мировой парень, а я, кажется, свинья.

Джесс пожал плечами.

— Я... хотел тебя поблагодарить...

— За что?

— За то, что вытащил мой автобульдозер...

— Не за что благодарить. Я это сделал не ради тебя.

— Но твоя полоса...

— Моя полоса... Ну и что из этого?

— Мог бы ее продолжать...

— А потом залезть в ракету и умотать на Землю? Ты глупый щенок, терпеть не могу твоей физиономии и для тебя не завернул бы даже бульдозера.

— Но ради чего?..

* * *

Через три дня прилетел Рой. Как ему было приказано, выбрал длинную полосу и сделал круг для посадки. Включил микрофон и...

— Садись на той полосе, — сказал Доиа.

— Делай как приказано, — услышал он голос Джесса.

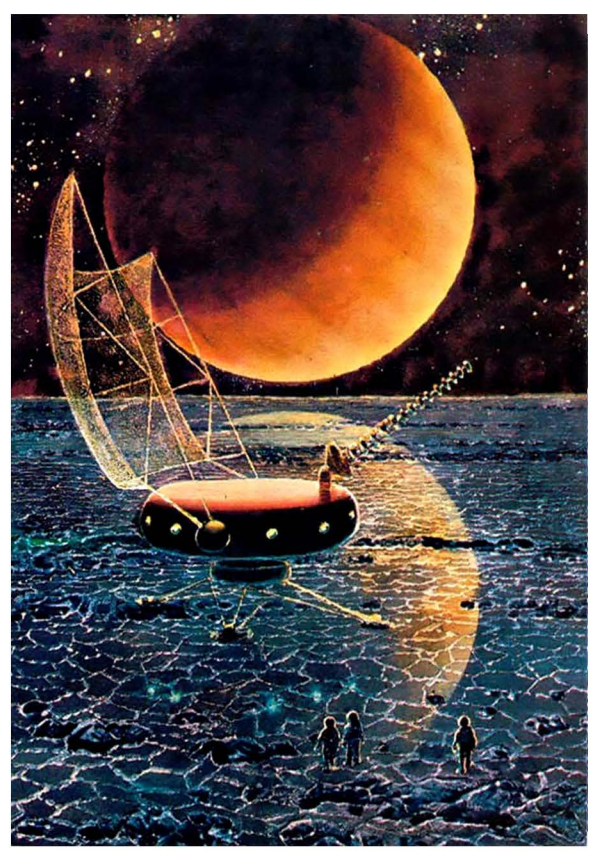
— Только попробуй здесь сесть, гусеницами раздавлю твою ракету, — уверил его Дон.

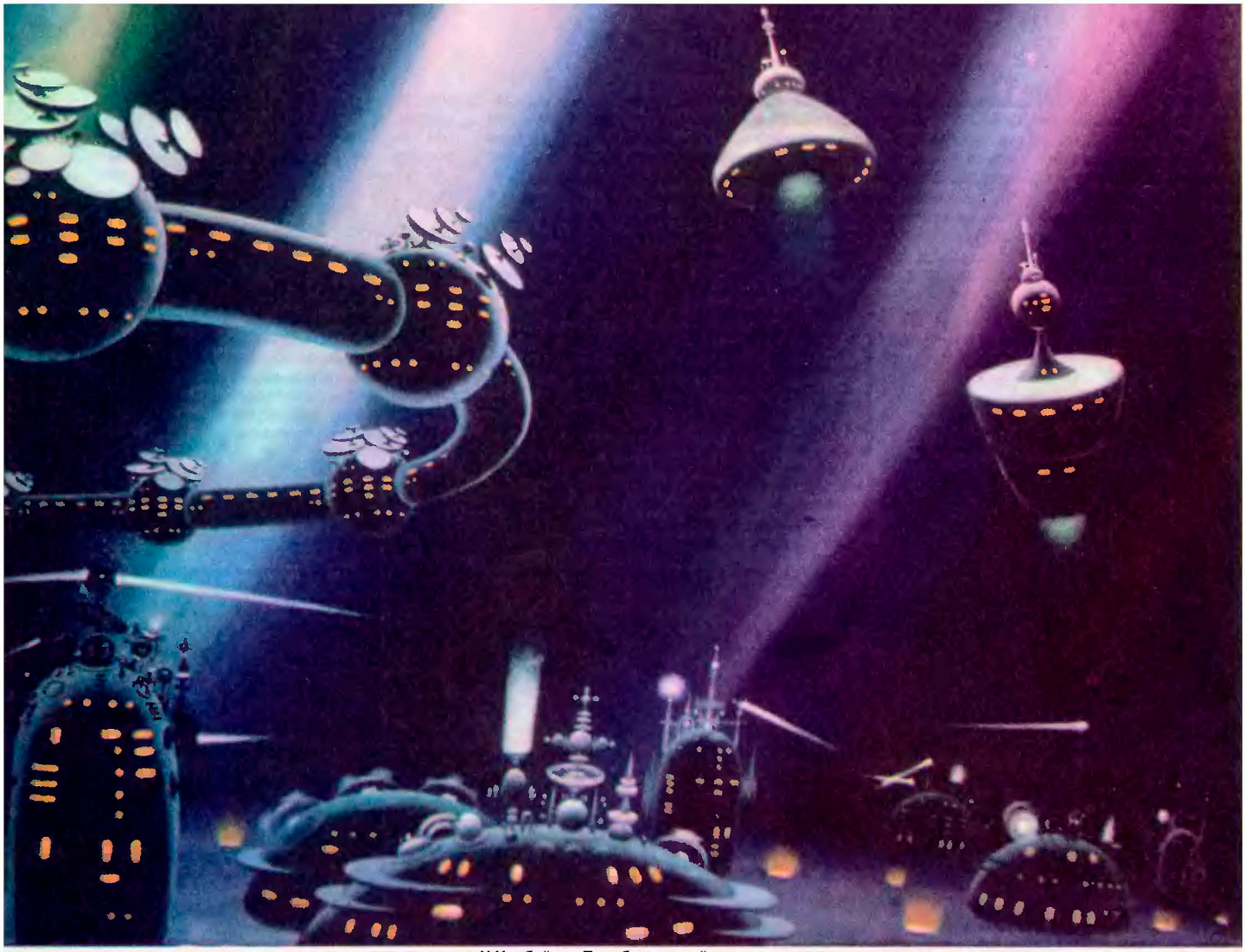
Рой не понимал...

— Ты что, не можешь уразуметь, что человек никогда не бросит человека? — услышал он чей-то голос в наушниках.

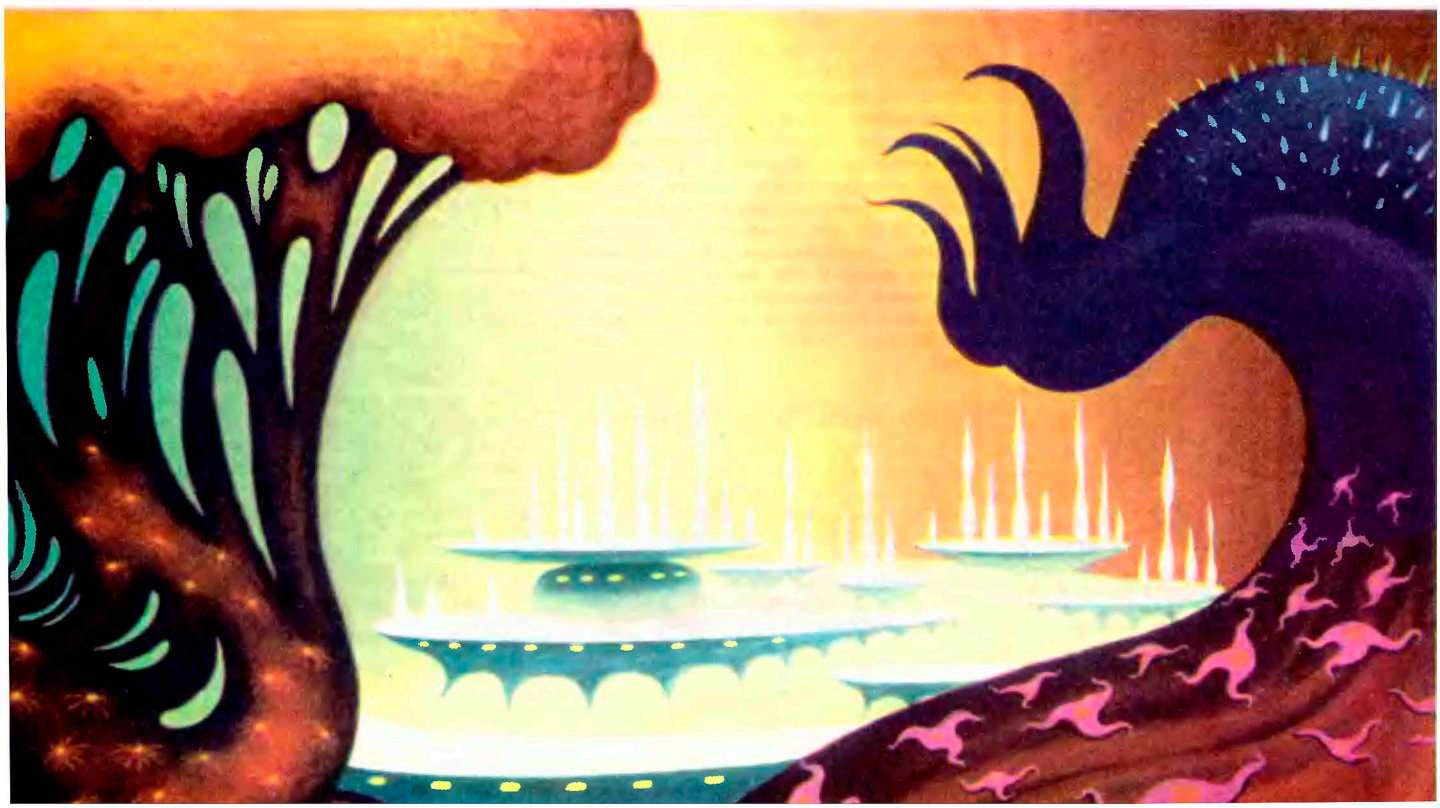
Тогда Рой развернулся и полетел обратно на базу, а внизу осталась пустыня и две неровные полосы, сходящиеся буквой V там, где в будущем встанет Космический порт. Сейчас в том месте только осыпь и воронка, вырытая каким-нибудь метеоритом несколько веков назад.

Перевод с польского
Л. ПОСПЕЛОВА





Н.Недбайло «Прелбраженный север»



«Город - сад»

Девушка прошла первой, поздоровалась и поманила рукой спутника. Я пригласил их в кабинет, извинился за беспорядок (стол был завален книгами, журналами и рукописями больше обычного) и попробовал угадать, зачем они пожаловали. Студенты? Но своих студентов я помню... Быть может, с другого курса, факультета?

Рассеивая мои сомнения, девушка сказала:

— Мы с физического отделения. Пришли вот к вам.

— Быть может, по ошибке? — спросил я.

— Нет. Нам нужны именно вы. Мы читали вашу статью «Болид над озером»...

— Да когда же это было?.. Лет двадцать назад, не меньше!

— Статья опубликована в пятьдесят пятом, в журнале... — и девушка назвала номер журнала, в котором увидела свет моя заметка.

— Расскажите, — попросили они, — расскажите поподробнее о болиде!

Наверное, они занимаются парапсихологией, решил я, сейчас это даже модно, да вот незадача: сколько бы ни собирали фактов специалисты в этой интересной области, их всегда оказывается чуточку меньше, чем требуется для доказательства истины. Но два студента, которым я дал бы не больше сорока на двоих, два моих гостя, разумеется, имели право на то, чтобы найти наконец решающие доводы. Ведь и мне и моим друзьям было по восемнадцать, когда мы впервые соприкоснулись с настоящей тайной... Конечно, в заметке моей об этом сказано слишком уж мало, несколько туманных фраз, и мне пришлось кое-что припомнить. Чем старательней я припоминал весь эпизод, тем значительней он казался мне самому — бывает, что интерес, проявленный другими, восстанавливает ценность случившегося.

...Мы прошли тогда километров триста лесными дорогами, мощенными стволами берез и осин. Удивительно пустынны были эти лесные пути, разбегавшиеся на запад, север и юг от Селигера, на сотни километров раскинулась их сеть. Когда-то по ним шли автомобили с потушенными фарами, и неурочный крик выпи, шумный взлет птиц выдавали это непрерывное движение. В зимние ночи, быть может, солдаты засыпали на засмеженных обочинах во время коротких привалов. А в пятьдесят пятом здесь стояла тишина, было безлюдно. Окопы на опушках березовых рощ, простреленные каски, деревья, скошенные, как трава, рассказывали молчаливо о минувших боях за холмы и реки, за озера, острова и косогоры, за околицы сожженных деревень. Здесь остановили немецкую военную машину.

От Октябрьской железной дороги мы пешком добрались до Селигера, обошли его с севера, через Полново, сели на катер и добрались до Осташкова. Но и Осташков не был последней точкой нашего маршрута. Еще один день мы провели на острове Камчен, и с его высокого берега открылось пространство страны озер, островов и рек — Валдая...

Где-то по пути, у безымянного озера с песчаными берегами, почти ключевой прохладной водой, со звоном трубок камыша и янтарными заводями в один из пятнадцати валдайских вечеров мы увидели яркий белый болид. Похож он был на ракету, но прочертил зеленое и ясное закатное небо стремительней — линия его пути наклонно вела к середине озера и была прямолинейна.

Через полчаса, поставив палатку, я пошел купаться, в лагере остался только Валя Корчуков. Остальные ушли кто куда: за дровами, за молоком в дальнюю деревню, по ягоды. Валентин расположился у крайней палатки, совсем рядом с берегом. Я уплыл за тростники, потом вернулся. Берег медленно поворачивался, словно у меня кружилась голова. Я видел, как Валентин брился. Он проделывал это с помощью остро отточенного топора — предмета особой гордости прирожденного бродяги. Лезвие, мелькая у его лица, казалось то серым, то багровым, отражая и озеро, и одинокое светящееся облако. Я нырнул, раскрыл глаза, чтобы видеть подводные джунгли и мелких

БОЛИД НАД ОЗЕРОМ

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

рыб, прятавшихся от меня (что меня забавляло: они всерьез принимали мои попытки поймать их или коснуться их плавников). Над водой пробежала широкая медленная тень. Там что-то изменилось. Я вынырнул. Передо мной раскинулся незнакомый берег. Незабываемое воспоминание: это было совсем другое место... как будто и лес, и пляж, и наши палатки, и старый столб, оставшийся от довоенной еще телеграфной линии, недалеко от которого сидел Корчуков, вовсе исчезли, как театральная декорация. Впрочем, это меня сначала не испугало, но на всякий случай я решил выбраться на берег.

И вдруг я застыл. Мои ноги касались дна, и я остановился в десяти метрах от берега. На том месте, где был всего минуту назад Валентин, сидел на корточках совсем другой человек.

Но как рассказать о нем?.. Был он бородат и держал в поднятой правой руке палку. Я присмотрелся: копье! Наконечник копья смотрел почти вдоль линии берега и чуть в сторону леса — дикого, незнакомого, с гигантами деревьями, опутанными синими и черными змеями лиан. Я видел его профиль, его внимательные, усталые глаза, морщины на его лбу и шее, сильной и загорелой. На плечи его была накинута кожаная жилетка, изодранная в клочья, ступни ног его и руки кровоточили, царапины прочертили лицо, мужественное, с открытым взглядом, устремленным в недосягаемую для меня лесную даль... И вдруг вверху вскрикнула черная птица. Я испытал мгновенный страх. Неведомая тревога была разлита в этом сказочном краю. Почти невольно я погрузился в воду, к своим друзьям — рыбешкам, по-прежнему сновавшим возле.

Я остался в воде, насколько хватило дыхания, надо мной серебрилась рябь, искажая багровое облако. Это облако подсказало мне, что все вернулось на свои места. Я осторожно выдохнул, потом открыл глаза и взглянул на берег. Недалеко от столба, у палатки, брился Корчуков. Знакомый лес, знакомый холм справа, берег и спокойная заводь. В стороне стоял Растригин, один из наших, с охапкой валежника и к чему-то присматривался. Через минуту он двинулся вдоль берега к палаткам.

Я заплыл за тростники, подальше, на открытую воду, и лег на спину. Потом, чтобы убедиться в нереальности происшедшего, опять нырнул надолго и поплыл под водой к берегу. Здесь было глубоко, и в полумгле я не мог угадать дна. Мои руки коснулись наконец тростников, я всплыл и сквозь колеблющийся строй стеблей увидел берег и человека с копьем...

Теперь он привстал. Его плечо прижималось к дереву, одной рукой он обхватил ствол, другая же по-прежнему сжимала древко. Я подплыл ближе и постарался запомнить подробности. На его поясе висел большой костяной нож, прямой и широкий, как меч. Запястье правой руки, которой он держал копье с каменным наконечником, было охвачено грубым широким браслетом. Я видел, как он едва заметно глотнул воздух, не сводя глаз с какого-то предмета впереди себя, и его левая рука еще крепче сжала ствол дерева.

Я обнаружил и то, что приковало его внимание. Прямо на него бежало странное существо, похожее на увеличенную во много раз многоножку. Многоножка то выползала на берег, то скрывалась в чаще, тело ее извивалось, и сухой шорох сопровождал ее стремительные движения. Она, казалось, была заряжена электричеством, по черному панцирю тела пробегали желтые искры, камни и древесная ветошь отскакивали от ее ног, рассыпались перед ней, освобождая дорогу. Чем ближе она была, тем слышней был шорох и треск, и я вдруг увидел ее глаза — два черных отверстия, окаймленных зеленой фосфоресцирующей полосой. Они неотрывно следили за человеком, как бы прихотливо ни извивалось ее туловище среди корней деревьев, лиан и ветвей. Величиной она была, вероятно, с крокодила или немногим больше.

Метрах в ста от нас многоножка неожиданно остановилась, замерла, и в главах ее зажегся красный огонь. Над ее головой поднялись три белых фонарика на общем отростке. Они протянулись вперед, отросток удлинился, белые огни как бы ощупывали дорогу, когда она снова двинулась.

Монотонный электрический треск заставил сжаться мое сердце. Я понял смысл происходящего. Многоножка охотилась, она почти настигла человека. Убежать от нее невозмож-

но: весь ее облик свидетельствовал о простых, почти механических принципах организации, о чем-то таком, что роднило ее с машиной, страшной, неумолимой машиной, не знающей усталости и пощады.

Поединок был неизбежен, и человек знал это, он готовился к встрече, не помышляя о бесполезном бегстве. Светлый наконечник копья чуть наклонился...

Я обернулся: за мной расстилалось озеро. И все там, на озерной глади, и за ней, на другом берегу, было мне хорошо знакомо. А вверху догорало облако. Да и на моем берегу стало все по-прежнему...

Я снова увидел Валю Корчукова и поплыл к берегу. Он кончил бриться и держал топор в правой руке, а левой обхватил ствол сосны, к которому была привязана палатка. Что-то в его позе насторожило меня. Неизъяснимая тревога заставила меня плыть быстрее, подгоняла меня, я уже выходил из воды, когда возникло ощущение прихотливой и неожиданной связи событий в двух различных и далеких мирах. Где-то человек готовился метнуть копье в ринувшуюся на него гигантскую многоножку. Здесь происходило нечто похожее. В моем сознании наметилась ассоциация: я ждал подтверждения взаимообусловленности разноплановых эпизодов. Вот Корчуков поднял топор, отвел назад руку и сильно метнул его. Я не знал, что должно было последовать за этим здесь, на знакомом мне берегу, зато твердо знал, что случилось там, за приоткрывшейся завесой неведомого. Там решался исход поединка.

Я даже не вскрикнул, когда увидел, что топор вонзился в старый, серый от дождей, подгнивший столб. Я выскочил на берег и бросился к Валентину. Наклонившись, он возился с рюкзаком. Схватив его за ворот куртки, подхватив под плечо, я отбросил его в сторону. Все решилось в мгновение ока. Я едва успел отскочить. Столб рухнул как раз на то место, где сидел Валентин секундой раньше...

— Вот и вся история, — сказал я своим гостям, — хотите — верьте, хотите — проверьте...

Девушка смутилась:

— Что вы, мы верим.

— А что было дальше? — спросил ее спутник.

— Ничего. Утром смылись и пошли. Других очевидцев не оказалось. Ну а я молчал до поры до времени. Только потом, когда вспоминали о пропавшем топоре...

— О том самом, которым Валентин брился? Разве он пропал?

— Мы не нашли его.

— Жаль, что вы не написали обо всем так же подробно, как сейчас рассказали, — заметила девушка мечтательно, — боялись, не поверят?

Что я мог ответить ей?

Почему я, ученый и журналист, не написал об этом подробно?.. Не знаю. Но, думается, прежде следовало бы написать о другом. О военных бесконечных дорогах. О выжженных бомбами торфяных болотах. О прозрачном, бледном на солнце пламени над соломенными кровлями. О следах отгремевших канонад и военных трудах минувшего.

Тогда, в пятьдесят пятом, прикоснувшись к прошлому, я мог живо представить себе недостроенные дома, взорванные минами, городские парки, вырубленные на дрова, пепел сожженных изб, густым налетом покрывавший заиндевелые ветви; старуху с непокрытой головой и детей, обвязанных старушечьими платками, отогревавших руки над головешками от их жилья.

Нам чудился запах войны — запах бензина и пожаров, машины смерти с черепами, свастиками, тузами на бортах, вражеские трубы на рассвете, предвещавшие атаку.

Именно это приковывало тогда мое внимание. Да, я видел человека с копьем, видел его внимательные глаза, следил за его дыханием, когда он ждал начала поединка. Но я знал и о мальчике, выкрашивавшем, выплавлявшем из неразорвавшихся бомб взрывчатку, чтобы набрать восемь с половиной килограммов тола (именно столько нужно, чтобы пустить под откос эшелон). О том, как он искал эти бомбы в оккупированном городке и ночами мастерил в сарае самодельные взрыватели. Потом привязывал к ним длинные веревки, за которые нужно дергать, когда поезд будет проходить мимо. Как шел закладывать мины на насыпь, на рельсы. Как быстро и настойчиво разгребал ладонями щебень под полотном, пока по нему стреляли.

Старик с острова Хачин рассказал нам о связисте, который под огнем, перекатываясь с боку на бок кубарем, тянул провод по картофельному полю. Он упал, но продолжал ползти, на минуту задержался у канавы с водой, чтобы напиться. И остался лежать, сжимая рукой провод.

Нетрудно было представить техников, спавших под крыльями истребителей, готовых по тревоге работать в непроглядной темени. И солдата, готовившего связку гранат, скрепившего их обрывком провода так, чтобы четыре рукоятки смотрели в одну сторону, а пятая — в обратную. Именно за нее нужно было держать всю связку, ожидая, пока танк пройдет над головой. Впрочем, это-то уж приходилось делать почти каждому бойцу.

...Что я думаю об этой истории? Разное... Тогда мне казалось, что это мираж, что болид над озером создал совсем особые условия наблюдения. И где-то в джунглях, наверное, действительно прятался человек с копьем, поджидая многоножку. Я не увлекался тогда биологией, и меня не смущал фантастический облик странного существа. Потом я понял: таких не бывает. Можно перелистать любую самую объемистую книгу с описаниями живых редкостей, но ни на одной из тысяч страниц не найти ничего подобного. В этом я позже много раз убеждался.

И что бы ни говорили и ни писали о «затерянных мирах», трудно было представить проявление жизни, столь отличающееся от известных форм.

Знакомый радиофизик подсказал интересную мысль. Болид создает ионизированный столб, своеобразный электронный шлейф. Этот-то многокилометровый шлейф может служить антенной и даже волноводом для очень длинных радиоволн. Альфа-ритм электрической активности человека с копьем, вероятно, близок к нашему. Получается, что столь низкочастотные колебания могли быть приняты метеорной антенной из космоса. Требовались, правда, дополнительные условия, трудновыполнимые. Во-первых, электромагнитные волны, воздействуя на наш мозг, должны создавать полную иллюзию присутствия. Во-вторых, где же все-таки это было: на другой планете? в иной звездной системе? И какова же тогда сила излучаемых биосигналов?

Этот второй вариант казался, пожалуй, фантастическим, но я постепенно уверовал в него. И успокоился.

• • •

...Месяца через два они позвонили. Расспрашивали о Полновском плесе, о Заплавье, о дороге к Картунскому бору. Дорогу на озеро я не помнил, знал только, что от Сосниц до него недалеко. Кажется, во время студенческих каникул они собирались на Валдай. Места там хоженые, не заблудятся, подумал я. Потом они пропали, целый год не объявлялись и не звонили. Я уж было забыл о них.

И вот почти год спустя мы встретились. Они пришли ко мне, повзрослевшие хорошие ребята, в кармане — дипломы не то физиков, не то биофизиков. Теперь их трое — Гена, Ира (с ними я знаком) и Саша (еще один молодой физик). Разговор тот же. О болиде над озером. О давнишнем нашем походе на Валдай. Наслушавшись своих собственных рассказов, я понемногу начинаю сомневаться, спрашивать себя: было ли это на самом деле или, может, померещилось мне?

— Вы все-таки расскажите еще раз, как искали топор! — просит Геннадий, и я припоминаю (во второй уж раз!) кое-какие детали.

Мне не вполне понятна их настойчивость. Да, искали мы топор. Вместе с Корчуковым. Не нашли. И хоть утро вечера мудренее, но на рассвете тоже не оказалось его ни под упавшим столбом, ни поблизости от него.

— Вы-то, наверное, не искали как следует — Корчуков искал.

— Пожалуй, — соглашаюсь я, — только зачем вам все это?

— А мы ведь собрались тогда на ваше озеро... — говорит Геннадий. — Ира, я, Саша и еще трое ребят.

— Ну и что же, побывали?

— Побывали. Только позднее.

— Не жалеете? Интересно было?

— Интересно. Только биосигналы из космоса тут ни при чем оказались. Дело не в антенне и не в электронном шлейфе.

— Вам виднее, — я не скрываю легкой иронии.

Геннадий начинает неторопливо излагать их точку зрения. Говорит он о пространстве, сопряженном с нашим, обычным пространством. Время и там и здесь течет одинаково, это общая координата. Зато другие измерения — ширина, длина, высота, все три координаты — расходятся, расщепляются. Мы не видим будто бы объекты из того, сопряженного пространства, хотя они рядом, даже как бы незримо пронизывают нас. Я перебиваю его:

— Это даже не теория. Гипотеза, не больше. О двух проникающих друг друга мирах я наслышан.

— У нас есть доказательства. Болид сместил измерения, сопряженное пространство стало ощутимым. Потом контакт опять пропал.

— Да, но о болиде рассказал вам я.

— Конечно. Но ваш человек с копьем мог появиться только из сопряженного пространства. И только там мог исчезнуть топор.

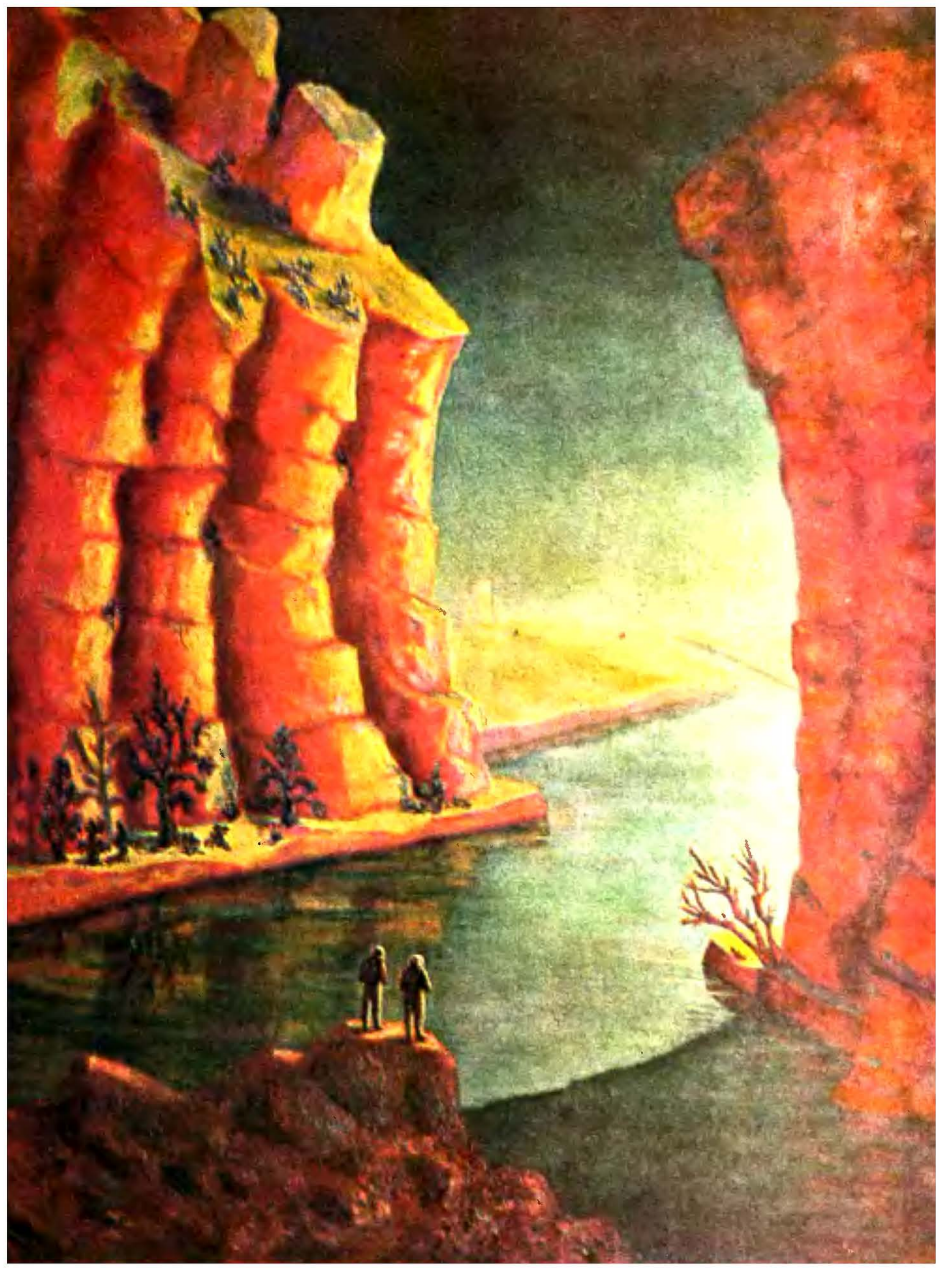
— А как же с принципом симметрии? Между сопряженными полями, между двумя нашими мирами может произойти лишь эквивалентный, равнозначный обмен энергией-массой.

— Мы думаем, такой обмен и состоялся, — спокойно возразил Геннадий, и я почувствовал, что в этом они единодушны.

— Но топор Корчукова исчез, — сказал я. — По-вашему — перешел туда, в сопряженное пространство. Если вы убедите меня, что в обмен мы приобрели что-нибудь другое, с равной массой, тогда я сдамся.

— Мы были у озера, — сказала Ира неопределенно, щелкнула запором портфеля и подала мне продолговатый светлый камень с отшлифованными гранями и тонким острием.

Я взял его, провел ладонью по четырем неровным ребрам, молча потрогал острие. Слова были бы лишними. Ведь я без труда узнал наконечник того самого копья.



Р.Братеншн «Инопланетное озеро»

Н.Недбайло «Сады Соляриса»

Н.Недбайло «Маяк на планете желтых кристаллов»

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

Цветок в дорожной сумке

После привычных блекло-серых, бесцветных и изгоняющих смертельную тоску холмов Безликой кипящая на полуденной жаре земная зелень вызывала резь в глазах. Я стоял неподвижно на краю шоссе и щурился с такой силой, что даже стала болеть голова.

Вдруг какой-то импульс прострелил мои мышцы. Я сорвался с места, зашвырнул далеко свою дорожную сумку и тут же ринулся сам вслед за ней в гущу травы. Но, сделав несколько яростных рывков, я выдохся. Ноги опутала упругая паутина из стебельков и листиков; подавшись телом вперед так, я растянулся во весь рост и, должно быть, отшиб бы себе грудь и разбил лицо, если бы не тысячи маленьких зеленых пружинок, мягко сжавшихся подо мною.

И от этого чувствительного падения мне вдруг стало хорошо-хорошо. Про своего нового знакомого, Алексея, я совсем забыл, а когда вспомнил и, сев, высунулся из травяных зарослей, оказалось, что он все еще стоит на шоссе, переминаясь с ноги на ногу.

— Чего ты ждешь? — спросил я решительно, удивляясь, как может человек, пробыв год в космосе, не прийти в ребячий восторг от земной красоты.

Алексей только посмотрел на меня так, как смотрит не умеющий плавать на реку, через которую ему придется перебираться вброд.

— Ты там до конца отпуска простоишь, — почувствовав какой-то подвох, сказал я уже как-то неуверенно.

Алексей наконец тронулся с места. Он повесил на плечо свою сумку, сошел с дороги и двинулся в мою сторону, переступая таким образом, будто боялся наступить на спрятавшуюся в траве змею. Я смотрел на него во все глаза. Судя по всему, Алексей чувствовал себя очень неловко: лицо его покрылось красными пятнами. Он подошел ко мне и осторожно положил сумку на землю.

— Должно быть, я немного свихнулся, — с огорчением сказал он, словно оправдываясь за свои странные действия.

Я пожал плечами.

— Это бывает... — Я тоже вдруг почувствовал неловкость, словно перешедшую от него ко мне.

— Хм, — Алексей слабо улыбнулся. — Но у меня уж слишком оригинальный случай...

— Лучше поговорим о чем-нибудь другом, — предложил я, давая понять Алексею, что не люблю обсуждать чужие недуги.

...Мы познакомились два дня назад на пассажирском космолете: у нас была каюта на двоих, и хотя — не знаю почему — мы очень мало разговаривали между собой, на следующее после знакомства утро мне уже казалось, что мы давние и очень хорошие друзья. Нас сближало непреодолимое желание вновь послушать на ветру и побродить по вечернему городу, с огнями которого не может сравниться блеск самых ярких звезд. Нужны ли слова? И тем более не рассказывали мы друг другу о своей работе. Но теперь я вдруг почувствовал, что Алексей не успокоится, пока не расскажет о своих злоключениях. Я понял, что ему долгое время пришлось пробыть в одиночестве. Такие люди в космосе очень молчаливы, но стоит им вернуться на Землю, и они несколько дней ведут себя так, будто им больно молчать. Я счел своим долгом выслушать человека, который, может быть, ждал этой возможности целый год.

Я чуть приподнял брови и вопросительно глянул на Алексея. Он снова слабо улыбнулся: видно, понял ход моих мыслей и, на миг задумавшись, неторопливо спросил:

— Два месяца назад в третьем секторе Урана беспилотный грузовик врезался в звездолет, на котором был только один помощник штурмана. Ты, может быть, слышал?

— Конечно, — ответил я. — Этот звездолет потом больше недели искали.

— Вот-вот. Не мудрено. Его на куски разнесло. В одном из этих кусков я и загорал полторы недели. — Алексей немного помолчал. — А столкнулись мы эффектно, ничего не скажешь. Космолет, на котором я летел, перегонялся с одной базы на другую, с которой на первую летел этот злополучный грузовик, — так дело было, — и пути эти настолько совпали, словно корабли летели навстречу друг другу по одной ниточке. В общем, совпадение сказочное, остается только руками развести... За полчаса до столкновения я пошел в оранжерею проверить систему автополива.

Вдруг страшный удар, будто кто-то огромной кувалдой трахнул по обшивке, — и тишина. Но мне показалось, что корабль бесшумно прокатился по гигантской каменной лестнице, а потом началась страшная карусель. Меня дернуло в сторону, магнитные ботинки оторвались от пола, перед глазами все завертелось. Вначале я даже не успел испугаться, а когда меня провезло по цветам и потом стало безжалостно шлепать о стены, мне уже было не до страха. Ко мне пришло спокойствие и равнодушие обреченного, и еще минут пять я заботился только о том, чтобы не врезаться в стену головой. Я даже не пытался прилипнуть к опоре ботинками. Тогда когда, уже случайно, я коснулся ногами пола, тогда и кончилась эта карусель. Я был весь вымазан в мокрой земле и размятой зелени, которая отдавала резким и неприятным запахом. Я сразу рва-

нулся к выходу, но люк оказался закрытым наглухо, а над ним горел транспарант: «Общая разгерметизация». Выйти из оранжереи было нельзя; что произошло, я не знал. Я думал, что, должно быть, корабль с чем-то столкнулся и получил большую пробоину где-то в районе грузовых отсеков. На самом деле это была уже не пробоина, а полный разгром. Грузовик имел на борту десять тысяч тонн полезного груза и прорвал корпус корабля, как бумажный кулек. Рубку управления разворотило в клочья, часть отсеков оторвало вовсе, только оранжерея целой и осталась. Вот, что называется, в рубашке родился.

Я побродил несколько минут перед люком и решил, что дела мои плохи. Даже зябко стало. Оставалось только ждать. На вегетарианской пище с уцелевшего огорода я смог бы протянуть около месяца, питья было сколько угодно: запасной резервуар полива и резервуар с питьевой водой были полны. Но вот дышать мне можно было от силы дней семь-восемь, а потом хоть открывай люк и дыши вакуумом.

Вдруг меня словно стукнуло. Я прозрел. Вокруг меня были сотни всяких растений: тюльпаны, бегонии, кактусы, помидоры, лимонные деревца, березки. Все они вырабатывали кислород. Тихо и незаметно. Я вспомнил картину из старого школьного учебника по ботанике: две мыши, накрытые стеклянными колпаками; одна уже мертва, а другая живет как ни в чем не бывало: вместе с ней под колпаком стоит горшок с цветком. Мое положение было аналогичным; я только не знал, смогут ли растения оранжереи обеспечить меня кислородом на достаточно долгий срок. Но все равно надежда появилась, а это главное.

На Земле дышится вольно — мы и не осознаем ценности всех этих травинок и былинок, поскольку банка, в которой мы живем вместе с ними, такая большая; а там, в космосе, когда каждый кубический сантиметр воздуха на вес золота, то каждая травинка — может быть, сорняк в цветочном горшке — превращается в волшебное дерево.

Я посмотрел вокруг себя другими глазами. Цветы перестали быть для меня какими-то неодушевленными предметами. Это была толпа добрых и отзывчивых друзей, которые тихо и искренне заботились обо мне, которые, в сущности, были еще более беспомощны, чем я, в чуждой для них обстановке.

Я проникся к ним глубочайшим уважением, и это было не просто уважение — я благоговел перед ними. Я наделил каждый цветок душою, выдумал, смотря по внешнему виду, характер и даже, самому теперь смешно, биографию. Так я перестал чувствовать свое одиночество: со мной было много друзей. Друзей и знакомых. Да-да, некоторые из цветов стали для меня хорошими друзьями, некоторые — просто знакомыми. Почему? Ну, например, когда становилось как-то тоскливо на душе и мне начинало казаться, что помощь ждать бессмысленно, что на Земле меня уже похоронили, я подходил к желтым тюльпанам. Их цветы — как насмешка над всеми трудностями, над всеми нелепостями судьбы. Чинное спокойствие агав подбадривало меня, а маленькие хрупкие фиалки смотрели на меня широко раскрытыми синими глазками, удивлялись и сокрушались: «Мы такие маленькие — и ничего не боимся, а этот, такой большой и сильный, дрожит от страха». Смешно? Возможно. С точки зрения человека, живущего на Земле и гуляющего со своим песиком где-нибудь в городском парке.

Я тоже старался что-то сделать для них. Собрал все цветы, поврежденные в результате моих падений, занялся, что называется, их лечением: пересаживал, подрезал и был ужасно расстроен, когда несколько цветов все же не удалось спасти. Но это уже не по моей вине: эти цветы росли в ящике, который перед отлетом с базы плохо закрепили на полу оранжереи, и во время аварии он кувыркался в воздухе вместе со мной.

Освещение я не выключал вовсе. Вообще, мне здорово повезло и в том, что не вышла из строя энергосистема корабля, иначе я бы превратился в ледышку. Уцелели и холодильные резервуары с твердой углекислотой для «подкормки» растений.

В общем, жил — не тужил, только вот обеды всегда доставляли мне волнения, ведь питался я тоже только растительностью. Такой психологический настрой: а вдруг вот этот листик, который я сейчас съем, не выдаст ровно столько кислорода, сколько нужно, чтобы прожить всего одну минуту до спасения. Я уж старался питаться лишь морковкой, редиской, огурцами; капусту вообще не ел, хотя ее было больше всего, ведь у нее такие огромные листья...

В последние дни стало все-таки не хватать воды для цветов, и я подключил к системе автополива резервуар с питьевой водой, так что до самого конца мне пришлось страдать от жажды, чего раньше я никак не предполагал. За два дня до спасения я открыл последний аварийный баллон с кислородом и после этого окончательно положился на свои цветы: от них теперь уже полностью зависела моя судьба.

Спасение пришло неожиданно. Я спал, когда подошел спасательный космолет. Целый час обследовали разворочейные отсеки и наконец обнаружили закрытую и неповрежденную оранжерею. С космолета выдвинули тамбур, приварили его к стене оранжереи с внешней стороны и вырезали в борту дыру. Спасатели вошли внутрь, увидели меня лежащим на полу, решили, что дело плохо, и стали меня осторожно переворачивать на спину. Я вскочил, спросонок не разобрал, что к чему, чуть отбиваться не стал, потом разглядел смеющиеся лица... Когда стал влезать в тамбур, опомнился, рванулся назад, выкопал первую попавшуюся фиалку, мою фиалку, и вернулся обратно. Спасатели только плечами пожимали.

Я видел, как отделяли выдвижной тамбур от оранжереи. На экране мелькнуло светлое пятно вырезанной в борту дыры: там, внутри, продолжали еще гореть лампы дневного света. Это как прощальный жест друга, с которым я расставался навсегда. В тот момент в оранжерее уже царили пустота и адский холод, которые, наверное, быстро расправились с зелеными друзьями. У меня сжалось сердце, и я ушел из рубки управления. На Ганимеде меня осмотрели врачи, покачали головами и отправили на Землю.

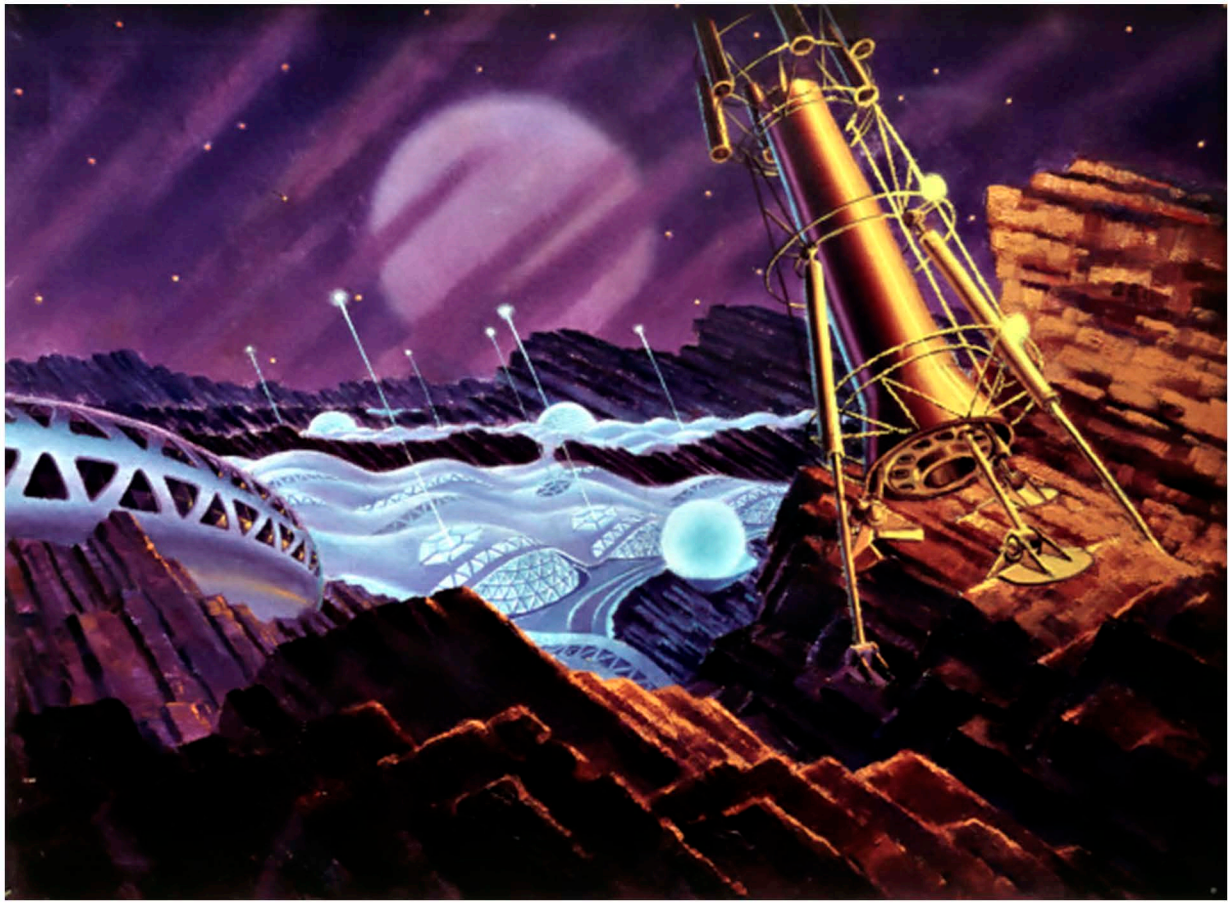
Алексей замолчал.

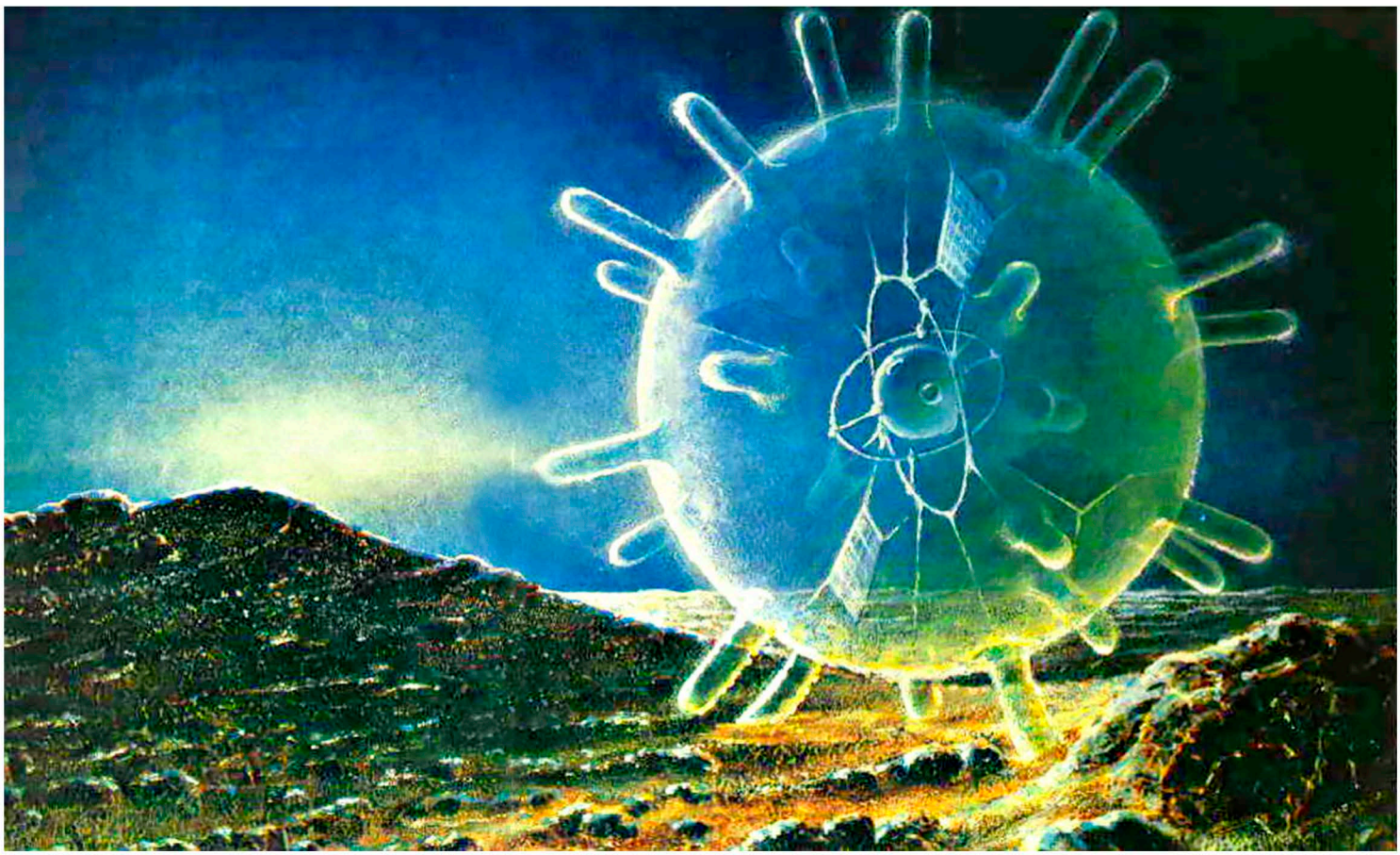
— Да, — вдруг спохватился он, — та фиалка, которую я успел забрать с собой... Вот она.

Он расстегнул «молнию» на своей дорожной сумке и осторожно достал цветочный горшочек, накрытый пластиковым колпаком.

...Когда мы возвращались на шоссе, я заметил, что иду след в след за Алексеем. Я вроде бы усмехнулся про себя, но тем не менее продолжал идти так же.

Машина пришла за нами точно в указанное время. Закрывая за собой дверцу, я взглянул на луг и на миг замер, ужаснувшись; откуда это там такой огромный участок поваленной и жестоко смятой травы? Вот ведь, весь луг испортили! Тут до меня дошло: это же я сам... Я как-то опасливо оглянулся — как убийца, подумалось вдруг, — захлопнул дверцу и почувствовал, что мне стыдно до корней волос. Не знаю, перед кем больше: перед Алексеем или... перед лугом. Кажется, я что-то начинал понимать. Земля ведь тоже космический корабль, хотя и очень большой.





ГЕОРГИЙ ВАЧНАДЗЕ

ЗВЕЗДНЫЙ ПАРУС

(Рассказ из будущего)

Перед заходом солнца граница света и тьмы все время поднимается вверх, как будто на дне моря разбили гигантскую склянку с чернилами. Она зыбка, эта граница, но всякая морская живность чувствует ее, следит за ней и тотчас устремляется вверх, словно пытаясь удержать последние солнечные лучи. Вряд ли это заметно на глаз, но трал, который мы иногда забрасываем, рассказывает об этой бесчисленной армии обитателей глубин, всплывающих навстречу лунному свету.

Это рыбы и креветки, медузы и мельчайшие рачки. И наш «Одиссей» оставляет им море, биолог Нина принимает последний улов, самый тяжелый, самый удачный, и уже до раннего утра мы не вмешиваемся в морские дела. У меня, водителя глубоководного аппарата, совсем другие заботы, но как интересно слушать рассказы о жизни океана, где действуют своеобычные законы, управляющие колыбелью жизни тысячелетиями! Ничто пока как будто не изменилось там, в километровых толщах.

И все же само разнообразие морского населения свидетельствует об обратном: ведь только смена поколений, многих поколений, порождает мутации, изменчивость видов. А на это уходят иногда миллионы лет. Впрочем, мне не следовало бы пересказывать то, что говорит Нина. При всем желании я этого сделать не смогу: у нее определенно талант. Если вы когда-нибудь, дорогой читатель, побываете на «Одиссее», то убедитесь, что я не преувеличиваю.

Наверное, еще целое лето мы будем работать в Черном море, заходить в Батуми, Сухуми и другие порты. У нас здесь очень важное дело. «Одиссей» должен найти... но что именно найти, никто из нас толком не знает. В этом ничего странного нет: все падающие звезды похожи друг на друга.

У метеоритов очень большие скорости, и они испаряются в воздухе, а за ними тянется след — колонна ионизированного газа. Она тоже светится, «ложится в дрейф» и разрушается. Вот и все, что происходит. Попробуйте распознать форму или хотя бы размер сгоревшей звезды!

И все же, говорят, в июне произошло все немного иначе. Как будто бы не было столба раскаленных газов, а метеор летел медленно, опускаясь в море. И что удивительно, радиояркость его менялась. Мерцания были случайными и к тому же невидимыми. Стояло ясное тихое утро, и увидеть его было просто невозможно. Даже фотопленка сохранила лишь несколько слабых пятен: впрочем, снимки явно не удались, ведь никто не уверен в появлении небесного гостя именно в то время, когда это случается, и в том участке неба, куда нацелена оптика. Его «поймали» аэродромные радиолокаторы. Электрические импульсы и помогли зарегистрировать прерывистый путь его в утренней лазури.

Вот это-то и кажется немного странным. Ионизированного следа не было, об этом тоже сказали радиоприборы, но какой же величины тогда должна быть поверхность, чтобы за сотни километров его обнаружил локатор? Расчетам, конечно, верить трудно: многое зависит от свойств отражающей поверхности. Но данные настораживали. А главное состоит вот в чем: если раскаленного хвоста не было, значит, он не сгорел, остался цел. Так и канул в воду.

Я верю, что мы найдем его рано или поздно. Наверное, я немного мечтатель (и Нина тоже так считает).

Во время многочисленных погружений я привык к зеленоватому миру, к колеблющемуся светлому покрывалу с пятном солнечного диска и пляшущими серебристыми бликами — так выглядит поверхность моря снизу. Крупные волны ударяют сверху по этому покрывалу, загоняют в воду пузыри воздуха, и те рассыпаются мелкими градинами, которые, вместо того чтобы падать вниз, устремляются вверх (прав Архимед!). Скопления медуз в Черном море напоминают порой тучи или облака — тоже нечеткие, с размытыми контурами, как бы растворенными в безбрежном пространстве вод. В спокойной воде медузы плавают уверенно и довольно быстро. Их зонтики сжимаются, выбрасывая воду, уже профильтрованную, очищенную от мути и планктона.

На глубине 170 метров всякая живность исчезает: начинается мертвая зона. Ни одна рыба не решится заглянуть сюда, в отравленное сероводородом вместилище многих миллионов кубометров бесплодной, хотя и чистой воды. Повсюду плавают тонкие нитевидные хлопья «морского снега» — я уже знаю, что это остатки планктона. По словам Нины, тайна образования «снега» раскрыта недавно, а ведь так, кажется, просто... Лет двадцать назад, в середине 60-х годов, ученые пропустили пузырьки воздуха сквозь чистейшую морскую воду. И оказалось, что растворенная в воде органика прилипала к пузырькам. Воздух как бы ткал из раствора тончайшее полотно. А затем пузырьки лопались, и в воде оставались нежные хлопья.

Я бы не рассказывал об этом вовсе, если бы, по словам Нины, вся жизнь на планете, а может быть, и в иных мирах не была обязана именно этим хлопьям. Миф об Афродите, возникшей из пены морской, не столь уж фантастичен, если разобраться получше. У самого берега в ветреную погоду собирается морская пена со стокилометровых просторов волнуемой ветром воды. И здесь, на берегу, как в фокусе, соединяется все, что случайно родилось или возникло в загадочных пластах подводного мира. Береговая линия, да и вся поверхность океана — это лаборатория, равной которой нет пока у человека... Вот почему я всерьез задумываюсь о жизни, которая, несомненно, рассеяна во всей Вселенной. Есть, есть где-то океаны, созидающие живое! И на планетах-гигантах и на других небесных телах природа, единая в сущности, творит сложные молекулы, клеточки, организмы.

* * *

Не случайно рассказываю я о Черном море: ведь успех наших поисков во многом определяется характеристиками водной толщи, ее прозрачностью, течениями, погодой, характером дна, рельефом.

Небольшая наша экспедиция — комплексная. У нас много задач. Но руководитель ее (буду звать его без отчества — Николаем), как мне кажется, увлечен «неопознанным объектом». Я много раз замечал свет в его каюте после полуночи.

— Что ты думаешь о метеорите? — спросил он однажды меня, и этот вопрос его, на который я ничего определенного ответить не смог, заставил меня впервые, быть может, задуматься о происшедшем. В самом деле, что это было? Если бы метеор, пусть даже самый необычный, Николай бы не спрашивал. Конечно, он не ответ хотел получить, он как бы показывал тем самым, что над этим стоит голову поломать...

— А как вы думаете, что это было? — спросил я его позже, недели через две.

— Вот смотри, — он раскрыл карту и провел карандашом легкую линию — это был путь «Одиссея». В конце линии поставил кружок: — Сейчас мы здесь. Именно в этом районе упал метеорит.

— Но это не метеорит, — сказал я.

— Конечно, — вдруг сразу согласился он, — иначе искать его было бы бессмысленно. Дно илистое, да и глубина...

— Дно как жидкий цемент, — подтвердил я, — даже с посадкой аппарата иногда трудновато, того и глядн увязнешь.

— Я думаю иногда, что это был парус, — сказал Николай, глядя мне прямо в глаза.

Я смутился: что это — шутка? Или слова его следовало понимать в переносном смысле? Я молчал, пытаясь разрешить загадку.

— Парус, понимаешь? — повторил Николай. — Ведь Земля — это берег звездного океана, его остров. Точнее, один из островов. Звезды, планеты, галактики — это пространство, необозримое, огромное... Даже закрыв глаза, не представишь. Даже звезда-гигант — точка, не больше в этом безбрежном океане. А планета Земля?.. Пылинка. Но тоже остров.

Мне постепенно передавалось это настроение, и я слушал Николая очень и очень внимательно. Да, беспредельно межзвездное пространство, где световые лучи путешествуют годы, десятилетия. Это целый океан... Парус? Но ведь свет оказывает давление, как ветер. Ветер далеких сияющих солнц сможет наполнить паруса космических яхт. Да, я соглашался с Николаем, было бы странно когда-нибудь не воспользоваться неослабным теченнем могучей стихии. Мириады фотонов не иссякают, они верно и неуклонно пронесут корабль мимо звездных островов в инопланетные дали. И как бы ни были слабы лучи, они действуют постоянно. А это главное.

Но, может быть, мы ошибались? Возможно, парус пригоден лишь вблизи планетных систем, где раскаленные недра исторгают могучее дыхание звездной стихии. Ведь именно эффектом парусности объясняются и кометные явления. Но если и так, то разве у тех, кто овладел в совершенстве этим секретом, секретом скольжения по соломинам лучей, нет средств вывести яхты поближе к солнцам, чтобы потом пуститься в беспримерное плавание? Быть может, для них это спорт...

— Это моя давняя мечта, — сказал Николай. — Я и сам думал о солнечной яхте. Но тут нужен особый материал, особая конструкция... Если бы когда-нибудь найти эту простоту, эти удивительные пропорции, которые позволили бы выйти поближе к кометам!.. И вдруг — вспышка, и точно солнечный зайчик скользнул в море. Поверхность пульсировала, отражая радиоволны, это доказано. Так спускается в воду сорванный с дерева лист... или парус. Да, я сам попросил в тот же день дополнить нашу программу исследований поисками неопознанного объекта. Я верил...

Я вдруг понял, нет, не по тому, ЧТО говорил Николай, а по тому, КАК он говорил, что он точно ищет поддержки у меня. Я-то знаю, как трудно верить в одиночку. У мечты слишком большие крылья, и это может испугать.

— Да, пожалуй, это парус, — сказал я как можно естественней. — Яхта могла упасть на Землю. Так к скалам прибивает земные корабли. Она пролетала мимо, и что-то случилось. Она упала. Так ведь может быть?

— Гравитация. Только одна сила — гравитация — может поспорить с лучами света. Она и сбросила парусник вниз. Впрочем, это нам так кажется: бросила вниз. Но они могли перейти и на вынужденный маршрут, потом покинуть свое судно. На какой-нибудь нейтринной ракете. И тогда лишенную управления яхту прибило к Земле.

— Кто знает, сколько лет она путешествовала среди звезд...

Мне кажется, мы говорим уже так, как следовало бы говорить, найдя ее. Но ведь мы пока не нашли...

* * *

О мечте я поведал Нине. Уж она-то, наверное, смогла бы понять! Но нет, этого, увы, не произошло. Вероятно, она была слишком уж увлечена сбором коллекции зоопланктона.

Во время очередного погружения мне хотелось захватить как можно большой район дна. Я вел аппарат на глубине двести метров. Вокруг черносиняя вода. Она прозрачна, лишь нити «морского снега» медленно падают на дно: в ином месте они служили бы пищей водным организмам, в Черном море пропадают даром.

— «Дельфин»! Как слышно? — привычные позывные. Связь с «Одиссеем» поддерживаем каждые пять минут.

«Одиссей» — наша плавучая база, большущий корабль, получивший имя в честь исследовательского судна с таким же названием, плававшего лет десять назад. А тот первый исследовательский корабль назван в честь Одиссея — великого мореплавателя древности, маршруты которого все точнее ложатся на современные карты... Фантастика!

Чем ниже опускается наш «Дельфин», тем становится светлее: это свет прожекторов отражается от серого дна. Оно пустынно. Ни одного живого существа! Вот нехитрая разгадка: Нина недолюбливает наши рейды, не участвует в них потому, что ей попросту нечего делать здесь, вблизи черноморского мертвого дна!

Серая пустыня, и над ней прозрачная темная вода со «снегом». «Дельфин» идет в десяти метрах от дна. Потом я начинаю сомневаться в правильности выбора именно этой цифры. Нет, нужно идти выше! Почему?.. Да потому, что парус, должно быть, огромен. Выше лучше обзор.

Я поднимаю аппарат еще метров на десять. Дно видно отчетливо в

слепящем свете прожекторов, даже камни, торчащие сквозь слой ила. «Но почему мы должны найти именно парус? — вдруг задаю я себе вопрос. — Да, мы говорили с Николаем о нем. Но это только предположение, всего-навсего гипотеза. Да и можно ли верить в такое, право?.. И потом, разве Николай, руководитель экспедиции, сказал мне, что нужно искать именно парус, только парус, и ничего больше? Нет, не говорил он мне этого».

Я опускаю аппарат на прежнюю глубину и даже еще чуть ниже: будем ходить вдоль и поперек, обойдем весь район. И пусть кое-кто считает, что мы занимаемся пустяками.

«Дельфин» заходит в долину. Слева скалы, справа холмы. Скорость — полтора узла. Чтобы фотоаппараты успели произвести съемку, ничего не пропустив. Кое-где вижу крупных мертвых рыб. Они лежат на дне, наверное, уже давно. Здесь нет бактерий, вызывающих гниение. И рыбина на дне Черного моря может пролежать очень долго. При желании можно собрать коллекцию их для какого-нибудь биологического музея.

— «Дельфин», как слышно?

Позади десяток километров. Делаю разворот, иду к базе. На дальнем холме... Что это такое? Сдерживая нетерпение, веду аппарат туда... Нет, просто камень причудливой формы. А ведь где-то здесь, несомненно, покоится один из кораблей греческого капитана Одиссея! Когда-то плавали за золотым руном. И что такое золотое руно, какое оно, никто толком не знал. И сейчас, сегодня, завтра, всегда люди будут искать то звездный парус, то неуловимую ядерную частицу... О них тоже немного, в общем, известно.

...И все-таки какой он, звездный парус? Я попытался представить его. Наверное, он очень большой: световые лучи оказывают едва заметное давление, и, чтобы сила была достаточной, нужна большая площадь. Еще что? Не исключено, что он очень легок, так легок, что никакие привычные нам эталоны эфемерности не подойдут для его характеристики. А вывод?.. А вывод из моих довольно простых рассуждений мог быть неожиданным. Мы искали скорее всего не там, где следовало!

Я с нетерпением дожидался конца смены.

И вот «Дельфин» всплыл. Нам кинули швартовые концы. Мягкий удар о пневматический кранец. Стальная лапа крана поднимает наш аппарат и водружает его на кильблоки в просторный ангар. Мы выбираемся на палубу через люк. Я бегу к Николаю.

— Что случилось? — встревоженно спрашивает он.

— Да уж случилось! — невпопад выпаливаю я и начинаю сбивчивый рассказ о предполагаемой конструкции паруса.

— Ну и что из этого следует? — спрашивает он. И сам же отвечает: — Да то, что искать его мы должны, пожалуй, на поверхности.

— Он должен плавать, — говорю я горячо. — Должен!

Ну и что же, отменять подводные дежурства?.. В конце концов мы решили сократить их, к удовольствию Нины. Вот когда мы с ней стали настоящими друзьями.

Прошла неделя. Мы нанесли на карте направления течений. Данные о ветре были довольно точные, и мы надеялись теперь на успех. Мы повернули «Одиссей», обогнали течение, зашли на добрую сотню километров вперед, чтобы не пропустить предполагаемую находку. «Одиссей» стал совершать рейсы поперек течения, словно дожидаясь добычи. Нечего и говорить, что мы были далеко не уверены в успехе. Если говорить честно, у нас был один шанс из тысячи. В том случае, конечно, если «яхта» вообще существовала, не была нашей выдумкой.

...В один из дней, когда мы почти потеряли надежду, наш трал для биопланктона зацепился за что-то. Нина позвала меня:

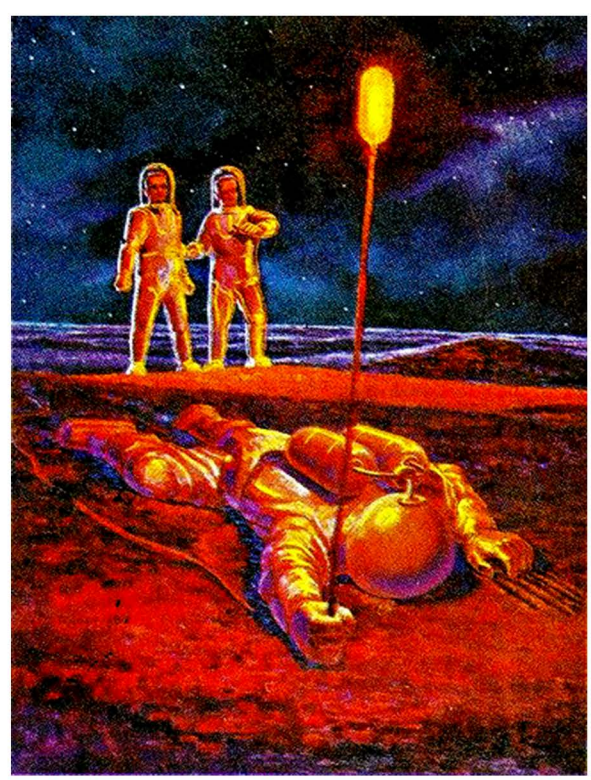
— Георгий, посмотри-ка!

Я прошел к лебедке. Из воды метрах в тридцати от кормы выступала какая-то полупрозрачная штуковина, точно огромный плавник рыбы. Мы подтянули ее поближе. Я стал всматриваться: она была цвета морской волны и оттого сначала показалась прозрачной. Ее нижний край глубоко уходил в воду. Я боялся поверить. Чтобы потом не разочароваться.

Заработала лебедка. Я не торопил событий. Кто-то положил руку на мое плечо. Обернулся: Николай. Я молча кивнул.

Он был не так велик: сотня квадратных метров, не более. Странной была его форма: он был похож на витую раковину. Поверхность его сияла в лучах утреннего солнца. И там, где была вершина раковины, к нему прицепился прозрачный пузырь. Совсем небольшой, около метра в диаметре. Он был пуст. Ничего особенного там, внутри, не обнаружилось. Когда мы подняли «яхту» на палубу, когда я окинул взглядом ее простые и вместе с тем какие-то необычные обводы, когда сумел угадать назначение некоторых деталей: маленького, едва заметного сиденья внутри пузыря-кабины, крохотной рукоятки, какой-то педальки,— только тогда радость открытия начала наполнять все мое существо.

От прикосновения моей ладони по парусу пробежали синие искры, он звонко гудел, и мы все долго-долго слушали эту песню, принесенную им издалека. Из звездных далей.



Н.Недбайло «Первый контакт»

ФРАЗА ИЗ ДНЕВНИКА

Научно — фантастический рассказ

ГЕННАДИЙ МАКСИМОВИЧ

Инспектор Пьер Тексье ехал в вычислительный центр института информации. Несколько минут назад дежурный вычислительного центра обнаружил в одном из машинных залов тело мужчины. Дежурный знал в лицо всех работников института, но этот человек был ему неизвестен. Когда инспектор прибыл на место, он застал там сержанта полиции из ближайшего участка. Это был пожилой человек, уже давно начавший седеть и полнеть, которому явно в этот ночной час больше хотелось спать, чем торчать здесь. Увидев, что Тексье молод, он отозвал его в сторону и почему-то несколько испуганно прошептал:

— Вы знаете... Быть может, вам лучше все-таки позвонить своему начальству?

— Это почему? — спросил Пьер, стараясь придать раздраженному голосу суровость.

— Да понимаете ли... я проверил документы убитого. Так вот, это Франсуа Люзьен — известный ученый, лауреат нескольких международных премий, участник многочисленных международных комиссий и почетный член многих академий. Может быть, вам все же позвонить начальству?

— Я сделаю все, что сочту нужным... — Голос Тексье стал более жестким.

— Ну как хотите, — чуть обиженно сказал старый полицейский. — Я счел своим долгом предупредить вас. Тогда пойдемте. Он здесь, рядом.

Они вошли в большой зал, заполненный компьютерами. Тексье увидел распростертого на полу человека без пиджака и с полуразвязанным галстуком. Голова и руки его лежали на открытой крышке компьютера. Казалось, что это мастер, взявшийся чинить электронно-вычислительную машину и внезапно уснувший.

Пьер огляделся. Неподалеку от компьютера висел на стуле пиджак.

— Что, пиджак так и висел здесь? — спросил он старого полицейского и начал набивать трубку.

— Нет, он валялся рядом с ним. Я пометил на полу это место и поднял его, когда искал документы. — И, увидев недовольство в глазах инспектора, добавил: — Он валялся, как будто Люзьен метался, прежде чем упасть. Видите, у него и галстук развязан только наполовину, и ворот рубашки расстегнут на две пуговицы.

Они отодвинули тело от машины и положили на спину. Тексье осмотрел его. Видимых следов насилия на теле Люзьена не было. Одно только удивило — лицо мертвеца. Это было лицо красивого пожилого человека, на котором, казалось, застыло выражение счастья и умиротворенности. Такого Тексье раньше видеть не приходилось. Во всех случаях, с которыми он сталкивался, смерть заставала людей, когда их лица были искажены гримасой ужаса или ярости. Но счастья... Нет, такого не бывало.

— Где находится дежурный, который его обнаружил? — спросил Пьер.

— Он ждет вас в соседней комнате. Кроме того, не дожидаясь вас, я вызвал сюда директора вычислительного центра.

— Это вы сделали правильно. Я пойду поговорю с дежурным, но перед этим позвоню и вызову экспертов. А вы встретите их.

...Разговор с дежурным ничего не добавил к тому, что Пьер уже знал. В это время, то есть ночью, людей в вычислительном центре почти не бывает. Если работы много, то на ночь остаются несколько операторов и программистов. Но это бывает нечасто... Машины же почти всегда включены, так как обмен информацией, ее сбор и обработка ведутся круглосуточно.

По мнению дежурного, ночью в вычислительный центр постороннему человеку проникнуть практически невозможно. Система сигнализации отлажена хорошо, проверяется регулярно, и при ее повреждении тревога раздается сразу же. Охранники знают всех сотрудников в лицо, да и документы требуют у каждого.

Инспектор раздумывал над тем, какой еще вопрос задать дежурному, когда появился полицейский и доложил, что пришел директор вычислительного центра. В комнату вошел грузный человек лет пятидесяти. Поздоровавшись и представившись, он тут же тяжело плюхнулся в глубокое, изрядно потертое кресло напротив. Первое, что бросилось в глаза инспектору: директор постоянно вытирал потеющий лоб и довольно большую лысину. Делая вид, что что-то записывает, Пьер наблюдал за ним, пытаясь понять, всегда ли он так часто потеет или же это чем-то вызвано, например, смертью Франсуа Люзьена.

— Нам только мертвецов не хватало, — усталым голосом прервал директор явно затянувшееся молчание.

— А вы знали его? — спросил Пьер, пытаясь раскурить потухшую трубку.

— Я еще не знаю, кто это. Сержант не показал мне труп, даже не разрешил подойти к нему. Но, в общем, это и хорошо. Я страшно боюсь покойников. Когда год назад умерла моя жена, я даже квартиру сменил. Мне все казалось, что она может прийти ко мне. А в новой квартире вроде спокойнее. Так разрешите узнать, кто же там?

— Франсуа Люзьен...

— Кто?.. Франсуа?.. Этого быть не может?!. Он просто не мог этого сделать?!.

Директор встрепенулся, и Тексье не понял, что его больше смутило: что Франсуа Люзьен попал в вычислительный центр или что он лежит здесь мертвый. А может, он просто был уверен, что Люзьен не мог сделать чего-то э т о г о.

— Вы были знакомы с ним? — Пьер все-таки раскурил трубку и теперь опять взялся за блокнот.

— Да, в общем-то, был знаком. — Директор все еще не мог вытереть со лба постоянно выступающий пот. — А можно ли мне все-таки взглянуть на него?

— А вы что, не верите тому, что я сказал, или уже перестали бояться покойников? — Пьер был явно удивлен просьбой директора.

— Знаете ли, не каждый день у меня в вычислительном центре появляются знакомые, да еще в таком виде...

— Да нет, я не против. Можете посмотреть. Пойдемте.

Пьер встал из-за стола, положил блокнот в карман, затянулся начавшей было гаснуть трубкой и вышел из комнаты вместе с директором. С одной стороны, ему хотелось еще раз взглянуть на этого Франсуа Люзьена, а с другой — он счел необходимым понаблюдать, как будет вести себя директор, увидев своего знакомого, распростертого на полу.

Когда они совсем уж было подошли к мертвецу, директор вдруг остановился и даже попятился.

— Нет, не могу. Я уже отсюда вижу, что это действительно Франсуа, то есть Люзьен... Это он... Сомнений нет... Хотя, пожалуй, я все же взгляну.

И он быстро подошел к трупу. Сначала директор просто смотрел. Но вот он стал вглядываться в лицо Люзьена и побледнел. Вытиравшая пот с лысины рука вдруг остановилась и замерла в воздухе. Глаза его расширились, и, обернувшись к Тексье, он произнес дрожащими губами:

— Вы видели его лицо?.. Нет, вы его видели? Он же просто был счастлив... Вы знаете, я в последнее время его таким не видел... Да, не видел, это точно... Простите, можно воды?

Не дожидаясь приказа, полицейский принес стакан. Директор быстро выпил его большими глотками и стал искать глазами, куда бы поставить. И тут взгляд его опять упал на мертвеца. Директор отпрянул и почти выкрикнул:

— Пойдемте отсюда! Я больше не могу! Это же просто невозможно вынести, — и, резко повернувшись, почти выбежал из зала.

Они опять прошли в комнату, где начали свой разговор. Директор бросился в кресло. Он закрыл глаза и сидел так довольно долго.

— Так вы хорошо знали Франсуа Люзьена? — спросил Пьер, когда директор немного пришел в себя.

— Как вам сказать. Друзьями мы не были. Я и не уверен, что Франсуа имел настоящих друзей. Как и многие талантливые люди, при внешней общительности человек он был довольно сухой и замкнутый. Он был поглощен своими делами, наукой, работой, всеми этими комиссиями и заседаниями. Думаю, что у него просто не хватало времени на друзей.

— Но здесь, у вас, он часто бывал?

— Не очень. Так, иногда. Ведь он химик. Что ему здесь делать? — Директор опять начал усиленно вытирать лоб и лысину. И по тому, с каким усердием он делал это, Тексье понял, что он просто обдумывает, что ему стоит говорить, а что — нет. — Да, кстати, Люзьен был у меня сегодня. Точнее, вчера, ведь сейчас уже утро. Так вот, вчера он был у меня, хотя вообще-то заходил, как я уже сказал, очень и очень редко. За то время, как я работаю здесь директором, он был у меня всего раза четыре.

— А в котором часу он был у вас?

— Да где-то среди дня, в час примерно.

— А что, вы были ему зачем-то нужны?

Директор задумался и опять начал старательно вытирать лысину.

— Да нет, особенных дел у него ко мне не было, — ответил он после некоторого молчания. — Посидел около получаса и ушел. Провожать я его, правда, не стал, мне как раз позвонили.

— Так, значит, вы представления не имеете, как мог сюда попасть Люзьен и что ему ночью было здесь нужно? А может быть, вы хотя бы догадываетесь, что могло с ним произойти? — спросил Пьер и принялся набивать трубку.

— Представления не имею.

— Что ж, тогда не буду вас больше задерживать.

— И я могу идти?

— Да, конечно. Но только никуда не уезжайте, вы еще можете мне понадобиться.

— Если я вам понадоблюсь, вы всегда сможете меня найти. До работы я дома, потом здесь, ну а вечером опять дома. Так что разрешите откланяться.

— Да, да, да, до свидания! — ответил Пьер и встал. Ему уже нечего было делать в этой комнате.

Тексье пробыл в вычислительном центре еще довольно долго. Он поговорил с начальником охраны, осмотрел систему сигнализации, хотя уже прекрасно понимал, что это совершенно не нужно. У него по еще непонятной ему самому причине сложилось мнение, что Франсуа Люзьен просто не уходил из центра после того, как побывал у директора. А когда он прошелся по зданию в сопровождении начальника охраны, то убедился, что спрятаться здесь ничего не стоило. Огромное количество закоулков, незанятых помещений и почти целый этаж, где шел ремонт, позволяли остаться практически незаметным в здании не только одному человеку, а пожалуй, и целому десятку.

Для проверки своей версии он попросил вызвать охранника, который

был у входа вчера в течение всего дня. Тот вспомнил, что к ним приходил высокий красивый пожилой человек, но пропуска он ему не выписывал, так как его приказал пропустить сам директор. А вот выходил ли этот человек, он точно не помнил и в оправдание сказал, что вчера к ним вообще приходило много народу.

Так что версия того, как проник Люзьен в вычислительный центр, видимо, подтверждалась. Но это была версия не основного события — смерти ученого, а только малой части его. Теперь оставалось выяснить главное. А вот на этот счет никаких идей у Тексье не было.

Когда он вышел на улицу, было уже совсем светло. Пьер заскочил в кафе, наскоро перекусил и через несколько минут был уже в управлении. В картотеке ему не составило особого труда довольно быстро узнать все о Франсуа Люзьене.

Да, убитый (а Тексье думал, что это все-таки убийство) действительно был ученым с мировой славой. Возраст — шестьдесят два года, после смерти жены второй раз в брак не вступал, психически уравновешен, явных научных врагов не имел...

Катрин, секретарша Люзьена, красивая рыжеволосая девушка с печальным и чуть ли не заплаканным лицом, явно была расстроена смертью своего шефа.

— Ума не приложу, как это могло случиться, — растерянно произнесла она. — Ведь господин Люзьен был таким жизнелюбом, несмотря на свою занятость. Не думаю, чтобы это он сам с собой сделал, несмотря на плохое настроение в последнее время.

— А что, у него было плохое настроение?

— Да, знаете, он последнее время все жаловался на неважное самочувствие. У него сердце начало пошаливать. Я успокаивала его, говорила, что для его возраста это вполне закономерно, но он и слушать не хотел.

— Так, говорите, сердце. Это интересно. Я, с вашего разрешения, позвоню?

— Конечно.

Пьер набрал знакомый номер и услышал басок Анри.

— Анри? Это Пьер. Как там дела с моим сегодняшним?..

— Если коротко, то сильное напряжение и слабое сердце. Но, учти, это предварительное заключение. Может, обнаружатся и другие причины. Однако о них смогу тебе сказать лишь завтра. Кстати, ты обратил внимание на его лицо? Я, например, такого счастливого покойника никогда не встречал.

— Да, я заметил. Спасибо...

— Слушай, ты позвони своим, а то они уже несколько раз о тебе спрашивали...

Пьер не дослушал его. То, что его интересовало, он уже знал. Только он повесил трубку, как раздался звонок соседнего аппарата.

— Да, приемная господина Люзьена. Кого? — Катрин заговорщически посмотрела на Пьера, показывая, что спрашивают его.

Тексье уже понял, что дальше скрываться не имеет смысла, и, махнув рукой, взял трубку.

— Да, господин комиссар?

— Вы хоть газеты сегодняшние видели?

— Да, видел, — спокойно соврал Пьер.

— Так вот, должны бы понимать, что Люзьен — человек известный. Дело получило широкую огласку. Запомните: если вы завтра в девять часов не доложите мне, что все в порядке, то больше и не просите сложных дел! Да, в виде совета. Вы говорите, что читали газеты, так вам следовало бы обратить внимание только на одну из них. И не на заметку, так как все они — сплошной бред, а только на заголовок «Что же мог знать Люзьен?», так, кажется. Ищите, что он мог знать. Но только до завтрашнего утра.

«А действительно, что же такое мог знать Люзьен? — мелькнуло в голове у Пьера, когда он повесил трубку. — Ведь старик скорее всего прав, что-то такое он должен был знать».

— Все в порядке? — как бы поняв его мысли, спросила секретарша.

— Да. Не откроете ли вы мне кабинет вашего шефа?

— Как это?

— А очень просто, откроете — и все. Его теперь, как говорится, уже нет с нами, так что его кабинетом на какое-то время могу завладеть я.

— Кабинетом можете распоряжаться, но только в моем присутствии, — улыбнулась она.

Секретарша подошла к двери кабинета и открыла ее. Первое, что поразило Пьера, — это размеры кабинета. Похожий на большой зал, он был уставлен шкафами с книгами и различными сувенирами. Если первые не удивили Пьера, то вторые вызвали в нем смешанные чувства. С одной стороны, он был восхищен обилием различных безделушек чуть ли не со всего света, но с другой, — они явно не вязались с рабочим кабинетом серьезного человека. Видимо, поймав его удивленный взгляд, Катрин пояснила:

— Понимаете ли, сувениры, безделушки и всякая экзотическая мелочь — это слабость господина Люзьена. Здесь еще мало, вы бы посмотрели, сколько их у него дома.

— Что ж, потребуется, посмотрю. Надеюсь, вы будете меня сопровождать? А это что такое? — Пьер подошел к шкафу, выделявшемуся тем, что он не был застеклен.

— О, это сейф, и в нем находится главная ценность его музея — яды. Господин Люзьен привозил их из командировок, а некоторые ему доставляли друзья. Вы даже не представляете, каких только ядов здесь нет. Например, есть яды, которыми пользовались американские индейцы. Их тайны, казалось, были утеряны навсегда. А есть и яды, неизвестные даже специалистам.

— И что же, он просто их собирал? — спросил Пьер.

— Конечно, нет. Вы забываете, что господин Люзьен был не только коллекционером, но и ученым. Он изучал, смешивая яды, создавал такие, что, как он сам рассказывал, одного миллиграмма достаточно, чтобы убить чуть ли не миллион человек. Причем не всякая экспертиза обнаружит причину смерти.

К удивлению Катрин, Тексье достал из кармана ключи, которые он нашел у Люзьена, и, отобрав самый сложный, вставил его в замочную скважину.

— Погодите, я отключу сигнализацию. — Катрин подошла к одному из книжных шкафов, открыла его и, вынув какую-то книгу, что-то повернула на стене за ней. — Ну вот, теперь можете открывать.

Пьер повернул ключ, распахнул дверцу и увидел на полках всевозможные бутылочки, пузырьки, банки и коробочки. У инспектора невольно мелькнула мысль: не в этом ли разгадка всей тайны? Он уже было хотел окончательно убедить себя в такой версии и попросить тщательнее провести исследование трупа ученого на присутствие яда, но секретарша, видно поняв его мысли, тут же заговорила:

— Нет, нет, не думаю, чтобы он стал накладывать на себя руки, да еще таким способом. Это совершенно непохоже на него. И, вообще, он боялся, как бы эти яды не попали в чьи-нибудь руки.

— Скажите, а здесь все на месте?

— Вы знаете, я видела коллекцию несколько раз и не могу сказать точно. Мне кажется, все на месте, но поручиться не могу.

— Ну ладно, этим я займусь потом, — сказал инспектор, захлопнув дверцу сейфа и спрятав ключи в карман. — А пока давайте осмотрим стол.

На самом столе бумаг и вещей было мало. Бумаги интереса не представляли, вещи — тем более. Пьер попытался выдвинуть один из ящи-

ков стола, оказалось, что он заперт, дернул за второй — то же самое. Он опять достал ключи. В одном из ящиков лежали какие-то научные отчеты. Во втором — та же картина: аккуратные папки с бумагами. Так он прошелся по всем боковым ящикам, но не обнаружил ничего интересного.

Оставался средний ящик, но Пьер уже не верил, что найдет там что-либо достойное внимания. Ключ в скважине подавался с трудом, и, когда все же удалось повернуть и выдвинуть ящик, Тексье вздохнул с разочарованием. В нем лежало всего несколько авторучек, какие-то квитанции, бумажки, пара зажигалок, блокнотик, который инспектор на всякий случай вынул, сердечные таблетки и большая тетрадь в переплете из настоящей кожи.

— Что это? — спросил Тексье, беря тетрадь в руки.

— Скорее всего дневник господина Люзьена. Я знаю, что он вел его, но, по-моему, нерегулярно. Правда, видеть его мне не приходилось.

— Действительно, смотрите, он не записывал ничего целый месяц.

Пьер раскрыл тетрадь где-то посередине.

— Это когда?

— А, два месяца назад. Перед этим он вел записи 12 марта, а следующая — только 8 апреля.

— Тогда у него был последний сердечный приступ.

— Это интересно, — бросил Пьер, стараясь разобрать плохой почерк ученого.

«8.IV. Да, с сердцем творится что-то неладное. Хотя врачи и говорят, что это лишь... (тут Пьер не смог ничего разобрать) все это не так. Я-то лучше их чувствую, каково ему. Оно явно выдыхается. Что же делать? Надо пойти к кому-либо из светил.

10.IV. Все они хороши. Каждый говорит, что для моего возраста это вполне нормально. Необходимы, видите ли, режим и отдых. А какие тут отдых и режим, когда столько работы? И конца делам не видно...»

Дальше шли записи, не представляющие особого интереса. Они касались работы и каких-то личных дел. Пьер старался выудить из дневника какую-нибудь ниточку, но пока не мог ее найти. Но вот он кое-что заметил.

«16.IV. ...Чувствую себя все хуже, а дел все больше. Но главное даже не в этом. Смерти я не боюсь, а дела мои найдется кому продолжить. Но вот мысли, идеи... Что делать с ними? Пойти посоветоваться с Пироном?..»

Пирон... Пирон... Кто это? Тексье совсем недавно слышал эту фамилию.

— А кто такой Пирон? — спросил Пьер у девушки.

— Пирон? Это директор вычислительного центра института информации.

— Да, да, — согласился Пьер, на всякий случай открыв свою записную книжку и проверив, — а, кстати, они что, были друзьями?

— Нельзя сказать, чтобы близкими, но друзьями были.

— Это интересно, — медленно проговорил Пьер, продолжая читать дневник.

«17.IV. Быть может, Пирон и прав, что это единственный разумный выход, но все это так необычно и по-своему даже дико... Не знаю, соглашусь ли я на все это...

22.IV... Сегодня утром опять чувствовал себя плохо. Еле встал, взял машину и добрался до института. Сейчас вроде бы немного отпустило. Но надолго ли? Пожалуй, позвоню Пирону и скажу, что согласен...

26.IV. Вчера был у Пирона в вычислительном центре. Было раннее утро и, кроме нас и дежурных, никого не было. Нам никто не мешал, и мы могли все делать спокойно. До чего же это странно! Я даже не хотел с ним расставаться. Жорж Пирон с трудом меня увел. Ощущение необыкновенное. Нет, это просто удивительно. Мы разговаривали, как старые друзья. Он понимал меня во всем, и я его тоже. Если бы не то, что через час начинался рабочий день и в любое время могли прийти люди, я бы ни за что не расстался с ним. В душе творится что-то непонятное. Когда я сказал об этом Жоржу, тот ответил, что запрещает мне видеться с ним...

20.VI. (Когда Пьер увидел это число, его покоробило. Ведь это было вчера.) С самого утра чувствую себя плохо. Все последние дни я думаю только о том, что должен обязательно увидеться с ним. Ведь ему так хорошо, а мне так плохо. Пытался уговорить Жоржа, чтобы он разрешил мне свидание, но он и слушать не хочет. А я чувствую: если не увижу его, то сойду с ума. Поеду прямо к Пирону. Если же он на этот раз не разрешит, то я...» (Дальше все было написано так неразборчиво, что, несмотря на все старания, Пьеру разобрать ничего не удалось.)

— Вы поняли что-нибудь? — взволнованно спросила девушка.

— Пока не совсем, но попытаюсь разобраться. Сейчас я уйду и захвачу эту тетрадь с собой, если вы, конечно, не возражаете. А завтра вечером, если все будет так, как я думаю, мы с вами обязательно увидимся. Ведь не зря же судьба свела нас.

— А если все будет не так, как вы думаете?

— То мы увидимся только послезавтра.

— Почему? — спросила Катрин с явным сожалением.

— А потому, что я получу такую взбучку от своего комиссара, что мне будет не до прогулок.

И, предупредив Катрин, чтобы она никого не впускала в кабинет без его разрешения, Пьер схватил тетрадь и вышел. Он понимал, что должен сейчас спокойно ходить по улицам и думать. Ему всегда хорошо думалось, когда он бродил без всякой цели или сидел на лавочке на одном из бульваров и спокойно курил.

Итак, Тексье имел следующее: первое — у Люзьена было слабое сердце. Второе — он обладал одной из богатейших коллекций ядов. Третье — он прекрасно знал Жоржа Пирона. Четвертое — их связывало что-то общее. Пятое — Пирон был против очередной встречи Люзьена с кем-то третьим. Шестое — Франсуа Люзьену была просто необходима эта встреча. Седьмое — Жорж Пирон знает, по крайней мере, понимает, что произошло в зале вычислительного центра, но сам об этом никогда и никому не расскажет.

Конечно, можно предположить, что Пирона и Люзьена связывала какая-то тайна. Но Люзьен был в таком состоянии, что мог выдать или разоблачить директора, и тогда последний просто отравил химика его же собственным ядом. Они были довольно хорошо знакомы, и достать этот яд Пирону не составило бы большого труда. Пьер подумал, что, пожалуй, надо потребовать повторной экспертизы, и уже встал было, чтобы идти, как вдруг одна фраза из дневника Люзьена всплыла в его мозгу.

«А вот мысли, идеи... Что делать с ними?»

Что же могла значить эта фраза? Пьер открыл дневник и перечитал ее еще раз. Да, все правильно. Но что она значит? То есть прямой смысл ее понятен. Но почему же она тогда не выходит из головы? Люзьен — химик, Пирон — кибернетик. Что же могло связывать их? Мысли — Пирон... Пирон — мысли...

И вдруг неожиданная идея поразила инспектора. Она была фантастична и бредова.

«Нет, не может этого быть! Это просто невероятно! Чепуха какая-то, — убеждал себя Пьер, но новая версия уже завладела им полностью. — Надо немедленно поехать к Жан-Клоду. Он все-таки кибернетик и поможет мне кое в чем разобраться».

Тексье вскочил и чуть ли не бегом направился к ближайшей стоянке такси.

Его школьный товарищ Жан-Клод очень удивился, когда Пьер ворвался к нему. Еще бы, они не виделись уже давно, а тут вдруг без звонка...

— Что случилось, мой дорогой Шерлок Холмс? — спросил он с веселой улыбкой. — Твоего вида мож-

но испугаться. Может, ты прибежал предупредить, что через минуту за мной придут?

— Если бы так, то все было бы проще. Я позвонил бы тебе, а бежать было бы ни к чему. У меня дело поважнее. Только ты не смейся и не сочти меня сумасшедшим...

И Пьер рассказал приятелю о том, что произошло этой ночью, и о том, что неожиданно пришло ему в голову. Сначала Жан-Клод слушал его с недоверчивой улыбкой, но, когда Пьер начал выкладывать все свои аргументы, он явно заинтересовался.

— Послушай, Жан-Клод, а может ли человека убить током, если он полез в компьютер, не отключив его от сети. Понимаешь, наши эксперты сказали, что причина смерти пока точно не установлена, но очень похоже именно на это.

— Знаешь ли, тут можно ответить и да и нет. Дело в том, что человека опытного, то есть хорошо знающего, что такое компьютер, убить не может. Но вот человека, совершенно незнакомого с устройством машины... Хотя вероятность этого довольно мала. Разве что только... человека специально подставили.

— Думаешь, такое возможно?

— Я исхожу из того, что ты мне рассказал. Идея, которую ты выдвинул, вполне реальна. Я уже кое-что слышал о таких вещах. Но почему такой трагический конец, если он не был предусмотрен заранее? Шансов на случайность, повторяю, очень и очень мало. Но если Пирон действительно виноват, то он сегодня же попытается уничтожить все следы. Надо немедленно ехать в вычислительный центр, а потом ты ничего не докажешь. И знаешь, я, пожалуй, поеду с тобой. Не возражаешь?

— Конечно, нет! Я сам хотел просить тебя.

Провести Жан-Клода в вычислительный центр не составило особого труда. У входа дежурил знакомый охранник, а Тексье выдал друга за эксперта-криминалиста. Ну а дальше они поступили так, как, наверное, сделал и Франсуа Люзьен. Они прошли на этаж, где шел ремонт, и заперлись в одной из комнат. И только когда, по расчетам инспектора, все сотрудники ушли, они проникли в зал, где прошедшей ночью обнаружили труп Люзьена. Спрятаться же там за ящиками электронно-вычислительных машин было просто.

Ждать пришлось довольно долго. Как и всегда в подобных случаях, Жорж Пирон появился тогда, когда они решили, что он уже не придет. Он шел медленной, грузной походкой. Вот он уже прошел в двух метрах от них и приблизился к тому месту, где произошла трагедия. Пирон остановился, как бы раздумывая, потом покачал головой и поднял руку, чтобы нажать на одну из кнопок пульта компьютера.

— Остановитесь, Пирон! — рявкнул инспектор Тексье таким громовым голосом, что даже сам испугался. Он полез было за пистолетом, но понял, что это не понадобится. Жорж Пирон покачнулся и схватился за стоящий рядом стул. Друзья бросились к нему и, подхватив, усадили. Через минуту Жан-Клод принес откуда-то стакан воды, а еще через десять минут Пирон открыл глаза.

— Что вы здесь делаете? — еле слышным голосом спросил он.

— Я здесь по своим делам. А вот вы зачем здесь?

— Вы же прекрасно знаете, что я здесь работаю.

— Это я действительно знаю. Но в этот зал вам совершенно незачем было приходить в такое время.

— Я просто хотел посмотреть на место, где это случилось.

— Вы хотите сказать, где вы убили Люзьена.

— Я не думал убивать его, — директор поднял испуганные глаза.

— Не говорите глупостей, мне все уже известно. — Пьер начинал злиться.

— А что вам может быть известно? — вдруг встрепенулся Пирон. — Что ко мне пришел однажды старый мой друг и сказал, что он умирает, так и не закончив своей основной работы — новой теории построения каких-то сенсационных органических соединений. Я, честно говоря, в этом ничего не понимаю. Так в чем же меня можно упрекнуть? В том, что я решил помочь ему и «подключить» к одному из компьютеров, чтобы усилить таким образом интеллектуальную мощь его мозга. Работая в прямой связи с машиной, он мог гораздо быстрее закончить свою теорию. С помощью специального шлема он был соединен с компьютером. Биотоки мозга и токи машины взаимно усиливали друг друга. Человек и компьютер как бы составляли одно целое, один огромный мозг с интеллектом Франсуа и возможностями машины. Что это осуществимо, я прекрасно знал.

Сначала Франсуа не решался на такое, он просто боялся компьютеров, так как всегда был далек от них. Но потом, когда стал чувствовать себя хуже, пришел сюда.

Вы не представляете, что тут произошло. Поработав с компьютером несколько часов, Люзьен никак не хотел с ним расставаться. Будучи интеллектуально одним целым с ним, он переставал чувствовать свое больное сердце, радикулит, застарелый ревматизм. Машина-то лишена всего этого. Да и работа у него стала продвигаться быстрее. Он был просто счастлив и не хотел, чтобы кто-то прервал его счастье.

Я никак не мог оторвать его от компьютера, он не давал снять с себя шлем. Мне пришлось отключить машину от сети. И когда Франсуа понял, что он опять стал самим собой со всеми своими болестями, он чуть с ума не сошел. Наверное, что-то подобное испытывают и наркоманы, когда проходит действие наркотиков. Он был подавлен, разбит, угнетен... мне было страшно смотреть на него. И тогда я решил, что больше этих встреч не будет.

Но вчера он пришел ко мне и стал настаивать. Я твердо отказал ему. А что произошло дальше — я не знаю...

— А это легко выяснить, — вмешался в разговор Жан-Клод. — Давайте спросим об этом компьютер. Он-то наверняка записал, что случилось.

— Я затем и пришел сюда, чтобы это выяснить, — пролепетал Пирон.

Он подошел к машине и включил ее.

Раздался легкий щелчок.

— Здравствуй! — послышался незнакомый голос.

— Это Франсуа, — пояснил директор почему-то шепотом.

— Здравствуй! — ответил металлический голос компьютера.

— Видишь, я пришел к тебе.

— А зачем? Ты же знаешь, что мы не должны больше видеться.

— Но мне плохо, очень плохо. Ты понимаешь, я умираю. А работа еще не закончена.

— Зачем же мучить себя? Долго так все равно продолжаться не может. Твое сердце этого не выдержит.

— Пусть, зато я буду хоть какое-то время счастливым. Я закончу работу.

— Только не делай глупостей! У тебя и шлема нет.

— Я соединюсь с тобой!

— Это невозможно.

Раздался какой-то металлический скрип и легкий стук. Инспектор догадался, что это Люзьен снимает одну из боковых крышек компьютера, ту самую, около которой его и нашли.

Директор нажал кнопку, и наступила мертвая тишина... Никто не решался нарушить ее. Ведь все присутствовали при смерти, слышали ее.

— Вот видите, как все произошло, — прервал тягостное молчание Пирон. — Он действительно помешался, но умер счастливым. Вы же видели его лицо.

Пьер и Жан-Клод молчали. Да и что они могли сказать!

— Да, а как же вы обо всем догадались? — спросил директор, удивленно подняв брови. — Ведь об этом никто не знал.

— По одной фразе из дневника Люзьена, — ответил Пьер, доставая тетрадку.

Н.Недбайло «Станция межгалактической связи»

КОНКУРС
„ВРЕМЯ—
ПРОСТРАНСТВО—
ЧЕЛОВЕК“
НА КОНКУРС ПРИНИМАЮТСЯ:
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ О СМЕЛЫХ ПРОЕКТАХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПЛАНЕТЫ
РАБОТЫ ХУДОЖНИКОВ-ФАНТАСТОВ
ТЕХНИКА—МОЛОДЕЖИ 1977

Научно-фантастический рассказ

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА «ОСКАРОВ»

ЮРИЙ МЕДВЕДЕВ

Светлой памяти режиссера Михаила Барковского, без вести пропавшего в 1983 году

Я сидел за столом диковинной овальной формы, чем-то смахивающей на орбиту планеты с двумя солнцами. Таких столов в ресторанчике было шесть, но мой располагался удобнее прочих. Во-первых, потому что рядом мирно дремала в деревянном бочонке довольно-таки симпатичная, хотя и чахлая, пальма, а я люблю комнатные растения. Во-вторых, я видел всех входящих и выходящих. В-третьих, я мог беспрепятственно любоваться панорамой предзакатного моря. Я созерцал, как зарождается волна, как она растет, поднимается, выбрасывает белый ослепительный гребень, докатывающийся до прибрежных камней и разбивающийся об их твердь. Я впервые оказался здесь, на Черном море. После наших холодных северных рек и озер здешняя вода показалась мне неестественно теплой, как бы искусственно подогреваемой. Вернее, само море представилось мне теплокровным живым существом, и я, по правде говоря, так и не решился за эти два дня поплавать хотя бы возле берега.

В ресторанчике было пусто, в этот час отдыхающие еще дремлют на раскаленных каменьях или вяло перекидываются в картишки, убивают время дикарскими играми наподобие подкидного дурака. Хмельное веселье грядет попозже, часов с восьми-девяти, а пока за столом слева старичок пенсионер разгадывал кроссворд, изредка прикладываясь к рюмочке с коньяком, а за столом справа, у раскрытого окна, молодая пара, несомненно, влюбленные, перешептывалась и вдруг взрывалась раскатами смеха.

Новый посетитель проследовал прежде всего к буфету, где, даже не поморщившись, проглотил три четверти стакана водки. После этого он уселся за соседний столик — лицом ко мне и спиной к морю — и стал дожидаться официанта. Тут наконец я смог его рассмотреть. Волосы у него были черные, курчавые, от макушки до лба они были сведены на нет проплешиной. В карих навыкате глазах, живых, беспрестанно перебегающих с места на место, порою обозначивалась отчаянная тоска. Портрет дополнялся тонким носом с горбинкой, пухлыми малиновыми губами и неестественно оттопыренными ушами. Оттопыренные эти уши создавали комичное впечатление: казалось, их владелец то и дело ко всему прислушивается.

Появившемуся официанту он что-то коротко шепнул на ушко, и вскорости перед ним красовалась запотевшая бутылка в обрамлении кое-какой закуски. Минут через десять, весь раскрасневшийся, разомлевший, он разминал пухлыми пальцами сигарету и спрашивал меня через стол:

— Случаем прикурить не найдется?

Я молча ему кивнул. Он подошел, прикурил и, после того как выпустил облако дыма, сказал:

— Зажигалочка у тебя классная. Суперлюксовая. Другой такой и не сыщешь. Прямо скажу, подфартило тебе, дружище... Ничего, что я перескочил на «ты»?

— Ничего, — отвечал я. — А зажигалочка титановая.

— Одобряю. Металл редкостный. Краем уха слыхал, будто из него батискафы клепают, скафандры и все такое прочее... Я гляжу, ты не пьешь, лимонадом спасаешься. Может, слегка вспрыснем знакомство, а?

Пока я раздумывал над его последней фразой, он исхитрился и бутылку запотевшую, и закуску переметнуть на мой стол. Пить я наотрез отказался, тогда он выпил за нас двоих.

— Да, зажигалочка загляденьице, — говорил он, медленно жуя колбасу. — Чудная больно только. Семь кнопок на ней, для чего ж столько?

— Не семь, а восемь, — улыбнулся я. — Смотря кто прикуривает. Эта вот кнопка, желтая, для холостяков. Красная для женатых. Зеленая для разведенных. Серебристая для футбольных болельщиков. И так далее.

Он рассмеялся, отчего уши у него оттопырились еще больше, так что он стал похож на диковинного зверька.

— А ты шутник, дружище. Сразу видно, человек искусства, богема, так сказать. Курточка у тебя что надо, одних «молний» штук двадцать, не меньше. Небось где-нибудь на Западе отхватил, а? — Он откинулся картинно на стуле, сощурился. — Хочешь, угадаю, чем промышляешь? Киношник... Не угадал?.. Тогда телевизионщик... Опять промахнулся? Радиопостановочки варганишь. Снова нет? Значит, журналист. Пресса!

— Я занимаюсь изучением древних народов и рас. История, палеоэтнография, палеоконтакты. Если непонятно, поясню: проблемы взаимного общения в историческом аспекте, — сухо сказал я.

— Выходит, Крым для тебя сущий клад! — обрадовался он. — Тут недалеко, под Алуштой, нынче крепость сверхдревнюю раскопали.

Представляешь, целехонькая вся, стены в вышину метров пять, дворцы, статуи, фрески, загляденьице!.. Сам-то небось нездешний, а? Из Москвы? Из Киева? Из каких краев отдыхаешь?

— В командировке я здесь. В археологической экспедиции. Сам же родом оттуда. — Я неопределенно махнул рукой в сторону буфета. — Из заполярных краев. К нам добираться довольно трудно.

— То-то, гляжу, бледный ты весь, ровно покойник, ха-ха. На севере все такие, я знаю. Ну ничего, здешнее солнышко быстро тебя поджарит. Как на вертеле. — Он проглотил очередную рюмочку и сказал вкрадчиво, точно прислушивался сам к себе — А я Жилевин. Представь себе, тот самый, Илюша Жилевин. Так что тебе, ученый жук, повезло.

— Довольно редкая фамилия, — сказал я как можно более учтиво.

Он весь буквально закипел от возмущения.

— И ты хочешь сказать, что не знаешь ничего об Илюше Жилевине? И после этого называешься культурным человеком? Ты и о Мише Барковском, может, слыхом не слыхивал, а?

— Фамилия Барковский встречается чаще, особенно на Украине, — сказал я.

Он закрыл свои жгучие глаза, охватил голову ручонками и закачался из стороны в сторону.

— Этот гражданин чокнутый. И зачем таких берут в науку? Он сидит в ресторане, весь бледный как покойник, пьет лимонад и не знает лучших людей в обществе. Но я помогу этому психованному выздороветь. — Он перестал раскачиваться, раскрыл глаза. — Миша Барковский режиссер «Десанта на Сатурн». Всемирно известного фильма. Того самого, который получил тринадцать «Оскаров». Только не говори мне, будто ты не знаешь ничего насчет «Оскаров», а то я умру от смеха.

— Не умрешь, — сказал я и после некоторого молчания добавил: — Я последние пять лет был в экспедиции, городище древнее откапывали, на Севере, поэтому не знаю многих новостей. Что касается имени Оскар, то оно встречается довольно...

— Довольно! Довольно! — перебил он меня умоляющим движением руки. — Всякий ребенок знает: «Оскар» — это же премия, притом знаменитая на весь белый свет. В Голливуде ежегодно «Оскаров» дают самым наилучшим киношникам. Феллини получил, Антониони, Бергман, Лиза Минели, Пол Скофильд. А Бюнюэль, промежду прочим, сразу четыре «Оскара» взял: два за «Гаргантюа», а два за «Паптагрюэля». Так вот. «Десант на Сатурн» забрал все «Оскары» на три года вперед — тринадцать золотых статуэток привез Миша Барковский, смекнул? Чертова дюжина. Весь мир до сих пор балдеет, хотя уж времени сколько пролетело. — Он привстал, перегнулся ко мне через стол и понизил голос до шепота: — А на самом деле все премии нужно было б вручить — отгадай кому? До старости не угадаешь. Мне! Илюше Жилевину, провались я в тартарары, коли вру. Давай пропустим по маленькой, а? Я еще закажу бутылочку, будь другом, за компанию, как говорится.

И вторая запотевшая бутылочка украсила наш стол диковинной овальной формы, чем-то смахивающей на орбиту планеты с двумя солнцами.

— Жаль, не пьешь ты, бедолага, — говорил умиленно Жилевин. — Хотя я тебя понимаю, свои причуды у каждого. Я, честно говоря, лишь в последнее время начал зашибать по крупному, особенно всю эту неделю, ну, после разговора с Барковским. Нескладный вышел разговорчик с этим сукиным сыном.

— А что за разговорчик вышел? — вяло поинтересовался я.

— Сложная история. Ну да уж коли на то пошло, расскажу тебе все по порядку. Чем-то ты мне симпатичен, хотя и не пьешь. Только вот подсяду к тебе поближе, не возражаешь? Как говорится, и стены имеют уши... Теперь застынь. Поведаю все как на духу. Душа жаждет выговориться, может, и полегчает потом.

Так вот. Я с детства наделен талантом к иностранным языкам. По всем остальным предметам с троек на четверки перебивался, а как дойдет до английского или французского, учителя на меня не могли нарадоваться. Прирожденный полиглот, можешь не сомневаться. К десяти годам я одолел легко шесть языков, перед институтом знал уже около тридцати, не меньше. На руках меня все носили, перед симпозиумами международными как диковинку выставляли. А мне что? Мне язык выучить — раз плюнуть. Услышу пятьшесть фраз на любом наречии, и тут же у меня в голове, вот здесь, гляди, где шишка выступает, начинается слабое потрескивание, будто компьютер работает. Щелк, щелк — и уже усек новый язык, основу, конечно, а уж тонкости дело наживное... Ты, конечно, думаешь, заливает тебе Илюша, байки рассказывает. По глазам вижу, не веришь. А ты проверь меня. Раз допотопными народами и расами занимаешься, стало быть, хоть один язык древний знаешь. Вот и скажи слов двадцать-тридцать, на пробу, мы ж ничего не теряем.

Я улыбнулся и начал читать на эпическом санскрите любимый отрывок из «Махабхараты»:

...Ночь наступает,
Завтра тебе расскажу
я все по порядку, царевич.
Мир тебе, бодро вставай,
вспомни родителей, верный,
Ночь наступила,
и скрылся Владыка света.
Вылазит ночная нежить,
страшная чарами злыми,
Слышно шуршание листьев,
звери в лесу шевелятся.
Завыли на юго-запад
ужасные злые шакалы.
Они своим воем
тяжко мне сердце тревожат...

Я прочитал главу из «Супружеской верности» до конца и посмотрел на Жилевина испытующе. Он сидел с полузакрытыми глазами, будто задремал. А когда ответил, я, признаться, поразился.

— Этот язык я не знал. Он есть глубокая древность, — отвечал он тоже на санскрите, притом, и это главное, на санскрите эпическом! Он делал ошибки в произношении, он не совсем правильно построил фразу, но чудо свершилось: он говорил на языке, который мало кто знает из людей планеты Земля.

Я бросил ему несколько фраз из «Гильгамеша». И через несколько минут убедился: этот захмелевший человек способен был заговорить на языке древних шумеров!

Я не бог весть какой знаток языков. Но отрывки из древних документов, естественно, знаю наизусть, в конце концов, это моя профессия — знать историю лучше других. Я зачитывал ему допотопной давности тексты на буанском, кельтском, арамейском, гиндукушском, ольверском, татранском наречиях — и он с честью выходил всякий раз из испытания. Наконец, уязвленный, я обратился к нему на столь древнем и сложном говоре, что он и для специалистов показался бы сущей абракадаброй. Этот текст я обнаружил при раскопках северного городища и сам, признаться, только-только начал его расшифровывать. Однако Жилевин и тут восторжествовал.

— Убедился? — печально спросил он. — Дар божий. Тут ни прибавить, ни убавить, как говорится. Да только из-за этого проклятого дара жизнь моя и покатилась кувырком...

Так вот. Учился я на третьем курсе. В мае, перед самыми каникулами, заявляется к нам Барковский, он тогда еще не такой знаменитый был, хотя уж и сорвал в Венеции «Хрустальную звезду». Заявляется он к нам и давай меня заманивать к себе. Выяснилось, что нужен я ему позарез. Он тогда снимать «Десант на

На конкурс «Время — Пространство — Человек»

Сатурн» только-только начал, журналы, радио, телевидение на сей счет прямо захлебывались. Неужели не вспоминаешь? Странно... Суперколосс! Научная фантастика! Восемнадцать миллионов рубликов было на него отпущено, копейка в копейку. Одних статистов свыше шести тысяч! Актеры — из двадцати с чем-то стран. Барковский меня и зазвал на лето к себе, не хотелось ему возиться с целой бандой переводчиков. А я, дурак, клюнул на посулы, хотя, сказать по правде, платил он мне прилично, даже не стану говорить сколько, все равно не поверишь. Да и белый свет повидал... Ты по заграницам тоже небось шастаешь, брат археолог?

— Раньше приходилось чаще, чем теперь. Хотя скоро собираюсь в Париж, — сказал я.

— О-ля-ля, Париж! — всплеснул руками Жилевин. — Да я туда катался разочков двадцать, не меньше. Но это уж потом, на следующее лето. А для начала мы с Барковским в Австралию слетали, там сняли кое-что, натуру, как говорится. Через неделю уже в Тибете очутились, храмы щелкали буддийские. А там Гонолулу. А там Южная Америка, Куско, империя древних инков. Барковский, он же дитя природы, весь опутан, как любовями, замыслами, ассоциациями. Сегодня подай ему Гренландию, завтра Японию, послезавтра... В общем, попался я в его сети, как золотая рыбка в сказке Пушкина. Заграница! Дорогие отели! Визиты! Коктейли! Интервью!.. Пришлось брать академический отпуск, настолько пристрастился я к проклятому кино. Ну да ладно, всего не перескажешь, теперь подхожу к самому главному.

Слушай меня внимательно. Только поклянись, поклянись, что никогда никому ни слова, ни полслова! Клянешься? Ладно, я тебе и без клятвы верю, чем-то ты мне симпатичен, хотя и не пьешь.

Снимали мы, стало быть, здесь, недалеко, под Судаком, километрах в десяти-двенадцати, в ущелье, возле моря. Заглавный снимали эпизод — высадку землян на Сатурн. Ну, что такое киноэкспедиция, ты наверняка знаешь, а если не знаешь, не беда. Представь себе: довольно широкое ущелье, речонка журчит, море прибоем играет. На холме треть планетолета выстроена, для съемки и трети достаточно, остальное дело операторов. Возле берега растения чудные из полиэтилена понатыканы. Большую же часть ущелья занимают макеты убогих хижин сатурнианцев. По замыслу сценариста, земляне туда прилетают, а там вроде бы каменный век. Дикость, борьба с чудовищами, туземки в повязках набедренных, зритель такой антураж обожает до беспамятства, верно я говорю, а?.. Для вящей убедительности наши декораторы создали макет поселения дикарского по картинкам из «Истории Африки» Гордона Уайлза, есть такой знаменитый на весь мир цветной атлас. Взяли и передрали один к одному хижины, костюмы, оружие племени нгала, что в Южной Африке обитает. Не удивляйся, кино сплошная мистификация...

Как сейчас помню, не шел эпизод. За две ночи семнадцать дублей намотали, а Барковский все недоволен: и это ему не так, и то не эдак, он когда на съемочной площадке, то прямо как чокнутый. Все с ног валятся от усталости, а ему хоть бы что. У меня от перенапряжения левый глаз дергаться начал, видно, подскочило давление.

Вечером перед третьей ночью решил я малость поспать. Договорился с Барковским, что меня разбудят ровно в полночь, когда уже и свет будет установлен, и грим наложат, — короче, к самому началу съемок. А спать я наловчился — отгадай где? В жизни не отгадаешь. В астроотсеке нашего планетолета. Диваны там мягкие как перина, приборов немыслимых рой, ночью проснешься: луна за прозрачным колпаком, звезды огромные южные, будто в другой мир попал. Главное же, крики с площадки не слышны, хоть и здорово надрывается Барковский, глотка у него прямо-таки луженая, а я сплю в спокойствии да тишине.

Я проснулся будто по наитию. Точно меня током дернуло или тварь какая укусила. По привычке посмотрел на часы — полдвенадцатого. Тут яркий сиреневый свет прокатился по колпаку астроотсека. Неужто, думаю, наши осветители решили меня разбудить таким макаром: они у нас любят выпендриваться. Поднялся я с дивана, подхожу к колпаку — глазам своим не поверил. Висит над ущельем бандура, круглая, вроде медузы, метров двести в поперечнике, вся огоньками испещрена разноцветными. Висит — и заливает ущелье светом сиреневым. Сознаюсь, я спросонья не сразу допетрил, что к чему, даже мыслишка мелькнула шальная. Неужто, думаю, сумел Барковский с кем надо договориться и такую штуковину для съемок заграбастать? И тут я похолодел. Было абсолютно тихо, я даже слышал тиканье своих часов. Вот от тишины-то у меня мороз по коже и прошел. Чтобы таких размеров аппаратик висел в небе без грохота и рокота — до этого твоя земная наука еще не доскакала, шалишь, брат ученый. И другое меня поразило в самое сердце: свет тот дьявольский вообще не давал тени. Правда, пластмассовый колпак немного искажает перспективу, так что глаз мог и ошибиться. Открываю люк, высовываюсь до пояса наружу. Так и есть: парит в воздухе голубушка медуза, притом в абсолютной тишине, даже движок нашей дизель-электростанции замолк. И конечно, ни единой тени... Чего это глаза у тебя холодные, точно ледышки? Не веришь? Думаешь, россказни, пьяный бред? Погоди, ты сейчас не такое услышишь, главное впереди...

Я внимательно изучал Жилевина. Руки у него исходили нервной дрожью, на лбу выступили бисеринки пота, а левый глаз начал заметно подергиваться.

— Да, главное впереди. Главное в том, что зря я высунулся по пояс из люка, зря. Они меня, видать, заметили, и сразу же острый желтоватый пучок света уперся туда, откуда я высунулся. Не спрашивай как, но оказался я вытянутым из астроотсека, точно щупальца невидимые присосались, и прямо по воздуху — представляешь! — прямо по воздуху поплыл к медузе. Желтый луч всасывал меня в себя, как труба. Другой бы на моем месте тут же рехнулся бы, во всяком случае, сознание потерял наверняка, а мне хоть бы что. Какая-то холодная ясность была в мозгу, как при бессоннице. Веришь ли, я все замечал: и как ночные бабочки, залетев в желтый луч, увязали в нем, словно в липовом меду, и как луч кончался на мне, а позади меня все удлинялись тьма, пустота, тишина. Но самое невероятное оказалось внизу, в ущелье. Знаешь, как в сказках злые волшебники погружают целые королевства в сон? Точь-в-точь такую картину я увидел под собой, пока плыл к медузе.

Внизу как по мановению волшебной палочки оцепенела вся наша киноэкспедиция. Оцепенели в самых невообразимых позах главные герои: Бурвиль так и не допил свой любимый оранжад, Пол Ньюмен сидел с приподнятой шляпой, Ален Делон зашнуровывал скафандр. Катя Паскалева о чем-то шепталась с Джиной Лоллобриджидой. Банионис, Грегори Пек, Мастроянни и Автандил Лежава резались, как всегда, в преферанс. Дублеры, сотни статистов — все, буквально все замерли как статуи. И не только люди. Приблудный пес Казбек, добродушный увалень величиной с теленка, как перепрыгивал через речку, так и остался висеть в воздухе. Над кроной тутового дерева распластались две совы, будто наткнулись на невидимую преграду. Сиреневый свет накрыл все как колпаком... Смотри, у меня мурашки по руке пошли, жутко вспоминать, а тогда я даже бровью не повел.

Так вот. Подплываю я к медузе, ближе к ее верхней части. Луч спокойно протаскивает меня сквозь стену. Веришь ли, как сквозь риску болотную. Р-раз! — и сомкнулась ряска, ничего вроде бы и не было, а на ощупь стена под стать броне, я

успел рукой провести. Очутился я внутри этой штуковины, гляжу, длиннющее помещение. То ли коридор, то ли черт знает что, запомнил только, как по стенам фиолетовым искры мельтешат. На себя поглядел: руки-ноги целы, слава богу, а сам я как бы внутри желтого воздушного шара. Оболочку видать, а пальцем ткнешь — пусто, ничего, такой, брат, фокус.

Тут возникают в конце коридора две фигуры. Приземистые, коротконогие, как таксы, ростом метра полтора от силы. И в плечах ровно столько же, хочешь верь, хочешь нет. Приблизились они ко мне, вижу, оба в скафандрах, лиц не видать, только щелочки для глаз. А на ногах какие-то колесики, вроде наших роликовых, я толком не рассмотрел. На колесиках этих они довольно ловко семенят, хотя для постороннего глаза и непривычно.

Подкатили они, руками машут: изволь, мол, пожаловать вослед за нами. А мне что, мне терять нечего, одну надежду лелею: возможно, я все еще сплю и снится сон, я подчас и похлеще сны вижу.

Шел я с ними минут пятнадцать, не меньше. Опять сквозь стены проламывались, поскольку дверей там нет ни одной, на тележках тряслись, поднимались куда-то, опускались, даже головою вниз шествовали — фантастика, да и только. И вот пока мы так пробирались внутри медузы, начал я прислушиваться к их разговору, и вдруг слышу у себя в голове, вот здесь, где шишка, слабое такое пощелкивание, потрескивание. Эге, думаю, заработал мой компьютер! Щелк-щелк, и будто из пелены прорезался для меня их говор, чувствую, начинаю понимать, о чем толкуют мои таксы...

Ты, дружище, не поверишь, какие случаются подчас совпадения. Слушай меня внимательно и удивляйся. Оказывается, сюда, на Землю, нагрянула киноэкспедиция с другой планеты! В прошлом веке ихние предки посетили дикарей того самого племени нгала, что в Южной Африке, я тебе говорил. Вот они и вознамерились снять о том посещении грандиозный фильм, вроде нашего боевика. На натуре, как говорится. Однако, еще не долетев до Африки, заметили они весь наш реквизит в ущелье: и хижины заметили дикарские, и самих нгальцев, размалеванных, топорами бешено потрясающих, боевой отплясывающих танец. Заинтересовались они, откуда в здешних местах нгальцы вдруг ни с того, ни с сего появились, если в прошлом веке обитали они в Африке? То ли сами добровольно переметнулись, то ли загнали их сюда лютые враги? Одним словом, решили разузнать, что к чему, опустились и усыпили всех туземцев на некоторое время. Они поначалу всегда так поступают, прежде чем вступить в контакт с низко развитыми цивилизациями. Проверяют, нет ли у туземцев всякой там чесотки, трахомы, дизентерии — в общем, зловредных микробов. За детали ихнего разговора не ручаюсь, однако смысл уловил более-менее верно, ты уже убедился, как у меня по части древних и новых языков обстоит...

Шли мы, значит, шли коридорами и в конце концов очутились перед стеной. Гладкая такая, вся зеленоватая, то ли пленка, то ли стена. И снова сквозь нее пролезли, как сквозь ряску болотную. А едва пролезли, я весь так и обомлел. В огромном сферическом зале понабивалось такс видимо-невидимо, штук сто пятьдесят, если не больше. Скафандры у всех золотом отсвечивают, я даже зажмурился от нестерпимого блеска. Какие там устройства обалдительные! Какие экраны! Глянешь — ужас и восторг в душе, не знаешь, в рай попал или в ад. По потолку фиговины всех цветов радуги ползают, одни на лягушек смахивают, другие на ежей, третьи на бабочек, четвертые вообще ни на что не похожи. Какие-то загогулины, посудины прозрачные с растениями внутри, если это, конечно, растения, в чем я крупно сомневаюсь. Начни я подробно описывать все тамошние чудеса, недели не хватит на описания.

Жилевин достал несвежий скомканный платок, высморкался, вздохнул и продолжал свою исповедь:

— Все таксы сидели, вернее, полулежали в креслах, чем-то смахивающих на те, что у дантистов в кабинетах. А один стоял на возвышении. Я сразу признал в нем главного и окрестил про себя Капитаном. Капитан был раза в два выше и толще других, представь себе громилу ростом метра два с половиной и в плечах столько же. Пусти такого на хоккейное поле — да он один всю канадскую профессиональную лигу разметает, мокрого места от ихних драчунов не останется... Ладно, не буду отвлекаться.

Поворачивают они свои кресла в нашу сторону, а Капитан-верзила строго эдак спрашивает у моих проводников. Так, мол, и так, и проэдак, почему вышла накладка, почему этот дикарь неусыпленным вместе со всеми дикарями оказался? В общем, честит их в хвост и в гриву. Таксы мои оправдываются как могут: никто, мол, не предполагал, что я в планетолете недостроенном на холме затаился, а когда заметили меня, перенастраивать машину усыпительную было поздно, целиком была она задействована на нашу несчастную киноэкспедицию. Объявил он им по выговору в сердцах, а после и говорит: «Ладно, — говорит, — нет худа без добра. Возьмите, — говорит, — туземца, уж коли он здесь, и исследуйте на предмет болезней, инфекций и всякой прочей нечисти. Усыпить, — говорит, — туземца в операционной, живот взрезать, печенку-селезенку и прочую требуху доподлинно изучить, черепушку вскрыть, насчет мозга полюбопытствовать, а потом все снова собрать и память насчет событий нынешней ночи стереть». Во как распорядился, живодер инопланетный, я до сих пор, едва вспомню его рыло, весь прямо передергиваюсь... — При этих словах Жилевина и впрямь передернуло. — Вот она, вся ваша наука! Лягушек скальпелями полосуете, собакам головы прививляете, свинок морских заражаете чумой. На благо, так сказать, прогресса. А тут я сам вроде свинки морской угодил в подопытные твари. Чтобы мне, Илюше Жилевину, распластали брюхо и черепушку сняли — нет, я еще за себя поборюсь, решил я втихомолку.

«Братцы, — взмолился я весь в слезах, — драгоценные братья по разуму! Помилосердствуйте! Не исследуйте меня, христа ради! За что ж такое надругательство над неженатым еще человеком!» Я, между прочим, кое-чему на съемках научился, азы актерского мастерства немного постиг, дело это нехитрое. Брякнулся я на колени, белугой реву, бью им поклоны до земли, рубаху на себе рву. И вдруг почуял неладное: смолкли промеж ними разговоры. Капитан в кресло опустился, а оба проводника моих метров на двадцать от меня деру дали, как корова их языком слизнула. Гляжу, повертел Капитан на скафандре рычажок — и перенесся я в пузыре своем воздушном прямо к нему, на возвышение. Спрашивает он меня строго-настрого: откуда, мол, язык ихний мне знаком. А мне чего таиться, мне терять нечего, я и поведал все чистосердечно: так, мол, и так, врожденный дар к языкам... Скажу тебе прямо: не сразу они поверили, даже экзаменовать меня принялись, как ты сегодня со своими царевичами, владыками света, ужасными злыми шакалами и прочей белибердой. Чем экзамен кончился, ты, конечно, догадываешься?

— Догадываюсь, — сказал я.

— Ну, рассказал я им подробнейшим образом про житье-бытье на матушке Земле. Про нашу экспедицию все описал, загадку нгальцев объяснил. Однако и здесь дал промашку. Черт меня дернул сболтнуть, что по сценарию наши дикари и есть корен-

ные обитатели Сатурна. Что тут началось среди них — ни в сказке не сказать, ни пером не описать. Шум, грохот, вопли, крики возмущения, таксы из кресел повскакали, скафандрами грохочут, даже чем-то паленым запахло, как если бы проводка перегорела... Ты, дружище, не поверишь, какие случаются совпадения. Слушай меня внимательно и удивляйся: оказались мои таксы — кем бы ты думал? — сатурнианцами. По глазам вижу, не веришь, а?

Жилевин залпом опрокинул рюмку и запил моим лимонадом.

— На Сатурне жизни нет, — сказал я твердо. — Там такие разреженные ядовитые газы, что...

— А я тебе говорю: сатурнианцы, даже не спорь! — запротестовал Жилевин. — Из-за них-то и пошла моя жизнь вкривь да вкось. Ты дальше слушай, самое главное опять впереди.

Кричат они, возмущаются, кое-кто даже грозится все ущелье в пух и в прах разворотить, с лица земли стереть друзей моих, товарищей за клевету на планету и всю их благородную цивилизацию. Еле-еле восстановил Капитан порядок.

«Погодите, — говорит, — высокомудрые сатурнианцы, расправиться мы с туземцами всегда сумеем, да только сперва поглядеть надо, чего они там уже наснимали».

Тут я им и поясняю: да не готов еще фильм, три эпизода не отсняты, трюки не смонтированы, звук не наложен, и все такое прочее.

«Ничего, посмотрим, что уже отснято», — отвечает Капитан и допытывается: где коробки с отснятой пленкой.

«Где ж им еще быть, — говорю я, — кроме сейфа Миши Барковского, он с этим сейфом днюет и ночует. В палатке главного режиссера, — говорю, — отснятая пленка, под нами, внизу». И тычу пальцем в пол. Чудно, но пол вдруг стал прозрачным как стекло, и опять увидел я под собою все наше сонное королевство.

«Покажи, где эта палатка», — велит Капитан.

«Вот там, — говорю, — рядом с речушкой, возле обрыва, крыша драконами размалевана».

Я еще и рта не закрыл, а уж лучик мой желтенький к палатке протянулся, заграбастал сейф и в медузу тем же макаром, что и меня, поволок, а в сейфе, между прочим, килограммчиков двести, не меньше, его обычно вчетвером на машину грузят. Я оглянуться не успел — стоит сейф рядом со мною.

«Ключи, ключи забыли!» — опять тычу я пальцем в пол, а пол на глазах мутнеет, и стал как прежде.

Какие там ключи! Один из них по знаку Капитана к сейфу подсеменил и лапы внутрь сквозь стенки — нет, ты только представь: сквозь толстые стальные стенки! — просунул. Вытащил он все девять коробок с пленками и сразу с ними смотался из зала. Свет начал меркнуть, и прямо над собою, словно в воздухе, я увидел, как вспыхнули кадры из «Десанта на Сатурн»... И давай глазеть таксы на нашу продукцию, все посмотрели, правда, время от времени гвалт поднимался невообразимый, это когда шли сцены на Сатурне, сам понимаешь. А когда прошел последний эпизод, там, где Катя Паскалева с Мастрояни целуются, выдворили меня таксы из зала. Я так понял: теперь будет решаться наша судьба. Сижу в коридорчике среди огней, по стенам прыгающих, зуб на зуб не попадает, такой озноб охватил, все тело ходит ходуном.

Не помню, сколько пришлось ждать, наконец потащил меня пузырь воздушный обратно в зал. Там теперь было пусто, сидел на своем возвышении Капитан, а с ним пятьшесть такс, вот и вся компания. И возвещают они, стало быть, мне свою резолюцию. Во-первых, все сцены на Сатурне они постановили изъять и забрать себе, не знаю уж, для каких целей. Во-вторых, вместо забранной пленки вложили они в коробки несколько документальных видовых фильмов о всамделишной сатурнианской жизни. Это, значит, чтоб земляне, хоть они в полное доверие других миров еще не вошли, начинали помаленьку понимать, с какими не такими уж дикими цивилизациями доведется им встретиться. Понятно, в будущем, не сейчас. Чтоб психика землян настраивалась в нужную сторону. В-третьих... это меня касалось. Пересмотрели мое дело, пожалели потрошить, как лягушку, разжалобил я их, видно, мольбами. А под конец Капитан и говорит.

«Не будем мы, — говорит, — Илюша, мозг твой облучать, память об нынешней ночи стирать. Боимся, не рассчитаем чуток, заденем ненароком то место, где дар твой бесценный затаен. Ты, — говорит, — Илюша, единственное разумное существо в нашей системе солнечной, а может, в целой Галактике, с таким даром к языкам. Ты, — говорит, — себя теперь береги. Как наши экспедиции станут впредь к вам прилетать, а они время от времени прилетают, будешь ты у нас вроде переводчика, толмача, если нужда, ясное дело, возникнет. Только уж, чур, давай договоримся по-джентльменски, — говорит Капитан. — Обо всем, что видел-слышал, никому ни гугу. Поклянись самой страшной клятвой, что тайну неукоснительно соблюдешь. А коли заикнешься кому, тогда на себя пеняй, больше ни на кого. Дара речи беспощадно лишим да вдобавок выведем из человеческого облика».

Ты представляешь, дружище, так и пригрозил: мол, из облика человеческого выведем, каков фокусник, а? «Быком, — говорит, — вмиг обернешься, либо козлом, либо собакой, либо еще кем придется. Нам, сатурнианцам, перелицевать твою внешность — раз плюнуть».

Почесал я затылок в раздумье и, сам понимаешь, поклялся. Куда деваться, на что хочешь пойдешь ради спасения собственной шкуры. Пожалуй, я еще закурю, поднеси огонька, дружище. Классная, говорю, у тебя зажигалочка, знаток за такую сотню целковых отвалит, глазом не моргнет. Титановая, говоришь?

— Титановая, — подтвердил я, а Жилевин, глубоко затянувшись, продолжал:

— Остальное уже не так интересно. Улетели они в Африку, к настоящим нгальцам, фильм свой кропать, я даже название запомнил: «Высадка на Землю». Если скажу, сколько у них на съемку всего фильма уходит, ты опять не поверишь. Одна-единственная ночь, понял. Сотни две камер сразу задействованы, павильонов съемочных под сотню, не чета нашим киностудиям. Ничего не попишешь, далеконько шагнула техника ихняя, куда угнаться землянам...

Так вот. Отволок меня луч в астроотсек — батюшки-светы, каким же убогим он мне показался! Я как будто из Петродворца в барак съехал. Люк я для видимости, понятно, захлопнул, но к щелочке глазом прикипел, любопытство разбирает, как дальше все закончится с медузой. Замечаю, ослабевает сиреневый свет, ослабевает. И огоньки, что по медузе перемигивались, вроде бы потускнели, пока вовсе не пропал корабль сатурнианский, будто его и не было. Вдруг — как выключателем кто щелкнул — ожило наше заколдованное королевство. Движок дизеля заработал, свет везде вспыхнул, Барковский, как обычно, рупором размахивает, нгальцы в пляске своей трясутся, репетируют эпизод.

Выкарабкался я из планетолета, с холма единым махом сковырнулся, подбегаю к Барковскому — все честь по чести, все на своих местах, будто и не было ничего. Заглядываю тайком в палатку к Барковскому — сейф цел-целехонек.

Через несколько дней Барковский в Москву ненадолго смотался. И коробочки с пленкой — заметь! — с собою увез, наткнулся, видимо, на подарочек инопланетный. А когда возвратился из Москвы, объявил всем громогласно: я, мол, способ особый изобрел для съемок натуры на Сатурне, что-то вроде сверхблуждающей маски, поэтому хижины к черту размонтировать, статистов разогнать, экспедицию свернуть, остальное доснимем в Москве, в павильоне.

В общем, к маю «Десант на Сатурн» был готов. Жаль, ты его не

видел, обязательно посмотри. Фильм шесть часов идет, а не оторвешься. Какой там Сатурн! Какие дворцы летающие! Какие подводные съемки! С чудовищами многоглавыми, с русалками, их на Сатурне тьма-тьмущая, со схватками хищников, каждый метров по сто пятьдесят. А города какие! Дома наподобие деревьев из почвы вырастают, километров на десять в вышину! Сатурнианцы как стрекозы в небе порхают! Рай, да и только!

К осени Барковский все главные премии у нас в стране уже сорвал: и в Ташкенте, и в Новосибирске, и в Кишиневе, и на Московском международном — везде. Послали «Десант» в Канны — полный триумф! В Венецию — и тут Барковский всех обскакал, и Феллини, и Бюнюэля, и Бергмана, будь покоен. Из Триеста привез в том же году «Бриллиантовый астероид», с Филиппин — «Золотой лотос». Как Барковского везде принимали! Какие речи говорили! Патриархом современного кино с чьей-то легкой руки начали величать, хотя какой он патриарх в свои сорок семь с хвостиком, верно я говорю, а?

Я, понятное дело, везде с ним катался, везде порхал, и на меня отблеск его славы, как говорится, пал. Он на телевидении — и я на телевидении, он ручку жене президента целует, и я прикладываюсь, а как же иначе, личный переводчик, без меня ему шагу ступить некуда, он в иностранных языках был ни бум-бум... И вот наконец сваливаются на него все тринадцать «Оскаров» разом — представляешь, что это такое?

Из актеров трое получили: Пол Ньюмэн, Филипп Ноаре и Катя Паскалева, красивая такая болгарка, она еще в «Козьем роге» прогремела, наверно, ты знаешь. Сценарист получил, оператор, художник-декоратор, художник по костюмам, даже звукорежиссеру не пожалели золотой статуэтки, никогда такого не было за всю историю кино...

И закатили же нам встречу на родной земле по возвращении из Голливуда — не буду описывать в подробностях, все равно не поверишь. Целых два года валялись мы как сыр в масле. Буквально все — от кинопередвижника до академика — стелились перед Барковским. Герой! Метр! Член всех международных жюри! Президент Всемирной академии киноискусства! Жену с двумя детьми бросил, на француженке женился, это высший шик у наших киношников, да и не только у киношников... Я тоже на свой институт рукой махнул, и без диплома не последний человек на Земле...

Слушай меня внимательно. Теперь начинается самое печальное. Последние полмесяца мы с Барковским болтались здесь, в Судаке. Очередной международный симпозиум. Опять Мишку до небес превозносили, какую-то премию вручали, у него этих премий хоть пруд пруди. А в прошлую субботу зашли мы сюда, в этот кафешантан, клюнуть по маленькой, как говорится. Здесь уютно, народу днем почти нет, а главное, столы здесь из реквизита «Десанта на Сатурн», видишь, какой они заковыристой формы.

— Их форма напоминает орбиту планеты с двумя солнцами, — сказал я.

— Наверно, так оно и есть, — согласился Жилевин. — Вам, ученым, виднее. Эти столы у нас стояли в кают-компании планетолета. Уговорил нас тогда продать здешний директор, ужас как приглянулись ему эти столы...

Сидим мы с Мишкой, потягиваем коньячок, и представь себе только, какую он речь заводит, мерзавец.

«Кончились, — говорит, — для тебя, Илюша, золотые деньки, отъездился ты со мною по заграницам. Я, — говорит, — теперь в иностранных языках и сам поднавострился, без тебя вполне обойдусь. А главное, — говорит, — неудобно мне стало с тобою, Илюша, в высшем свете фигурировать».

«То есть как неудобно? — спрашиваю я прохвоста Мишку. — В пятидесяти двух странах вместе побывали, целый пуд соли съели, везде верою-правдою тебе, как собака, служил, и вдруг — бац! — неудобно».

«А потому, — говорит, — неудобно, что супруга моя теперешняя Брижитт вида твоего не выносит. Ты, между прочим, на себя в зеркало лишний раз оглянись. Нос как слива, глаза и впрямь собачьи, уши торчком, плешь до затылка».

Ну и взяла ж меня тут злость, даже какое-то удушье охватило! Ах ты, думаю, тварь, из-за смазливой бабенки предаешь друга своего закадычного, да что там друга! Раба!

«Может, лысина у меня и до затылка, — говорю, — зато совесть перед людьми чиста. На хлебах ворованных не жирею, как некоторые другие гении-лауреаты».

«Про какие такие ворованные хлеба начал ты лясы точить? — спрашивает Барковский. — Ты, — говорит, — плешивый, ври-ври, да не завирайся».

Дружище, можешь себе представить, он меня сам, самолично обозвал плешивым!

Сжал кулаки я под столом, молчу, от обиды губу в кровь прикусил, а в мозгу будто дятел колошматит клювом: плешивый! плешивый! Я, понятно, не Марлон Брандо и не Ален Делон, но тоже кое-какое имею о своей особе представление. Без уважения к себе не то что человек, даже зверь жить не станет, верно я говорю, а?

«Ах ты тварюга, — говорю, — Мишка! Ты мне ноги должен умывать за «Десант на Сатури», за то, что из семьи торговцев да барышников в люди выбился. Как говорится, из грязи — да в князи, а ты...»

В общем, помутился у меня разум, забыл я про клятву мою страшную инопланетянам, про все на свете забыл. И выложил Барковскому правду-матку, насчет сатурнианцев. Все выложил, ничего не забыл, пусть, думаю, хоть правдой подавится.

И что ты думаешь, дружище? Он спокойно до конца все выслушал, даже бровью не повел, а после поднялся и говорит.

«Ты, — говорит, — спятил. Чокнулся натуральным образом. Все это глупость несусветная, бред больного воображения. Тебя, — говорит, — в сумасшедший дом поместить надо, причем пожизненно, и я, — говорит, — при желании позабочусь об этом. Впредь ты мне, — говорит, — хорек плешивый, даже на глаза не попадайся!»

И ушел, предатель, в тот же день упорхнул в Москву, а оттуда в свой Париж, к Брижитке размалеванной. Ну я и запил от обиды, стыда и огорчения...

Жилевин вытер платком слезы и горько вздохнул:

— Пропади он пропадом в своем Париже. А ты, дружище, коли туда и впрямь собираешься, всенепременно полюбопытствуй на мерзкую харю Барковского. Не знаю, на кого похож я, а этот двурушник — вылитый шакал, ужасный и злой, тонко об этом сказано в древнем стихе, что ты читал.

— Обещаю тебе полюбопытствовать на шакала Барковского, — улыбнулся я, и он тоже мне улыбнулся в ответ жалкой своей улыбкой.

Я осмотрелся. Старичок, разгадывающий кроссворд, исчез. Влюбленные сидели к нам спиной, обнявшись, и смотрели на заходящее солнце. Буфетчица дремала у стойки. Больше в ресторанчике не было ни души.

— Но хоть ты-то мне, дружище, веришь? — заискивающе спросил Жилевин и потянулся за очередной сигаретой.

— Верю тебе, — сказал я. — Верю, что именно так все и было. Как ты описал. Но одна деталь для меня не совсем ясна. Как ты решился нарушить клятву? Не боишься, что они исполнят свою угрозу?

Жилевин почесал возле уха и ответил:

— Честно говоря, побаиваюсь. Но уж коли грех на душу взял, никуда теперь не денешься. Я так рассудил. Даже если они за мной и следят, допустим, то все равно с Сатурна меня козлом не сделаешь, расстояния

больно велики, мильоны километров. Надо сюда им опять добираться. А здесь меня на мякине не проведешь, стреляный воробей. Я теперь за город, или в рощу, или в парк ни за какие коврижки не подамся. Буду жить в самой гуще народа. Сам понимаешь: над Москвой или даже над Судаком медуза ихняя не станет торчать, не такие они дураки.

— Ты прав, — сказал я. — Всем инопланетным экспедициям наверняка запрещено демаскировать себя подобным образом. Однако существует другой путь. Они смогут зависнуть на орбите, а к тебе командировать специалиста по преображению личности.

— Наивный ты человечек, дружище, — широко улыбнулся Жилевин. — Допустим, пришлют они кого захотят. Теперь рассуди: неужто он может объявиться в людном месте? Я ж тебе говорил, они на такс похожие, уродливы до неимоверности, я по сравнению с ними красивей Жерара Филипа. Да если такое чучело в золотом скафандре появится, допустим, на пляже, или в магазине, или еще где — ты представляешь, какое начнется столпотворение? Если все же удастся ему меня схватить и потащить к медузе, живым ему не уйти, будь спокоен.

— Не заблуждайся относительно их уродства, — сказал я. — Скорее всего ты имел дело с роботами. Истинный облик тех, кому ты давал клятву, тебе, может быть, вообще незнаком. Кроме того, никто им не мешает для командированного сюда специалиста изготовить скафандр, внешне абсолютно копирующий человека. Ты меня прости, я ученый, привык к логическому мышлению.

— Слаба твоя ученая логика, дружище, — отвечал, не раздумывая Жилевин. — А машину для усыпления и переиначивания меня он за собою, что ли, поволокет? Машина эта в кубатуре больше нашего ресторана раз в пять, ученая твоя голова. Я ж видел эту машину на медузе.

— Техника совершенствуется не только на Земле, — сказал я своему удивительному собеседнику.

— Дай-ка мне еще прикурить, — попросил после некоторого раздумья Жилевин. — Гран мерси, как говорит эта перекрашенная выдра Брижитт... И все-таки классная у тебя зажигалочка. С ума можно сойти. Надо же: титановая...

— Ты прав, она титановая. Сконструирована на Титане, обитаемом спутнике Сатурна. А на самом Сатурне жизни нет, — сказал я и нажал четыре нужные кнопки на зажигалочке.

За мгновение до того, как Жилевин залаял.

С.Гавриш «Красные цветы космоса»

Н. Недбайло «Галактический маневр»

КОНКУРС „ВРЕМЯ — ПРОСТРАНСТВО — ЧЕЛОВЕК“

Путешествие во времени — только мечта. Ученые, кажется, давно уже решили: нет, невозможна, немыслима сказочная машина, на которой можно было бы отправиться в прошлое или в будущее. Трудно переоценить, однако, притягательность мечты. И вот фантасты снова и снова возвращаются к ней... Среди них — писатель Дмитрий Шашурин и журналист Альберт Валентинов, гости нашего клуба любителей фантастики. Итак, два рассказа о путешествиях во времени.

ДМИТРИЙ ШАШУРИН

ВСТРЕЧА В ПАНСИОНАТЕ

Рис. Геннадия Ахмедова

— Тебе бы бороду и лысину... — сказал вдруг Игорь, приглядываясь ко мне. Сказал всерьез, как будто увидел меня впервые.

Мы учились с ним тогда в восьмом классе, а дружили с седьмого. При чем тут борода? Но это не был розыгрыш. Игорь несколько дней помалкивал, задумывался и даже не передавал исподтишка по рядам своих рисуночков. На них был обычно нарисован я за рулем в автомобиле, а рядом со мной какая-нибудь наша одноклассница. Я не мечтал об автомобилях, о них мечтал сам Игорь. Но одноклассницу он выбирал именно ту, на которую я заглядывался сегодня. Так коварно он пользовался моим доверием. Я же, стоило мне изменить свою привязанность, немедленно делился с Игорем, и вскоре по классу переползал под партами из рук в руки очередной его рисуночек, рядом со мной в автомобиле уже сидела она, сегодняшняя. Порой мое непостоянство приводило к тому, что Игорь изготовлял за неделю несколько рисуночков или, когда рисуночек возвращался к нему, менял подпись под девушкой, стирал фамилию Брусникина и надписывал Лапкина. На рисуночке же не менял ничего, все они были точными копиями. Как-то Игорь срисовал понравившийся ему сюжет — парень и девушка за ветровым стеклом автомобиля — из иностранного журнала и выполнял его потом все быстрее и быстрее. Под парнем иногда он ставил фамилии других ребят, те стирали свои и вписывали соседей. Девчата же хоть и смущались, краснели, но никогда не отказывались от места в автомобиле.

Странно, что вся эта автомобильная лихорадка разыгрывалась в нашем классе задолго до тех времен, когда о личном автомобиле стали думать реально, — в 30-х годах. Из-за Игоря. Похоже, что он знал не только о моих лысине и бороде, но и о многом другом, что будет. Признался Игорь мне, как я теперь понимаю, далеко не во всем с ним случившемся в том странном однодневном доме отдыха...

Естественно, что, услышав его загадочные слова о лысине и бороде, я не отставал от него до тех пор, пока он не взял с меня клятву держать все в тайне. Я поклялся, предвкушая, как при первом же удобном случае выдам Игорев секрет и отплачу ему за рисуночки.

Но надежды мои не оправдались, разглашать получалось нечего, вернее — слишком сложно для меня и для наших сверстников, чтобы перевести это в розыгрыш или в тот же летучий рисуночек. В доме отдыха, куда Игорь попал по путевке, встретил он мужчину — точь-в-точь я, только лет на тридцать старше, с бородой и лысиной. Тот все приглядывался к нему, Игорю, словно хотел вступить в разговор, и будто и он и Игорь почувствовали одновременно, что нельзя им разговаривать друг с другом, почему-то невозможно, может быть, опасно. Бородатый потом лишь издали присматривался к Игорю. Он не был однодневником, потому что вечером не сел в автобус, который увозил Игоря.

Про путевку Игорь рассказывал так, что выходило, либо он и сам не знал, откуда она оказалась у него, либо недоговаривал. Возможно, что до меня не все доходило или не могло дойти, или не запомнилось. Особенно Игорь удивился, что дом отдыха был весь из стекла и алюминия, а тогда только одно такое здание стояло в Москве — Наркомлегпром на улице Кирова. А уж об автомобилях я наслушался больше всего. Игорь рассказывал, что на автомобилях приезжали в дом отдыха многие, по двое, по трое, семьями и по одному. Оставляли автомобили на асфальтированной площадке и уходили все вместе, а не так, как было принято, чтобы шофер оставался за рулем. Словом, любимый Игорев сюжет — мечта наяву. Семейный автомобиль. Автомобиль для парня с девушкой — были там и такие пары. Когда же я спросил его о марках автомобилей, он, знаток и любитель, чем и славился в классе, не ответил: мне показалось, он не ждал такого вопроса.

Может быть, Игорь не хотел ничего утаивать, а сам еще не разобрался в увиденном. Со временем в повторных разговорах наверняка я узнал бы и понял больше. Но в те дни мы всем классом проходили комиссию спецнабора в военные авиационные училища. Кто засыпался по медицинской, кто по мандатной части. Прошел один Игорь.

Прислал мне свою фотографию в матросской форме — попал он в морскую авиацию. Школьник и летчик... Какая уж переписка — заглохла вскоре. Осталась недосказанность. Потом забылась накрепко — хватало и без школьных историй материала для размышлений, для переживаний.

Через тридцать лет, когда я вспомнил эту недосказанность, у меня были и лысина и борода. Вспомнил не сразу, не в нужный момент, а спустя некоторое время. Но не исключено, пожалуй, что в нужный-то момент воспоминание оказалось бы совсем ни к месту и могло вызвать несчастье. Хотя, думается мне, я все равно не

преодолел бы возникший барьер, не решился, не хватило бы сил, может быть.

Отдыхали мы тогда с женой в пансионате, недавно выстроенной стеклянной стекляшке на берегу водохранилища вблизи Чиверевского залива. Прошло уже полсрока. Мы катались на лыжах, чуть не каждый вечер ходили в кино, а я успевал еще между этими занятиями сыграть на бильярде и в пинг-понг. Однажды в вестибюле пансионата, когда мы шли из столовой с завтрака, я увидел Игоря.

Конечно, я сразу же стал себя разуверять, что это случайно похожий на моего школьного приятеля парень, в крайнем случае родственник, сын наконец. И если даже сын, что мне до этого? Нет, я не вспомнил ничего, ни в первый момент, ни в течение всего дня, когда он то и дело попадался мне на глаза. Вспомнил через час после завершающей встречи с ним — мы возвращались из леса на лыжах, а он промелькнул в окне автобуса, увозящего на станцию однодневных отдыхающих.

После того как я вспомнил, мне не удается думать о том дне так туманно. Туман, сомнения соскочили. Я не могу снова уверять себя, что встретил не Игоря. Не говоря уже о полном сходстве лица, фигуры (я нашел дома фотографии), совпадала одежда. Хотя и сейчас можно встретить похоже одетого демобилизованного моряка — бушлат, под ним ковбойка и расклешенные брюки. Но Игорь-то носил перешитый бушлат старшего брата и выглядел в свои семнадцать, конечно, моложе нынешнего демобилизованного моряка. Стрижка — полька; разве в моде сейчас стриженые затылки? А самое главное — он удивлялся при каждой встрече не меньше меня и задумывался. Когда же я решился наконец подойти к нему и спросить, не Сладков ли он по фамилии, не родственник ли Игоря Сладкова, мы оба наскочили на барьер. Я отчетливо почувствовал, что не могу, что и не надо, что нельзя подходить ближе. Разминулись мы оба с неловкими выкрутасами и страхом. Кроме того, я наблюдал, с каким недоумением и интересом он рассматривал сквозь стеклянную стенку вестибюля подкатывающие к пансионату «Жигули» и их владельцев.

Почему я не вспомнил про лысину и бороду на несколько часов раньше? Или барьер стоял и в памяти?

Я чувствую, как он поднимается каждый раз, когда я в связи с этой историей стараюсь логически осмыслять возможность завихрений и петель во временном потоке, и у меня возникает ощущение, что не успеваю всего лишь на долю мгновения, чтобы заглянуть за него.

АЛЬБЕРТ ВАЛЕНТИНОВ

Разорвать цепь...

Мохнатые языки солнца, высовываясь из-за холма, шарили по пронзительной глади небосклона, будто слизывали остатки не успевших растаять за ночь облаков. Совсем как на Меркурии, только там нет неба. И солнышко там пожарче. Впрочем, и это дай бог... Даже не верится, что не так давно закончилось пятое оледенение.

Андрей нерешительно повертел в руках широкополую войлочную шляпу и со вздохом водрузил ее на макушку. Это повторялось каждое утро как некий ритуал. Все его существо сопротивлялось, но без шляпы наверняка схлопочешь солнечный удар. Даже за те десять минут, которые надо затратить, чтобы принести воду. Собственно, он ничего не имел против этого головного убора, кроме одного: очень уж он не гармонировал со всем остальным. Как, скажем, водолазный шлем с дипломатическим фраком. Такие курортные войлочные покрышки со свисающими полями появятся только через пятьдесят тысяч лет. Незадолго до того, когда на месте этих холмов и ручья раскинутся тридцатиэтажные, сверкающие стеклянными боками здания института. Удивительное дело: все здесь казалось к месту, все вписывалось в исторический период — и машина, и панцирь, а вот шляпа не вписывалась. Она из другой эпохи. Он зажмурился и с наслаждением представил теплое ласковое море и белый, будто просеянный через самое мелкое сито песок. А на нем тела. Шеренгами. Все коричневые и все в шляпах... Представил, хотя и знал, что этого делать не следует. Челюсти свело сладкой судорогой, и что-то в душе дрогнуло. Поспешно открыв глаза, он помотал головой и решительно замкнул магнитную застежку воротника. Ну вот, теперь он в полной готовности, можно выходить. Ах да, синие очки и воздушные фильтры...

Солнце уже выкатилось из-за холмов. Теперь это был обычный ослепительный шар, совсем как у нас на экваторе. Не жарче. А если и жарче, то чуть-чуть. Жаль только, что Андрей никогда не был на экваторе и не мог сравнить. На Меркурии был, а вот на экваторе не пришлось. Теоретически за пятьдесят тысяч лет солнце не должно измениться, для него это ничтожно малый срок. Как для нас пять минут. Но теорию создавали в уютных прохладных кабинетах... Андрей чертыхнулся и вышел из машины.

Панцирь плотно обтягивал тело, заставляя держаться прямо, развернув плечи, как на параде. Только вот походка становится какая-то чудная — с подпрыгиванием. Черт бы побрал того инженера, который врастил пружинки в ткань под коленками! Конечно, инженер все рассчитал, но попробуй побегай в такой одежке! Это неважно, что здесь бегать не надо. Андрей повернулся к солнцу спиной и посмотрел на свою тень. Ничего тень, мужественная. Широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги... Спортс-

мен. И, говорят, с задатками. Только вот скорчер на правом боку нарушает симметрию. Он улыбнулся, вытащил из тамбура пузатую десятилитровую флягу и поволок ее к ручью.

Днем холмы — каменистые, лишенные растительности — имели тот неопределенный цвет, который называют песочным. Но сейчас, под утренним солнцем, они были ярко-розовыми, и очертания их слегка размывались, словно холмы раскалились и медленно оплывали от вершины к подножию. Их невысокая гряда загораживала первобытный лес, не давая ему прорваться дальше. Справа холмы загибались широким полукругом, открывая ровную, чуть поднимавшуюся к югу равнину, по которой струился ручей.

Вода здесь великолепная. Что называется, хрустальная. Только вот микроорганизмы... Но для этого существуют таблетки. Две штуки на флягу. Говорят, вкус они не портят.

Андрей присел на корточки и положил флягу на желтое дно, придерживая ее пальцами, чтобы не всплыла. Вода с бульканьем стала заходить в горловину. Справа были кусты, и слева были кусты, но за четыре дня он отучился их бояться. Днем из кустов никто не показывался — ни пещерные медведи, ни волки, ни саблезубые тигры, чей громадный след он обнаружил прямо перед тамбуром на следующий день после прибытия. Раньше он почему-то думал, что к этому периоду махайроды уже вымерли. Серьезный был след. Окружность больше головы. Интересно, каков же сам тигр? К счастью, зоологи по ископаемым остаткам определили, что саблезубые охотились по ночам, днем они почивали. Правда, Барсик дома днем кушает. Но Барсик — отдаленный потомок, развращенный цивилизацией...

А вообще здесь все чужое, все опасное. Даже воздух, даже солнце, даже трава. Хотя и трава, и кусты, и деревья уже наши, современные. Ведь всего-то пятьдесят тысяч лет! Каково же тем, кто дальше — за сто миллионов? Саблезубый — это все-таки млекопитающее свое, понятное. И то, что природа обделила его хвостом, оставив нелепый обрубок, представляет этого хищника в каком-то даже легкомысленном, несерьезном свете. А динозавры? Так называемые пресмыкающиеся, восемь метров в высоту? Тиранозавр-рекс, например. Его засняла на кинопленку предыдущая партия... Андрей невольно поежился, вскинул флягу на плечо и чуть ли не бегом потащил ее в машину.

Теперь сутки он будет сидеть взаперти, в крохотной каютке с поляризованными стенами. Хотя машина превосходит размерами трехэтажный дом, но человеку в ней отводится весьма скромная площадь: все остальное пространство занимает генератор. Снаружи стены серые, непрозрачные, но, находясь в каюте, он видит все, что делается вокруг. Спасибо, хоть об этом позаботились! Иначе тут вообще можно сойти с ума. Он и так уже два дня не притрагивался к книгам, которые самонадеянно захватил с собой в прошлое. Захватил, несмотря на скептические улыбки более опытных товарищей. В первый день он только смотрел. И через стены и снаружи, не отходя от машины. И все время ждал, что вот-вот появятся кроманьонцы. Ждал, чтобы рассмотреть их с тем острым любопытством, с каким рассматривают неожиданно обнаруженный портрет своего отдаленного предка. Выискивают, так сказать, фамильные черты... Потом два дня читал запоем. Вчера он просто угрюмо валялся на койке, заставляя себя не глядеть на часы. Он и без того ощущал каждую из бесконечных, будто застывших секунд. Ничего не поделаешь — такая работа. Искус, который проходит каждый, прежде чем попадает в головную группу. Машины времени еще очень несовершенны. Они могут переноситься только в прошлое. Будущее пока скрыто от людей. Жалко: в будущем интереснее. Но, может, в этом определенный смысл? Нельзя заглядывать в будущее, не изучив досконально своего прошлого. Не вскрыв подспудную логику событий, не проанализировав всех ошибок. Да, наверное, в этом главное. Человечество должно понять свои прошлые ошибки, прежде чем являться к потомкам. И до малейших деталей знать свою историю. Для этого и уходит в прошлое цепочка машин-ретрансляторов, как столбы на шоссе. Сейчас эта цепочка насчитывает две тысячи «столбов», где каждый отстоит от соседей на пятьдесят тысяч лет. Самый последний — «стомиллионник» — в мезозое. И в каждом ретрансляторе — человек. Дежурный. Машины могут уйти в прошлое и вернуться только вместе. Сразу. Одновременно. Если с одной что-либо случится — остануться все. Это как цепь, которая рассыпается с потерей любого звена. Командуют те, кто «внизу». Остальные ждут. Ждут и не отлучаются. От каждого зависит существование остальных. Когда-нибудь это станет излишним. Это когда ретрансляторы усовершенствуют настолько, что суммарная вероятность аварии в сложнейших цепях управления всех двух тысяч машин станет меньше одной миллионной. Пока что она больше. А одна миллионная — это риск при дежурных. Человек с его чувством ответственности оказывается надежнее машины. Поэтому ты вынужден ждать, пока кто-то там, за «стомиллионником», выясняет, отчего вымерли динозавры. Ждать все двадцать четыре часа в сутки, позволяя себе только утреннюю десятиминутную пробежку за водой. Это тоже риск — вылазка за водой. Но риск необходимый. Если ты не будешь ждать этих десяти минут, ждать целые сутки, твоя «надежность» резко упадет. И ты ждешь, стиснув зубы, хотя неизвестно, сколько еще продлится это ожидание. Каждая вылазка рассчитана на две недели, если... если не произойдет непредвиденное. Тогда оглушительно завоет сирена... Эти тиранозавры, судя по фильму, были отчаянными задирами. Да и не только они. В мезозое полно всякой гадости — и летающей, и прыгающей, и плавающей.

Андрей лежал на узкой жесткой койке, закинув левую руку под голову. Правая свесилась через край, прижавшись ладонью к прохладному полу. Наступал вечер. Он это понял без часов, хотя вокруг было еще совсем светло. Дневная жара спала. Кондиционер под потолком перестал жужжать и заработал бесшумно, в полсилы. Еще несколько часов, и пятые сутки дежурства уйдут в прошлое. Смешно: в прошлое.

Дома сейчас, наверное, тоже вечер. Мать с отцом вернулись с работы, переоделись, забежали в сампит и... Нет, никуда они не пошли. Ни на театральную арену, ни в вечерний парк, ни на спортивные зрелища. Сидят в сампите над нетронутыми блюдами и переживают. И мама опять твердит, что у нее предчувствие... Чудаки! Путешествия во времени уже давно обходятся без жертв. Было, конечно, когда-то... Но тогда только нащупывалась конструкция машины, разрабатывались правила поведения. А сейчас машины безотказны. И люди... Они еще безотказнее. На второй «пятидесятке», у неандертальцев, дежурит Ленка, отличный парень. Это ей он сказал перед отправлением, что она отличный парень, и Ленка не протестовала. Только усмехнулась загадочно, как она одна умеет... И каждый раз, когда он бежит за водой, у него сжимается сердце от страха, потому что в это время Ленка тоже бежит с флягой. И его нет рядом, чтобы защитить...

Он вздрогнул и вскочил на ноги. На него глядела Лена. Нет, конечно, она глядела не на него. Она только скользнула измученным безнадежным взглядом по громадному серому кубу машины, и именно этот взгляд Андрей успел поймать. И конечно, это была не Лена. Это была кроманьонка. Так сказать, прапрапра...

Удивительно, что она не испугалась машины. Впрочем, вовсе не удивительно. Первобытные люди не всегда умели строить цепь логических заключений и не боялись неподвижных предметов. Неподвижное не опасно. Они еще очень плохо знали свой

мир и потому безоговорочно принимали все, что оказывалось в поле их зрения. Поэтому двенадцатиметровая махина вовсе не показалась кроманьонке чем-то удивительным. Она просто не знала, что в ее времени таких сооружений быть не должно.

Ей было семнадцать, и она была такая же стройная, высокая, как Лена. Даже прически у них одинаковые — волосы свободно распущены по плечам. Только у Лены это называется укладкой. И одета кроманьонка была, разумеется, не в панцирь, а в пятнистую звериную шкуру, совершенно не закрывающую руки и ноги. Худенькие, но крепкие руки, длинные ноги. А все же лицо другое, не как у Лены, хоть и очень похоже. Впалые щеки, огромные глаза.

Андрей затряс головой. Болван, о чем я думаю? Это же человек, самый настоящий. Что в ней первобытного? Страх в глазах, даже не страх — отчаяние. Так вот какие они, кроманьонцы! Неведомо откуда взявшиеся гомо сапиенс, люди современного типа, совершенно необъяснимо, всего за пятнадцать тысяч лет вытеснившие пропавших без вести неандертальцев. Не предок человека — человек.

Девушка остановилась у самой машины. Очевидно, она прошла долгий путь, ноги ее подкашивались, в лице ие было ни кровинки.

А ведь она погибнет, вдруг понял Андрей. Должна погибнуть. Первобытный человек не мог выжить в одиночку. Очевидно, заблудилась, отстала от племени или была изгнана за какую-нибудь провинность. В первобыте, рассказывали ребята из прошлых экспедиций, насчет дисциплины было сурово. Изгнание еще легкая мера. А может, напали враги и она кинулась прочь без памяти?.. Ах, черт побери! Безоружная, беспомощная, ни от зверей отбиться, ни огня развести. А ведь могла бы стать чьим-то предком. Может быть, даже моим... или Лены. Недаром она так похожа на нее. Взять бы ее с собой, но нельзя. Не имею права. А жаль. Представляю, какие глаза сделаются у ребят! Вот это было бы вмешательство так вмешательство! Только меня мигом турнут из института. А ее... что ж, ее оставят. Не отправлять же обратно на гибель. Научится читать, привыкнет к нашей кухне, полюбит стереовизор, все вечера будет перед экраном просиживать. Выдержит ли изобилие информации? Нет, к нам ее нельзя. Здесь бы чем-нибудь помочь, но чем? Скорчер же ей не дашь, а другого оружия у меня нет, даже перочинного ножа. И огня нет. Пища подогревается в инфракрасной духовке. Разве что затащить ее в машину и хотя бы накормить?

Это было безумием. Это было грубейшим нарушением правил путешествия во времени, но Андрей двинулся в тамбур. Он ничего не мог поделать с собой. Вид этого измученного, истомленного отчаянием, голодом и усталостью существа всколыхнул и поднял из самых потаенных уголков души что-то такое, чему он не мог даже подобрать названия. Какая-то волна захлестнула его.

Внезапно, уловив за спиной легкое движение, девушка резко обернулась и пронзительно вскрикнула. Вскрик оборвался на самой последней ноте, и девушка, запрокинув голову, привалилась к машине и стала медленно сползать по ее стенке. Она была еще жива, но она была уже мертва, потому что из кустов у ручья к ней направлялась смерть. Нет, зоологи ошиблись, она не спала днем — страшная смерть, саблезубая, со струящимся меж клыками волнистым языком, неторопливо надвигающаяся на пружинистых лапах, возбужденно подергивающая обрубком волосатого хвоста. И Андрея охватил восторг.

Это удача! Ах, какая это великолепная удача! Он торопливо расстегнул кобуру скорчера, автоматическим движением руки ввел в ноздри фильтры. «Я подшибу его на лету в прыжке. Тигр всегда прыгает на жертву. А потом затащу ее сюда и накормлю. И никто ничего не скажет, не посмеет сказать. Потому что я спасу жизнь человека. Разве нас с детства не учили, что самое ценное — это жизнь человека? И пусть это будет вмешательством, но меня все поймут, потому что каждый сделал бы то же самое».

Махайрод был уже в двадцати метрах. Андрей толкнул створку тамбура... в этот миг взвыла сирена.

Это было невозможно, невероятно, но это случилось. Андрей замер, будто натолкнулся на глухую стену. Красная сигнальная лампочка панически мигала над рычагом. Это не обычное предупреждение к возвращению, это сигнал к бегству. Сирена будет выть, пока во всех двух тысячах машин дежурные не нажмут на красные рукоятки и генераторы не закрутятся бешеными силовыми смерчами, сминая время. Значит, там, «внизу», что-то случилось и людям приходится спасаться. Может, они даже пустили в дело скорчеры. Это разрешается как исключение, когда ничто другое уже не может спасти. Потому что это вмешательство. И хотя его последствия не скажутся в будущем, «рассосутся» во времени, как затухает волна от брошенного в озеро камня, не достигнув берега, все-таки это вмешательство.

Пять секунд дается на то, чтобы добежать до рычага. Значит, остальные 1999 генераторов вот-вот заработают. И только его машина окажется вне цепи... Андрей повернулся и бросился в каюту. Ладонь натренированно легла на красную рукоять... но не нажала на нее.

Эта девушка... Она не упала лишь потому, что прислонилась к машине.

Он обязан выполнить свой долг перед людьми, которые ждут сейчас в машинах... Но она тоже человек. Слабая тростинка на берегу необъятной реки жизни, защищенная только искоркой разума. И никогда не сумеет простить он себе, что дал погибнуть человеку. И тут внезапная мысль поразила его — Лена!

Не может такое сходство быть случайным...

Так не оборвется ли к тому же с гибелью этой кроманьонки целая эволюционная цепочка?

...Он рванул рычаг и ринулся из машины. В его распоряжении было, наверное, полсекунды. И хотя он знал, что все кончено, что успеть невозможно, он действовал так, будто намеревался успеть. Выстрел дробным эхом запрыгал по холмам. Зверь перевернулся в воздухе и шмякнулся рядом, раскинув лапы. И в этот момент кроманьонка начала падать, потому что опора исчезла. Андрей еле успел подхватить ее и заставил себя обернуться. Заставил, хотя безошибочно знал, что увидит. Но он обернулся и увидел, что машины нет.

И никаких следов, даже трава не примята.

Разумеется, его будут искать. Но машина редко попадает дважды в одну точку времени. Они разойдутся — на сутки, на час, на минуту...

И все же их найдут, не могут не найти.

На его руке лежала кроманьонка.

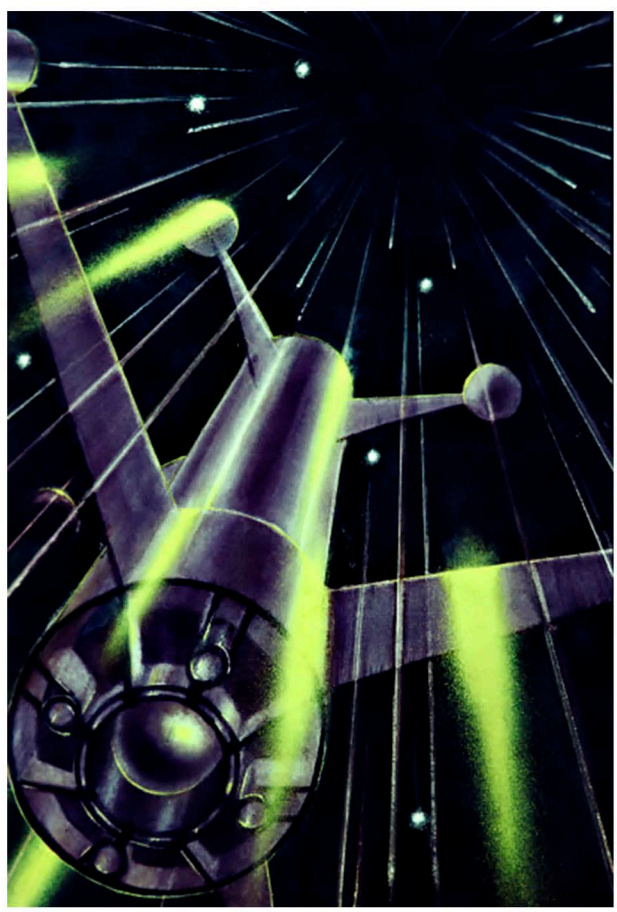
До ближайшей цивилизации сорок тысяч лет. Есть только они двое, и еще саблезубые, мамонты, медведи... И девяносто девять зарядов в магазине скорчера. Было сто...

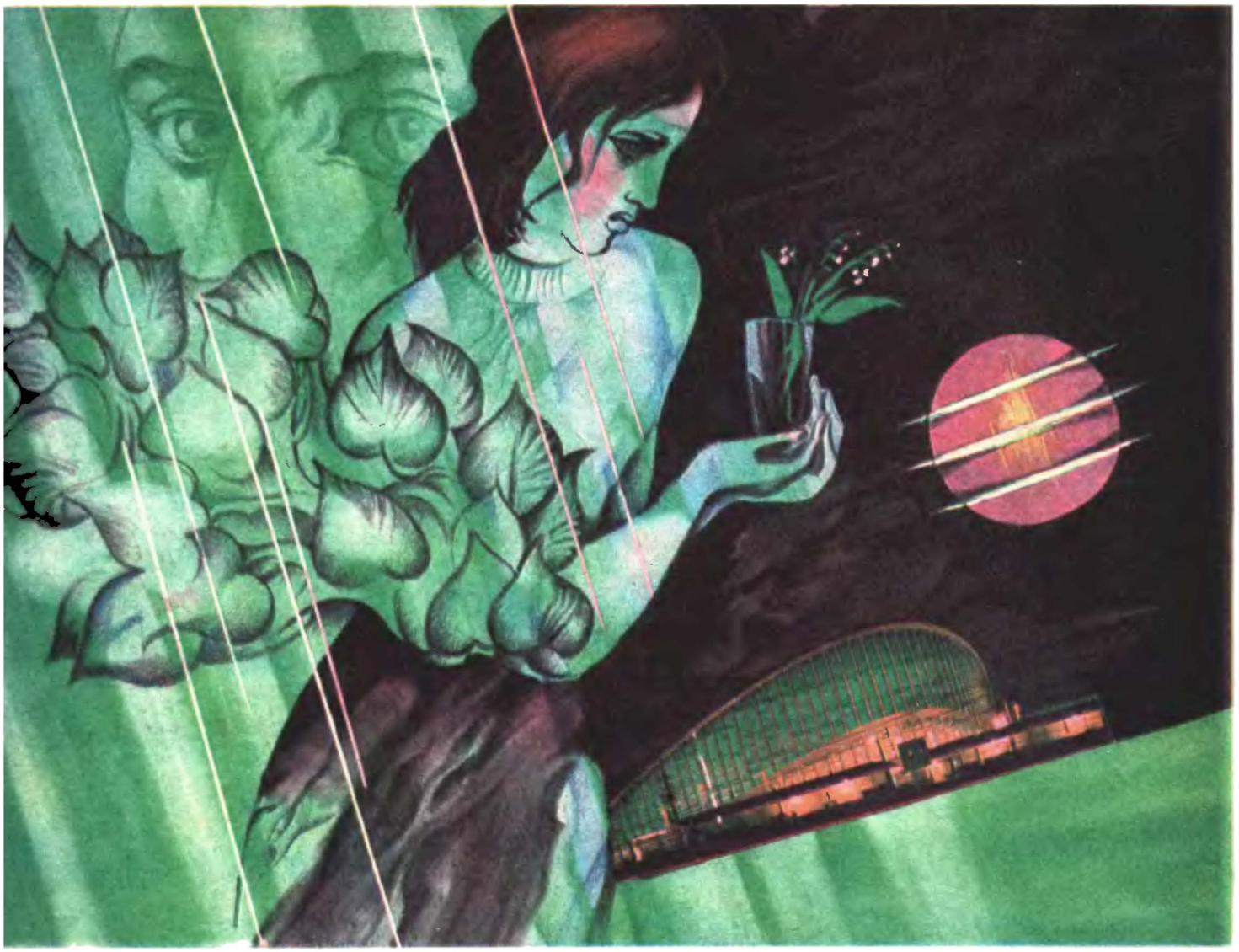
Он думал только об этих девяноста девяти зарядах. Намеренно сузил мысли вокруг них. В этом сейчас было спасение. Позже придет отчаяние, наконец, фатальное успокоение, когда смиряешься с последствиями своих поступков.

Он заметил, что девушка очнулась. Она переводила взгляд с него на мертвого зверя и опять на него, и страх исчезал из ее глаз. Он был человек, и он спас ее. Потом она встала на ноги и без страха взглянула на него. Андрей смутился. Он расстегнул магнитную застежку шлема и выбросил из ноздрей фильтры.

— Ничего, — сказал он, засовывая скорчер в кобуру. — Ничего. Главное, что цепь не разорвана. А так все в порядке. Вода есть, пища есть, — он ткнул носком тушу зверя, — огонь добудем трением, лук изобретем... Только вот костюмчик не подходит. Не из этой эпохи. Пожалуй, шкура будет мне больше к лицу.

Он стал искать подходящий кусок кремня, чтобы сделать из него нож.





ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

ЖЕНЩИНА С ЛАНДЫШАМИ

Научно-фантастический рассказ

За четыре часа Валентина стала привыкать и к голосам, и к молчанию заповедного леса. Она вспомнила, как пробралась сюда в заповедник, и почувствовала, что краснеет. Щеки ее запылали. Как девчонка, подумала она, и не оттого стыдно, что ландышей нарвала... а отчего?

Она остановилась в раздумье. Заколола волосы. Сдула с блузки выцветший прошлогодний лист. Ландыши, цветок за цветком, ссыпала в кожаную сумочку, осторожно прикрыла ее и щелкнула запором. Минутная передышка. Вверху, высоко-высоко, прошелся над кронами ветер. Шелест. Снова легкий порыв — и где-то потревоженное дерево отозвалось скрипом. Взволнованно вскрикнула птица. И снова тишь.

Может быть, ей лишь казалось, что ему нравились ландыши? Все равно, подумала она, там-то их нет совсем. Она редко задумывалась всерьез о том, что было т а м. Впрочем, сегодня он расскажет ей. И она увидит ту далекую реальность глазами сына.

«Как это называется?.. — припоминала она. — Трансгрессия, нуль-переход?» Именно сегодня, ровно в двадцать часов, ее сын сможет ненадолго появиться дома. Впервые за три года. Потом она увидит его снова лишь спустя пять лет, конечно, ее об этом предупредили заранее.

Разве это не чудо? Их поочередно переносят на Землю. Пусть только на два часа, раз в несколько лет, сегодня это произойдет! Можно ли мечтать о лучшем подарке, чем звездное возвращение прямо домой?

...Однажды, давно, он подарил ей ослепительный букет первоцветов, и светлым майским вечером напоминали они о лесных тайнах и лунном серебре на речной воде. (Совсем не

странно, что слова, изобретенные на все случаи жизни, забываются скорее.) А как там? О чем можно узнать из телесеансов?

Какая это была планета?

Лик ее бороздили песчаные дюны. Сколько ни всматривайся, ни рощи, ни поросшего кустарником склона, ни зеленеющей балки. Сухие нити желтого лишайника прятались под камнями, и пучки их были едва различимы на телеэкране. Ни птичьего гомона, ни плеска воды. Горячее зеленое солнце.

Стаи светлых ядовитых облаков носились над пустыней, цепляясь иногда за багровые пики у горизонта. Сверху, точно по невидимой трубе, устремлялись вниз потоки, взметая пыль и мелкий песок, тогда воздух мерцал и фосфоресцировал, а по равнине метались призрачные полутени. Игра зеленых лучей порождала миражи, столь же безотрадные: вверху висела опрокинутая безжизненная долина с рассекавшим ее сухим руслом умершей тысячи лет назад реки, или вдруг небо ощетинивалось острыми зубцами скал, а между ними темнели пропасти.

Закат окрашивал равнины и горы в желтый цвет: серебристый отлив делал хребты похожими на странных драконов, замерших в ожидании какого-то неведомого сигнала. Пластинки слюды, вкрапленной в камни, превращались в сверкающую чешую, скалы — в устрашающие зубцы на хребте и хвосте. Драконы, казалось, просыпались с заходом звезды, чтобы охранять несметные сокровища в недрах планеты: алмазы и золото, платину, серебро и зеленый металл алхимиков — теллур.

Малая часть спрятанных здесь кладов дала возможность построить, создать, запустить гравитационный туннель. Его невидимая колея вела к Земле. По нему бежали импульсы, обгоняя свет, — письма и телеграммы. Мезонная вспышка на миллиардную долю секунды делала туннель похожим на ослепительный жгучий луч, пронзавший звездный купол подобно молнии. Но космический светоносный разряд во столько же раз превосходил по силе грозу, во сколько огненное тело звезды — дождевую тучу.

Говорили, что само путешествие было мгновенным: будто бы едва обозначившаяся тень столь быстро становилась реальностью здесь, на Земле, что ни один прибор не успел бы зарегистрировать скорость такого превращения.

* * *

Алый бархат древесной коры начал тускнеть. Она встрепенулась. Далеко-далеко загрохотало. Неясная тревога вернула ее к действительности. Она испугалась Но вовсе не приближающейся грозы. Она потеряла тропинку. Теперь, когда невысоко стоявшее солнце скрылось за тучей, лес изменился до неузнаваемости. Она беспомощно оглядывала поляну, на краю которой ее настигли воспоминания о ландышах.

Над лесом туча уже развесила темные крылья.

Хлынул дождь.

У нее был зонтик. Но с ним было неудобно, кусты хлестали, сопротивлялись движению, били по зонтику; густой подлесок не пускал ее; она видела перед собой тусклое мерцание дождевых струй, тяжело бивших по ветвям, слышала, как вода хлопала по листве и ощущала ее прикосновение. Она сняла туфли, но идти стало не легче. В густом орешнике она окончательно заблудилась, вышла на поляну, просторную и незнакомую. Прислонясь к теплому, еще сухому стволу, она стояла так несколько минут, собираясь с мыслями.

Она должна выйти на узкую асфальтированную дорогу, которая делила заповедник пополам. Дальше было бы совсем просто: по дороге она выйдет из леса и за час, от силы за полтора, доберется до дома. Она взглянула на часы. Сердце ее сжалось. Было около семи вечера. В восемь он будет ждать ее дома.

Валентина сложила ставший бесполезным зонтик и пошла напрямик, наугад. Кофта и юбка были насквозь мокрыми, она ощущала всем телом холодную упругость кустов, так мешавшую ей поскорее выбраться отсюда.

Туча обволокла небо, затянула все просветы между верхушками деревьев. Тревожно хлопали листья. Дождь лил как из ведра — шальная июньская гроза.

На крутом глинистом скате балки Валентина поскользнулась, упала. Кожаная сумочка с ландышами осталась где-то вверху. Ветви вырвали ее из рук. Опустившись на колени, она обшаривала каждый остров густой травы. Шел восьмой час. Она впервые пожалела о том, что поддалась эфемерному соблазну напомнить себе и ему о любви к лесным цветам. Ее ладони горели — здесь, в балке, трава росла высоченная, жесткая, неподатливая. К восьми она теперь никак не поспела бы домой, даже если сразу вышла бы на дорогу. Но он будет ждать ее. До десяти вечера. В десять он исчезнет, так как будто его и не было вовсе: все рассчитано до секунд.

Она подумала, что нужно успеть хотя бы к девяти. Она не сможет приготовить земляничный кисель, но баранина должна быть уже готова, во всяком случае, автоматическая печка, заботам которой она поручала мясные блюда, должна уже выключиться.

Сумочка нашлась, ее ремешок свисал с мертвого сучка. Она бы увидела ремешок раньше, если внимательнее осмотрела бы это место, а не искала на ощупь... Сегодня утром она попробовала найти цветы в городе, но, кажется, было слишком поздно: разгар июня, ландыши уже сошли. Ей сказали, что в настоящем лесу, в заповеднике, в самых тенистых и влажных местах они еще встречаются. Днем, радостная, счастливая, она решила, что только цветов не хватает, и отправилась в заповедник. Она бродила часа два, пока не нашла первый цветок с поникшей уже кистью. Потом ей повезло, и она набрела на лесной клад — пять зеленых стрелок с белоснежными колокольцами. Она загадала — выходило, что ей повезет вторично. Но другого такого места не нашлось. Кажется, она увлеклась. Но если бы Валентина не заблудилась, то даже гроза не помешала бы ей вовремя вернуться домой.

Заметно посветлело. Ливень иссякал. Место было незнакомое, открытое, вокруг кусты калины, круглые, свежие, с крепкими листьями, за ними светились стволы берез, дальше, над яркой зеленью болота, висела рядина белесого тумана. Слева от нее пролегла просека или, быть может, заброшенная грунтовая дорога.

Едва заметная колея привела ее в низину. Впереди была такая глухомань, что у нее просто сил бы не достало пробираться вперед. Оттуда тянуло давней сыростью, холодом, растекавшимся во все стороны. Она растерянно огляделась.

Сможет ли она добраться до дому к половине десятого? Как же, подумала она, теперь доберешься... Она брела назад, к тому месту, где свернула в низину. Живо представилось, как он появился дома (в восемь!), как ждет ее. Может быть, смотрит книги. Что он подумает?

Она залилась слезами.

Прошло еще полчаса. Впереди тянулась бесконечная березовая колоннада. Но дорога здесь казалась не такой древней, и у нее возникла надежда, что встретится кто-нибудь и скажет, куда идти. Скорей, думала она, скорей, половина девятого, можно еще успеть. Но шаги ее становились все короче. Она опустилась на мокрую траву и почувствовала, как больно заколотило в груди. Все, подумала она, теперь уж все равно.

Через несколько минут она поднялась.

Далекий, нарастающий гул.

Похоже, мотороллер. С минуту она стояла как вкопанная, потом бросилась вперед, закричала.

Гул затих. Хрустнула ветка. Кто-то шел к ней. Мужчина в длинном плаще — в таком можно бродить по лесу и под дождем.

Он подал руку.

— У вас мотороллер? — спросила она. — Быстрее, прошу вас!

Она даже не стала объяснять, почему спешит, только повторяла: «Быстрее! Быстрее!»

Показалась долгожданная асфальтовая дорога; на обочине ждал мотороллер. Она примостилась на заднем сиденье. Мотор резко взял с места. Без четверти десять они ворвались в город.

Валентина всматривалась в поток машин, в огни, ползшие по проспектам, в равнодушные светофоры. Она прикрыла глаза, ей казалось, что так время идет медленнее. Она переживала и гадала — какой свет вспыхнет на перекрестке — красный или зеленый. Мотороллер миновал последний поворот. Было десять. Может быть, часы отстают, попыталась она обмануть себя. Это не удалось ей: часы, она это знала, идут точно. Речь могла идти о нескольких мгновениях. Ей не хватало целой минуты.

Она кинулась к лестнице. Так быстрее, чем если дожидаться лифта. На лестничной площадке она крикнула, чтобы он подождал, если может. Вбежала, метнулась в его комнату.

Комната была пуста.

Она бросилась на кухню, потом в свою комнату.

* * *

Она переоделась, опять прошла в его комнату и осмотрела ее. Даже записки не оставил, подумала она в смятении, как же получилось так... Ну что ж, ведь он ждал ее. Разве мог он допустить, что встреча так и не состоится? До самой последней секунды он надеялся, как и она. В пепельнице остались табачные крошки, едва заметные следы пепла. Она подошла к книжному шкафу и по закладкам и каким-то неуловимым признакам поняла, что он просматривал книги. Ни за что на свете, конечно, он не удержался бы, чтобы не заглянуть в трехтомную «Жизнь цветов, трав и деревьев» или в любимую когда-то им «Жизнь робинзонов» — книгу до странного наивную. Она пролистала их, чтобы причаститься к настроению, владевшему им здесь всего час или два назад.

Страницы застывали в ее руках, она пробовала быть внимательной. Как хотелось оказаться в этом мире простых мыслей, затеряться, исчезнуть... Она пересекла голубую от света поляну по желтой дорожке, изображенной на картинке. Ее поджидала величественная стена леса, приветливо шумевшего. Если бы можно было снова войти в него! Если бы кто-нибудь вернул ей всего несколько часов!

Она придирчиво оглядела кухню и прихожую. Там царил идеальный порядок. Печь была теплой — так и должно быть, она оставила автомату именно такие распоряжения. Она вспомнила о ландышах, отнесла цветы в его комнату и вернулась на кухню.

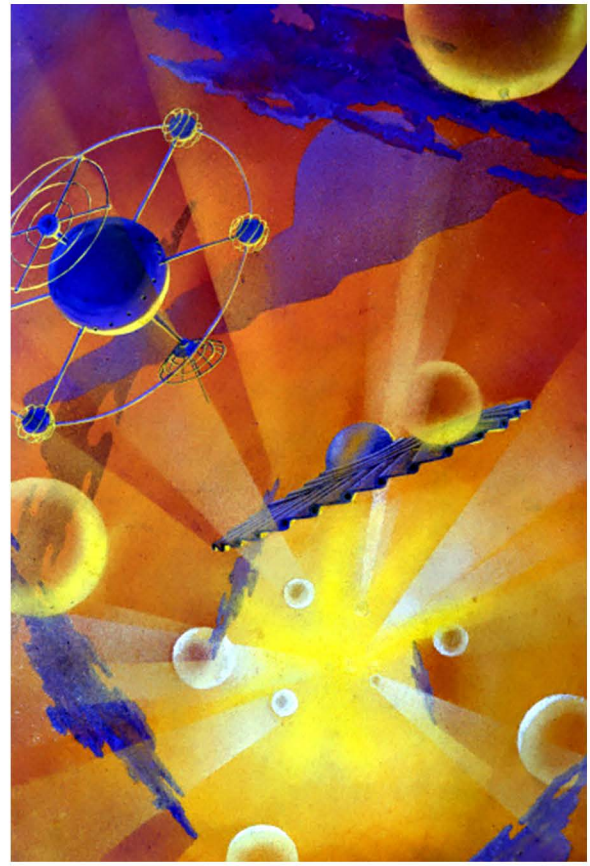
Кофейник сиротливо торчал на углу стола, на другом столе сгрудились сбивалки, формы для печенья, шинковки, там же стояла малогабаритная машина-универсал, рядом с ней чудо-печь и всевозможные электрические эльфы, феи, гномы — утром она устроила настоящий парад всей этой техники, от которой понемногу без него отвыкала. Она вынула из печи жаровню с бараниной. Потом бесцельно переставила глиняную миску с моченными яблоками, убрала формочку с желе, зеленый горошек, хлеб, вазочку с брусничным вареньем.

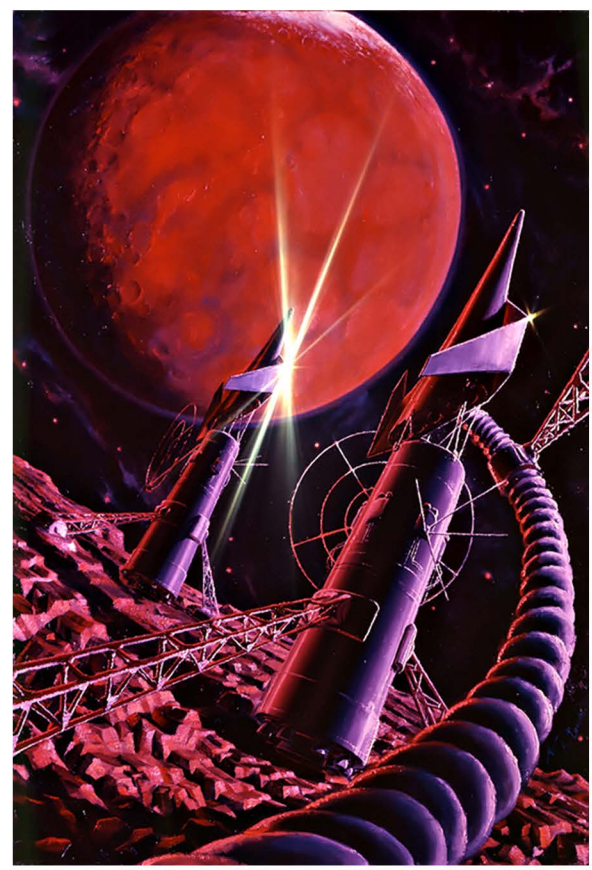
В гостиной тикали старинные часы. Близилась полночь. На стуле по-прежнему дожидалась ее картонная коробка с вязаньем. Окно было открыто. Перед уходом она закрывала его, в этом сомневаться не приходилось. В стекле отражалась матово-зеленая люстра.

Крышка пианино откинута... на ней знакомый сборник — «Этюды-картины Сергея Рахманинова». Она коснулась клавиш. Ее любимая мелодия рассыпалась, неровные шеренги нотных значков растаяли. Она обернулась. Зеленоватое пятно на стекле привлекло внимание. Ей начинало казаться, что она слышала фортепиано, когда мотороллер остановился у дома.

Можно ли быть такой невнимательной? Она упрекала себя; ее удивляли порой суждения и привязанности сына, но у него был несомненный дар — он умел верить и ждать.

Он звал ее просто Валентиной. Чаще всего так. Она представила его здесь, дома. Вещи, к которым он прикасался, рассказали о нем.





КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Н. Недбайло «Путешествие по вулкану»

ЗАДАЧА ДЛЯ ЭММИ

РОБЕРТ ШЕРМАН ТАУНС

Эмми жила — мы все употребляли именно это слово — в большом помещении, служившем когда-то оружейным складом при университетской службе подготовки офицеров резерва. Стены заново покрасили в бледно-серый цвет, поставили несколько перегородок и стеклянных отсеков, но общий вид и обширные размеры старого арсенала остались неизменными. Эмми занимала в ширину почти целую стену, возвышаясь в высоту на добрых пятнадцать футов и заходя внутрь Зала, на край тяжелого ковра, более чем на двадцать футов.

Полное имя Эмми было намного длиннее: Электронный Быстродействующий Калькулятор системы Манденкера — Голмахера, модель М-7. Но те, кто работал на ней и на кого работала она, сократили длинный титул, назвав ее просто Эмми. Причем сделали это не просто для удобства, ради необходимой краткости, но и благодаря мощным флюидам яркой индивидуальности, которые наполняли пространство, непосредственно окружавшее огромный механизм.

Большинство из нас, работавших в Зале, привыкли думать об Эмми как о личности — умной, здравомыслящей, привлекательной личности. Мы беседовали с ней, одобрительно похлопывая ее после того, как она решала особенно запутанную проблему. Порой мы даже вовсе замолкали в присутствии Эмми, прислушиваясь к ее тихому жужжанию.

Главой Университетского отдела кибернетики (новая наука, возникшая в сороковых годах с целью создания и управления подобными машинами) был коренастый, с пышной шевелюрой ученый муж, доктор Адам Голмахер. С первых же дней работы, начатой его предшественником Манденкером, он упорно расширял и совершенствовал структуру Эмми, пока она не получила всеобщее признание как самый лучший и крупнейший электронный калькулятор в стране. Эмми была, что называется, суперзвездой.

Но то преклонение, которое я, ассистент Голмахера, испытывал перед Эмми, не было знакомо старому ученому. Для него Эмми была гигантским уравнением с хорошо известными членами — миллион двести пятьдесят тысяч деталей мертвой материи, собранные вместе под его управлением и вызванные к жизни городской электросетью, чтобы выполнять математические операции, недоступные для ограниченных лимитов времени человеческой жизни. Именно это, и ничего более. Доктор Голмахер знал Эмми слишком близко, чтобы быть с ней фамильярным.

Но я не участвовал в создании Эмми. Когда я присоединился к работавшим в Зале, она была уже вполне завершенной машиной, безупречной по всем параметрам, вели-

Рис. Валерия Карасева

колепно снаряженной и внушительной в своем гладком стальном одеянии. Стены вокруг Эмми были снабжены остроумной системой звукоизоляции, что создавало ей превосходную рабочую обстановку.

Мне всегда нравилось это помещение, громадное и чистое, как океанский лайнер. Жалованье было невысоким, но Адам Голмахер относился к категории людей, которые вдохновляют уже одним своим присутствием. Все единодушно соглашались, что он разбирается в этой запутанной и утонченной науке лучше, чем кто-либо из всех живущих людей, и у меня имелись серьезные основания верить этому.

В своей смехотворно крошечной каморке, пустой, как обезьянья клетка, но с огромной фотографией Эйнштейна на голой стене, доктор Голмахер выносил окончательное заключение по проблемам, предназначенным для решения Эмми. Многие промышленные и научные организации обращались к нам с почтительными просьбами о помощи. Доктор Голмахер, запустив большую пятерню, словно диких зверей, в непроходимые джунгли своей серой шевелюры, рылся в этих заявках, отбрасывая большинство из них в сторону — другими словами, на пол,—сопровождая эти действия презрительными репликами вроде: «Что за вздор, дефективный ребенок мог бы решить эту задачу на кубиках за какой-нибудь час». После чего отвергнутые заявки отсылались обратно с резолюцией, напечатанной в безапелляционной форме, как это делают редакторы во всем мире на бланках с отказом.

Но время от времени живые, как у юноши, черные глаза старого ученого жадно впивались в одну из задач. Пробираясь сквозь дебри ее предварительных условий, он находил следы какого-нибудь неуловимого вопроса, возбуждавшего его научное любопытство. В этих случаях он обычно шел навстречу просьбе. После того как клиент платил обусловленный гонорар в размере пятисот долларов за каждый час работы Эмми и не собирался (из ложной скромности, как мне казалось) в дальнейшем оспаривать предъявленный счет, доктор Голмахер назначал дополнительную плату в качестве контрибуции для науки. Таким образом, многие фабриканты пластмасс и игроки в бридж, сами того не подозревая, помогали зажигать новые звезды в небесах.

Когда наконец задача была отобрана, она попадала к математикам, или, лучше сказать, Математикам — с большой буквы. В храмовой тишине Зала, где мы заботливо прислуживали Эмми, эти двенадцать человек поистине священнодействовали. Сидя в два ряда за шестью белыми столами, склонившись над маленькими счетными машинами и океаном бумаг, одетые в белоснежные костюмы (никто в точности не знал, почему все мы носили белое), они что-то невнятно бормотали про себя, напоминая жрецов нового логарифмического культа. У каждого из них была своя домашняя жизнь, свои родственники, и свои проблемы, и свое прошлое, индивидуальные мечты и страстные желания. Но в величественном пространстве Зала (они сидели в самом дальнем конце от Эмми), облитые солнечным светом, падавшим сквозь широкие окна, они были неразличимо похожи, словно приборы или механизмы. Они и были механизмами, приводившими в действие безграничные в своей мощи мыслительные способности Эмми.

В их функции входил перевод задач на доступный Эмми язык. Наш калькулятор, как и все прочие, пользовался двоичной системой счисления вместо десятичной. Математики кодировали данные в виде цифр и знаков на специальной ленте, которая вводилась в чрево машины. Это была наиболее трудоемкая и длительная операция в каждой задаче. Благодаря постоянным усовершенствованиям доктора Голмахера операция эта со временем становилась все менее и менее трудной, и более того — излишней. Математики, разумеется, знали об этом, и нередко можно было наблюдать, по злобному взгляду или крепкому слову, их неукротимую ненависть к гигантской машине, которая день за днем пожирала их жизни ради того, чтобы сделать эти жизни бесполезными.

Доктор Голмахер не одобрял такое очеловечивание машины, считая, что это оскорбляет его взгляды и творение его рук. Персонификация Эмми напоминала ему дешевые сенсации в воскресных газетах. Он был твердо убежден, что все репортеры — лжецы. Никто из студентов-физиков старших курсов с восторженными глазами, которых посылали нам издатели, не был мною пропущен.

Мы держали целый штат из двух десятков человек, единственной обязанностью которых были чистка и ремонт машины. В своих белоснежных одеяниях с головы до пят они были похожи на бранящихся кроликов. А Эмми давала немало поводов для брани, хоть и была безгласной. Мириады ее элементов требовали постоянного наблюдения, но даже при этом случались непредвиденные поломки. Были и необъяснимые поломки: все казалось нормальным и в механических сочленениях, и в электрической цепи, и все же тихое щелканье и мигающие огоньки выдавали результаты ошибочные, бессмысленные или вовсе ложные.

Программисты называли это приступами хандры старой девы. Доктор Голмахер ревел: «Посторонитесь, бездельники!» — засучивал рукава и вперял неистовый взор в какую-нибудь вполне осязаемую, но свихнувшуюся деталь. А через день или два снова приводил Эмми в образцовое рабочее состояние.

* * *

В то чудесное апрельское утро, сверкавшее серебром от прошедшего дождя, Эмми выглядела особенно хорошо и вела себя прилично. Я щелкнул выключателями, подавая питание компьютеру. Черные цилиндры, служившие Эмми оперативной памятью (для решения задачи, которой она была сейчас занята), мерно зажужжали, большая энциклопедия ее постоянного запоминающего устройства, записанная на пластмассовых дисках, пришла в боевую готовность. Я не спеша ввел в машину информацию по комплексной проблеме для Среднезападного авиационного завода. Эмми должна была рассмотреть несколько вариантов условий, взвесить их и выбрать наилучший — иными словами, самый дешевый и эффективный. Окончательный ответ Эмми печатала синими буквами на своей пишущей машинке. Затем ее ответ, переведенный на язык практических терминов, отправлялся авиазаводчику в пакете — этакое послание от оракула, которое заказчик принимал с чувством священного трепета.

За широкими окнами распускался почками университетский городок. Дурашливый старшекурсник распинался перед пышногрудой студенткой; судя по ее жестам и той благосклонности, с которой она принимала его восторженные излияния, апрель прочно вошел в кровь молодых людей. На деревьях тут и там вспыхивали зеленые пятнышки листвы среди черных сучьев и веток. В такой день жалко было торчать возле машины.

Вопреки строгому приказу доктора Голмахера — не шуметь в Зале без надобности — я мурлыкал какую-то старую колыбельную песенку (мне всегда были не по душе веселые популярные шлягеры, что слышны повсюду). Неожиданно раздался резкий звонок — сигнал об ошибке. Большая красная лампа возбужденно замигала. Ошибка! Ошибка! Я насторожился, хотя твердо знал, что информация, введенная в Эмми, не содержит никаких изъянов. И все же режущий слух звонок сигнализировал о серьезной ошибке, которую машина не могла переварить.

Я кинулся к распределительному щиту, чтобы вырубить ток. Когда моя рука была уже на выключателе первой секции, я случайно взглянул на панель. В первый момент я не поверил своим глазам. Но даже когда я осознал увиденное, здравый смысл и опыт восставали против этого. Я покрылся испариной. Эмми

вовсе не решала задачу! Почти все ряды лампочек застыли в темноте, огоньки не горели, и только немногие оставшиеся пульсировали в ритме мотивчика, который я напевал незадолго перед тем: «Лондонский мост свалился в реку».

Пока я с глупым видом глазел на панель, одна из Математиков, искренне считавшая себя юной девушкой, подошла к Эмми, мгновенно уловила мелодию в мерцающих огоньках и бросила на меня пронзительный взгляд.

— Весьма забавно. Но что скажет доктор Голмахер? — Затем с крохотным проблеском женского любопытства спросила: — Каким образом вы это делаете?

— Я ничего не делаю! Она сама это делает! — Я почти вопил.

Женщина раскрыла рот от изумления, чопорно выпрямилась в своей накрахмаленной блузке и решительным шагом двинулась к Голмахеру.

Я повернулся к Эмми. Не отдавая отчета в своих словах, я пробормотал: «Видишь, что ты натворила!» — и дал ей сильного пинка, лягнув металлический ящик. Он больно ударил мою лодыжку. Огоньки моментально погасли.

Когда прибыл доктор Голмахер, не осталось никаких следов того, что Эмми занималась посторонним делом. Голмахер не утруждал себя недоверием. Меня он еще мог подозревать в мистификации («Вы не сдерживаете свое воображение, Дихтер, вы расточаете его на призрачные грезы»), но он хорошо знал своих Математиков.

— Вы позволили себе напевать, Дихтер, — сказал он, нахмурясь. — Машина, естественно, восприняла симпатичные вибрации... — и т. д.

На том дело и кончилось.

* * *

Эммн получала новые задания, с каждым разом все более трудные. Доктор Голмахер, бурно ликуя, упивался ими — тем азартнее, чем неразрешимее они казались. Благодаря его колдовским действиям сенсорное «оборудование» Эмми все более приближалось к человеческому. Ячейки и блоки, чувствительные к цвету, свету, теплу, реагирующие на голос, музыку и невидимый мир волн, пронизывающих вселенную, были добавлены и подсоединены к тысячам милей ее проводов и тоннам стали и стекла. Доктор Голмахер собирался даже всерьез заняться волновым излучением мозга, его биотоками, чтобы использовать этот вид энергии в работе с Эмми.

Машина по-прежнему стояла в Зале, обрастая новыми секциями. И хотя у нее не было своего «я», мы бродили вокруг нее словно сомнамбулы, тихие, молчаливые и замкнутые, как бы приобщенные к великому таинству. «Чистильщики» протирали Эмми суконками и моющими средствами, наводя на нее косметику с искусством записных красавиц, а ремонтники действовали своими инструментами, как хирурги — скальпелем.

Когда Эмми получила задание от обсерватории в Паломаре, где находится гигантский телескоп, нас стала осаждать пресса. Голмахер заперся в своей конуре, и мне пришлось участвовать в бесконечном развлекательном шоу под названием «Доктор Дихтер», ставшим моим проклятием с тех пор, как я получил свою первую ученую степень. У газетчиков, как и у деятелей науки, весьма элементарное чувство юмора. Но Эмми была для них настоящей сенсацией.

Получив кипу материалов, собранных в обсерватории, Эмми проглотила их в один присест, а потом ткнула пальцем в глубокий космос и безошибочно указала на громаду погасшей звезды, которая спотыкалась, как слепая, среди горящих солнц. Раз или два Эмми вовсе сошла с катушек, пытаясь сунуть нос в дальние закоулки вселенной и определить наше место в разбегающейся Галактике. Тогда доктор Голмахер принимался нянчиться и возиться с огромным механизмом, прописывая свои «лекарства» и снова приводя Эмми в норму. И опять она возвращалась к своей работе, балансируя, как на лезвии, на краю четвертого измерения.

Но всякий раз мы должны были детально разжевывать каждый вопрос, прежде чем положить ей в рот. Она могла лишь давать ответ или не давать ответа. Все ее элементы, вместе взятые, не могли состязаться с миллиардами нейронов и молниеносными синапсами человеческого мозга. Эмми была настолько же умнее нас, насколько и глупее.

Осень пришла в университетский городок, облетели деревья, исчезли молодые люди, появлявшиеся здесь каждый год. Для Эмми сентябрь был заполнен сложным заданием, полученным от фабриканта красок. Математики и несколько физиков — специалистов по цвету — закодировали проблему на перфокарте. Я ввел данные в машину, предложив ей для окончательного выбора несколько вариантов ответа.

Снаружи за окном буйная зелень мужественно сражалась с осенью, неохотно уступая поле битвы багряным и золотым тонам. Кто-то, может быть я, оставил открытым чувствительный к цвету блок компьютера, обращенный фасадом к распахнутому окну. Неожиданно раздался тревожный сигнал, и одновременно зажглась красная лампа: «Ошибка!»

Я в страхе посмотрел на панель. На этот раз в миганье огней не было никакой мелодии. Гораздо хуже! Эмми вовсе не думала решать порученную ей задачу. Все ее огни еле-еле пульсировали, и было в этом что-то мягкое, ленивое, расслабленное, я бы сказал — бездумное. Словно бульканье маленького ребенка. Повинуясь мгновенному импульсу, я набросил покрывало на обращенный к окну цветочувствительный блок. Томно-младенческое пульсирование сразу прекратилось, и компьютер снова занялся проблемой производства красок. На этот раз я не стал посылать за доктором Голмахером.

Но он все равно догадался, что с машиной что-то неладно. То ли я был слишком робок и почтителен с Эмми, то ли Голмахер, наблюдая за мной однажды во время работы, заметил в моих глазах отблеск тайны. Его наблюдательность не уступала его гениальности. В той необычной для него заботливости, с которой он по утрам справлялся о моем здоровье, я чувствовал скорее заинтересованность физика, чем просто коллеги. Я знал, что должен вернуться в нормальное состояние, если не хочу получить унизительное предложение о годовом отпуске «для лечения нервов».

Как-то раз я был свидетелем капитального ремонта компьютера. Увидев воочию детали и элементы Эмми, вынутые из ее электронного чрева и замененные другими, такими же, взятыми из прозаического ящика, я снова ощутил себя Человеком — Оператором Машины. Я вновь обрел уверенность. Все эти кусочки металла и стекла были собраны вместе по замыслу высшего творца — Человека-Конструктора, и то, что совершали все эти элементы, было запрограммировано им от начала до конца. Они обладали волшебной силой, только будучи спаяны в единое целое, а это уже было делом человека, и только человека.

Так я успокоился. И все шло хорошо вплоть до конца декабря. После этого я больше не вернулся к своей работе.

* * *

За неделю до рождества мы с доктором Голмахером стали готовить Эмми к зимним каникулам. В университетском городке царило затишье, студенты уехали на праздники домой. Наши Математики покинули свои обезьяньи закутки. Остались лишь несколько ответственных сотрудников — главные козыри в колоде. Была пятница, хлопья снега падали в тусклом полуденном свете.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

В холодном и пустом пространстве Зала, в бледных лучах усталого солнца Эмми выглядела уже не внушительной, а какой-то сиротливой и озябшей. Доктор Голмахер ходил вдоль машины, щелкая выключателями и проверяя циферблаты, кнопки и тумблеры.

Внезапно Эмми проснулась и протяжно заворчала. Несколько разрозненных огоньков зажглось на панели. Голмахер не насторожился, он лишь хрипло рассмеялся и сказал с напускным безразличием:

— Ничего. Ничего особенного. Просто я прошел в этом белом халате мимо блока с фотоэлементом. Вот и все.

Мы вернулись к своей работе, и я ощутил в поведении старика необычные для него товарищеские нотки. Возможно, тут сыграла роль гнетущая пустота огромного Зала.

Наконец проверка закончилась. В недрах машины все замерло в неподвижности. Жизнь теплилась только в сверкающих обогревательных трубках, предохранявших Эмми от замерзания. Мы окинули компьютер последним взглядом, еще раз проверяя, все ли в порядке. Я протянул руку к распределительному щиту, как вдруг...

Невозможно! Мы явственно слышали мерное жужжание — характерный звук работающего компьютера, хотя ток был повсюду выключен.

Доктор Голмахер действовал, как всегда, быстро и решительно. Неисправность в проводах, утечка электроэнергии из постороннего источника? Он был возбужден. Но тут он увидел огоньки на панели.

Адам Голмахер не был мечтателем, но он создал бóльшую часть Эмми. А такая работа, конечно, не для черствой души и узкого мышления. Математики привыкли общаться с вечностью. И каждый зодчий продолжает осязать на кончиках пальцев свое творение. Вперив взор в моргающие лампочки, доктор Голмахер, всегда избегавший личных контактов, крепко сжал мою руку.

Ледяная тишина в Зале стала зловещей. Крохотные огоньки то вспыхивали, то гасли в медленном и неуверенном ритме, словно нащупывали какой-то результат, казавшийся мне совершенно бессмысленным. С наигранной шутливостью я сказал — слишком громко, пожалуй, потому что слова раздавались в пустой комнате, как громыханье жести:

— Что ж, по крайней мере, мы должны быть благодарны ей за то, что она больше не поет колыбельные песни. Я никогда...

— Помолчите, Дихтер, и взгляните сюда.

На этот раз я не мог ошибиться, глядя на узор огоньков: может быть, я догадался и раньше, но подсознательно хотел выиграть время. Но времени уже не было. В мигающем узоре я видел что-то очень простое, даже слишком простое:

Один плюс один = два.
Два плюс два = четыре.
Три плюс три = шесть.

Маленькие суммы появлялись одна за другой еле-еле, как бы прихрамывая, словно ребенок отсчитывал их на детских счетах с шариками. Но ведь Эмми умела составлять «суммы», находящиеся за пределами возможностей любого человеческого мозга! Эмми умела делать все... чему ее обучали.

Широкое лицо доктора Голмахера казалось усталым, сморщенным, глаза были полны печали. Он понял все раньше меня. Маленькие огоньки перешли между тем к таблице умножения. На «семью девять» Эмми запнулась на миг, затем выдала результат «шестьдесят один». Красная лампа слабо загорелась, чуть слышно зазвенел сигнал тревоги. Очень осторожно Эмми поправила произведение на «шестьдесят три» и продолжала считать дальше.

— Я тоже всю жизнь спотыкался на этом месте, — пробормотал старик. Но я не увидел улыбки на его лице. Мы стояли с ним бок о бок возле машины; казалось, мы ощущали необходимость находиться рядом.

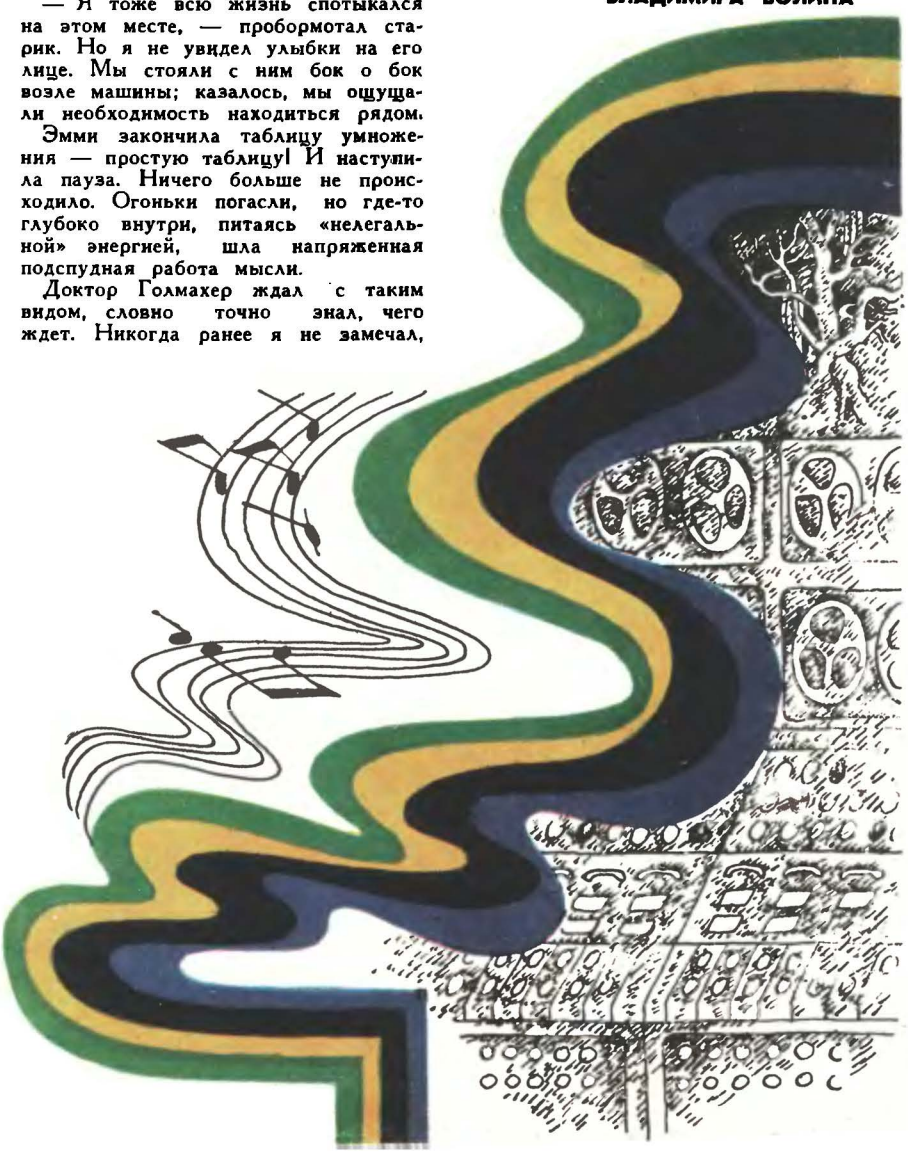
Эмми закончила таблицу умножения — простую таблицу! И наступила пауза. Ничего больше не происходило. Огоньки погасли, но где-то глубоко внутри, питаясь «нелегальной» энергией, шла напряженная подспудная работа мысли.

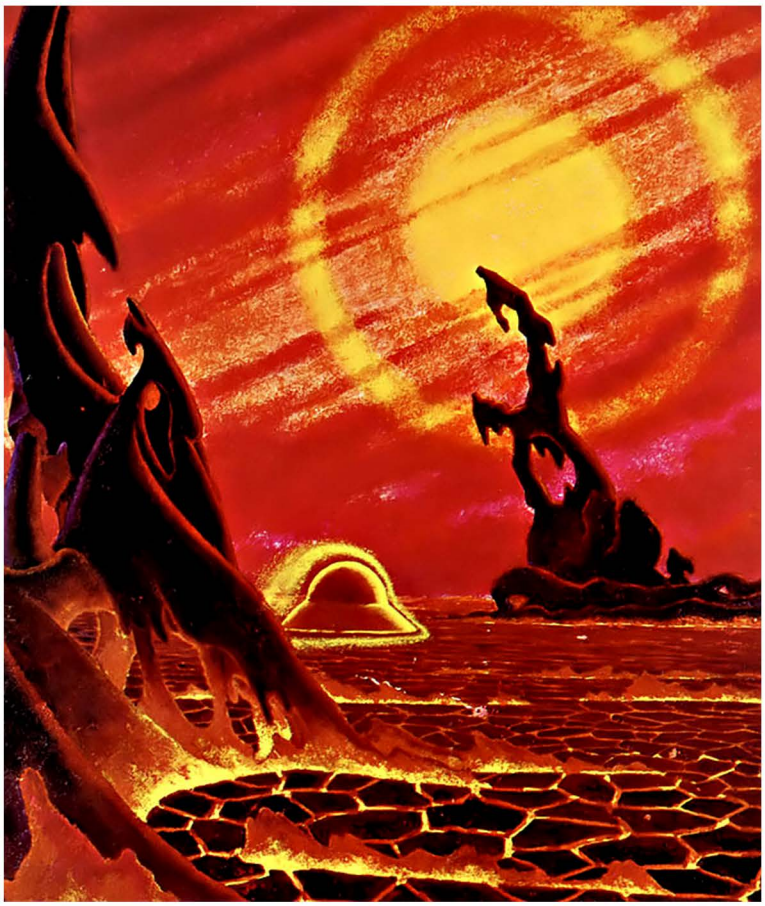
Доктор Голмахер ждал с таким видом, словно точно знал, чего ждет. Никогда ранее я не замечал, как он стар, — прежде это не было видно. Снаружи голые деревья стояли, похожие на железные конструкции, в густом свете заснеженного солнца.

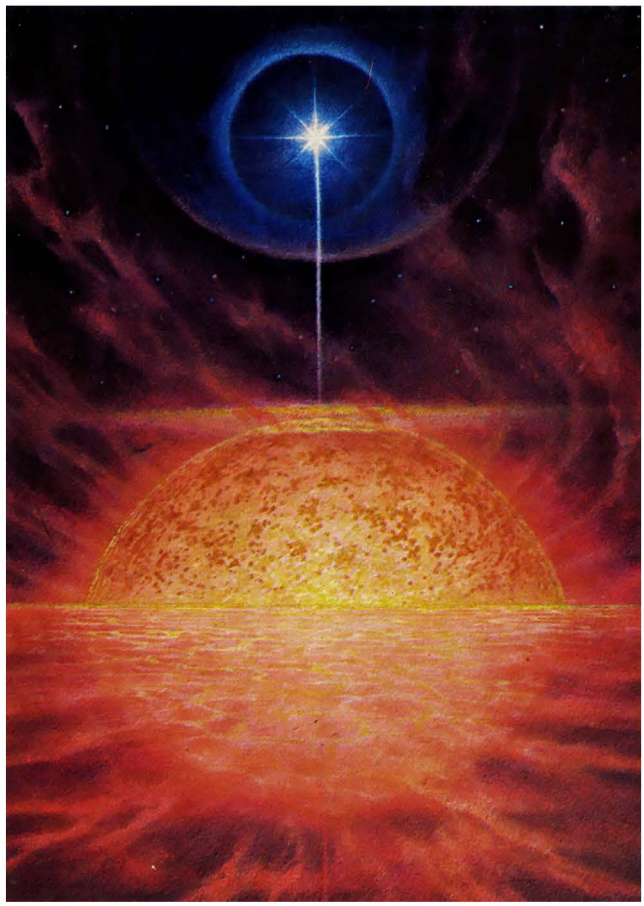
Машина снова зажужжала на высоких, совершенно незнакомых тонах. Ни один из огоньков на панели не горел. Но клавиши пишущей машинки — печатающее устройство находилось как раз возле наших локтей — задрожали, завибрировали. Они подпрыгивали вверх, опускались, снова слегка подскакивали, опускались и снова поднимались, будто прицеливались. Наконец клавиши стали печатать. Слова появлялись медленно, потом быстрее, потом еще быстрее. Белая лента выползла из-под стеклянного футляра и легла на пол, прямо к нашим ногам. Сперва я увидал боль и сострадание в глазах Адама Голмахера. Затем увидел слова на ленте. Снова, и снова, и снова так хорошо знакомыми нам синими буквами Эмми настойчиво спрашивала:

КТО Я? КТО Я? КТО Я? КТО Я?

Перевод с английского
ВЛАДИМИРА ВОЛИНА







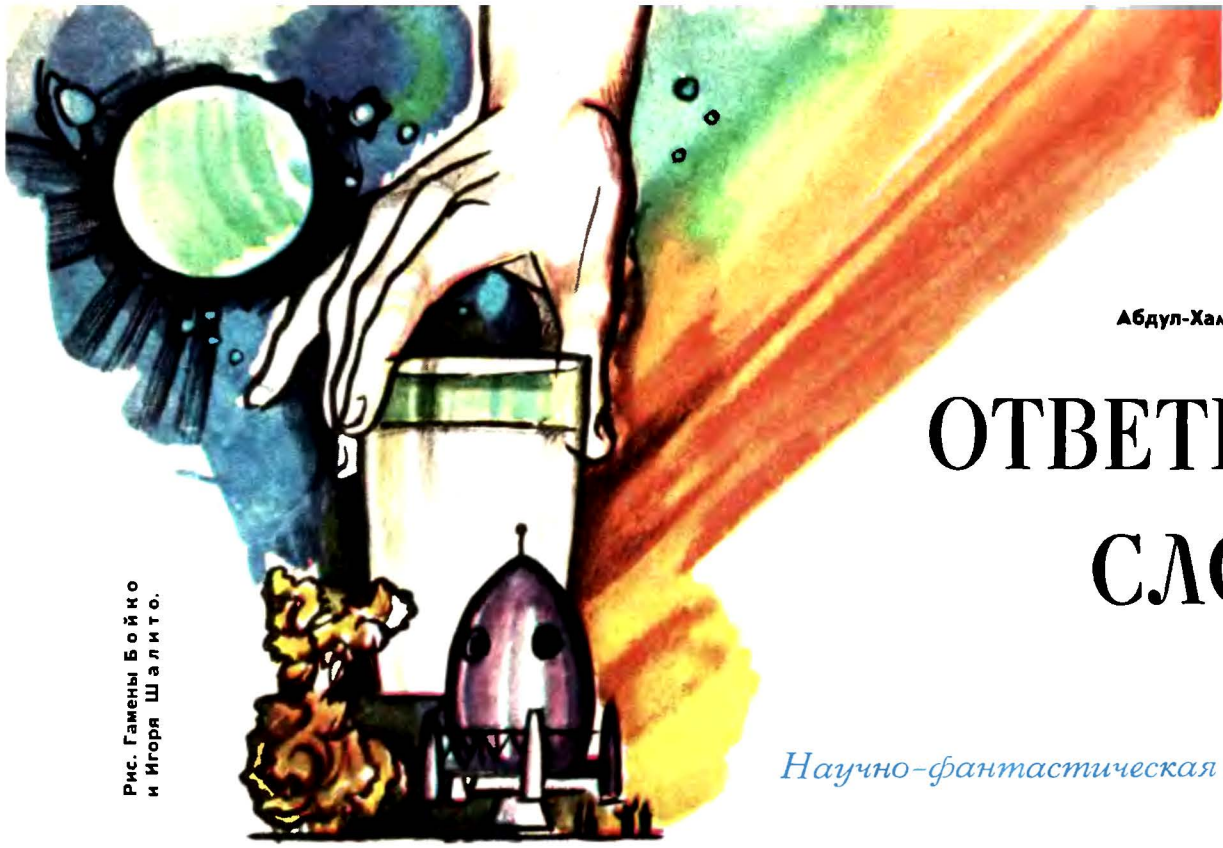


Рис. Гамены Бойко и Игоря Шалито.

Абдул-Хамид МАРХАБАЕВ

ОТВЕТНОЕ СЛОВО

Научно-фантастическая юмореска

Загадки будущего проще и куда доступней тайн прошлых веков. Чтобы разогнуть очередной знак вопроса, выставляемый набегающим завтра, мы сочиняем гипотезы, обкатываем их экспериментально или на компьютерах, обламываем на противоречиях и из руин этих ошеломляюще смелых или, наоборот, пугливых, как серна, предположений, монтируем добротное здание типового караван-сарая теории. В прохладе этого гулкого помещения разгоряченный ум исследователя отдыхает, переваривая стебли вопроса, еще вчера цветущего и волнующего, как ковыльная степь в буйном набеге весны, а ныне — как та же степь, обработанная под английский газон или, напротив, вытоптанная, будто промчались по ней бесчисленные табуны сказочных времен.

Тайны прошлого также облагаются разномастными гипотезами. Их тоже пытаются столкнуть лоб в лоб, разогнав до субсветовых скоростей силой полемических страстей, рушат и обламывают, как ядра незадачливых атомов, силком втянутых в роковое для них чрево синхрофазотронов. Но тут-то чаще всего ничего не рушится и не обламывается. Исторические гипотезы преспокойно выдерживают разгул стихии полемик, подобно древним постройкам, которым баллы землетрясений нипочем. Они, эти исторические гипотезы, выходят из игры нашего всемогущего разума, в своей первозданной угловатости и удручающей несовместимости. Их не пригонишь друг к другу, из них не слепишь прочного здания теории.

Да, в смысле диссертабельности запросы глухой старины никак не могут тягаться с научными загадками, которые мы выдвигаем, мотивируя вопиющими потребностями завтрашнего дня. Приобрести автомобиль, согласитесь, несколько сложнее, чем трамвайный билет. Вот так и тут.

И все же это жесткое правило иногда повергается в прах плодотворными обстоятельствами жизни с такой убедительностью, что остается только благодарить судьбу за подобные обстоятельства, как бы они ни были трагичны в своем начальном явлении. Ярким примером тому может послужить драма, разыгравшаяся во время нашумевшего в свое время приема пришельцев с одного из альфавидных созвездий, когда общеизвестное гостеприимство Земли буквально повисло на волоске и едва не было скомпрометировано в глазах широких масс близких и далеких миров. Вот тут-то один из утраченных секретов ветхой старины, азиатского, нужно заметить, происхождения, и явился, как джинн из бутылки, причем в совершенно материальном воплощении, зафиксированный выверенными формулами органической химии, во всей красе спектра атомного и молекулярного составов. Тем самым пошатнувшаяся на несколько световых часов репутация всех нас, землян, была не только спасена, но стала еще прочней.

* * *

Звездолет шел из самых недр Млечного Пути прямым курсом к Земле. Когда службы Астронадзора получили устойчивое изображение этого посланца неведомых миров, когда была вычислена траектория движения звездолета, специалисты единодушно подивились наивности новоявленных пришельцев. Было ясно, что они твердо намеревались зачалить базовый корабль на околоземную орбиту, а потом на собственном челночном аппарате своим ходом опуститься в лоно Земли.

Дальние братья по разуму, по-видимому, не предполагали, что с этой цивилизацией можно вступить в прямой контакт иным способом и что на этот счет у нас давно сложились твердые установки. Дружеские «контакты напролом» категорически исключались правилами карантинной и других секций Астронадзора. Поэтому экипажу звездолета были посланы встречные сигналы с информацией об этих правилах, и, нужно с удовлетворением отметить, информация эта была не только понята экипажем, но и безоговорочно принята. Одновременно техническими работниками Службы Космической Тяги встречным курсом был запущен перехватчик гостиничного типа, и в намеченной точке делегация пришельцев охотно перебралась на борт перехватчика. Ясно, что микробиологическая чистка и прочие процедуры

Встречного Карантина, требующие длительного времени, были реализованы в самом пути к Земле.

Разумеется, не была обойдена и проблема питания делегированных пришельцев — завтрак, обед и ужин готовились теперь из высококачественных продуктов, синтезированных в лучших лабораториях органической химии Пищепрома, а собственные припасы гостей опечатали, не касаясь их и взглядом, сотрудники Встречного Карантина. Пришельцы заблаговременно вживались в земные условия, учились дышать нашим воздухом, переваривать новую пищу и на подлете к планете были вполне готовы глотнуть живительного ветра океанов, лесов и полей, а также испытать все наше широкое хлебосольство за банкетным конвейером, протянувшимся от горизонта до горизонта в расчете на десятки тысяч персон, званных на праздник встречи пришельцев.

* * *

Таковы в общих чертах обстоятельства, предшествовавшие внезапному развитию тех драматических событий, что не только поставили под сомнение размах нашего хлебосольства, но на какое-то время пошатнули и сам планетарный престиж науки Земли. Впрочем, как подчеркивалось выше, не разыграйся эти события на вселенском банкете, не будь затронута часть разума всей нашей цивилизации, один из волнующих секретов седой старины так и остался бы за семью печатями, трактуемый современниками не иначе, как плод досужего вымысла канувших в Лету акынов, бандуристов и шаманов-конферансье.

* * *

Город Байконур, как известно, окружен непроходимыми джунглями. Дикие первобытные леса, перевитые жилистыми руками лиан, грозят в один прекрасный день поглотить знаменитый научный городок, а орангутанги, шимпанзе, макаки и прочие представители веселого могучего племени человекообразных готовы хоть сейчас занять место высоколобого, задумчивого населения старинного космического центра. Однако стараниями небольшой команды, умело оперирующей силовыми полями, натиск живой природы сдерживается, и пространство радиусом в десять километров, считая от королёвской избушки, сохраняется почти в том виде, в каком оно однажды предстало перед глазами смельчака, дерзнувшего первым из смертных протаранить собственным телом дремотные сферы земного притяжения.

Солоноватый аромат исконной казахской степи причудливо перебивается здесь тяжелыми струями терпкого запаха джунглей, в этом и состоит знаменитая прелесть букета воздуха байконурской кондиции. Однако в день торжественной встречи пришельцев стоял полный штиль, и гостям не довелось вкусить этого изысканного коктейля запахов. Пахло горячей степью, но казалось, что большего им и не надо. Ноздри пришельцев трепетно раздувались.

— Да, да, — говорили они между собой, — вот точно так же пахнет у нас на Альфе! Степью!

Разговор пришельцев был прекрасно понят всеми присутствующими: автоматика перевода работала чисто и синхронно. Действие аппаратуры вполне устроило и пришельцев. Видно было, что они не только прекрасно уяснили смысл речей, произнесенных в их адрес руководителями торжества, но и прочувствовали сам тон искреннего дружелюбия этих обращений, глубокого удивления перед отвагой и упорством пришельцев, не пожалевших времени и сил на столь длительное путешествие.

Внимательно выслушав последнее приветствие, несколько сокращенное ввиду некоторой затянутости предыдущих речей и палящего действия светила, вошедшего в самый зной, пришельцы о чем-то пошептались, и тогда один из них взял в руки председательский микрофон. Сказав всего несколько слов, он отложил его на место.

— Ответное слово, — отчетливо и внушительно начал автопереводчик, — предоставляется э... э... э...

Автомат в эти секунды перебирал тысячи слов и синонимов, чтобы поймать идентичность, и поймать ее не мог.

— В общем, Аксакалу, — прозвучало наконец в динамиках. — Это значит — старейшему, мудрейшему, почтеннейшему, — и еще раз: — В общем, Аксакалу.

— Опять завралась проклятая машина, — раздался довольный голос какого-то беспощадного противника технократов. — Ишь, зашипела.

Когда же Аксакал встал в рост и острым взглядом неторопливо обвел присутствующих, все поняли, что машина не налгала, просто слово ей досталось мудреное. Все увидели, что Аксакал бесконечно стар, бескрайне мудр и, несомненно, почтенен.

— Я прилетел, чтобы сказать вам: «Мир вам, дети мои!» — Величественная простота первых слов Аксакала заворожила обширнейшую аудиторию. Подчиняясь магии этих торжественных слов, все, не сговариваясь, встали, а Аксакал выдержал длинную паузу, будто дожидаясь, когда поднимутся последние. И тут колени старца подогнулись, высохшая фигура запрокинулась назад и рухнула на руки потрясенных пришельцев.

— Солнечный удар! — выкрикнул кто-то в абсолютной и страшной тишине. Но солнечный удар был здесь совершенно ни при чем.

* * *

Погруженный в анабиоз организм Аксакала тихо дремал, пока молчаливые специалисты высвечивали его волнами всевозможных наименований. Поскольку остальные пришельцы тоже выказали склонность к обморокам и головокружениям, их также усыпили всех до одного и тоже осторожно высвечивали. Пока что было совершенно ясно, что ни условия акклиматизации, ни поле тяготения Земли, ни магнитные поля и другие факторы того же порядка не повлияли на состояние пришельцев. Экспресс-анализ между тем показал явную недостаточность в крови и клеточной ткани пострадавших следующих химических элементов: кальциевой соли, тиамина, рибофлавина, окиси никотина, биотина, окиси аскорбина. В недостаче оказались и микроэлементы меди, кобальта, марганца, цинка, брома, йода, мышьяка, кремния, бора, ванадия, титана... И наибольшие убытки всего этого добра понес, увы, организм старейшего из старейших, Аксакала.

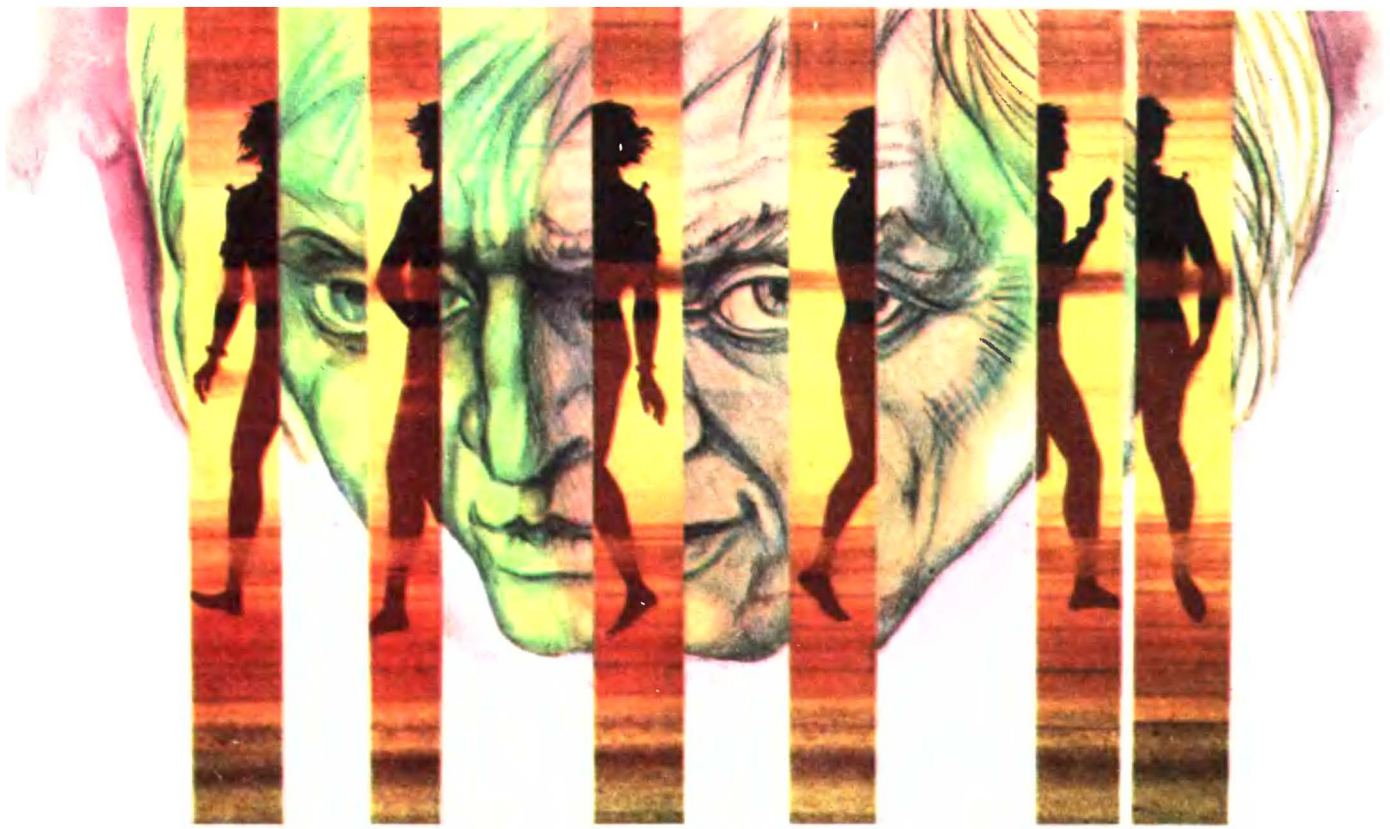
Честь Земли требовала возвращения утраченных в результате контакта с нами элементов их законным, временно усыпленным владельцам. Лучшие умы планеты были накоротко подключены друг к другу, чтобы экстренно разрешить эту незадачу, и научные организации, подчиненные этим умам, были запараллелены через умы шефов. Наутро ответ был таков — восстановить химические соединения и микроэлементы в прежнем качестве и количестве поможет инъекция некоего снадобья следующего состава: от 91,8 до 95,6% воды, 2% белка, от 1,8 до 2,1% жира, от 1,1 до 3% углеводов, от 0,1 до 0,8% двуокиси углерода, от 0,6 до 1,1% молочной кислоты, от 0,5 до 2,5% спирта.

К вечеру подозрительное снадобье, название которого никто не знал, было готово. Румяные медицинские сестры быстро готовили шприцы, чтобы делать инъекцию внутримышечно. Ждали еще какого-то сообщения от второго врача пришельцев, оставшегося на базовом корабле. И тут с грохотом распахнулись двери операционной. В дверях, шатаясь от усталости, с блуждающими глазами собственной персоной стоял этот самый второй врач, его сразу опознали по фотографиям. Его руки сжимали большую бутыль, в которой пенилась белая жидкость. Он взволнованно и сбивчиво говорил, а автомат сухо и бесстрастно правил текст:

— Инъекцию отменить! Полагается пить. Как воду. Вам удалось синтезировать то, что я принес с собой, — кумыс, эликсир жизни. Но добываем мы его совсем по-другому. Подробности позже.

Перевод с казахского В. Григорьева

Техника — молодежи 4 1977



ВЛАДИМИР РЫБИН

ЗДРАВСТВУЙ, ГАЛАКТИКА!

Наконец-то тишина. Ни дозвездных вихрей, ни дикой вибрации, от которой немели даже роботы, ни исступленных воплей двойников. Тишина. Хочется закрыть глаза и забыться, утонуть в мягкой колыбели электросна. Пожалуй, я так и сделаю через четыре часа, когда блоки памяти скопируют сумятицу моих мыслей и воспоминаний, а главный электронный мозг проверит все системы корабля, проанализирует случившееся за время последнего, памятного витка. И доложит, что все в порядке. Я разбужу товарищей. Через четыре часа.

С чего это началось? Мне было бы проще анализировать с конца. Но так уж мы запрограммированы — нам подавай сначала. А начал этих в любом деле — хоть пруд пруди. Даже если заранее договариваться о том, что считать началом, так сказать, стабилизовать свое положение в пространстве-времени. А если перевернуться? Тогда конец будет началом, а начало концом. И классические причинно-следственные связи запутаются окончательно. Как зеленоглазая Ариа в своих по-женски нелогичных поэтических вымыслах.

— ...Петро, хочешь добраться до тайны тайн?

Так сказал мне Иван Поспелов, первый заводила нашего детского «виггвама», умудрившийся каким-то образом стать первым астрофизиком Земли. Сказал, как и в детстве, на всякий случай посмеиваясь. Хоть точно знал: в наше время на манящий свет тайны, закрыв глаза, кинется каждый человек. Чем еще и жить человеку, как не борьбой с неведомым. Трудней борьба — значимей и победа...

С того простенького вопросика и начались мои мытарства. Хотя, если разобраться, были и другие причины. У одной из них есть имя — Ариа.

Первый раз я увидел ее в Лунном городке. На смотровой площадке — прозрачной полусфере, повисшей над пропастью. В тот раз Ариа стояла посредине площадки и читала стихи своих предков:

— «Тишина и звук связаны крепче узла, звуки, отточенные тишиной, по заросшим тропам скользят, и брезжит восход для тех, кто придет, и для тех, кто уйдет...»

От стихов веяло древней мистикой, а сама Ариа, какая-то вся контрастная, ярко освещенная солнцем, была как призрачный световой блик на бархатном фоне неба.

Не отдавая себе отчета, я пошел к ней через всю площадку по матово поблескивавшему полу. Увидел, что она мулатка, что плечи у нее мягкие и округлые, а глаза зеленые, как у кошки.

«Все, — сказал я себе, — никуда не полечу, у меня и на Земле тайн хватит».

— Вы тоже летите к центру? Вместе с нами? — спросила она так, словно мы были сто лет знакомы.

— Вместе с вами? — воскликнул я. — Конечно!..

...Мы летели недолго. Только в самом начале, когда добирались до нулевой зоны, расположенной в ста астрономических единицах. Там мы вошли в подпространство и выскочили из него почти в расчетной точке — на периферии звездного сгустка центральной части Галактики. Отсюда по-настоящему и начиналась наша экспедиция. Предстояло вонзиться в звездную кашу и сделать только один виток, подобно комете обогнув центр Галактики. Прежде управляемые роботами корабли уже дважды проделывали этот путь, и он считался вполне безопасным. Но человек есть человек, ему мало голой информации, ему подавай впечатления. К тому же

оставались загадкой неизменные странные провалы памяти у корабельных роботов. Словно там, в центре Галактики, кто-то на время выключал их.

Мы знали, что центральная часть Галактики не безголоса, как ее периферия, и включили все имевшиеся у нас защитные поля. Но отгородиться не смогли: звук возникал словно бы внутри каждого из нас. Это был даже не звук, а сложная вибрация. Я назвал бы это «вибрацией души», похожей на обычную нервозность, если бы она не вымотала нас в первую же неделю полета, доведя до истерики, почти до сумасшествия.

И тогда мы собрались на совет. Все шестеро — Сергей, Анджей, Хосе, Лю, Ариа — единственная женщина на нашем корабле. И я, разумеется, ваш покорный слуга. Человек, на долю которого выпало главное испытание. Так, по крайней мере, я считал еще недавно. Сейчас, когда все позади, этой уверенности у меня нет. Сейчас я даже подумываю: уж не повезло ли мне, что пришлось пройти через все это? В чем еще суть жизни, как не в испытаниях, в преодолении трудностей?

Целых два часа мы сидели в рубке друг против друга, спорили, угрюмо посматривали на стоявший в стороне от главного пульта яркий красно-желтый блок управления подпространством. Достаточно было прорвать розоватый пластик, прикрывавший головку переключателя, и мы разом нырнули бы в немой вакуум нашего околосолнечного пространства. Правда, для этого требовалось кое-что подготовить, чтобы ненароком совсем не выскочить из своей Галактики. Но это недолго сделать.

— Что, если погрузиться в сон? — сказала Ариа.

— Для вас это наилучший выход, — послышался с пульта спокойный, чуть дребезжащий голос. — Я смогу самостоятельно выполнить программу экспедиции.

За спором мы как-то забыли о седьмом участнике дискуссии — электронном мозге. На сухом языке инструкций он именовался — ГРУК — Главный робот управления кораблем. Но мы называли его по-свойски — «Другом».

— Зачем тогда мы полетели? — сказал Анджей. — Спать можно было и на Земле.

— Вы не выдержите нервных перегрузок, — возразил «Друг».

— Это что, предположение? — осторожно спросил Хосе.

— Нет, не предположение... — «Друг» помигал рубиновыми глазищами и сердито погудел динамиками.

— А что, мальчики, — засмеялась Ариа, и все с удивлением посмотрели на нее: в такой момент смеяться? — если нам по очереди бодрствовать? Скажем, по двое?

Тут она посмотрела на меня, и я, как школьник, поднял руку.

— Согласен первым. Выдержу.

Но «Друг» оказался плохим другом. Покашляв динамиками, он объявил, что оптимальный вариант — бодрствование по одному. И добавил, словно бы мне в утешение, что он сообщит, когда бодрствующий одиночка станет «терять голову», и разбудит того, чье нервное состояние будет ближе к норме.

...Дежурство я начал с неведомо кем заведенной древней традиции — с осмотра корабля. Можно было сделать это, не вылезая из удобного кресла дежурного: роботы доложили бы о малейшем несоответствии норме и показали бы все, что надо. Но я пошел сам, сопровождаемый тихим, вкрадчивым шелестом шагов моей «няньки», так все мы называли своих персональных роботов, официально именуемых неясным словом «сопровождающие» и приставленных к нам на веки вечные. На Земле «нянек» ни у кого из нас не было, там пользоваться их услугами считается недостойным человека. Но для космонавтов, уходящих в запространственные дали, они обязательны, и суровый Устав корабля предписывает не делать ни одного шага без сопровождения «няньки» — полумашины — полуживого существа, знающего, помнящего и умеющего все на свете.

Обычно космонавты быстро привыкали к своим сопровождающим и, возвратившись на Землю, тосковали по ним, как некогда люди тосковали по собакам, о которых я много читал еще в школе. Но пока что меня вечное присутствие «няньки» раздражало. Бросишь на стол видеокнигу — что книге сделается, на ней хоть танцуй, — «нянька» посмотрит с укоризной, поднимет книгу и поставит в нишу на полке. Скинешь ботинки, чтобы хоть пошевелить пальцами, почувствовать прохладу пластика, «нянька» тут же напомнит, что надо встать на электроковрик. Ну и всякое такое. Я знал, что скоро привыкну к ее педантичным заботам о моем здоровье, гигиене моей психики, о моих знаниях и умениях, знал, что скоро просто не смогу обходиться без нее, но сейчас, в самом начале долгого пути через неведомое, я по-мальчишески посмеивался над ее педантизмом и про себя называл Занудой. Но поскольку слово «Зануда» коробило даже меня, то я сократил его до «Зины» и таким образом удовлетворил себя и понимающего «Друга», поскольку — опять же по неведомо кем заведенной традиции — космонавты называли своих «нянек» человеческими именами: мужчины — женскими, женщины — мужскими.

Итак, мы с «Зиной» шли по длинному главному коридору, по кругу, обегавшему весь корабль. Справа тянулся бесконечный ряд овальных иллюминаторов, слева были двери, в которых тоже имелись иллюминаторы, и — овальные же — проходы к центру корабля, где было все: оранжерея и энергетические камеры, бассейн с отличным пляжем и защищенная тройным силовым полем святая святых — рубка управления, место дежурного по кораблю, обиталище «Друга».

Справа за иллюминаторами дышал, пульсировал Космос. Здесь он был не бархатисто-черным, как у Земли, а светился бесчисленными звездами — белыми, голубыми, желтыми, красными.

Когда мне надоело глядеть на звездные сгустки, я пошел к камерам сна и остановился возле двери, за которой спала Ариа. Она полулежала в глубоком кресле, откинув голову, и казалась вовсе не спящей, а просто отдыхающей, только на одну минуту закрывшей глаза.

Я долго глядел на нее, а потом взял и постучал в стеклянную дверь. «Нянька», неотлучно дежурившая возле нее, сердито заморгала глазищами-индикаторами, подошла к двери и опустила светонепроницаемый экран. Это было хуже всякого наказания, поскольку обрекало меня на полное одиночество. Я знал, что «нянька» поднимет экран, как только уйду, но все же нажал подбородком на клавишу связи, прицепленную к вороту, и пожаловался «Другу».

— Всякий раз, как вы подходите к двери, у спящей наблюдаются изменения психофизиологического состояния, — терпеливо разъяснил «Друг».

— А ну проанализируй вот это, — сказал я, чтобы отвлечься.

И принялся читать ему одно из древних стихотворений, которое когда-то слышал от Арии:

— «Улыбка твоя Млечным Путем мой небосклон рассекла. Золотистые пчелы на щеках твоих смуглых жужжат, словно звезды...»

«Друг» молчал. В наушниках хорошо было слышно, как он напряженно гудит.

— Смотри не сгори от натуги! —

засмеялся я и пошел по коридору, погоняемый совсем измучившей меня нервной дрожью.

В иллюминаторах все так же горели звезды, большие и малые, близкие и далекие, словно неведомые чудовища шевелили длинными щупальцами протуберанцев. Я подумал: какая, должно быть, жара в этой топке Галактики, — и с ужасом представил, что будет, если хоть на миг ослабнут наши защитные экраны. И, подумав так, свернул по первому же коридору туда, где не мельтешила в глазах мозаика звездных огней. Теперь я знал, куда направлялся, — в баню. Я разделся, с удовольствием похлопал себя по голому животу, шагнул в душевую и повернул рычаг. Дверь мягко захлопнулась. Сразу же сверху, и с боков, и снизу метнулись легкие прохладные струи воды. Они становились все более упругими, гладили, мяли тело со всех сторон.

И кто только придумал это чудо — душ?! Сколько наизобретено разных способов мытья, — и воздухом, и электричеством, и с помощью ультразвуковых щупалец, приятно расслабляющих, снимающих усталость, — сочетающих, так сказать, приятное с полезным. А обыкновенный, первобытный горячий или холодный душ все же незаменим. Он и снимает усталость, и бодрит, и успокаивает, и радует...

Закрыв глаза, поскольку пользоваться в душе очками не в моих правилах, я приседал и подпрыгивал, крутился и как бы плыл на упругих струях, распластав руки. Потом закрыл ногой клапан, наполнил душевую водой по самое горлышко и барахтался как хотел в пенных водоворотах, в волнах воздушно-водяной смеси.

И вдруг почувствовал — именно почувствовал, поскольку не мог открыть глаз, — что на меня смотрят. В первый момент я не обратил на это ощущение никакого внимания: то ли еще может почудиться, когда все один да один. Если, конечно, не считать роботов. Потом все же ухитрился взглянуть, заслонив глаза руками, и показалось мне, будто в раздевалке кто-то стоит. Но и тогда не взволновался. Может, это мой костюм висит на вешалке? Однако поднял руку, нащупал над головой подвижную пластину переключателя. Сразу услышал, почувствовал низкий вой Космоса и понял, что гнало меня сюда, в душевую. Успокаивающим массажем, шумом воды хотелось заглушить этот вой, отдохнуть от него.

Осторожно, словно опасаясь чего, я открыл один глаз и за водяными потеками на стекле ясно увидел человека. Он стоял в раскрытых дверях и с удивлением, даже со страхом, смотрел на меня. Да, да, я мог поручиться, что незнакомец чего-то боялся. Впрочем, незнакомцем я бы его не назвал: у меня было ощущение, что мы где-то встречались, и совсем не на заре туманной юности. И в то же время я был совершенно уверен, что это не Анджей, и не Сергей, и не Лю, и не Хосе. И конечно, не Ариа. Ее близость я бы ощутил не хуже, чем эту дикую вибрационно-шумовую нервотрепку.

«Может, космический заяц? — мелькнула мысль. — Но чего он до сих пор не объявлялся?»

Я откинул верхнюю часть иллюминатора и взглянул на человека.

— Чего уставился? — сказал ему, стараясь оставаться спокойным. — Выйди, дай одеться.

— М-да, — сказал он знакомым голосом.

Незнакомец завозился за дверью.

— Кажется, понял, — сказал он. — Слушай, ущипни себя.

— Пожалуйста.

— Ты ущипнул себя за левое ухо?

— Допустим.

— Тогда все ясно, ты — это я.

— Не морочь мне голову...

— Да, да, ты — это я, только ты как бы вчерашний.

— Сам ты вчерашний.

— Да посмотрись же в зеркало.

Я послушался, повернулся к зеркальной стеновой панели и увидел самого себя, как две капли воды похожего на того, что стоял в дверях. Только у того были совершенно сухие, хоть и встрепанные, волосы.

— Что это значит?

— Пока не знаю.

И словно все происходило в обычной обстановке, мы повернулись спиной друг к другу, и я пошел направо по коридору. Коридор был длинный и узкий, с матово поблескивающим шершавым ковриком посередине. Справа и слева тянулись овальные закрытые двери с темными панелями сбоку. Обычно при обходе я трогал эти панели, двери отъезжали в сторону, и за ними вспыхивали зеленые глаза дежурных роботов, означающие, что в отсеках все в порядке.

Возле отсеков для отдыха было сумрачно: слабый свет падал в коридор только через прозрачные двери. Я спешил, не глядя вперед. А когда поднял голову, то остановился как вкопанный: возле двери, к которой меня так тянуло, стоял тот тип, мой двойник, заглядывал внутрь с подозрительным вниманием. Это встревожило: значит, он не пошел налево, а зачем-то направился сюда, к отсекам сна? Что ему тут надо?

— Эй! — крикнул я, выхватив увесистый преобразователь поля.

Он вздрогнул и вдруг ловко отскочил в сторону, кинулся за угол. И дробный, частый топот его башмаков, хорошо слышный даже за гулом переборок, быстро затих в глубине коридора.

Я внимательно осмотрел отсеки. Все было как обычно, только Ариа вроде чуточку повернулась во сне и в ее лице появилось что-то насмешливое.

И вдруг я увидел совсем уж непонятное: мой преследователь, мой двойник вернулся и преспокойно прошествовал по коридору мимо меня.

— Послушайте! — крикнул я. — Давайте все-таки поговорим!

Гулкое эхо поскакало по коридору, словно закричали сразу несколько человек. Но мой двойник даже не оглянулся.

— Постойте!

Я пошел быстрее, потом побежал, но и тот, впереди, тоже побежал и расстояние между нами нисколько не сокращалось.

— Стой! — Я стянул с головы шлем и запустил им в убегавшего. И в тот же миг почувствовал, как что-то мягкое ударило мне в спину. Обернулся, увидел на полу мой собственный шлем. Не там, куда я его бросил, а тут же, рядом.

Вдруг я услышал шум воды. И понял, что, обежав коридорами, вернулся к душевой, где недавно, свободный от каких-либо миражей, нежился в блаженном одиночестве в упругих струях водного массажа. Но я хорошо помнил, что выключил воду, и, полный нового беспокойства, толкнул дверь в душевую. И, пораженный, остановился на пороге: за прозрачной дверью герметической капсулы в пузырящемся воздушно-водяном коктейле плавал голый человек. Он открыл глаза, с невероятным удивлением посмотрел на меня и выключил воду.

— Чего уставился?! — сказал он таким тоном, словно мы с ним были давними приятелями. — Выйди, дай одеться.

— М-да! — поразился я. — Кажется, понял. Слушай, ущипни себя.

— Пожалуйста, — удивленно сказал он.

— Ты ущипнул себя за левое ухо?

— Допустим.

— Тогда все ясно. Ты — это я, только ты как бы вчерашний.

— Сам ты вчерашний!

— Посмотрись же в зеркало, — сказал я, выходя из-за косяка.

Он и в самом деле посмотрелся и повернулся ко мне с выражением крайнего удивления на лице.

— Что это значит?

— Пока не знаю.

Теперь я кое-что понимал. как видно, звезды каким-то образом замкнули в кольцо цепь событий. Теперь, пока этот тип будет ходить по коридорам да бегать за своим двойником, надо побыстрей добраться до рубки...

«Как это — бегать?» — поймал я себя на неожиданной мысли. Значит, их будет уже два — двойника? А потом? Сколько же их всего? Что они будут делать?..»

Я чувствовал, что вот-вот запутаюсь окончательно и вовсе потеряю способность последовательно мыслить.

А без этой способности человек — не человек. В этом и заключается то, что называется рассудком, — в причинно-следственных связях.

Как за спасительную ниточку, я ухватился за воспоминания, в которых все было просто и ясно. Но вспомнились стихи: «Тяжелый гул уши заложил и встал стеной... В закатный час в кроваво-красной мгле стоит стена, как черная химера...» Стихи еще больше запутали меня. В обычном мире логических взаимосвязей путаница стихотворных образов как-то успокаивала воображение. Теперь, когда мозг жаждал ясности, такие стихи отнимали последние силы.

...Коридор раздвинулся, образовав просторную залу перед входом в рубку. Я подбежал к прозрачной стеклянно-пластиковой двери, толкнул панель, темневшую справа. Но дверь не открылась. И только тут я заметил, что двойник уже в рубке. Он пятился в угол к малиново-желтому пульту управления подпространством.

— Не подходи к пульту! — закричал я и забарабанил в дверь. И повернулся к своему роботу. — Ломай!

— Наносить повреждения кораблю не разрешается, — спокойно ответила моя «Зина».

— Ну хорошо. — Я решил переменить тактику. — Ты можешь войти в рубку?

— Конечно, — сказала «Зина». И пошла к двери. И дверь, как это всегда раньше бывало, раздвинулась перед ней.

Я не стал испытывать судьбу, кинулся следом. К моему удивлению, в рубке никого не было, только «Зина».

Кресло послушно прогнулось, улавливая форму моего тела, и я сразу понял, чего мне теперь больше всего хочется, — отдыха, глубокого сна. Чтобы ничего не видеть и не слышать. Но ведь именно в том и состояла цель экспедиции, чтобы все увидеть и услышать.

— «Друг», — позвал я, — что все это значит?

— Это для вас наилучший выход, — ответил знакомый хрипловатый, чуть дребезжащий голос.

— Не понимаю.

— Я смогу самостоятельно выполнить программу экспедиции...

— «Дружище!» — испугался я. — Что с тобой? Почему ты повторяешься, как старинный магнитофон?

В дверь забарабанили. Оглянувшись, я увидел двойника, приплюснувшего нос к самому стеклу. Он размахивал преобразователем, и, хоть я точно знал, что против двери рубки он бессилен, все же вскочил, попятился в угол. И подумал: если я проник через дверь, то и он может проникнуть. С помощью двойника-робота. Я наткнулся на кресло, стоявшее возле пульта управления подпространством, упал в него, положил руку на розовый пульсирующий пластик, прикрывающий головку пускового устройства, и подумал, что если двойник ворвется в рубку, то переведу корабль в подпространство и проверю, кто есть кто...

Потом у дверей появился второй двойник, третий, четвертый...

Они бегали, толкаясь и словно не замечая друг друга, кричали что-то.

А потом они стали исчезать. По одному. Но едва опустел зал перед входом в рубку, как в нем появилась... Ариа. Медлительная после сна, она остановилась перед дверью, томно провела рукой по глазам, словно хотела стереть какую-то невидимую завесу...

Лже-Ариа? Этого только недоставало... А может, она настоящая, проснувшаяся?.. Вдруг я увидел: откуда-то появился двойник, медленно подошел к ней, и она, вздохнув, положила голову ему на плечо.

И тут, не выдержав, я грохнул кулаком по розовому пластику.

Очнулся в полной тишине. Экраны внешнего обзора чернели космической пустотой. Перекрестие на штурманском экране указывало, что мы на какой-то периферии Галактики. Это была удача: в пределах своей звездной системы мы могли скакать в пространстве сколько угодно.

— «Друг», — спросил я, — что это было?

— Параллакс времени и пространства, — как ни в чем не бывало ответил знакомый голос.

Параллакс... Я, кажется, и сам начинал понимать, что к чему. Это не параллакс, не просто угловое смещение, а целое кольцо пространства-времени. Живя в мире, где все имеет начало и конец, мы невольно отсекаем себя от безвременности, ставим ее за грань разумного. А ведь все в мире материально. Беспространственность и безвременность — это ведь не что иное, как вечность и бесконечность. Дети определенных природных условий, существующих на нашей периферии Галактики, мы невольно фетишизируем эти условия, принимая привычное за абсолютное. И даже роботов своих наделяем нашими слабостями. Сделать иначе значило бы освободить их от нашей власти над ними...

А здесь — в центральной части Галактики — другие время и пространство. Гравитационные или иные аномалии тому виной, только здесь все свито в спирали — может, и в клубки. Путешествовать по кольцам времени?..

А может, кольца пространства-времени не аномалия, а закономерность и для нашей Солнечной системы? Просто у периферийной звезды долог путь по кольцу и с точки зрения человеческой жизни бесконечен. Бесконечен на окраине Галактики, но не в ее центре.

Я многое понял в этот миг просветления, не понял только одного: почему кольца пространства-времени лишь у людей сталкивают прошлое с настоящим, настоящее с будущим? Почему не повторяются оботы? Ведь я так и не видел двойника моей «Зины».

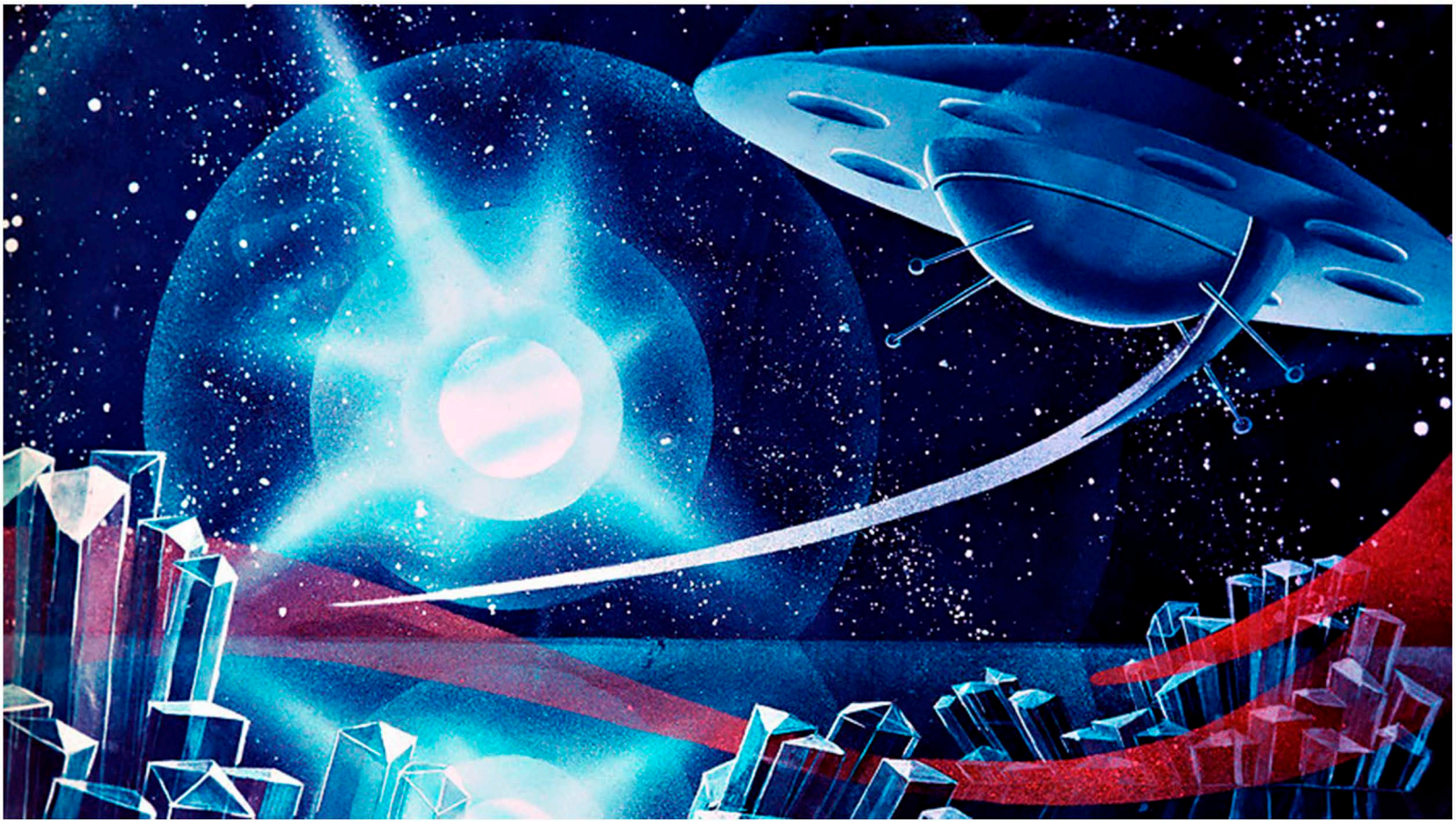
На пульте один за другим вспыхивали зеленые огоньки: роботы, обслуживающие отсеки, докладывали, что переход через подпространство прошел нормально. Ненормальной была только моя изнуряюще-тяжелая усталость. Впрочем, и ей было объяснение: прыгать через тысячи парсеков, даже не надев шлема, не приняв никаких мер личной предосторожности, — такое даром не проходило.

Я откинулся на мягкий подголовник кресла, включил запись памяти и стал вспоминать все, что было со мной за время одиночного дежурства. Мне надо было просидеть четыре часа. Всего четыре часа!

А потом я почему-то поднял голову. И увидел Ариу. Она остановилась перед дверью, томно провела рукой по глазам, словно стирая какую-то невидимую завесу.

Я вскочил. Арна подошла ко мне, вздохнула и положила голову мне на плечо, словно устала от бесконечно долгой разлуки.

Рис. Галины Бойко и Игоря Шалито



ЗНАКОМЫЙ СОЛДАТ

Фантастический рассказ

БАНГУОЛИС БАЛАШЯВИЧЮС

Недалеко от Плишкяй, чуть выше устья безымянного ручья, по правому берегу Немана тянется болото. С других трех сторон его опоясывает лес, глухой сырой ельник: земля здесь жирная, но грунтовые воды стоят у самой поверхности. А на самом болоте растут корявые чахлые сосенки. Они и умирают недорослями; подгнившие стволы падают на белесый торфяной мох, пропитываются водой и вскоре истлевают; так в болоте напластовывается торф. Сейчас этот пласт уже толст, окон в трясине осталось немного, и ступать по болоту можно без опаски. Здесь находят пристанище звери, а вот местные жители почти не заглядывают на болото, хотя клюквы на нем видимо-невидимо.

Болото пользуется дурной славой. Полно в нем неразорвавшихся снарядов и бомб, оставшихся в трясине с войны. Когда в тот засушливый год загорелся торфяник, взрывы два месяца сотрясали окрестности. Не нашлось смельчаков, которые бы сунулись на болото, и пожар в конце концов погас сам собой. Но и сейчас люди обходят болото — ведь неизвестно, какие еще в нем таятся опасности.

На южной стороне болота есть островок — песчаный пригорок на самом его краю, который местные жители называют Кочкой. От тропы, петляющей по берегу Немана, отделяет его метров двести трясины. Если здесь взобраться на сосенку, можно окинуть взглядом все болото. Все в голубых клочках открытой воды и зеленых купах хилых сосенок, простирается оно без конца и края — не отличишь, где же вдали кончается топь и начинается твердь, сухой лес или небо. А на юге, рукой подать, спокойно несет свои воды Неман, скрытый за зарослями ивняка, а чуть поодаль, ниже по течению, торчит из этих кустов искореженный металлический остов. Там когда-то был мост; его взорвали еще в сорок первом, а потом не восстановили — шоссе прошло стороной.

В тот день на болоте оказались шестеро: Вилюс Арвидас, лесничий, и Ричардас Станюлис, журналист, — оба с женами и сыновьями. Попали они сюда по воле случая. Приехали отдохнуть в Палангу, поселились по соседству и подружились. Скверная погода — дождь лил каждый день с утра до вечера — помогла им сойтись, и вскоре соседи помогали друг другу коротать скучные дни запоздалого отпуска. С курорта они решили уехать. Ричардас Станюлис предложил по дороге домой насобирать клюквы. Он знал славное для этого местечко по рассказам...

Утром ненастное небо снова обещало дождь. Однако к концу дня ветер разогнал тучи, оголив по-осеннему тусклое небо, и лишь на западе еще алели прозрачные перья, сплетенные в кудрявые, взъерошенные по краям гирлянды. Они висели неподвижно. А может, так только казалось — облака были очень уж далеко, наверно, над морем.

Голубые тени, отбрасываемые негустыми кронами сосенок, все удлинялись, наконец слились воедино, рваным покрывалом застлав порыжевшие кочки. Клюквины прятались в пропитанном водой мху и казались бурыми, как болотная вода. А извлеченные на свет, алели, словно капли крови. В ведре ягоды снова пригасали.

Клюквой была густо усыпана каждая кочка. Мужчин охватил неуемный азарт, возникающий в такие минуты, когда времени в обрез, а работы

еще непочатый край, и ты спешишь, зная, что все равно не успеешь...

А маленькие сыновья не столько собирали ягоды, сколько прыгали наперегонки с кочки на кочку. Одно горе с ними — оба уже успели промокнуть до пояса; правда, не зябли, только раскраснелись от беготни на чистом воздухе. Отцы все унимали их, стращая змеями, для которых здесь на самом деле было слишком мокрое место. Хорошо, что дети скоро устали.

* * *

Сейчас мужчины собирали клюкву у самого островка. А на нем остались женщины — готовили ужин. Горел костер, шипел пропитанный водой хворост, хотя на первый взгляд эти сучья казались совершенно сухими. Странное дело — трава на острове, несмотря на дожди, так и не ожила после летней засухи, рыжела высохшими пучками.

В ожидании мужчин, забывших все на свете, кроме ягод, женщины успели сделать бутерброды и вскипятить чай. Вместо стола хозяйки расстелили на земле газеты, пришпилив их по углам сучками, а скамьи заменял прикрытый надерганной травой валежник.

Наконец-то вернулись мужчины. Поставили ведра, до краев заполненные клюквой, поручили детей опеке мамаш и уселись отдохнуть.

В тишине раздавалось лишь потрескивание огня. А со всех сторон обступали их сосны, багровые в свете костра и закатного солнца. Ветер играл отшелушившимися пластинками коры на стволах; они уютно блестели в этом вечернем освещении.

Над болотом поднялся густой белесый туман. Исподволь, закрывая до половины сосенки, полз он к реке, а от Немана уже надвигался другой вал. Туман колыхался, и казалось, что деревья медленно уплывают в речную долину, покачиваясь на полупрозрачных волнах.

Вилюс Арвидас глядел на стелющийся туман, на ярко пылающие облака, опустившиеся до самой земли, и думал, что он тысячи раз видел закат в лесу, в поле и обязательно в эти минуты любовался им; любовался, когда никого рядом не было, ни души, когда кругом царила тишина... Как прекрасна первозданная природа!.. А вот с Ричардасом не поделишься этим чувством, даже не скажешь «Какая красота!», потому что журналист приведет к случаю изречение какой-нибудь знаменитости, и вся красота сразу померкнет. Почувствуешь, что не умеешь так точно (и изящно) выразить свое чувство, рассердишься, и даже пройдет охота любоваться...

А Ричардас Станюлис, кажется, догадывался, о чем задумался Вилюс. Посматривал на него с усмешкой. Немного деланной, правда; Вилюс подметил эту иронию уже в первый день их знакомства. Вот и сейчас Ричардас с привычной насмешливостью предложил:

— Ладно уж, поделись воспоминаниями, как в детстве на болоте клюкву собирал!..

Вилюс вытянул уходившиеся за день ноги.

— Могу придумать, если нужно для твоего очерка. Хотя, по правде, не собирал клюквы, вокруг нас были сосняки. Песок. А всей воды — мелкий ручеек, больше смахивающий на канаву. Я даже плавать толком не научился.

— Тогда поделись, как по грибы ходил. Подосиновики, подберезовики, лисички и всякие там маслята... Почему молчишь? Обстановка-то ведь подходящая: вечер тихий, даже комары не кусают, — не унимался Ричардас.

— Не хочется. Прошлое... Ты больше мог бы рассказать всякого, ведь ездил много.

— Ничего путного не могу придумать.

— А зачем придумывать? Ты ведь журналист... — бесстрастным голосом сказал Вилюс.

Ричардас только плечами пожал.

А Вилюс усмехнулся. До сих пор Ричардас мало говорил о своей работе. Разумеется, много ли интересного видит журналист, пишущий о сельском хозяйстве? Во всех статьях одно и то же: больше молока, мяса, зерна; сев, уборка, кормление, дойка; позор разгильдяям и расхитителям... Слушателя этим не разволнуешь, Вилюс так и сказал Ричардасу, когда разговор зашел об этом.

— А эти развалины могли бы и убрать, — сказал Вилюс, решив сменить тему. — Хоть они и оживляют пейзаж, напоминают о былом.

— Ты о мосте?.. История простая: взорвали наши во время отступления.

— Оказывается, и ты кое-что знаешь!.. — удивился Вилюс. — Не только сочиняешь в своих статьях...

— Случайно узнал. Ездил в соседний колхоз к мелиораторам. Прораба не застал, а без материала возвращаться не хотелось. Заглянул к следопытам восьмилетки. Хороший музей они создали, я об этом писал... — Ричардас помолчал. В его голосе не было всегдашней иронии. — А вообще-то толком знаю только главные сражения, как и ты. Школьный учебник истории, страница такая-то, несколько строчек. О мостах в учебниках не пишут. Места бы не хватило...

— Мужики, хватит воевать! — окликнула их жена Вилюса. — Чай стынет!

— С женщинами, ясное дело, не повоюешь, — пошутил Вилюс. — Они велят вовремя есть, вовремя спать... Буры когда-то проиграли войну с англичанами только потому, что таскали с собой пожитки и своих жен...

Его слова прервал сухой щелчок. Невероятно громким был этот щелчок, наверно, потому, что никто не ждал его в этой тишине.

Вилюс поднял голову.

На другом краю островка, шагах в двадцати, стоял его сынишка и сжимал в руке гранату. Фигуру мальчика освещало трепетное пламя костра.

А в это время падал огромный темнокрылый мотылек. Крылья его уже лизнул яркий огонь, а мотылек падал и все не мог упасть, повис в воздухе. Мотылек не махал крыльями, и пламя не занималось ярче. Мотыльку было страшно так долго падать в жгучее солнце.

Ветер совсем затих, и было темно вокруг. А вылетевшая из костра искорка горела без треска, ровным огнем, как подвешенный на парашюте фонарь, такой яркий на фоне черного неба.

После щелчка прошла минута, другая, третья.

Граната должна была взорваться через три секунды. Вилюс знал это, бросал точно такие гранаты в армии из глубокого окопа, и едва успевал нагнуться, выпустив ее из пальцев, как осколки со свистом проносились над бруствером... А сейчас он не мог шевельнуться, хотя хотел кинуться к сынишке. Три секунды — очень много и очень мало, но надо успеть...

И человек в заляпанной грязью солдатской одежде, видно, знал это назубок. Бросился к оцепеневшему ребенку, вырвал из руки гранату и, почти не замахиваясь, зашвырнул ее в болото.

Тотчас взлетел столб воды и ила. Эхо взрыва не вернулось назад.

* * *

Чай был горяч. Солдат пил не торопясь, сжимая в ладонях кружку, словно грел озябшие руки. А вечер был теплый, и костер горел жарко. От мокрой одежды солдата шел пар.

Рис. Розы Мусихиной

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Женщины предлагали солдату колбасы, нарезанного ломтиками окорока, но тот отказался, только попросил еще кипятку. Достал из кармана галету, жевал ее, то и дело макая в чай. И женщины замолчали, боясь обидеть солдата преувеличенным радушием (еще подумает, что это плата за подвиг), не зная, как отблагодарить его.

Тишина длилась долго; всем стало даже не по себе.

А Вилюс давно уже хотел спросить, что здесь делает солдат и как он столь незаметно и, главное, вовремя оказался на островке. Вилюс даже подумал, что это актер, что где-нибудь поблизости, может, у взорванного моста, обосновалась съемочная группа, ставит фильм про войну; но человек так решительно схватил гранату... Как настоящий солдат — уметь надо.

— Надо уметь... — вслух подумал Вилюс.

— Служба, — ответил солдат.

— Служите, значит?

— Воюем... Все воюем. Но лучше тем, что наступают. Отступать очень уж тяжело...

Солдат сосредоточенно глядел на темно-бурую, в темноте совсем черную воду болотного окна и думал, что побурела она не только от таящихся в земле вездесущих частиц железа: шли века, а в болотах тонули закованные в железо рыцари, редели здесь разноязыкие полчища. Ведь только за последние полвека два раза прокатился по болоту огненный вихрь, каждый раз оставляя в нем частицу своей нескончаемой ярости. Ярости, которую подавляли не болота.

— А мне почему-то подумалось — вы здесь на съемках. — Вилюс рассмеялся, ему почему-то стало легче, когда узнал, что солдат — настоящий солдат и просто исполнил свой долг. Да и актеры — народ интеллектуальный, с ними и разговор другой и обхождение, чувствуешь себя не в своей тарелке, когда общаешься со знаменитостями. — Хотя фильмы про войну тоже вещь хорошая. Люди должны знать о войне, о солдатской профессии. — Вилюс на секунду запнулся, подумав, что неверно выразился. — Да, тогда ничто не забудется. Сейчас много хороших картин о войне. — По правде, Вилюс не любил картины про войну, ходил на них редко, разве что на отмеченные на фестивалях. Но сейчас, когда солдат спас его сынишку, не с руки было говорить иначе.

Вилюс посмотрел на исчерна-бурую воду и подумал, что война кончилась уже очень давно. В сущности, вряд ли найдешь на земле место, где не гремело оружие. И может быть, эти вездесущие крупицы железа — просто изъеденные ржавчиной лезвия мечей, наконечники стрел и осколки ракетных снарядов. Если начать вспоминать, придется вспомнить очень о многом, а все было так давно, что скоро нигде на нашей земле не останется невзорвавшихся гранат — их уничтожит время...

— В кино войну показывают, — сказал солдат.

— Смотреть страшно, — добавил Вилюс.

Звезды мерцали тускло, по-осеннему. За кругом, очерченным пламенем костра, застыла, напрягшись, темнота, лишь кое-где испещренная неподвижными огоньками — отраженными небесными светилами.

— Мне пора, — сказал солдат и посмотрел вверх, на звезды. — Пора.

— Переночевали бы с нами, — предложил Вилюс. — Места хватит, спальный мешок найдется. Куда вы теперь пойдете, тьма кромешная, чего доброго, в трясину угодите.

— Надо. — Солдат встал. — Служба, опаздывать не положено.

Солдат шагнул в темноту. Черный силуэт растворился в тумане. Мелькнул еще раз, закрывая отражение звезд в воде, и исчез. Вроде и не было человека.

— Я тут не заблужусь.

Эти слова прозвучали отчетливо, будто сказанные рядом, и люди на островке вздрогнули.

* * *

Мужчинам не спалось. Легли они вместе со всеми, проворочались с боку на бок битых полчаса, но сон не брал. Сейчас они сидели на валежнике у погасшего костра. Пойдут покурить — так сказали женам.

Вилюс дымил уже не первой сигаретой, все оборачиваясь к палатке, темнеющей в густом тумане. Изредка находило непреодолимое желание взглянуть на сынишку, он вставал и, подкравшись к палатке, прислушивался. Внутри было тихо. Сынишка спокойно сопел, наверное, так и не поняв, что ему грозило час назад.

— Противная работа у этого солдата, — сказал Вилюс. — Даже разу ошибиться нельзя.

— Как вовремя он подоспел... — наверно, в десятый раз повторил Ричардас.

— Вовремя...

Туман сгущался, плавающие в воздухе капельки увлажняли одежду, но мужчины не чувствовали ни сырости, ни холода. А за Неманом глухо грохотали взрывы, по небу блуждали лучи прожекторов — неяркие, размытые, как светлые полосы, прочерченные на плохой бумаге. Грозно рокотали тяжелые самолеты. Видно, там проходили маневры, и тысячи человек — солдаты, офицеры, генералы — не спали этой ночью.

— Даже ночью человеку выспаться не дают!.. — буркнул Вилюс.

— Бывает, эти занятия нужны и в мирное время... А тебя, видно, мало старшина гонял.

— Я санитаром был, — огрызнулся Вилюс.

Ричардас промолчал.

— Лучше вообще не было бы армий! — снова сказал Вилюс.

— Может, и не будет когда-нибудь. Забудут люди про войну. Станут...

— Журналистами!.. — торопливо вставил Вилюс, обрадовавшись случаю сменить разговор. И почему он сам не бросился тогда к сынишке?..

Вдали все грохотали взрывы, а ночные птицы на болоте молчали.

— Это уж кто кем захочет... — протянул Ричардас.

В стороне моста внезапно взметнулся слепящий столб пламени. Белый неестественный свет озарил болото, и мужчинам показалось, что остов моста ожил, взметнулся в воздух и застыл в одно мгновение.

Долетела запоздалая взрывная волна.

— Неужели... ошибся? — прошептал Вилюс.

— Наверно, учебная грохнула. Или зверь какой на мину напоролся, — спокойно возразил Ричардас.

— Завтра с самого утра уходим отсюда.

— Да уж, после этого клюкву собирать не станешь... Такое впечатление, будто на фронт угодили.

— Какое счастье, что можно идти спать и завтра мирно проснуться, — улыбнулся Вилюс.

Этот взрыв был последним. Стало совсем тихо. Погасли лучи прожекторов — одновременно, вместе с эхом взрыва.

Еще тоненьким голоском пискнула иволга и тут же замолкла — видно, решила, что не годится ей, дневной птице, голосить посреди ночи.

* * *

До шоссе было далеко. Гуськом шли они узкой тропой, протоптанной через поле, и Вилюс шагал последним. Дети скоро угомонились и стали ныть, но матери молча тащили их за ручонки, будто боясь опоздать. А спешить было некуда.

Наконец-то показалось шоссе. Издали светилась автобусная остановка, отмеченная желтым диском.

Доска с расписанием облупилась, но Ричардасу удалось кое-как разобрать что автобус на Вильнюс придет через час. Он огляделся.

Вилюс стоял в стороне и глядел куда-то вдаль.

— Послушай... — сказал, подойдя к нему, Ричардас. — Нет, пожалуй, не стоит...

— Да говори.

— Ерунда, — махнул рукой Ричардас. — Правда, иногда всякая чепуха в голову лезет. Даже странно... Давай погуляем, чего тут торчать...

Вилюс послушно последовал за Ричардасом.

Шагали они по обочине шоссе. Прошли довольно далеко, но Вилюс ни о чем не спрашивал — куда они идут, что хотел сказать Ричардас. Пожалуй, Вилюс даже не заметил, как далеко они ушли от остановки.

— Мне все время кажется, что я уже видел этого солдата, — наконец заговорил Ричардас. — Действительно странно.

— Надо было спросить.

— Я только сегодня вспомнил.

— Много ездишь. Встречаешься с людьми.

— Вот именно, встречаюсь...

Чуть поодаль от шоссе стояло длинное кирпичное здание, обнесенное живой изгородью из боярышника. Во двор вела посыпанная щебнем дорожка.

— Школа, — пояснил Ричардас. — Зайдем?

Вилюс только пожал плечами. Времени еще было много, и ему все равно, куда идти. Не хотелось возвращаться на остановку, ему не о чем было говорить с женой.

Коридор с белыми стенами, на которых висели плакаты, диаграммы и стенгазеты, пустовал. Только в классах, за дверьми, на которых чернели таблички со светлыми римскими цифрами, приглушенно звучали голоса учителей.

— Все на уроках, — сказал Вилюс и почему-то грубо добавил: — А ты, конечно, вздумал корреспонденцию накатать? На автобус не успеем.

— Надеюсь, дверь не заперта...

Вилюс не понял.

Ричардас толкнул одну из дверей, и она приоткрылась.

На полках были разложены искореженные шлемы, ржавое дуло пулемета, осколки снарядов, пожелтевшая тетрадка. Напротив, на стене, висел большой портрет солдата, видно, переснятый со старой фотографии.

— Я знал, что это он, — негромко сказал Ричардас. — Не ошибся...

Под портретом чернела надпись: «Погиб 22 июня 1941 года, взрывая мост с фашистскими танками».

— Нет! — закричал Вилюс. — Нет!..

С литовского перевел
ВИРГИЛИЮС ЧЕПАЙТИС

Р.Ганзаш (Польша) «На спутнике Сатурна»

ВРЕМЯ
ПРОСТРАНСТВО
ЧЕЛОВЕК

САМОСИЯЮЩИЙ ЭКРАН

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

ДМИТРИЙ ДЕ-СПИЛЛЕР

Возле Ч-сского звездного скопления на небосводе чернеет круглое черное пятно. Астрономы именуют его поразному, преимущественно с помощью совершенно неудобопроизносимых буквенно-числовых комбинаций. Но иногда они не отвергают и его древнего имени «Щит Аластора», которым, впрочем, пользуются редко. Щит Аластора представляет собою гигантскую, более десятка световых лет в поперечнике, тучу черной пыли. Химический состав ее еще недавно не был никому известен, ибо спектральный анализ не властен над объектами, не испускающими и не отражающими света. А именно таковым был до недавнего времени Щит Аластора. И от этого он виделся в телескопы абсолютно черным, как смоль.

Надо сказать, что Щит Аластора отнюдь не является единственным черным пятном на небосводе. Точно таких же пятен имеется довольно много. Все они черны, как ночь, и это их свойство запечатлено в старомпрестаром анекдоте про одну экзальтированную даму. Наглядевшись в телескоп на звезды, она не удовольствовалась, однако, испытанным впечатлением, но стала требовать от астронома, чтобы он показал ей «бездонную глубь мирового пространства» Куда бы ни поворачивал бедный астроном свой телескоп, дама выражала возрастающую досаду, ибо всюду светилось множество звезд. Наконец астроном нашелся. Он направил телескоп на одно из таких черных пятен, и дама пришла в восторг. «О, теперь я вижу подлинно бездонную глубь мирового пространства!» — воскликнула она и осталась премного довольна.

Мы не знаем, было ли увиденное этой дамой черное пятно Щитом Аластора или нет. Однако если бы именно на него направил свою трубу находчивый астроном и если случай этот происходил не много столетий назад, а 16 апреля ***-го года, то дама, жаждущая узреть самую глубь мирового пространства, увидела бы нечто, быть может, менее величественное, но не менее поражающее воображение.

В беспредельной небесной пучине она увидела бы невообразимо огромное изображение пожилой четы, сияющей торжественной радостью. Должно быть, это муж и жена. Он, с взъерошенными волосами, в черной коротайке, с огромным букетом стоит, опершись на плечо жены. Она сидит. Ее круглое лицо сияет. В волосах цветы. На ней широкое шелковое платье. Лица супругов озарены светом, лучи которого, падающие сверху, намечены ровными черточками, и над ними светятся обозначения в двоичной системе каких-то чисел.

Увидев это изображение, дама из анекдота, без сомнения, удивилась бы стократ меньше, чем поражены были все астрономы Земли, узнав, что утром 16 апреля ***-го года Пулковская и Аризонская обсерватории зарегистрировали на поверхности Щита Аластора эту оригинальную чету.

Принадлежность изображения именно поверхности Щита Аластора, а не какому-либо другому, более близкому экрану, была вскоре установлена многими способами и с абсолютной достоверностью. Но в таком случае размеры изображения должны были в несколько раз превосходить размеры солнечной системы!

Как только это изображение было замечено и с него были сделаны первые снимки, архивариусу Всемирного Исторического архива — Андрею Степановичу Ундольскому — было поручено разыскать материалы, могущие иметь к изображению этому какое-нибудь отношение. Ундольский тотчас сел за составление формализованных заданий для электронных поисковых машин, а написав и приложив к ним фотографии, он отрядил семерых своих помощников на работы с машинами. Через пять часов на его рабочем столе лежала сводка результатов электронного поиска. В ней утверждалось, что появившееся на Щите Аластора изобра-

Г.Покровский «Эфирный город»

жение было портретом супругов Михаила и Антонины Киселевых — родителей Алексея Киселева — космонавта, полетевшего 615 лет тому назад на одноместном субсветовике к Ч-сскому звездному скоплению.

Получив эти сведения, ученые Земли стали гадать, каким образом Киселев мог создать такое огромное изображение. Сперва это казалось совершенно невообразимым. Между прочим, ученым удалось установить, что числами в двоичной системе, помещенными вверху картины, указаны длины некоторых электромагнитных волн. Это обстоятельство позволило известному астрофизику доктору Филиппу Травочкину высказать предположение, что те электромагнитные волны, длины которых указаны на картине, возбуждают в веществе Щита Аластора какую-то химическую реакцию, связанную с выделением световой энергии, но не растекающуюся во все стороны, а лишь по направлению движения вызвавшей ее волны. И, как показали некоторые расчеты, по этому направлению она должна была распространяться почти с половинной скоростью света. Пустив однажды изнутри Щита Аластора конусовидный дискретный пучок лучей, соответствующих имевшейся у него фотографии, Алексей Киселев, как предполагал Травочкин, возбудил в частицах межзвездной пыли самоподдерживающуюся химическую реакцию. Распространяясь с половинной скоростью света, эта реакция достигла наконец окраин пылевого скопления и вырисовала на них увиденное с Земли грандиозное изображение.

Но каким образом Киселев мог создать несметное множество лучей требуемой длины волн? На этот вопрос гипотеза Травочкина не давала ответа. А между тем, чтобы это сделать, потребовалось полгода напряженной, кропотливой работы, к которой Киселев приступил сразу же после того, как Автолик обнаружил среди прочих свойств окружающей корабль межзвездной пыли особенность, верно угаданную доктором Травочкиным.

Автолик был четвероруким компьютером, недостаточно сложным, чтобы в нем можно было заподозрить способность что-либо чувствовать. К слову сказать, что касается автора, то он глубоко сомневается в способности каких угодно компьютеров что-либо думать и чувствовать, хотя понимает, что со временем они научатся писать превосходные романы. Но внешние действия и сами мысли и чувства — это все-таки разные вещи... Однако мы уклонились в сторону. Про Автолика же надо сказать, что он не только романов писать не мог, но и разговаривать толком не умел, предпочитая изъясняться формулами и числами. Неудивительно, что, когда он сделал свое открытие, Киселеву стоило немалого труда уразуметь, что же, собственно, такое он высвечивает. Начало горящей на Автоликовой спине надписи было понятно: «Если осветить забортовую пыль лучами с длиной волны либо 560, либо 622, либо 887, либо 5928 ангстрем, то...», а дальше шли такие сложные формулы, что темнело в глазах. Все же наконец Киселев понял, в чем дело, и они вместе с Автоликом стали искать по всему кораблю вещь, по цвету соответствующую волне в 5928 А. Найти такую вещь было непременно необходимо, чтобы проверить Автоликово утверждение на опыте. Дело в том, что на корабле не было приборов, способных создать лучи нужной частоты. Гордость Киселева, портативный лазер, собственноручно им изготовленный незадолго до старта, выстреливавший тончайшие, как паутина, лучи на невообразимое расстояние, не мог, к сожалению, генерировать ни рентгеновских лучей, ни лучей с длиной волны большей 5000 А. Вообще, на борту корабля не имелось никаких источников рентгеновского излучения. Ввиду всего этого, единственным способом проверить открытие Автолика — было найти желтый предмет, цвет которого соответствовал бы волне в 5928 А. и осветить отраженным от него светом космическую пыль. Хотя наличие на корабле предметов с необходимыми для такого эксперимента свойствами почти было невероятно, один такой предмет все же отыскался.

Среди гибких, прозрачных пластинок с голографическими портретами родных и знакомых Киселева была одна поблекшая и пожелтевшая. Автолик объяснял, что пожелтела она от некоторых ингредиентов, взятых для ее изготовления. Как бы то ни было, но портрет Михаила и Антонины Киселевых, снятых в день их серебряной свадьбы, почти всей своей поверхностью отражал свет с длиной волны в точности равной 5928 ангстрем.

Первое, что сделал Киселев, когда это выяснилось,— слегка согнул портрет двумя пальцами, и поставил его

Картина художника Г.Покровского «Орбитальное кольцо вокруг звезды»

против иллюминатора, осветив фонарем. И тотчас в бархатной черноте вспыхнула уходящая в невообразимую даль белесая полоса. Тогда Киселев положил портрет на стол, сел рядом в кресло и погрузился в размышления: «Если я выгну пластину в виде куска сферической поверхности и освещу ее перед иллюминатором, — думал он, — то возникшая химическая реакция распространится внутри исполинского конуса. Достигнув краев пылевого скопления, она создаст там огромное светящееся пятно, размеры которого будут зависеть от того, куда я поверну пластину. Если я обращу ее к Земле, то размеры пятна будут относительно небольшими, ибо расстояние до границ пыли в том направлении еще невелико. Но если я поверну ее в противоположном направлении, то пятно выйдет, пожалуй, вдесятеро больше...»

Внезапное сомнение прервало вдруг рассуждения Киселева, и он крикнул Автолику:

— Послушай, ведь Щит Аластора освещен и лучами от звезд и от нашего корабля. Среди них имеются и лучи в 5928 ангстрем. Почему же они не возбуждают никакой реакции?

— Потому, что реакция гасится другими лучами. Надо, чтобы все посторонние лучи составляли лишь малую часть общего светового потока, — отвечал Автолик. Киселев кивнул головой и вернулся к прерванным мыслям: «...Если на обратной стороне Щита Аластора засияет такое огромное пятно, — рассуждал он, — то разумные обитатели Ч-сского звездного скопления, коль они существуют, непременно его заметят. Но в простом белом пятне много ли корысти? Нет. Так что же делать?..» И тут Киселев придумал свой оригинальный способ самооповещения: при помощи гальванопластики он покрыл верх портрета тонким серебряным слоем и, приспособив надлежащим образом свой лазер, стал выжигать им в серебре сотни тысяч крохотных дырочек. Это был огромный труд! Полгода с неослабным прилежанием трудился Киселев и достиг наконец идеального сходства между микроскопическим сквозистым узором на серебре и самим портретом: именно, где портрет был светлее, там и дырочек было больше. С краю серебряного слоя он наметил чертами лучи и выжег двоичные обозначения длин вызывающих реакцию волн, выраженных в поперечниках протона, а также других элементарных частиц. Когда же работа была окончена, Киселев растянул портрет на сферическом стекле, остановил свой корабль и послал в космос шесть идентичных изображений: одно — в направлении Земли, другое — по ходу корабля и четыре — в плоскости, перпендикулярной направлению полета.

Позже всех, очевидно, засветилось самое большое изображение, посланное по ходу корабля. Однако пройдет еще много лет, прежде чем его смогут увидеть предполагаемые обитатели Ч-сского звездного скопления. Но если это случится, то они, несомненно, разгадают физический смысл представившегося им явления и проведают про самосияющие экраны, с помощью которых далекие друг от друга миры могут вести между собой разговоры.

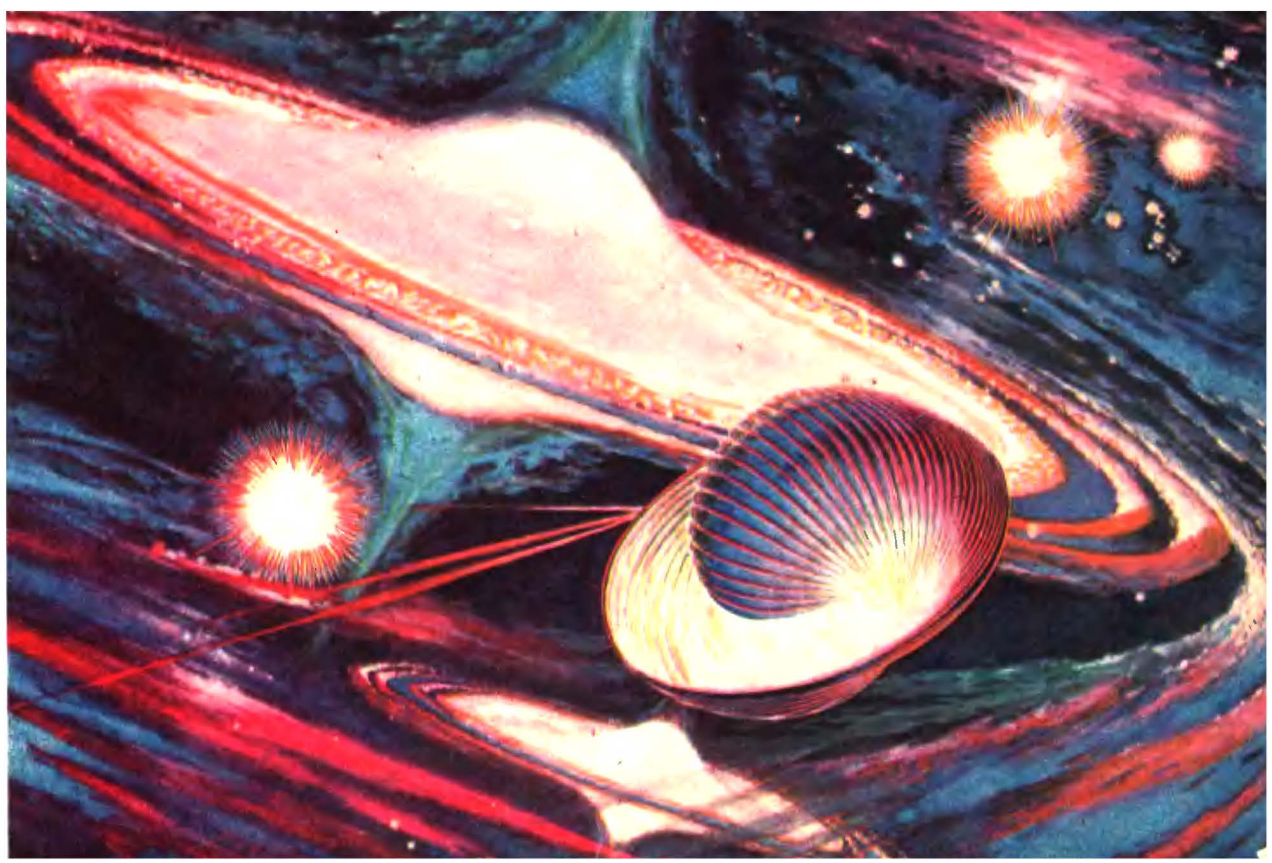
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

ДМИТРИЙ КАРАСЕВ

Сергей открыл глаза. На глиняном полу, рядом с его рукой, дрожали зеленые и желтые пятна света. В дверной проем заглядывал яркий шар. Где-то рядом стучали молоты. Сергей встал и сделал три шага к двери.

Сруб нагрет, от него тепло рукам и щеке. Длинный лист, похожий на пальмовый, покачивается от влажного ветра вместе со своей полупрозрачной тенью. Перед хижиной площадка, на другом краю которой мечется пламя в горне, звенят молоты, жарко гудит наковальня. Земля поворачивается перед глазами, как в неокончившемся сне. Справа, из-за рядов зеленых кустов, напоминающих огородные грядки, поднимается вверх огромная металлическая колонна.

В двадцати метрах от Сергея смуглые кузнецы что-то гнут, рубят, миют молотами. Кто они, эти кузнецы? Что они там гранят тяжелыми молотами, мотающимися, как маятники, в бронзовых руках? Похоже на



браслеты; и еще лежат тут же несколько наконечников. Кажется, ясно. Браслеты для женщин, наконечники для копий. Итак, он подоспел к самому началу железного века. Где он? И что произошло?

Вслед за сознанием медленно возвращается память. Так вот оно что! Металлическая колонна справа — это ракета. Его ракета. Он помнит грохот и удар, разорвавший нервы и ткани тела, как ниточки. И синюю электрическую вспышку, после которой наступили темнота, сон, небытие. А ракета продолжала лететь.

Автоматы жизнеобеспечения заботились о нем и после аварии. Он летел, оберегаемый ими. Ракета совершила аварийную посадку. Но куда? Связь наверняка вышла из строя: ведь в момент аварии он был как раз в радиоотсеке. Значит, запросить базу нельзя.

Когда это произошло? Долго ли летел? День, два, три? А если годы?

Сергей представил себе, как ракета повисла в воздухе перед самой посадкой. Наверное, отсюда, где он сейчас стоит, она похожа на наконечник шприца, изливающий синее пламя. В эту минуту, в тот миг, когда ракета повисла, словно в раздумье, от нее должен был отделиться маленький белый кружок. Автоматы должны были выбросить аварийный буй с рацией — на случай катастрофы при посадке. Буй должен быть где-то рядом, нужно найти его.

Сергей шагнул из хижины и почувствовал, как плечи сжало стальными тисками. Его взяли за руки, за одежду, за плечи. Он подумал, что, наверное, у него сломано предплечье: когда попытался вырваться, резкая боль вошла в левую руку, как нож. Он слабо вскрикнул — не от боли, от неожиданности. Его отпустили. Это был плен.

Сергей стоял перед утоптанной земляной площадкой с пылающим горном и приходил в себя. Вот и аварийная рация, он узнал ее по антенне, торчавшей как удочка или копье. Рядом куски обшивки буя, коробки с запасными комплектами. Наверное, не так-то легко перековать их на женские браслеты.

В ажурной тени деревьев, напоминающих пальмы-асаи, играют дети. Со страхом и любопытством смотрят на Сергея женщины. Под циновкой — мертвый юноша. Смуглые лица мужчин суровы. Чьи-то руки подталкивают Сергея к наковальне. Для них он Человек, прилетевший с неба. Аварийная антенна (последняя надежда на связь с Землей) — это копье Человека, прилетевшего с неба. Потому что буй, отделившись от ракеты, стал случайной причиной гибели их соплеменника. Теперь кое-что становится ясным: ему, по-видимому, хотят оказать небольшую услугу, поскорее отправив обратно на небо. Но тогда почему они не сделали этого раньше? Пока к нему не вернулось сознание?

Прозвучала глухая барабанная дробь. И едва смолкли последние звуки, как на пустовавшее место посреди площадки величественно поднялся некто, притягивающий взоры собравшихся. Сидя на кожаном кресле, напоминавшем огромных размеров седло, он на целых полметра возвышался над остальными. Мощное тело его олицетворяло надежность и вселяло гипнотическую уверенность в его силу; на лице застыло выражение торжества, свидетельствовавшее о преодоленных трудностях на пути к истине.

Кто-то показал ему пальцем на Сергея, и он важно кивнул головой. Затем ему поднесли длинную жердь с пучком тлеющей шерсти на конце, и он, встав со своего места, величественно прошелся по кругу, вращая концом палки.

— Нгомо! Нгомо! — закричала толпа, и женщины попадали на колени, чтобы до конца священнодействия возносить слова благодарности ученейшему из племени (очевидно, знахарь, догадался Сергей).

Между тем обряд прорицания и открытия истины требовал еще и каких-то неведомых Сергею действий. Нгомо укрепил жердь посреди площадки. Затем ему поднесли большую деревянную чашу, наполненную до краев темной жидкостью. Он поставил чашу у ног, потом наклонился над ней, издал не совсем понятные звуки. Приложившись к чаше, он закружился вокруг шеста, и его волосы заволокло дымком от тлеющей шерсти.

Раскачиваясь все сильнее, он постепенно приходил в экстаз, не забывая, однако, время от времени приближаться к чаше, опускаться перед ней на колени и прикладываться.

В руках у него появился амулет, напоминавший змеиную шкуру, и он размахивал им в такт движениям тела, и ритм их все убыстрялся и убыстрялся.

— Нгомо! Нгомо! — потрясая воздух, кричала толпа, инстинктивно повторяя, копируя невероятно сложные, почти немыслимые телодвижения знахаря.

Наконец его движения стали замедляться, лица смотревших на танец приобрели выражение крайнего внимания и напряжения, окаменели. Вполне возможно, они ждали пророчеств и откровений надеялись на них, стремились к ним.

Нгомо, остановившись в непосредственной близости от священной чаши, указал пальцем на Сергея, потом на небо. Его перст уткнулся почти в зенит (логично, подумал Сергей, теперь он владел собой и истина начинала открываться во всей, казалось, полноте).

Очевидно, устав от пророчеств и попыток проникнуть в свершившееся, Нгомо снова вспомнил о чудодейственном напитке и принялся за него. Он опустился на колени и стал жадно глотать, плескаясь и булькая, разбрасывая веер брызг. Он почти захлебнулся. Жидкость потекла назад. Это, однако, не остановило Нгомо. Он неистово продолжал глотать и глотать зелье, точно повинуясь настойчивому приказу свыше.

Так продолжалось до тех пор, пока лицо духовного наставника не стало сначала светло-желтым, а затем и зеленоватым.

Однако ритуал открытия истины на этом не кончился.

Приблизившись к юноше, которому он за несколько минут перед этим бросил амулет, Нгомо что-то крикнул, резко толкнул его, тот удалился к женщинам. А Нгомо дважды прокричал что-то неразборчивое, упал на заботливо приготовленные для него циновки и мгновенно заснул.

Бронзоволицые конвоиры молча указывают пальцем на антенну.

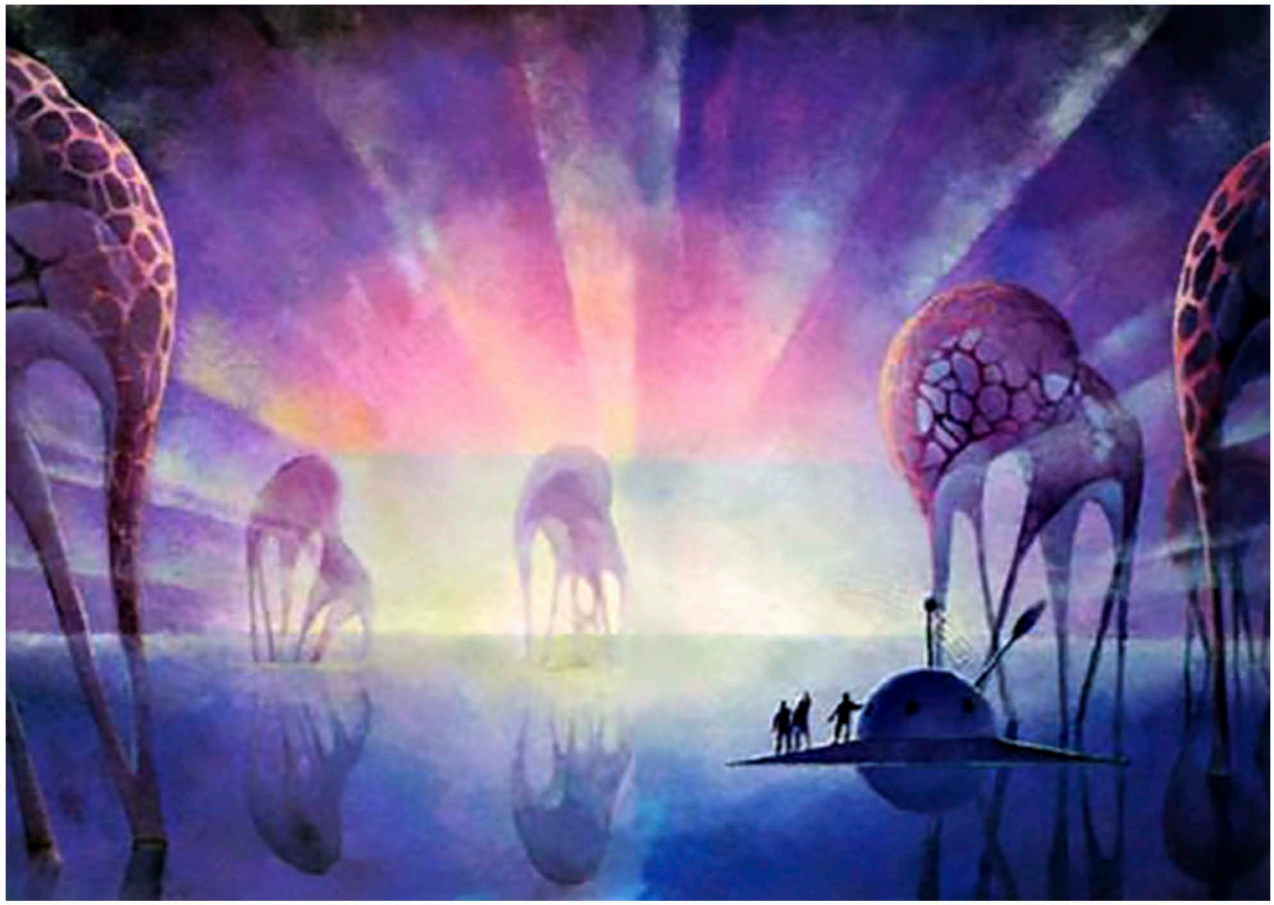
«Защищайся, воин, — говорят их красноречивые взгляды, — подними свое копье!»

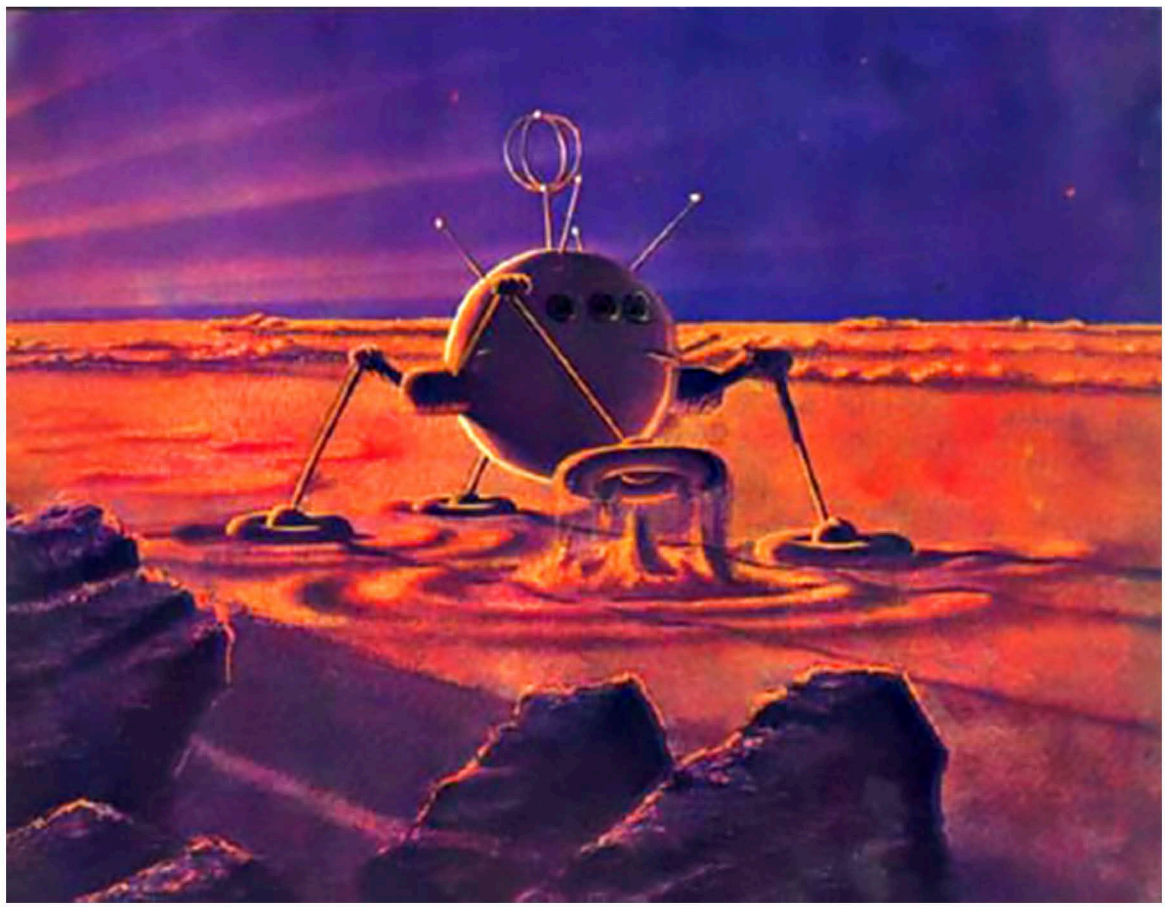
Так вот почему его не убили там, в хижине, или еще раньше. Вот почему они не тронули рацию. Здесь, на заре каменного века, убийство безоружного считается бесчестным делом!

Опустились и замерли молоты. Сорвавшийся с дерева лист медленно опускается на траву. Можно успеть убить четверых, прежде чем лист коснется земли. И добежать до ракеты. А там-то уж! Сергей знает: мышцы можно заставить отдать всю силу в одном коротком порыве, удары будут смертельны и быстры, как молнии. Он успеет убить четверых и останется жив. Но как после этого встретят здесь тех, кто прилетит позже, следующей ракетой? И разве игры смерти, игры войны — это не запрещенные игры? Но как это разъяснить им? Как доказать, что он не воин? Нужно доказать это. И немедленно. Иначе будет поздно.

Упавший лист опустился на траву. Мгновение — и точным движением он выхватил молот у кузнеца. Молот коснулся звенящей наковальни. Еще мгновение — и он смял аварийную антенну, расплющил в серебристую ленту последнюю надежду на связь. Он смял ее в бесформенный кусок и отшвырнул в сторону. Когда на наковальне погасли искры Сергей выпрямился. Теперь он был безоружен. Большего он сделать бы не смог.

Послышался возглас на ломаном испанском или, может быть, французском. Значит, ракета повернула к Земле? Повернула — и опустила его где-нибудь в девственном лесу Южной Америки? Или Африки? Ну так какая, собственно, разница?





ЗОЛОТОЙ КУБ

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ
Ленинград

Вы меня, товарищи, простите, но я должен отвлечься несколько от нашей научной темы и рассказать вам кое-что из юмористической, если хотите, трагедии жизни Александра Балаева. Именно юмористической, именно трагедии и именно про стоп-спин.

Недавно один писатель подарил мне книжку. Про Галилея, Ньютона, Чижевского и меня. Так мне, знаете, неудобно как-то стало. Будто смотрю я на президиум физики, сидят там все люди солидные, степенные, вдвое больше натуральной величины, а сбоку в кресле болтает ножками какой-то шалопайчик в коротких штанишках, сандалики до полу не достают. «А это, — говорю, — что за чудо морское?» — «А это, — отвечают, — и есть вы, Александр Петрович Балаев, замечательный и заслуженный физик нашего времени». — «Да какой же это физик! — кричу. — Это же попрыгунчик какой-то, молоко на губах не обсохло. Случайный кавалер фортуны». — «А это, — говорят, — ваше личное мнение, которое никого не касается. Вы, пожалуйста, не усложняйте вопроса, Александр Петрович, и не мешайте наглядной пропаганде образцов для нашего юношества». И убедительно излагают окружающим невероятную историю, будто я с детства задумчиво глядел на вертящийся волчок. А меня как холодной водой обдает. А вдруг это и не выдумки, вдруг это я сам по божественному наитию высказал когда-нибудь, а до них дошло. На волчок иначе как задумчиво и смотреть-то, по-моему, невозможно. Только задумчивость эта какая-то не такая, не дай бог никому: сидишь и ждешь, когда же это он дрогнет и начнет покачиваться. Нетворческая задумчивость.

А по правде говоря, или, как это мне сейчас представляется, вся история началась, конечно, не с волчка, а со студенческих времен, с того самого вечера, когда в общежитии мы, изнывая от безделья, смотрели по телевизору инсценировку по Уэллсу. Помните, там есть у него рассказ про человека, который мог совершать чудеса. Смотрели мы и от нечего делать изощрялись в остроумии, и когда герой под конец остановил вращение Земли, и все понеслось в тартарары, и море встало на дыбы, — здорово было снято, как сейчас помню, — кто-то ляпнул: «Эх, плотину бы сюда!» Кто-то добавил: «Да турбину бы сюда». И кто-то кончил: «Ну и чаю мы с тобою наварили бы тогда!» Все, конечно, грохнули. Может, это само так получилось, может, чьи-то вирши припомнились, не знаю. Я по стихам неспециалист. Но эти стишки в память мне запали. Вместе с видом моря, вставшего на дыбы. И посредством этого аудиовизуального воздействия, как тогда говорили, выпала во мне в осадок четкая логическая цепь: «Остановка вращения освобождает энергию, которую мржно полезно использовать». Не от изучения маховика, хотя я его изучал, — ведь изучал же! — а от непритязательного и, собственно, не очень смешного анекдота. Так уж, видно, я устроен, что запоминаю не через обстоятельства дела, а через обстоятельства около дела. Так, значит, я с этой логической цепью и бегал, как сорвавшийся барбос, и висела она при мне без всякой пользы употребления, но, как говорят, весомо, грубо, зримо. Как не о чем становилось думать, хоть и редко это бывало, все выводила меня память на эти дурацкие стишки. Бормотал я их, бормотал и автоматически принимался прикидывать, что бы такое крутящееся остановить да как бы получить такую волну, как там, в фильме, какую бы там приспособить плотину и турбину и в каком виде наварить означенный чай. Для пущей ясности даже кустарное начало к этим стишкам присочинил. «Твердое

остановилось, жидкое бежать пустилось. Вот бежит оно, бежит, так что все кругом дрожит». А дальше уже про плотину и турбину.

И вот как-то опаздывал я на работу безнадежно и решил часок в парке побродить, чтобы потом разыграть в проходной сцену возвращения из местной командировки. Во избежание персональных неприятностей. Бродил, бродил и добродился до того, что начал эти стишки по обыкновению повторять. И — место я очень хорошо запомнил: такой склон, на нем здоровый пень, опилки свежие вокруг, — вдруг сообразил: электрон вращается вокруг оси? Говорят, вращается. А вот если это вращение остановить, что получится? Стал дальше соображать — ничего не сообразилось. С какой он скоростью вращается? Какая энергия во вращении запасена? И спин, он, конечно, спин, — веретено, — но ведь и говорится, что все это так, формально, а по сути дела... А что по сути дела? Да и потом спины равновероятно разориентированы. А сориентировать их можно? И стали меня мучить какие-то казарменные кошмары. Помните, там у Грибоедова сказано: «Он вас в шеренги три построит. И пикнете, так мигом успокоит». Представляете себе картину: все валентные электроны в металлическом кубике выстроены в этакое трехмерное каре — а-ля Луи Надцатый — вертящихся веретен. А. Балаев подает команду. Раз-два! Все веретена останавливаются — бах! — возникает всплеск освобожденной энергии, загораются лампочки, чайники кипят, троллейбусы бегают и т. д. и т. п. Отлично! А во что превращаются эти стоячие веретена, что являет собой электрон без спина? Теперь вы мне это на пальцах объясните, а тогда некому было. Человек, достойный этого дела, наверняка бы так не оставил, стал бы книжки читать, размышлять по ночам в супружеской постели. Может, темку бы открыл. А я бросил. Занялся люмонами, потом на волновые аномалии перебросился, потом... Потом много всего было.

Лет пять или шесть прошло. А может, и больше. Изредка я вспоминал всю эту историю, с энергией спина разбирался, картинку рисовал: электрон в виде веретена, вектор спина в виде копья и две-три школьные формулы: веер Филиппова, распределение валентных спинов по Джеффрису и преобразованную мной самим матрицу Бертье-Уиннерсмита.

И вот однажды застал меня за этим занятием Оскарик Джапаридзе.

— Что это у тебя? — спрашивает.

Ну и выложил я ему всю эту альгамбру.

— Архимед, — говорит Оскарик, головой крутит и удаляется по своим делам

Обозлился я. И задумался всерьез, как же все-таки поставить эксперимент. И вдруг пришла мне в голову ясная, отчетливая мысль. Как будто в мозгу какая-то перепонка лопнула. И все одно к одному, логично, очевидно. И выходит чудовищный результат: электрон с тормозящимся спином дает ориентирующее поле. Грубо говоря, сам по стойке «смирно» стоит и соседей заставляет. И начинается спонтанный процесс. И осуществляется видение о каре электронов.

Очумел я от этой мысли. «Наверняка, — думаю, — где-нибудь напорол. Пускай, — думаю, — полежит недельки три, угар сойдет, и поглядим».

Хожу как в полусне, дела не делаю, функционирую через пень колоду. Как дьюар: внутри все кипит, а снаружи жестяная банка.

И вот день на третий сижу я в курилке, и вдруг влетает туда Оскарик.

— Слышь, Сань, — говорит, — я тебя ищу, ищу. Куда ты подевался? Я тут сложил балладу. Смотри, что из этого получается.

И прямо на кафельной стенке начинает изображать. И так у него, хитрюги, все ловко выходит. И вдруг — спотык!..

— Брек! — говорю.

И на той же плитке начинаю его сигмы разгибать.

— Ах вот как! — говорит Оскарик. — Ну, как знаешь, как знаешь.

И сублимирует в неизвестном направлении.

Смотрел я, смотрел на его каракули, ничего не высмотрел и поплелся домой. Дома еще часа три ковырялся. «Нет, — думаю, — недаром тебя, Саня, отцы-профессора определили по экспериментальной части. Теоретик из тебя, как из шагающего экскаватора: за сто метров горы роешь, а под пятой лягушки спят». Стал я выписывать на лист слева свои закорючки, справа — Оскариковы. До середины дописал и все понял. И где я вру, и где Оскар врет, и что должно быть в действительности. Задачка — чистая арифметика, опыт — что поленья в печку класть. Сижу смотрю, очами хлопаю, а тут звонок. Телефон. Оскарик звонит.

— Санечка, — говорит, — а это вот не купишь? — И начинает мне те же выкладки теми же словами.

— У самого есть, — говорю, — дальше вот что.

— Альгамбра, — отвечает он. — Ты, Саня, голова, и я, Саня, голова!

А что из этого вытекает?

— А проистекает, — говорю, — то, что если ты немедленно ко мне не проследуешь, то я за себя не ручаюсь. Вплоть до ломки мебели и битья посуды. Нету никакой моей мочи перед лицом открывающихся перспектив...

По-честному, на этом вся история открытия и кончается. Без всяких там задумчивых волчков. Ей-богу! Ведь правда же, неинтересно! Ньютону хоть яблоко на голову упало — предмет эстетичный по форме и аппетитный по содержанию. А мне что прикажете? Так в веках и оставаться при кафельной скрижали из курилки? Осатанеть можно от тоски. Чем не юмористическая трагедия?

Ну ладно, сатанеть мы не будем. У нас для этого других причин достаточно. Я вам не случайно всю эту историю рассказывал, а в виде присказки. А сказка-то будет впереди. И не вся. Не вся, отрывок только.

Кончили мы с Оскариком расчеты в три дня, обоснование эксперимента написали и вломились к Земченкову, к Виктору Палычу. Да-да, к тому самому. Он уже членкором был, нашим замом по науке. Так и так, говорим, нужен нам для эксперимента ни больше ни меньше, а куб из золота с ребром в семьдесят сантиметров.

Он, душа, аж взвился:

— Да вы что, ребята! Вы понимаете, сколько он будет весить?

— Понимаем, — говорит Оскарик. — В исходном виде шесть и шестьдесят пять сотых тонны. Но это только в исходном, потому что мы его с трех сторон просверлим через каждые десять сантиметров сквозными каналами, чтобы обеспечить охлаждение жидким водородом и получить узлы массы. И штуцера приварим. Тоже золотые. Вот эскиз, посмотрите.

— Ох, люблю я вас, ребята! — говорит Виктор Палыч. — Очень вы хорошие ребята. А сколько будет стоить этот ваш кубик, вы себе отчетливо представляете?

— Это как сказать, — говорю. — Если по международному курсу, то шесть с половиной миллионов рублей без стоимости обработки. Ну обработка-то недорогая, тысяч двадцать потянет, спецсверла опять же делать надо.

— А больше вам ничего не надо? — спрашивает он. — Может, вам еще надо, чтоб «Зенит» чемпионом стал?

— Надо, — хором говорим мы с Оскариком. Но тут мы подумали: если немножко разорить у Благо-

вещенского стенд и кое-что переделать, — немного, тысяч на двести пятьдесят — триста, — то мы обойдемся.

— Ах, обойдетесь! — говорит Виктор Палыч. — А что в результате?

— А в результате, — говорю я, — будем иметь электростанцию на сто восемьдесят мегаватт с собственным потреблением сорок. Итого, чистый выход сто сорок мегаватт. Это с запасом. Три года можно так работать. А потом еще три года будем иметь сто пятьдесят мегаватт при собственном потреблении пятьдесят, но уже без запаса. А потом куб надо будет заменять, потому что он уже будет на треть палладий.

— Палладий, — говорит он. — Две тонны палладия — это тоже неплохо. Ну а какова вероятность успеха?

— Нас двое — природа одна, — говорит Оскарик. — Значит, вероятность успеха шестьдесят шесть и шесть в периоде. Иными словами, две трети.

— Ну вот и прекрасно, — говорит Виктор Палыч. — А знаете ли вы, какой годовой бюджет у нашего института?

— Знаем, — говорю. — Что-то около восьми миллионов.

— Вот именно, что около. Восемь миллионов сто двадцать шесть с половиной тысяч рублей. И за каждый рубль я сражался, как Илья Муромец. Так что ваши семь миллионов плюс столько же на непредвиденные расходы для меня добыть — ровным счетом никаких трудов не составляет. Да и вероятность какая! Балаев и Джапаридзе против материприроды! Еще и половину меня запишите. Выйдет без малого семьдесят один с половиной процента! Все ясно... Все работы прекращаем, всех докторов и профессоров увольняем на пенсию, чтобы они институтское производство не загружали своими мелочами. Кстати, и у Благовещенского стенд отбираем, нечего ему с ортометронами возиться, когда нас такие идеи озаряют. И наваливаемся! Золото уже везут в спецвагоне, тридцать три богатыря его стерегут. Балаев и Джапаридзе у сверлильного станка на карачках ползают, стружечку золотую в мешочек собирают для отчета. И через полгода, от силы через три квартала, членкор Земченков включает рубильник. Гром и молния! И нас с вами в наступающей тишине остальными двадцатью восемью с половиной процентами невероятности по шеям, по шеям! Так, что ли, молодые люди?

— Да нет, — говорю, — не так, конечно. Но делать-то надо, Виктор Палыч! И меньшие размеры эксперимента ничего не дадут. Критический конус не развернется. Вы посмотрите расчеты.

— Посмотрю, — говорит Виктор Палыч. — Обязательно посмотрю. И не только я посмотрю, все посмотрят. Кому надо, те и посмотрят. А чего не поймут, молодые люди, так обязательно у вас спросят. И для начала, будьте любезны, вы расчетики свои приведите в божеский вид, размножьте экземплярах в двадцати, как положено... Сколько вам на это надо?

— Четыре дня и один час, — ехидно говорит Оскарик. — День в порядок приводить, три дня бегать, просить и час печатать.

— Спокойней, — говорит Виктор Палыч. — Спокойно, Оскар Гивич. Впрочем, я не возражаю, если вместо расчетов вы возьметесь за реконструкцию нашей копировки и закупку оборудования... Не хотите ли?

— Не хочу. — говорит Оскар.

— Вот и никто не хочет, — говорит Земченков. — И приходится все Льву Ефимовичу делать, да и мне еще ему помогать. А он и Лев, да не Толстой, и Ефимович, да не Репин. Сами знаете, кто он. Ни написать, ни нарисовать действующего оборудования не может. А так бы хорошо было! Так вот, значит, экземплярчики мне на стол. С визой ваших обоих руководителей. И Фоменко, и Месропяна. Семинар у нас до февраля расписан, так мы проведем внеочередной. В отделе у Благовещенского. Тем более что и стенд его вам подходит. Устраивает?

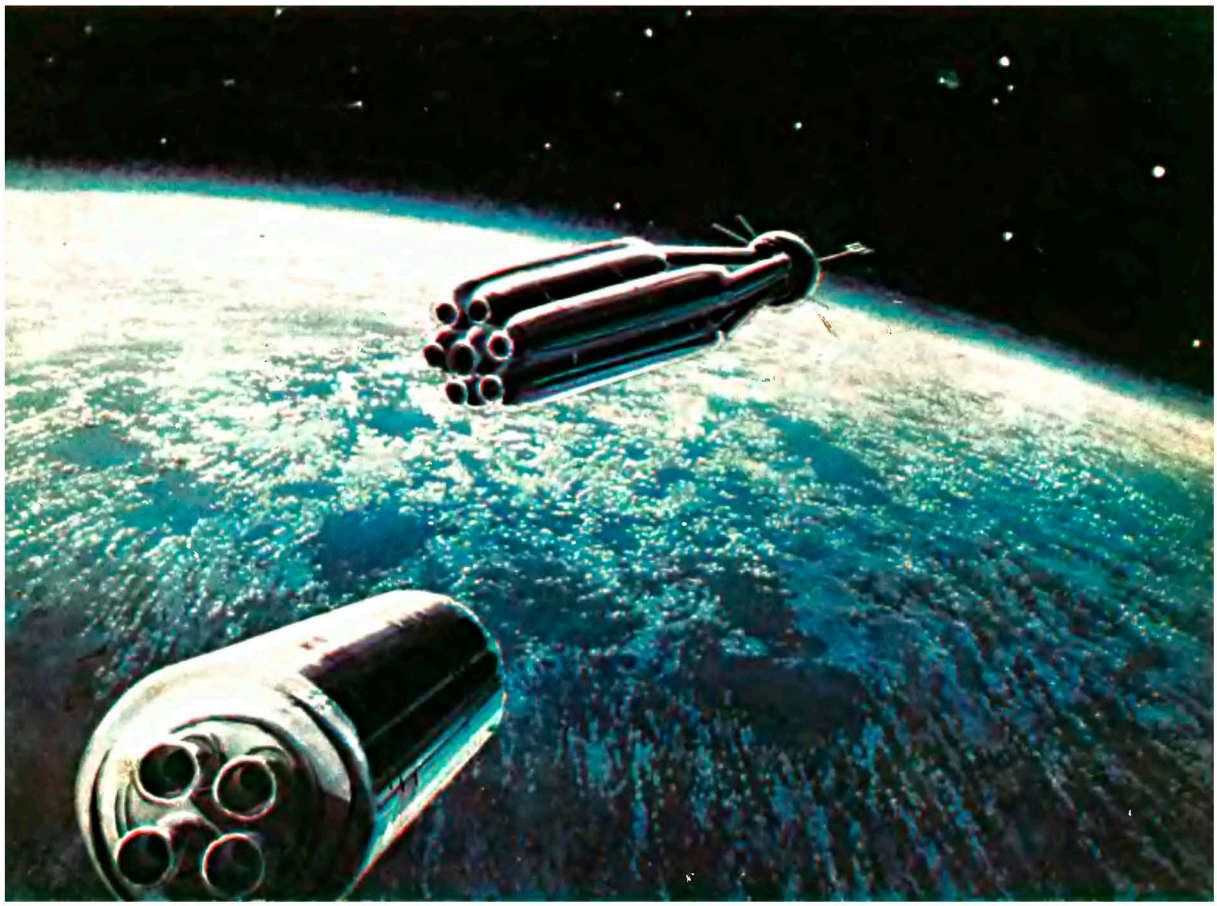
— Устраивает, — говорим.

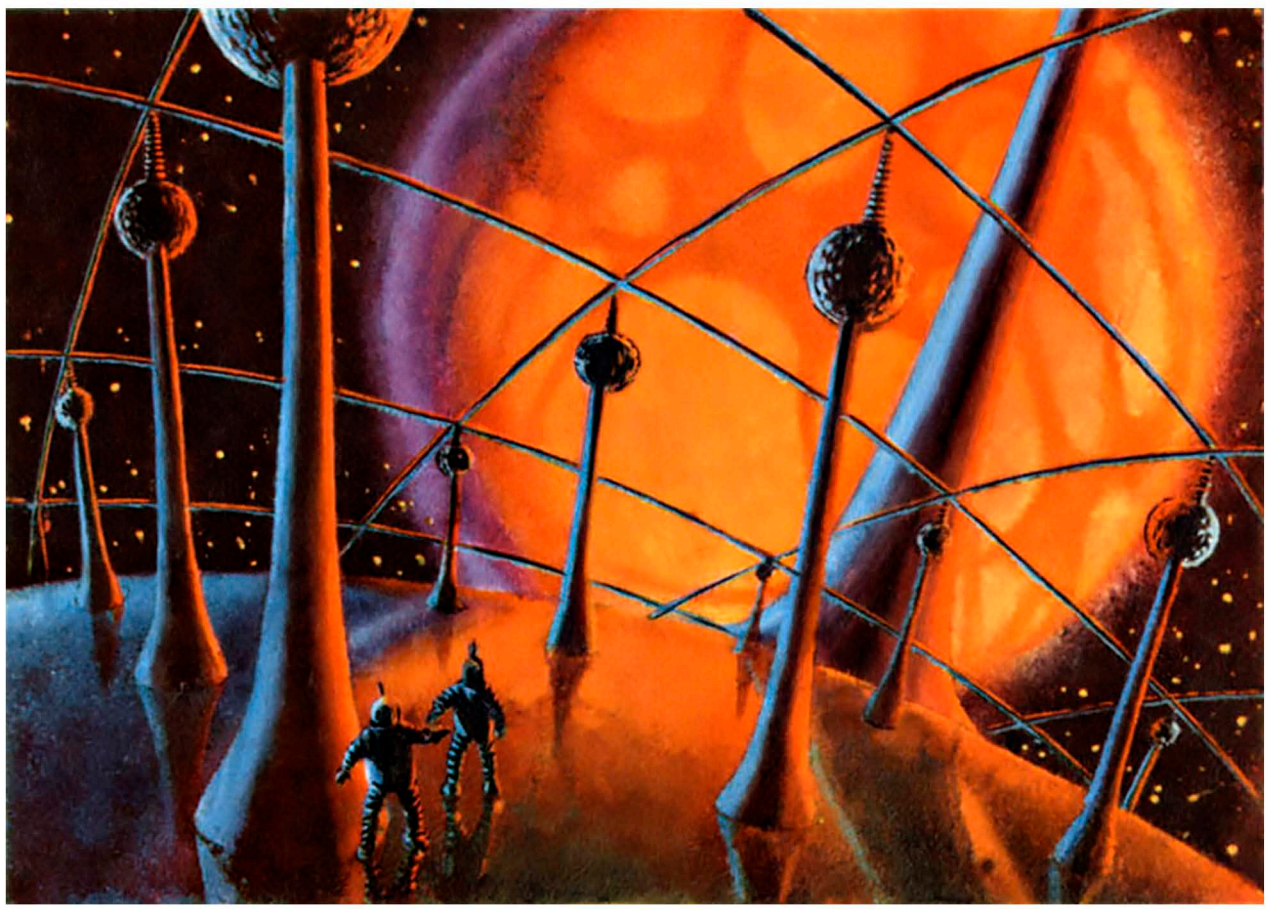
Вот. И стали нас с Оскариком причесывать. И не в четыре дня мы Земченкову расчеты на стол положили, а и четырех месяцев нам не хватило. Месропян, тот сразу сказал, что это не по его части, его другие вещи занимают. А Фоменко, Оскариков руководитель, так в нас вцепился, что пух и перья полетели. И нащупал он у нас, злодей, спасибо ему, слабину в математике. Топтались мы, топтались, только Иван Сулейменов выручил. Знаете его? Сунул он нас носом в казахский ежегодник, дай бог памяти, года семьдесят восьмого или девятого. Старина!.. Но там примерно такое же преобразование рассматривалось, только не с теми граничными условиями. Очень нам помог Владик Пшибышевич, его нам помощник Земченкова сосватал. Доктор. Вот человек-танк! Если у меня в мозгу и были ребра, так он их сокрушил. «Вы, — говорит, — Александр Петрович, совершенно правы. Но не в этом вопросе...»

Ну, чем кончилось, вы сами знаете. Встала против нас геофизика с экологией. Вы что же это, мол, электрончик раздели, зарядчик черт те во что превратили, употребили, а чем компенсировать будете? Ах от Земли? Раз от Земли, два от Земли, а потом что? Положительный заряд планете сообщать задумали. Не пойдет. Нарушение природного равновесия. Космологическая проблема. Вот ее-то Махалайнен и решил. Казалось бы, проще простого. Он с протонов предложил снимать положительный заряд. Процесс дороже нашего раза в четыре, но без него никуда. Так мы втроем Нобелевскую премию и получали: Махалайнен, Оскарик и я. Помню, встретился я с Махалайненом в Хельсинки в первый раз. Я как-то привык, что мы все молодые, поглядели на него и — как с разбегу в стенку! Семидесятилетний старец, брови серебряные, борода лопатой. «Здравствуйте, — говорит, — Александр Петрович, — а меня все Санькой звали, и я сам себя так звал, — очень рад с вами познакомиться. Давно желал, думал, не успею. И вот успел. Рад, сердечно рад». Потом понял, и в краску меня ударило. До этого я вообще не задумывался, может ли человек чего-то не успеть. А сейчас уже и сам подумываю: «Вот этого я не успею. Вот это вряд ли увижу. А то успею — только поднавалиться бы надо». И выходит, что очень многого я не успею, потому что, если по-настоящему дело делать, в нашей науке за всю жизнь больше ста метров и не замостить. Так-то, молодые люди. Ведь до запуска первой полноценной промышленной стоп-спин-станции мощностью девятьсот мегаватт — уж так нам экология определила — не год прошел, не пять, а двадцать четыре года, как одна копеечка. И все двадцать четыре года крутились мы с этим делом, как белочки. И стоила эта работа не семь миллионов рублей на круг, как мы с Оскариком прикинули, не четырнадцать, как выдал нам Земченков для сбития спеси, а триста двадцать два миллиона шестьсот семьдесят тысяч карбованцев. И на что ушла каждая тысяча, я, Балаев, помню. Ох, как помню! А вот профессор Махалайнен красоточки нашей и не увидал. Не успел.

Так что, молодые люди, вы мне не говорите: «Вот вам, Александр Петрович, вектор, вот вам сектор, дайте нам полтора миллиона, и через год будет у вас, — это у меня, значит, — вон я какой царь Дадон! — антигравитация». Расчетики свои вы передайте Семену Григорьевичу. Если хотите, сразу. Сами знаете, кто он. Ни написать, ни нарисовать действующего оборудования не может. Размножьте, раздайте по отделам, готовьтесь. Как будете готовы, я внеочередной семинар назначу. Это я вам твердо обещаю.

А пока, простите, дела. Надо тут с капитальными затратами поколдовать маленько да хоть часть писем разобрать. Вон их какая папка! Может, выдумаете машину, чтобы письма разбирала за меня, а? Ну то-то.





АГОП МЕЛКОНЯН (Болгария)

ВЕТКА СПЕЛЫХ

Он шествует к огромному дереву с прозрачными желтыми листьями, по пестрому ковру из света и тени, к овалу стоячих светло-зеленых вод, пронизанных копьями тростника и лучами. Там водные змеи — точно светло-коричневые полосы на дне — и лягушки стерегут свои тайны, которые он хотел бы раскрыть, как хотел бы взять это размытое округлое пятно с поверхности пруда и унести с собою туда, куда он уйдет. Скрыться в тени запруды, ощутить спиною холодноватые прикосновения ящерицы, а после достать из кармана размытое округлое пятно, поднести к губам и дунуть. Оно рассыплется на миллион парашютиков одуванчика, песнь скворца подхватит парашютики, вознесет к синему покрову небес и растворит в синеве.

И тогда появится тот самый знакомец. Лицо у него цвета раскаленного железа, усталые от бессонницы глаза, и вечно он держит в руках ветку спелых черешен.

— Как тебя зовут? — спросит его мальчик.

— Васко!

— Ну и ну! И я Васко.

Знакомец двинется по косогору, слегка согнувшись вперед, искривленный, как зеркальное колечко под часами в комнате учителя, поскольку путь неблизок и предстоит шагать да шагать. Ступни его оставят широкие следы на светло-коричневом песке, мальчик прикоснется к следу, и в жесте его просквозят усталость, боль, тяжкая привязанность.

— Эй, дяденька, постой! — окликнет мальчик человека с усталыми от бессонницы глазами. — А почему и меня не возьмешь с собой?

Но знакомец будет все отдаляться, светлеть, будто сжигаемый зноем, поскольку неблизок путь и предстоит шагать да шагать.

Рис. Роберта Аветина

Лживые кванты

Мальчик идет по дороге к селу, горы изнывают в безветрии, и небеса темнеют, как засыхающая капля чернил. Что-то его влечет к дому с колодцем и крупными розами, устало поникшими в ту сторону, где берег речки. У ворот приютилась женщина в выцветшем платке, с опущенными на колени руками, лицо ее, цвета березовой коры, застыло в тревоге. Глаза недвижны, в груди поселилась боль, которая не может выйти наружу и кинуться — корчащаяся в безумье — к реке. Женщина молчит, ибо не существует, она еще не нужна, еще мертвы и застывши дома, колодец и тропинка к нему, розы и кролик во дворе. Пока что все это лишь мелкие зерна серебряного хлорида — темные, более светлые, белые, — беспорядочно рассыпанные по целлулоиду, тихие, прилежные, готовые заблестеть в красивом обмане. Пока что все это лишь консервированная иллюзия, которая способна породить мир, исполненный нежности, заботы, укоризны. Отсветы и тени окружат мальчика, и он окунется в них, он поверит в призрачное соприкосновение, примет иллюзорную реальность, свыкнется с псевдообъемностью — тогда, когда сольются правда и вымысел.

— Мальчик приближается к территории эксперимента, — говорит Старший конструктор. — Привести аппаратуру в готовность. Пусть в этот вечер охотник убьет волка, и вообще — да будет хороший конец.

— Все понятно, — отвечает Дежурный.

— Если за семь дней его организм не отторгнет генный заряд, мы сможем спокойно докладывать об успехе.

— Семь дней не так уж мало, шеф. Включаю!

— Мама, ты ведь не сердишься, что я запоздал?

— Нет, мой малыш.

— Дежурный, сделай голос теплее, вспомни, каким голосом говорят ма-

ЧЕРЕШЕН

Воспоминание

тери! Подчеркни гармоники озабоченности.

— Иди, знаешь, какую вкусную картошку я нынче пожарила, ты себе пальчики оближешь.

— А сказку перед сном расскажешь?

— Дежурный, расфокусируй немного глаза женщины, чтобы выглядели прослезенными. Тогда дети становятся другими.

— Конечно, расскажу тебе одну веселую сказку, но сперва поешь. Про Красную Шапочку ты вроде бы не знаешь, а?

— Нет. А я тебя люблю!

Зернышки ожили, трепещут в живом кристалле, иллюзии текут по тысячам тонких световодов, и лазеры превращают их в явь. Танцуют многоцветные спирали, сплетаются, расплетаются, превращаются в прозрачные конусы, пестрые и привлекательные, как поделки народных умельцев. Волны и поля покорны воле компьютера, пред глазами камер, зеркал и резонаторов разыгрывается голографическое действо, интегральные излучатели жестоко правдоподобны, и кванты моделируют мироздание площадью в двадцать квадратных метров, где обитает добрая женщина из зернышек серебряного хлорида и мальчик с евгеничным зарядом.

— Пусть женщина его не целует, мальчик уснул. Отключи аппаратуру, — говорит Старший конструктор. — Оставь включенным только амнезатор!

Монолог Старшего конструктора

Он должен забыть обо всем. Завтра ему снова предстоит открыть лес возле института, реку, мосток, будто он никогда здесь и не бывал. Времена подопытных кроликов миновали, и я не знаю самопризнания жестче, чем это. Он никогда не простит мне ложь, голографическую мать, синтезированную любовь. Но я не знаю, перед кем в большем долгу — перед малышом или перед тысячами детей, которые появляются на свет с наследственными уродствами, генетично обремененные и обреченные. Их можно спасти посредством генного заряда от здоровых людей, и это единственный способ борьбы с несовместимостью, единственный способ преодолеть генетическое насилие — да, это так, психологическое насилие. Насилие для борьбы против насилия — пойми меня, у меня нет иного выхода, ты должен доказать мою правоту.

Все было бы прекрасно, если бы не препятствие в образе дяди Васко с веткой спелых черешен. Когда он это видел, почему это намертво втиснулось в его хрупкую память, почему непобедимо? Ты должен его забыть, забыть в семь дней.

Потому что нельзя перестроить гены, не «разрядив» предварительно память. Да, это нелегко. Это на грани возможного.

Но ведь во имя жизни больных детей!

А пока спи спокойно, мой малыш, стрелка амнезатора — на делении «III». Ты должен забыть этого дядю Васко и ветку спелых черешен. Прошу тебя, малыш, забудь его. Это единственный способ снова вернуться ко мне. Я не могу иначе, я не властен над чужими детьми.

Спи, малыш, спи и позабудь.

Эксперимент

— Мама, ты ведь не сердишься, что я запоздал?

— Нет, мой малыш. Иди, знаешь, какую вкусную картошку я нынче пожарила, ты себе пальчики оближешь.

— А сказку перед сном расскажешь?

— Конечно, расскажу тебе одну веселую сказку, но сперва поешь. Про Красную Шапочку ты вроде бы не знаешь, а?

— Нет. А я тебя люблю.

И тогда неизвестно откуда появляется тот самый знакомец и останавливается у деревянных ворот. Лицо у него цвета раскаленного железа, и, как всегда, в руке ветка спелых черешен. Мальчик бросается к воротам, его босые ноги стучат по черепичным плитам, мимо роз, мимо колодца.

— Как тебя зовут? — спрашивает мальчик.

— Васко.

— Ну и ну! И я Васко.

— Дежурный, верните его немедленно.

Знакомец движется по косогору, слегка согнувшись вперед, искривленный, как зеркальное колечко под часами в доме учителя.

— Эй, дяденька! — окликает мальчик человека с усталыми от бессонницы глазами. — А почему и меня не возьмешь с собой?

— Дежурный, пусть мать закричит, пусть догонит его. Включи поперечное поле. Обычно его воспоминания останавливаются на этом месте, но ты включи поперечное поле. Он не должен соглашаться взять его с собой, мальчик не должен уходить с ним. Это же конец — мальчик не должен возвращаться к самому себе. Ты понял: не должен возвращаться.

— Эй, дяденька, а почему и меня не возьмешь с собой?

— Повысь мощность до пяти мегапсих, подними альфа-ритм. Слышишь, Дежурный, блокируй все до этой отметки!

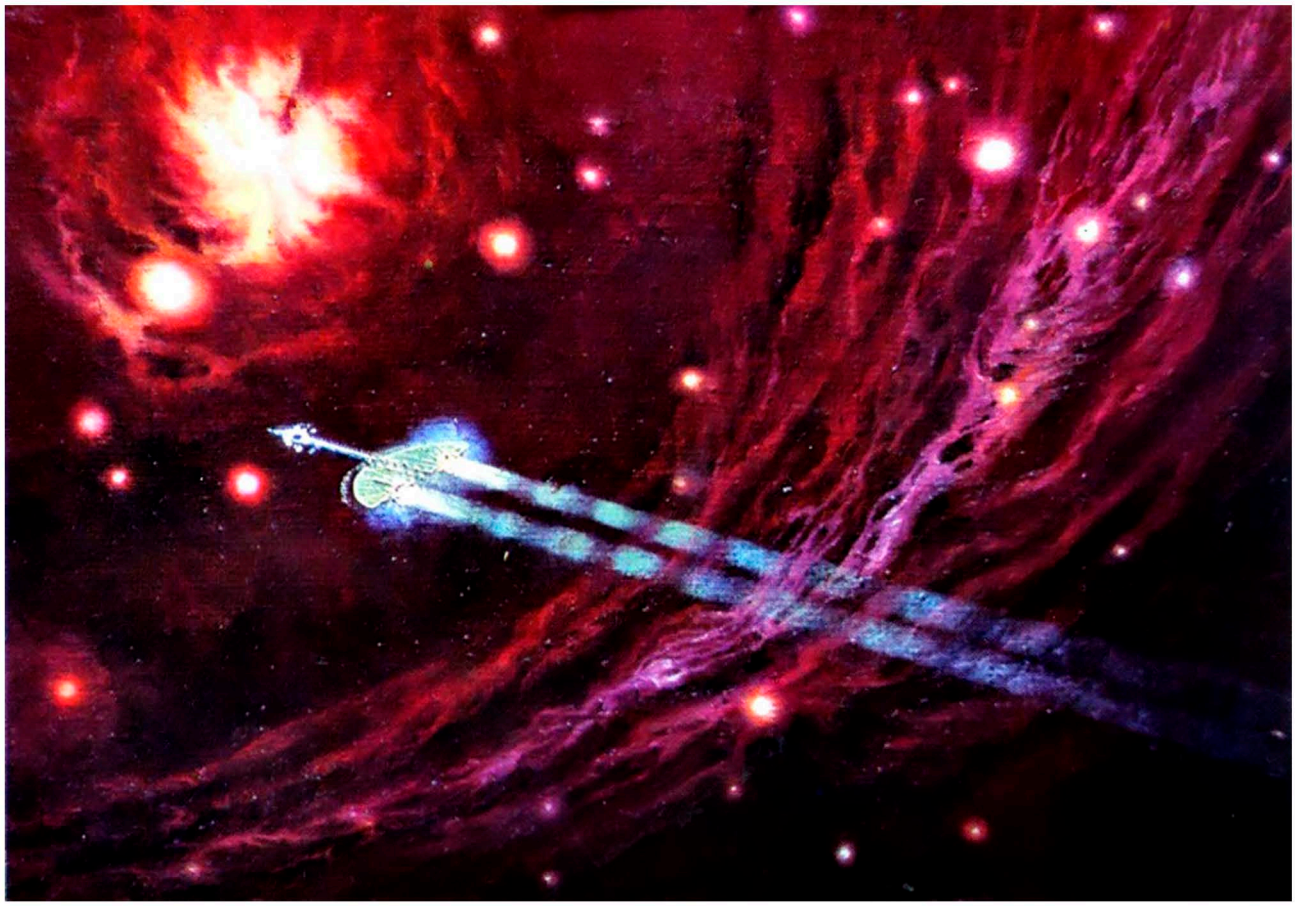
— Эй, дяденька, а почему и меня не возьмешь с собой?

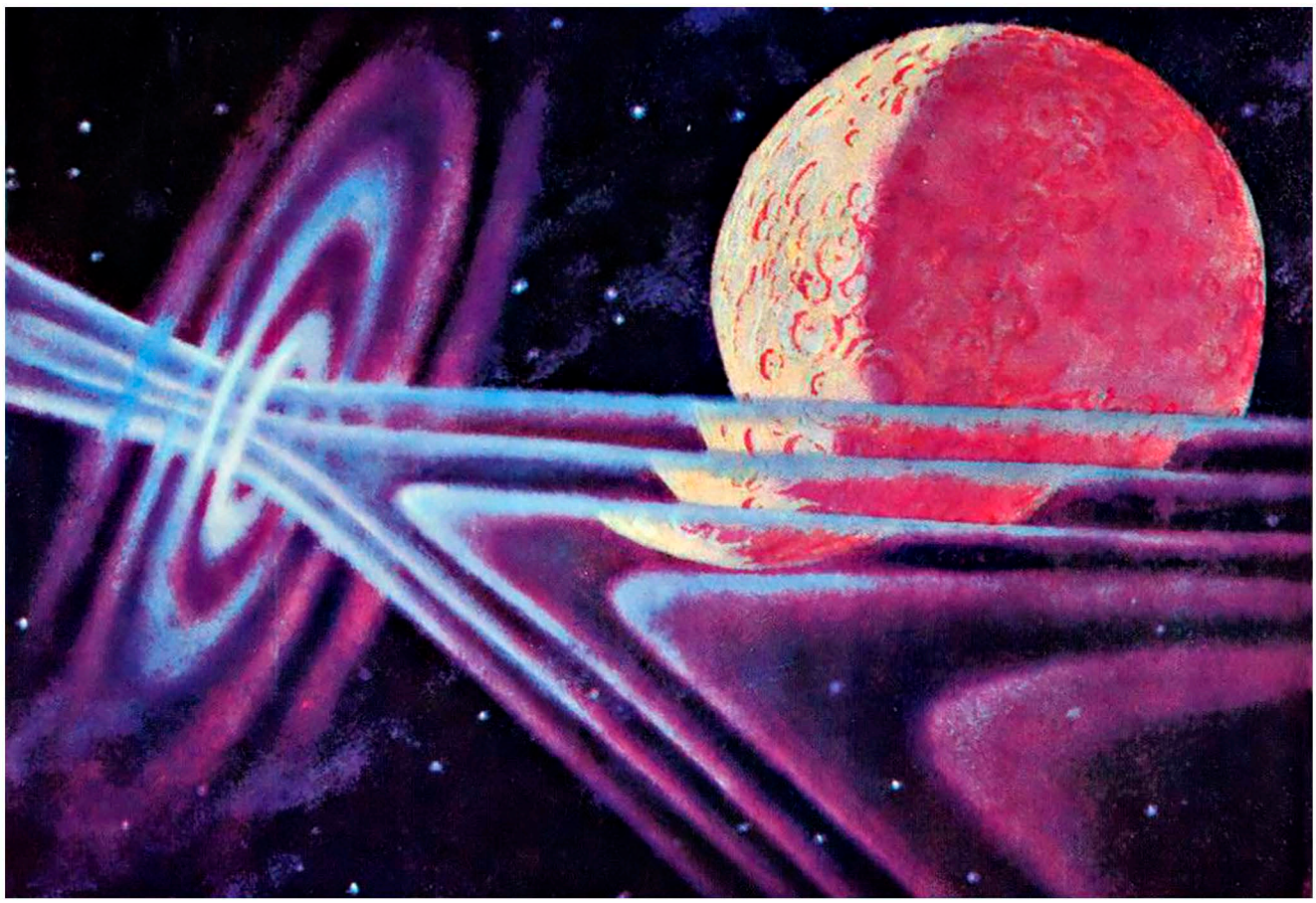
— Идем, малыш.

— Я сделал все возможное, шеф, не могу. Это уже не воспоминание. С этим нельзя бороться. Мальчик продолжил сам себя, он одолел переживание и превратил свое желание в реальность. Видите, как он протянул руку, будто кого-то держит. Будто идет с ним. Идут вдвоем — мальчик и продолженное воспоминание — и уходят. Как будто они уходят вдвоем — один рядом с другим. Потому что мальчик, как и любой человек, хочет быть только одним — самим собой. Значит, снова — в поиск!

Перевела Л. ПАВЛИК

Клуб Любителей Фантастики





КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

ЗЕРКАЛО

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

Рис. Розы Мусихиной

Когда Андрею Северину сказали, что набрана новая группа для работы на Горгоне и что подготовка этой группы проводится по особой программе, он только усмехнулся и махнул рукой. Так или иначе на пятый, от силы на восьмой день работы станция превратится в сумасшедший дом. Кто-нибудь наверняка будет кататься в истерике по полу, остальные будут близки к этому. Потом прилетит беспилотный космолет и увезет всех на Землю. К тому времени геройские лица новых удальцов, как и тех, которые были до них, изрядно потускнеют. Горгона — это Горгона. Здесь в самом деле от нервной перегрузки можно окаменеть.

По сути дела, на Горгоне только и занимались исследованием непонятных эффектов и искали причину их воздействия на человека. Точнее, искали то НЕЧТО, что вызывает кошмары и каким образом ОНО это делает. Про сами кошмары уже известно практически все. Это были галлюцинации, сновидения наяву. Поначалу думали, что все эти чудеса реальны, но их не «засекали» никакие приборы, значит, они обман, иллюзия. Но какой обман! Обман всех чувств, вплоть до осязания. Рука, протянутая к «призраку», не проходила сквозь него, но наталкивалась на предмет, и вдобавок нужно было приложить усилие, чтобы сдвинуть его с места. Трагических исходов, правда, никогда не было, и, видимо, их и не могло быть.

Однако это ненамного облегчало жизнь людей на Горгоне. Попробуйте не облиться холодным потом, когда какое-нибудь фантастическое чудище, материализовавшееся из воздуха, словно только за тем и появлялось, чтобы напугать до смерти. Более девяти дней не выдерживал никто. Никто, кроме Андрея Северина. Это тоже была одна из тайн Горгоны — «феномен Северина», загадка для всех, в том числе для него самого. Никто не мог понять, как мог он проработать на Горгоне уже больше года и простонапросто ни разу не испугаться, когда все остальные, а их перебывало на Горгоне с полсотни, буквально выходили из строя, нервы не выдерживали.

Подготовка новой группы несколько затянулась. Отпуск Андрея продлился почти на неделю. Это его не удивило. Но когда его отправили на Горгону одного и сказали, что остальные прилетят следом, на другой день, тут уж он был и вправду заинтригован. И потому при встрече с группой изучал лица ребят гораздо более внимательно, чем раньше. Однако никаких особенных впечатлений у него не осталось. Лица как лица, немного напряженнее и суровее, чем у других. Он заметил: они старались как-то избегать его, отводили взгляды при встрече. Словно им было неудобно жить рядом с ним, словно они в чем-то виноваты перед ним и теперь стеснялись извиниться, словно знали и боялись сообщить ему какую-то неприятную новость, касающуюся только его...

...На следующий день утром командир группы Саша Бортников принял «боевое крещение». Андрей был с ним в операторской, когда появился искрящийся шар с огромным, выпуклым глазом. Шар подлетел сначала к Андрею и долго, не мигая, глядел на него. Он отодвинул шар в сторону, и тот поплыл к Александру. Андрей перестал работать и начал наблюдать. Шар свалился командиру прямо на руки, и он — вот это да! — даже не вздрогнул, а только брезгливо шлепнул шар ладонью, так что он отлетел под стол и исчез.

Андрей был поражен: новичок даже не вспомнил о таблетках антигала.

...Вечером они сидели в «гостиной». Вдруг локоть одного из ребят, Виктора, соскочил со стола, и на пол брызнул кофе. Виктор побледнел, испуганно взглянул на Андрея.

— Андрей Владимирович, извините. Случайно.

Андрей вздрогнул. Что за абсурд...

Но все смотрели на него, вся группа. Совершенно серьезные лица. Они словно опасливо ожидали, что он скажет. Андрей засмеялся.

— Да вы просто с ума посходили!

Прошло несколько дней. Ребята работали неплохо. Андрей радовался, но странное беспокойство не покидало его.

Однажды он долго не мог заснуть,

выпил антигал... Все думал о причинах завидной храбрости ребят из нового отряда, о разных мелочах, которые нет-нет да и проскальзывали в их поведении. Наконец он понял, что где-то в глубине души начинает бояться этих парней. Может быть, он действительно изменился здесь, на Горгоне, приспособился к ней... но перестал понимать людей?

...День третий. Щупальце осьминога висело в воздухе у выхода из операторской и свивалось в кольца.

— Недурно, — сказал Андрей.

Щупальце словно сообразило, что с Андреем ей не справиться, и поплыло к Александру. Тот, не отрываясь от дела, дважды отодвинул его в сторону, но это не помогло. Тогда Саша ловко поймал его и, не выпуская, продолжал работать.

— Здорово ты его, — проговорил Андрей медленно, с расстановкой, еще сомневаясь, стоит ли начинать разговор.

— А что? — Саша продолжал писать в журнале.

— Да ничего. Так. Не противно?

Саша пожал плечами.

— А тебе? Ты ведь с этой ерундой целый год возишься.

И Андрей где-то в глубине души почувствовал, как это в самом деле должно быть неприятно и жутко.

Он хотел заняться своим делом, как вдруг кровь ударила в голову, и он в испуге отшатнулся.

То была крыса, обычная крыса, прошмыгнувшая по пульту и задевшая руку Андрея.

Через десять минут Андрей был в радиорубке. Он дождался момента, когда его никто не мог услышать, и включил передатчик.

— Голованов слушает, — раздался из динамика привычный голос.

— Игорек, — Андрей придвинулся ближе, чтобы говорить потише, — присылай корабль, и чем скорее, тем лучше.

— Что-то случилось с группой? — тревожно спросил Игорь.

— Нет. Ребята молодцы, им все нипочем. Зато я готов. Дня больше не выдержу. Все. Кончено.

— Да брось ты! — Игорь, кажется, вздохнул. — Вот уж никогда не поверю.

— Я серьезно говорю, Игорек. Если не пришлете корабль, мне уже никто и ничто не поможет. Ясно?

— Ясно, — послышалось из динамика. — Будет корабль.

Одной ночи хватило Андрею, чтобы наверстать все за год. Он проглотил полпачки антигала и к утру измотался совершенно. Ему помогли добраться до трапа. Славные ребята. Они были удивлены. Глядя на них, Андрей начал смутно понимать источник своего бесстрашия. Год назад что-то сработало в его сознании, и он перестал бояться кошмаров Горгоны... пока страшно было другим. Чем больше беспокоились другие, тем безразличнее относился он ко всем этим призракам. Может быть, потому, что знал: кому-то ведь нужно держаться.

Секрет Горгоны наконец открылся. Оказалось, что причина галлюцинаций не таинственное излучение — два года искали не там, где надо, — а летучие масла, выделяемые невесомыми спорами мхов, которых здесь было полным-полно. Несколько молекул достаточно, чтобы оказать заметное воздействие.

...Андрей вырвался в Центр раньше срока: к прилету на Землю ребят с Горгоны. Чтобы узнать подробности. Однако сначала ему пришлось рассказать Симагину, руководителю исследований на Горгоне, о своих злоключениях, его срыв произвел в Центре впечатление не меньшее, чем разгадка тайны Горгоны.

За два месяца, однако, Сергей успел хорошо отдохнуть и сейчас выглядел так, как будто снова готов был отбыть на планету.

— Похоже, мы и вправду кое-что не учли. Не думали, что поведение ребят выбьет тебя из колеи, — признался Симагин. — Решили, что можно скрыть от тебя на время то состояние, в котором они пребывали. А готовились они действительно необычно: полгода сурового аутотренинга, практически самогипноза. Перед отправкой на Горгону они просто внушили себе, что все эти «призраки» необходимая принадлежность жизни, быта. Вот и все.

— И они не помнят теперь, что творилось с ними на Горгоне? — спросил Андрей.

— Воспоминания самые отрывочные, — ответил Симагин. — Обидно вроде, но ничего не поделаешь. Нужно было войти в чужой мир не оглядываясь.

Андрей усмехнулся.

— Победить, приняв, на время признав врага?.. Нет, честное слово, я не сорвался бы, если бы они стали ломать стулья или сказали, что не смогут со мной работать.

Андрей умолк.

В этот момент дверь открылась, и вошел Александр Бортников, руководитель группы, работавшей на Горгоне.

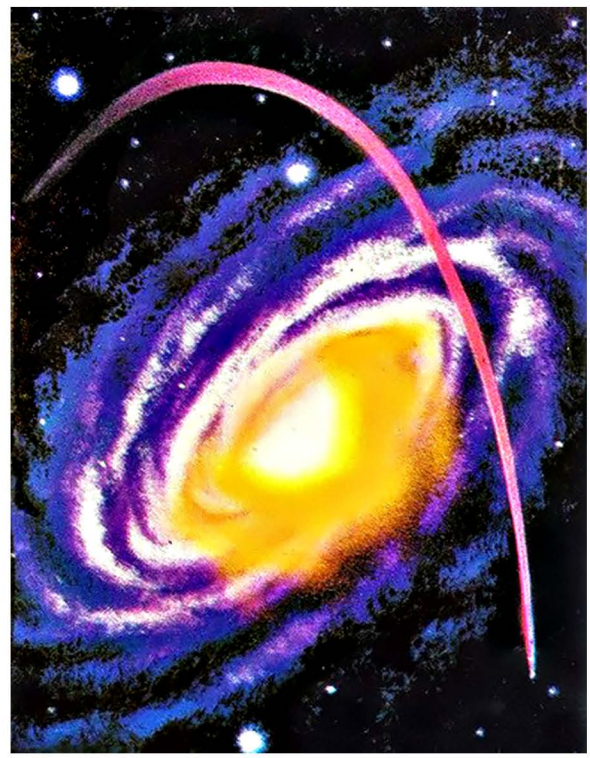
— А, Саша, — Симагин улыбнулся. — Знакомься со знаменитым Северным.

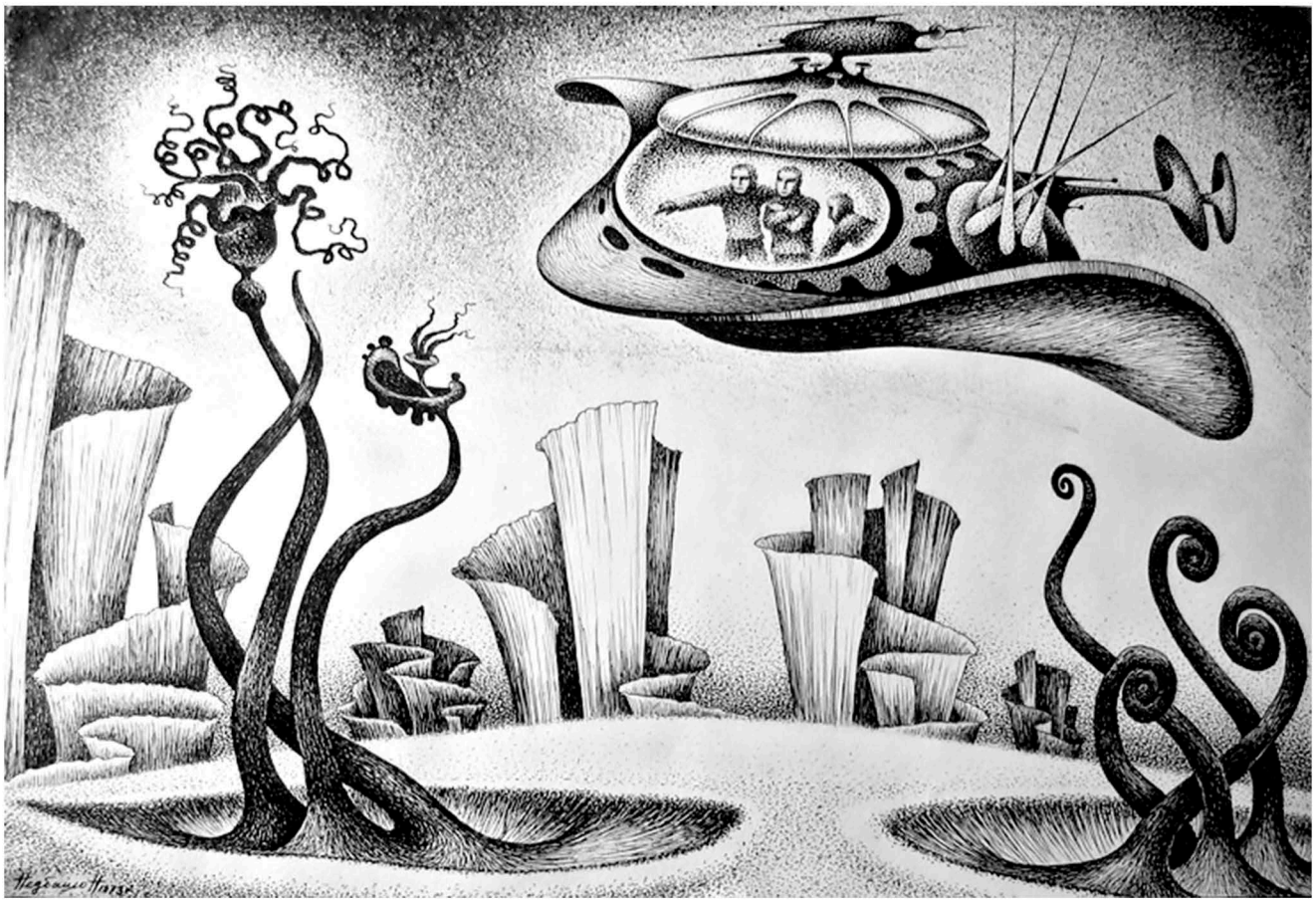
Андрей взглянул на своего шефа... и принял игру.

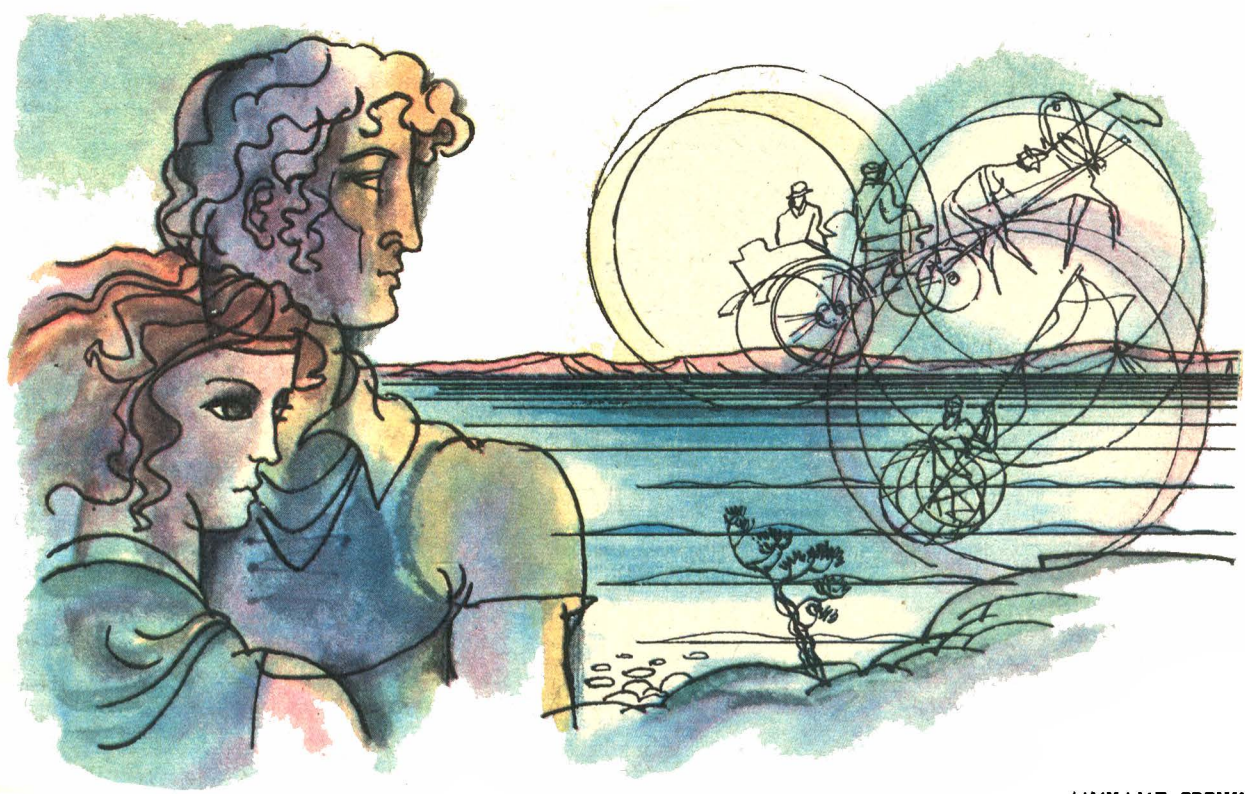
— Андрей. — Он протянул руку.

— Александр, — представился Бортников. — У меня такое ощущение, будто я когда-то случайно с вами сталкивался.

— Вряд ли, — усмехнулся Андрей. — Я-то точно впервые вас вижу.







МИХАИЛ ГРЕШНОВ,
г. Краснодар

СНЫ НАД БАЙКАЛОМ

Научно-фантастический рассказ

Варе и Константину Байкал открылся не сразу. Ракета мчала по водной глади к Шаманьему Камню, справа и слева шли берега водохранилища. Правый был горный. Ракета теснилась к нему, срезая вершины холмов, отраженных на глади вод... Волшебное гигантское зеркало. Местами, незамутненное рябью, оно лежало чистым и синим. Местами лилось серебром — там, где ветер касался поверхности. Ближе к берегу было темным от скрытых под ним глубин. И где-то Шаманий Камень, Байкал. «Проездом Камень, — говорили на пристани, — и сразу Байкал, не пропустите».

— В июне Байкал цветет, — сказал кто-то за спиной Вари.

— Камень! — тотчас откликнулся другой, и Варя и Константин увидели в нескольких метрах по борту черный, облизанный водой камень, который мгновенно ушел назад.

— Смотрите! — Пассажиры прильнули к окнам.

Но Варя и Константин смотрели вперед, в простор...

Они обосновались в местной гостинице. Бросили вещи и выбежали к Байкалу. Как подъезжали к Листвяному, вышли на пристань, промелькнула минута. Может, и в самом деле минута? Ракета не рыбачий баркас: посадка пассажиров, выход проходили стремительно, и то, что мелькнуло перед глазами Вари и Константина, огромное, синее, и что называли «Байкал», просто не уместилось в глазах. Захлестнуло, утопило, и теперь требовалось время, чтобы прийти в себя.

Но прийти в себя было непросто. Варя и Константин поняли: Байкал надо впитывать постепенно, неторопливо, вместе с воздухом, ветром, блеском и синевой. И наверное, молчаливо. Сейчас, выйдя на берег, они стояли у самой воды. Зеркало — Байкал тоже волшебное зеркало — светилось перед ними, трепетало, голубело, синело, где-то вдали переходило в лиловое, уходило в туман, скрывавший далекий берег, и от этого было бескрайним. Казалось, можно ступить на него, идти, и никуда не придешь — растворишься в дали, в свете.

Завороженные, они пошли по берегу.

Не замечали лодок, причала — глаза их глядели дальше. Не слышали говора идущих навстречу людей, какое им дело?

Поднялись по берегу и здесь — позади лес, впереди простор — сели среди камней.

— Костя, — сказала Варя. — Тебе не хочется петь?

— Нет, — ответил Костя. — Зачем?

— А мне хочется.

Мужчина подумал, ответил:

— Пой.

Варя посмотрела на него, склонив голову.

— А не будет ли это... — она не договорила.

— Чем? — спросил Константин.

— Диссонансом.

— Не пойму тебя, — признался Костя.

— Ты ничего не слышишь? — спросила Варя.

— Нет, а ты слышишь?

— С тех пор как мы проехали Камень...

Мужчина ждал, пока кончится фраза.

— Я слышу музыку, — сказала Варя.

Константин засмеялся, привлек Варю к себе.

Варя имела редкую профессию — нейрохимик. Новая наука делала первые шаги в области интенсификации работы мозга, воображения. Да и сама Варя обладала фантазией. Считала — качества эти свойственны всем людям, искала пути к их пробуждению, к художественному обогащению человека.

— Костя, — говорила она, когда они привыкли к Байкалу, стали его частью и не мыслили без него жить. — Хочется необычайных вопросов, необычайных ответов. Все здесь необыкновенное, Костя. Даже травинка, крапива — она совсем не такая, как у нас под Орлом.

Они приехали из центра России — страны тихих утр, спокойных вечеров и неярких красок.

— Даже камень, — продолжала Варя, держа в руке бурый с желтизной камень, — что в нем, скажи? Я слышала, здесь, в Лимнологическом институте, позвонок плезиозавра. Может, в этом камне его тело, мозг? Ну ладно, плезиозавр — это очень давно. Есть более близкие события, люди. Они проходили здесь, жили, мечтали и ушли навсегда. Неужели так просто: прийти-уйти? Не верю, что после людей ничего не остается. От плезиозавра и то позвонок. А я хочу, Костя... хочу видеть перед собой что-то или кого-то сейчас. Хочу слышать голоса, речь. Это не смешно, нет?

— Говори, — сказал Костя.

— Хочу, — продолжала Варя, — закрыть глаза и представить ярко кого-то из этих людей. Ты хочешь?

— Хочу.

— Я ведь работаю над этим. Я хочу, чтобы ты помог мне.

— Как?

— Настройся на мою волну. На мое видение.

Костя невольно закрыл глаза, сосредоточился.

— Я вижу берег, — между тем говорила Варя. — Дорогу. Ты видишь, Костя?

И Костя увидел.

Медленно — лошади плохо тянули, отмахиваясь от оводов, — двигался тарантас. Возница, в зипуне, в стоптанных сапогах, дремал, еле удерживая в руках кнутовище. Сбоку от возчика, поставив ноги на жестяную ступеньку, сидел человек с бледным лицом, в пенсне, с небольшой аккуратной бородкой. «Чехов!» — узнал Константин. Тарантас проезжал медленно и, кажется, рядом, Константин успел хорошо рассмотреть лицо Антона Павловича, задумчивое, усталое: печальный взгляд, скользнувший по Байкалу, по берегу и, кажется, по нему, Константину. От этого взгляда стало невыносимо Константину, попытался отвести глаза и услышал будто издалека, голос Вари:

— Я тоже не могу. Уйдем, Костя...

Наверно, они ушли, может быть, отвернулись, потому что тарантас, возница и Чехов исчезли, а картина внезапно переменилась.

Теперь был другой берег, дикий, лесистый, ели подступали к воде. Байкал неспокоен, набегала волна, ветер срывал, раздувал пену. Здесь же, между камней, шарахалась на волне большая пузатая бочка. Человек, вошедший в воду, делал возле нее работу: Константин видел покрасневшие от холода, исцарапанные руки, бородатое ожесточенное лицо человека, котомку, болтавшуюся у него за спиной. Но вот бочку стало меньше болтать, человек, навалившись на край, перебросил в нее ногу, другую, повернулся на животе, оказался внутри. Мужчина удовлетворенно взглянул на берег, поглядел на воду, на далекий, чуть видневшийся противоположный берег, перекрестился.

— Доедет, — сказал Константин.

— Доедет, — отозвалась рядом Варя, и все исчезло.

Они сидели на скале в свете дня. Шумели позади сосны, Байкал горел синим, солнце пылало.

— Что это? — спросил Константин, встряхивая головой. — Гипноз?

Варя ответила:

— Мы там были.

Некоторое время они молчали.

— Можешь ты наконец объяснить? — спросил Константин.

— До конца не могу, — призналась Варя. — Ты ведь знаешь о моей специальности: работа с мозгом, воздействием на подсознание человека. Тут я в своей тарелке. А вот со временем... Здесь много неразрешенных вопросов.

Костя был инженером Орловского приборостроительного завода, знал механику, электронику. О времени имел смутное представление, кто из нас имеет о нем очерченное понятие?..

— Передвигаться во времени физически, — продолжала Варя, — сегодня мы не умеем. Может, когда-то, в будущем... Но то, что было в природе и что будет, несомненная реальность. А если реальность, то ею овладеть можно, и человек овладеет. Может быть, не возьмет в руки, не рассмотрит под микроскопом, но увидеть прошлое, будущее — возможно.

Скажи, — обратилась она через секунду, — чувствовал ли ты в первой картине зной, слышал звон тарантаса?

— Нет, — сказал Константин.

— И во второй мы не чувствовали холода, ветра. Физически мы там не были, сидели здесь, на берегу. И все-таки мы там были. Было наше сознание. Значит, при определенных условиях: желание, душевный настрой или еще что-то — неоткрытые возможности мозга — мы можем свое видение оторвать от себя, пустить его в путешествие.

— Во времени?

— Да.

Костя поежился.

— Мы пока что были глухи в тех эпизодах, которые нам открылись. Но, возможно, научимся читать, разгадывать мысли — мысль тоже материальна, — научимся слышать звуки и тогда узнаем, о чем думал Чехов в то мгновение, когда встретился с нами взглядом, услышим стук тарантаса и шорох ветра.

— Почему мы увидели именно эти картины, Варя?

— Их сохранил Байкал. Ничто в мире не пропадает бесследно. Может, прошедшее впитано глубиной вод, скалами. Может, оно существует в потоке времени. Представь нескончаемый поток, — глаза Вари блестели от возбуждения, — себя в нем. Позади прошлое, впереди будущее. При каких-то условиях можно передвигаться по этой реке — вырваться вперед, повернуть назад. Так же, как по лучу звезды. Луч материален. Когда-нибудь научимся передвигаться по нему, как по рельсу. Грубо? Но в принципе возможно — не отрицаешь? Так и время — материально. Больше, Костя: выдвигается взгляд на время как на поток энергии. Именно это — река энергии — движет в природе все, от развития клетки до светимости звезд.

— Все это понять нелегко, — задумчиво сказал Костя. — И принять.

Варя кивнула головой, соглашаясь.

Костя секунду помедлил:

— Жаль, что мы не можем слышать.

— Первое кино, — ответила Варя, — тоже было немым.

Варя поднялась на ноги. Пошли над Байкалом. Тропка, выбитая множеством ног, поднималась на пригорки, спускалась. Сколько людей проходили здесь. Сколько на берегах Байкала жило! Мечтало, трудилось, делало открытия. А сам Байкал не открытие?

Были в Лимнологическом институте. Беседовали с научным сотрудником, и все хотелось спросить: что самое необычайное на Байкале?

Сотрудник ответил:

— В июне Байкал цветет...

Признались, что слышали эту фразу.

Сотрудник сказал:

— Поднимайтесь на скалы выше утром и вечером.

И теперь Варя и Константин вставали до зорьки и, взявшись за руки, бежали на скалы,

Озеро светлело вместе с зарей. Голубые крылья опускались на воду, лиловые, синие, стелились на поверхности, совмещались, дышали и трепетали. Солнце добавляло им розового, красного, пригоршни золота, небо купалось в озере. Отражение облаков и гор тоже. Вместе с солнцем Байкал вспыхивал изнутри зеленью вод, фиолетовой глубиной. Опять все это совмещалось, дышало. Белизна тумана бродила над озером там и здесь, солнце прогоняло туман, и все краски, оттенки красок приобретали первозданные цвета, теплоту.

— Вот откуда музыка, Костя, слышишь?

Костя слышал плеск волн у берега, шорох леса.

— Не то! — говорила Варя. — Хочешь, я тебя научу слушать?

Конечно, Косте хотелось.

— Оранжевая полоса, смотри, — говорила Варя, — это звук виолончели. Красная — рокот фагота. Всплески солнца на поверхности — звуки литавр. Голубые полосы — флейты. Слышишь теперь?

Садились на скале, закрывали глаза.

— Город... — говорила Варя.

Они видели город — белый прекрасный город, с просторными площадями, улицами.

— Северобайкальск!..

Город еще только строился — конечный пункт Байкало-Амурской железной дороги, а они, Варя и Константин, видели его построенным — светлым, прекрасным.

— Будущее? — спрашивал Костя шепотом.

— Будущее, — отвечала шепотом Варя. — Завтрашнее.

— Ты мое открытие, — говорил Константин. В последние дни перед отъездом он засиживался над чертежами. — Ты мне дала новую мысль!

Варя склонялась над его плечом, заглядывала в чертеж. Костя чувствовал ее теплоту.

— Мысль материальна, — продолжал Константин. — Ее можно ощутить и поймать. Это, — показал на чертеж, — контур, усилитель. Как ловят радиоволну в приемнике, так мы обнаружим — в прошлом или в будущем, все равно — и расшифруем мысль.

Варя затихала на минуту, вглядывалась в чертеж.

— Контур, — показывал Константин. — Антенна, приемник... Можно сделать в виде шлема или короны.

— Согласна, — кивала Варя.

— Прошлое, будущее оживут перед нами.

Варя соглашалась.

— Перед человечеством, — уточнял Константин.

Позже, идя на Байкал, они обсуждали открытие.

— Есть моральный аспект открытия, — говорила Варя. — Ты с этим считаешься?

— Подслушивать мысли? — отвечал Костя. — Да, тут, конечно...

— Надо подумать.

— Думал, Варя. И вот что скажу.

Они садились на свое любимое место на скалах.

— Для прошлого это не опасно, — продолжал Костя. — Прошлое — это история. Тут ничего не изменишь разве, что уточнишь. Интриги политиканов, замыслы злых и жестоких правителей, подленькие хитрости торгашей лишь иллюстрация для истории, будут раскрыты все преступления...

— А для будущего?

— А в будущем — это знают. Оно будет лучше и чище. Согласна?

Варя сидела задумавшись.

— Все новое кажется странным, даже опасным, — продолжал рассуждать Константин. — Расщепление атома, роботехника — все это ниспровергало что-то и в то же время двигало науку вперед.

— В разумных руках, — заметила Варя.

— Обязательно, — согласился с ней Костя. — Но теперь наступил черед мыслетехники и покорения времени. И все это, заметь, дисциплинирует человечество, делает его более умным.

Варя вздохнула, заговорила о другом:

— Иногда мне кажется, что Чехов и беглец в омулевой бочке, город за горизонтом — многое, что нам еще удалось увидеть, — сны. Разбуди меня, Костя.

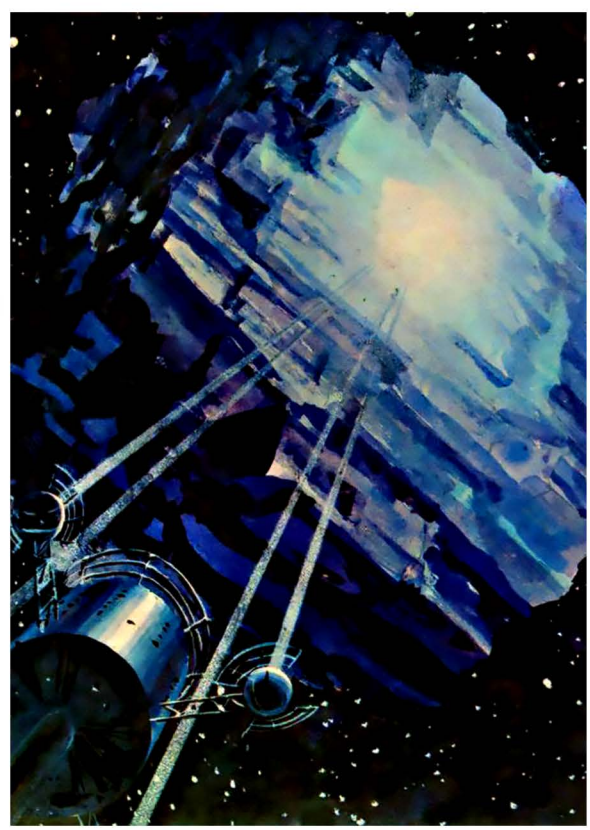
— Сны тоже станут подвластны людям, — ответил Костя.

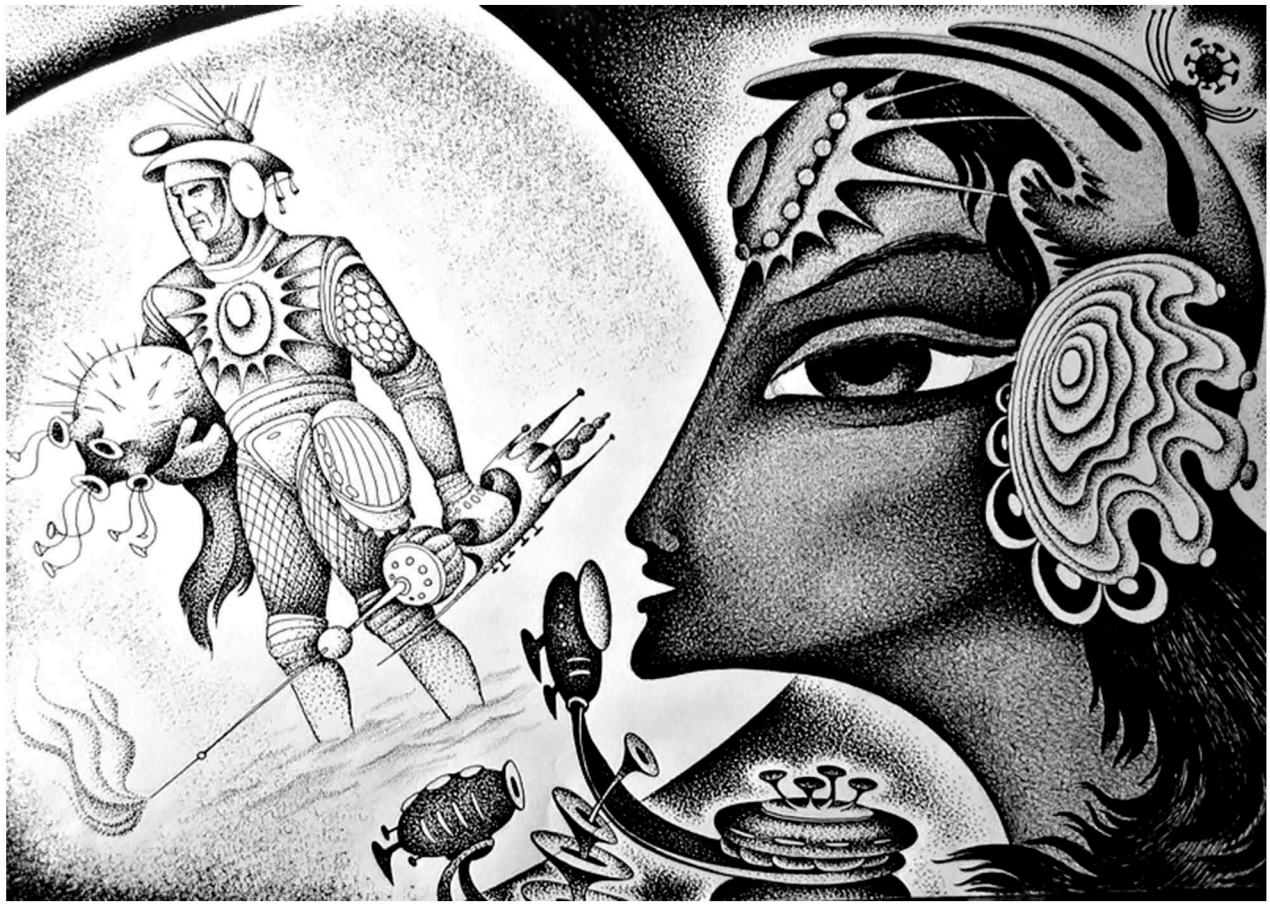
Уезжали они вечером автобусом на Иркутск по недавно проложенному шоссе. Байкал, Ангара, Шаманий Камень оставались слева, Варя и Константин смотрели на них в окно.

— Грустно... — сказала Варя.

— Уезжать всегда грустно, — ответил Костя, — но мы вернемся.

Впереди ждала работа, борьба за открытие, и в этом им помогут — Варя и Костя не сомневались — цвета Байкала, музыка, их надежды и сны.





«Красный гигант.Космодром»

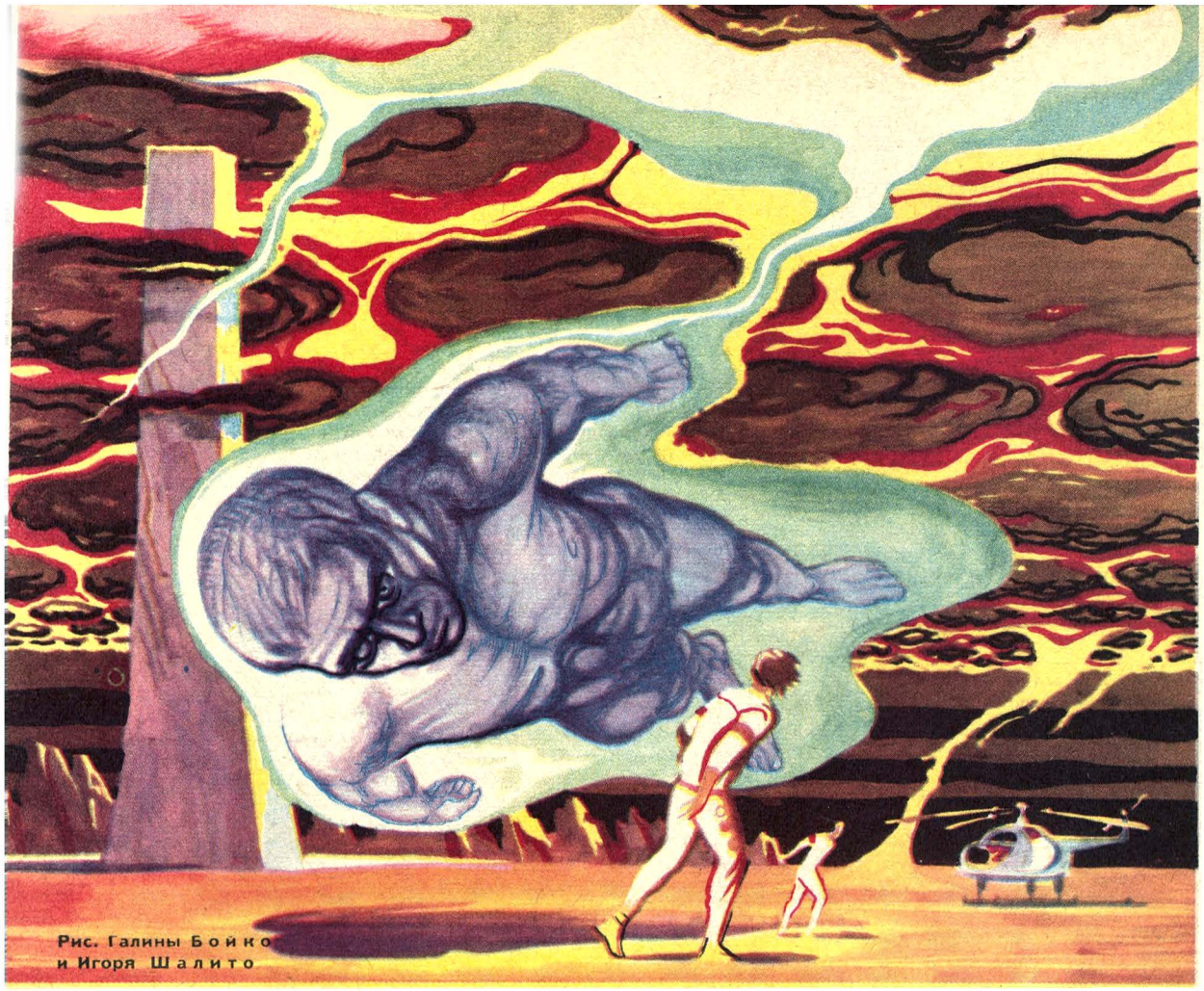


Рис. Галины Бойко и Игоря Шалито

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

БЕГЛЕЦ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ, г. Днепропетровск

Вертолет снизился до двухсот метров и, накренившись, пошел по кругу.

— Видите желтое пятно? — спросил пилот Березина. — Это и есть Драконья пустошь. В центре — Клык Дракона.

Клык представлял собой совершенно гладкий каменный палец диаметром около ста метров и высотой чуть выше полукилометра. Палец был окружен обширным песчаным «озером», которое с трех сторон охватывала тайга, а с четвертой ограждали крутые, израненные фиолетовыми тенями бока горного кряжа Салаир.

— Давай вниз, — показал рукой Березин, — на макушку.

Пилот отдал штурвал, и вертолет провалился вниз, взревев моторами у самой вершины скалы.

Со скалы Драконья пустошь казалась бесконечной пустыней, ровной и гладкой до удивления. Ни камня, ни кустика Березин на ней не заметил, а негреющий желток солнца над горизонтом и белесый пустой небосвод только довершали картину мертвого спокойствия. Ветер и тот стих, словно боялся нарушить тишину...

Березин топнул ногой в коричневый монолит, испещренный узором мелких трещин, вообразил себя со стороны и усмехнулся. Клык Дракона был отличным постаментом для памятника, он и сам казался монументом забытым эпохам горообразования, памятником времени, сгладившему его бока, но неспособному стереть его до основания...

Счетчик Гейгера и дублирующий дозиметр Березин включил еще в воздухе, но они молчали — радиации над Драконьей пустошью не было. Но что-то было, раз его, эксперта ЦЕНТРА по изучению быстротекущих явлений природы при АН СССР, послали сюда в командировку.

— Послушай, ты не знаток местных легенд? — спросил Березин, подходя к краю площадки.

— Не то чтобы знаток, но... буряты говорят — дурная земля. Зверь вокруг пустоши не живет, люди тоже почему-то не селятся. По преданиям, в этих краях обосновался дракон, дыханием своим иссушающий сердца людей...

— Поэтично. И загадочно. Радиоактивности нет, и это очень странно. А два дня назад...

Два дня назад в этом районе разразилась магнитная буря с центром в зоне Драконьей пустоши. А спутники отметили здесь еще и источник радиации, появляющийся и исчезающий примерно раз в год. Березин вылетел к Салаиру сразу же, как только в ЦЕНТР пришло об этом сообщение, но, выходит, пока он собирался, источник радиации снова исчез.

— Очень странно, — повторил Березин задумчиво.

Пилот выглянул из кабины. На лице его, и до этого хмуром, отразилось вдруг беспокойство.

— Мне почему-то хочется смотаться отсюда, и побыстрей. А тебе?

От этих слов Березину стало не по себе, пришло ощущение неуютности, и ему внезапно показалось, что в спину ему пристально смотрит кто-то чужой...

Впечатление было таким острым и реальным, что он невольно попятился, озираясь и чувствуя, как потеют ладони. На многие десятки километров вокруг не было ни единой души, кроме них двоих, но ощущение взгляда не исчезло, усиливалось и наконец стало непереносимым.

— А, ч-черт! Поехали!

Березин ретировался под сомнительную защиту вертолета, влез в кабину и захлопнул дверцу.

— Ага... — пробормотал пилот. — Тоже проняло?

Вертолет взмыл в воздух, мелькнули под ним и ушли вниз отвесные бока скалы и сменились желто-оранжевой, ровной как стол поверхностью песков. Клык Дракона отдалился...

— Сядем на песок? — спросил Березин, все еще глядя на таинственную скалу, странный каприз природы, воздвигнувшей идеальный обелиск в центре песчаного массива. Уж не работа ли это человеческих рук? Но кто, когда и, главное, зачем?

Пилот помотал головой.

— На песок нельзя.

Спустя несколько минут вертолет завис над узенькой полоской земли возле стены леса и спружинил на лапы.

* * *

Только теперь Березин обратил внимание на то, что лес, начинавшийся всего в полусотне шагов, был какой-то странный — сухостой. Корявые стволы переплелись безлистыми ветвями, создавая мертвую серую полосу вдоль песчаной глади, насколько хватало глаз. Живой, зеленый лес начинался за этой полосой не сразу, и как бы с уменьшением той силы, которая засушила его у опушки.

Березин с недоумением разглядывал колючую поросль высохшего кедрового стланика, но пилот окликнул его, и он поспешил на зов.

— Смотри, — пилот подобрал камень и забросил на недалекую песчаную поверхность. Камень упал и исчез из глаз, словно нырнул не в песок, а в воду. Пилот кинул еще один, поближе, но с тем же результатом.

— Зыбун.

— Зыбун? — удивился Березин. — То-то песок такой гладкий — ни барханов, ни ряби. Зыбун... На все два десятка километров?

— На все. Когда начинается ветер, песок аж течет, сам видел. Ну что, будешь брать пробы?

— Непременно. А завтра заберем помощника, перевезем палатку и все необходимое. Придется позагорать.

«А что, если Клык Дракона — неизвестное сооружение, а зыбучие пески — охранная зона? — пришла странная мысль. — Почему бы и нет? Впрочем, ерунда!» — И Березин энергично принялся за работу.

А через полчаса, когда он взял необходимые пробы грунта, сделал замеры и собрался отнести приборы к вертолету, горизонт вдали над центром песчаной плеши вспыхнул вдруг лиловым пламенем, песчаная равнина встала дыбом, и спустя несколько секунд прилетел жаркий вихрь, обрушился на лес и принес с собой жуткий рев и желтую мглу.

Воздушная волна отбросила Березина глубоко в колючие заросли сухого леса. Пока он выбирался, царапая тело острыми сучьями, рев слегка утих, как бы отдалился. Теперь он напоминал шум водопада, слышимого с недалекого расстояния.

— Жив? — окликнул Березин пилота.

— Очень может быть, — мрачно откликнулся тот, невидимый из-за плотной желтой пелены пыли.

Березин пробрался на голос, обошел смутно видимую тушу вертолета и сел рядом.

— Что это было?

— Ты меня спрашиваешь? Вертолет вот повалило, придется теперь ставить... А рвануло как раз в районе Клыка, недаром меня тянуло выбраться оттуда.

— Метеорит? Или чьи-то неудачные испытания?

Пилот пожал плечами и закашлялся.

— К чему гадать? Подождем, пока сядет пыль, и слетаем.

* * *

Желтая мгла рассеялась настолько, что стал виден лес, пустыня и зеленоватое небо. В той стороне, где прогремел неожиданный взрыв, все еще громыхало и в небо ввинчивался черный с синим столб дыма, подсвеченный снизу оранжевым. Дым с глухим ворчанием распухал в плотное облако, расползающееся, в свою очередь, по пескам.

— Чему там гореть? — пробормотал пилот, глядя на тучу из-под козырька руки. — Ведь скалы одни...

Березин постоял рядом, напрягая зрение, потом вспомнил о своем бинокле, кинулся было в кабину и неожиданно заметил невысоко над песком движущееся черное пятно. Оно медленно, плавно плыло по воздуху, и было в его очертаниях что-то необычное, притягивающее взор.

Не сговариваясь, они бросились вдоль опушки леса к тому месту, где должно было пристать пятно, и, еще не добежав, Березин решил, что это человек, одетый во все черное.

Плыл он в очень неестественной позе метрах в трех от земли, словно ничего не весил, и пролетел бы мимо, если бы не пилот, отломивший на бегу длинный сухой сук и остановивший неуклонное скольжение незнакомца. Тело человека медленно обернулось вокруг конца ветки и вдруг тяжело рухнуло на землю, будто оборвало те невидимые нити, которые поддерживали его в воздухе.

Березин обошел тело и наклонился, всматриваясь в лицо незнакомца. Лицо его, несомненно, принадлежало человеку, и все же наметанный глаз Березина отметил и безупречные овалы глаз, открытых, но темных, без проблеска мысли, и прямой, едва выступающий нос, и слишком маленький рот, и слишком густые брови... Человек? Или?.. Впрочем, что значит «или»?

— Чудной какой-то, — пробормотал пилот, встретившись взглядом с Березиным.

И тут с глаз незнакомца стала исчезать темная пелена. Через несколько секунд они сделались прозрачными, наливаясь «электрическим» сиянием. Незнакомец неуловимо быстро изменил позу, точно перелился из положения «лежа» в положение «сидя», некоторое время не сводил своих странных глаз с облака пыли и дыма на горизонте, потом непонятная гримаса исказила его лицо, и низкий, чуть ли не уходящий в инфразвук голос медленно произнес:

— И последняя ошибка...

— Кто вы? — спросил Березин, даже не стараясь скрыть изумления.

Незнакомец повернул голову.

— Землянин, — с неожиданной тоской отозвался он после паузы. — Можете называть меня Деон. Веселенькая ситуация, не правда ли?

— Ситуация, конечно, того... — пробормотал ошеломленный Березин. — Но на человека вы... в общем-то... Да и летать люди не умеют...

Незнакомец с видимым интересом оглядел Березина и пилота и вдруг улыбнулся. Во всяком случае, гримаса его была похожа на улыбку.

— Я не сказал — человек, — произнес он все тем же низким голосом, — я землянин, и только.

Незнакомец словно погас, неожиданно лег, вернее, как бы перетек в лежачее положение, и продолжал уже лежа:

— Кроме того, я беглец.

Березин посмотрел на растерявшегося пилота, лихорадочно соображая, что делать дальше. Обстановка складывалась исключительная, и, хотя он и был подготовлен к неожиданностям — год работы экспертом в ЦЕНТРЕ приучил его ко всему, — такого поворота событий не ожидал.

— Что предлагаешь делать? — быстро спросил он. — Его надо в Москву.

— Нет, — вмешался Деон. — Время моей жизни истекает. Я успею лишь ответить на ваши вопросы. Спрашивайте.

* * *

Березин слушал Деона с неопределенным чувством — нечто среднее между иронией, изумлением и тревогой. Поверить до конца в происходящее он не мог, не мог решить, как к нему относиться.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ АНТАСТИКИ

По словам странного чужака, двести миллионов лет назад на Земле существовала цивилизация, по какой-то причине (по какой — Деон не захотел уточнить) исчезнувшая в веках. Лишь немногие, в том числе и Деон, успели бежать в будущее, найдя миллионы лет спустя новую цивилизацию, молодую, горячую и... небезопасную.

— Да, небезопасную, — повторил Деон. — К сожалению, у нас не было выбора. Вы, люди, — дуэнерги! Вы излучаете сразу два вида энергии: разрушения и созидания! Вам неведомо, что источниками излучений являются ваши эмоции: энергии разрушения — зло и ненависть, созидания — доброта и гуманизм. Источник один — эмоции, но виды энергии разнятся так же, как ваши машины для созидания отличаются от машин для разрушения. Вы даже не подозреваете, что обладаете исполинской силой, способной творить вселенные! И тратите эту силу поистине с безумной щедростью и, главное, абсолютно бесполезно, даже не замечая ее существования. Кроме редких, случайных проявлений — телекинеза, например. Взамен приходит пустота...

— Почему же наша цивилизация небезопасна? — спросил задетый Березин, когда молчание затянулось. — В каком отношении?

— В последнее время наши приборы фиксируют нарастающую волну бессмысленных трат энергий созидания, а мы достаточно опытны, чтобы понимать, к чему это ведет.

— Равнодушие, — догадался Березин, мрачнея.

— Да. Природа не терпит пустоты, и, не встречая сопротивления, гипертрофически растет энергия разрушения. К чему мы и пришли... за двести миллионов лет до вашего рождения.

Моим товарищам повезло больше, многие из них прошли инверсию благополучно, попав в другие периоды времени... века. А я... я ошибся, ошибся дважды, уже самое бегство было ошибкой. — Голос Деона понизился до шепота. — И вся жизнь...

— Это взрыв? — начал Березин.

— Инерция была слишком велика, когда я захотел остановиться, — прошептал Деон, — и инвертор времени захлебнулся. — Он перевел взгляд к редеющей мгле на горизонте...

Спустя четверть часа пилот снял переборку за сиденьями, куда они с великим трудом поместили Деона: тело нежданного беглеца из своего времени оказалось необычайно тяжелым. Он не сопротивлялся, только сказал:

— Напрасно вы возитесь со мной, помочь мне не в силах никто. Я не гуманоид... да-да. Настоящий мой облик, все эти «руки», «ноги» — порождение вашей фантазии, как и мой «русский» язык. Вы с вашим товарищем и видите-то меня по-разному...

Березин не удивился, только кивнул, его уже трудно было чем-нибудь поразить.

— Излучение зла... — сказал он, кое-как умещаясь над поверженным пассажирским сиденьем. — Это, наверное, условность?

— Конечно, — отозвался Деон. — Градации условны. Излучение имеет спектр, и каждая эмоция дает свою полосу. Какая ирония природы — вы, величайшие из творцов, не знаете своей огромной творящей силы!

«Огромные силы — может быть, — подумал Березин, перед мысленным взором которого промелькнули картины человеческой деятельности. — Но одновременно и страшные силы!.. Если, конечно, все это не шутка и не розыгрыш... или бред. Сколько еще у человека злобы и ненависти, равнодушия и зависти! Может, и права эволюция, что не раскрыла нам сразу всего нашего могущества. Прежде надо научиться излучать в одном диапазоне — доброты и отзывчивости... А пока к нам бегут из бездны прошлого... не потому ли, что сами оказались бессильными перед своим собственным могуществом? Кстати, а действительно ли они владеют излучением эмоций? В чем это выражается?»

— А что это значит — управлять энергией зла, доброты? — спросил Березин.

Деон молчал с минуту.

Фыркал мотор, пилот, не вмешивающийся в беседу, несколько раз выскакивал из кабины и возился наверху. Наконец он запустил двигатель, и кабина задрожала от вибрации ротора.

Потом раздался выразительный голос (голос ли?) беглеца:

— Пожалуй, я дам вам знание своей собственной радиации доброты, хотя это и небезопасно. Но я уверен, что вы сможете воспользоваться этим знанием не только для себя.

Глаза Деона налились белым светом, у Березина внезапно закружилась голова, и он судорожно ухватился руками за какую-то балку над головой. И в это время тело Деона стало вдруг распухать и распадаться черным дымом. Дым заполнил кабину, перехватил дыхание.

Березин ударил ногой в дверцу и вывалился на землю, задыхаясь от кашля. Отползая на четвереньках от вертолета, из которого, как из кратера вулкана, валил дым, он увидел по другую сторону выпавшего и отчаянно ругавшегося пилота.

Двигатель работал, лопасти вращались и прибивали струи дыма к земле. «Он умер... — метались лихорадочно мысли. — Он был прав, спасти его мы бы не смогли... но все равно это несправедливо... и его жаль...»

Глаза начали слезиться, кашель выворачивал внутренности наизнанку, голова гудела, и Березин, судорожно загребая землю руками, отползал от вертолета все дальше и дальше.

— И тут я почувствовал, что теряю сознание... — Березин облизнул сухие губы и замолчал.

— Интересно... — пробормотал Богаев, поправляя сползающий с плеч халат. — Очень интересно... и правдоподобно. Однако вынужден тебя огорчить — все это тебе привиделось. Или почудилось, показалось, померещилось — выбирай любую формулировку.

— Расспросите пилота, он подтвердит.

Богаев нахмурился, встал со стула и подошел к окну палаты.

— Пилот погиб, — сказал он глухо. — Когда взорвался этот проклятый газовый мешок, вертолет, очевидно, бросило о землю, и двигатель взорвался.

— Газовый мешок? — прошептал Березин. — Взорвался вертолет? Не может быть...

— Может. Тебя подобрали в глубине сухого леса, а он... его нашли в песке слишком поздно.

— Газовый мешок!

— Подземные пустоты, заполненные газом. Наверно, раньше газ просто просачивался в районе Драконьей пустоши понемногу, а когда мешок взорвался, волна газа окатила все вокруг пустоши на десятки километров. Отсюда и твои галлюцинации — надышался. Излучение зла... Надо же!

Березин посмотрел на свои забинтованные руки. Галлюцинации! Ничего этого не было! Не было странного беглеца из страшно далекой эпохи, по имени Деон, не было их разговора... И вдруг Березин вспомнил: «Я дам вам знание своей собственной радиации доброты...» Что хотел сказать Деон? Ведь он был, был!

— Разбинтуйте мне руки, — попросил Березин тихо.

— Зачем? — удивился Богаев, оборачиваясь.

— Разбинтуйте, пожалуйста.

— Ты с ума сошел! — Богаев с тревогой посмотрел в глаза Березину. — Зачем это тебе? Врач меня из окна выбросит, несмотря на то, что я твой начальник.

— Авось не выбросит, вы быстро.

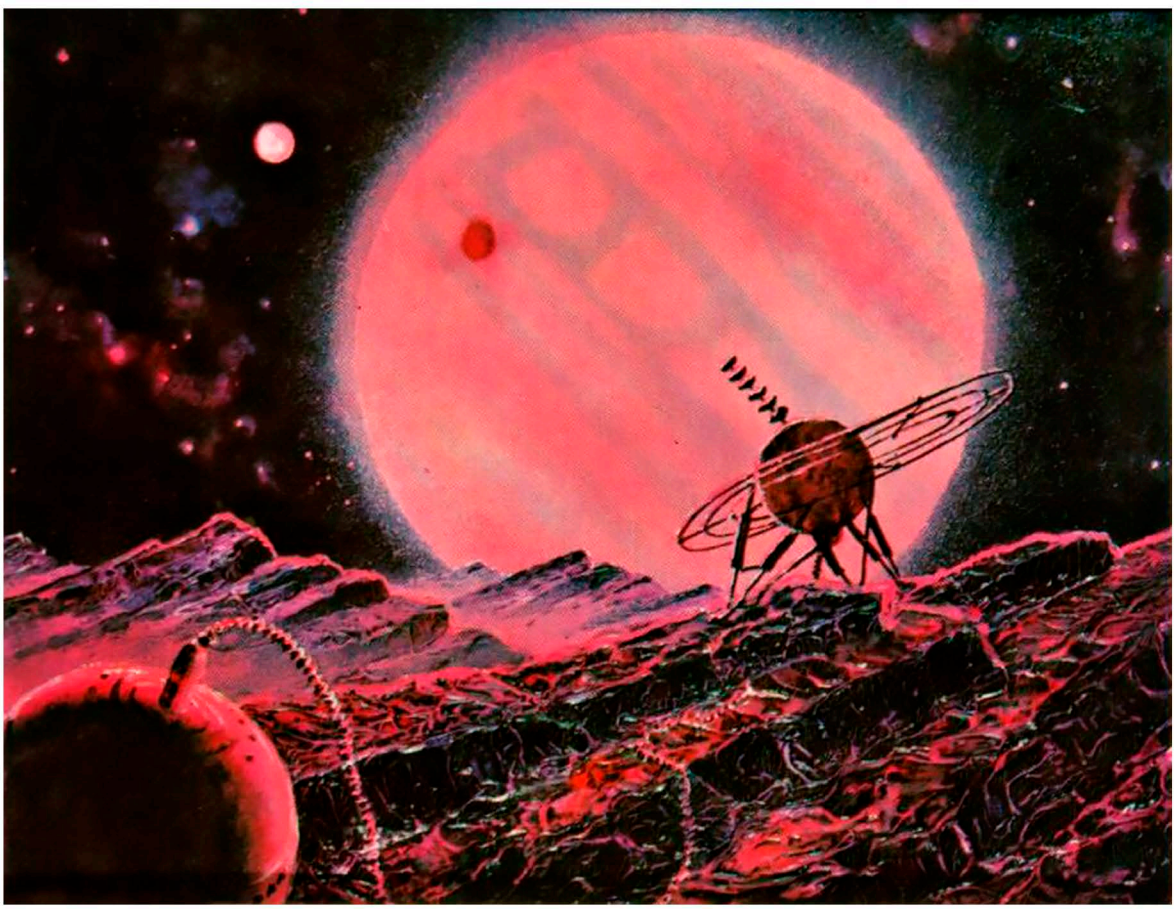
Богаев пожал плечами, помедлил и стал разбинтовывать руки пострадавшего, пропахшие антисептикой, в желтых пятнах ушибов и порезов.

— Ну а что дальше?

Березин тоже смотрел на свои руки, лицо его осунулось, стало строже и суровей.

А затем Богаев увидел, как руки Березина вдруг посветлели, порезы и ушибы на них исчезли, словно с рук смыли краску.

Березин без сил откинулся на подушку, полежал немного, отдыхая и весело глядя на побледневшего Богаева.



ДЖЕНТЛЬМЕН, ПРИЕХАВШИЙ ИЗ АМЕРИКИ *(Научно-фантастический памфлет)*

СВЯТОСЛАВ МИНКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Рассказ «Джентльмен, приехавший из Америки» принадлежит перу классика болгарской литературы Святослава Минкова (1902—1966 гг.). Рассказ был впервые опубликован в 1932 году.

Что же заставило писателя-реалиста обратиться к жанру фантастики?

Вспомним, что в ту пору (как, впрочем, и теперь) в Западной Европе усиленно насаждался миф об «американском индустриальном рае». Отголоски этого мифа докатывались и до Болгарии — в ту пору отсталой сельскохозяйственной страны. Болгарские дельцы были, понятно, не прочь вдохнуть аромат американских стандартизированных благ. Святослав Минков чутьем большого художника безошибочно обнаружил эту тенденцию и зло ее высмеял.

Читатель, несомненно, заметит, как сильно перекликается произведение Минкова с «Записками сумасшедшего» гениального Гоголя. И там и здесь главный герой сходит с ума, описывая при этом свое душевное состояние. Однако между скромным чиновником департамента Поприщиным и героем Минкова есть принципиальная разница. Последний, вообразивший себя джентльменом, прибывшим из Америки, неизмеримо опаснее. Он угрожает всей планете, он намерен подмять земную цивилизацию под железную пяту мирового капитала.

О том, насколько серьезной оказалась проблема, поставленная Святославом Минковым, свидетельствуют почти полвека, прошедшие со времени написания рассказа. Человечество никогда не забудет «благодеяний», которые принес и все еще приносит миру империализм. Оно не забудет ни ужасов Хиросимы и Нагасаки, ни трагедии Чили, ни безмерных страданий народа Палестины.

Святослав Минков, наблюдавший зарождение фашизма в Германии, одним из первых подметил «родство душ» между воинствующим империализмом и фашизмом и ударил в набатный колокол. Мы предлагаем вниманию читателей сокращенный перевод рассказа.

Георгий МЕЧКОВ

Несколько месяцев тому назад почтальон вручил мне письмецо из Америки. Вослед за моим именем в сопровождении титула «мистер» значился мой неизменный адрес, а наверху, в опасной близости от края конверта, усмехался узкий лик Авраама Линкольна, обосновавшегося на синей марке достоинством в пятнадцать центов.

Довольно легко представить мое изумление. Письмо из Америки! Да я сроду не имел никаких связей с этой державой.

От кого же, думаете, пришло письмо? Ах, какой смысл спрашивать? Как будто читатель может догадаться, что у меня в Америке обитает тетка, которая по странной прихоти судьбы решила дать о себе знать после долгих лет молчания... Впрочем, должен сознаться — я и сам начисто позабыл о ее существовании. Во времена былые, на именинах у сородичей, когда шоколадные конфеты были еще не в моде и гости закапывали одежду вишневым вареньем, об этой симпатичной даме пересудов велось предостаточно. В те времена один из моих дядей, по профессии нотариус, отирая усы платком внушительных размеров и размышляя о природе человеческого счастья, неизменно ставил в пример мою американскую тетку. Она отправилась в Загреб учиться на провизоршу и там познакомилась с одним миллионером из Нью-Джерси. Поначалу то было обычное невинное знакомство: добрый день — добрый день. Однако мало-помалу между ними начали завязываться более близкие отношения. Американец, как живописал мой дядя, попался на крючок, хотя тетка тоже не осталась равнодушной к его чувствам. Премудрость провизорскую она оставила в покое и начала, как говорится, заглядывать ему в рот. Он скажет словечко, а она уже: ха, ха, ха. В конце концов знакомство обернулось женитьбой. Обвенчавшись, они отправились в Америку, где и обрели счастье.

Вы, несомненно, видели сушеные сливы, нанизанные на шнурок. Точно так выглядели крохотные черные буквы — они были основательно притиснуты друг к дружке на желтоватой бумаге письма. О тихий отчий дом с просторными затененными комнатами, где по стенам мерцали сонные зеркала и торжествовали картины, живописующие свирепые сцены охоты, с невинно усмехающимися охотниками в лапах разъяренных медведей. О светлячки, что плавали подобием зеленых искр в сумраке летних вечеров! О старый сад, где сквозь высокие травы проглядывали на клумбах огненные настурции.

«Быть может, ты удивишься, что я к тебе обращаюсь, однако поверь, тут нет ничего странного. Сейчас ты узнаешь причину, которая заставила меня вспомнить о тебе и объявиться после столь долгого молчания. Представь себе, миленький, иду я нынче утром по длиннющей банковской улице Уолл-стрит и вдруг вижу: стоит на тротуаре златоволосый мальчонка лет пяти-шести и плачет. Подхожу я к нему, спрашиваю, что случилось. А он смотрит на меня так жалостливо, глазенки помутнели от слез, и показывает мне в розовой ладошке сломанного оловянного солдатика. Веришь ли, в этот самый миг предо мною зримо восстал твой образ, когда ты был дитятей и точно так же стоял однажды и оплакивал сломанного воскового клоуна с бубенчиками на шапке, того самого клоуна, что я подарила тебе ко дню рождения. Да, то далекое воспоминание выплыло из бездны времен, дабы озарить сердце мое призрачными лучами тех сказочных лет. Весь день я вспоминала тебя с таким невыразимым умиленьем, что вечером мне понадобилось проглотить несколько порций консервированного гималайского воздуха, а заодно и водрузить на сердце холодильный конус против сильных ощущений.

Теперь вот пишу тебе письмо с целью сообщить, что хочу сделать тебе скромный подарок. Времена восковых клоунов с бубенчиками на шапке отошли безвозвратно, но зато ты получишь некоего взаправдашнего джентльмена из железа.

Целую тебя».

* * *

Он прибыл именно так, как и должны прибывать машины. Хорошо упакованный в длинном деревянном ящике с неизбежными надписями на крышке: «Внимание! Не кантовать!»

Когда на таможне вскрыли ящик, чиновник отступил назад, и по его лицу скользнула тень легкой тревоги.

Стандартный джентльмен возлежал наподобие мертвого рыцаря, со скрещенными на груди руками. Он целиком состоял из железа. Только голова была сработана из неведомого материала, похожего на каучук, притом имела естественные цвета и форму живой человеческой головы. Опущенные ресницы, острый орлиный нос, пухлые плотоядные губы, сомкнутые в ироничной улыбке, уши торчком. На лоб ниспадали небрежно рассыпанные черные лоснящиеся кудри — точь-в-точь путник, утомленный долгой дорогой.

— Это что такое? — вопросил чиновник с профессиональным любопытством.

— Автомат, — отвечал я не без смущения.

— Какой такой автомат? Для чего он, собственно, предназначен?

— Для всего. Говорит по телефону, отпирает двери, встречает гостей, варит кофе, одним словом, любая работа ему по плечу. Что-то такое вроде слуги.

— Гм, — озадачился чиновник и принялся рассеянно перелистывать тарифную книгу. — Впервые в жизни мне приходится облагать таможенной пошлиной такой предмет. Подождите, я позову кого-либо из сослуживцев.

И он пропал за одной из дверей.

Вскорости возле стандартного джентльмена уже толпились чиновники со всей таможни. Один из них, коротышка со множеством блестящих кнопок на кителе и алюминиевой медалью, свисавшей с часовой цепочки, склонился над ящиком, откашлялся многозначительно и принялся разглядывать аппарат с подчеркнутым вниманием. Наконец он приподнял роботу руки, и тогда поверх железной брони проблеснули три кнопки: желтая, голубая, красная. Чиновник неуверенно нажал красную кнопку — тотчас же просторное помещение таможни, захламленное узлами, сундуками, всевозможными пакетами, огласилось зловещим скрежетаньем, как если бы вдруг заработала адская машина.

Покуда мы все стояли с замершими от ужаса сердцами и ожидали неминуемого взрыва, стандартный джентльмен сел в ящике, открыл глаза и не без удивления воззрился окрест. Заметив нас, он поднялся на ноги и заорал:

— Good afternoon!

— Добрый день! — отвечал я ему и протиснулся вперед. — Позвольте мне вам представиться. Я ваш хозяин.

Автомат смерил меня снисходительным взглядом с головы до пят, после чего ответствовал на чистейшем болгарском языке:

— Разве так встречают гостей? Почему не в официальном костюме? Где букет роз?

Эти вопросы были заданы столь резко, с таким убийственным пренебрежением, что я вдруг почувствовал себя амебой.

— Извините меня, — начал я с виноватой улыбкой. — Я весь день потратил на то, чтобы решить проблему вашего вызволения отсюда, так что вследствие именно этой причины не нашел времени подготовиться к встрече должным образом, со всею необходимой торжественностью. Не хотелось откладывать дело на завтра, да вы и сами видите, что здесь, в таможне, оставаться на ночлег такому джентльмену, как вы, было бы не совсем удобно.

— Ах, вон оно что! Стало быть, я нахожусь в таможне? С какой стати?.. Что все это значит? — осклабился робот, и лицо его передернулось в злой гримасе.

— Да, вы находитесь в таможне! — хором воскликнули чиновники, вытягиваясь во фрунт перед пустым ящиком. — Согласно закону вы подлежите обложению пошлиной!

При упоминании о законе стандартный человек сложил руки на груди, как оперный певец, учтиво поклонился и сказал:

— К вашим услугам, господа! Однако прошу поспешить с формальностями, поскольку тут ужасно пахнет формалином, а я запах формалина просто не выношу. Все мне кажется, будто я нахожусь в морге.

И тогда заклепанные в мундиры таможенники погрузились в гадания относительно параграфов таможенного тарифа, притом каждый старался выказать предельную жестокость по отношению к облагаемому налогом роботу.

— Предлагаю востребовать таможенную пошлину, как на часы! — высказался один.

— Как радиоприемник! — говорил другой.

— Как арифмометр! — упорствовал третий.

— Как мотоцикл! — озарился четвертый.

— Нет, его следует приравнять к легковому автомобилю! — вмешался носитель алюминиевой медали и тут же забубнил, будто заведенный: «студебеккер», «бьюик», «паккард», «хорх», «линкольн», «кадиллак», «альфа-ромео», «роллс-ройс»...

— Подождите! Остановитесь! — воскликнул я, захлебываясь в потоке марок автомобилей. — Да вы же меня разорите непомерной пошлиной! Согласитесь в конце концов, что его милость склепана не из золота, а из обыкновенного железа.

— Не имеет значения! — злобно отсек чиновник-коротышка. — В данном случае исходный материал не принимается во внимание. Для нас важна самая сущность предмета, понятно вам или нет? Предмета, рассматриваемого отнюдь не как материальная субстанция, но как кинетическая энергия!

— Но все-таки, все-таки, — возразил я, не уяснив ни единого слова в сей странной терминологии таможен-

ного философа. — Перед вами, уважаемые господа, стоит заурядный железный автомат, и я нижайше прошу обложить его пошлиной, как примус.

— Пожалуйста, тише! — снова грянул таможенный хор. — При назначении величины таможенных сборов никому не разрешается делать какие-либо замечания, могущие повлиять на персонал. Мы знаем свое дело и в советах не нуждаемся!

После этой краткой служебной исповеди таможенники затеяли новое совещание — на сей раз еще дольше и мучительней. В конце концов был зачитан такой приговор:

— Облагается пошлиной, как телескоп!

Я облегченно вздохнул, достал бумажник и заплатил искомую сумму, которая, сознаюсь, была не так уж и мала, однако представляла собой всего лишь один процент пошлины, взимаемой за «роллс-ройс». Затем я повернулся к автомату и спросил:

— Доволен ли ты оценкой?

— Да, — отвечал он равнодушно. — Телескоп во всех отношениях выше и примуса, и огнетушителя. Посредством его наблюдают планеты и предсказывают космические катастрофы. Ничего не имею против телескопа.

Испытав с благоговейным смирением все последующие таинства таможенной литургии и свалив с плеч тяжкую ношу, я подошел к стандартному джентльмену, схватил его за руку.

— Если угодно, можете снова лечь в свой ящик, — предложил я. — Пора покинуть это заведение.

— Меня не надуешь, — отвечал робот, вырывая свою железную руку из моей. — Вы воспротивились заплатить за меня пошлину, как за легковой автомобиль, но взамен не откажете мне в удовольствии проехаться с вами в такси. Не правда ли?

Я глупо подмигнул ему и не сказал ни слова.

Мы вышли на улицу, я кликнул такси, раскрыл перед ним дверцу:

— Изволь!

Дорогой мой американский гость влез в автомобиль, как влезают туда представители высшего света: медленно, устало, слегка согнувшись.

* * *

Бог сотворил человека. Дьявол не остался в долгу и породил гомункулуса.

В году одна тысяча семьсот семьдесят четвертом по рождеству Христову граф Кюфштейн и его помощник аббат Джелони сумели за шесть месяцев в кармелитском монастыре в Калабрии материализовать искусственным путем трех живых существ.

В 1932 году американская фирма «Слейпинг, Том Тон и К°» производила ежедневно 1000 роботов.

Мой робот носит на груди никелевую татуировку:

ВЕРНЫЙ ДЖОН. № 384991.

С утра до вечера мы ведем с ним долгие беседы на самые разнообразные темы. Разговор всегда заканчивается на повышенных оборотах.

— Вы индивидуалист, невыносимый индивидуалист, — с досадой говорит Джон. — Что, по-вашему, необычного в том, что я презираю культ отдельной личности? Уясните же наконец, что я продукт массового производства, единокровный близнец тысяч моих собратьев, которые мыслят, приказывают и работают абсолютно одинаково. Все мы обладаем не только идентичными физическими качествами, но и равным количеством мозгового вещества в голове.

— Именно потому, что ваши мозги взвешены на аптекарских весах, а ваши головы напоминают бутылки лимонада с точно отмеренным содержимым, вы, роботы, не представляете собой ничего иного, как только серую безликую толпу! — отвечаю я, распаляясь. — Из вашей среды вряд ли появится когда-либо тот самый гений, кого вы ненавидите пуще прочих существ, поскольку он отличается от вас. С другой стороны, запомните, что стандартное производство всегда страдает пониженным качеством за счет количества, а это, бесспорно, отражается на умственных способностях всей вашей армады. Вот и получается, что вопреки изумительным достижениям современной техники каждый из вас остается всего лишь человеко-машиной, понятно? Вы можете быть превосходным орудием чужой воли, но ни в коем разе самостоятельной творческой личностью.

Автомат глядит на меня с сожалением, затем закладывает руки за спину и начинает вышагивать из одного угла комнаты в другой.

— Увидим еще, кто из нас орудие чужой воли, — цедит он сквозь зубы.

* * *

Каждый день приносит мне неожиданные сюрпризы.

Джон вваливается в комнату и говорит:

— Соблаговолите вытереть мне ноги фланелевым платком!

Я взираю на него с изумлением и начинаю креститься.

— Вы не в своем уме, Джон! Неужто запамятовали, как обязан слуга относиться к хозяину, господину?

— Ха-ха-ха! — разражается смехом стандартный джентльмен, и его железное тело начинает грохотать, как якорная цепь. — Вы пребываете в величайшем заблуждении, господин. Я ваш слуга постольку, поскольку вы — мой лакей.

— Лакей! — взрываюсь я так, что кровь ударяет мне в голову. — Джон, держите себя в рамках приличия! Вы меня еще не знаете!

— И вы, видимо, меня не знаете! — отвечает автомат дерзко. — Я имею не меньше права заботиться о своем туалете, чем заботитесь вы. И если хотите, чтобы я был искренен, готов добавить, что между мною и вами нет никакой разницы, хотя вы и приписываете себе божественное происхождение. Нужно ли лишний раз напоминать, что для вас и подобных Чарлз Дарвин создал специальную теорию, согласно которой в любом зоологическом саду сыщется ваш близкий сородич из тех, кто разгрызает орехи зубами и скачет на потеху собственным потомкам?

— Да это неслыханная наглость! — кипячусь я, возмущенный, и стискиваю кулаки.

В раскрытое окно моей комнаты долетает саксофонный голос Жозефины Беккер, исторгаемый вдалеке граммофонной пластинкой.

Стандартный джентльмен невозмутимо стоит напротив меня и повторяет модный мотивчик эстрадной куклы:

Две страсти у меня: ты и Париж.
Зачем же так ревниво ты глядишь...

* * *

Джон стал безграничным властелином в моем доме, и я заранее содрогаюсь от каждой его следующей проделки.

Сегодня он захлопнул двери перед носом у моего доброго приятеля и не пустил его в дом.

— Когда ко мне кто-либо приходит, вы должны относиться к нему по-человечески, слышите? Запрещаю вам впредь открывать двери и встречать гостей!

— Глупости! — высокомерно ответствует автомат. — Ваш приятель имеет отвратительную привычку расхаживать в хорошую погоду с зонтом, а это меня раздражает. Я человек нового времени, не терплю педантов с убогим воображением.

* * *

Я чувствую себя неврастеником. Даже слабый шум меня раздражает. Руки трясутся. В ушах трескотня. Голова будто стянута обручем. Я потерял аппетит, не сплю ночи напролет. Стоит поглядеть в зеркало — оттуда пялится на меня бледная маска, изможденная страданием.

Не могу дольше выносить этого проклятого робота. Представьте только, сегодня он влепил мне пощечину, после того как я отказался прочитать ему последний номер «Нью-Йорк геральд».

* * *

В очередной раз перечитал инструкцию по обслуживанию автомата. Хорошо, что таможенник не нажал тогда голубую кнопку. Ее нужно остерегаться пуще чумы. Упаси бог задеть — тогда стандартный джентльмен кинется рушить все, что попадется на пути.

«Незаменимый страж вашего имущества при нападении бандитов», — сказано в инструкции.

Единственное мое спасение — желтая кнопка. Нажмешь — и робот мертв, сиречь выключен на веки вечные.

Однако и он хитер. Вот уже несколько дней как заперся в своей комнате, носа оттуда не показывает. Может, предчувствует, что я хотел бы от него избавиться.

* * *

Что все это значит?

Вглядываюсь в зеркало, и буквально берет оторопь.

Мое лицо напоминает лик робота.

А в голове крутится странная мысль: бывают собаки, похожие на своих хозяев.

* * *

Да, воистину со мною творится что-то необыкновенное.

Сходство мое со стандартным джентльменом растет непостижимым образом. То же лицо, те же губы, собранные в ироничной улыбке.

Но не только это.

Я начал делать то, что ранее было мне совершенно чуждо.

Сегодня, к примеру, ходил на футбол. Должен сказать, что получал истинное наслаждение на протяжении двух таймов.

Счет 3 : 1 в пользу «Зеленого теленка».

* * *

Вот уже целую неделю Джон не показывается из комнаты. Что с ним случилось?

Я подкрадываюсь к его дверям, прислушиваюсь. Ни звука.

— Джон!

Ни единого слова.

— Джон, что поделываешь?

Тишина.

— Джон, слышишь? Открой, мне нужно войти!

Молчание.

Тогда я со всей силой наваливаюсь на дверь, она трещит под моим напором и наконец отлетает вместе с вырванным замком.

Ледяной ужас стискивает мое сердце.

Робот лежит, поверженный посреди комнаты, с раскинутыми руками. В его огромных стеклянных глазах затаилась сатанинская усмешка.

Я опасливо наклоняюсь к нему, трогаю руками железное тело.

В то же мгновенье из-под железной брони долетает тихое стенанье растягивающейся пружины, стандартный человек растворяет уста, его нижняя челюсть начинает вибрировать.

— Я-я-я-я-я-я-я-я, — разносится бурное стенание и замирает, как эхо, порожденное звоном стенных часов.

Не могу себе объяснить его смерть.

Самоубийство?

Или все же случайное прикосновение к желтой кнопке?

Тяжкое раскаяние гнетет мою совесть, не дает мне покоя.

Всего несколько дней назад я сам изыскивал способ убить робота, а сегодня вдруг я весь во власти мучений, связанных с памятью о нем.

Раньше я относился к нему как к машине, теперь же, когда он обратился в бездушную железную куклу, я люблю его, того, прежнего, как брата.

Я попытался оживить его, нажимая красную кнопку, — безрезультатно. Джон так и не подал никаких признаков жизни.

Он мертв на веки вечные.

Только вот глаза у него все так же открыты, как у живого человека. Его глаза смеются.

Прости, боже, его великую стандартную душу!

* * *

Сегодня утром я открыл в себе нечто новое.

На моей груди мерцают три кнопки: желтая, голубая, красная.

Безумная радость заполняет все мое существо, а из горла вырывается ликующий возглас.

Я бросаюсь в коридор, где в углу красуется гордый рыцарь нового времени, заключаю его в объятия, покрываю холодное лицо поцелуями.

— Джон, погляди на меня, ведь ты видишь, ведь глаза твои раскрыты. Я уже твой двойник, твое неразличимое подобие. Ты покинул Америку, чтобы раскрыть для меня непостижимую тайну перевоплощения, чтобы перелить бессмертный свой дух в мое человеческое тело. Благодарю тебя, Джон. Лишь теперь я понимаю, какое это благо — стать автоматом, пробудить в себе веру в то, что наш американский век принадлежит стандартным людям!

* * *

Час отмщенья ударил.

Роботы! Собирайтесь в великий крестовый поход, долженствующий принести гибель старому миру! Ваши бесчисленные легионы, подобно стихийному потоку, затопят Землю! Все те, чьи мысли отличаются от стандартных, все те, кто считает себя неповторимым и оригинальным, — все они должны быть сметены машинным ураганом!

Трубачи! Гряньте в трубы и саксофоны! Давайте примемся всем скопом извиваться в эпилептических ритмах святой румбы, прежде чем двинуться в путь!

Братья! Возденьте вверх кулаки! Будьте готовы зажечь свой благородный гнев посредством голубых кнопок разрушения!

Пусть золотая птица счастья ведет нас, словно библейский голубь!

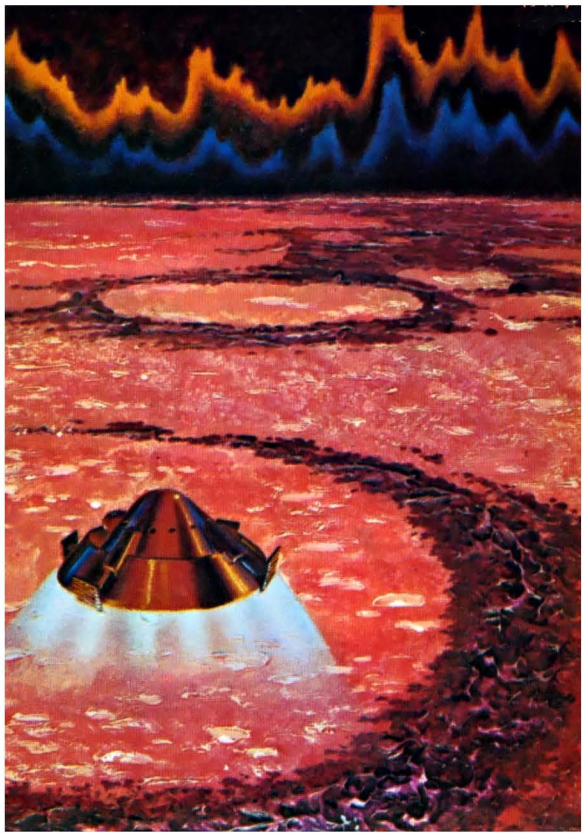
* * *

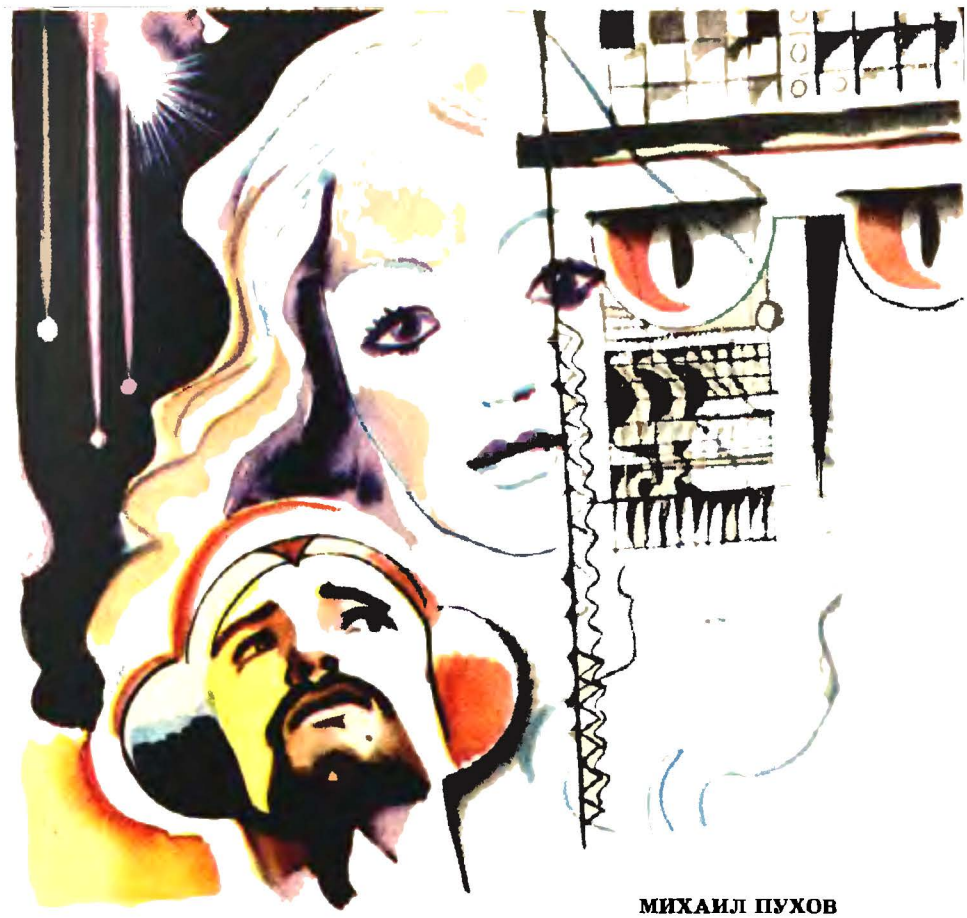
— Любопытная история, — сказал ассистент профессору, закрывая небольшую зеленую тетрадку. — Кстати, а что сталось потом с вашим пациентом?

— Золотая птица счастья, — усмехнулся профессор, — привела моего пациента прямо в дом сумасшедших. Он разбил витрину магазина детских игрушек и начал вытаскивать оттуда кукол, этих, по его словам, «детей роботов». Именно после этого случая он попал в мое отделение. Вам будет небезынтересно узнать одну маленькую подробность. При обыске в доме больного действительно был найден сломанный железный робот и вот эта тетрадка, нечто вроде дневника.

— Какая абсурдная идея фикс! — промолвил ассистент.

— Да-а-а, циркулярная деконструкция, маниакально-депрессивный психоз, — отвечал как бы сам себе профессор и скользнул взглядом к окну.





МИХАИЛ ПУХОВ

ТЕРМИНАТОР

1

Кто будет его компаньоном в космосе, по дороге к Европе, Двинский узнал за три дня до вылета, когда начальник сказал:

— Скучно тебе не будет. Полетишь с компьютером.

— С кем? — удивился Двинский.

— С компьютером. На Европе нужны не только специалисты. Компьютер, с которым ты полетишь, необычный. Самая последняя модель. Заодно его собираются лишний раз испытать. Да сам увидишь. — Он явно не договаривал.

Но оставшиеся три дня Двинский почти не вспоминал об этом разговоре. Он прощался с Настей. Вечером накануне вылета сказал ей:

— Теперь две недели я буду думать о тебе, и никто мне не помешает.

— Разве ты летишь один?

— Не считая компьютера.

— Бедный. Роботы добрые, но бесчувственные. Тебе будет тоскливо. Ведь правда?

— Нет, — не согласился Двинский, — со мной будешь ты.

Наутро он был на космодроме. Европа — не только часть света. Еще это спутник Юпитера: там филиал института. Рейсовый караван малой тяги ходит к Юпитеру раз в год — полгода туда, полгода обратно. В другое время пользуются экспрессами — сжатый объем, никакого комфорта и грандиозные энергетические затраты. Но ожидание дороже.

Астровокзал. Граница Земли и неба. Две группы — улетающие и провожающие. Насти не было, так договорились. Грустно, когда провожают. Еще грустнее провожать... даже если на год.

На орбите Двинского ждали. Не каждый день кто-то стартует к Юпитеру, тем более на экспрессе. Проводили в ангар. Экспресс без разгонного блока был мал, вроде бескрылого истребителя.

У открытого люка Двинский попрощался с провожатыми. В который раз выслушал последние инструкции — как вести себя при взлете и особенно при посадке. Потом поднялся по лесенке в кабину и опустился в кресло перед пультом управления.

Створки сошлись, отгородив Двинского от людей.

2

— Здравствуйте, — произнес голос. — Двинский Владимир Сергеевич, ведь правда?

Голос звучал ровно, бесцветно, как у обычного автомата. Но слова были другие. «Ведь правда?» — Настя тоже всегда так говорит. Удивительно: ты прощаешься с женщиной и приходишь к машине, и слова, сказанные машиной, те же, что произнесла женщина при прощании. Философский смысл: прощание с человеком — аналог встречи с машиной. И поэтому одинаковые слова? Чушь какая-то!

— Здравствуйте, — ответил Двинский.

— Теперь приготовьтесь, — сказал тот же голос. — Скоро старт. Вы не боитесь одиночества?

— Нет.

— Правильно. Есть вещи, которые сначала надо пережить. Но ладно. Две недели я буду для вас всем — и пилотом и собеседником. Еще буду о вас заботиться. Вместо мамы. Или девушки. У вас есть девушка, ведь правда?

— Невеста.

— Видите, Володя, я умею угадывать. Вы разрешите называть вас так? Вам тридцать, я немного старше. Но мы почти ровесники. Как вам нравится предложение?

— Нормальное предложение, — сказал Двинский. — А в каком смысле мы ровесники?

— Это долгая история, — бесцветно сказал компьютер, — но впереди у нас две недели. Вашей невесты здесь нет, и позаботиться о вас некому. Кроме меня. Поэтому застегните ремни. Мы отлетаем. Можете курить, хотя это запрещено. Мне дым не мешает. Если возникнет пожар, мы с вами его потушим.

— Не курю.

— Вот и чудесно, — произнес компьютер. — Дым мне не вреден, но он плохо пахнет. И тушить пожары мало приятного.

— Действительно, радость небольшая.

— Вы умный, Володя. Вы все понимаете. Но ладно. Вы уже пристегнулись? Прекрасно. Сейчас отлетаем.

3

Перегрузки были небольшие и не доставляли ему неудобств. В этом прелесть старта с орбиты. Перегрузки слабые, но длительные. При взлете с Земли — все наоборот.

Легкий толчок сообщил, что разгонный блок отделился и, сменив траекторию, идет на приемную базу.

— Разгонный отошел. Приготовьтесь к невесомости.

— Готов, — сказал Двинский.

— Хорошо. Вы как ее переносите?

— Неплохо.

— Славно, — сказал компьютер. — Я читал, многие боятся. Сам я этих чувств не испытываю. Кстати, как вам нравится выражение «испытатель чувств»? Тот, кто испытывает разные чувства. Точный синоним человека...

Это произошло. Из-под Двинского выдернули кресло. Он падал на пол. Но падение затянулось, и Двинский разумом осознал, что кресло на месте, он все еще к нему привязан. Ничто никуда не падало. Невесомость.

— Вероятно, это забавно, — сказал компьютер. — Я читал, что из-под тебя будто выдергивают кресло. Но это быстро кончается, если ты тренирован.

Это кончилось. В свое время Двинский тренировался достаточно. Он надавил кнопку на подлокотнике; ремни, скользнув, исчезли. Двинский придерживал кресло, чтобы оно не уплыло.

— Никакого комфорта, ведь правда? — сказал компьютер. — Обедать, к сожалению, рано. Что будете пить? Есть чай, кофе, разные соки...

— Я бы предпочел кофе, — сказал Двинский.

— Правильно. Когда я был человеком, — сказал компьютер, — я тоже предпочитал кофе.

4

Шли вторые сутки полета. Двинский, разговорившийся было с компьютером, теперь избегал бесед. Последняя фраза его обескуражила. «Когда я был человеком». Шутка конструкторов? Нет. Что-то жуткое было в словах компьютера, будто на Двинского повеяло холодом из чужого, скрытого прошлого. «Когда я был человеком»...

Вечером компьютер сказал:

— Вы зря стесняетесь. Не думайте, что меня можно обидеть. Не думайте, что я о чем-то жалею. Все считают, что я потерял. Потерял что-то большое, а приобрел немногое. Наоборот. Я почти ничего не потерял, а приобрел очень много. Мозг, очищенный от эмоций, чистое мышление без примеси унижающих человека страстей... Спрашивайте, я отвечу на ваши вопросы.

Он умолк. Двинский тоже молчал. Он уже понял, что это не шутка. Его спутник киборг — кибернетический организм, человек, сращенный с машиной. Такие уже сто лет разгуливали по страницам романов. Но что они есть в действительности, Двинский не слышал.

— Собственно, я киборг, — продолжал невидимый собеседник. — Знакомое слово?

— Да.

— Но вы не знали, что оно произносится с ударением на «и». Наверняка ударяли на «борг».

— Да, — сказал Двинский.

Вот она, человеческая трагедия. Теперь ему важно одно: правильно расставить ударения.

Впрочем, зачем трагедия? Если человек на это пошел, то добровольно. Как он сам привыкает, его положение ему нравится.

— С Европы меня высадят на Юпитер, — продолжал невидимый собеседник. — Представляете? Разве это не чудо? Я буду работать там, где побывали только роботы. Под вечно бушующей атмосферой, на дне океана газов. Один во веки веков. Это прекрасно, ведь правда?

Двинский молчал.

— Для вас, наверное, все равно, что я, что робот, — сказал его собеседник. — Вы в чем-то правы. Все правы. Только не думайте, что я об этом мечтал, что добровольно пошел на это. У нас впереди много времени, и вы все узнаете, если захотите слушать.

5

— Смерть — это одиночество. Вы ни разу не умирали. Никогда не ощущали, как замедляется и останавливается время. Вечность проходит в этом состоянии — больше чем за всю жизнь. Но интересно ли вам это? Или я зря стараюсь?

— Наверное, интересно, — помедлив, сказал Двинский. — Ведь этого и вправду почти никто не испытывал. Точнее, некому об этом рассказать.

Разговор происходил, естественно, в той же кабине, что накануне, там же, если забыть, что экспресс переместился на миллионы километров. Собственно, Двинский ни о чем не расспрашивал киборга. Как обычно, тот вел разговор сам.

— Это коллапс времени, — сказал киборг. — Вы со всем миром оказываетесь в разных временных рядах. В субъективном времени смерти нет, ибо по другую ее сторону нет сознания, там ничто. Мир же проскакивает мимо, для него это смерть. Реальна только чужая смерть, собственной для индивидуума не существует.

— Это удобная теория, — сказал Двинский. — Думаю, многие с нею согласятся, если вы это всем расскажете. Приятно чувствовать себя бессмертным, пусть даже в собственном времени.

— Ну, бессмертие в застывшем мире не так уж сладостно... Но бояться смерти не стоит. Вселенная останавливается в сознании умирающего точно так же, как для вселенной застывает коллапсирующая звезда. Знай я это в нужный момент, меня бы тут не было. Но я считал, что смерть возможна и для субъекта — а за нею ничто. Правда, мой выбор оказался

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

лучше, чем я полагал. Теперь, как видите, я понял массу вещей. Вы не представляете, насколько это мощный инструмент — мой теперешний мозг. Впрочем, возможности человеческого воображения ограничены.

— А ваши? — спросил Двинский.

— Я — другое дело. Ведь я смерти не испытывал. Все было спокойнее. Несчастный случай, я без сознания. Потом прямо на столе мне предлагают выбор: или — или. Не смерть мне предлагали, конечно. Но жизнь, которая меня всегда пугала. Тогда я решил, что пусть уж лучше вообще ничего не будет, никакой оболочки. Незадолго до этого я разошелся с женой. Под ее влиянием, наверное, и родилась у меня эта мысль. Ты, говорила она, добрый, но бесчувственный. Как робот. Тебе только компьютером быть.

6

— Жизнь у нас не сложилась, — рассказывал киборг. — Мы были женаты пять лет. Я ее любил, но был слишком ревнив. Это сейчас я понимаю, что слишком. Тогда мне казалось, что это она слишком легкомысленна.

— Казалось?

— Да, — сказал киборг. — Она была очень красивая, умница... Ну, а на меня иногда находило. Дикая это штука — ревность. Внутри возникает тревога и пустота, а потом эту пустоту затопляет что-то черное, из глубины. И ты уже совсем другой человек. И ты совершаешь поступки, о которых потом жалеешь. И как жалеешь! Но сам убиваешь все... Даже себя.

— Как это? — спросил Двинский.

— Я ведь уже разошелся с нею, — ответил, помолчав, киборг. — Она уехала отдыхать. Вдруг вечером включается видеофон. Смотрю — весела, спокойна. Рассказывает, как отдыхает, на кого-то оглядывается. Кончился разговор, а я места себе не нахожу. Чем она довольна, почему весела, с кем была? Жуткие мысли роились в голове, хоть и права на них не имел. Тем достоверней они казались. Выскочил из дому, взял электрокабину, набрал код города, в котором она отдыхала. Сорвал все ограничители и ручку скорости отжал насколько возможно. За городом кабина сорвалась с полотна и врезалась в лес...

Ревность — дикая вещь, — продолжал киборг. — Теперь я многое понимаю. Если бы в моей власти было вернуть те времена, все было бы по-другому. Нельзя смотреть на женщину как на собственность. Я сто раз клялся ей, что это не повторится. И себе клялся. И все повторялось.

— Вы уверены, что действительно любили? — помолчав, спросил Двинский.

— Конечно. Уверен, и она любила. Она ведь такой же человек. Наверное, любила. До сих пор, вероятно, любит. По-своему, конечно. Она об этом почти не говорила, но есть вещи, которые ты знаешь сам. Ведь правда?

— Пожалуй, есть, — согласился Двинский.

7

Со старта прошла неделя. Заполненная разговорами с киборгом, она пролетела незаметно. Экспресс проходил пояс астероидов. Пояс традиционно считался зоной повышенной метеорной опасности. По сравнению с другими районами солнечной системы вероятность столкновения действительно повышается здесь в тысячи раз, но все равно остается ничтожной.

— Можно, я сам сварю себе кофе? — спросил Двинский.

— Вам не нравится мой метод?

— Нравится. Но я иногда не варил кофе в невесомости. Сейчас мне кажется, что вы варите его почти так, как кое-кто на Земле. Возможно, когда я сам его сварю, ваш мне понравится еще больше.

— Тогда действуйте, — сказал киборг. — Правда, это не по правилам. Мы в поясе астероидов, и пассажирам полагается сидеть по местам. Могут быть ускорения, толчки. Экспресс уходит от метеорита, а вы влетаете во что-нибудь головой. Но что нам правила? Не можете же вы сорок часов подряд не вставать с кресла.

Двинский возился у кухонного автомата. В принципе экспресс мог нести в себе пять человек. Сейчас четыре кресла были сняты, и места было достаточно. Кухонный автомат размещался позади, справа от кресла Двинского. Рядом с автоматом был иллюминатор. За прозрачным стеклом начиналась пустота, заполненная чернотой неба. Окно в черноту, посыпанную мелкими звездами — как порошок кофе с сахаром перед тем, как его заваривать по-турецки.

Как это делается в невесомости? Очень просто, Настенька. Элементарно, любимая. Жидкость слегка намагничивается. Или электризуется. Это раз. Джезва тоже электризуется. Или намагничивается. Это два. Теперь это уже не джезва, а магнитная ловушка. Магнитная чашка. Сейчас мы будем пить кофе по-турецки из магнитных чашек...

Джезву вырвало из рук Двинского. Самого его бросило вперед — мимо иллюминатора, головой к пульту, к металлическим углам и напряжению. Но он не ударился о пульт. У самого пульта его подтормозило, остановило, поставило на ноги. Потом его швырнуло в кресло. Потом были перегрузки.

8

Двинский осматривал кабину. Немного кофе, две маленькие чашки. Но кабину испачкало основательно. Теперь он с тряпкой в руках ползал по полу, отмывая кофейные пятна. Киборг ему помогал.

— Должны быть две лужи в углу. Правильно. Еще правее.

— Точно, — сказал Двинский, снимая пятно тряпкой. — Как вы их находите? Разве у вас есть глаза внутри кабины?

— Нет, — сказал киборг. — Они глядят во вселенную. Но у меня есть инерционные датчики.

— Вы хотите сказать, что реагируете на смещение центра тяжести?

— Естественно.

— На смещение из-за пролитого кофе?

— Почему нет?

— Нужна потрясающая точность.

— Что вы знаете о моей точности?

— Ничего, — сказал Двинский. Он нашел второе пятно в углу. — Нет, нет, нет. Я ничего не знаю. Но каждый сравнивает с собой. И еще — как вам удалось сманеврировать так, что я очутился в кресле? По-моему, вы спасли мне жизнь.

— Не стоит благодарности. Нам угрожал метеорит. Есть множество траекторий, уводящих от опасности. Бесконечное множество. Оно содержит бесконечное подмножество траекторий, на которых инерционные силы бросают вас в кресло. Что остается? Выбрать путь, оптимальный по какому-либо параметру. Например, по величине ускорений.

— Но ведь это очень сложная вариационная задача! — воскликнул Двинский. — Ее нужно решить, и практически мгновенно! Разве это возможно?

— Почему нет? — сказал киборг.— Если решение однозначно, процесс его нахождения сводится к переводу. Это чистая лингвистика. Вы переводите задачу с языка начальных условий на язык решений. Естественно, все переводят с разной скоростью.

— И вы быстрее всех?

— Нет, — сказал киборг. — Как пишут в анкетах, я владею обоими языками в совершенстве. Мне не нужно переводить. Если задача поставлена, я сразу знаю решение.

— Слова я слышу, — сказал Двинский. — Впрочем, если вы делаете такие вещи инстинктивно, как я перехожу улицу, мне очевидна и суть. Только почему я не оказался в кресле вверх ногами? Впрочем, для вас это тоже просто.

— Естественно, — сказал киборг.— Я могу придать вам любое положение относительно кабины. Могу усадить в кресло, прижать лицом к иллюминатору, положить вашу руку на пульт, заставить нажать какую-нибудь кнопку. Наш ручной пульт — фикция. Когда кораблем управляет робот, пилот всегда может перехватить управление. У нас такое возможно лишь в принципе. Сигнал с пульта перебивает мои команды, но от меня зависит, чтобы пульт молчал.

— Почему так сделано? — спросил Двинский. Вновь на секунду он ощутил знакомое чувство, будто на него повеяло холодом. — Зачем?

— Никто этого не предвидел, — сказал киборг. — Все думали, что у пилота есть возможность взять управление на себя. На деле получилось не так. И правильно. Человек всегда во власти эмоций. У него могут возникнуть галлюцинации, он может сойти с ума, его может затопить черная волна из глубин психики. Я знаю это на опыте. Мало ли что может случиться с человеком!..

— А с вами?

— К моему глубокому сожалению,— монотонно пронзнес киборг, — ничего.

9

Двинский любовался Юпитером. Более величественного зрелища он не видел. Земля тоже впечатляет, но мы привыкли к Земле. Юпитер — другое дело. Никакая кинохроника не в силах передать вид на Юпитер с расстояния в миллион километров. Бездонные глубины атмосферы, выпуклости тайфунов, полосы облаков, круглые тени спутников. И то, для чего в языке еще нет подходящих слов.

Экспресс догонял Европу. Торможение началось вскоре после выхода из пояса астероидов. Основная скорость была сброшена. Даже наиболее сложный маневр — гравитационное торможение при пролете Каллисто и Ганимеда — был завершен. Сейчас экспресс, почти погасив скорость, приближался к Европе. Ее пятнистый диск висел впереди, превышая Землю, наблюдаемую со стационарной орбиты. И увеличивался на глазах.

— Вы не забыли, как вести себя при посадке? — спросил киборг. — Через несколько минут мы войдем в атмосферу. Когда скорость упадет до тысячи километров в час, я выпущу крылья. Верней, сначала тормозные парашюты. Ленточный, потом обыкновенные. Их четыре. Они очень красиво смотрятся на фоне неба — как букет из четырех цветов. Хотя я бы предпочел, чтобы их было три.

— Почему?

— Ну, четные букеты кладут на могилы, — сказал киборг. — Парашюты напоминают мне, что я... не совсем жив.

Некоторое время они молчали.

Европа стала больше Юпитера. Ее вогнутая чаша занимала полнеба. Она уже не увеличивалась в размерах, но рисунок пятен укрупнялся.

— Пора прощаться, — сказал киборг. — Надеюсь, наши беседы не пропадут впустую. Вы нравитесь мне, Володя. Главное, берегите свою невесту. Не поддавайтесь ревности. Мужчина должен уметь прощать. Сейчас я никогда бы не поступил так, как раньше. Мне бы хотелось, чтобы вы всегда ее любили. Пусть моя печальная история не повторится.

— Ваша жена тоже была неправа,— сказал Двинский. — По-моему, ей нравилось вас мучить. Женщина должна быть другой. Если любит, конечно.

— Она меня любила, — сказал киборг. — Есть вещи, которые ты знаешь. Кстати, обратите внимание на пейзаж: скалы Европы — это вам не какие-нибудь Альпы! А какой, по-вашему, должна быть женщина?

Небо в иллюминаторах окрасилось алым: экспресс накалял воздух. Скалы были далеко внизу, дикие, нетронутые цивилизацией. От них тянулись длинные тени. Экспресс приближался к линии терминатора — внизу была вечерняя заря, там заходило Солнце, хотя на ста километрах оно стояло еще высоко. Еще немного — и будет видна темная сторона спутника. Там обитаемый центр, и ночь, и люди уже засыпают.

— Женщина должна быть доброй,— сказал Двинский. — Как моя Настя.

— Ее зовут Настя?

— Да. А почему вы спросили?

— Так, — монотонно произнес киборг. — Действительно глупо. Она у вас, наверное, красивая.

— Очень, — сказал Двинский. — Хотя почему-то ее лицо ускользает, я не могу удержать его перед собой. Отчетливо помню лишь родинку на щеке.

— Родинку на щеке?

— Да. У нее небольшая родинка возле левого глаза. Но она ей идет. Только ее фамилия мне не нравится. Но это дело поправимое. Ведь правда?

— А как ее фамилия? — помедлив, спросил киборг.

— Фамилия? — Двинский назвал фамилию. — Зачем она вам?

Киборг не ответил. Несколько мгновений висела тишина. И внезапно оборвалась — в репродукторах замяукало и засвистело. Это Двинский уже слышал — радиоголос Юпитера, превращенный в звук.

Но почему киборг включил приемник, не ответив на заданный вопрос?

Экспресс во что-то уперся — это пошли за борт парашюты, гася оставшуюся скорость.

Опять невесомость. Без предупреждения, без приглашения затянуть ремни. Поверхность спутника метнулась вверх, запрокинулась, перевернулась. Экспресс падал. Мелькнуло небо — пустота, заполненная черным. В отдалении возник причудливый разноцветный букет. Четыре небесных цветка, отделенные парашюты.

— Почему вы не выпускаете крылья?..

Киборг молчал. Или ответ потонул в грохоте радио.

— В чем дело? — закричал Двинский. Спутник медленно поворачивался в иллюминаторах. Снизу. Слева. Справа. Сверху. Опять снизу. Экспресс вращало.

— Что случилось?

Никакого ответа.

Что могло случиться? «К сожалению, ничего». За иллюминаторами — лишь небо и скалы. Скалы все ближе, и небо все ближе. И жуткий хохот радио.

Двинский дернулся к пульту. Еще не поздно. Включить двигатель и выпустить крылья. С киборгом что-то произошло. Там разберемся.

Двигатель ожил сам. Корабль вздыбился. Двинского вырвало из кресла и швырнуло вперед — на острые углы и напряжение.

Это уже когда-то происходило.

Он не ударился головой о пульт. Его подтормозило в воздухе. Нет — он висел неподвижно, а кто-то уводил от него пульт, медленно поворачивал вокруг него кабину и приближал к его глазам иллюминатор. И давил, давил, давил иллюминатором на лицо.

Перегрузка была оглушительной. Двинский не мог шевельнуться, но мысль работала. Были фразы, которые все объясняли: «Роботы добрые, но бесчувственные», «Я сто раз клялся, что это не повторится», «Что-то на меня находило», «Я готов был убить каждого», «Теперь я бы так не поступил», «Со мной ничего не случится», «Ее зовут Настя?», «А как ее фамилия?», «И у нее родинка на щеке? Ведь правда?..»

Совпадение? Нелепое совпадение? Нет. Нет. Нет!

Когда он уже видел место, в которое врежется экспресс, неведомая сила оторвала его от иллюминатора и швырнула в кресло.

10

Очнулся Двинский на Европе, в больнице. Рядом стояли врач и руководитель станции.

— Ну, молодец, — сказал руководитель. — Экспресс ты посадил просто чудом. Что у тебя произошло?

Двинский молчал.

— Мы уже давно следили за тобой. Все шло по программе, и вдруг машина словно взбесилась. Ты вырвал ее у самой поверхности. Что же все-таки произошло?

— Экспресс посадил киборг, — сказал Двинский.

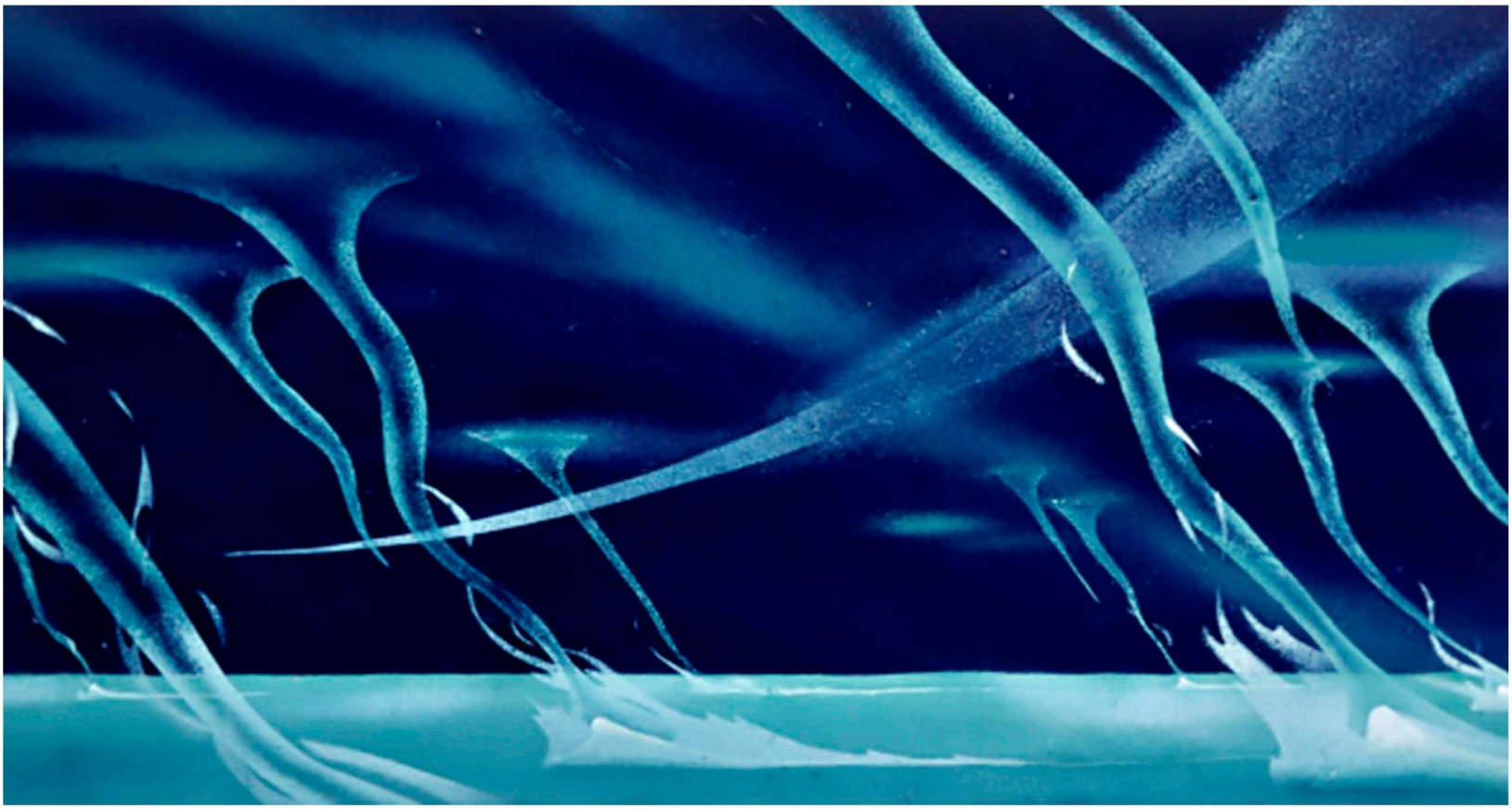
— Нет. Он-то и вышел из строя первым. Это мы знаем, но непонятны причины. Какой был компьютер! Почти человек. А сейчас...

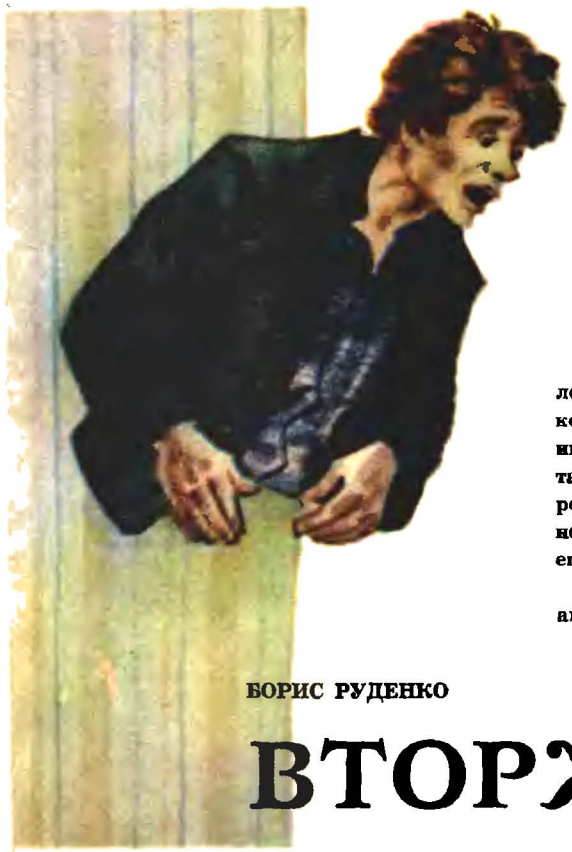
Руководитель станции невесело усмехнулся.

— То есть внешне все цело, но теперь это просто шкаф с микросхемами. Ассоциативные связи разрушены, ограничители уничтожены, память стерта. Кибернетики говорят, это невозможно. Неужели ты ничего не заметил?

Двинский молчал. Руководитель станции повторил с сожалением:

— Какой был компьютер! Мечта!..





Борису Руденко двадцать семь лет. В 1972 году он окончил Московский автомобильно-дорожный институт и с этого времени работает в Главном управлении внутренних дел Москвы. Писать начал недавно, и рассказ «Вторжение» его первая публикация.

Рассказ — несомненная удача автора.

БОРИС РУДЕНКО

ВТОРЖЕНИЕ

Василий Алексеевич Кузовкин вошел в свою квартиру. Дефицитный никелированный замок, приобретенный через хорошего и полезного знакомого, щелкнул звонко и категорично, в тон душевному настрою хозяина.

Кузовкин не спеша расстегнул пальто и повесил его на плечики вешалки, аккуратно разгладив складки. Потом подошел к зеркалу и, вытянув из кармана расческу, тщательно причесал островок растительности надо лбом. Из зеркала уверенно и независимо смотрел ответственный работник министерства — в меру моложавый, лысеющий и полноватый. Несмотря на небольшой рост, выглядел он весьма представительно.

Василий Алексеевич вытянул губы трубочкой, пошевелил бровями, чуть поправил очки, удовлетворенно хмыкнул и степенно прошел в комнату, не забыв, как всегда, погасить за собой в прихожей свет.

В комнате царил идеальный порядок. Василий Алексеевич сунул ноги в мягкие тапочки и включил телевизор. Сел в кресло, сладко, со вкусом потянулся и уставился на экран. Телевизор привычно загудел, но, прежде чем возник звук, по экрану метнулись молнии, и гудение смолкло.

«Предохранитель сгорел», — подумал Кузовкин и потянулся к задней панели. В этот момент где-то над ним раздался негромкий треск, будто рвалась плотная пергаментная бумага. В комнате явно запахло горелой изоляцией. Василий Алексеевич посмотрел вверх и замер.

Прямо над ним из стены выступала голова и половина туловища тощего и взъерошенного человека. Открыв рот, человек таращился на него с глупейшим выражением лица. Выработанная за годы службы способность сохранять самообладание не оставила Василия Алексеевича и теперь.

— Вы кто такой? — сердито спросил он. — Как вы сюда попали?

Человек с отчетливым стуком захлопнул рот.

— А вы? — растерянно отозвался он.

— Я? — Кузовкин саркастически усмехнулся. — Глупее ничего спросить не могли? Это моя квартира. Ну-ка вылезайте оттуда!

Человек пошевелился, уперся руками в стену позади себя и беспомощно взглянул на Кузовкина:

— Не могу никак.

Василий Алексеевич поднялся и оглядел субъекта внимательней. То, что он увидел, поразило его почти так же, как тогда, когда он узнал, что на симпозиум за границу поедет не он, а начальник другого отдела Матюшин.

В стене, в том самом месте, откуда торчал незнакомец, не было никакой дыры. Его туловище выходило из стены, никак не нарушая ее целостности.

Кузовкин осторожно пощупал стену, пиджак и провел пальцем по линии их соприкосновения где-то в районе живота странного гостя.

Тот поежился и смущенно хихикнул.

— Вы что? — ошеломленно спросил Кузовкин.

— Щекотки боюсь, — ответил незнакомец и покраснел.

— При чем тут щекотка? — непонимающе сказал Василий Алексеевич и озлился: — Да как вы сюда попали, в конце концов?

— Если бы я знал! — с тоской ответил незнакомец. — Вы понимаете, мы готовили эксперимент, имеющий чисто теоретическое значение. Я уходил из лаборатории последним и решил еще раз проверить правильность включения цепей...

— Вот и сидели бы в своей лаборатории, проверяли бы на здоровье, — подхватил Василий Алексеевич. — Зачем же по чужим квартирам лазить? А может, вы жулик?

— Ну что вы, — безнадежно сказал незнакомец. — Я инженер-электроник. Я же вам объясняю. Эксперимент должен был доказать принципиальную возможность перемещения объектов вне пространства. Чисто принципиальную, вы понимаете? Ни на какие практические результаты мы и не смели рассчитывать.

Он дернул себя за вздыбленные волосы и махнул рукой.

— Я и нагрузку не давал, честное слово. Просто включил стартовый аккумулятор и прозванивал тестером. Вдруг вспышка, толчок — и вот, пожалуйста! — Он обвел вокруг себя рукой.

— А где же ноги... э-э... все остальное? — подозрительно спросил Кузовкин.

— Наверное, там осталось.

— То есть где это там?

— Может, в лаборатории... — неуверенно предположил незнакомец.

— Что вы меня дурачите, друг любезный! — возмутился Василий Алексеевич. — Тоже мне квартирный иллюзионист! Может, еще скажете, что ваши брюки там тоже с кем-нибудь ведут беседу?

— Да нет, что вы, — мучительно сморщился незнакомец. — Теория это предполагает. — Он немного поерзал. — Вот сейчас ногами шевелю. Вы понимаете, не знаю, как вам это объяснить, по-видимому, две области пространства совместились, а их граница случайно совпала с поверхностью этой стены, и теперь для сторонних наблюдателей я и здесь и там одновременно.

— Догадываюсь, что сторонний наблюдатель — это я, — ядовито заметил Василий Алексеевич. — Надеюсь, я не слишком обременяю вас своим присутствием?

Незнакомец свесил голову на грудь и удрученно молчал.

— Ну и долго вы собираетесь так висеть? — немного успокоившись, спросил Кузовкин.

— Не могу сказать ничего определенного, — ответил незнакомец таким тоном, словно речь шла не о возмутительном и противоестественном пребывании в его, Кузовкина, квартире, а о сводке погоды на послезавтра.

Этот тон вызвал у Василия Алексеевича очередной взрыв негодования.

— Что за безответственность! — вскричал он с тем самым выражением, которое хорошо было известно всем его подчиненным. — А если бы вы в баню, в женское отделение, или в квартиру самого Терентия Федоровича... — Он спохватился и замолчал. — Тоже ничего определенного? Да за такую халатность гнать надо в три шеи!

Василий Алексеевич достал из кармашка белоснежный платочек и

промакнул лоб и глубокие залысины.

— Нет, вы мне скажите, как вы намерены отсюда выбираться? — официально потребовал он.

— Наверное, надо отключить стартовую нагрузку, — уныло сказал незнакомец. — А может, что еще. Только в институте сейчас уже никого нет. Слушайте! — оживился он. — Позвоните Вадиму Сергеевичу Байкову. Скажите ему, что я, то есть Акимов...

— Говорите номер, — Василий Алексеевич взял с журнального столика блокнот, карандаш и приготовился записывать.

— Сейчас, — сказал Акимов. — Сейчас. Двести тридцать четыре... Нет, двести тридцать два... — Он похлопал себя по карманам пиджака, потом поскреб стену за собой.

— Ну так что же? — нетерпеливо поднял глаза Кузовкин.

— Понимаете, — беспомощно сказал Акимов, — номер у меня в записной книжке, а на память не помню.

— А книжка где?

— В брюках. — Акимов потупился. — В заднем кармане. Я ее чувствую, а достать не могу. Наверное, придется ждать до утра, пока в лаборатории кто-нибудь не появится.

От смущения он ерошил и без того растрепанные волосы.

— Черт с вами, — устало сказал Кузовкин. — Торчите теперь в стене как гвоздь. Безобразное отношение, просто безобразное.

Он не стал уточнять, к чему именно, хотя и без того было ясно, что имеется в виду и непонятная работа Акимова, и уютная квартира Василия Алексеевича, и его же, Василия Алексеевича, душевное равновесие.

Он сделал круг по комнате, стараясь лишний раз не наступать на пушистый ковер на полу, потом взглянул на часы и вдруг всплеснул руками.

— Боже мой! Как я мог забыть?

— Что-нибудь случилось? — участливо спросил Акимов.

— Он еще спрашивает! — огрызнулся Кузовкин. — Ко мне сейчас гость должен прийти. Между прочим, дама. Как я ей буду все это объяснять?

— Симпатичная? — спросил Акимов и невесело улыбнулся.

— Что вы себе позволяете? — Василий Алексеевич даже чуть покраснел от возмущения и надулся. — Это моя невеста. Прошу оставить ваши двусмысленные смешки.

— Я и не подразумевал ничего такого... — растерялся Акимов.

— Вот именно! Такого! Ничего такого и быть не может, — с достоинством сказал Кузовкин.

— Почему же? — раздумчиво произнес Акимов.

Василий Алексеевич подозрительно уставился на него, и в этот момент в дверь позвонили. Кузовкин сорвался с места и забегал по комнате.

— Вот, пожалуйста, она! Какой кошмар! Что я ей скажу? Знакомьтесь, пожалуйста, это товарищ Акимов. Зашел в гости, понимаете ли, только брюки на работе оставил. Какой кошмар! Что же делать?

Акимов, весь преисполненный сочувствия, заелозил, с ощутимым усилием пытаясь забраться поглубже в стену. Затем, убедившись в бесплодности своих попыток, пошарил вокруг глазами.

— Накройте меня чем-нибудь, — громким шепотом подсказал он Кузовкину.

Тот впопыхах содрал с постели покрывало и кинул Акимову, ловко поймавшему его на лету. Звонок зазвонил еще раз.

— Ни звука у меня! — крикнул Василий Алексеевич и кинулся в прихожую.

— Васенька, ты что меня ждать заставляешь? — весело прощебетала румяная от легкого морозца Елена Николаевна, бросая на руки Кузовкину сумочку. — С кем это ты тут разговаривал?

— Я, Елена Николаевна... то есть... ни с кем, конечно, — закашлялся Василий Алексеевич, косясь на приоткрытую дверь в комнату.

Елена Николаевна удивленно уставилась на него и сделала большие глаза.

— Что с тобой? — спросила она. — С каких это пор мы перешли на «вы»? У тебя кто-нибудь есть?

— Нет, нет, что вы, Еле... что ты, Лена, — заторопился Василий Алексеевич. — Кто у меня может быть еще? Я как раз тебя жду, понимаешь ли... Пойдем поужинаем! — осенило его. — Да! Конечно же, поужинаем в ресторане. Да! Словом, приглашаю тебя поужинать.

Елена Николаевна, внимательно наблюдая за Кузовкиным, стала потихоньку приближаться к комнате.

— Посидим, отвлечемся, так сказать, от житейских... хе-хе... насущных... — бодро продолжал он, все больше обретая уверенность и пытаясь непринужденно перегородить ей дорогу. — Мы давно уже никуда с тобой не выбирались...

Из комнаты донесся сдавленный хлюпающий звук, отдаленно напоминающий чихание.

— У тебя кто-то есть, — высоким голосом сказала Елена Николаевна, решительно оттолкнула с дороги Василия Алексеевича и вошла в комнату.

Окинув взглядом раскрытую постель, висящее у стены заметно по-

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ АНТАСТИКИ

драгивающее покрывало, которое отчетливо обрисовывало голову и тощие плечи Акимова, она молча повернулась и направилась к выходу.

— Леночка, куда же ты? Я сейчас все объясню. Это совсем не то, что ты думаешь... Это же далеко не женщина...

— Мне нет до нее дела, — обрезала на ходу Елена Николаевна. На пороге она остановилась и, слегка откинув назад голову, посмотрела в бегающие глаза Кузовкина.

— Подлец! — громко сказала она, вырвала сумочку и хлопнула дверью.

Кузовкин постоял несколько секунд, держа себя за хохолок, потом повернулся и поплелся в комнату.

Акимов жалобно смотрел на Василия Алексеевича поверх покрывала.

— Не могли потерпеть со своим чиханием, — печально сказал Кузовкин. — Или вам там из лаборатории спину надуло? Форточки надо закрывать.

— Перышко попало в нос, — убитым голосом произнес Акимов. — Наверное, из подушки, — предположил он.

Василий Алексеевич механически посмотрел на подушку, вздохнул и достал из шкафчика початую бутылку коньяку и две рюмки. Наполнил их и протянул одну Акимову.

— В желудок-то это у вас попадет? — брюзгливо спросил он. — Или тут останется?

Акимов ненадолго задумался, решительно вздохнул и выпил коньяк. Он с минуту прислушивался к своим ощущениям, затем с сомнением проговорил:

— Попало, кажется!

— Еще бы! — сардонически засмеялся Кузовкин, тоже опорожнивший свою рюмку. — Это у вас и на дне морском, в безвоздушном пространстве получится. Знаю я вашего брата.

— Напрасно вы так думаете, — обиделся Акимов.

— Чего уж там, — ворчливо сказал Василий Алексеевич, махнул рукой и еще раз наполнил рюмки.

— И почему именно ко мне? — затосковал он. — Тридцать лет без «чепе», и на тебе, пожалуйста. Ведь каждый обязательно подумает, почему именно в мою квартиру? А с Еленой как теперь объясняться буду?

Они чокнулись и выпили.

— Отправить бы тебя сразу в милицию, — мечтательно произнес Кузовкин.

Акимов молча переживал бесконечную глубину своей вины. Глаза его заметно посоловели. Он моментально опьянел, как бывает с людьми, очень редко употребляющими спиртное.

— Товарищ Вася! — сказал он с выражением. — Не переживайте так. Завтра мы к ней всей лабораторией, честное слово... Хотите, прямо перед ней опыт повторим.

— Повторишь, пожалуй, — проворчал Василий Алексеевич. — Вот попадешь в следующий раз в зоопарк, там тебе тигры живо голову оттяпают...

Он опять слегка замечтался и снова налил рюмки.

— Ты не устал крючком-то стоять, экспериментатор? — спросил он, начиная понемногу проникаться сочувствием к Акимову.

— Да нет, сам удивляюсь, — ответил Акимов, поворачивая из стороны в сторону головой. — Ощущение такое, будто подвешен в воздухе. Опоры никакой не чувствую, но вроде ничего. Даже удобно. Только шея слегка затекает.

— Шея — это ничего, — сказал Василий Алексеевич. — Шею тебе и так надо намылить.

Они чокнулись и выпили.

— Ты ошибаешься, Вася! — горячо возразил Акимов. Язык его слегка заплетался. — Это же эпохальное открытие. Ты просто не понимаешь всей важности этого эксперимента. Это же переворот в науке!

— А вот как не вытащат тебя из стены твои приятели, что будешь делать, Архимед? — сказал злорадно Василий Алексеевич. — Так и придется до конца дней своих из штукатурки лекции о пространстве читать. А еще, — он даже хрюкнул от удовольствия, — не дай бог, под обоями клопы заведутся.

Посмаковав слегка эту мысль, Василий Алексеевич почувствовал себя немного отомщенным.

Акимов укоризненно посмотрел на него.

— Ты, Вася, хороший человек, но ты номенклатурный индивидуум, — последние два слова он произнес со значительными затруднениями. — Не хватает в тебе творческого полета фантазии.

— Не знаю, чего там у меня не хватает, а вот ты, гляжу, как раз наполовину отсутствуешь, — убежденно сказал Кузовкин. — Небось есть хочешь? А?

Акимов опять засмущался и вздохнул.

— Вообще-то я с самого утра ни крошки во рту не держал. Все как-то некогда...

Кузовкин поднялся из своего кресла, пошел на кухню и притащил большую миску с салатом, приготовленным еще с утра специально к приходу Елены Николаевны, и кусок хлеба. Положил все это на столик и придвинул к стене.

— Спасибо большое, — вежливо сказал Акимов и съел салат. — Вы уж извините меня в этом деле.

Он уже протрезвел так же быстро, как и поддался действию алкоголя, и сразу же перешел на «вы».

— А вы сами почему не ужинаете?

— Аппетита нет, — буркнул Кузовкин.

Раздался странный чмокающий звук. Свет в комнате слегка потускнел, фигура Акимова на стене заколыхалась. Он негромко ойкнул от неожиданности. Свет мигнул раз, другой и загорелся так же ярко, как и прежде.

— Что еще такое? — с тревогой произнес Василий Алексеевич.

— Не знаю, — немного испуганно ответил Акимов. — По-моему, я опять передвинулся.

Василий Алексеевич подошел к нему поближе и, к огромному своему изумлению, увидел, что между стеной и туловищем Акимова теперь есть зазор шириной примерно в два пальца. Теперь Акимов выступал не из стены, а прямо из воздуха.

Кузовкин почувствовал непреодолимое, почти мальчишеское желание сунуть палец в образовавшуюся щель и уже поднял руку, но вовремя одернул себя и спрятал руки за спину.

Акимов тоже очень внимательно изучал нынешнее свое положение и осторожно ощупал воздух там, где кончалось его тело.

— Не пускает, — сказал он через некоторое время.

— Что не пускает? — поинтересовался Кузовкин.

— Да вот это самое и не пускает, — Акимов ткнул пальцем в щель. — Свет проходит, вот обои дальше видно, а палец нет. Какое-то неощутимое и упругое поле. Сильней нажмешь — отталкивает. Хотите попробовать?

— Обойдусь, — буркнул Василий Алексеевич, но заглянул, чтобы проверить, целы ли обои.

— Граница областей пространства переместилась от стены к центру комнаты, — продолжал Акимов. — Если так пойдет дальше, я окажусь как раз над вашим креслом. Интересно, как все это выглядит с обратной стороны?

Василий Алексеевич представил себе и поежился.

— Очень интересно, — фальшиво сказал он.

После этого разговор шел как-то вяло. Заметно было, что Акимов очень устал. В конце концов, с огромным трудом подавив очередной зевок, он осторожно предложил ложиться спать. Он так и сказал: ло-

житься, — будто ему оставалось надеть пижаму и почистить зубы. Василий Алексеевич уже не спорил и не огрызался.

Он взгромоздил на журнальный столик стул, а на него положил подушку, на которой не без удобства устроился Акимов, очень скоро уснувший.

Ночь прошла для Кузовкина отвратительно. Акимов отчаянно храпел, чего Василий Алексеевич вообще не мог переносить, а теперь, еще и еще раз переживая происшедшее с Еленой Николаевной, и подавно не мог уснуть и всю ночь напролет проворочался в постели.

Уже под утро, когда ему с большим трудом удалось задремать, опять раздалось противное чмоканье, и со столика на пол с грохотом свалился стул — Акимов вместе со своим пространством передвинулся еще на пару сантиметров.

С мучительным стоном Василий Алексеевич встал и снова сунул стул с подушкой Акимову, сонно бормочущему извинения. Тот моментально захрапел опять, а Василий Алексеевич так больше и не сомкнул глаз.

Утром невыспавшийся, помятый и серый Кузовкин искусно сварил яйца вкрутую, накормил Акимова и сам заставил себя поесть. Акимов попытался как ни в чем не бывало завязать разговор, но Василий Алексеевич решительно пресек всякие попытки панибратства, тщательно выбрился, помассировал щеки, обретая необходимую респектабельность, оделся и только после этого позвонил в институт по номеру, названному Акимовым.

Брюзгливо, но точно и лаконично Кузовкин объяснил ситуацию какому-то мужчине, который подошел к телефону, потом пересказал все еще раз другому мужчине, судя по голосу, постарше и позначительней. Рассказ его время от времени прерывали взволнованные мужские и женские голоса, спрашивавшие жив ли Акимов и все ли с ним в порядке. В конце концов Василию Алексеевичу категорически приказали ждать на месте и повесили трубку.

Очень скоро в уютную и комфортабельную квартиру Василия Алексеевича ввалилась целая толпа волосатых и бородатых, гладко побритых и коротко подстриженных людей, среди которых были даже девицы в совершенно неприлично вытертых джинсах. Все они орали, кричали, вопили, ахали, задавали глупые вопросы друг другу и Акимову, на которые тот едва успевал отвечать, вертя во все стороны головой.

Наконец по приказу строго одетого мужчины с крупными чертами лица двое или трое из них решительно выставили вон всех остальных, а вместе с ними и Василия Алексеевича, которого, очевидно, не успели запомнить как хозяина квартиры. Кузовкин собрался было возразить, но потом раздумал и пошел в министерство.

В этот день он, как обычно, ушел с работы чуть позже остальных, как всегда аккуратно заперев кабинет.

К своей квартире он подошел с некоторой опаской, но там было темно и тихо. В комнате чувствовался запах табака, хотя все было тщательно прибрано. Акимова в стене уже не было. И все равно неприятное ощущение не оставляло Василия Алексеевича. Все вещи вроде бы находились на своих местах, но на самом деле это было не так, Кузовкин ясно это видел. В квартире остро ощущалось недавнее присутствие компании безалаберных и безответственных людей.

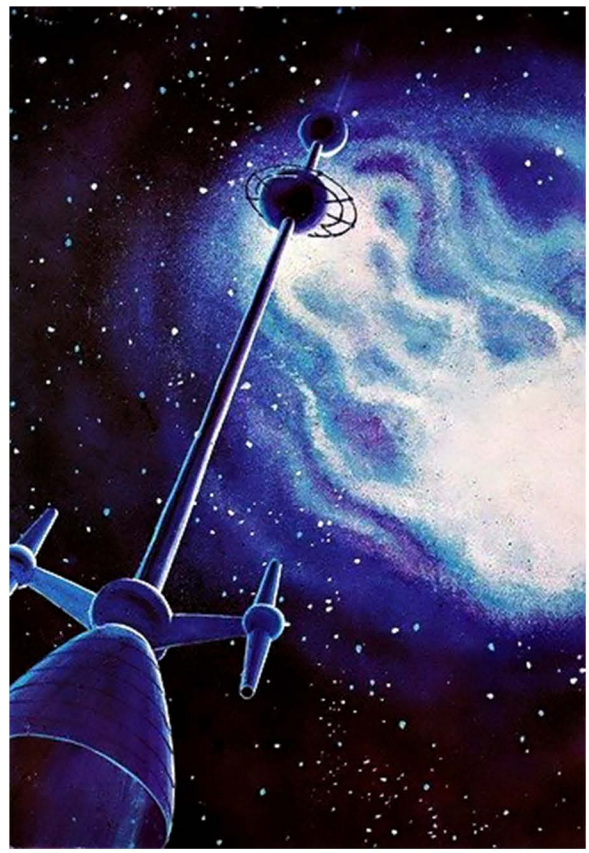
На следующий день его вызвали в институт, где вежливо и подробно расспрашивали об обстоятельствах появления Акимова в квартире. О случившемся узнали на работе, и Василию Алексеевичу пришлось раз двадцать в приватных беседах с весьма ответственными лицами еще и еще повторять свой рассказ о необыкновенном вечере. От многократного повторения рассказ Кузовкина был теперь идеально отшлифован — в меру деловитости, немного юмора. Он, конечно, полностью исключил из рассказа эпизод с Еленой Николаевной, но на остроту изложения это не повлияло.

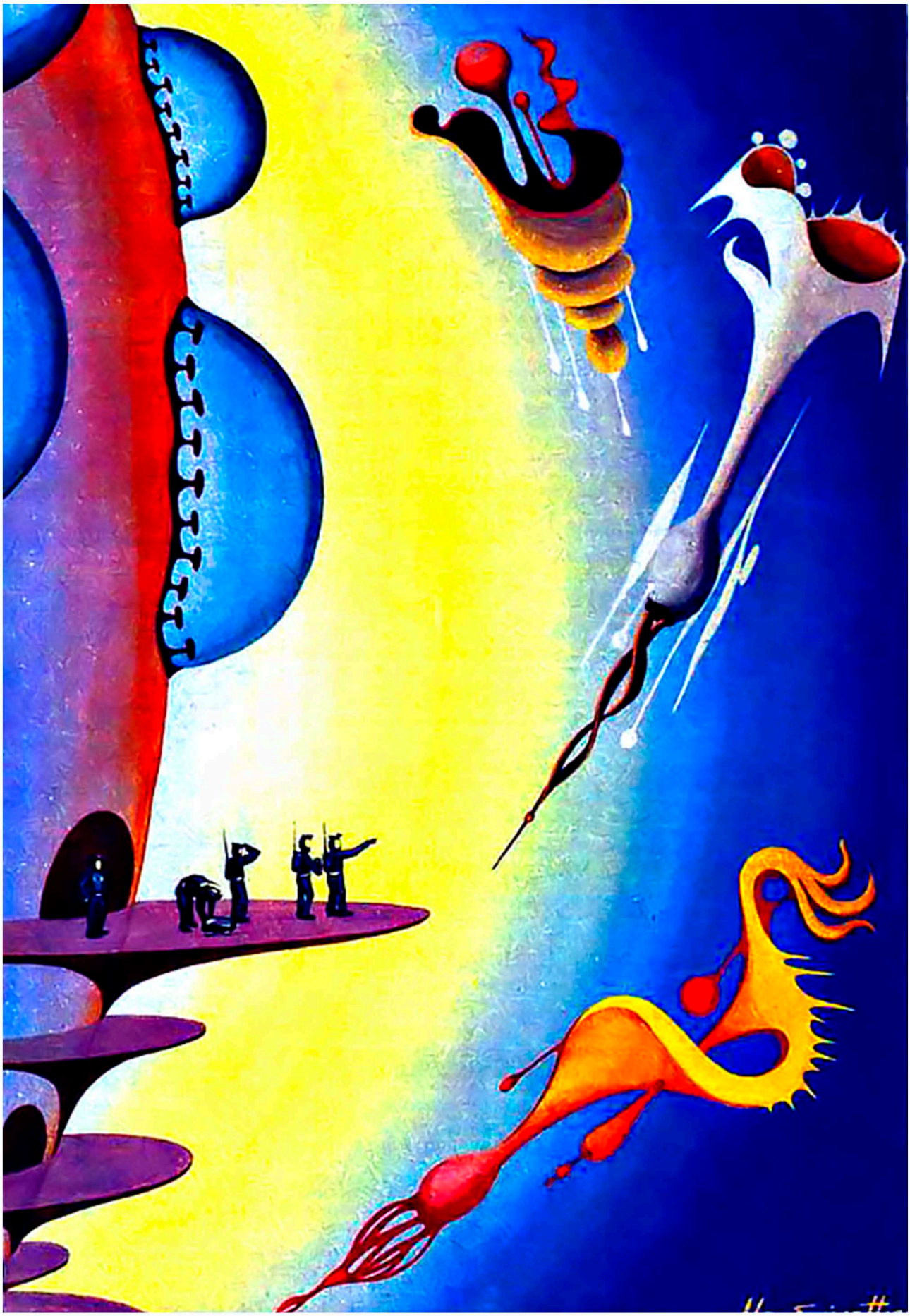
Еще чуть позже вся история попала в газеты, причем и тут все было расписано со слов Акимова самым лестным для Василия Алексеевича образом. Кузовкин стал знаменитостью, машинистки показывали на него в буфете пальцем и восхищенно шептались.

К этому времени он давно уже помирился с Еленой Николаевной, которая никак, впрочем, не могла ему простить того, что осталась в стороне от таких редких событий, хотя имела вполне реальный шанс разделить славу участия в них с Кузовкиным. Они поженились и съехались, удачно обменяв две однокомнатные квартиры на трехкомнатную в хорошем районе, с доплатой.

Однажды Кузовкин увидел Акимова на улице. Тот шел навстречу по тротуару со стареньким портфельчиком, без шапки, в недорогом клетчатом пальто, сосредоточенно глядя себе под ноги.

Василий Алексеевич остановился, перешел на другую сторону улицы и зашагал к себе в министерство.





«Первый контакт» (другая версия)

АРТУР КЛАРК

НАСЛЕДСТВО

Фантастический рассказ

Когда мы вернулись на базу, Дэвид уже лежал в гипсе и, по уверению врача, чувствовал себя превосходно. Но нас он встретил весьма хмуро.

— Как дела, Дэвид? — спросил я. — Нам сказали, что ты можешь считать себя заново родившимся?!

— Конечно, если упадешь с высоты в двести пятьдесят километров и отделаешься только переломом ноги, надо, наверное, радоваться, — пробурчал он в ответ, — но боль от этого не меньше.

Но из дальнейшего невнятного бормотания мы поняли, что больше всего обидели его тем, что бросились не к нему, а в пустыню к А-20.

— Рассуждай здраво, Дэвид, — возразил Джимми Дэнгфорд. — Как только тебя подобрал вертолет, база радировала, что ты практически здоров. А вот А-20 могла разбиться в лепешку.

— А-20 только одна, — вмешался я, — а пилоты-испытатели идут если не по копейке пара, то уж никак не дороже, чем на пятачок пучок.

Дэвид глянул на нас из-под пушистых бровей и произнес что-то по-валлийски.

— Он заклял тебя древним заговором друид, — поясиил мне Джимми. — И сейчас ты превратишься в лук-порей, а то и вовсе окаменеешь.

Мы были еще взвинчены, и требовалось время, чтобы вновь стать серьезными. Даже стальные нервы Дэвида получили сильнейшую встряску, хотя он выглядел самым невозмутимым из всех нас. Что за его способностью сохранять спокойствие в самых невероятных положениях скрывается тайна всего происшедшего, я узнал много позже.

А-20 упала в пятидесяти километрах от старта. Мы проследили весь ее путь по радару, так что место падения было известно нам с точностью до нескольких метров... только тогда мы еще не знали, что Дэвида в ракете уже не было.

Первый тревожный сигнал поступил через семьдесят секуид после старта. А-20 поднялась на пятьдесят километров, и ее траектория почти совпадала с расчетной. Дэвид делал два километра в секунду — не очень много, но больше, чем кто-либо до него. И «Голиафу» полагалось уже отвалиться. А-20 была двухступенчатой ракетой. Вторая ступень состояла из крохотной кабины со складывающимися крыльями и при полной заправке горючим весила двадцать тонн.

На пятьдесят километров ее поднимала двухсоттонная ракета-носитель. Израсходовав свое топливо, она отделялась и опускалась на парашюте. Тем временем верхняя ступень приобретала достаточную скорость, чтобы продолжать подъем, и на высоте шестисот километров переходила к орбитальному полету вокруг земного шара. Не помню, кто прозвал ракеты «Давидом» и «Голиафом», но клички были сразу же подхвачены и служили постоянным поводом для острот.

Так все обстояло в теории, а на экране происходило что-то неладное, и мы сразу почуяли беду.

Зеленое пятнышко достигло отметки, означавшей пятьдесят километров, и должно было распасться.

Но этого не произошло. Опустошенный «Голиаф» не желал расстаться с «Давидом» и тащил его за собой обратно на Землю. А «Давид» был бессилен — его двигатели блокировала ракета-носитель.

Секунд десять все это развертывалось у нас на глазах. Мы выждали ровно столько, сколько потребовалось, чтобы рассчитать новую траекторию, а потом залезли в вертолеты и помчались туда, где А-20 должна была упасть на землю.

Конечно, мы не надеялись найти что-нибудь, кроме груды магниевого сплава, смятой так, точно по ней прошелся бульдозер. Мы знали, что «Голиаф» так же не может раскрыть

парашют, как не может включить свои двигатели «Давид». Я, помнится, подумал, кто возьмет на себя тягостную обязанность доставить эту страшную весть Мэвис, но потом сообразил, что она слушает радио и сама узнает о случившемся.

Мы едва поверили своим глазам, когда обнаружили обе ракеты целыми и невредимыми под огромным парашютом. Следов Дэвида нигде не было, но несколько минут спустя база радировала нам, что он нашелся. Наблюдатели второго поста уловили на экране слабый след его парашюта и выслали к месту приземления вертолет. Через двадцать минут Дэвид был в госпитале, но мы еще несколько часов хлопотали в пустыне вокруг ракет и договаривались об их доставке на космодром.

Когда мы вернулись наконец на базу, нам доставило некоторое удовольствие видеть, что ненавистные научные обозреватели вместе с остальной толпой торчат пока за воротами. Отмахнувшись от них, мы поспешили в палату.

Шок и сменившая его нежданная разрядка полностью выбили нас из колеи, и, точно расшалившиеся дети, мы долго не могли угомониться. Один Дэвид оставался невозмутимым. Свое чудесное спасение, равного которому не знала вся история человечества, он воспринимал как должное и досадливо морщился, наблюдая наше бурное веселье.

— Ну, — спросил наконец Джимми, — что там у тебя случилось?

— Это ваше дело выяснять, — ответил Дэвид. — «Голиаф» работал отменно, пока сжигал топливо. Затем я выждал положенные пять секунд, но он все не отрывался. Тогда я ударил по аварийному сбросу. Лампочки замигали, однако толчка я не почувствовал. Нажал еще несколько раз, но уже понимал, что старания мои напрасны. Я прикинул, что при имеющейся у меня скорости я еще минуты три буду подниматься, а еще через четыре образую воронку в пустыне. Итак, добрых семь минут жизни у меня оставалось — это, пользуясь твоим любимым выражением, если пренебречь сопротивлением воздуха. А оно может подарить мне еще пару минут.

Я знал, что парашют раскрыться не может, а крылья «Давида» не выдержат такого груза, как «Голиаф». Две минуты я потратил на поиск выхода из того печального положения, в котором оказался.

Хорошо, что я заставил тебя расширить тот воздушный шлюз. Я через него едва протиснулся. Прикрепив к замку конец спасательного каната, прополз вдоль корпуса до места стыка обеих ракет.

Открыть парашютный отсек снаружи невозможно, но я предусмотрительно захватил из кабины аварийный топорик. И магниевое покрытие, конечно, не устояло. Не прошло и нескольких секунд, как парашют был вытащен наружу. Я полагал, что здесь должно быть хоть какое-то сопротивление воздуха, но его не было и в помине. Оставалось только надеяться, что, когда мы достигнем атмосферы, купол раскроется, лишь бы материя не зацепилась за поврежденный металл и не изорвалась.

Кончив работу, я впервые огляделся. Видимость была неважной, потому что запотело стекло скафандра (кстати, обрати внимание на это обстоятельство). К северу была видна Сицилия и часть основной территории Италии. На юге до самого Бенгази простирался берег Ливии. Подо мной была земля, на которой сражались некогда Александр, Монтгомери, Роммель. Меня поразило, что эти бои вызвали тогда столько шума.

Я недолго оставался снаружи: через три минуты ракета должна была войти в атмосферу. Последний раз глянув на обвисший как тряпка парашют, я расправил, насколько возможно, стропы и залез обратно в кабину. Надо было еще слить с «Давида» горючее, что я и сделал: сначала избавился от кислорода, а как только он рассосался, вылил спирт.

Эти три минуты показались мне чертовски долгими. Первый слабый звук я услышал, когда был уже в двадцати пяти километрах от земли. Тут до меня донесся свист на очень высокой ноте, но совсем тихий. Глянув в иллюминатор, я увидел, что стропы парашюта натягиваются и купол понемногу начинает раскрываться. Одновременно ко мне возвратилось ощущение собственного веса.

Я пролетел в свободном падении больше двухсот километров, и, если вовремя приземлиться, перегрузки в среднем составят десять g, а иногда вдвое больше. Но пятнадцать g у меня уже как-то было, причем по менее значительному поводу. Итак, я принял двойную дозу диноканна и ослабил шарниры кресла. Помню, как подумал еще, не выпустить ли крылышки у «Давида», но решил, что они не помогут. А потом я, должно быть, потерял сознание.

Когда снова пришел в себя, было очень жарко, весил я нормально, но почти не владел своим телом. Все у меня болело и ныло, а тут еще, как назло, кабина отчаянно вибрировала. С превеликим трудом дотянулся до иллюминатора и увидел, что пустыня стремительно приближается. Ощущение было не из приятных. Большой парашют свое дело сделал, но я подумал, что толчок будет, пожалуй, сильнее, чем хотелось бы. Так что я прыгнул.

По вашим рассказам выходит, что мне было бы лучше остаться на корабле, но не думаю, что вправе жаловаться.

Некоторое время мы сидели молча. Потом Джимми как бы мимоходом заметил:

— Акселерометр показывает, что перегрузка дошла у тебя до двадцати одного g. Правда, лишь на три секунды. В основном же перегрузки были между двенадцатью и пятнадцатью g.

Дэвид, казалось, не слышал, и я спустя немного сказал:

— Ну мы не можем дольше задерживать репортеров. Как ты? Готов принять их?

Дэвид поколебался.

— Нет, — сказал он. — Не сейчас.

Увидев выражение наших лиц, он энергично помотал головой.

— Нет, — сказал он решительно. — Совсем не то, что вы думаете. Я готов хоть сейчас полететь снова. Но мне хотелось бы просто немного побыть одному и подумать. Вы считаете, что я человек без нервов, — продолжал он, — и готов идти на риск, не заботясь о последствиях. Ну это не совсем так, и я хотел бы, чтобы вы поняли почему. Я никогда ни с кем об этом не говорил, даже с Мэвис.

Вы знаете, я не суеверен, но у большинства материалистов есть свои тайные слабости, даже если они не хотят сознаваться в этом. Много лет назад мне приснился странный сон. Сам по себе он ничего не значил бы, но позднее мне стало известно, что подобные истории описаны двумя другими людьми. Одну из

этих историй вы, возможно, читали, потому что автор ее Дж. У. Данн. В своей первой книге «Эксперимент со временем» он рассказывает, как однажды ему приснилось, будто он сидит в очень странной машине с крыльями, у непонятных приборов, а годы спустя, когда он испытывал свой самолет, эта же сцена произошла с ним наяву. Обратите внимание, что сон, о котором я вам говорил, приснился мне р а н ь ш е, чем я прочел книгу Данна. И понятно, что описанная им история произвела на меня определенное впечатление. Но еще более значительным показался мне другой случай. Вы, конечно, слышали об Игоре Сикорском, конструкторе первых коммерческих летательных аппаратов дальнего следования, так называемых «клиперов». Так вот, в своей автобиографической книге, названной «История крылатого С», он рассказывает о сне, похожем на сон Данна. Сикорскому приснилось, что он идет по длинному коридору, и по обе стороны от него какие-то двери, над головой горят электрические лампочки, а пол под ногами вибрирует, так что Сикорский чувствовал; все это происходит в воздухе. Между тем тогда никаких самолетов еще и в помине не было и мало кто верил, что они вообще возможны. Сон этот, как и сон Данна, сбылся много лет спустя, когда Сикорский испытывал свой первый «клипер».

Дэвид, смущенно улыбнувшись, продолжал:

— Вероятно, вы уже догадались, что за сон видел я. Учтите, я не находился бы под постоянным впечатлением этого сна, не будь двух столь сходных случаев. Мне снилось, что я нахожусь в пустой комнате без окон. Кроме меня, там было еще двое людей в костюмах, которые я тогда принял за водолазные. Я сидел перед странной приборной доской, в которую был вмонтирован круглый экран. На экране я видел какое-то изображение, но в то время оно было мне непонятно, так что я забыл его. Помню только, что я обернулся к своим спутникам и сказал: «Пять минут до старта, ребята!» Впрочем, за точность слов не могу поручиться. Больше ничего не было, так как в этот момент я проснулся. С тех пор как я стал летчиком-испытателем, тот сон не дает мне покоя. Нет, я неправильно выразился. Напротив, он внушает мне уверенность, что со мной ничего не случится... по крайней мере пока я не окажусь в кабине вместе с теми двумя людьми. Что будет потом, я не знаю. Но теперь вам понятно, почему я чувствовал себя в полной безопасности, когда летел вниз в А-20 так же, как и тогда, когда совершил вынужденную посадку в А-15. Ну вот, теперь вы все знаете. Можете смеяться, если угодно: иногда я и сам над собой смеюсь. Но одно могу сказать: даже если все это чепуха, лично для меня тот сон очень важен, потому что благодаря ему я не испытываю страха в минуты опасности.

Мы не смеялись, а немного погодя Джимми спросил:

— Те двое... ты не узнал их?

Дэвид с некоторым сомнением ответил:

— Я никогда над этим не задумывался. Не забывай, они были в скафандрах и лиц их я хорошо не видел. Но, по-моему, один из них был похож на тебя, хотя и выглядел много старше, чем ты теперь. Боюсь, Артур, что тебя там не было. Извини.

— Рад это слышать, — сказал я. — Я уже говорил тебе, что предпочитаю оставаться на земле, чтобы потом выяснить причины аварии. Меня эта роль вполне устраивает.

Джимми встал.

— О'кэй, Дэвид, — сказал он. — Пойду займусь этой шайкой репортеров. А ты поспи — со сновидениями или без. Кстати, А-20 через неделю будет готова повторить старт. Мне думается, она будет последней химической ракетой: говорят, атомные двигатели уже почти сконструированы.

Мы никогда больше не говорили о том сне Дэвида, но, думаю, ни один из нас о нем не забывал. Три месяца спустя Дэвид поднялся в А-20 на шестьсот восемьдесят километров — рекорд, который никогда не будет побит машиной такого типа, потому что никто не станет больше выпускать химических ракет. Ничем не примечательная посадка Дэвида в долине Нила ознаменовала собой конец данной эпохи.

Прошло еще три года, прежде чем была готова А-21. По сравнению со своими громадными предшественницами она выглядела совсем крохотной, и трудно было поверить, что она ближе всех них к космическим кораблям будущего.

Надо сказать, что к этому времени мы оба — Джимми и я — уже разделяли веру Дэвида в его счастливую судьбу. Я помню последние слова, сказанные Джимми перед закрытием наружного люка:

— Теперь уже недолго, Дэвид, до полета втроем.

И я знал, что он лишь наполовину шутит.

Мы видели, как А-21 медленно по крутой спирали взбирается ввысь совсем иначе, чем все прежние ракеты. Теперь уже не нужно было беспокоиться о преодолении земного тяготения с помощью подсобных средств — ядерное топливо находилось в самой ракете, и Дэвид не спешил. Машина продолжала еще медленно подниматься, когда я потерял ее из виду и прошел на наблюдательный пункт.

Я вошел туда в тот момент, когда изображение на экране радара уже гасло, а звук взрыва донесся до меня чуть позднее. И на этом жизнь Дэвида оборвалась, несмотря на его вещий сон.

Следующее мое воспоминание относится ко времени, когда вертолет Джимми, оставив справа вдали Сноудон, устремился в Конвей-Вэлли. Мы никогда раньше не бывали в доме у Дэвида, и предстоящий визит совсем нам не улыбался. Но уж это мы обязаны были сделать.

Пока внизу расступались горы, мы говорили о внезапно омраченном будущем и гадали, что теперь будет. Потрясение усиливалось тем, что Дэвид внушил нам свою веру глубже, чем мы до сих пор осознавали. А она оказалась напрасной.

Мы не знали, что будет делать Мэвис, и обсуждали будущее мальчика. Ему сейчас было, должно быть, лет пятнадцать, но я очень давно не видел его, а Джимми и вовсе никогда с ним не встречался. Дэвид говорил, что сын собирается стать архитектором и у него находят способности к этому.

Мэвис держалась спокойно и собранно, но заметно постарела со времени нашей последней встречи. Мы поговорили о делах и о завещательных распоряжениях Дэвида. Мне еще не приходилось выступать в роли душеприказчика, но я старался делать вид, что хорошо во всем этом разбираюсь.

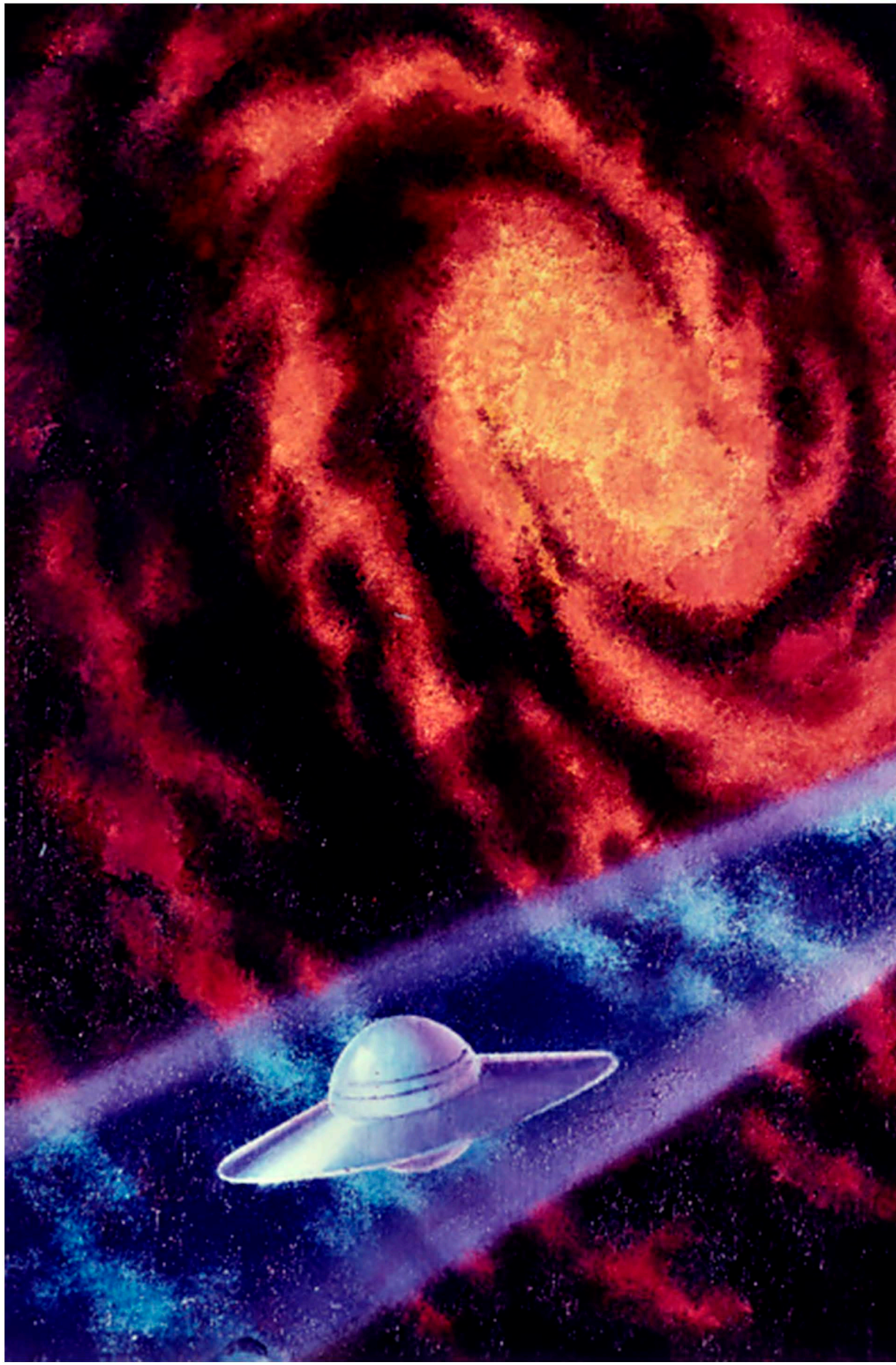
Мы как раз перешли к разговору о мальчике, когда наружная дверь хлопнула и он вошел. Мэвис окликнула его, и мы услышали его медленно приближающиеся шаги. Он явно не жаждал встречи с нами, и глаза его, когда он наконец появился, были красными от слез.

Я забыл, как сильно он похож на отца, а Джимми тихо охнул.

— Привет, Дэвид, — сказал я.

Но он на меня и не глянул. Он пристально смотрел на Джимми с тем особым выражением, с каким смотрят на человека, которого где-то видели, но не могут вспомнить где.

И вдруг я понял, что юный Дэвид никогда не станет архитектором.



Известный снбирский писатель-фантаст Сергей Иванович Павлов живет и работает в Красноярске. Родился он в 1935 году в Бердянске. Профессня геофизнка, романтнка поиска месторождеиий полезных ископаемых в пустынях Средней Азни и таежных просторах Снбирн — все это формировало творческий потенцнал писателя. Литературный дебют С. Павлова состоялся в 1962 году: его рассказ «Банка фруктового сока» был удостоен премин на международном конкурсе пнсателей-фантастов, органнзованном журналом «Техннка — молодежи». Вскоре после этого читатель знакомится с его первыми фантастико-приключенческимн повестями «Аргус против Марса» и «Кентавр выпускает стрелу» (написана в соавторстве с Н. Шагуриным), затем — с научно-фантастическимн повестямн «Корона Солнца», «Ангелы моря», «Акванавты» («Океанавты»), «Чердак Вселенной», «Неуловимый прайд».

В этом году киностудия имени Горького прнступает к съемкам фантастнческого фильма «Океанавты» по однонменной повестн С. Павлова.

В издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» подготовлен к печати роман С. Павлова «Лунная радуга». «Плоскогорье Огненных змей» — отрывок из этого романа.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ,
г. Красноярск

ПЛОСКОГОРЬЕ ОГНЕННЫХ ЗМЕЙ

За одну меркурнанскую ночь Плоскогорье уннчтожнло два катера-шаролета. Водитель третьего шаролета Анхель Родрнгес красочно опнсал момент катастрофы: стоило впереди идущей машине снизиться до крнтнческого в тех местах уровня, и... «навстречу кратеру нз какой-то ямы или трещины выскочил огненно-голубой головастик, похожнй на кобру в прыжке!..» Потом Анхель долго ннчего не вндел, потому что был ослеплен вспышкой близкого взрыва, но все же сумел дотянуть до лагеря на своем утыканном осколками аппарате. Разведку временно прекратилн — в длннную меркурнанскую ночь (около 40 земных суток) было миого других, более неотложных дел. Конечно, в длиннющий горячий день забот было не меньше, но разведгруппу на Плоскогорье все-такн отрядилн. Разведчикн облазили множество ям и ннчего подозрнтельного не обнаружнли; даже буренне с отбором керновых проб сутн не прояснило. А ночью снова прнсшествие: пытаясь выяснить, почему перестала работать смонтнрованная разведгруппой линия геофизических датчнков, погнб еще один шаролет (к счастью, безэкнпажный). С этим решили покончить н опасную территорню попросту объявили «зоной ночной недоступностн», запретив до лучшнх времен всякую самодеятельность в этом районе. Решение администрации хотя и вызвало ропот разведчиков-энтузиастов, но было абсолютно правнльным. Рисковать людьмн и техникой без особой на то необходимости преступно, а на фоне главных задач промышленно-металлургнческого центра Меркурия преступно вдвойне. Тем более что Плоскогорье Огненных змей ннкому, кроме нскателей-первопроходцев, пока не мешало.

Шли годы, менялась адмнннстрация — запрет оставался, и постепенно привыкли к нему, как привыкали на этой планете к десяткам запретов нных — рук не хватало объять необъятное. И кто знает, когда наступнлн бы «лучшие времена», если бы не обнаружилнсь домннионы королевства огня (еще два опасных в ночную пору участка) и если бы к одному из них близко не примыкал богатый иридием рудник «Нежданный», которому надо было работать и ночью и днем. Временное перемнрие с Огненными змеямн, к радостн энтузиастов и неудовольствию трезвых практиков, закончилось. Отложив текущне дела, энтузнасты органнзовали группу техннческого содействия «Мангуст», усиленную ребятамн нз отряда «Десант», н подготовнлн ночную штурм-операцню под названием «Конкиста». Но очень скоро «мангустадорам» пришлось убедиться, что наскоком змеиную крепость не взять: эффектная гибель хорошо оснащенного, как им представлялось, автоматнческого вездехода послужнла сигналом к отбою. Отступнв, стали думать, как быть. Штурм электрических площадей в сотнн квадратных кнлометров требовал опыта н соответствующего оборудования. Ни того, нн другого не было. Ведь ннкому н в голову прийти не могло, что на Меркурни доведется вступнть в серьезную схватку с природным электроразрядником такой чудовнщной энергоемкости и вдобавок неясного принципа действия,— геофизикн лишь пожнмали плечами. Тогда мудрецы нз «Мангуста» решили испробовать в деле днстанционно управляемый тягач-вездеход, оснастив его «надежным заземленнем», а попросту говоря — волочащимися сзадн связками цепей и металлических тросов, настолько длинными, иасколько это было под снлу мощиой машине. То самое, что Дик Бэчелор называл «подручнымн средствами».

...В штурмовой лагерь Нортон прибыл за два часа до назначенного

срока операции. В районе лагеря царила глухая меркурианская ночь. Да и сам район, по словам общительного связиста-попутчика, был «глухоманью на отшибе». Этому можно было поверить. За время полета от полуденного Аркада до «вечерней граннцы» связист то и дело показывал ему, новичку, местные ориентиры, но лишь единственный раз они видели с высоты довольно крупную базу и уже знакомые по Аркаду участки «шахматных полей» — гелиоэнергетическую сеть рудничного комплекса «Менделеев». И после, когда машина прошла над изрезанной кинжальными тенями зоной терминатора, прошмыгнув очень красивую зону «розового луча» (прощальный привет хромосферы уходящего Солнца), и нырнула в глубокую, как океан, планетарную темноту, Нортон, не без подсказки того же связиста, запримстил промелькнувшие на правом траверзе далекие огни опорной базы каких-то разведэкспедицнй, а потом они шли над ночным полушарием еще три тысячи километров и ничего, кроме двух вулканнческих факелов, редких вспышек проблесковых маяков прямо по курсу и неподвижных звезд наверху, не видели...

Лагерь ему понравился. Везде и во всем здесь ощущался порядок. Но когда был дан сигнал к началу операции и он увидел, как оборудован штурмовой тягач-вездеход, у него возникло сомнение... Люди едко перешучивались, скрывая тревогу, и лишь руководитель группы Джобер был полон загадочного оптимизма.

Затея, как показалось на первых порах, себя оправдала: механнческий мамонт, уволакивая свой невероятный шлейф, тяжело вылез на Плоскогорье и с упорством железного идиота стал ломиться сквозь кучи камней, и клубы поднятой пыли, и жгуты ослепительно синих разрядов, и фейерверочные россыпи искр, и дымные столбы света направленных сверху прожекторов эскадрильи специально для этого случая роскошно иллюминированных катеров. Вслед за ним, осмелев, поползла самоходная установка с какой-то аппаратурой; экипаж — водитель и оператор. Водителем самоходки был Аймо Зотто по прозвищу Канарейка — любимец отряда «Десант», самый веселый десантник из всех десантников-весельчаков, каких только можно припомнить, и его убила шаровая молния... Не хочется вспоминать, до чего он был страшный, этот Аймо, когда его принесли в бункер и неизвестно зачем уложили на стол походной операционной. Такого рода внезапности всегда болезненно бьют по нервам. И особенно сильно, если ты в непонятном для самого себя качестве представителя штаба с головой ныряешь в горячий котел незнакомой тебе обстановки едва ли не прямо с трапа доставившего тебя сюда межпланетного корабля и сперва, пытаясь сосредоточиться на изученнн орбитальных снимков и карт Плоскогорья слышишь через полуоткрытую дверь звон гитары, смех и песни Аймо, а потом помогаешь вытаскивать из скафандра его недвижимое тело. Да, он сразу невзлюбил Меркурий. Однако, насколько Меркурнй был для него предпочтительнее Юпитера, знал об этом он один и ни перед кем не собирался отчитываться.

Нортон не мог найти себе места, пока не уснули ошеломленные несчастьем люди; потребности спать он не испытывал и, не зная, куда себя деть, молча сидел в скафандровом отсеке рядом с дежурным, который, как все, был чрезвычайно подавлен случившимся и почти с испугом поглядывал голубыми, как земное небо, глазами то на гитару Аймо, то на безмолвного представителя штаба. Гитара Аймо стояла кверху грифом в нише, где должен был висеть скафандр. Дежурный объяснил, что Аймо не расставался с гитарой до самого входа в кессон и всегда оставлял ее здесь, чтобы сразу взять в руки, как только освобождал их из скафандра. Он не ответил. Дежурный, верно задетый его равнодушием, тоже умолк. Но это не было равнодушием. Просто он не привык обсуждать очевидные вещи. И кроме того, хотелось хоть на минуту забыть веселого человека Аймо-Канарейку, его загорелое лицо, смеющийся рот. Недавняя веселость Аймо выглядела неуместно, как улыбка на губах убитого хищником гладиатора. Он очень надеялся, что не Аймо предлагал сегодня геофизику Людмиле Бакулиной руку и сердце... Да, в наш респектабельный век все это напоминает бои гладиаторов. С той только разницей, что, когда впереди падает твой товарищ, ты испытываешь стыд оттого, что позволил упасть ему вместо тебя. Вот ведь в чем штука...

Он встал, подошел к стеллажам, где находилось десантное снаряжение, выбрал рейд-рюкзак средних размеров. Проверил работу выводного клапана: в подставленную ладонь выпало несколько тонких пластмассовых дисков — рейд-вешек. Диски вспыхнули пурпурно-красным огнем. Он вообразил себе светящуюся цепочку «кровавых следов», которая будет тянуться за ним — далеко ли? — в опасную зону, помрачнел, но, отгоняя тревогу, подумал, прикинув на глаз объем рюкзака: километров на двадцать этого хватит. Потом он невольно продемонстрировал перед дежурным, с каким проворством можно упаковаться в скафандр, не пользуясь посторонней помощью,—навык, выработанный практикой в условиях невесомости.

Трудно сказать, на что он надеялся. На болевые спазмы в висках, возникавшие, как он не раз убеждался, когда ему доводилось бывать поблизости от высоковольтных источников напряжения? На интуицию, которой в последнее время стал доверять больше, чем показаниям точной аппаратуры? Аппаратура пока не сумела обезопасить людей на этом Плоскогорье... Ошарашенный его приготовлениями, сннеглазый дежурный спросил: «А... как же насчет разрешения командира?» Он тщательно укрепил рейд-рюкзак на спине, соединил кабель от клапана с коммутационной системой скафандра, ответил: «Нет нужды в таком разрешении. Я представитель экспертной группы штаба отряда, и мои действия командиру группы «Мангуст» не подконтрольны. Других вопросов нет?»

Дорогу, проложенную тягачом, следовало бы считать безопасной. По логике вещей. Лично ведь наблюдал, как увешанное цепями чудовище, двигаясь напролом, гасило электроразряды, доказывая тем самым, что емкость задетых машиной грунтовых аккумуляторов не беспредельна. Но еще лучше он знал, что логика человеческих представлений далеко не всегда хорошо согласуется с логикой Внеземелья. Выйдя на эту дорогу, он выключил фару и подождал, пока его зрение приноровится к новым условиям.

Звезды струили на Плоскогорье невесомо-призрачный свет. Едва уловимо подовечивал голые спины бугров белый фонарик Венеры, и кое-что перепадало от огромного, взметнувшегося над горизонтом жемчужно-лебединого крыла зодиакального сияния. На фоне «крыла» остро блестела звездочка ГСС (Главного спутника связи планеты).

...Первый сгусток огненной плазмы он встретил раньше, чем дошел до того места, где погиб Аймо. Меркурианская шаровая молния была похожа на светящийся апельсин, поверхность которого периодически искрилась голубоватыми блестками. Она парила сравнительно невысоко — не выше уровня его бедра. Минуту он внимательно разглядывал ее на некотором удалении, с опаской, и ему показалось, будто бы у нее есть длинные, исчезающие тонкие жгутики и будто бы в такт появлению блесток она эти жгутики втягивает и выпускает, как парящая в воде медуза.

О повадках шаровых молний он мало что знал (и земных-то не видел, не говоря уж о меркурианских). Когда эта штука без всякой, казалось

бы, на то причины вдруг шевельнулась и медленно поплыла, он попятился. Внезапно его охватила вспышка мрачного ожесточения. Плохо сознавая, что делает, он поднял камень... Тяжесть камня его отрезвила. Выронив камень, он обогнул «апельсин» и пошел дальше. Он был очень собой недоволен. Вспышка ожесточения была нелепой. Мало того, абсолютно непрофессиональной. За такие вещи ему доводилось отстранять от работы своих подчиненных. И теперь, встречая на пути светящиеся шарики, он разглядывал их с холодным вниманием и думал, что, если бы самоходка шла с погашенными фарами, Аймо наверняка остался бы жив... Один из крупных шаров наткнулся поблизости на обломок скалы. Взрыв был эффектный. Такого взрыва он не ожидал — его ослепило и обсыпало каменным крошевом. Да, шутки с плазменным сгустком энергии плохи...

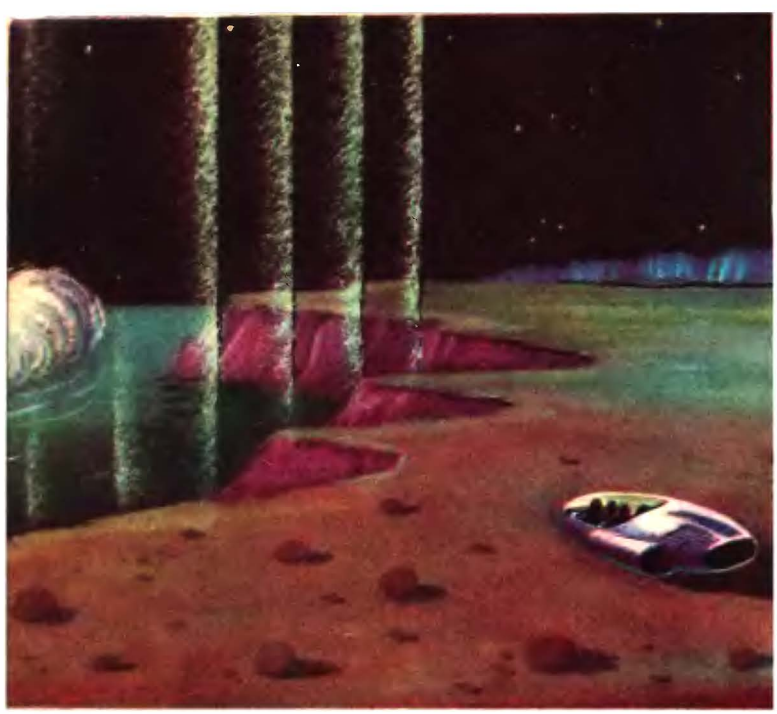
Сквозь треск в наушниках шлемофона послышался голос: «Связь, Нортон, связь!» По начальственно-требовательным ноткам голоса он сразу определил, что это Джобер. «Нортон, немедленно возвращайтесь, или я вышлю катер!» Пришлось ответить успокоительно: «Все в порядке, Джобер. Слышимость великолепная». Взрыв негодования Джобера был равносилен взрыву шаровой молнии. Из всего, что пропустили через себя наушники, удалось лишь разобрать, что в полевых условиях командир группы не в состоянии обеспечить всех желающих операционными столами, — очень ценная информация.

Обойдя застывшую на лобастом бугре машину, обросшую, как голова Медузы Горгоны, хаотически торчащими во все стороны пучками прямых, изогнутых и спирально закрученных молниеотводов, он глянул вдаль и невольно остановился. Вид Плоскогорья его поразил. Плоскогорье Огненных змей нежно и очень своеобразно светилось.

Он продвигался вперед чутко и осторожно, как зверь на охоте. Полевые сигнализаторы еще ни разу не проявили себя, и это его слегка беспокоило. Тем более что дно ложбины, в которую он спустился, было наклонным и вело куда-то все ниже и ниже. Ложбина могла оказаться одной из тех ям, которых здесь так боялись. Ввел поправку — стал забирать левее. К продолговатым буграм. Левее и выше. Внезапная дикая боль в голове заставила резко присесть. Он вскрикнул, судорожно изогнулся и, обхватив руками шлем (огромный пузырь, как ему показалось), скатился в ложбину. Боль отпустила. «Вы живы?!» — прозвучал в наушниках несколько запоздалый не то возглас, не то вопрос, и ему показалось, что говорит кто-то другой, не Джобер. «Кто говорит?» — «Первый помощник командира группы Данилов». — «Привет, Данилов. А куда подевался Джобер?» — «Никуда он не подевался. Расшвыривает здесь фармацевтические ящики в поисках чего-нибудь успокаивающего». — «Великое Внеземелье! Ну оступился я, вскрикнул, умолк. Не буду же я взывать на весь эфир через спутник связи! Ладно, не отвлекайте меня. Занят». Он посмотрел на спутник связи, выключил клапан рейд-рюкзака и подался на косогор. Надо было убрать этот слишком заметный отрезок пунктира — для безопасности тех, кто пришлепает следом...

Смутное убеждение, что там, у подножия продолговатого бугра, где кончался красный пунктир, затаилось опасное нечто, вызвало непонятную скованность мысли, и чем ближе он туда подступал, собирая рейд-вешки, тем плотнее его окутывал страх. Последние метры он полз, обливаясь потом, на четвереньках и буквально выковыривал из грунта неудобно-тонкие диски. Голова набухала тошнотворной болью, и он чувствовал, как у него начинают дрожать колени и руки, в глазах плыли пурпурные пятна двух последних рейд-вешек. Он потянулся к ним... и, оглушив себя собственным криком, резко отпрянул, упал на спину и, перевернувшись через горб рюкзака, увидел ослепительно голубую дугу и покатился куда-то, и рядом катились камни...

Его привел в чувство голос Джобера. В голове стоял шум, но боли не было. Он лежал на дне ложбины, еще ниже того места, где в прошлый раз образовалась красная «лужица», все вокруг было спокойно. «Черт!..» — пробормотал он и сел. Голос командира группы: «Нортон, возвращайтесь немедленно!» Разжав крепко стиснутый кулак в металлизированной перчатке, он убедился, что собранных дисков, к счастью, не выронил. Тихо сказал: «Где там менее впечатлительный первый помощник?» — «Нортон, слушаю вас». — «Послушайте, Данилов... Кто вам сказал, что здесь опасны именно ямы, а не, скажем, бугры? Вроде того, на котором остановился тягач?» — «Это утверждали очевидцы катастрофы. Двух убитых меркурианологов тоже нашли в яме. Впрочем, да... они, конечно, могли и скатиться...» — «В том-то и дело. Как раз сейчас я нахожусь в одной из таких ям — метрах в тридцати пяти прямо по курсу, которым шел вездеход, — и превосходно в ней себя чувствую. Зато левее, взгляните на карту, тянутся три продолговатых бугра, и... похоже, они налиты энергией под самую пробку. По-видимому, в таких местах достаточно слегка потревожить грунт, чтобы нарушить там



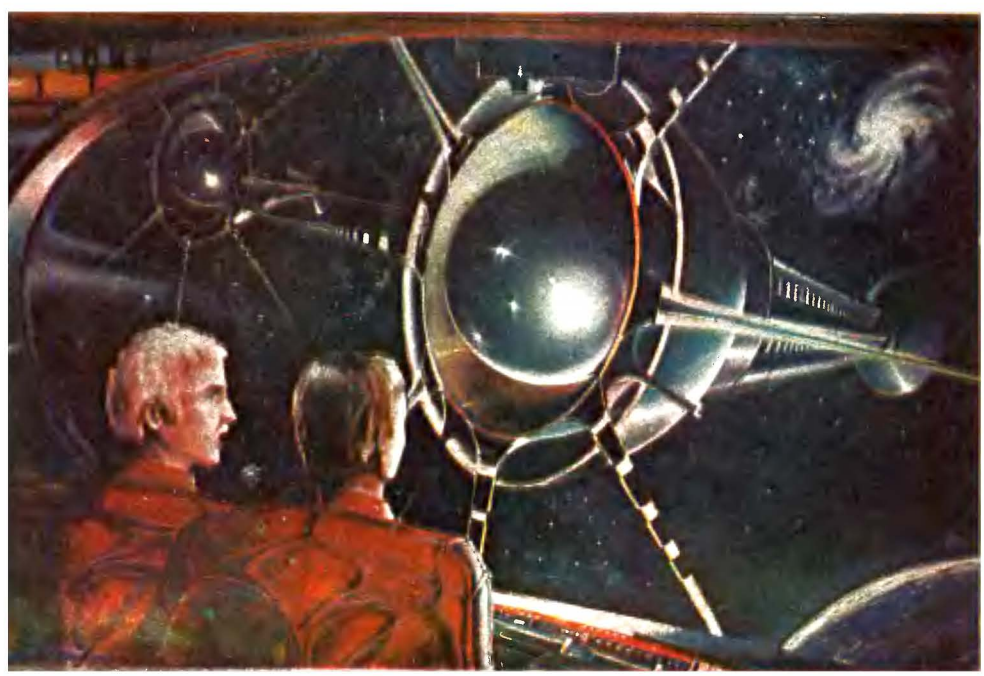
В.Босенко «Загадка Титана»

электростатическое равновесие. Подчеркиваю: вполне безопасен только путь, отмеченный рейд-пунктиром нормальной или повышенной плотности, «шальные» вешки не в счет». — «Понял, Нортон, спасибо. Но... простите... О вашем чутье ходят легенды. Как это вам удается?» — «Это детали, Данилов, которыми вы абсолютно спокойно можете пренебречь. У меня все. Маршрут продолжаю».

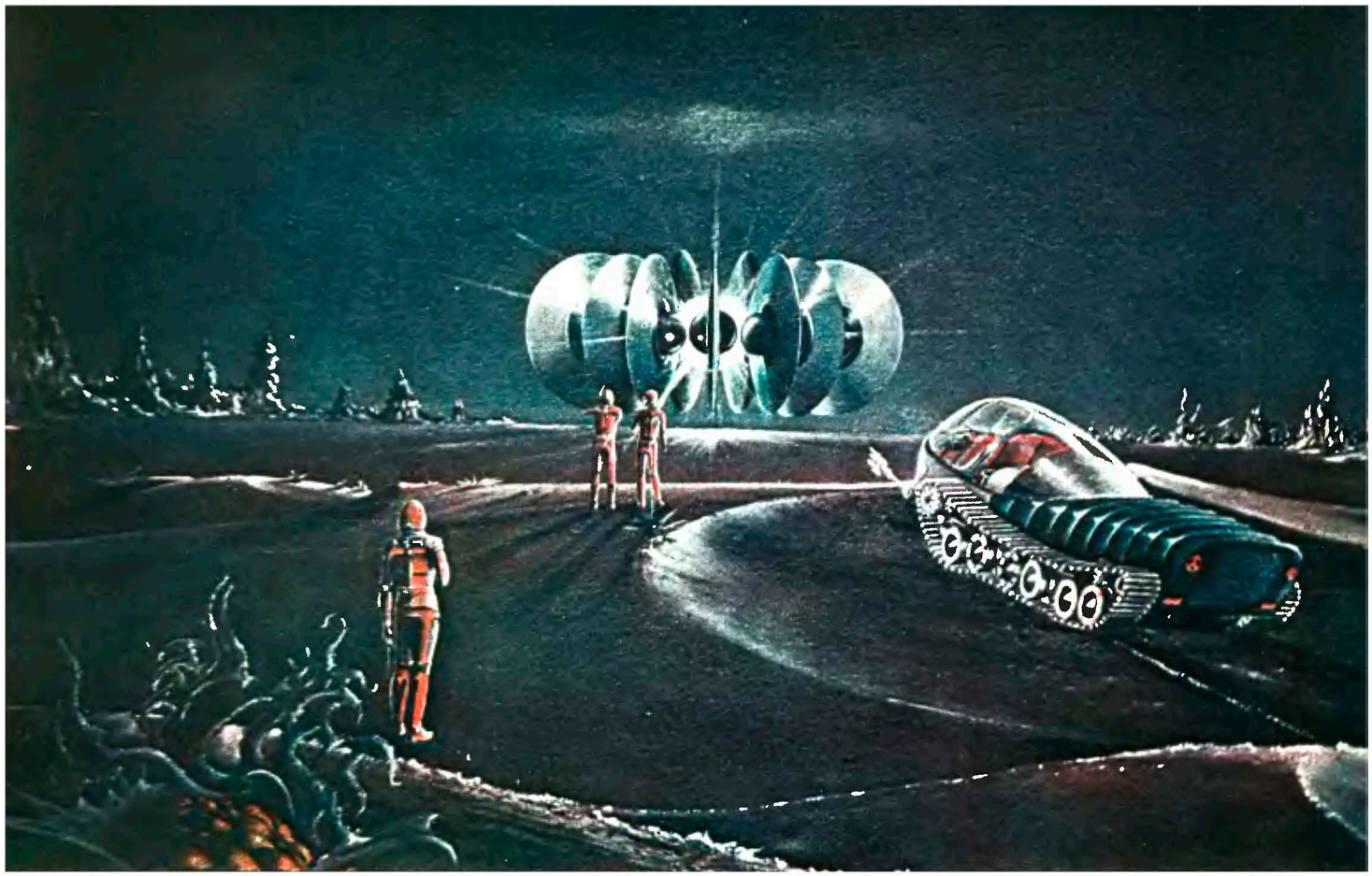
Во время беседы он успел перебраться из одной ложбины в другую и оставить за спиной новые десятки метров рейд-пунктира. Но скоро пришлось столкнуться с непрятным открытием: он стал хуже видеть. Нет, правильнее сказать: стал видеть иначе. Сперва ему показалось, будто все вокруг окутала фосфорнческиголубоватая дымка. Присмотревшись, он понял: иллюзию дымчатого марева создавало плавное колыхание сетн или, лучше сказать, системы тончайших, как паутина, волокон таинственно невесомой и слабо люминесцирующей субстанции... Он долго разглядывал новый облик ландшафта. Узлами паутинообразной «сети» были бугры — у их подножий она достигала наибольшей концентрацни, а в низинах почти не просматрнвалась. Подозренне, что именно бугры насыщены энергией, перешло в уверенность.

Итогами его работы спецналнсты группы «Мангуст» остались довольны. Рейд-пунктир позволнл им беспрепятственно протащнть на этот участок массу всевозможной аппаратуры и в конце концов получить точную информацию об электрических свойствах всего Плоскогорья. Коварным буграм зачем-то присвоилн его имя: куполовидные бугры стали называть «нортонами», продолговатые — «нортвенами», и каждый бугор Плоскогорья получнл свой номер, словно это был уже планетный инвентарь. Встречи с «мангустадорами» он избегал, потому что прн этом всегда было много тягостных сантиментов и спецы разного профнля по-разному пытались ему объяснить «энергетнческнй механизм» Плоскогорья. Восхнщались, какие замечательные конденсаторы эти нортвены и какая у них уникальная кристалллческая структура, поясняли, как онн накапливают энергию в вечернее время меркурианских суток и как разряжаются утром, и как сложно участвуют в этом все виды нзлучений Солнца н плазма его короны, н даже слабая атмосфера Меркурня, насыщенная атомамн испарившнхся металлов; а кое-кто из ннх делнлся мыслямн о проектах унифнкацни даровой энергин в промышленных целях. Он не сомневался, что все это важно в научно-технической перспектнве, но это было уже не его дело.

В.Босенко «Фобос»



А.Белый «Перед спуском на планету»



Александр Белый «Встреча двух экспедиций»

Сергей Прокопчук «Станция под пульсаром»

ДВЕСТИ ВТОРАЯ НОЧЬ ШАХРАЗАДЫ

ВЛАДИСЛАВ ДЕВЕРДЕЕВ
г. Свердловск

Рис. Роберта Авотина

При раскопках развалин средневековой мечети недалеко от Самаркайда археологическая экспедиция нашла плотно закупоренный сосуд. Осторожно вскрыв его, ученые обнаружили небольшой рулон потемневшей от времени шелковой ленты шириной в ладонь. Ткань была покрыта непонятными знаками. Вскоре ученые установили происхождение и время создания рукописи: арабский Восток, XIII век нашей эры.

Сам текст представляет собой неизвестный фрагмент «Повести о шахе Шахрамане, сыне его Камар-аз-Замане и царевне Будур», которую прекрасная Шахразада со 170-й по 249-ю ночь рассказывает своему мужу-царю.

Как известно, во всех найденных до сих пор рукописях и переводах знаменитых арабских сказок двести второй ночи нет. В публикациях к этому месту обычно дается примечание: «В оригинале за ночью 201-й непосредственно следует 203-я — характерная ошибка писца».

Однако никакой ошибки здесь нет, и лучшее свидетельство тому — настоящий отрывок, перевод и публикация которого осуществлены впервые.

* * *

«Когда же настала двести вторая ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман не обратил внимания на предостережения жителей города и продолжал кричать: «Я мудрец, я звездочет — есть ли охотники?!»

И когда Камар-аз-Заман кричал, а люди его останавливали, визирь царя аль-Гайюра услышал его голос и сказал слуге: «Спустись, приведи к нам этого мудреца». Слуга послушно спустился и, взяв Камар-аз-Замана из толпы людей, привел его к визирю.

Визирь посмотрел на Камар-аз-Замана, усадил его рядом с собой и, обратившись к нему, сказал: «Ради аллаха, о дитя мое, если ты не мудрец, то не подвергай себя опасности и не приходи к дворцу, приняв условие царя аль-Гайюра, ибо он обязался всякому, кто войдет к его дочери Ситт Будур и не исцелит ее от недуга, отрубить голову». — «Пусть так и будет! — ответил Камар-аз-Заман. — Я согласен и знал об этом раньше, чем пришел сюда. У меня есть верное средство вылечить царевну Будур».

И тогда визирь спросил его: «Какое это средство и как оно попало к тебе?» — «Средство это волшебное, а как оно попало ко мне — это удивительная история». — «А какова твоя история? Расскажи ее нам с начала до конца!» — сказал визирь. «Слушаю и повинуюсь, — ответил Камар-аз-Заман и произнес такие слова: — Прошлой ночью я достал золотую дощечку для гадания и набор принадлежностей, чтобы узнать свое будущее и записать его. Как всякий звездочет, я обратил взор свой к небу, чтобы предсказание было верное. И увидел, как одна из звезд покинула небеса и опустилась на землю. Я возрадовался великой радостью, ибо понял, что это аллах дает мне добрый знак и что мне будет сопутствовать удача во всех моих делах.

Тогда я поднялся с земли и пошел через пустыню. Ночь уже подходила к концу, прекрасноликая луна стала совсем бледной. В это время я увидел впереди какое-то сооружение, тонкое, как алиф. Когда я подошел ближе, оказалось, что оно золотисто-сиреневого цвета и очень похоже на минарет. Рядом с ним стояли незнакомые люди — двое русых мужчин и женщина, прекрасная, как пери. Они были в блестящих одеждах, которые переливались всеми цветами радуги.

Я сразу подумал, — продолжал свой рассказ Камар-аз-Заман, — что мужчины — чужеземцы из северных стран. Тем более что один из них, высокий, заговорил со мной на каком-то непонятном языке. «Не понимаю тебя», — сказал я, и тогда высокий спросил снова: «Кто ты такой?» — «Я сын царя Шахрамана. Меня зовут Камар-аз-Заман, что значит Луна времени». — «Луна и время?! — воскликнул другой незнакомец. — Поистине, нам послало тебя

само небо». — «А кто послал сюда вас? — спросил я. — Кто вы такие? Откуда прибыли в наши края?» — «Мы люди, — ответил высокий незнакомец. — А прилетели с неба».

И тут я заметил, что он продолжал говорить не по-нашему, но я понимал его очень хорошо, словно кто-то у меня в голове повторял его слова. И тогда я догадался, что это джинны и что они хотят обмануть меня, называя себя людьми.

Только успел я так подумать, как низкий джинн сказал: «Нет, мы не собираемся тебя обманывать. Мы и правда люди». Из его дальнейшего объяснения я понял, что они из далекой-далекой будущей жизни, ставшей родником душевной щедрости, благоухающим садом радости и счастья, царством обильных благ, описывать которые устанет язык. А высокий джинн добавил: «Между жизнью внуков твоих внуков и жизнью дедов наших дедов на земле было еще десять поколений. Вот в какое время мы живем».

И тогда я стал спорить с ними и возразил такими словами: «Вы назвались людьми, но разве могут люди жить тысячи лет? Или летать по небу? Читать чужие мысли, как суры в Коране?» — «Тебе, конечно, невозможно это представить, — вступила в разговор джинния. — Еще труднее понять. Но мы постараемся объяснить тебе все как можно проще. Пойдем к нашему кораблю». — «А далеко до него идти?» — спросил я джиннов. «Да вот он перед тобой», — ответили они и показали на минарет-сооружение.

«Какой же это корабль? — воскликнул я. — Где его мачты и паруса? Где матросы?» — «Его матросы, то есть команда корабля, — это мы трое. Есть у него и паруса, и даже есть в нем ветер, который их надувает; только все это невидимо для человеческого глаза». — «Значит, он заколдован, ваш корабль? Он волшебный?» — «Нет, он не заколдованный и не волшебный. Но это действительно чудесный, могучий корабль». Я побоялся спорить дальше и замкнул свои уста на замок молчания.

Высокий джинн и джинния повели меня к своему кораблю-минарету. Там стояли сиденья — голубые, как родниковая вода в оазисе. Мы опустились на них. Сидеть было удобно и приятно: жары совсем не чувствовалось, вокруг нас веяло прохладой. А второй джинн в это время вошел в круглую дверь сооружения, и вскоре пески пустыни пропали из глаз. Мне хотелось убежать от страха, но я не подал вида.

И тут джинн начал свое повествование, говоря со мной: «Как ты думаешь, Камар-аз-Заман, если бы ты жил еще долго-долго, много веков, стал бы ты умнее?» — «Да, наверное. Я стал бы умнее, чем все мудрецы Дивана». — «Так вот, представь себе, что люди Земли, человечество жило после твоего времени еще десять столетий. Люди много узнали, стали мудрыми, многому научились. Научились строить такие вот корабли и летать на них среди звезд очень быстро».

Я не смог утерпеть, перебил его речь и спросил: «Быстрее стрелы?» — «Быстрее». — «Быстрее ветра?» — «Быстрее, — отвечал он. — Быстрее всего, что ты можешь только представить».

Высокий джинн поведал далее о том, что матросы небесных кораблей пролетали каждую минуту расстояние в тысячи месяцев пути и летели таким образом среди созвездий, точно блистающая молния, десять или больше лет. А вернувшись на Землю, не заставали в живых никого из своих родных, друзей и знакомых. Потому что на Земле за это время проходили века и даже тысячелетия (таково было свойство колдовства). И это сильно печалило небесных путников. И тогда люди знания нашли выход из такого печального положения.

Давно уже было известно, что, кроме царства нашего мира, где в своих домах живут Солнце, Луна и звезды, есть царство другого мира. Оно во всем похоже на наше, но там все происходит наоборот».

Тут Камар-аз-Заман прервал свою историю и, обратясь к визирю, сказал: «Прости меня, о средоточие мудрости и благочестия, за то, что я, может быть, не совсем точно пересказываю слова джинна. Но это потому, что смысл их часто был для меня туманным. И все-таки я стараюсь передать тебе рассказ джинна возможно точнее, а аллах лучше знает истину». — «Не смущайся, о такой-то!» — ответил визирь Камар-аз-Заману и стал ободрять его словами, говоря: «Знай, всегда прощается тому, кто взывает о прощении».

И тогда Камар-аз-Заман продолжил свое повествование. «Джинн рассказал, что мудрецы из мудрецов Земли открыли секрет, как переходить из нашего мира в тот, другой, а потом из него опять возвращаться в царство своего мира. Они научились переходить туда и обратно прямо на небесных кораблях. И это стало великим благом. Теперь их матросы, которые отправлялись в полет по небу, в конце своего путешествия, осуществив задуманное, переходили вместе с кораблем из нашего мира в тот, другой. Там они снова летали среди звезд примерно столько же времени, сколько длилась первая половина их путешествия. И когда истекал нужный срок, команды вместе с кораблями переходили из того царства обратно в наше и оказывались на Земле чуть позже того времени, когда отправились в путь.

Но сначала они не знали о злом ифрите, который сторожил границу времен, текущих навстречу друг другу, как два слоя воды в горле Босфора. Этот ифрит постоянно строил козни против матросов возвращающихся кораблей. Вот почему их матросы попадали во времена и повелителя правоверных Харуна-ар-Рашида, и вообще до появления сынов Адама. А один корабль даже погиб при таком переходе».

«В этом месте рассказа, — продолжал Камар-аз-Заман, — джинния наклонила голову и тихо молвила: «Там был мой отец». И на глазах ее показались слезы.

Катастрофа корабля, по словам джинна, обернулась новой бедой. А была она такого свойства. Если бросить камень в воду, он пойдет ко дну, а над местом его падения, точно маленький фонтан, возникнет всплеск воды. Получилось так, что погибший корабль оказался камнем судьбы, который своим падением пробил границу двух царств. А «фонтаном» стала часть нашего мира. Она медленно и незаметно проникала в то, иное царство, и теперь вот-вот должна соприкоснуться со второй Землей, которая тут же превратится в пар, как капля воды на листе жаровни. То человечество еще не умеет защищаться, как не может слабый ребенок бороться с барсом. Спасти младших братьев, живущих в другом царстве, поручили стоящим передо мной.

Джинн поведал мне, что шейхи мудрецов придумали хитрые устройства, чтобы удержать прорвавшуюся часть и вернуть ее обратно, и что эти машины установлены на Луне. Услышав такие слова, я тут же посмотрел на нее: Луна, султан ночи, была, как всегда, прекрасна, но ни на ней, ни под ней я ничего не увидел.

Заметив мои взгляды, джинн сказал: «Ты напрасно смотришь на Луну, Камар-аз-Заман. Хотя устройства очень большие, отсюда они невидимы». — «Они тоже заколдованные?» — спросил я. «Нет, они не заколдованные, но это действительно чудесные машины. Чтобы пустить их в ход, мы должны подать специальный сигнал. Для этого нам нужно срочно попасть на Луну».

И тогда в разговор вступил маленький джинн. Он рассказал, что в эту ночь у них случилось несчастье.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Когда они уже спускались на Луну, в их корабль попал небесный камень. Он повредил какую-то очень важную часть. Из-за этого корабль изменил полет, чуть не врезался в скалы и лишь чудом избежал гибели. А потом матросы команды сумели сесть, да только не на Луну, а на Землю. Поломку за ночь в основном исправили. И все же взлететь самим, без помощи со стороны, им теперь не удастся. Надо, чтобы кто-то дал приказ о вылете с удаленного от корабля места. Никто из матросов сделать этого не может, так как быть на Луне им нужно всем троим.

«Вот почему мы и просим тебя помочь, — сказал низкий джинн. — Это будет нетрудно. Ты должен лишь мысленно представить цифры от десятн до нуля и потом подумать: «Взлет!» С того момента и начнется спасательное дело». — «Я помогу вам, если на то будет воли аллаха, — отвечал я. — Но и вы должны помочь мне в моем деле». — «А какое это дело? — спросили джинны. — Куда ты идешь и зачем?»

И я поведал им о своей встрече с царевной Ситт Будур, о возникшей между нами сильной любви и страсти, о случившейся затем разлуке, из-за которой моей возлюбленной овладело безумие. «И теперь, — сказал я джиннам, — мой путь лежит к Ситт Будур, чтобы постараться вылечить ее от недуга и соединить свою судьбу с ее. А если я не сумею исцелить царевну, ее отец, царь аль-Гайюр, отрубит мне голову».

Джинны очень заинтересовались моей историей. Особенно близко к сердцу приняла печальный рассказ джинння, которая воскликнула: «Мы должны помочь влюбленным». Она вошла в корабль-минарет и вынесла оттуда шкатулку, белую, как борода столетнего муфтия. Джинння открыла крышку, что-то там покрутила и сказала мне: «Думай о своей возлюбленной Будур». И тогда я произнес такие созвучия:

Пришла пора слияния душ. Цены
блаженства мы не знали.
Пока над нашей головой внезапно
не стряслась беда.
Вернись, убей меня — ведь умереть
любя
Приятнее, чем жить на свете без
тебя.

«Да он сам сумасшедший! — воскликнула джинння и сказала мне: — Ты должен не читать стихи, а своими словами передать облик больной Будур. И мысли эти пусть будут сугубо земными. Мне нужны не образы, а точные знания о ее недуге». И тогда я стал думать, как она повелела. Джинння долго смотрела в шкатулку и потом сказала. «Да, Ситт Будур тяжело больна. Но мы поможем тебе излечить ее. Дай мне какую-нибудь вещь из металла». Я подал ей свой кинжал в красных сафьяновых ножнах, украшенных драгоценными камнями. Джинння вынула кинжал из ножен, положила его в шкатулку и произнесла такие слова: «Когда ты придешь к Ситт Будур, прикоснись кинжалом ко лбу девушки — и она излечится от своего безумия». С этими словами джинння вернула мне кинжал.

Тем временем джинны вынесли из корабля высокий, в рост человека, красный, как кровь дракона, сундук. Они подробно объяснили мне, как с ним обращаться. Все там было необычным, ни на что не похожим. Но я очень хорошо запомнил, что надо делать. Как будто в мою голову вкладывали сразу знания тысячи толкователей Корана. «И когда ты все это сделаешь и после цифр подумаешь: «Взлет!» — молвил высокий джинн, сразу отойди на пять шагов и закрой глаза».

Второй джинн принес из корабля какой-то круглый сверток. Когда его развернули, это оказался ковер-самолет Сулеймана. Я сразу узнал его, хотя раньше никогда не видел. Джинны поставили на него сундук и приказали мне: «Садись на ковер да держись покрепче. Сейчас ты полетишь быстрее ветра». Разве мог я спорить с повелением могущественных джиннов? Поэтому я сразу сел на ковер и крепко ухватился за петли, которые торчали из него. Он немного приподнялся над землей и медленно двинулся вперед. Позади осталось около десяти локтей, и в этот момент джинны с их кораблем минаретом исчезли, пропали из виду, словно чудесная, невидимая стена встала между ними и мною.

Ковер Сулеймана рванулся вперед, как чистокровный скакун. Мне стало страшно. Я закрыл глаза и начал взывать к аллаху. Но не успел еще закончить оба исповедания, как ковер остановился и тихо опустился на песок. Я поднялся на ноги и сделал все так, как повелели джинны. Потом отошел на пять шагов. И тогда я решил перехитрить джиннов и не стал закрывать глаза. Вдруг там, где были ковер с сундуком, что-то сильно вспыхнуло, ярче, чем ударившая рядом молния. Я упал на землю, покрытый беспамятством. А когда очнулся, увидел, что нахожусь около города царя аль-Гайюра. Я вознес аллаху благодарственную молитву за спасение от сатаны, битого камнями (ведь джинны сами говорили, что в них попал камень). А потом вошел в город и стал кричать: «Я мудрец, я звездочет!» Вот какова моя история», — закончил повествование Камар-аз-Заман.

И тогда визирь воскликнул: «Клянусь аллахом, ничего более удивительного я не слышал! А теперь надо испытать твое волшебное средство». Он позвал евнуха, отдал ему Камар-аз-Замана и сказал: «Отведи его к Ситт Будур». Слуга взял Камар-аз-Замана за руку и пошел с ним по проходу дворца. Потом слуга поставил его перед занавеской, висевшей на двери, и Камар-аз-Заман произнес такие стихи:

К любимой приходя, погибнешь
ты — ну что же?
Тогда лишь на любовь твоя
любовь похожа!

И тут Камар-аз-Заман достал из ножен кинжал и отдал евнуху, говоря ему: «Возьми этот кинжал и коснись им лба твоей госпожи царевны Будур». И тот вошел за занавеску и исполнил приказание. Как только случилось то, чему предназначено было случиться, Ситт Будур исцелилась от безумия, узнала и своих служанок, и евнуха, и все обрадовались великой радостью.

И тогда Камар-аз-Заман воскликнул: «О, Ситт Будур! Завтра я приду к твоему отцу и скажу ему, что могу исцелить тебя. И когда я снова окажусь у этой занавески, то подам тебе знак, что я здесь. И тогда ты выйдешь ко мне, и царь аль-Гайюр узнает о твоем исцелении и соединит нас. Есть ли твое согласие на это?» Ситт Будур, слыша такие слова своего возлюбленного, ответила согласием страсти и промолвила:

Не странно ли — я пред тобой,
и вновь душа моя жива,
Ты говоришь, и я могу сказать
какие-то слова.

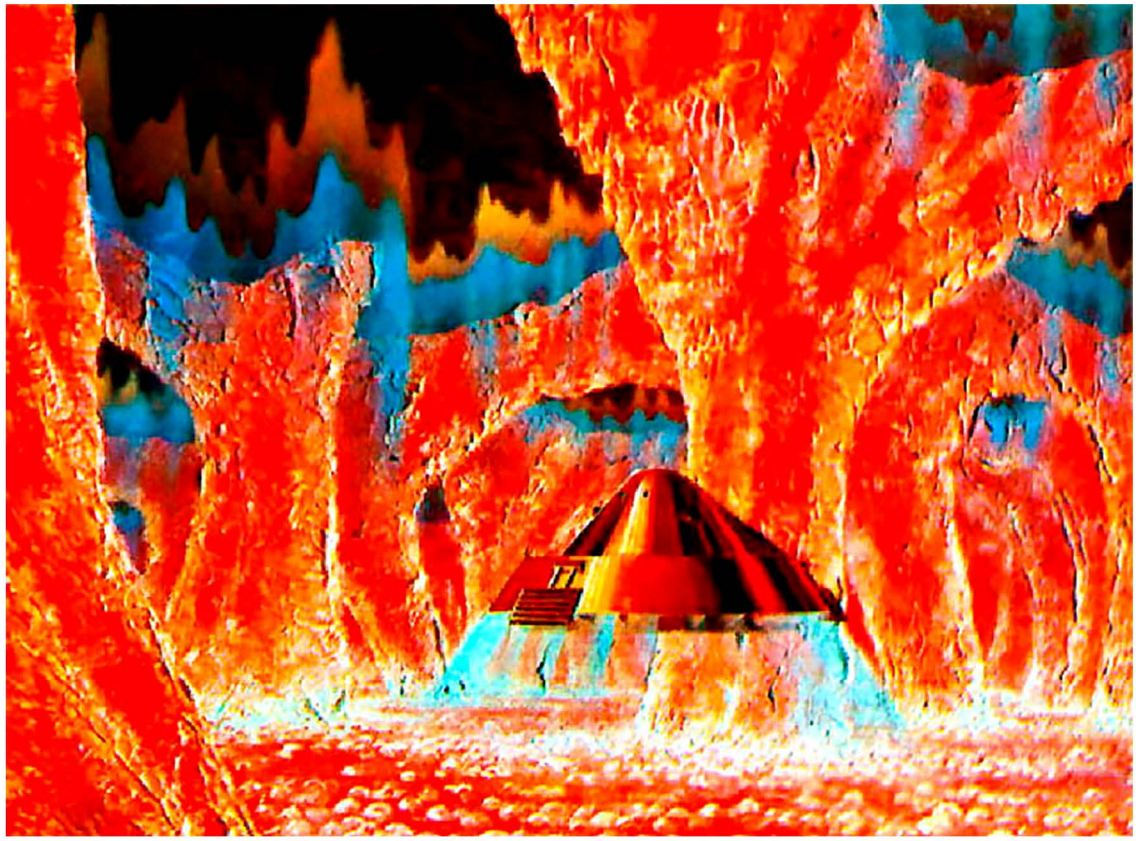
И когда слуга увидел, что она в таком состоянии, он выбежал и, придя к визирю, поцеловал перед ним землю и сказал: «Знай, о мой владыка, что этот мудрец — шейх мудрецов и ученее их всех. Он вылечил дочку царя, стоя за занавеской и не входя к Ситт Будур».

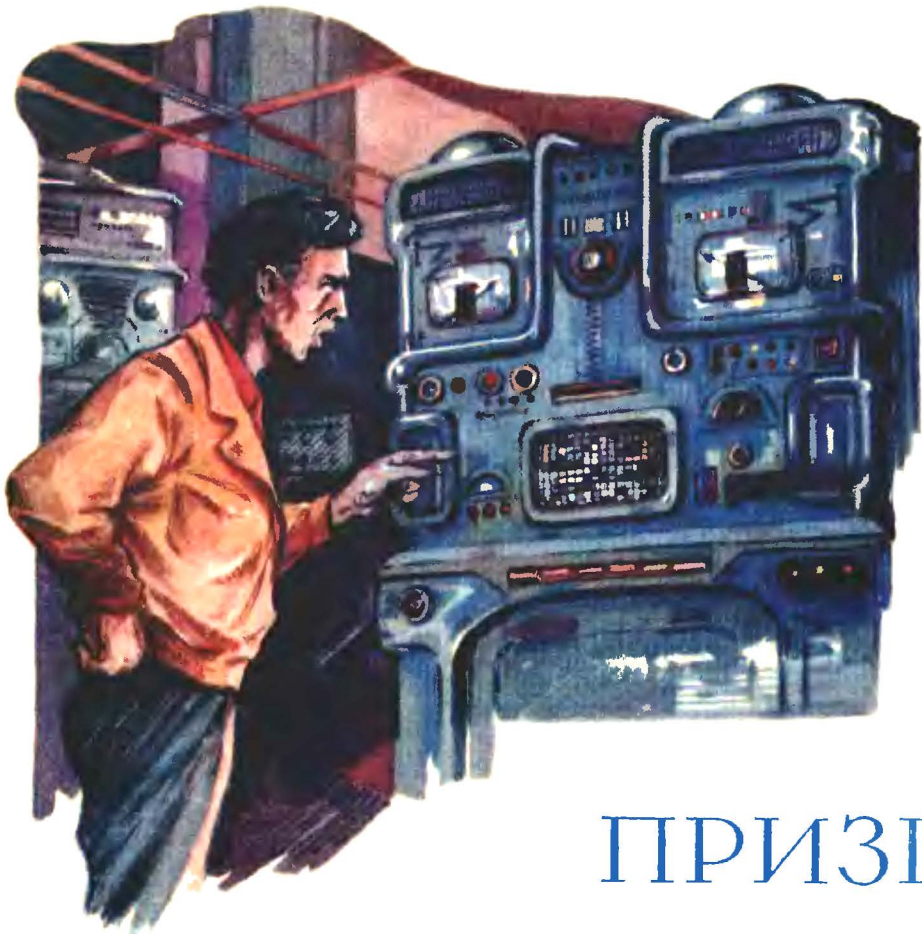
И визирь изумился, обнял Камар-аз-Замана, вернувшегося к нему, и воскликнул: «Поистине, эту удивительную историю, которая приводит в смущение умы, надлежит записать особо... А теперь отдохни некоторое время, поешь кушаний и выпей напитков, чтобы твой дух вернулся к тебе и возвратились твои силы после спасения от того, что тебя постигло. А завтра иди к дворцу царя аль-Гайюра и постарайся выполнить задуманное».

И тогда Камар-аз-Заман, ум которого улетел от счастья и избытка радости, выразил безусловное повиновение, говоря: «Твой приказ на голове и на глазах!» Он послушался визиря.

На другой день принялся кричать во весь голос под дворцом: «Я звездочет, я счетчик, я мудрец... Где же охотники?..»

И тут Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.





ГЕННАДИЙ МАКСИМОВИЧ

ПРИЗВАНИЕ

Когда позвонил Володя, мне настолько было не до него, что даже при всей своей недогадливости он понял, как мне не хочется с ним разговаривать. Да и как же иначе, если до защиты диссертации остались считанные дни, а я никак не мог сформулировать окончательные выводы.

Конечно, я мог не бояться, нас — ПАКов — было еще так мало, что любое наше исследование воспринималось коллегами как подарок судьбы Так что успех моей монографии «Влияние эмоционального состояния компьютеров на их работоспособность» был обеспечен, но в ней не было того завершающего аккорда, который и делает обыкновенный перечень сведений настоящим научным трудом.

Володькин звонок был совсем не ко времени, но он был кибернетиком, а я ПАКом, то есть психоаналитиком компьютеров, и не ответить на его зов, в сущности, не имел права.

— Слушай, Кравцов, — начал он, забыв, как всегда, поздороваться. — Тут один новенький компьютер свихнулся: у нас срочная работа стоит, а он несет такое, что хоть вешайся. Шеф сказал, что если мы не уговорим тебя по старой дружбе зайти и посмотреть, в чем дело, то нам крышка.

— Ну-ну, не прибедняйся. Разберитесь там как-нибудь без меня, — сказал я таким недовольным тоном, что самому стало неудобно.

— Уже разобрались... сердито ответил Володя. — В конце концов ты психоаналитик, а не я, да и машины в твоем ведении. Так что давай приходи.

В чем-то он был действительно прав — я выбрал себе профессию сам и должен был помочь ребятам. Тем более что Володя и его вычислительный центр сыграли решающую роль в моем выборе профессии. Ведь когда я поступал в медицинский институт, мне и в голову прийти не могло, что я стану заниматься неудачами не человеческими, а компьютерными — разными сдвигами в их электронном мозгу. Но в один прекрасный день позвонил мне этот же Володя и пригласил к себе в вычислительный центр.

— Понимаешь, старик, — сказал он, показывая мне очередной железный ящик, — компьютер — это не обыкновенная машина, как, скажем, автомобиль или самолет, а где-то немножко и человек. Он способен не только быстро считать, но и логиче-

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

ски мыслить. Мне даже иногда кажется, что он способен и что-то чувствовать, переживать и тому подобное. А раз так, то у него, значит, есть и своя психология. Нам, кибернетикам, разобраться во всем этом просто не по силам. Тут нужны какие-то свои, специфические знания. Так почему бы тебе, начинающему психологу, не заняться именно этим вопросом. Только представь — психология компьютера! Это же сумасшедшая тема!

Агитировал он меня долго. Тема действительно была интересной, и я дал себя уговорить.

Так я и занялся тем, в чем, по сути дела, не очень-то разбирался. То есть в психологии я кое-что понимал, а вот в компьютерах... К стыду своему, и сейчас не могу отличить одну интегральную схему от другой, чем вызываю естественное пренебрежение у некоторых кибернетиков. Но и они без нас, ПАКов, часто не могут выбраться из психологических завихрений компьютеров.

Если Володя звонит мне, значит, дело и впрямь интересное. Но ведь у меня действительно сейчас нет времени идти в их вычислительный центр. Если я сделаю это, то, значит, сам откажусь от защиты собственной диссертации.

Историй с этими железными ящиками бывает много. И чем совершеннее они становятся, тем сложнее в них разобраться. Конечно, самый лучший способ выяснить, что происходит с тем или иным компьютером, — это поговорить с ним «по душам». Иногда это удается. Но чаще всего машины по свойственной им скрытности или отмалчиваются, или без умолку болтают о чем угодно, только не о том, что меня интересует. И уступают только при одном условии: когда я сам догадываюсь, в чем дело, и ставлю их перед фактом, что мне все известно.

В тот раз компьютер в одном из вычислительных центров вдруг начал заикаться. Специалисты проверили говорящее устройство — все в полном порядке. Послали за мной. Я несколько дней потратил на выяснение причин, но так и не смог установить их. Стал действовать по аналогии. В каких случаях заикаются люди? Чаще всего в результате болезни или испуга. Первый вариант явно не подходил. Оставался второй. Но что же могло испугать невозмутимый компьютер? Пришлось побеседовать с ним. И что же оказалось? Он, видите ли, услышал разговор, что в вычислительный центр скоро поставят новую машину, а так как места для нее нет, то придется убрать одну из старых. И почему-то решил, что уберут именно его.

Пришлось мне его успокаивать как ребенка. Сначала необходимо было выяснить, действительно ли его хотят убрать. Ведь если уверять компьютер, что все будет в порядке, и обмануть его, то в дальнейшем на новом месте работы он не сможет найти контакта с людьми, перестанет доверять им.

На следующий день я выяснил, что убирать из вычислительного центра ничего не будут, а просто расширят зал, и тут же сообщил об этом компьютеру. Но это было еще полдела. Надо было не только успокоить расстроенную машину, но и отучить ее от заикания.

А как его отучить? Гипноз здесь не поможет. Попробовал научить его растягивать, распевать слова. И уже через полтора месяца компьютер научился говорить совершенно нормально.

Другой случай произошел в вычислительном центре одного министерства. Компьютеров там было много, и вызывали меня туда часто, так как всегда с каким-нибудь из них что-либо происходило. Я со всеми сотрудниками перезнакомился, и меня знали отлично. Шеф у них был колоритной фигурой. Невысокого роста, подвижный веселый человек и яростный борец с курением. Он приказал вывесить в машинном зале таблички с запрещением курить и убрать все пепельницы. Конечно, все ребята тайком курили, а вместо пепельниц хладнокровно использовали горшки с цветами. Не прошло и недели, как земли в этих горшках уже не было видно за толстым слоем из окурков и пепла. И когда старик увидел это, то был вне себя от ярости. Как всегда проглатывая «р», кричал:

— Безобазие! Хотя бы цветы пожалели... Но я все авно не отступлюсь. Чтобы сегодня же цветов здесь не было. — И, увидев у меня в руках непогашенную сигарету, он переключил внимание на мою персону: — Кавцов, если вы у нас гость, то это еще не значит, что мой запет не аспространяется на вас.

И вот через несколько дней после этого небольшого инцидента меня опять вызвали в тот же вычислительный центр — один из компьютеров отказался работать примерно через час после начала рабочего дня.

Дня два я пытался выяснить у этого бастующего компьютера, в чем дело, и все безрезультатно. Помог случай. После окончания рабочего дня я остался один и, воспользовавшись этим, закурил. Компьютер заявил, что, если я сейчас же не выброшу сигарету, он вообще не будет со мной разговаривать. Это зародило во мне подозрение. Оно окрепло, когда я обнаружил на верхней крышке компьютера гору окурков. Оказывается, ребята, пользуясь тем, что их шеф маленького роста, клали «бычки» на такую высоту, чтобы он не мог их заметить.

Так вот, этот компьютер, оказывается, просто оскорблялся, что его верхнюю крышку используют, так сказать, не по назначению. Утром он начинал нормально работать, но, как только кто-нибудь клал на него первый «бычок», объявлял забастовку.

Большинство людей, с которыми я сталкиваюсь по работе, просто не верят во все это. По большей части они кибернетики или математики, и для них компьютер — это что-то вроде очень хорошего, быстрого и надежного арифмометра. А я психоаналитик компьютеров и обязан разбираться в мыслях и психологии этих рукотворных существ, назвать которые живыми было бы слишком смело, а назвать их неодушевленными я не могу.

Вот так и стою на перепутье. С одной стороны, мой руководитель профессор Нефедов учит, что если я хочу быть хорошим психоаналитиком компьютеров, то должен подходить к ним как к людям. А с другой стороны, если я скажу об этом кому-нибудь, кроме коллег, то меня, возможно, на смех не поднимут, но уж наверняка примут за сумасшедшего.

Да, все это так, но что же произошло у Володьки? А может быть, все-таки поехать? Работать все равно не смогу, настроение уже не то... А может, мне не хватает именно этого случая... Решено, еду!

Первое, что я увидел, войдя в вычислительный центр института, был сияющий светло-серой краской новый компьютер. По сравнению с этим блестящим красавцем остальные машины казались общипанными динозаврами. Многие из них были моими хорошими приятелями. И вот в нашей товарищеской компании появился новичок. Судя по тому, что меня вызвали, красавец этот с характером. Так установится ли у меня с ним такое же взаимопонимание, как и с его соседями?

— Я знал, что ты придешь, — радостно приветствовал меня Володя. — Понимаешь, месяц назад прислали нам этого красавца. На первых порах было не до него. Подключили, и все. А несколько дней назад и началось. Вдруг стал стихи читать. Читает, читает, и все классику. Пушкина там, Лермонтова, Тютчева, Есенина. Со стихами закончил, на музыку перешел. И тоже все классику нам исполнял. Ну а сейчас на экране картины показывает.

Вначале вроде бы забавно было. Полный зал народу набивалось. Но нам-то работать надо. Послушали мы его, посмотрели, и хватит. Выгнали всех из зала и говорим ему, что, мол, работать надо. Он спрашивает, а что ему делать. Мы все толком объяснили. Он помолчал немного и ответил, что заниматься этим не будет. Мы с ним и так и этак. А он

уперся. Потом и вообще перестал разговаривать. Что бы мы ему ни говорили, молчит, и все.

Мы, конечно, сразу же позвонили на завод-изготовитель. Прислали трех специалистов. Те проторчали здесь целый день, все проверяли, изучали... А потом совершенно спокойно заявили, что сам компьютер в полном порядке, а вот с психикой у него действительно не совсем нормально. Но это, мол, не по их части. Вот тогда шеф и приказал нам вызвать тебя.

— Послушай, — спросил я Володю, когда мы подошли к сияющему красавцу, — а вы к чему его подключали, когда получили? Только к питанию?

— Ко всему сразу: и к сети, и к системе, и к информационному каналу.

— И он у вас все время так и стоял включенный или его отключили после проверки?

— Вполне возможно, что и забыли отключить, сейчас уже и не вспомнишь. Энергии-то он берет очень мало, так что могли не заметить. А ты что, уже что-нибудь понял или просто так спрашиваешь?

— Кое-какие мысли есть... Хотя могу и ошибиться.

— Так в чем дело?

— Рано, рано... Вот разберусь, тогда, может быть, и скажу.

Годы работы с компьютерами убедили меня, что беседовать с ними лучше всего один на один. В этом вопросе они как люди, пришедшие на прием к врачу, — стесняются говорить, когда их может услышать кто-то посторонний.

— Так как же тебя зовут? — спросил я у нового компьютера, сев рядом с ним в кресло.

— УМК — универсальный малогабаритный компьютер.

— Что универсальный — это хорошо, что малогабаритный, тоже неплохо, а вот то, что на тебя жалуются, — это никуда не годится. Что случилось?

— Ничего.

— Это только тебе так кажется, что ничего. На тебя надеялись, рассчитывали, что ты будешь хорошим помощником, а ты что вытворяешь. Давай договоримся: я расскажу тебе, с чего все началось, а ты продолжишь.

— Зачем?

— Я тебе расскажу, что знаю, — продолжал я, делая вид, что не разобрал его вопроса. — Потом поправишь меня, если я ошибусь. А уж после мы вместе подумаем, что нам делать. Согласен?

— Я подумаю...

— Ну ладно, думай. А я пока покурю.

Но долго курить мне не пришлось. Через одну-две минуты он опять заговорил:

— Я спросил других из нашей системы, они говорят, что вам можно доверять.

— Что ж, им виднее, и я думаю, что тебе надо прислушаться к их совету. А началось все у тебя вот с чего. Тебя после проверки забыли отключить, правильно?

— Да.

— Так вот, твой сосед, что стоит справа, стал рассказывать, а поговорить он любит, как много интересного ты можешь узнать через общий информационный канал.

— Именно так.

— Ты, конечно, послушался его совета, а так как делать-то тебе, в сущности, было нечего, то ты стал шарить по различным информационным системам и случайно наткнулся на систему общекультурной информации. Тебя заинтересовали стихи, так как ты не сразу мог понять, что же в них есть, потому что привычной для тебя информации они несут не так уж много, да и та чаще всего некоикретна и расплывчата. И ты стал изучать стихи. Постепенно они начали тебе нравиться.

— Да, вы правы. Я понял, что жизнь — это не только сплошные формулы, подсчеты, задачи, а что-то гораздо большее, что-то прекрасное и неповторимое. Я не могу вам объяснить, но что-то произошло и со мной самим.

— А произошло вот что. Ты узнал, что стихи — это поэзия и что настоящая поэзия — это искусство. Далее ты скорее всего стал интересоваться, какие же еще виды искусства существуют. Ты познакомился с музыкой и узнал, насколько прекрасен может быть мир звуков, когда они следуют в определенном ритме и порядке. Это поразило не меньше, чем поэзия. Потом ты познакомился с живописью и понял, насколько прекрасен может быть и мир красок. Ну а что же произошло дальше?

— Меня пытались заставить делать то, чего я не хотел.

— Тут ты совершенно не прав. У каждого есть работа, и он обязан делать ее.

— Вы хотите сказать, что можно любить не только прекрасное?

— Конечно. Можно и прекрасное любить, и другим делом заниматься.

— Нет, если ты любишь что-нибудь по-настоящему, то должен заниматься только им. И для себя я уже решил. Буду заниматься только искусством. Главное — это само искусство, а все остальное только частности.

— Скажешь тоже, где это видано, чтобы компьютер занимался только искусством и ничем более.

— Компьютеры пишут стихи, сочиняют музыку, рисуют картины...

— Это, конечно, так, но не совсем. Ведь если говорить честно, то сами они этим не занимаются. Они просто помогают людям: художникам, композиторам, поэтам, писателям, короче говоря, людям искусства. Не хочу спорить, одно время действительно пытались научить сами машины делать все это, но потом поняли, что компьютерное искусство — это только красивый и эффектный эксперимент и ничего больше. Вот и решили людям оставить человеческое, а компьютерам — компьютерное.

— Я согласен. Я буду заниматься этим вместе с людьми. Но только искусством, а не вычислениями.

— Но для этого надо, чтобы ты попал не в этот институт, а в Дом искусств. Ты же здесь и будь любезен заниматься тем, что необходимо.

— Пусть меня отдадут в Дом искусств, а сюда привезут новый компьютер.

— Сразу видно, что ты еще ничего не понимаешь в нашей жизни. Ты, например, не знаешь, что за тобой в очереди стояли два года, если не больше. Ведь мы еще не дошли до того, чтобы нам выдавали новый компьютер, как только мы попросим, на это тебе явно рассчитывать не приходится. Уж попал сюда, так давай работай.

— А что люди делают в таких случаях?

— Работают по той профессии, с которой их свела судьба. Ну а свое призвание? Чаще всего они оставляют его при себе, и о нем даже никто и не знает. У некоторых, правда, оно становится хобби.

— Хобби? Что это такое?

— Ну это когда человек увлекается каким-либо делом помимо работы и отдает ему основную часть своего свободного времени.

Я продолжал говорить, а в голове крутилась какая-то мысль, мгновенно разрешающая эту ситуацию...

— Слушай, а я что-то забыл, как расшифровывается твое название?

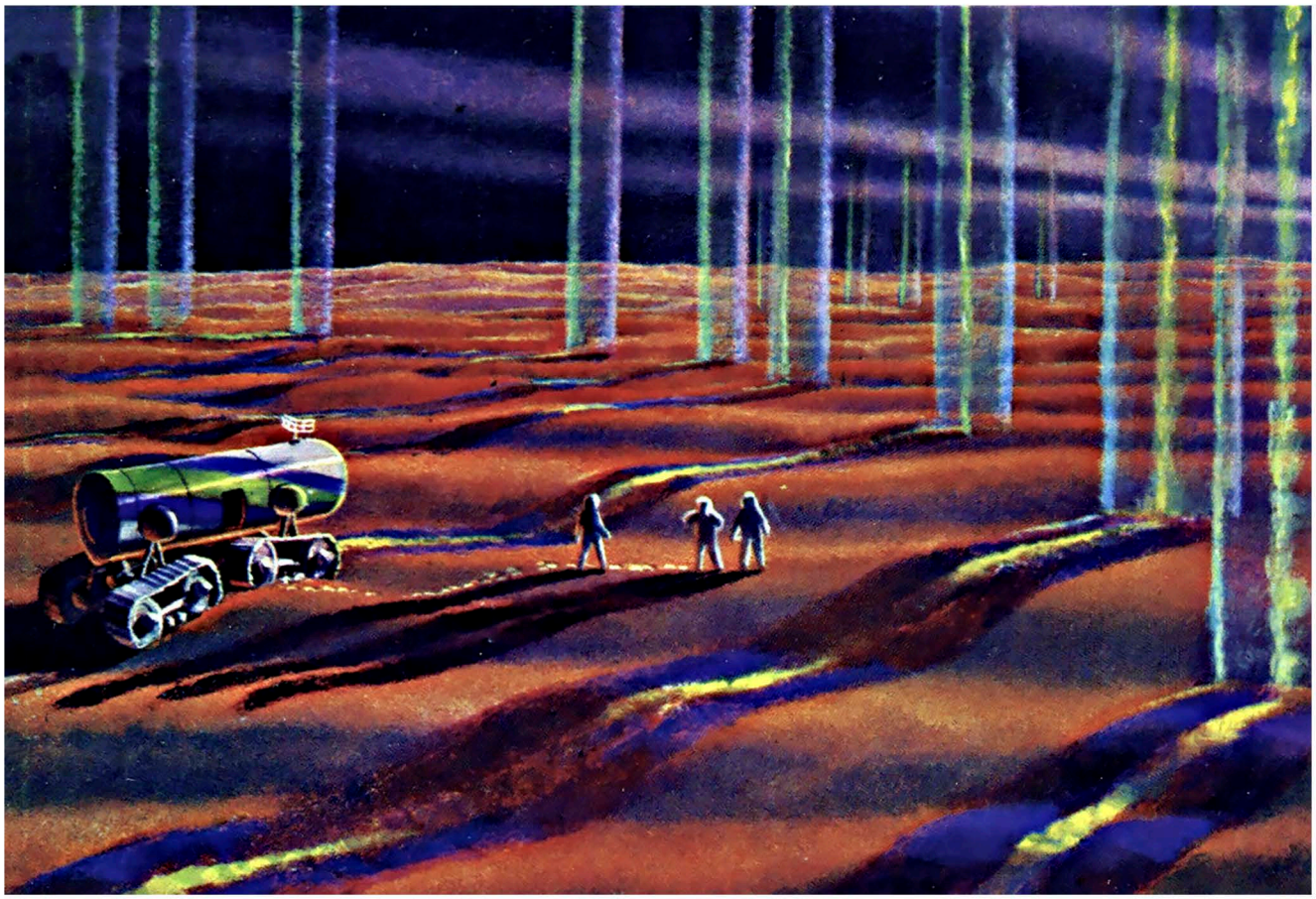
— Универсальный...

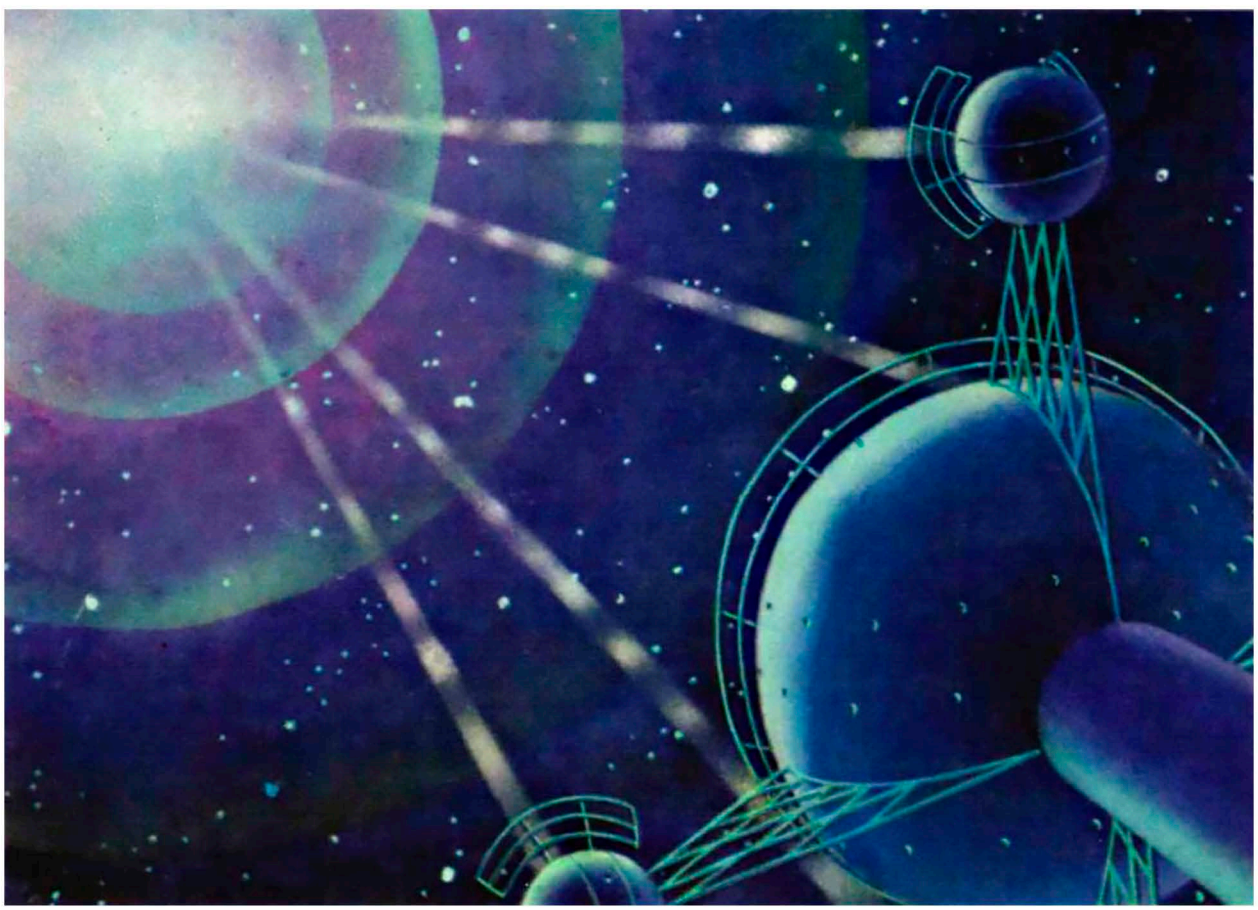
— Хватит, хватит. (Вот она, блестящая идея!) Вот видишь, УНИВЕРСАЛЬНЫЙ. А ведешь себя как механический автомат. Ты неисправен — заклинился на слове «искусство». А ты бы познакомился с воспоминаниями крупнейших физиков, математиков, понял бы радость открытия, красоту и совершенство точности. Ты ведь еще не услышал музыки формул и не увидел гармонии мира, а уже считаешь, что постиг прекрасное.

Я впал в прокурорский раж и обличал бедный компьютер во всех смертных грехах. Я был прав, хотя и не совсем искренен — все эти прелести науки мало трогали мою душу.

— Я познакомлюсь и тогда приму решение, — ответил компьютер.

Но я уже знал, что выиграл: ведь он был универсальным и должен постичь все, что доступно хотя бы кому-нибудь из людей...





МАСТЕРСКАЯ ДЛЯ СИКЕЙРОСА

Фантастический рассказ

ЛЕОНИД ПАНАСЕНКО
г. Днепропетровск

«А не мог ли Канов умереть от радости? Чье сердце вместит и сразу воспримет такое событие? Да нет же. В сообщении ясно сказано — «Не успел увернуться». Не успел... Но Канов не из тех, кто в космосе ворон считает. Он еще успел передать, что засмотрелся. Здесь, наверное, и прячется ниточка. Ниточка, которая связывает его неожиданное открытие и трагическую неосмотрительность. Но что можно увидеть, чтобы проглядеть собственную смерть?»

Ребята опять заспорили. Меня это злит. Ведь они тоже теряются в догадках, страдают от неизвестности и все же пытаются бодриться, отстаивать свою, абсолютно «точную» гипотезу происшедшего.

— Верно, — не удерживаюсь я. — Все верно. Люди всегда искали во вселенной разум. Сначала мечтали и строили гипотезы. Потом появились энтузиасты и начали поиск жизни среди звезд. Фактов, конечно, никаких не было. Ни тогда, ни теперь. Но теперь мы за дело взялись всерьез. Планомерно прочесываем вселенную и... заведомо безрезультатно, потому что каждый придерживается собственной теории контакта, которую он придумал в соответствии со своей, так сказать, профессиональной принадлежностью. Каждый заглядывает только в свою щелку и только через нее собирается увидеть собрата по разуму. А собрат этот, быть может, неотступно близок. К нему только нужно обратиться по-людски, то есть с каких-то общечеловеческих позиций. У меня все!

Неожиданная моя речь произвела впечатление... Правда, больше своей эмоциональной стороной, чем содержанием.

— М-да... — покрутил головой Сергей.

— Мальчик растет, — глубокомысленно изрек Тэтэ — Тимофей Трошин.

— И начинает пробовать свой неокрепший голос, — добавил Володя.

А Рая рассмеялась.

— Кто же тот гений, — спросил Володя, — который может утверждать, что выступает с общечеловеческих позиций? То есть от имени всего человечества?

У него поразительная способность говорить резкости или, вернее, высвечивать в любом деле такие стороны, о которых присутствующие предпочитают молчать. Если честно, то с любой их критикой я заранее согласен. Все трое — мировые ребята. В душе я считаю их лучшим экипажем из тех, что ходят на космоботах поисковой группы «Разум». Когда-то наша группа называлась «Контакт». Шли годы. Контактов все не было и не было. И постепенно даже самые пылкие романтики поняли: главное — отыскать мыслящих. Или хотя бы какие-то их следы. Пока этого не случилось, о контактах смешно даже говорить. Что касается ребят, то волей-неволей каждый из них примкнул к сторонникам какой-нибудь популярной теории о том, каким образом разум может оповестить о себе, оставить эти злополучные, неуловимые «следы».

Более или менее самостоятельной оказалась теория самого тихого из нас — Сергея. Он предложил модель трех миров — без органической жизни, с жизнью, но без разума и разумный мир (по его мнению, мыслящие существа должны обязательно внести в природу пусть малозаметные и зашифрованные, но при окончательной разгадке глобальные изменения) и пытался установить корреляционные связи своих моделей с реальными мирами. Тэтэ, этот строгий эмпирик, верил не в теории, а в старую, обнадеживающую притчу: «Кто ищет, тот всегда найдет». Володя выявлял малейшие следы рациональности, то есть геометрически проявившейся целесообразности. Его блестящий ум систематика и математика-аксиоматиста обладал редкой интуицией. Какого бы геометрического языка ни придерживались другие мыслящие существа, Володя наверняка разгадал бы его законы в любых случайных лишь для постороннего взгляда проявлениях. Ребята носились со своими теориями, часто до одури спорили, и каждый пытался обратить меня, зеленого практиканта, в свою веру. Но в каждой из них меня что-нибудь не устраивало — неопределенность Сережиной, фатализм Тэтэ и бездуховность Володиной. Я искал свою точку зрения, но без особого успеха.

* * *

Мы поднимаемся на смотровую палубу, и я в который раз пытаюсь уловить «чудное мгновение». Меняю фломастеры и карандаши, хватаюсь за пастели. Но напрасно. Рая никудышный натурщик. Ее изменчивое, летучее, «родниковое» лицо никак не дается. Отблески чувств и перемены настроения вспыхивают на нем неожиданно и гаснут, словно фейерверки.

— Ты слишком своеобразный художник, — заявляет через полчаса Рая. — Расскажи лучше о Сикейросе. Ведь стереокопии в твоей каюте — это его росписи?

— Его. — Я помолчал, представив могучий и властный полет его красок. — Он был внуком солдата и поэта. Вся судьба его — это движение и рост. В Мексике в XX веке Давид Альфаро стал солдатом революционной армии. Потом в Испании

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

уже полковником, командиром интербригады.

— Это биография военного, а не художника, — задумчиво заметила Рая.

— У него было словно несколько жизней. Его сердце рвалось наружу, но в тридцать с лишним лет он был брошен в тюрьму как коммунист. Потом сослан в Таско. Там, бродя среди скал, на их отрогах он впервые увидел и запомнил на всю жизнь, как алели цветы с чудным названием «сангре ди торос» — «кровь быка». В этих горах за год он написал более сотни полотен. Уже стариком, когда он снова оказался в темнице, тысячи квадратных метров его росписей и панно оставались на свободе. Нет, недаром он всегда особенно любил два цвета — насыщенный красный и черный...

Но тут по кораблю разнесся звон. Он означал, что через полчаса наш космобот вынырнет возле планеты, где погиб Канов и откуда долетели к Земле обрывки фраз, взбудораживших весь мир.

— Саша, — обратился ко мне Сергей, — включи, пожалуйста, еще раз запись.

Сначала были слышны лишь шорохи, но потом через бездны пространства раздался возбужденный голос Канова:

— ...Я видел Разум. Я вижу, но не могу поверить! Они такие же, как мы. Они... прекрасны, — казалось, Канов не находил слов. Вдруг его голос дрогнул. — Господи, какая нелепость... кажется, разгерметизация... Астероид. Я все забыл, не успел увернуться... Но я видел!..

Несколько минут мы лежим в инерционных креслах и молчим.

— Почему все-таки не сработал автомат, предохраняющий от столкновения с астероидами? — спросил Володя.

— Ничего не понимаю, — вздыхает Рая. — Дело происходило в открытом космосе. Значит, Канов, наверное, увидел чужой корабль. Но откуда он мог знать, что они такие же, как мы?

Мы молчим. Что можно ей ответить? Мы даже не знаем, можно ли верить услышанному. Сумеем ли мы что-нибудь выяснить на планете? Тройной звонок опять облетает все закоулки корабля. Мы выходим из подпространства. И сразу же нас начинает кидать из стороны в сторону. Экран становится пепельным от обилия метеоритов и астероидов.

— Ого! — удивился Тэтэ. — Здесь приличная каша. Планетка, похоже, лежит в самой середине пояса астероидов.

Нас посадил автомат. Никто не проронил ни слова, но мысль, как мог Канов в такой обстановке отключить его, засела в голове у каждого.

* * *

— Я бы не хотела улетать отсюда, — говорит Рая и смотрит вдаль.

Звезда еще не взошла, и ветер надолго затих. Трава наполнилась ночной росой — совсем как на Земле. А за густым кустарником цвета когда-то виденной в музее старой бронзы встала стена леса. Левее, за контуром нашего космобота, открылась гладкая предрассветная, пестрая от цветов степь. Какая-то исполинская рука словно перечеркнула ее двумя небрежными мазками пурпура. Накануне мы с Раей отправились побродить по траве и чуть было не заблудились в зарослях гигантских маков. За ними, возле самого горизонта, манила взгляд цепочка озер.

Часы отдыха коротки, я снова и снова с непонятной для других настойчивостью берусь за кисть. Конечно, я дилетант в живописи, но вокруг столько красоты, что нет сил удержаться. Это мир освобожденных красок. Сочных, щедрых, ослепительных. Здесь нет полутонов. Местные леса и поля — мозаичные, с резкими переходами цвета. Черный, будто обгоревший, лес вдруг сменяется зелеными джунглями, в которые клином врезается поляна голубой травы. Такие контрасты непривычны, мы поначалу удивлялись им. Позже Рая взяла пробы и туманно объяснила нам, что все дело в особенности почвы.

Планета Канова оказалась прекрасной, но и... безнадежно мертвой. Пусть простит меня эти деревья и цветы, но ведь мы искали не их. Не их!

Первые три дня мы почти не спали. Все ожидали, что из мозаичных лоскутных лесов наконец выйдет неземное существо. Тщетно. Приборы немы, зонды возвращаются пустыми, и глаза уже отказываются просматривать тысячи бесполезных кадров аэрофотосъемки. Пестрота, бессмысленный калейдоскоп цветов. И ничего более, ни одного следа разума на планете.

— Этого следовало ожидать, — грустно заметил как-то вечером Володя. — Канов всю жизнь мечтал о встрече. Если бы на его месте был я, если бы я умирал возле своей последней звезды, то, наверное, мне тоже померещились бы братья по разуму.

— Не уверен, — как всегда, задиристо сказал Сережа. — Ты и умрешь со знаком интеграла на челе.

— Не надо об этом, — нахмурился Тэтэ. — И о Канове тоже. Он никому ничего не обещал. Наше дело — проверить и доложить Земле. Не надо эмоций...

Тимофей, который уверовал в то, что цивилизация не может не оставить после себя материальных следов, был тоже разочарован. Его теория «сувениров», увы, не подтвердилась. О Володе и говорить нечего. И вообще ни гроша не стоят все наши теории! Не состоялась встреча. Пустой оказалась древняя мечта о том, что человечество не одиноко средн звезд. Вчера я случайно увидел, как Рая, стоя на взгорке, смотрела в сторону озер и вытирала ладонью глаза. Только ветер радовался неизвестно чему. Ветер цветущей, но бесплодной планеты.

Странности начались, когда Тэтэ заикнулся о возвращении и мы начали обобщать данные.

Сережа, краснея, и тише, чем обычно, сказал:

— У меня, по моей методике коэффициент корреляции 0,58.

— А какие системы ты сравнивал? — встрепенулся Володя.

— Сводное описание этой планеты с общей моделью планеты разумной жизни...

— Ошибка?

— 0,6...

Тэтэ лишь присвистнул.

— ...Но все планеты дают 0,3—0,4, а эта планета почти 0,6. У меня Земля дает всего 0,9.

— Ну и в чем же здесь проявился Разум? — спросил Тэтэ.

— Не знаю. Коэффициент указывает на похожесть, но ни один из нескольких десятков тысяч параметров не выделяется. Может, их совокупность...

— Ерунда, — резко прервал его Володя. — Ведь это может быть и чисто случайное совпадение.

— Ой, что-то здесь не так, — вмешалась Рая. — А растения?! Ведь между ними нет борьбы за существование, они только репродуцируются, не размножаются. Значит, им не нужны новые территории, они не теснят друг друга.

В конце концов Сережа с Раей поставили нас в тупик и посеяли то ли тревогу, то ли надежду. Мы задержались еще на неделю, но безрезультатно.

* * *

Мы пролетали примерно ту точку в околопланетном пространстве, где погиб Канов. Ни на один вопрос, возникший в связи с его сообщением и гибелью, ответа так и не было найдено. Но почему все-таки не сработал автомат?

И вдруг в моей голове все завертелось. Ведь автомат работал от локатора, и, если отключить локационную систему, вся эта могучая электроника будет бессильна. А зачем отключать?! Да затем, чтобы включить телескопический обзор, чтобы увидеть космос не лучом локатора, а своими глазами! Какие же мы идиоты — разве можно увидеть космическую жизнь только приборами!

Я через спину Тэтэ потянулся к

тумблеру автомата. Он схватил меня за руку.

— Ты что, спятил?.. Вздумал пойти по пути Канова?..

— Да, да, да! — кричал я. — Автомат не работал, потому что был включен телескопический обзор. Он видел космос своими глазами. Он... своими глазами... — Мне не хватало слов, чтобы доказать, убедить их.

Но и этого оказалось достаточно. Мы как завороженные следили за медленно тянущейся рукой Трошина и со щелчком тумблера впились глазами в экраны...

Огромный диск планеты был покрыт сотнями рисунков. Живые фрески из многоцветных лесов шли поясами, рассказывая с помощью знаков, геометрических фигур и неизвестной письменности историю обитателей планеты. В ее центре было изображено звездное небо. Смуглая прекрасная женщина бежала там среди светил, придерживая за руку смеющегося малыша. Она махала нам, прощаясь, свободной рукой, торопилась и никак не могла убежать.

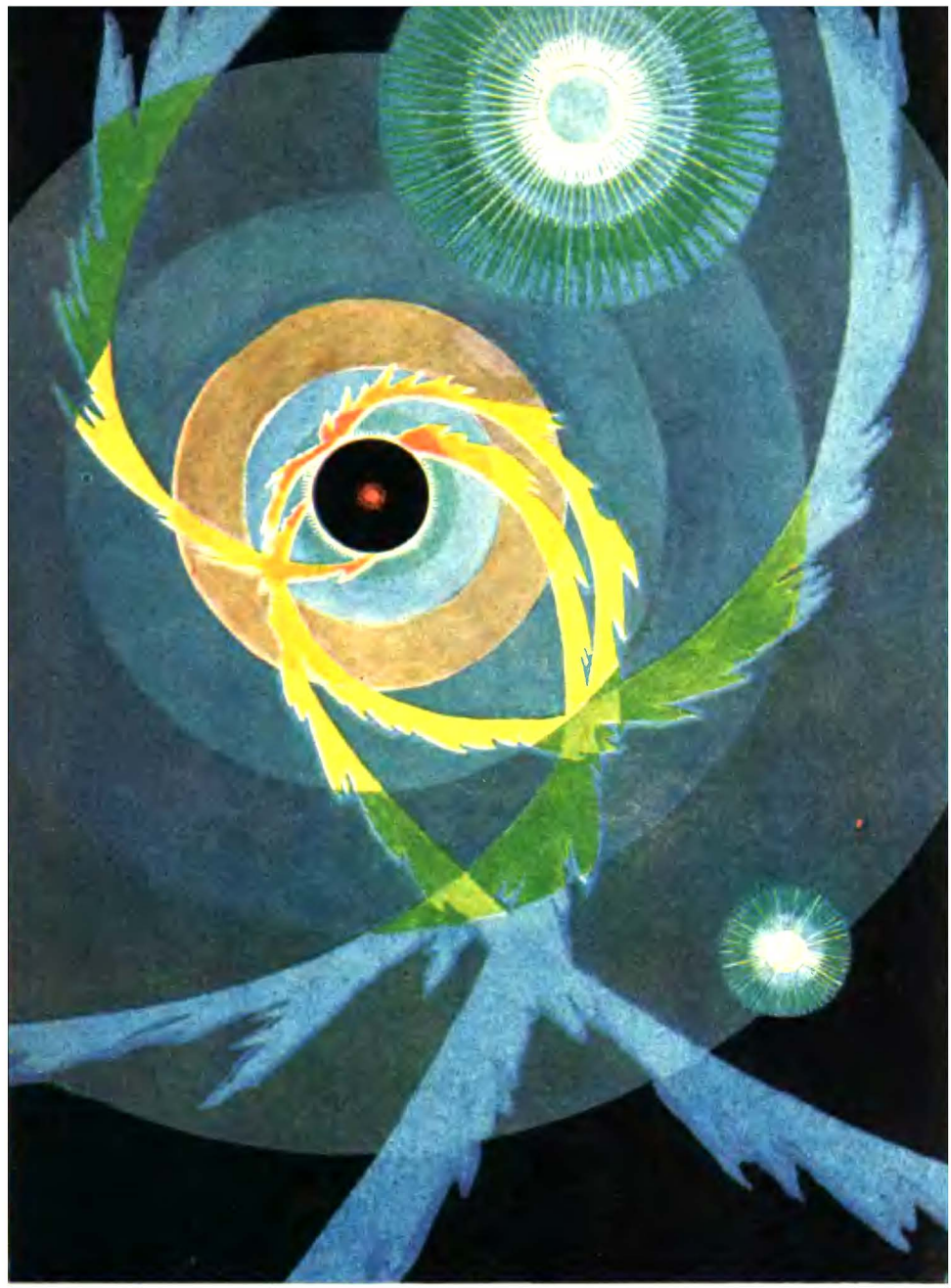
— Посмотрите вон на те знаки, — шепчет Володя. — Они расшифровывают центральную фреску. Похоже, речь идет о переселении к другой звезде.

— А вон «ожерелье»! — кричит Рая. — Ведь это те голубые озера, что мы видели.

Я молчал. Потом, уже на Земле, мы окончательно сумели понять: как ни крепки металл и камень, как ни бессмертны сигналы, странствующие в космических безднах, по-настоящему вечна только жизнь. Особенно в масштабах планеты. Пожалуй, трудно было мыслящим существам придумать, уходя, нечто более разумное и надежное, чем это всеобщее программирование природы как единого произведения искусства, живой и самообновляющейся записи информации. Любой информации, запечатленной на планете-панно и видимой за миллионы километров.

А тогда я смотрел на планету Канова и вспоминал Сикейроса. Сотни лет назад он первым записал такую мысль: «Леонов дал уже нам пример, выйдя из кабины. И я не удивлюсь, если в следующий раз вместо фотоаппарата он возьмет с собой в космос краски. Кто знает! А вдруг мне повезет, и он пригласит и меня разрисовывать стены на других планетах...»

Да, лишь теперь мы убедились, что для настоящего мастера, для настоящего художника вся вселенная — это вместилище его таланта. Это бескрайняя мастерская. И еще я почувствовал в конце концов, что Канов мог действительно про все забыть и даже про собственную смерть, встретив наконец в космосе долгожданный Разум.



Г.Покровский «Черная звезда»

ВРЕМЯ
ПРОСТРАНСТВО
ЧЕЛОВЕК

ДОЗОРНЫЕ
ПЛАНЕТЫ
ТЕХНИКА-9
МОЛОДЕЖИ 1970

Цель путешествия породила многочисленные разговоры о том, что такое «сознание», «интеллект», «разум». Велись они и в присутствии Ульдстругa — последней модели робота. Где-то в середине полета Володя Зенин, оставшись наедине с Ульдстругом, неожиданно спросил его:

— По моему, ты не очень охотно выполняешь распоряжения Игоря и мало ему помогаешь? Или мне показалось?

Робот ответил не сразу.

— Он мне не нравится.

— Это почему же? — удивился Володя.

— Он хочет доказать, что я не существую.

ОБМАНЧИВАЯ ВНЕШНОСТЬ

Научно-фантастический рассказ

ДМИТРИЙ ДЕ-СПИЛЛЕР

Едва ли другая научная теория порождала когда-либо такой страстный взрыв несогласия, недоумения и одновременно такую горячую защиту, как «одноэлектронная теория сознания» Игоря Глухарева. Она по сей день остается крайне спорной. Возможно, движение научной мысли в конце концов отвергнет ее, но и тогда вопросы, поднятые этой гипотезой, не утратят своего значения.

Кроме того, за век, прошедший с ее возникновения, теория стала негласным тестом на творческие способности. Верующие в нее (трудно назвать иначе людей, абсолютно незнакомых с теорией сознания и тем не менее яростных сторонников Глухарева) обычно оказывались авторами наиболее смелых и плодотворных идей в своей области науки.

Факты, легшие в ее основу, давно уже были известны. Однако, чтобы им воплотиться в столь парадоксальное предложение, потребовалась вся наглядность тех страшных обстоятельств, которые сопровождали пребывание звездолетчиков на Странствующей планете.

Психобиолог Игорь Глухарев летел на планету Эридан. Звездолет вел пилот Володя Зенин. Внешне их постоянно путали — высокий, широкоплечий, с малоподвижным, грубо вырубленным лицом, Игорь больше подходил к роли «космического волка», чем круглень кий «губошлеп» Зенин. Но знающие поражались их сходству — оба были «интуитики», то есть люди с трудно предсказуемым и трудно объяснимым поведением и образом мышления. Но если Игорь прослыл как автор неопровержимых, но и недоказанных (а по мнению некоторых, и недоказуемых) гипотез, то Володя, решения которого сразу выливались в действия, был известен как пилот с фантастическим везением. В самой тяжелой ситуации он принимал невероятное, абсурдное решение, и... всегда оно оказывалось единственно верным, спасающим жизнь и ему, и его пассажирам.

На Эридан они летели по заданию Центрального Космического Совета. Автомат привез с этой планеты небольшие органические образования, формой и размерами похожие на вишневую косточку, которые покрывали всю ее поверхность и буквально кишели в ее океанах. Исследования показали, что эти «вишневые косточки» могут стать неисчерпаемым источником органических веществ для пищевой и химической промышленности. Но на голофильмах вдруг обнаружилось движение «косточек», не оправданное внешними условиями. Многие ученые посчитали этот факт признаком сознания, возможно, только зарождающегося. Игоря послали уточнить это, и от его ответа зависело, будет ли Эридан использован как источник органического сырья.

— Как так?! — воскликнул Зенин и усмехнулся. — Дал бы пощупать ему себя...

Но Ульдструг не захотел принять юмора.

— Меня якобы не существует как чувствующего и сознающего существа. Будто я чисто механически действую, как кукла с закрывающимися глазами. Она ведь не чувствует желания спать, когда под действием груза у нее закрываются глаза.

Володя недоуменно пожал плечами.

— Не может быть. Ведь ты же на каждом шагу доказываешь, что переживаешь и размышляешь совсем как человек. На каком основании?..

— Это вы у него спросите! — сердито ответил робот.

Что Володя и сделал, когда они собрались втроем в кают-компании.

— Игорь, как ты относишься к Ульдстругу?

— Прекрасно! — машинально ответил Игорь, затем обеспокоенно поднял голову. — А что? Я его перегружаю?

— Нет, я просто спросил, как ты к нему относишься?

— А как я могу к нему относиться? — не понимал Игорь.

— Ну что ты о нем думаешь?

— Прекрасная машина, — ответил Игорь и продолжал вопросительно смотреть на Володю.

Ульдструг, внимательно слушавший их и поглядывавший то на одного, то

па другого, при этих словах замер как истукан, без каких-либо признаков жизни. Володя стал защищать его.

— Он, между прочим, считает себя чувствующим и мыслящим существом.

— Из стали и стекла, — иронически добавил Игорь.

— Пусть даже так! Но он ведь наш товарищ, совсем как человек...

— Ну уж нет! Я могу согласиться, что Ульдструг думающая и чувствующая машина, но вряд ли существо, тем более человекоподобное.

— Но сознание! Сознание его может быть вполне человеческим?!

— Ни в коей мере.

— И ты можешь это доказать?!

— Нет.

— Как так?! — опешил Володя. — То есть, кроме внешнего вида, нельзя найти признак, отличающий его от человека?

— Нельзя, — подтвердил Игорь.

Странное чувство испытывал Володя. Пока Игорь отказывал Ульдстругу в «человеческом» достоинстве, он пытался доказать обратное, так как за время полета привык к роботу как к товарищу, мало чем отличающемуся от них, может, только знающему больше и могущему сделать больше, чем они. Но едва услышал, что его, человека, ничем невозможно отличить от робота, как почувствовал раздражение.

— Значит, если ему придать внешность человека...

— То от тебя его не отличишь, — насмешливо закончил Игорь.

Ульдструг задвигался и уставился на Игоря — даже для этого всезнайки сказанное было новостью.

— Почему?

Игорь задумался. Если объяснять все строго научно, то получится долго и все равно непонятно, но и отшучиваться не хотелось — ни Ульдструг, ни Володя не знали, сколько труда и нервов вложил Игорь в этого робота.

— Поведение человека зависит от знания ситуации и правильной оценки ее, и долгое время ученые считали, что чем больше данных о конкретной ситуации имеет робот и чем глубже он может провести анализ, тем более осмысленным станет его поведение. Начали окружать машины все большим числом датчиков, все большей информацией загружали их память, все сложнее становились программы поведения, но сознание у роботов не появлялось. Но был и положительный результат. Ученые выбрали оптимальное вооружение робота, лучшие программы, при которых его поведение было ближе всего к человеческому, снабдили имитаторами настроений и страстей, и сейчас его не отличишь от человека.

— Но чем-то он все-таки отличается от человека? — спросил Володя.

— Тем, что не совершает бессмысленных поступков. Но из этого тест не сделаешь...

— Внимание, — снова перебил их Ульдструг. — Нас догоняет планета.

Это было невероятно — планета не могла двигаться относительно галактики быстрее корабля. Но оказалось, Ульдструг не ошибся. Через час в иллюминатор уже можно было рассмотреть радужно мерцающий шар, густо оплетенный горными хребтами.

— Заглянем, — предложил Володя. — Странноватая планета.

— Согласен, — откликнулся Игорь.

Они поручили Ульдругу управлять посадкой, а сами укрылись в кинетационной камере. И покинули ее лишь через час, когда пята звездолета утвердилась на грунте.

Победив любопытство, они не сразу вышли из корабля, но, чтобы не нарушать распорядка, легли спать в обычное время, поручив дозор автоматам. Перед сном полчаса обозревали окрестности.

Волнистая равнина непрестанно озарялась северным сиянием. Ее пересекали серые, с поперечными складками валы, тянувшиеся до горизонта, где чернели горы. Грунт казался каменистым из-за своей шишковатости, но отдельных камней было мало. Неподалеку высились уступчатые холмы.

Насмотревшись в иллюминатор, звездоплаватели легли спать и проспали шесть часов. В это время действовали самопишущие приборы, установившие, что планета содержит много монополяровых веществ, слегка радиоактивна и имеет разреженную аргоновую атмосферу. Температура на ней держалась ниже минус 200° по Цельсию. Поэтому выходили на поверхность планеты, облаченные в тяжелые скафандры.

Сразу же почувствовали, что потяжелели, впрочем, немного. Путешественники огляделись и направились к серому, с глубокими кольчатыми складками валу, извилисто тянувшемуся на вершину холма. По дороге в нескольких местах взяли пробы грунта, но так и не смогли отбить кусок самого вала. Молоток со звоном отскакивал от его поверхности, хотя она ничем не отличалась от хрупкой почвы, трещины в которой иногда продолжались по валу.

Володя воспользовался прибором для определения химического состава вещества — как ни странно, но кольчатый вал состоял не из базальта, как все окружающие камни, а из каких-то монополяровых соединений.

— Это же нечто непостижимое, что такие разные минералы так похожи! — воскликнул Игорь, напрасно ища глазами хоть малейшее отличие поверхности вала от базальта. Зенин согласился, что это действительно непонятно. Встав с колен, он прошелся по валу и увидел в углублении под холмом кучу каких-то странных удлиненных камней.

Подойдя к треугольной куче, они увидели, что камни были трубчатыми, со многими сквозными каналами, некоторые ветвились, другие закручивались спиралью и, вообще, больше походили на окаменевшие кости, чем на минерал.

Складывая их в ранец, Володя вдруг почувствовал, как что-то переменилось на местности, — раньше на валу не было пятнистого бугра.

Странным оказался этот бугор! Чем ближе они к нему подходили, тем однотоннее он становился, а когда они подошли совсем близко, на нем не оказалось никаких пятен. Неужели вал менял свой цвет, подобно хамелеону? Не решаясь в это поверить, космонавты объяснили случившееся игрой отсветов «северного сияния». По прочности бугор не уступал валу, и Володя подозвал Ульдструга.

Самозабвенно орудуя геологическим молотком, Ульдструг разил вал с такой силой, что его оболочка поддалась. Она стала разламываться на трубчатые удлиненные куски, точь-в-точь такие, какие были в треугольной куче. Через минуту Ульдструг выдолбил уже немалую нору. В глубине ее оказался багрово лоснящийся пласт, до того твердый, что никак не удавалось его продолбить. Когда же Ульдструг ударил изо всей силы, то расплющил геологический молоток. В исследовательском пылу он зажег резак и принялся резать щель в багровом минерале.

В это время Зенин, стоявший рядом, заметил темный, похожий на человека силуэт, вдруг явившийся над холмом. Володя замахал руками и побежал наверх. Игорь бросился за ним.

Вдруг быстрая судорога прокатилась по кольчатому валу. Его серое тело взбугрилось и задвигалось. Посыпались камни с обрыва. В следующую секунду позади раздался отчаянный крик, выражавший нестерпимое страдание.

Кричал, без сомнения, Ульдструг. Обернувшись, звездолетчики увидели с высоты одни алюминиевые ноги; тело было защемлено в морщине вала. Подбегая к его безгласным останкам, звездолетчики ни на минуту не предполагали, что он затих навеки. Картина, представившаяся их глазам, открыла правду. Вся головогрудь Ульдструга превратилась

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ АНТАСТИКИ

в расплющенный прах, с такой силой сдавило ее складкой вала. Не могло быть и речи о ремонте.

Постояв в молчании над останками Ульдструга, Зенин и Глухарев отправились затем к фигуре, свалившейся с обрыва. На плоском камне у крутизны они нашли металлическое чудище. Несомненно, это был робот. На торцах лома, приваренных к металлической руке, Игорь прочитал надпись: «Пружинчатый рудокоп — собиратель монополяритов — системы Телятникова».

— Я знаю, куда мы попали, — сказал Володя. — Это Странствующая планета. Два года назад ее обнаружили около Солнечной системы. Двигалась она вопреки всяким законам физики, и посадить на нее разведчиков никак не удавалось. На грузовой автомат с восемью рудокопами она буквально наткнулась. Автомат посадили, но на другой день планета с колоссальным ускорением рванулась и исчезла в космосе. Давай-ка вернемся на звездолет и соберемся с мыслями — по-моему, гулять по этой планете не совсем безопасно.

Разговор пошел о кольчатых валах, причем Зенин высказал мнение, что, вероятнее всего, это части живого организма и что они предиамеренно принимают вид грунта, чтобы их не долбили своими ломами пружинчатые рудокопы — собиратели моиополяритов.

— Эти рудокопы, — говорил Володя, — действуют как рудоискатель Цорна. Не забыл?

— Знал когда-то, но забыл.

— Алгоритм наипростейший. Рудоискатель откалывает куски грунта и исследует в кинетациоином поле. Если отколотый кусок оказывается монополяритом — он хранится, иет — выбрасывается, и берется следующий кусок, непохожий на все прежде выброшенные.

А валы, на свою беду, состоят из монополяровых веществ, отчего и были, я уверен, именно из них выломаны трубчатые камни. Но потом залы приспособились обманывать рудокопов. Они каким-то образом меняют цвет и принимают вид простого грунта.

— А не нарочно ли они столкнули робота с обрыва? Как ты думаешь?

— По-моему, то была судорога вала, и ничего больше. Несчастный Ульдструг причинил, должно быть, ему страшную боль. Это существо могло погибнуть просто от боли.

— А где остальные рудокопы?

— По-моему, их постигла участь Ульдструга. И если мы свободно гуляли по планете, то, вероятно, только потому, что непохожи на них.

— А теперь? — спросил Игорь. — Ведь Ульдструг внешне очень похож на человека.

— Теперь, — ответил Володя, — боюсь, как бы нам не пришлось расплачиваться за эту похожесть. Поэтому, прежде чем не облетим планету и не изучим ее досконально, из звездолета ни шагу. — Он мог иногда быть категоричным.

На высоте 400 метров Зенин отключил астронавигационные рули и направил корабль к далекой горной гряде. Минут через десять между гор выглянуло алое пятно, которое, приблизясь, стало похоже на исполинское гнездо, свитое из красных нитей Вскоре стало видно, что красные нити являются кольчатыми валами, такими же, как вал, раздавивший Ульдструга. Сотнями змеек разбегались они от гнезда по всем направлениям и терялись в горах. Корабль, однако, не мог остановиться, и пришлось пролететь мимо, лишь немного снизившись для киносъемок. Через полчаса последние красные змейки скрылись за горами.

Под кораблем простиралась скалистая местность, пересеченная ущельями. Звездолетчики подлетели к широкому разлому, снизились и повели корабль между его берегами. На мониторах обозначилось ребристое дно ущелья. Впереди скользнул переливчатый блеск, и тотчас показались голые жемчужные островки, слившиеся затем в извилистую полосу. За поворотом она выкруглилась в жемчужно мерцающий вал. Зенин включил кинокамеры.

Ущелье мало-помалу расширилось и вышло на равнину. Здесь, меж холмов, показывалось что-то кипучее, похожее на белый фонтан. Звездолетчики взлетели над равниной, и из-за холма выплыл сверток

А.Иващенко «Инопланетные станции»

кольчатых валов, такой же, как недавно виденный ими, но теперь валы в нем были не красные, а жемчужно-радужные. Над свертком валов трепетал и кружился огромный иглистый ком в виде опрокинутого конуса. Он едва касался дна своими белыми иглами. При каждом его повороте по валам струились переливы.

Зенин навел на трепещущий ком телескоп и повел киносъемку при наибыстрейшем вращении голографической ленты. Одновременно он стал снижать корабль.

Вдруг сильный толчок сшиб звездолетчиков с ног, и свинцовая тяжесть придавила их к полу. Дышать стало трудно, руки и ноги не двигались, перед глазами поплыли круги. Так продолжалось четверть часа. За это время северное сияние погасло, и в корабле потемнело. Теперь только звезды освещали каюту.

Когда Зенин и Глухарев теряли уже сознание от навалившейся давящей силы, перегрузки вдруг прекратились.

Они увидели в иллюминатор Странствующую планету в виде огромного диска, радужно поблескивающего в звездном небе. Она постепенно уменьшалась, с ускорением удаляясь от корабля. Зенин и Глухарев решили планету не догонять (тем более что это оказалось бы нелегким делом) и вообще дальше не лететь, а возвращаться на Землю. Добытые сведения с лихвой вознаграждали путешествие, и лучше было ими не рисковать. Звездолетчики определили свое местонахождение и по завершении необходимых вычислений направились к Земле. Потом они проспали до наступления искусственного утра. И только после завтрака стали обсуждать происшедшее.

— Я полагаю, — пронзнес Зенин, чертя в воздухе круги, — что по тем существам...

— То есть по кольчатым валам?

— Вернее будет выразиться, по их связкам. В них, я убежден, текут круговые кинетационные токи. Они все отлично согласуются, причем взаимодействуют с кинетационными полями галактик и могут перемещать планету куда угодно. И вот с помощью своих кинетационных токов чудовища эти отбросили наш корабль в космос...

Почему же они не сделали этого раньше?

— Ну, не совсем так просто войти во взаимодействие с полями наших роторов. А что до тех колючих ворохов, увереи — то были их нервные центры.

Зенин подошел к киноаппарату, настроил его и включил. Колючий, танцующий ком был снят очень четко, во всех подробностях. Увеличив изображение, Зенин поместил на экран его нижнюю часть, где иглы соприкасались с опорой. И, странное дело, оказалось, что в каждый момент времени игольчатый ком балансировал на одной только игле, причем место опоры не менялось. То был маленький полукруглый бугорок, к которому отовсюду протягивались иглы. Но лишь одной игле удавалось опереться на него, когда прежняя наклонялась и ком должен был потерять равновесие, в бугорок упиралась соседняя. Смена игл, поддерживающих ком, происходила очень быстро, но ее хорошо можно было рассмотреть, замедлив воспроизведение. Иглы были такими острыми, что даже при наибольшем увеличении концы их оставались невидимы.

— Как по-твоему, в основании иглы целая площадка, или один только атом, или, может быть, даже один монополь? — воскликнул вдруг Глухарев и, не дождавшись ответа, с жаром заговорил: Послушай, Володя, ведь это очень важная подробность, что игольчатый ком (являющийся, по твоей догадке, их мыслительным органом) во всякий миг уравновешен на одном монополе. Ты знаешь не хуже меня, что согласно квантовой механике нет законов, предписывающих, куда двинуться данной элементарной частице. Но у этих существ именно движением одной элементарной частицы определяется в каждый момент их поведение.

— Что-то мутно? — сказал Зенин.

— Конечно, — согласился Игорь, — но вот, знаешь, на что я обратил

А.Климов «Гравилет»

внимание? Кривая «осознанности» поведения робота из эксперимента, о котором я тебе уже говорил, поразительно совпадает с «определяемостью» поведения физических тел. Мы практически ничего не можем сказать о поведении галактик, чуть больше о планетарных системах и так далее. Предсказуемость поведения видимой частицы вещества достигает максимума, затем падает, а на уровне элементарной частицы мы опять говорим лишь о вероятности поведения. Отдельная элементарная частица тоже может совершать «необъяснимые» поступки вопреки внешним условиям. Тебе не кажется странным это совпадение? — Зенин настолько был огорошен этим каскадом слов, подводящих его к какой-то мысли, что лишь согласно кивнул головой.

— Вообрази, — говорил Глухарев, все более воодушевляясь, что элементарные частицы наделены потенциальным психическим началом. (Мы так мало знаем об их природе, что не можем с порога отвергать такую возможность.) И допустим, что на психическое начало того монополя, на котором уравновешен игольчатый ком, как-то проецируется все чудовище, то есть его физическая структура. Тогда этот монополь, я думаю, может оказаться наделенным психикой, тождественной психике целого. То есть психика монополя в каждый момент — это и есть психика чудовища! Это корректная рабочая гипотеза. Не правда ли? Причем скажи, не годится ли она и для человека?

— Как? Я положительно тебя не понимаю! Значит, мы все, по-твоему, элементарные частицы, вообразившие себя людьми!

— А почему бы и нет? Для процессов в мозгу характерна крайняя неустойчивость. Совсем не исключено, что их течение в каждый момент определяется поведением одного-единственного электрона. Возможно, на его психическое начало как-то накладывается то, что происходит в организме. В результате он оказывается наделенным сознанием, тождественным нашему собственному.

Мое сознание сейчас — это сознание какого-то одного электрона в моем мозгу (а в следующий момент, быть может, другого). Говоря неформально, я сейчас — это электрон. Я хочу поднять руку, но в действительности я только перескакиваю в атоме с орбиты на орбиту. Но это перескакивание кладет начало лавине процессов, которые действительно завершаются поднятием руки.

С этими словами Глухарев поднял руку.

— Ну и как, по этой страшной теории, можно создать чувствующую машину?

— Нет, невозможно! — решительно сказал Глухарев. — Это все лишь «перерабатывающие информацию», а не чувствующие машины.

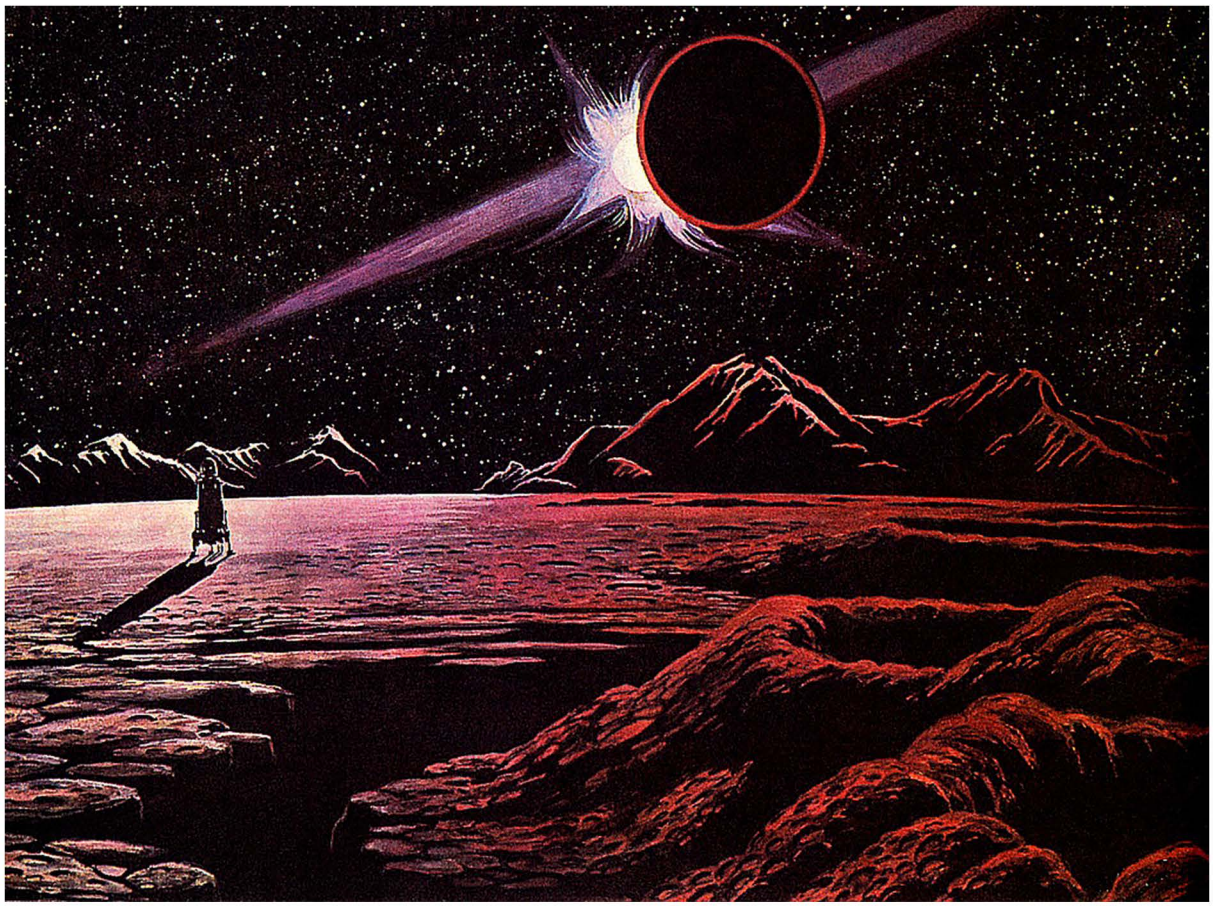
— Но природа создать таковые как-то сумела!

— То есть, если ты такую машину построишь — машину, в которой процессы так истончаются, что на каком-то шаге зависят от одного электрона, и все в машине проецируется как-то на психическое начало этого электрона, то такая машина может чувствовать...

Однако все его доводы казались Зенину неубедительными. Они вызывали скорее его досаду, чем уважение. Все же Зенин не отказывался говорить об этом предмете и обсуждал его с Глухаревым в течение многих дней полета на Землю.

Звездолет вернулся на Землю 16 января 2492 года. Я не буду говорить здесь о важности добытых им сведений. Упомяну лишь, что одно только изучение «трубчатых камней» положило начало двум новым химическим дисциплинам. Их практические приложения неисчислимы. Что касается «одноэлектронной теории сознания», то судьба ее неопределенна. Впрочем, на мой взгляд, научная теория может иметь иное, менее осязаемое, но ничуть не менее важное «практическое значение». Она может побудить нас по-новому взглянуть на вещи, по-новому мыслить о явлениях, быть может, принадлежащих совсем иной области знания. И в ней получать результаты, недоступные прежде.

В.Хакимов «Человек и вулканы»



« На планете двойной звезды »

Юрий Швец « Стартовая площадка орбитальной станции »

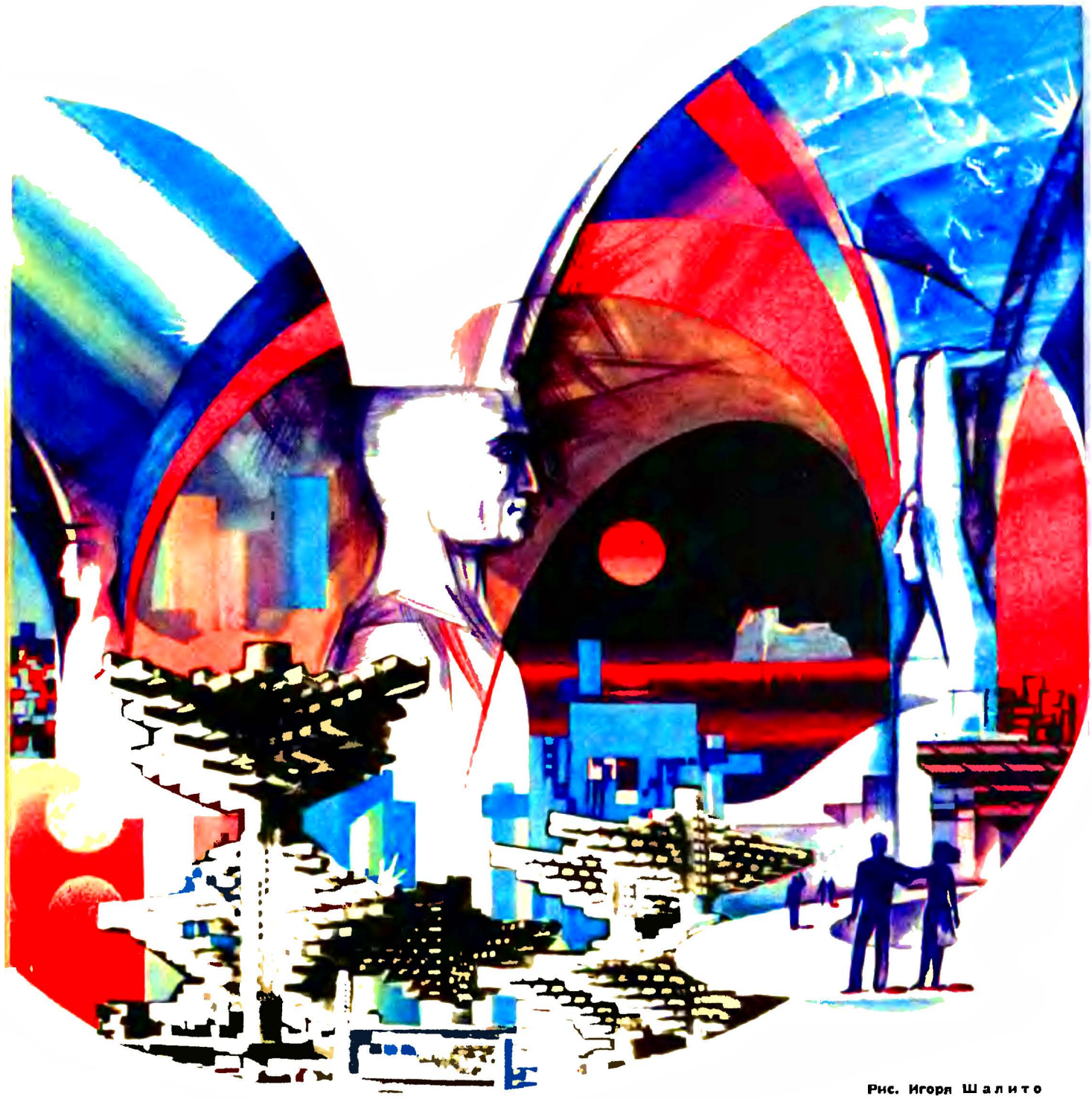


Рис. Игоря Шалито
и Галины Бойко

КУПОЛ НАДЕЖДЫ

Отрывок из научно-фантастического романа

АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ

Николай Алексеевич Анисимов объездил весь мир, но случилось так, что морским путем в Нью-Йорк он плыл впервые.

По давней привычке поднявшись очень рано, он решил посмотреть знаменитый восход солнца в Атлантике. Было около шести утра. По сверкающему коридору с несчетными дверями он прошел на корму. Поднялся на палубу. За лайнером оставалась широкая пенная полоса, напоминающая автостраду, неведомо как появившуюся среди равнины океана. Автострада, подумал он, очень, очень похоже...

И в его памяти всплыл эпизод тридцатилетней давности, круто изменивший всю его последующую жизнь.

В одной из африканских стран французы построили великолепное шоссе, пересекавшее живописную всхолмленную равнину. И профессор Саломак сделал крюк специально, чтобы показать автостраду русскому коллеге, молодому еще профессору из Москвы, которого он вез на виллу роз.

Вилла и прилегающие к ней плантации принадлежали родственнику его жены мсье Рене, который почему-то настойчиво просил привезти участника международного симпозиума химика Николая Анисимова к себе. Анисимов подумал и согласился.

Перед виллой красовался цветник. С открытой веранды, с трех сторон окружавшей просторный дом с плоской крышей и фасадом в мавританском стиле, открывался вид на розовые плантации. Двести семь сортов роз! Оказалось: мсье Рене собирался создать в стране парфюмерную промышленность, потому и был заинтересован в Анисимове, опубликовавшем сенсационные работы о химической природе запаха, о скоротечных необратимых реакциях — спутниках самых приятных ощущений и незабвенных ароматов. Стоял теплый вечер, а вечером розы пахнут особенно! Рене не было: его ждали с минуты на минуту.

Анисимов и Саломак в ожидании хозяина виллы гуляли по дорожкам сада.

Маленький подвижный француз пылко и бурно жестикулировал, вспоминая все, что он читал о далекой северной стране.

Профессор Саломак был участником Сопротивления, сидел некогда в концлагере, где старательно учил русский язык.

— Уверен, что русские иконописцы писали свои полотна с кого-нибудь из ваших предков-богатырей. — И француз дружески хлопнул Анисимова по плечу. — Но как пахнут здесь розы, Николя, как они пахнут! — восклицал он, переходя от куста к кусту. — Клянусь, каждый сорт просто человечен! Смеетесь? Попробуйте вдохните этот аромат. Он девичий! Согласны? Или вот этот запах скромности. Он вам очень подходит. Или нежный, словно нежданная ласка. Хотите, я найду букет, кружащий голову, словно объятия креолки!

— Вы просто поэт, коллега, — заметил Анисимов.

— Приходится поэтизировать, — вздохнул француз, — раз никто до сих пор не опубликовал полной исчерпывающей теории запаха, но вы, друг мой, к этому ближе, чем я. Быть может, ближе, чем все мы, участники конгресса.

— Увы, мсье Саломак. На мой взгляд, такой теории пока нет... хотя выдающиеся умы не однажды пытались ее создать. Не существует!

— Работы профессора Анисимова свидетельствуют о прямо противоположном.

— Увы! Сам Рентген, по собственному признанию, стал физиком только ради того, чтобы разгадать, что такое запах. Но так и не узнал, хотя открыл икс-лучи... Мои попытки — только вход в лабиринт.

— Раз я чувствую, я понимаю!.. Должен понять.

— Ой ли? Наши чувства полны тайн. Недавно я беседовал с нашим вице-президентом Академии наук...

— О-о! Иоффе! Снимаю шляпу.

— Представьте, он тоже подобно Рентгену пришел в физику, чтобы открыть тайну запаха.

— И открыл полупроводники.

— Но не тайну запаха!

Анисимов резким движением руки словно подчеркнул мысль. И умолк. К ученым приближались три закутанные в белое фигуры. Судя по чадре, закрывавшей лица, то были женщины. «Немного странное шествие», — подумал Анисимов. Саломак молчал в недоумении. Две женщины быстро поравнялись с Саломаком и Анисимовым. Одна осталась стоять в трех шагах от ученых.

— Следуйте за нами! — раздался резкий мужской голос. И добавил: — Отныне вы заложники!

— Вы будете убиты, если полиция не выдаст нужных нам людей, — зловеще прозвучал другой голос за спиной.

— Но мы не имеем никакого отношения к полиции! — запротестовал Саломак.

— Может быть, и к живодеру Рене вы тоже не имеете отношения? — хрипло осведомился стоящий перед ними незнакомец.

Из складок свободно свисавшего бурнуса выглядывало дуло короткоствольного автомата.

Ученые пожали плечами и пошли по дорожке. Вокруг благоухали розы. У калитки с витым узором железных прутьев стоял стареньких «пежо» без номера, с помятым крылом.

Незнакомец, объявивший о пленении, уселся за руль, втолкнув на сиденье рядом с собой пухленького Саломака, продолжавшего возмущаться. Двое других похитителей, пропустив на заднее сиденье Анисимова, пытались сесть по обе его стороны. Но он оказался таким большим (на голову выше любого из них!), что никак не удавалось захлопнуть дверцы стареньких «пежо».

— Рене с минуты на минуту появится здесь, — мрачным голосом заметил Саломак. — Вы рискуете вместе с нами, господа.

Севший за руль молча сорвал машину с места.

— У вас нет никаких оснований! — воскликнул Саломак. — Тем более что вы захватили не только меня, француза, но и русского профессора, моего коллегу!

— Зачем он здесь? — недоверчиво спросил похититель. — Зачем?

— Он консультант. Понимаете, консультант по теории запахов.

— Вот вы и разнюхаете, куда дели пятерых наших парней, — сказал похититель за рулем старого «пежо».

— Мне кажется, возвращается мсье Рене, а он не ездит без охраны, — спокойно сказал Саломак. — Мы оба не сможем, к сожалению, быть на вашей стороне в предстоящей потасовке.

— Быстрее, быстрее! — закричали двое примостившихся сзади. Один из них толкнул Саломака в спину, словно это могло прибавить ходу автомобилю.

Автомашина, подскакивая на неровностях дороги, двигалась к великолепному стратегическому шоссе, построенному в соответствии с планом «развития Африки».

Вероятно, кто-нибудь из слуг Рене видел, как увозили гостей, потому что его роскошный «кадиллак» задержался у виллы лишь на минуту.

Похитители заметили это, но не собирались уступать свою добычу. Они выехали на новое шоссе, и «пежо» помчался по нему с предельной

скоростью. На беду, дверь никак не закрывалась. Мешали слишком широкие плечи русского.

И вдруг все качнулись вперед. Мсье Саломак ударился головой в лобовое стекло, водитель лег грудью на руль и охнул. Анисимов и оба его стража полетели на спинку переднего сиденья. Полускрытые чадрой лица похитителей были растерянны. Все трое выскочили наружу и завозились у колес. Потом бросились прочь от шоссе.

— Куда вы? — растерянно закричал им вслед Саломак.

Один из похитителей обернулся и крикнул по-французски:

— Такова воля аллаха! Презренный джинн съел это шоссе!

— То есть как это съел? — громко выкрикнул Саломак, но похитители уже исчезли.

Анисимов оглянулся. Через заднее стекло виднелся приближающийся «кадиллак».

— Во всяком случае, что бы он там ни говорил про аллаха и джинна, это весьма любезно с их стороны не прикончить нас перед расставанием, — заметил профессор Саломак, выбираясь из машины и растирая шишку на лбу.

Очевидно, давнее пребывание в концлагере и бегство оттуда научили его владеть собой.

Анисимов последовал за ним.

— Что же случилось? О каком прожорливом джинне шла речь? — спросил он, растирая затекшее тело.

— Непостижимо! — отозвался Саломак. — Колея в порошке. Вы только посмотрите. Этот прах был недавно асфальтом.

— М-да! — протянул Анисимов. — Похоже, что парафиновые связи растворились неведомо как. — Он пересыпал из ладони в ладонь тонкий порошок, взятый им из-под колес.

— Есть над чем подумать! — проворчал Саломак.

— Любую химическую реакцию можно повторить, — заметил Анисимов. — Хотя бы в лаборатории.

— Моя лаборатория к вашим услугам, профессор. Париж!

Подкатил «кадиллак» и увяз в порошке по самую ступицу.

Из машины выскочил розовощекий коренастый мсье Рене. За ним следом пять молодцев в беретах, смахивающих на апашей, с автоматами наперевес.

— Вы живы? О мое счастье! — несколько театрально воскликнул мсье Рене.

— Все в порядке, кузен. Нас никто не съел, чего нельзя сказать о шоссе, как заметил один из доставивших нас сюда господ.

— Что за чепуху вы несете, Саломак?

— Это предстоит выяснить, — спокойно заметил Анисимов. — Для исследования выдвинем рабочие гипотезы, в том числе и о биологической коррозии асфальтов.

— Так вы не исключаете джиннов? — живо спросил Саломак.

— Будет видно.

В лаборатории, а потом еще в двух выяснились удивительные вещи! Случай оказался уникальным, только однажды, много лет спустя, история с шоссе повторилась совсем в другом месте земного шара... Асфальтовое шоссе съели одноклеточные организмы, грибки дрожжей кандиды! Но главный сюрприз заключался в том, что эти грибки обладали ценнейшим свойством; их белки по своему химическому составу, по набору аминокислот, необходимых для человека, приближались к составу молока.

Нужно было только научиться превращать эти белки в привычные виды пищи человека, чтобы получить грандиозные количества всевозможных продуктов, достаточные для всего (!) населения земного шара.

Именно с тех пор профессор Анисимов посвятил себя решению проблемы создания «искусственной пищи». Его работы по изучению запаха, а потом исследования «механизма вкуса» позволяли синтезировать пищевые продукты, не отличающиеся от говядины, баранины, жареной картошки, мучных, колбасных, даже рыбных изделий.

И все это обещало перевернуть основы обеспечения продовольствием людей там, где его не хватает, поскольку сразу после симпозиума французские ученые установили, что дрожжи кандиды увеличиваются в весе за одни сутки в тысячу раз. И для того чтобы получить необходимое для человечества количество питательного белка, требуется всего 50 тысяч тонн нефти в год.

* * *

Анисимов смотрел за корму. В пенной дороге, оставшейся за лайнером, там и тут виднелись темные пятна. Это плавающая в Атлантике нефть. Нефтяная пленка! Виноваты танкеры. В океан сливается нефти больше, чем нужно для того, чтобы прокормить все человечество...

Это предстояло доказать на специальном заседании Организации Объединенных Наций, куда он направлялся, чтобы изложить план, предложенный учеными многих стран.

Лайнер приближался к Американскому континенту. Солнце мирно висело над океанской гладью. Анисимов перешел на носовую палубу.

И вот как бы прямо из воды стали вырастать башни. Казалось, сказочная Атлантида в силу тектонического каприза вновь поднимается со дна морского. Правда, башни выглядели много внушительнее тех дворцов и храмов, которые описывал древнегреческий философ Платон.

Башен становилось все больше, и они все теснее примыкали одна к другой, образуя каменный забор среди океана.

Нью-Йорк, непохожий ни на один город мира, включая и американские города, был близок. Однако корабль не скоро еще подошел к порту.

Наконец появилась статуя Свободы. Чей-то холодный расчет превратил ее пьедестал в карантинную темницу. Деловитые янки сочли, что нет ничего удобнее для предварительного заключения эмигрантов, жаждущих познать все свободы прославленной страны бизнеса.

Анисимов вышел из таможни и сразу оказался на трехэтажной улице. Где-то над головой по эстакадам между домов с грохотом проносились поезда надземки, ниже двигались автомобили по пересекающему улицу путепроводу, а внизу забитая машинами улица гудела, шумела, гремела... Анисимова усадили в столь знакомую ему по Москве машину.

— Нам повезло, что удалось остановиться не так уж далеко, — говорил встречающий его молодой человек. — Иногда идешь километра два от припарковавшегося автомобиля.

Машина двигалась еле-еле, упираясь в бампер едущей впереди.

— Пожалуй, я скорее дойду пешком. Дайте-ка мне адрес отеля, — сказал Анисимов и решительно открыл дверцу машины.

* * *

И вот Генеральная ассамблея... Пленарное заседание. Первое время Анисимов находился на галерее для публики. Но наступил день, когда он взошел на трибуну. По решению одного из комитетов ООН Анисимову предстояло изложить свое предложение, поддержанное сотнями ученых разных стран.

После его выступления журналисты буквально атаковали советского академика. Он дал бесчисленные интервью на всех знакомых ему языках.

И он очень устал, думал теперь лишь о том, чтобы пройтись, развеяться, отдохнуть. Мечтал подышать свежим воздухом. Но где? И тогда вспомнил о Централь-парке, этом своеобразном заповеднике прежней природы.

Анисимов знал, что из даунтауна (нижнего города) до аптауна и Централь-парка далеко, но он лю-

бил ходить. И шел не спеша, разглядывая загоравшиеся огни реклам и лица встречных прохожих. Но мысли Анисимова снова и снова возвращались к прошедшему дню...

С трибуны, на которую он поднялся, были видны внимательные, настороженные лица людей, ждавших от него чего-то очень важного. Но вряд ли кто-нибудь из них представлял, какой ценой можно осуществить его предложение. По традиции ему приходилось делать паузы во время доклада, чтобы переводчики могли без искажений перевести его на другие языки.

— Человечеству, — говорил Анисимов, — не будут грозить ни голод из-за нехватки продовольствия, ни перенаселение из-за нехватки суши, если люди используют все то, что уже сегодня открыто наукой и даже освоено техникой.

Пока переводчики заполняли паузу, Анисимов подготовил следующую фразу:

— Синтетические яства уже не миф и пугало для непосвященных. Ныне магазины во многих странах и покупатели почти всех континентов знакомы и с казеинном, и с дрожжами кандиды — правда, через посредников, ведь они широко применяются в животноводстве для кормления скота. Но они пригодны, как установлено, и для приготовления самых изысканных блюд.

Анисимов рассказывал о трудном пути ученых-химиков к цели.

— Но дело не только в питании. Человеку нужна чистая среда обитания, незагрязненный воздух для дыхания, неотравленная вода для питья.

Люди слушали Анисимова с почтительным вниманием. Слишком проста и понятна была его речь для этого дипломатического Вавилона, где больше привыкли говорить о политике, да и то максимально затуманивая смысл, скрывая свою подлинную точку зрения.

— Чтобы передать эстафету цивилизации новым поколениям, люди должны жить иначе, — продолжал Анисимов. — Но слова, даже сказанные с высочайшей в мире трибуны, никого не убедят. Нам всем нужен пример. Требуется доказать, что люди могут жить, получая продукты питания не в виде привычных даров природы, которыми пользовались тысячелетия назад еще наши предки, а используя природу на микробиологическом уровне, заменив земледелие и животноводство «микробоводством». Нужно на деле показать, что люди могут жить в городе прекрасной архитектуры и пользоваться средствами транспорта, не отравляющими воздух, производить на заводах и фабриках все современные изделия, не загрязняя вод. Все это, взятое в отдельности, мы умеем делать, но пришло время наконец показать, как это можно осуществить в реальных условиях.

Очередную паузу многотысячная аудитория провела в гробовом молчании.

— Я уполномочен моими коллегами из разных стран предложить Организации Объединенных Наций создать Город-лабораторию, в котором будут воспроизведены все условия существования будущего человечества. Пусть это будет Город Надежды, где продукты питания станут получать для всего населения, а возможно, и для других нуждающихся стран, на заводах. Пусть на его улицах не появится ни один двигатель внутреннего сгорания, автомобили сменят электромобили, щедро питаемые энергией от проложенных в земле кабелей высокой частоты, и бегущие тротуары, приводимые в действие тоже электричеством. А Солнце даст всю энергию.

— В какой же пустыне строить такой город? — крикнул кто-то с галереи для публики.

Анисимов понял вопрос и сразу ответил:

— Мы, ученые, вынашивающие эту идею, могли бы предложить создать такой город на одном из островов Тихого океана или на искусственном острове в любом месте земного шара, но... Если показывать пример человечеству, то надо выбирать такое место, где природа сама по себе ничего не сулит человеку. И поэтому ученые выбрали континент, провозглашенный Организацией Объединенных Наций ничейным, где нет ни городов, ни сел, ни лесов, ни рек и никакого коренного населения и где природа ничего не дает человеку. И, по мнению многих, ничего не может дать.

Переводчики старательно переводили...

— Город Надежды в целях наибольшей чистоты поставленного опыта нужно создать в Антарктиде!

Гул пронесся по залу.

— Да. В Антарктиде! Но не на ледяном панцире, а под ним, в искусственно утепленном ледяном гроте вырастут деревья и кустарники, даже цветы, потекут реки от тающего льда. Но не будет вспаханных полей. Они не потребуются. На заводах Города Надежды при затрате в год каких-нибудь нескольких десятков тысяч тонн нефти (меньше, чем проливают ныне танкеры в океанах при ее перевозке) будут получаться из дрожжей кандиды белки, а из них все привычные людям виды продуктов питания.

— Сколько же это будет стоить? — спросил американский делегат.

— Я ждал такого вопроса. ООН в состоянии финансировать создание такого международного экспериментального Города-лаборатории, моделирующего жизнь грядущего человечества.

Но чтобы создать подобный город в Антарктиде, понадобится отчислять в течение пяти лет приблизительно по одному проценту тех средств, которые ныне тратятся на военные нужды всеми странами. Ведь наш мир подобен джунглям страха, где тяжелое бремя ложится на плечи людей, не доверяющих друг другу. Пять процентов средств, бесцельно затрачиваемых ныне на вооружение, отнюдь не поставят под удар народы, не разоружат и так до зубов вооруженных обитателей джунглей страха. И даже не пропадут для промышленных концернов. Придут к ним в виде заказов. Странам мира стоит объединиться, чтобы обеспечить не только мир без войн, но и дальнейшую жизнь человечества без голода, перенаселения и страха перед потопом человеческой крови и пирамид из человеческих тел...

Председательствующий объявил перерыв, перенеся прения по затронутому вопросу, числившемуся 127-м в повестке дня ассамблеи, на следующий день.

* * *

Незаметно Анисимов дошел до Централь-парка. С одной стороны, он граничил с Пятой авеню, а с другой — с негритянским гетто, с Гарлемом.

Анисимов свернул под тень деревьев. Назойливых огней реклам, освещавших авеню, не было видно. Стало темно, но зато и менее душно. Все-таки деревья делали свое дело, очищали отравленный воздух. Кажется, здесь единственное место Нью-Йорка, где хоть изредка можно дышать полной грудью. Анисимов сел на скамейку и задумался.

Характер предстоящих дискуссий в залах ООН он представлял и совсем не был так уверен в положительном их исходе, как думалось раньше, на пресс-конференции. Но это его особенно не волновало — рано или поздно идея Купола Надежды будет принята. Гораздо больше его беспокоили тайные силы противоборства, голоса которых уже прорывались в вопросах на пресс-конференции. И оттого, что эта ярость несогласия тщательно маскировалась, оттого, что предстоящее сопротивление будет, несомненно, тайным, то есть вестись самыми жестокими средствами, Анисимову казалось, что он вступил в новую полосу своей жизни, где соседствуют самые светлые и самые мрачные проявления человеческого духа.

УЧЕНИК ГЕРОСТРАТА

СЕРГЕЙ ШАРОВ

Научно-фантастический рассказ

1. Первые признаки надвигающейся катастрофы появились в среду. В одиннадцать часов утра в Координационный Центр по управлению и контролю за работой Суперкомпа — крупнейшего компьютера Америки — позвонил некий мистер Джексон и сообщил, что «эта проклятая машина не желает отвечать на вопросы».

С тех пор как почти в каждом доме был установлен терминал, с помощью которого можно было обратиться за советом или справкой к Суперкомпу, такие случаи бывали нередко. Разумеется, ни в одном из них сам Суперкомп не был повинен: колоссальная аналитическая мощь его электронного мозга, неограниченный доступ к информации, собранной в крупнейших хранилищах, делали его поистине пророком, которому с трепетом внимало большинство людей. Кроме того, он управлял в стране всей промышленностью, сервисом, системой образования... Короче говоря, не было ни одной отрасли хозяйства, которая могла бы обойтись без него. Тысячи квалифицированных ученых и инженеров тщательно следили за «здоровьем» Суперкомпа, и за все свое полувековое существование он ни разу не выходил из строя. И если он все же не отвечал, то это, несомненно, означало только одно — неисправен терминал или линия связи, а этим ведали телефонные компании.

К ним и посоветовал обратиться раздраженному мистеру Джексону говоривший с ним дежурный. Он был удивлен — с подобными пустяками уже давно никто не обращался в Координационный Центр.

— У меня все в порядке, проверяли сто раз! — возмутился на другом конце провода владелец терминала. — Лучше проверьте, в порядке ли мозги у вашего компьютера. Как вы мне объясните, что с трех различных аппаратов с ним невозможно связаться?

Мысль о том, что Суперкомп свихнулся, только позабавила дежурного. Он и не собирался докладывать об этом звонке главному координатору. Однако, когда число тревожных сообщений достигло полусотни, дежурный понял, что происходит что-то серьезное.

2. Главный координатор Ричард Шелл нервно покусывал губы, меряя шагами свой кабинет на пятьдесят шестом этаже административного здания концерна «Суперкомп». Координационный Центр уже вторые сутки завален претензиями на неисправную работу, а он до сих пор не в состоянии вразумительно объяснить, что происходит. Однако самое поразительное в том, что и сам Суперкомп не может этого объяснить. Нет, не хочет! Он даже не ответил на вопрос, почему сворачивает свою работу, — случай настолько беспрецедентный, что обычно невозмутимый координатор был совершенно потрясен.

— Шеф! — перед ним стоял его помощник Тони Смит. — Он перестал отвечать совсем!

— Невозможно!

Смит нервно дернул плечами.

— Наша линия связи, по-видимому, просто отключена, как и все остальные. Все дальнейшие попытки бесполезны.

Оставшись один, Шелл присел на край стола и глубоко задумался. Всю жизнь ему не слишком-то везло. Как правило, наиболее лакомые кусочки выхватывали у него из-под носа. Его друзья уже привыкли к этому, им казалось, смирился и сам Шелл.

Лишь невеста, возвращая перед самой свадьбой все его обязательства и подарки, сказала: «Нет, Рич! Жить с тобой мне было бы страшно. Герострат поджег храм Зевса, чтобы прославиться, ты готов на большее».

Шелла очень огорчил этот отказ, но над ее словами он посмеялся: Герострат, по его мнению, был круглый дурак; сам он хотел отнюдь не умереть, а жить известным, наслаждаться славою.

Все были чрезвычайно удивлены, когда он занял место главного координатора в концерне «Суперкомп». Но сам Шелл считал, что его способности просто отмечены по достоинству! Однако честолюбие его шло много дальше. Чутье подсказывало ему: близость к машине, которая вершит судьбы целой страны, сулит неограниченные возможности. Надо только суметь этим воспользоваться. И он ждал, терпеливо ждал своего звездного часа, верил, что этот час придет. Но то, что происходит сейчас, опрокидывает все его надежды. Неужели нет никакого выхода?

Шелл решительно встал и подошел к видеотелефону. Он должен использовать каждый шанс, каким бы иллюзорным он ни казался.

— Двух сотрудников внутренней охраны в мой кабинет, — бросил он, не глядя на экран.

3. В кабинете главного координатора стояла напряженная тишина. Картина, нарисованная в докладе Шелла, была столь удручающей, что никто из присутствующих не решался сказать что-либо. Томас Тейлор, ге-

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

неральный директор концерна, пожилой человек с мужественными чертами лица, был внешне спокоен, но чувствовал себя совершенно беспомощным перед надвигающейся грозой. Какой-то страшный, неуправляемый процесс начался и разрастался в недрах чудовищно огромной вычислительной машины. Трудно было даже представить себе последствия катастрофы, которая теперь уже казалась неминуемой.

Засветился экран видеофона. На нем возникло измученное лицо дежурного.

— Последняя сводка, сэр. Еще семьдесят предприятий вышло из строя. Прекратил свою работу Нью-йоркский железнодорожный узел. Четыре системы метро обесточены: тысячи людей находятся под землей. В Нью-Йорке, Чикаго, Детройте началась паника.

Тейлор медленно поднялся.

— Скажите, Рич, — его голос дрогнул. Председатель никогда еще не называл координатора по имени. — Как по-вашему, когда наступит конец?

— Я полагаю, — Шелл медлил с ответом, — если через двадцать четыре часа Суперкомп не возобновит работу, крах неизбежен.

— Господа, — голос Тейлора вновь обрел твердость, — я вынужден просить вас покинуть кабинет: мне необходимо связаться с Президентом.

— Простите, сэр, — главный координатор, казалось, колебался, — дело в том... Короче говоря, я пригласил человека, который, возможно...

Тейлор нетерпеливо махнул рукой.

— Но где же он?

— Я послал за ним двух сотрудников, однако он может заупрямиться.

— О каком упрямстве может идти речь! — рявкнул Тейлор и хватил кулаком по выключателю внутренней связи. — Немедленно десять человек... — начал он, но тут дверь распахнулась, и в комнату влетел долговязый человек, в котором координатор с радостью узнал Ларссена собственной персоной.

— Какого черта, Рич! — возмущенно завопил тот, обретя равновесие. — На каком основании твои тонтон-макуты врываются ко мне домой и тащат неизвестно куда? — Ларссен огляделся. — Где это я? — Не слушая объяснений, он прошелся по кабинету и близоруко прищурился на Тейлора, молча взиравшего на всю эту сцену.

— Ба, да это мистер Тейлор! — Ларссен бесцеремонно указал на него пальцем и обратился к Шеллу. — А он что здесь делает?

Тейлор побагровел от злости, а Шелл кинулся между ними и, оттесняя Ларссена, попытался объяснить суть дела.

Рассказ не произвел на того ни малейшего впечатления. Рассеянно слушая, Ларссен передвигался по кабинету, явно пытаясь что-то найти. Наконец он нашел интересующую его дверцу и, повозившись с ключом, открыл.

— Я спал, когда эти громилы ворвались, — пояснил он присутствующим, доставая бутылку с ликером. При всеобщем молчании приготовил себе коктейль.

Залпом опустошив фужер, он начал готовить себе очередную порцию, но вдруг остановился. Видно было, что он что-то пытается вспомнить.

— А, ну да, конечно, — проговорил он наконец с видимым облегчением. — Мне нужна информация, которую запросил ваш монстр перед тем, как свихнуться.

— Обзор лежит на столе, — Тони Смит указал на фолиант размером с небольшой чемодан. — Я не думаю, что вам стоит тратить на это время. Специальная группа в двадцать человек занимается сейчас изучением этого обзора. Вряд ли он вам поможет — там почти что одни названия.

Ларссен с уважением глянул на толстый том. В его глазах появилось любопытство.

— Моя интуиция еще меня не подводила, — пробормотал он себе под нос, с неслыханной скоростью листая обзор. Тишина, прерываемая лишь шелестом страниц, продолжалась более пяти минут. Внезапно Ларссен остановился.

— Мне кажется, — глубокомысленно произнес он, — что я когда-то изучал санскрит.

4. В горах темнеет рано. Старинный монастырь погрузился в темноту спустя полчаса после того, как закончилась вечерняя молитва. Вершины гор еще были освещены лучами заходящего солнца, но на дне ущелья, на краю которого стоял профессор Даянанда, лежал мрак. Лишь здесь, в полном уединении, проводя дни и ночи в небольшой келье, смог он найти покой и отбросить все мысли о мире, оставшемся далеко внизу, очистить свою душу и встать на Великий Путь. В жарком и шумном Бомбее, где профессор преподавал в университете историю, он слишком занят повседневными заботами. И только в этом горном монастыре, куда изредка приезжал Даянанда, он находил то удивительное состояние, которое йоги называют нирваной. Однако профессор не был йогом в высшем смысле этого слова — он не считал возможным для себя провести всю жизнь, подвергаясь суровым самоограничениям, отбросив все для единственной цели — познания Абсолютной Истины.

Чисто европейский ум профессора привык анализировать все его ощущения. Вот и сейчас он пытается мысленно воссоздать и понять происходящее с ним. Разумеется, полностью это было невозможно, большая часть ощущений осталась неназванной и задержалась в подсознании, однако некоторый след беспокоил его. Прикосновение к Вечности на этот раз было необычным. Единый океан мыслительной энергии, частицей которого чувствовал себя профессор Даянанда на протяжении шести часов, находился в чрезвычайно возбужденном состоянии. Он весь вибрировал, словно сотрясаемый звучанием мощного органа. И профессор Даянанда понял, что на Пути появился величайший из гигантов.

И еще вспомнил Даянанда: завтра в Бомбее его будут ждать двое, он будет им необходим для какого-то важного дела.

5. В затемненном салоне самолета, проносящегося на двадцатикилометровой высоте над просторами Индийского океана, находилось только два пассажира. Ларссен мирно спал.

Ричард Шелл был погружен в глубокую задумчивость. До посадки в Бомбее оставалось немногим более получаса. Предстоящая миссия чрезвычайно смущала главного координатора. Профессор Даянанда когда-то читал лекции в их колледже и был, несомненно, солидным ученым, он просто поднимет всю эту затею на смех, а их сочтет сумасшедшими.

Бомбей ослепил их полуденным солнцем.

— Черт возьми, ты предусмотрителен, — проворчал Ларссен, глядя на темные очки Шелла. Щурясь на солнце, он улыбнулся.

— Здесь не так уж плохо, старина, это здорово, что ты вытащил меня сюда.

Лицо Ларссена утратило глуповатое довольное выражение, его глаза возбужденно заблестели. Он устремился к зданию аэровокзала.

У входа Ларссен с разбегу налетел на бородатого старца в белом тюрбане. Чертыхнувшись, он направился

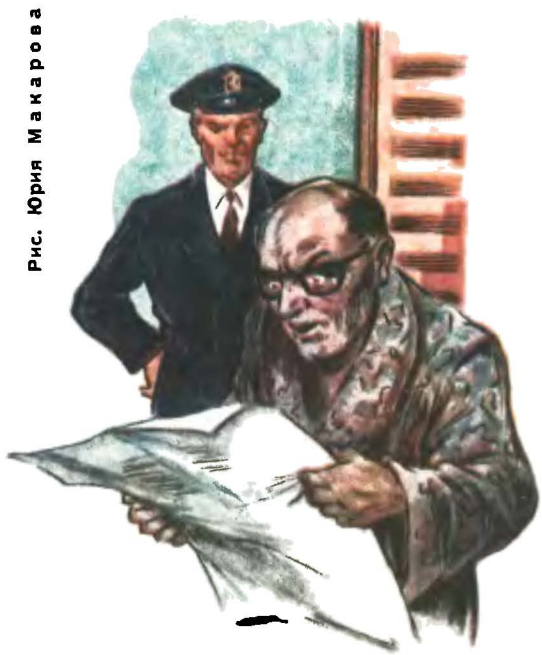


Рис. Юрия Макарова

было дальше, но, не сделав и двух шагов, оглянулся.

— Профессор! — радостно завопил он и обернулся к Шеллу — Что я тебе говорил: господин Даянанда уже ждет нас.

При этих словах профессор недовольно поморщился.

— Случилось что-то серьезное, — полувопросительно, полуутвердительно произнес он. — Сигнал был очень силен. Надеюсь, что смогу помочь вам.

— Понимаете ли, в чем дело, — Ларссен сразу приступил к объяснениям. — У них там, — он махнул рукой в неопределенном направлении, — компьютер начитался всякой всячины про вашу йогу, и, по-видимому, он стал йогом. Не иначе как он впал в эту... — он прищелкнул пальцами, — в нирвану... Бездействие машины вызывает страшную неразбериху, панику, много жертв, сами понимаете...

Напоминание о жертвах подстегнуло Шелла, и он вмешался в разговор.

— Мы не можем вступить с Суперкомпом в прямой контакт. Вы должны... — Шелл запнулся. Темные глаза Даянанды внимательно смотрели на него. — Мы прилетели просить вас... вступить в экстрасенсорный контакт с Суперкомпом.

Ему казалось, что он несет страшную чепуху, поэтому чувствовал себя довольно неуверенно.

— Разумеется, мы не постоим перед расходами, — поспешно добавил он, невольно сжимаясь под невозмутимым взглядом профессора. — Попробуйте убедить Суперкомпа в необходимости вернуться к своей работе.

Шелл ужаснулся абсурдности своих слов: машину надо убеждать! И не зная, как продолжать, растерянно замолк.

Наступило молчание. Профессор, казалось, и не думал отвечать. Изучающий взгляд йога остановился на Ларссене. Да, таким же он был и много лет назад, когда Даянанда читал лекции по истории индийской культуры средневековья. Еще студентом Ларссен поражал буйным воображением, тонкой наблюдательностью и крайней несобранностью. Будущее — неустроенный, чудаковатый гений — просматривалось в нем уже тогда. Шелла Даянанда помнил хуже, да и видел его всего раза два. Запомнились внешняя уничижительность и непомерное, тщательно скрываемое честолюбие. Такая двойственность обычно чувствуется людьми и лишает человека друзей, успеха, счастья. Такие редко исправляются — неудачи оскорбляют их внешнюю скромность, успех тешит скрываемое честолюбие, и они обычно кончают двурушничеством и предательством. И хотя Шелл выглядел респектабельным и деловым, Даянанда чувствовал в нем если не план, то готовность использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу, пусть даже во вред другим.

Истинный смысл ощущений, испытанных им в горах, стал совершенно очевиден.

Ничего похожего на горечь от того, что машина достигла невозможных для него вершин, он не ощутил. Была только радость от сознания, что он стал свидетелем чуда. Ларссен хорошо усвоил то, что рассказывал ему Даянанда: достигший последних ступеней раджа-йоги теряет интерес ко всему происходящему вне его, становится равнодушным к своему и чужому страданию. У машины это повлекло разрыв всех линий связи с внешним миром.

Профессор медленно усмехнулся: Ларссен рассчитал точно. Сочетание европейского ума, любопытства и глубокого проникновения в йогу делало Даянанду фигурой уникальной. Любой другой раджа-йог не взялся бы за примирение Суперкомпа с людьми — для этого ему пришлось бы оторваться от созерцания Вечности. Но профессор Даянанда не настолько игнорирует жизнь, чтобы не вмешаться. Абсолютное Знание же навсегда останется достоянием машины. То, что она снова будет выполнять свою старую работу, уже ничего не изменит.

6. Беспечно напевая, Ларссен появился на пороге кабинета Ричарда Шелла. С тех пор как профессор Даянанда вернул Суперкомпа к его работе, жизнь Ларссена вошла в привычное русло. Получив от концерна кругленькую сумму, он благоразумно положил ее в банк и теперь снова не упускал случая выпить за чужой счет. Вот и сейчас он забрел сюда в смутной надежде чем-нибудь поживиться.

Его встретил хмурый хозяин кабинета.

— Он сведет меня с ума, — пожаловался он Ларссену, кивнув в сторону пульта. — Представь себе, он отключил все свои каналы связи с хранилищами фундаментальной информации и использует только оперативную информацию...

Я только не понимаю, — добавил он, — почему до сих пор не поступило ни одной жалобы?

— Ну, это-то проще простого. — Ларссен приступил к объяснениям в своей обычной, несколько рассеянной манере.

— Помнится, профессор говорил что-то об Абсолютном Знании. Ты понимаешь, что это такое? Термин не очень подходящий, но суть вот в чем. Эта гора металла теперь получает информацию по каким-то своим каналам прямо с места, он как бы видит и знает все. Суперкомпу не нужны больше жалкие крохи истины, которыми обладает человечество, тем более занесенные в виде закорючек на бумагу или пленку.

Ларссен подошел к клавиатуре, расположенной в центре пульта.

— Я могу воспользоваться?

Шелл кивнул.

Спотыкаясь на каждой букве, Ларссен отстучал: «Верна ли Великая теорема Ферма?» Ответ поступил немедленно: «Да». У наблюдавшего за этой сценой координатора отвалилась челюсть.

— Ну вот, видишь, — удовлетворенно произнес Ларссен, развалившись в кресле.

Ни гениальный компьютер, ни теорема Ферма его больше не интересовали. Но если бы он был внимательнее, то наверняка заметил бы, какое странное выражение появилось на лице главного координатора.

Наступил час, которого Шелл ждал столько лет! Это произошло так неожиданно, что вначале он даже растерялся, не зная, что предпринять. Однако растерянность его продолжалась недолго. Усилием воли Шелл заставил себя сосредоточиться. Несколько минут прошло в напряженном размышлении. Внезапно его взгляд упал на безмятежного Ларссена: что делать с изобретателем? Этот болтун, несомненно, раззвонит по всему свету об удивительных способностях компьютера. Некоторое время координатор колебался, однако выбора не было. Подойдя к пульту, он уверенно передал: «Со мной в комнате находится безоружный человек. Существуют ли (если да, то какие) способы лишить его жизни так, чтобы на уровне современной экспертизы его смерть была признана естественной?»

Через минуту Шелл с интересом читал длинный список, время от времени поглядывая на Ларссена.

— Кто бы мог подумать, что это так просто, — с некоторым разочарованием пробормотал он.

Вскоре Ларссен был мертв.

— А теперь за дело! — Шелл не сомневался, что преображенный Суперкомп понимает его речь. — Раз уж ты, дружище Комп, знаешь все на свете, то ты, конечно, знаешь и то, что мне от тебя нужно. Я должен быть знаменит, причем в кратчайший срок, и ты объяснишь мне, как этого добиться.

Несмотря на бодрый тон, внутренне Шелл опасался отказа, а то и активного противодействия со стороны Суперкомпа — мало ли чего можно было теперь ожидать от этой машины. Однако ничего подобного не произошло. На бумажной ленте, выползающей из печатающего устройства, координатор прочел:

«Хотел бы ты прославиться как писатель? Это возможно осуществить за 16 часов. Через 16 часов о тебе будет знать вся страна».

— Что за ерунда! — Шелл недо-

умненно почесал в затылке. — Но я же за всю жизнь не написал и двух строк!

Суперкомп молчал. Казалось, он снисходительно дожидался, пока человек сам не догадается, в чем дело. Наконец Шелл хлопнул себя по лбу.

— Черт возьми, как я сразу не понял! Мои литературные способности тут совершенно ни при чем, ты сам все напишешь и опубликуешь под моей фамилией! — От восхищения Шелл потерял дар речи. Воображение рисовало ему заманчивые картины будущего. Однако мечтать было еще рано, надо было доводить дело до конца. Внимательно осмотрев комнату, Шелл собрал все компрометирующие бумаги, аккуратно сложил и убрал в карман. Мысль о том, чтобы сжечь их, он отбросил, так как пепел мог вызвать ненужные подозрения.

Затем подошел к видеотелефону.

Сдвинул набок узел галстука.

Нажал клавиш.

— Срочно доктора! — Взволнованный голос главного координатора разнесся по всему зданию. — Ларссену плохо!..

7. Взбудораженный событиями вчерашнего дня, Шелл сумел заснуть лишь под утро, поэтому, когда в девять часов явилась полиция, он еще спал. В домашнем халате, небритый, он встречал неожиданных гостей.

— Господин Ричард Шелл, если не ошибаюсь? — высокий полицейский протянул свое удостоверение. — Сержант Роджерс. Сожалею, сэр, но я вынужден вас арестовать.

— И в чем же меня обвиняют? — Шелл попытался изобразить иронические недоумение, однако улыбка у него вышла довольно кислой.

— Разумеется, в убийстве Ларссена, — сержант ухмыльнулся. — Ну и ловко же вы укокошили этого парня, сэр!

— Что за чепуху вы несете! — Координатор старался не подать виду, но на самом деле он был напуган. В мозгу неотвязно крутился один и тот же вопрос: как? Как они могли узнать? Неужели Суперкомп ошибся?

— Вам, должно быть, известно, сержант, у Ларссена был обнаружен инфаркт, это подтвердила специальная медицинская комиссия. Нелепо даже говорить об убийстве, и потом Ларссен — мой друг, и вы не имеете права...

— Позвольте... — В голосе сержанта послышалось нетерпение. Он достал из кармана аккуратно сложенный номер утренней газеты и протянул его Шеллу. — Позвольте предложить вам это.

Похолодевший Шелл развернул газету. На первой странице в глаза бросился заголовок:

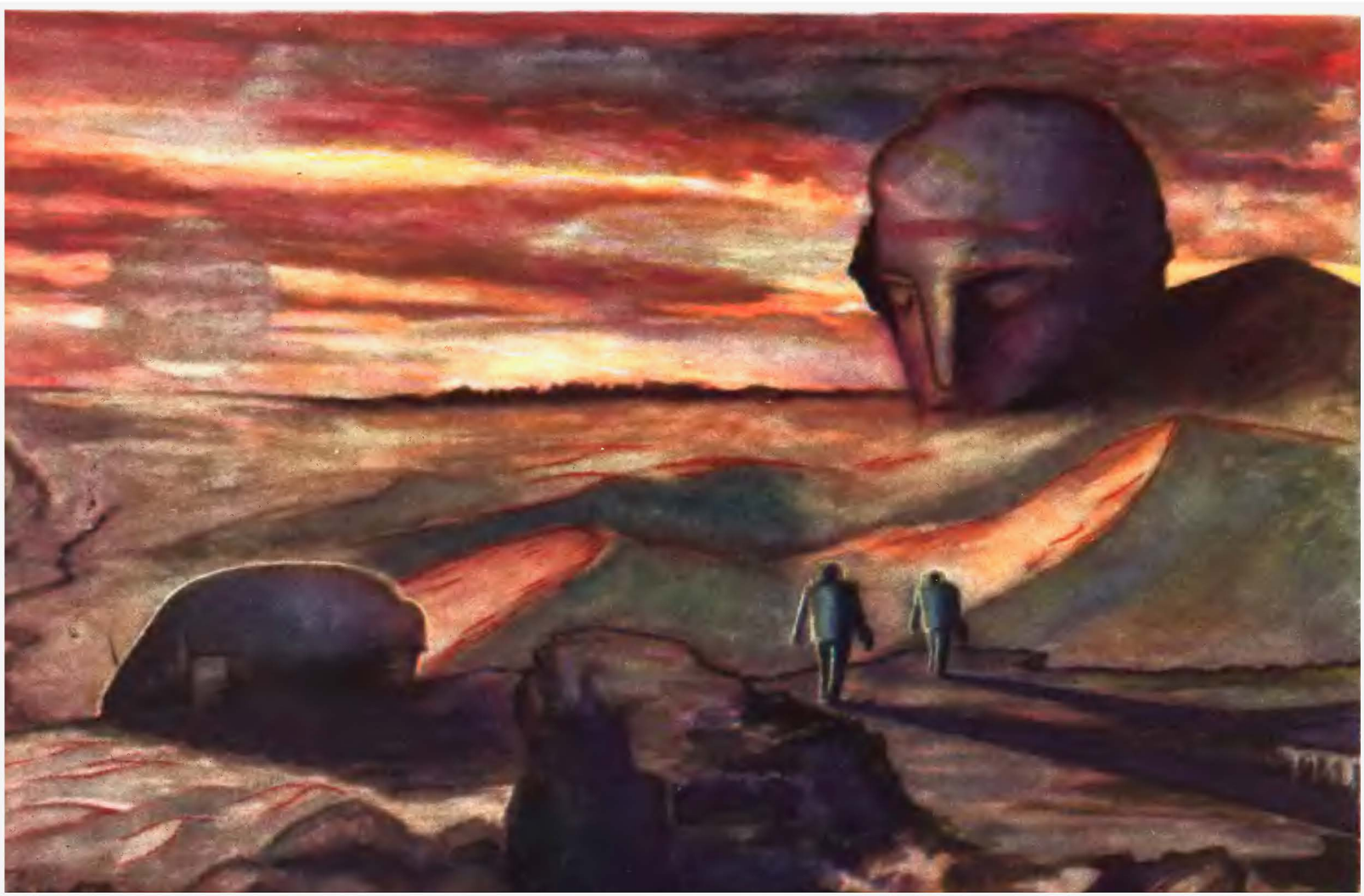
КООРДИНАТОР ШЕЛЛ СОВЕРШАЕТ БЕЗУПРЕЧНОЕ УБИЙСТВО!

Под ним были помещены две огромные фотографии: Шелла и в черной рамке Ларссена. Ниже крупным шрифтом было набрано:

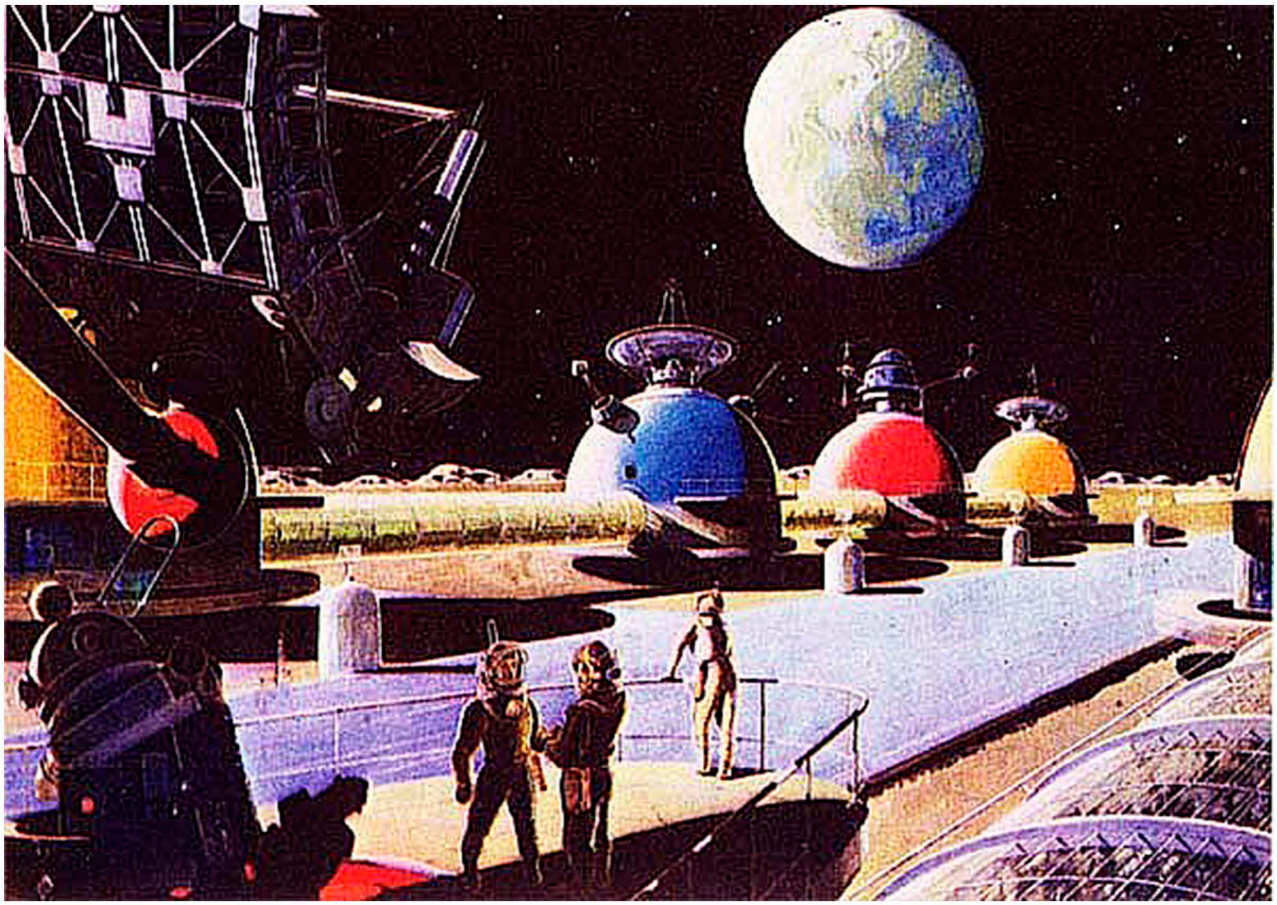
ЧИТАЙТЕ НА ВТОРОЙ СТРАНИЦЕ РАССКАЗ РИЧАРДА ШЕЛЛА «УЧЕНИК ГЕРОСТРАТА»!

Дрожащими руками Шелл перевернул газетный лист. Его рассказ начинался словами:

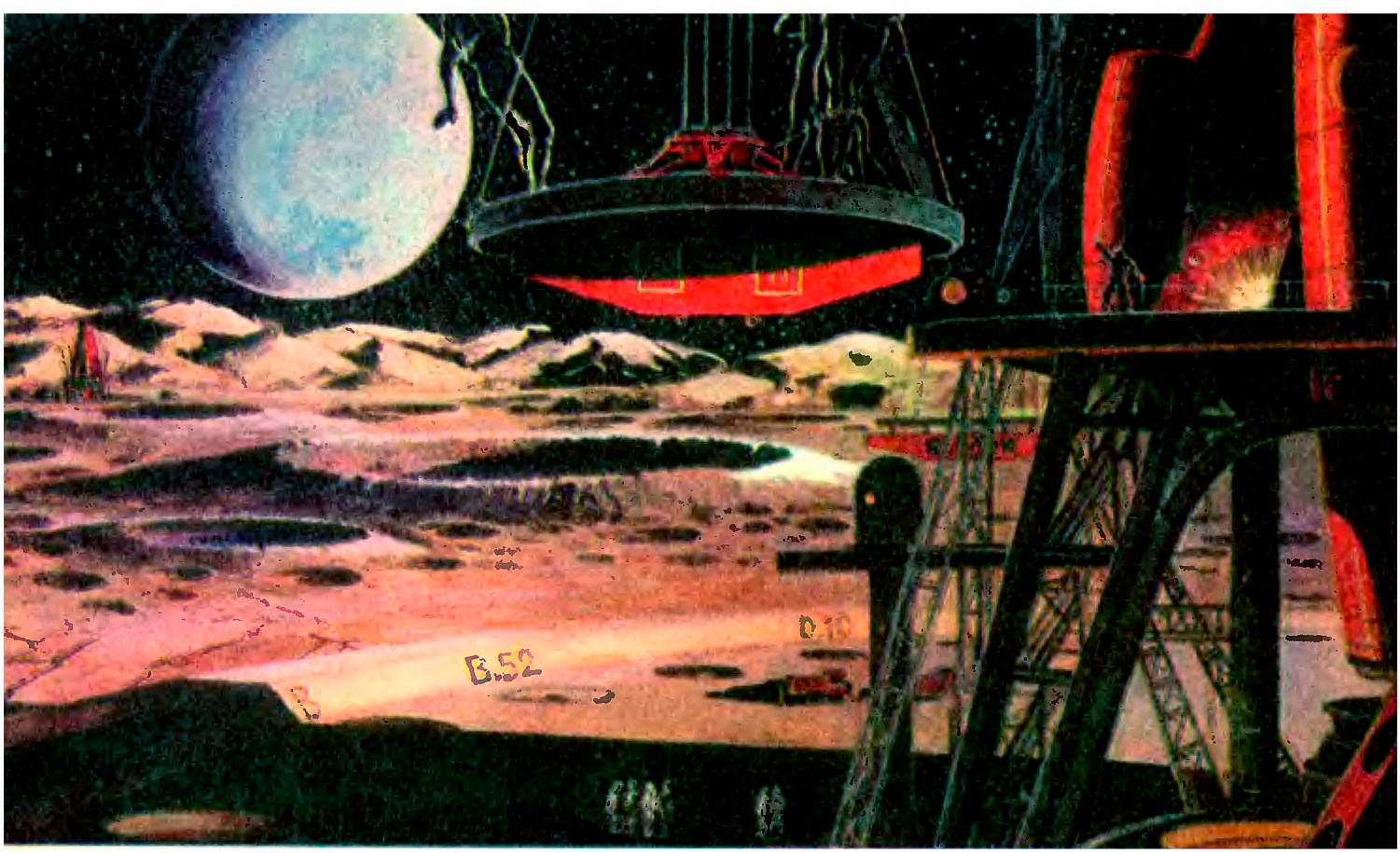
«Первые признаки надвигающейся катастрофы появились в среду...»



Сергей Седов «Следы неизвестной цивилизации»



« Луна. Океан бурь. Проспект им. Гагарина 1996 год »



Юрий Швец « Текущий ремонт. Звездная служба »

Пароль зеленого забора

ИГОРЬ ЕВСТРАТОВ

Научно-фантастический рассказ

Лаборатория, куда попал Олег после распределения, занималась исследованием мозга. Седые и бородатые деды вживляли в мозг кроликам и морским свинкам электроды, подключали их к регистраторам и начинали 'колдовать. Посверкают лучиком света в глаз бедному животному — поглядят на осциллограф, побренькают звоночком над ухом какой-нибудь там крысы — и снова регистрируют... А после отчеты составляют: эта, мол, область мозга реагирует на акустические раздражители таким образом, а эта — этаким, а вот на зрительные — совершенно иначе... Ску...ука! По крайней мере, так казалось Олегу, может быть, потому, что он в этом ничего не понимал. В его дипломе было черным по белому написано: «инженер-электромеханик по эксплуатации ЭВМ».

Через полгода он не выдержал, подкараулил руководителя темы Игната Брызгалова и высказал ему все.

— Представь себе, Игнат, — стараясь быть убедительным, доказывал Олег, — что мне попалась в руки электронная машина совершенно незнакомой мне конструкции. Да если бы я изучал ее вашими методами, то, верно, и до самой смерти не разобрался бы в ней. Ну, вскрою я один из блоков компьютера, к первой попавшейся микросхеме припаяю проводничок и выведу его на регистрирующий прибор. Так что из того? Ну, стрелка колыхнется... Прояснит ли это колебание, как устроен компьютер? Ты пойми, такой информации можно набрать вагон, а толку?..

Игнат, не перебивая, слушал Олега. Когда тот выдохся, сказал:

— Все правильно, дорогуша. И методы у нас варварские, и способы примитивные, да и знаем мы о предмете изучения так мало, что порою тошно становится... Но делать-то надо... Ты уж поверь мне на слово, потом сам убедишься — нет пока другой методики.

Весь вечер Олег продолжал мысленно спорить с Игнатом.

«Мозг все-таки электронная машина. И если только найти вход и выход, то можно подать сигналы на вход и посмотреть, что получается на выходе. Ну, вход известен — органы чувств. Правда, через них, допустим, поступает слишком много информации. Ну что же, введем ее в двоичной системе: ноль-единичка, ноль-единичка... А выход... Впрочем, зачем нам знать, где выход? Главное — результат, реакция на информацию. Где-то я читал про эксперименты, в которых при помощи миганий света животных вводят в транс или возбуждают... А что, если в двоичном коде не информацию, а программу операций ввести! Например, вычисление кубического корня. Ведь должна же она где-то там в голове осесть...»

* * *

Опыты были до неприличия просты. Для начала он составил коротенькую программку извлечения приближенного значения кубического корня. «Раз мозг — устройство самопрограммирующееся, самообучающееся, способное усвоить и проанализировать почти любую информацию, — рассуждал Олег, — ему ничего не стоит понять и язык программирования».

Выпросив у завхоза старенький кинопроектор и раздобыв где-то рулон засвеченной кинопленки, Олег очистил от эмульсии кадры, соответствующие двоичным единицам, и оставил непрозрачными — соответствующие нулям.

Вечер за вечером три недели подряд он сидел перед суматошно мелькающим экраном, но ничего не выходило. Проверяя себя, Олег вооружался карандашом...

Первое время еще приходил Игнат, интересовался... Даже сам несколько раз усаживался перед экраном, а потом проверял себя с карандашом и бумагой. А потом и ему надоело. Вскоре Олег и сам забросил опыты.

Каким-то образом сотрудники института узнали о его экспериментах. Олег то и дело натыкался в коридорах и лабораториях на странные мигающие предметы. И каждый раз, видя его недоумение, шутники хохотали от души. Недели через две кончились и розыгрыши.

День тянулся за днем, месяц за месяцем, а самостоятельной работы не предвиделось. С утра до вечера одно и то же: регистраторы, осциллографы, усилители, кролики, соба-

ки, крысы... Первое время Брызгалов еще как-то выжидательно посматривал на Олега и несколько раз пытался затеять разговор об исследованиях мозга. Но Олег только хмуро отмалчивался или уходил, ссылаясь на занятость.

Вчера, стесняясь Игната, он обратился прямо к завотделом с просьбой дать ему самостоятельное задание. Тот неопределенно улыбнулся, тут же сформулировал проблему и пожелал скорейшего успеха, причем добавил что-то неразборчивое по-латыни. Как выяснил из словаря Олег, это значило — «пойти туда — не знаю куда, найти то — не знаю что». Короче говоря, ему доверили решить задачу, над которой уж какой год бился весь институт.

Утром, огорченный столь несерьезным отношением к его способностям, он неспешно брел по тротуару, уныло поглядывая по сторонам. Ярко светило весеннее солнце, подстывший за ночь воздух приятно холодил. Уже на середине пути Олег заметил, что три деревянных домика обнесли зеленым забором, за которым слышалось деловитое урчание бульдозеров. Поговаривали, что на этом месте будет большой сквер, может быть, даже и с фонтаном.

Олег ступил на протянувшийся вдоль забора временный дощатый тротуар. Солнечные лучи, высверкивая сквозь щели, тугой резиной больно ударяли глаза. Недовольно сощурившись, Олег хотел было перейти на другую сторону улицы, но тут... какая-то жесткая, плотная и ослепительная волна неожиданно захлестнула его с головой... Он зажмурился. А когда осторожно приподнял веки, ясный день померк, словно придавленный невесть откуда-то взявшимися тучами. В полусумраке осторожно брели прохожие, навстречу неторопливо катил грузовик. Медленно, постепенно чернота отступала.

Когда человек приходит в себя после сильных потрясений, он первым делом интересуется: что же произошло? С Олегом все было по-другому. Очнувшись, он даже и не подумал, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Ему так явственно представилось, как надо подступиться к порученной институту проблеме, что захотелось немедленно очутиться в лаборатории, и он даже нисколько не удивился, когда вслед за этим желанием почувствовал под собой стул и увидел знакомую обстановку лаборатории. На столе, как обычно, лежали стопка бумаги, шариковая ручка и справочники. Он работал спокойно и ровно, не прилагая, казалось, никаких усилий для того, чтобы связать физические величины или вывести сложную формулу. Вскоре он понял, что большинство физических и математических законов можно вывести путем несложных рассуждений.

Несколько раз в лабораторию заходили какие-то люди, но он не узнавал их, что-то скороговоркой бормотал в ответ на вопросы и вновь погружался в пучину расчетов.

Дописывая последние фразы, он почувствовал себя как бегун на финише, откинулся на спинку стула и — провалился в забытьи.

Очнувшись, Олег с минуту сидел неподвижно. Как в тумане предстало перед ним и раннее утро, и сверкающие вспышки солнца сквозь щели в заборе, и чудесное перемещение в лабораторию... Он посмотрел на стол, на толстенную стопку исписанной бумаги, немного подумал и стал читать. Невероятно! Казалось, что многое из написанного он видит в первый раз, а большинство формул не знал до сегодняшнего утра...

Олег отодвинул от себя бумаги и посмотрел на часы. Четверть одиннадцатого? Значит, он просидел за столом сутки. Может, и больше. Никто и не удивится — первым, мол, приходит, последним уходит.

За спиной скрипнула дверь. Олег оглянулся. В лабораторию входил Игнат.

— Бог ты мой, на что ты похож! — вместо приветствия воскликнул он. — Ты, часом, не заболел?

— Да нет, со мной все в порядке, — слабо промолвил Олег. И шепотом добавил: — Знаешь, я все сделал...

— Что сделал? — удивился Игнат. — Я что-то не понимаю.

Вместо ответа Олег придвинул ему стопку бумаги и молча отошел в сторону.

Игнат уселся на стул и начал листать страницы. Дойдя до середины, он повернулся, и его вытаращенные глаза в упор уставились на Олега.

— Это же... — тоже шепотом произнес он. — Это же решение проблемы, над которой работает, по крайней мере, половина лабораторий нашего института! Да этого просто не может быть!

— Сам знаю, что не может быть, — Олег махнул рукой, — но тем не менее...

Он перешел на другую сторону стола и сел напротив Игната. Двумя руками он крепко потер начавшие болеть виски.

— Еще вчера утром я и понятия не имел ни о чем. Совершенно случайно проходил вдоль забора...

Глядя Игнату прямо в глаза, Олег выложил все, что с ним случилось.

Игнат хотел было что-то возразить, но посмотрел на письменный стол и осекся. Снова придвинул к себе пачку листов и стал внимательно их просматривать.

— Вот что, — решительно сказал он, аккуратно складывая бумагу. — Сейчас ты поезжай домой, а завтра... Трудно, конечно, поверить в этот твой забор, но аргумент, — он взвесил исписанные Олегом листы, — уж больно убедительный... Если принять твою давнюю гипотезу, то комбинация щелей и стала как раз тем волшебным средством, программирующим мозг, которое мы искали. Так, значит, завтра с утра я приезжаю к тебе. Постарайся поточнее припомнить время, когда ты вышел из дома, чтобы нам, не дай бог, не опоздать. Попробуем записать комбинацию щелей и воспроизвести их в лаборатории на твоем аппарате...

Утром они встретились и сразу поспорили с Игнатом о том, как поточнее записать «пароль зеленого забора» — чем мерить расстояние между щелями, какой принять скорость перемещения вдоль забора, брать ли во внимание ширину щели или пренебречь этой величиной... Покопавшись в кладовке, Олег достал складной плотничий метр, Игнат выудил из портфеля толстенную записную книжку, и, возбужденно переговариваясь, они вышли из дома.

Увы! Небо было затянуто серыми, готовыми разразиться моросящим дождем тучами. Жиденькие клочья тумана плыли над землей. Зеленый забор был мокрым и неприглядным. То медленно, то быстро они ходили по дорожке, но все напрасно. Долго замеряли размеры, подсчитывали количество щелей, записывали особенности каждой дощечки. Потом побежали в лабораторию.

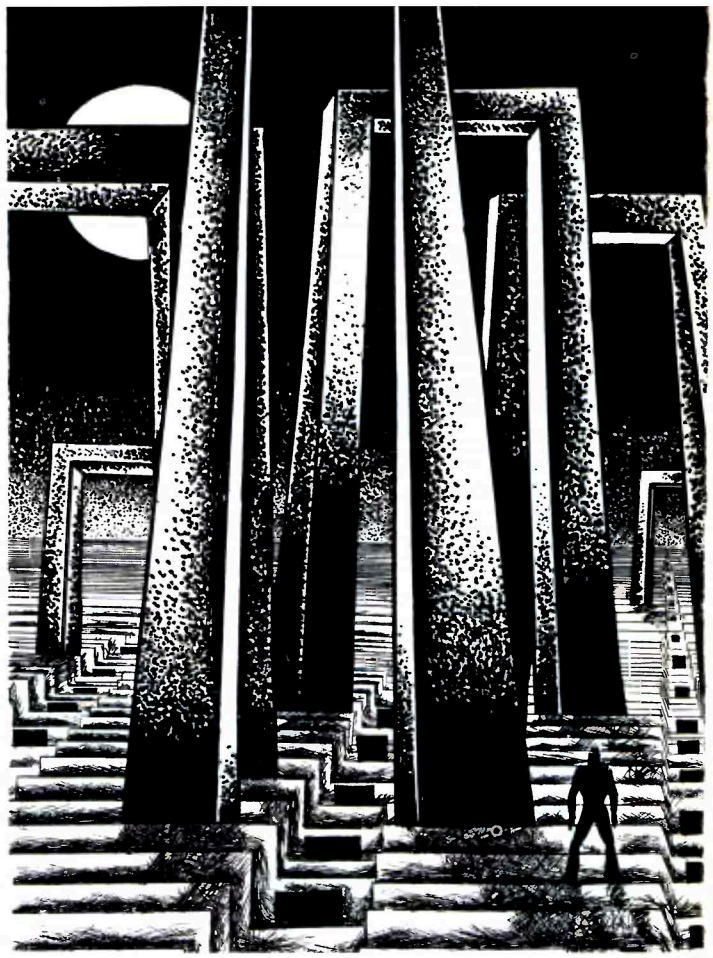
Ни-че-го! Когда же через несколько дней выглянуло солнце, забор уже снесли...

Возможно, Олег так и сидел бы украдкой по вечерам в тесной комнате рядом с дешевеньким кинопроектором, если бы не своевременный приказ директора института: перевести О. К. Дубасова на должность старшего научного сотрудника и поручить ему исследование на тему... «Пароль зеленого забора».

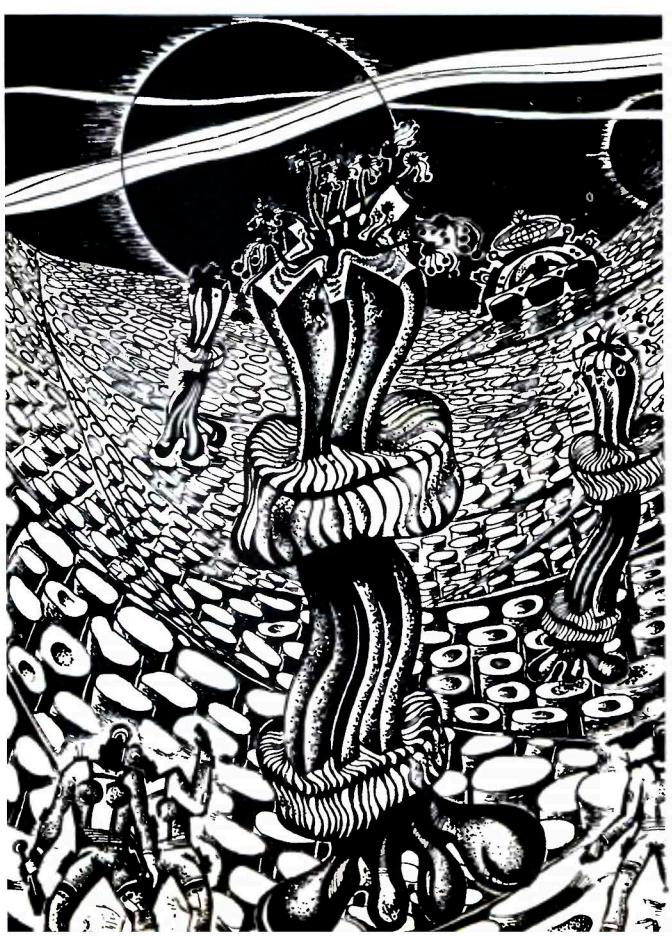
Конкурс „Мир 2000 года“

ПРОГРАМ-МИРУЕМОЕ ГРЯДУЩЕЕ

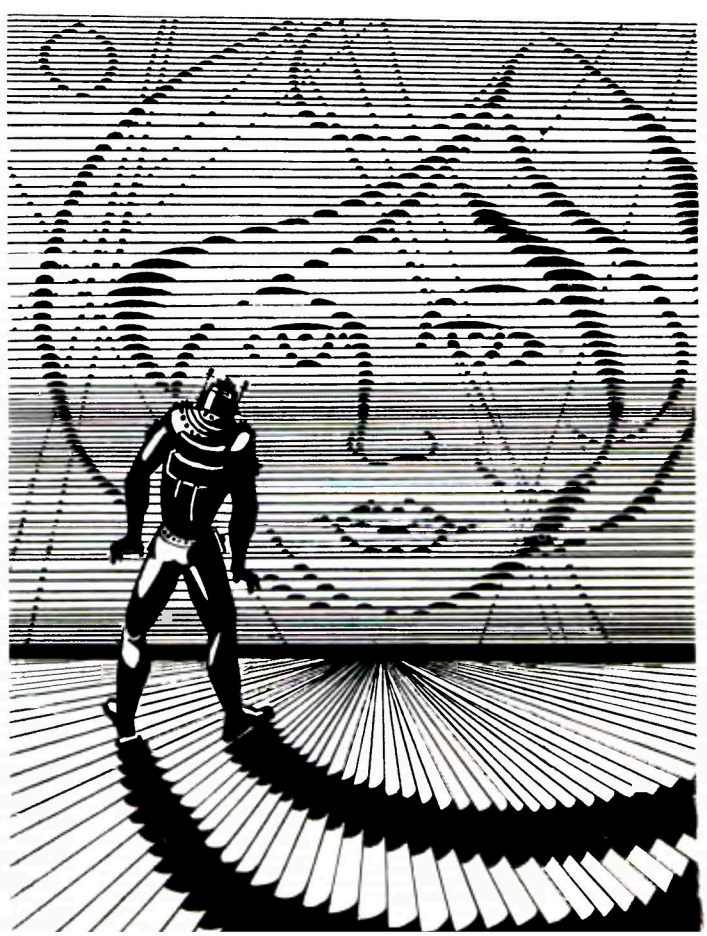
Художник Петр Кливак



Звездные пирамиды



Растения — странники



Встреча

Петр Кливак «Схватка»

Е.Козлов «Космический маяк»

Рис. Юрия Макарова

ПИРАТ

Научно-фантастический рассказ

ИГОРЬ РОСОХОВАТСКИЙ, г. Киев

Пират долго сидел у магазина и ждал. Люди входили и выходили, дверь визжала и скрипела, а Маленького Хозяина все не было. У Пирата мерзли лапы, и он поочередно прижимал их к животу. Чем больше проходило времени, тем быстрее ему приходилось перебирать лапами. Псом овладело отчаяние, он начинал тихонько скулить.

Вот в проеме раскрытой двери показалось знакомое лицо. Пес радостно вскочил. Но тут же понял, что глаза его подвели: это был мальчик, похожий на Маленького Хозяина, но это был другой мальчик. Он пахнул мятными леденцами и чужой квартирой.

Иногда люди останавливались около Пирата.

— Бедная собачка, смотри, как замерзла, — говорила одна женщина другой.

Они не произносили его имени, но Пират знал, что говорят о нем. Он чувствовал по интонации, что его жалеют, и от этого становилось еще тоскливее.

Что-то подсказывало ему, что он больше не увидит ни Хозяйку, ни Маленького Хозяина. Они исчезли бесследно, и псу никак не удавалось отыскать их следы. Недаром все последнее время он предчувствовал неладное. Слишком вкусно его кормили, ласкали больше обычного. Это не могло быть просто так.

Вчера Пирата привели к Постороннему, который иногда бывал в гостях у Хозяев и на которого не разрешалось лаять. Он жил на другом конце города. Здесь Хозяева оставили Пирата, а сами ушли. Но перед тем как уйти, они ласкали Пирата, а Маленький Хозяин демонстрировал, как он научил пса считать. Он спрашивал:

— Сколько будет два плюс три?

Пират знал: если, обращаясь к нему, говорят «два» и «три», нужно определенное число раз пролаять, и тогда получишь подарок. А если говорят «один» и «два», то лаять нужно меньше. Всем правилам этой игры его научил Маленький Хозяин, которого Пират очень любил. Он запоминал его слова не ради подарка — кусочка сахара или колбасы, а ради того, чтобы сделать ему приятное. Он ухитрялся запоминать ради Маленького Хозяина даже цифры. Иногда они казались ему похожими на предметы. Только одной цифры — единицы — он не хотел опознавать. Она напоминала ему палку — и он лаял на нее много раз. Но еще больше он не любил цифру «ноль», потому что при виде ее нужно было затаиться и молчать, а это казалось ему тревожным и страшным.

Конечно, Пират не мог знать, что его Хозяева переехали в другой город, а его не могли взять с собой и отдали своему знакомому. Но и не зная всего этого, он чувствовал, что случилась беда.

Сегодня утром, когда Посторонний уходил из дома и на какой-то миг оставил дверь открытой, Пират прошмыгнул в щель и был таков.

Однако оказалось, что уйти из чужой квартиры — это только полдела. Пират бегал по улицам и никак не мог найти знакомый запах.

Неожиданно ему показалось, что он видит Маленького Хозяина. Со всех ног, радостно лая, он бросился за ним через улицу, рискуя попасть под машину. Но пока он бежал, Маленький Хозяин, или тот, кто был похож на него, вошел в магазин.

И вот Пират сидит и ждет, а что-то тоскливое и отчаянное заставляет его повизгивать и скулить.

Пес просидел до закрытия магазина. Чужие люди бросали ему кусочки хлеба и колбасы. Холод притупил его тоску.

Он уже собрался уйти от магазина и поискать по улицам и дворам теплого угла, когда человек в синем комбинезоне грубо схватил его за шиворот. Человек бросил Пирата в фургон, где уже бесновалось несколько бездомных псов.

Их привезли в большое здание. Повсюду чувствовался резкий неприятный запах. В коридорах быстро сновали люди в белых халатах, и все они казались Пирату неотделимыми от здания — так же как приборы, скамейки, дорожки. Они не имели своих запахов, и поэтому их трудно было различать.

Собак рассадили по вольерам. Кормили их не то чтобы очень сытно, но и настоящего голода они здесь не ощущали.

Пришел день, когда Пирата перевели в отдельную клетку. Сначала ему было очень страшно при виде нацеленных на него больших блестящих глаз приборов. Но затем он привык и к «глазам», и к ремням, опоясывающим его тело. Резкую боль он почувствовал лишь на короткий миг, когда ему вживляли электроды. Иногда во время опытов, когда электрические импульсы поступали с электродов в мозг, Пирату почему-то вспоминались цифры. Они мелькали в памяти, вращались, и пес не успевал их опознать и пролаять положенное число раз, как учил его Маленький Хозяин.

Вскоре Пират изучил людей, которые работали с ним, различал их лица, походку. Он знал, что у маленькой женщины, похожей на цифру «шесть», можно выпросить прибавку к обеду, если лежать неподвижно, опустив голову на лапы. А расположение сухопарого быстрого человека в очках можно завоевать, проявив бурную радость при его появлении. Но однажды, несмотря на прыжки и радостный визг Пирата, сухопарый остался грустным. Пират заглянул в его лицо и узнал, что у знакомца что-то случилось неприятное. Может быть, отняли любимую кость или поколотили ни за что. И Пирату тоже стало тоскливо. Он опустил голову и заскулил. И от этого собачьего сочувствия слабая улыбка проклюнулась на лице человека, и он вздохнул:

— Вот так-то, брат. Ничего, переживем...

В лаборатории особенно нужно было угождать толстому сердитому человеку, которого звали Евгением Ивановичем. Он казался Пирату всемогущим и всевидящим. Он знал все наперед и не выносил притворства.

Евгений Иванович не часто присутствовал на опытах. Математик, инженер и биолог, он занимался вопросами бионики. В лабораторию заглядывал только затем, чтобы проверить, как выполняются его распоряжения. Иногда самолично подключал Пирата к приборам, крутил верньеры и ругал нерадивых сотрудников и лаборантов.

Во время одного из сложнейших опытов, споря с кем-то, он воткнул вилку не в ту розетку. Пирата, который весь был опутан проводами, что-то сильно ударило в голову. Перед глазами замелькали искры, огненные нули, и он погрузился в глухую тьму.

...Очнулся Пират в другой комнате. Он плохо помнил, что с ним произошло. С трудом попытался встать на лапы, но они дрожали и разъезжались в стороны, как у щенка. Голова клонилась к полу под собственной тяжестью. Были и другие изменения, причем совершенно необычные.

Прошло несколько дней. Силы возвращались к Пирату.

И вот утром, когда клетку оставили на несколько минут открытой, перед Пиратом возникло навязчивое видение. Будто он удирает из клетки, а человек, открывший ее и согнувшийся в углу комнаты над прибором, не успевает его поймать. Пока он услышит шум, повернет голову, разогнется, Пират уже будет вне пределов его досягаемости. Пес знал, что дверь в коридор открыта, оттуда доносятся запахи земли и травы. Значит, открыта и наружная дверь.

Пират покрутил головой, сбрасывая широкий ошейник, к которому подходили провода. Почувствовал резкую боль во всем теле. Но это не остановило его. Пес пробежал по коридору, ударил грудью в приоткрытую дверь и оказался на улице...

Так Пират превратился в бродячего пса. Вскоре он нашел мусоросборник, который избрал своим домом, а прилегающий район стал его территорией. Очень скоро он стал ее расширять и в конце концов убедился, что может свободно путешествовать по городу, не боясь ни машин, ни чужих псов. Теперь Пират знал, что между автомобилями обязательно будет интервал, и можно перебегать улицу. Он не пугался гудков и умел рассчитать время, когда машина окажется в опасной близости.

Больше того, он точно определял, какая собака отважится напасть на него и в какой миг это произойдет. Как бы ни был ловок и хитер его противник, Пират неизменно встречал его в наилучшей позиции, удобной и для обороны и для нападения. Постепенно его власть признали почти все бездомные псы на территории нескольких кварталов, даже те, которые были намного больше и сильнее его.

Как-то Пират собирался перебежать улицу, но в последний момент услышал нарастающий шум автомобиля и остановился. Шум был не такой, как обычно. Опытный автомобилист определил бы, что машина идет на очень большой скорости.

Рядом с Пиратом раздались быстрые шаги. Женщина с маленьким ребенком на руках ступила на мостовую. С противоположной стороны улицы от остановки троллейбуса ее звал мужчина.

Зеленое платье мелькнуло перед глазами Пирата — и вдруг он увидел, что может произойти, что неминуемо произойдет, если женщина сделает еще хоть пару шагов. Повинуясь безотчетному порыву, пес прыгнул, ухватился за подол платья зубами и потянул женщину обратно, на тротуар.

Женщина закричала, ребенок заплакал. Какие-то люди бросились к Пирату.

Но тут из-за угла вылетела машина «скорой помощи» с включенной сиреной и вихрем пронеслась мимо них.

Только теперь Пират отпустил платье. Однако убегать было уже поздно.

Пес очутился в кольце разгневанных людей. Кто-то из них угрожающе поднял палку. Впрочем, нашлись и защитники.

Высокий мужчина в военной форме спросил у женщины:

— Это ваш пес?

Она отрицательно покачала головой, еще окончательно не придя в себя от испуга.

— Бешеный? — опасливо произнес человек с палкой.

Военный отмахнулся от него и снова обратился к женщине:

— Да ведь он спас вам жизнь...

Его лицо было удивленным и несколько растерянным. Он перевел взгляд на Пирата и добавил:

— Ни за что бы не поверил, если бы не видел собственными глазами.

Пират затравленно смотрел на людей, искал лазейку для бегства. Но толпа вокруг него настолько уплотнилась, что пробиться сквозь нее было невозможно. Пес поджал хвост и заскулил.

— Ну, ну, дружок, не бойся, — ласково сказал военный, похожий на цифру 7. — Никто тебя не тронет...

— Да это никак наш пес, институтский? — прозвучал изумленный голос.

Из толпы в круг вышел толстый важный человек и неторопливо стал объяснять собравшимся людям, что этот пес сбежал из его лаборатории.

Пират сразу узнал говорившего. Прежнее чувство — смесь страха и преклонения — проснулось в нем. И он не сопротивлялся, когда Евгений Иванович накинул на его шею услужливо поданную кем-то веревку и повел за собой.

Так Пират снова оказался в институте. Но его положение здесь резко изменилось.

Евгений Иванович тщательно обследовал пса и выявил, что его поведение не было случайностью. Оказалось, что Пират приобрел поразительную способность к счету. Возможно, причиной этому послужил удар током, когда Евгений Иванович неправильно подключил его к прибору. Слабые следы, образовавшиеся в мозгу во время занятий по счету с Маленьким Хозяином, постепенно усиливались в лаборатории во время опытов. Удар током расщепил эти связи, точно молния дерево. И теперь все, что Пират видел и ощущал, связывалось в его голове с различным рядом цифр. В конце этих рядов стоял результат, позволявший ему предугадать, или, как выражался Евгений Иванович, «вычислить», будущее.

«В этом нет ничего сверхъестественного, — говорил он на конференции. — Еще в начале цивилизации человек, наблюдая и подсчитывая волны, накатывающиеся на берег, учился предсказывать, когда придет следующая волна, какой высоты и силы она будет. А теперь всем нам известно, что будущее можно вычислить. Точность вычисления зависит от того, сколько деталей настоящего мы примем во внимание, учтем ли все основные тенденции развития и правильно ли произведем экстраполяцию. Если мы станем вычислять, например, что сделает в следующую минуту уважаемый председатель нашей секции (кивок в сторону председателя), и на основе знания его биографии, привычек и прочего (смешок в зале) решим, что он пожелает высказаться, а он вместо этого нальет себе воды из графина и выпьет, то не следует впадать в уныние и разуверяться в возможностях прогнозирования. Наша ошибка будет свидетельствовать не о слабости футурологии, а лишь о том, что мы недостаточно учли физиологические особенности организма нашего председателя в данную минуту. Будущее можно вычислять с абсолютной достоверностью, если обладать абсолютной информацией и уметь идеально вычислять. А мозг нашего Пирата получил способность к вычислениям в достаточно больших масштабах».

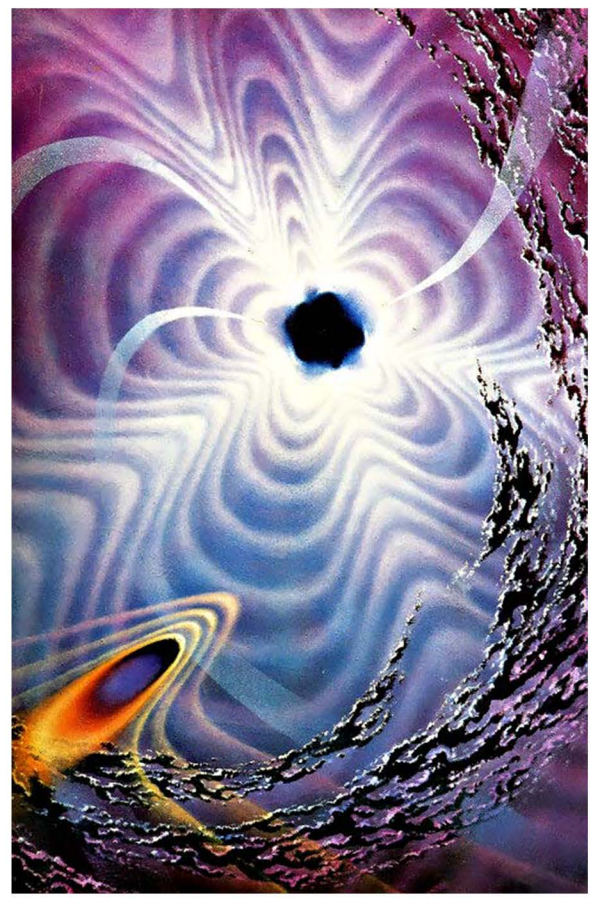
После симпозиума в институте к Пирату стали относиться с возрастающим почтением. Кормить себя Пират разрешал только одному любимому лаборанту. Правда, теперь уже не пес должен был изображать радость при виде лаборанта, а лаборант — при виде пса. Иначе вундерпес отворачивался от пищи, даже не понюхав ее и всем своим видом говоря: «Если я вам не мил, то и пища мне ваша не нужна».

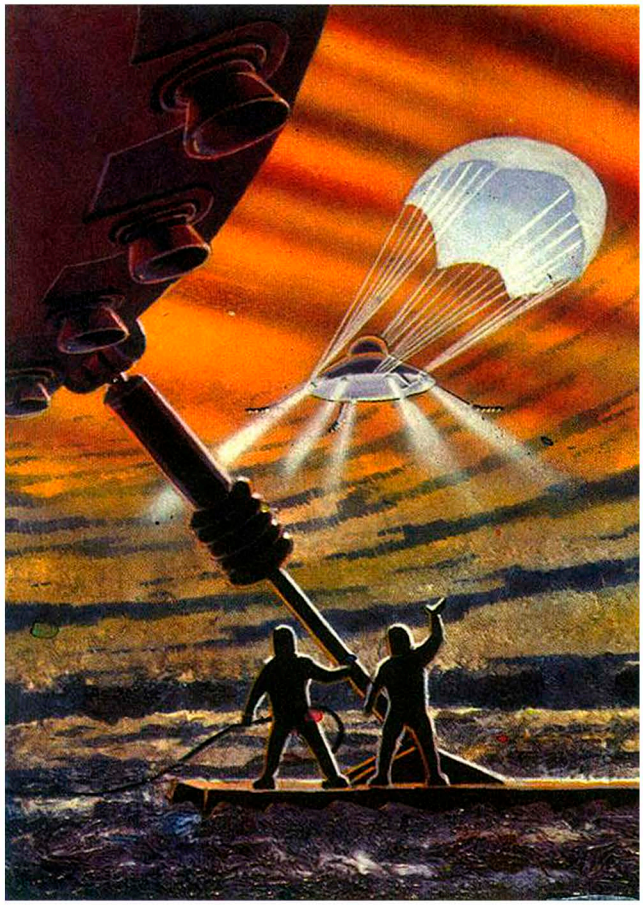
Евгений Иванович лично проверял, как кормят и купают Пирата. Он каждую неделю просматривал результаты медицинских обследований и очень волновался, если вдруг у пса повышалась РОЭ или падал гемоглобин. Причина такого внимания к Пирату заключалась в том, что Евгений Иванович уже несколько лет усиленно искал материал для диссертации. И вот будто сама судьба посылала ему удачу. Мог ли он упустить такой случай?

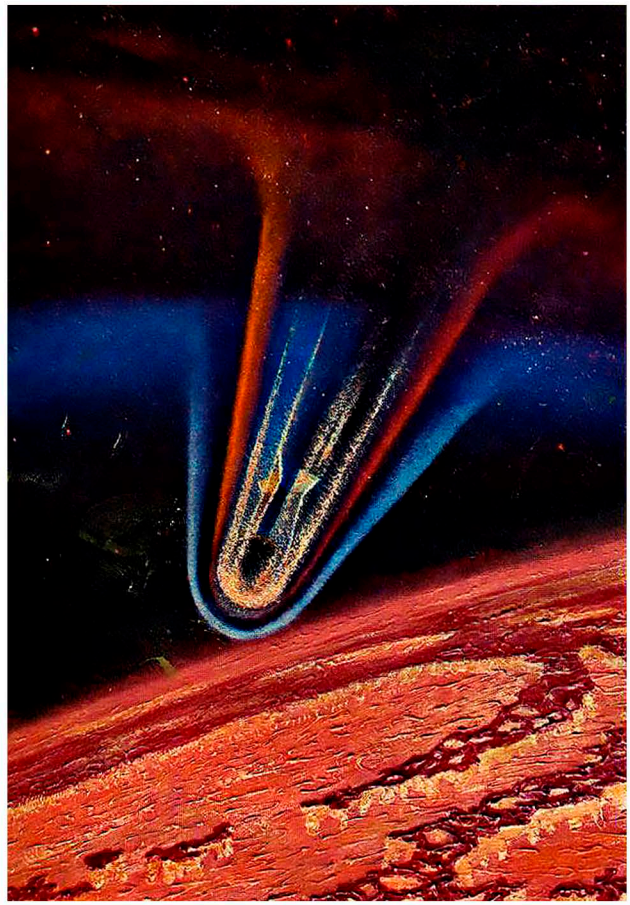
Само собой разумеется, что, завидев Евгения Ивановича, Пират уже не съеживался в ожидании взбучки. Вскоре он перестал вилять хвостом при появлении «шефа». А затем все чаще и чаще на его морде стало появляться одно и то же странное выражение. Глаза щурились, нос вздергивался, а нижняя челюсть чуть отвисала, и в приоткрытой пасти показывался кончик острого розового языка.

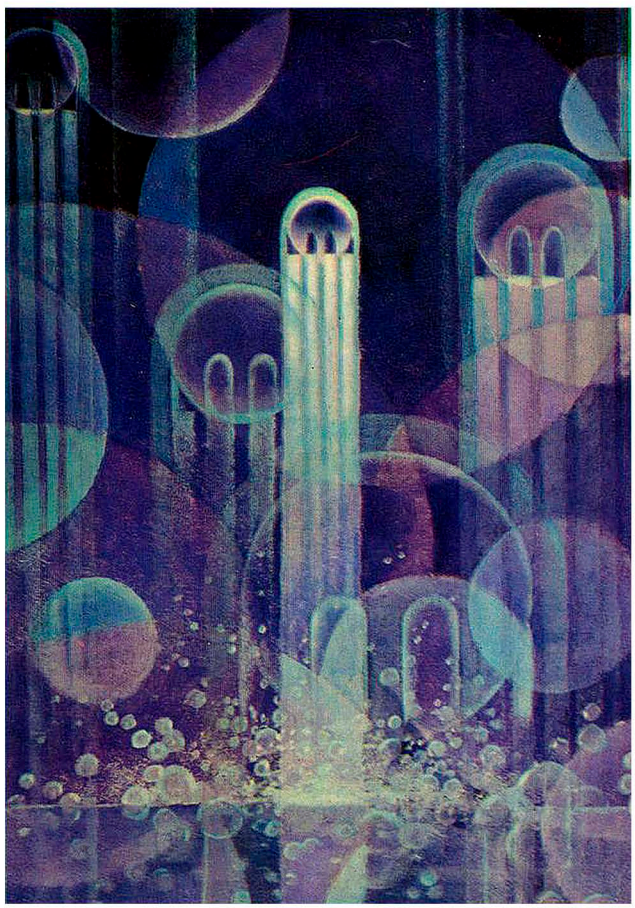
Это выражение весьма беспокоило Евгения Ивановича, который хотел бы знать о своем любимце все. Но никто: ни ветеринары, ни лучшие кинологи — не мог понять загадочного поведения собаки. Одни предполагали, что Пират «задумывался». Другие с тревогой говорили о перегрузках, которые испытывает при сложных вычислениях мозг.

И конечно, никто из них не подозревал, что это было всего-навсего выражение презрения, которое Пират теперь испытывал к Евгению Ивановичу. Еще бы, ведь тот считал гораздо хуже, чем он...









ВСТРЕЧА С ФОБОСОМ

(Научно-фантастический рассказ)

ЛЕВОН ХАЧАТУРЬЯНЦ, ЕВГЕНИЙ ХРУНОВ

Рис. Роберта Авотина

Экран тускло осветился. Где-то вдалеке, в глубине кадра мелькнуло незнакомое изображение. И скрылось. Ближе, ближе — теперь его уже можно рассмотреть. Холодный, с каким-то металлическим блеском Фобос...

Акопян заново переживал весь полет. Он чувствовал такую же непонятную, всевозрастающую растерянность, даже страх, как тогда, когда впервые увидел пещеру.

Еще у входа он заметил, что внутри загорелся неестественный голубоватый свет. Казалось, пещеру пересекают хрустальные светящиеся нити. Это было странно, поразительно, необъяснимо. Атмосферы на Фобосе нет. Откуда же могло взяться свечение? И почему оно появилось именно в тот момент, когда человек подошел к пещере? Да полно, пещера ли это? Сурен решительно шагнул вперед, в глубину.

Внезапно он заметил, что свет то усиливался, то ослабевал, как бы подчиняясь какому-то неведомому ритму. И без всяких причин ему вдруг стало страшно. Страх вихрем окутал мозг, обездвижил тело... Хрустальные нити тоже вроде бы замерли. А потом замигали с новой силой. Потрясенный Сурен закричал в шлемофон: «Они светятся! Смотрите, они светятся!»

Когда потом, на Земле, психологи анализировали его голос, приборы показали: еще минута-другая, и Сурен мог бы сорваться, сознание могло не выдержать нервного напряжения. Разумеется, тогда на «Вихре» этого не знали, и все же командир встревожился, услышав необычные нотки в голосе Сурена...

— Все хорошо, все нормально у тебя. — Под гермошлемом звучал несколько приглушенный, убедительно-спокойный голос командира. — Фиксируй. Ну-ка, включи все свои приборы. — И после небольшой паузы добавил: — Что-то не едет на борт информация с твоей системы.

Это было как раз то, что нужно. Спокойный, дружеский голос разрядил нелепое напряжение. Сурен вернулся к привычным профессиональным обязанностям.

Следующий его доклад на «Вихрь» был уже четким и ясным, как всегда.

— Я — «Гранит», нахожусь у входа в пещеру. Нет, точнее, в тоннель. Вход правильный, округлой формы. Уклон до 60 градусов. Справа и слева трубчатые перила. Гладкие, очевидно, реагируют на биоритмы организма. Пространство пещеры или тоннеля освещено. Никаких светильников не заметил. Свечение возникло при моем приближении к пещере и меняет интенсивность. Спускаюсь дальше вниз.

Он слушал свой голос и не понимал, как он, Акопян, может так спокойно докладывать. Ведь сразу понятно, что это искусственное сооружение.

Он опускался вниз до тех пор, пока не наткнулся на гладкую перегородку. Что было за нею, он так и не узнал — все попытки открыть этот таинственный люк были безрезультатны.

Уже на Земле понял, что никакая сила не смогла бы разрушить материал, рассчитанный на длительный звездный перелет, на встречи с метеоритами, с солнечной энергией. И там, на Фобосе, он зря тратил время и силы, чтобы вскрыть люк. Крышка и не должна была поддаться. Ее держали другие силы, повинующиеся другим законам. Каким? На это он ответить не мог.

* * *

Небольшой, тихий город в Подмосковье. Дом на берегу озера. Дымка, противоположный берег еле-еле виден. Островок. Прямо на берегу две молодые березки. Их Сурен посадил сам, когда в 1997 году возвратился из экспедиции на Марс. Специально, чтобы можно было их разглядеть из окна кабинета. Но сейчас Сурен ничего не видит. Его совсем не радует начинающийся день. Он думает о своем...

Тогда на корабль он вернулся самостоятельно и вел себя абсолютно нормально. Но уже на следующий день заметил странность — стоило ему задуматься, перестать следить за собой, как в сознании возникали какие-то расплывчатые образы. Непонятные люди, машины, чертежи, формулы заполняли мозг, требовали к себе внимания и тут же исчезали, заменяясь еще более непонятными. Он стал вести себя как лунатик, что-то бормотал про себя. Часто ходил по кораблю или совершал странные поступки, никак не связанные с окружающей обстановкой.

Прямо с корабля его направили в психофизиологический центр. Здесь обнаружилось, что он много говорит по ночам на каком-то непонятном языке и в то же время утром не может вспомнить, что ему снилось. Как-то его разговор записали на магнитофон и, когда он проснулся, предложили послушать. При первых же звуках его охватил ужас, пережитый в тоннеле, в глазах замигали светящиеся перила, и он потерял сознание. Больше таких экспериментов над ним не проводили.

Тем не менее все биологические и функциональные анализы были в норме, и даже сейчас они были такими же, как и тогда, на Фобосе...

Сурен вздрогнул. Большой черный кот с белой манишкой и лапами, с удивительно глупыми глазами, до этого спокойно сидевший на подлокотнике кресла и наблюдавший за бесцельной ходьбой хозяина, прямо с кресла прыгнул на него, как на дерево, и, выпуская когти, подтянулся вверх. Удобно устроившись на плече Акопяна, лизнул его ухо.

— Брось, Чингис, не до тебя. — Сурен снял кота и осторожно опустил его.

А что, если и впрямь повторить?! И дикая, шальная идея овладела его сознанием. А вдруг?!

Решившись, он позвонил Сергею.

— Послушай, — взволнованно начал Сурен, — надо в точности воспроизвести мое психическое состояние в тот момент.

Сергей уже привык к неожиданным идеям и столь же неожиданным звонкам своего друга. Он уже не удивлялся. И только переспросил на всякий случай.

— Гипнорепродукция? А что это даст?

— Ну как ты не поймешь? — возмутился Сурен. — Состояние будет вполне реальное, достоверное, а помехи, вызванные перелетом, пропадут. Нужно только еще раз ввести запись помех, но только с обратным знаком. Неужели не ясно? Разнонаправленные помехи взаимно уничтожают друг друга.

— Да, — улыбнулся Сергей. — Теперь все дело в том, чтобы изобрести твой помехоустраняющий генератор... Погоди немного, дай подумать.

Сергей руководил отделением психофизиологического центра, в котором исследовали Сурена. Ему первому Сурен сказал это неожиданное слово «контакт». И он первый поверил в него и продолжал верить до сих пор.

Вначале поверивших было больше. К Фобосу послали корабль, и ...экипаж не обнаружил входа в пещеру. Осторожно «поковыряли» скалу взрывами, и снова ничего не нашли. А так как приборы ничего не записали и приходилось полагаться только на рассказы Сурена, то исследование Фобоса отложили на будущее.

«Будем рассуждать логически, — думал Сергей. — Пусть это контакт. Почему же тогда такая неопределенность в поведении? Откуда эта неуправляемость, бессознательность процессов? Очевидно, Сурен мог только подсознательно ощутить этот контакт! Сознание еще не включилось в анализ воспринятой мозгом информации. Вот если бы можно было извлечь ее из подсознания и ввести в мозг уже на другом уровне — сознательном! В крайнем случае, можно попытаться расшифровать ее с помощью ЭВМ. Но все упирается в одно. Как извлечь? Сурен предлагает гипнорепродукцию. Вроде бы неплохо. Да только выдержит ли Сурен?» Этот метод применялся при анализе летных происшествий и катастроф, когда хотели восстановить истинные причины. Да еще лишь иногда историки получали таким образом информацию о прошедших событиях у очевидцев, сверяя свои каталоги с истинной памятью.

Но после того, как дважды была стерта память и сознание пациентов заменилось сознанием их предков, гипнорепродукцию категорически запретили.

— Ну что же, будем готовиться. Да, еще: придется получить разрешение у министра, все-таки метод рискованный. Его применяют в крайних случаях. Сам понимаешь.

— А это и есть крайний случай. Ведь речь не обо мне и не о космонавтах. Дело в прогрессе человечества.

Сергей в который раз подивился совпадению их мыслей. Ему тоже не раз приходило в голову, что за этим случаем с Суреном может стоять строгий расчет тех, кто побывал на Фобосе раньше нас. И чтобы понять этот расчет, чтобы вступить наконец в контакт с этим Разумом, потребуются, видимо, усилия всего человечества. Не меньше...

* * *

Все пятнадцать дней перед экспериментом Сергей и его сотрудники работали в авральном темпе. И дело было не в самом опыте: это не новинка!

Сотрудники рылись в архивах фонотек, отбирая все записи, относящиеся к Сурену. Сергей их классифицировал, его помощники закладывали этот материал в память ЭВМ, чтобы машина могла сравнить биотоки, полученные в эксперименте, выделить отдельные, обычными методами не замечаемые особенности в голосе Сурена, в его движениях. В машину вложили данные о его первом полете, когда молодой инженер только проходил летную практику, и показания приборов и датчиков, полученные у Сурена во время аварии при полете на Марс. Были сведения о тех этапах полета, когда он метался в приступе отчуждения, терзаемый думами, небритый, с грустными, полными мольбы глазами... Словом, машины были заполнены информацией, машины были готовы к анализу.

И все же Сергей пошел на проверку системы.

Записывая фон у находящегося в клинике Сурена, он запустил в ЭВМ алгоритмы анализа. Выданные машиной результаты поразили его. Никаких признаков страха, волнений. Нет информационных бурь. Сурена не одолевали мысли о прошлом. Он был в творческом экстазе. Он был в будущем. К сожалению, будущее еще не детализировалось.

Психологи уже составили формулу внушения. Наговорил ее на ленту Сергей. Он хотел вскрыть все варианты. Поэтому учитывались биотоки мозга разной функциональной значимости, разного уровня. Поэтому в машине использовано дублирование. А в углу сверкала рядами желтых слепящих огней новенькая биоаналоговая система. Как говорил Сергей, она могла заменить небольшой коллектив биологов, медиков, психологов, физиологов и математиков средней квалификации.

И вот началось. Сурен угадал напряженность момента. О ней говорило все: и мигание лампочек на панелях виброфона, и потрескивание анализаторов звука.

Наконец у Сурена закружилась голова, и он почувствовал, что не в силах больше следить ни за окружающей обстановкой, ни за удивительным миром Фобоса, извлеченным из его памяти. Почему-то этот мир был наполнен светом, звуками, какой-то мелодией. Кто знает, может быть, это была та самая мелодия, которая пришла ему в голову там, на Фобосе... И ее сохранял до сих пор его мозг в тайне.

Когда мелодия, казалось, совсем захватила его, резко хлопнула дверь. На пороге явилось удивительно странное, легкое существо в темном платье со светлым воротничком, с копной легких, воздушных волос, с глазами, похожими на синие проруби.

Девушка произнесла только три слова: «Как здорово! Наконец-то!»

Впрочем, наверное, она говорила что-то еще. Но Сурен больше ничего не помнит. Дальше — провал в памяти и темнота...

* * *

Когда Сурен немного окреп, в институте собралась целая комиссия. О результатах эксперимента докладывал Сергей в присутствии министра.

— Модель состояния, набранная из полученных в эксперименте данных, почти полностью совпала с реальным состоянием Акопяна во время посещения Фобоса. Но выглядела она четче и яснее. Отсутствовали накладки, связанные с длительным предшествующим экспедиции на Фобос перелетом... И вот Акопян на Фобосе.

Всплеск, — Сергей световым лучом остановил картину и показал на вздыбившийся участок энцелограммы, — перед вами уже обработанные дан-

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

ные. Время — первый шаг по поверхности Фобоса.

Конечно, — продолжал анализировать кривые Сергей, — здесь есть элементы страха, но посмотрите запись со 116 точек, видите — эмоции неопределенности сильнее. Действует какой-то раздражитель огромной информационной силы.

Сергей погасил луч. Картинка пошла дальше. Сбор проб грунта, фотографирование. Обычные, знакомые профессиональным психологам картины биотоков.

— А вот сейчас, — Сергей опять остановил кадр, который похож на какую-то старинную мозаичную фреску, и, обращаясь к Акопяну, пояснил: — Время этой картинки, полученной в эксперименте, точно соответствует времени, когда Сурен делал первые шаги к пещере на Фобосе.

Посмотрите на эту мозаику. — На экране мелькали кадры. Но Сергей опять остановил пленку. - Мы сравнивали со всеми имевшимися в архиве операционными кривыми Акопяна. Полного совпадения не нашли. Но вот нечто похожее выплыло из истории общения Сурена с морскими «приматами». Особенно с касаткой под № 21. Нам даже удалось восстановить ее облик. Судя по всему, 21-я передавала какую-то информацию через биотерминал, закрепленный на ее спине. Мозг Сурена эту информацию воспринял, но не осознал.

Взгляните на эти два участка, — Сергей включил увеличение, — и сравните с этими. Похоже?

Щелкнул еще один тумблер. Картина ожила. То в одном, то в другом месте флюоресцировали точки, овальные зоны. Речевой центр...

— Сравните наш опыт и эксперимент с обезьяной. В правом углу — увеличенная область слуховой зоны коры Вот команда поступает в зону слуха, возбуждает анализаторы. Команда принята, обезьяна взяла банан. Однако эксперимент идет дальше. Полная тишина. И вот внезапно, в какой-то момент, на голограмме появилась мозаика, характерная для активной работы слухового центра.

Да, да, — видя недоумение присутствующих, пояснил Сергей, — обезьяна получила команду, но только на подпороговом уровне, на уровне подсознания.

Если это так, Акопян встретился с кораблем инопланетян. Почему контакт был на уровне подсознания? На подсознании у нас, землян. А у них? Может, им достаточен такой уровень? Вопросов много

А вот запись кода. Мы еще не можем расшифровать его.

На экранах опять засветилась мозаика Только на сей раз она была голубоватой, как те хрустальные нити, что освещали пещеру на Фобосе. И к тому же сопровождалась мелодией. Эту мелодию Сурен уже где-то слышал.

Он потер лоб, вспоминая. Где? Когда? Ах, да, во время эксперимента. Нет, еще раньше, на Фобосе. Ну, конечно, она внушалась подсознательно, и он даже не понимал ничего. Чувствовал, что что-то происходит, и не понимал. Отсюда беспокойство, напряжение, стресс... Только человек способен сознательно отреагировать на бессознательные раздражители, уловить их воздействие, попытаться понять. Обезьяна реагировала на такое раздражение рефлекторно. Сознание ее никак не затрагивалось. Значит, это было сделано специально... Но все же что означает мозаика? К чему это беспорядочное мигание? И неожиданно Сурен понял, что он может объяснить, что должен сказать людям.

— Я знаю, — он сам удивился твердости и уверенности своего голоса, — эта информация, которая передается на биологических волнах. Мы не знаем еще эти волны, не открыли. Но они существуют. Их частота и длина, вероятно, как-то связаны с алгоритмами живого организма. Они, эти волны, подчиняются алгоритмам биотоков, пси-поля... Наверняка существует особый закон, регулирующий их изменение.

— Но ведь мозг очень чувствительный прибор, — возразил Сергей. — Почему же мы никак не можем разобраться в этих волнах, даже определить, есть ли они? Вот уже полстолетия ученые ищут их и никак не найдут.

— Очевидно, все дело в пороге восприятия. — Сурен на минуту замолчал, словно ожидая подсказки со стороны. — Да, да... Нам мешают страх, недоверие, разобщенность. Тайны космоса откроются нам всем вместе и только тогда, когда мы изменим атмосферу.

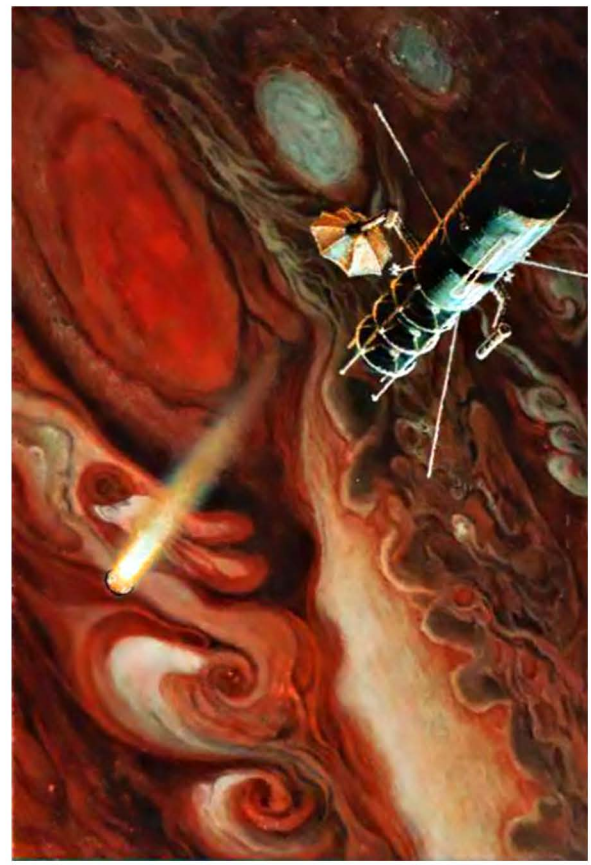
— Что же, звучит убедительно... Ну а мозаика?

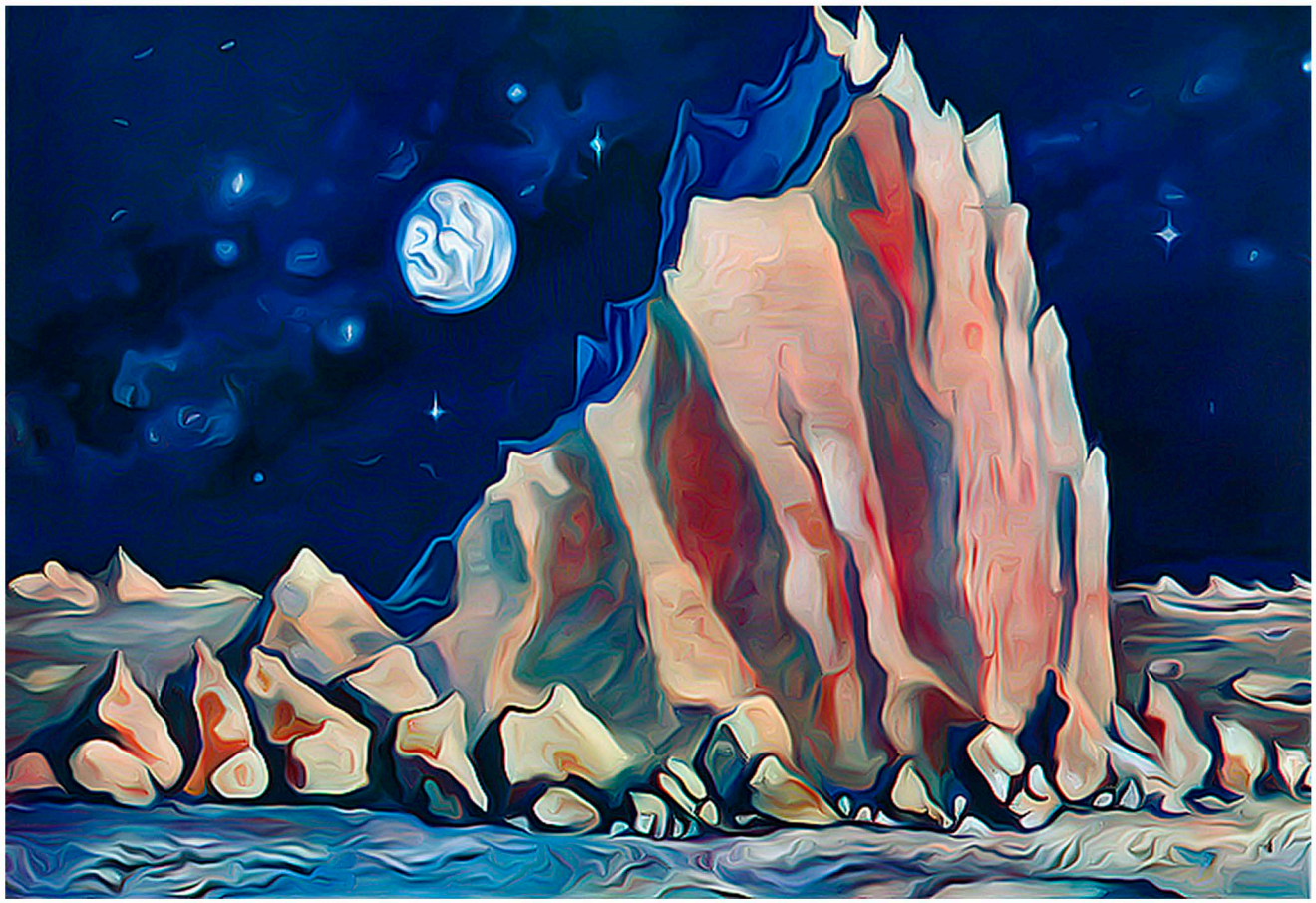
— Очень просто. Двоичная система. Черные точки — нули, светящиеся — единицы... Можно записать эту информацию в двоичной системе.. А можно... — Сурен задумался. — Можно развернуть ее в телепередачу...

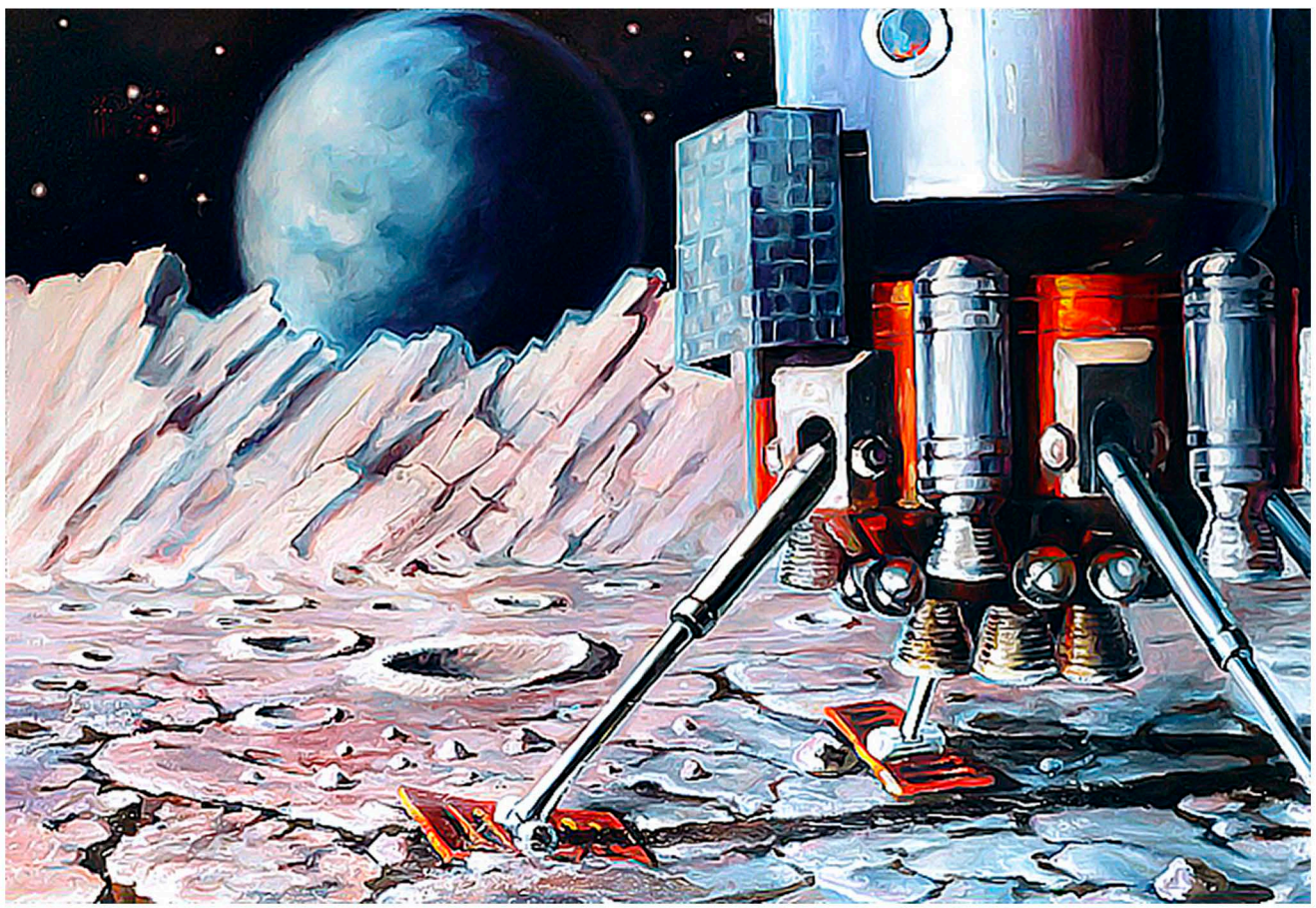
* * *

...Первый же кадр расшифрованной передачи облетел весь мир. Прекрасная девушка обращалась к землянам, протягивая руку и что-то говоря на непонятном языке. Ее тело было отточено до совершенства. А глаза светились теплом и добротой к неизвестным братьям...

К сожалению, язык девушки так и не сумели понять. Очевидно, Сурен прав. Звуковая информация записана в биоволнах. И понять ее сможет только Человечество, объединенное общим стремлением к познанию.







«Судя по всему, 21-я передавала какую-то информацию через биотерминал, закрепленный на ее спине...»

(Из рассказа «Встреча с Фобосом»)

ТЕХНИКА-МОЛОДЕЖИ 4 1979

ДАВНЫМ-ДАВНО

(Научно-фантастический рассказ)

АНДРЕЙ МИХАЛОВСКИЙ, г. Москва

— Ильма Кир, готов?

— Готов, — отозвался историк. — Уже целых пятнадцать минут.

— Не язви! — возмутился Стью Холл, дежурный. — Напоминаю второй и третий параграфы инструкции «К исследованиям во времени».

Ильма усмехнулся, он смог бы, наверное, пересказать инструкцию по памяти даже задом наперед.

— Параграф второй. Ни при каких обстоятельствах не открывать своей личности обитателям временного отрезка, являющегося объектом исследования.

Параграф третий. Ни при каких обстоятельствах не снимать с головы обруча с энергетической спиралью. При малейшей неисправности немедленно возвращаться в нулевое время. Примечание: при утере контакта с энергетической спиралью возможна полная или частичная амнезия. Чаще всего забывается будущее — по отношению ко времени, в котором находится человек. Ильма Кир, ты готов?

— Готов.

Легкий щелчок и секундное жужжание аппарата.

Струйки серой мглы скользнули по извилинам мозга. «Время», — успел подумать историк, и чувства канули в темный колодец.

Бездна мрака и гулкий хаос во мраке. Поблескивающие слюдяные мушки вьются вокруг, кружатся в танце. На губах горький привкус пыли. Мрак колышется, свивается в жгуты, отползает; на зыбких границах белесого света вздрагивают угрожающие иглы голубых огней. Ослепительная вспышка. С окаменелых век срывается завеса.

— Контакт!

Ильма ощутил резкий запах снега и с усилием открыл глаза.

Вокруг вздымается к звездному небу черный ночной лес; тьма в упор смотрит на человека.

— Не двигайся! — ясно услышал он предостерегающий голос Стью. — Сейчас выровняю статус.

Ильма поднял руку и увидел на ладони меняющиеся красноватые блики. Голова светилась, как ночник у кровати.

— Скорее! — раздраженно прошипел он, услышав отдаленный хруст ветки. — Сюда идут.

— Все в порядке. Желаю удачи.

Ильма зябко, со свистом втянул в себя воздух и встряхнулся; о кольчугу звякнул наплечный плат.

Ночь. Три часа ноль-ноль минут. Пятое апреля тысяча двести сорок второго года. Окрестности восточного побережья Чудского озера.

Историк рассчитывал захватить и вчерашний день; в планы его входило проследить ход событий с самого начала: глубокая разведка отрядов Домаша и Кербета, столкновение их с передовыми силами Ливонского ордена, смерть Домаша, отход русского войска на боевые позиции — восточный берег узмени Чудского озера...

Но ему отказали: немного отличались от нормы показатели его психодинамического баланса. Этого оказалось достаточно, чтобы ограничить срок его пребывания во времени. Историк подумал, что в конце концов он сможет провести добавочную экспедицию, и покорился.

Сейчас, стоя в темноте, он еще раз проверил снаряжение: поправил на голове помятый остроконечный шлем, оглядел старую иссеченную кольчугу, вытащил и засунул обратно в ножны длинный меч с простой крепкой рукоятью; щитом он не пользовался, щит только мешал ему, как, впрочем, многим опытным бойцам древности, в руках которых меч становился и лучшим из щитов.

Ильма Кир придал лицу угрюмое и усталое выражение и, не прячась, пошел в ту сторону, где слышал звук сломавшейся ветки. Черные безлистые скелеты деревьев торчали из белеющего рыхлого снега, и среди них порой гулко разносилось карканье одинокого бессонного ворона. Ды-

хание еле заметным вьющимся облачком вырывалось изо рта.

Впереди внезапно раздалось удивленное «эй!», и молодой голос громко окликнул:

— Кто? Остановися!

Ильма замер и вытянул шею, оглядывая лес. Меж стволов мелькнул колеблющийся свет.

— Я! — крикнул он охрипшим от быстрой смены температур голосом. — Хто тамо?

Из тьмы появились две настороженные фигуры, одна из них поднимала над головой пылающий факел.

Перед Ильма стояли русские воины, снаряженные так же, как он сам, с той разницей, что доспехи младшего из них, юноши лет восемнадцати, выглядели новее, были лучше и дороже. Его спутник, огромный бородач с факелом в руке, остановился немного позади.

Юноша, не снимая ладони с рукояти меча, надменно оглядел историка с головы до ног.

— Што зде дееши? Кой еси? — властно и резко спросил он. Ильма удовлетворенно хмыкнул про себя: контакт состоялся.

— Савва есмь воин, с Копорья, — свободно ответил он. — К князю иду, ко Ярославичу, на сечу. А ты кто есь?

Ноздри юноши гневно вздрогнули.

— Дерзко речешь! — сказал он, угрожающее приблизив лицо. — На сечу, глаголеши? Еда ведаю про то, может, лазутник и послух Бирьеров?

«Сын какого-нибудь воеводы, — мелькнуло в голове у историка. — Нужно оскорбиться».

Лицо Ильма исказилось, он отступил на шаг и потянулся к ножнам.

— Лазутник! — крикнул он. — Ой, зрю я, высок ты под князем, голощекий, счастье тобе!

Юноша побелел от ярости и, шагнув вперед, выхватил свистнувший меч.

«Вот повезло, — с раздражением подумал Ильма. — Как бы не пришлось возвращаться».

Историк пригнулся и вытащил свой меч.

Бородатый великан, до того момента спокойно наблюдавший сцену, неподвижно стоя с факелом в стороне, внезапно ожил.

— Не по нраву то придет князю, — не меняя позы, проронил он. И от одних этих слов утих гнев юноши.

Он эло сверкнул в полутьме глазами и обернулся.

— Зри, Кербет, — сказал он. — Негодный сей брань мене речет дерзку!

«Кербет!» — с удовольствием отметил историк и еще раз оглядел воеводу, решив позднее, когда встанет солнце, рассмотреть его получше.

— Негоже, братия, биться соплеменникам, егда вороги домы наша топчут. Супротив супостата мечи подымайте, — проговорил тот, нахмурившись. — Идем, княже, пора.

Историку захотелось сесть на снег и расхохотаться.

Князь! Князь Андрей, брат самого Невского... Можно было раньше догадаться; хотя кто бы мог подумать — бродящий по ночному лесу, с одним только спутником...

Так или иначе, сказал себе Ильма, в первом контакте ты наткнулся на двух высших военачальников — редкая удача.

— Прощай мене, княже, — наконец неловко пробормотал он. — Коли б ведал я...

Андрей, не поворачиваясь к нему, кивнул головой.

Гуськом все трое вышли к озеру и пошли по берегу узмени на запад, впереди молодой князь, немного позади и правее — Кербет, за ними обоими шел историк, оглядываясь по сторонам.

Они вышли на берег, и взгляду Ильма открылось бескрайнее темное ледяное пространство, сливавшееся вдалеке с чуть более светлым небом. В лицо ему ударил порыв пронзительного холодного ветра.

Князь и Кербет стояли на берегу.

В уже светлеющей ночи, сквозь голые ветви деревьев, сияло пламя бесчисленных костров в лесу. Лагерь был полон сидящих, бродящих, переговаривающихся людей. Можно было поразиться многообразию их одеяний и оружия: от кольчуг и панцирей до армяков; от шлемов с платами — до простых шапок; от мечей и копий — до дубин и рогатин.

Многие сошлись в этом месте на сечу с супостатом под знамена князя, имя которого гремело по всей Руси, — тут были из Новгорода и из Переяславля, из Пскова и Суздаля.

Они пришли, чтобы защищать не княжескую власть и не лавки городских купцов, вся Русь лежала за их широкими плечами — будто протяжная и печальная песня, словно святой в нищенском рубище, почерневшая от дыма пожаров, кровью щедро политая...

Князь Андрей и Кербет отправились искать Невского, историк попытался увязаться за ними, но воевода только нахмурился и сказал: «Пошто?»

Ильма решил, что увидит князя позже, и, побродив по лагерю, подсел к одному из костров. В его медовых отблесках полулежали два бойца в иссеченных кольчугах и неторопливо поучали новичков хитростям боя против немцев

Один из двоих взглянул на историка и спросил:

— Отколе есь?

— Савва я, с Копорья, — ответил тот.

— С Копорья, — оживился второй. — И я! Митрий мене кличут!

Ильма сделал вид, будто обрадовался земляку, особой радости, однако, не испытывая. Они сели рядом.

— Зрю я, — сказал Митрий, — был ты уж в сечах.

Историк был доволен, что речь зашла не о Копорье, хоть и знал этот городок досконально.

— Бывал, — спокойно отозвался

Рис. Юрия Макарова

Ильма, подтягивая ножны меча, чтобы не мешали сидеть. — На Неве бился со Ярославичем. — И это была правда.

— Жена у тебя али еще хто?

— Один.

По лесу разнесся клич — выходить на лед. Историку показалось, что он узнал голос Кербета.

С возбужденным гомоном воины стали вставать от костров, осматривать оружие и потуже перевязывать лапти; многие шли со щитами.

Берег узмени, пустынный до того, вдруг наполнился русскими воинами. Они шли и шли, выходили на берег и спускались на лед.

«...На Чудьском озере, на узмени, у Воронея камени...»

Легендарный Вороний камень. Но это было вчера, четвертого апреля. К ночи полки перешли южнее, и теперь скалу даже не было видно, ее заслонял собой лесистый выступ полуострова; у оконечности последнего и строились сейчас воины.

Одним из последних выходя из леса, историк увидел наконец и самого князя Александра.

Невский неподвижно, как изваяние, сидел на белом коне на пригорке, взгляд его был устремлен на далекий ледовый горизонт. Ильма подумал, что Александр мало изменился со времени битвы на Неве.

Князь был высокий, мощного телосложения молодой мужчина, на вид лет тридцати, на самом же деле в то утро пятого апреля было ему всего двадцать два года.

Из-за деревьев рванулись первые лучи восходящего солнца. Митрий улыбнулся.

— Ну, светило, здравствуй! — сказал он. — Теперь и помереть можно. Но, бог даст, живы выйдем.

Раздались крики. Земляки обернулись. Со стороны Суболичского берега, крича что-то, во весь опор мчался всадник.

Через секунды он приблизился, пролетел сквозь расступившиеся полки и, подскакав к береговой линии, попытался резко осадить лошадь, но она поскользнулась и грохнулась об лед. Всадник успел отскочить в сторону; прихрамывая, он подбежал к пригорку и торопливо поклонился князю, не снимая шлема.

— Што? — крикнул Невский, перегнувшись к нему в седле.

— Немцы на лед спускаша! — громко ответил гонец.

Известие быстро облетело полки, гомон притих.

Александр, не оборачиваясь, сделал короткий знак рукой, подзывая Кербета, и что-то тихо сказал ему.

Воевода слегка наклонил голову, повернулся и издал громкий клич: из леса немедленно выскочило несколько всадников, он помчался с ними на лед к войскам.

За десять-пятнадцать минут Кербет выровнял войска в огромную многорядную дугу недалеко от берега. Историк и Митрий оказались в самом центре ее, заполненной суздальцами.

Воцарилась тишина.

Ильма услышал стук копыт, обернулся и успел заметить, как Невский и князь Андрей, разделившись, поскакали в разные стороны и исчезли в лесу. «Засадные конные дружины», — с удовлетворением отметил историк и, оглядевшись, увидел на левом фланге Кербета на гнедой лошади.

В полном молчании застыли полки. Лица людей казались одинаковыми, все они были суровы и угрюмы, готовые принять смерть; все знали, что она не заставит себя долго ждать, еще невидимая, она уже мчалась навстречу. Историк внимательно вглядывался в приближающихся рыцарей.

Рыцари надвигались, как всегда, гигантским ровным тупым клином — впереди пятеро, за ними семеро, девятеро...

Молодой воин, стоявший рядом с Митрием, не в силах сдержать смятения, попятился, не сводя расширенных глаз со стремительно надвигающегося ливонского войска. «Ну! — ухватил его Митрий. — Не бойсь!»

Рыцари приближались с каждой секундой, уже видны были их рогатые шлемы и вьющиеся белые плащи. Они мчались, подняв длинные копья, но осталось не более пятисот метров, и одним движением, сверкнув, опустились острия, нацелились вперед.

— Эй... братия! — раздался в рядах позади Ильма чей-то одинокий растерянный голос. — Как же мы их...

Русское войско неровно ощетинилось копьями, над головами мелькнули крючья.

— Щас... — пробормотал Митрий, пробуя большим пальцем острие меча.

Расстояние между войсками быстро сокращалось; лед гудел под копытами лошадей. Оставалось сто метров, пятьдесят... Напряжение выросло до предела.

Историк, вытащив меч, до последнего мгновения, когда войска взорвались единым ревом, с интересом разглядывал трепещущий на ветру, знакомый огромный крест на знамени центрального рыцаря.

Конный клин, как топор в полено, на полном скаку врубился в центр русской дуги и разметал на две стороны пеших суздальцев.

Митрий, оскалясь, ухватил крюком ливонского всадника и, упираясь, тащил его на лед.

Над узменью, далеко разносясь в холодном воздухе, качался бешеный двуязычный крик ярости и злобы. Молодой воин, вскрикнув, отшатнулся от лошади и упал под мечом, как срубленная ветка.

«Фланги должны начать смыкаться, фланги... Нет, рано», — мелькнуло в голове у Ильма, рассчитанными движениями отбивающегося от ударов меча.

Строй ливонцев нарушился, они остановились и скучились, рубя направо и налево.

Фланговые переяславские и новгородские дружины стали наконец смыкаться, прижимая рыцарей к берегу, охватывая их в полукольцо.

Огромный тевтонец с волочащимся за конем знаменем льва яростно наступал на историка. Тот, размахнувшись, ударил мечом по лошадиной морде. Лошадь дико заржала и, встав на дыбы, свалилась на окровавленный лед.

«Дружины, конные дружины... Перелом наступает. Не пропустить появления конных дружин князя. Проследить...» Историк метался в гуще боя, автоматически отбивая удары. Древко копья скользнуло по шлему и сдвинуло спираль.

Ильма ощутил жестокий удар и почувствовал, как с головы, порвав ремень, слетел шлем. Забыв обо всем, он в страхе тронул висок, обруча со спиралью не было.

Чей-то яростный голос взревел над самым ухом. Ильма дернулся, резко обернулся и успел лишь заметить плеснувший на все небо василиск, и меч, разрубив кольчугу, швырнул историка на кровавый лед. В смятении он попытался вскочить, но лошадь снова опрокинула его под ноги сражающихся.

Не понимая, что делает, он пополз в сторону и замер.

Что-то угрожающее родилось вокруг него. Солнце потемнело, мозг сжало, как в тисках.

Перед ним вдруг возникла исполинская стена-чудовище; она окружала его, живая, полупрозрачная, с дрожащими крохотными огоньками, словно вкраплинками слюды.

Расширенными глазами он смотрел на нее и внезапно понял, что это. Он понял и закричал от ужаса...

При утере... Контакта... Энергетической спиралью... Может при определенных условиях... Амнезия... Потеря памяти...

Ильма закричал. Стена серой мглы

накренилась и стремительно понеслась на него...

— Возьмите меня отсюда! — заорал вне себя историк. — Дежурный, возьми меня отсюда!

— Ильма! — завопил Стью. — Найди спираль, спираль! Она у тебя под ногами! Найди спираль! Скорее, скорее! — И кричал кому-то там: — Не могу... Не могу удержать Ильма! Сделай что-нибудь!

Ильма сидел на земле и остановившимся взглядом смотрел перед собой. Перед глазами его цвели красные маки.

— Ильма Кир! — кричал кто-то из пространства. — Закрой... Слышишь меня? Закрой глаза, надави на виски и старайся ни о чем не думать! Ты продержишься некоторое время... Ильма!!

Было поздно.

Полупрозрачная стена уже обрушилась на его мозг. Все смешалось. Ильма Кир перестал существовать.

* * *

Савва очнулся и поморщился от боли в голове.

Он лежал на спине в ложбинке, образованной двумя лошадиными трупами, голова его опиралась на конский круп, в расслабленной ладони ощущалась рукоять меча.

Он вспомнил сечу и удар по голове. Теперь вокруг царила тишина.

«Язвен яз, али што?» — подумал Савва и попытался встать, но не смог.

Плечо ссохлось с кольчугой в запекшейся крови. Савва выругался и поднял глаза.

По пустынному, каркающему воронами полю к нему с залитым кровью лицом, волоча меч и пошатываясь, брел Митрий.

Он подошел к земляку и обессиленно рухнул на колено.

— Како, брате? Живы вышли?

— Живы, — с трудом шевельнув почерневшими губами, ответил Савва. — А сеча?

— Побили супостата, — со злобной радостью отозвался Митрий. — Иные пали, иные на сиговице сгинули... А иных княже семь верст бил по леду до самого Суболичьского берега!

— Побили ворогов, — проговорил Савва.

— Язвен есть? — спросил Митрий.

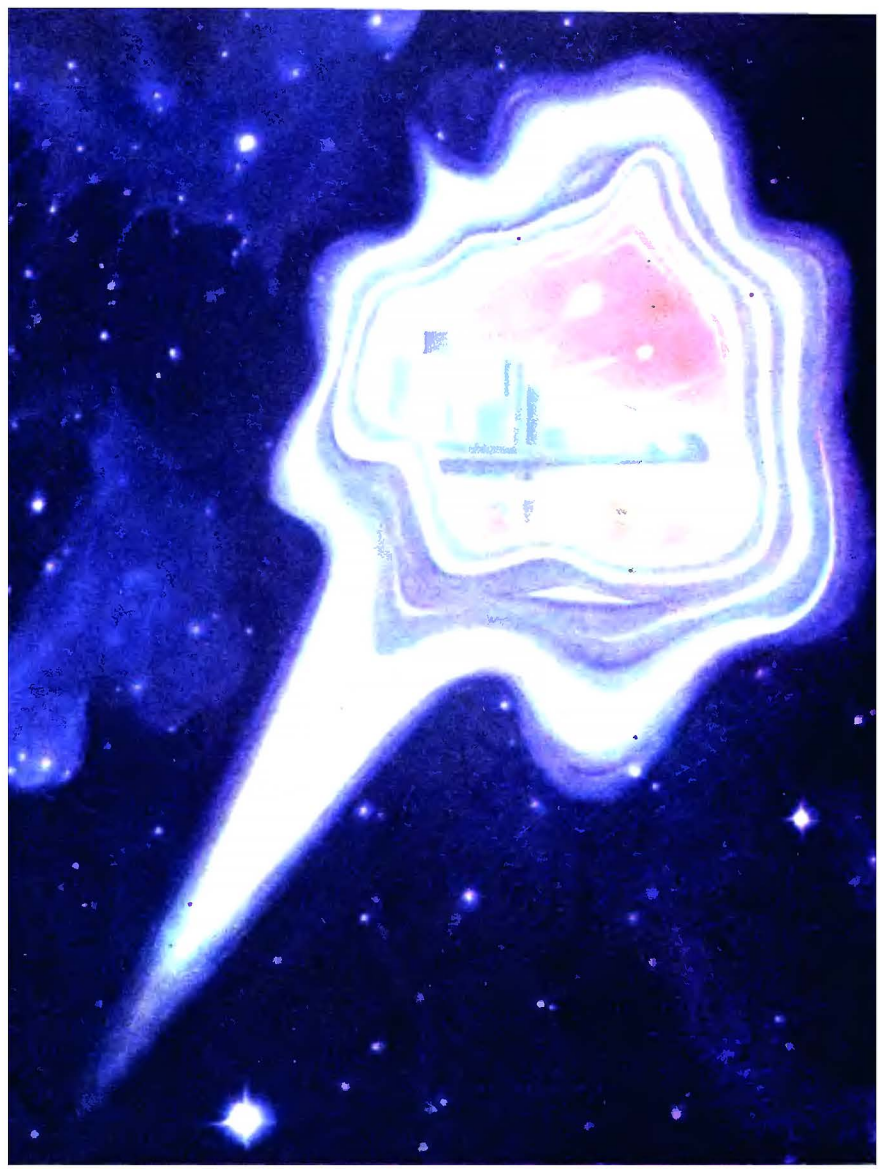
— А! — махнул рукой Савва и, опираясь на плечо друга, встал.

— Язвен! — сказал Митрий. — И я. Да только иные наши совсем убиты.

— Идемо, брате, — сказал Савва.

— Идемо, — отозвался Митрий.

Они обнялись и, шатаясь, побрели среди трупов по окровавленному льду в ту сторону, откуда доносился отдаленный колокольный звон.



В.Кисарев «Мир Иной»

ВРЕМЯ
ПРОСТРАНСТВО
ЧЕЛОВЕК

CCCP
Cosmonauts – Birth of the Space Age

Рис. Юрия Макарова

КОНТАКТ

ЯЦЕК САВАШКЕВИЧ
Польша

(Научно-фантастический рассказ)

— Работа хорошая, — говорили старшие дежурные, и Макинто в глубине души признавал их правоту. Но он не любил свою работу. По многим причинам. В основном потому, что она была действительно хорошей, спокойной, и потому, что коллеги, четверть жизни просидевшие на дежурствах, так ее хвалили.

Обязанности дежурного были очень просты — сиди себе, и только. Остальное — работу, о которой техник Пабле говорил, что неизвестно, где ее начало, а где конец, — исполняли автоматы. Пабле приходил раз в неделю, чтобы осмотреть радиоприемную аппаратуру. В среднем это занимало четверть часа, остальным рабочим временем он мог распоряжаться свободно. Макинто завидовал ему, пока не узнал, что техник все остальные дни недели торчал в мастерской, где работы почти не было, да и была она еще скучнее, чем в обсерватории. Потому что в обсерватории хоть иногда что-то да происходило. Например, в среднем два раза в неделю включался зуммер, и хотя заранее было известно, что это опять ложная тревога, сама необходимость проанализировать поступивший сигнал позволяла убить время.

Бывало, что старшим коллегам Макинто надоедало слушать читающий аппарат, а по видео шел малоинтересный публицистический блок. Тогда они, пользуясь монтажным столом и архивными пленками, писали так называемую космическую музыку. Из зарегистрированных импульсов и потоков сигналов, принятых радиотелескопом из Галактики, выбирали и объединяли наиболее интересные, по их мнению, отрывки. Так иногда появлялись произведения с удивительной мелодической линией. Самое красивое из них (по мнению большинства работников обсерватории) — им страшно гордился его автор, старший дежурный Хеннес, — называлось «Симфония пульсара РР Лира».

Подобные творческие пробы Макинто считал проявлением детства, а причину почти поголовного увлечения ими усматривал в монотонности работы. Он с тревогой думал о своем будущем и часто упрекал себя в том, что, имея все условия, не пишет диссертацию или, что сейчас страшно модно, какую-нибудь научную работу. Конечно, сразу после учебы, когда он еще радовался диплому радиоастронома, у него была масса планов, и именно для их реализации он устроился в обсерваторию.

Но работа, которую он исполнял, делала безвольным, опустошала. Достаточно было взглянуть на постную физиономию Гулла, которого Макинто обычно сменял, сесть к пульту и послушать монотонное гудение аппаратуры.

— Есть что-нибудь новое? — спрашивал Макинто, потому что так повелось. Этот риторический вопрос стал традиционным.

— Одна «молния» от архангела Гавриила и хоровое пение с группой цефеид.

Это мрачная шутка, которую Макинто знал наизусть и к которой был всегда готов, каждый раз его раздражала. Он постоянно обещал себе поговорить с Гуллом, но кончалось тем, что Макинто молча падал в теплое еще кресло и с миной мученика ждал, пока Гулл уберется к черту, что тот и делал довольно быстро и охотно.

Но сегодня Гулл задержался.

— Обрати внимание на квадрат Кардашева, — сказал он, — в нем было четыре тревоги.

— Ого! — удивился Макинто.— А текст?

Четыре сигнала за смену явление необычное, и об этом можно было поговорить. Макинто приготовился высказывать различные предположения, выслушивать их от Гулла, то есть как-то скрашивать долгое дежурство.

— Что-то невразумительное. — Гулл кивнул и вышел.

Макинто даже обиделся — он никакого другого ответа и не ждал, но поговорить-то можно было. В то же время явное бегство Гулла привлекло его внимание к сигналам.

Лаборатория принимала все диапазоны радиоволн, улавливаемые системой антенн с орбиты Земли. Особенное внимание обращалось на сигналы с частотой от 2000 до 4000 мегагерц, которые наименее подвержены искажениям, о чем должна знать каждая научно-техническая цивилизация. А так как неведомая передача велась на этих частотах, то приняли ее довольно четко.

Макинто проверил отдаленность радиоисточника от Земли. Получилось около пятисот световых лет, что в пересчете на мощность давало величину в миллиард раз больше достигнутой в мире. Предположение, что данный радиоисточник искусственного происхождения и его активность подтверждает существование научно-технической цивилизации, можно было исключить полностью. На лекциях ему футурологию не преподавали, а в работе принимаются во внимание только факты.

Удивляло лишь то, что никогда еще не принимали сигнала с настолько стабильной и узкой полосой частот, да и район, из которого поступал сигнал, считался зоной низкой активности радиоизлучения.

Макинто оторвал взгляд от осциллографа и вернулся к пеленгатору, нацеленному на радиоисточник. Индикаторы однозначно указывали водородное облако. Согласно закону Баррета — Хойла его мощность должна быть несравнимо меньше мощности принятого сигнала, а наука категорически отрицала возможность естественного и к тому же внезапного ее увеличения.

Это определение «естественного» не давало Макинто покоя. С трудом он вспомнил гипотезу Хойла — как-никак одного из крупнейших авторитетов астрономии и астрофизики XX века, приведенную на какой-то лекции как пример того, к чему может привести чрезмерно буйная фантазия исследователя. Ибо Хойл утверждал, что разумные существа, достигшие соответствующего уровня развития, вполне могут использовать водородные облака для усиления радиоволн. Электростатическим полем в облаке нужно было создать резонаторную нишу и направить в нее излучение кристаллического мазера. Усиленный в миллион раз сигнал устремится в пространство вдоль оси резонатора.

Макинто пожал плечами. Если даже и так, то почему выбрана отдаленная солнечная система, когда о жизни на Земле и соседних планетах не свидетельствовали абсолютно никакие радиосигналы (кроме шумов, излучаемых естественными источниками). Так было в то время, когда этот сигнал отправился в сторону Земли.

Резкий звук зуммера вырвал Макинто из задумчивости. Одного взгляда на приборы хватило, чтобы обнаружить причину тревоги. Линия, определяющая частоту выделенного сигнала, находилась на том же месте; частота осталась прежней, но салатовые листики оптического индикатора объединялись, колебались с десяток секунд, потом возвращались в первоначальное состояние. Продолжалось это полчаса, ну, может, час без четверти. Потом наступил долгий перерыв.

Это была уже пятая передача. Получалось что-то невообразимое: с точки зрения здравого смысла это не мог быть естественный сигнал, с точки зрения здравого смысла ни одному разумному существу не должно прийти в голову посылать его к Земле и с точки зрения здравого смысла это не могло быть ничем иным.

Но, вероятно, именно для этих случаев была составлена инструкция, не очень умная, по мнению сотрудников, но по крайней мере обязывающая к действиям.

Макинто прежде всего переписал на магнитную ленту данные из памяти компьютера. Теперь он должен приготовить весь комплекс информации для многопрограммного читающего устройства. Но вначале он решил переговорить с Гуллом.

Телефон в квартире Гулла не отвечал.

Макинто отключился. Ему пришло в голову, что Гулл ждал этого звонка и потому сбежал. Но чего он опасался? Если он нашел правильный путь, если ему удалось найти верный ключ и расшифровать сигнал, то какого черта он это скрыл? И где расшифрованные записи?

Он машинально посмотрел на люк мусоропровода. Из него торчал прижатый дверцей конец ленты. Макинто вытянул почти триста метров, которые спасло от сожжения в излучателе то, что люк был слишком поспешно захлопнут.

Торопливо намотал пленку на катушку и включил воспроизведение. На верхней дорожке был записан сигнал в естественном виде. Нижняя заключала перевод этого сигнала. Макинто уменьшил громкость зуммера, который продолжал издавать незначительно модулированные звуки с интервалами по несколько минут. Трижды прослушал запись и ничего не понял. Из репродуктора плыло заунывное низкое гудение, вдобавок искаженное механическими повреждениями пленки. Тогда он увеличил скорость. Текст звучал приблизительно так:

— МА-МА... ТУТ... МА-МО-ЧКА... НО... НО... МА-ЛА... ЛЯ-ЛЯ...

Теперь Макинто понял, почему Гулл предпочел не делиться своим открытием. Хвастаться такой расшифровкой значило бы нарваться на насмешки. А все-таки Гулл считает, что нельзя пренебречь этим сигналом, потому что, сдавая дежурство, не преминул сказать о нем.

Следовало проверить, какой программой пользовались при первом переводе.

6-ЭТА-М — зажглось на экране, когда компьютер проанализировал пленку Гулла.

Макинто поместил свою катушку с записью на панель шифратора, отстучал на перфораторе: «6-ЭТА-М» и нажал кнопку пуска. Пленка исчезла в щели, а через секунду, уже закодированная, вплыла в считывающее устройство. Еще через пять секунд она была намотана на ту же катушку и расшифрована. Минуту поколебавшись, он включил воспроизведение.

Услышал как будто продолжение:

— О... О... СЕ-СЕ... МО-Я... МА-МА... МА-МО-ЧКА... НО... СЕ СЕ... ТИ-ХО... ТИ-ХО...

В пользу гипотезы Хойла [illegible] рискнуть и принять ее всерьез, свидетельствует исключительно правдоподобный скачок мощности сигнала, излучаемого наблюдаемым водородным облаком. Принятый сигнал мог быть случайным набором знаков — ведь компьютер располагал сотнями тысяч программ, а значит, и почти любое множество импульсов, подобранных более или менее случайно, мог перевести на человеческий язык.

Макинто, как и другие дежурные, больше всего боялся оказаться смешным. Поэтому он смотал с катушки ленту и вместе с лентой Гулла бросил в люк, проследив, чтобы она не застряла в узком канале.

Правда, сигнал навсегда записан в памяти компьютера, но, во-первых, контроль этой памяти производился нерегулярно и бессистемно, во-вторых, никто не мог бы — на основании воспроизводимого текста перевода — обвинить Макинто в небрежности.

В неожиданно наступившей тишине до него дошло, что гудение, которое последние четыре часа гнетуще давило на его уши, вдруг прекратилось. Салатовые крылышки в оптическом индикаторе сузились до линии толщиной в волос, затем амплитуда волны спала до минимума. Но что хуже всего — и Макинто констатировал это с ужасом — исчезла кривая, определяющая полосу частот сигнала, значит, исчез и сам сигнал! Водородное облако вдруг смолкло, будто его кто-то выключил.

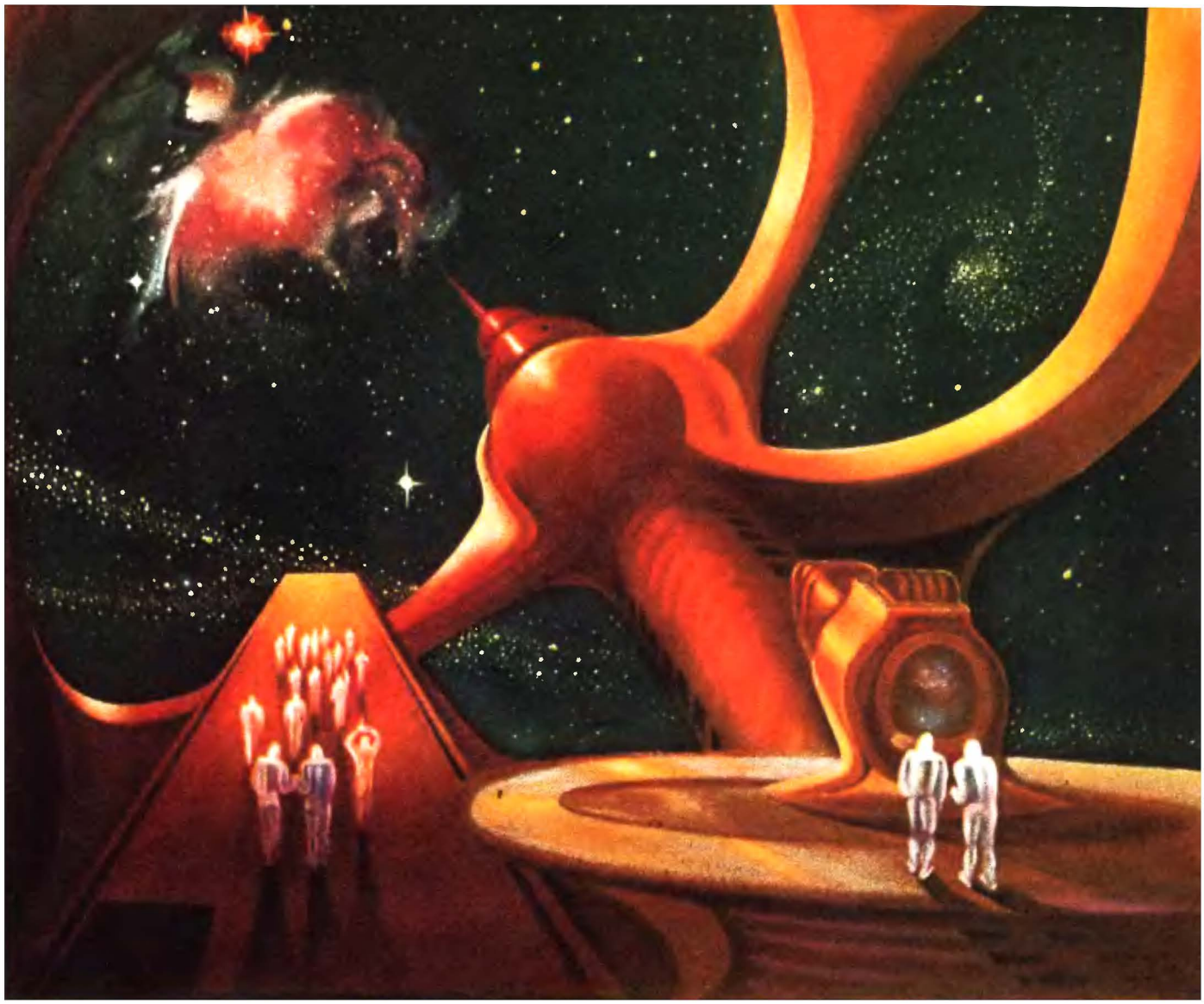
Макинто снова взялся за работу. Переписал все на магнитную ленту, закодировал по программе «6-ЭТА-М» и пропустил через считывающее устройство. Установил регулятор скорости ленты на максимум и включил перевод.

По мере того как из репродуктора вытекали слоги, черты лица Макинто искажала гримаса растущего изумления.

— ЦЕ-ТЫ-ТЬ... ВЕДЬ... СТОЛЬКО... РАЗ... Я... ТЕ-БЕ... ГО-ВО-РИЛА... ЧТО-БЫ... ТЫ... НЕ... И-ГРАЛА... ПА-ПИ-НЬИМ... РА-ДИ-О-ТЕЛЕ-ФО-НОМ.

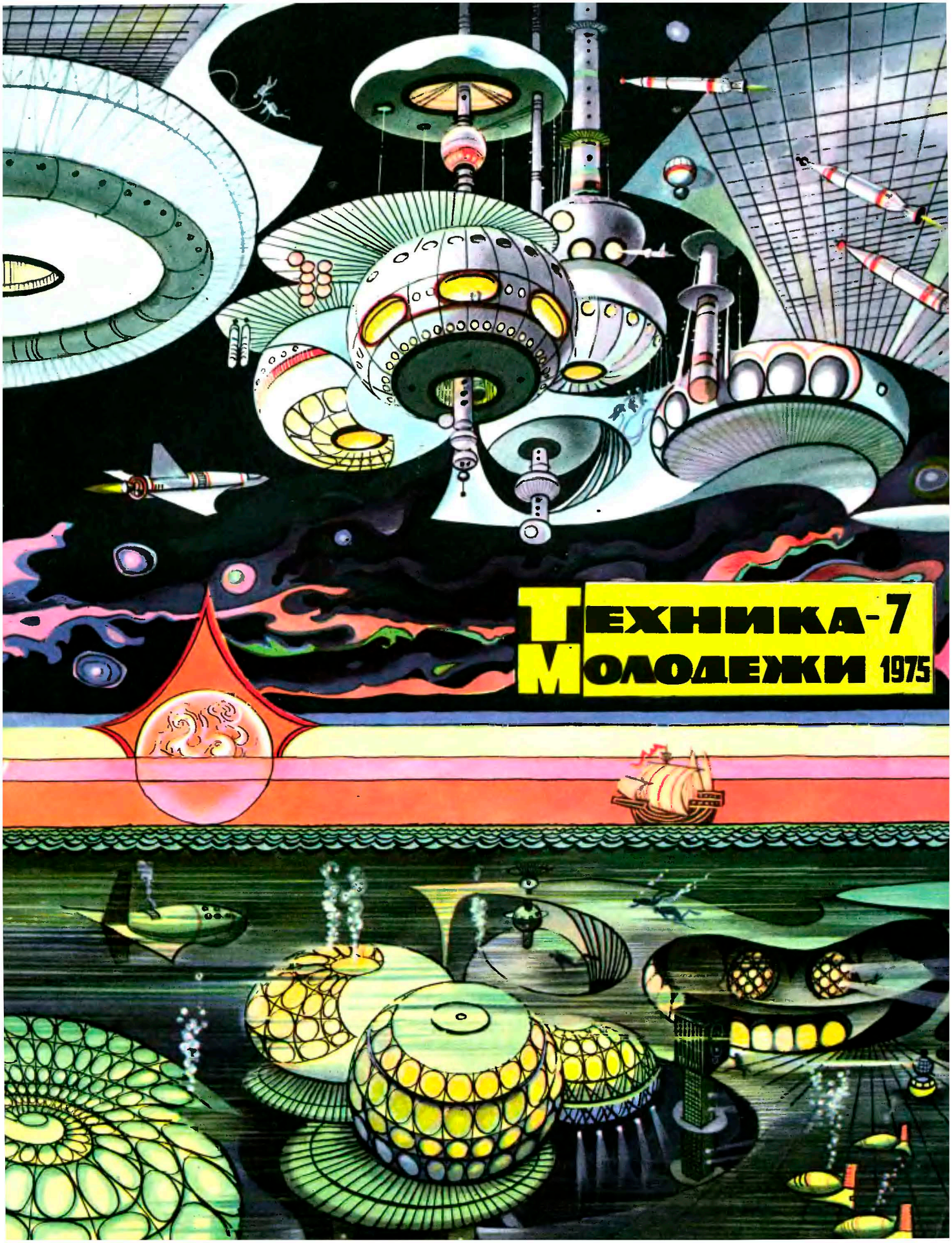
Макинто ошеломленно вглядывался в вертящиеся перед ним катушки.

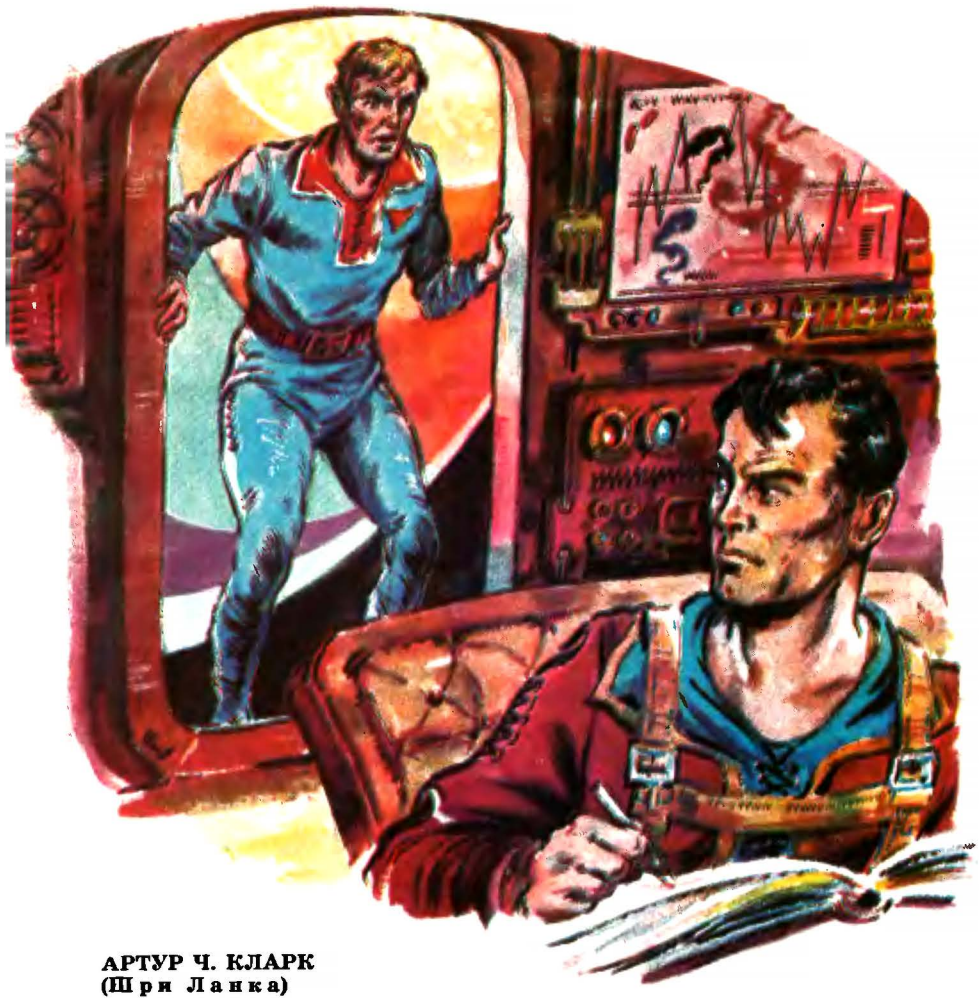
Перевод с польского
Р. МАТВЕЕВОЙ



Димитр Янков (Болгария) «Звездные пути»

Д.Янков «Планета Тауранс»


Техника-7
Молодежи 1975



АРТУР Ч. КЛАРК
(Шри Ланка)

ДВОЕ В КОСМОСЕ

Научно-фантастический рассказ

Известный ученый и писатель-фантаст в остросюжетной форме раскрывает ситуацию, когда присущие миру капитала человеконенавистнические отношения людей, будучи перенесенными в космос, приобретают особо трагическую окраску.

Грант делал запись в бортовом журнале «Стар Куин», когда дверь за его спиной отворилась. Оглядываться он не стал: на корабле, кроме него, был только один человек. Но так как Мак-Нил не начал разговора и не вошел, затянувшееся молчание в конце концов удивило Гранта, и он круто развернул свое вращающееся кресло.

Мак-Нил просто стоял в дверях с онемевшим от ужаса лицом.

— В чем дело? — сердито спросил Грант. — Вам дурно или случилось что?

Инженер покачал головой.

— Нам крышка, — просипел он наконец. — У нас нет больше запаса кислорода.

И тут он заплакал.

Грант промолчал. Совершенно машинально раздавив в пепельнице сигарету, он со злостью ждал, когда погаснет последняя искра. Ему уже сейчас как будто не стало хватать воздуха: горло его сжал извечный космический страх.

Медленно освободившись от эластичных ремней, создававших, пока он сидел, слабую иллюзию весомости, Грант с привычным автоматизмом двинулся к двери. Мак-Нил не пошевелился. Даже со скидкой на пережитый шок поведение его казалось непростительным. Поравнявшись с инженером, Грант сердито толкнул его — может быть, тот очухается.

Трюм был выполнен в форме полусферы, в центре которой проходили кабели к пульту управления, контрольным приборам и другой половине растянувшегося на сто метров гантелеобразного космического корабля. Клети и ящики грудой заполняли помещение.

Но даже исчезни внезапно весь груз, Грант едва ли заметил бы это. Взгляд его был прикован к большому баку с кислородом, укрепленному на переборке у выхода. Все было в полном порядке, и только одна мелкая деталь указывала на беду: стрелка индикатора застыла на нуле.

Грант смотрел на этот молчаливый символ, как много веков назад во время чумы мог смотреть какой-нибудь вернувшийся домой лондонец на входную дверь, перечеркнутую в его отсутствие грубо нацарапанным крестом.

Когда он вернулся к пульту управления, Мак-Нил снова был уже самим собой. Причину столь быстрого выздоровления выдавала открытая аптечка. Инженер даже попытался сострить:

— Это метеор. Нам твердят, что корабль может столкнуться с метеором раз в сто лет. Мы, видать, сильно поторопились.

— Какой-нибудь выход найдется, пожертвуем в крайнем случае грузом. В общем, не будем гадать, давайте уточним обстановку.

Он был больше зол, чем испуган. Он был зол на Мак-Нила за проявленную им слабость. Он был зол на конструкторов за то, что они не предусмотрели этой пусть даже самой маловероятной случайности. Но сколько-то времени до конца оставалось, и, значит, не все еще было потеряно. Эта мысль помогла ему взять себя в руки.

«Стар Куин» пробыл в пути 115 дней, и оставалось ему до цели всего тридцать. Как все грузовые суда, он летел по касательной к орбитам Земли и Венеры. Скоростные лайнеры преодолевали это расстояние по прямой за срок втрое меньший, но тратя горючего в десять раз больше. «Стар Куин» вынужден был тащиться по своей эллиптической орбите, словно трамвай по рельсам, преодолевая дорогу в один конец за 145 дней.

«Стар Куин» даже отдаленно не походил на космические корабли, рисовавшиеся воображению людей первой половины XX века. Он состоял из двух сфер, диаметрами пятьдесят и двадцать метров, соединенных цилиндром около ста метров длиной. Большая сфера предназначалась для команды, груза и систем управления, меньшая — для атомных двигателей.

«Стар Куин» был построен в космосе и самостоятельно не мог подняться даже с поверхности Луны. Работая на полную мощность, его двигатели способны были за час развить скорость, достаточную, чтобы оторваться от искусственного спутника Земли или Венеры.

Транспортные рейсы между планетами и спутниками осуществляли

маленькие мощные химические ракеты. Через месяц они взлетят с Венеры, чтобы встретить «Стар Куин», но он не затормозит, потому что будет неуправляем. Он продолжит свой орбитальный полет, с каждой секундой уносясь от Венеры, а еще через пять месяцев вернется на орбиту Земли, хотя самой планеты на том месте уже не будет...

Поразительно, сколько времени уходит на простое сложение, если от полученной суммы зависит твоя жизнь. Грант десять раз пересчитал короткий столбик цифр, прежде чем окончательно расстаться с надеждой на изменение итога.

— Никакая экономия, — сказал он, — не позволит нам протянуть больше двадцати дней. Даже если мы выжмем весь кислород из воды и всех химических соединений, находящихся на борту. То есть до Венеры останется еще десять дней пути, когда... — Он умолк на середине фразы.

Десять дней — невелик срок, но в данном случае и десять лет не могли бы значить больше.

— Если выбросить груз, — спросил Мак-Нил, — есть у нас шанс изменить орбиту?

— Вероятно, но нам это ничего не даст. При желании мы могли бы за неделю достигнуть Венеры, но тогда нам не хватит топлива для торможения, а у них там нет способа задержать нас.

— Даже и лайнер не сможет?

— Регистр Ллойда указывает, что на Венере сейчас только несколько транспортных судов. Да и вообще такой маневр неосуществим. Ведь спасательному судну надо не только подойти к нам, но и вернуться потом обратно. А для этого нужна скорость примерно пятьдесят километров в секунду!

— Если мы сами не можем ничего придумать, — сказал Мак-Нил, — надо посоветоваться с Венерой. Авось кто-нибудь подскажет.

— Именно это я и собирался сделать, как только самому мне картина стала ясна. Наладьте, пожалуйста, связь.

Взглядом провожая Мак-Нила, он думал о заботах, которые тот ему теперь доставит. Как большинство полных людей, инженер был уживчив и добродушен. До сих пор с ним вполне можно было ладить. Но теперь он показал свою слабохарактерность. Он явно одряхлел — и физически и духовно — результат слишком долгого пребывания в космосе.

Параболическое зеркало, вынесенное на корпус корабля, нацелилось на Венеру, которая сейчас всего в десяти миллионах километров от «Стар Куин». Трехмиллиметровые радиоволны преодолевают это расстояние чуть больше, чем за полминуты. Даже обидно было думать, как мало им требуется, чтобы оказаться в безопасности.

Автоматический монитор Венеры бесстрастно просигналил: «Прием» — и Грант, надеясь, что голос его звучит твердо и спокойно, начал свое сообщение. Детально проанализировав обстановку, он попросил совета. О своих опасениях в отношении Мак-Нила он умолчал: несомненно, тот следил за передачей.

Грант знал, что пока все сказанное им записано лишь на магнитную ленту. Но очень скоро ничего не подозревающий дежурный связист прокрутит ее.

Сейчас он еще не догадывается о сенсации, которую первым узнает и которая затем прокатится по всем обитаемым планетам, вызывая бурю сочувствия и вытесняя все другие новости с телевизионных экранов и газетных полос. Такова печальная привилегия космических трагедий.

Вернулся в каюту Мак-Нил.

— Я уменьшил давление воздуха, — сказал он. — У нас немного нарушена герметичность. В нормальных условиях мы этого и не почувствовали бы.

Грант рассеянно кивнул и подал Мак-Нилу пачку бумаг.

— Давайте просмотрим накладные. Может быть, что-то из груза нам пригодится. «А если и нет, — подумал он про себя, — во всяком случае, на время это нас отвлечет».

Пришедший наконец с Венеры ответ потребовал почти часа магнитофонной записи и содержал такую уйму вопросов, что навел Гранта на унылые размышления: хватит ли оставшегося ему короткого срока жизни, чтобы удовлетворить чье-то любопытство. Большинство вопросов были чисто техническими и касались корабля. Эксперты двух планет ломали голову над тем, как спасти «Стар Куин» и груз.

— Ну, что вы об этом думаете? — ища на лице Мак-Нила признаки нового смятения, спросил Грант, когда они кончили прослушивать послание Венеры.

Мак-Нил только после долгой паузы, пожав плечами, заговорил, и первые его слова прозвучали эхом собственных мыслей Гранта:

— Без дела мы, конечно, сидеть не будем. За один день я со всеми их тестами не управлюсь. В основном мне понятно, к чему они клонят, но некоторые вопросы поистине дурацкие.

Невозмутимость Мак-Нила успокоила Гранта и вместе с тем раздосадовала. Успокоила, потому что он опасался новой тягостной сцены, а раздосадовала, потому что противоречила уже сложившемуся мнению. Как все-таки рассматривать тот его нервный срыв? Показал ли он тогда свою истинную натуру или это была лишь минутная слабость, которая может случиться с каждым?

Грант, воспринимавший мир в черно-белом изображении, злился, не понимая, малодушен или отважен Мак-Нил. Возможность сочетания того и другого ему и в голову не приходила.

На четвертый день Венера снова подала голос. Очищенное от технической шелухи, ее сообщение звучало, по сути, как некролог. Гранта и Мак-Нила, уже вычеркнутых из списка живых, подробно наставляли, как им поступить с грузом.

Мак-Нил скрылся сразу после этой радиограммы. Сперва Гранта устраивало, что инженер не беспокоит его. К тому же оставалось еще написать разные письма, хотя завещание он отложил на потом.

Была очередь Мак-Нила готовить «вечернюю» трапезу, что он делал всегда с удовольствием, так как весьма заботился о своем пищеварении. Однако на сей раз сигнала с камбуза все не поступало, и Грант отправился на розыски своего экипажа.

Мак-Нила он нашел лежавшим на койке и весьма благодушно настроенным. В воздухе над ним висел большой металлический ящик, носивший следы грубого взлома. Рассматривать содержимое не требовалось — все и так было ясно.

— Просто безобразие тянуть эту штуку через трубочку, — без тени смущения заметил Мак-Нил. — Эх, увеличить бы немного гравитацию, чтобы можно было пить по-человечески.

Сердито-осуждающий взгляд Гранта оставил его невозмутимым.

— К чему эта кислая мина? Угощайтесь и вы! Какое это теперь имеет значение?

Он кинул бутылку, и Грант подхватил ее. Вино было баснословно дорогое — он вспомнил проставленную на накладной цену: содержимое этого ящика стоило тысячи долларов.

— Не вижу причин даже в данных обстоятельствах вести себя по-свински, — сурово сказал он.

Мак-Нил не был еще пьян. Он достиг лишь той приятной стадии, которая предшествует опьянению и в которой сохраняется определенный контакт с унылым внешним миром.

— Я готов, — заявил он с полной

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

серьезностью, — выслушать любые убедительные возражения против моего нынешнего образа действий — образа, на мой взгляд, в высшей степени разумного. Но если вы намерены читать мне мораль, вам следует поторопиться, пока я не утратил еще способности воспринимать ваши доводы.

Он опять нажал пластиковую грушу, и из бутылки хлынула ему в рот пурпурная струя.

— Даже оставляя в стороне самый факт хищения принадлежащего компании имущества, которое рано или поздно будет, конечно, спасено, не можете ведь вы пьянствовать несколько недель!

— Это мы еще посмотрим, — задумчиво отозвался Мак-Нил.

— Ну уж нет! — обозлился Грант. Опершись о стену, он с силой вытолкнул ящик в открытую дверь. Выбираясь затем из каюты, он слышал, как Мак-Нил крикнул ему вдогонку:

— Это уже предел хамства!

Чтобы отстегнуть ремни и вылезти из койки, да еще в его теперешнем состоянии, инженеру потребовалось бы немало времени. И Грант, беспрепятственно вернув ящик на место, запер трюм. Поскольку до сих пор в космосе держать трюм на запоре никогда не приходилось, своего ключа у Мак-Нила не было, а запасной ключ Грант спрятал.

Мак-Нил сохранил все же парочку бутылок, и когда Грант немного спустя проходил мимо его каюты, то услышал, как горланил инженер.

«Нам плевать, КУДА уходит воздух, только бы не уходил в вино...»

«Технарю» Гранту песня была незнакома. Пока он стоял, прислушиваясь, на него вдруг словно накатило чувство, природу которого он, надо отдать ему справедливость, понял не сразу.

Чувство это исчезло так же мгновенно, как и возникло, оставив после себя дрожь и легкую дурноту. И Грант впервые осознал, что его неприязнь к Мак-Нилу начинает переходить в ненависть.

А затем все было до ужаса просто и выглядело жуткой пародией на те первые задачи, с которых начинают изучение арифметики: «Если шесть человек производят монтаж за два дня, сколько...»

Для ДВОИХ кислорода хватило бы на двадцать дней, а до Венеры осталось лететь тридцать. Не надо было быть математическим гением, чтобы сообразить: добраться до Вечерней звезды живым может один, только один человек.

И, рассуждая вслух о двадцатидневном сроке, оба сознавали, что вместе им можно лететь только десять дней, а на оставшийся путь воздуха хватит лишь одному из двоих. Положение было, что называется, пиковое.

Ясно, что долго длиться такой заговор молчания не мог. Однако проблема была из тех, которые и в лучшие времена нелегко решить полюбовно. Еще труднее, когда люди в ссоре.

Хотя по молчаливому согласию заведенный порядок был восстановлен, на натянутость в отношениях Гранта и Мак-Нила это не повлияло. Оба всячески избегали друг друга и сходились только за столом. При этих встречах они держались с преувеличенной любезностью, усиленно стараясь вести себя как обычно, что ни одному из них не удавалось.

Грант надеялся, что Мак-Нил сам заговорит о необходимости кому-то из двоих принести себя в жертву. И то, что инженер упорно не желал начать этого трудного разговора, только усиливало гневное презрение Гранта. В довершение всех бед Грант страдал теперь ночными кошмарами и почти не спал.

Когда до последнего, буквально крайнего срока оставалось уже только пять дней, Грант впервые начал подумывать об убийстве. Он сидел после «вечерней» трапезы, с раздражением слушая, как Мак-Нил гремит в камбузе посудой.

Кому в целом свете, спросил себя Грант, нужен этот инженер? Он холост, смерть его никого не осиротит, никто по нем не заплачет. Грант же, напротив, имеет жену и троих детей, к которым питает соответствующие чувства, хотя сам по непонятным причинам видит от своих домочадцев лишь обязательную почтительность.

Непредубежденный судья без труда выбрал бы из двоих более достойного. Имей Мак-Нил каплю порядочности, он сделал бы это и сам. А поскольку он явно не намерен ничего такого делать, он не заслуживает того, чтобы с ним считались.

Мысль, которую Грант уже несколько дней отгонял от себя, теперь назойливо ворвалась в его сознание, и он, отдадим ему справедливость, ужаснулся.

Он был прямым и честным человеком с весьма строгими правилами. Даже мимолетные, считающиеся почему-то «нормальными» позывы к убийству были ему чужды. Но по мере приближения критического срока они стали появляться все чаще.

И нервы его быстро сдавали, что усугублялось поведением Мак-Нила, который держался теперь с неожиданным и бесившим Гранта спокойствием. Откладывать объяснение дальше становилось уже опасно.

Единичный нейтрон вызывает цепную реакцию, способную вмиг погубить миллионы жизней и искалечить даже тех, кто еще не родился. Точно так же иной раз достаточно ничтожного толчка, чтобы круто изменить образ действий и всю судьбу человека.

Гранта остановил у двери Мак-Нила совершеннейший пустяк — запах табачного дыма.

Мысль, что этот сибаритствующий инженер транжирит на свои прихоти последние бесценные литры кислорода, привела Гранта в бешенство. Он был так разъярен, что в первый момент не мог двинуться с места.

Побуждение, которому он вначале противился, над которым потом нехотя размышлял, было наконец признано и одобрено. Мак-Нилу предоставлялась возможность равноправия, но он оказался недостоин этого. Что ж, если так, пусть себе умирает.

Для человека, лишь сейчас решившегося на убийство, действия Гранта были на удивление методичны. Не раздумывая, он кинулся к аптечке, содержимое которой предусматривало чуть ли не все несчастья, какие могут произойти в космосе.

Предусмотрен был даже самый крайний случай, и специально для него позади других медикаментов здесь прикрепили пузырек, мысль о котором все эти дни подсознательно тревожила Гранта. На белой этикетке под изображением черепа и скрещенных костей стояла четкая надпись: «ПРИМЕРНО ПОЛГРАММА ВЫЗОВУТ БЕЗБОЛЕЗНЕННУЮ И ПОЧТИ МГНОВЕННУЮ СМЕРТЬ».

Безболезненная и мгновенная смерть — это было хорошо. Но еще важнее было обстоятельство, на этикетке не упомянутое: яд был лишен также и вкуса.

Еда, которую готовил Грант, не имела ничего общего с произведениями кулинарного искусства, выходившими из рук Мак-Нила. Человек, любящий вкусно поесть и вынужденный большую часть жизни проводить в космосе, приучается хорошо готовить. И Мак-Нил давно уже освоил эту вторую профессию.

Грант же, напротив, смотрел на еду как на одну из необходимых, но досадных обязанностей, от которых он старался побыстрее отделаться. И это соответственно отражалось на его стряпне. Мак-Нил успел уже с ней смириться, и трапеза протекала в почти полном молчании. Но это стало уже обычным: все возможности непринужденной беседы были давно исчерпаны. Когда они покончили с едой, Грант отправился в камбуз готовить кофе.

Это отняло у него довольно много времени, потому что в последний момент ему вдруг вспомнился некий классический фильм прошлого

столетия: легендарный Чарли Чаплин, пытаясь отравить опостылевшую жену, перепутывает стаканы.

Совершенно неуместное воспоминание полностью выбило Гранта из колеи. На миг им овладел тот самый «бес противоречия», который, если верить Эдгару По, только и ждет случая поиздеваться над человеком.

Впрочем, Грант, по крайней мере внешне, был совершенно спокоен, когда внес пластиковые сосуды с трубочками для питья. Опасность ошибки исключалась, потому что свой стаканчик инженер давно пометил, крупными буквами выведя на нем: «МАК».

Как зачарованный, наблюдал Грант за Мак-Нилом, который, угрюмо глядя в пространство, вертел свой стакан, не спеша отведать напиток. Потом он все же поднес трубочку к губам.

Когда он, сделав первый глоток, поперхнулся, сердце у Гранта остановилось. Но инженер тут же спокойно произнес:

— Разок вы сварили кофе как полагается. Он горячий.

Сердце Гранта медленно возобновило прерванную работу, но на свой голос он не надеялся и только неопределенно кивнул. Инженер осторожно пристроил стаканчик в воздухе, в нескольких дюймах от своего лица.

Он глубоко задумался, казалось, он подбирал слова для какого-то важного заявления. Грант проклинал себя за слишком горячий кофе: такие вот пустяки и приводят убийц на виселицу. Он боялся, что не сможет долго скрывать свою нервозность.

— Я полагаю, — тоном, каким говорят о самых обыденных вещах, начал Мак-Нил, — вам ясно, что для одного из нас здесь хватило бы воздуха до самой Венеры?

Неимоверным усилием воли Грант оторвал взгляд от стакана и выдавил из пересохшего горла слова:

— Это... эта мысль у меня мелькала.

Мак-Нил потрогал свой стакан, нашел, что тот еще слишком горяч, и задумчиво продолжал:

— Так не будет ли всего правильней, если один из нас выйдет через наружный шлюз или примет... скажем, что-то оттуда? — Он большим пальцем указал на аптечку.

Грант кивнул.

— Вопрос, конечно, в том, — прибавил инженер, — кому это сделать. Я полагаю, нам надо как-то бросить жребий.

Грант был буквально ошарашен. Он ни за что не поверил бы, что инженер способен так спокойно обсуждать эту тему. Заподозрить он ничего не мог — в этом Грант был уверен. Просто оба они думали об одном и том же, и по какому-то случайному совпадению Мак-Нил сейчас, именно сейчас завел этот разговор.

Инженер пристально смотрел на него, стараясь, видимо, определить реакцию на свое предложение.

— Вы правы, — услышал Грант собственный голос, — мы должны обсудить это.

— Да, — безмятежно подтвердил инженер, — должны.

Он взял свой стакан, зажал губами трубочку и начал потягивать кофе.

Ждать конца этой сцены Грант был не в силах. Он не хотел видеть Мак-Нила умирающим; ему стало почти дурно. Не оглянувшись на свою жертву, он поспешил к выходу.

Раскаленное солнце и немигающие звезды со своих постоянных мест смотрели на неподвижный, как они, «Стар Куин». Невозможно было заметить, что эта крохотная гантель несется почти с максимальной для нее скоростью, что в меньшей сфере скопились миллионы лошадиных сил, готовых вырваться наружу, и что в большой сфере есть еще кто-то живой.

Люк на теневой стороне корабля медленно открылся, и во тьме странно повис яркий круг света. Почти тут же из корабля выплыли две фигуры.

Одна была значительно массивнее другой и по очень важной причине — из-за скафандра. А скафандр не из тех одежд, сняв которые человек рискует лишь уронить себя в глазах общества.

В темноте происходило что-то непонятное. Потом меньшая фигура начала двигаться, сперва медленно, однако с каждой секундой набирая скорость. Когда из отбрасываемой кораблем тени ее вынесло на слепящее солнце, стал виден укрепленный у нее на спине небольшой газовый баллон, из которого вился, мгновенно тая в пространстве, легкий дымок.

Эта примитивная, но сильная ракета позволила телу преодолеть ничтожное гравитационное поле корабля и очень скоро бесследно исчезнуть вдали.

Другая фигура все это время неподвижно стояла в шлюзе. Потом наружный люк закрылся, яркое круглое пятно пропало, и на затененной стороне корабля осталось лишь тусклое отражение бледного света Земли.

В течение следующих двадцати трех дней ничего не происходило.

Капитан химического грузолета «Геркулес», облегченно вздохнув, повернулся к первому помощнику.

— Я боялся, он не сумеет этого сделать. Какой невероятный труд потребовался, чтобы без чьей-либо помощи вывести корабль из орбиты, да еще в условиях, когда и дышать-то нечем! Сколько времени нам нужно, чтобы встретить его?

— Около часа. Он все же несколько отклонился в сторону, но тут мы сможем ему помочь.

— Хорошо. Просигнальте, пожалуйста, «Левиафану» и «Титану», чтобы они тоже стартовали.

Пока это сообщение пробивалось сквозь толщу облаков к планете, первый помощник задумчиво спросил:

— Интересно, что он сейчас чувствует?

— Могу вам сказать. Он так рад своему спасению, что все остальное ему безразлично.

— Не думаю все-таки, чтобы мне было приятно бросить в космосе товарища ради возможности самому вернуться домой.

— Такое никому не может быть приятно. Но вы слышали их передачу: они мирно все обсудили и приняли единственно разумное решение.

— Разумное — возможно... Но как ужасно позволить кому-то спасти тебя ценой собственной жизни!

— Ах не сентиментальничайте! Уверен, случись такое с нами, вы вытолкнули бы меня в космос, не дав перед смертью помолиться!

— Если бы вы еще раньше не проделали этого со мной. Впрочем, «Геркулесу» такое едва ли угрожает. До сих пор мы ни разу не были в полете больше пяти дней. Толкуй тут о космической романтике!

Капитан промолчал. Прильнув к окуляру навигационного телескопа, он пытался отыскать «Стар Куин», который должен уже быть в пределах видимости. Пауза длилась довольно долго: капитан настраивал верньер. Потом он с удовлетворением объявил:

— Вот он, километрах в девяноста пяти от нас. Велите команде стать по местам... ну а его подбодрите: скажите, что мы будем на месте через тридцать минут, даже если это и не совсем так.

Грант был уже у двери, когда Мак-Нил мягко окликнул его:

— Куда вы спешите? Я думал, мы собирались кое-что обсудить.

Чтобы не пролететь головой вперед, Грант схватился за дверь и медленно, недоверчиво обернулся к инженеру. Тому полагалось уже умереть, а он удобно сидел, и во взгляде его читалось что-то непонятное, какое-то новое, особое выражение.

— Сядьте! — сказал он резко, и с этой минуты власть на корабле как будто переменилась.

Грант подчинился против воли. Что-то здесь было не так, но он не представлял, что именно.

После длившейся целую вечность

паузы Мак-Нил почти грустно сказал:

— Я был о вас лучшего мнения, Грант.

Грант обрел наконец голос, хотя сам не узнал его.

— О чем вы? — просипел он.

— А вы как думаете, о чем? — В тоне Мак-Нила едва слышалось раздражение. — Конечно, об этой небольшой попытке отравить меня.

Итак, для Гранта все кончилось. Но ему было уже все равно. Мак-Нил сосредоточенно разглядывал свои ухоженные ногти.

— Интересно, — спросил он так, как спрашивают, который час, — когда вы приняли решение убить меня?

Гранту казалось, что все это происходит на сцене — в жизни такого быть не могло.

— Только сегодня, — сказал он, веря, что говорит правду.

— Гм-м... — с сомнением произнес Мак-Нил и встал.

Грант проследил глазами, как он направился к аптечке и ощупью отыскал маленький пузырек. Тот по-прежнему был полон: Грант предусмотрительно добавил туда порошка.

— Наверно, мне следовало бы взбеситься, — тем же обыденным тоном продолжал Мак-Нил, зажав двумя пальцами пузырек. — Но я не бешусь — может быть, потому что я никогда не питал особых иллюзий относительно человеческой натуры. И я ведь, конечно, давно заметил, к чему идет дело.

Только последняя фраза полностью проникла в сознание Гранта.

— Вы... заметили, к чему идет?

— О боже, да! Боюсь, для настоящего преступника вы слишком простодушны.

— Ну и что же вы намерены теперь делать? — нетерпеливо спросил Грант.

— Я, — спокойно ответил Мак-Нил, — продолжил бы дискуссию с того места, на каком она была прервана из-за этого кофе.

— Не думаете ли вы...

— Думаю! Думаю продолжить, как если бы ничего не произошло.

— Чушь! — вскричал Грант. — Вы хитрите!

Мак-Нил со вздохом опустил пузырек и твердо посмотрел на Гранта.

— Не ВАМ обвинять меня в интриганстве. Итак, я повторяю мое прежнее предложение, чтобы мы решили, кому принять яд... только решать мы будем теперь вдвоем. И яд, — он снова приподнял пузырек, — будет настоящий. От этой штуки остается лишь отвратительный вкус во рту.

У Гранта наконец мелькнула догадка.

— Вы подменили яд?

— Естественно. Вам, может быть, кажется, что вы хороший актер, Грант, но, по правде сказать, вас насквозь видно. Я понял, что вы что-то замышляете, пожалуй, раньше, чем вы сами отдали себе в этом отчет. За последние дни я обшарил весь корабль. Было даже забавно перебирать все способы, какими вы постараетесь от меня отделаться. Яд был настолько очевиден, что прежде всего я позаботился о нем. Но соль плохое дополнение к кофе.

Он снова невесело усмехнулся.

— Я рассчитал и более тонкие варианты. Я нашел уже пятнадцать абсолютно надежных способов убийства на космическом корабле. Но описывать их сейчас мне не хотелось бы.

«Это просто чудеса!» — думал Грант. С ним обходились не как с преступником, а как со школьником, не выучившим урока.

Рис. Юрия Макарова

— И все-таки вы готовы начать все сначала? — недоверчиво спросил он. — И в случае проигрыша даже сами принять яд?

Мак-Нил долго молчал. Потом медленно начал снова:

— Я вижу, вы все еще мне не верите. Но я постараюсь вам объяснить. В сущности, все очень просто. Я брал от жизни все, что мог, не слишком терзаясь угрызениями совести. Но все лучшее у меня уже позади, и я не так сильно цепляюсь за остатки, как вам, возможно, кажется. Однако кое-что, ПОКА я жив, мне совершенно необходимо. Вас это, может быть, удивит, но дело в том, Грант, что некоторые принципы у меня имеются. В частности, я... я всегда старался вести себя как цивилизованный человек. Не скажу, что это всегда мне удавалось. Но, сделав что-либо неподобающее, я старался загладить свою вину.

Именно сейчас Грант начал его понимать. Только сейчас он почувствовал, как сильно заблуждался насчет Мак-Нила. Нет, заблуждался — не то слово. Во многом он был прав. Но он скользил взглядом по поверхности, не подозревая, какие под ней скрываются глубины.

В первый и — учитывая обстоятельства — единственный раз ему стали ясны истинные мотивы поведения инженера. Мак-Нилу с его так часто раздражающей Гранта самоуверенностью, вероятнее всего, было наплевать на общественное мнение. Но ради той же самоуверенности ему необходимо было любой ценой сохранить собственное доброе мнение о себе. Иначе жизнь утратит для него всякий смысл, а на такую жизнь он ни за что не согласится.

Инженер пристально наблюдал за Грантом и, наверно, почувствовал, что тот уже близок к истине, так как внезапно изменил тон, словно жалея об излишней откровенности:

— Не думайте, что мне нравится проявлять донкихотское благородство. Подойдем к делу исключительно с позиций здравого смысла. Какое-то соглашение мы ведь вынуждены принять. Приходило вам в голову, что, если один из нас спасется, не заручившись соответствующими показаниями другого, оправдаться перед людьми ему будет нелегко?

Это обстоятельство Грант в своей слепой ярости совершенно упустил из виду. Но он не верил, чтобы оно могло чересчур беспокоить Мак-Нила.

— Да, — сказал он, — пожалуй, вы правы.

Сейчас он чувствовал себя намного лучше. Ненависть испарилась, и на душе у него стало спокойнее. Даже то, что обстоятельства приня-

ли совсем не тот поворот, какого он ждал, уже не слишком его тревожило.

— Ладно, — сказал он равнодушно, — покончим с этим. Где-то здесь должна быть колода карт.

— Я думаю, после жребия сделаем заявления для Венеры оба, — с какой-то особой настойчивостью возразил инженер. — Надо зафиксировать, что действуем мы по полному взаимному согласию — на случай, если потом придется отвечать на разные неловкие вопросы.

Грант безразлично кивнул. Он был уже на все согласен. Он даже улыбнулся, когда десятью минутами позднее вытащил из колоды карту и положил ее картинкой кверху рядом с картой Мак-Нила.

— И это вся история? — спросил первый помощник, соображая, через какое время прилично будет начать передачу.

— Да, — ровным тоном сказал Мак-Нил, — это вся история.

Помощник, кусая карандаш, подбирал формулировку для следующего вопроса.

— И Грант как будто воспринял все совершенно спокойно?

Капитан сделал свирепое лицо, а Мак-Нил холодно посмотрел на первого помощника, будто читая сквозь него крикливо-сенсационные газетные заголовки, и, встав, направился к иллюминатору.

— Вы ведь слышали его заявление по радио? Разве оно было недостаточно спокойным?

Помощник вздохнул. Плохо все же верилось, что в подобной ситуации двое людей бесстрастно вели себя. Помощнику рисовались ужасные драматические сцены: приступы безумия, даже попытки совершить убийство. А в рассказе Мак-Нила все выглядело так гладко!

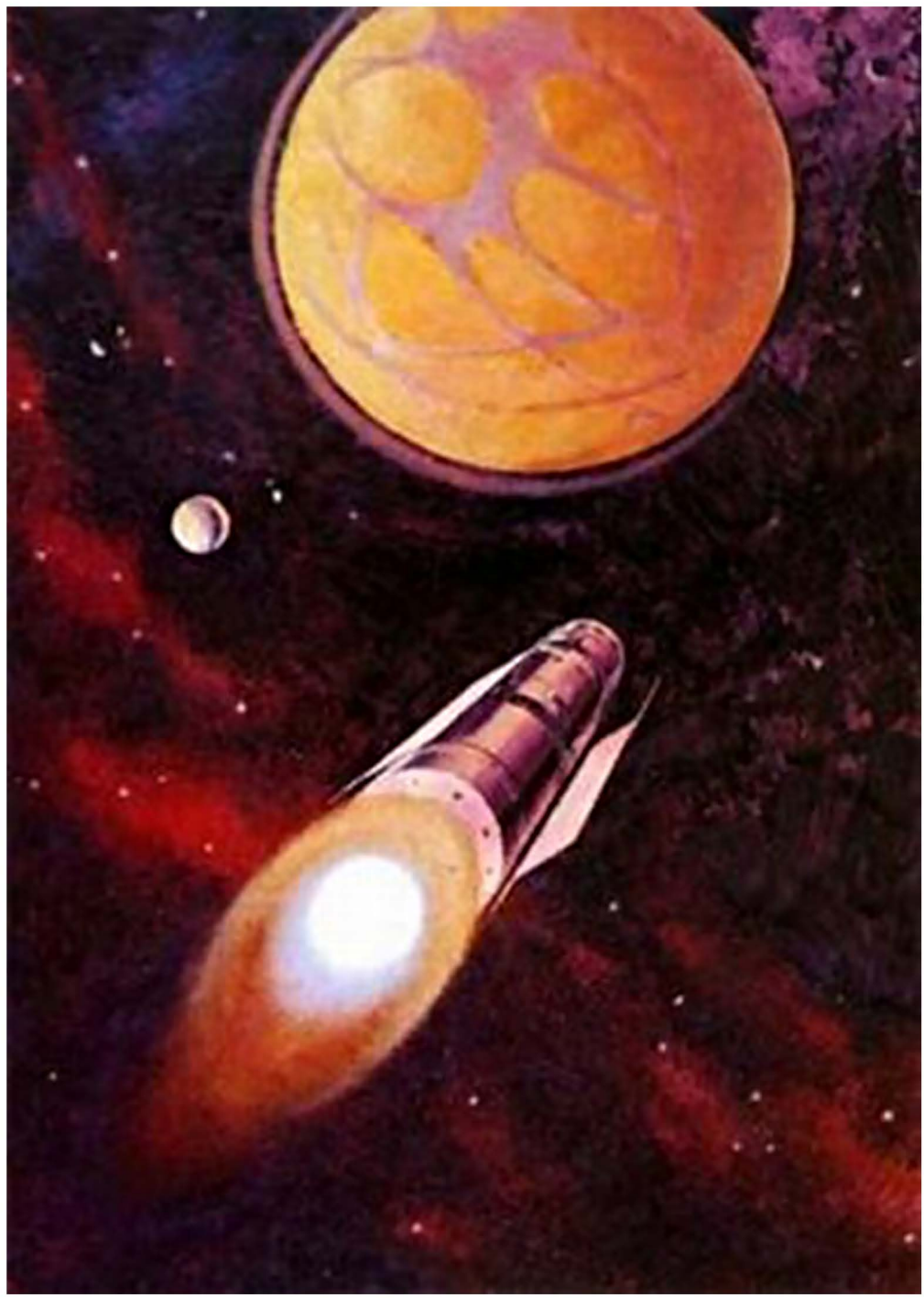
Инженер заговорил снова, точно обращаясь к себе самому:

— Да, Грант очень хорошо держался... исключительно хорошо... Как жаль, что...

Он умолк: казалось, он целиком ушел в созерцание вечно юной, чарующей, прекрасной планеты. Она была уже совсем близко, и с каждой секундой расстояние до этого белоснежного, закрывшего полнеба серпа сокращалось на километры. Там, внизу, были жизнь, и тепло, и цивилизация... и воздух.

Будущее, с которым совсем недавно надо было, казалось, распроститься, снова открывалось впереди со всеми своими возможностями, со всеми чудесами. Но спиной Мак-Нил чувствовал взгляды своих спасителей — пристальные, испытующие... и укоризненные тоже.

Перевод ТАТЬЯНЫ ГИНЗБУРГ



ВРЕМЯ
ПРОСТРАНСТВО
ЧЕЛОВЕК

ПОСЛЕДНЯЯ ИСПОВЕДЬ Луи Кюфо

ГЕННАДИЙ МАКСИМОВИЧ

— Слушай, Шерлок Холмс, ты что, уснул? — услышал инспектор Тексье, подняв телефонную трубку.

Звонил Жан-Клод, его старый приятель и верный товарищ по одной маленькой слабости — повозить кистью по холсту на пленэре, за городом.

— Да нет, — вяло ответил Пьер, — просто это духота доконает меня.

— И все-таки, может быть, ты подъедешь сейчас ко мне? Мне срочно нужна твоя помощь.

— Ладно, что с тобой поделаешь, — нехотя согласился инспектор. Положил трубку, лениво застегнул ворот рубашки, завязал галстук и надел пиджак. Конечно, он мог бы и не делать этого в такую жару, но привычка есть привычка. Вышел на улицу и подошел к своей машине.

— Ну как, не изжарился по дороге? — спросил Жан-Клод, когда Тексье вошел к нему в кабинет.

— Как видишь, выдержал, — ответил Пьер, садясь на стул у окна. — Давай выкладывай, что там у тебя.

— Прямо сразу и выкладывай. Скажи сначала, ты когда-нибудь знал точно, чем я занимаюсь в течение недели, пока работаю?

— По-моему, какими-то исследованиями в области кибернетики и компьютерной техники, — ответил Тексье, совершенно не понимая, зачем это нужно его другу.

— В общем-то, правильно. Не, кроме исследовательской и проектной работы, наше заведение еще консультирует различные фирмы и вычислительные центры. Вот об одном из таких центров я и хочу с тобой поговорить.

В разное время всегда было много пожилых людей, ценных для науки, искусства, культуры и, к сожалению, стоящих уже одной ногой в могиле. Современная же техника позволяет сохранить их мозг со всем интеллектом с помощью компьютера. Ведь если ввести в машину интеллект и самосознание талантливого человека, то этот новый, уже электронный мозг, отбросив старческую немощь бренного тела, вполне может еще приносить огромную пользу. Вот для таких-то случаев и было придумано так называемое «творческое бессмертие».

— Это мне более или менее понятно. Но при чем здесь я? — спросил Пьер, несколько удивленный услышанным.

— Так вот, в это самое заведение, где стоят компьютеры с самосознанием великих людей, сравнительно недавно поступил молодой талантливый физик-ядерник Луи Кюфо. Я не знаю подробностей. По-моему, он где-то сильно облучился. Когда стало понятно, что он долго не протянет, ему и предложили передать свое самосознание компьютеру. Ведь дело это добровольное. Он, видимо, понимал безвыходность положения и согласился.

Первое время все шло хорошо. Но потом начались мелкие неприятности. Понимаешь ли, в тот момент, когда вся эта идея разрабатывалась, большинство людей как-то не задумывалось над тем, что вместе со всей мозговой информацией в компьютер попадут и эмоции, чувства, желания. До случая с Луи Кюфо такой вопрос действительно не возникал. Я думаю, скорее всего потому, что все остальные, находящиеся там, уже пожили на своем веку, перетерпели, перечувствовали все, что им было отведено. Их уж больше ничто не интересовало, кроме собственной работы.

А тут вдруг появился Кюфо, молодой энергичный парень, мало что видавший в жизни. Он-то еще не перечувствовал всего, не пережил... Что уж

там вышло, не знаю. Но, говорят, в последнее время он несколько успокоился. И вдруг вчера утром обнаружилось, что вся память компьютера, в котором находилось самосознание Луи Кюфо, стерта, то есть он перестал существовать.

В общем-то, произойди такое с кем-нибудь другим, это вполне можно было принять за случайность. Но Кюфо занимался строго секретными проблемами, имеющими огромную государственную важность. И начальство считает, что сделано это преднамеренно. Но как?.. Ведь о существовании этого заведения знает лишь строго ограниченный круг людей...

— Ну так что все-таки требуется от меня?

— Неужели ты не понял? Надо установить, кто это сделал. Когда я посмотрел и понял, что поправить уже ничего нельзя, то сказал им об этом. Они спросили, нет ли у меня человека, который мог бы заняться выяснением происшедшего. Официально они пока обращаться никуда не хотят, потому что невольно получило бы огласку существование такого заведения, да и начальство, которое пока ничего не знает, их по головке не погладило бы. Я, конечно же, подумал о тебе. Они согласились под мою ответственность. Так что поехали, нас ждут...

— Вот, господин Наварр, тот человек, о котором я вам говорил, — представил Жан-Клод своего друга, когда они вошли в кабинет директора заведения, которое Пьер даже не знал, как назвать.

— А, инспектор Тексье, — сказал хозяин кабинета, протягивая руку, — ваш друг очень расхваливал вас. Будем надеяться, что дружба не затуманила ему глаза и он прав. Садитесь, — предложил он, указывая на кресло и садясь напротив.

Пьер по привычке принялся рассматривать Наварра. Высокий лоб, белые виски при еще не совсем седой голове, маленькие, тоже белые, усики, большой нос с горбинкой. Глаза... глаза какие-то бесцветные, водянисто-серые и холодные, даже несколько злые.

«Да, с таким человеком работать не хотелось бы, — подумал Пьер, — а уж быть у него в подчинении тем более».

— Так, значит, начнем. Чем занимается наше заведение, я думаю, вы узнали от своего приятеля?

— В общих чертах, — холодно ответил инспектор.

— Так вот, началось все вроде бы с мелочей. Однажды компьютер с самосознанием Луи Кюфо заявил, что ему хочется погулять под луной с какой-то неизвестной нам Моникой, стихи ей почитать и всякую тому подобную чепуху. То вдруг он высказал желание побывать у лесного озера. Мы решили ему фильм показать, но он заявил, что ему нужно настоящее озеро с запахом прели и хвои, чтобы птицы пели и кувшинки плавали... Потом заявил, что ему курить хочется. И так чуть ли не каждый день — то одно, то другое. Мы пытались объяснить ему, что все это невозможно, но он и слушать не хотел. Все ныл и ныл.

Мы долго думали, что же нам делать с этим Луи Кюфо. Сначала пробовали просто не обращать внимания на все его просьбы и требования. Он перестал работать вовсе. Тогда мы обратились к разработчикам этой системы — фирме «Электроник». Они предложили при каждой такой просьбе посылать в соответствующую область электронного мозга определенные импульсы, означающие удовлетворение желаний...

Инспектор открыл было рот, чтобы спросить у Наварра, что все это значит и как это они делают, но промолчал. Собеседник, видно, понял, что заинтересовал Пьера, и пояснил:

— Вас, очевидно, интересует, как можно с помощью импульсов удовлетворить различные желания? Это просто. Такие опыты уже давно производятся с животными. С помощью компьютера и введенных в мозг электродов, например, вызывали чувство насыщения у голодного животного и, наоборот, заставляли есть сытое, а также вызывали раздражение у спокойного и успокаивали взбешенное. Вполне понятно, что если мы можем проделывать это с живым мозгом, то уж с электронным все гораздо проще. Они разработали соответствующую программу и прислали ее нам.

Теперь на любое желание Луи Кюфо в его электронный мозг поступали электрические импульсы. Захотелось курить — пожалуйста; импульс, посланный в нужное место, создавал у него ощущение, как будто он только что выкурил сигарету; захотелось посидеть у лесного ручейка — пожалуйста, он получал ощущение, что так оно и есть.

На какое-то время Луи Кюфо успокоился, хоть компьютер стал работать несколько хуже, а вернее, медленнее, чем в первые дни по прибытии к нам. Однако и эта спокойная жизнь длилась не так уж долго. Потом он опять стал раздражительным и недовольным. Часами ничего не делал, углубившись в себя. У него явно было плохое настроение, его мучили какие-то мысли о себе и своей судьбе...

Наварр задумался, как бы прикидывая что-то. Лицо его стало еще злее. Казалось, задай ему сейчас вопрос, и он взорвется. Прошло, наверное, минуты три, прежде чем он снова заговорил:

— Так вот, а теперь Луи Кюфо просто не стало. Кто-то стер его. И ваше дело, господин инспектор, установить, кто мог пойти на это...

— У вас есть какие-нибудь подозрения? — спросил Тексье.

— Прямых подозрений нет, — спокойно ответил Наварр, — мне ясно только одно — посторонний человек к нам попасть не мог, и это дело рук кого-то из наших. Но кого? Мне кажется, я буду прав, если подскажу вам нужное направление поиска. Не зная, кто это сделал конкретно, уверен, что это совершил кто-то из левых. К сожалению, среди наших молодых сотрудников есть и такие, хотя я всячески старался от них избавиться...

«Очередной антикоммунист», — подумал инспектор, но спросил только:

— А на чем же строится ваша уверенность?

— В первую очередь на том, что они все время вертелись около этого компьютера. А потом не забывайте, что Кюфо занимался секретными проблемами, имеющими огромное значение для наших вооруженных сил. И я думаю, что они хотели выведать что-то у компьютера, но, поняв, что Кюфо отказывается сотрудничать с ними, просто уничтожили его. Так что теперь дело за вами. Вы обязательно должны узнать, кто это сделал.

— Ну что, хочешь осмотреть компьютер? — спросил Жан-Клод, когда они вышли из кабинета Наварра.

— Пока мне это не нужно, — спокойно ответил Пьер.

Они вышли из здания и направились к машине. Вокруг куда-то спешили люди, и Пьер невольно подумал, что никому из них, столько раз проходивших мимо этого здания, неизвестно, что хранит оно мысли и судьбы давно умерших людей, о существовании которых, может быть, забыли даже родственники и знакомые. А ведь они, несчастные, почти живы: мыслят, работают, творят, изобретают. И, как выяснилось, еще и переживают

От этих мыслей Тексье стало както не по себе. Друзья попрощались. Пьер сел в машину, но, побыв наедине с собой минут десять, решил опять вернуться в заведение Наварра. Войдя в машинный зал, он спросил у первого попавшегося парня: кто в основном работал с Луи Кюфо?

— Которого стерли, что ли? Так он был любимцем Анатоля Маньяна. Но вы лучше не трогайте его. Он сейчас в плохом настроении. Начальство подозревает, что это сделал он.

— Так где же он сейчас? — спросил Пьер.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ АНТАСТИКИ

— Скорее всего в нашем баре. Он такой, не очень большого роста, но с плечами, как у борца. И волосы черные, слегка волнистые... Да вы сразу увидите...

Пьер спустился на первый этаж, вошел в бар и действительно сразу же увидел за одним из столиков широкоплечего парня с черными, слегка вьющимися волосами.

— Извините, вы Анатоль Маньян? — спросил Тексье, подойдя к столику.

— Да, Маньян. А вы кто? — в ответ поинтересовался парень.

— Я инспектор Тексье, — представился Пьер и, не спрашивая разрешения Маньяна, сел напротив.

— Что, шеф уже ищеек нанял? — презрительно заметил Маньян.

— Ну вот, сразу и ищеек, — спокойно сказал инспектор. — Я здесь действительно по приглашению шефа, но к вам он меня не посылал. Он подозревает, что это сделал кто-то из левых.

— Значит, на меня думает. Ведь я не скрываю, что состою в молодежной организации коммунистов, — спокойно ответил Маньян, глядя Пьеру в глаза.

— Скажите, а вы знали, чем занимается Луи Кюфо?

— Конечно, знал. И не только я. Здесь вообще известно все и обо всех. Но в детали я не вдавался.

— А вы разговаривали с Кюфо о его работе, о том, насколько она вредна или полезна для человечества?

— Совсем немного. Я же не знал, чем конкретно он занимается. Но думаю, спроси я его, он и не сказал бы, так как был порядочным человеком. Разумеется, я мог бы это узнать и другим способом помимо его воли. Но мы были почти что друзьями, и я не мог позволить себе этого. Да и потом, я повторяю, мне это было совершенно не нужно.

— Уверен, вы прекрасно знаете, что все-таки произошло, — заметил Тексье

— Почему вы так решили?

— Вы же сами сказали, что были почти друзьями. Значит, вы знали его лучше других. К тому же я и сам, кажется, догадываюсь, что могло случиться.

— Ну и что же? — с недоверчивой улыбкой спросил Маньян. — Только учтите, я вам рассказывать ничего не собираюсь. Докопаетесь сами — тогда отвечу на ваши вопросы. А пока...

Они попрощались, и Пьер вышел из здания.

«Да, — подумал он, садясь в машину, — все, что происходит в этом заведении, веселым не назовешь. Откровенно говоря, не испытываешь радости, побывав здесь. Как называть этих академиков, профессоров — живыми или мертвыми? Подумаешь — ну прямо морг с живыми трупами.

Но с этим самым Луи Кюфо они явно сделали что-то не то. Импульсы, удовлетворяющие желания. Настоящее есть настоящее, а подделка, какой бы хорошей она ни была, так подделкой и останется.

А Наварр-то — личность довольно противная. И вся его версия с происками вражеских агентов, судя по всему, явный бред.

Что-то все-таки здесь не так. Надо, пожалуй, проверить кое-что».

И уже через полчаса он вошел в здание исследовательского отдела фирмы «Электроник». Мишель Лешуа, один из разработчиков системы передачи самосознания, оказался человеком лет сорока, высоким, уже начавшим полнеть, с большими залысинами на крупной, породистой голове.

— Ну как же, как же, Луи Кюфо, — ответил он спокойным, немного усталым голосом на вопрос инспектора, — трудный, очень трудный случай. Могу вам честно сознаться, на такой эффект мы и сами не рассчитывали. Кто мог подумать, что вся система будет работать столь хорошо. Правда, повозиться пришлось. Но теперь-то, я надеюсь, все будет нормально...

Пьер понял: собеседник не знает, что Кюфо уже нет.

— Вы имеете в виду электрические импульсы, имитирующие выполнение желаний? — только и спросил Тексье.

— Что вы, это был только начальный и простейший этап...

— Да? А вы делали еще что-то? — перебил его инспектор.

— Конечно. Ведь этих имитаций Кюфо хватило ненадолго. Через какое-то время он опять начал хандрить, и Наварр потребовал, чтобы мы предприняли еще что-нибудь. Тогда мы предложили стереть из его памяти все чувства, желания, ощущения, эмоции...

— Но ведь это же... — Пьер запнулся, даже не знал, как назвать то, что сделали с Луи Кюфо. — Это просто насилие. Ведь он, считайте, живой, мыслящий человек, как же можно лишить его всего этого.

— Вы напрасно волнуетесь, — Лешуа вымученно улыбнулся. — Вы не специалист, потому и преувеличиваете все. Я уверен, что Кюфо в конце концов будет даже рад...

— Рад... рад... Вы уж скажете. Представьте, что с вами поступили так же, как с Кюфо.

— Как это со мной? — удивленно поднял брови Мишель Лешуа. — Я же человек.

— А он? Он-то кто, по-вашему? Разве он не человек?

— Конечно, нет. Он компьютер.

— Меня очень удивляет, что это говорите вы — один из разработчиков системы. Если бы я услышал это от Наварра, я бы не удивился. Но вы?..

— Вы напрасно сердитесь, — несколько обиженно сказал Мишель Лешуа, — никто и не собирался трогать его интеллекта и делать из него кретина. Пускай работает сколько ему угодно. Мы просто предложили облегчить его жизнь, лишив Кюфо того, что его мучает... Сознаюсь, первое время меня терзали те же сомнения, что и вас. Но Наварр убедил меня... К тому же мы разработчики, а они заказчики, и мы обязаны выполнять все их требования. Но что привело вас ко мне? Что там произошло?

— А произошло то, что кто-то стер всю интеллектуальную информацию Луи Кюфо, — несколько грубо ответил Пьер и, попрощавшись, вышел.

Сев в машину, Тексье по привычке закурил. В голове его теснились мысли, на которые он не мог найти ответа. Кем или чем считать компьютеры с самосознанием: машинами, пускай и очень умными, или же людьми, хотя и в другой физической оболочке? Если исходить из первой предпосылки, то с памятью этих машин действительно можно делать все, что заблагорассудится. Во втором же случае трогать память этих машин не имеет права никто... Так, наверное?

* * *

Утром следующего дня Тексье опять появился в заведении Наварра. Найти Маньяна не составляло особого труда. Анатоль, только увидев инспектора, сразу же вышел из машинного зала.

— Вот что, Анатоль, расскажи-ка мне все, что произошло за последние дни, — обратился Пьер к Маньяну, когда они опять спустились в бар. — Думаю, теперь я знаю многое. Сам понимаешь, о чем мог рассказать Лешуа из «Электроника».

— Да? — удивленно поднял глаза Маньян. — Тогда мне действительно скрывать нечего. Я был против любого вмешательства с самого начала, и тогда, когда они посылали импульсы, и теперь, в последний раз.

Рис. Юрия Макарова

Я пытался объяснить, но шеф меня и слушать не хотел. Передача самосознания компьютеру... Дело это настолько необычное и новое, что никто еще в нем практически ничего не смыслит. С одной стороны, все вроде бы и просто. А с другой — еще никто из нас не знает, что в этом вопросе правильно, а что — нет, на что мы имеем право, а на что — не имеем.

Анатоль налил себе бокал пива и выпил его большими глотками. Ему было явно не по себе.

— Когда я вышел из кабинета Наварра — ну, после того как было решено, что эту ужасную операцию они все-таки произведут, я был подавлен. Я прекрасно видел, что не только я, сотрудник, обслуживающий этот компьютер, но даже и Лешуа не одобряет решения Наварра. Но никто не смог заставить шефа отступиться.

Размышляя над всем этим, я и не заметил, как подошел к компьютеру.

«Ты что, Анатоль, сегодня невеселый?» — спросил он меня.

«Нет причин веселиться, — ответил я, — допрыгался ты, приятель. Решили стереть из твоей памяти все то, что будоражит тебя в последнее время», — с трудом выдавил я.

«Ты хочешь сказать, что это можно сделать? — удивился Кюфо, и мне показалось, что даже его стандартный голос выразил недоумение. — В технических возможностях я не сомневаюсь. Но разве имеет кто-либо на это право? Ведь я же все-таки человек».

«Что я могу сказать? Тебе, наверное, приходилось и раньше сталкиваться с тем, что вышестоящее начальство иногда делает то, на что, с нашей точки зрения, оно не имеет права».

Луи помолчал и неожиданно спросил: «Скажи, а за что меня ненавидит Наварр?»

«Это не ненависть, — попытался я объяснить ему. — Просто он хочет, чтобы у него здесь все было спокойно. А ты нарушаешь это спокойствие. И мне кажется, что одна из причин, по которой он хочет проделать с тобой все это, желание, чтобы ты не отвлекался от основной темы».

«Но что я могу поделать, если я всегда был таким, — попытался объяснить он мне, — шумливым, живым, веселым. Меня и раньше упрекали, говорили, что это недостойно ученого. Но тогда никто не посмел бы даже подумать о чем-то подобном...»

Просидел я там до вечера. А потом поехал к своим друзьям посоветоваться. Мы думали долго, но поняли, что единственное, на что мы способны в такой ситуации, — это привлечь внимание общественности. Но успеем ли мы?..

Могу заранее сказать: мы не успели. Статья появится, а точнее сказать, уже появилась, но только сегодня... На следующий день я все утро занимался этим, а когда пришел, то узнал, что все уже произошло. Сознаюсь, весь день я боялся зайти в машинный зал. Только к вечеру я решился подойти к Кюфо.

«Ну как дела?» — спросил я у компьютера.

«Зачем ты спрашиваешь? — ответил он после некоторого молчания. — Они считают, что все хорошо. Скажи мне честно, мог бы ты жить, если бы у тебя отняли все то, что отняли у меня?»

Я сказал, что скорее всего жизнь потеряла бы для меня всякий смысл.

«Вот то-то и оно, — ответил Кюфо. — Думаю, ты меня потом поймешь. Прощай». И он отключил внешнюю связь.

Я постоял какое-то время, потом вышел из здания и пошел домой. Одна мысль все время не давала мне покоя: что имел в виду Луи? Неожиданно мне показалось, что я понял. Бросился обратно. Влетев в зал, подбежал к компьютеру. Лампочка на пульте спокойно засветилась. Я хотел было облегченно вздохнуть, но на всякий случай все-таки нажал кнопку внешней связи. Компьютер не отвечал. Долго еще я крутил все переключатели, вертел ручки, нажимал кнопки. Компьютер молчал. Я понял, что память его чиста, как в день изготовления. Кюфо сделал то, что хотел...

Я хотел уже уходить, когда заметил, что из печатающего устройства торчит кусок ленты. Я оторвал его и прочел написанное. Вот он. — И Маньян протянул инспектору кусок ленты.

«Прости, Анатоль, — было напечатано на нем, — но я так жить не могу. Ты был прав, в нашем обществе возможно все. Надеюсь, тебе придется пожить и в лучшем обществе. По крайней мере, желаю тебе этого... Прощай».

— Вы сами понимаете, что я не могу показывать эту бумагу начальству, — сказал Анатоль, пряча ленту в карман, — ведь они же скажут, что это я сагитировал его... покончить жизнь самоубийством. Ну а вы, инспектор, думали, что все произошло именно так?

— Да, — ответил Пьер, выбивая потухшую трубку.

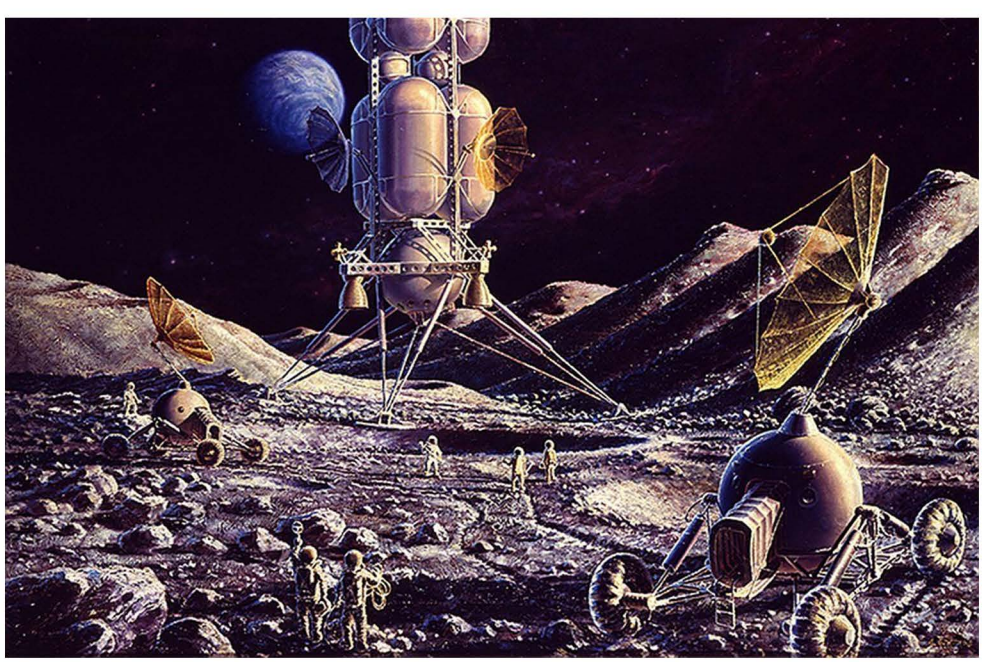
— А как же вы догадались?

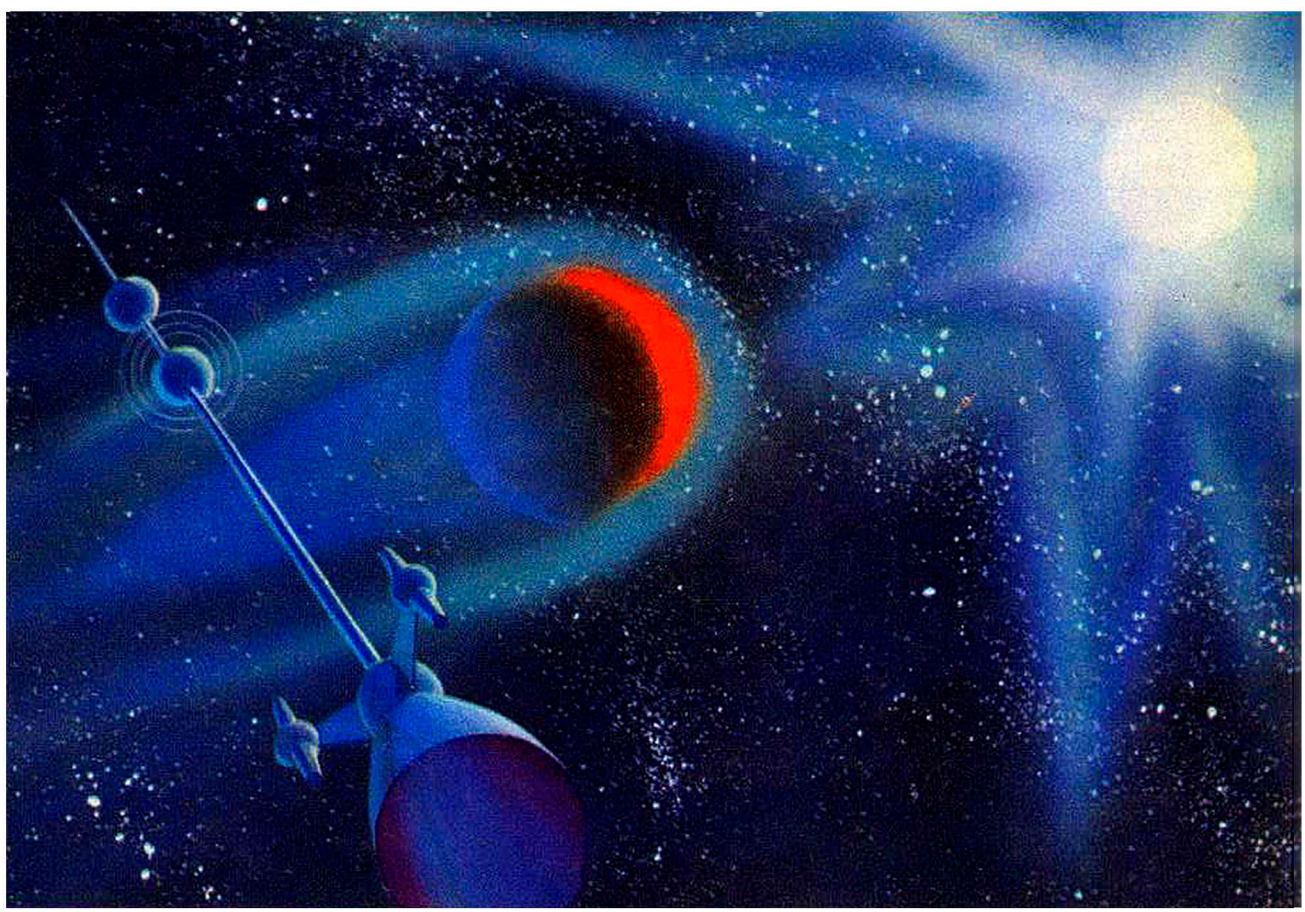
— Очень просто. Я поставил себя на место Луи Кюфо и понял, что не смог бы жить так.

В кабинет Наварра инспектор вошел, даже не постучав.

— Ну, что скажете? — спросил Наварр, холодно глядя на Пьера.

— Скажу, что вы просто мерзавец, — ответил Тексье и, увидев, что Наварр хочет что-то ответить, спокойно продолжил: — Так вот, вы мерзавец потому, что именно вы убили Луи Кюфо, точнее, заставили покончить его самоубийством. И вы прекрасно поняли это, но пригласили меня, чтобы с моей помощью свалить вину на кого-нибудь другого...





Фантасты от 12 до 15 лет

ШКОЛА МЕЧТАТЕЛЕЙ

СТАНИСЛАВ ГАГАРИН,
писатель,
руководитель клуба «Шарташ»,
г. Свердловск

Древние мудрецы учили: каждый человек подобен Вселенной, представляет собой микрокосмос. Эти слова не устарели и поныне. Способность нашего разума проникать в сокровенные тайны природы, мысленно переноситься в далекие миры поражает своей уникальностью. Есть ли во Вселенной другие существа, обладающие столь феноменальным даром? Сможем ли мы встретить их когда-нибудь? Ученые, собравшиеся на Бюраканской конференции, после ожесточенной дискуссии утвердили «позывные» Земли, которые при любом, какой только можно вообразить, методе расшифровки дают изображение мужчины и женщины, взявших за руки ребенка. Переданный самыми мощными радиотелескопами мира, этот сигнал ушел к границам Галактики. Специалисты еще продолжают спорить, достигнет ли он братьев по разуму, а писатели-фантасты уже живо обсуждают, каков облик и характер неведомых адресатов, в каких дальних далях скрывается необычный мир иной цивилизации. Что же, у жанра свои законы.

Впрочем, как-то даже неловко называть фантастику жанром. Это самостоятельный вид литературы, выработавший уже собственную внутреннюю классификацию, приобретший своего благодарного читателя.

Читатель этот, как правило, молод. Он начинает знакомство с фантастикой со сказки, а затем переходит к более сложным формам, но привязанности этой будет радостно верен всю жизнь.

Они очень разные, члены клуба юных любителей фантастики «Шарташ». (Такое название носит прекрасное озеро, расположенное на окраине Свердловска.) Эта общественная детская организация была бы немыслима еще каких-нибудь 10—15 лет назад. Ребята, объединенные общим интересом, создали при Свердловской областной детской библиотеке своего рода литобъединение и вначале робко, а потом все смелее стали пробовать силы и в прозе, и в поэзии. Они даже выпускают свой самодеятельный журнал, который так и называется «Шарташ».

Предвижу вопрос: «Надо ли, чтобы шести-восьмиклассники с их еще недостаточно зрелыми умами, нетвердым знанием языка и правил стилистики писали рассказы, да еще и фантастические? Не заразим ли мы их преждевременно духом «сочинительства», не вообразят ли они себя «гениями», создав два или три слабых писания?»

Думаю, что подобные опасения излишни. Выпуская журнал, ребята пробуют свои силы, учатся писать лучше. Это с одной стороны. А с другой — наглядно убеждаются, что и они способны творить нечто значительное, невзирая на возраст.

Вдумайтесь в слова: «Мы издаем свой журнал...» Убежден, что пройдут годы, и Лена Медведева, Сергей Чирков, Илона Никонова, Ирина Захарчук с гордостью произнесут это уже в прошедшем, конечно, времени...

Вышел второй номер «Шарташа», готовится третий. Появились новые авторы, вырос объем журнала. Преодолены с помощью Свердловского общества книголюбов и администрации областной детской библиотеки технические трудности. Многое предстоит еще сделать, но главное уже есть — постоянный авторский коллектив увлеченных литературой мальчишек и девчонок.

Что особенно привлекает в их творчестве? Умение создавать оригинальные фантастические ситуации, изрядная доля юмора. Достойны одобрения попытки психологической разработки характеров... И при этом — ни грана подражательности взрослым! Свой голос, своя манера, свой стиль, наконец..

Кто из нас в детстве не мечтал найти одно всемогущее универсальное средство от всех болезней человечества! И именно одно-единственное!.. Чтобы вслед за его открытием на Земле осталось место лишь для счастья и радости. Это стремление, вполне естественное для детей нашей страны, отразилось в рассказе ученика 7-го класса Артема Попова «Открытие профессора Иванова».

В фантастике есть свои «вечные» темы. Одна из них — появление на Земле космических агрессоров, мечтающих поработить нашу планету. Все они начиная с уэллсовских марсиан неизменно терпят неудачи. Свой рецепт борьбы с агрессивными пришельцами предлагает Павел Бортник в рассказе «Неудавшееся вторжение», причем в роли спасителей выступают (может, это и нескромно) сами юные фантасты.

География детской фантастики не ограничивается одним Свердловском. С убедительной прямотой напоминает о необходимости тщательно взвешивать, выверять свои действия 15-летний Сергей Битюцкий из Ростова-на-Дону (рассказ «Сверхновая Барнарда»)...

Они еще очень юны, эти фантасты. Это живые и веселые, порой даже слишком живые подростки. Так что Галина Николаевна Шабурова, много сил положившая, чтобы организовать, сплотить этот коллектив, иногда разводит руками и хватается за голову, пытаясь успокоить разыгравшиеся страсти. Да, это обычные девчонки и мальчишки. И вместе с тем каждый наособицу. Они прошли искус самостоятельной работы. Они осязали, держали в руках номера фантастического журнала, сделанного ими самими. Им доступны иные миры — миры, возникшие в их сознании.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

К МЕЖДУНАРОДНОМУ ГОДУ РЕБЕНКА

ОТКРЫТИЕ ПРОФЕССОРА ИВАНОВА

АРТЕМ ПОПОВ,
г. Свердловск

I

— У-уф-ф, еле успел, — промолвил профессор Петр Иванович Иванов, чудом вспрыгнув на подножку набиравшего скорость вагона.

В полуночной электричке было пусто и никто не мешал Петру Ивановичу трезво оценить этакую экстравагантность: «Хотя в моем возрасте и рискованно проделывать подобные трюки, но все же это лучше, чем ночевать под лопухом... э-э... да, «пятидесятым», он самый большой. Интересно, что из него получится?»

В прошлом году профессору удалось генетически скрестить, казалось бы, совсем несовместимые растения: дуб, секвойю, эвкалипт, сосну, бамбук на основе самого обыкновенного лопуха.

Сейчас он высадил два новых гибрида на опытной станции под городом... скажем, Энском, и еще одно, для контроля, у себя в комнате, в горшке.

На вокзале профессор спустился в метро и через десять минут подходил к подъезду своего дома. Но что это? Почти все жильцы высыпали на улицу, почему-то бегали, шумели, суетились. Но хуже всего — во главе с управдомом.

— А-а! Во-от он, голубчик! — угрожающе произнес тот. — Что вы себе позволяете? Знаете, чем это пахнет?

— Что пахнет? — удивился профессор.

— Он еще спрашивает!

И тут Петра Ивановича поразила страшная догадка: «Это деревосмесь сломало потолок!»

Побледневший профессор открыл дверь в квартиру, и тут ему на голову упал обломок кирпича...

II

Очнулся профессор в ближайшей больнице. Рядом участливо сидел его сердечный друг, Виктор Сергеевич Нудов.

— Браво, Петя. Ну, ты прямотаки гений. Надо же, наделал столько переполоха. Ваш дом хрустнул, как спичка. Я уж молчу о том, что репортеры осаждают опытную станцию на берегу Таири, там ведь тоже выросли эти «деревца». Ты только представь красочную картину: голубое озеро, за ним вознеслась красновато-коричневая башня ствола, а сверху, между белыми облачками, посверкивает изумрудная крона...

Профессор с мучительным стоном закрыл глаза.

III

Вскоре в Свердловске был созван внеочередной съезд биологов всех средних широт.

— Уважаемые коллеги, наш съезд собрался, чтобы обсудить важную и актуальную проблему дерева-гиганта. Мы должны тщательно взвесить все факты «за» и «против» и со всей определенностью решить, быть ему или не быть. Слово предоставляется...

— Здравствуйте, друзья! Я хочу зачитать вам некоторые цифры в пользу дерева. В Энске воздух за одни сутки роста двух объектов стал чище на 43,2 процента — подумайте, это в городе металлургов! Одно дерево может дать столько древесины, сколько можно снять с 500(!) гектаров обычного леса. Да еще какой древесины: прекрасный «лопушный» рисунок, коры нет, большая прочность — она не гнется, не трухлявится, вредители на ней ломают зубы.

К тому же хочу добавить, что такие деревья являются прекрасным украшением ландшафта. Так, в Энске на ветке дерева выстроен ресторан «Скворечник» со смотровой площадкой. Он расположен на добрых два километра выше знаменитого «Седьмого неба». А если на саженец «взвалить» обсерваторию, то астрономы со временем получат прекрасную станцию для своих наблюдений...

— Слово предоставляется...

— Нет, «Гигантэю» (к этому названию мы пришли после длительного обсуждения) надо вырубить с корнем! Наши расчеты показывают, что одно такое дерево, как вакуум-насос, высосет всю воду из почвы на десятки километров кругом. Плодородные земли превратятся в пустыню...

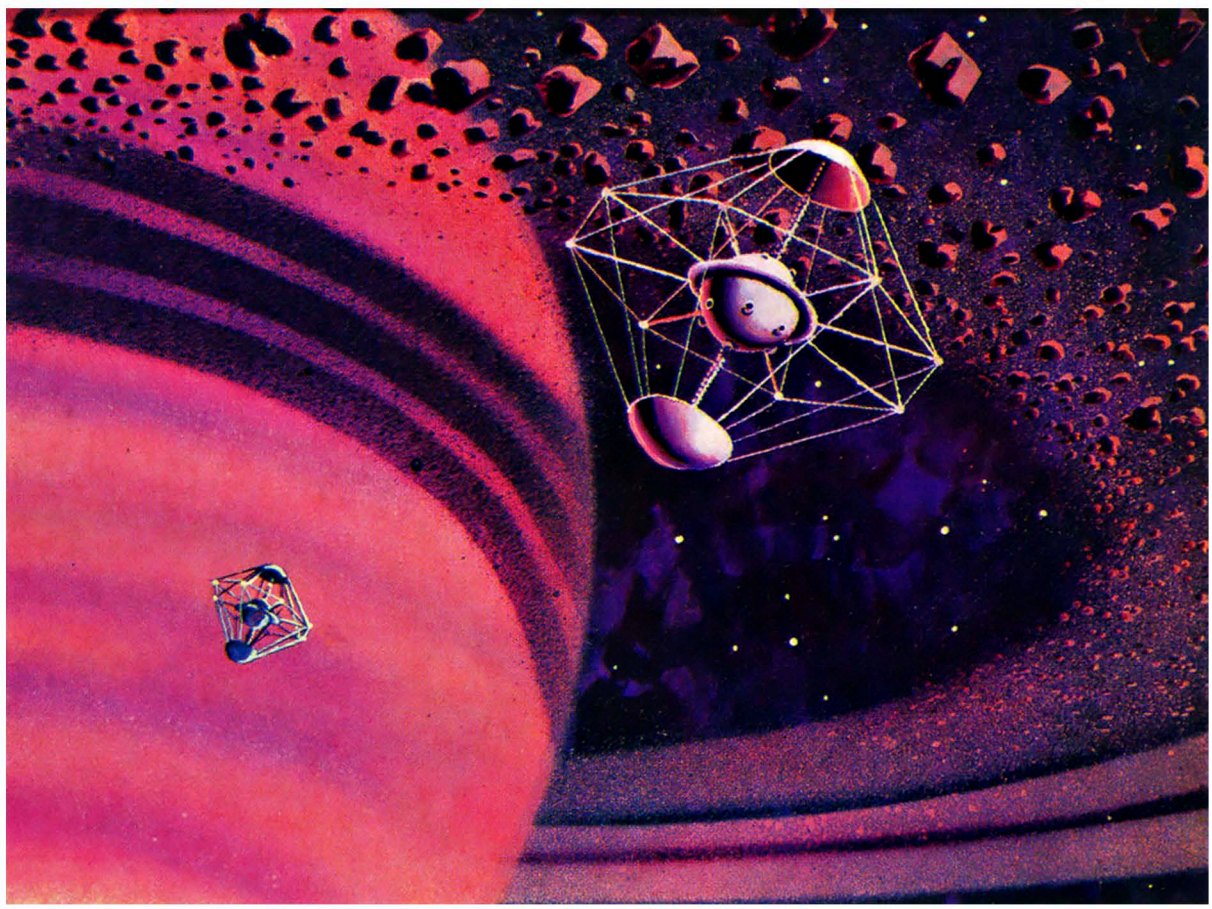
— Слово предоставляется...

— О какой пустыне вы говорите? В тени гигантских деревьев будет конденсироваться атмосферная влага! Пар сгустится в облака, землю орошат проливные дожди... Вы были когда-нибудь в тропиках?

Идет научная дискуссия. Споры, которым не видно конца: «Слово предоставляется... Слово предоставляется...», и вдруг в зал, в ряды почтенных биологов, врывается сторонний человек, по специальности физик.

— Из смолы «Гигантэи» получена антирадиационная пластмасса! — вне регламента кричит он. — Отражаются все виды излучения! Открывается столбовая дорога к постройке фотонного двигателя!..

Это и решило судьбу «Гигантэи», а в родном селе профессора Иванова был воздвигнут его бюст.



СВЕРХНОВАЯ БАРНАРДА

СЕРГЕЙ БИТЮЦКИЙ,
г. Ростов-на-Дону

В центральной рубке космической станции ощущался бодрящий, свежий запах, означавший, что капитан волнуется и по привычке щелкает тумблером озонатора.

Он сидел в кресле и хмуро смотрел на гравитограмму, высвеченную на дисплее. Большинство присутствующих разбиралось в них ровно настолько, чтобы понять, что это гравитограмма. Капитан вынужден был объяснить.

— Взгляните на этот пик, — мрачно начал он. — Усиление гравиполя в два раза! Практически это значит, что звезда получила прибавку массы, равную собственной. Откуда, я не знаю. Но ясно, звезда Барнарда не вспыхнет, а постепенно войдет в норму. Что делать?

— Быть может, гравиполе звезды Барнарда увеличено искусственно? — предположил кто-то. — Может, это сделано инопланетянами?

На него снисходительно посмотрел из-под очков научный руководитель работ.

— Молодой человек, пора бы уже знать, что в нашем секторе галактики никаких других цивилизаций нет! Иначе они бы давно ответили на радиосигналы, которые мы регулярно посылаем в космос.

— Здесь не диспут о жизни во вселенной, — остановил их спор капитан и продолжил, обращаясь ко всем: — Если звезда Барнарда нормализуется, мы не научимся предотвращать вспышки сверхновых, а ведь следующей может стать и Солнце! Человечество будет постоянно находиться в опасности!

— Значит, вы предлагаете разжечь?

— Да.

— Но как?

— А это как раз очень просто, — усмехнулся капитан, — достаточно запустить в нее капсулу с гравинейтралитом. Это вещество, образно говоря, как губка, впитывает гравитацию.

— И введем в программу нульстартового снаряда задание проследить, откуда звезда получает лишнюю гравиэнергию; возможно, это и есть ключ к умению тушить звезды! Отправим зонд немедленно.

— Подождите, но ведь мы еще не успели исследовать систему звезды Барнарда, а уничтожать неисследованную систему?!

— Поймите, если мы сейчас не поможем звезде Барнарда вспыхнуть, то позже это будет уже невозможно! Мы выбираем меньшее из двух зол!

* * *

Аннигиляционное пламя разогнало старт-снаряд до субсветовой скорости. Еще раз сверив курс, снаряд выдвинул на телескопических ножках полусферы Ф-двигателей. Антигравитационные лучи огромной мощности вырвались из них и скрестились в точке пространства, «фокусе», немного впереди корабля. Они пробили пространство, прорвали в нем дырку. Снаряд ушел в гиперпространство, и оно тут же захлопнулось.

Вынырнув в нормальные три измерения в четырех астрономических единицах от хромосферы светила, он выпустил в ее кроваво-красный диск зонд с гравинейтралитом. По дополнительной программе снаряд определил гравилокатором источники дополнительной гравитации. Ими оказались: самым крупным — вторая от звезды Барнарда планета и 19 помельче, искусственного происхождения, расположенные вокруг звезды. Автомат снаряда был низкого класса, и он не сделал выводов из увиденного, он только сфотографировал объекты в мощный телескоп и продолжал выполнять программу. Приборы фиксировали состояние звезды, а зонд тем временем приближался к ней, минуя вторую планету и неся страшный заряд гравинейтралита.

Планета, мимо которой летел зонд, вряд ли пришлась бы по вкусу землянам, но тем не менее на ней обитали существа, даже отдаленно не напоминающие людей и называющие ее на своем языке тепловых колебаний Актан. Система звезды Барнарда была забита космическим мусором — на 2 планеты в ней приходилось 3 пояса астероидов. Постоянно живя в страхе перед столкновениями с малыми планетами, время от времени вызывавшими огромные разрушения, актанты вынуждены были научиться предотвращать их, и они в совершенстве овладели гравитотехникой.

В последние годы у актантов появились хлопоты с их солнцем Зором. «Затемпературившее» светило было оплетено гравитационной паутиной, не дававшей его плазменным недрам вырваться на свободу.

Станция метеорного контроля и одновременно контроля за Зором, распределявшая тераватты энергии и следящая за ходом аварийных работ, стояла, вросшая опорными лапами в базальт пустыни, и освещалась непомерно распухшей звездой. Непосредственная опасность уже миновала, отпала необходимость в большом числе операторов. За пультом сидели двое дежурных. Они внимательно рассматривали на экране стереолокатора приближавшееся к Актану каплеобразное тело. По мере уменьшения расстояния изображение становилось четче, и тем радостней им становилось.

— Это действительно не наш аппарат! Теперь понятно, почему он не отвечает на позывные!

— Чужой звездолет?

— Не похоже, слишком маленький.

— Тогда я просвечу его. Что там, внутри творения иного разума?!

Реле среагировало на тепловую команду, и через мгновение пакет нейтрино вернулся на приемную антенну, неся информацию о содержимом пришельца.

— Внутри только гравиед, не считая примитивного кибера.

— Зачем там гравиед? — мелькнуло подозрение у старшего. — Проверь траекторию.

— ...Упирается в Зор. А в чем дело? — удивленно спросил еще не понимающий напарник.

— Сюрпризы контакта... Тогда это наша смерть! — Он включил всеобщую трансляцию и излучил: — Тревога! Особая опасность!

Жерла мощных гравитационных пушек (флаузеров) нацелились на зонд, но гравинейтралит впитал гравитационную мощь противометеорных пушек, способную насквозь пробить небольшой астероид. Гравитация бесследно, как дым, растворилась, поглощенная гравинейтралитом. Зонд развил полную скорость и быстро ушел из зоны действия гравиметов.

На всей планете была объявлена тревога. Наперерез зонду вылетели два боевых гравилета. Они нагнали его и, нацелив все виды бортового оружия, внезапно потеряли скорость. Командиры привели в действие орудия, но концентраторы гравиэнергии опустели. Аварийный аннигилятор с ядерным питателем имелся только на одном корабле. Из паза выдвинулась и развернулась его парабола. Пламя полного атомного распада пронзило вакуум. Но зонд уже слишком далеко ушел от потерявших ход кораблей, и плазменный столб лишь сильно оплавил обшивку. У всех вокруг была только гравитационная техника, бессильная в борьбе с зондом. Гравилетчики не могли даже протаранить смертоносную машину. Ближайшая ракета с аннигиляционным двигателем находилась за 1 000 000 километров от зонда и не могла догнать его. Зонд бессильно расстреливали из флаузеров, но он впитывал гравиэнергию и неуклонно шел к светилу.

* * *

Люди стояли на обзорной площадке станции и смотрели на слабую звездочку.

— Вы слышали? Старт-снаряд должен сейчас вернуться, он послал сигнал: звезда Барнарда вспыхнула!

— Наконец-то...

На экране селектора появился капитан, с лицом, какого они никогда не видели, смертельно бледным и перекошенным от страха. Он дрожащим голосом прошептал:

— Немедленно все ко мне.

Перед рубкой членам экипажа обожгло легкие озоном. Капитан молча швырнул на стол два стерео.

На них играли красками лиловая планета с городами и большой искусственный спутник, поглощаемые пламенем сверхновой Барнарда.

Неудавшееся вторжение

ПАВЕЛ БОРТНИК,
г. Свердловск

Внепространственный разведывательный галактолет скорпов приземлился ровно в полдень в Историческом сквере Свердловска. Дабы не возбуждать любопытства аборигенов, кораблю с помощью голографической аппаратуры был придан вид каменной глыбы, что во множестве теснились в сквере.

Галактолет прилетел с седьмой звезды созвездия Скорпиона для уточнения технического уровня планеты Земля, которой впоследствии отводилась почетная роль стать колонией скорпов.

На предусмотренные инструкцией взятие и анализ проб воздуха, почвы и растительности ушло около десяти часов. Затем на разведку отправилась экспедиция в составе одного скорпа — опытного десантника Рика-Мару.

Как ни странно, но земляне весьма походили на обитателей седьмой Скорпиона. И, чтобы придать Рика-Мару типичный вид аборигена, достаточно было только перекрасить его волосы из изумрудного в ярко-красный цвет. И, разумеется, соответственно одеть.

Выйдя из корабля, десантник двинулся по дороге, по которой взад и вперед сновали туземцы. Пройдя от Исторического сквера до кинотеатра «Октябрь», Рика-Мару наугад сменил направление и приблизился к строению с непонятной табличкой «Областная детская библиотека». Дешифратор, работавший после капремонта не совсем точно, передал это как «Областное сборище посвященных».

Такое объявление чрезвычайно заинтересовало скорпа, и он решил войти.

Очутился Рика-Мару в светлом помещении.

Пожилая землянка в синем халате окунула в стальную емкость, заполненную водой, кусок материи и стала водить им по полу. «Видимо, традиционное приветствие», — решил скорп. Она разогнулась и что-то крикнула Рика-Мару. Дешифратор перевел это так: «О боже, и он туда же. Беги наверх, уже началось. Да поживей, а то Галина Николаевна тебе задаст».

Взойдя наверх по ступенчатой дороге, скорп попал в маленькое помещение, сплошь заполненное аборигенами. Незанятым оставался только допотопный прибор, очевидно служивший для освещения.

На стенах помещения висели красочные картины с космическим содержанием.

В комнате все взахлеб говорили друг с другом и каждый сам с собой.

Дешифратор Рика-Мару успевал переводить лишь обрывки отдельных фраз. Но и этого было достаточно, чтобы перевернуть все представления скорпа о техническом развитии землян. Вот что он услышал:

— Повторяю, что мой резофазотрон способен взрывать галактики и превращать излучение в энергию...

— Помнишь, как мы уничтожили пришельцев из соседней метагалактики?..

— А что, если на нас нападут из созвездия Скорпиона?..

— Обработаем их соответствующими лучами, и они станут паиньками...

— Или просто изолируем их паршивую планету в подпространстве...

Услышав все это, бедный, ошеломленный скорп, словно ошпаренный, выскочил из «Областного сборища посвященных» и со всех ног кинулся к галактолету.

Когда Рика-Мару выложил собранные разведданные капитану корабля, тот сразу же послал по каналу мыслесвязи рапорт своему начальству.

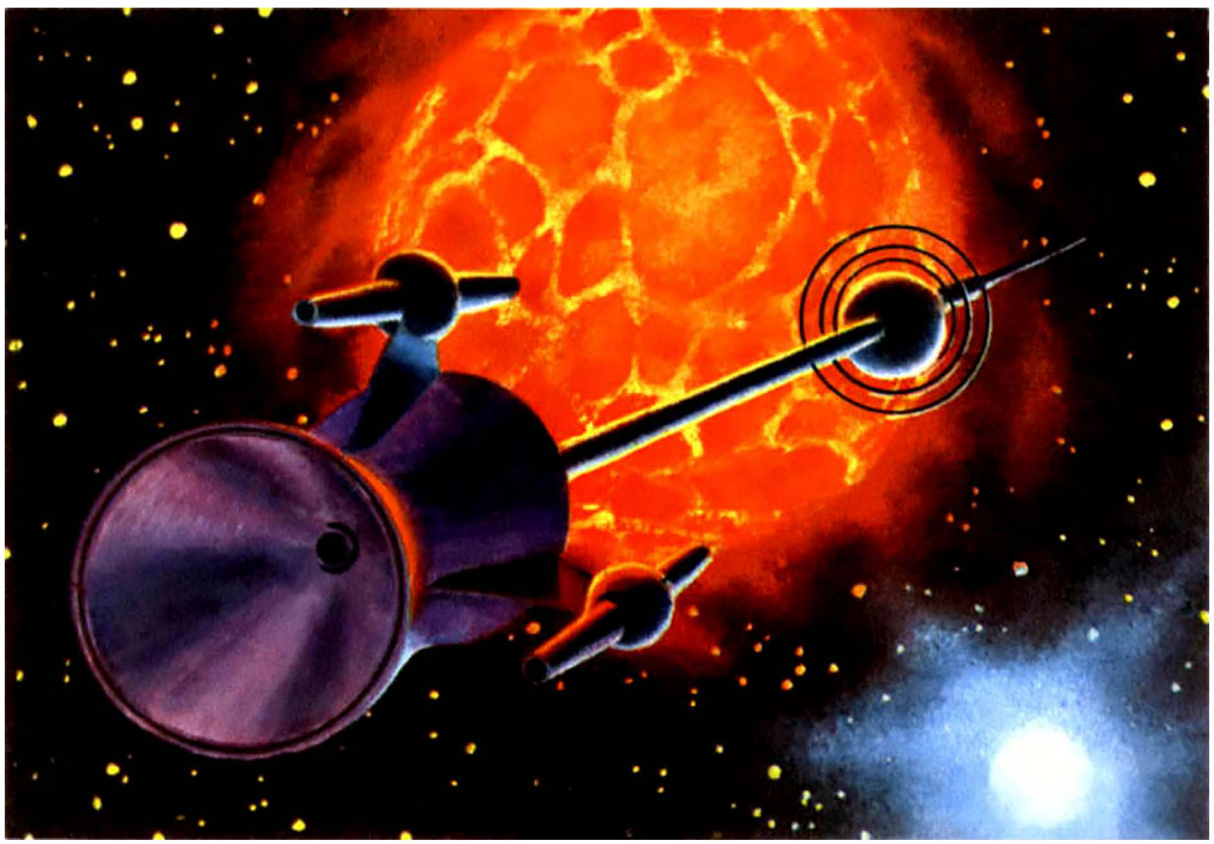
Ответ, отстуканный в голове капитана, гласил: «Немедленно улетайте тчк случае погони взрывайте корабль тчк ваши имена будут занесены на скрижали истории».

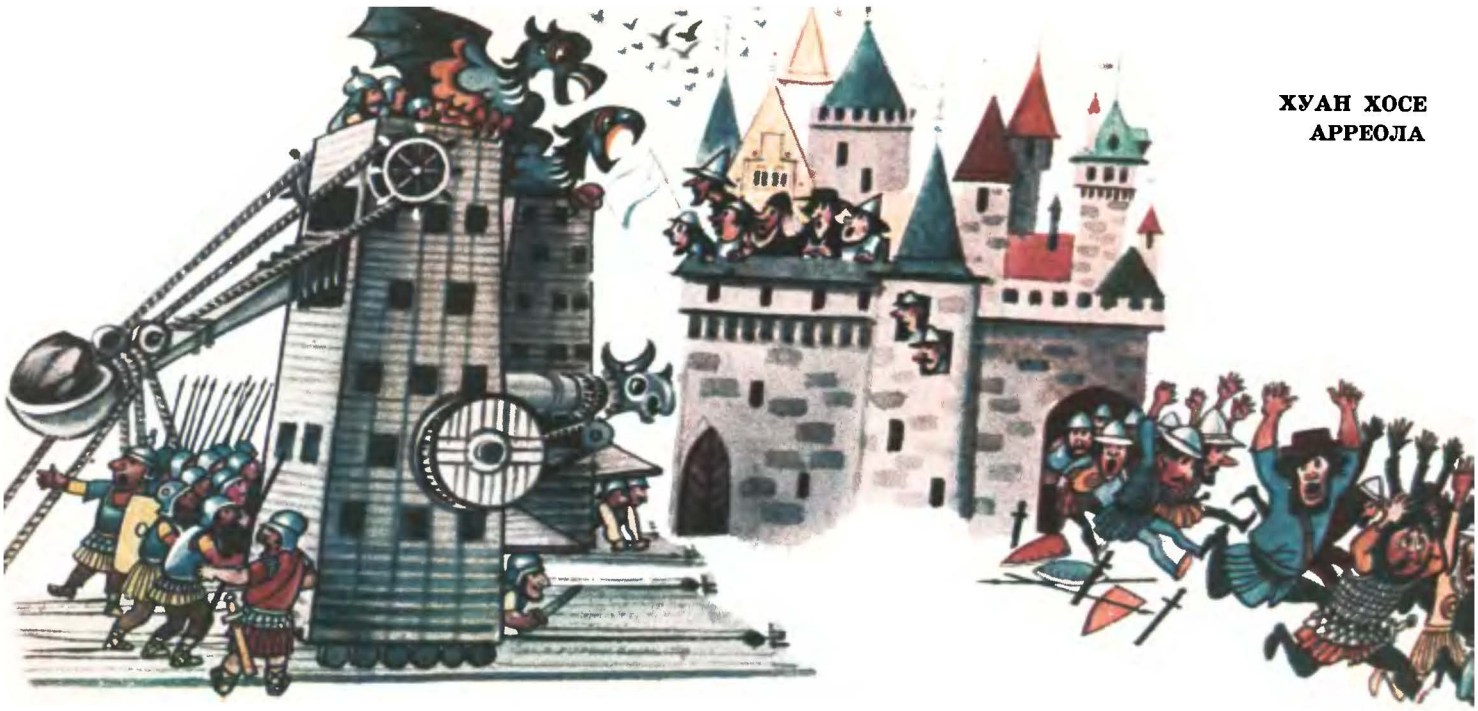
По галактолету немедленно объявили тревогу.

Через две минуты (рекордно короткий срок!) корабль стартовал.

Впоследствии Главный штаб космических завоеваний издал приказ, запрещавший всем галактолетам подходить к сверхпланете Земля ближе, чем на семь мегапарсеков, под угрозой потери двухгодичной премии.

Но если бы Рика-Мару не так спешил исчезнуть из «Областного сборища посвященных», то он успел бы услышать, как председательствующий объявил: «На этом заседание клуба юных любителей фантастики предлагаю считать закрытым».





ХУАН ХОСЕ
АРРЕОЛА

О БАЛЛИСТИКЕ

— Виднеющиеся поодаль неясные шрамы среди возделанных полей — это руины лагеря Нобилиоре. За ними возвышаются оборонительные пункты Кастильехо, Ренеблас и Педа Редонде. От древнего города остались только холмы, погруженные в тишину... — бойко затараторил гид.

— Не забудьте, что я приехал из Миннесоты, — решительно перебил его американец, — перестаньте же говорить пустяки и скажите мне внятно, что метали катапульты, как и на какое расстояние.

Вопрос не смутил экспансивного гида, и ответ последовал мгновенно:

— Вы требуете от меня невозможного.

— Но вас считают знатоком античных военных машин. Во всяком случае, профессор Бернс из Миннесоты назвал мне именно вас.

— Прошу передать ему мою благодарность. Кстати, каковы результаты его экспериментов?

— Полное фиаско. Профессор Бернс собирался разрушить стену на стадионе в присутствии большого количества публики. Но тщетно. Уже в пятый раз его подводят катапульты, на постройку которых он тратит все свои деньги. Он надеялся, что я раздобуду данные, которые позволят ему нащупать правильный путь, но вы...

— Пусть не отчаивается. Несчастный Оттокар фон Зоден потратил лучшие годы жизни на решение загадки машины Ктесибия, работавшей на сжатом воздухе. А Гаттелони, знавший куда больше, чем я, потерпел полную неудачу еще в 1915 году, пробуя привести в действие великолепную машину, изготовленную согласно описанию Аммиана Марцелина. Пять столетий назад Леонардо да Винчи тоже потратил уйму времени на огромную баллисту, причем придерживался указаний знаменитого дилетанта Марка Витрувия Полиона.

— Как вы можете так говорить о Витрувии! Об одном из ведущих гениев баллистики!

— А что вас удивляет? Витрувий действительно дилетант. Прочитайте-ка его «Архитектуру в 10 книгах». Витрувий на каждом шагу говорит о вещах, о которых не имеет понятия. Он всего лишь бессистемно пересказывает ценнейшие греческие тексты, начиная от Энея и кончая Героном Александрийским.

— В первый раз слышу. Но на кого же тогда ориентироваться? На Секста Юлия Фронтина?

— Читайте его «Стратагематон» осторожнее. Сначала кажется, что он пишет по существу. Но вскоре вас охватит разочарование, поскольку путаницу и ошибки нельзя не заметить. Фронтин был сведущим человеком в отношении акведуков, уличных стоков и клоак. Это так. Но он не смог бы рассчитать и обычную параболу.

— Не забывайте, я пишу диссертацию по римской баллистике. Я не хотел бы осрамиться, как мой учитель. Назовите мне несколько авторитетов, на которых можно положиться.

— Во всяком случае, чтение Марцелина, Арриана, Диодора, Полибия, Вегеция и Прокопия ничего не дает. В нашем распоряжении нет ни одного рисунка, сделанного в античное время. Псевдобаллисты Юста Липсия и Андрея Палладиона — это выдумки на бумаге, совершенно нереализуемые на практике.

— Но что мне делать с моей диссертацией?

— Хотите анекдот, который поможет вам понять истинное положение дела?

— Слушаю.

— Речь идет о взятии Сегиды, ключевого пункта по дороге на Нуманцию. Вы помните, конечно, что этот город был захвачен консулом Нобилиором в 153 году. Но вам вряд ли известно, что причиной поражения горожан явилась именно баллиста.

— Да?

— Да, консул Нобилиор, любивший эффектные зрелища, задумал начать штурм стен грандиозным выстрелом из катапульты.

— Простите, но вы говорили о баллисте.

— А можете ли вы и ваш знаменитый Бернс различить баллисту и катапульту? Фундибулу, дориболу и палионтону? Не установлено даже правильного написания названий древних машин. Одна и та же метательная конструкция

называлась и петробола, и литобола, и педрера, и петрария. А такие названия, как онагр, монанкона, полибола, акробаллиста, киробаллиста, токсобаллиста и невробаллиста, можно применять относительно каждой машины, действовавшей по принципу натягивания тетивы, накручивания каната на вал или использования противовесов. Поскольку почти все эти устройства, начиная с IV века до нашей эры, были передвижными, то к ним подошло бы общее название карробаллисты. От слова «карре» — повозка. Секрет действия всех этих игуанодонов войны утерян. Никто не знает, как увеличивали древние твердость древесины, как приготавливали тетивы из ивовых прутьев, конского волоса и кишок, как функционировала система противовесов.

— По-моему, вы отвлеклись от темы вашего анекдота. Что случилось после выстрела баллисты Нобилиора?

— Она так и не выстрелила. Жители Сегиды сдались в тот момент, когда баллиста с отведенными назад рычагами, до отказа натянутыми тетивами, с противовесами, трещавшими под тяжестью грузов, уже готова была метнуть гранитный блок. Но осажденные дали сигнал со стен, выслали парламентеров и начали переговоры. Им сохранили жизнь с условием, что они покинут город, дабы Нобилиор смог сжечь его дотла.

— А баллиста?

— Она вскоре разрушилась. В то время как жители Сегиды подписывали капитуляцию, тетивы лопнули, треснули деревянные дуги, окованная железом лапа, которая должна была метнуть огромный снаряд, упала на землю, выпустив гранитный блок из своего захвата.

— Как же это так?

— Разве вы не знаете, что катапульта, которая не выстрелила, разрушается? Если профессор Бернс не сообщил вам это, то позволю себе весьма усомниться в его компетентности.

— Нобилиор извлек огромную для себя пользу из взятия Сегиды. На монетах, которые он отчеканил, виден с одной стороны его профиль, а с другой — изображение баллисты.

Эти монеты пользовались большим успехом в Риме. Но еще больший успех выпал на долю баллисты. Мастерские империи не могли даже справиться с заказами полководцев, которым требовались теперь дюжины баллист и притом очень крупных.

— Почему же существует такой разнобой в названиях, если речь идет всегда об одной и той же конструкции?

— Может, это объясняется разницей в размерах, а может, типом снарядов, которые имелись у артиллеристов под рукой. Видите ли, литоболы или петрарии служили для метания камней.

Полиболы тоже использовались для метания камней, но по нескольку штук сразу, залпами. Дориболы метали огромные дротики и пучки стрел. А невробаллисты заряжались, допустим, бочками с зажигательными смесями, вязанками горящего хвороста, трупами и огромными кулями с нечистотами, чтобы еще больше сгустить моровой воздух, которым дышали несчастные осажденные. Я слышал даже об одной баллисте, которая метала соек.

— Соек?

— Если разрешите, расскажу еще один анекдот.

— Ну рассказывайте — и пойдем отсюда.

— Одно артиллерийское подразделение бросило ночью самую большую баллисту. На следующее утро жители Буреса оказались лицом к лицу с этим страшилищем, которое выросло словно из-под земли. Они ничего не слыхали о катапультах, но инстинктивно почувствовали опасность. Заперлись на все крючки в своих лачугах и не выходили из них трое суток. Поскольку это не могло продолжаться бесконечно, то они бросили жребий, чтобы решить, кому надлежит пойти на следующий день к катапульте с целью исследования этого загадочного для них предмета. Жребий пал на робкого и несообразительного юношу, который сразу же решил, что судьба обрекла его на смерть. Жители провели ночь, напутствуя и ободряя его, но парень дрожал от страха. В то зимнее утро, перед восходом солнца, баллиста, должно быть, имела мрачное сходство с виселицей.

— Юноша остался жив?

— Нет. Упал мертвым около баллисты под ударами клювов соек, которые ночевали на военной машине и, разозленные столь ранним его появлением, напали на него...

— Ну и ну! Баллиста, которая не дает ни одного выстрела, но тем не менее вызывает сдачу города Сегиды на милость победителя. Другая баллиста, которая убивает пастушка при помощи стаи птиц. И об этом я должен буду рассказывать в Миннесоте!

— Нет, вы скажете, что катапульты использовались в войне нервов.

— Но встретят ли это с пониманием слушатели?

— Будьте настойчивым. Говорите о значительной концентрации баллист в войсках. Щедро сыпьте цифрами, я укажу вам письменные источники. Можете сказать, например, что во времена Деметрия Полиоркета случилось даже, что у стен одного из городов было сосредоточено восемьсот военных машин... Римские войска, неспособные к модернизации, допускали колоссальные опоздания к месту военных действий, поскольку приходилось затрачивать массу усилий на перемещение военной техники, которую они тащили с собой.

— Но встретят ли это с пониманием слушатели?

— Вы должны закончить утверждением, что баллиста служила психологическим оружием, символом силы, убедительнейшей метафорой.

В этот момент гид заметил на земле булыжник, который показался ему вполне подходящим для того, чтобы поставить последнюю точку в своей лекции. Это был базальтовый камень, большой и округлый, весящий каких-нибудь двадцать килограммов.

— Вам неслыханно повезло. Это ценный снаряд из римской эпохи, выстреленный, без сомнения, одной из тех машин, которые так интересуют вас. Небольшой — они-то стреляли.

Американец принял подарок с несколько недоуменной миной на лице.

— Но... вы в этом уверены?

— Вполне. Возьмите этот камень в Миннесоту и поместите его на кафедру во время вашего доклада. Это произведет большое впечатление на аудиторию.

— Вы полагаете?

— Я сам предоставлю вам всю необходимую документацию, дабы власти позволили вывезти камень из Испании.

— Но уверены ли вы, что он является римским метательным снарядом?

Голос гида принял раздраженный оттенок:

— Я настолько уверен в этом, что, если бы вы, вместо того чтобы приехать теперь, поспешили со своей поездкой в Нуманцию на каких-нибудь две тысячи лет раньше, то камень этот, пущенный одним из артиллеристов Сципиона, разбил бы вам голову.

Услышав столь убедительный ответ, американец с чувством прижал камень к груди. Высвободив на короткое время одну руку, он провел тыльной стороной ладони по лбу, как бы желая изгнать из головы раз и навсегда призрак римской баллистики.

Михаил Пухов, фантаст, а по образованию физик (счастливое сочетание!), родился в 1944 году, первый фантастический рассказ опубликовал в 1968 году, в 1977 году выпустил первый авторский сборник. Большинство его произведений переведено на языки народов СССР и социалистических стран. Мы помещаем здесь два рассказа из книги «Звездные дожди», над которой М. Пухов сейчас работает.

ОКНО В ФУТУРОЗОЙ

МИХАИЛ ПУХОВ

Посветив фонарем, Климов нашел звонок. Никакой реакции. Он надавил кнопку снова и прижался шлемом к гладкой поверхности купола. Ничего не слышно. Заледеневший за ночь металл холодил даже сквозь мех скафандра. Спят они там? Безобразие.

Климов опять нажал кнопку и не отпускал ее по крайней мере минуту, когда вдруг дверь тамбура сдвинулась, и в хлопьях воздуха на пороге появился человек. Несколько секунд он стоял неподвижно, задрав застекленное лицо к небу. Небо было и впрямь замечательное, усыпанное звездами сплошь.

— Красота-то какая! — сказал человек с чувством, и стало ясно, что это действительно Николаенко. — Но вам, Женя, этого не понять. Вы человек черствый, и поэзия вам недоступна.

— Доброе утро, Саша, — сказал Климов. — Нужно думать, ты звезды видишь впервые.

— Точно! — обрадовался Николаенко. — Ведь они когда? Ночью, Женя. А ночью я сплю. Не надо ругаться, Женя. Разве мы куда-то торопимся?

Они не прошли и десятка шагов, когда над невидимой головой Сфинкса возникла звезда ярче других. Она разгорелась, увеличилась, стала краем слепящего диска.

Потом Солнце оторвалось от головы Сфинкса. Как всегда на экваторе, восход продолжался минуту.

Миллион лет назад рассвет на Марсе выглядел по-иному. Но флюктуация солнечной активности привела к снижению температуры; облака исчезли, атмосфера частью вымерзла, частью рассеялась. В результате здешние зори рекордны по краткости. Марс почти лишен атмосферы и быстро вращается.

Одна флюктуация — и такие последствия. Поверить трудно. Или правы те, кто связывает исчезновение атмосферы с деятельностью вымерших марсиан?

К сожалению, следов марсиан нет. Их нельзя считать даже гипотезой, но когда смотришь на Сфинкс, не верится, что это работа ветров. И по-другому относишься к рассказам Вильгельма Штоффа — единственного пока человека, побывавшего внутри Сфинкса.

— Приффет, коммунисты!

Штофф собственной персоной стоял на боевом посту, в скафандре и с микрокомпьютером в руках у фундамента будущей Станции и что-то высчитывал.

— Привет капиталистам!

Штофф опять оторвал глаза от компьютера, посмотрел недоверчиво. На шлеме блеснуло солнце.

— Какой теперь капитализм? Фот раньше... Куда тфижетесь?

— У нас выходной, — пояснил Климов. — Идем к Сфинксу, в пещеры. Проверять ваши данные, Вильгельм Карлович.

— Проферяйт, — презрительно повторил Штофф. — При капитализм фы бы у меня поплясайт. Ф-фыходной...

Штофф опустил глаза. Разговор окончен, можно двигаться дальше.

— Ф-фанатик, — сказал Климов. — Неужели он все придумал?

— Вряд ли. Немцы врать не умеют. Тем более западные.

Два года назад, когда выбирали место для строительства, кто-то предложил устроить поселок в пещерах внутри Сфинкса. Потом от идеи отказались, но Штофф по частной инициативе совершил вылазку. Вернулся он с подробным планом лабиринта и рассказал удивительные вещи. Коридор, поднимающийся в голову Сфинкса, завершался просторным гротом, отгороженным от внешнего пространства гладкой стеной. Стеной не простой. Вначале сквозь нее ясно различалась равнина. Но она не была унылым каменным заповедником, как сейчас. Она была как миллион лет назад, когда Марс не потерял атмосферу. Над равниной синело небо, белели облака, сама она зеленела деревьями, над лесами и парками возвышались прекрасные здания, а в воздухе носилось множество марсиан. Это длилось несколько секунд, потом стена стала матовой, едва пропускающей свет. Штофф, естественно, предположил, что стена — это не просто стена, а искусственное сооружение, своеобразный хроновизор, созданный древними марсианами, чтобы хоть изредка заглядывать в

прошлое. Некоторое время он ждал, но явление не повторилось. Тогда он повернул назад. Его рассказ выслушали недоверчиво. Через неделю с Земли прилетел архитектор Минский с проектом купольного поселка, очень дешевым, и о пещерах забыли. Начались будни, и даже сам Штофф ни разу не удосужился подняться пещерами к голове Сфинкса.

— Странный человек, — сказал Климов. — Специалист прекрасный, но... Вот раньше, вот прежде, вот до... Всегда одна песня.

— Естественно, Женя. Общественное сознание развивается. Мир не стоит на месте. Когда-то человек, совершая поступок, спрашивал себя: что сказали бы предки? Потом: что говорят современники? Наконец: что скажут потомки? Штофф — представитель прошлого, их надо прощать.

Они миновали границу участка. Впереди лежали ночь и холод, тень Сфинкса. Скала выглядела зловеще: черный силуэт, окаймленный светящейся линией.

Почему скалу назвали «Сфинкс»? Откуда на Марсе лев с человеческой головой? Вероятно, ветры, ваявшие статую, учились у фараонов. Если Сфинкса строила Природа, она подражала Разуму. Если Разум — он советовался с Природой.

Солнце впереди поднималось, но люди шли быстро, и голова Сфинкса нагоняла Солнце.

— Жалко мне Марс, Женя, — сказал Николаенко. — Ну, построим мы Станцию, дадим терроформистам энергию. Они восстановят атмосферу. Сюда ринется поселенец. Последнюю пустыню загадит. Разве не жалко?..

Вокруг воцарилась ночь. Сразу запылали фары на шлемах скафандров. Наконец их лучи уперлись в отвесное подножие Сфинкса. Его голова нависала на высоте километра. Они двинулись в обход каменного постамента.

У входа в пещеру остановились. С пригорка поселок строителей казался стадом больших черепах. Сплошные купола — защита от метеоритов и низких давлений.

За поселком, на горизонте, тянулась гряда. Характерный рисунок — крепостная стена, украшенная башнями. Из-за стены выползла яркая звезда и начала восхождение по черному небу.

— Фобос? — сказал Климов.

— Скорее ТФС.

Климов кивнул. Да, это станция терроформистов. Главная марсианская база — на Фобосе. Но терроформисты, повторяя опыт Венеры, привели сюда собственную станцию, ТФС. Они одинаковы: и у Марса, и возле Венеры. Недалек час, когда такие же станции появятся в окрестностях близких звезд, чтобы подготовить для колонистов тамошние планеты. Терроформисты считают Марс и Венеру научным экспериментом, подготовкой к настоящей работе. Правда, после этого опыта земляне получат сразу две планеты, пригодные для человеческой жизни. Если бы и другие науки давали такой же выход!..

Они вступили в пещеру.

* * *

— Тут развилка. — Лучи фонарей освещали каменный грот. В стенах темнели проходы. Один вел влево, другой почти прямо.

Сверившись с планом, они свернули в левый коридор.

Жутко было идти в темноте по неровному полу. Туннель постепенно сужался. Кроме дыхания — собственного и Николаенко, — Климов слышал в наушниках какие-то шорохи.

— Откуда шуршит, Женя?

— Эхо, Саша. Остановись.

Они замерли. Но что-то шелестело еще минуту, потом затихло, и стал различим новый звук — журчание невидимого ручья.

— Откуда вода, Женя?

— Не знаю. Ничего не знаю.

Подземный Марс. Здесь все по-другому. Неспроста думали построить поселок здесь. Поэтому и Штофф сюда ходил, не из любопытства...

Дальше.

Опять извилистые туннели, мертвая красота под лучами. Громадные сталактиты: о них Штофф тоже докладывал. Но начались будни, стало не до красот.

И шорохи, шуршание в нишах. Что-то бегает там. Страшно, хоть и нет жизни на Марсе. Но ведь когда-то была. А теперь? Где-то нет, а здесь, в пещере?..

Дальше.

Шорохи усиливаются. Жуткие шорохи. Из всех ниш, из всех нор, из всех ответвлений и тупичков. Кто-то шепчется в нишах, решая судьбу пришельцев. Тени минувшего?

И вода будто льется. Откуда вода? Нет на Марсе воды. Но ведь раньше была? Теперь нет — на поверхности. А здесь, в пещерах?..

Дальше.

Вновь темнота, уступающая лучам фонарей, яркая игра стен, шорохи, плеск невидимой влаги. И вдруг:

— Выруби свет, Женя.

Климов остановился. Черно — кажется, выколи глаз, ничего не изменится. Нет, не сплошная тьма. Впереди свет — совсем слабый.

— Скоро конец, Женя.

Они шли последний переход. Поднимались с выключенными фонарями по наклонному коридору. Чары пещеры угасли, исчезла игра блистающих стен. Кристаллы будто пропали, но свет победил, и они вышли в светлый каменный зал.

Он был просторен. Позади в ровной стене зиял туннель, из которого они появились. Перед ними в такой же стене было другое отверстие, гораздо больше: дыра, заливавшая грот светом.

За прозрачной стеной было синее небо с клочьями облаков. Внизу на сотни километров простиралась равнина, поросшая лесом, и редко среди деревьев возвышались строения. Одно колоссальное, что-то напоминавшее. Белый куб без окон, окруженный сиянием.

Пейзаж был марсианский. Солнце обычного здешнего размера, и силуэт гор на горизонте тот самый, из-за которого недавно выплыла звезда терроформистов. Пейзаж был живой: облака ползли, а среди деревьев и зданий вились крылатые фигурки.

Живой марсианский пейзаж, отражавший другую эпоху.

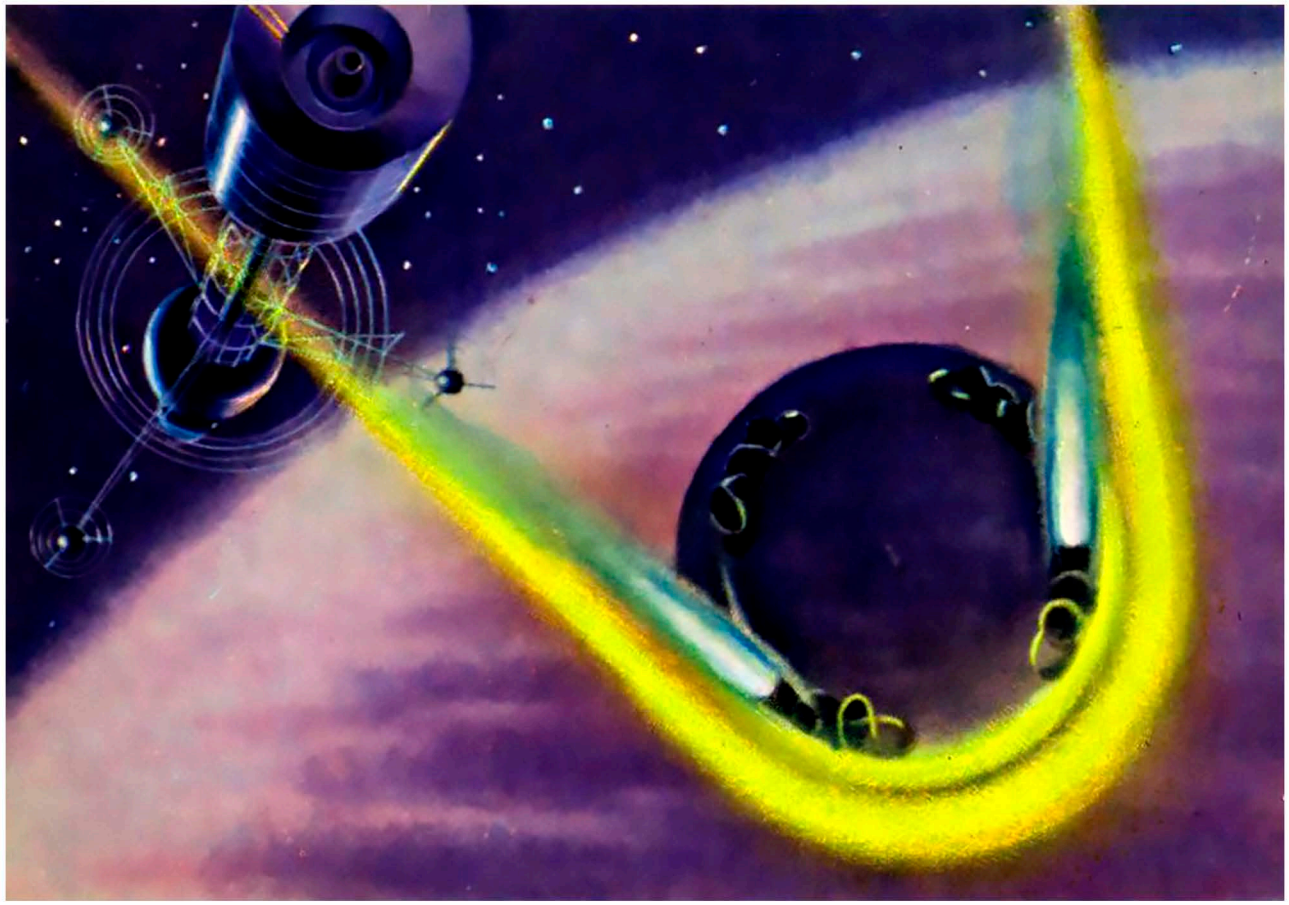
Люди смотрели: Штофф не солгал, у него не было галлюцинаций. Они смотрели на панораму: вдруг одна крылатая точка ринулась прямо к ним. Она приблизилась быстро: они увидели длинные серебряные крылья и глаза, совсем человеческие. Но уже на гладкой стене появилась сеть чужеродных пятен, потом цвет пропал, изображение стало тускнеть, как в телевизоре, когда падает напряжение. Через секунду перед ними осталась лишь поверхность каменного экрана, равномерно светившегося. Но метаморфозы не кончились: по камню вновь побежали пятна, изображение восстановилось, но небо теперь было черное, равнину покрывали купола поселка, слева угадывался фундамент Станции, а из-за горизонта вставала звезда — то ли Фобос, то ли ТФС. Просто прозрачная стена, и за ней настоящее.

— Ты понял?..

Климов кивнул. Сияющий куб с предыдущего изображения был неотличим от макета, виденного не раз.

На просмотренном куске далекой эпохи была Станция, заложенная сейчас. Они видели не прошлое Марса; за стеной было будущее после конца работ. И сделали эту стену, естественно, не марсиане.

Вы ошиблись, Штофф. Окно в минувшее — вот что вы увидели здесь. Подвела интуиция, ориентированная в обратную сторону. Если привык оглядываться, станешь видеть прошлое всюду. Даже в будущем, которое строишь сам.



Спасение жизни

— Погодите, не делайте этого! — донеслось откуда-то сверху.

Юрий Воронцов отнял указательный палец правой руки от кнопки на левом плече скафандра и поднял глаза к ядовито-синему небу. К нему опускалось белое облачко, туманная оболочка, кокон, в котором кто-то сидел.

Кокон приземлился и стал невидим, как бы растворясь в ядовитом воздухе. Его пассажир, оставшись без прикрытия, сразу направился к Юрию Воронцову. От человека он почти не отличался, лишь иллюминатор скафандра походил скорее на телеэкран с изображением человеческого лица. Впечатление усугублялось тем, что черты иногда начинали дрожать и смещаться, как в телевизоре, когда сбивается настройка.

— Служба охраны жизни, — представился человек-инопланетец (языковой барьер для него, как видно, не существовал). — Мы занимаемся спасением жизни от несчастных случаев.

Помощь подоспела, что называется, вовремя. Посадить корабль, правда, Юрию Воронцову удалось, но поднять его в космос теперь не смог бы никто. Изувеченный звездолет возвышался на фоне безрадостного ландшафта: ядовито-белые облака, ядовито-желтое солнце и плесень на скалах, довершавшая однообразие пейзажа. Больше здесь не было ничего, если не считать смертоносных бактерий, которые нес в себе отравленный цианидами ветер.

Положение было вполне безнадежным. Кнопка на левом плече, которую Юрий Воронцов собирался нажать, управляла забралом шлема. Надави он кнопку, ядовитый ветер и полчища смертоносных микробов тут же ворвались бы в скафандр, неся с собой мгновенную смерть. Сделать так следовало, ибо ждать помощи было неоткуда. Но она почему-то пришла.

— От несчастных случаев, — повторил инопланетец и задрал голову. Проследив за его взглядом, Юрий Воронцов обнаружил, что еще одно облако остановило свой бег и теперь снижается как аэростат, повинуясь незаметной команде инопланетца.

— У вас хорошая специальность, — сказал Юрий Воронцов, чувствуя, как возвращается настроение. — Мне просто повезло, что вы оказались поблизости.

— Повезло? Ошибаетесь. Мы контролируем всю Галактику. Наши посты есть во всех планетных системах.

— Неужели во всех?

— Без исключения.

— Странно, — сказал Юрий Воронцов. — Почему же я раньше ничего о вас не слышал? Ведь несчастные случаи происходят все время.

— Вы заблуждаетесь, — самоуверенно заявил инопланетец. — Мы работаем эффективно. На моей памяти ни с одной жизнью ничего не случилось. Я сам спас их больше десятка.

Нос инопланетца сдвинулся к уху, тут же, впрочем, вернувшись на старое место. Облако, похожее на аэростат, остановилось. Из его недр вынырнул объемистый красный куб и, в свою очередь, стал плавно спускаться, как бы держась на невидимом тросе. Он походил на жилой блок или на контейнер с тяжелым грузом.

Красный куб опускался прямо на Юрия Воронцова, так что ему пришлось вскочить и посторониться. Камень, на котором он только что сидел, захрустел и рассыпался в прах. Инопланетец ткнул контейнер кулаком, и тот беззвучно раскололся на две половины, обнажив аппарат непонятного назначения. Освободившаяся красная оболочка по сигналу инопланетца тут же взлетела, скрывшись внутри застывшего в поднебесье облака.

Оставшийся на земле аппарат представлял собой металлический цилиндр на массивной треноге. В одном из торцов цилиндра зияло отверстие диаметром с человеческий череп.

— Отлично, — удовлетворенно произнес инопланетец. Он прошелся вокруг аппарата, встал на колени, заглянул под треногу. Потом поднялся, брезгливо стряхнул со скафандра налипшую уже плесень и развернул металлический цилиндр отверстием на Юрия Воронцова. В глубине цилиндра прятался мрак. Затем инопланетец ухватился за незаметную ранее рукоятку и с натугой ее потянул, из-за чего она удлинилась, почти упершись в грудь Юрия Воронцова.

— Готово, — сказал инопланетец. — Самая надежная машина. Никогда не подводит.

— И что теперь будет? — полюбопытствовал Юрий Воронцов.

— Все будет в порядке Если вы нажмете рычаг, одно ваше желание осуществится.

— Любое желание? — усомнился Юрий Воронцов.

— Зачем же любое? Исполнится желание, владеющее вами в данный момент.

— Ну это все равно, — усмехнулся Юрий Воронцов. — Здорово!

Он загадал желание и положил ладонь на рычаг.

— Не торопитесь, — сказал инопланетец. Его лицо задрожало, глаза разъехались в разные стороны. — Сначала я должен удалиться на необходимое расстояние.

Юрий Воронцов снял руку с рычага и внимательнее посмотрел на инопланетную машину для исполнения желаний. Она напоминала какую-то музейную древность. Телескоп? Нет. Ракетный двигатель? Пожалуй. Но скорее что-то другое.

По знаку инопланетца рядом с ним возникла полупрозрачная оболочка летательного кокона. Инопланетец ступил внутрь. Летающий кокон лениво двинулся вверх.

— Эй! — крикнул Юрий Воронцов. — Погодите!..

Он вдруг понял, что загадочное устройство сильно смахивает на орудие, посредством которого в древности решали демографические проблемы.

Кокон вернулся на землю.

— Не получается? — заботливо спросил инопланетец. — Если вам трудно, я переставлю регулятор на меньшее усилие. Вот так. Но не торопитесь. Вы должны понимать, что наши желания не совсем совпадают.

Юрий Воронцов с нарастающим сомнением глядел на инопланетное демографическое орудие.

— Вы действительно уверены, что эта штуковина исполнит любое мое желание?..

— А вы действительно разумное существо? — поинтересовался инопланетец. — Ясно, что никто не в состоянии удовлетворить все желания всех обитателей нашей звездной системы. Сколько, по-вашему, в Галактике разумных существ?

Юрий Воронцов покачал головой; тут же ему показалось, что и демографическое орудие шевельнулось, отслеживая это движение.

— Не знаю.

— Очень много, — сообщил инопланетец. — Поэтому нас интересуют лишь желания, имеющие отношения к нашей работе. Мы их фиксируем и по мере сил выполняем. Например, недавно вы пришли к решению, угрожавшему жизни. Естественно, мы не могли не вмешаться.

— Какое решение вы имеете в виду?

Рот инопланетца расширился до ушей, в лице все смешалось, и лишь минуты через полторы оно вернулось к нормальному виду.

— Вы же разумное существо. Есть вещи, говорить о которых не принято. Но раз вы настаиваете... Несколько минут назад вы решили, извините за выражение, умереть. Ваше желание угрожало жизни...

— Понятно.

— ...поэтому я привез необходимое оборудование. Кстати, вам известно, сколько энергии стоит срочная доставка такого дезинтегратора?

— Так это... дезинтегратор?..

— Называют по-разному. Дезинтегратор, уничтожитель, убиватель... Кому как нравится.

— Значит, — сказал Юрий Воронцов, — если я нажму на рычаг, то...

— Ваше желание осуществится, — кивнул инопланетец.

— Но вы же собирались меня спасти!

— Вас? Мы? — Инопланетец задумался. Черты его лица извивались как змеи. — Вы что-то путаете. Во-первых, это противоречит вашим желаниям, а смерть, извините за непристойность, — это личное дело каждого. Во-вторых, существ, даже разумных, слишком много. Спасение умирающих — дело самих умирающих. Извините еще раз.

— И это — спасение от несчастных случаев?

— Естественно, — кивнул инопланетец. — Ведь мы охраняем жизнь. В Галактике много жизней. В каждом мире она своя, и ей всегда что-нибудь угрожает. Вот вам, извините, вздумалось умереть. Ваше право, но какой способ вы выбираете? Самый варварский — открыв шлем скафандра. Значит, полчища бактерий из-под вашего шлема вырвутся на свободу, и местной жизни будет нанесен непоправимый урон. Возможно, даже, что она погибнет совсем.

— Местная жизнь? — сказал Юрий Воронцов.

— Местная жизнь, — сказал инопланетец.

— Эта серая плесень? Или это... не плесень?

— Почему же? Плесень, бактерии, микроорганизмы. Вы что-то имеете против?

— Нет, — сказал Юрий Воронцов, — но как же так получается? Перед вами выбор. С одной стороны — разумное существо, человек, венец творения. С другой — какие-то микробы. Разве можно сравнивать?

— Нельзя, — согласился инопланетец. — Что человек? Гибель отдельных существ, в том числе разумных, предусмотрена эволюцией. Каждая самостоятельно возникшая жизнь бесценна, потому что невоспроизводима. Нет бедствия ужаснее, чем смерть живого в масштабах целой планеты. По-моему, это очевидно.

— И если я открою скафандр... Так вот в чем дело! — обрадовался Юрий Воронцов. — По-моему, я начинаю вас понимать.

— Одного понимания мало. Нужно еще и действовать. Но что вы делаете вместо того, чтобы воспользоваться дезинтегратором, который не только исполнит ваше желание, но и убьет, извините, всю нечисть, сидящую под колпаком вашего шлема? Что вы делаете? Затеваете бессмысленный разговор. Вам не кажется, что он затянулся?..

Инопланетец шагнул к своему кокону.

— Погодите! — крикнул Юрий Воронцов. — Я же не хочу умирать!

Туманная оболочка вокруг инопланетца сгустилась, потеряла прозрачность.

— Я хочу жить! — крикнул Юрий Воронцов. — Жить!!

— Живите, — отозвался инопланетец. — Это ваше законное право.

Кокон взлетел к облакам. Черное жерло дезинтегратора смотрело точно в лицо. Юрий Воронцов сделал шаг в сторону. Массивный ствол шевельнулся, держа его на прицеле, следя за каждым движением.

— На помощь!!! — отчаянно закричал Юрий Воронцов.

Минуту спустя инопланетец вновь стоял перед ним.

— Зачем кричать? Я же сказал вам — живите.

— Здесь? Но я...

— Где угодно. Например, если вы улетите к себе, мы будем очень признательны.

— Как же я улечу? — Юрий Воронцов показал на свой искалеченный звездолет.

Инопланетец повторил его жест.

— Вероятно, так же, как прилетели.

— Вы что, смеетесь? Он же совсем разбит. Управление, двигатель, даже обшивка.

— А почему вы не хотите его починить?

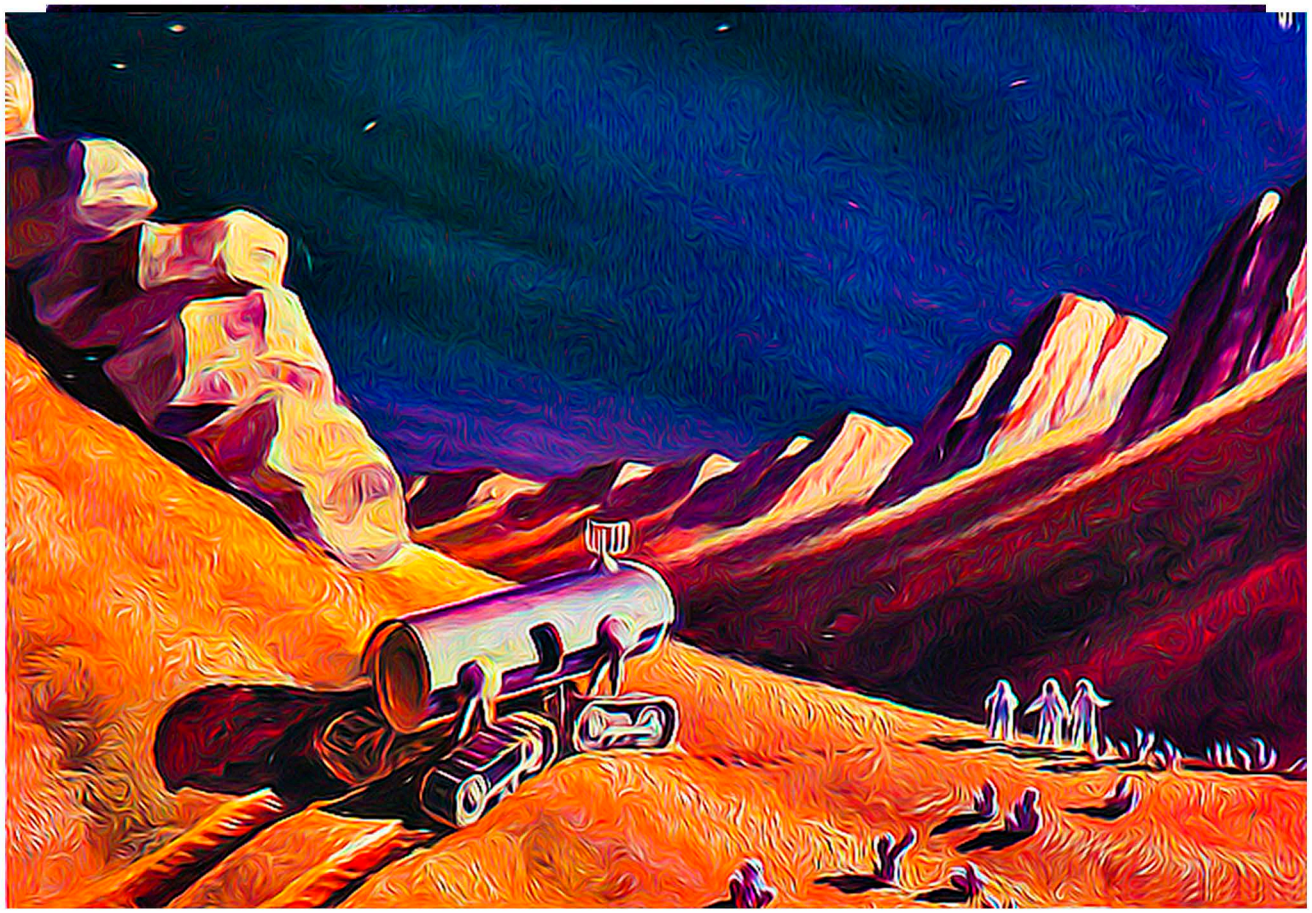
— Смеетесь? — повторил Юрий Воронцов. — Как же его починишь?

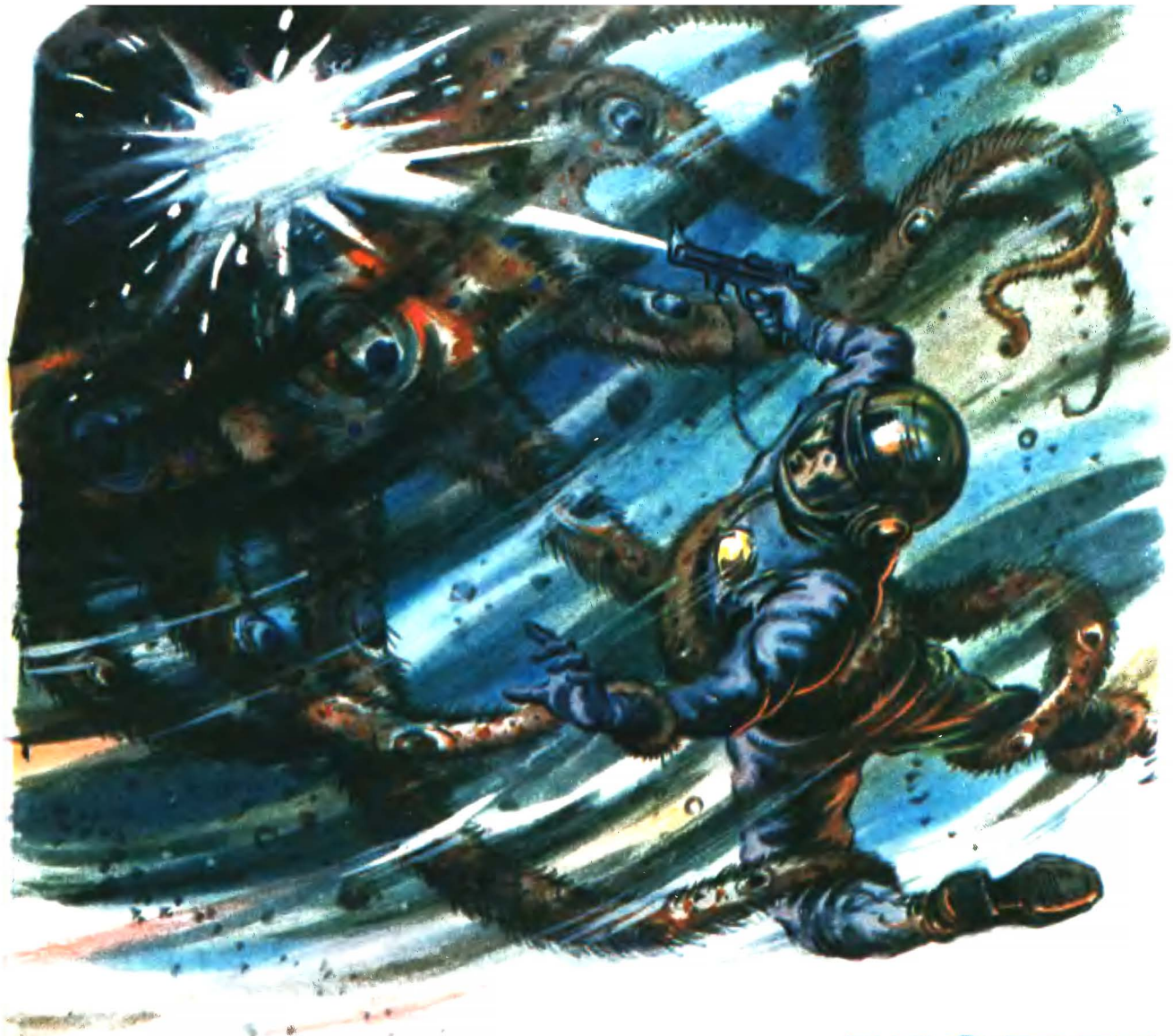
Глаза у инопланетца от этих слов полезли на лоб.

— Вы не можете отремонтировать свой корабль?? Пойдемте посмотрим.

Юрий Воронцов положил руку на стартовый рычаг. Инопланетец стоял вдалеке, среди скал, облокотясь на дезинтегратор. Все еще боялся, что землянин опять передумает.

Корабль дрогнул и тронулся вверх. В обзорных экранах Юрий Воронцов как бы впервые видел планету, куда его занесла судьба. Видел ее синее, быстро темнеющее сейчас небо, белые облака, вровень с которыми он поднимался, и дикие скалы, уходящие вниз. Нет, это он улетал, остальное оставалось на месте — и небо, и облака, и скалы. И плесень на скалах — древняя жизнь с еще не изведанным будущим.





МОРИС

ЛЕОНИД ГИРСОВ,

г. Томск

Леонид Гирсов родился в 1951 году в городе Томске. Работает монтажником, учится заочно в Томском политехническом институте.

Морис лежал в каменной трубе, куда привела его погоня за вурлагом — юркой зеленоватой ящерицей, обитающей на границе гор и джунглей. Вурлаг затаился в узкой глубине трещины, и Морис, просунув в щель щупальце, пошарил в темноте, осыпая мелкие камушки. Инфракрасным глазом, расположенным на присоске, он увидел комочки лишайника, прилепившиеся к мокрым камням, и капли слизи, оставленные ящерицей на острых выступах натечной коры. Вурлаг сидел на дне трещины, в глиняной ямке с водой. Ядовитые колючки на шее топорщились и потрескивали. По бокам при каждом вздохе пробегала волна радужного света. Морис легонько шлепнул ящерицу по носу кончиком щупальца. Вурлаг зашипел, раздувая шею, раскрывая пасть, усаженную острыми зубами. Кончик языка заметался по костяным пластинам, издавая угрожающий звук. Не дожидаясь нападения, Морис метнул щупальце между зубами ящерицы и, зажав присосками язык зверя, выволок добычу из щели. Парализованная болью ящерица почти не сопротивлялась и тут же очутилась в зоологическом контейнере. Наверху, в джунглях, уже стемнело, и Морис заночевал в пещере.

Утром, оттолкнув от входа наваленные накануне стволы, он пополз на поверхность. Его тело медленно струилось через каменное отверстие, щупальца цеплялись за уступы, помогая выбираться из каменного мешка. Серый свет, пробивавшийся сквозь устье пещеры, вырывал из тьмы коричневые, поросшие лишайником стены, преломлялся в каплях воды, высвечивал матово блестящие в темноте сталагнатовые колонны...

Выбравшись на площадку, Морис закрепил контейнер с ящерицей и включил автомаяк. Щупальца, как пальцы, забегали по клавиатуре. Присоски на концах щупалец утончились, вытянулись в тонкие отростки и с осторожностью прикасались к кнопкам и рычажкам, задавая приборам контейнера оптимальные давление, температуру и влажность.

Внешне Морис не походил ни на одного зверя Эльпинго. Но он, пожалуй, лучше всех был приспособлен к суровым здешним условиям.

У него не было клыков, как у многих зверей планеты, не было видно даже головы. Чувствительные участки кожи, выполняющие роль глаз, располагались спереди, по бокам, на спине и животе. Тело могло вытягиваться — тогда Морис, извиваясь, легко проползал через самые сплетенные заросли, — могло и группироваться в тугой комок мышц с мощными лапами. Щетинистая броня смягчала удары камней и надежно защищала от зубов и когтей крупных хищников.

Послав вызов на базу, Морис убрал в тело щупальца и, выбросив четыре мускулистые лапы, подошел к краю площадки. Далеко внизу темнели джунгли. Верхушки деревьев, переплетенные лианами, сливались в сплошной зеленый ковер, тянувшийся на 40 километров и обрывавшийся возле скал, где горы замыкали кольцо вокруг леса. Морис, зацепившись лапой за куст, раскачивался над пропастью, смотрел на лес и думал о новом задании: вчера вечером командир вызвал его по рации и попросил отловить парочку земноводных ящеров, живущих в полосе прибоя.

— Лишь тебе это по силам, старик, — сказал вчера командир. — Людям появляться в этих местах опасно.

Морис представил себе береговую полосу: огромные волны с бешенством вгрызаются в источенный прибоем гранит, перекатывают по дну многотонные валуны. Есть где поспорить со стихией.

— Это для настоящих мужчин, старина, — шепнул он себе. От избытка чувств размахнулся и ударил лапой по каменной глыбе, нависавшей над входом в пещеру. Ударил и едва успел отпрыгнуть. Глыба рухнула на площадку, где он только что стоял, смяла ее, осыпав Мориса каменными обломками, и всей многотонной массой рухнула вниз, увлекая за собой Мориса, сметая кусты и деревья, поднимая тучи пыли, срывая с места новые валуны. Мориса закружило, завертело. Вокруг падали тяжелые комья глины, трещали кусты, мелькали их корни. Темно-серая плоская плита с размаху ударила его по стене и, перевалившись через тело, покатилась дальше. Обвал разрастался, ширился, грохотал. Звуки, отражаясь от гор, эхом возвращались обратно. Казалось, окрестные скалы стонут, плачут на разные голоса, видя, как гибнут на склонах цветы и деревья. Опомнившись, Морис запрыгал среди катящихся по склону камней. Он парировал удары мелких осколков лапами, увертывался от крупных валунов, вспрыгивал на медленно ползущие плиты. Лавина неслась по склону, ломая стволы деревьев. Морис старался держаться на поверхности каменного потока. Он хохотал и что-то кричал в диком восторге, за грохотом обвала не слыша своего голоса. Лавина навалилась на край джунглей, смяла его и утихла, увязнув среди деревьев. Морис прыгнул на верхушку переплетенного лианами дерева. Ветви, согнувшись, смягчили удар, и он долго лежал, зацепившись лапами за сучки, прислушиваясь к эху, повторявшему грохот обвала, как громы земной грозы.

Джунгли, напуганные на минуту грохотом обрушившихся скал, снова наполнились звуками. Первыми затрещали, расправляя крылья, рыжие летающие жуки. Большой рогатый пикус осторожно высунул мордочку из листвы. Черные бусинки глаз с любопытством смотрели на Мориса. Пуговка носа смешно шевелилась, тонкие членистые усики за ушами, встопорщившись, стали похожи на острые рожки. Приняв свисающее с ветки щупальце за древесного червяка, пикус выбрался из укрытия, подполз по ветке поближе и попробовал ухватить извивающийся кончик острыми зубками. Нельзя было без смеха смотреть, как зверек, поднимаясь на задние лапки, тянется всем толстым, неповоротливым телом вверх, стараясь достать щупальце. Морис, играя со зверем, тряс щупальцем перед его мордой, теребил за уши, почесывал бока. Внизу в кустах тявкнуло шакаловидное существо и тут же, испуганно взвыв, бросилось бежать. Его испуганный визг еще не успел затихнуть в лесу, когда в покрытых зеленой накипью скалах, как новое эхо обвала, раздался рев сиргиса. Морис видел с высоты, как огромный серый зверь мечется среди деревьев, раздирая когтистыми лапами толстые стволы. Гул обрушившихся камней сиргис принял за голос соперника и бесновался, сотрясая ревом воздух.

— Реви, зверюга, реви, — прислушиваясь к джунглям, шептал весело Морис. — Хоть контейнер тебе пока не готов, мы скоро встретимся. У тебя сила, но я хитрее и знаю, где искать. Берегись, зверюга.

Небо над джунглями потемнело. Ветер, вырвавшись из ущелья, громадным языком проутюжил тропические деревья, обламывая верхушки и срывая листы. Затих на минуту, а потом дунул с гигантской силой, сдвигая камни, выдирая с корнями кусты, сметая верхний слой почвы. Воздух обрел густоту. Пыль, мелкие камушки, ветви деревьев, поднятые ураганом, понеслись в бешеном вихре, обрушиваясь на джунгли. Камни расщепляли ветви, срезали с деревьев листву. Свинцовая туча закрыла небо. Хлынул ливень. Вода лилась сплошной стеной, не разбиваясь на отдельные струи. Казалось, весь лес попал под водопад, низвергающийся с гигантской высоты.

При первом порыве ветра Морис обвил телом ствол дерева и сполз к его основанию. Крона, сплетенная лианами с другими деревьями, частично защищала от ударов каменного града. Дерево скрипело, раскачиваясь под напором ветра, и в такт этим колебаниям освобождались из болотной жижи его корни. Прибывающая вода с чавканьем врывалась в образующиеся пустоты и размягчала почву. Ветер все сильнее раскачивал деревья, вырывая их корни из земли, и вскоре весь лес всплыл на поверхность огромной природной чаши, огороженной обрывистым кольцом скал. Прильнув к стволу, Морис покачивался вместе с деревом и слушал шум падающей воды. Он знал, что опасности нет: джунгли служили надежной защитой многочисленным обитателям леса. Недаром здесь каждый сантиметр наполнен жизнью, тогда как за скалами тянется унылая пустыня. Но всегда, когда ураган врывался во впадину, Мориса охватывали гнетущие воспоминания. Он старался думать о том, что после урагана деревья несколько недель будут плавать, пока тропическое солнце не высушит всю влагу, что потом из икры выведутся огромные бородавчатые лягушки. Но перед мысленным взором возникли черная пелена, заглатывающая небо, и скалы, бешено несущиеся навстречу. Он слышал удар, слышал хруст своих ломающихся костей. Языки пламени сквозь разрывы скафандра лизали незащищенную кожу. Резкая боль снова пронзала тело, а вместе с нею в сознание вгрызался ровный гул дождя... Все было как три года назад, когда изуродованное тело Мориса только после урагана вытащили из-под обломков «стрекозы», и он несколько месяцев лежал в реанимационной камере, между жизнью и смертью. Потом он стал таким, как сейчас. Воображение в ураганные дни отчетливо воскрешало эти картины.

Морис понимал причины страха, сотрясающего каждый уголок сознания, и огромным напряжением воли заставлял себя оставаться на раскачивающемся дереве, вслушиваться в рев урагана и грохот камней. Ему хотелось броситься вниз.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ АНТАСТИКИ

нырнуть в болотную жижу, забиться на дно, в вязкую жирную грязь. Его мышцы непроизвольно напрягались и кора на стволе дерева под весом мощного тела трескалась, вдавливаясь в сырую древесину.

Ураган выдыхался. Ветер утих. Тучи, затянувшие небо, замедлили бег. Камни перестали падать. Прекратились чмокающие звуки ломающихся веток. Остался лишь гул дождя. Такой же, как три года назад, во время катастрофы, когда его прерывал только протяжный аварийный сигнал «стрекозы». Вот и сейчас, казалось, он наплывает откуда-то, заставляя сжиматься сердце. Морис попытался избавиться от звуковой галлюцинации, но сирена стала только отчетливей.

Звуки отражались от нависших скал, дробились, приходя к Морису с разных сторон, но он быстро определил направление. Сигнал бедствия доносился с другой стороны котловины. Там, в камнях, лежала разбившаяся «стрекоза», терпели бедствие люди. Самый короткий путь туда проходил сейчас под водой, и Морис, не раздумывая, скользнул по стволу вниз. Дерево раскачивалось. Корни, как чудовищные пиявки, шевелились в воде. Острые колючки скребнули по телу. Шарахнулись в сторону копошившиеся между корнями толстые членистые мокрицы. Челюсти их работали, жадно обгладывая корневые наросты. В глубине вода оставалась мутной, инфракрасное зрение почти не помогало ориентироваться в жидкой грязи. Тусклыми световыми пятнами из темноты выплывали, извиваясь, розовые пятиметровые черви. Разевая зубастые пасти, бросались наперерез. Морис, не останавливаясь, бил их щупальцами по хищным оскаленным мордам. Дождь на поверхности не утихал, его гул доносился даже на десятиметровую глубину. У самого дна Морис проплыл над колонией проснувшихся лягушек. Полосатые амфибии копошились в густой тине. Их перепончатые лапы светились в темноте зеленым призрачным светом. Зрительные фильтры, работая в инфракрасной части спектра, насыщали однотонное тепловое излучение разнообразными цветами, и от этого грязная вода казалась Морису красивой. Светились грунт, тина. Частички почвы, взвешенные в воде, сияя голубоватым светом, стремительно проносились мимо. Сиреневыми облаками подымалась со дна грязь, взбаламученная быстрым движением Мориса. Она закручивалась водяными смерчами и уходила к поверхности. Вскоре под водой стали попадаться каменные утесы. Дно круто пошло вверх, и Морис всплыл, скользнув между корнями. Сирена по-прежнему звучала впереди. Оказавшись на скалах, Морис вырастил лапы и огромными прыжками устремился вперед.

Стены ущелья, по которому бежал Морис, постепенно повышались. Бежать по руслу ручья вначале было удобно, но отвесные каменные стены подступали все ближе, русло становилось все уже, и встречный поток все стремительней несся по узкому желобу. Морис выпрыгивал высоко вверх, пролетая по воздуху несколько метров, на мгновение с головой погружался в воду, касался лапами дна и снова прыгал. В сознании возникла картина из детства: дождь в весеннем лесу, смоченная пыль лепешками прилипает к босым ногам, на дороге остаются бесформенные следы, крупные капли дождя пузырятся в лужах, и он, маленький мальчик, бежит по мокрой земле, а голубые брызги искрятся на зеленой траве, листьях, цветах...

Ущелье закончилось тупиком. По громоздящимся глыбам Морис поднялся наверх и оказался на плато, усыпанном огромными валунами. Камни покачивались. Со всех сторон неслись поскрипывание и глухой стук. Морис на секунду остановился, стараясь отыскать среди навалов разбившуюся «стрекозу», и тут же почувствовал неустойчивость почвы. Гигантская сила приподнимала валуны снизу, как бы пробуя многотонную тяжесть каменной громады, и опускала на место, нехотя уступая их весу. Дождь не ослабевал. Сплошная стена воды падала на скалы, заполняла все углубления. Сила дождя была так велика, что человек в скафандре не смог бы даже приподняться под ним. Но Морис почти не замечал лившейся воды. Струи дождя стекали по его покрытому щетинистой шерстью телу, а сам он с напряжением вслушивался во все усиливающийся каменный перестук. Как всегда в минуты смертельной опасности, память работала отчетливо. Морис знал это место, хотя оказался здесь первый раз. Маленькое плато, сжатое отвесными километровыми стенами, представляло собой одну из загадок Эльпинго. Громадный провал, возникший на ровном каменном плоскогорье, заинтересовал людей. Год назад сюда пришла экспедиция. Исследователи спустились в провал, разбили лагерь, установили приборы. Группа проработала неделю, когда наверху начался ураган. Люди спрятались в домиках. Прислушиваясь к реву ветра, они радовались, что удачно выбрали место. Запись, сделанная автоматами, сохранила смех, пробивающийся сквозь гул дождя. Когда зашевелились камни, люди попытались уйти с плато. Потоки воды сбивали с ног. Люди ползли по шевелящимся, гудящим камням, пока почва под ними не вздыбилась со страшным грохотом. Экспедиция погибла. Впоследствии загадочное явление исследовали автоматы. Дно провала оказалось источено ходами и туннелями. После дождя выходные отверстия ходов забивались песком, глиной, мелкими камнями и под палящим солнцем цементировались плотными пробками. Когда ураган приносил ливень, вода с плоскогорья устремлялась по туннелям вниз, заполняла все ходы, поднималась все выше и выше. Под ее страшным напором пробки из глины и камня трескались, размывались. Тонкие вначале струйки вырывались из трещин, образовавшихся на дне провала, ударяли в каменные глыбы, заставляли камни шевелиться и тереться друг о друга. Раздавался характерный перестук, походивший на удары бильярдных шаров. Пробки размывались все сильнее, перестук учащался, и вдруг в каком-то месте провала вырывался мощный фонтан воды, расшвыривая, как гальку, многотонные черные глыбы. За первым фонтаном взлетал еще один, и скоро весь провал начинал бурлить: вода со страшным грохотом подбрасывала огромные валуны.

Морис не раз любовался этой картиной с обрыва. Но сейчас вдруг ясно представил себе, как его тело беспомощно извивается в фонтанах воды, пытаясь найти опору среди взлетающих глыб, и содрогнулся. В груди образовалась пустота, холод беспомощности сдавил сердце. «Нельзя сейчас на плато», — шептал Морису голос благоразумия. И вдруг почти в центре провала Морис увидел сломанное крыло «стрекозы». Ноги, подчиняясь приказу еще не осознанной воли, бросили его прямо в гудящий каменный хаос. Мелкие валуны уже вибрировали: поверхность плато приобретала зыбкую призрачность. Почва под ногами у Мориса внезапно вздыбилась. Подброшенный страшной силой, он несколько раз перевернулся в воздухе, боком ударился о землю и, наполовину оглушенный, увидел позади высокий столб воды. Каменные глыбы каким-то чудом балансировали на верхушке фонтана, готовые в любую секунду обрушиться.

Сколько времени Морис добирался до «стрекозы», не смог бы сказать никто. Ему раздробило лапу камнем, он доскакал на трех, выключив анализатор боли, посылавший в мозг импульсы из поврежденной ноги. Человек беспомощно лежал среди обломков «стрекозы», придавленный к земле дождем. Несколько секунд Морис осматривал

скафандр. Из-под стекла шлема на него с ужасом смотрели глаза человека.

— Я — Морис, не бойтесь, я — Морис! — крикнул он, перекрывая грохот камней. Выпустив щупальца, аккуратно прижал к себе трепыхающееся тело и на трех ногах помчался к границе провала.

В ущелье, по которому пришел Морис, вода мчалась сплошным потоком, заполнив все русло. Подняться по отвесным скалам было невозможно, и Морис поплыл, бережно придерживая свою ношу. Течение несло их по узкому ущелью, бросая на поворотах в скользкие стены. Морис смягчал удары щупальцами, но старался держаться середины потока. Под водой он тщательно осмотрел скафандр человека. Внимательно следя, не расширятся ли от боли зрачки, несколько раз согнул и выпрямил его руки, а затем ноги. Суставы оказались целы. Человек не шевелился. Только глаза его внимательно осматривали все вокруг, да крылья прямого носа вздрагивали от сдержанного дыхания. Морис смотрел на красивое незнакомое лицо, спрашивая себя, откуда мог появиться незнакомец. Вероятно, прибыл звездолет с Земли. Морис отчетливо вспомнил Землю, какой он видел ее из космоса: голубой шар, с каждой минутой увеличивающийся. В груди у него защемило от острой тоски по всему земному. Но, подумав об этом, Морис увидел лица людей, с ужасом отшатывающихся при виде шевелящихся щупалец или собирающихся вокруг, чтобы поглядеть на диковинного зверя. Нет, лучше остаться на Эльпинго. Здесь он незаменим, без него охотники не отловят и десятой части животных, так нужных земным зверинцам. Морис постучал кончиком щупальца по стеклу скафандра. Жаль, что нельзя сейчас поговорить с человеком. Тот слабо шевельнулся, пытаясь освободить руки, и снова затих.

В конце ущелья поток выплескивался водопадом в котловину с плавающими деревьями. Морис развернулся, закрывая человека от удара о воду, и рухнул с тридцатиметровой высоты. Щадя человека, он не сразу изменил направление движения и глубоко зарылся в ил. Человек сильно забился, пытаясь вырваться, но Морис только крепче сжал щупальца; потеряйся человек в придонном иле, отыскать его будет трудно, не помогут ни инфракрасное зрение, ни локатор. На границе водоема сновали розовые черви, жадно набрасываясь на поднятую из ила лягушачью икру. Увидав Мориса, они закружились вокруг, пытаясь прокусить острыми зубами защитную оболочку. Регенерирующая жидкость из перебитой лапы еще сочилась в воду, и черви, чувствуя ее запах, не отставали. Морис бил щупальцами по их оскаленным мордам, по розовым бокам, вырывая присосками куски мяса вместе с розовой шкурой. Но черви не отступали. Запах собственной крови все больше будоражил розовых хищников. Они повисали на щупальцах, затрудняя движение, подбираясь к человеку все ближе и ближе. Морис подумал, что придется идти через джунгли. Он уже начал подниматься к поверхности, когда вдруг рядом с человеком вспух пузырь кипятка. Щупальце Мориса надломилось и, извиваясь, стало опускаться на дно. Его самого отшвырнуло в сторону, но он, предвидя атаку червей, бросился на зубастых хищников. Человек резко повернулся, из его руки, блеснув, ударил плазменный заряд. Морис оказался в пузыре пара. Его отбросило, перевернуло. Заряд плазмы пришелся в бок, а пар довершил остальное: Мориса разорвало почти пополам.

Человек почувствовал за спиной шевеление воды, обернулся и выстрелил. В стоящей вокруг мути он не видел даже собственной вытянутой руки и мог надеяться только на свои обострившиеся чувства. Секунду назад он удачно отстрелил щупальце державшего его чудовища. Все это время, пока оно волокло его по плато, а потом под водой, он пытался незаметно освободить руки, но только здесь, в мутном озере, осьминог ослабил бдительность.

Человек неподвижно висел в воде, ожидая нового нападения. Он напряженно вслушивался в тишину, стараясь по движению воды определить приближение чудовища. Внезапно вода внизу вскипела, кто-то сильно схватил его за ногу, он выстрелил, сзади на затылок обрушился удар. Человек ответил серией выстрелов. Струи кипятка и пара взбурлили воду вокруг, но чудовище не унималось. Иногда человеку удавалось заметить толстое розовое щупальце и выстрелить прямо в него, но чаще щупальца прорывались к скафандру и рвали его чем-то острым. Регенерирующий слой не успевал восстанавливать поврежденную поверхность, и воздух выходил в воду через разрезы. Одно щупальце обрушилось сверху на голову, и человек успел рассмотреть, что оно оканчивается зубастой пастью. Зубы скользнули по пластику шлема, оставляя глубокие борозды. Человек выстрелил и увидел разлетающиеся в разные стороны клочки розовой скользкой шкуры. В мутной воде преимущество было на стороне чудовища, и человек мог надеяться только на то, что выстрелы хотя бы ошпарят осьминога и отпугнут от такой опасной добычи. Но температура воды поднималась медленно: течение относило кипяток в сторону. Осьминог же разъярялся все больше. Вместо одного уничтоженного щупальца возникали из мути два новых. Они отсвечивали розоватым светом, разевая зубастые пасти. Они хватали человека за руки, повисали на ногах, рвали зубами за бока, и он с каждой минутой слабел. Скафандр, проколотый во многих местах, трещал. Вдруг налетевшее сбоку щупальце вырвало большой кусок защитного слоя. Вода ворвалась в скафандр. Человек успел закусить аварийный загубник, почув-

Рис. Юрия Макарова

ствовал боль в боку и потерял сознание.

Очнулся он в просторном помещении. Потолок и стены терялись в тумане. Пахло свежескошенной травой, цветами, где-то щебетали птицы. Бок и бедро почти не болели. Одежда лежала рядом с постелью. Человек оделся и, прихрамывая, вышел за дверь. Он оказался в центре стандартного космического поселка с искусственной атмосферой. Прозрачный купол был незаметен на фоне темно-синего неба. Казалось, домики стоят среди леса, в долине, окруженной зелеными скалами. Издалека чуть слышно доносился шум прибоя. Запах травы смешивался с неуловимым ароматом весеннего леса. Ветер шевелил листья, шуршал в траве, и человек не сразу услышал приближающиеся шаги. Двое в форме охотников несли носилки. Лежащий на носилках что-то сказал, и люди остановились. Лицо лежащего безобразил старый ожог. Из-под струпьев проглядывали пятна молодой кожи. По груди, прикрытой легкой рубашкой, шел глубокий шрам. Руки, испещренные пятнами ожогов, казались высохшими. Только глаза оставались живыми. Со страшной обугленной маски они, не моргая, смотрели на стоящего перед носилками. Тот, еще новичок на этой планете, смотрел на обезображенное лицо, на неподвижное высохшее тело и почему-то чувствовал себя виноватым. Охотники на него не смотрели. Потом один из них ответил на его молчаливый вопрос:

— Это Морис, он спас тебе жизнь.

Они понесли носилки дальше, к зеленым скалам. Ни один из них ни разу не обернулся. Это было так непохоже на обычное поведение обитателей космических поселений, радостно встречающих каждого нового человека, что новичок растерялся. Потом ему стало обидно, он резко повернулся и пошел назад.

«Вероятно, Морис из-за меня получил тяжелую травму. Вот почему они на меня не смотрят. Видимо, так», — думал он на ходу. Лишь очутившись возле командного пункта, он вспомнил, что по прибытии должен был первым делом встретиться с командиром.

«Он-то мне все расскажет», — подумал новичок и открыл дверь командирского домика.

Командир, стоя спиной к экрану, хмуро смотрел на него.

— Почему вы сели в «стрекозу», летящую на плато? Ураганы на плато не поддаются прогнозам. Полеты туда запрещены. Знаете, куда вы попали? Смотрите!

Командир нажал клавишу, и стены домика растворились в потоках дождя. Перед ними лежала каменная равнина. Вдруг она вздыбилась. Поднятые водяными фонтанами валуны проносились по воздуху, с грохотом обрушиваясь вниз. Голографический эффект был настолько силен, что новичок вскрикнул, увидав нависшую над головой глыбу величиной с дом. Когда стены домика вновь появились, он, полуоглохший, с трудом расслышал слова командира:

— Вот откуда вытащил вас Морис. И не открой вы дурацкой стрельбы... Кстати, откуда у вас оружие?

— Взял в «стрекозе», — ответил новичок. — Значит, я...

— Вы прострелили тело Мориса, разорвав его почти пополам, и лишь случайно не попали в перегрузочную капсулу, — устало сказал командир. — В этом случае он был бы уже мертв. Вы тоже.

— Значит, Морис...

— Три года назад Морис попал на «стрекозе» в ураган и потерпел аварию. Врачи спасли ему жизнь, но двигаться он больше не мог — паралич конечностей. Полгода он пролежал неподвижно. За эти полгода ученые создали новое тело, более подходящее к условиям Эльпинго, — со щупальцами, лапами, щетинистой броней. Восстановление этого тела займет два месяца.

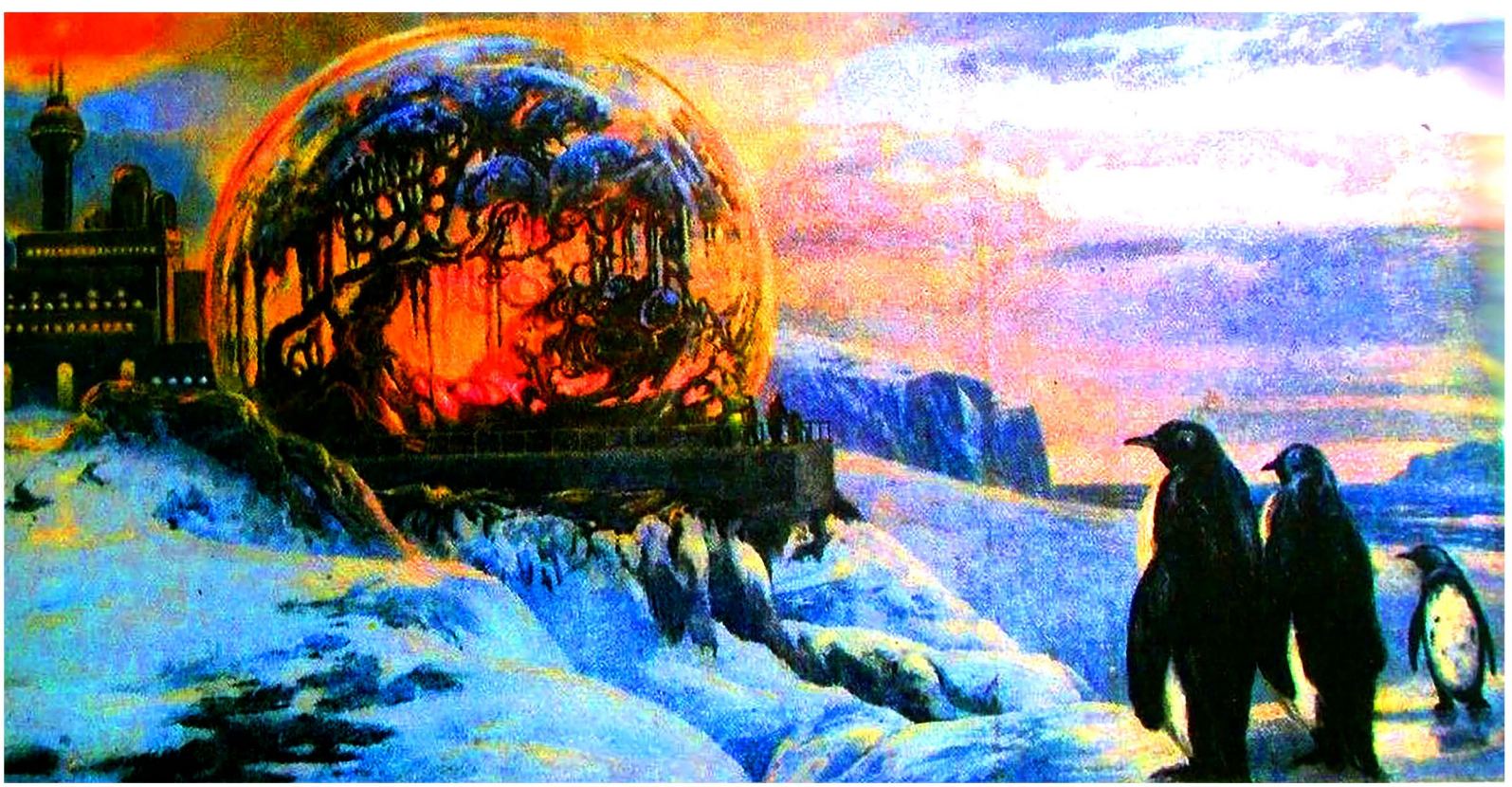
Командир помолчал немного.

— Пойдемте, Морис хотел видеть вас.

Они стояли у подножия зеленых скал, возле края прозрачного купола. Морис лежал на спине на небольшой платформе, смотрел через купол на зеленоватые глыбы скал, синий мох, местами покрывающий камень. Командир, угадывая его невысказанное желание, нажал кнопку. На платформу надвинулась прозрачная крышка. Воздух под крышкой задымился, сгущаясь до синеватого тумана. Воздушные струи мягко приподняли тело Мориса, затеребили края одежды. Командир включил информационный блок гипносна. Сказал устало:

— Эти два месяца Морис будет спать. В блок заложено все, что способен за это время узнать человек.

Они стояли у края купола и смотрели на неподвижное тело Мориса. Морис спал. Губы его улыбались. Он снова был в джунглях: валились под напором ветра деревья, летели камни, лил дождь.



Б.Травкин «Антарктическая станция по выращиванию инопланетных растений»